

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ III.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CCXLV. — 1/13 МАЯ, 1878.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЪ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1878

(867)

КРЕСТЬЯНЕ
ДВОРЦОВАГО ВѢДОМСТВА
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Историческій очеркъ.

Еще въ наше время существовала довольно значительная группа такъ-называемыхъ удѣльныхъ крестьянъ; ихъ считалось 861,740 душъ. Удѣльными они названы были при императорѣ Павлѣ вслѣдствіе того, что изъ нихъ назначались особые удѣлы во владѣніе членовъ императорской фамиліи. Но хотя свое новое названіе эти крестьяне получили недавно, они еще въ весьма отдаленныя времена нашей исторіи постоянно отличались какъ отъ государственныхъ, такъ и отъ помѣщичьихъ крестьянъ. Между тѣмъ, исторія этого разряда сельскаго населенія совершенно не разработана: въ нашей литературѣ не только нѣтъ ни одного изслѣдованія, которое могло бы познакомить насъ со всѣмъ ходомъ ихъ исторической жизни, но даже нѣтъ ни одного очерка, характеризующаго ихъ положеніе въ какую-нибудь отдѣльную эпоху.

Крестьяне, названные «удѣльными» при императорѣ Павлѣ, прежде назывались «дворцовыми». Дворцовыя села мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ; сохранились уставныя грамоты Василія III-го, Ивана Грознаго и Ѳедора Ивановича, содержащія любопытныя свѣдѣнія о правахъ, дарованныхъ нѣкоторымъ изъ этихъ крестьянъ, о денежныхъ сборахъ съ нихъ и т. п. Но печатные источники все-таки представляютъ весьма мало данныхъ о дворцовыхъ вот-

чинахъ въ до-петровскую эпоху, и потому мы ограничимъ свое изслѣдованіе только XVIII-мъ вѣкомъ, такъ-какъ для этого времени намъ удалось собрать не мало неизданныхъ матеріаловъ, рисующихъ положеніе этихъ крестьянъ. Мы должны, впрочемъ, предупредить читателя, что будемъ говорить не только о дворцовыхъ крестьянахъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но также и о тѣхъ отдѣлахъ сельскаго населенія, которые были близко съ ними связаны, почему мы и нашли возможнымъ разсматривать всѣхъ ихъ вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ крестьянъ дворцоваго вѣдомства. Мы разумѣемъ тутъ, кромѣ собственно дворцовыхъ, во-первыхъ, конюшенныхъ крестьянъ и служителей, хотя впослѣдствіи они и не вошли въ составъ удѣльныхъ имѣній; затѣмъ крестьянъ, принадлежавшихъ лично особамъ царской фамиліи (такъ-называемыхъ государевыхъ); крестьянъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи канцеляріи дворцовъ и садовъ; и, наконецъ, небольшую группу людей, все назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобъ доставлять ловчихъ птицъ для царской охоты, такъ-называемыхъ сокольихъ и кречатьихъ помытчиковъ. Всѣхъ этихъ крестьянъ числилось въ началѣ царствованія Екатерины II около 494,000 душъ.

I.

Дворцовые крестьяне. — Ихъ численность. — Денежные поборы и натуральныя повинности.

Дворцовые крестьяне были самою многочисленною изъ тѣхъ группъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ настоящемъ очеркѣ. Въ 1701 году въ вѣдѣніи приказа Большого Дворца находилось 74,684 двора; затѣмъ, по свѣдѣніямъ дворцовой канцеляріи, во время первой ревизіи ихъ было 323,001 д., по третьей — 390,050 душъ. Изъ дворцовыхъ вотчинъ производились нерѣдко пожалованія населенныхъ имѣній разнымъ лицамъ, и это, разумѣется, должно было уменьшать ихъ численность, но за то въ дворцовое вѣдомство нерѣдко приписывались конфискованныя имѣнія, и такимъ образомъ убыль вновь пополнялась.—Въ 1783 г. дворцовыхъ крестьянъ считалось уже 507,633 д. Такое быстрое увеличеніе ихъ числа въ теченіи двадцати лѣтъ объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи, бывшія королевскія имѣнія, тамъ находившіяся, были причислены къ дворцовымъ.

Какъ крѣпостные крестьяне были барщинными или оброчными, такъ и крестьяне дворцовые несли или только натураль-

ныя повинности, или однѣ денежныя, или, наконецъ, какъ это бывало и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, исполняя полевыя работы, въ то же время вносили нѣкоторые добавочные сборы деньгами или натурой. Но въ этомъ отношеніи положеніе дворцовыхъ крестьянъ не было одинаково въ теченія всего XVIII вѣка. Въ началѣ этого столѣтія въ дворцовыхъ вотчинахъ преобладали натуральныя повинности и сборы. Все, что нужно было для дворцоваго хозяйства, начиная отъ хлѣба и мяса и кончая вѣниками,—собиралось съ дворцовыхъ крестьянъ. Затѣмъ, различные мелкіе сборы были переложены на деньги, а въ 1732 году въ дворцовыхъ вотчинахъ вводится денежный оброкъ по 40 копѣекъ съ души, но такъ-какъ съ-разу прекратить всѣ обязательныя работы оказалось невозможнымъ, то за нихъ зачитали опредѣленное вознагражденіе. Дальнѣйшая исторія повинностей дворцовыхъ крестьянъ въ пользу дворцоваго вѣдомства состоитъ въ постепенномъ увеличеніи оброка и прекращеніи обязательныхъ работъ, такъ-что въ царствованіе Екатерины II всѣ дворцовые крестьяне были уже оброчными. Таковъ общій ходъ измѣненія ихъ положенія въ теченіи XVIII вѣка.

Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи находились они въ самомъ началѣ XVIII в., въ 1701 году. Въ селѣ Алексѣевскомъ, московскаго уѣзда, въ которомъ было 33 крестьянскихъ двора, крестьяне пахали десятинной пашни па государя, «вмѣсто денежныхъ доходовъ», 30 десятинъ; слѣдовательно, почти по десятинѣ на дворъ. Кромѣ этого, они не несли никакихъ другихъ повинностей въ пользу дворца; не такъ было въ селѣ Коломенскомъ, въ которомъ крестьянъ съ ихъ дѣтьми, свойственниками и захребетниками было 537 человѣкъ. Государевой десятинной пашни ежегодно они пахали 396 десятинъ во всѣхъ поляхъ, т.-е. менѣе десятины на человѣка; но за то съ нихъ собирались еще столовые запасы: 53 барана и 283 гуся да «новонакладные запасы»: 100 метелъ, 50 голиковъ, въ аптекарскій приказъ три четверика осоворыхъ шишекъ; свороборинного цвѣту (шиповника) по четверику съ выти [1]); къ цвѣтоносной недѣлѣ съ каждой выти по три воза вербы, «по три вѣтки кудрявыхъ»; на сытный дворецъ 7 вербъ большихъ, «къ собору къ дѣйству» 15 вербъ такихъ же. На кормъ скота крестьяне ставили 86 копенъ «укоснаго» сѣна, да на покупку конскихъ кормовъ платили въ 1701 году по 10 денегъ съ двора; кромѣ того, съ крестьянъ села Коломенскаго шло «денежныхъ доходовъ съ живущихъ вы-

[1]) Въ московскомъ уѣздѣ въ выти находилось среднимъ числомъ по 16 дворовъ.

тей и съ оброчныхъ угодій» 50 рублей. На коломенскихъ лугахъ было накошено крестьянами въ 1700 году 219 копенъ сѣна. Рыбаки, которыхъ было въ одной деревнѣ, приписанной къ сему Коломенскому, 10 дворовъ, доставляли довольно значительное количество рыбы, но за то они, вѣроятно, не пахали пашни и были избавлены отъ всѣхъ другихъ поборовъ.

Среднимъ числомъ въ дворцовыхъ вотчинахъ московскаго уѣзда крестьяне пахали пашни по полторы десятины на дворъ. Кромѣ того, они вносили различные сборы деньгами и натурой.

Рыбаки рыбной слободы Переяславля-Залѣсскаго (378 чел.) должны были на обиходъ великаго государя давать въ годъ 71,000 сельдей «или сколько понадобится».

Въ козловскомъ уѣздѣ было, между прочимъ, девять «бортныхъ» селъ, въ которыхъ, слѣдовательно, занимались пчеловодствомъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ среднемъ выводѣ по всей Россіи дворцовые крестьяне платили въ это время денежныхъ сборовъ въ пользу дворцоваго вѣдомства по 84 к. съ двора. Кромѣ того, съ нихъ взыскивались всевозможные поборы натурою. Они поставляли, во-первыхъ, столовые припасы: вино, медъ, свиное мясо, говядину, барановъ, гусей, утокъ и куръ живыхъ и колотыхъ, поросятъ, масло, сыръ, сметану, яйца, орѣхи, бруснику, всевозможную рыбу. Кромѣ того, они доставляли еще вербу, дрова, бочки, сани, гужи, оброти, возжи, лопаты, вѣники, метлы и т. п. Изъ вѣдомостей Приказа Большого Дворца извѣстно, въ какомъ количествѣ собирались съ крестьянъ всѣ эти предметы; чтобъ показать, какое огромное количество припасовъ ежегодно собиралось въ пользу дворцоваго вѣдомства, приведемъ нѣкоторыя цифры. Крестьяне, которыхъ, какъ мы уже знаемъ, было тогда болѣе 74,000 дворовъ, между прочимъ поставляли ежегодно: 12,802 ведра простого вина, 3,609 пудовъ меду сырцу, 1,927 пудовъ свиного мяса, 1,167 барановъ, 1,574 живыхъ гуся да 1,023 колотыхъ, 2,040 утятъ колотыхъ, 1,567 живыхъ и битыхъ куръ, 5,914 яицъ. Вслѣдствіе строгаго соблюденія постовъ рыбы требовалось огромное количество. Напр., однихъ живыхъ осетровъ—264, стерлядей—3,225, щукъ—3,780 и т. п. Дровъ крестьяне заготовляли 2,083 сажени, вѣниковъ—2,590 и т. п. Разумѣется, не всѣ эти припасы собирались съ крестьянъ каждой вотчины; сборъ ихъ распредѣлялся, смотря по мѣстнымъ условіямъ и занятіямъ жителей: рыбу ставили рыбныя слободы, медъ—бортныя села; остальные же припасы распредѣлялись между многими дворцовыми волостями.

Денежными сборами и поставкою различныхъ предметовъ на-

турою не ограничивались еще повинности дворцовыхъ крестьянъ; они исполняли, кромѣ того, не мало барщинныхъ работъ.

Ими обрабатывалось 20,688 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ; это составляетъ среднимъ числомъ по одной десятинѣ на три съ половиною двора. Такъ-какъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ не было десятинной пашни, а прямо взыскивался хлѣбъ, то такого «посошнаго» хлѣба собиралось въ годъ 13,920 четвертей.

На московскихъ и подмосковныхъ лугахъ было въ 1700 г. скошено крестьянами 4,021 копна сѣна, да еще собиралось съ крестьянъ «укоснаго» сѣна 4,387 копенъ. Кромѣ того, съ крестьянъ московскаго уѣзда и замосковныхъ волостей собиралось 6,413 возовъ соломы. Но такъ какъ всѣхъ этихъ припасовъ не хватало для корма дворцоваго скота, то собирался еще особый денежный сборъ, не опредѣленной величины, а «въ запросъ», т.-е. смотря по мѣрѣ надобности, и притомъ не только съ дворцовыхъ, но и съ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Такъ, напр., въ 1701 году велѣно было на «конскіе кормы» взять по десяти денегъ съ двора.

Съ теченіемъ времени сборы натурою, которые, какъ мы только-что видѣли, были весьма разнообразны, стали перекладывать на деньги. Барщинныя работы на пашнѣ и лугахъ оставались гораздо долѣе; но разные мелкіе сборы натурою были замѣнены денежными поборами въ теченіе царствованія Петра-Великаго. При этомъ на первый разъ не было установлено какого-нибудь равномѣрнаго денежнаго налога, а прямо каждый предметъ, поставлявшійся прежде натурою, былъ оцѣненъ на деньги, такъ-что размѣръ денежнаго сбора съ крестьянъ той или другой волости зависѣлъ отъ того, какъ велики были прежніе разнообразные поборы. Поэтому въ отчетныхъ вѣдомостяхъ дворцоваго вѣдомства и перечислялось, взамѣнъ какихъ предметовъ получена извѣстная сумма.

Такъ, напр., съ села Коломенскаго, въ которомъ по первой переписи было 1,024 души, до 1732 года ежегодно собиралось «за наметное полевое мясо рождественскаго мясоѣда, съ пустыхъ вытей за выдѣльный хлѣбъ и за сѣнные покосы, съ капустниковъ того-жъ села, съ пустошей, за гуси живые, за бараны, за метла, за голики, за вербу и за вѣтви, за троицкій листъ, вмѣсто неуказныхъ въ расходъ поборовъ и въ старостины харчи, на канцелярскій расходъ и приказчичій доходъ, на покупку конскихъ кормовъ, за укосное сѣно, за солому по 618 рублей ежегодно». Изъ натуральныхъ повинностей сохранилась десятинная пашня по 139 десятинъ въ каждомъ полѣ и, кромѣ

того, крестьяне давали для косьбы сѣна 41 косца и доставляли 34 сажени дровъ.

Сравнивая денежные поборы и повинности, которыя были наложены на коломенскихъ крестьянъ до 1732 г., съ тѣми, которые вносились и исполнялись ими въ 1701 году, мы замѣчаемъ, что въ теченіи первой четверти XVIII вѣка были введены нѣкоторые новые сборы натурою, которые потомъ вмѣстѣ съ другими были переведены на деньги. Такими новыми поборами оказываются, напр., «наметное полтевое мясо» въ рождественскій мясоѣдъ и «троицкій листъ» (вѣроятно, березки къ Троицѣ). Нужно, однако, замѣтить, что хотя населеніе села Коломенскаго возросло вдвое сравнительно съ 1701 годомъ, количество десятинной пашни, ими обработываемой, не увеличилось; только косцовъ они не ставили въ началѣ XVIII вѣка. Такимъ образомъ, въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, коломенскіе крестьяне вносили по 60 к. деньгами съ души, обработывали по двѣ десятины на пять человѣкъ, ставили нѣкоторое количество дровъ и по одному косцу съ 25 человѣкъ.

Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о сборахъ съ дворцовыхъ крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ; но чтобы не утомлять вниманіе читателей множествомъ цифръ, мы сообщимъ только общій выводъ относительно ихъ повинностей въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ XVIII в. Нужно прежде всего замѣтить, что положеніе крестьянъ въ старинныхъ дворцовыхъ вотчинахъ было лучше, чѣмъ во вновь присоединенныхъ отъ помѣщиковъ (напр., отписныхъ у Меншикова, Бестужева-Рюмина и др.). Такъ, напр., въ московской губ. денежные поборы въ послѣднихъ вотчинахъ были почти такіе же, какъ въ старинныхъ дворцовыхъ имѣніяхъ, но натуральныхъ повинностей было вчетверо болѣе. Денежные поборы собирались въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: среднимъ числомъ съ каждой души взималось въ смоленской губ. по 7 к., въ казанской—по 10, бѣлгородской —14, въ воронежской губ., въ тамбовскомъ у.—24; въ остальныхъ уѣздахъ—38, въ новгородской—36, нижегородской—42, архангельской—46, московской—51. Кромѣ того, въ тамбовскомъ у. собиралось еще съ крестьянъ нѣкоторое количество меду и пшеницы; въ казанской была десятинная пашня, въ нижегородской взыскивалось 4,810 четвертей хлѣба, а всего болѣе барщинныя работы и поборы натурою были развиты въ московской губ., гдѣ крестьяне пахали пашню, давали косцовъ, рубили дрова и ставили «посопный» хлѣбъ.

Такимъ образомъ, всего менѣе были обременены поборами

дворцовые крестьяне въ смоленской, казанской и бѣлгородской губерніяхъ; въ новгородской, нижегородской, архангельской и воронежской положеніе ихъ было тяжелѣе, и всего хуже въ московской губерніи. Слѣдовательно, сборы и повинности крестьянъ увеличивались по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ.

Итакъ, въ теченіи перваго тридцатилѣтія XVIII в. значительное количество прежнихъ сборовъ натурою было переведено на деньги, но сборы эти были весьма неодинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ; да, кромѣ того, сохранялись еще мѣстами натуральные сборы и повинности. Въ 1732 году правительство нашло нужнымъ ввести уравнительный налогъ на всѣхъ дворцовыхъ крестьянъ и взамѣнъ прежнихъ разнообразныхъ денежныхъ сборовъ, раскладывавшихся по дворамъ, велѣно было собирать со всѣхъ по 40 к. съ души. Но такъ какъ мѣстами дворцовое управленіе нашло нужнымъ оставить для крестьянъ обязательными десятинную пашню и нѣкоторыя другія издѣлія, то всѣ эти работы были оцѣнены и зачитались имъ въ уплату оброка. Обработка одной десятины была оцѣнена въ 40 коп.; за косца, работавшаго, очевидно, въ теченіи всего сѣнокоса, зачиталось 3 р., за сажень дровъ (кубическую?)—2 р., за хлѣбъ по 20 к. за четверть.

Вновь введенный оброкъ въ архангельской и новгородской губ. сбирали съ крестьянъ, какъ и прежде, исключительно деньгами, не требуя отъ нихъ никакихъ работъ и поборовъ натурою; въ бѣлгородской губ. также, и только въ нѣкоторые годы съ трубчевскихъ крестьянъ брали на дворцовый расходъ тысячъ по шести ведеръ вина съ зачетомъ за каждое ведро по 40 к. Въ казанской, нижегородской и московской губ. весьма значительная часть оброка вносилась деньгами (въ нижегородской около 93, въ московской около 90%), а въ зачетъ остальнаго казанскіе крестьяне пахали нѣкоторое количество пашни, нижегородскіе давали хлѣбъ и ставили косцовъ, московскіе по прежнему пахали пашню, давали косцовъ, рубили дрова и ставили хлѣбъ. Въ смоленской губ. прежде были только денежные сборы, но какъ въ ней, такъ и въ тамбовскомъ уѣздѣ воронежской губ. равномѣрный четырехгривенный оброкъ былъ введенъ только въ 40-хъ годахъ. Въ воронежской губ. онъ вносился чаще деньгами, за исключеніемъ тамбовскаго уѣзда, гдѣ въ то время были самыя значительныя дворцовыя запашки, занимавшія нѣсколько тысячъ десятинъ. Любопытно, что хлѣба, получаемаго съ десятинной пашни, иногда некуда было дѣвать; поэтому въ казанской губ. его раздавали крестьянамъ съ уплатою по петербургскимъ цѣнамъ.

Итакъ, въ бо́льшей части Россіи уже съ 1732 года четырехгривенный сборъ вносился гораздо чаще деньгами, чѣмъ отработывался барщиною.

Со временемъ, четырехгривеннаго оброка оказалось недостаточнымъ для покрытія расходовъ по дворцовому вѣдомству, и потому дворцовая канцелярія приказала съ 1750 года увеличить денежный сборъ; увеличеніе это, впрочемъ, было сдѣлано въ различныхъ волостяхъ неравномѣрно. Въ 1750 году было прибавлено въ различныхъ губерніяхъ отъ 5 до 15 копѣекъ на душу, а въ 1753 году отъ 15 до 40 коп. На этомъ повышеніе не остановилось; но дворцовая канцелярія нашла неудобнымъ, что прибавочная подать была неодинакова не только въ различныхъ губерніяхъ, но даже и въ различныхъ волостяхъ одной и той же губерніи, и потому въ 1754 и 1755 годахъ былъ повсемѣстно введенъ рублевый оброкъ. При этомъ натуральныя повинности не были повсюду отмѣнены; мѣстами крестьяне обязаны были по прежнему пахать извѣстное количество десятинъ, косить сѣно и т. под., а имъ зачиталась эта работа въ уплату оброка по прежней оцѣнкѣ. Когда въ 1758 г. обязательная обработка земли въ тамбовскихъ волостяхъ была отмѣнена, то крестьянскій оброкъ велѣно было увеличить на 30 коп. Изъ этого уже видно, что плата, назначенная за обработку каждой десятины (по 40 копѣекъ), была крайне недостаточна, и что освобожденіе отъ десятинной пашни считалось льготою, за допущеніе которой увеличивались денежные поборы.

Въ 1762 году въ большинствѣ дворцовыхъ волостей оброкъ былъ еще болѣе повышенъ, и теперь почти всѣ дворцовые крестьяне стали платить по 1 р. 25 к. съ души, между тѣмъ какъ крестьяне государственные, кромѣ семигривенной подушной подати, которую взыскивали и съ дворцовыхъ крестьянъ, вносили только по одному рублю оброчнаго сбора. Впрочемъ и послѣ того оброкъ былъ не вездѣ одинаковъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ московской губерніи онъ доходилъ до 2 р. 25 к. съ души.

Въ 1763 году была, кажется, уничтожена вся десятинная пашня въ московской губерніи; она оставалась, повидимому, только въ воронежской губерніи, и то въ размѣрѣ всего около 300 десятинъ.

Въ 1768 году оброкъ съ дворцовыхъ крестьянъ былъ возвышенъ до двухъ рублей, одновременно съ такимъ же возвышеніемъ оброчнаго сбора и съ государственныхъ крестьянъ. Теперь всѣ дворцовыя вотчины должны были платить одинаковый денежный сборъ. Впрочемъ, дворцовая канцелярія могла, если это окажется

нужнымъ по различію въ экономическомъ положенія крестьянъ, взыскивать, съ разрѣшенія государыни, съ однихъ больше, съ другихъ меньше.

Въ 1783 году оброкъ былъ еще болѣе повышенъ и дошелъ до трехъ рублей. Такимъ образомъ, въ теченіи 50 лѣтъ онъ увеличился болѣе чѣмъ въ семь разъ. На дворцовыхъ вотчинахъ нерѣдко накоплялись недоимки, и правительство не разъ подтверждало, чтобъ ихъ старательно взыскивали.

Въ московской губерніи въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ селахъ были тяглые садовники. Въ селѣ Коломенскомъ ихъ было около 180 душъ. До 1755 года съ нихъ брали на дворцовые расходы капусту, огурцы, хрѣнъ и проч., и потому они не платили четырехгривеннаго оброка; съ этого же года съ нихъ стали сбирать по 1 р. 25 к. съ души. Въ селѣ Островѣ, также московской губерніи, было 26 тяглыхъ садовниковъ; они платили въ 1766 году по 1 р. 61 к. съ души.

Перечисленными денежными и натуральными сборами не ограничивались еще всѣ поборы съ крестьянъ [1]). Въ числѣ другихъ платежей важное мѣсто занимаютъ пошлины за свадьбы. Изъ наказа Петра Великаго старостѣ и цѣловальнику дворцовыхъ крестьянъ воронечскаго уѣзда (въ нынѣшней псковской губер.), составленномъ, очевидно, въ первые годы его царствованія, видно, что тамъ съ каждой брачной пары собиралось по 18 к. Крестьяне посторонняго вѣдомства, женившіеся на дочеряхъ дворцовыхъ крестьянъ, должны были уплачивать выводныя деньги, но размѣръ ихъ въ то время не былъ опредѣленъ.

Въ 50 и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ каждой свадьбы взыскивалось по 20 коп.; сборъ этотъ носилъ названіе «куничныхъ денегъ». Что касается платы за выводъ, то по инструкціи, данной въ 1731 году управителямъ дворцовыхъ имѣній изъ главной дворцовой канцеляріи, за вдовъ и дѣвушекъ, отпускаемыхъ въ замужство въ постороннія вотчины, велѣно было брать по стольку же, сколько брали помѣщики въ своихъ имѣніяхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того было предписано за отпускаемыхъ въ замужство въ помѣщичьи имѣнія брать деньги не поровну, смотря по зажиточности крестьянъ, отъ 3 р. до 5 р. 50 к. Въ экономическія же вотчины выпускать и отъ нихъ принимать безъ выводныхъ денегъ. Послѣднее было вновь подтверждено въ 1765 году; съ другихъ же государственныхъ крестьянъ дворцовое

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ селахъ московской губерніи былъ сборъ на канцелярскіе расходы.

вѣдомство продолжало брать выводныя деньги. Въ 1770 году начальникъ надъ Гороблагодатскими и Камскими заводами донесъ сенату, что съ крестьянъ, приписанныхъ къ камскимъ заводамъ, если они женятся на дѣвушкахъ или вдовахъ изъ сосѣднихъ съ ними дворцовыхъ вотчинъ, берутъ каждый разъ по 3 р. 50 к. и болѣе выводныхъ денегъ, печатныя пошлины, да кромѣ того «при исходатайствѣ выводныхъ писемъ бываетъ не безъ убытку». Напротивъ того, если дворцовые берутъ себѣ невѣсту у приписныхъ крестьянъ, то за нихъ выводныхъ денегъ не взыскиваютъ. Тогда сенатъ приказалъ бергъ-коллегіи снестись съ главною дворцовою канцеляріею и сообща постановить «безобидное обѣимъ сторонамъ положеніе» по этому вопросу.

Наконецъ въ 1777 году, по предложенію И. П. Елагина, велѣно было, при выдачѣ дворцовыхъ дѣвушекъ и вдовъ за помѣщичьихъ крестьянъ, брать выводныхъ по пяти рублей за каждую; а если дворцовые крестьяне захотятъ взять невѣстъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, то размѣръ выводныхъ денегъ установлялся въ каждомъ данномъ случаѣ по взаимному соглашенію. Съ казенными же вѣдомствами, и въ томъ числѣ съ конюшеннымъ и экономическимъ, дворцовое управленіе условилось обоюдно ничего не брать, «а замѣнять вмѣсто взятыхъ отъ нихъ».

Таковы были различные сборы съ крестьянъ въ пользу дворцоваго вѣдомства; конечно, не ими одними покрывались всѣ расходы двора. Въ 1765 т. доходы съ дворцовыхъ крестьянъ равнялись съ небольшимъ 500 тысячамъ рублей. Расходовъ же на дворъ въ это время было вчетверо болѣе, а именно въ томъ же году на нихъ было ассигновано 2.461,830 р. (13% всего тогдашняго бюджета), слѣдовательно $^4/_5$ этихъ расходовъ приходилось покрывать изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

Государственныя подати дворцовыя вотчины платили наравнѣ съ другими крестьянами. Со введеніемъ подушной подати она была распространена и на крестьянъ дворцоваго вѣдомства [1]. За исключеніемъ немногихъ лѣтъ, она взималась въ размѣрѣ семидесяти коп. съ души, и только въ 1794 году была повышена до одного рубля, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 85 к. съ прибавкою сборовъ рожью и крупою. Собирать подати съ

[1]) Въ Ингерманландіи всѣ крестьяне, вмѣсто подушной подати, должны были ставить фуражъ на полкъ конной гвардіи; это правило распространялось и на тамошнихъ дворцовыхъ крестьянъ; но часть изъ нихъ была освобождена отъ этой повинности. Такою льготою пользовались екатерингофскіе, а также съ 1740 г., по неимѣнію пашни и покосовъ и вслѣдствіе отягощенія дворцовыми работами, и лиговскіе крестьяне.

дворцовыхъ крестьянъ велѣно было, «верстая по тяглымъ и пожиткамъ». Въ 1729 году мѣстной администраціи воспрещено было вмѣшиваться въ сборъ податей и разныхъ дворцовыхъ сборовъ съ крестьянъ: собирать подушныя деньги должны были назначенные дворцовою канцеляріею приказчики, которые и передавали ихъ воеводамъ и земскимъ коммиссарамъ. Напротивъ того, при Екатеринѣ II, городовыя канцеляріи сами сбирали съ дворцовыхъ крестьянъ подушную подать.

Рекрутскую повинность дворцовые крестьяне отправляли также наравнѣ съ другими крестьянами [1]) и несли, кромѣ того, сопряженныя съ нею обычные расходы на платье и денежную подмогу рекрутамъ; такъ, напр., при рекрутскомъ наборѣ 1754 года, въ селѣ Духовщинѣ и Духовской волости (смоленской губерніи) крестьяне собрали съ этою цѣлью по 10 копѣекъ съ души. При рекрутскихъ наборахъ приходилось еще давать пріемщикамъ взятки, какъ это видно изъ расходныхъ книгъ крестьянскихъ выборныхъ и старостъ.

Среди дворцовыхъ крестьянъ должно было быть не мало зажиточныхъ, и они, разумѣется, старались откупиться отъ рекрутчины. Это легко можно было сдѣлать, такъ какъ въ дворцовыхъ вотчинахъ всегда находились бѣдняки, готовые наняться въ рекруты; кромѣ того, зажиточные покупали людей и сдавали ихъ вмѣсто себя. Но въ 1740 г. дворцовымъ крестьянамъ наравнѣ съ синодальными и архіерейскими покупать людей для отдачи въ рекруты было запрещено. Когда запрещеніе это было вновь подтверждено въ 1757 году, новгородскіе и псковскіе дворцовые крестьяне обратились съ прошеніемъ дозволить имъ, «во охраненіе настоящихъ таглецовъ, жительствующихъ въ добропорядочествѣ дворцовыхъ крестьянъ», отдавать въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ «утеклецовъ (утекать—убѣгать), гуляковъ и противниковъ», а также скрывавшихся во время прежнихъ рекрутскихъ наборовъ, а не то эти «гуляки», услышавъ о наборѣ, разбѣгаются. Такъ какъ въ іюнѣ 1757 года дозволено было всѣмъ отдавать людей въ зачетъ будущихъ наборовъ въ военной коллегіи и ея московской конторѣ, то дворцовая канцелярія разрѣшила новгородскимъ и псковскимъ крестьянамъ сдавать такимъ же образомъ «гуляковъ», «противниковъ», скрывавшихся во время прежнихъ наборовъ, и «безпашенныхъ бобылей», которые по-

---

[1]) Распредѣленіе ея производилось по вытямъ. Такъ, напр., въ 1754 г. съ Духовской волости было взято по одному рекруту съ выти (въ каждой изъ нихъ было около ста человѣкъ).

душныхъ денегъ и дворцовыхъ доходовъ за побѣгомъ не платятъ. Но такъ какъ отдача въ рекруты этихъ людей могла повести ко многимъ злоупотребленіямъ со стороны выборныхъ, старостъ и вообще болѣе вліятельныхъ крестьянъ, то дворцовая канцелярія приказала управителямъ «накрѣпко смотрѣть», чтобы въ рекруты отдавались только такіе, кто прежде бѣжалъ отъ рекрутства, и неаккуратные плательщики, и чтобы это дѣлалось «со всего мірскаго согласія, а не однихъ старостъ, выборныхъ и горлановъ и ябедниковъ, чего ради собирать валовые мірскіе сходы», на которыхъ должны были присутствовать управители съ тѣмъ, чтобы не допускать никакихъ злоупотребленій.

Въ 1766 году дворцовымъ крестьянамъ было разрѣшено покупать отъ помѣщиковъ къ дворцовымъ волостямъ небольшія деревни съ землями. Вѣроятно, изъ этихъ покупныхъ деревень дворцовые крестьяне могли сдавать рекрутъ и за себя.

У помѣщиковъ, кромѣ крестьянъ, были и дворовые люди. Такіе постоянные служители были и въ дворцовыхъ селахъ. Напр., въ селѣ Воскресенскомъ, что на Прѣснѣ, было четыре человѣка дворовыхъ сторожей. Они получали изъ дворцоваго вѣдомства жалованье: 16 руб. деньгами, около 29 четвертей ржи и столько же овса въ годъ. Въ 1784 году въ московской губерніи были еще такъ-называемые прудовые сторожа дворцоваго вѣдомства; они не платили ни подушныхъ податей, ни оброка. Въ другихъ дворцовыхъ имѣніяхъ такая служба гораздо чаще отправлялась безъ жалованья, какъ натуральная повинность, которую крестьяне несли по очереди. Въ 1751 году дворцовая канцелярія предписала: «разсыльщиковъ, сторожей и на управительскій дворъ въ истопники опредѣлять самое надлежащее съ крестьянскихъ тяголъ число по очереди, безъ излишества, не употребляя за ту ихъ послугу въ подмогу денегъ». Впрочемъ, если въ какой-нибудь волости, по той или другой причинѣ, нельзя было исполнить этого предписанія, въ такомъ случаѣ разсыльщикамъ и сторожамъ дозволялось, какъ это было разрѣшено и прежними указами, давать жалованье по 5 р. въ годъ изъ денегъ, собираемыхъ на «неманутые расходы», и если за эту плату не найдется охотниковъ, то опредѣлять ихъ въ неволю на извѣстный срокъ, не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Многіе изъ государственныхъ крестьянъ были приписаны въ XVIII вѣкѣ къ казеннымъ и частнымъ горнымъ заводамъ для отработыванія тамъ своего подушнаго оклада. Изъ дворцовыхъ крестьянъ нѣкоторые были также обязаны работать на заводахъ.

Въ 1732 г., 4.458 душъ, жившихъ въ алатырскомъ, симбирскомъ, краснослободскомъ и троицкомъ уѣздахъ были отданы въ вѣдомство коммерцъ-коллегіи для работъ на поташныхъ заводахъ. Крестьяне заработывали тамъ четырехгривенный оброкъ, а также вѣроятно и подушную подать. Черезъ 10 лѣтъ послѣ того крестьянъ этихъ оказалось только 3,788 душъ. Такую убыль почти въ 700 душъ въ теченіи столь непродолжительнаго времени можно объяснить только тѣмъ, что крестьяне, недовольные заводскими работами, разбѣгались въ значительномъ количествѣ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого въ концѣ 40-хъ годовъ разрѣшено было крестьянамъ не заработывать четырехгривеннаго оброка, а вносить его деньгами. Съ 1761 года оброкъ былъ повышенъ до рубля съ души, кромѣ 809 душъ, которыя были отданы къ конскимъ заводамъ въ вѣдомство лейбъ-гвардіи коннаго полка. Въ 1764 году поташные заводы были уничтожены, и оброкъ съ приписанныхъ къ нимъ крестьянъ стали отсылать въ дворцовую контору.

Сдѣлавъ обзоръ денежныхъ сборовъ съ дворцовыхъ крестьянъ и исполняемыхъ ими натуральныхъ повинностей въ пользу какъ дворцоваго вѣдомства, такъ и казны, мы приходимъ къ заключенію, что ихъ экономическое положеніе было неизмѣримо лучше, чѣмъ крѣпостныхъ. Правда, съ теченіемъ времени налоги, уплачиваемые ими, значительно возросли, но за то крестьяне постепенно избавились отъ обязательныхъ работъ, которыя, какъ мы уже знаемъ, оцѣнивались по весьма низкой таксѣ. Къ тому же, при опредѣленномъ и равномѣрномъ денежномъ оброкѣ были менѣе возможны злоупотребленія со стороны лицъ, управлявшихъ дворцовыми вотчинами. Правда, они все-таки существовали, но ихъ нельзя и сравнивать съ ужасными насиліями, которымъ приходилось подвергаться крѣпостнымъ крестьянамъ.

II.

Количество земли у дворцовыхъ крестьянъ.—Споры о землѣ.—Общинное землевладѣніе.—Пріобрѣтеніе населенныхъ земель.—Арендованіе земли у казны и арендная плата.—Продовольствіе дворцовыхъ крестьянъ.

Первое условіе экономическаго благосостоянія крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы они имѣли достаточное количество земли. Къ сожалѣнію, намъ удалось найти весьма немного свѣдѣній о томъ, какъ великъ былъ земельный надѣлъ у дворцовыхъ крестьянъ въ той или другой мѣстности. Въ битюцкихъ селахъ воронежской губерніи, въ которыхъ въ 1756 году было 8,023

душъ, крестьяне пользовались всего 47,666 десятинами земли, т.-е. въ среднемъ приходилось по шести десятинъ на душу. Въ томъ числѣ пашни было въ трехъ поляхъ четыре десятины, покосовъ полторы и полдесятины лѣсныхъ угодій, причемъ половина пашни и покосовъ была въ мѣстахъ черноземныхъ. Въ калужской губерніи было не много дворцовыхъ вотчинъ; въ среднемъ, по генеральному межеванію, въ нихъ было пашни по четыре десятины на душу; такъ какъ въ это время десятинной пашни уже не существовало, то, слѣдовательно, вся эта пахатная земля принадлежала крестьянамъ. Сѣнныхъ покосовъ приходилось тамъ почти по одной десятинѣ да немного лѣсу и неудобной земли. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ въ битюцкихъ селахъ, приходилось около шести десятинъ на душу. У дворцовыхъ крестьянъ тверской губерніи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія было «множество земли», «изобиліе въ пашнѣ, лѣсѣ и въ другихъ угодьяхъ». Значительное количество лѣса, находившагося въ ихъ владѣніи, давало имъ возможность расчищать себѣ новыя мѣста подъ пашню и сѣнокосъ, и потому здѣсь они были зажиточнѣе и экономическихъ крестьянъ, не говоря уже о крѣпостныхъ.

Лишь немногіе дворцовые крестьяне страдали отъ недостатка земли или даже были совершенно безземельными. Крестьяне села Подольскаго въ костромскомъ намѣстничествѣ жаловались на недостатокъ земли, но все-таки у нихъ было по четыре съ половиною десятины на душу. Гораздо хуже было положеніе крестьянъ села Краснаго того же намѣстничества. Они заявили въ 1784 году, что у нихъ нѣтъ не только пашни и покосовъ, но даже и усадебнаго надѣла, и что они живутъ на помѣщичьей землѣ, внося за нее арендной платы съ каждаго двора отъ пяти до десяти рублей въ годъ. Вслѣдствіе ихъ безземелья, дворцовая канцелярія отдала имъ во владѣніе одну пустошь въ 124 десятины, за которую они платили, сверхъ трехъ-рублеваго оброка, по 29 руб. въ годъ. Крестьянъ же было всего 8 душъ да къ нимъ 10 приписныхъ конюховъ. Крестьяне просили, чтобы эта пустошь была отдана имъ безоброчно. Сенатъ потребовалъ по этому поводу мнѣнія мѣстнаго генералъ-губернатора, и окончательное его рѣшеніе намъ неизвѣстно.

Количество угодій у дворцовыхъ крестьянъ сильно уменьшалось вслѣдствіе того, что сосѣдніе помѣщики всячески старались оттягать у нихъ землю. Когда при Екатеринѣ II началось генеральное межеваніе, то оказалось весьма не легко рѣшить эти давнишніе споры о землѣ. Почти всѣ крѣпости на дворцовыя

земли, хранившіяся въ московскихъ архивахъ, сгорѣли во время нерѣдкихъ пожаровъ: по той же причинѣ нельзя было отыскать свѣдѣній, по какимъ указамъ и въ какомъ количествѣ приписывались въ старину земли и деревни къ дворцу. Напротивъ того, у помѣщиковъ сохранились грамоты и выписи на многія земли, которыя поэтому и сохраняли свое значеніе, хотя, быть можетъ, эти владѣнія были отняты у дворянъ по какой-нибудь причинѣ.

Межевою инструкціею было предписано, чтобы при размежеваніи земель дворцовыхъ крестьянъ присутствовалъ повѣренный отъ дворцовой канцеляріи; но правило это не соблюдалось, и вслѣдствіе этого крестьяне не допускали иногда землемѣровъ до измѣренія земель и проведенія межи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходило даже до убійства. Поэтому, въ 1776 году, сенатъ подтвердилъ распоряженіе, сдѣланное въ межевой инструкціи.

Случалось, что рѣшенія межевыхъ учрежденій по спорнымъ дѣламъ между помѣщиками и дворцовыми крестьянами вызывали среди послѣднихъ серьёзныя неудовольствія. Такъ, напр., дворцовые крестьяне ярославскаго намѣстничества спорили о землѣ съ помѣщикомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Когда межевая канцелярія рѣшила отдать спорныя пустоши Мусину-Пушкину, а поселившихся на ней крестьянъ велѣла перевести на дворцовыя земли, крестьяне воспротивились этому и отвѣчали, что послали отъ себя къ императрицѣ 10 человѣкъ челобитчиковъ и до возвращенія ихъ съ указомъ государыни пустошей не отдадутъ. Сенатъ приказалъ разыскать челобитчиковъ и выслать ихъ на родину.

Впослѣдствіи были случаи жалобъ дворцовыхъ крестьянъ на несправедливое размежеваніе ихъ съ помѣщиками, и дѣла эти тянулись крайне долго.

Вести споры о землѣ дворцовымъ крестьянамъ приходилось не только съ помѣщиками, но и со своею братіею, крестьянами того же вѣдомства. Случалось, что изъ двухъ смежныхъ вотчинъ крестьяне одной захватывали бо́льшую часть земли, сосѣди же оставались почти беземельными. Приходилось въ такихъ случаяхъ обращаться къ правительству, которое стремилось, по мѣрѣ возможности, установить равенство. Еще въ писцовомъ дворцовомъ наказѣ 1674 года было сказано: «которыхъ селъ за крестьяны пустошей и всякихъ угодій на денежномъ или на хлѣбномъ оброкѣ много, а у тѣхъ крестьянъ пашни и сѣнныхъ покосовъ опричь тѣхъ оброчныхъ пустошей довольно, а у иныхъ государственныхъ же селъ крестьянъ пашнею и сѣнными покосы

и всякими угодьями скудно, а пустошей на оброкѣ и никакихъ угодій нѣтъ, а учнутъ бить челомъ, чтобы имъ давать на оброкъ изъ тѣхъ пустошей, за которыми крестьяны много, изъ такихъ пустошей тѣмъ крестьянамъ давать по разсмотрѣнію, *чтобъ дворцовыхъ селъ крестьяне угодьями были всѣ равны*, и село передъ селомъ и деревня передъ деревнею пустошми и всякими угодьи оскужены не были». Межевою инструкціею 1754 г. предписано было, всѣ смежныя села и деревни—«село отъ села, деревня отъ деревни и пустошь отъ пустоши»—размежевать порознь. Однако, когда началось межеваніе, это оказалось неудобнымъ. Дворцовая контора справедливо замѣтила, что если дворцовыя села и деревни будутъ размежеваны порознь, то скоро, съ увеличеніемъ народонаселенія въ одномъ селѣ и съ уменьшеніемъ въ другомъ, разовьется сильное неравенство въ поземельныхъ владѣніяхъ. Если же остановить «внутреннее межеваніе», то, на основаніи дворцоваго писцоваго наказа, дворцовая канцелярія будетъ имѣть возможность, въ случаѣ надобности, возстановить равенство крестьянскихъ надѣловъ. «Крестьяне дворцовые доходы платятъ уравнительно съ душъ, чего ради,—справедливо полагала дворцовая контора,—и землею должны быть уравнительно-жъ каждое село и деревня по душамъ». Вслѣдствіе представленія дворцовой конторы, главная межевая канцелярія предложила сенату, чтобы смежныя дворцовыя села, деревни и пустоши порознь не межевать, а отмежевывать только отъ смежныхъ владѣльческихъ дачъ, уравненіе же земли «по крестьянскимъ тягламъ и по числу душъ рожденныхъ и убылыхъ впредь»—предоставить дворцовой канцеляріи и ея конторѣ. Сенатъ согласился съ этимъ предложеніемъ и приказалъ оповѣстить о своемъ рѣшеніи всѣ дворцовыя волости. Это новое распоряженіе было въ высшей степени важно. Такимъ образомъ, земли нѣсколькихъ смежныхъ селъ и деревень хотя и находились по частямъ въ пользованіи отдѣльныхъ селеній, но части эти не оставались неизмѣнными, а съ измѣненіемъ численности населенія этихъ деревень относительно другъ друга могли увеличиваться или уменьшаться вслѣдствіе новаго передѣла по крестьянскимъ тягламъ. Такіе передѣлы не были, впрочемъ, предоставлены добровольному соглашенію самихъ крестьянъ, а должны были совершаться съ вѣдома дворцовой канцеляріи или ея конторы. Приведемъ одинъ изъ примѣровъ того, какъ дворцовому управленію приходилось уравнивать поземельныя владѣнія крестьянъ.

Въ 1764 году дворцовые крестьяне города Наровчата подали слѣдующее заявленіе. Ихъ дѣдамъ и отцамъ отмежевана

была по писцовымъ и межевымъ книгамъ пашенная земля вмѣстѣ съ крестьянами дер. Верхъ-Лопыжевки, которые были выходцами изъ города Наровчата и жили особо на общей ихъ тяглой землѣ. Земли было такъ мало, что, по раздѣлу съ лопыжевскими, наровчатскимъ крестьянамъ приходилось только по восьмой доли десятины на душу. Вслѣдствіе этого наровчатскимъ крестьянамъ, которыхъ было 74 души, было отдано въ общее владѣніе съ верхъ-лопыжевскими крестьянами (155 д.) и дворцовыми бобылями города Наровчата (112 д.)—552 десятины пашни, да, кромѣ того, съ платою аренды въ 8 р. 50 к.,—50 десятинъ покоса. Пашнею этою они владѣли до 1746 года, когда она была отъ нихъ взята въ казенное содержаніе и находилась въ немъ до 1763 г., когда дворцовая канцелярія приказала какъ эту пашню, такъ и сѣнные покосы отдать всѣмъ крестьянамъ. Вслѣдствіе этого десятинная пашня была раздѣлена такимъ образомъ: верхъ-лопыжевскимъ дано было 300 десятинъ, бобылямъ—252 да еще 50 десятинъ покосу; наровчатскіе же крестьяне не получили ничего. Поэтому, ссылаясь на то, что «дворцовые доходы платять они и всякія казенныя работы исправляють уравнительно», они обратились съ просьбою, чтобы десятинную пашню, которою они прежде владѣли сообща съ бобылями и верхъ-лопыжевскими крестьянами, отдать имъ по прежнему въ общее владѣніе и «раздѣлить на число душъ уравнительно», а иначе, при ничтожномъ количествѣ пашни, они могуть придти въ крайнее разореніе и скудость.

По собраннымъ свѣдѣніямъ всѣ показанія дворцовыхъ крестьянъ города Наровчата вполнѣ подтвердились. Поэтому, на основаніи писцоваго наказа 1674 года и рѣшенія сената, на представленіе главной межевой канцеляріи 1758 г., о которыхъ мы упоминали выше, дворцовая канцелярія приказала «состоящую у живущихъ въ городѣ Наровчатѣ и деревнѣ Верхъ-Лопыжевкѣ крестьянъ тяглую такожъ и выдѣленную церковникамъ и бобылямъ изъ бывшей оставленной казенной пашни землю и покосы, все вообще смѣшавъ... въ уравненіе тѣмъ... крестьяномъ и церковникомъ и бобылямъ тѣ земли и покосы раздѣлить на число душъ уравнительно и безобидно».

Повидимому, о такомъ же уравненіи земли между смежными селеніями, а не о передѣлѣ надѣловъ между жителями одного селенія упоминается въ наказѣ старостѣ и цѣловальнику дворцовыхъ крестьянъ воронечскаго уѣзда (первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго). Въ немъ было предписано: «а изъ села въ село и изъ деревни въ деревню дворцовыхъ крестьянъ не

перепущать и *жеребьевъ безъ указу Великаго Государя не передѣлять*, и велѣть жить крестьянамъ по прежнему, кто какъ жилъ до писца и послѣ писца, чтобъ никто изобиженъ не былъ... А на которыхъ пустыхъ жеребьяхъ жильцовъ нѣтъ и сыскать не мочно и на тѣ жеребьи называть жильцовъ вновь тѣхъ же селъ крестьянъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью, отъ дядей племянниковъ и подсосѣдниковъ и бобылей, охочихъ волостныхъ людей».

Передѣлъ земли между членами одного сельскаго общества въ центральной Россіи существовалъ еще во второй половинѣ XVII вѣка. О крестьянахъ одного дворцоваго села шацкаго уѣзда въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича сказано, что они «*промежъ себя пашню дѣлятъ почасту*». Передѣлялись не только пашни, но и луга.

Такимъ образомъ, въ центральной Россіи еще въ концѣ XVII вѣка несомнѣнно существовало въ дворцовыхъ волостяхъ общинное землевладѣніе съ передѣлами земли. Не то было на сѣверѣ Россіи. Ограничиваясь данными, которыя мы имѣемъ относительно дворцовыхъ крестьянъ, остановимся на слѣдующемъ любопытномъ документѣ. Въ 1765 году, С. Козьминъ, въ числѣ другихъ докладныхъ пунктовъ императрицѣ, писалъ: «Въ архангелогородской и великоустюжской провинціяхъ у черносошныхъ и у *дворцовыхъ* крестьянъ земли имѣются слѣдующихъ званій, а именно: первыя *тяглыя, написанныя по писцовымъ книгамъ за волостьми, а потомъ издревле раздѣленныя по крестьянству;* вторыя—*оброчныя*, написанныя по тѣмъ же писцовымъ книгамъ, *точно, поимянно за крестьянами, а не за волостьми;* изъ коихъ за первыя государственныя подати собирая въ волость платятся, за вторыя оброчныя деньги въ канцеляріи вносятся и *тѣ двухъ именованій земли*, по написанію въ писцовыхъ книгахъ, черносошные и дворцовые крестьяне владѣютъ, *и другъ другу производятъ въ продажу, равномѣрно, якоже и помѣщики продаютъ*, а потому одинъ имѣетъ земли со излишествомъ, а другой съ недостаткомъ, а отъ перепродажъ великія бываютъ между ими ссоры и другъ на друга бьютъ челомъ, и имѣютъ въ томъ тяжбы, и отъ того приходятъ въ разореніе, а нерадѣтельные къ хлѣбопашеству земли продаютъ и закладываютъ, и деньги проматываютъ, отъ чего приходятъ же въ нищету, а домогающіе чрезъ тяжбы поставляютъ тѣ земли за точно родовыя и желаютъ вѣчно во владѣніе укрѣпить такъ, какъ помѣщики и владѣльцы за собою укрѣпляютъ. Чрезъ же домогательство во владѣнію тѣхъ, яко своихъ родовыхъ земель, присутственнымъ мѣстамъ нано-

сится напрасное безпокойство и затрудненіе, а въ настоящихъ дѣлахъ не малое помѣшательство, а къ тому же, надѣясь *на тѣ свои земли, яко родовыя, въ дачахъ къ волостямъ лѣсовъ не расчищаютъ и какъ пашни, такъ и сѣнныхъ покосовъ обществомъ, гдѣ-бъ и недостаточно было, не прибавляютъ*, отчего и лучшаго хлѣбопашества, яко первѣйшаго источника земледѣльческаго благополучія, не вкушаютъ».

Какіе выводы можемъ мы сдѣлать изъ словъ приведеннаго доклада? Прежде всего мы видимъ, что земли дворцовыхъ и черносошныхъ крестьянъ въ архангелогородской и велико-устюжской провинціяхъ распадаются на два разряда: тяглыя и оброчныя. Вторыя написаны по писцовымъ книгамъ «точно поименно за крестьянами, а не за волостьми». Слѣдовательно, каждый участокъ былъ взятъ у казны на оброкъ отдѣльнымъ крестьяниномъ; если онъ перепродаетъ его другому крестьянину, то тотъ продолжаетъ платить въ казну прежній оброкъ и, слѣдовательно, интересы государства—или, въ данномъ случаѣ, дворцоваго вѣдомства—отъ этой перепродажи, повидимому, нисколько не страдаютъ. Другой разрядъ земель—«тяглыя, написанныя по писцовымъ книгамъ за волостьми, а потомъ издревле раздѣленныя по крестьянству». Такимъ образомъ, прежде всего бросается въ глаза тó различіе между тяглыми и оброчными землями, что тогда какъ вторыя записаны каждая за отдѣльнымъ крестьяниномъ,—первыя написаны за волостьми, а слѣдовательно, находятся во владѣніи цѣлой волости. Волость, пользуясь этою землею, могла бы чрезъ извѣстные промежутки времени передѣлять ее между своими членами или, разъ раздѣливъ ее, затѣмъ не производить новыхъ передѣловъ. Первый порядокъ несомнѣнно существовалъ въ центральной Россіи уже во второй половинѣ XVII вѣка,—второй мы находимъ даже цѣлымъ столѣтіемъ позже на сѣверѣ, гдѣ, по выраженію доклада, земли были издревле «раздѣлены по крестьянству». Но можемъ ли мы сказать вслѣдствіе этого, что на сѣверѣ Россіи вовсе не существовало общиннаго землевладѣнія? По нашему мнѣнію, не можемъ — по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего является вопросъ: была ли раздѣлена между членами волости вся общинная земля? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, получить весьма затруднительно. Во всѣхъ заявленіяхъ правительства объ отчужденіи крестьянами земель на сѣверѣ Россіи, которое несомнѣнно совершалось еще въ половинѣ XVIII вѣка, много говорится о переходѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія путемъ продажи и заклада. Да это и понятно: правительству всего болѣе бросался въ

глаза этотъ переходъ, потому что онъ нерѣдко сопряженъ былъ со всевозможными поземельными спорами и тяжбами,—тогда какъ остальная, неподѣленная часть земли, естественно не обращала на себя его вниманія; оно не имѣло повода упоминать о ней тамъ, гдѣ дѣло шло о вредѣ постояннаго перехода поземельныхъ участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Такимъ образомъ, если бы даже мы не нашли никакихъ намековъ на существованіе земель, находившихся въ нераздѣльномъ пользованіи, то это не давало бы намъ права утверждать, что такихъ земель вовсе не было. Но, къ счастью, даже въ приведенныхъ нами словахъ доклада Козьмина мы встрѣчаемъ указанія на существованіе неразделенныхъ земель. Тамъ сказано, что крестьяне, «надѣясь на тѣ свои земли, яко родовыя, *въ дачахъ къ волостямъ лѣсовъ не расчищаютъ*, и какъ пашни, такъ и сѣнныхъ покосовъ обществомъ, гдѣ-бъ и недостаточно было, не прибавляютъ». Тутъ, очевидно, противополагаются земли, переходившія изъ рукъ въ руки, «яко родовыя», лѣсамъ, принадлежавшимъ волости, изъ которыхъ цѣлымъ «обществомъ» можно было бы расчищать новыя пашни и сѣнные покосы. Очевидно, что лѣса эти находились въ нераздѣльномъ пользованіи всей волости. Какія же земли были раздѣлены? На основаніи этого мѣста доклада слѣдуетъ предположить, что подѣлены были пашни и покосы.

Очевидно, что такой порядокъ поземельныхъ отношеній мы не можемъ считать подворнымъ владѣніемъ. Во-первыхъ, тутъ есть земли, находящіяся въ общемъ пользованіи, а во-вторыхъ, даже владѣльцы участковъ, купленныхъ ими или унаслѣдованныхъ отъ предковъ, владѣвшихъ землею въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній, не могутъ быть увѣрены въ томъ, что этотъ участокъ вѣчно останется въ ихъ владѣніи. Въ членахъ волости при такомъ поземельномъ устройствѣ живетъ сознаніе, что міръ можетъ отнять у нихъ эту землю и пустить въ передѣлъ. Покупая землю, они пріобрѣтаютъ ее не въ собственность, такъ какъ земля принадлежитъ государству или, въ данномъ случаѣ, дворцовому вѣдомству, и даже все крестьянское общество не считалось ея собственникомъ (только въ настоящее время поселяне, выкупивъ свой надѣлъ, дѣлаются крестьянами-собственниками), пріобрѣтаютъ землю даже не въ безсрочное пользованіе, а въ пользованіе до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно міру или государству. И дѣйствительно, мы видимъ случаи вмѣшательства того или другого въ поземельныя отношенія членовъ волости. Примѣры того, какъ, по волѣ міра, поступаютъ въ передѣлъ земли, находившіяся до того въ наслѣдственномъ владѣніи кре-

сьянъ, мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ олонецкой губерніи. По всей вѣроятности, подобные случаи введенія передѣла пахатныхъ земель, прежде передѣлу не подвергавшихся, существовали и гораздо ранѣе. Весьма вѣроятно, что и въ центральной Россіи такимъ путемъ постепенно установился современный видъ общиннаго владѣнія. Если же мы не находимъ на это указаній въ источникахъ, то это потому, что, при современномъ состояніи нашей науки, подобные факты легко могутъ скрываться отъ глазъ изслѣдователя. Мы только тогда могли бы сказать, что такого естественнаго перехода отъ одной стороны поземельныхъ отношеній къ другой, путемъ самодѣятельности общинъ, не существовало, если бы намъ были хорошо извѣстны не центральные правительственные архивы, а архивы какихъ-нибудь волостныхъ избъ, которые частью погибли, частью еще не разработаны.

Если вслѣдствіе этого неблагопріятнаго обстоятельства, а также вслѣдствіе самаго свойства вопроса, рѣдко требовавшаго отъ сельскихъ, обществъ письменныхъ постановленій, народная самодѣятельность, при измѣненіи поземельныхъ отношеній, остается въ тѣни, за то гораздо легче бросается въ глаза дѣятельность правительства, стремящагося къ повсемѣстному введенію той формы общиннаго землевладѣнія, которая рано установилась въ центральной Россіи. Но можемъ ли мы сказать, что правительство вводило общину тамъ, гдѣ ея вовсе не было? Нѣтъ: изъ доклада Козьмина ясно видно, что на сѣверѣ Россіи было не участковое землевладѣніе, а только иной типъ общиннаго землевладѣнія, отличный отъ господствующаго, т.-е. общинное землевладѣніе безъ передѣловъ земли.

Мы упомянули о томъ, что правительство старалось замѣнить тотъ видъ общиннаго землевладѣнія, который существовалъ на сѣверѣ, типомъ общины, установившимся въ центральной Россіи. Отлагая болѣе подробное подтвержденіе этихъ словъ до другого раза, мы ограничимся здѣсь только тѣмъ, что приведемъ заключительную часть доклада Козьмина, гдѣ ясно выражено предложеніе дѣйствовать именно въ этомъ направленіи. «И въ пресѣченіе всѣхъ вышеписанныхъ неудобствъ,—писалъ Козьминъ,—в. и. в. не соизволите-ль высочайше указать тѣмъ черносошнымъ и дворцовымъ крестьянамъ и въ продажѣ, и въ закладѣ предписанныхъ земель учинить запрещеніе, а чтобъ они оныхъ земель своими родовыми или прадѣдами и отцами ихъ покупными не именовали,—имѣющіяся у нихъ крѣпости отобрать и впредь не писать, *а дѣлить имъ земли и раздавать въ волостяхъ недо-*

статочнымъ равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ».

Предлагая произвести передѣлъ земли между крестьянами, Козьминъ, повидимому, не находилъ нужнымъ различать при этомъ земель тяглыхъ отъ оброчныхъ. Если бы имѣть въ виду только исправный платежъ денегъ за оброчныя земли, то, конечно, для правительства было бы все-равно, кто ихъ вноситъ—отдѣльный ли крестьянинъ или вся волость, хотя и тутъ слѣдуетъ замѣтить, что весь міръ, вслѣдствіе круговой поруки, представляетъ болѣе гарантій въ исправной уплатѣ, чѣмъ отдѣльная личность, какъ бы она ни была состоятельна въ данное время. Но если бы правительство, при раздачѣ земель въ оброкъ, не принимало во вниманіе никакихъ другихъ соображеній, кромѣ исправнаго поступленія за нихъ платежей, то такой взглядъ былъ бы слишкомъ одностороненъ. Оброчныя земли служили крестьянамъ важнымъ подспорьемъ въ томъ случаѣ, если количество тяглыхъ земель было недостаточно, а сосредоточеніе оброчныхъ земель въ немногихъ рукахъ только увеличивало бы имущественное неравенство и содѣйствовало бы усиленію вліянія кулаковъ-міроѣдовъ. Для правительства же гораздо выгоднѣе было поддержать благосостояніе всей массы крестьянъ, такъ какъ только такимъ образомъ могло быть обезпечено бездоимочное отбываніе повинностей. Вотъ причина, почему и оброчныя земли правительство, очевидно, считало нужнымъ передать въ пользованіе не отдѣльнымъ личностямъ, какъ было до тѣхъ поръ, а цѣлымъ волостямъ, которыя и должны были, внося всю сумму оброка, распредѣлять между своими членами какъ самыя земли, такъ и причитающіеся за нихъ платежи. Докладъ Козьмина былъ переданъ на разсмотрѣніе сената, и тотъ предложилъ поставить на видъ межевой экспедиціи, состоявшей тогда въ вѣденіи П. И. Панина, чтобъ въ межевой инструкціи, которая въ то время составлялась, было сдѣлано постановленіе о непродажѣ земель дворцовыми и черносошными крестьянами. Императрица согласилась съ этимъ предложеніемъ.

И дѣйствительно, въ межевой инструкціи было запрещено черносошнымъ крестьянамъ продавать и закладывать земли. Хотя при этомъ прямо и не было упомянуто о дворцовыхъ крестьянахъ поморскихъ городовъ, но, разумѣется, и на нихъ распространялось это запрещеніе [1].

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ общинномъ владѣніи у дворцовыхъ крестьянъ находились не только земли, а также иногда и мельницы.

Изъ той же главы межевой инструкціи, которая была спеціально посвящена дворцовымъ землямъ, мы узнаемъ только, что, при размежеваніи спорныхъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ владѣній, дворцовымъ крестьянамъ велѣно было намѣривать на каждую душу по восьми десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ. Если же ими были заселены свободныя казенныя земли, то при достаточномъ количествѣ земли намѣривали по пятнадцати десятинъ на каждаго.

Запретивъ дворцовымъ крестьянамъ продавать ихъ земли, правительство въ томъ же 1766 году разрѣшило покупать отъ помѣщиковъ къ дворцовымъ волостямъ небольшія населенныя имѣнія, но съ платою не болѣе, какъ по тридцати рублей за душу. Такія пріобрѣтенія дѣлались не только на деньги дворцовыхъ крестьянъ, а также на счетъ казны, т.-е. дворцоваго вѣдомства. Въ послѣднемъ случаѣ крестьяне за каждую купленную десятину вносили въ казну по 1 руб. 25 коп. оброку. Въ 1788 году это право было распространено на всѣхъ государственныхъ крестьянъ. Мы говорили уже выше, что оно давало возможность дворцовымъ крестьянамъ сдавать вмѣсто себя рекрутъ изъ пріобрѣтенныхъ ими деревень, и потому при этомъ не обошлось безъ злоупотребленій. Дворцовые крестьяне стали пріобрѣтать иногда по одной, по двѣ души съ самымъ ничтожнымъ количествомъ земли; покупки эти, очевидно, были совершены исключительно въ видахъ замѣны при исполненіи рекрутской повинности. Когда это дошло до свѣдѣнія сената, то, въ изданномъ имъ указѣ, онъ замѣтилъ, что крестьянамъ дозволено было покупать небольшія смежныя деревни съ землями, а не по одной семьѣ изъ большихъ селеній, — что, пріобрѣтая такимъ образомъ по одной, по двѣ души, они нарушаютъ указъ 1770 года, которымъ именно для того было запрещено принимать въ рекруты вмѣсто крестьянъ вольныхъ людей, чтобы эта замѣна не подала поводъ къ продажѣ людей, не дозволявшейся въ теченіи трехъ мѣсяцевъ съ начала рекрутскаго набора. Поэтому сенатъ приказалъ казеннымъ палатамъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы казенныя селенія покупали смежныя съ ними деревни, а никакъ не отдѣльныхъ крестьянъ съ небольшими участками земли или даже вовсе безземельныхъ.

Въ случаѣ недостатка земли, дворцовые крестьяне арендовали казенныя, а иногда и помѣщичьи земли. Какъ мы уже сказали, населенныя земли, пріобрѣтенныя къ дворцовымъ волостямъ, на основаніи указа 1766 года, на казенныя деньги, отдавались крестьянамъ въ аренду съ платою по 1 руб. 25 коп.

съ десятины. Это мы и можемъ принять за среднюю арендную плату, но иногда она была и выше. Такъ, напримѣръ, за двѣ десятины песчаной земли, «примойной Москвою-рѣкою» къ казенному лугу, въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ брали четыре рубля оброка, слѣдовательно, по два рубля за десятину. За четыре десятины сѣнокоса на томъ же лугу, отданныя для посадки капусты, платили даже по пяти рублей за каждую, но такая дороговизна объясняется близостью къ Москвѣ. Въ селѣ Бесѣдахъ, также московскаго уѣзда, крестьянамъ въ 1748 году отдано было $3^3/_4$ десятины капустника и сѣнокоса уже за болѣе дешевую цѣну — всего за два рубля. Въ костромской губерніи крестьяне одного села арендовали 15 десятинъ съ платою за всю эту землю съ 1753 года по семи рублей, а съ 1792 — по 15 рублей. Около города Наровчата, отдано было крестьянамъ въ оброкъ пятьдесятъ десятинъ сѣнокоса за 8 руб. 50 коп. въ годъ, слѣдовательно, по 17 коп. за десятину. Но такая плата назначена была не позже 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Когда въ 1734 году дворцовымъ крестьянамъ одной волости гороховскаго уѣзда была отдана казенная пашня, вслѣдствіе уничтоженія на ней запашки, то за 163 десятины (въ каждомъ полѣ) они должны были платить по 489 руб., т.-е. по одному рублю за десятину въ каждомъ полѣ. Кромѣ пашенъ, луговъ и капустныхъ огородовъ, крестьяне арендовали иногда и казенные сады; такъ было, напримѣръ, въ подмосковномъ селѣ Островѣ. Нерѣдко они также брали въ оброкъ рыбныя ловли, бывшія на дворцовыхъ земляхъ, плата за которыя измѣнялась, разумѣется, смотря по величинѣ и достоинству участка. Такъ, напримѣръ, крестьяне битюгскихъ селъ воронежской губерніи арендовали рыбныя ловли преимущественно по рѣкѣ Битюгу, платя за каждый юртъ отъ 60 коп. до 24 рублей.

Дворцовые крестьяне занимались не исключительно земледѣліемъ, а также и другими промыслами, и нѣкоторые изъ нихъ жили весьма небѣдно. Вотъ, напр., что̀ говоритъ Н. Рычковъ объ Елабугѣ, пригородѣ казанской губерніи: «онъ населенъ дворцовыми крестьянами, между которыми земледѣльцевъ очень мало, а большая часть люди ремесленные, какъ-то: мѣдники, иконописцы, обойщики и серебряки. Дворовъ обывательскихъ въ немъ болѣе 600 и три церкви, изъ коихъ двѣ деревянныя и одна каменная. Селеніе укрѣплено небольшимъ рвомъ и деревянною стѣною, а посреди жительства находится еще другое укрѣпленіе, служащее за̀мкомъ сего мѣстечка, гдѣ находится соборная церковь, канцелярія и домъ управителя». — «На берегу рѣки Камы», —

говоритъ въ другомъ мѣстѣ Рычковъ, «находилось дворцовое село, Сарапуль называемое, которое и строеніемъ обывательскихъ домовъ и богатствомъ жителей превосходитъ многіе уѣздные города. Строенія сего села составляютъ три деревянныя церкви, внутри деревяннаго зáмка построенныя, и 600 крестьянскихъ домовъ». По словамъ Палласа, въ Сарапулѣ «на горѣ находится развалившееся деревянное укрѣпленіе, существующее со временъ прежнихъ башкирскихъ безпокойствъ. Оно состоитъ изъ обширной бревенчатой стѣны съ баттареями и бойницами и расположено очень выгодно. Внутри находится: главная церковь, домъ управителя сарапульской дворцовой волости и судебная или приказная изба... Въ Сарапулѣ хорошій рынокъ и всевозможныя лавки, находящія прекрасный сбытъ вслѣдствіе сильнаго наплыва народа изъ деревень и множества судорабочихъ, ѣдущихъ весною на баркахъ вверхъ по Камѣ и Бѣлой, а потомъ съ верховьевъ Камы — съ дровами и солью, а изъ Чусовой—съ желѣзомъ».—«Зажиточные сарапульскіе жители»,—продолжаетъ Рычковъ, «имѣютъ кожевенные и мыльные заводы, и какъ дѣлаемую юфть, такъ и мыло отправляютъ водою въ знатные города Россійскаго государства. Хотя большую часть сарапульскихъ жителей составляютъ земледѣльцы, однако между ними нѣтъ недостатка и въ ремесленныхъ людяхъ, ибо тамъ находится значительное число серебрянниковъ, мѣдниковъ и оловянишниковъ. Внѣ сельскаго жительства находится пильная мельница, гдѣ изъ пильнаго лѣсу дѣлаютъ различной величины суда, которыя, нагрузивъ хлѣбомъ, отправляютъ водою въ разныя мѣста. Но самое прибыточное судовое отправленіе сарапульскихъ жителей составляютъ дрова, которыми наполнивъ огромныя судна, отправляютъ водою въ Астрахань и въ другія безлѣсныя мѣста, въ предѣлахъ сей губерніи находящіяся». Мы привели эти слова современныхъ путешественниковъ не только, чтобы указать на занятіе и промыслы приволжскихъ дворцовыхъ крестьянъ, но также, чтобы дать понятіе о внѣшнемъ видѣ этихъ селеній. Прибавимъ, что рыболовы Переяславля-Залѣсскаго торговали рыбою и съѣстными припасами, и въ 1755 году дворцовая канцелярія предписала, чтобы имъ не препятствовали торговать всѣмъ тѣмъ, чтò дозволено продавать крестьянамъ.

Однако не вездѣ дворцовые крестьяне жили такъ хорошо, какъ въ Сарапулѣ. О дворцовомъ селѣ Каракулинѣ, лежавшемъ въ 64 верстахъ отъ Сарапуля, Рычковъ говоритъ: «въ немъ нѣтъ никакого публичнаго торжища, *ниже зажиточныхъ жителей*, и самый лучшій промыселъ ихъ составляетъ хлѣбопашество и

рыболовство». Но бывало и еще хуже: случалось, что не хватало денегъ не только на уплату оброка, но даже хлѣба на пропитаніе и обсѣмененіе полей. Дворцовое управленіе объясняло такіе факты, съ своей точки зрѣнія, лѣностію и мотовствомъ крестьянъ и подтверждало дворцовымъ управителямъ построже смотрѣть за ними. Вотъ одно изъ подобныхъ распоряженій главной дворцовой канцеляріи (въ 1758 г.): «Многихъ волостей крестьяне просятъ на ѣмена (на пропитаніе), паче же на сѣмена хлѣба, которымъ и напредъ сего было давано съ возвратомъ, но отъ того затрудненіе не малое въ сборѣ, въ счетахъ да и въ доимкѣ остаются». Дворцовая канцелярія признавала, что иногда неурожай былъ причиною затруднительнаго положенія крестьянъ (какъ, напр., тогда въ Троицкоострожскихъ волостяхъ тамбовскаго уѣзда, которыхъ и велѣно было снабдить хлѣбомъ), но случалось, что и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было неурожая, крестьяне были не въ состояніи платить оброковъ. Причина этого, по мнѣнію дворцоваго управленія, заключалась въ пьянствѣ, мотовствѣ и беззаботности крестьянъ. Управители же не только «за такими невоздержными не смотрятъ и отъ того не отвращаютъ, но еще отъ того пьянства или такого мота и профитъ имѣютъ». Дворцовая канцелярія подтвердила управителямъ, чтобъ они не дозволяли скуднымъ крестьянамъ продавать хлѣбъ съ осени, особенно же на корню, а также и сѣно. Изъ этого предписанія между прочимъ видно, что бѣдняки занимали хлѣбъ на посѣвъ и пропитаніе у болѣе зажиточныхъ съ обязательствомъ отработать его съ процентами во время жнитва и покоса. Тутъ проценты вносились добавочнымъ трудомъ, но при уплатѣ долга деньгами они были виднѣе. Такъ, напр., въ казанской губерніи въ 1764 г. дворцовые крестьяне, принужденные дать взятку управителю въ сто рублей, должны были занять эти деньги подъ вексель на два мѣсяца и отдали двадцать рублей процентовъ, слѣдовательно, по десяти процентовъ въ мѣсяцъ. Въ той же губерніи, какъ мы увидимъ ниже, крестьяне совершенно разорились отъ притѣсненій управителя, такъ что многіе изъ нихъ разошлись и жили «въ кабалахъ и работникахъ».

Всего неблагопріятнѣе должно было быть положеніе бобылей, которыхъ было немало въ дворцовыхъ волостяхъ [1]; но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ о нихъ слишкомъ мало извѣстій. По бóльшей части пахатной земли у нихъ вовсе не было, но иногда, какъ

[1]) Въ 1701 г. въ московскомъ уѣздѣ на 3,995 дворовъ крестьянскихъ было 44 двора бобыльскихъ да, кромѣ того, 38 бездворныхъ бобылей.

напр., въ городѣ Наровчатѣ, ихъ надѣляли пашнею и покосами. Денежные поборы съ нихъ собирались, но вѣроятно въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ съ крестьянъ. Въ троицкоострожскихъ волостяхъ въ 1756 году они были избавлены отъ обязательныхъ полевыхъ работъ.

Особенно неблагопріятно отражались на благосостояніи крестьянъ неурожаи; въ такіе годы на нихъ накоплялась значительная недоимка. Въ неурожайный 1734 годъ съ дворцовыхъ волостей приходилось взыскать 154,842 рубля, а было получено только 84,485 р. Крестьяне объявили, что не могутъ уплатить оброка за «всеконечною скудостью», вслѣдствіе неурожая и побѣга многихъ крестьянъ; это подтвердили и управители. Изъ нѣкоторыхъ волостей были присланы образчики хлѣба, какимъ принуждены были питаться крестьяне.—Въ 1766 г. во многихъ мѣстахъ Россіи крестьяне страдали отъ недостатка хлѣба вслѣдствіе сильнаго неурожая. То же было, между прочимъ, и въ бѣжецкихъ дворцовыхъ вотчинахъ. На предписаніе сената снабдить хлѣбомъ тамошнихъ крестьянъ, дворцовая канцелярія отвѣчала, что она распорядилась отсрочить взысканіе съ нихъ дворцовыхъ доходовъ, но снабдить хлѣбомъ ихъ не можетъ, такъ какъ его нѣтъ въ запасѣ въ дворцовыхъ волостяхъ. Сенатъ рекомендовалъ канцеляріи, чтобы она постаралась завести запасные магазины, но совѣтъ пропалъ попусту, какъ видно изъ того, что въ 1769 году императрица писала И. П. Елагину, служившему въ дворцовой канцеляріи: «въ дворцовыхъ, конюшенныхъ и собственныхъ вотчинахъ сдѣлать, по примѣру бобриковской волости, хлѣбные магазины на цѣлый годъ, и въ которой деревнѣ сіи магазины полны, тѣмъ мужикамъ дозволить продать свой хлѣбъ, или и кто оный купить можетъ, за море отпустить.—Ивану Перфильевичу на размышленіе задается».

Однако, пока Иванъ Перфильевичъ думалъ, крестьянамъ, въ случаѣ неурожая, по прежнему приходилось голодать. Въ вороночской дворцовой волости (нынѣшней псковской губ.) въ 1770 году не уродился ржаной хлѣбъ, такъ что на самой лучшей землѣ было получено вдвое противъ посѣва, а многіе не вымолотили и сѣмянъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ вслѣдствіе чрезвычайно дождливой погоды въ 1769 году вовсе не сѣяли ржи, а вмѣсто нея весною посѣяли яровой хлѣбъ, которымъ кое-какъ пропитывались, но и то невѣянымъ. Однако же и такого хлѣба не хватило; въ началѣ 1771 г. начался сильный голодъ и крестьяне лежали опухшіе; скотъ былъ также боленъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ донесъ въ дворцовую канцелярію, что «послѣ-

довать можетъ неотмѣнно всѣмъ жительствующимъ въ оныхъ деревняхъ крестьянамъ и скоту смерть, ибо (корма) ни купить, ни достать негдѣ, а по большому убожеству и не на что». Въ красногородской дворцовой волости (также въ нынѣшней псковской губ.) было 470 человѣкъ, выходцевъ изъ Польши; вслѣдствіе неурожая 1770 года многіе изъ нихъ питались хлѣбомъ, испеченнымъ изъ овсяной мякины и изъ льнянаго сѣмени, смѣшаннаго также съ мякиною (образчикъ его былъ присланъ въ дворцовую канцелярію), а у другихъ и того не было, такъ что, по словамъ управителя псковскихъ волостей, «они бываютъ голодными сутки по двое и больше и нужное пропитаніе имѣютъ, скитаясь по міру съ малолѣтними дѣтьми, отъ подаянія милостыни»; нѣкоторые же лежали сильно опухшіе. Дворцовая канцелярія, получивъ донесеніе Сиверса и управителя псковскихъ волостей, обратилась въ сенатъ съ просьбою, чтобы онъ приказалъ отпустить взаймы изъ псковскаго и опочецкаго провіантскихъ магазиновъ около 1,500 четвертей хлѣба. Но оказалось, что тамъ было запасовъ не болѣе того, сколько необходимо для прокормленія войска.

III.

Дворцовая канцелярія.—Приказы.—Управители и ихъ злоупотребленія.—Учрежденіе управительскихъ конторъ.—Мірскіе сходы.—Выборныя крестьянскія власти.—Волненія дворцовыхъ крестьянъ.

Въ концѣ XVII вѣка высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ вѣдались всѣ дворцовыя вотчины, былъ Приказъ Большого Дворца. При Петрѣ В. одно время онѣ состояли въ вѣдѣніи ингерманландской канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ, которая, впрочемъ, скоро была уничтожена. Приказъ Большого Дворца или продолжалъ все время существовать, или былъ опять возстановленъ,—по крайней мѣрѣ, мы вновь встрѣчаемъ его въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Затѣмъ, кажется, въ 1724 году учрежденіе это стало называться дворцовою канцеляріею, хотя иногда по старой привычкѣ названія: «Приказъ Большого Дворца» и «дворцовая канцелярія», употреблялись безразлично. Въ 1721 году дворцовыя и конюшенныя вотчины велѣно было соединить въ одно вѣдомство, и вслѣдъ затѣмъ ихъ поручено было вѣдать въ Москвѣ царедворцу Баскакову, а въ 1724 году онѣ поручены были въ вѣдѣніе оберъ-гофмейстера Олсуфьева вмѣстѣ съ дворцовою канцеляріею. До 1746 года дворцовая канцелярія находилась въ Москвѣ, а въ Петербургѣ

была ея контора, но съ этого времени эти учрежденія перемѣнились мѣстами. Для дворцовыхъ крестьянъ дворцовая канцелярія стала съ 1725 года высшею судебною инстанціею по гражданскимъ дѣламъ между ними самими, а также въ тѣхъ дѣлахъ съ посторонними, гдѣ они являлись отвѣтчиками. Когда же они были истцами, то должны были бить челомъ на постороннихъ тамъ, гдѣ ихъ «соперники вѣдомы». Въ уголовныхъ же, на основаніи инструкціи губернаторамъ и воеводамъ 1725 года, они судились «у губернатора съ товарищи и въ городѣхъ у воеводъ». Въ 1732 г. выборные старосты алатырскихъ дворцовыхъ крестьянъ заявили, что помѣщики помимо дворцовой канцеляріи бьютъ на нихъ челомъ о своихъ бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ, о пожилыхъ деньгахъ за нихъ, о выводныхъ деньгахъ за вдовъ и дѣвокъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, дворцовыхъ крестьянъ и мордву забираютъ въ алатырскую канцелярію, долго держать подъ карауломъ и принуждаютъ платить выводныя деньги, продавая ихъ пожитки и хлѣбъ. Они жаловались также, что полковники Сытинъ и Рѣдкинъ присылаютъ по разнымъ дѣламъ унтеръ-офицеровъ съ командами, а тѣ живутъ въ ихъ деревняхъ на счетъ крестьянъ. Сенатъ, подтвердивъ правило, установленное раньше относительно подсудности дворцовыхъ крестьянъ, приказалъ, если по какому-нибудь дѣлу потребуется взять дворцоваго крестьянина, то давать знать полковникамъ и офицерамъ, находящимся на вѣчныхъ квартирахъ, а тѣ должны извѣщать управителя и старостъ дворцовыхъ волостей, «и тамо безъ разоренія брать тѣхъ, до которыхъ дѣло есть».

При Екатеринѣ II, въ вѣдомствѣ дворцовой канцеляріи состояли дѣла трехъ родовъ: 1) спорныя и исковыя дѣла дворцовыхъ крестьянъ съ посторонними владѣльцами; 2) о воровствѣ, разбояхъ, убійствѣ и корчемствѣ, и 3) дѣла дворцовыхъ крестьянъ между собою. Въ 1774 году велѣно было передать два первые разряда дѣлъ въ общія учрежденія и только третій оставить въ вѣдомствѣ дворцовой канцеляріи. Впредь дворцовая канцелярія не должна была вчинать никакихъ дѣлъ, принадлежащихъ до общихъ учрежденій, не принимать отъ постороннихъ лицъ исковыхъ челобитенъ въ такихъ дѣлахъ, а должна была только стараться, «узнавъ существо прошенія, миролюбно сосѣдственнымъ порядкомъ ссору прекратить, возвратить обиженному у него отнятое или, увидя неправедныя требованія, нарядить въ судъ стряпчаго къ защищенію крестьянъ». Такимъ образомъ, при искахъ на постороннихъ людахъ въ общихъ учрежденіяхъ, дворцовые крестьяне начинали дѣло не иначе, какъ при посредствѣ

дворцовой канцеляріи. Въ такихъ случаяхъ они должны были заявлять въ этомъ учрежденіи свои жалобы; если онѣ оказывались справедливыми, то имъ давали стряпчаго съ наставленіемъ, какъ ему поступать при производствѣ дѣла. При жалобахъ посторонних лицъ на дворцовыхъ крестьянъ, присутственныя мѣста также должны были требовать повѣреннаго стряпчаго отъ дворцоваго вѣдомства.

Въ дворцовой канцеляріи присутствовали — оберъ-гофмейстеръ и гофмейстеръ. Оберъ-гофмейстеромъ при Екатеринѣ II былъ сначала Скавронскій, а впослѣдствіи И. П. Елагинъ.

Въ 1765 году собственная вотчинная канцелярія, управлявшая государевыми крестьянами, была присоединена къ дворцовой канцеляріи, а контора ея къ московской дворцовой конторѣ. Но дворцовая конюшенная канцелярія, управлявшая конюшенными крестьянами, существовала при Екатеринѣ II какъ особое учрежденіе.

Съ учрежденіемъ по губерніямъ казенныхъ палатъ и директоровъ домоводства, имъ было передано управленіе и дворцовыми крестьянами. Вслѣдствіе этого въ 1786 г. главная дворцовая канцелярія и ея московская контора были уничтожены, а дѣла, остававшіяся въ ихъ вѣдѣніи, были переданы въ придворную контору; доходы же, собираемые казенными палатами съ крестьянъ, предписано было отсылать въ государственное казначейство, а изъ нихъ въ придворную контору, «дабы по двору въ нужныхъ его расходахъ не произошло остановки».

Какъ въ концѣ XVII вѣка отъ Приказа Большаго Дворца зависѣли мѣстные дворецкіе приказы (намъ извѣстно, напримѣръ, существованіе псковскаго дворецкаго приказа), такъ въ XVIII в. подъ вѣдѣніемъ дворцовой канцеляріи и ея конторы въ Москвѣ существовали мѣстныя дворцовыя конторы, напримѣръ, нижегородская, воронежская.

Дворцовыя волости въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка управлялись приказчиками (въ 1701 г. въ московскомъ уѣздѣ было 8 приказчиковъ), а затѣмъ они стали называться управителями. Въ 1738 г. велѣно было опредѣлять въ управители изъ отставныхъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ и изъ дворянъ. Однако оказалось, что дворцовая канцелярія опредѣляла въ подвѣдомственныя ей волости «не токмо изъ дворцовыхъ служителей и изъ разночинцевъ, но и изъ холопей, записывая ихъ въ дворцовые чины, людей самыхъ убогихъ, которые... не о управленіи по должности своихъ дѣлъ старались, но токмо собственной своей прибыли искали и крестьянъ излишними сверхъ указовъ сборами

и грабежомъ и взятками въ конецъ разоряли», такъ что на этихъ управителяхъ оказался начетъ болѣе 100,000 руб. Вслѣдствіе этого велѣно было съ 1741 г. опредѣлять на эти мѣста отставныхъ офицеровъ изъ дворянъ, имѣющихъ достаточное пропитаніе со своихъ деревень.

Въ 1765 году всѣхъ дворцовыхъ управительствъ въ Россіи было 62. Число крестьянъ, составлявшихъ одно управительство, было весьма различно; въ составъ его входили то одна, то нѣсколько волостей. Въ одной волости московской губерніи, составлявшей особое управительство, было всего 85 душъ, въ другой — 152 души; но гораздо чаще были управительства по нѣскольку тысячъ душъ. Во главѣ каждаго управительства стоялъ управитель, при которомъ, повидимому, всегда состояла приказная изба (мѣстами она называлась земской избою); въ ней, кромѣ управителя, засѣдали подъячіе.

Управители изъ дворянъ, имѣющіе «отъ своихъ деревень довольное пропитаніе», оказались ничѣмъ не лучше прежнихъ; такъ что правительство въ 1754 г. принуждено было подтвердить указомъ, чтобы они не брали взятокъ при рекрутскихъ наборахъ. Приведемъ одинъ примѣръ ихъ злоупотребленій въ царствованіе Екатерины II. Въ 1764 году нѣсколько крестьянъ дворцовой борисоглѣбской волости, казанскаго уѣзда, заявили подполковнику Свѣчину, посланному правительствомъ въ казанскую губернію, слѣдующее: назадъ тому лѣтъ пять въ ихъ волость присланъ былъ управителемъ маіоръ Турсуковъ. Войдя въ соглашеніе съ семнадцатью крестьянами разныхъ селъ и деревень двухъ дворцовыхъ волостей, онъ съ ихъ помощію «чинитъ имъ великія обиды». Немедленно по пріѣздѣ, онъ взыскалъ въ свою пользу сто рублей съ борисоглѣбской и царицынской волостей. Затѣмъ въ 1762 г., отнявъ у крестьянъ одной деревни принадлежавшія имъ двѣ мельницы, онъ отдалъ ихъ во владѣніе двумъ крестьянамъ — своимъ пріятелямъ, и принудилъ жителей деревни, которой эти мельницы принадлежали, выдать на нихъ владѣнное письмо. Крестьяне жаловались дворцовой канцеляріи, но это вызвало только новое насиліе со стороны Турсукова. Онъ нѣсколько разъ самъ назначалъ крестьянскихъ выборныхъ, заставилъ крестьянъ, подъ угрозою истязаній, приложить руки къ заявленію о томъ, что они желаютъ его имѣть управителемъ и, кромѣ того, съ помощію побой и разныхъ насилій, собиралъ съ нихъ деньги для подарковъ тому лицу въ Москвѣ, «на кого онъ надежду имѣлъ» (всего онъ собралъ съ нихъ на это болѣе 300 рублей). Сплошь и рядомъ были и другіе поборы для Турсукова. При сборѣ

подушныхъ взыскивали съ крестьянъ лишнихъ ежегодно отъ 12 до 20 копѣекъ, да при сборѣ дворцоваго оброка отъ 14 до 25 копѣекъ съ каждой души и т. под. Турсуковъ заставлялъ также содержать разсыльныхъ не только при земской избѣ, но и при своемъ домѣ для собственныхъ надобностей; наемъ этихъ десяти разсыльныхъ, по 12 рублей въ годъ каждому, обошелся крестьянамъ въ теченіи четырехъ лѣтъ въ 480 рублей.

Совершая разныя беззаконія въ управляемыхъ имъ волостяхъ, Турсуковъ, естественно, желалъ задобрить мѣстныя власти; онъ дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что оно ему ничего не стоило. Онъ приказывалъ крестьянамъ, которые находились въ его управленіи, лѣтомъ косить сѣно на поволжскихъ лугахъ близъ Казани для тамошняго губернатора князя Тенишева. Для этого человѣкъ 100 ежегодно работало въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, разумѣется, безъ всякой платы; а для отвозки этого сѣна, Турсуковъ зимою назначалъ по сту подводъ на время около двухъ недѣль. Когда губернаторъ сталъ строить себѣ домъ въ деревнѣ, то къ нему для возки бревенъ и досокъ было отправлено еще столько же подводъ и на такое же время.

Когда находившемуся въ Казани генералъ-маіору Миллеру велѣно было произвести слѣдствіе по жалобѣ крестьянъ на отнятіе у нихъ мельницы, то они кстати заявили ему и о другихъ притѣсненіяхъ управителя. Турсуковъ, узнавъ объ этомъ, хотя былъ уже тогда отрѣшенъ отъ должности, захватилъ силою въ земскую избу трехъ ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ и такъ наказалъ ихъ плетьми, что они заболѣли. Другого крестьянина онъ посадилъ подъ караулъ, высѣкъ его плетьми, припомнивъ ему при этомъ, что онъ ходилъ на него жаловаться, и, наконецъ, приковалъ его цѣпью къ стѣнѣ. Послѣ всѣхъ этихъ истязаній этотъ несчастный, по словамъ его товарищей, «былъ отчаяteленъ своего живота».

Въ мужицкій карманъ запускали руку и другія мѣстныя власти, начиная отъ приказныхъ служителей и солдатъ губернской канцеляріи, которые, при своихъ разъѣздахъ, норовили безплатно брать подводы и съѣстные припасы, и кончая вальдмейстерами, опредѣленными для надзора за дубовыми лѣсами, которые, въ каждый свой пріѣздъ, облагали крестьянъ денежными поборами. Жаловаться въ казанскую губернскую канцелярію было безполезно, такъ какъ тамъ господствовало такое же лихоимство, и въ случаѣ жалобы, по словамъ крестьянъ, тамъ пришлось бы истратить еще болѣе денегъ, такъ какъ «безденежно никакого

дѣла не дѣлаютъ», къ тому же боялись, что губернаторъ, по дружбѣ съ Турсуковымъ, еще хуже ихъ разоритъ.

Сенатъ приказалъ дворцовой канцеляріи немедленно разслѣдовать это дѣло.

Въ 1774 году управители въ дворцовыхъ волостяхъ были уничтожены, крестьяне должны были управляться впредь старостами и выборными, а какъ посредствующія инстанціи между крестьянскими властями и главною дворцовою канцеляріею съ ея конторою — были учреждены управительскія конторы въ сеи мѣстахъ: въ тамбовской провинціи, бѣлогородской, смоленской и нижегородской губерніяхъ, казанской и астраханской (для послѣднихъ двухъ одна контора), въ архангелогородской и новгородской губерніяхъ, т.-е. во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились дворцовые крестьяне. Онѣ были учреждены, по примѣру экономическихъ правленій, «для прекращенія крестьянскихъ волокитъ и происходящаго отъ того разоренія въ разсужденіи собственныхъ ихъ между собою личныхъ и между двухъ деревень или селъ общихъ ссоръ». Управительскія конторы должны были стараться о размноженіи хлѣбопашества, во-время собирать и доставлять въ дворцовую канцелярію оброки, удерживать крестьянъ отъ «нахальнаго житія» съ сосѣдями и защищать ихъ самихъ отъ обидъ. При разборѣ ссоръ между крестьянами, управительскія конторы должны были устроить такъ, чтобы каждый изъ спорящихъ выбиралъ но одному судьѣ изъ своихъ товарищей, которые въ присутствіи головы или старосты и рѣшали дѣло «на подобіе третейскаго суда». Управительскія конторы должны были также заботиться о полюбовномъ размежеваніи крестьянъ съ посторонними. Онѣ судили и мирили крестьянъ въ ихъ домашнихъ ссорахъ, а также разсматривали ихъ жалобы на постороннихъ, и если онѣ были законны, входили съ прошеніями въ общія учрежденія.

Нѣкоторые изъ служащихъ въ этихъ конторахъ оказались еще почище прежнихъ управителей. Въ 1774 году въ нижегородскую контору былъ опредѣленъ капитанъ Декановскій. Ему велѣно было вмѣстѣ съ управителемъ выбрать въ каждой волости необходимое число людей «изъ крестьянъ добраго состоянія и самыхъ надежныхъ», хотя, по указу того же года, крестьяне должны были сами избирать своихъ властей. Быть можетъ, это вмѣшательство члена конторы обусловливалось смутнымъ временемъ, которое тогда переживало Поволжье, благодаря пугачевщинѣ. Декановскій, разъѣзжая съ подьячимъ и служителями по всѣмъ дворцовымъ волостямъ, сбиралъ съ нихъ въ свою пользу

деньги и медъ и бралъ, не платя прогоновъ, множество подводъ для отвоза его самого и собранныхъ припасовъ. Но въ одномъ селѣ алатырскаго уѣзда, офицеръ, проѣзжавшій тамъ курьеромъ отъ графа Панина, замѣтилъ его злоупотребленія, арестовалъ его и привезъ къ Панину. При этомъ у него нашли 2,656 р., которые и были возвращены тѣмъ, у кого были взяты. Впослѣдствіи оказалось, что взятки эти вынуждались наказаніемъ плетьми, такъ что одинъ крестьянинъ даже умеръ отъ истязанія. Декановскій съ подьячимъ собрали 3,165 руб., 41 пудъ меду; кромѣ того, въ арзамасскихъ дворцовыхъ волостяхъ—2,360 р., да меду Декановскій—50 кадушекъ, а подъячій—55 пуд. Декановскаго императрица приказала, лишивъ всѣхъ чиновъ, сослать въ каторжную работу въ Сибирь безъ срока, а подъячій, по приговору юстицъ-коллегіи, былъ наказанъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и поставленіемъ знаковъ, и затѣмъ, закованный въ кандалы, сосланъ въ Сибирь.

Раскладка повинностей и управленіе домашними дѣлами крестьянъ находились въ рукахъ мірскихъ сходовъ и выбираемыхъ ими властей. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, сходы эти должны были собираться не иначе, какъ по предписанію управителя; но правило это нерѣдко нарушалось, и наконецъ, въ 50-хъ годахъ дворцовое управленіе пожелало ограничить право всѣхъ крестьянъ-домовладѣльцевъ участвовать на сходѣ и строго запретило имъ собираться по собственному усмотрѣнію. Вотъ по какому поводу принята была эта мѣра.

Въ маѣ 1754 года отъ «управительскихъ дѣлъ» дворцовой городецкой волости (нижегородской губерн.) было прислано слѣдующее донесеніе: «городецкой волости мірскіе крестьянамъ сходы бываютъ собираемы не по однимъ отъ управительскихъ дѣлъ нарядамъ, но по самовольнымъ крестьянскимъ прихотямъ, и на оныхъ руки у крестьянъ берутъ, и послѣ того какіе о чемъ приговоры сочиняютъ, о томъ ни о чемъ къ онымъ управительскимъ дѣламъ не представляютъ, да и на тѣхъ сходахъ крестьяне бываютъ не только не первостатейные и не великотяглые, но средостатейные и по бо́льшей части изъ посредственныхъ слободскіе жители и близъ же Городца изъ жительствующихъ крестьянъ». (По своей зажиточности крестьяне раздѣлялись на три разряда: первостатейныхъ, или великотяглыхъ, средостатейныхъ и рядовыхъ). «И при томъ же сходѣ нѣсколько было человѣкъ и наймитовъ въ рекруты, кои никакихъ подагей не заплатятъ и живутъ праздно, и по бо́льшей части шатаются по кабакамъ. И что тѣмъ средостатейнымъ разсудится въ угодность, то имъ, най-

митамъ, и кричать приказываютъ, причемъ уже и другіе крестьяне принуждены быть въ ихъ надобности согласными, а въ какой силѣ у нихъ бываетъ разсужденіе, всѣмъ знать и ясно толковать не даютъ, да и невозможно, для того, что въ одну на сходѣ бытность, онъ, управитель, видѣлъ (что) почти два человѣка всѣхъ крестьянъ въ свое послушаніе привлекли».

Слѣдовательно, обычный порядокъ былъ такой, что сходы крестьянъ собирались по предписанію управителя, и на нихъ приказные служители «у крестьянъ руки брали и имена ихъ записывали»; такимъ образомъ, постановлялись письменные приговоры, которые и доводились до свѣдѣнія «управительскихъ дѣлъ». Участвовать на сходѣ могли только тѣ, кто платилъ подати, но такъ какъ подати вносились за всѣ ревизскія души, то это не значитъ, разумѣется, чтобы всѣ подростки имѣли на сходѣ право голоса; напротивъ, пользоваться этимъ правомъ, очевидно, могли только тѣ, кто былъ отвѣтственъ передъ міромъ въ аккуратной уплатѣ податей, т.-е. домовладѣльцы.

Участіе на сходѣ наймитовъ въ рекруты, зависимыхъ отъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ наняли, противорѣчило обычнымъ правиламъ, которыми руководствовались сходы; но, какъ видно, управитель былъ главнымъ образомъ недоволенъ тѣмъ, что преобладающимъ вліяніемъ пользовались не самые зажиточные крестьяне, съ которыми ему было всего выгоднѣе дружить, а «средостатейные и небогатые». Сладить съ немногими ему было бы гораздо легче, чѣмъ съ цѣлымъ міромъ, и вотъ онъ предлагаетъ дворцовой канцеляріи установить такой порядокъ. Въ городецкой волости было двадцать-девять вытей. Управитель предложилъ, чтобы изъ первостатейныхъ и немалотяглыхъ крестьянъ выбрать по три человѣка и взять отъ остальныхъ письменные приговоры, что они довѣряютъ имъ рѣшеніе разныхъ мірскихъ дѣлъ. И затѣмъ на сходы собирать только этихъ выборныхъ и сотскихъ, самовольные же крестьянскіе сходы строго воспретить.

Дворцовая канцелярія согласилась на это предложеніе и уже приказала ввести такой порядокъ не въ одной городецкой, а во всѣхъ дворцовыхъ волостяхъ.

Такое ограниченіе правъ крестьянъ вызвало съ ихъ стороны неудовольствіе. Въ смоленскомъ уѣздѣ изъ мѣщанъ села Духовщины и крестьянъ духовской волости, 350 человѣкъ безропотно подчинились распоряженію дворцовой канцеляріи, но 209 заявили просьбу, чтобы «выборнымъ крестьянамъ не быть и на сходы не ходить», и чтобы дѣла рѣшались по прежнему, на общемъ сходѣ. Дворцовая канцелярія на это не согласилась и,

опасаясь, что крестьяне будутъ стоять на своемъ и не допустятъ сорокъ три человѣка, выбранныхъ ихъ товарищами, ходить на сходы, приказала, въ случаѣ такихъ «противностей», виновныхъ наказывать плетьми на мірскомъ сходѣ.

Такимъ образомъ, дворцовое управленіе, вмѣсто сходовъ всѣхъ тяглыхъ крестьянъ для управленія мірскими дѣлами, думало ввести собраніе ихъ выборныхъ; но такъ какъ это совершенно противорѣчило обычаямъ народа, привыкшаго распредѣлять повинности на собраніи всѣхъ крестьянъ, отвѣтственныхъ передъ міромъ въ ихъ исправномъ отбываніи, то слѣдовало ожидать, что нововведеніе, сдѣланное дворцовою канцеляріею, не привьется и скоро должно будетъ уступить мѣсто прежнему порядку.

Дѣйствительно, немедленно оказалось, что вовсе не собирать «валовыхъ» мірскихъ сходовъ нельзя. Когда въ концѣ этого же самаго года дворцовое управленіе издало указъ, воспрещавшій управителямъ притѣснять крестьянъ во время рекрутскихъ наборовъ, то его велѣно было прочесть на «валовыхъ» сходахъ. Слѣдовательно, ихъ приходилось собирать хотя бы для обнародованія извѣстнаго распоряженія; но и передача раскладокъ различныхъ повинностей въ вѣдѣніе только выборныхъ отъ крестьянъ, такъ сказать малаго схода, не продержалась и нѣсколькихъ лѣтъ. Когда въ 1757 году правительство позволило дворцовымъ крестьянамъ сдавать въ рекруты съ зачетомъ въ будущіе наборы «гуляковъ и противниковъ», а также скрывавшихся прежде отъ рекрутчины и безпашенныхъ бобылей, то отдавать ихъ велѣно было не иначе, какъ «со всего мірского согласія, а не однихъ старостъ, выборныхъ и горлановъ и ябедниковъ», и для этого велѣно было собирать «валовые» мірскіе сходы, на которыхъ должны были присутствовать сами управители съ тѣмъ, чтобы не допускать никакихъ злоупотребленій со стороны старостъ и выборныхъ.

На мірской сходъ собирались крестьяне всей волости, величина же волостей была очень различна, какъ различна была величина и управительствъ. Управительство состояло то изъ одной, то изъ нѣсколькихъ волостей. Такъ, напр., въ московской губерніи село Люберицы, съ приписными къ нему деревнями, составляло каждое одно управительство; точно также волости хотунская, арополческая. Напротивъ, троицко-острожское управительство, воронежской губерніи, состояло изъ трехъ волостей. Численность народонаселенія дворцовыхъ волостей была крайне различна: отъ 85 ч. до 15,000 душъ. Управитель городецкой волости указывалъ на затруднительность для крестьянъ ходить

на мірскіе сходы, такъ какъ волость эта довольно обширная и приходится собираться издалека. Между тѣмъ, въ 1765 г. въ ней было только 7,248 душъ; слѣдовательно, въ волостяхъ съ большимъ населеніемъ было еще затруднительнѣе для крестьянъ ходить на мірскіе сходы, тѣмъ не менѣе они считали для себя настолько важнымъ право лично участвовать въ раскладкѣ податей и повинностей и рѣшеніи другихъ мѣстныхъ дѣлъ, что они были недовольны попыткою дворцоваго управленія передать собранію выборныхъ завѣдываніе дѣлами всей волости.

Выборныя крестьянскія власти состояли изъ старостъ, выборныхъ, сотскихъ, десятскихъ и сборщиковъ податей. Старостъ и выборныхъ въ волости было нѣсколько. Что касается сотскихъ, то ихъ было по одному отъ каждой выти. (Въ самомъ началѣ XVIII вѣка на выть въ московскомъ уѣздѣ приходилось по 16 или около того дворовъ; въ 50-хъ годахъ въ духовской волости въ каждой выти было около ста человѣкъ). Доношенія отъ имени крестьянъ и прошенія, если для этой цѣли не было выбрано особыхъ челобитчиковъ, подавали старосты. Сборщики податей и счетчики «въ отдачѣ денежной казны» были также выборные. Въ 1751 году дворцовая контора предписала, чтобы старосты, сборщики и «другіе расходчики» опредѣлялись по очереди съ крестьянскихъ тяглъ безъ денежной «подмоги», но, впрочемъ, какъ исключеніе, дозволялось давать имъ и денежную плату. Старосты, выборные, сборщики и счетчики денежной казны должны были служить въ теченіи только одного года, но оказалось, что управители не смѣняли ихъ ежегодно, а оставляли ихъ на службѣ безсмѣнно отъ двухъ до пяти лѣтъ, если выборныя власти помогали имъ притѣснять крестьянъ. Поэтому, въ началѣ 1758 года велѣно было смѣнить всѣхъ выборныхъ и опредѣлить другихъ по желанію крестьянъ, причемъ управители отнюдь не должны были вмѣшиваться въ эти выборы. Затѣмъ ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ, должны были смѣнять всѣхъ должностныхъ лицъ изъ крестьянъ и списокъ ихъ присылать въ дворцовую контору. Если выбранные крестьянами люди растрачивали казенныя деньги, то весь міръ отвѣчалъ за нихъ и пополнялъ недочетъ. Такъ, напр., въ такомъ случаѣ, у крестьянина воронежской губерніи, бывшаго счетчикомъ, былъ проданъ домъ и пожитки, а остальныя деньги взысканы съ выбравшихъ его крестьянъ.—Въ казанскомъ уѣздѣ дворцовымъ крестьянамъ приходилось еще выбирать сотниковъ и десятниковъ для храненія дубовыхъ лѣсовъ. О назначеніи крестьянами изъ своей среды разсыльщиковъ, сторожей и истопниковъ на управительскомъ дворѣ, мы уже говорили. —

Немаловажнымъ лицомъ въ крестьянскомъ управленіи былъ волостной писарь, который назывался въ первые годы XVIII вѣка земскимъ дьячкомъ, а потомъ просто земскимъ. Эта должность была также выборная.

Кромѣ всѣхъ обычныхъ выборныхъ властей, крестьянамъ отъ времени до времени приходилось выбирать челобитчиковъ для представленія своихъ жалобъ въ центральное дворцовое управленіе. Ихъ, разумѣется, надѣляли деньгами на дорогу. Случалось, что такіе челобитчики оказывались людьми недобросовѣстными и вводили своихъ довѣрителей въ значительные расходы. Поэтому, въ 1751 году сенатъ запретилъ давать челобитчикамъ, посланнымъ дворцовыми крестьянами, деньги подъ векселя и заемныя письма; то же самое не разъ подтверждала и дворцовая канцелярія. Но въ 1755 г. она замѣтила, что дворцовые крестьяне, называющіеся мірскими челобитчиками, «сочиняя фальшивые отъ имени крестьянъ выборы», занимали у разныхъ людей деньги, будто бы необходимыя имъ для ходатайства по дѣламъ, а въ волостяхъ челобитчики собирали на необходимые для этого расходы по пятидесяти, по сту и болѣе рублей. Поэтому дворцовая канцелярія приказала, чтобы впредь, посылая своихъ повѣренныхъ въ Петербургъ или Москву, крестьяне снабжали ихъ мірскими приговорами, а денегъ давали не болѣе того, сколько нужно для прокормленія на дорогѣ; при этомъ не должно было производить никакихъ сборовъ съ крестьянъ. Если же челобитчикамъ, а также посланнымъ для отдачи рекрутъ понадобятся деньги, то они могутъ требовать ихъ въ Петербургѣ отъ дворцовой канцеляріи, а въ Москвѣ — отъ ея конторы, если на это имъ дано будетъ разрѣшеніе въ мірскомъ приговорѣ, въ которомъ должно быть упомянуто, сколько они уже получили отъ міра. Тогда имъ будутъ выдавать деньги на счетъ тѣхъ волостей, отъ которыхъ они были посланы. Но если, по возвращеніи домой, окажется, что они растратили ихъ безъ надобности, то деньги эти съ нихъ взыскивались; если же они дѣлали займы еще у кого-либо изъ постороннихъ, то крестьяне не обязаны были ихъ уплачивать и, сверхъ того, должны были жестоко наказать такихъ челобитчиковъ, а дѣтей ихъ, если они годны въ службу, сдать безъ очереди въ солдаты.

Мы уже упоминали, что, при учрежденіи управительскихъ контор въ 1774 году, управители были уничтожены и завѣдываніе домашними дѣлами крестьянъ осталось исключительно въ рукахъ ихъ выборныхъ властей. «Крестьяне», — сказано было въ изданномъ по этому случаю указѣ, — «подъ присмотромъ управи-

тельскихъ конторъ, изберутъ себѣ въ головы лучшихъ изъ міру людей, подъ именемъ старостъ и выборныхъ, которые, не отягощая міръ излишними и такъ до сего называемыми «на необходимые расходы» поборами, станутъ сбирать только одни положенные по указамъ, какъ государственныя подати, такъ и дворцовые оклады», и отвозить ихъ въ свои конторы. Въ случаѣ же просрочки, конторы посылали въ неисправную волость экзекутора изъ оберъ-офицеровъ. Сохранилась письменная инструкція одному изъ выбранныхъ крестьянами въ головы. Изъ нея видно, что обязанности ихъ состояли въ томъ, чтобы хранить письменныя дѣла, собирать съ крестьянъ оброкъ и присылать по третямъ года въ дворцовую канцелярію вѣдомости о томъ, какъ идетъ этотъ сборъ, наказывать обвиненныхъ крестьянскимъ судомъ и записывать эти наказанія въ журналъ, составлять ревизскія сказки, вѣдомости о недоимкѣ и т. п. Выборный былъ помощникомъ головы или старосты. Письменныя дѣла, по прежнему, велъ земскій.

Несмотря на нѣкоторыя указанныя нами злоупотребленія управителей, экономическое положеніе дворцовыхъ крестьянъ было сравнительно недурно. Лучшимъ указателемъ тяжелаго положенія крестьянъ служатъ побѣги и волненія. Между тѣмъ, въ архивныхъ дѣлахъ, если и встрѣчаются указанія на побѣги дворцовыхъ крестьянъ, то причинами этого было или желаніе спастись отъ рекрутчины, или временное тяжелое положеніе вслѣдствіе неурожая.

Волненій дворцовыхъ крестьянъ почти вовсе не было. Только въ 1765 году тамбовскіе крестьяне помогли крѣпостнымъ Фролова-Багрѣева въ сопротивленіи воинской командѣ. Они вмѣшались въ это дѣло потому, что эти крѣпостные прежде вмѣстѣ съ ними принадлежали къ дворцовой волости, которая въ 1732 году была пожалована во владѣніе одному лицу, а черезъ нѣкоторое время небольшая часть ея была продана Фролову-Багрѣеву. Когда, по смерти жены прежняго владѣльца, всѣ остальные его крестьяне были вновь присоединены къ дворцовымъ волостямъ, тѣ, которые остались во владѣніи Фролова-Багрѣева, сочли, что онъ неправильно присвояетъ ихъ себѣ. Въ этомъ мнѣніи ихъ поддерживали и товарищи, вновь перешедшіе въ дворцовое вѣдомство. Началось волненіе, для усмиренія котораго было послано войско; дворцовые крестьяне поддержали крѣпостныхъ, и въ стычкѣ былъ убитъ одинъ офицеръ и ранено 12 солдатъ. Потомъ дворцовые крестьяне укрывали въ своихъ домахъ крѣпостныхъ Фролова-Багрѣева и не давали ихъ арестовать.

Въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостяхъ было еще какое-то ослу-

шаніе крестьянъ въ 1768 г., повидимому, по поводу взысканія недоимокъ; но подробности намъ неизвѣстны. Мы упоминали также о сопротивленіи крестьянъ ярославской губерніи послѣ рѣшенія ихъ поземельнаго спора съ сосѣднимъ помѣщикомъ.

IV.

Проектъ Елагина объ измѣненіи быта дворцовыхъ крестьянъ.—Обращеніе въ удѣльныхъ при имп. Павлѣ.—Крестьяне, приписанные къ дворцамъ и садамъ.

Ко времени вступленія на престолъ имп. Екатерины II положеніе дворцовыхъ крестьянъ, какъ мы уже видѣли, почти совершенно сравнялось съ положеніемъ крестьянъ казенныхъ, и имъ жилось довольно сносно. Но въ первые годы этого царствованія имъ грозила большая опасность. Одинъ изъ членовъ главной дворцовой канцеляріи,—слѣдовательно, лицо, мнѣніе котораго легко могло быть принято правительствомъ,—предложилъ въ январѣ 1766 года произвести коренную реформу въ поземельныхъ отношеніяхъ этихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить и систему взимаемыхъ съ нихъ денежныхъ сборовъ. Мнѣніе это было подано И. П. Елагинымъ. Елагинъ за услуги, оказанныя имъ Екатеринѣ, когда она была еще великою княгинею, во время ея близкихъ отношеній къ Понятовскому, въ 1758 г. былъ арестованъ и высланъ въ деревню. Понятно, что, со вступленіемъ на престолъ, Екатерина не забыла Елагина, и онъ быстро пошелъ въ гору. Такимъ образомъ, какъ довѣріе, которымъ пользовался авторъ проекта, такъ и то, что онъ занималъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ дворцовомъ управленіи, дѣлало возможнымъ, что проектъ этотъ будетъ принятъ во вниманіе, и если не осуществится въ полномъ составѣ, то по-крайней-мѣрѣ подастъ поводъ къ нѣкоторымъ важнымъ перемѣнамъ въ бытѣ дворцовыхъ крестьянъ. Это заставляетъ насъ подробно съ нимъ познакомиться, тѣмъ болѣе, что при этомъ мы будемъ имѣть возможность оцѣнить мнѣніе одного изъ вліятельныхъ защитниковъ подворнаго владѣнія землею при Екатеринѣ II. Елагинъ весьма издалека подходитъ къ изложенію своихъ мыслей. Онъ начинаетъ съ общихъ разсужденій о томъ, въ чемъ состоитъ «прямое благополучіе государства». По его мнѣнію, оно заключается въ томъ, чтобы всѣ пользовались «мирнымъ и безмятежнымъ житіемъ», а во-вторыхъ, чтобы государство было изобильно и богато. Послѣ длинныхъ разсужденій онъ приходитъ къ выводу, что «одно только сельское домостроительство» служитъ «надежнымъ и истиннымъ

источникомъ къ обогащенію». Для того, чтобы земледѣліе и скотоводство развивались успѣшно, Елагинъ считаетъ необходимымъ два условія: чтобы у крестьянъ было собственное недвижимое имѣніе и чтобы за ними надзирали власти, которыхъ они почитали какъ-бы своими помѣщиками и исполняли ихъ приказанія «съ любовью и страхомъ». Власти эти также должны быть побуждаемы собственною выгодою къ тому, чтобы всячески поощрять крестьянъ къ занятію земледѣліемъ. Важность перваго условія поняли многія «благоуправляемыя государства», и потому «давно уже съ пользою преобратили коронныя свои земли въ крестьянскія, учинивъ ихъ вѣчными и потомственными оныхъ обладателями».

Установивъ эти общія положенія, Елагинъ переходитъ къ разсмотрѣнію недостатковъ быта какъ «казенныхъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ состоящихъ деревень и земледѣльцевъ», такъ и другихъ крестьянъ. Тутъ онъ находитъ два главныхъ недостатка: 1) что крестьяне не имѣютъ собственнаго недвижимаго имѣнія, и 2) что система денежныхъ оброковъ, существовавшая въ то время, между прочимъ, и въ дворцовыхъ волостяхъ, отвлекаетъ крестьянъ отъ земледѣлія, и потому вредна.

Повидимому, не имѣя яснаго понятія объ общинномъ землевладѣніи у крестьянъ, Елагинъ представляетъ ихъ поземельное устройство такимъ образомъ, какъ будто они ежеминутно лишались, по желанію помѣщиковъ или управителей, своихъ поземельныхъ участковъ. Что касается дворцовыхъ крестьянъ, то это оказывается совершенно несправедливымъ. Крестьянамъ каждой вотчины было отведено отъ дворцоваго вѣдомства извѣстное количество земли; когда десятинная пашня была уничтожена, то во многихъ мѣстахъ и эти земли за опредѣленный оброкъ были переданы въ пользованіе крестьянамъ. Крестьяне дѣйствительно не были собственниками земли, но они безпрепятственно пользовались ею, передѣляя ее только время отъ времени между собою. Мы не нашли ни одного указанія, чтобы дворцовые управители, по своему произволу, уменьшали количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ. Что касается крѣпостныхъ, то помѣщики пользовались иногда своимъ правомъ ихъ обезземеливать, но это были только рѣдкія исключенія.

«Нѣтъ у насъ и не было до сего времени такого въ государствѣ распоряженія,—говоритъ Елагинъ,—чтобы каждый домъ крестьянскій.... имѣлъ участокъ земли, точно и неотъемлемо ему принадлежащій, а зависимо было и нынѣ зависитъ сіе раздѣленіе отъ самопроизволія власти, надъ деревнями опредѣленной. Она даетъ одному, отъемлетъ у другого, иногда по усмотрѣнной

надобности, а иногда и чаще по пристрастію, желая одного утѣснить, другого ущедрить, а съ обоихъ подъ ложнымъ добраго учрежденія видомъ покорыстоваться, ибо сія власть есть наемникъ, нерадящій о порученномъ ему стадѣ».

Во всемъ этомъ справедливо только одно, что крестьянинъ не былъ собственникомъ земли и даже не пользовался непрерывно однимъ и тѣмъ же участкомъ вслѣдствіе существованія общины съ передѣлами земли. Все же остальное въ примѣненіи къ дворцовымъ крестьянамъ совершенно несправедливо. «Отдаленный отъ верховной власти дворцовый управитель безотвѣтно можетъ разорить» крестьянъ, говоритъ Елагинъ. Дѣйствительно, дворцовые управители позволяли себѣ различныя злоупотребленія, хотя они и не оставались вполнѣ безотвѣтными, если ихъ насилія дѣлались извѣстными правительству; но только существованіе этихъ злоупотребленій вовсе не зависѣло отъ того, что крестьянинъ не былъ собственникомъ извѣстнаго участка земли.

Далѣе, Елагинъ указываетъ на то, какъ вредна система денежныхъ оброковъ, которая заставляетъ крестьянъ покидать земледѣліе. Вслѣдствіе отхожихъ промысловъ медленнѣе увеличивается народонаселеніе, а скопленіе народа въ столичныхъ городахъ служитъ причиною дороговизны. Но какъ ни справедливо то, что отхожіе промыслы имѣютъ много дурныхъ сторонъ, Елагинъ, какъ и большинство тѣхъ, кто жаловался въ то время на преобладаніе оброчной системы, упускалъ изъ виду, что для государства вовсе не было бы полезно насильственно побуждать крестьянъ къ земледѣльческимъ занятіямъ тамъ, гдѣ при безплодіи земли онъ могъ гораздо болѣе заработать различными промыслами. Къ тому же, и при оброчной системѣ количество рабочихъ, покидающихъ свой домъ и разлучающихся съ семействомъ, непремѣнно уменьшилось бы, если бы денежные оброки были понижены. Но Елагинъ, повидимому столь заботящійся объ обезпеченіи благосостоянія крестьянъ, не только не находитъ этого нужнымъ, но даже вопіетъ о томъ, что денежные сборы съ дворцовыхъ вотчинъ слишкомъ ничтожны. Оброкъ дворцовыхъ крестьянъ равнялся, по его словамъ, въ среднемъ 1 р. 26 копѣйкамъ, подушныхъ денегъ они платили по 70 коп. съ души, итого 1 р. 96 коп. Принимая, что изъ всего мужского народонаселенія половина способна къ работѣ, Елагинъ считалъ, что каждый работникъ платитъ по 3 р. 92 коп. А такъ какъ, живя въ бобыляхъ и казакахъ (работникахъ) у другихъ крестьянъ, онъ могъ получить въ годъ отъ 8—10 р., то, *приложивъ цѣнность пропитанія и одежды*, выходитъ, что онъ «не платитъ почти и

десятой въ казну доли». Такимъ образомъ, по словамъ самого Елагина, крестьянинъ, въ видѣ оброка и податей, вносилъ ²/₅ или даже половину своего заработка, сверхъ того, что необходимо на пищу и одежду. И этого Елагину казалось еще недостаточнымъ! Ему хотѣлось отобрать въ пользу государства едвали не весь денежный заработокъ крестьянъ.

Такія разсужденія въ той части труда Елагина, которая представляетъ критику современнаго ему положенія крестьянъ, не заставляетъ ожидать чего-либо для нихъ полезнаго и въ положительной части проекта. А между тѣмъ онъ приступаетъ къ изложенію своихъ предложеній съ такими оговорками, какъ будто бы его проектъ принесетъ крестьянамъ не вѣсть какую благодать. «Надлежитъ отвергнуть—говоритъ онъ—всѣ старыя постановленія, неимѣніе земли и неопредѣленныя подати и работы земледѣльцевъ содержащія, снабдить ихъ потомственною землею и предположить извѣстныя на нихъ поборы и работы». Онъ находитъ такую реформу необходимою и для крѣпостныхъ крестьянъ, но полагаетъ, что она встрѣтитъ отпоръ среди дворянства. «Въ цѣломъ государствѣ таковыя новости еще и предпринимать не можно, въ разсужденіи, первое, того, что помѣщики, привыкшіе почитать крестьянъ своихъ невольниками, и землю, на которой оные обитаютъ, имъ собственно принадлежащею, съ чувствительнымъ прискорбіемъ увидѣли бы, что ихъ недвижимое собственное имѣніе предается въ полное обладаніе крестьянъ ихъ, обращается въ опредѣленное повиновеніе (sic); и потому, второе, съ крайнимъ бы сокрушеніемъ сердца по единому непроницанію взиралъ дворянинъ на такую перемѣну, которая, кажется, будто прежнюю его власть уменьшаетъ, хотя напротивъ того безъ малѣйшаго оной нарушенія непремѣнное обѣщаетъ она ему самому и потомкамъ его и крестьянамъ его обогащеніе». Поэтому Елагинъ предлагаетъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній и ссылается при этомъ на примѣръ Пруссіи, Даніи, Голштиніи и Мекленбурга, гдѣ, вскорѣ послѣ того какъ правительство роздало крестьянамъ казенныя земли въ наслѣдственное владѣніе, и помѣщики нашли для себя выгоднымъ послѣдовать этому примѣру.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ проектѣ дѣло идетъ объ измѣненіи быта дворцовыхъ крестьянъ, исходною мыслью для него послужило желаніе, чтобы со временемъ и положеніе крѣпостныхъ подверглось подобному же измѣненію. Это заставляетъ думать, что Елагинъ былъ побужденъ заняться этимъ проектомъ желаніемъ, высказаннымъ Екатериною II въ началѣ ея царствованія, улучшить положеніе крѣпостныхъ. Проектъ Ела-

шина былъ поданъ императрицѣ въ январѣ 1766 года, а въ концѣ 65-го неизвѣстная особа прислала въ только-что учрежденное Вольное Экономическое Общество запросъ, въ которомъ между прочимъ писала слѣдующее: «всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой отыметъ». Исходя изъ этого общаго положенія, авторъ письма проситъ Общество разрѣшить такой вопросъ: «въ чемъ состоитъ или состоять должно, для твердаго распространенія земледѣльства, имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца. Иные полагаютъ, чтобъ то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ какого бы то званія ни было; другіе, напротивъ того, полагаютъ на одинъ участокъ земли четыре и до восьми человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ; изъ сего послѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ то, что́ тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ». Письмо это было подписано буквами И. Е., и основательно предполагаютъ, что оно было написано императрицею Екатериною. Хотя оно и не было тогда напечатано въ «Трудахъ Общества», но, разумѣется, сдѣлалось извѣстнымъ въ образованныхъ кружка́хъ. Упоминаніе въ немъ о мнѣніи тѣхъ, которые желаютъ поселить на одномъ участкѣ земли отъ 4—8 человѣкъ и назначить одного изъ нихъ хозяиномъ, такъ близко напоминаетъ идеи Елагина, съ которыми мы сейчасъ познакомимся, что приходится непремѣнно предположить, что императрица еще ранѣе бесѣдовала съ нимъ по этому вопросу, но, неубѣжденная имъ, пожелала выслушать мнѣніе другихъ образованныхъ лицъ. Елагинъ же, въ виду письма императрицы въ Общество, захотѣлъ обстоятельнѣе развить свои идеи на бумагѣ. Познакомимся теперь съ положительною частью труда Елагина.

Основная мысль его проекта заключается въ томъ, что, вмѣсто общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли по тягламъ, онъ предлагаетъ ввести землевладѣніе подворное, а для того, чтобы дворы были одинаковой величины, находитъ нужнымъ раздѣлить крестьянъ на хозяйства, съ опредѣленнымъ числомъ работниковъ въ каждомъ. Дѣленіе это онъ предполагалъ сдѣлать совершенно искусственнымъ образомъ, произвольно принявъ, что въ составъ одного хозяйства должно входить четыре работника, для достиженія чего приходилось соединить въ одно хозяйство хотя бы и постороннихъ другъ другу людей. Работниками онъ считаетъ

всѣхъ отъ 17—65 лѣтъ и принимаетъ, что люди этого возраста составляютъ половину всего населенія [1]): это подтверждаетъ, по его словамъ, «исчисленіе многихъ математиковъ», наблюденія дворянъ, живущихъ въ деревняхъ, и списки крестьянъ по возрастамъ въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ деревняхъ. Каждый крестьянинъ, зачисленный въ работники, долженъ быть, по плану Елагина, женатымъ. Женщинъ онъ считаетъ способными къ работѣ отъ 15 до 50 лѣтъ. Такимъ образомъ предполагалось, что въ каждомъ хозяйствѣ будетъ по восьми работниковъ обоего пола, да столько же дѣтей, и что каждому взрослому работнику придется платить податей и оброковъ за двѣ души. Въ каждомъ хозяйствѣ, по мірскому выбору, должно было опредѣлить одного крестьянина «главнымъ хозяиномъ», который остается имъ пожизненно и которому должны повиноваться всѣ работники, составляющіе хозяйство. Хозяинъ долженъ быть освобожденъ отъ рекрутчины.

Затѣмъ, Елагинъ переходитъ къ вычисленію того, сколько земли необходимо крестьянамъ для ихъ пропитанія и уплаты податей и оброковъ, и приходитъ къ заключенію, что одна десятина въ каждомъ полѣ, т.-е. всего три десятины пашни, могутъ прокормить работника съ женою и дѣтьми, да на уплату всѣхъ сборовъ нужно еще по полдесятины въ каждомъ полѣ; для прокормленія скота каждый работникъ долженъ имѣть по одной десятинѣ сѣнокоса, да лѣсу на дрова по одной десятинѣ, что вмѣстѣ съ пашнею составитъ шесть съ половиною десятинъ [2]).

Земля, данная въ надѣлъ каждому хозяйству, должна была оставаться въ его неотъемлемомъ, потомственномъ и нераздѣльномъ владѣніи; хозяинъ не имѣетъ права ни продать, ни заложить ея. Наслѣдникомъ хозяйства считался бы старшій въ домѣ лѣтами, не обращая вниманія на то, въ какомъ родствѣ состоитъ онъ съ умершимъ хозяиномъ. Принятый въ домъ зять имѣетъ всѣ права на наслѣдство наравнѣ съ прочими. Если же, по смерти хозяина, въ домѣ останутся только дѣти и вдовы, немогущія выдти замужъ, то вся деревня присматриваетъ за ослабѣвшимъ хозяйствомъ, и если хозяйка хорошо управляетъ домомъ и платитъ подати, то оставляютъ его въ такомъ положеніи;

---

[1]) Въ настоящее время люди этого возраста составляютъ 54% населенія. См. *Буняковскій*, Опытъ о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи православ. народ. по возрастамъ. Прилож. № 6 къ VIII т. Зап. Акад. (1865, стр. 124).

[2]) Но потомъ Елагинъ принимаетъ, забывая о своихъ прежнихъ словахъ, по одной десятинѣ вмѣстѣ и на сѣнокосъ и на лѣсъ, такъ что на все хозяйство выходитъ не двадцать шесть, а двадцать двѣ десятины.

въ противномъ случаѣ, оно берется подъ опеку въ казну и съ него слагаются подати.

Такъ какъ число крестьянъ въ каждомъ хозяйствѣ могло измѣниться, то слѣдовало установить правила, по которымъ «прибылые люди» получали бы землю, а вымороченые участки поступали въ казну. Увеличивать число хозяйствъ, переселяя прибылыхъ работниковъ на вновь отведенныя земли, можно было только при каждой новой переписи.

Хозяинъ могъ отпускать на оброкъ лишнихъ людей, но съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ оставалось дома по четыре работника.

По вычисленію Елагина, каждый работникъ могъ продать хлѣба, оставшагося отъ пропитанія своей семьи, на 7 р. 31 к.; изъ нихъ онъ долженъ внести подушныхъ за двѣ души, да еще въ видѣ оброка, находя, что «весьма легкіе поборы приводятъ въ совершенную лѣность», Елагинъ полагалъ возможнымъ взимать съ каждаго работника по 4 р. 50 к., такъ что на соль и на «пріумноженіе скотоводства» ему оставалось только 1 р. 41 к. Со всего хозяйства приходилось платить по 23 р. 60 к., т.-е. при 22-хъ-десятинномъ надѣлѣ болѣе рубля съ десятины [1]. Елагинъ указываетъ на то, что, при системѣ имъ предложенной, доходъ казны значительно увеличится. Прежде весьма немногіе изъ дворцовыхъ крестьянъ платили по два рубля оброку, а теперь самые послѣдніе будутъ платить 2 р. 20 к., въ суммѣ же доходъ съ дворцовыхъ вотчинъ увеличится почти вдвое.

Однако оказывается, что всю эту ломку стариннаго общественнаго и домашняго быта дворцовыхъ крестьянъ Елагинъ задумалъ вовсе не въ интересахъ одной казны. Главная цѣль его проекта состояла въ томъ, чтобы устроенныя по его плану дворцовыя деревни *раздать въ аренду дворянамъ.*

Въ какія же отношенія долженъ былъ стать арендаторъ къ крестьянамъ отданнаго ему въ аренду дворцоваго имѣнія? Для обработки земли въ пользу арендатора отъ каждыхъ двухъ хозяйствъ крестьяне должны были посылать по одному работнику съ лошадью и одной работницѣ, которыхъ имъ слѣдовало прокармливать на свой счетъ. Также работать на арендатора должны были всѣ приписанные къ имѣнію бобыли, которымъ онъ за это давалъ бы мѣсячину, платилъ бы за нихъ подушныя подати, какъ помѣщики за дворовыхъ и небольшой сборъ въ дворцовую

[1]) Авторъ проекта оговаривается, что въ разныхъ губерніяхъ оброки должны быть различны, смотря по плодородію земли.

канцелярію. Арендаторы должны были вносить въ казну собираемые съ крестьянъ арендуемыхъ ими вотчинъ подати и оброки. Въ первый разъ, по мнѣнію Елагина, слѣдовало раздать дворцовыя имѣнія на пятнадцати-лѣтній срокъ безъ всякой приплаты къ крестьянскимъ оброкамъ, а потомъ отдавать съ торговъ на десять лѣтъ.

Арендаторъ не долженъ требовать отъ крестьянъ никакихъ, ни денежныхъ, ни натуральныхъ поборовъ; но, кромѣ поставки работниковъ, каждое хозяйство должно было зимою дать по одной подводѣ для отвозки въ городъ (не далѣе губернскаго) разныхъ земледѣльческихъ произведеній. За неаккуратный приходъ на работу предполагалось наложить тяжелый штрафъ: по одному рублю въ день съ каждаго работника. Работать они должны были каждый день по 16-ти часовъ!

Арендаторами, которыхъ Елагинъ вездѣ называетъ «наемниками», могли быть только потомственные дворяне и притомъ служившіе въ военной или гражданской службѣ не менѣе пяти лѣтъ; выслужившіеся изъ разночинцевъ могли претендовать на аренду только по достиженіи штабъ-офицерскаго чина.

Въ заключеніе своего проекта Елагинъ просилъ дать ему возможность сдѣлать опытъ въ небольшомъ размѣрѣ близъ Петербурга. Онъ просилъ разрѣшенія перевести небольшія деревни, приписанныя къ Екатерингофу, на новую землю и произвести испытаніе на нихъ и на селѣ Рожественномъ. Онъ обѣщалъ, что даже черезъ одинъ годъ обнаружатся всѣ выгоды его системы.

Осуществленіе проекта Елагина, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ гибельнымъ образомъ отразилось бы на экономическомъ бытѣ дворцовыхъ крестьянъ: разрушеніе общины, увеличеніе вдвое денежныхъ сборовъ, наконецъ, передача въ аренду частнымъ лицамъ, съ обязанностію сверхъ уплаты податей и оброковъ, отправлять барщину—все это, конечно, совершенно подорвало бы ихъ благосостояніе. Любопытно, что не на одни дворцовыя вотчины точило зубы русское дворянство, выразителемъ похотѣній котораго явился на этотъ разъ Елагинъ. Подобныя же желанія высказывались и относительно экономическихъ крестьянъ.

Къ великому счастью дворцовыхъ крестьянъ, проектъ Елагина не былъ къ нимъ примѣненъ [1]); въ царствованіе Екате-

[1]) Мы увидимъ ниже, что была, кажется, сдѣлана попытка примѣнить его систему въ одной государевой вотчинѣ новгородской губерніи, но она возбудила страшное недовольство среди тамошнихъ крестьянъ.

рины II они были совершенно сравнены съ казенными. Изъ мѣръ относительно дворцовыхъ крестьянъ, принятыхъ въ это царствованіе, была весьма полезна отмѣна дворцовыхъ управителей и передача сельскаго управленія въ руки однѣхъ выборныхъ властей.

Но со вступленіемъ на престолъ имп. Павла, положеніе дворцовыхъ крестьянъ значительно измѣнилось. Претерпѣвши самъ отъ недостатка прочныхъ законовъ о престолонаслѣдіи, Павелъ издалъ учрежденіе объ императорской фамиліи, которое заключало въ себѣ опредѣленныя правила, какъ по этому вопросу, такъ и относительно средствъ на содержаніе императорской фамиліи. Узаконеніемъ этимъ, изданнымъ въ 1797 году, былъ учрежденъ департаментъ удѣловъ, и дворцовые крестьяне переименованы въ удѣльные.

Имѣнія, данныя въ удѣлъ, не могли ни продаваться, ни промѣниваться, а переходили по наслѣдству; по пресѣченіи же того поколѣнія, которому они были даны, должны были возвращаться въ общій составъ удѣльныхъ имѣній.

Удѣльныхъ крестьянъ велѣно было надѣлить такимъ количествомъ земли, чтобы на каждое тягло приходилось по три десятины пашни въ каждомъ полѣ, слѣдовательно, всего девять десятинъ, кромѣ усадебной земли и покосовъ. Если въ какомъ-нибудь селеніи земли не хватитъ, то должно было прикупить ее изъ казны или у частныхъ лицъ, а не то переселить нѣкоторыя семейства въ мѣста многоземельныя. Излишнюю землю, оставшуюся отъ нарѣзки крестьянамъ, предписано было оставлять въ запасъ на случай увеличенія тяголъ. Въ высшей степени важно, что правительство въ этомъ узаконеніи признало необходимость вполнѣ предоставить внутреннюю разверстку земли и связанныхъ съ нею денежныхъ платежей усмотрѣнію самихъ крестьянъ. «Каждое селеніе,—читаемъ въ учрежденіи объ императорской фамиліи,—бывъ снабдено назначеннымъ количествомъ земли для раздачи ея по тягламъ, о пріемѣ ея лично по тягламъ никакого поселянамъ принужденія не чинить; требовать только, чтобы вся опредѣленная для селенія земля поселянами, въономъ живущими, была разобрана, но сколько каждый возьметъ—сіе есть собственная каждаго воля». Землю, данную крестьянамъ, они не должны были отдавать въ оброкъ постороннимъ или оставлять впустѣ.

Оброкъ съ удѣльныхъ крестьянъ правительство рѣшило собирать не по числу душъ, а смотря по количеству обработываемой каждымъ земли, и притомъ не въ одинаковыхъ размѣрахъ во

всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Для опредѣленія размѣровъ поземельнаго сбора правительство приказало назначить «вѣрныхъ и честію испытанныхъ людей», чтобы они узнали на мѣстѣ доходность земли въ различныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ при среднемъ урожаѣ и обыкновенныхъ цѣнахъ хлѣба. Поземельный налогъ долженъ былъ собираться только съ тѣхъ десятинъ, съ которыхъ въ тотъ годъ былъ снятъ хлѣбъ; слѣдовательно, съ десятины въ двухъ поляхъ—и притомъ въ размѣрѣ половины дохода. Такъ какъ доходность земли съ теченіемъ времени измѣняется, то чрезъ каждыя десять лѣтъ предписано было производить переоцѣнку дохода, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и поземельнаго налога.

Высшимъ органомъ управленія дворцовыхъ крестьянъ сдѣлался теперь департаментъ удѣловъ. Въ зависимости отъ него должно было въ разныхъ мѣстахъ Россіи учредить экспедиціи съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ имѣла въ своемъ вѣдѣніи не менѣе 50,000 душъ, хотя бы имѣнія, завѣдуемыя одною экспедиціею, находились и въ разныхъ губерніяхъ. Департаментъ и экспедиціи должны были слѣдить за исправнымъ взносомъ государственныхъ податей и хозяйственныхъ доходовъ удѣльнаго вѣдомства; но въ то же время внутреннее управленіе крестьянъ было ограждено отъ вмѣшательства этихъ учрежденій. «Всякое разбирательство внутренняго сельскаго дѣла, выборъ начальниковъ, поставка рекрутъ и подобное оному отъ управленія и распоряженія сихъ экспедицій должно быть чуждо, и для того всякое участіе до внутренности тѣхъ сельскихъ дѣлъ экспедиціямъ удѣльнымъ... наистрожайше запрещается». Однако экспедиціи имѣли не мало поводовъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла крестьянъ: онѣ должны были наблюдать, чтобы ежегодно накидывалось прибавившееся число тяголъ и убавлялись тягла умершихъ и сданныхъ въ рекруты. При расчисленіи тяголъ велѣно было каждаго женатаго крестьянина считать цѣлымъ работникомъ, а холостого, съ 15-ти лѣтъ—за полъ-тягла. Удѣльныя экспедиціи не должны были также дозволять раздѣловъ крестьянскихъ семей и бракосочетанія малолѣтнихъ; наконецъ, они должны были заботиться о заведеніи богадѣленъ, школъ и запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Низшею инстанціею удѣльнаго управленія являлись приказы, которые велѣно было учредить въ каждомъ изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ были удѣльные крестьяне. Въ вѣдѣніи одного приказа не могло быть болѣе 3.000 душъ. Для присутствія въ приказѣ крестьяне должны были при членѣ экспедиціи удѣловъ выбирать на трехлѣтній срокъ приказнаго, выборнаго, двухъ старостъ (одного

приказнаго и одного казеннаго) и писаря. Въ каждомъ селѣ и деревнѣ должно было быть по одному сельскому или деревенскому выборному, которые смѣнялись ежегодно, и при каждыхъ десяти дворахъ десятскій, смѣнявшійся помѣсячно.

Выборы представлялись на утвержденіе экспедиціи удѣловъ. Приказный и выборный во всякомъ приказѣ, а сельскій или деревенскій въ селѣ и деревнѣ должны были обнародовать и объяснять узаконенія, заботиться объ отправленіи наряженныхъ по указамъ работниковъ и подводъ и т. п. Казенные старосты должны были собирать съ крестьянъ всѣ подати и сборы и вносить ихъ казначеямъ; а приказные старосты должны были «въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять и въ случаѣ несоглашенія или неудовольствія предоставлять имъ волю разбѣдываться въ судахъ», и, кромѣ того, были опекунами надъ вдовами и сиротами, а также лѣнивыми и нерадивыми. Приказному и выборному казначею было жалованье по 20 рублей, старостѣ и писарю по 15 р., сельскому и деревенскому выборному по 10 р., и, кромѣ того, они были освобождены отъ «всѣхъ нарядовъ и работъ». Подати они платили наравнѣ съ другими, а поземельный налогъ, смотря по количеству земли, которою владѣли. Десятскіе служили безвозмездно.

Разсмотрѣніе того, какъ примѣнялись къ дѣлу эти постановленія — не входитъ въ нашу задачу. Упомянемъ только еще о двухъ распоряженіяхъ имп. Павла и о выдѣленіи особой группы крестьянъ дворцоваго вѣдомства для садовыхъ работъ.

Въ 1798 г. имп. Павелъ велѣлъ навсегда прекратить пожалованіе имѣній изъ удѣльныхъ вотчинъ, а въ мартѣ 1800 года приказалъ, чтобы, при покупкѣ удѣльными крестьянами земель у частныхъ владѣльцевъ, купчія совершались на имя удѣльнаго департамента и земли эти приписывались къ тому селенію, въ которомъ числится покупщикъ, но съ тѣмъ, чтобъ пользоваться ею могъ только купившій ее «сверхъ пропорціи, изъ общей дачи селенія ему принадлежащей».

Въ 1732 году имп. Анна Ивановна часть крестьянъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи дворцовой конторы, которая тогда находилась въ Петербургѣ, передала въ вѣдѣніе канцеляріи строенія Е. И. В. дворцовъ и садовъ для садовыхъ работъ въ Петербургѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ, Фаворитѣ и Стрѣльнѣ. Переданы были мызы Ижора, Лахта, петергофскія, бронницкія, стрѣльнинскія и нѣкоторыя другія деревни, а затѣмъ еще въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ село Путилово и одна деревня, да на тосненской каменной ломкѣ село Никольское; всего ихъ было въ то время 2,726 душъ. Для

работъ въ садахъ изъ этихъ крестьянъ зимою и лѣтомъ брали конныхъ и пѣшихъ работниковъ; они поставляли также солому для садовъ, дрова на топленіе оранжерей и для варки пива, при которой они должны были сами помогать, а также возили ледъ для погребовъ. Что всѣхъ этихъ работъ было очень много, видно изъ того, что если бы за нихъ платить деньгами по таксѣ, установленной при Петрѣ В. (въ день конному работнику лѣтомъ 10 коп., зимою—6; пѣшему лѣтомъ—5; зимою—4), то въ два года пришлось бы на вознагражденіе за трудъ истратить 13,525 р. Но этимъ еще не ограничивались работы этихъ крестьянъ: они косили сѣно на казенныхъ лугахъ и возили его въ Петербургъ и Петергофъ на кормъ въ звѣринцы, казеннымъ лошадямъ и рогатому скоту, ставили въ сады на городьбу колья, заготовляли метла и лопаты и т. п. Кромѣ того изъ села Путилова 42 каменьщика были отправлены въ 1734 въ Ревель для починки дворцовъ, а черезъ три года отправлено въ Курляндію 103 человѣка.

Въ виду обремененія ихъ всѣми этими работами, крестьяне просили освободить ихъ отъ поставки фуража на конногвардейскій полкъ, что̀ замѣняло для крестьянъ, жившихъ въ Ингерманландіи, уплату подушной подати, и это было разрѣшено императрицею въ 1739 году. Въ половинѣ 60-хъ годовъ крестьянъ этихъ было уже 3,381 душа. Относительно этого времени мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о производимыхъ ими работахъ и собираемыхъ съ нихъ поборахъ. Изъ нихъ высылались на работы въ дворцовые сады: въ петербургскіе — изъ ижорскихъ, лахтенскихъ и дубковскихъ деревень лѣтомъ 205 пѣшихъ работниковъ, зимою — 78, конныхъ по 45; въ дубковскій садъ—лѣтомъ пѣшихъ по 10, конныхъ по 2; изъ петергофскихъ, стрѣльнинскихъ и бронницкихъ крестьянъ въ сады Петергофа и Стрѣльны, особенно когда тамъ жила императрица, высылалось зимою и лѣтомъ конныхъ и пѣшихъ отъ 276 до 376 человѣкъ. Если же для работъ въ садахъ и другихъ мѣстахъ требовалось болѣе рабочихъ, то лишнимъ производилась поденная плата, установленная при Петрѣ В. Кромѣ исполненія этихъ работъ, крестьяне ставили еще различные припасы, а именно, ижорскіе, дубковскіе и лахтенскіе 311 саженъ дровъ и на подстилку подъ звѣрей и птицъ, а также для укутыванія садовыхъ деревьевъ, 1440 пуд. соломы и 1282 пуда сѣна; съ петергофскихъ, стрѣльнинскихъ и бронницкихъ сѣна 1056 пуд., соломы 2150 пуд., дровъ отъ 35 до 40 саж.; кромѣ того, на казенныхъ лугахъ, оставшихся въ этихъ деревняхъ послѣ раздачи крестьянамъ, они косили и отвозили

сѣно, заготовляли метла, лопаты и т. под. До 1766 года собиралось также на столовый обиходъ императрицы по 2 фунта масла съ каждой крестьянской коровы, которое и отсылалось въ дворцовую канцелярію, но въ этомъ году сборъ масла былъ прекращенъ. Наконецъ, съ дѣвушекъ и вдовъ, выдаваемыхъ въ замужство за крестьянъ другого вѣдомства, взыскивалось куничныхъ денегъ по 25 копѣекъ да выводныхъ обыкновенно по 5 р., а съ богатыхъ—по 10 р. съ каждой.

Что касается сборовъ и повинностей въ пользу казны, то и при Екатеринѣ II эти крестьяне не платили подушныхъ податей и не ставили взамѣнъ ихъ фуража на конногвардейскій полкъ, но исполняли дорожную повинность по требованію петербургской губернской канцеляріи.

Изъ числа этихъ крестьянъ, равно какъ и изъ дворцовыхъ вотчинъ, производились пожалованія: въ 1766 году Григорію Орлову дана была мыза Лахта (208 душъ).

Крестьяне, состоявшіе въ вѣдѣніи конторы дворцовъ и садовъ, существовали въ петербургской губерніи еще въ 1790 году.

Василій Семевскій.

МОЛЬЕРЪ

САТИРИКЪ и ЧЕЛОВѢКЪ

Литературный портретъ.

„C'est un homme... ah!.. un homme... *un homme*... enfin."
Tartuffe, I, 6.

Когда случай приводитъ насъ, въ любомъ европейскомъ музеѣ, въ галерею старинныхъ портретовъ и на насъ невольно слетаетъ какое-то меланхолическое настроеніе при видѣ тѣхъ угрюмыхъ лицъ, которыя смотрятъ отовсюду изъ своихъ закопченыхъ и потускнѣвшихъ рамокъ, отягченныя париками, обрамленныя всѣми затѣями богатаго французскаго или испанскаго наряда,—мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что всѣ эти люди совершенно чужды намъ, что прадѣдовскія увлеченія, страданія и помыслы, заставлявшіе страстно биться сердце, могутъ быть для насъ только мертвой буквой. Мы проходимъ мимо, полюбовавшись развѣ мастерствомъ художника. Но стòитъ вглядѣться въ иной типическій обликъ, объяснить себѣ складъ грустной улыбки или отважнаго взгляда, припомнивъ живыя черты современнѣйшей личной жизни,—и старый портретъ оживаетъ, одухотворяется, и, изумляясь, мы видимъ иной разъ предъ собой симпатичный образъ человѣка, который, опережая современниковъ, любилъ и ненавидѣлъ именно то, чтò любитъ и съ чѣмъ борется каждое новое поколѣніе, — и, привлекая насъ своими человѣчными чертами, былъ въ то же время предтечей лучшихъ побѣдъ человѣческаго развитія.

Такую работу отгадки и возстановленія нравственной личности одного изъ дѣятелей давно минувшей литературной эпохи задумали мы предпринять. Его умное, грустное лицо, въ глазахъ массы, уже отошло въ разрядъ тѣхъ стародавнихъ, запыленныхъ портретовъ, о которыхъ шла сейчасъ рѣчь; у насъ его любятъ и цѣнятъ изъ приличія и въ мѣру, все время сознавая, до какой степени онъ чуждъ нашей современности. Съ этой точки зрѣнія покажется страннымъ наше намѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ какую архивную пыль придется погружаться, какая отжившая пора предстанетъ передъ нами! Роскошный дворъ «великаго» Людовика, толпа разряженныхъ маркизовъ и графинь, раболѣпно тѣснящаяся передъ нимъ, дряблость педантической литературы, изысканная утонченность свѣтскихъ салоновъ, суевѣріе, замѣняющее науку и религію, духовный мракъ, налегшій на все это общество, взлелѣянное пресловутымъ старымъ порядкомъ,—и, въ виду всей этой груды отрицательныхъ явленій, немногіе проблески возрожденія мысли, которое уже затеплилось въ глубинѣ народныхъ массъ. Но есть какая-то особенная прелесть въ распознаніи тѣхъ, хотя бы слабыхъ, умственныхъ нитей, которые соединяютъ наше время съ міромъ умершимъ и погребеннымъ. Оно въ живыхъ чертахъ напоминаетъ намъ о непрерывной, никогда не замирающей работѣ человѣческой мысли; говоря намъ о былой борьбѣ, оно освѣщаетъ лучшія созданія слова новымъ свѣтомъ, ставя ихъ въ связь и съ внутренней работой народа, и съ задушевной повѣстью автора; біографическія розысканія, съ этой точки зрѣнія, пріобрѣтаютъ особенную привлекательность.

Изученіе жизни и дѣятельности Мольера въ этомъ отношеніи въ высшей степени благодарно. Слѣдя за тѣмъ, какъ постепенно растетъ и крѣпнетъ одинъ изъ величайшихъ комическихъ талантовъ, мы, въ то же время, становимся лицомъ къ лицу съ необыкновенно-симпатичной натурой, искренно высказывающейся въ произведеніяхъ своихъ. Чѣмъ дальше подвигаемся мы въ этомъ изученіи, тѣмъ тѣснѣе становится эта близость, и вскорѣ мы испытываемъ отрадное чувство имѣть возлѣ себя вѣрнаго, настоящаго друга, полнаго увлеченій и страсти, чуткаго и отзывчиваго. Эту притягательную силу Мольеровской личности въ равной степени испытывали всѣ, кто усвоилъ себѣ умѣнье сживаться съ ней и покинулъ холодное, формальное отношеніе къ писателю, какъ къ одной изъ безчисленныхъ и разнородныхъ величинъ, красующихся въ формулярномъ спискѣ исто-

ріи литературы. Гёте [1]) откровенно признается въ своемъ увлеченіи Мольеромъ, котораго онъ, «начиная съ дѣтства, вѣчно перечитывалъ и вѣчно находилъ притомъ новыя наслажденія»; всего же сильнѣе привлекала его та «симпатическая прямота, неподражаемая грація и искренность, съ которою онъ раскрываетъ передъ нами весь свой задушевный міръ»,—и въ этомъ мѣткомъ замѣчаніи, какъ-будто предугадавшемъ новѣйшее направленіе Мольеровской критики, Гёте указалъ на одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ творчества нашего комика. Дѣйствительно, еще товарищъ Мольера по труппѣ и первый собиратель его сочиненій, Лагранжъ [2]), указывалъ уже, между прочимъ, на то, что Мольеръ во многихъ мѣстахъ своихъ пьесъ любилъ давать мѣсто чисто-личнымъ изліяніямъ и пользовался рѣчами или положеніемъ дѣйствующаго лица, чтобъ устами его высказать всѣ мысли, волновавшія его самого. Всѣ успѣхи новой школы біографовъ и комментаторовъ Мольера и вызваны были именно общимъ въ ней убѣжденіемъ, что важнѣйшимъ подспорьемъ для пониманія его, какъ человѣка и какъ писателя, должны служить его произведенія, полныя автобіографическихъ чертъ. Литература о Мольерѣ, разросшаяся теперь до невѣроятныхъ размѣровъ [3]) и разработавшая съ мелочной подробностью многія частности его жизни, оживилась этимъ драгоцѣннымъ вкладомъ собственныхъ показаній автора и еще отчетливѣе обрисовала рѣдкую субъективность писателя. Жизнь и поэзія—одно, могъ бы сказать Мольеръ еще съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ нашъ Жуковскій.

Попытка нарисовать при помощи данныхъ, добытыхъ этимъ двойнымъ путемъ научныхъ объясненій и психологическихъ наблюденій, правдивый портретъ Мольера, какъ человѣка и какъ

---

[1]) Въ разговорахъ съ Эккерманомъ.

[2]) Первое изданіе собранія сочиненій предпринято было Лагранжемъ и Винé въ 1682 году.—Лагранжъ, кромѣ того, составилъ обстоятельную хронологическую запис횟, день за днемъ, всего случившагося съ труппой; это знаменитый его Регистръ (Registre de La Grange), самый цѣнный матеріалъ для обозрѣнія жизни Мольера. Онъ изданъ былъ, наконецъ, въ 1876 году въ большомъ in-4°, Эд. Тьерри, приложившимъ большое предисловіе.

[3]) Она такъ обширна, что Поль Лакруа, собравшій въ двухъ громадныхъ сборникахъ (Bibliographie Molièresque, P. 1875, и Iconographie Molièresque, P. 1876) указанія всѣхъ статей и книгъ о Мольерѣ, изданій его сочиненій, иллюстрацій къ нимъ, мольеровскихъ портретовъ, привелъ въ первомъ изъ названныхъ обзоровъ 1732 заглавія,—а между тѣмъ и его перечень не всегда полонъ (особенно относительно сочиненій, напечатанныхъ внѣ Франціи,—между прочимъ и русскихъ), да и со времени его появленія накопилось не мало французскихъ новостей.

двигателя мысли, внушена намъ тѣмъ же сочувствіемъ къ его симпатической личности, которое, какъ мы видѣли, не разъ уже являлось неизмѣннымъ результатомъ пристальнаго изученія его произведеній. Мы далеки отъ мысли дать здѣсь читателю полную біографію Мольера, отважимся даже оставить въ сторонѣ иныя черты его дѣятельности, мало пригодныя для нашей цѣли,— но будемъ считать ее достигнутою, если хоть нѣсколько оживетъ здѣсь передъ нами честное, задумчивое лицо великаго комика, и если онъ выступитъ тутъ не только какъ носитель неистощимой веселости,—какимъ его всѣ знають,—но и какъ жгучій обличитель, смѣющійся, по выраженію пророка, горькимъ смѣхомъ, лично изстрадавшійся и извѣрившійся,—наконецъ, какъ сосредоточенный и грустный *созерцатель*, contemplateur, какимъ его называетъ,—вѣроятно, противъ ожиданія многихъ,—его другъ Буало.

I.

Въ одномъ изъ самыхъ людныхъ кварталовъ Парижа, гдѣ въ старыхъ узкихъ улицахъ вѣчно суетилась и жужжала пестрая толпа, на самомъ углу улицы St.-Honoré и грязнаго переулка стоялъ въ двадцатыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія незатѣйливый домъ, самой обыкновенной постройки, обращавшій, однако, на себя вниманіе прохожаго, если ему приходила фантазія оторваться отъ шумныхъ сценъ, разыгрывавшихся на улицѣ, и взглянуть наверхъ, туда, гдѣ крыши домовъ сходились такъ близко, что оставляли между собой лишь скромный клочокъ голубого неба. Улыбка пробѣгала по губамъ прохожаго, если ему удавалось разсмотрѣть щитъ, которымъ украшенъ былъ тотъ домъ. Тутъ нарисовано было дерево, на которое взобрались обезьяны и трясутъ его, чтобъ сбросить съ него плоды; а внизу сидитъ старая обезьяна, тщательно подбирающая все, что сбросятъ молодыя. Домъ этотъ такъ и извѣстенъ былъ въ околоткѣ подъ прозвищемъ «la Maison des singes» [1]).

Внутреннее убранство дома, дорогіе ковры и штофныя матеріи, заготовленныя въ большомъ количествѣ, всевозможныя принадлежности обойнаго и декоративнаго мастерства, разсѣянныя по всѣмъ комнатамъ, указывали на то, что въ этомъ домѣ шло

---

[1]) Первоначальная семейная обстановка Мольера значительно разъяснена, благодаря обстоятельному изслѣдованію Эд. Сулье (Recherches sur la famille de Mol., 1863) и новѣйшему сочиненію Луазлёра „Les points obscures de la vie de M.“ 1877.

дѣятельное производство, назначенное служить потребностямъ недюжинныхъ заказчиковъ. И точно: этотъ домъ, да еще кое-какую недвижимость, нажилъ себѣ работами при дворѣ хозяинъ, Жанъ Поклэнъ, носившій почетное званіе *tapissier valet de chambre du roi.* Это отличіе нѣсколько поднимало его надъ уровнемъ прочихъ его собратьевъ по ремеслу, давая ему чуть не придворный санъ, обязывая слѣдовать за дворомъ во время его путешествій по Франціи и т. д. Но самъ онъ былъ очень простой, честный и неглупый ремесленникъ, добросовѣстно хранившій традиціи своего мастерства, которое передавалось у него изъ рода въ родъ. Онъ понималъ пользу образованности и, хоть и вращался преимущественно между своей братіей, но не замыкался исключительно въ ея средѣ. Подругу себѣ онъ отыскалъ такую же; она тоже была дочь обойщика, но гдѣ-то усвоила себѣ вкусъ къ чтенію и умственной жизни и уходила послѣ домашнихъ дрязгъ отводить душу за Плутархомъ. Ихъ заботами и присмотромъ хозяйство шло на славу, и вскорѣ въ ихъ быту распространилась нѣкоторая зажиточность. Торговали и въ своемъ домѣ, и въ нѣсколькихъ лавкахъ, доставшихся по наслѣдству и выгодно помѣщенныхъ на Сенъ-Жерменской ярмаркѣ или базарѣ, который вѣчно былъ биткомъ набитъ народомъ, стекавшимся туда и дѣлать свои запасы, и поглазѣть на всевозможные балаганы, разбитые тутъ возлѣ лавокъ и показывавшіе всевозможныя диковинки, отъ ученыхъ обезьянъ и фокусовъ—до уличнаго фарса и чудесныхъ зубныхъ операцій. Эта знаменитая ярмарка въ St. Germain-en-Laye, близъ Парижа, продолжается и до сихъ поръ съ прежнею обстановкою.

Пригрѣтый привольною жизнью семьи, безмятежно подросталъ любимецъ матери, старшій изъ четырехъ ея дѣтей, Жанъ-Батистъ, родившійся въ 1622 году [1]). Шаловливый и увлекающійся, ловкій пересмѣшникъ въ средѣ товарищей, онъ жилъ полною жизнью; его не неволили заниматься грамотой, которой онъ учился или у матери, или у какого-нибудь сосѣда-грамотея. Вращаясь постоянно около отцовскаго ремесла, онъ приглядывался къ нему, а потомъ, подъ руководствомъ отца, сталъ понемногу и самъ проходить эту несложную науку. Но и эти занятія не имѣли въ себѣ ничего принудительнаго; ранніе дѣтскіе годы тихо катились одинъ за другимъ, принося съ собой все новыя радости и

[1]) Это указаніе, повидимому, принято теперь окончательно, послѣ долгихъ споровъ, не прекращавшихся даже тогда, когда найденъ былъ церковный актъ о крещеніи ребенка.

просвѣты. Послѣ недѣли, проведенной въ душномъ городѣ за работой, дѣти отправлялись въ воскресенье на дачу къ дѣду, въ Сентъ-Уанъ, и тутъ весь день проходилъ у нихъ въ весельи и играхъ на чистомъ воздухѣ. Но для мальчика чуть ли не веселѣе всего бывали сказочныя, точно волшебныя похожденія, съ которыми сопряжены бывали всегда его поѣздки съ отцомъ, по дѣламъ, въ С.-Жерменъ, въ ихъ ярмарочныя лавки. Тутъ ребенокъ совсѣмъ переносился изъ дѣйствительнаго міра въ тридесятое царство. Чего, чего не было тутъ! Въ одномъ углу толпу потѣшали маріонетки, зло подсмѣиваясь надъ людскими слабостями и уже тогда обѣщавшія стать такою обличительной силой, съ которой впослѣдствіи будетъ бороться и власть, и постоянныя, привилегированныя сцены; въ другомъ — подъ нарусиннымъ навѣсомъ разыгрывался весело и непринужденно нарадный фарсъ, мигомъ попадающій на подмостки, лишь только безвѣстный авторъ импровизовалъ его; тутъ, подъ трескъ барабана и бубенъ, вертѣлись акробаты, — тамъ съ полнымъ, мишурнымъ парадомъ подвигалось шествіе заѣзжаго оператора, фокусника и цѣлителя всѣхъ недуговъ, который, подобно классическому доктору Дулькамарѣ, приковывалъ къ себѣ любопытство несмѣтной толпы.

Но не одними лишь этимъ уличнымъ весельемъ, отголоски котораго и теперь еще уцѣлѣли во французской провинціальной жизни [1]), утолялась жажда зрѣлищъ и развлеченій, испоконъ вѣку отличавшая парижскую толпу. Кое-гдѣ, въ людныхъ мѣстахъ Парижа, уже возникали небольшія народныя сцены, едва только поднявшіяся надъ уровнемъ ярмарочнаго балагана, но уже предвѣщавшія образованіе національной комедіи. Около Porte St. Jacques долго держался такой импровизованный народный театръ; толпами валилъ туда народъ смотрѣть и слушать веселыя пѣсни и сцены трехъ, долго не забытыхъ потомъ, неистощимыхъ весельчаковъ. Всѣ трое—выходцы изъ Нормандіи, всѣ—подмастерья булочнаго цеха, они пришли въ Парижъ попытать счастья, перенеся въ столицу тѣ размашистые, разудалые и бойкіе пріемы свѣжей нормандской народной пѣсни и игры, которые впослѣдствіи дали Франціи ея водевиль [2]). Весь городъ зналъ и любилъ ихъ, и принятыя ими имена Готье-Гаргилля, Тюрлюпена и Гро-Гилльома навѣки остались памятными въ исторіи французскаго

[1]) Полнѣйшее обозрѣніе всѣхъ старинныхъ народныхъ увеселеній въ этомъ родѣ представлено Эм. Кампардономъ въ двухъ томахъ его сборника „Spectacles de la foire, P. 1877.

[2]) Fournel: Spectacles popul. et artistes des rues, p. 320—321.

юмора [1]). Эти люди, для которыхъ на правильной сценѣ открылось бы блестящее поприще, умѣли прославиться и въ мѣщанской обстановкѣ. Старый французскій фарсъ, столько послужившій въ своемъ вѣку и народному самообличенію, и жаждѣ смѣха, снова оживалъ здѣсь, и первобытное, рѣзкое, порой чересчуръ пикантное, галльское остроуміе царило въ полной силѣ. Вечера, проведенные въ балаганѣ Готье-Гаргилля, еще болѣе увлекали ребенка съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ ранняго возраста, когда пуще всего нравились всѣ показныя, въ глаза бросавшіяся, удовольствія Сенъ-Жерменскаго базара. Это была его первая театральная школа, прямо народная и правдивая,—и во вліяніи ея на него нельзя сомнѣваться. Если очевидно присочинена была впослѣдствіи его врагами басня, будто онъ еще въ дѣтствѣ выступилъ на сценѣ какого-то балагана, гдѣ представленія обезьянъ и комическіе парады чередовались между собой, то все же можно живо представить себѣ, что когда у впечатлительнаго мальчика глаза разбѣгались, глядя на смѣхотворныя выходки буффоновъ, и вырывался гомерическій хохотъ, не разъ пробѣгало въ немъ страстное желаніе скорѣе дожить до той поры, когда и онъ будетъ такъ же увлекать за собой всю толпу и сливаться съ ней въ общемъ весельѣ. Навсегда потомъ сохранились у него воспоминанія объ этихъ первыхъ дѣтскихъ увлеченіяхъ; отголоски ихъ разсѣяны по многимъ изъ его пьесъ; еще братья Парфé [2]) находили въ шуточныхъ сценахъ въ «Bourgeois-Gentilhomme» нѣкоторые слѣды подражанія выходкамъ Гаргилля, а Дорина рисуетъ (въ 3 явл. II акта «Тартюффа») картину народнаго карнавала въ провинціи, очевидно, по дѣтскимъ воспоминаніямъ автора [3]).

Но и народный фарсъ въ ту пору представлялъ собой далеко не первостепенную и господствующую форму комедіи. Надъ нимъ наслоилось уже нѣчто новое, болѣе стройное и художественное. Старый духовный театръ тогда почти уже вымеръ; братства, его поддерживавшія, обременяли правительство и судъ жалобами на своихъ соперниковъ—свѣтскихъ актеровъ, но съ каждымъ днемъ убѣждались, что торжество останется за суетными мірскими зрѣлищами. Старомодная форма братства Беззаботныхъ (Enfans Sans-souci), поддерживавшаго развитіе свѣтскаго театра, уступила

---

[1]) Пѣсни Готье-Гаргилля изданы Эд. Фурнье въ Biblioth. élzevirienne.

[2]) Достойные историки франц. театра, съ чьихъ работъ ведется сколько-нибудь научная его лѣтопись.

[3]) Campardon, Nouvelles pièces sur M., 1876, p. 8.

мѣсто правильнымъ труппамъ французскихъ актеровъ, и уже съ начала XVII-го вѣка на двухъ постоянныхъ сценахъ, принявшихъ отличительное названіе «Hôtel de Bourgogne» и «Théâtre du Marais», игрался едва складывавшійся репертуаръ литературныхъ комедій,—работы скоро забытыхъ впослѣдствіи Пьера Ларивэ, Франсуа Перрена и др. [1]), по бо́льшей части подражавшихъ итальянскимъ образцамъ. А рядомъ съ первыми постоянными труппами, превышая ихъ достоинствомъ пьесъ и сценическихъ силъ, играли, смѣняя одна другую, знаменитѣйшія итальянскія комическія труппы, сначала «i Gelosi», а потомъ «i Fedeli», перенесшія во Францію и новости литературной, писаной комедіи и увлекательныя импровизаціи commedia del'arte, которая была тогда въ полномъ цвѣту,—и, пользуясь особеннымъ покровительствомъ двора вслѣдствіе его тѣсныхъ связей съ Италіей (первыхъ итальянскихъ актеровъ выписала въ Парижъ Екатерина Медичи) [2]), давали всему тонъ. Всѣ эти театры были одинаково доступны заурядной публикѣ, да и придворная должность Поклена-отца доставила бы ему доступъ и въ закрытые спектакли. Свободно блуждаетъ, весь уже охваченный влеченіемъ къ сценѣ, мальчикъ по всѣмъ этимъ разнообразнымъ зрѣлищамъ; массу живыхъ впечатлѣній выноситъ онъ оттуда,—а послѣ мимолетнаго наслажденія вѣчно наступаетъ скучная проза жизни; опять противные ковры, да обои, да перспектива наслѣдовать отцу въ почетномъ правѣ дѣлать постель королю.... Преданіе прямо разсказываетъ, что каждый разъ, послѣ вечера, проведеннаго гдѣ-нибудь въ Hôtel de Bourgogne, Жанъ-Батистъ возвращался домой печальный и разстроенный.

А дома тѣмъ временемъ все измѣнилось; свѣтлое настроеніе первыхъ лѣтъ быстро исчезало съ первыми разочарованіями и первымъ горемъ, постигшимъ ребенка. Мать его умираетъ, и на ея мѣстѣ скоро воцаряется новое лицо, съ-разу не взлюбившее мальчика и постаравшееся переиначить весь домъ по-своему,— а отецъ, все такой же добрый, но слабый, слѣпо подчиняется болѣе рѣзкой, крутой натурѣ. Долго будетъ потомъ ребенокъ помнить свое невеселое житье въ эту пору, и, когда ему понадобится оригиналъ для характера своенравной и злой родственницы (наприм., въ *Мнимомъ Больномъ*), ему придется только вспомнить знакомыя суровыя черты. Тяжелое положеніе его въ

---

[1]) О нихъ см. Эм. Шаля: La coméd. au XVI siècle, P. 1869; и Эд. Фурнье, Le théâtre franç. au XVI et au XVII s., 1871. Современныя же Мольеру пьесы въ больш. выборѣ изданы Фурнелемъ въ 3-хъ томахъ „Contemporains de Mol.“ 1863—75.

[2]) Moland, „Molière et la coméd. italienne“, 1867, p. 33.

семьѣ заслонило собой прежнія нѣжныя связи съ нею и окрасило для него весь семейный быть вообще самыми непривлекательными красками. Оттого-то, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ [1]), онъ не выводитъ въ своихъ произведеніяхъ идеальнаго сыновняго чувства и (какъ въ *Скупомъ*) предпочитаетъ изображеніе семейнаго разлада, борьбы молодого поколѣнія съ стариками.

Охлажденіе не замедлило сказаться на полной заброшенности мальчика; его даже не хотѣли отдать въ школу, находя, что свѣдѣній, на лету схваченныхъ имъ дома, съ него довольно. Нужно было (какъ говоритъ преданіе) вмѣшательство дѣда, перенесшаго всю свою симпатію съ умершей дочери на ея старшаго сына,—чтобъ отецъ рѣшился отдать Жанъ-Батиста въ одну изъ лучшихъ парижскихъ коллегій того времени, Collège de Clermont, существующую и понынѣ подъ измѣненнымъ названіемъ лицея Людовика Великаго. Обычный въ тогдашнихъ школахъ багажъ знаній былъ жадно усвоенъ молодымъ ученикомъ; іезуиты, завѣдывавшіе училищемъ, вели дѣло быстро и ловко [2]); принимая въ школу дѣтей съ самаго ранняго возраста, они въ три, четыре года набивали молодой умъ массой наукъ, носившихъ громкія названія, и выпускали, особенно дворянскихъ сынковъ, готовыми философами, риторами и богословами, когда они успѣвали только хоть сносно выражаться и правильно писать. У нихъ еще можно было по крайней-мѣрѣ научиться латинскому языку, и, кромѣ того, пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ во всѣхъ искусствахъ и пріемахъ, необходимыхъ для свѣтскаго развязнаго молодого человѣка. Въ клермонской коллегіи процвѣтали всѣ тѣ разнообразныя упражненія, игры и зрѣлища, которыми всегда іезуитскія школы отличались передъ всѣми современными воспитательными заведеніями. Дрессируя учениковъ по части свѣтскихъ манеръ, танцевъ, фехтованія и т. д., святые отцы порой задавали роскошныя театральныя представленія и костюмированные парады, заставлявшіе долго говорить о нихъ весь городъ. И это были, конечно, самыя веселыя минуты въ жизни дѣтей, вдругъ переходившихъ отъ скучной схоластики къ заманчивымъ прелестямъ сценическаго міра. Для нашего же новичка эти празднества значили еще больше; тутъ онъ впервые, не въ мечтаньяхъ, а на яву, соприкасался, наконецъ, съ той волшебной сферой, которая такъ давно и неотразимо манила его къ себѣ. Сама школа въ эти минуты переставала казаться угрюмой и непривѣтливой.

[1]) Молана, Луазлёра и друг.
[2]) Emond.: Histoire du lycée Louis-le-Grand.

Пестрая смѣсь набожности и мірского элемента, христіанства и языческой миѳологіи, смиренія и аттической соли, господствовавшая вездѣ и всегда въ іезуитскомъ репертуарѣ, какъ будто уравнивала всѣ контрасты, создавая для молодежи нейтральную сферу искусства, гдѣ ей дышалось несравненно легче. И это чувствовалъ не одинъ Поклэнъ, но и цѣлый рядъ его сверстниковъ и близкихъ товарищей, такихъ же бойкихъ и веселыхъ отъ природы, какъ онъ самъ, и такъ же страстно увлекавшихся театромъ. Въ этомъ небольшомъ кружкѣ забывалась разность происхожденія и сословнаго положенія; братъ знаменитаго Кондэ, принцъ Конти, впослѣдствіи видный дѣятель въ дни Фронды, превратившійся подъ старость въ святошу и лютаго врага театра, подавалъ тутъ руку безцеремонному остряку-плебею Шапелю и сыну придворнаго обойщика Поклэну. Молодежи этой хотѣлось жить, и она страстно хваталась за всякую возможность развернуться на распашку, обманывая зоркій надзоръ педагоговъ. Ихъ схоластическіе пріемы, педантическая важность и надутость, съ которой они любили выступать жрецами высшей истины, и въ то же время жалкая скудость знаній не могли ускользнуть отъ проницательной смѣтливости мальчиковъ. Разгадка этой несостоятельности не могла вызвать въ нихъ реакціи; вынеся изъ школы нѣкоторый запасъ свѣдѣній, они не въ состояніи были успокоиться на незыблемыхъ аксіомахъ, навязанныхъ имъ мнимыми столпами науки. Ихъ коснулось носившееся тогда въ воздухѣ рѣзко-отрицательное стремленіе расшатать основы духовнаго рабства и отстоять свободу изслѣдованія,—и усомнившіеся ученики іезуитовъ вскорѣ далеко уйдутъ по этому пути; типъ надутаго и пустоголоваго педанта останется навсегда въ ихъ глазахъ однимъ изъ благодарнѣйшихъ предметовъ насмѣшки, и дальнѣйшій жизненный опытъ только усилитъ такой взглядъ. Они не остановятся на пути отрицанія, найдя наконецъ, что только внѣ старыхъ правилъ и возможно спасеніе, что и метафизическую философію и эстетику нужно передѣлать сплошь и признать законность «всѣхъ возможныхъ стилей — кромѣ скучнаго».

Стремленіе вырваться во что бы то ни стало изъ традиціонной колеи, смутно уже бродившее въ молодыхъ умахъ, скоро было поддержано ученымъ авторитетомъ человѣка, являвшагося тогда новаторомъ въ философіи, смѣло вызывавшаго на состязаніе старую клику схоластиковъ и, по особенной случайности, ставшаго вскорѣ въ близкія отношенія къ Поклэну. То былъ скромный провинціальный священникъ, задумавшій въ тиши своего провансальскаго захолустья смѣлый походъ противъ Ари-

стотелевой философіи и уже пріобрѣтшій извѣстность и критическимъ разборомъ ея и замѣчательными математическими работами,—то былъ Гассенди, самое имя и ученіе котораго связывалось у представителей тогдашней патентованной французской учености съ представленіемъ о неслыханной научной ереси. Онъ святотатственно свергалъ съ пьедестала старую философію, пытался возродить скованную мысль при помощи успѣховъ естествознанія и точныхъ наукъ и съ горячей симпатіей стремился перенести въ новую жизнь основные принципы теорій своего любимаго философа, Эпикура [1]). Къ нему его привлекалъ и тотъ особый складъ его мысли, который, опираясь прежде всего на чувственное познаваніе, дѣлалъ его истиннымъ предвѣстникомъ новѣйшаго матеріализма,—и нравственная сторона его ученія, связанная съ живымъ примѣромъ его собственной скромной и мудро-умѣренной жизни; среди водоворота политическихъ страстей онъ въ уединеніи весь умѣлъ отдаваться духовной работѣ, продержавшись благодаря этому на высотѣ честной и незапятнанной репутаціи. Этотъ идеалъ какъ нельзя болѣе подходилъ ко вкусамъ Гассенди; являясь воинствующимъ дѣятелемъ въ критическихъ работахъ своихъ, отстаивая права индукціи, изслѣдуя законы математики и астрономіи, онъ не искалъ блеска и почестей, и выше всего ставилъ честное исполненіе долга, довольство немногимъ и счастье, которое дается человѣку способностью обуздывать свои страсти. На этотъ идеалъ онъ указывалъ и ученикамъ, которые въ Парижѣ скоро примкнули къ нему, и эти совѣты быстро отрезвляли ихъ отъ сумбура, вынесеннаго изъ школы, и пріучали относиться серьёзнѣе къ жизни.

Кажется, что еще изъ коллегіи Поклэнъ съ немногими друзьями посѣщалъ,—конечно, тайкомъ,—частныя лекціи Гассенди; по выходѣ же изъ школы онъ съ полной свободой могъ отдаться имъ. Эта пора была самою здоровой во весь его подготовительный періодъ; во-время остановила она его отъ исключительнаго развитія одной лишь стороны пробуждавшагося его таланта,—силы смѣха и обличенія, и придала ему ту нравственную, глубоко-серьёзную основу, которая всегда будетъ потомъ чувствоваться во всѣхъ его лучшихъ произведеніяхъ. Но и кромѣ того на этихъ урокахъ было весело молодому человѣку; не считая школьныхъ друзей, онъ встрѣчался тутъ съ кучкой, незнакомой ему еще, талантливой молодежи, въ рядахъ которой стояла, наприм.,

[1]) Значеніе Гассенди въ развитіи матеріалистическихъ воззрѣній разъяснено у Ланге, въ его *Исторіи матеріализма*.

столь родственная ему по таланту личность, какъ будущій авторъ «Комической исторіи луны и солнца», Сирано де-Бержеракъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей французскаго юмора послѣ Рабле. Имъ всѣмъ было хорошо вмѣстѣ; они и занимались, и школьничали, импровизировали шуточные стихи, кропали цѣлыя комедіи [1]), гдѣ доставалось не только педантамъ профессорамъ, но порой и самому Гассенди, у котораго шаловливая молодежь успѣла подмѣтить комизмъ его торжественной серьёзности и нескончаемыхъ диспутовъ. Эта легкая насмѣшка даже надъ любимымъ учителемъ, слѣды которой хотятъ видѣть даже въ позднѣйшихъ мольеровскихъ комедіяхъ [2]), живо отражала въ себѣ свѣтлый юношескій юморъ, бьющій черезъ край, но потому-то она и могла мириться съ сочувствіемъ и уваженіемъ къ нравственному авторитету учителя. Близость къ нему была такова, что переносилась даже на мелочи; вѣчно труня надъ своими учеными противниками, онъ не щадилъ и ихъ собратій по суевѣріямъ и предразсудкамъ, докторовъ,—и тутъ мы уже имѣемъ ключъ къ объясненію выходокъ мольеровской сатиры противъ медицины и врачей [3]).

Когда школа осталась наконецъ позади и Поклэну предстояло избрать себѣ опредѣленную профессію, онъ, какъ кажется, прибѣгнулъ къ невинному обману, чтобъ избавиться отъ грозившей ему карьеры ремесленника. Большинство біографовъ допускаетъ, что Жанъ-Батистъ, уговаривая отца позволить ему готовиться къ адвокатурѣ и, быть можетъ, указывая на то, что и эта профессія мало чѣмъ уступитъ въ выгодности ихъ наслѣдственному ремеслу, пытался только выиграть время, уклониться отъ тупой физической работы и обезпечить себѣ возможность осуществить когда-нибудь завѣтныя свои дѣтскія мечты и очутиться на сценѣ. Какъ бы то ни было, прямая цѣль была, наконецъ, достигнута, согласіе отца съ трудомъ получено; Поклэнъ принимается за изученіе права, скоро усвоиваетъ себѣ тонкости современной казуистики, даже добываетъ себѣ дипломъ *licencié*. Но нельзя сомнѣваться

[1]) Сирано, несмотря на свой тяжелый, неуживчивый характеръ, впослѣдствіи приведшій его къ разрыву съ Мольеромъ, написалъ, какъ думаютъ, вмѣстѣ съ нимъ пьесу „Le pédant joué". Впослѣдствіи, осмѣивая педантовъ, Мольеръ безъ церемоніи бралъ нѣкоторыя черты изъ этой юношеской комедіи, зная, что онъ беретъ свое. Къ этому-то и относится знаменитая фраза, читаемая такъ: „Je reprends mon bien où je le trouve".

[2]) Именно въ „Femmes savantes", гдѣ Призаль будто-бы Гассенди.

[3]) Но и педанты, какъ извѣстно, сыграли свою роль въ мольеровской комедіи, и жалкая участь въ нихъ Аристотелевой школы объясняется юношескими впечатлѣніями автора.

въ томъ, что онъ ни одной минуты серьёзно не думалъ посвящать себя юридической карьерѣ [1]). Вращаясь теперь въ мірѣ судебномъ, приглядываясь къ новому для него общественному слою, знаніе котораго ему еще пригодится, онъ стоитъ все-таки совершенно внѣ его. Разсѣянно переворачиваетъ онъ листы юстиніановыхъ институцій,—а мысли его носятся далеко отъ книги, и передъ нимъ возстаетъ обольстительная картина освѣщенной рампы, шумной и волнующейся толпы, живого дѣйствія, разыгрывающагося на сценѣ, откуда смотрятъ на юношу и улыбаются ему чьи-то любящія очи.

Молодого студента правъ рано коснулись и атмосфера театра и поэзія первой любви, освѣтившая для него чарующимъ свѣтомъ жалкія театральныя подмостки. Блуждая по мелкимъ театрамъ тогдашняго Парижа, внезапно возникавшимъ благодаря какому-нибудь кружку любителей или провинціальныхъ актеровъ, и быстро исчезавшимъ, онъ любилъ вмѣшиваться въ обычную при каждой сценѣ толпу привычныхъ театраловъ, усердныхъ поклонниковъ первой хорошенькой актрисы, охотниковъ поблистать и посуетиться впереди всѣхъ. Въ такой-то обстановкѣ онъ встрѣчается съ одной изъ тѣхъ искусныхъ кокетокъ, развивающихъ, благодаря сценической иллюзіи, способность нравиться до утонченнаго совершенства, которыя такъ неотразимо дѣйствуютъ на всякое очень молодое сердце, на всякаго школьника, только-что вступающаго въ жизнь. Мадлена Бэжаръ была, къ тому же, далеко не дюжинная, умная, даже образованная актриса, пока еще довольствовавшаяся скромной обстановкой бродячей труппы и дешевыми тріумфами среди полубарской молодежи. Въ ея исторіи было много схожаго съ судьбой Поклэна; ее также привела на сцену неодолимая страсть къ театру, вырвавшая ее изъ добропорядочной семьи бѣднаго судебнаго пристава; она также приносила съ собой въ новую свою профессію вкусъ и образованность, не часто встрѣчавшіяся въ актерской средѣ. У нея мелькали смѣлые, честолюбивые планы, гдѣ ей чудились и колоссальные сценическіе успѣхи, и блестящее замужество, которое дастъ ей, томившейся такъ недавно въ бѣдной и многочисленной семьѣ, довольство и почетное положеніе. Въ этихъ планахъ была и реальная основа; въ числѣ поклонниковъ Мадлены былъ одинъ избранникъ, возбудившій въ ней первую любовь, баричъ и въ

[1]) Любопытно, что и относительно Мольера сдѣлана была такая же попытка доказать по его пьесамъ обстоятельное знакомство съ юриспруденціей, какія находимъ въ литературѣ о Шекспирѣ; это именно разсужденіе: „La science du droit dans les coméd. de Mol., par Cauvet". Caen, 1855.

то же время отчаянный искатель приключеній, вмѣшивавшійся во всѣ возстанія и политическія интриги, и то-и-дѣло исчезавшій изъ Парижа, не переставая, однако, поддерживать отношенія съ Мадленой. Долженъ же онъ когда-нибудь исполнить свои старыя клятвы и назвать ее женой!... Ни честолюбія своей богини, ни ея связей, ничего не замѣчалъ довѣрчивый юноша, смотря на нее восторженными глазами и не подозрѣвая, что ея сердце легко воспламенялось и часто бывало занято. Быть можетъ, эта-то искренность увлеченія и свѣжесть молодого чувства и привлекла, наконецъ, вниманіе избалованной красавицы на ея нерѣшительнаго поклонника и, несмотря на разницу лѣтъ между ними и на то, что старыя надежды и теперь не были покинуты, между ними установилась нѣжная, дружеская связь. Съ этихъ поръ театръ долженъ былъ казаться вдвойнѣ привлекательнымъ для молодого юриста, убѣдившагося, что тутъ только и возможна для него жизнь.

Предстоявшая ему борьба съ предубѣжденіемъ отца его не остановила. Не соблазнили выгоды придворной должности, которую онъ долженъ былъ наслѣдовать послѣ отца; не устрашила ждавшая впереди бѣдность, несмотря на принятыя уже привычки къ зажиточности [1]), не помогли никакіе уговоры. Недавній школьникъ выказывалъ необыкновенную самостоятельность и твердость рѣшеній. Преданіе разсказываетъ, что, для убѣжденія его покинуть неразумный замыселъ, послано было къ нему уважаемое имъ лицо,—по однимъ разсказамъ, одинъ изъ бывшихъ его учителей, по другимъ—богобоязненный, смиренный монахъ. Но усовѣщиванія разлетались передъ цѣлымъ арсеналомъ убѣдительныхъ аргументовъ, согрѣтыхъ страстью; защитникъ театра съ жаромъ доказывалъ, что съ подмостокъ можно вести такую же спасительную проповѣдь, какъ съ церковной каѳедры,—и побѣжденный обличитель сдался, увѣровалъ въ ересь, сбросилъ сутану и пошелъ вслѣдъ за молодымъ вольнодумцемъ въ станъ діавольскій. За то и злобствуютъ же, даже теперь, и на юношу, и на совращеннаго имъ служителя церкви ревнители строгой нравственности, искренно сожалѣя (какъ это сдѣлалъ недавно извѣстный Вэйльо [2]), что старикъ Поклэнъ не обратился къ власти и не преслѣдовалъ бѣглеца сыскнымъ порядкомъ.

Театръ, къ которому съ-разу же присталъ Поклэнъ, былъ чрез-

---

[1]) Эта зажиточность доказана была еще Базеномъ: „Notes histor. sur la vie de M.“ P. 1851.

[2]) Molière et Bourdaloue, P. 1877.

вычайно оригинальной и первобытной формой драматическаго учрежденія. По разсказу одного изъ современниковъ [1]), въ ту пору въ Парижѣ сошлось немало дѣтей «хорошихъ фамилій», захотѣвшихъ соединенными силами устроить спектакли, гдѣ бы они могли упражнять свои таланты. Эти доморощенные дилеттанты были, вѣроятно, все такіе же бѣглецы изъ-подъ родного крова, какъ Жанъ-Батистъ и Мадлена, и ихъ связало одинаковое желаніе добиться славы внѣ торной дороги большихъ, постоянныхъ сценъ. Ихъ крохотный, бѣдно обставленный театръ, который они разбивали, кочуя по Парижу, то тутъ, то тамъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ маленькихъ, не больше бонбоньерки, — любительскихъ театровъ, которыхъ и теперь не мало въ Парижѣ, особенно на лѣвомъ берегу Сены, — тѣхъ театровъ, гдѣ собственно ни встать, ни сѣсть негдѣ, что не мѣшаетъ имъ казаться играющей тутъ даромъ молодежи не хуже залы самого *Théâtre Français* и служить порядочной первоначальной школой для актера. Въ ассоціаціи, къ которой примкнулъ Поклэнъ, было изобиліе непризнанныхъ талантовъ и очень мало денегъ. Самъ онъ чуть-ли не былъ богатѣйшимъ изъ всѣхъ членовъ и не разъ отважно покрывалъ все дѣло своимъ поручительствомъ. Тѣмъ важнѣе было свято хранить принятую форму братства или ассоціаціи, очень любимую въ тогдашнемъ актерскомъ быту; соединеніе всѣхъ силъ и общій рискъ ради общей цѣли составляли противовѣсъ безпомощности каждой отдѣльной личности. Взаимный договоръ членовъ ассоціаціи былъ подписанъ 30-го іюня 1643 года [2]) двѣнадцатью лицами, составлявшими, очевидно, весь наличный персоналъ труппы, которая, быть можетъ, существовала и до той поры въ болѣе нестройномъ видѣ, такъ какъ договоръ заботится именно о дальнѣйшемъ ея сохраненіи (conservation). Приняла она пышное названіе *l'Illustre théâtre;* оно забавно противорѣчило и скудости обстановки и малому числу артистовъ, но было въ духѣ напыщенныхъ титуловъ современныхъ драмъ, романовъ, комедій [3]), самонадѣянно окруженныхъ заранѣе ореоломъ *знаменитости*.

Вступивъ на сцену, Поклэнъ посиѣшилъ послѣдовать всеобщему тогда обычаю перемѣны актеромъ своей фамиліи, какъ только онъ переступалъ порогъ театра. Парижскія и провинціальныя труппы представляли собой разнохарактерную смѣсь подоб-

[1]) Лагранжъ въ предисловіи къ первому полному собранію сочин. Мольера.

[2]) Онъ напечатанъ впервые Моланомъ въ газетѣ „le Français“, 16 января 1876 г.

[3]) Напрым.: l'Illustre Bassa, l'Illustre Amazone, l'Illustre Corsaire и т. д.; особенно употребителенъ былъ этотъ эпитетъ въ романахъ и пьесахъ изъ восточной жизни.

ныхъ псевдонимовъ, для которыхъ или бралось первое попавшееся слово, часто имѣвшее для актера почему-либо особое значеніе,— Raisin, Longchamp, — или же составлялось вновь благозвучное прозвище, — Floridor, Filandre, Montfleury, и т. п. Этому-то обычаю мы обязаны совершеннымъ исчезновеніемъ первоначальной личности молодого обойщика Поклэна за колоссальной славой *Мольера* [1]). Онъ съ-разу выдвигается изъ ряду своихъ товарищей; въ договорѣ только ему, да двумъ другимъ актерамъ предоставлено право играть героевъ, и это отличіе затмѣвается только прерогативой Мадлены, единственной опытной актрисы во всемъ кружкѣ, за которой названный документъ и признаетъ право самой «выбирать роль, какую она захочетъ». Черезъ годъ Мольеръ дѣлается главою труппы и неустрашимо борется со всѣми невзгодами, которыя такъ и сыплются на нее. Публика остается холодна и рѣдко показывается въ театрѣ, кредиторы становятся требовательнѣе. Мольеру приходится высиживать въ тюрьмѣ за неплатежъ; небольшая субсидія, которую Мадлена съумѣла выхлопотать для труппы у герцога Орлеанскаго, скоро взята имъ назадъ. Изъ силъ выбились, наконецъ, вожди *знаменитаго* театра. Парижъ слишкомъ явно отталкивалъ ихъ, и имъ оставалось только, очертя голову, пуститься искать счастья въ провинціи. Они видѣли передъ собой ободряющій примѣръ нѣсколькихъ труппъ, которымъ удалось тамъ побороть всѣ превратности и завоевать себѣ прочное положеніе. Да и что значитъ рискъ, мелкія тревоги, тощій желудокъ, когда человѣкъ такъ молодъ, влюбленъ и рвется къ славѣ, какъ Мольеръ, дожившій, наконецъ, до той блаженной поры, когда стали сбываться золотые сны его дѣтства?

II.

«Шелъ уже шестой часъ, когда небольшая телѣжка вдругъ въѣхала подъ деревянныя аркады Ле-Манса. Она запряжена была четырьмя очень тощими волами, передъ которыми привязана была еще лошадь; жеребенокъ, точно бѣсноватый, шнырялъ все время вокругъ. Телѣжка была полна сундуковъ, чемодановъ и большихъ связокъ раскрашеннаго холста; все это образовало собой точно пирамиду, наверху которой восѣдала барышня, одѣ-

[1]) Почему онъ избралъ именно это имя, до сихъ поръ неясно. Въ числѣ новѣйшихъ толкованій можно указать, какъ на курьезъ, замѣчаніе Тьерри (Registre de La Grange, XII): On peut remarquer, comme simple rapprochement, que le nom choisi par le poëte de la femme est le nom de la femme elle-même: *mulier*“.

тая не то въ городское платье, не то по-деревенски. Молодой человѣкъ, бѣдный одеждою, но богатый выразительностью лица, шелъ рядомъ; на лицѣ его красовался большой пластырь, покрывавшій одинъ глазъ и половину щеки [1]); онъ несъ на плечѣ большое ружье, которымъ умертвилъ нѣсколькихъ сорокъ и галокъ. Онѣ тутъ же и висѣли на немъ въ видѣ перевязи, подъ которой болталась курица, да еще какая-то птица, очевидно, добытая въ малой войнѣ. Вмѣсто шляпы на немъ былъ ночной колпакъ, перехваченный нѣсколько разъ разноцвѣтными подвязками и образовавшій что-то въ родѣ тюрбана, еще не вполнѣ додѣланнаго. У пояса болталась длинная шпага. На ногахъ были дырявые чулки съ привязанными наколѣнниками, которые актеры надѣваютъ, изображая античныхъ героевъ; античныя же туфли, забрызганные грязью до щиколотки, служили обувью. Рядомъ шелъ еще старикъ, одѣтый нѣсколько правильнѣе, хотя и очень дурно. На ходу онъ все сгибался, такъ-что издали напоминалъ толстую черепаху, шествующую на заднихъ лапахъ».

Съ изумленіемъ слѣдили глазами за этимъ страннымъ караваномъ, около котораго столпилось не мало народу, сановитыя личности городка, собравшіяся у одного увеселительнаго заведенія. Съ важностью и достоинствомъ подошелъ къ пріѣзжимъ одинъ изъ мѣстныхъ тузовъ, полицейскій чиновникъ, и спросилъ ихъ, что они за люди. Молодой человѣкъ отвѣчалъ тогда, «что они французы по происхожденію, комедіанты по профессіи; что его театральное имя — le Destin, стараго его товарища — la Rancune, а барышни, которая насѣдкой сидитъ поверхъ ихъ багажа, — la Caverne».

Этой забавной сценой открывается знаменитый «Roman comique» Скаррона [2]), который, помимо достоинствъ живого реалистическаго разсказа, перемѣшаннаго романическими эпизодами, взятыми по бóльшей части изъ испанскихъ новеллъ, представляетъ собой драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія быта современнаго ему провинціальнаго французскаго театра. Намъ нѣтъ нужды доискиваться, имѣетъ-ли разсказъ Скаррона, этотъ *Вильгельмъ Мейстеръ* XVII-го вѣка, прямое отношеніе къ скитальческимъ годамъ Мольера, и скрывается-ли подъ личиной только-что видѣннаго нами перваго сюжета бродячей труппы, этого актера «le Destin», самъ Мольеръ, какъ утверждали довольно долго и безъ достаточнаго основанія многіе біографы. Появившееся не-

---

[1]) Наивный способъ гримировки, употреблявшійся тогда на сценѣ.

[2]) Лучшее до сихъ поръ изданіе В. Фурнеля, Р. 1857, 2 тома.

давно добросовѣстное изслѣдованіе мѣстнаго, ле-мансскаго, ученаго Шардона [1]) доказало, что картина набросана была Скарроном съ натуры раньше мольеровскихъ поѣздокъ по провинціи, и даже попыталось опредѣлить, впрочемъ, не вполнѣ убѣдительно, ту труппу, которая, дѣйствительно, служила романисту образцомъ. Но мы видимъ у Скаррона оживленную картину той жизни, которою долженъ былъ жить и Мольеръ на ряду со всѣми своими многочисленными собратьями,—и это уже само по себѣ чрезвычайно цѣнно.

Какая же это была жизнь! Актеръ, чью профессію церковь считала нечестивой и преступной, лишая его христіанскаго погребенія,—актеръ, съ трудомъ отвоевывавшій себѣ значеніе артиста, художника, послѣ того, какъ масса вѣками привыкла считать его фарсеромъ и чуть не акробатомъ,—актеръ стоялъ одиноко среди дикаго и темнаго провинціальнаго общества. Ни умной мысли, ни поддержки, ни дружбы не въ комъ было встрѣтить; большинство видѣло въ немъ потѣшника, котораго за деньги можно заставить продѣлать что угодно и который долженъ быть доволенъ, что съ нимъ милостиво обращаются.

Городскія власти часто отвѣчали отказомъ на смиренную просьбу дозволить открытіе представленій; въ небольшихъ мѣстечкахъ, куда приходилось заглядывать иной обѣднѣвшей труппѣ, ее иногда выгоняли съ бранью, травили собаками; иной разъ приходилось по нѣскольку сутокъ голодать, ночевать подъ открытымъ небомъ, пробираться пѣшкомъ или пристраиваться какъ-нибудь изъ милости въ барочнику, который согласится примостить пріунывшихъ Дидонъ и Андромахъ среди прочаго своего груза. Безправіе и небезопасность, царствовавшія въ ту пору во всей Франціи, дѣлали странствія актеровъ еще болѣе затруднительными и опасными. Любой полицейскій, судья-самодуръ или важный баринъ могъ прервать представленія, задержать актеровъ. Во время переѣздовъ всевозможныя приключенія ожидали кочующихъ актеровъ. Романъ Скаррона полонъ разсказовъ о нихъ. То лучшая актриса труппы, носящая поэтическое прозвище «l'Etoile» (въ ней хотѣли видѣть Мадлену Бежаръ), подвергается дерзкому нападенію, то другую актрису прямо похищаютъ, между погонщиками актерскаго обоза и солдатами завязывается кровопролитная схватка, и актеры спасаются, какъ попало; въ деревенскихъ гостинницахъ, биткомъ набитыхъ сбродомъ, мигомъ вспыхиваютъ ссоры; поединки, убійства, кражи ни по чемъ. Гдѣ тутъ думать

[1]) La troupe du Roman comique dévoilée. P. 1876.

объ искусствѣ и серьёзно относиться къ дѣлу! Одна рутина вывозитъ на славу. У скарроновскихъ актеровъ, точно у гамлетовскихъ комедіантовъ, выработанъ облигатный, трескучій паѳосъ; лишь только горожане захотѣли получить предварительно хоть нѣкоторое понятіе объ ихъ искусствѣ, какъ черезъ нѣсколько минутъ приподнялось одѣяло, служившее занавѣсомъ, и «le Destin», полу-лежа на тюфякѣ, съ корзиной на головѣ вмѣсто короны, уже декламировалъ монологъ Ирода изъ одной любимой тогда трагедіи,—а самъ онъ, очевидно, былъ недюжинный артистъ, и его внѣшность, манеры, разговоръ заставляли отгадывать у него не совсѣмъ обычное прошлое. Игралось, что ни попало; модныя пьесы, попавшія съ придворной сцены въ балаганъ, встрѣчались тутъ съ самодѣльными пьесами, которыя писалъ поэтъ, зачастую состоявшій при труппѣ съ спеціальной обязанностью фабриковать ихъ [1]), дѣлившій съ актерами всѣ невзгоды и исполнявшій иногда второстепенныя роли. Такой поэтъ имѣлся и въ труппѣ «комическаго романа»; безъ него не обошлась и первоначальная мольеровская труппа, пока самъ Мольеръ не взялъ на себя вмѣстѣ съ сценическимъ руководствомъ и созданіе репертуара.

Такъ велось дѣло въ громадномъ большинствѣ тогдашнихъ провинціальныхъ труппъ, которыхъ современный историкъ театра, Шаппюзо [2]), насчитывалъ приблизительно до пятнадцати, не считая, конечно, случайныхъ, почти неуловимыхъ соединеній актеровъ, вызываемыхъ какою-нибудь ярмаркой, городскими празднествами и т. д. Изъ этого числа выдѣлялись болѣе успѣшной дѣятельностью и лучшимъ составомъ лишь двѣ, три труппы, и одною изъ нихъ стала со временемъ труппа Мольера [3]), что ей пришлось на первыхъ порахъ испытать такія же треволненія, не подвержено сомнѣнію. Долгій, двѣнадцатилѣтній періодъ мольеровыхъ кочеваній, до сихъ поръ не вполнѣ обслѣдованный, несмотря на длинный рядъ любопытныхъ изысканій французскихъ провинціальныхъ ученыхъ [4]), собравшихъ все, что можно было

---

[1]) Этимъ объясняютъ необыкновенную плодовитость нѣкоторыхъ изъ нихъ; такъ Гарди написалъ 600 пьесъ.

[2]) Le théâtre françois, par Samuel Chappuzeau. Lyon, 1674, перепечатано съ предисл. Монваля, 1875, стр. 134.

[3]) Ея извѣстность даже въ это время начинала проникать въ Парижъ, куда, по старому обычаю, провинціальные актеры по временамъ пріѣзжали для контрактовъ.

[4]) Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Брушу (Origines du théât. à Lyon), Галиберу (Péregrinat. de M. dans le Languedoc), Б. Фильону (Recherches sur le séjour de M. dans l'ouest de la France) и т. д.

найти въ архивахъ, административныхъ документахъ и народныхъ преданіяхъ, о пребываніи Мольера въ томъ или другомъ городѣ,—этотъ долгій періодъ былъ далеко не сплошнымъ рядомъ успѣховъ, и жизнь Мольера въ провинціи вовсе не была такою привольной и зажиточной, какъ хочетъ увѣрить въ томъ новѣйшій его біографъ [1]). Правда, что Мадлена, державшая въ своихъ рукахъ все хозяйство труппы и присоединявшая ко всѣмъ своимъ дарованіямъ и рѣдкое умѣнье не только изворачиваться, но создавать чуть не изъ ничего довольство и обезпеченность, со временемъ обставила внутренній бытъ труппы такъ завидно, что одинъ очевидецъ ихъ житья въ Ліонѣ, поэтъ Д'Ассуси, воспѣлъ его даже въ стихахъ. Но нельзя забывать, что эта радужная картина, «домъ — полная чаша, эти семь-восемь блюдъ за столомъ, вино, льющееся рѣкой», все это позднѣйшія черты, взятыя за три года до окончательнаго выѣзда Мольера изъ провинціи,—и что поэтъ, такъ горячо воспѣвшій сласти мольеровскаго стола, былъ бездомный гуляка и карточный игрокъ, вѣчно проигрывавшійся, вѣчно сидѣвшій безъ денегъ, до крайности эксцентрическая, почти невозможная личность. Три мѣсяца, проведенные имъ на покоѣ и на чужихъ хлѣбахъ, среди веселой артистической братіи, должны были показаться ему райской жизнью, и его вдохновеніе, отогрѣтое широкимъ радушіемъ, не могло не вдаться въ гиперболу.

Изъ конца въ конецъ объѣздилъ Францію Мольеръ, отъ Руана до Бордо, Ажэна и Монпелье, вращаясь въ той живой смѣси всевозможныхъ племенныхъ и соціальныхъ контрастовъ, которыми изобиловала тогда французская жизнь. Съѣздъ областныхъ «Etats généraux, какое-нибудь аристократическое празднество, спеціальное приглашеніе иного мецената или дружественно расположеннаго къ актерамъ городского совѣта привлекали къ себѣ предпріимчивую труппу; если же не было такого готоваго предлога, она пускалась въ путь, очертя голову; гдѣ приходилось плыть по Ронѣ или по Сенѣ на баркахъ, гдѣ скакать верхомъ, гдѣ ютиться на высланныхъ отъ города тележкахъ со всѣмъ своимъ скарбомъ, какъ Скарроновы актеры. Пріѣзжаютъ они въ Нантъ, —имъ запрещаютъ играть; въ другомъ мѣстѣ публику отбиваютъ у нихъ маріонетки или соперничающая бродячая труппа. Иногда ихъ встрѣчаютъ свистками и осыпаютъ печенымъ картофелемъ,—и, по преданію, это выпадаетъ на долю самого Мольера, который въ первые годы имѣлъ несчастную страсть (вскорѣ,

[1]) Loiseleur, Les points obscurs de la vie de Molière, p. 185.

впрочемъ, нечезнувшую) выступать въ трагедіи, чтó совершенно не соотвѣтствовало складу его дарованія. Иной разъ приходилось серьёзно пользоваться поддержкой знати; возобновившіяся связи Мольера съ бывшимъ его школьнымъ товарищемъ, принцемъ Конти, выручали въ трудныя минуты. Некрасива была тутъ зачастую обратная сторона медали; щедрыя свои субсидіи, какъ оказалось потомъ, магнатъ вымогалъ у жителей или навязывалъ уплату земскимъ представителямъ, съ которыми потомъ актерамъ приходилось имѣть непріятныя столкновенія. Но это сближеніе все-таки должно было возъимѣть громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Мольера. Оно выдвигало его изъ ряда второстепенныхъ антрепренеровъ и впервые заставило молву о его успѣхахъ проникнуть въ высшія парижскія сферы.

Эта молва говорила и о мастерствѣ сценическаго исполненія и о новомъ репертуарѣ, который создала и узаконила новая труппа. Въ Парижѣ, какъ выражается Тальманъ де-Рэо [1]), прослышали о какомъ-то «garçon nommé Molière», который «пишетъ смѣшныя комедіи»; пріѣзжіе изъ провинціи могли также разсказать, что вмѣстѣ съ этими новыми пьесами у него шли забавнѣйшіе фарсы и арлекинады, ничѣмъ не уступавшіе тѣмъ, которыми придворные итальянскіе комики утѣшали тогда весь Парижъ, начиная съ Людовика XIV, тогда еще ребенка, и кончая любымъ зрителемъ изъ простыхъ. Мольеръ, очутившись въ провинціи, конечно, долженъ былъ сначала въ значительной степени подчиниться господствовавшему до него вкусу. Тяжеловѣсныя трагедіи и пасторали немногихъ присяжныхъ кропателей, Гарди, Тристана и друг., старыя комедіи Лариве и мелкихъ комиковъ XVI-го вѣка, передѣланныя или заимствованныя съ итальянскаго,—вотъ чтó давалъ ему репертуаръ, освященный рутиной. Новаго, самостоятельнаго слова, вѣрнаго изображенія французской дѣйствительности на сценѣ почти негдѣ было искать, и только нѣсколько комедій Скаррона и двѣ-три пьесы Корнеля, создававшія уже чисто-французскій комическій стиль, могли служить слабымъ предвѣстьемъ новой поры. Но раннія парижскія впечатлѣнія не прошли даромъ для Мольера. Мы видѣли, какъ съ дѣтства его всего болѣе увлекала бойкая, животрепещущая шутка, мигомъ зарождающаяся среди шумной и воспріимчивой толпы, среди которой создается. Наглядѣвшись въ ранніе годы на старыхъ французскихъ фарсеровъ, онъ въ дни своего «Illustre

---

[1]) Въ его „Historiettes", въ которыхъ, несмотря на болтовню, есть нѣкоторыя данныя для исторіи театра.

théâtre» увидалъ рядомъ съ слабыми попытками своей собственной труппы самое совершенное воплощеніе импровизованной народной шутки. Итальянская труппа, обладавшая нѣсколькими замѣчательными талантами, давала ему образецъ неистощимаго запаса увлекательнѣйшихъ импровизацій въ лицѣ знаменитаго буффона Тиберіо Фьорилли, игравшаго традиціонную роль Скарамуччьи и потому прославившагося во Франціи подъ именемъ «Scaramouche'a». Это, дѣйствительно, было единственное въ своемъ родѣ созданіе; Скарамушъ былъ общимъ идоломъ, о немъ ходили безконечныя легенды и анекдоты, составившіе потомъ любопытную его біографію, написанную его сотоварищемъ Меццетиномъ [1]) (Анджелю Костантини). Продѣлкамъ и смѣлымъ выходкамъ его не было числа, его уважалъ и пекся о его домашнихъ нуждахъ самъ «король-солнце», рѣдко низводившій на кого-нибудь благосклонный взоръ. Самой прихотливой фантазіи зрителя невозможно было отгадать, къ какимъ невѣроятнымъ затѣямъ, переряживаньямъ и комическимъ церемоніямъ внезапно прибѣгнетъ этотъ неистощимый творческій духъ. Лицо Скарамуша было безконечно подвижно, передавая всевозможными гримасами, мгновенными перемѣнами выраженія, живымъ жестомъ и подвижнымъ голосомъ мельчайшіе оттѣнки характера. По словамъ итальянцевъ, Скарамушъ даже молча умѣлъ важныя вещи говорить (Scaramuccia non parla, ma dice gran cose). Было чему поучиться у такого человѣка, хотя передъ лицомъ строгаго искусства онъ и долженъ бы числиться чуть не клоуномъ.

И Мольеръ, дѣйствительно, многому научился у него, и это вліяніе Скарамуша признавали многіе современники. Авторъ названной біографія итальянскаго комика прямо говоритъ, что «знаменитый Мольеръ, изучавъ долгое время его пріемы, откровенно признавался, что ему онъ обязанъ всѣмъ мастерствомъ своей игры». Другой современникъ сказалъ о Скарамушѣ, что «il fut le maître de Molière et la nature fut le sien», а авторъ одного позднѣйшаго пасквиля противъ Мольера [2]) изобразилъ его учащимся у Скарамуша, съ зеркаломъ въ рукахъ, и подражающимъ малѣйшей его гримасѣ, насупливанью бровей и т. д. Это изученіе мастерской игры не прервалось и тогда, когда Мольеръ, послѣ провинціальной кочевки и, достигнувъ уже почетной репутаціи, окончательно переѣхалъ въ Парижъ, тѣсно сблизился съ своимъ учителемъ и со всѣми итальянцами, усвоивъ себѣ ихъ языкъ до

---

[1]) Vie de Scaramouche, par Mezzetin, préface par Louis Moland. P. 1876.

[2]) Elomire hypocondre, par Le Boulanger de Chalussay.

того, что, какъ полагаютъ, могъ писать даже итальянскіе стихи [1]). Это знаніе языка, давая возможность вполнѣ оцѣнить естественность и правдивость игры, открыло вмѣстѣ съ тѣмъ Мольеру и обширную литературную область, воздѣлывателями которой являлись итальянцы. Онъ знакомился тутъ не только съ вереницей либретто и перечневыхъ плановъ импровизуемой комедіи, но и съ цѣльными произведеніями комедіи, писанной, commedia sostenuta; рядомъ съ смѣшными похожденіями Арлекина, Скапино, Цанни, варьируемыми на всѣ лады, съ бойкими и циническими комедіями Аретина, Аріоста и Маккіавелли, онъ встрѣчалъ тутъ обработки и заимствованія изъ разнороднѣйшихъ источниковъ, итальянскихъ новеллъ, испанскихъ легендъ и старыхъ драмъ, подражанія Кальдерону, Лопе-де-Вегѣ.

Какъ нѣкогда передъ Шекспиромъ, такъ теперь передъ нашимъ начинающимъ авторомъ открылись новые источники для задумываемой имъ реформы въ драмѣ. Осужденный пробивать себѣ грудью дорогу въ жизни, онъ задумалъ съ первыхъ же лѣтъ своихъ провинціальныхъ поѣздокъ основать на подражаніи пріемамъ итальянцевъ отличительный характеръ репертуара своей труппы, ея оригинальную особенность, которая могла бы привлечь къ ней симпатіи публики. Вскорѣ у него вошло въ обычай давать послѣ большой и серьёзной пьесы небольшую комедію въ итальянскомъ вкусѣ; онъ заимствовалъ нѣсколько характерныхъ типовъ итальянскаго фарса, Сганареля, Скапэна, и съ любовью принялся за ихъ воспроизведеніе въ своихъ собственныхъ шуткахъ. По образцу первой полюбившейся ему итальянской *канвы* онъ набрасывалъ свои первыя комическія сцены, въ которыхъ по заведенному порядку все основано на игрѣ случая, неожиданностяхъ и переряживаньяхъ, и приправлено безцеремонной шуткой. Двѣ изъ нихъ: «Le médecin volant» и «La jalousie du barbouillé»,—единственно уцѣлѣвшія изъ всѣхъ (третья «Le docteur amoureux» извѣстна лишь по заглавію) и входящія теперь въ любое собраніе сочиненій Мольера, могутъ служить образцомъ первоначальныхъ его опытовъ. Содержаніе первой пьесы взято изъ новеллы Боккачьо, конечно, перешедшей черезъ вторыя руки; для «Летающаго доктора» современники также указывали итальянскій источникъ. Масса другихъ фарсовъ, которые писались, конечно, не для потомства и обречены были на мимолетное существованіе, исчезли для насъ безслѣдно. Но не исчезла еще долго потомъ веселая непринужденность пріемовъ, неистощимость

[1]) Вставленные въ нѣкоторые изъ его фарсовъ и интермедій.

забавныхъ выходокъ, развившаяся подъ живымъ вліяніемъ итальянскаго театра. Когда разыгрывается уморительная сцена возведенія «Мѣщанина въ дворянствѣ» въ высокій турецкій санъ, и переодѣтые турками шутники лепечутъ невообразимый наборъ дикихъ словъ, сопровождая это серьёзными ужимками и жестами, или когда проходитъ комическая процессія докторовъ въ «Мнимомъ больномъ»,—нельзя не узнать тутъ далекаго отголоска стараго школьничества итальянскихъ импровизаторовъ.

Но, хотя первоначальная артистическая школа и была пройдена Мольеромъ подъ чужеземнымъ вліяніемъ, дальнѣйшій жизненный опытъ долженъ былъ мало-по-малу возбудить въ немъ стремленіе къ бóльшей самостоятельности, къ тѣснѣйшей близости съ жизнью своего собственнаго народа. Хорошо было научиться у Скарамуша умѣнью передавать смѣшныя или порочныя черты въ человѣческой природѣ; хорошо было заручиться извѣстной удобной формой для выполненія своихъ замысловъ, — но давно уже пора было вложить истинно-французское содержаніе въ эти чужія формы, и Мольеръ самъ сознавалъ это, не даромъ прожилъ онъ столько тревожныхъ лѣтъ жизнью кочевого актера, а въ раннемъ своемъ прошломъ извѣдалъ бытъ самыхъ разнородныхъ общественныхъ слоевъ. Въ дѣтствѣ бытъ ремесленничества, городской буржуазіи,—потомъ, въ школѣ, надутый педантизмъ людей науки,—нравы судейства, міръ закулисный,—а потомъ провинція съ ея оригиналами, Пурсоньяками и Сганарелями, мѣстными говорами и типами, узкими интересами околотка или прихода, предразсудками и невѣжествомъ: какой просторъ для наблюденій, какая масса непочатого матеріала, мимо котораго съ достоинствомъ проходили комики стараго покроя, довольствуясь рутинными подражаніями Плавту, Теренцію или итальянцамъ! Мольеръ понялъ высокую цѣну, которую имѣли для него эти наблюденія, сами просившіяся подъ перо. Онъ всегда любилъ вмѣшиваться въ народную толпу, жить въ иныя минуты одною жизнью съ нею, а съ этихъ поръ онъ все съ бóльшимъ увлеченіемъ сталъ отдаваться изученію живого народнаго быта. Въ одномъ изъ крохотныхъ южныхъ городковъ Пэзна́ (Pézenas) досихъ-поръ хранятъ, какъ святыню, то кресло, въ которомъ сиживалъ бывало Мольеръ въ лавочкѣ тамошняго цирюльника [1]), забираясь къ нему въ каждый базарный день, когда лавочка этого уѣзднаго Фигаро наполнялась пріѣзжими изъ деревень и оглаша-

[1]) Одинъ изъ анекдотовъ, будто бы разыгравшихся тутъ, впослѣдствіи составилъ содержаніе веселой комедіи „Le barbier de Pézenas“ (1877).

лась ихъ смѣхомъ и разсказами. Масса наблюденій надъ жизнью и людьми накоплялась во всю ту пору, когда Мольеръ еще продолжалъ лѣпить свои первые фарсы по готовымъ образцамъ. Неясный еще порывъ къ самостоятельному творчеству быстро назрѣвалъ и первая большая пьеса его «l'Etourdi», представляющая вольную передѣлку итальянской пьесы «l'Inavvertito», вскорѣ обнаружила въ авторѣ отвагу перейти отъ фарса въ область литературной комедіи. Превосходно разыгранная и навсегда утвердившая за Мольеромъ репутацію замѣчательнаго комическаго актера, она произвела настоящій фуроръ. Видно было, что сама публика встрепенулась при первомъ же признакѣ реформы, необходимость которой всѣми сознавалась. Даже враги Мольера признають громадный успѣхъ перваго представленія, показавшагося всѣмъ точно откровеніемъ. «Какъ только зрители увидали его съ аллебардой въ рукахъ, говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ памфлетистовъ [1]), — какъ только услыхали его смѣшную болтовню, увидали его нарядъ, токъ и фрезу, какъ всѣмъ стало вдругъ хорошо, на лицахъ разгладились морщины, и отъ партера къ сценѣ, отъ сцены къ ложамъ точно сотни эхо возгласили его хвалу». Но «l'Etourdi» далеко не давалъ еще многаго, и новаго слова масса еще не слыхала отъ своего любимца. Для того, чтобъ вывести его окончательно на широкій путь истиннаго творчества, понадобились для этой молодой и сильной натуры первыя терзанія страсти, первые проблески той тревожной внутренней жизни, которая скоро и навсегда сольется у него съ его произведеніями.

«Никто такъ не уважаетъ монархію въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ, какъ актеры», говоритъ Шаппюзо; «они считаютъ это полезнѣе для себя и усиленнѣе радѣютъ о ея славѣ, — но они не потерпятъ монархическихъ учрежденій въ своей средѣ; они не хотятъ знать надъ собой никакого повелителя; даже тѣнь такой власти устрашила бы ихъ» [2]), — и, развивая эту мысль далѣе, онъ называетъ современный складъ актерскаго быта демократическимъ, съ нѣкоторымъ лишь аристократизмомъ таланта. Таковъ дѣйствительно былъ характеръ кружка́, группировавшагося вокругъ Мольера; это было настоящее братство или артель, съ общимъ хозяйствомъ, выборнымъ порядкомъ, дѣлежомъ выручки, общимъ соглашеніемъ въ раздачѣ ролей. Одна лишь личность Мольера, испытаннаго вождя труппы и вѣрнаго товарища, стояла въ центрѣ кружка́, нравственно возвышаясь надъ его уров-

---

[1]) Elomire hypocondre, ou les médec. vengés, 1670.
[2]) Théâtre français, p. 97.

немъ, но никогда не поддаваясь заманчивости диктатуры. Итакъ, начинавшаяся извѣстность, значительное улучшеніе матеріальнаго положенія, гармонія въ своемъ тѣсномъ кружкѣ,—все, казалось, сходилось для того, чтобы спокойная, бодрая дѣятельность, твердо преслѣдующая извѣстныя цѣли, стала, наконецъ, возможною. Такъ и было бы со всякой иною натурой. Но не таковъ былъ этотъ завзятый весельчакъ, казалось, созданный самой природой для служенія смѣху, съ своими комически-густыми бровями, подвижнымъ лицомъ и живымъ жестомъ. Пристально вглядѣвшись въ него внѣ опьяняющей сценической атмосферы, можно было догадаться, что подъ этой веселостью скрыты чувства и мысли совершенно иного рода. Онъ проходилъ въ толпѣ «медленной поступью», вѣчно углубившись въ мысли, съ серьёзнымъ видомъ и благородной осанкой [1]. «Никто, конечно, и представить себѣ не могъ, что этотъ человѣкъ въ домашнемъ быту могъ быть сосредоточенъ и серьёзенъ. Какъ всѣ лучшіе комики, онъ подверженъ былъ противоположной душевной крайности. Живой и болтливый передъ толпой, онъ часто былъ молчаливъ въ обыкновенномъ кружкѣ. Если кому-нибудь приходила дикая мысль угостить посѣтителей своего салона Мольеромъ, созвать гостей на готовое развлеченіе,—страшное разочарованіе ждало ихъ; отъ него ждали остротъ чуть не послѣ каждаго слова, а онъ упорно безмолвствовалъ [2]. Меланхолія рано начала посѣщать его; самые бурные пароксизмы веселости на сценѣ уступали потомъ мѣсто хандрѣ, недовольству собой, недовѣрію къ себѣ; самый смѣхъ, вырывавшійся порой такъ обильно изъ этой грустно-настроенной души, былъ не похожъ на обыкновенную, беззаботную насмѣшку,—и одинъ изъ изслѣдователей его характера могъ по справедливости отнести Мольера вмѣстѣ съ Франсуа Вильономъ и Скаррономъ къ числу «меланхолическихъ весельчаковъ» [3].

Грусть и сосредоточенная работа мысли не были у него случайнымъ явленіемъ; напротивъ, въ минуты раздумья вся еще недолгая, но уже тревожная его жизнь припоминалась и сказывалась ему. Съ великими задатками, онъ не могъ долго найти себѣ достойнаго поприща; съ развитымъ, передовымъ умомъ долженъ былъ пройти по всѣмъ задворкамъ общества, столкнуться со всею его чернотой. Съ раннихъ лѣтъ каждая несправедливость, даже

---

[1]) Воспоминанія г-жи Пуассонъ, прежней актрисы Дю-Круасси, въ журналѣ „Mercure“, 1740 г.

[2]) Онъ самъ изобразилъ себя съ этой стороны подъ именемъ Дамона въ „Критикѣ на школу женщинъ“, сц. II.

[3]) „Rieurs mélancoliques“, статья Тальбо въ „Revue des cours littér., 1869.

не касавшаяся его вовсе, приводила его въ страстное негодованіе,—а чего не насмотрѣлся онъ, когда тянулъ лямку кочевника по захолустьямъ провинціи! Серьёзныя цѣли въ жизни, долгъ, который предстояло исполнить,—всѣ честныя мысли, нѣкогда съ восторгомъ выслушанныя у Гассенди и вынесенныя потомъ въ жизнь,—что̀ сталось съ ними, къ чему удалось примѣнить ихъ? И собственная дѣятельность, такая еще несовершенная, не удовлетворяла его, не давъ до тѣхъ поръ простора его творческимъ порывамъ. Наконецъ, не было любящаго женскаго сердца, которое бы согрѣло и оживило его своей привязанностью, — а его натура, въ высшей степени замкнутая и рѣдко раскрывавшаяся даже передъ друзьями, при всей застѣнчивости и стыдливости чувства, была страстно привязчива. Съ-молоду, Мольеръ готовъ былъ идеализировать Мадлену и слѣпо пошелъ, куда она поманила его за собой! Но съ годами онъ прозрѣлъ, и въ Мадленѣ—добромъ товарищѣ, хорошей хозяйкѣ и предпріимчивомъ организаторѣ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, онъ пріучился видѣть только друга. Судьба, однако, именно въ эту пору охлажденія первой любви какъ-будто указывала ему на возможность ея замѣны. Въ числѣ новыхъ членовъ труппы онъ встрѣтился съ двумя женщинами, которыя одинаково способны были бы привлечь къ себѣ всецѣло его симпатіи.

Онѣ представляли полную противоположность другъ другу. Одна, m-lle Du-Parc, соединяла съ блестящей красотой и талантомъ утонченное кокетство и тѣшилась поклоненіемъ цѣлаго хора обожателей, капризно помыкая ими; другая, De-Brie, была воплощеніемъ тихой и вѣрной дружбы. Мольеръ поддался сначала обаянію болѣе нѣжнаго чувства, но блескъ красоты и ума, такъ ослѣпительно расточавшійся возлѣ него другою, вскорѣ, словно противъ его воли, приковалъ его симпатіи къ той изъ двухъ молодыхъ женщинъ, съ которой у него не было ничего общаго. Онъ втайнѣ молился на неуловимую, своенравную Дюпаркъ, которая, не замѣчая ничего, поддерживала съ нимъ обычныя товарищескія отношенія. Когда же, наконецъ, она разгадала въ немъ страсть, она попыталась и его включить въ число рабствующихъ своихъ обожателей, помучить его, повеселиться надъ нимъ. Новое разочарованіе болѣзненно отозвалось въ душѣ Мольера; глубоко оскорбленный въ своемъ искреннемъ увлеченіи, онъ брезгливо отшатнулся тотчасъ же, снова сблизился съ тою, которую несправедливо покинулъ, и рѣшительно отвернулся отъ запоздалыхъ заискиваній одумавшейся кокетки. Такія минуты въ жизни впечатлительнаго человѣка не могли не отразиться на его дѣя-

тельности; не до веселья прежнихъ фарсовъ было ему теперь, и творческій порывъ, все чаще посѣщавшій поэта, быстро воплотилъ въ живыхъ образахъ всѣ только-что пережитыя душевныя тревоги, перипетіи обманутой и утѣшенной любви. Такъ сложилась первая *самостоятельная* комедія Мольера: «le Dépit amoureux», до того близко подходящая къ подлиннымъ чертамъ дѣйствительности, что, подставивъ имена Мольера и его окружающихъ вмѣсто именъ вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ, получимъ въ живомъ драматическомъ отраженіи весь, только-что описанный, эпизодъ изъ сокровенной жизни поэта [1]).

Тревога любви, потрясшая всю его натуру, вывела его, наконецъ, на настоящій путь, охватила всего его лихорадкой творчества, которое, какъ видимъ, съ первыхъ же произведеній становится субъективнымъ. «Dépit amoureux» открываетъ собой рядъ тѣхъ главныхъ созданій поэта, по которымъ съ этой поры мы получаемъ возможность слѣдить за постепеннымъ духовнымъ его развитіемъ и отгадывать мучащія его мысли, стремленія и тревоги. На первый взглядъ, онъ долго еще какъ будто не порветъ съ привычками ранняго своего періода; и въ Парижѣ иногда онъ не побрезгуетъ легкой бездѣлкой въ итальянскомъ вкусѣ, сложенной на первый попавшійся сюжетъ—imbroglio,—но все это—случайные наросты на его основной дѣятельности, которая будетъ развиваться органически, имѣя передъ собой серьёзно сознанныя цѣли; ничто не въ состояніи будетъ отклонить его отъ этой работы. Но для развитія ея слишкомъ уже становилось недостаточно узкой провинціальной среды. Друзья Мольера давно уже придумывали для него возможность прочно устроиться въ Парижѣ, навсегда покончивъ съ кочеваньями. Наконецъ, одному изъ нихъ (по однимъ догадкамъ, принцу Конти, по другимъ—знаменитому живописцу Миньяру, любимцу Мазарини) удается втолковать брату короля, охотнику до развлеченій, что хорошо было бы призвать въ Парижъ комическую труппу, о которой вездѣ такъ много говорятъ. Приглашеніе застаетъ Мольера въ Руанѣ, гдѣ его удерживалъ и сочувственный пріемъ публики, и сближеніе съ Корнелемъ, достигшимъ тогда высшей своей славы и временно жившимъ на покоѣ въ своемъ родномъ нормандскомъ городкѣ. Оба писателя скоро сошлись, и вліяніе болѣе опытнаго предшественника не могло не коснуться начи-

---

[1]) Изученіе данной пьесы съ этой стороны см. у Линдау: „Molière, eine Ergänz. der Biogr. des Dichters“, L. 1872, p. 12—22; и Фурнье: Roman de Molière, P. 1868, p. 68—69.

навшаго автора, котораго сближало съ Корнелемъ то же презрѣніе къ утонченной пошлости современнаго литературнаго стиля и жажда здороваго реализма [1]). И Мольеръ, пускаясь, въ 1658 г., въ свою достопамятную поѣздку въ Парижъ, рѣшившую всю его дальнѣйшую судьбу, выступалъ на своемъ новомъ, широкомъ поприщѣ совершенно инымъ человѣкомъ, съ твердой цѣлью впереди, напутствуемый совѣтами и пожеланіями своего руанскаго друга.

Дворъ въ ту минуту находился наканунѣ отъѣзда; въ Парижъ только-что привезли диковиннаго кита, на котораго всѣ любовались; французская и итальянская труппы, пріучившія уже къ себѣ публику, были въ полномъ разгарѣ тріумфовъ и являлись опасными конкуррентами для пріѣзжихъ провинціаловъ. Минута ихъ появленія въ Парижѣ, казалось, не могла быть неблагопріятнѣе. Не вывезла ихъ трагедія, которою они, по обычаю, хотѣли-было открыть представленія, но обѣ новѣйшія пьесы Мольера, данныя вслѣдъ затѣмъ, все поправили и разомъ такъ увлекли и разсмѣшили всѣхъ, что покровительство и обѣщанія субсидій дождемъ посыпались на новую труппу, которая поспѣшила заручиться постоянной сценой, нанявъ себѣ такъ-называемый «théâtre du petit Bourbon». Въ городѣ уже говорили о ней, успѣхъ ея былъ упроченъ. Насталъ конецъ скитальческимъ годамъ въ жизни Мольера, открывался новый ея періодъ, періодъ славы.

III.

Богатый жизненнымъ опытомъ, Мольеръ увидалъ себя теперь въ знакомомъ ему парижскомъ водоворотѣ,—но не въ тѣхъ низменныхъ слояхъ его, въ которыхъ онъ когда-то вращался новичкомъ, а среди избраннаго и чванливаго общества, среди блеска и пышности двора, служившаго образцомъ для всей европейской знати. Съ привычками кочевого актера къ жизни на распашку и безъ церемоній, съ скептическими взглядами трезваго философа на суету отличій, наконецъ, съ живымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, непозволяющимъ кому бы то ни было зазнаться и принять пренебрежительный тонъ,—какъ трудно было пришельцу установить прочно свое положеніе въ придворной

[1]) О вліяніи Корнеля на Мольера см. Jules Levallois: „Corneille inconnu“, P. 1876, p. 97—142.

средѣ, которая, раболѣпствуя передъ королемъ, спѣсиво возносилась и не надъ такими низменными личностями, какъ какой-нибудь комическій актеръ. Съ первыхъ же шаговъ его въ большомъ свѣтѣ, съ которымъ его столкнула судьба, онъ долженъ былъ испытать массу непріятныхъ ощущеній; заносчивость знатныхъ баръ шла объ руку съ презрительнымъ отношеніемъ къ нему литераторовъ старой школы, недовольныхъ успѣхами незванаго выскочки; обѣщанныхъ субсидій не выплачивали, другимъ театрамъ отдавали предпочтеніе, подъ конецъ, подъ разными предлогами, даже отняли у Мольера залу, которою онъ располагалъ въ первые два года. Но онъ шелъ невозмутимо своей дорогой, не отступая ни шагу передъ своими аристократическими противниками. Онъ скоро замѣтилъ и въ молодомъ королѣ, и въ одряхлѣвшемъ Мазарини, начинавшуюся симпатію къ нему и вѣрилъ, что въ крайнемъ случаѣ его можетъ отстоять эта сила, высшая инстанція въ странѣ абсолютизма. Но онъ становился силенъ и любовью народной. Если съ каждой новой пьесой, гдѣ все смѣлѣе высказывался независимый духъ поэта, вліятельныя сферы все непріязненнѣе относились къ нему,—въ то же время росло сочувствіе массы, этой предвѣстницы просвѣщеннаго *tiers-état*, которая хоть въ этой области уже осмѣливалась имѣть свое сужденіе и вывела своего любимца, настоящаго сына толпы, изъ сѣти дрязгъ и интригъ на почетнѣйшее мѣсто, въ число лучшихъ украшеній своей родины.

Первое же его произведеніе, написанное въ Парижѣ [1]), было совершенно во вкусѣ этого демократическаго протеста во имя здраваго смысла противъ утонченной вычурности, вторгшейся въ свѣтскіе нравы и грозившей заполонить и литературу и искусство. Успѣвъ еще въ провинціи наглядѣться на быстро распространявшееся и тамъ подражаніе тону парижскихъ салоновъ, на громадные успѣхи пастушескихъ романовъ и манерныхъ мадригаловъ въ итальянскомъ вкусѣ, онъ очутился въ Парижѣ въ самомъ очагѣ чувствительнаго направленія. Самъ онъ навсегда сохранилъ простые вкусы къ здоровой, искренней народной поэзіи, и позже, въ извѣстной сценѣ съ сонетомъ въ «Мизантропѣ», прямо отдалъ, устами Альцеста, предпочтеніе народной пѣсенкѣ передъ цвѣтистымъ стихотвореніемъ свѣтскаго поэта. Послѣ этого понятно, какъ удушливо должна была подѣйствовать на него жеманность салонной среды, гдѣ законодательницы свѣта поддер-

---

[1]) Это доказано Депуа, въ ученомъ предисл. къ „Précieuses ridicules", во II томѣ Мольера, въ Collect. des Grands Ecriv. de la France.

живали сантиментально-изысканный тонъ, доходившій до созданія особаго салоннаго жаргона, въ которомъ самыя обычныя житейскія выраженія, приличія ради, замѣнялись цвѣтистыми иносказаніями. Въ главномъ центрѣ этого избраннаго кружка,—въ знаменитомъ голубомъ салонѣ отеля Рамбулье, сбиралась разряженная, знатная публика, размѣщаясь вокругъ богато-убранной кровати маркизы и проводя время въ состязаніи остротами, сообщеніи новостей, пріятныхъ спорахъ о чувствительныхъ матеріяхъ, тогда какъ присяжные поэты кружка, по бо́льшей части бездарности, въ родѣ аббата Котэна (впослѣдствіи у Мольера—Триссотэнъ), приходили сюда декламировать свои новѣйшія произведенія и пожинать дешевые лавры. Въ этой салонной жизни, въ этихъ попыткахъ направить помыслы избраннаго общества къ болѣе интеллигентнымъ интересамъ и поддержать въ литературной формѣ и языкѣ извѣстное изящество и твердое соблюденіе правилъ, конечно, было нѣсколько полезныхъ сторонъ, независимо отъ комическаго впечатлѣнія, бьющаго прямо въ глаза. Но эти стороны или, лучше сказать, ихъ позднѣйшіе результаты,—поднятіе значенія женщины, облагороженіе нравовъ общества, столь необходимое послѣ одичанія во время долгихъ междоусобныхъ и внѣшнихъ войнъ,—эти результаты виднѣе теперь, на историческомъ отдаленіи, когда они уже могутъ войти, какъ полезная подробность, въ широкую рамку всей картины общественнаго развитія. Мольеръ же не могъ не видѣть прежде всего опасностей ложнаго пути и для литературы и для общества, усиленно отрывающагося отъ народной массы, и потому, съ сознаніемъ пользы сатиры, дважды возсталъ противъ этого направленія. Еще Вольтеръ [1]) замѣтилъ, что ни въ «Précieuses ridicules», ни въ «Ученыхъ Женщинахъ», комедіи, написанной много лѣтъ спустя на ту же тэму, авторъ хотѣлъ постоять за истинное знаніе, наперекоръ его искаженіямъ, и въ мысляхъ не имѣлъ бросить камнемъ въ женское образованіе вообще. Масса съ-разу поняла его намѣренія и на лету схватывала разсѣянные въ пьесѣ намеки, хотя авторъ постарался отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ изображеніи парижскаго свѣта [2]) и оговорился, что имѣлъ въ виду лишь плохія провинціальныя копіи съ настоящихъ précieuses». Но масса называла по имени затронутыхъ въ комедіи

[1]) Въ замѣткахъ по поводу „Ученыхъ Женщинъ".

[2]) Послѣ долгихъ споровъ о томъ, хотѣлъ или нѣтъ Мольеръ выставить парижскихъ précieuses,—споровъ, особенно раздутыхъ книгой Редерера „Mémoires pour serv. à l'hist. de la société polit.", 1835, установилось приводимое нами объясненіе уловки Мольéра.

лицъ; узнали себя и они, и съ неудовольствіемъ отворачивались въ обществѣ отъ Мольера; лишь немногіе, и въ томъ числѣ сама маркиза Рамбулье, имѣли тактъ не выказать и тѣни раздраженія, повѣривъ на-слово оговоркѣ. Необыкновенный успѣхъ пьесы превзошелъ всѣ ожиданія. На представленія ея народъ стремился отовсюду такими гурьбами, что, по свидѣтельству одного современника, на двадцать льё вокругъ Парижа не осталось никого, кого бы не привлекло въ столицу желаніе поглядѣть эту пьесу; многія выраженія стали пословицами. Послѣ перваго представленія пришлось сдѣлать нѣкоторыя урѣзки, чтобы ослабить близость къ дѣйствительности [1]). Для человѣка, принужденнаго всю жизнь вращаться среди знати, это, конечно, было рѣшительно неудачное начало.

Въ то время, какъ Мольеръ выступалъ такимъ образомъ на поприщѣ непосредственнаго обличенія нравовъ и открывалъ своей пьесой борьбу, которая скоро должна была поглотить всѣ его силы,—въ его интимной жизни готовился глубокій переворотъ. Неудовлетворенныя исканія сильной и неизмѣнной привязанности уступали мѣсто внезапно вспыхнувшей надеждѣ на великое личное счастье. Среди товарищескаго кружка актеровъ, съ которымъ онъ сжился, какъ съ семьей, стало все чаще появляться очаровательное личико дѣвочки, напоминавшее Мольеру знакомыя и когда-то дорогія черты, но при всей, еще дѣтской, неразвитости формъ обѣщавшее въ недалекомъ еще будущемъ поразительную красоту. Ребенокъ этотъ становится съ-разу общей любимицей, чѣмъ-то въ родѣ дочери полка; всѣ въ театрѣ его знаютъ, у всѣхъ для него есть ласковое слово. Долго дѣвочка слыветъ въ труппѣ подъ домашнимъ уменьшительнымъ именемъ «m-lle Menou» и подъ нимъ выступаетъ на сцену въ дѣтскихъ роляхъ, гдѣ не въ игрѣ все дѣло, а въ миловидномъ появленіи на сценѣ только-что распускающагося, наивнаго созданія. Въ этомъ ребенкѣ сирота была какая-то странная притягательная сила,—не строгая красота черть, а манящая и нѣжащая грація всего существа; въ этомъ отношеніи дѣвочка далеко оставляла за собой красивѣйшихъ представительницъ женскаго персонала труппы. Казалось, что этому юному созданію предстоитъ необыкновенная будущность, что нужна только заботливая и умѣлая рука воспитателя, чтобы къ внѣшнимъ дарамъ природы присоединить развитіе сильнаго ума и честнаго характера. Такія мысли не могли не придти на умъ мечтателю, который успѣлъ извѣриться во все и всѣхъ,

[1]) Предисловіе Депуа, стр. 18.

утомиться духомъ и стосковаться въ своемъ внутреннемъ одиночествѣ. Снова пробуждалась надежда; идеализируя существо еще несложившееся, онъ начиналъ уже видѣть въ немъ ту желанную посланницу судьбы, которую онъ такъ давно уже призывалъ. Онъ сталъ тѣснѣе сближаться съ смѣющейся, рѣзвой Армандой, старался руководить ея занятіями, вкусомъ. Между ними была сильная разница лѣтъ,—но досадная мысль объ этомъ, порой закрадывавшаяся въ его умъ и словно пристыжавшая его, заслонялась быстро возраставшей симпатіей къ граціозной дѣвочкѣ, и все глубже западала у Мольера мысль, которую онъ ревниво хранилъ отъ постороннихъ взоровъ: онъ мечталъ уже о томъ, какъ своимъ постояннымъ вліяніемъ онъ сложитъ, наконецъ, у своей любимой дѣвочки благородную, любящую, честную натуру, непохожую ни на одинъ изъ окружающихъ заурядныхъ женскихъ характеровъ, и тогда съ гордостью назоветъ ее своей женой. Эта мысль заронилась безсознательно и, когда онъ очнулся и отдалъ себѣ отчетъ въ ней, онъ увидалъ, что изъ отеческихъ его ласкъ съ ребенкомъ выросла страсть, странная, безумная, но неотразимая.

Съ Армандой, кромѣ того, его связывала и вся загадочная исторія ея происхожденія, о которомъ немало злорѣчивыхъ слуховъ и сплетенъ ходило уже въ то время. Оффиціально ее признавали *сестрой* Мадлены Бэжаръ, и уже въ силу этого она съ раннихъ поръ должна была стать на пути Мольера. Но молва не вѣрила подобной родословной, помня старость и давнюю дряхлость ихъ матери и видя особенно-нѣжныя попеченія Мадлены о своей младшей сестрѣ,—и въ этомъ она не ошибалась. Обѣихъ *сестеръ* на дѣлѣ соединяли совершенно иныя связи, и Арманда,—живой отголосокъ одного изъ самыхъ сумасбродныхъ приключеній въ бурной жизни Мадлены Бэжаръ, была ея дочерью [1]). Эгоистическій разсчетъ заставилъ мать отречься отъ нея передъ свѣтомъ; въ эпоху ея рожденія Мадлена все еще вѣрила въ возможность своего брака съ первымъ своимъ поклонникомъ, графомъ де-Модэнъ, но въ ту пору волненія Фронды продержали его нѣсколько времени вдали отъ Парижа, и тутъ-то явился некстати этотъ обличающій результатъ другой интриги, завязавшейся какъ-то между прочимъ, интриги, которую непремѣнно нужно было скрыть... Съ той легкостью, съ какою подобныя дѣла обдѣлывались въ ту пору, старуха-мать приняла на

---

1) Мы слѣдуемъ въ этомъ запутанномъ вопросѣ толкованію Луаклёра: „Points obscurs de la vie de M.“, p., 223—262.

себя передъ свѣтомъ родительскія обязанности относительно своей внучки, которую, кромѣ того, для бо́льшей правдоподобности, выдержали довольно долго на воспитаніи въ провинціи. Но въ семьѣ, конечно, всѣ хорошо знали истинныя отношенія этихъ лицъ, и Мадлена негласно пользовалась вполнѣ своимъ авторитетомъ надъ непризнанной дочерью, направляя ея жизнь по-своему и составивъ для ея будущности свой планъ. Тѣмъ тѣснѣе должны были установиться отношенія Мольера къ дочери нѣкогда любимой имъ женщины; дѣвочка рано привыкла видѣть въ немъ чуть не родного; едва научившись говорить, она въ шутку называла его своимъ мужемъ. Позже (въ «Школѣ мужей», актъ I, сц. II) онъ самъ признается, съ какой заботливостью онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ въ ея развитіи, съ какимъ удивленіемъ и восторгомъ отдавалъ себѣ отчетъ въ успѣхахъ того духовнаго перерожденія, которое складывало изъ нея граціозную женскую натуру. Качали головами при видѣ этой близости защитника строгой нравственности и подозрительно перешептывались, разнося сплетни, будто правда вовсе не тамъ, гдѣ ее ищутъ, и будто Арманда—дочь самого Мольера, плодъ его первой любви къ Мадленѣ.

Но ничего этого не зналъ, ни о чемъ не слышалъ влюбленный мечтатель. Гдѣ бы онъ ни былъ, при дворѣ ли, среди веселой кучки товарищей гдѣ-нибудь за городомъ, на пиру, гдѣ вино, пѣсни, импровизованные куплеты смѣняли другъ друга, или въ трудовой своей сферѣ, за кулисами,—вездѣ ему сопутствовала неразлучная мысль о женитьбѣ. Въ минуты раздумья онъ самъ стыдилъ себя; разница лѣтъ и характеровъ являлась тогда въ его глазахъ неодолимымъ препятствіемъ. Да и характеръ Арманды только еще складывался,—кто могъ разгадать ее, кто могъ поручиться, какія превращенія переживетъ она, когда ея коснется атмосфера свѣта и дѣйствительной жизни? Такіе помыслы и терзанія, заставлявшія его искать совѣтовъ у друзей, наполнили его существованіе до такой степени, что, вступивъ уже на путь субъективнаго творчества, онъ возсоздалъ всю обстановку, окружавшую его завѣтную тайну, вывелъ себя самого и любимую женщину, и высказалъ всѣ свои колебанія и надежды въ «Школѣ мужей», второмъ изъ крупнѣйшихъ, такъ-сказать, автобіографическихъ своихъ произведеній. Всѣ старанія подыскать этой комедіи образцы и въ «Адельфахъ» Теренція, и въ различныхъ пьесахъ Лопе-де-Веги, Морето и т. п.—не въ состояніи ослабить ея прямой связи съ одной изъ живѣйшихъ страницъ въ біографіи автора. Въ формѣ, въ мелкихъ частностяхъ

возможны и тутъ,—какъ и много разъ впослѣдствіи,—точки соприкосновенія съ другими источниками, но подъ вліяніемъ сильной и самостоятельной мысли даже заимствованное всегда перерождается въ своеобразный, новый замыселъ. Въ рѣчахъ пожилого опекуна молодой и еще неопытной Леоноры въ каждомъ словѣ чувствуется честная душа Мольера. Аристъ не хочетъ, подобно своему брату Сганарелю, принудить будущую жену къ строгому подчиненію, не хочетъ насиловать ея волю и надзирать за ея нравственностью. Много передумавъ про себя объ этомъ, онъ излагаетъ передъ изумленнымъ и взбѣшеннымъ Сганарелемъ совершенно новую философію женской свободы, основанной на честности и взаимномъ довѣріи. Такія мысли, дѣйствительно, должны были странно звучать среди современныхъ семейныхъ нравовъ, но теорія, исповѣдуемая Аристомъ, была не случайностью въ мольеровскомъ творчествѣ,—напротивъ того, какъ справедливо замѣтилъ Моланъ [1]), она открываетъ собою у Мольера настоящій походъ противъ гнета старой семьи, противъ «несправедливостей, злоупотребленій, несчастій и страданій, которыя царятъ въ ней». Аристъ (актъ I, сц. II) возстаетъ противъ стѣсненій и напускной строгости; онъ отвергаетъ всякую мысль о тиранніи. Леонора, благодаря ему, выросла на свободѣ, предавалась всѣмъ удовольствіямъ, веселой болтовнѣ съ молодыми людьми, — и эта свобода должна остаться за ней и въ замужствѣ. Аристъ помнитъ неравенство лѣтъ между ними, но не навязывается и даетъ Леонорѣ полную волю принять окончательное рѣшеніе, и самъ только проситъ себѣ той же личной свободы въ будущемъ, довѣрчиво смотря на свою невѣсту:

> Je veux m'abandonner à la foi de ma femme
> Et prétends vivre ainsi que j'ai vécu.

Мольеръ съ умысломъ взялъ на себя въ «Школѣ мужей» исполненіе совершенно неподходящей роли, изобразивъ ворчливаго и подозрительнаго стародура Сганареля, чья неумѣренная бдительность несетъ, наконецъ, заслуженное наказаніе,—но кто же не узнаетъ въ словахъ Ариста ту теорію семейнаго счастья, полнаго свѣта и простора, которую взлелѣялъ въ себѣ самъ авторъ, примирившись при помощи ея съ своими сомнѣніями и колебаніями? Созданіе этой пьесы какъ-будто облегчило ему душу; рѣшеніе сложилось безповоротно. Напрасно Скарронъ съ одра своей мучительной болѣзни, убившей тѣло, но безсильной

1) Oeuvres de Molière, 2 vol., p. XXXV.

передъ живучимъ духомъ сарказма, послалъ ему въ своемъ комическомъ «Завѣщаніи» зловѣщее предвѣщаніе, напрасно сулилъ онъ ему участь рогоносца (à Molière — le cocuage [1])). Послѣ одного изъ представленій «Школы мужей», какъ-будто запасшись еще разъ въ путь-дорогу высказанными въ ней честными взглядами, Мольеръ прямо изъ театра повелъ Арманду къ вѣнцу, окруженный своимъ товарищами.

Лишь нѣсколько дней прошло послѣ свадьбы, и далеко уже не прежнее радостное настроеніе оживляло поэта. Изумленный, смотрѣлъ онъ на утонченно-кокетливое существо, которое, страстно трепеща отъ добытой свободы, словно хотѣло полной грудью надышаться ею, хотѣло только веселой жизни, безконечныхъ наслажденій и удовольствій, забывая порой о человѣкѣ, съ чьей судьбой связало оно свою судьбу. Та ли это наивная дѣвочка, которую такъ недавно еще можно было идеализировать, какъ вѣрную, тихую подругу до гроба? Множество неуловимыхъ капризовъ избалованной модницы, завлекательныхъ, манящихъ уловокъ, обличавшихъ опытную кокетку, бросалось въ глаза съ перваго взгляда. Кто научилъ имъ ее? Она долго держалась поодаль отъ матери, воспиталась въ глуши — и, въ то же время, не только живо напоминала Мадлену въ счастливѣйшую пору ея побѣдъ, но обѣщала далеко опередить ее. Смутныя предчувствія, такъ мучившія Мольера до свадьбы, снова зароились въ его головѣ; прежде безпредметныя, они получали теперь реальную основу; закрадывалось оскорбительное сознаніе ложнаго шага. Совсѣмъ не пара этой порывистой натурѣ пожилой, утомившійся мечтатель, ждавшій иного счастья въ семьѣ. Любой дамскій угодникъ — помоложе, покрасивѣе и повѣтреннѣе стараго мужа — могъ бы скорѣе сдѣлать ее счастливою, хотя бы за нимъ не стояли ни умъ, ни талантъ, ни извѣстность. Въ больномъ сердцѣ пробуждается ревность; еще нѣтъ повода къ ней, нѣтъ соперника, но все, — и эта жажда наслажденій, и страсть окружать себя толпой поклонниковъ, вводить въ свой мѣщанскій домъ нравы свѣтскихъ гостиныхъ, — все заставляло предчувствовать, рано или поздно, неизбѣжный кризисъ.

«Школа женщинъ» вся проникнута болью этихъ раннихъ терзаній разочаровывающагося мужа; она точно также выстрадана авторомъ и нераздѣлима отъ поры своего созданія. На художественномъ воспроизведеніи ревности построена она, но то не бѣ-

[1]) Это, повидимому, имѣло отношеніе къ успѣху новой тогда пьесы Мольера: „Le cocu imaginaire“.

шеная страсть Отелло, не тоскливая недовѣрчивость или подозрительность,—но именно оскорбленное чувство честнаго, умнаго человѣка, убѣдившагося въ своей излишней довѣрчивости, увидавшаго, что всѣ его добрыя намѣренія, вся его гуманность поруганы и осмѣяны. Устами Арнольфа въ названной пьесѣ несомнѣнно говоритъ самъ авторъ; неподдѣльная и порывистая субъективность поражаютъ въ рѣчахъ этого главнаго дѣйствующаго лица; чувствуешь, что все свое личное горе авторъ вложилъ въ нихъ, что ими онъ воспользовался для рѣзкаго обличенія и самой измѣнницы, и ничтожныхъ ея фаворитовъ, которыхъ безъ раздумья она предпочитаетъ ему. Всѣ условія, при которыхъ разыгралась сердечная драма Арнольфа, прямо скопированы съ натуры. На сценѣ—такой же, уже поживпіій идеалистъ, «философъ, двадцать лѣтъ съ-ряду издѣвавшійся, бывало, надъ жалкой судьбою мужей», и самъ позорно вступившій въ ихъ же категорію. Онъ точно также давно таилъ въ себѣ мысль найти въ невинной Агнесѣ желанную подругу; онъ сознаетъ свою ошибку, бѣсится, видя счастливую улыбку на ея лицѣ въ тѣ минуты, когда онъ чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ,—но не можетъ заглушить въ себѣ любви. Послѣдняя черта довершаетъ сходство. Неизгладимость страсти, не уступающей внушеніямъ разсудка, оскорбленнаго самолюбія, тогда уже тяготѣла надъ Мольеромъ, точно что-то стоящее внѣ его силъ, роковое. Не разъ потомъ въ его пьесахъ отразится эта борьба, пока не составитъ трагической основы его «Мизантропа». Но въ «Школѣ женщинъ» онъ еще старается сгладить излишнюю близость къ дѣйствительности. Онъ дѣлаетъ Арнольфа въ сильной степени комическимъ типомъ; зритель не могъ удержаться отъ смѣха при любовныхъ рѣчахъ его или слушая чтеніе нравственнаго кодекса замужней женщины (Maximes du mariage, ou les devoirs de la femme mariée), который Арнольфъ навязываетъ Агнесѣ для ежедневнаго изученія; наконецъ, въ развязкѣ торжество молодости и красоты надъ старческой брюзгливой привязанностью является такъ естественно, такъ законно.... Можно ли представить себѣ болѣе потрясающее зрѣлище, чѣмъ этотъ злорадный смѣхъ надъ самимъ собой, чѣмъ эта печальная пародія собственнаго необдуманнаго увлеченія! Такъ, впослѣдствіи, мучимый предсмертной болѣзнью, сознавая всю безполезность леченія и грустно оглядываясь на свою жизнь, комикъ съ горечью посмѣется надъ собой въ лицѣ «Мнимаго Больного». Линдау [1])

[1]) Eine Ergänz. der Biogr. des Dicht., S. 56.

старается представить себѣ, съ какимъ внутреннимъ жаромъ Мольеръ долженъ былъ играть свою роль въ данной пьесѣ, съ какими чувствами писалъ онъ пламенно-негодующія рѣчи Арнольфа и съ какимъ удареніемъ онъ долженъ былъ произносить ихъ со сцены! Но трагизмъ положенія дѣлается оттого еще поразительнѣе: восторженная публика, не зная о зачинавшемся уже семейномъ разладѣ, хохотала надъ комическимъ гнѣвомъ обманутаго старика, видя въ пьесѣ только весело пересказанный обыденнѣйшій случай,—а у этого нарумяненнаго актера, такъ непринужденно входившаго въ роль, кровью обливалось сердце.

Но эта горячая, странная пьеса, такъ несомнѣнно дышавшая субъективнымъ чувствомъ, въ порывѣ котораго авторъ творилъ свободно, не справляясь съ теоріей, поражая пуристовъ рѣзкостью языка, непринужденностью положеній, еретическимъ характеромъ высказываемыхъ сужденій,—эта пьеса открыла глаза людямъ, сторожившимъ удобный случай для мщенія. То были соперники Мольера по литературѣ, театру, общественной и придворной роли, защитники доброй старой словесности, блюстители незапятнанной нравственности. Чутье не обмануло ихъ: въ возмущавшей ихъ пьесѣ они разгадали сердечныя страданія писавшаго, — и радостно принялись за работу клеветы и обличеній. Тогда-то выростаетъ, не по днямъ, а по часамъ, та обширная литература пасквилей, направленныхъ противъ Мольера, какъ человѣка и писателя, которая неутомимо терзаетъ его вплоть до кончины, роется въ его прошедшемъ, оповѣщаетъ всему міру интриги его жены, раздуваетъ семейный раздоръ, уличаетъ Мольера въ низкихъ проступкахъ, выводитъ его живьемъ (лишь слегка измѣнивъ его фамилію, какъ, напримѣръ, въ пьесѣ «Elomire hypocondre») въ комедіяхъ и пародіяхъ, полныхъ сплетенъ. Цѣлая школа борзописцевъ занята этимъ дѣломъ, и дѣятельно работаютъ потомъ много лѣтъ тайныя типографіи сначала въ Парижѣ, а потомъ и въ Голландіи, надъ распространеніемъ злобныхъ выдумокъ [1]).

Новая язва прибавилась къ невеселой жизни Мольера. Хроническое осадное положеніе, на которое его обрекали противники, казалось, должно бы ослабляющимъ образомъ подѣйствовать на его дальнѣйшую дѣятельность. Напротивъ того, оно какъ-будто наполняетъ его бодростью; онъ принимаетъ вызовъ, будетъ

[1]) Наиболѣе распространенный пасквиль „La fameuse comédienne", изданный много разъ и перепечатанный въ новѣйшее время четыре раза, принадлежитъ, какъ полагаютъ, мелкому актеру—Розимону.

бороться до конца, бороться могущественнымъ орудіемъ своего слова, лишь въ крайнемъ случаѣ ища защиты у власти и закона. На первыхъ же порахъ онъ бросаетъ своимъ противникамъ смѣлый отвѣтъ, — оригинальную свою критику на «Школу женщинъ», этотъ прототипъ гоголевскаго «Театральнаго разъѣзда послѣ представленія комедіи», — и въ живомъ разговорѣ выведенныхъ въ этой пьесѣ лицъ, судящихъ вкривь и вкось о новой мольеровской комедіи, гордо отстаиваетъ свои нововведенія, устанавливая свободную точку зрѣнія на дѣятельность поэта. Съ ужасомъ внимаютъ поклонники старой литературы изъ устъ Доранта безцеремонному приговору надъ старыми правилами и провозглашенію небывалыхъ эстетическихъ принциповъ [1]). Но вражда академиковъ или салонныхъ стихотворцевъ, порожденная въ нихъ оскорбленнымъ авторскимъ самолюбіемъ или рабскимъ благоговѣніемъ передъ старинной теоріей, была не такъ опасна, какъ ненависть блестящихъ представителей знати и дворянства, все чаще привлекаемыхъ Мольеромъ въ число любимыхъ типовъ его комедій, бичуемыхъ имъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Возмущенное чувство честнаго человѣка, близко приглядѣвшагося къ придворнымъ нравамъ, питалось и поддерживалось въ немъ ревностью мужа къ своимъ знатнымъ и пошлымъ соперникамъ. Сдержанный въ началѣ, онъ мало-по-малу становится все безпощаднѣе, идя на встрѣчу имъ же вызываемой бурѣ. Поэтому для него, окруженнаго враждебнымъ лагеремъ вліятельныхъ людей, не скупившихся на всевозможныя оскорбленія, не отступавшихъ даже передъ открытымъ нападеніемъ и побоями, — для него не могла не показаться цѣнною неожиданная и во-время оказанная ему поддержка, исходившая отъ высшей инстанціи въ странѣ. Людовикъ, начинавшій демонстративно поощрять поэта со времени представленія веселой пьески «Les Fâcheux», понравившейся королю, потому что въ ней въ первый разъ перемѣшаны были діалоги съ мимическими сценами, балетомъ и музыкой, назначилъ пенсію ему, въ качествѣ спо-

[1]) Сцена VII: „Какъ смѣшны вы съ вашими правилами, которыми вы только затрудняете невѣждъ и постоянно оглушаете насъ. Послушавъ васъ, подумаешь, что эти правила — величайшія міровыя тайны, а между тѣмъ это просто непринужденныя наблюденія, сдѣланныя здравымъ смысломъ, надъ тѣмъ, что можетъ умалить наше удовольствіе при чтеніи поэмъ въ этомъ родѣ. Тотъ же здравый смыслъ, который внушилъ нѣкогда эти замѣтки, можетъ и теперь производить свои наблюденія, не справляясь съ Гораціемъ и Аристотелемъ. Не важнѣе ли всѣхъ правилъ умѣнье нравиться и не стоитъ ли на добромъ пути та пьеса, которая достигла этой цѣли?" Уранія на это замѣчаетъ, что лучшіе знатоки правилъ пишутъ произведенія, которыхъ никто не считаетъ хорошими.

собнаго, талантливаго человѣка (homme d'esprit), и въ своемъ стихотворномъ «Remerciement au roi» Мольеръ могъ сказать нѣсколько словъ правдивой признательности за поддержку, выказанную въ самый разгаръ ожесточенныхъ нападокъ на него.

Съ этой поры устанавливаются особенно близкія отношенія между самовластнымъ монархомъ и поэтомъ, проникнутымъ независимостью и демократическими стремленіями,—странныя отношенія, дающія такъ много пищи самымъ разнороднымъ комментаріямъ. Чѣмъ зрѣлѣе становится талантъ Мольера, чѣмъ рѣзче относится онъ къ современному обществу и съ злорадствомъ бичуетъ господствующій классъ, тѣмъ быстрѣе растутъ симпатіи и покровительство короля; избытокъ обличенія и радикализма порождаетъ не охлажденіе и недовольство, какъ слѣдовало бы ожидать, а чувство удовлетворенія, довольную усмѣшку, доброе слово за поэта въ отвѣтъ на сплетни и доносы. Это кажущееся противорѣчіе объясняется не только личными свойствами Людовика, но еще болѣе характеромъ и цѣлями его власти. Натуры, загрубѣвшія въ самоупоеніи и горделивомъ властолюбіи, удерживаютъ иногда нѣкоторую долю нравственнаго чутья и умѣнья распознавать людей,—и Людовикъ могъ догадываться, *кого* онъ нашелъ въ остроумномъ писателѣ, такъ непохожемъ на окружающую придворную толпу, въ этомъ человѣкѣ, котораго сначала научился цѣнить какъ находчиваго и изобразительнаго организатора всевозможныхъ придворныхъ спектаклей и празднествъ. Съ автократической точки зрѣнія, дѣятельность Мольера прибавляла блеску къ подавляющему величію монархіи; со временъ Ришльё пріучились не брезгать такимъ изящнымъ украшеніемъ королевской порфиры. Поэтъ, проповѣдникъ, комическій актеръ, наравнѣ съ славнымъ генераломъ или модной красавицей, являлись яркимъ дополненіемъ къ ослѣпительному ореолу славы и благосостоянія. Но именно это-то возвышеніе одной личности надъ безгласной народной массой и должно было вести за собой у людей, подобныхъ Людовику, стремленіе уничтожить или ослабить преграды, задерживающія ростъ королевскаго могущества. Вбиравшій въ себя съ годами всю силу сконцентрированной власти, король, провозгласившій, что все государство въ немъ самомъ, могъ чувствовать особое удовольствіе, видя, какъ казнятся и осмѣиваются люди, еще стоящіе между нимъ и народной толпой. Онъ не только снисходительно смотрѣлъ на обличеніе барства, но готовъ былъ поощрять къ нему, указывать оригиналы, заслуживающіе осмѣянія. Дальнѣйшихъ послѣдствій борьбы онъ не въ состояніи былъ бы предугадать; руководимый въ своемъ

покровительствѣ личными мотивами, онъ не думалъ, что самъ содѣйствуетъ скопленію того горючаго матеріала, который, лишь вѣкъ спустя, не только взорветъ весь старый, феодально-аристократическій порядокъ, но и погребетъ подъ нимъ роскошный цвѣтъ королевскаго всемогущества. Да онъ и не способенъ былъ обнять во всей полнотѣ не только общественное, но даже литературное значеніе Мольера. Когда однажды ему вздумалось спросить у Буало, кто, по его мнѣнію, замѣчательнѣйшій изъ современныхъ французскихъ поэтовъ, и когда Буало прямо назвалъ ему Мольера,—Людовикъ удивленно воскликнулъ: «Неужели? Я этого не думалъ. Впрочемъ, вамъ это лучше знать!»— и этотъ отвѣтъ, подлинность котораго вполнѣ подтверждается преданіемъ, сбереженнымъ въ семьѣ Расина [1]), какъ нельзя лучше характеризуетъ ту роль, которую король безсознательно игралъ въ исторіи развитія дѣятельности Мольера.

А Мольеръ добродушно отплачивалъ за поддержку и симпатію всѣми средствами своего неистощимаго таланта и веселости. Онъ болѣе прежняго оставался вѣренъ серьёзнымъ своимъ цѣлямъ и послѣдовательно шелъ своей дорогой,—но считалъ въ то же время своимъ долгомъ оказать личную услугу королю, приложивъ руку къ устройству иного спектакля, предположеннаго во славу какого-нибудь чрезвычайнаго событія, наскоро написавъ для того пьесу, интермедію или придумавъ балетъ. Эти услуги не носятъ на себѣ печати подслуживанья; тѣ любезности, гиперболическіе эпитеты и т. п., къ которымъ Мольеру приходилось иногда прибѣгать въ своихъ предисловіяхъ и стихотворныхъ посвященіяхъ, были какъ-бы обязательны въ то время и въ данной средѣ. Композиція пьесъ такого рода была спѣшная, но въ то же время часто мастерская. Мольеръ всегда съумѣетъ извлечь все существенное изъ привычныхъ своихъ источниковъ; чего не дадутъ ему готовыя *канвы* итальянскихъ комедій или воспоминанія о старофранцузскихъ сюжетахъ, онъ говоритъ самъ, оживляя все самымъ необузданнымъ юморомъ, придумывая даже въ рамкѣ избитыхъ сюжетовъ совершенно новыя комическія положенія,—и въ этихъ бездѣлкахъ, столько же, какъ и въ крупныхъ пьесахъ, сказывается та особенность его творчества, перерождающаго заимствованное, которая заставила Сентъ-Бэва [2]) признать, что Мольеръ, «наиболѣе творческій и изобрѣтательный изъ великихъ писателей, быть можетъ, болѣе всѣхъ ихъ и подражалъ, и заимствовалъ».

---

[1]) Mémoires sur la vie de J. Racine. 1747, стр. 122.

[2]) Portraits littéraires. 1862, II, p. 27.

Такъ создался цѣлый рядъ мелкихъ фарсовъ и комедій, которыя возникали мигомъ, случайно (даже такая нѣсколько болѣе обширная пьеса, какъ «Les Fâcheux» написана была въ 13 дней), и по настоящему должны бы и жить только мимолетно. Лишь по милости иныхъ слишкомъ ревностныхъ мольеристовъ или по невѣжеству публики они могутъ въ наше время появляться на сценѣ рядомъ съ важнѣйшими произведеніями поэта, искажая общее представленіе о характерѣ его дѣятельности. Всѣ эти «Amour médecin», «Impromptu de Versailles», «Mariage forcé», «Продѣлки Скапена» и т. д. и не покушаются вовсе претендовать на особенную серьёзность замысла, часто они вовсе не имѣютъ содержанія, какъ, наприм., «Impromptu de Versailles», всего лучше знакомящій съ самымъ процессомъ возникновенія такихъ пьесъ. Поднимается занавѣсъ. На сценѣ самъ Мольеръ и члены его труппы подъ собственными ихъ именами. Они въ хлопотахъ, потому что неожиданно получили повелѣніе короля приготовить и разучить новую пьесу. Ничего еще не готово, вся труппа волнуется и суетится; то-и-дѣло приходятъ посланные отъ короля, приказывающаго начинать. Наконецъ, нѣтъ уже возможности скрыть истину,—и гонецъ приходитъ передать милостивое слово короля, который, провѣдавъ о затрудненіи актеровъ, избавляетъ ихъ отъ обязанности играть. Вотъ и вся интермедія, оживленная только весело веденнымъ діалогомъ, шутками и остротами. Мимолетность подобныхъ пьесъ и скромную ихъ цѣль позабавить зрителя нельзя не имѣть постоянно въ виду, если за Мольеромъ—весельчакомъ и фарсеромъ, хочешь разглядѣть грустное лицо *настоящаго* Мольера, двигателя народной мысли.

Людовику безполезно было указывать поэту на характеры, заслуживающіе осмѣянія. Горькій опытъ безъ того уже знакомилъ его все ближе съ ними. Свита его жены преимущественно состояла изъ молодыхъ аристократовъ, и именно того оттѣнка, который всего болѣе былъ ненавистенъ Мольеру. Пустота и вѣтреность, надменныя и дерзкія замашки,—и рядомъ съ этимъ готовность унижаться передъ высшимъ самовластьемъ короля, вотъ что отличало орду воздыхателей, скоро заполонившихъ домъ Мольера, и въ наиболѣе отталкивающемъ сочетаніи проявлялось въ лицѣ двухъ изъ нихъ, которыхъ молва считали счастливѣйшими изъ всѣхъ. Это чванливое лакейство было признакомъ времени; всего только одно поколѣніе отдѣляло его отъ дней Фронды,—но какъ уже выигрываютъ первыя привязанности Мадлены Бэжаръ, ея увлеченія смѣлыми искателями приключеній, мятежными королевскими вассалами, и готовность дѣлить съ ними невзгоды, —

рядомъ съ пошловатыми интригами ея изнѣженной дочери и ихъ героями—птиметрами!

Права ли была молва, называя молодыхъ графовъ де-Гиша и де-Лозэна соперниками Мольера [1]) и насчитывая еще нѣсколько скандальныхъ связей Арманды,—велика ли доля правды въ тѣхъ яростныхъ пасквиляхъ, которые разсказывали даже въ лицахъ, шагъ за шагомъ, интимнѣйшія похожденія кокетки, конечно, никто не возьмется рѣшить. Даже теперь, послѣ того, какъ домашній адъ, который создала для Мольера женитьба, сталъ уже внѣ всякаго сомнѣнія, благодаря разнообразнымъ свидѣтельствамъ,—даже теперь мы встрѣтимся иной разъ съ защитниками Арманды. Всѣ обвиненія голословны, говорятъ они; недоразумѣнія и холодность столько же вызваны и кокетствомъ жены и подозрительностью меланхолика мужа. «Они не сошлись характерами», говоритъ Эд. Тьерри [2]), «и это сознавалъ самъ Мольеръ, намекнувшій на то въ своемъ «Bourgeois Gentilhomme» (III актъ, сц. XVIII). Къ тому же, кто можетъ взвѣсить, въ какой степени разжигали чувство недовѣрія и подпольные пасквили Монфлери, клеветы Мадлены или Де-Бри, этого ненадежнаго друга [3])!» Кокетствомъ съ посторонними, по словамъ панегириста, Арманда просто мстила за нестерпимое положеніе, созданное ей дома. «Сдѣлалась же она потомъ, во второмъ бракѣ, настоящею femme d'intérieur,—а еще вопросъ, то-ли было бы съ самимъ Мольеромъ, еслибъ ему пришлось сойтись послѣ Арманды съ другой женщиной!» Но если останется нерѣшеннымъ вопросъ, доходило ли заигрыванье молодой женщины съ своими поклонниками до открытой связи, все-таки несомнѣнно, что ея вызывающее, почти циническое кокетство принимало всѣ формы, которыя могли дать любому постороннему наблюдателю, не только мужу, поводъ вполнѣ увѣровать въ невѣрность Арманды. Ни одинъ изъ друзей Мольера не старается приписать всѣ его подозрѣнія миражамъ болѣзненно-настроеннаго воображенія; его утѣшаютъ, ободряютъ, надѣются на примиреніе,—но самаго факта и не пытаются отрицать; очевидно, онъ былъ слишкомъ явенъ, слишкомъ билъ въ глаза. И сколько бы разъ ни прощалъ Мольеръ женѣ ея выходокъ, сколько бы разъ, послѣ временнаго разрыва, онъ ни сходился снова съ

[1]) Новѣйшій издатель памфлета: Intrigues de Molière et de sa femme (P. 1876—77), Ливэ, старается снять съ нихъ всякое подозрѣніе.

[2]) Предисловіе къ Регистру Лагранжа, стр. XXXVIII—IX.

[3]) Желаніе доказать свою мысль доводитъ такимъ образомъ до того, что даже тихая и любящая Де-Бри, одна изъ героинь Dépit amoureux, искренно преданная всегда Мольеру, является чуть не подколодной змѣей.

ней, онъ могъ впередъ видѣть безполезность всякихъ сдѣлокъ. Дѣйствительно, они совсѣмъ не сошлись характерами; на бѣду свою онъ продолжалъ любить жену, готовъ былъ при первомъ поводѣ снова идеализировать ее [1]). А она ждала отъ жизни совершенно иного; по насмѣшливому выраженію одного современника, ей не нуженъ былъ «духовный супругъ» (un mari d'esprit), съ нимъ она протомилась всю жизнь; напротивъ, «плотской супругъ» (un mari de chair) составилъ бы ея полное счастіе,—и это она доказала, поспѣшивъ послѣ смерти своего несчастнаго мужа соединить свою судьбу съ ничтожнѣйшимъ, но смазливымъ и молодымъ актеромъ. Съ нимъ она зажила хорошо, очутившись, наконецъ, вполнѣ въ своей стихіи.

Удивляться ли, если Мольеръ, подъ вліяніемъ презрительнаго взгляда на знатность, усвоеннаго въ частомъ соприкосновеніи съ нею при дворѣ, и оскорбленный въ своей независимости и гордости, какъ писатель, умный человѣкъ и нагло обманутый мужъ, которому предпочитаютъ ничтожество,— удивляться ли, если онъ мало-по-малу сдѣлаетъ борьбу противъ барства любимѣйшей тэмой своей послѣдующей сатиры! Съ желѣзной выдержкой, ударъ за ударомъ, будетъ онъ наносить своимъ врагамъ кровавыя раны. Отстаивая свою собственную честь вмѣстѣ съ честью народной, онъ тѣмъ лихорадочнѣе бросается въ борьбу.

Онъ начнетъ съ того, что прямо потребуетъ для аристократа шутовской роли въ новой комедіи. Въ «Impromptu de Versailles» онъ откровенно высказываетъ убѣжденіе, что старый valet bouffon уже всѣмъ надоѣлъ и что пора его замѣнить въ качествѣ увеселителя (du plaisant de la comédie) потѣшнымъ маркизомъ (marquis ridicule). Вслѣдъ затѣмъ въ прологѣ къ одной пьесѣ у него уже дѣйствительно является этотъ маркизъ, который «хочетъ во чтобы то ни стало оставаться на сценѣ, несмотря на протесты сторожей, и переговаривается съ актрисой, изображавшей une marquise ridicule и сидѣвшей между зрителями» [2]). Но все это лишь невинныя насмѣшки, не теряющія, однако, своего значенія, если вспомнить о публикѣ маркизовъ, принужденной выслушивать ихъ. Но болѣе рѣзкіе удары еще впереди. Мольеръ прежде всего будетъ настаивать на нелѣпости аристократическихъ притязаній, проявляющихся у едва разбогатѣвшихъ людей изъ средняго сословія или изъ народа, которые спѣшатъ застыдиться своего чест-

[1]) Существуетъ легенда объ одномъ разговорѣ Мольера съ товарищемъ его юности Шапеллемъ, въ саду загороднаго дома Мольера, въ Отэйлѣ, гдѣ несчастный поэтъ, въ живыхъ чертахъ и обливаясь слезами, изобразилъ это безнадежное свое состояніе.

[2]) Registre de La Grange, ed. E. Thierry, p. 74.

наго трудового быта. Еще въ «Школѣ женщинъ» (актъ I, сц. 1) осмѣяна и у Арнольфа и у богатыхъ крестьянъ эта страсть лѣзть въ господа, доходящая до того, что «иной такой чудакъ окопаетъ свою маленькую усадьбу рвами и уже пышно величаетъ себя Monsieur de l'Ile. Но вотъ уже передъ нами во-очію такой ослѣпленный блескомъ знатной жизни, разжившійся мѣщанинъ (*Bourgeois Gentilhomme*), недалекая, но честная душа; онъ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобъ не отстать отъ дворянства, пріобрѣсти ту же степень развитія, тѣ же знанія, моды, изящество и нравы. Его легковѣріемъ пользуются всѣ и прежде всего его фальшивый другъ, *придворный*, который безсовѣстно его обманываетъ. Но еще несчастнѣе будетъ такой бѣдный простакъ, если къ ослѣпленію знатностью у него присоединится несчастная любовь къ женщинѣ изъ дворянской, модной семьи, привыкшей къ блеску и свѣтской жизни среди толпы поклонниковъ. Если ужъ стряслась надъ нимъ такая бѣда, то пусть лучше насильно женитъ она его на себѣ, какъ въ *Mariage forcé*,—и онъ неповиненъ будетъ въ тѣхъ терзаніяхъ, которыя наступятъ для него послѣ брака,—но какъ же онъ безуменъ, когда самъ, добровольно, подставляетъ шею подъ ярмо, когда разукрашаетъ въ своемъ воображеніи связь, которая принесетъ ему лишь позорное и глупое положеніе обманутаго мужа, которымъ воспользовались лишь какъ средствомъ пріобрѣсти самостоятельность и нѣкоторый достатокъ. Рветъ на себѣ волосы поздно одумавшійся Жоржъ Данденъ, проклиная свою судьбу и терзаясь мыслью, что на это униженіе онъ шелъ сознательно. «Tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as voulu!» восклицаетъ—устами Дандена—самъ Мольеръ (поручившій, къ тому же, роль невѣрной жены Армандѣ), и оттого-то, несмотря на кажущійся комизмъ иныхъ сценъ, гдѣ прозорливость супруга-плебея, какъ будто уже напавшаго на слѣдъ проступка, внезапно одурачена болѣе тонкими уловками его аристократическихъ соперниковъ,—это восклицаніе всегда производитъ трагически-грустное впечатлѣніе.

Донъ-Жуанъ является, наконецъ, завершеніемъ всего ряда сатиръ на испорченность высшихъ общественныхъ слоевъ; всѣ темныя стороны ихъ слились въ характерѣ героя. Донъ-Жуанъ—полнѣйшее воплощеніе распущенности, безвѣрія, цинизма и притворства. Онъ уменъ и цѣлой головой выше пустоватыхъ поклонниковъ жены какого-нибудь Дандена. Онъ въ своемъ родѣ Тартюффъ; съ великимъ самообладаніемъ и въ грандіозныхъ размѣрахъ властвуетъ этотъ циникъ надъ окружающимъ обществомъ,

пока (какъ выражается Линдау) [1]) «каменный гость революціи не придетъ свергнуть это господство». Не даромъ по силѣ изображенія его сравниваютъ съ Мильтоновымъ Сатаной, называютъ «Ричардомъ III комической поэзіи» [2]). Сбросивъ его съ пьедестала, показавъ толпѣ этого опаснѣйшаго изъ всѣхъ носителей аристократической идеи въ его будничномъ одѣяніи и усиливая правдивость изображенія нѣсколькими чертами, взятыми у реальной личности [3]), Мольеръ наноситъ тутъ ненавистному ему элементу самый рѣзкій ударъ; Бомарше въ отважныхъ выходкахъ своей «Свадьбы Фигаро», которой отводятъ такое важное мѣсто въ ряду непосредственныхъ поводовъ къ революціонному броженію, шелъ по стопамъ Мольера. Въ «Донъ-Жуанѣ» дѣйствительно иногда насъ поражаетъ какъ будто вѣяніе какого-то новаго, едва обрисовывающагося порядка идей; мы словно заглядываемъ въ будущее съ его кореннымъ переворотомъ въ народной мысли. И, странное дѣло, иной разъ такая новая нота прозвучитъ въ рѣчахъ лица, наименѣе симпатичнаго автору,—самого Донъ-Жуана. Поднявшись надъ жаждой *личной* мести и воплощая въ немъ болѣе сложный характеръ, авторъ на мгновеніе какъ будто сходится съ нимъ въ иныхъ проявленіяхъ скептицизма. Въ глазахъ нашего писателя порочны циники въ родѣ Донъ-Жуана, но и представители другихъ выдающихся общественныхъ слоевъ не лучше; съ той же силой негодованія, съ которой онъ рисуетъ характеры знатныхъ людей, онъ начиналъ уже тогда относиться къ суевѣрной и ханжеской религіозности. Если выбирать ему между ними, то пусть преимущество все-таки останется за скептикомъ,—и вотъ такъ-то складывается въ названной пьесѣ та знаменитая «сцена съ нищимъ» (актъ III, сц. 2), которая возбуждала обыкновенно столько соблазна между благочестивыми читателями и критиками, и даже была долгое время устраняема и въ изданіяхъ и при игрѣ на сценѣ. Нищій проситъ у богача Донъ-Жуана подаянія, моля его помочь ему во имя церкви. Съ насмѣшками надъ безплодностью его вѣры отвѣчаетъ ему на эту просьбу Донъ-Жуанъ,—но черезъ минуту, одумавшись, онъ протягиваетъ нищему руку съ щедрой милостыней: «возьми, говоритъ онъ, даю тебѣ это во имя человѣчности» (au nom de l'humanité),—и въ этомъ новомъ словѣ, такъ странно

---

[1]) Molière, eine Ergänz. der Biogr. d. Dichters, S. 74.

[2]) Humbert, „Mol., Shaksp. und die deutsche Kritik“, 1869, p. 103.

[3]) Именно, какъ полагаютъ нѣкоторые, у принца Конти. См. у Лакура „Le Tartuffe par ordre de Louis XIV, P. 1877, p. 44—47.

впервые прозвучавшемъ въ этомъ смыслѣ на сценѣ, «уже чудится просвѣтительная, гуманная философія восемнадцатаго вѣка».

IV.

«Онъ много любилъ Мольера,—и ему многое простится» [1]), такъ примѣнилъ евангельское изреченіе къ королю Людовику одинъ изъ пламеннѣйшихъ поклонниковъ Мольера. За покровительство, оказанное сатирику, біографъ его готовъ отпустить царственному грѣшнику многія прегрѣшенія, вольныя и невольныя. Дѣйствительно, это странное покровительство расчищало путь для безстрашныхъ нападокъ комедіи; она несомнѣнно дѣлала крупный шагъ впередъ не только въ художественномъ развитіи, но и въ ростѣ ея общественнаго значенія. Но это честное поприще, открывшееся передъ нею, налагало на нее высокія обязанности. Выставляя передъ обществомъ извѣстные нравственные идеалы, она должна была, дорожа своей послѣдовательностью, призывать къ своему суду всѣ уклоненія отъ нихъ, не разбирая личностей и ни для кого не смягчая своихъ ударовъ. Между тѣмъ, обстановка дѣятельности Мольера незамѣтно начинала мѣняться, требуя отъ сатирика удвоенной зоркости, способной распознать зарождающіяся опасности. Покровительство Людовика было все еще ему обезпечено, но въ самомъ королѣ проявлялись уже все рѣзче черты, глубоко антипатичныя поэту. Торжество утонченнаго разврата, вереница интригъ, нахально аффишируемыхъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, охватывали собой всѣ помыслы короля. Между *созерцателемъ* и сластолюбцемъ не могло уже быть согласія и близости; не заразившись раболѣпіемъ въ придворной атмосферѣ, Мольеръ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и рѣзкое чувство недовольства скоплялось въ его душѣ. Только суровые или же предубѣжденные судьи [2]) могли замѣтить слѣды мнимой сервильности въ тѣхъ посвященіяхъ, которыя, какъ было уже замѣчено, внушены были только этикетомъ, условными пріемами придворнаго многорѣчія. На дѣлѣ же этотъ сервильный, подслуживающійся человѣкъ не воздержался, когда умѣренность стала выше его силъ, и «не простилъ» королю происшедшей въ немъ перемѣны. Въ самый разгаръ связи Людовика съ маркизой

[1]) Claretie: Molière, sa vie et ses oeuvres, 1874, p. 113.

[2]) Напрrим. Викт. де-Лапрадъ: La morale de Mol., въ Correspondant, 1876, августъ; или Луи Вейльо въ цѣлой брошюрѣ „Mol. et Bourdaloue, P. 1877.

Монтеспанъ, грубо отнятой у мужа, честнаго человѣка, Мольеръ поставилъ своего *Амфитріона*. Онъ взялъ основу сюжета у Плавта (подобно тому какъ *Aulularia* послужила основой *Скупого*), обставилъ все чертами античнаго быта, центромъ картины сдѣлалъ Юпитера,—но кто же не узнаетъ въ сластолюбивомъ громовержцѣ самого Людовика, и кто, кромѣ умышленно близорукихъ критиковъ въ родѣ Вейльо, увидитъ прямое поощреніе его къ дальнѣйшимъ похожденіямъ—въ тѣхъ, полныхъ горькой ироніи, успокоительныхъ совѣтахъ, которые приходится выслушивать оскорбленному мужу, гдѣ ему доказываютъ, что для него великая честь раздѣлить ложе съ *самимъ* Юпитеромъ!

Поднимая руку на человѣка, котораго такъ долго щадилъ, Мольеръ шелъ по слѣдамъ своихъ неизмѣнныхъ учителей—итальянцевъ, которые вездѣ, куда бы ни занесла ихъ судьба, оставались вѣрны традиціямъ свободной сцены. Они и въ дни Мольера не разъ возмущали французскій дворъ своими ѣдкими выходками противъ лицъ и происшествій вполнѣ реальныхъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, когда въ комедіи «La fausse prude» они осмѣяли madame de Maintenon и связь съ нею короля, они понесли тяжкое наказаніе за свою отвагу и были высланы изъ Парижа [1]). Но если собственная творческая потребность и готовый ободряющій примѣръ побудили въ данномъ случаѣ поэта указать на непріятно поразившій его симптомъ разложенія окружавшей среды, то вскорѣ передъ нимъ уже накопилась масса фактовъ, говорившихъ объ успѣхахъ общей деморализаціи и напоминавшихъ ему объ его общественномъ призваніи. Новый, сильнѣйшій врагъ грозно поднималъ голову. Мольеръ какъ будто предвидѣлъ переворотъ, который произойдетъ съ королемъ въ послѣдній періодъ его царствованія,—до него онъ, къ счастію, не дожилъ,—то плачевное зрѣлище, которое представлялъ собой король кающійся, смиренникъ, окруженный ханжами и изувѣрами, но продолжающій при всемъ томъ свой обычный ладъ жизни деспота и тайнаго развратника, съ цѣлымъ рядомъ интригъ, пикантныхъ ужиновъ и т. д. Онъ отгадывалъ быстрые успѣхи монашеской, ханжеской реакціи, широко раскидывавшей вокругъ свои сѣти. Уже немало жертвъ захватила она; его прежній школьный товарищъ и позже покровитель, принцъ Конти, превратился изъ разгульнаго вивёра во вкусѣ Донъ-Жуана въ яростнаго ханжу, врага свѣтскихъ удовольствій и театра, автора цѣлаго трактата о вредѣ сцены. Недавніе львы и львицы модныхъ

1) Despois, Le théâtre français sous Louis XIV, 1874, p 69.

салоновъ превращались въ смиренныхъ агнцевъ, напуская на себя туманъ лживой богобоязненности. Модный проповѣдникъ, искусный говорунъ на благочестивыхъ свѣтскихъ собраніяхъ, пріобрѣталъ уже первенство надъ всею интеллигенціею; грозное слово, требованіе покаянія становилось въ его рукахъ могущественнымъ орудіемъ господства, которое ему потомъ только оставалось искуснѣе эксплуатировать. Общество начинало находить особую прелесть въ этомъ чисто-театральномъ раскаяніи и уничиженіи; на проповѣдь часто съѣзжалась толпами избранная публика, точно на первое представленіе пьесы, и современники именно въ этомъ тонѣ и оцѣнивали успѣхъ оратора. Въ то же время внутренній церковный раздоръ, вѣчныя интриги и подкопы, отличавшіе борьбу между господствующей іезуитской партіей и отщепенцами-янсенистами, когда обѣ стороны старались склонить къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ людей и подстрекнуть власть противъ своихъ противниковъ,—этотъ раздоръ еще болѣе приковывалъ помыслы общества къ церковническимъ интересамъ, а масса сновавшихъ въ его рядахъ искусныхъ агитаторовъ клерикализма поддерживала начинавшееся движеніе. Свѣтское начало, литература и въ особенности театръ начинали казаться предосудительной и вредной суетой. Трагедія еще могла облагородиться обработкой библейскихъ сюжетовъ, но комедія и ея служители становились терпимымъ зломъ, противъ котораго по временамъ вспыхивала вся ненависть людей правовѣрныхъ. Самъ Мольеръ видѣлъ уже не разъ всю силу этой едва скрытой злобы, искавшей предлога, чтобъ заставить замолчать дерзкаго «фарсера». Только боязнь раздражить короля еще сдерживала въ этомъ отношеніи клерикаловъ; они иногда отваживались говорить нѣсколько словъ «правды» королю (какъ это дѣлалъ въ своихъ проповѣдяхъ Бурдалу), но рѣдко выходили изъ общихъ мѣстъ и нравственныхъ сентенцій, вели себя осторожно, перемѣшивая строгость съ лестью, перѣдко угождали сластолюбію короля, «призывали благословеніе церкви на его дважды незаконныхъ дѣтей и смотрѣли сквозь пальцы на формальное ихъ усыновленіе» [1]).

Указать на такую зловѣщую силу и на ея растлѣвающее вліяніе становилось, стало-быть, важной общественной заслугой. Язва была старая, многовѣковая; цѣлая исторія стояла за нею, и рядъ отрицательныхъ типовъ, изстари подхваченныхъ и разработанныхъ литературой, показывалъ, что борьба съ клерикальнымъ

---

[1]) Molière et Bossuet, par Henri de Lapommeraye, P. 1877, p. 29. Эта брошюра—горячій отвѣтъ на пасквиль Вейльо.

притворствомъ и властолюбіемъ передавалась отъ одного поколѣнія къ другому. Уже «Roman de la Rose» выводитъ въ лицѣ полуаллегорическаго *Faux-Semblant* весьма рельефное воплощеніе духа притворства, охотнѣе всего «живущаго у лживыхъ монаховъ, которые надѣваютъ иноческое платье, но не желаютъ сдержать своего нрава». Въ сатирахъ Матюрена Ренье черты лживо-набожнаго человѣка становятся еще рѣзче, цинизмъ принимаетъ отталкивающій характеръ, и тотъ же неизмѣнный типъ усложняется новымъ оттѣнкомъ; сатирикъ создаетъ женщину-Тартюффа, лукавую и скрытную *Macette*, которая умѣетъ соединять съ благочестіемъ ремесло свахи, искусство сплетенъ и посредничество между страстной молодежью. Въ одной изъ новеллъ Скаррона [1]) парочка искателей приключеній послѣ неудачныхъ продѣлокъ и мошенничествъ принимается эксплуатировать невѣжество и суевѣріе толпы; днемъ они поютъ гимны и громятъ пороки, а ночью, запершись, пируютъ. Наконецъ, одна изъ комедій Аретина [2]), бывшихъ въ большомъ ходу на французской сценѣ, благодаря итальянской труппѣ,—«l'Hipocrito», оттѣняетъ съ другой стороны барышничество и страсть къ наживѣ, преобладающія въ святошѣ, ставя его въ центрѣ зажиточной семьи, въ качествѣ друга дома и «директора совѣсти». Но, если, какъ видимъ, данный типъ былъ уже намѣченъ и имѣлъ свою исторію, если Мольеръ основалъ фабулу своей комедіи на готовомъ фундаментѣ, то при всемъ томъ трудно было бы не признать, что всѣ его предшественники остановились на общихъ очертаніяхъ изучаемаго характера и не указали на его настоящее значеніе. У одного лишь Мольера раскрывается вся трагическая сторона всесильной клерикальной диктатуры, когда она основана на недальновидности и ограниченности массы. Тартюффъ — не только страстно-чувственная натура, прорывающаяся сквозь лживую маску,—онъ полонъ неутолимой жажды властвовать; ему тѣсно въ своей жалкой средѣ, онъ рвется изъ нея, не брезгаетъ средствами, ведетъ подземную войну противъ всего общества и мгновенно выростаетъ въ грознаго ея повелителя. И эта могучая сила, до поры, до времени скрытая подъ смиреннымъ и постнымъ ликомъ, кажется еще поразительнѣе вслѣдствіе внѣшняго благообразія, которымъ проникнута вся фигура Тартюффа. Странная рутина, держащаяся во Франціи по сю пору, силится изображать его отталкивающимъ,

---

[1]) Nouvelles oeuvres tragi-com. de m-r Scarron, Amsterdam, 1669, стр. 69—123.

[2]) Quattro commed. del divino Pietro Aretino, 1588; главное дѣйствующее лицо такъ и носитъ имя Ипокрита.

костлявымъ, грубымъ. Мольеръ же именно хотѣлъ настоять на вкрадчивой мягкости его манеръ, на приличной внѣшности, полной истинно-чичиковской обворожительности. Тѣмъ легче ему нашептывать Эльмирѣ свои искушающія рѣчи, склонять ее на соблазнительную перспективу «de l'amour sans scandale et du plaisir sans peur», доказывать, что «наконецъ, вѣдь, онъ не ангелъ», предлагать маленькую «сдѣлочку съ небомъ» и въ то же время морочить мужа своими вдохновенно-аскетическими пріемами. Скрытая энергія, холодный разсчетъ и мстительность тѣмъ ярче выступаютъ потомъ вслѣдствіе контраста съ прежними медоточивыми рѣчами. Втихомолку онъ успѣлъ сплести такую сѣть вокругъ своихъ жертвъ, что онѣ должны въ ней задохнуться,— и онъ стоитъ у цѣли, господствуя надъ всѣмъ, не признавая ничьей власти надъ собой. Это такая психологически-вѣрно подмѣченная черта, изстари присущая французской клерикальной тактикѣ, что уже благодаря ей одной мольеровское объясненіе даннаго типа является безмѣрно выше попытокъ всѣхъ его предшественниковъ.

Послѣ этого не приходится, повидимому, разъяснять, что Тартюффъ явился какъ-бы характеромъ собирательнымъ, воплотившимъ свойства и особенности цѣлой касты. Старанія указать для него опредѣленный оригиналъ до-сихъ-поръ оставались праздными. Лицо, съ наибольшей вѣроятностью принимаемое за прототипъ Тартюффа, аббатъ Рокеттъ, на котораго въ одинъ голосъ указываютъ и Сенъ-Симонъ, и Лабрюэръ, и г-жа Севинье, выставлялось до-сихъ-поръ заклятымъ обскурантомъ, льстецомъ, преисполненнымъ всякой душевной черноты,—но въ 1876 г. его память неожиданно была въ нѣкоторой степени оправдана объемистымъ, двухъ-томнымъ изслѣдованіемъ [1]), которое старается показать въ немъ «епископа-реформатора», шедшаго часто наперекоръ предразсудкамъ своего духовенства, чуть ли не служившаго цѣлямъ галликанизма. Что панегиристъ не могъ не увлечься желаніемъ смыть съ своего героя всѣ прегрѣшенія, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, и современники врядъ ли могли до такой степени заблуждаться, чтобъ на безупречную личность взвести незаслуженное подозрѣніе. Но если бъ авторъ имѣлъ только въ виду нарисовать сатирическій портретъ извѣстнаго всѣмъ лица, то вся ѣдкость обличенія свелась бы на личности и не зажгла бы между клерикалами всеобщаго негодованія. Собирательность

---

[1]) Un évêque réformateur sous Louis XIV, Gabriel de Roquette, et le Tartuffe de Molière. Autun, 1876.

типа, отважно выставленнаго комикомъ къ позорному столбу, была превосходно и съ-разу понята всѣмъ клерикальнымъ лагеремъ, который увидалъ тутъ не желчно-пересказанный частный случай изъ житейской практики, а умышленное обобщеніе пороковъ всего духовенства. И подъ вліяніемъ такой оцѣнки нанесеннаго ему удара, подсказанной внутреннимъ чутьемъ, и месть оскорбленныхъ принимаетъ съ-разу ожесточенный характеръ. Съ ненавистью обрушивается на безбожника рядъ запретительныхъ мѣръ; его громятъ въ проповѣдяхъ и полемическихъ трактатахъ, возстановляютъ противъ него парламентъ, засыпаютъ жалобами короля, вырываютъ у него запрещеніе пьесы, умѣютъ выдержать ее подъ запретомъ цѣлыхъ полтора года, парализуя всѣ домогательства актеровъ, которые добиваются, наконецъ, своей цѣли, лишь снарядивъ особую делегацію къ Людовику въ армію и улучивъ тамъ благопріятное настроеніе короля, который обѣщалъ, наконецъ, подвергнуть пьесу по возвращеніи въ Парижъ новому разсмотрѣнію [1]).

Такъ смѣло стала уже дѣйствовать партія, враждебная Мольеру, не только уже не считая необходимымъ щадить симпатіи къ нему короля, но стремящаяся поработить себѣ и волю послѣдняго. Она видимо ощущала въ себѣ новыя, надежныя силы, если отбросила и послѣдній остатокъ щепетильности. Она знала, что въ состояніи будетъ запугать короля, уже несравненно болѣе чувствительнаго къ вопросамъ набожности; она даже какъ-будто на время пристыдила его за легкомысленное отношеніе къ нимъ, за неумѣстные сарказмы по отношенію къ служителямъ церкви. Если новая теорія [2]), утверждающая, будто Тартюффъ былъ даже написанъ по заказу короля, еще нуждается въ доказательствахъ, то подкрѣпленіемъ ея могутъ отчасти все-таки служить нѣкоторые признаки симпатіи Людовика къ замыслу поэта. Съ тѣмъ же поощреніемъ къ сатирическимъ выходкамъ, съ которымъ онъ, бывало, пытался указывать Мольеру черты, достойныя осмѣянія въ дворянскомъ быту, онъ выслушивалъ и пересказывалъ ходячіе анекдоты о жизни святошъ и модныхъ вождей церкви. Несомнѣнно, что одинъ изъ такихъ разсказовъ, рисовавшихъ оригинальное воззрѣніе одного епископа на сытность постнаго стола, и восклицанія, которыми король сопровождалъ каждую новую подробность (le pauvre homme!), цѣликомъ внесены въ пьесу Мольера. Но отъ болѣе или менѣе сдержаннаго поощренія ра-

---

[1]) Registre de La Grange, p. 89.

[2]) Louis Lacour, „Le Tartuffe p. ordre de Louis XIV", 1877.

боты до открытаго заявленія сочувствія ея результату еще далеко, и Людовикъ, конечно, не ждалъ именно того результата, который такъ взволновалъ все вокругъ него. Подобно тому, какъ онъ наивно не подозрѣвалъ настоящаго значенія Мольера, онъ не могъ ожидать, чтобъ изъ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ ему сатирическихъ чертъ сложился мощный, трагическій образъ, вызывающій своимъ появленіемъ не смѣхъ, а ужасъ. Передъ такимъ результатомъ приходилось скрывать свои первоначальныя симпатіи, вторить голосу возмущенной церкви, для виду не скупиться запрещеніями и требовать измѣненій въ пьесѣ. Но, каковы бы ни были эти измѣненія, истинное значеніе ея оттого не затемнилось, да и впечатлѣніе перваго, единственно полнаго ея представленія ни у кого не могло изгладиться. Мольеръ могъ измѣнить даже заглавіе пьесы, превратившейся изъ «Тартюффа» въ «Обманщика» (l'Imposteur), могъ исключить все, что̀ слишкомъ ясно намекало на нравы духовенства, снять съ Тартюффа сутану, сдѣлавъ изъ него просто вольнопрактикующаго ханжу, нарядить его въ кафтанъ, обшитый кружевами, со шпагой на боку, — но масса поняла уже тогда всю соль сатиры и завѣщала такой взглядъ всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Тартюффъ останется въ ихъ глазахъ навсегда не только злѣйшимъ бичомъ іезуитизма [1]), но и живымъ воплощеніемъ общечеловѣческаго типа, понятнаго всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ.

Тревога борьбы съ сильными врагами, разочарованіе и пессимизмъ, порожденные глубокимъ сознаніемъ общественныхъ невзгодъ, падали у Мольера на особенно благодарную почву. Онъ давно уже утратилъ даже тѣнь внутренняго, семейнаго счастья, на которое когда-то такъ много надѣялся. Домашняя жизнь становилась для него нестерпимой; онъ то-и-дѣло разставался надолго съ женой, совсѣмъ выѣзжая изъ дому или же занимая въ немъ отдѣльный этажъ, — и тогда надъ головою сиротливо-уединеннаго мужа слышались веселые голоса и смѣхъ всей гурьбы

[1]) Авторъ указанной сейчасъ новой теоріи пытается присоединить къ числу своихъ открытій и догадку, будто мольеровская комедія направлена, въ угоду господствующей, стало быть іезуитской, партіи противъ янсенистовъ, чью гордыню и ложную религіозность будто бы она осмѣиваетъ, — но въ доказательство іезуитскихъ симпатій къ пьесѣ онъ можетъ привести только *одно* современное, и то чисто личное показаніе, не могущее заставить насъ забыть о гоненіяхъ, которымъ Тартюффъ на дѣлѣ подвергся со стороны этихъ мнимыхъ своихъ почитателей, тогда какъ честная, независимая натура Мольера намъ порукой, что его симпатіи могли скорѣе лежать на сторонѣ правдивыхъ и здоровыхъ стремленій кружка Портъ-Рояля, какъ бы ихъ суровый взглядъ на жизнь ни расходился съ жизнью самого комика, чѣмъ на сторонѣ нравственно павшей клерикальной клики.

обожателей его жены. Необходимость порвать совсѣмъ съ нею была уже совершенно очевидна, но онъ по прежнему не находилъ въ себѣ силъ для рѣшительнаго шага. Лживая надежда, что счастье еще возвратится, не покидала его; одна она поддерживала его, привязывала къ жизни,—и тѣмъ мучительнѣе бывало каждое новое разочарованіе человѣка, оскорбляемаго въ самомъ честномъ своемъ чувствѣ. Полнѣйшимъ, чисто-лирическимъ отраженіемъ этого безотраднаго мрачнаго состоянія духа является «Мизантропъ», наиболѣе совершенное и въ то же время самое субъективное изъ всѣхъ произведеній поэта,—Мольеровъ Гамлетъ, какъ его называютъ многіе.

И здѣсь, какъ и въ «Тартюффѣ», Мольеръ получаетъ въ наслѣдіе отъ цѣлаго ряда предшественниковъ, восходящаго къ глубокой древности [1]), вѣчно-правдивую тэму презрѣнія ко всему человѣческому роду, которое должно сложиться у сильно-мыслящей натуры подъ вліяніемъ постояннаго противорѣчія между обычной моралью и высшими нравственными законами. Мизантропія, точно охарактеризованная еще у Платона и Аристотеля (послѣдній даже, подобно Мольеру, намѣчаетъ двѣ коренныя группы людей,—независимыхъ и вѣчно враждующихъ съ обществомъ, и умѣренныхъ, приноравливающихся къ нему), воплощается для древности въ лицѣ Тимона Аѳинскаго, необычайная судьба котораго является предметомъ изученія у многихъ поэтовъ, философовъ и историковъ. Типъ мизантропа иногда раздвоятся, какъ, наприм., въ пьесѣ Шекспира, гдѣ на ряду съ обѣднѣвшимъ и потому озлобленнымъ и разочаровавшимся богачомъ Тимономъ стоитъ желчный и презрительно-насмѣшливый Апемантъ, скептикъ чуть не съ младенчества; иному, какъ, наприм., софисту Либанію, за много вѣковъ до Мольера, приходитъ мысль изобразить суроваго мизантропа влюбленнымъ и, стало быть, не чуждымъ человѣческихъ слабостей; иной, подобно Лукіану, ставитъ въ Тимонѣ ненависть къ людямъ въ зависимость отъ разочарованія въ друзьяхъ. Собрать во-едино всѣ разрозненныя черты, обобщить и осмыслить мизантропію современнаго человѣка было и тутъ суждено Мольеру. Онъ давно уже намѣтилъ себѣ характеръ мизантропа, выведя его въ блѣдныхъ чертахъ въ одной изъ раннихъ своихъ пьесъ «Don Garcie de Navarre» [2]), и въ позд-

[1]) Обозрѣніе различныхъ характеровъ „Мизантропа“ сдѣлано въ рѣдкой теперь брошюрѣ Огюста Видаля: Des divers caract. du Misanthrope, P. 1851.

[2]) Корнель до него также пытался изобразить мизантропа въ комедіи „la Veuve“. Замѣчательно, что главныя дѣйствующія лица, предвѣщая мольеровскихъ Альцеста и Филэнта, носятъ имена Альсидона и Филиста.—См. J. Levallois, „Corneille inconnu“, pp. 113—114.

нѣйшіе годы снова, и тѣмъ съ большимъ основаніемъ, возвратился къ этому характеру. Его Альцестъ не былъ никогда избалованъ счастьемъ, не былъ внезапно низвергнутъ съ высоты непомѣрнаго богатства въ нищету,—онъ потерялъ только процессъ, и не этотъ, почти второстепенный для него фактъ, не это единственное доказательство измѣнчивости его личной судьбы дѣлаетъ его человѣконенавистникомъ. Его мизантропія является глубокимъ и сознательнымъ убѣжденіемъ сильной и честной души; не общечеловѣческія только слабости, но все зрѣлище современнаго ему общества, одряхлѣвшаго и разлагающагося, поддерживаетъ и развиваетъ въ немъ такое міросозерцаніе. Онъ возстаетъ противъ всего общественнаго строя; дворъ, судъ, свѣтская нравственность, раболѣпствующая и лживо-сентиментальная литература, все даетъ обильную пищу его протесту. Въ его голосѣ слышатся суровыя ноты; къ оскорбленному человѣческому чувству присоединяется негодованіе гражданина. Для усиленія впечатлѣнія его рѣчей ó-бокъ съ нимъ поставленъ умѣренный и аккуратный Филэнтъ, всегда примиряющій крайности, не отваживающійся стать ни на той, ни на другой сторонѣ, считающій, что—

C'est une folie à nulle autre seconde
De vouloir se mêler de corriger le monde...

и его устами говоритъ обычная свѣтская мораль, иронически внимающая страстнымъ діатрибамъ слишкомъ горячихъ Альцестовъ. Въ этихъ двухъ художественно-обрисованныхъ характерахъ—вся противоположность стараго порядка и идей обновленія. Умная и правдивая Эліанта не можетъ не признать (актъ IV, сц. 1), что «въ искренности, проникшей всю душу Альцеста, есть что-то благородное и геройское; *это—добродѣтель, рѣдкая въ нашъ вѣкъ*», прибавляетъ она. Оттого-то позже, въ революціонный періодъ, «Мизантропъ» былъ одною изъ любимѣйшихъ пьесъ, и Камиллъ Демуленъ могъ въ своемъ «Vieux Cordelier» назвать Альцеста настоящимъ республиканцемъ, а Филэнта—самодовольнымъ, сытымъ «Feuillant».

Но Альцестъ легко могъ бы впасть въ ходульность, еслибъ авторъ ограничилъ его роль лишь энергической проповѣдью и рѣзкими выходками, полными нетерпимости. Онъ не только вложилъ въ этотъ характеръ плоть и кровь, сдѣлавъ его глашатаемъ собственныхъ думъ автора, но дополнилъ сходство, усиливъ трагизмъ положенія Альцеста его безумнымъ увлеченіемъ къ кокеткѣ Селименѣ. Его ревность, вѣчныя подозрѣнія, насмѣшки надъ пошлыми соперниками, мольбы одуматься,—все это черты

выхваченныя прямо изъ печальной дѣйствительности. У Альцеста, какъ у Мольера, остался единственный просвѣтъ въ жизни, — вѣра въ любимую женщину, не заглушаемая никакими размолвками. Тѣмъ ужаснѣе для Альцеста окончательное разочарованіе; вся жизнь для него померкла; у него нѣтъ силъ оставаться долѣе въ ненавистномъ ему обществѣ, онъ удаляется изъ него, готовъ скорѣе поселиться въ пустынѣ:

Je vais sortir d'un gouffre ou triomphent les vices
Et chercher sur la terre un endroit écarté
Où d'être homme d'honneur on ait liberté!

И въ отчаяніи онъ выбѣгаетъ изъ комнаты, среди общаго изумленія. Позднѣйшее французское поколѣніе радовалось тому, что послѣднимъ словомъ Мизантропа, сходящаго со сцены и порывающаго съ обществомъ, было *liberté*. Русскому же читателю окончаніе послѣдняго горячаго монолога Альцеста не можетъ, кромѣ того, не напомнить послѣднихъ же словъ Чацкаго, въ такой степени родственнаго по духу съ Альцестомъ [1]): «Пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ»...

Къ страданіямъ нравственнымъ у Мольера вскорѣ стали примѣшиваться и страданія физическія. Грудь его тѣснила мучительная боль, и не разъ въ послѣднихъ пьесахъ своихъ онъ какъбы невольно вставляетъ намеки на досадную неотвязчивость изнурительнаго кашля. Пришлось, наконецъ, имѣть серьёзное дѣло съ докторами, этимъ неизмѣннымъ предметомъ его насмѣшекъ, и познать на дѣлѣ все ихъ шарлатанство и средневѣковые предразсудки, надъ которыми онъ потѣшался, бывало, и въ «Пурсоньякѣ» и въ «Лекарѣ по-неволѣ», и въ разныхъ другихъ пьесахъ. Они принимались лечить его допотопными симпатическими средствами, а онъ весь былъ потрясенъ; его душа была больна, и у нихъ не было исцѣленія отъ такого недуга. Мысль о смерти начала все чаще посѣщать Мольера,—и вотъ онъ съ обычной ему откровенностью сатирика рѣшается еще разъ выставить самого себя на посмѣшище свѣта и казнить себя за сла-

---

¹) Во время яростныхъ критическихъ нападеній, вызванныхъ появленіемъ первыхъ отрывковъ изъ „Горя отъ ума", къ удивленію, болѣе всего указывалось на мнимое подражаніе слабой Виландовой повѣсти „Geschishte der Abderiten", тогда какъ о близости къ „Мизантропу" говорилось только вскользь. Между тѣмъ, родственныхъ чертъ съ нимъ можно бы найти не мало, разумѣется, не въ ущербъ художественному значенію русской пьесы. Такъ, Чацкій также страдаетъ отъ невозможности разлюбить свою измѣнницу, какъ Альцестъ; Молчалинъ—дальній отголосокъ Филента и т. д.

бость духа. «Мнимый больной» является слѣдствіемъ этого каприза. Любимый комическій типъ современнаго доктора въ долгополой мантіи, съ огромнымъ ирригаторомъ въ рукахъ, съ безконечнымъ запасомъ темной и неудобоваримой кухонной латыни, выростаетъ тутъ до чудовищно-отталкивающихъ размѣровъ. Стая медиковъ, лечащихъ по всѣмъ правиламъ искусства, становится сборищемъ лютыхъ фанатиковъ,—и горе бѣдному мнимому больному!

Когда шли репетиціи этой пьесы, Мольеръ уже едва существовалъ. Но такова была его сострадательная, гуманная заботливость о меньшей братіи (въ подтвержденіе можно было бы привести длинный рядъ вполнѣ достовѣрныхъ анекдотовъ), въ особенности объ его товарищахъ-актерахъ, что на всѣ совѣты Буало не играть черезъ силу, онъ отвѣчалъ, что, побаловавъ себя изъ лѣни, онъ лишилъ бы куска хлѣба цѣлую толпу бѣдняковъ, чей заработокъ отъ него зависитъ. Собравшись съ послѣдними силами, густо нарумянивъ лицо, чтобы зрители не увидали покрывающей его смертной блѣдности, онъ, уже совсѣмъ умирающій, вышелъ передъ публикой въ роли человѣка, больного воображеніемъ. Никогда, на взглядъ зрителей, такъ хорошо не игралъ онъ; стоны, иногда невольно вырывавшіеся у него, конвульсіи, искажавшія по временамъ его лицо, принимались за комическія ужимки и гримасы актера, превосходно вошедшаго въ свою роль. Но вотъ уже пьеса кончилась и ее уже завершала безумно-веселая интермедія докторовъ, съ полнымъ церемоніаломъ принимающихъ Аргана въ число своихъ собратій. Сцена наполнилась множествомъ мужей науки, торжественно, на полу-французской, макаронической латыни произносившихъ формулу присяги новаго доктора: «Juras gardare statutam per Facultatem praescripta cum sensu et jugeamento?» — «Juro», отвѣчалъ умирающимъ голосомъ и приподнявшись Мольеръ, и это были послѣднія его слова на сценѣ (1673 г.). Въ обморокѣ онъ былъ перенесенъ домой и, придя на короткое время въ сознаніе, умеръ, не дождавшись духовника, на рукахъ двухъ нищенствующихъ монахинь, случайно зашедшихъ къ нему. Жена, съ которой онъ незадолго передъ тѣмъ сошелся, не успѣла съ нимъ проститься. Общее народное горе и козни духовенства, мстившаго ему за Тартюффа, и то отказывавшагося его хоронить, то (по нѣкоторымъ разсказамъ) подсылавшаго наемную толпу оскорблять его гробъ, служили достойнымъ эпилогомъ всей дѣятельности сатирика [1]).

---

1) Въ появившихся недавно въ газетѣ „Temps", 4 и 13 декабря 1877, статьяхъ автора не разъ уже упомянутыхъ работъ по Мольеру, Луазлёра: „Les restes mor-

Какъ воину, стремящемуся умереть на полѣ битвы, Мольеру выпала завидная доля разстаться съ жизнью въ самомъ разгарѣ служенія сценическому искусству. Оно наполняло съ раннихъ лѣтъ все его существованіе, оно поддерживало его въ житейской борьбѣ; ему онъ посвящалъ свои завѣтныя мысли, воплощая ихъ въ образахъ, его возвысилъ до воспитывающей общественной роли,—и умеръ при рукоплесканіяхъ сочувственной толпы. Съ тѣхъ поръ память объ этой славной смерти достойнымъ образомъ чтится въ томъ первоклассномъ французскомъ театрѣ, Comédie Française, который съ гордостью величаетъ себя и теперь *домомъ Мольера* (maison de Molière). Каждый годъ, 17 февраля, когда наступаетъ годовщина его смерти, и спектакль, по заведенному обычаю, составляется изъ мольеровскихъ пьесъ,—онъ неизмѣнно оканчивается воспроизведеніемъ достопамятной интермедіи «Мнимаго Больного». На сцену снова стекаются въ красныхъ докторскихъ мантіяхъ всѣ главные актеры труппы; въ глубинѣ стоитъ бюстъ Мольера. Вотъ раздаются сакраментальныя слова президента, возглашающаго шуточную присягу. Въ первый разъ всѣ отвѣчаютъ: *juro!* но, когда вопросъ повторяется, всѣ тихо поднимаются съ своихъ мѣстъ. Въ эту минуту нѣкогда отвѣчалъ самъ Мольеръ; смущенною душой всѣ какъ будто чувствуютъ присутствіе его дорогой тѣни.

И эта традиціонная церемонія, заканчивающаяся увѣнчаніемъ бюста лаврами,—не внѣшній театральный парадъ. Она въ наглядной формѣ выражаетъ вѣрную мысль, напоминая позднѣйшему французскому поколѣнію, что его любимый старый сатирикъ неразлученъ съ нимъ, что, каковы бы ни были новѣйшія завоеванія народнаго самосознанія, долгъ велитъ указать на ихъ преемственную связь со всѣмъ, что́ любилъ, за что́ боролся нѣкогда Мольеръ—сынъ народа и неутомимый его наставникъ.

Алексѣй Веселовскій.

---

tels de Mol. et de la Fontaine", приведено много данныхъ, которыя доказываютъ, что, благодаря небрежности вдовы поэта, стѣсненіямъ при его погребеніи со стороны духовенства и вслѣдствіи нѣсколько безтолковому рвенію оффиціальныхъ почитателей Мольера въ дни революціи, желавшихъ откопать его останки, въ настоящее время совершенно неизвѣстно, гдѣ они.

АННАБЕЛЬ-ЛИ

Изъ Эдгара Поэ.

Давно ужъ, давно ужъ,—когда, не припомню,—
На берегѣ дальней земли,
Жила и цвѣла миловидная дѣва
По имени Аннабель-Ли,
И съ нею, для счастья любви обоюдной,
Мы вмѣстѣ на волѣ росли.

Мы съ ней провели безмятежное дѣтство
На берегѣ дальней земли,
Но чувствомъ любви, безпримѣрной на свѣтѣ,
Я связанъ былъ съ Аннабель-Ли,—
Любви, до которой и ангелы въ небѣ
Достигнуть едва ли могли.

И вотъ, потому-то,—когда, не припомню,—
На берегѣ дальней земли
Изъ тучи холодной повѣяла буря,
Сразившая Аннабель-Ли.
Тогда, по велѣнію важнаго тестя,
Ее отъ меня унесли
И спрятали тѣло въ гробницѣ печальной
На берегѣ дальней земли.

Въ раю серафимы на наше блаженство
Безъ злобы смотрѣть не могли,

8*

И вотъ потому-то (объ этомъ всѣ знаютъ
На берегѣ дальней земли),—
Изъ тучи холодной повѣяла буря,
Сразившая Аннабель-Ли.

Не вѣдали люди мудрѣе и старше
Такой всемогущей любви,
Какую мы знали одни,
И, вѣрьте,—ни ангелы въ небѣ высокомъ,
Ни демоны въ нѣдрахъ земли
Не могутъ разрушить святого союза
Межъ мною и Аннабель-Ли.

И не свѣтитъ луна, чтобъ мила и блѣдна
Мнѣ не грезилась Аннабель-Ли,
И съ лазури звѣзда посылаетъ всегда
Мнѣ привѣты отъ Аннабель-Ли,
И всю ночь на-пролетъ вѣрный духъ стережетъ,
Ненаглядная, твой замуравленный гротъ,
Гдѣ на-вѣки тебя погребли
На берегѣ дальней земли!

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ

какъ

ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ

V *).

Указаніе на салонный характеръ двора и всей жизни французской аристократіи служитъ для Тэна не только средствомъ, чтобъ *осмыслить* всѣ собранные имъ бытовые факты и черты, чтобъ объяснить *историческую роль* и судьбу французской аристократіи, но авторъ, въ то же время, пользуется этимъ, чтобъ пролить особый свѣтъ на характеръ умственнаго движенія во французскомъ обществѣ XVIII вѣка и объяснить результаты, которые оно дало во время революціи. Оригинальная мысль—представить королевскую Францію въ видѣ блестящаго салона—служитъ Тэну звеномъ, связующимъ обѣ половины его сочиненія, и даетъ ему возможность рельефнѣе, чѣмъ то удалось кому-либо изъ его предшественниковъ, выставить на видъ взаимную связь, существовавшую между французскимъ обществомъ и французской философіей въ XVIII вѣкѣ, между историческими фактами и идеями, между политическимъ *режимомъ* и доктриной.

Какъ другимъ либеральнымъ историкамъ, такъ и Тэну представлялась трудная проблема, съ одной стороны, объяснить великое историческое значеніе французской философіи прошлаго

*) См. выше: апр. 534 стр.

вѣка, — съ другой, почему и въ чемъ она имѣла такое дурное вліяніе на ходъ и исходъ французской революціи. Тэнъ разрѣшаетъ эту проблему слѣдующимъ способомъ. Онъ разлагаетъ умственное движеніе XVIII вѣка на два составныхъ элемента, изъ которыхъ одинъ онъ обозначаетъ выраженіемъ: *l'acquis scientifique*, — другой: *l'esprit classique*. Оба эти составные элемента сами-по-себѣ представляютъ, по его мнѣнію, здоровую и полезную пищу ума, но смѣшеніе ихъ дало въ результатѣ *ядъ*, хотя и сладкій, но потому жадно впиваемый обществомъ того времени. Этотъ ядъ и придалъ философіи тó одуряющее и отравляющее свойство, которое вызвало бредъ и конвульсіи. Такой пріемъ далъ Тэну возможность относиться съ нераздѣльнымъ сочувствіемъ ко всѣмъ явленіямъ, которыя отнесены имъ подъ рубрику: «acquis scientifique».

По его опредѣленію, acquis scientifique заключается въ твердыхъ результатахъ, которые добыты математическими и естественными науками. Эти результаты, сначала медленно накоплявшіеся, вдругъ такъ быстро разрослись, что дали возможность построить на нихъ цѣлую міровую систему, провѣренную наукою. Подъ ея вліяніемъ измѣнился взглядъ на человѣка и его положеніе въ мірозданіи; земной шаръ оказался песчинкой въ мірѣ; органическая жизнь на землѣ — мимолетнымъ, случайнымъ явленіемъ; человѣкъ — атомомъ, эфемеридой, животнымъ среди другихъ подобныхъ, по своей организаціи, животныхъ; все человѣчество — лишь послѣдней почкой на древѣ органической жизни, а его исторія — эпизодомъ въ длинной исторіи земного шара и органическаго міра. Если, говоритъ Тэнъ, еще подлежитъ спору свойство жизненнаго принципа, проявляющагося въ природѣ — внутренній ли онъ или внѣшній, — то способъ дѣйствія его внѣ спора: онъ дѣйствуетъ только по общимъ и непреложнымъ законамъ. Власти этого закона подлежатъ не только міры: неорганическій и органическій, но и человѣческія общества, также какъ и идеи, страсти и воля отдѣльнаго человѣка. Подъ вліяніемъ этого открытія измѣнились и научные пріемы; мыслители XVII вѣка отправлялись отъ догмы, мыслители XVIII вѣка — отъ наблюденія. Оттого всѣ замѣчательные ученые и литераторы этой эпохи занимались при своей спеціальности естественными науками. Науки нравственныя или науки, имѣющія предметомъ человѣка, отрываются отъ богословія и составляютъ какъ-бы продолженіе наукъ естественныхъ. Исторія представляется совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Въ своемъ «Опытѣ о нравахъ» Вольтеръ показываетъ, что первобытный

человѣкъ былъ грубымъ дикаремъ; что исторія человѣка представляетъ естественное явленіе; что нѣтъ никакихъ внѣшнихъ силъ, которыя направляли бы ее; существуютъ только внутреннія силы, которыя ее слагаютъ; у нея нѣтъ цѣли, но есть результатъ; этотъ результатъ заключается въ прогрессивномъ развитіи человѣческаго духа. Въ то же время, Монтескьё открываетъ другой принципъ, необходимый для исторической науки: онъ показываетъ, что учрежденія, законы и нравы не составляютъ безсвязнаго, случайнаго аггрегата, но гармонически и взаимно связаны между собой. Наконецъ, психологія дѣлаетъ открытіе, что въ основаніи душевной жизни лежитъ ощущеніе. «Съ помощью этой идеи одинъ изъ самыхъ точныхъ и необыкновенно-ясныхъ умовъ, Кондильякъ, даетъ почти на всѣ важные вопросы отвѣты, которые, благодаря возродившемуся богословскому предразсудку и вторженію нѣмецкой метафизики, потеряли у насъ вѣсъ въ началѣ XIX вѣка, но которые, при помощи возобновившагося наблюденія, появившейся патологіи ума и многочисленныхъ вивисекцій,— теперь снова ожили».

Такимъ образомъ, точка зрѣнія, которую приняли французы, благодаря математическимъ и естественнымъ наукамъ, была, по мнѣнію Тэна, совершенно правильная, но дѣло въ томъ, что устройство ихъ глаза не было приспособлено къ этой точкѣ зрѣнія. Свойство ихъ ума, разработывавшаго результаты современной науки, породило философію XVIII вѣка и доктрину революціи. Это свойство ума Тэнъ обозначаетъ выраженіемъ: «l'esprit classique». Классическій духъ проявляется прежде всего въ ораторскомъ слогѣ, въ манерѣ говорить и писать, которой подчинены всѣ литературныя произведенія. Этотъ ораторскій слогъ есть продуктъ досужей аристократіи, у которой монархія, захватившая все въ свои руки, отняла всякое дѣло. Ораторскій слогъ произошелъ вслѣдствіе привычки говорить, писать и думать исключительно въ виду общества салоновъ. Подъ вліяніемъ самой жизни языкъ постепенно бѣднѣетъ, теряя множество словъ *не принятыхъ* въ благовоспитанномъ обществѣ, и становится безцвѣтнымъ; рѣчь состоитъ почти исключительно изъ общихъ выраженій. Сообразно съ этимъ преобразовалась грамматика; она не дозволяетъ, чтобъ слова слѣдовали одно за другимъ, согласно измѣняющемуся порядку впечатлѣній и психическихъ побужденій, но указываетъ каждому понятію, каждому слову впередъ опредѣленное мѣсто. Тотъ же методъ, который слагалъ фразу, опредѣлялъ построеніе періода и управлялъ слогомъ. Французскій языкъ выигралъ въ ясности, но онъ съузился въ объемѣ,

онъ получилъ математическій характеръ. Чувствуется, что этотъ языкъ какъ-бы созданъ для того, чтобъ объяснять, доказывать, убѣждать и популяризировать; не даромъ становится онъ языкомъ всей Европы, международнымъ языкомъ, любимымъ брганомъ разума. Но разумъ, которому этотъ языкъ служитъ брганомъ,—особаго свойства; это разумъ разсуждающій (raison raisonnante), разумъ, который довольствуется пріобрѣтенными понятіями и не хочетъ знать полноты и сложности реальнаго міра. Классическій языкъ неспособенъ схватывать и описывать *детали*, непосредственныя чувства, крайнее проявленіе страсти, индивидуальныя черты; онъ склоненъ пробавляться *общими мѣстами*, и логическое сплетеніе его фразъ даетъ хрупкую, филиграновую работу, художественную, но мало полезную или даже вредную на практикѣ.

По характеру языка можно себѣ составить понятіе о духѣ, которому онъ служитъ брганомъ. Изъ двухъ операцій человѣческаго ума — воспріятія впечатлѣній и анализа ихъ или извлеченія понятія изъ нихъ — классическій духъ силенъ только во второй. Вслѣдствіе этого развивается способность писать—*сочинять*. Подъ вліяніемъ этой способности всѣ произведенія человѣческаго слова: ученыя сочиненія, философскіе трактаты, оффиціальные документы и депеши, наконецъ, частныя письма, — все это получаетъ литературный характеръ; а собственно литературныя произведенія отличаются ораторскимъ пбшибомъ.

Это указываетъ на важные недостатки классическаго духа. Вмѣстѣ съ искреннимъ чувствомъ замираетъ лирическая поэзія; въ драматургіи классическій духъ способенъ воспроизводить только одного рода лица,—людей свѣта, обитателей салоновъ, да и тѣ только на половину реальны: въ нихъ общечеловѣческія черты преобладаютъ надъ индивидуальными, — оттого это отвлеченные типы, а не живыя лица. Классическій духъ, вслѣдствіе своей узкости, которая все увеличивается къ концу вѣка, не способенъ представить реально индивидуальности, какъ онѣ существуютъ въ природѣ или какъ онѣ являлись въ исторіи: ему остается только пустая отвлеченность. Обществу недостаетъ историческаго чутья: оно полагаетъ, что человѣкъ вездѣ и во всѣ времена одинъ и тотъ же; оно видитъ въ человѣкѣ только разумъ, всегда и вездѣ одинаково разсуждающій. Это происходитъ оттого, что вся литература, даже романъ, занимается только салонами, какъ-будто внѣ ихъ ничего не существуетъ. Во время революціи образованное общество еще болѣе изолируется. Оттого въ рѣчахъ, произносимыхъ на трибунѣ, въ клубахъ нигдѣ не видно пониманія дѣй-

ствительнаго человѣка, каковъ онъ въ селахъ и на городскихъ улицахъ. Народъ представляется простымъ автоматомъ съ общеизвѣстнымъ механизмомъ. Писатели считали его годнымъ только для произнесенія фразъ; теперь политическіе дѣятели видятъ въ немъ машину для вотированія, которую достаточно подавить пальцемъ въ извѣстномъ мѣстѣ для того, чтобъ заставить дать тотъ или другой требуемый отвѣтъ. «Въ этихъ рѣчахъ мы никогда не находимъ фактовъ, а одни только отвлеченности: цѣлый рядъ разсужденій о природѣ, о разумѣ, о народѣ, о тиранахъ, о свободѣ,— все это въ родѣ какихъ-то пузырей, напрасно вздутыхъ и пущенныхъ въ пространствѣ. Если бы не знать, что все это привело на практикѣ къ ужаснымъ послѣдствіямъ, можно было бы принять это за логическую игру, за школьное упражненіе, за парадныя академическія рѣчи, за соображенія идеологовъ. Именно эта идеологія, послѣдній результатъ вѣка, и даетъ послѣднюю формулу, и скажетъ послѣднее слово классическаго духа».

Классическій духъ усвоилъ себѣ математическій методъ. Онъ заключается въ томъ, чтобы, взявши нѣсколько очень простыхъ и общихъ понятій и не справляясь съ опытомъ, сравнивать и комбинировать ихъ, и изъ полученнаго результата выводить посредствомъ чистыхъ разсужденій всевозможныя послѣдствія. Этотъ методъ одинаково преобладаетъ какъ у приверженцевъ «чистой идеи», такъ и въ школѣ сенсуалистовъ, хотя бы они называли себя послѣдователями Бэкона и отвергали врожденныя идеи. Подобно тому, какъ Кондильякъ усвоиваетъ психологіи ариѳметическій методъ, такъ Сіезъ, относясь съ глубокимъ презрѣніемъ къ исторіи, прилагаетъ тотъ же способъ къ политикѣ. Какъ Кондильякъ съ помощью ощущенія считалъ возможнымъ объяснить строй человѣческой души, такъ Руссо, на основаніи *понятія о договорѣ*, смѣло строитъ новое общество и государство. Кондорсе восхваляетъ этотъ методъ какъ послѣдній шагъ философіи, съ помощью котораго она поставила вѣчную преграду между современнымъ человѣчествомъ и старинными заблужденіями его младенчества. Посредствомъ этого метода открыты права человѣка, выведенныя математическимъ путемъ изъ одного основного понятія. Взаимодѣйствіе двухъ составныхъ элементовъ, т.-е. научнаго результата и господствовавшаго во Франціи классическаго духа, породило доктрину, которая показалась новымъ откровеніемъ. Эта доктрина заключалась въ убѣжденіи, что наступитъ вѣкъ разума и царство истины, и что право этой истины должно быть признано абсолютнымъ. Повторяя мысль Токвиля, Тэнъ замѣчаетъ,

что новая доктрина имѣла характеръ религіознаго убѣжденія и этимъ походила на пуританизмъ XVII в., на магометанство VII в. Она отличалась такимъ же порывомъ вѣры и энтузіазма, такимъ же духомъ пропаганды и властолюбія, такой же непреклонностью и нетерпимостью, такимъ же притязаніемъ передѣлать человѣка и всю человѣческую жизнь согласно съ предвзятымъ типомъ. Она точно также имѣла своихъ учителей (docteurs), свои догматы, свой народный катехизисъ, своихъ фанатиковъ, свою инквизицію и своихъ мучениковъ. Она отличалась отъ прежнихъ религіозныхъ системъ только тѣмъ, что требовала подчиненія себѣ во имя разума, а не во имя Бога.

Опираясь на признанный за нимъ новый авторитетъ, разумъ принялся критиковать все существующее и пересматривать его права на жизнь. До-сихъ-поръ роль, которую игралъ разумъ въ человѣческомъ обществѣ, была незначительна; онъ уступалъ первое мѣсто преданію. Но теперь роли ихъ перемѣняются. Монархія Людовика XIV и Людовика XV расшатала авторитетъ преданія; съ другой стороны, наука возвысила авторитетъ разума. Преданіе сходитъ на второй планъ и первое мѣсто занимаетъ разумъ, подвергая своему анализу государство, законы, обычаи.

По мнѣнію Тэна, бѣда заключается въ томъ, что разумъ, принимая на себя провѣрку всего существующаго, не былъ просвѣщенъ исторической наукой, не понималъ значенія преданія или, какъ здѣсь выражается Тэнъ, наслѣдственнаго предразсудка. И разумъ, вмѣсто того, чтобъ признать въ своемъ соперникѣ старшаго брата, съ которымъ нужно подѣлиться, усматривалъ въ его владычествѣ одну лишь узурпацію.

Въ оцѣнкѣ тѣхъ историческихъ явленій, которыя Тэнъ разумѣетъ подъ именемъ «наслѣдственныхъ предразсудковъ», мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ реалистическимъ отношеніемъ къ исторіи, съ тѣмъ утилитаризмомъ, на который мы указывали уже по поводу первой книги. Тэнъ видитъ въ «наслѣдственныхъ предразсудкахъ» своего рода безсознательный разумъ—une sorte de raison qui s'ignore; онъ говоритъ, что преданіе, подобно наукѣ, коренится въ длинномъ рядѣ накопленныхъ опытомъ истинъ. Обычаи и повѣрья, которые намъ теперь кажутся произвольными, условными, были первоначально общепризнанными средствами, служившими для общественнаго блага. «Культура человѣческой души основана на цѣломъ рядѣ обычаевъ, долго неизвѣстныхъ человѣку, и лишь медленно, постепенно установившихся; они заключаются въ слѣдующемъ: не употреблять въ пищу человѣческаго мяса, не убивать безполезныхъ стариковъ, не бросать, не про-

давать и не убивать слабыхъ дѣтей, питать отвращеніе къ кровосмѣшенію и всякимъ другимъ противоестественнымъ обычаямъ, быть единственнымъ и признаннымъ владѣтелемъ особаго поля, внимать высшему голосу скромности (pudeur), человѣколюбія, чести, голосу совѣсти. Вообще, чѣмъ древнѣе и чѣмъ болѣе распространенъ какой-нибудь обычай, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ основанія въ глубокихъ соображеніяхъ физіологическаго или гигіеническаго свойства и въ общественной предусмотрительности».

Нельзя сказать, чтобы примѣры, которыми Тэнъ старается подтвердить вышеприведенное разсужденіе, были удачно выбраны. Такъ, напримѣръ, касты онъ объясняетъ «необходимостью сохранить въ чистотѣ расу героическую или мыслящую, устраняя примѣсь худшей крови, которая повлекла бы за собою умственное разслабленіе или преобладаніе низшихъ инстинктовъ». Въ такомъ же духѣ объясняется государство и религія. По мнѣнію Тэна, государство, по-крайней-мѣрѣ въ Европѣ, по своему происхожденію и существу, военное учрежденіе, гдѣ героизмъ сдѣлался защитникомъ права. Религія по своей сущности — метафизическая поэма, сопровождаемая вѣрой. «Ей нужны обрядность, легенда, церемоніи для того, чтобъ дѣйствовать на народъ, на женщинъ, на дѣтей, на простодушныхъ, на всякаго человѣка, погруженнаго въ практическую жизнь, наконецъ, на самый человѣческій умъ, такъ-какъ идеи невольно воплощаются въ образы. Благодаря этой осязательной формѣ, религія можетъ положить на вѣсы человѣческой совѣсти страшную тяжесть, она можетъ служить противовѣсомъ эгоизму, задерживать безумный потокъ грубыхъ страстей, устремить волю на самоотверженіе и преданность (dévouement), она можетъ оторвать человѣка отъ него самого, чтобъ предоставить его всего служенію истинѣ или своему ближнему, создать аскетовъ и мучениковъ, сестеръ милосердія и миссіонеровъ».

Но унаслѣдованное преданіе, кромѣ того, что оно, подобно инстинкту, есть слѣпое проявленіе разума, имѣетъ еще другое право на уваженіе со стороны послѣдняго. Дѣло въ томъ, что разумъ для того, чтобъ получить практическое значеніе, долженъ сначала самъ принять форму преданія и предразсудка. Чтобъ какая-нибудь доктрина овладѣла умами людей, сдѣлалась руководящимъ мотивомъ дѣйствія, необходимо, чтобъ она превратилась въ привычку, сдѣлалась предметомъ вѣры и безсознательнаго влеченія. За исключеніемъ немногихъ ученыхъ большинство людей все еще получаетъ свои идеи свыше, и академія наукъ во многихъ отношеніяхъ заступаетъ мѣсто древнихъ соборовъ. Разумъ же въ XVIII в. не обладалъ ни достаточнымъ историческимъ

опытомъ, ни способностью руководиться опытомъ. Вслѣдствіе этого никто не понималъ въ то время ни прошедшаго, ни настоящаго. Не зная людей, нельзя было понять учрежденій; никто не подозрѣвалъ, что истина должна была облечься въ легенду, что право могло утвердиться только посредствомъ силы, что религія должна была принять жреческій характеръ, а государство — характеръ военный. Не объяснивъ себѣ прошедшаго, нельзя было уразумѣть настоящее. Никто изъ салоннаго общества не имѣлъ вѣрнаго понятія ни о крестьянахъ, ни о жителяхъ провинціальныхъ городковъ и первобытномъ состояніи ихъ ума. Никому не приходило въ голову, что 20 милл. людей и даже больше едва возвысились надъ умственнымъ состояніемъ среднихъ вѣковъ, и что поэтому общественное зданіе, для нихъ пригодное, должно было въ своихъ общихъ очертаніяхъ сохранять средневѣковой строй. Однимъ словомъ, никто не сознавалъ, что для неразвитыхъ, безсознательно живущихъ людей «il n'y a de religion que par le curé — et d'Etat que par le gendarme» (религія понятна только въ образѣ священника, а государство—въ образѣ жандарма).

Вслѣдствіе коренного заблужденія разума, не оцѣнившаго того значенія, какое имѣли наслѣдственные предразсудки, онъ ополчился противъ преданія съ тѣмъ, чтобъ ниспровергнуть его владычество и замѣнить царство лжи — царствомъ истины. Эта ошибка разума проистекала изъ салоннаго характера французскаго общества и его образованія.

Въ этой мысли заключается исходная точка критики, которой Тэнъ подвергаетъ умственное движеніе XVIII в., мѣрило, опредѣляющее его отношеніе къ столь прославленнымъ литературнымъ дѣятелямъ этой эпохи. Описывая войну разума противъ преданія, Тэнъ слѣдуетъ общепринятому раздѣленію умственнаго движенія XVIII вѣка на два періода, или, какъ выражается онъ, на двѣ философскихъ экспедиціи. Направленіе перваго похода, вождемъ котораго былъ Вольтеръ, Тэнъ характеризуетъ тѣмъ, что преданіямъ и предразсудкамъ французовъ писатели стали противопоставлять преданія и предразсудки другихъ странъ и временъ, вслѣдствіе чего всѣ эти преданія утрачивали свои чары; древнія учрежденія лишались своего божественнаго характера, представлялись дѣломъ человѣка, плодомъ времени, результатомъ условнаго соглашенія. Скептицизмъ началъ проникать черезъ всѣ бреши. «Но анализъ, разлагавшій религіозныя системы, политическія учрежденія и гражданскіе законы, другъ другу противорѣчившіе, не сводилъ ихъ къ нулю; въ основаніи положительныхъ религій, которыя разумъ считалъ ложными,

онъ находилъ естественную религію, которую признавалъ истинною; подъ оболочкою законодательныхъ системъ разумъ признавалъ общій естественный законъ, начертанный въ сердцѣ людей и подразумѣваемый разнообразными сводами законовъ. На днѣ реторты, разлагавшей религію и общественныя учрежденія, всегда оставался извѣстный осадокъ (résidu). Въ первомъ случаѣ въ осадкѣ получалась *истина* (résidu de verité); во второмъ—получалась *справедливость*. Это былъ небольшой, но драгоцѣнный остатокъ (reliquat), какъ-бы слитокъ золота, сохраняемый преданіемъ, очищаемый разумомъ, и который, мало-по-малу освободившись отъ всякой примѣси, разработанный и примѣненный ко всякому дѣлу, долженъ былъ одинъ собою представлять сущность религіи и всѣ нити, связывающія общество».

Вторая экспедиція состоитъ изъ двухъ армій; первую составляютъ энциклопедисты. Для характеристики ихъ теорій Тэнъ выставляетъ на видъ, въ чемъ они отступили отъ идей Вольтера. Деизмъ стараго вождя они теперь относятъ также къ числу предразсудковъ. Представленіе Вольтера о мірѣ, какъ о механизмѣ, который заставляетъ предполагать механика, замѣняется у нихъ представленіемъ о вѣчной матеріи, находящейся въ вѣчномъ движеніи. Не разумъ организуетъ матерію, а матерія производитъ изъ себя разумъ. Отсюда новое объясненіе естественнаго закона. Источникъ его самъ человѣкъ, но человѣкъ, какимъ онъ представляется глазамъ натуралиста, т.-е. организованное тѣло, животное съ его нуждами и страстями. Совпадая съ естественнымъ закономъ, эти страсти не только не искоренимы, но и вполнѣ законны. Отсюда слѣдуетъ ниспроверженіе послѣднихъ предразсудковъ. «Стыдливость», восклицаетъ Дидеро, «подобно одеждѣ— есть изобрѣтеніе человѣка и условное чувство». Парадоксы Дидеро, замѣчаетъ Тэнъ, по крайней мѣрѣ, оправдываются (ont des correctifs) тѣмъ, что, описывая нравы, онъ задается цѣлью моралиста, что подъ вліяніемъ своей благородной натуры онъ вѣрно оцѣниваетъ и по достоинству распредѣляетъ различныя влеченія человѣческаго сердца, и что, опредѣляя первобытныя побужденія души, онъ рядомъ съ эгоизмомъ отводитъ особое и болѣе почетное мѣсто состраданію, милосердію и безразсчетному самоотверженію и самопожертвованію. Но послѣ него являются другіе, холодные и ограниченные люди, которые посредствомъ математическаго метода идеологовъ конструируютъ нравственность въ духѣ Гоббса, полагая въ основаніе ея одно только побужденіе, самое простое и осязательное, грубое, почти механическое — инстинктивное стремленіе, заставляющее животное искать наслаж-

денія и избѣгать боли. Добродѣтель—не что иное, какъ предусмотрительный эгоизмъ. Итакъ, возвращеніе къ естественному закону, т.-е. къ природѣ, и уничтоженіе общества—вотъ военный кликъ, провозглашенный всѣмъ полчищемъ энциклопедистовъ. Такой же кликъ раздается съ другой стороны—изъ лагеря Руссо и соціалистовъ.

Характеристика Руссо, къ которой Тэнъ возвращается нѣсколько разъ, представляетъ одну изъ самыхъ удачныхъ главъ разсматриваемаго сочиненія. Эта характеристика, по нашему мнѣнію, потому такъ удалась Тэну, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо съумѣлъ схватить тѣсную связь между личными качествами и пороками Руссо и смысломъ его ученій. Руссо также отстаивалъ права естественнаго человѣка и естественнаго закона. Но вслѣдствіе громаднаго самолюбія и чудовищнаго эгоизма онъ бралъ свой идеалъ естественнаго человѣка не изъ дикаго состоянія, а изъ самого себя. Около этой центральной идеи вновь созидается спиритуалистическое воззрѣніе на человѣка. Такое благородное созданіе не можетъ быть механическимъ результатомъ различныхъ физическихъ органовъ.

Въ человѣкѣ есть нѣчто болѣе, чѣмъ одна матерія; его духовная жизнь слагается не изъ однихъ чувственныхъ ощущеній; человѣкъ стоитъ выше животнаго; въ немъ есть свободная воля, слѣдовательно, самобытный принципъ или душа, отличная отъ тѣла и способная пережить тѣло. Эта душа повинуется внутреннему голосу, т.-е. совѣсти. Но если человѣкъ, какъ его понимаетъ Руссо, вышелъ совершеннымъ изъ рукъ Творца, то онъ пересталъ быть таковымъ по винѣ общества. Отсюда борьба противъ этого общества, еще болѣе ожесточенная, чѣмъ прежде. До Руссо общественныя и политическія учрежденія казались только неудобными и несогласными съ требованіями разума; теперь же они представляются несправедливыми и развращающими; прежде они возстановляли противъ себя разсудокъ и страсти,—теперь, кромѣ того, онѣ возмущаютъ совѣсть и гордость. Отсюда гнѣвъ и серьёзный, желчный тонъ, который заступаетъ мѣсто прежней насмѣшки. Но характеръ борьбы измѣняется еще вслѣдствіе другой причины. Какъ и нѣкоторые другіе литераторы XVIII в., Руссо вышелъ изъ простого народа; но онъ, кромѣ того, въ душѣ плебей; ему неловко въ салонѣ, онъ не можетъ привыкнуть къ благовоспитанному обществу; отсюда его вражда ко всему, что̀ украшаетъ это общество, къ наукѣ, искусству, театру, къ цивилизаціи вообще. Но если цивилизація дурна, то общество еще хуже,

и два основанія его—собственность и власть,—не что иное, какъ насиліе.

«Изъ-за теоріи сквозитъ личное чувство, раздраженіе плебея, бѣднаго и озлобленнаго, который при своемъ входѣ въ свѣтъ, нашелъ всѣ мѣста занятыми и не могъ себѣ завоевать положенія въ обществѣ; который отмѣчаетъ въ своихъ «Признаніяхъ» (Confessions) день, когда онъ пересталъ страдать отъ голода,—за неимѣніемъ лучшаго живетъ съ служанкой и отдаетъ своихъ пятерыхъ дѣтей въ воспитательный домъ; который по очереди то лакей, то приказчикъ, бродяга, учитель или переписчикъ, вѣчно на-сторожѣ и вѣчно принужденъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ для сохраненія своей независимости, возмущенный контрастомъ своего положенія и того, что̀ онъ чувствуетъ въ душѣ, отдѣлывающійся отъ чувства зависти лишь съ помощью злословія и сохраняющій въ глубинѣ души старую горечь *«противъ богатыхъ и счастливыхъ этого міра, какъ будто они богаты и счастливы на его счетъ и какъ будто ихъ мнимое счастье было похищено у него* (Emile)».

Тэнъ въ своемъ очеркѣ французской литературы остановился на Руссо, объявивъ, что не стоитъ знакомиться съ его послѣдователями, съ этими *enfants perdus du parti*, какъ онъ ихъ называетъ. Всѣ эти разнообразныя нападенія на современное общество, говоритъ онъ, приводятъ къ одной цѣли—къ ниспроверженію всѣхъ основъ существующаго порядка. А за этимъ ниспроверженіемъ наступаетъ, по мнѣнію людей XVIII вѣка, царство разума, новый милленіумъ, и разуму, разрушившему старый порядокъ, предоставляется созиданіе новаго.

Описавши на основаніи «Общественнаго Договора» Руссо теорію построенія новаго государства, которую потомъ во время революціи вздумали осуществить на практикѣ, Тэнъ противополагаетъ этой теоріи свой собственный взглядъ на общество и государство. Онъ находитъ, что существенная ошибка политическихъ теоретиковъ XVIII в. заключалась въ ихъ убѣжденіи, что разумъ одинаково присущъ всѣмъ людямъ и что это равномѣрное распредѣленіе общаго разума можетъ быть принято за основной политическій принципъ. Съ помощью физіологіи и психологіи Тэнъ опровергаетъ это положеніе. Физіологія показываетъ, что то, что̀ мы называемъ въ человѣкѣ разумомъ, есть только состояніе извѣстнаго непрочнаго равновѣсія, которое зависитъ отъ не менѣе непрочнаго состоянія мозга, нервовъ, крови и желудка. «Возьмите, говоритъ Тэнъ, голодныхъ женщинъ и пьяныхъ мужчинъ около тысячи, сведите ихъ вмѣстѣ, пусть они разгорачатся

отъ криковъ, отъ ожиданія, пусть они заразятъ другъ друга возрастающимъ возбужденіемъ, и черезъ нѣсколько часовъ передъ вами будетъ толпа опасныхъ сумасшедшихъ. 1789-ый годъ это показалъ» (стр. 312). Обращаясь къ психологіи, Тэнъ замѣчаетъ, что малѣйшее психическое явленіе, всякое ощущеніе, воспоминаніе, самое простое сужденіе—есть результатъ такой сложной механики, общій итогъ нѣсколькихъ милліоновъ независимо дѣйствующихъ силъ,—что если стрѣлка нашего ума приблизительно стоитъ вѣрно, то это случайность, чтобъ не сказать чудо. «Галлюцинація, бредъ, мономанія, которые сторожатъ у нашей двери, всегда готовы овладѣть нами. Собственно говоря, по своей природѣ человѣкъ—сумасшедшій, точно такъ, какъ его тѣло всегда въ болѣзненномъ состояніи, здоровье нашего разума, какъ и здоровье нашихъ органовъ не болѣе, какъ частая удача или счастливая случайность» (стр. 312). При такой сложности психическихъ процессовъ, какъ шатокъ тотъ утонченный результатъ, который мы называемъ собственнымъ разумомъ, и какъ часто у самаго сильнаго ума подъ давленіемъ гордости, энтузіазма или догматическаго упрямства идеи мало соотвѣтствуютъ дѣйствіямъ! Если же такова доля лучшихъ умовъ, то что сказать о толпѣ, о народѣ, объ умахъ вовсе не развитыхъ? «У крестьянина, у человѣка, занятаго съ дѣтства ручной работой, не только отсутствуетъ вся сѣть высшихъ понятій (*conceptions supérieures*), но и тѣ внутренніе органы, которые могли бы ее сплести, не сформировались. Вслѣдствіе его привычки къ свѣжему воздуху и къ работѣ тѣла, у него, если онъ остается въ бездѣйствіи, черезъ четверть часа вниманіе ослабѣваетъ; общія фразы дѣлаютъ на него лишь впечатлѣніе неяснаго звука; умственныя соображенія, которыя должны быть ими вызваны, не могутъ совершаться; онъ начинаетъ дремать, если только какой-нибудь звучный голосъ не разбудитъ въ немъ, дѣйствуя на него заразительно, инстинктовъ тѣла и крови, личныхъ страстей, глухой злобы, которыя сдержаны внѣшней дисциплиной и всегда готовы разнуздаться. У полу-грамотнаго, даже у человѣка, который считаетъ себя развитымъ и читаетъ газеты, принципы не что иное, какъ почти всегда несоотвѣтствующіе его развитію гости; они превышаютъ его пониманіе; напрасно твердитъ онъ свои догматы, онъ не въ состояніи измѣрять степень ихъ значенія (portée), онъ не можетъ усмотрѣть ихъ предѣлы, онъ забываетъ объ ихъ условности или присущихъ имъ ограниченіяхъ (restrictions), онъ ложно ихъ примѣняетъ. Эти принципы подобны химическимъ составамъ, которые остаются безвредными въ лабораторіи и въ рукахъ химика, но которые дѣ-

ляются страшно опасными на улицѣ, подъ ногами проходящихъ» (стр. 313).

Философы XVIII в. ошибались не только въ томъ, что считали разумъ естественною принадлежностью человѣка, чѣмъ-то общимъ всѣмъ людямъ,—они не сознавали, что вообще въ жизни человѣка и всего человѣчества роль разума очень ничтожна. «Явно ли то происходитъ или тайно, разумъ не болѣе, какъ удобный подчиненный, домашній адвокатъ, вѣчно подкупленный, употребляемый настоящими хозяевами человѣка для защиты ихъ дѣлъ; и если они при публикѣ уступаютъ ему первое мѣсто, то единственно ради приличія. Хозяева человѣка это—физическій темпераментъ, тѣлесныя нужды, животный инстинктъ, наслѣдственные предразсудки, воображеніе, вообще какая-нибудь преобладающая страсть, большею частью личный интересъ или же интересъ семейный, сословный, или интересъ партіи. Мы впали бы въ большую ошибку, еслибъ подумали, что человѣкъ добръ по своей природѣ, что онъ великодушенъ, сострадателенъ или по крайней мѣрѣ мягокъ, сговорчивъ и охотно подчиняется общественному интересу или интересу ближняго. Во-первыхъ, если не достовѣрно, что человѣкъ находится въ кровномъ родствѣ съ обезьяной, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что по своему строенію онъ представляетъ животное очень близкое къ обезьянѣ, плотоядное и хищное, бывшее когда-то людоѣдомъ, а впослѣдствіи сдѣлавшееся охотникомъ и воиномъ. Вотъ гдѣ основаніе крѣпко коренящихся въ немъ свирѣпости, звѣрства, дикихъ, разрушительныхъ инстинктовъ, къ которымъ присоединяются, если онъ французъ, веселость, смѣхъ и самая странная потребность выдѣлывать прыжки и всякія шалости среди опустошеній (dégâts), которыя онъ производитъ. Во-вторыхъ, съ перваго появленія своего онъ очутился голый и безпомощный на неблагодарной землѣ, гдѣ добывать средства къ пропитанію очень трудно, гдѣ подъ страхомъ смерти онъ принужденъ дѣлать запасы и сбереженія. Отсюда у него постоянная забота и неотвязчивая мысль, какъ бы пріобрѣсти, скопить и владѣть; скупость и жадность,—особенно въ томъ сословіи, которое, прикрѣпленное къ землѣ, голодаетъ въ продолженіи шестидесяти поколѣній для того, чтобъ кормить другіе классы и постоянно протягиваетъ крючковатыя руки, чтобъ захватить эту землю, гдѣ, благодаря ихъ труду, произрастаютъ плоды. Наконецъ, болѣе тонкая умственная организація человѣка сдѣлала изъ него съ самыхъ первыхъ дней существо способное увлекаться воображеніемъ, у котораго безчисленныя мечты развиваются сами собою въ чудовищныя химеры, расширяя и увеличивая безъ всякой мѣры его

опасенія, его надежды и его желанія. Отсюда у него является чрезмѣрная чувствительность, внезапные приливы чувства и заразительныхъ восторговъ, порывы неудержимой страсти, эпидеміи легковѣрія и подозрительности, однимъ словомъ—энтузіазмъ и паника, особенно если это французъ, т.-е. человѣкъ сообщительный и легко возбуждаемый, быстро поддающійся всякому внѣшнему толчку, лишенный того природнаго равновѣсія, которое поддерживается у его сосѣдей германской или латинской расы флегматическимъ темпераментомъ и сосредоточеніемъ уединенной мысли» (стр. 315).

Вслѣдствіе непониманія дѣйствительнаго человѣка и своего заблужденія относительно роли разума въ человѣческихъ дѣлахъ, философы XVIII в., по мнѣнію Тэна, не вѣрно опредѣляли отношеніе народа къ правительству. Во имя верховенства народа они отнимали у правительства всякій авторитетъ, всякую прерогативу, всякую инипіативу, всякую силу и прочность. Правительство, по ихъ мнѣнію, не что иное, какъ прикащикъ, какъ слуга народа. Противъ правительства и его органовъ должны быть приняты всѣ мѣры предосторожности, должно быть вызвано всеобщее недовѣріе. Такой точкѣ зрѣнія Тэнъ противополагаетъ свою собственную правительственную теорію. «Такъ какъ жизнью человѣка управляютъ грубыя страсти, которыя стихаютъ въ мирное время, подобно тому, какъ волны потока, сдерживаемыя плотиной, протекаютъ тихо, то главная забота должна заключаться въ томъ, чтобы противопоставить страстямъ равную имъ по силѣ сдержку, тѣмъ болѣе суровую, чѣмъ грознѣе эти страсти, даже деспотическую въ случаѣ нужды. Для того, чтобы направить и ограничить удары этой сдерживающей силы, употребляютъ разные механизмы, какъ-то: конституціи, раздѣленіе властей, своды законовъ, суды, легальныя формы. Но за всѣми этими колесами всегда видна главная пружина, самое дѣйствительное орудіе, а именно, жандармъ, вооруженный противъ дикаря, разбойника и сумасшедшаго, таящагося въ каждомъ изъ насъ, дремлющаго или скованнаго, но всегда живого въ тайникѣ нашего сердца».

VI.

Предоставляя себѣ впослѣдствіи оцѣнить взгляды Тэна на назначеніе государства и его отождествленіе верховной власти съ полицейскою, мы прежде всего займемся главнымъ содержаніемъ третьей книги—изложеніемъ идей и доктринъ, господствовавшихъ

во французскомъ обществѣ до революціи и во время ея, и объясненіемъ ихъ происхожденія. Впечатлѣніе, которое эта книга произведетъ на читателя, и сужденіе, которое произнесетъ критикъ объ ея авторѣ, будутъ главнымъ образомъ зависѣть отъ того, примутъ ли они исключительно во вниманіе литературный талантъ Тэна или также его историческую и научную задачу. Въ первомъ отношеніи, т.-е. насколько третья книга представляетъ намъ не только мастерскую характеристику крупнѣйшихъ явленій французской литературы XVIII вѣка, но и увлекательное описаніе умственнаго строя и культурнаго склада самаго общества Франціи въ прошломъ вѣкѣ—эта книга должна быть признана образцовымъ произведеніемъ. Мы имѣемъ много классическихъ характеристикъ великихъ писателей XVIII вѣка, но у насъ еще не было такого мастерского, полнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатаго общаго очерка умственнаго движенія и доктринъ, подготовившихъ французскую революцію. Блестящая литературная картина, нарисованная Тэномъ, поражаетъ насъ не только своими художественными достоинствами, мѣткостью и рельефностью изображенія и искусною группировкою, но и *оригинальностью* оцѣнки, которой авторъ подвергаетъ писателей и произведенія, относительно которыхъ, повидимому, давно уже установилась общая точка зрѣнія. Точка зрѣнія, занятая Тэномъ при сужденіи о политическихъ и общественныхъ идеяхъ, вызвавшихъ или сопровождавшихъ французскую революцію, многознаменательна какъ свидѣтельство переворота въ убѣжденіяхъ, происшедшаго въ извѣстной части современнаго французскаго общества. Критика, которой Тэнъ подвергаетъ доктрины XVIII в., столько же безпощадна, сколько трезва и вѣрна по отношенію къ упреку въ исключительной разсудочности ихъ и въ отсутствіи историческаго смысла. Энтузіастовъ и фанатиковъ революціи 1789 года Тэнъ встрѣчаетъ съ охлаждающимъ ихъ пылъ замѣчаніемъ: царство разума не наступило и не наступитъ, по тому что разумъ не въ одинаковой степени распредѣленъ между людьми и не онъ управляетъ человѣчествомъ. Сенсуалисты прошлаго вѣка были бы очень изумлены и огорчены, если бы знали, что ихъ послѣдователь, тотъ, кто считаетъ своимъ призваніемъ продолжать начатое ими дѣло — извлекъ изъ ихъ ученія такое противоположное убѣжденіе.

Но наслажденіе, которое доставляетъ литературный талантъ Тэна и интересъ, который возбуждаетъ его отношеніе къ доктринамъ XVIII в., уступаютъ мѣсто совершенно иному впечатлѣнію, какъ скоро читатели остановятся на вопросѣ: какимъ способомъ объяснилъ Тэнъ ихъ происхожденіе, и въ какую связь

привелъ онъ ихъ съ общими историческими и культурными явленіями того времени? При ближайшимъ разслѣдованіи этого вопроса тотчасъ окажется, что Тэнъ не только объяснилъ невѣрно происхожденіе доктринъ XVIII вѣка, но сталъ при этомъ на совершенно не-научную почву, а вслѣдствіе этого погрѣшилъ противъ исторической справедливости при оцѣнкѣ разбираемыхъ имъ политическихъ и философскихъ идей.

Тэнъ утверждаетъ, что доктрины, породившія французскую революцію, были слѣдствіемъ взаимодѣйствія двухъ элементовъ,—результатовъ, добытыхъ математическими и естественными науками, и такъ-называемаго *классическаго духа*. Подъ классическимъ духомъ Тэнъ разумѣетъ извѣстное свойство французскаго ума, которое особенно начинаетъ проявляться съ половины XVII вѣка—наклонность къ обобщеніямъ и отвлеченнымъ разсужденіямъ, потребность ясности и логичности въ выраженіи и формулированіи идей въ ущербъ полнотѣ и разнообразію реальности. Уже самое названіе, подобранное Тэномъ для второго изъ его историческихъ элементовъ культуры XVIII вѣка—*классическій духъ*, приходится признать страннымъ и неудобнымъ. Оно вѣроятно объясняется тѣмъ, что этотъ духъ главнымъ образомъ и прежде всего отразился на той литературѣ французовъ, которую они привыкли называть классической. Но не говоря о томъ, что эпитетъ «классическій» подаетъ поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, нелогично обозначать духъ французской націи, отразившійся, по мнѣнію Тэна, на всѣхъ сферахъ духовной и политической жизни—словомъ, которое заимствовано изъ одной спеціальной области его проявленія — изящной литературы. Естественнѣе было бы съ точки зрѣнія Тэна называть этотъ духъ не *классическимъ*, а *салоннымъ*. Но кромѣ неудачно выбраннаго названія для классическаго духа, мы должны указать на сбивчивость, проявляющуюся въ описаніи этого историческаго явленія у Тэна. Краски и очертанія, которыми Тэнъ изображаетъ классическій духъ, а затѣмъ самый продуктъ его—доктрины XVIII вѣка,—постоянно сливаются и причина смѣшивается съ слѣдствіемъ.

Болѣе сильнаго упрека, чѣмъ тотъ, который заключается въ этихъ замѣчаніяхъ, заслуживаетъ объясненіе происхожденія доктринъ XVIII вѣка изъ взаимодѣйствія научныхъ результатовъ и классическаго духа. Это объясненіе является произвольнымъ уже потому, что совсѣмъ не доказано, почему классическій духъ, переработавшій результаты математическихъ и естественныхъ наукъ, породилъ основную доктрину о томъ, что наступило царство разума. Затѣмъ это объясненіе представляется какимъ-то искусствен-

нымъ и вычурнымъ построеніемъ, придуманнымъ для того, чтобы сгруппировать факты по предвзятой схемѣ и проложить путь извѣстнымъ тенденціямъ. Даже вторая книга, въ которой самые разнообразные факты политической, сословной и придворной жизни, факты, не рѣдко относящіеся къ различнымъ вѣкамъ, подведены подъ идею, что Франція представляла салонъ,—отличается нѣсколько искусственнымъ построеніемъ; но критикъ забываетъ объ этой искусственности въ виду того, что она помогла автору бросить яркій свѣтъ на изображаемое имъ общество и не помѣшала ему, несмотря на нѣкоторый *шаржъ*, остаться вѣрнымъ исторической правдѣ; въ третьей же книгѣ ея искусственное построеніе, желаніе провести черезъ все сочиненіе идею салоннаго вліянія, особенно содѣйствовали тому, что авторъ удалился отъ широкаго пути исторической дѣйствительности и науки, впалъ въ односторонности и упустилъ изъ вида самую существенную сторону своего предмета. Это послѣднее замѣчаніе касается одного изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ третьей книги Тэна. Всякій читатель ея, знакомый съ культурной исторіей XVIII вѣка, долженъ быть чрезвычайно пораженъ тѣмъ, что нигдѣ не встрѣчаетъ у Тэна научнаго термина, давно всѣми принятаго для обозначенія самаго характеристическаго свойства или отличія упомянутой эпохи. Это упущеніе тѣмъ болѣе странно, что не только главныя черты доктрины XVIII вѣка, анализированной Тэномъ, но и многія признаки описаннаго имъ классическаго духа, вполнѣ входятъ въ понятіе обозначаемое этимъ научнымъ терминомъ, и совершенно удовлетворительно имъ объясняются. Понятіе, усвоенное историческою наукою, которое мы здѣсь разумѣемъ—*раціонализмъ*.

Вся культура XVIII вѣка, какъ извѣстно, отмѣчена раціонализмомъ, т.-е. преобладаніемъ разума въ объясненіи и оцѣнки внутреннихъ и внѣшнихъ явленій человѣческой жизни и вытекающимъ отсюда разсудочнымъ настроеніемъ европейскаго общества. Вліяніе раціонализма было чрезвычайно разнообразно, и его послѣдствія далеко не одинаково плодотворны. Раціонализмъ прежде всего выражался въ философскомъ и научномъ стремленіи отыскать въ явленіяхъ ихъ разумную сторону, прослѣдить въ нихъ проявленія міроваго разума и опредѣлить долю участія разума въ продуктахъ духовной дѣятельности человѣка въ религіи, языкѣ, правѣ, этикѣ и въ политикѣ. Это стремленіе, овладѣвая наукою, стало выражаться въ теоріяхъ, разсматривавшихъ и объяснявшихъ всѣ эти явленія, исключительно, какъ продукты разума, признававшихъ за ними искусственный характеръ, представлявшихъ, напримѣръ, языкъ—собраніемъ звуковъ, принятыхъ

извѣстною группою людей по взаимному соглашенію для употребленія въ опредѣленномъ смыслѣ; религію—системами, которыя вымышлены жрецами для извѣстныхъ цѣлей; государство—договоромъ, заключеннымъ между собою первобытными людьми въ практическихъ видахъ. Развиваясь и проникая въ массы, раціонализмъ, конечно, мельчалъ и принялъ тотъ оттѣнокъ поверхностной разсудочности, въ которой, главнымъ образомъ, выразилась односторонность культуры XVIII вѣка.

Другое практическое послѣдствіе раціонализма заключалось въ томъ, что онъ привелъ къ привычкѣ критически относиться къ конкретнымъ явленіямъ, подвергать ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія разума или просто такъ-называемаго здраваго смысла, относиться скептически ко всему, что̀ имъ противорѣчило, отвергать и требовать уничтоженія все того, что̀ не вытекало непосредственно изъ разума. Наконецъ, въ связи съ этимъ находится третье, самое важное стремленіе, вытекавшее изъ раціонализма,—потребность въ реформахъ. Эта потребность то принимала болѣе практическій характеръ, выражаясь въ требованіи, чтобы конкретные продукты духовной дѣятельности человѣка—господствовавшая религія, исторически сложившееся право, государство—были преобразованы съ положеніями, выведенными изъ общечеловѣческаго разума—то, съ другой стороны, эта потребность въ реформахъ порождала чисто-теоретическія системы, попытки построить на основаніи отвлеченнаго разума идеальные универсальные типы этихъ явленій, которые противополагались конкретнымъ, проявившимся въ исторіи фактамъ. Отсюда возникла, такъ-называемая, разумная или естественная религія—деизмъ; къ этой же категоріи явленій относится попытка создать общечеловѣческій искусственный языкъ и различныя политическія схемы, начерченныя для отвлеченнаго, общечеловѣческаго государства.

Такимъ образомъ, раціонализмъ привелъ къ очень различнымъ, по своимъ достоинствамъ, результатамъ. Съ одной стороны, онъ ознаменовалъ собою и обусловливалъ великій прогрессъ цивилизаціи, породилъ системы и принципы, которыми всегда будетъ гордиться исторія человѣчества, съ другой—онъ далъ одностороннюю окраску просвѣщенію XVIII вѣка и вызвалъ много теоретическихъ заблужденій и практическихъ недоразумѣній, повлекшихъ за собою значительныя бѣдствія.

При громадномъ вліяніи раціонализма на всѣ отрасли духовной дѣятельности онъ имѣетъ важное значеніе для всякаго ученаго или образованнаго человѣка, чѣмъ бы онъ ни интересовался—философіей ли или педагогіей, богословіемъ, этикой, правомъ,

политическими теоріями, или наконецъ, просто исторіей. Но чѣмъ болѣе кто въ состояніи оцѣнить обширное значеніе раціонализма, тѣмъ строже долженъ онъ относиться къ Тэну за ту роль, которую онъ отвелъ этому явленію въ своей книгѣ. Не говоря уже о томъ, что Тэнъ нигдѣ не проводитъ необходимаго различія между истиной, лежавшей въ основаніи раціонализма, и заблужденіями, къ которымъ онъ привелъ, между благодѣтельными и вредными его послѣдствіями; но, что гораздо хуже, Тэнъ какъ будто забываетъ или не знаетъ объ универсальномъ значеніи раціонализма, нигдѣ не называетъ его настоящимъ именемъ и имѣетъ въ виду только его мѣстное проявленіе во Франціи и при этомъ ограничивается его одностороннимъ примѣненіемъ къ политикѣ. При такомъ не-научномъ отношеніи къ раціонализму Тэнъ, конечно, не могъ вѣрно объяснить его происхожденіе. Въ виду того мѣста, которое раціонализмъ занимаетъ въ обще-европейской культурѣ, увѣреніе Тэна, что онъ былъ продуктомъ «классическаго духа», должно быть признано просто наивнымъ, чтобы не сказать невѣжественнымъ. Какъ допустить, чтобы этотъ классическій духъ, по мнѣнію Тэна, продуктъ и забава досужей французской аристократіи, могъ вызвать идеи и образъ мысли, которые были знакомы всѣмъ европейскимъ народамъ, которые вообще присущи человѣку на извѣстной ступени его развитія? Какъ можно утверждать, что извѣстная манера думать и разсуждать породила ученіе, которое многими изъ лучшихъ мыслителей въ Европѣ было принято какъ новое евангеліе, т.-е. убѣжденіе, что религія, государство и общество должны преобразоваться согласно съ требованіями разума.

Та реалистическая манера, которую мы замѣтили у Тэна въ его попыткѣ объяснить происхожденіе историческаго строя Франціи,—та наклонность выводить великія, всемірныя событія изъ мелкихъ или мѣстныхъ причинъ, проявилась у автора и теперь и привела его къ еще болѣе крупнымъ ошибкамъ. Французскіе историки, избалованные тѣмъ, что ихъ народъ игралъ передовую роль въ исторіи европейской цивилизаціи, вообще слишкомъ склонны забывать объ обще-историческихъ явленіяхъ и процессахъ; но отъ Тэна, который своимъ сочиненіемъ объ англійской исторіи литературы доказалъ, что онъ не ограничивался изученіемъ одной только французской культуры, можно было бы ожидать, что онъ не впадетъ въ подобное заблужденіе. А между тѣмъ, именно онъ представилъ одно изъ самыхъ величественныхъ явленій въ исторіи человѣческаго духа, какъ мѣстный результатъ культуры извѣстнаго класса во Франціи! Такое всеобъем-

люще по своему вліянію явленіе, какъ раціонализмъ, можетъ быть понято и объяснено только въ связи съ общимъ развитіемъ европейской мысли. Можно сказать, что исторія раціонализма есть главный ключъ къ исторіи западно-европейской культуры.

Раціонализмъ, въ обширномъ смыслѣ этого понятія, основанъ на потребности объяснять высшіе интересы человѣка—религію, мораль, право, государство—посредствомъ чистаго разума, примирять ихъ съ его положеніями, согласовать ихъ съ его требованіями. Оттого причиною или основаніемъ раціонализма нужно признать разумъ, и исторія раціонализма совпадаетъ съ развитіемъ разума среди европейскихъ народовъ. Лишь только осѣло броженіе, вызванное переселеніемъ народовъ, лишь только былъ заложенъ первый фундаментъ для новой политической жизни, какъ проявились еще въ X вѣкѣ первые зачатки раціонализма. Что такое вся схоластика, которая можетъ указать въ своихъ рядахъ нѣсколько изъ самыхъ крупныхъ мыслителей, какъ не попытка согласовать или по крайней мѣрѣ примирить съ разумомъ религіозную систему, построенную католицизмомъ? И кто какъ не тотъ же разумъ былъ главнымъ союзникомъ реформы? А когда прошелъ религіозный кризисъ и половина западной Европы отложилась отъ католичества, то внутри протестантизма продолжалась та схоластическая работа мысли, которая пыталась согласить и примирить разумъ съ тѣми религіозными догматами, которые были извлечены реформой безъ посредства церковнаго преданія изъ новаго завѣта. Число этихъ догматовъ становилось все меньше; стѣнка, отдѣлявшая откровеніе отъ человѣческаго разума, становилась все тоньше, и нѣкоторыя изъ сектъ англійскаго протестантизма, пережившаго наиболѣе полный и логически послѣдовательный процессъ развитія, уже пришли почти къ отождествленію «внутренняго голоса», какъ источника откровенія, съ требованіями разума. Отсюда былъ одинъ только шагъ къ признанію разума источникомъ религіи и къ замѣнѣ откровенія разумомъ, т.-е. къ деизму и естественной религіи.

За все это время продолжался анализъ принциповъ этики и права, а также положительныхъ формъ государства съ точки зрѣнія естественнаго разума, который былъ провозглашенъ еще стоиками высшимъ авторитетомъ въ вопросахъ права и служилъ руководящей нитью для римскихъ юристовъ. Въ продолженіи средневѣковаго періода естественный разумъ служилъ главнымъ образомъ для *объясненія* и *подтвержденія* положительныхъ данныхъ, т.-е. догматовъ, выработанныхъ церковью, и политическихъ формъ, выработанныхъ исторіей; но въ XVII в. отношеніе разума

къ факту измѣняется. Окрѣпнувшій подъ вліяніемъ ренесанса и реформаціи, разумъ не удовлетворяется болѣе своимъ прежнимъ служебнымъ положеніемъ и провозглашаетъ себя самостоятельнымъ верховнымъ источникомъ истины; оттого XVII вѣкъ становится эпохой развитія спеціальной области разума—философіи.

Начало новаго періода въ исторіи разума было ознаменовано и вызвано провозглашеніемъ знаменитаго Декартовскаго принципа—cogito, ergo sum,—я мыслю, и потому я существую. Усомнившись въ достовѣрности всѣхъ своихъ понятій и убѣжденій, заимствованныхъ изъ преданія или воспитанія, французскій философъ успокоился на приведенномъ положеніи. Оно было несомнѣнно, и потому оно могло быть положено въ основаніе философской дедукціи, изъ которой вытекалъ рядъ понятій и идей, на этотъ разъ признанныхъ достовѣрными, такъ какъ они покоились на такомъ же основаніи. Но, провозглашая мысль человѣка, его самосознаніе, исходною точкою истины, а логическое сцѣпленіе мыслей единственнымъ средствомъ къ выработкѣ достовѣрныхъ истинъ, и признавая всѣ остальныя понятія истинами настолько, насколько они могли быть выведены этимъ путемъ, Декартъ устанавливалъ господство разума на всемъ обширномъ пространствѣ духовной дѣятельности человѣка, подчинялъ отвлеченному разуму всѣ потребности и функціи духа и всѣ источники познаній, и вручалъ разуму монополію истины.

Поэтому начало раціонализма въ собственномъ смыслѣ, т.-е. исключительное преобладаніе и одностороннее развитіе разумнаго, разсудочнаго элемента въ исторіи, просвѣщеніи и европейской культурѣ, нужно вести съ Декарта. Подобно тому какъ эпоху реформаціонную начинаютъ съ того момента, когда Лютеръ прибилъ свои богословскіе тезисы къ дверямъ виттенбергской церкви, такъ эпоху раціонализма, составляющую вторую половину новой исторіи, такъ какъ раціонализмъ представляетъ главный движущій элементъ этого періода,—нужно начинать съ 1637 года, когда появилось сочиненіе Декарта: «Discours de la méthode».

Дѣйствительно, въ этомъ сочиненіи уже заключаются какъ въ зародышѣ всѣ направленія и притязанія раціонализма, впослѣдствіи такъ широко и, можно прибавить, такъ мелко разлившагося. Декартовскій способъ выводить существованіе Бога изъ той идеи о Богѣ, которую человѣкъ находитъ въ себѣ какъ прирожденную, представляетъ достаточно твердое основаніе для самостоятельнаго развитія естественной религіи или деизма. А въ ученіи Декарта о двухъ субстанціяхъ—духѣ и матеріи—предначертанъ

весь ходъ развитія раціоналистическаго просвѣщенія. Если сущность матеріи, т.-е. всѣхъ физическихъ явленій, составляетъ протяженіе, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣмъ міромъ этихъ явленій, не исключая и жизни человѣческаго тѣла, управляютъ одни математическіе и механическіе законы. А если сущность духа есть мысль, то весь міръ духовныхъ явленій подчиненъ мышленію, разуму и законамъ логики.

Самое странное и непростительное упущеніе въ книгѣ Тэна, конечно, заключается въ томъ, что онъ не упоминаетъ о Декартѣ, что, говоря такъ подробно о разсудочномъ характерѣ французскаго образованія еще въ XVII вѣкѣ, о склонности французскаго общества къ отвлеченнымъ выводамъ, Тэнъ не называетъ того, кто имѣлъ наибольшее вліяніе на складъ ума и образованія французскаго общества въ эпоху Людовика XIV. Мы можемъ объяснить себѣ это упущеніе только тѣмъ аффектированнымъ пренебреженіемъ къ «метафизикѣ» и философіи, которое составляетъ слабую сторону многихъ современныхъ писателей, подражающихъ позитивистамъ. Но если это такъ, то такое пренебреженіе никогда не приносило подобныхъ печальныхъ плодовъ, какъ въ данномъ случаѣ. Если бы Тэнъ отвелъ Декарту принадлежащее ему мѣсто въ исторіи французскаго просвѣщенія, онъ, вѣроятно, не выступилъ бы съ своей гипотезой о «классическомъ духѣ» и объяснилъ бы болѣе правильно происхожденіе доктрины «о наступленіи царства разума», т.-е. по крайней мѣрѣ исторію раціонализма во Франціи. Но и это, конечно, было еще недостаточно. Разсматривая раціонализмъ какъ чисто французское явленіе, Тэнъ поставилъ весь вопросъ совершенно неправильно, и долженъ былъ придти къ невѣрнымъ результатамъ.

Правильная же постановка вопроса заключалась бы въ разрѣшеніи слѣдующихъ двухъ отдѣльныхъ задачъ. Необходимо было, сначала изучивши раціонализмъ какъ обще-европейское явленіе, отыскать общія причины, вызвавшія это явленіе въ европейской культурѣ, а затѣмъ нужно было прослѣдить судьбу раціонализма во Франціи, т.-е. указать тѣ мѣстныя причины и національныя особенности, которыя повліяли на его характеръ во Франціи и придали ему тамъ особенную силу и значеніе. Послѣдняго вопроса мы коснемся подробнѣе по поводу четвертой книги Тэна, теперь же обратимся къ другому элементу, породившему, по выраженію Тэна, подъ вліяніемъ классическаго духа, доктрины XVIII вѣка — къ такъ-называемому у него «acquis scientifique».

Мы должны прежде всего замѣтить, что это понятіе скваче-

но и проведено у Тэна не точно. Тэнъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ и, слѣдовательно, подводитъ подъ одну общую категорію «научныхъ пріобрѣтеній» — какъ научные факты и законы, расширившіе прочный запасъ нашихъ свѣдѣній о природѣ и о человѣкѣ, такъ и различныя обобщенія и теоретическія формулы въ родѣ, напримѣръ, той, что «органическая жизнь и человѣчество не что иное какъ плѣсень на поверхности земного шара». Подобныя формулы или взгляды, конечно, не вытекаютъ изъ *открытій* въ области математическихъ и естественныхъ наукъ, заключаютъ въ себѣ много произвольнаго и личнаго, и не могутъ быть признаны *научнымъ* пріобрѣтеніемъ. Другого рода неточность проистекаетъ у Тэна оттого, что онъ не различаетъ вліянія, оказаннаго на общество математическими и естественными науками. Между тѣмъ, вліяніе, обнаруженное этими двумя группами наукъ на европейскую культуру въ XVII и въ XVIII вѣкѣ, не совпадаетъ ни по времени, ни по своему свойству. Понятно, что это вліяніе должно быть очень различно уже потому, что познанія, добываемыя тѣми и другими науками, не въ одинаковой степени допускаютъ популяризацію и различные нравственные и практическіе выводы — главнымъ же образомъ потому, что эти науки слѣдуютъ противоположнымъ методамъ — одни дедуктивному, другія индуктивному. Первый изъ этихъ методовъ особенно благопріятенъ развитію раціонализма, второй, напротивъ, подрываетъ его своимъ вліяніемъ въ самомъ корнѣ.

Болѣе важное значеніе, чѣмъ это неточное опредѣленіе, имѣетъ другая ошибка Тэна. Преувеличивая, подобно другимъ историкамъ, примыкающимъ къ позитивизму, вліяніе точныхъ наукъ на ходъ развитія европейской культуры, Тэнъ невѣрно характеризовалъ это вліяніе. Что это вліяніе было значительно — это несомнѣнно и давно признано. Не даромъ даже авторы учебниковъ перечисляютъ въ своихъ курсахъ великія научныя «открытія», сдѣланныя въ новое время, но обыкновенно бываютъ въ затрудненіи, когда приходится указывать на непосредственное, «духовное» вліяніе этихъ открытій. Это обстоятельство давно должно было бы навести на мысль, что сила и характеръ вліянія точныхъ наукъ на убѣжденіе людей зависятъ не только отъ количества новыхъ свѣдѣній и важности сдѣланныхъ открытій, но еще болѣе отъ настроенія и направленія общества, опредѣляемыхъ степенью и свойствомъ образованія, господствующими теоріями и различными соціальными и политическими условіями. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно обратить вниманіе хоть только на то, какъ различно отражается вліяніе дарвинизма у

различныхъ современныхъ народовъ, напр., въ Англіи, Франціи или Россіи. Не менѣе поучительно различное вліяніе, которое имѣли точныя науки въ XVIII в. на литературу и убѣжденія людей среди различныхъ западныхъ народовъ.

Касаясь этого вопроса, Тэнъ сдѣлалъ такое же упущеніе, какое мы поставили на видъ по поводу исторіи раціонализма; онъ не обратилъ вниманія на громадное значеніе въ данномъ вопросѣ философіи XVII вѣка. Это тѣмъ болѣе странно, что для него, какъ для историка англійской литературы и какъ поклонника школы сенсуалистовъ, было бы въ данномъ случаѣ такъ же естественно вспомнить о Локкѣ, какъ о Декартѣ по поводу классическаго духа.

Дѣло въ томъ, что громадный переворотъ въ культурѣ XVIII вѣка совершился не столько подъ непосредственнымъ вліяніемъ математическихъ и естественныхъ наукъ, сколько подъ вліяніемъ господствовавшихъ философскихъ системъ и методовъ, которые служили проводниками этому вліянію. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить по этому вопросу въ слишкомъ большія подробности, и мы ограничимся указаніемъ на одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ въ этомъ отношеніи, на исторію матеріализма, который наложилъ такой отпечатокъ на культуру XVIII вѣка. Было бы ошибочно объяснять всѣ матеріалистическія теоріи XVIII вѣка прямымъ вліяніемъ естественныхъ наукъ. Матеріализмъ могъ быть, и часто бывалъ въ дѣйствительности, естественнымъ продуктомъ раціоналистической философіи, ибо составлялъ логическій выводъ изъ нѣкоторыхъ ея положеній, односторроннимъ образомъ развитыхъ. Уже одно изъ важнѣйшихъ положеній Декарта, что сущность матеріи есть протяженіе, и что поэтому всѣ физическія явленія, не исключая и животнаго организма, управляются непреложными механическими законами — представляла достаточно твердую почву для матеріалистическаго міровоззрѣнія. Въ самомъ ученіи Декарта это направленіе исключалось его строгимъ дуализмомъ между протяженіемъ и мышленіемъ, между матеріей и духомъ; но стоило только дать перевѣсъ въ умозрительной дедукціи первому элементу надъ вторымъ, чтобы приблизиться къ матеріализму. Любопытный примѣръ тѣсной, непосредственной связи между раціонализмомъ и матеріализмомъ представляетъ Толандъ. Этотъ родоначальникъ деизма, видоизмѣнивъ господствовавшее въ картезіанской философіи понятіе о матеріи и исходя отъ представленія, что матеріи присуще движеніе, пришелъ къ матеріализму въ своихъ воззрѣніяхъ на міръ, оставаясь деистомъ, т.-е. раціоналистомъ въ религіи.

Но главное посредствующее звено между раціонализмомъ и матеріализмомъ составляетъ философская система Локка, т.-е. эмпиризмъ, отъ котораго отправлялись французскіе сенсуалисты. Эмпиризмъ же, какъ философская теорія и какъ способъ мышленія, зародился не столько подъ вліяніемъ успѣховъ естественныхъ наукъ, сколько былъ отпрыскомъ общаго развитія философской мысли, дальнѣйшей ступенью въ исторіи разума. Эмпиризмъ явился противоположностью и противовѣсомъ раціонализму, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ развился непосредственно изъ него. Онъ былъ однимъ изъ путей, къ которымъ прибѣгала мысль, чтобы найти выходъ изъ рѣзкаго дуализма, установленнаго Декартомъ. Картезіанская философія поставила современному мышленію дилемму: или признать разумъ за исключительное основаніе истиннаго познанія и кончить философскимъ идеализмомъ, т.-е. отрицаніемъ реальной истины объективнаго міра; или же наоборотъ, какъ это сдѣлалъ Локкъ, признать *явленіе* основаніемъ истины и свести разумъ на степень орудія для добыванія истинныхъ познаній изъ міра явленій. Становясь основателемъ новой реалистической философіи, Локкъ, конечно, имѣлъ предшественниковъ; онъ могъ опираться и на Аристотеля, и на Бэкона; но зависимость и происхожденіе его эмпиризма отъ картезіанской философіи несомнѣнны; въ этомъ могутъ убѣдить насъ и общій ходъ его выводовъ, и его полемика противъ «прирожденныхъ идей» картезіанцевъ, и значеніе, которое онъ сохранилъ за Декартовскимъ понятіемъ субстанціи, и, наконецъ, то важное мѣсто, которое онъ предоставилъ разуму, какъ второстепенному источнику познаній. Послѣдователи же Локка на французской почвѣ, продолжая удаляться отъ Декарта, еще болѣе принизили значеніе разума какъ источника познаній и, превративъ его въ раба чувственнаго ощущенія, ограничили его роль лишь чисто формальною дѣятельностью; такимъ образомъ, они сохранили отъ раціонализма одинъ только разсудочный методъ и догматичность и, пересадивъ ихъ на почву эмпиризма, дали ему матеріалистическій характеръ, т.-е. превратили его въ сенсуализмъ.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что сенсуализмъ и вообще матеріализмъ французской культуры во второй половинѣ XVIII вѣка были порождены не столько успѣхами точныхъ наукъ, по крайней мѣрѣ, не были необходимымъ ихъ послѣдствіемъ, а были результатомъ умственнаго движенія, отправлявшагося отъ господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ философскихъ системъ, и только питались крохами современной науки.

Конечно, связь между философіей и наукою была взаимная,

и было бы странно отрицать вліяніе, которое имѣла разработка математическихъ и естественныхъ наукъ на ходъ и развитіе философской мысли. Но какъ бы мы высоко ни цѣнили это вліяніе, оно не оправдываетъ того преувеличенія и той односторонности, въ которыя впалъ Тэнъ, опредѣляя культуру и доктрины французскаго общества въ XVIII вѣкѣ результатомъ точныхъ наукъ, разработанныхъ и видоизмѣненныхъ при посредствѣ классическаго духа. Даже если мы исправимъ и расширимъ послѣднее понятіе и будемъ подразумѣвать подъ нимъ раціонализмъ въ обширномъ смыслѣ, то и въ этомъ случаѣ положеніе Тэна будетъ невѣрно; ибо очевидно, что самыя главныя и характеристическія явленія культуры XVIII вѣка—деизмъ, естественная религія, естественное право теоріи о верховенствѣ народа и объ общественномъ договорѣ, идеи терпимости и филантропіи, т.-е. именно важнѣйшія идеи и стимулы умственной жизни того времени, не были продуктомъ, выроощеннымъ на почвѣ математическихъ и естественныхъ наукъ.

Такимъ образомъ, основная идея третьей книги Тэна, послужившая ему красною нитью, на которую онъ нанизалъ рядъ тонкихъ и мѣткихъ замѣчаній и блестящихъ литературныхъ характеристикъ—не что иное, какъ вычурное и претенціозное искаженіе одного изъ важнѣйшихъ и яснѣйшихъ фактовъ новой исторіи, а именно—того факта, что послѣ реформаціоннаго періода, когда религіозное чувство было преобладающимъ стимуломъ исторической жизни, европейская культура подпадаетъ подъ вліяніе двухъ новыхъ началъ и силъ—разума и науки, которыхъ можно назвать новыми въ томъ именно смыслѣ, что они не только получаютъ въ это время самостоятельное значеніе, но стремятся къ исключительному господству и этимъ даютъ культурѣ XVIII вѣка индивидуальный колоритъ, обозначаемый терминомъ «эпоха просвѣщенія». Съузивъ понятія науки, ограничивъ ее областью математическихъ и естественныхъ наукъ и въ то же время преувеличивъ ея общее вліяніе, Тэнъ, съ другой стороны, совершенно не понялъ значеніе другого начала, овладѣвшаго европейской культурой, и вслѣдствіе этого невѣрно характеризовалъ и оцѣнилъ и самую культуру XVIII вѣка. Сведши разумъ и его продуктъ—раціонализмъ—на случайный фактъ—причудливое свойство французскаго ума, обусловленное искусственнымъ ненормальнымъ строеніемъ французскаго общества, Тэнъ и въ культурѣ XVIII вѣка замѣтилъ только ея уродливыя, патологическія черты, ея увлеченія и заблужденія, но не понялъ ея великой, *разумной* стороны. Пренебреженіе къ философіи, къ началу разума вслѣд-

стіе поклоненія положительнымъ знаніямъ увлекло Тэна до того, что онъ забылъ о плодотворныхъ *принципахъ*, которые культура XVIII вѣка завѣщала исторіи. Такое искаженіе культуры XVIII вѣка, особенно непростительное для француза, такъ какъ Франція тутъ играла главную роль, обусловливается у Тэна не *ошибкой* изслѣдователя, заявившаго въ началѣ своего труда, что онъ обращается къ исторіи безъ предвзятыхъ теорій; нѣтъ, это искаженіе объясняется именно теоретическими убѣжденіями историка, школою, къ которой онъ примыкаетъ. Но объ этихъ убѣжденіяхъ Тэна удобнѣе будетъ говорить по окончаніи обзора его труда, и мы теперь перейдемъ къ четвертой книгѣ его сочиненія.

VII.

Четвертая книга непосредственно примыкаетъ къ третьей, подобно тому, какъ вторая составляетъ дополненіе первой. Историку XVIII вѣка недостаточно характеризовать господствовавшую доктрину и указать на ея заблужденія: ему нужно объяснить, почему она имѣла такой успѣхъ въ обществѣ. Эту задачу Тэнъ исполняетъ въ четвертой книгѣ, гдѣ онъ разсматриваетъ распространеніе доктрины въ литературѣ, среди аристократіи и, наконецъ, среди буржуазіи или третьяго сословія.

При этомъ изслѣдованіи распространенія доктрины Тэномъ опять устанавливается тѣсная связь между общественнымъ строемъ французскаго народа и его духовнымъ настроеніемъ; здѣсь опять пригодились Тэну салоны. Онъ показываетъ, какъ, благодаря господству свѣтскаго общества, философы пишутъ исключительно для него, какъ они въ виду этой цѣли выработываютъ популярный методъ изложенія и придаютъ своимъ сочиненіямъ ту пикантность и веселость, которыя составляютъ отличительную черту французской литературы прошлаго вѣка. Эти свойства литературныхъ произведеній обезпечиваютъ имъ вѣрный успѣхъ среди свѣтскаго общества, а авторамъ доставляютъ доступъ въ салоны, которые вслѣдствіе этого еще болѣе подчиняются вліянію литературы.

Но всего этого недостаточно для того, чтобы объяснить успѣхъ самыхъ доктринъ, распространяемыхъ философами среди привилегированныхъ классовъ. Въ Англіи подобныя идеи были также нѣкоторое время очень популярны среди высшаго общества, но послѣднее очень скоро отвернулось отъ нихъ. Англійская аристократія,—говоритъ Тэнъ,—стала консервативной потому, что

была практически занята. Французская аристократія увлекалась новыми идеями, потому что была оторвана правительствомъ отъ соотвѣтствующей ей практической дѣятельности; скептическая философія была необходима въ салонахъ потому, что безъ нея бесѣда была бы вяла и безцвѣтна. Къ скептицизму скоро присоединилось фрондёрство, которое всегда развивается тамъ, гдѣ обществу приходится оставаться безучастнымъ зрителемъ правительственныхъ дѣйствій.

Удачно подобранными фактами и цитатами изъ литературы XVIII вѣка Тэнъ набрасываетъ наглядную картину постепенно развивавшейся оппозиціи среди французской аристократіи въ области религіи и въ области политической.

Переходя къ третьему сословію, Тэнъ объясняетъ экономическими причинами переворотъ, происшедшій въ настроеніи этого сословія, которое прежде отличалось узкостью воззрѣній и было поглощено исключительно профессіональными интересами. Третье сословіе быстро богатѣло, а потому приходило все чаще въ соприкосновеніе съ правительствомъ, которое нуждалось въ деньгахъ для своихъ поставокъ и разныхъ предпріятій, особенно для пополненія своего бюджета займами.

Дурное финансовое управленіе, постоянная денежная неисправность правительства, дефицитъ и частыя банкротства, причиняя громадные убытки буржуазіи, вызвали въ ней, наконецъ, недовѣріе и неудовольствіе. Въ то же время буржуазія перенимала нравы и образъ жизни аристократіи; но если различіе между классами, такимъ образомъ, по внѣшнему виду и стушевывалось, то привилегіи оставались въ силѣ по прежнему, вызывая раздраженіе и вражду буржуазіи противъ стараго порядка.

На такую-то почву пали идеи Руссо. Тэнъ мѣтко подмѣчаетъ тѣ черты писателя, которыя должны были вызвать особую симпатію «плебеевъ» къ этому «плебею». Подъ его вліяніемъ третье сословіе стало отождествлять себя съ народомъ, увѣровало въ свое неотъемлемое право на верховную власть и въ свою очередь заявило, подобно Людовику XIV, — «государство — это я!» Такое властолюбіе сопровождалось не только экзальтаціей и утопическими бреднями, но и большимъ невѣжествомъ. Очень поучительны у Тэна тѣ страницы, гдѣ онъ описываетъ, какого рода образованіе давали тогдашнія школы и университеты, изъ которыхъ ученики не выносили ничего, кромѣ латинскихъ обрывковъ (bribes), и гдѣ онъ показываетъ, какъ пренебреженіе въ преподаваніи исторіи предрасполагало общество ко всякимъ отвлеченнымъ революціоннымъ теоріямъ.

Какъ третья книга, такъ и эта богата умными замѣчаніями и художественно-написанными страницами: особенно выдаются блестящія литературныя характеристики главныхъ четырехъ писателей XVIII вѣка—Вольтера, Монтесвье, Дидерота и Руссо. Но что касается до послѣдняго, то нужно сказать, что Тэнъ не вполнѣ справедливъ; замѣчаніе наше относится не къ характеристикѣ личности Руссо у Тэна, а его ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣдко смыслъ ученія и формы его до такой степени обусловливались личностью и особенно нравственными недостатками писателя, какъ у Руссо; но изъ-за этого не слѣдуетъ забывать объ абсолютномъ и историческомъ значеніи этого ученія, какъ это дѣлаетъ Тэнъ; далѣе, популярность этого ученія, конечно, отчасти объясняется тѣмъ, что индивидуальная злоба и личныя антипатіи этого литературнаго трибуна нашли себѣ отголосокъ въ злобѣ и антипатіяхъ массы его читателей; но настоящая главная причина популярности Руссо не только во Франціи, но во всѣхъ европейскихъ странахъ, находившихся въ самыхъ различныхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ, заключалась въ универсальныхъ, общечеловѣческихъ сторонахъ его ученія. Только послѣдними можно объяснить, напр., восторженное поклоненіе Руссо со стороны лучшихъ умовъ Германіи—достаточно назвать Канта, и, конечно, не мотивами французской буржуазіи руководился молодой Шиллеръ, когда ставилъ Руссо на ряду съ Сократомъ:

Rousseau—der aus Christen Menschen wirbt.

Причина односторонней оцѣнки ученія Руссо у Тэна, конечно, та, что онъ обратилъ исключительное вниманіе на ошибки и недостатки французской культуры XVIII вѣка, а не на разумную ея сторону, а это произошло оттого, что онъ вздумалъ, какъ мы указали, объяснять ея происхожденіе только мѣстными и случайными причинами, игнорируя общія и разумныя.

Этотъ капитальный недостатокъ третьей книги проходитъ и черезъ всю четвертую и придаетъ ей ложное, одностороннее направленіе. Упустивъ изъ вида, что раціонализмъ, т.-е. наклонность выводить все изъ разума и строить все—религію, право и государство на началахъ отвлеченнаго разума—былъ естественнымъ фазисомъ въ исторіи умственнаго движенія Европы, Тэнъ не былъ въ состояніи правильно объяснить, почему этотъ раціонализмъ имѣлъ такой практическій успѣхъ во Франціи, тогда какъ въ Англіи его пора быстро прошла; почему онъ во Франціи изъ мыслительнаго пріема превратился въ нравственный постулатъ; почему требованія реформировать все существующее на

основаніи разума охватило литературу, аристократію, бюрократію, все образованное общество и, наконецъ, проникло даже въ нечитающіе слои народа,—тогда какъ въ Англіи раціоналистическіе выводы никогда не переходили на почву общественнаго требованія. При разрѣшеніи этого вопроса мы опять замѣчаемъ у Тэна его реалистическій пріемъ, его *утилитаризмъ*, заставляющій его при объясненіи историческихъ явленій довольствоваться указаніемъ на какой-нибудь чисто *практическій мотивъ*.

Но причина, почему судьба раціонализма въ Англіи была иная, чѣмъ во Франціи, конечно, заключается не въ томъ, что англійская аристократія, практически занятая, вскорѣ отвернулась отъ утопій; ее нужно искать, во-первыхъ, въ умственномъ складѣ всего англійскаго народа; во-вторыхъ, въ строѣ англійскаго государства. Держась въ практической жизни всегда преданія и стараясь новыя потребности прилаживать къ старому, англичане не могли сочувствовать принципіальному, логическому переустройству существующаго. Что же касается до области теоріи, то эмпирическій методъ, къ которому особенно склонны англичане, и который въ XVIII вѣкѣ сдѣлался такъ популяренъ въ Англіи, благодаря вліянію и авторитету Локка, прямо противоположенъ раціоналистическому, и послѣдній всегда былъ антипатиченъ складу англійскаго ума. Раціонализмъ въ Англіи имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. въ области религіи, особенно вслѣдствіе политическихъ причинъ. Извѣстно, какой могущественной союзницей монархическихъ и консервативныхъ тенденцій явилась епископальная церковь въ эпоху Стюартовъ. Послѣ революціи 1688 года и торжества Вильгельма Оранскаго, оппозиція противъ новаго правительства и реакція, т.-е. тогдашніе легитимисты—приверженцы изгнанныхъ Стюартовъ и вообще консерваторы,—опять-таки опирались на доктрины этой церкви и крайнихъ ея приверженцевъ. Вслѣдствіе этого политическій либерализмъ подалъ руку раціонализму въ области религіи; либеральные элементы епископальной церкви вдались въ такъ-называемый латитудинаризмъ, столь пропитанный раціонализмомъ, а глава деистовъ, Толандъ, нашелъ радушный пріемъ у членовъ ганноверскаго дома, претендовавшаго на престолъ Англіи. Но когда миновала опасность, грозившая протестантизму и либеральной аристократической конституціи со стороны приверженцевъ Стюартовъ, когда новая ганноверская династія укрѣпилась на престолѣ, а съ нею водворилось владычество виговъ,—тогда раціонализмъ утратилъ значеніе какъ практическое средство, и заигрываніе съ деизмомъ скоро замѣнилось реакціей религіознаго

чувства, которая выразилась, съ одной стороны, въ громадномъ успѣхѣ новой секты методистовъ, съ другой—примиреніемъ образованнаго англійскаго общества съ господствовавшей церковью.

Что же касается до политическаго раціонализма въ Англіи, который такъ процвѣталъ тамъ въ XVII вѣкѣ, въ эпоху революціи, то онъ совершенно заглохъ въ XVIII вѣкѣ, по неимѣнію подъ собой почвы—а это было слѣдствіемъ того, что образованное и мыслящее общество было удовлетворено результатами обѣихъ революцій 1640 и 1688 года, доставившихъ странѣ религіозную и политическую свободу и вручившихъ правительственную власть господствовавшему классу—аристократіи. Аристократія руководила обществомъ и можно сказать составляла главную часть его, такъ какъ въ ея рукахъ было мѣстное самоуправленіе, она занимала преобладающее положеніе въ церкви, она своимъ вліяніемъ на выборахъ составляла парламентъ; съ другой же стороны, она управляла государствомъ, назначала, посредствомъ парламентскаго большинства, министровъ и, такимъ образомъ, не было никакого разлада между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ и никакой оппозиціи въ принципахъ. И такъ какъ въ то же время аристократія управляла государствомъ въ интересахъ страны и была популярна, то и въ обществѣ не было никакой оппозиціи противъ нея, а если и существовали въ Англіи интересы, противоположные интересамъ аристократіи, то они не находили для своего выраженія довольно сильныхъ отголосковъ въ общественномъ мнѣніи и въ литературѣ. Только тамъ, гдѣ, наконецъ, проявился сильный контрастъ въ интересахъ и притязаніяхъ между обществомъ и правительствомъ, гдѣ сложилось общество на иныхъ—демократическихъ—началахъ, въ колоніяхъ, политическій раціонализмъ нашелъ себѣ снова пищу, и первое примѣненіе его на практикѣ находимъ мы въ декларацій, которой Сѣверо-Американскіе Штаты ознаменовали свое отпаденіе отъ метрополіи.

Все, что въ Англіи мѣшало развитію раціонализма, во Франціи, напротивъ, содѣйствовало его усиленію и придавало ему практическое значеніе, т.-е., во-первыхъ, складъ ума и характеръ народа, во-вторыхъ, характеръ церкви и строй общества и государства. Тутъ-то, при разсмотрѣніи причинъ, обусловливавшихъ успѣхъ раціонализма во Франціи, было настоящее мѣсто для многихъ замѣчаній, которыя Тэнъ подвелъ подъ рубрику «классическаго духа». Нѣтъ сомнѣнія, что ничто не благопріятствовало въ такой степени раціонализму, какъ разсудочный складъ французовъ, ихъ способность къ отвлеченному мышленію и де-

дукціи (и къ математикѣ), ихъ страсть къ обобщеніямъ (idées générales) и яснымъ догматическимъ формуламъ, наконецъ, ихъ наклонность къ ораторству и патетичности. Послѣднія свойства находили себѣ благопріятную почву въ салонахъ, и нужно признать значительной заслугой Тэна, что онъ указалъ на громадное вліяніе салоновъ, начиная съ XVII вѣка, и выставилъ на видъ глубокую внутреннюю связь между раціоналистической доктриной XVIII вѣка и между свойствами французскаго языка и характеромъ классической литературы въ XVII вѣкѣ. Однако и въ послѣднемъ отношеніи Тэнъ слишкомъ увлекся своей любимой тэмой—провести повсюду мысль о вліяніи аристократическаго салона на культуру «стараго порядка». Развѣ риторическій духъ, которымъ отмѣчены языкъ и литература эпохи салоновъ, не проявился уже въ литературныхъ произведеніяхъ средневѣковой Франціи и даже раньше, въ латинской литературѣ, процвѣтавшей въ Галліи въ эпоху паденія римской имперіи?

Какъ бы то ни было, характеристика французскаго ума въ XVII вѣкѣ, его наклонность къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и обобщеніямъ, его потребность ясности и логичности, въ ущербъ полнотѣ и разнообразію реальности, и вліяніе этого ума на языкъ и литературу превосходно проведено у Тэна, и относящіеся сюда страницы вполнѣ достойны этого наблюдательнаго историка литературы; но изложеніе его вышло неполное оттого, что онъ ограничился литературной стороной дѣла и не коснулся вліянія, оказаннаго на доктрины XVIII вѣка религіознымъ и политическимъ состояніемъ Франціи. Тэнъ кое-гдѣ упоминаетъ о религіи въ до-революціонной Франціи, но нигдѣ не говоритъ о послѣдствіяхъ того, что этою религіею былъ именно католицизмъ, а между тѣмъ вліяніе католицизма особенно и отразилось на умственномъ движеніи Франціи. Католицизмъ былъ главной опорой феодальнаго строя, главной преградой всякимъ либеральнымъ реформамъ. Послѣ того, какъ протестантизмъ былъ побѣжденъ, а галликанство и янсенизмъ подавлены ультрамонтанствомъ, всѣ оппозиціонные элементы бросились на раціонализмъ; еще важнѣе было то, что раціонализмъ этотъ не могъ сдѣлаться прогрессивнымъ принципомъ богословія, какимъ онъ былъ въ протестантскихъ странахъ, а долженъ былъ принять исключительно отрицательное направленіе по отношенію къ господствовавшей надъ обществомъ и государствомъ религіи.

Но не одною только неуступчивостью своею, не однимъ отрицательнымъ своимъ вліяніемъ содѣйствовалъ католицизмъ революціи. Участіе его выразилось также болѣе непосредственнымъ

образомъ. Католицизмъ дѣйствовалъ во Франціи то въ союзѣ съ государственной властью, то стоялъ въ оппозиціи къ ней, когда она касалась его интересовъ. Эти двѣ тенденціи французскаго католицизма выразились, въ XVIII вѣкѣ, въ двухъ противоположныхъ партіяхъ,—галликановъ и іезуитовъ. Галликанство допускало извѣстное подчиненіе французской церкви вліянію государства. Іезуитизмъ же требовалъ подчиненія государства и искалъ господства надъ нимъ всѣми возможными способами. Съ этой цѣлью іезуиты въ XVII вѣкѣ держались теоріи цареубійства; съ этой же цѣлью они съ того же времени въ своихъ школахъ развивали и распространяли ученіе о верховенствѣ народа. Чѣмъ болѣе французская монархія, къ концу XVIII вѣка, склонялась къ либеральнымъ реформамъ, тѣмъ болѣе все католическое духовенство стало сочувствовать революціоннымъ идеямъ: либеральная часть его, увлеченная общимъ потокомъ времени; а ультрамонтаны — изъ ненависти къ либеральнымъ тенденціямъ, начинавшимъ преобладать въ правительственныхъ сферахъ.

Подобно тому, какъ неуступчивость католицизма должна была придать раціонализму болѣе острый характеръ, такъ упорство, съ которымъ держались остатки феодальнаго строя, должно было содѣйствовать развитію раціонализма въ области политики и противопоставлять привилегіямъ—«права человѣка». Провозглашеніе отвлеченныхъ принциповъ для борьбы съ существующими злоупотребленіями, или даже просто практическими затрудненіями— было во Франціи не только дѣломъ оппозиціи противъ правительства, исходило не только отъ общества и литературы, но — чтó особенно характеристично — исходило отъ самой государственной власти. Одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ книги Тэна заключается въ томъ, что онъ ничего не сказалъ о революціонномъ раціонализмѣ французской бюрократіи. Несмотря на кажущуюся неподвижность французской монархіи на пути реформъ, черезъ весь XVIII вѣкъ тянется глухая агитація правительственныхъ óргановъ — отъ министра до помощника интенданта — противъ стараго порядка, и чѣмъ ничтожнѣе результаты этихъ либеральныхъ попытокъ, тѣмъ радикальнѣе становятся идеи, тѣмъ ожесточеннѣе языкъ французскихъ бюрократовъ. Бюрократическіе кружки въ централизованномъ государствѣ всегда охотно руководятся отвлеченными принципами, и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ меньше они знаютъ дѣйствительность; они всегда наклонны облекать эти принципы въ такія фразы, практическій смыслъ и логическія послѣдствія которыхъ они не привыкли взвѣшивать. Но для французской бюрократіи политическій раціонализмъ и

радикальная фразеологія были не только профессіональной чертой, но и естественнымъ орудіемъ борьбы. Многое было уже сказано о вліяніи французской литературы на французское правительство, о томъ, какъ риторическій и возбужденный языкъ кабинетныхъ философовъ, не знавшихъ практической жизни, перешелъ къ министрамъ и чиновникамъ, и отразился на королевскихъ декретахъ и министерскихъ циркулярахъ; но не лишнимъ было бы прослѣдить обратное вліяніе и показать, какъ борьба правительственныхъ органовъ съ феодальными привилегіями и мѣстными особенностями, какъ вѣковое стремленіе къ централизаціи и абсолютизму пропитали французскую литературу отвлеченными идеями и звучными фразами—раціонализмомъ и радикализмомъ.

Нужно всегда имѣть въ виду, что вся ея исторія пріучила Францію къ переустройству существующаго во имя отвлеченныхъ юридическихъ и политическихъ идей. Въ Англіи всякая реформа заключалась въ сдѣлкѣ, въ частномъ договорѣ между элементами общества; всякій законодательный актъ былъ слѣдствіемъ соглашенія трехъ самостоятельныхъ властей. Во Франціи реформы и законодательство рѣдко были основаны на принципѣ пользы и практической цѣлесообразности, а проистекали изъ принципа права и власти, и правительство въ своей борьбѣ съ феодальными властями привыкло руководиться главнымъ образомъ соображеніями общаго государственнаго характера, опираясь при этомъ то на идею монархическаго абсолютизма, извлеченнаго изъ позднѣйшаго римскаго права,—то на идею божественной монархіи, извлеченной изъ ветхаго завѣта. Когда же въ XVIII вѣкѣ представительница и хранительница государственной идеи—королевская власть—оказалась безсильной, чтобъ сломить феодальный строй, чтобъ восторжествовать надъ сословными и мѣстными привилегіями и провести не только въ администраціи, но и въ финансовой системѣ, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, въ землевладѣніи, въ судопроизводствѣ, въ арміи и въ церкви,—новыя политическія и юридическія начала; тогда потребовалось новое усиленіе государственной власти, *потенцированная* идея государства—и она нашлась въ извѣстномъ съ среднихъ вѣковъ представленіи о *верховенствѣ народа*. Идея верховной власти народа встрѣчается въ литературѣ всѣхъ западныхъ народовъ, знакомыхъ съ римскимъ правомъ, но нигдѣ она не могла найти себѣ такой плодотворной почвы, какъ тамъ, гдѣ привыкли, чтобъ историческое право, преданіе и частные интересы уступали государственной власти, опиравшейся на отвлеченное начало.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы старались показать, какимъ образомъ идея верховной власти народа явилась естественнымъ выходомъ изъ того *политическаго тупика*, въ которомъ оказалась Франція въ XVIII вѣкѣ, и что только во имя этой идеи могло осуществиться окончаніе государственнаго зданія, которое короли Бурбонской династіи были не въ силахъ достроить,—только во имя этой идеи могло совершиться политическое и общественное объединеніе французскаго народа. На эту идею ссылались и къ ней взывали всѣ, которые были недовольны существовавшимъ положеніемъ и требовали расширенія своихъ полномочій,—и католическое духовенство, и приверженцы монархическаго конституціоннаго государства, какъ Мирабо, и приверженцы абсолютной демократіи, какъ Сіесъ, и, наконецъ, весь tiers-état, т.-е. все, что стояло внѣ привилегій. А эта идея, если ее взять совершенно отвлеченно, представляетъ собою квинтъ-эссенцію политическаго раціонализма и радикализма. Изъ нея, если ее взять съ точки зрѣнія заключающагося въ ней представленія о массѣ, о числѣ,— естественно вытекаетъ ариѳметическое государство Руссо со всѣми его политическими послѣдствіями; если же взять эту идею съ точки зрѣнія заключающагося въ ней представленія абсолютнаго права этой массы, то отсюда вытекаетъ оправданіе крайняго соціальнаго радикализма. Характеристично для Тэна и его чисто-литературныхъ пріемовъ, которые не восполняются знакомствомъ съ юридическими и политическими элементами исторической науки, — то обстоятельство, что въ его сочиненіи, въ которомъ онъ намѣренъ объяснить происхожденіе и характеръ французской революціи, онъ только вскользь упоминаетъ о значеніи идеи верховной власти народа.

Сущность взгляда на революцію, проведеннаго Тэномъ въ разсматриваемой нами книгѣ, высказалась уже во внѣшней формѣ этого сочиненія, въ группировкѣ собраннаго въ немъ матеріала. Изученіе «народа» отдѣлено отъ изученія привилегированныхъ сословій,—этого міра салоновъ, среди которыхъ возникли и вращались доктрины XVIII вѣка,—и народу посвящается особая, пятая книга. Уже эта самая рамка должна навести читателя на мысль, что верхній и нижній слой французскаго народа, образованный классъ и необразованный, были чужды другъ другу, что міръ салоновъ не зналъ народа и не понималъ его. Такое выдѣленіе «народа» изъ народа, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь, повлекло за собою нѣкоторыя неудоб-

[1]) Сборникъ Государственныхъ Знаній, III.

ства. Въ первыхъ книгахъ шла рѣчь о «привилегированныхъ»; Тэнъ ихъ перечисляетъ, и опредѣляетъ ихъ число въ 270,000, разумѣя здѣсь дворянство и духовенство; въ послѣдней же книгѣ онъ имѣетъ въ виду преимущественно сельское населеніе и особенно сельскій пролетаріатъ; при этомъ у читателя естественно зарождается вопросъ: куда же дѣлся между этими двумя крайностями французскій народъ съ его 26 милліонами?

Послѣдняя глава 4-й книги, правда, касается такъ-называемаго третьяго сословія, но какъ неравномѣрно распредѣлено вниманіе историка! Цѣлыя двѣ книги посвящены дворянству и духовенству; 3-я и 4-я книги—литературѣ и ея вліянію на общество,—и только по поводу послѣдней рубрики Тэнъ говоритъ о третьемъ сословіи, посвящая этому важнѣйшему дѣятелю революціи какихъ-нибудь 30 страницъ изъ 400! Но и здѣсь, разсматривая распространеніе доктрины XVIII вѣка среди третьяго сословія, Тэнъ разумѣетъ преимущественно капиталистовъ и людей богатыхъ, которые своимъ образомъ жизни и нравами примыкали къ дворянству и большею частью принадлежали сами къ привилегированному классу. Между тѣмъ извѣстно, что французская буржуазія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была не только главной виновницей революціи, но самый ходъ послѣдней опредѣлился понятіями и интересами этого класса, который главнымъ образомъ воспользовался ея результатами въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Это важное упущеніе въ книгѣ Тэна,—который подводитъ читателя къ революціи, познакомивши его лишь съ декораціями и второстепенными актерами пьесы, пропустивъ главнаго актера,—объясняется уже самой рамкой, избранной историкомъ для своей картины. Симметричное построеніи книги, которое такъ нравится при первомъ впечатлѣніи, оказалось слишкомъ искусственнымъ. Читатель имѣлъ предъ собою изображеніе привилегированныхъ классовъ, публики салоновъ, затѣмъ изложеніе философскихъ и политическихъ доктринъ, выработавшихся въ салонахъ, — и, наконецъ, въ эпилогѣ является дикая, необразованная и угнетенная масса, которая посвоему поняла салонныя доктрины и доказала ихъ несостоятельность. При такомъ распредѣленіи матеріала, въ книгѣ не было мѣста для «французскаго народа», какъ этнографической и исторической индивидуальности, которая сложилась подъ оболочкой старинныхъ феодальныхъ формъ и независимо отъ сословныхъ и имущественныхъ различій.

Но указанный нами недостатокъ не былъ только случайнымъ результатомъ задуманнаго историкомъ плана его сочиненія: онъ

вытекаетъ изъ основной точки зрѣнія Тэна, изъ реалистическаго и утилитарнаго метода, который схватываетъ только внѣшніе признаки и отдѣльныя части описываемаго предмета, игнорируя идею цѣлаго и его органическое развитіе. Подобно тому, какъ средневѣковая церковь сводится у Тэна на услуги, оказанныя римскимъ духовенствомъ варварскому обществу, какъ государство представляется ему учрежденіемъ, построеннымъ на принципѣ взаимной пользы, такъ народъ является у него аггрегатомъ отдѣльныхъ, составляющихъ его классовъ, и самая революція заключается для него въ случайномъ столкновеніи одностороннихъ идей и разнузданной грубой физической силы (force brute). Познакомить читателя съ этой темной силой и есть задача пятой книги, озаглавленной: «le Peuple».

г

VIII.

Мы уже замѣтили, что подъ «peuple» Тэнъ разумѣетъ преимущественно сельское населеніе Франціи, и только вскользь онъ говоритъ о бѣдномъ классѣ въ городахъ. Самое описаніе сельскаго населенія вышло у Тэна, какъ мы увидимъ, сбивчиво и односторонне вслѣдствіе того, что онъ пользовался для него преимущественно красками, заимствованными изъ быта сельскаго пролетаріата. «Бѣдность народа»—такъ обозначаетъ Тэнъ ту картину, которую онъ развертываетъ передъ читателемъ въ первой главѣ. Тэнъ полагаетъ, что къ концу царствованія Людовика XIV отъ бѣдности и голода погибло около $^1/_3$ всего населенія, т.-е. 6 мил., и что затѣмъ въ теченіи 40 лѣтъ оно не увеличилось!

Тэнъ коснулся здѣсь одного изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ для исторіи Франціи, но нельзя сказать, чтобы онъ его рѣшилъ удовлетворительно. Дѣло въ томъ, что со второй половины царствованія Людовика XIV начинаютъ проявляться признаки обѣдненія Франціи и уменьшенія ея населенія. Эти признаки обнаруживаются и въ XVII в., между тѣмъ къ концу этого вѣка страна оказывается богатой и хорошо населенной. Какъ глубокъ и продолжителенъ былъ процессъ истощенія и когда онъ прекратился,—вотъ основные вопросы, которые необходимо рѣшить историку, если онъ не желаетъ объяснять матеріальную и духовную силу Франціи во время революціи какимъ-то чудомъ. Разгадка вѣроятно заключается въ томъ, что процессъ истощенія, который одни писатели преувеличиваютъ, а другіе отрицаютъ,

не былъ ни постояннымъ, ни повсемѣстнымъ, т.-е. что онъ вообще ограничивался извѣстными тяжелыми годами; при этомъ нѣкоторыя области, какъ, наприм., Солонья, превращались дѣйствительно въ пустыню, другія же богатѣли. Вообще, общія заключенія о положеніи Франціи въ XVIII в. могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда лучше будетъ изслѣдована провинціальная исторія Франціи и экономическія и аграрныя условія отдѣльныхъ областей. Но такого рода изслѣдованія мы и не находимъ у Тэна, который для характеристики бѣдственнаго состоянія французскаго народа собираетъ факты изъ разныхъ эпохъ и областей. Притомъ нужно замѣтить, что онъ заимствуетъ ихъ большею частью изъ извѣстій о дороговизнѣ и голодѣ той или другой мѣстности вслѣдствіе *неурожая*. Послѣдствіемъ неурожая было нерѣдко переселеніе въ города, уменьшеніе запашки, опустѣніе цѣлыхъ мѣстностей и даже открытыя возстанія. Такіе исключительные факты, конечно, не могутъ дать вѣрнаго понятія объ общемъ нормальномъ положеніи дѣла; но въ оправданіе пессимизма Тэна можно привести то обстоятельство, что главное бѣдствіе Франціи заключалось именно въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ даже въ урожайные годы количество добываемаго зерна хватало какъ разъ только на одинъ годъ, и такъ какъ пути сообщенія были плохи, а подвозъ затрудненъ многими фискальными мѣрами, то при первомъ неурожаѣ появлялись дороговизна и голодъ для бѣднѣйшей части населенія. «Народъ можно сравнить съ человѣкомъ, который шелъ бы черезъ прудъ, причемъ вода была бы ему уже по горло; при малѣйшемъ пониженіи дна, при малѣйшемъ волненіи воды, онъ теряетъ опору, онъ погружается въ воду и задыхается. Тщетно изощряются милосердіе старыхъ временъ и гуманность новаго времени, чтобъ придти ему на помощь; вода слишкомъ высока, для спасенія нужно было бы, чтобы понизился ея уровень, и чтобы она могла найти свободный стокъ».

Однако послѣ всего, что сказалъ Тэнъ о бѣдственномъ положеніи народа, читатель нѣсколько удивленъ, когда въ концѣ той же главы узнаетъ, что въ теченіи всего XVIII в. крестьяне пріобрѣтаютъ землю. Самъ авторъ, повидимому, этимъ изумленъ. «Какъ могло это случиться при такихъ бѣдствіяхъ?» восклицаетъ онъ. «Фактъ этотъ почти невѣроятенъ, а между тѣмъ онъ не подлежитъ сомнѣнію». Уже въ 1760 г. четвертая часть земли въ королевствѣ перешла въ руки сельскаго рабочаго класса. Въ 1789 году Юнгъ полагаетъ, что мелкая поземельная собственность составляла 1/3 государства. Это то же отношеніе, которое теперь существуетъ, — замѣчаетъ Тэнъ: — революція не увеличила ко-

личества земель, принадлежавшихъ мелкимъ собственникамъ, такъ какъ отъ нея главнымъ образомъ выиграла средняя собственность.

Напрасно старается Тэнъ устранить противорѣчіе, которое вытекаетъ изъ его изложенія и объяснить, какимъ образомъ крестьяне, умиравшіе съ голоду, становятся собственниками. Онъ прибѣгаетъ для этого къ характеристикѣ французскаго крестьянина, описываетъ его умѣренность, его настойчивость, его выносливость, скрытность, его наслѣдственную страсть къ собственности и къ землѣ. Одинъ и тотъ же фактъ, извѣстный разсказъ Руссо о крестьянинѣ, который угостилъ его хлѣбомъ и виномъ, спрятанными въ ямѣ, гдѣ сохранялся зерновой хлѣбъ,—служитъ Тэну для двухъ противоположныхъ цѣлей: сначала онъ привелъ этотъ фактъ для того, чтобъ характеризовать бѣдственное положеніе крестьянъ; затѣмъ онъ говоритъ: «крестьянинъ, о которомъ говоритъ Руссо, имѣлъ, конечно, еще болѣе потаенное мѣсто, чѣмъ та яма, откуда онъ досталъ хлѣбъ и вино; деньжонки, запрятанныя въ шерстяномъ чулкѣ или въ горшкѣ, еще лучше ускользаютъ отъ розыска сборщиковъ».

Но все это недостаточно убѣдительно. Противорѣчіе вызвано пріемами автора, который сгустилъ мрачныя краски своей картины и не провелъ черты между мелкимъ землевладѣльцемъ и сельскимъ пролетаріемъ. Главной причиной бѣдственнаго положенія народа Тэнъ считаетъ *подать*, которая потому такъ тяжела, что ее не несли или почти не несли привилегированные классы. Постоянный контрастъ между привилегированными и не-привилегированными, который проведенъ черезъ всю книгу, и здѣсь послужилъ Тэну фономъ картины. Имѣя въ виду одну только главную причину, Тэнъ слишкомъ мало говоритъ о другихъ,—объ искусственныхъ преградахъ торговлѣ и промышленности, т.-е. о внутреннихъ таможняхъ и мѣстныхъ законахъ, о феодальномъ правѣ, сковывавшемъ земледѣліе и сельское хозяйство, вообще объ особенности тогдашняго государственнаго устройства Франціи, которое представляло смѣшеніе двухъ типовъ—феодальнаго и бюрократическаго, и потому соединяло невыгоды того и другого.

Факты, характеризующіе тогдашнюю фискальную систему во Франціи, сгруппированы у Тэна, по обыкновенію, очень рельефно. Любопытны цифровыя данныя, приводимыя имъ для того, чтобъ показать, какая громадная доля чистаго дохода съ поземельной собственности непривилегированныхъ классовъ поглощалась государствомъ. Въ общемъ разсчетѣ правительство брало 53% съ чистаго дохода; къ этому нужно присоединить 28%, которые получали представители мѣстной власти въ средневѣковомъ пе-

ріодѣ; изъ нихъ половину брала церковь въ видѣ десятины, а другая половина шла въ пользу сеньора, если на землѣ лежали феодальныя повинности.

Что касается до налога на трудъ, то онъ доходилъ иногда почти до 8% годового заработка рабочаго, такъ какъ поденщикъ, получавшій 10 су въ день, платилъ отъ 8 до 10 ливровъ подати. Тяжесть государственнаго налога становится во Франціи еще болѣе невыносимой вслѣдствіе дурного устройства «фискальной машины». Какъ извѣстно, главная государственная подать во Франціи была непостоянна такъ, какъ опредѣлялась впередъ только ея общая сумма; распредѣлялась же она различно по округамъ, селеніямъ и отдѣльнымъ плательщикамъ, причемъ господствовалъ большой произволъ. Другое неудобство заключалось въ томъ, что сборщики податей избирались по очереди изъ народа и своимъ имуществомъ отвѣчали за полное поступленіе податей, такъ что ежегодно во Франціи около 200,000 человѣкъ теряли половину своего рабочаго времени; тюрьмы были переполнены сборщиками, не успѣвшими набрать возложенную на ихъ округъ сумму, и односельчане отчуждались взаимнымъ недовѣріемъ и враждой. Не менѣе разорительны и ненавистны были во Франціи косвенные налоги на соль и на вино, которые отдавались на откупъ, и причемъ, наприм., правительство опредѣляло не только цѣны на соль, но и количество ея, какое должно было покупать каждое хозяйство. Вслѣдствіе этого, по удачному выраженію Тэна, когти фиска, которые обыкновенно бываютъ незамѣтны въ области косвенныхъ податей, во Франціи были такъ же явны и ощутительны, какъ и въ дѣлѣ прямыхъ налоговъ.

Познакомивши читателя съ положеніемъ народной массы, Тэнъ описываетъ ея умственное состояніе и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Возьмите самый грубый мозгъ современнаго намъ крестьянина и отнимите у него всѣ идеи, которыя въ теченіи 80 лѣтъ входятъ въ него всякими путями: черезъ первоначальную школу, устроенную въ каждомъ селѣ, черезъ солдатъ, возвращающихся на родину послѣ семилѣтней службы, черезъ изумительное размноженіе книгъ, газетъ, желѣзныхъ дорогъ, путешествій и всякаго рода сообщеній» — и вы будете имѣть понятіе о томъ, чѣмъ былъ простой французскій народъ до 1789 года».

Мѣткими фактами изображаетъ Тэнъ склонность къ жестокости, суевѣріе, невѣжество, легковѣріе массы, ея представленіе о королѣ и его всемогуществѣ, о его намѣреніи облагодѣтельствовать народъ, чему мѣшаютъ другіе классы — все это черты,

которыя встрѣчаются въ простомъ народѣ всѣхъ странъ. Даже возставая противъ правительства, народъ полагаетъ, что исполняетъ волю короля. «Въ то время, когда избирали депутатовъ, въ Провансѣ разнесся слухъ, что лучшій изъ королей желаетъ, чтобы все и всѣ были равны, чтобъ не было болѣе ни епископовъ, ни сеньёровъ, ни десятины, ни феодальныхъ правъ; чтобы не было болѣе ни титуловъ, ни отличій; что народъ будетъ избавленъ отъ всякихъ налоговъ, что впредь только два высшіе класса будутъ нести всѣ государственныя подати. Бывало еще лучше: когда грабили кассу сборщика податей въ Бриньолѣ, это дѣлалось при крикахъ: да здравствуетъ король! Крестьянинъ постоянно объявляетъ, что онъ предается грабежу и разрушенію согласно королевской *волѣ*. Позднѣе, въ Овернѣ крестьяне, поджигая зáмки, увѣряли, что имъ жаль такъ поступать съ такими хорошими господами, но что они принуждены къ этому прямымъ приказомъ, они знаютъ, что его величество такъ хочетъ»... «Да какъ и могло быть иначе! Прежде чѣмъ укорениться въ ихъ мозгу, всякая мысль должна сдѣлаться легендой, нелѣпой, но простой, приноровленной къ ихъ пониманію, ихъ способностямъ, ихъ страхамъ и надеждамъ. Посаженная въ этой невоздѣланной, но плодородной почвѣ, легенда принимается, видоизмѣняется, разростается въ дикіе наросты, темную листву и ядовитые плоды. Всѣ предметы представляются (крестьянину) въ ложномъ свѣтѣ; онъ похожъ на ребенка, который при всякомъ поворотѣ дороги видитъ въ каждомъ кустѣ, въ каждомъ деревѣ—ужасное привидѣніе».

Въ XVIII вѣкѣ французскіе крестьяне въ изолированныхъ провинціяхъ стояли, какъ видно, на той же ступени политическаго развитія, какъ и простой народъ въ захолустьяхъ тогдашней Россіи. Подобно тому, какъ при Петрѣ Великомъ на Волгѣ повѣрили слуху, что правительство будетъ забирать всѣхъ дѣвокъ, чтобъ вывезти ихъ за-границу и выдать тамъ за иностранцевъ, и поэтому стали торопиться повѣнчать ихъ, такъ и посѣщеніе англійскимъ путешественникомъ Юнгомъ источника близъ Кагора вызвало слухъ, что ему поручено королевой подвести подъ городъ мины и взорвать его, а затѣмъ отправить на галеры всѣхъ жителей, которые останутся живы.

Чѣмъ сильнѣе воображеніе простого народа, тѣмъ слабѣе его пониманіе. «Хлѣба и отмѣны всѣхъ повинностей и сборовъ»— вотъ общій кликъ, и съ этимъ кликомъ толпа разоряетъ хлѣбные магазины, грабитъ рынокъ, вѣшаетъ хлѣбниковъ, и вскорѣ оказывается недостатокъ въ хлѣбѣ. Архивы сеньёровъ, всѣ бумаги

и документы сожигаются крестьянами, и вслѣдъ затѣмъ они не въ состояніи доказать своего права владѣнія на общинную землю. «Выпущенный на свободу звѣрь все разрушаетъ, причемъ наноситъ раны самому себѣ и съ ревомъ наталкивается на преграду, которую нужно было обойти».

Причины такого безсмысленнаго неистовства толпы Тэнъ видитъ въ томъ, что у простого народа не оказалось настоящихъ вождей, а безъ организаціи всякая толпа не что иное, какъ стадо. Въ массахъ французскаго народа давно укоренилось неизлечимое недовѣріе относительно всѣхъ его естественныхъ вождей, къ вельможамъ, богачамъ, ко всѣмъ лицамъ, облеченнымъ властью и авторитетомъ. Но когда возставшая толпа отвергла своихъ естественныхъ вождей, она поневолѣ должна была подчиниться другимъ. Въ 1789 г. вожди готовы, «ибо за тѣмъ народомъ, который терпитъ, скрывается еще народъ, который терпитъ еще болѣе, который постоянно находится въ возмущеніи; всегда подавленный, преслѣдуемый, и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрегаемый —онъ ждетъ лишь случая, чтобъ выдти изъ своей норы и разнуздаться на просторѣ» (497), и вотъ Тэнъ выводитъ на свѣтъ какъ-бы «озаренными молніей, предвѣстницей бури» всѣ нездоровые элементы, которые таитъ всякое общество и которыхъ особенно много породилъ старый порядокъ во Франціи, благодаря разнымъ искусственнымъ преградамъ и жестокимъ запретительнымъ мѣрамъ,—это: браконьеры, контрабандисты, бродяги, нищіе, разбойники и пр. Народная масса, такъ враждебно настроенная къ существующему порядку, могла сдерживаться, заключаетъ Тэнъ, только вооруженной силой, т.-е. съ помощью войска, но французское войско, въ свою очередь, раздѣленное на два слоя — привилегированныхъ и непривилегированныхъ, въ 1789 году было близко къ разложенію. Какъ скоро этотъ оплотъ будетъ снесенъ потокомъ, наводненіе зальетъ всю Францію, какъ гладкую равнину. «У другихъ народовъ въ такихъ случаяхъ встрѣчались преграды: находились возвышенныя мѣстности, центры для убѣжища, какая-нибудь древняя ограда, гдѣ среди общаго смятенія часть населенія находила себѣ пріютъ. Здѣсь же все разрознено, всѣ разъединены и враждебны другъ другу. Утопія теоретиковъ осуществилась! дикое состояніе человѣка возвращается, это—дѣло монархической централизаціи, которая постоянно разъединяла интересы для того, чтобы свободнѣй властвовать. Въ результатѣ осталось облако отдѣльныхъ человѣческихъ пылинокъ, которыя кружатся и съ неудержимой силой всѣ собьются въ одну массу отъ слѣпой силы вѣтра» (стр. 518).

Читатель Тэна уже знаетъ, откуда дуетъ эта слѣпая сила вѣтра; но чтобы окончательно убѣдить его въ этомъ, авторъ указываетъ на то, какъ составлялись cahiers третьяго сословія; какъ l'homme de loi, мелкій сельскій стряпчій или адвокатъ, завистникъ и теоретикъ, овладѣваетъ крестьяниномъ. Въ этомъ заключается опасный симптомъ, указывающій на путь, которымъ пойдетъ революція: l'homme de peuple est endoctriné par l'avocat, l'homme à pique se laisse mener par l'homme à phrases.

Мы приблизились къ вѣнцу стройнаго зданія, которое возвелъ на нашихъ глазахъ историкъ. Связь между различными частями зданія установлена.

Доктрина, возникшая и развившаяся въ салонахъ среди привилегированныхъ классовъ, достигла народной массы, гдѣ она произведетъ взрывъ. Завѣщаніе, которое оставила послѣ себя королевская Франція или по крайней мѣрѣ мораль, которую нашъ историкъ извлекъ изъ изученія стараго порядка, заключается въ слѣдующемъ: «Такимъ образомъ, нѣсколько милліоновъ дикихъ пущены на свободу нѣсколькими тысячами говоруновъ, и политика, обсуждаемая въ кофейняхъ, находитъ себѣ истолкователей и исполнителей въ уличной толпѣ. Съ одной стороны грубая сила поступаетъ въ служеніе радикальному догмату; съ другой стороны, радикальный догматъ отдаетъ себя въ распоряженіе грубой силѣ. И вотъ, въ разрушенной Франціи, остались только эти двѣ власти на развалинахъ всего остального» (стр. 521).

IX.

Предшествовавшій разборъ книги Тэна доставилъ намъ достаточно данныхъ, чтобъ опредѣлить существенныя черты его взгляда на революцію, и указать, въ чемъ заключается оригинальность этого взгляда, его достоинство и недостатки, и чтó имъ внесено новаго въ исторію французской революціи. И взглядъ Тэна на революцію вообще, и отступленіе его отъ пріемовъ предшествовавшихъ ему историковъ, обусловливаются главнымъ образомъ тѣмъ, что хотя въ политикѣ онъ не держится никакого принципа, не принадлежитъ ни къ какой изъ партій, — но въ философіи онъ горячій приверженецъ одной очень опредѣленной школы, поборникъ извѣстной доктрины. Доктрина эта опредѣляется тѣмъ, что Тэнъ хочетъ быть послѣдователемъ Кондильяка, становится на почву сенсуализма и не признаетъ другой философіи, кромѣ той, которая построена на этой почвѣ. Чувственное ощу-

щеніе есть для него та нитка, изъ которой соткана вся наша умственная и психическая жизнь, тотъ элементъ, на который должна быть сведена вся исторія человѣческой культуры.

Вслѣдствіе своего духовнаго родства съ сенсуалистами, Тэнъ излагаетъ ихъ мысли съ такимъ сочувствіемъ, что нерѣдко бываетъ трудно отличить, гдѣ онъ говоритъ отъ имени Кондильяка и гдѣ отъ себя, гдѣ онъ является историкомъ и гдѣ пропагандистомъ. Изложивши психологическій методъ сенсуалистовъ, Тэнъ говоритъ: «Такимъ способомъ нужно дѣйствовать во всѣхъ наукахъ и тѣмъ болѣе въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ. Въ этомъ общемъ методѣ заключается весь прогрессъ XVII вѣка». Недостатокъ мыслителей XVIII вѣка, по мнѣнію Тэна, заключается въ томъ, что запасъ ихъ знанія былъ недостаточно великъ, что между ними было много кабинетныхъ мечтателей, салонныхъ дилеттантовъ и уличныхъ шарлатановъ. «Но хорошее правило остается хорошимъ даже и послѣ того, какъ невѣжество и опрометчивость употребляли его во зло, и если въ настоящее время мы хотимъ продолжать неудавшее дѣло XVIII вѣка,—это должно быть въ тѣхъ же рамкахъ (cadres), какія намъ завѣщаны той эпохой» (стр. 239).

Эмпиризмъ и сенсуализмъ привели въ прошломъ вѣкѣ къ матеріализму какъ въ философіи, такъ и въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ. Но этотъ матеріализмъ у Тэна умѣренъ различными вліяніями настолько, что утратилъ много существенныхъ своихъ чертъ. Тэнъ имѣетъ предъ своими предшественниками преимущество, которое ему дала современная наука, накопившая за 100 лѣтъ богатый запасъ фактовъ во всѣхъ отдѣлахъ знанія,—преимущество болѣе основательнаго, разносторонняго и гармоническаго образованія. Оттого его точка зрѣнія, конечно, гораздо болѣе обширна, онъ тоньше въ своихъ опредѣленіяхъ и осмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ. Но, кромѣ того, матеріализмъ его основной точки зрѣнія видоизмѣненъ вліяніемъ, которое имѣла на него школа Конта, его наклонность къ позитивизму. Тэнъ вслѣдствіе этого оставляетъ открытыми много вопросовъ, которые были окончательно порѣшены сенсуалистами прошлаго вѣка. Къ идеямъ, которыя вызывали со стороны послѣднихъ ожесточенныя нападки, онъ остается совершенно равнодушенъ и считаетъ ихъ не важными при рѣшеніи интересующихъ его вопросовъ. Существуетъ ли духъ отдѣльно отъ матеріи или онъ только продуктъ матеріи, отъ этого въ глазахъ Тэна не измѣняется ходъ исторіи, который, во всякомъ случаѣ, опредѣленъ непреложными законами; отъ этого не измѣ-

вляется и цѣль ея,—«она заключается въ безпредѣльномъ накопленіи знаній и вытекающемъ оттуда развитіи матеріальнаго благосостоянія и развитіи здраваго смысла».

Наконецъ, матеріализмъ Тэна смягченъ его пониманіемъ поэтической и артистической потребностей человѣческой души. Не даромъ занимался онъ такъ долго исторіей литературы и искусства. Религія, напримѣръ, которую отвергаютъ матеріалисты и устраняютъ позитивисты, снова появляется у него какъ продуктъ поэзіи; религія, по его мнѣнію, «метафорическая поэма, сопровождаемая вѣрою». Но онъ не довольствуется этимъ опредѣленіемъ; его утилитаризмъ и его наблюдательность историка заставляютъ его дѣлать дальнѣйшія уступки и отступленія отъ матеріалистическаго міровоззрѣнія. «Во всякомъ обществѣ религія представляетъ драгоцѣнный и вмѣстѣ естественный органъ. Съ одной стороны, религія нужна людямъ для того, чтобы представлять себѣ безконечность и чтобъ хорошо жить; если бы ея вдругъ не оказалось, въ душѣ человѣка явилась бы ужасная и мучительная пустота, и люди стали бы дѣлать другъ другу болѣе зла. Съ другой стороны, всѣ усилія вырвать ее оказались бы тщетными; рука, которая поднялась бы на нее, коснулась бы только ея оболочки, зародышъ ея слишкомъ глубоко коренится, чтобы возможно было его вырвать» (стр. 274).

Матеріалистическая основа Тэна и вліяніе на него позитивизма высказываются, главнымъ образомъ, въ томъ, что даютъ его точкѣ зрѣнія на исторію крайне реалистическое направленіе. Это крайнее реалистическое направленіе далеко не всегда совпадаетъ съ требованіями разумнаго, научнаго реализма. Главное условіе послѣдняго заключается, конечно, въ томъ, чтобы на первомъ планѣ для историка стоялъ реальный міръ явленій, чтобы наблюденіе надъ фактами было его главной задачей и чтобы никакая теорія или идея не заслоняла передъ нимъ ихъ дѣйствительнаго значенія. Въ этомъ отношеніи Тэнъ представляетъ, правда, значительное преимущество передъ писателями прошлаго вѣка, которымъ онъ сочувствовалъ въ принципѣ, но которыхъ онъ упрекалъ въ догматичности и въ недостаточномъ изученіи реальнаго міра. У Тэна фактъ вступаетъ въ свои права; Тэнъ требуетъ, чтобъ, въ угоду факту, историкъ отступилъ отъ политическаго догмата, чтобъ онъ сообразовалъ свои убѣжденія съ трезвымъ выводомъ изъ наблюденныхъ фактовъ. Но насколько самъ Тэнъ вѣренъ этой программѣ? Въ области соціальной и политической, тамъ, гдѣ Тэну не мѣшаетъ никакой предвзятый принципъ, онъ дѣйствительно какъ-бы слѣдуетъ своей программѣ, онъ на самомъ дѣлѣ

старается быть историкомъ-реалистомъ. Фразы либеральныхъ и радикальныхъ историковъ о гнилой монархіи Людовиковъ, объ испорченной и падшей аристократіи не мѣшаютъ Тэну оцѣнить и вѣрно изобразить ея культуру; онъ съ чутьемъ знатока и артиста описываетъ изящество и благоуханіе салоновъ, блескъ красокъ и цвѣтовъ, утонченность языка и мысли привилегированнаго общества. Съ другой стороны, его не увлекаютъ восторженныя описанія «народа» и идиллическая картина его нравственныхъ достоинствъ; Тэнъ, повидимому, подходитъ къ нему съ хладнокровнымъ безпристрастіемъ наблюдателя, чтобъ описать его дѣйствительное состояніе; онъ обращаетъ свое вниманіе на его бѣдность, его невѣжество и суевѣріе. Но реализмъ былъ для французскихъ писателей не разъ уже скользкимъ путемъ; и Тэнъ, желая уйти отъ идилліи и утопіи и стать на реалистическую почву, впадаетъ въ другую крайность: онъ и въ области реализма увлекается риторикой, но въ противоположную сторону; когда, напр., его глазамъ представляется толпа, онъ болѣе не видитъ въ ней верховнаго народа, голосъ котораго есть гласъ Божій, но за то видитъ только дикарей, вырвавшихся на свободу и думающихъ въ эту минуту только объ удовлетвореніи самыхъ грубыхъ эгоистическихъ инстинктовъ; онъ анализируетъ ея вождей и узнаетъ въ нихъ питомцевъ острога или кандидатовъ въ домъ умалишенныхъ. Изъ этого, кромѣ того, видно, что Тэнъ прибавляетъ къ реализму новую характеристическую черту. Онъ беретъ народную массу преимущественно съ той стороны, съ которой она становится интереснымъ предметомъ изученія не столько для законодателя или экономиста, сколько для полицейскаго или для психіатра. Въ этомъ отношеніи въ манерѣ Тэна обнаруживаются знакомыя черты особеннаго направленія современнаго реализма, которое такъ рѣзко проявляется въ современной французской живописи и въ современномъ французскомъ романѣ. Это тотъ реализмъ, который нужно назвать патологическимъ, потому-что главнымъ предметомъ его интереса становятся патологическія явленія въ человѣкѣ и въ обществѣ.

Но манера Тэна еще значительнѣе уклоняется отъ истиннаго, научнаго реализма, какъ скоро онъ съ почвы нагляднаго историческаго факта, изъ области политики переходитъ въ область идей и доктринъ. Онъ, правда, и здѣсь не увлекается господствовавшими въ XVIII в. доктринами; онъ анализируетъ и опровергаетъ ихъ съ неумолимой и трезвой критикой; но у него есть своя доктрина, которую онъ хочетъ поставить на ихъ мѣсто, это — доктрина, сложившаяся подъ вліяніемъ позитивизма, въ угоду ей

онъ говоритъ не о томъ вліяніи, какое естественныя науки дѣйствительно имѣли въ XVIII в., а о томъ, которое приписывается имъ вообще съ точки зрѣнія этой школы; заимствуя у этой школы пренебреженіе къ метафизикѣ, Тэнъ совершенно упускаетъ изъ виду громадное значеніе философіи въ XVIII в. и объясняетъ происхожденіе раціонализма мѣстными второстепенными вліяніями; разсматривая доктрины XVIII вѣка, Тэнъ не замѣчаетъ безусловнаго всемірно-историческаго значенія ихъ, которое было внесено въ нихъ именно философіей, принципами, выведенными изъ начала разума. Онъ говоритъ только о тѣхъ понятіяхъ и мнѣніяхъ, которыя представляются заблужденіями и объясняются какъ односторонней разсудочностью раціонализма, такъ и мѣстными и историческими условіями французской культуры. Оттого и въ этой части сочиненія Тэна читатель видитъ передъ собою только уродливыя, болѣзненныя явленія человѣческаго разума и чувства, и мы имѣемъ опять право сказать, что авторъ представилъ не столько объективное и научное изображеніе культуры XVIII вѣка, сколько ея патологію.

Другое послѣдствіе крайняго реализма Тэна заключается въ томъ, что убѣжденія этого историка, его взгляды на человѣка и государство проникнуты поверхностнымъ утилитаризмомъ: вездѣ онъ видитъ только борьбу и взаимодѣйствіе грубыхъ силъ, и общество для него не болѣе, какъ результатъ извѣстнаго механическаго равновѣсія этихъ силъ. Оттого его вниманіе въ исторіи привлекаютъ на себя, главнымъ образомъ, внѣшнія формы, самыя конкретныя, осязательныя черты явленій; идея же нерѣдко исчезаетъ, забывается изъ-за оболочки. Когда, напр., предметомъ наблюденій Тэна становится государство, онъ видитъ въ немъ только физическую силу—онъ видитъ толпу и сдерживающаго ее жандарма; онъ забываетъ о нравственной силѣ идеи, на которой зиждется государство.

Это ультра-реалистическое или псевдо-реальное направленіе Тэна, этотъ способъ относиться къ историческимъ явленіямъ обусловливаютъ собой и самую форму его историческаго изложенія. Такъ какъ этотъ методъ оказывается недостаточнымъ тамъ, гдѣ нужно объяснить идею, уловить общую связь явленій, и историкъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на отдѣльныхъ конкретныхъ явленіяхъ, старается преимущественно подмѣтить внѣшнія, въ глаза бьющія черты, то вслѣдствіе этого въ его изложеніи исторія разбивается на эпизоды, сцены и картины: историческая живопись уступаетъ мѣсто историческому жанру. На этой почвѣ, гдѣ конкретный фактъ вступаетъ въ свои права́, случайная форма пре-

обладаетъ надъ общей идеей, реалистическій методъ оказывается вполнѣ умѣстнымъ,—здѣсь его недостатки выкупаются его достоинствами. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что здѣсь на помощь методу является блестящій литературный и пластическій талантъ Тэна, такъ-что можно сказать, что недостатки метода здѣсь вознаграждаются его личнымъ талантомъ. Здѣсь онъ имѣетъ полную возможность показать свое мастерство въ изображеніи и группированіи отдѣльныхъ историческихъ сценъ и культурныхъ картинъ.

Отдѣльные его портреты и характеристики чрезвычайно удачны (Монтескьё, Руссо, Вольтеръ); краски очень ярки и свѣжи, колоритъ теплый и живой. Но особенно выигралъ отъ реализма Тэна его языкъ; онъ сдѣлался выразительнѣе, живѣе, конкретнѣе и даже богаче общеупотребительнаго языка, потому-что въ немъ допущены непринятыя слова или оригинальныя сочетанія словъ, содѣйствующія пластичности впечатлѣнія; оттого въ этомъ языкѣ большая сила изобразительности, чрезвычайная мѣткость, способность вызвать у читателя яркое представленіе. Книга изобилуетъ фразами, которыя можно назвать блестящими жанровыми картинками. Для примѣра мы приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ въ оригиналѣ, такъ-какъ въ переводѣ они потеряли бы слишкомъ много и не могли бы дать вѣрнаго понятія о слогѣ Тэна.

Вотъ, напр., описаніе салона: «De la voûte sculptée et peuplée d'amours folâtres descendent, par les guirlandes de fleurs et de feuillage, les lustres flamboyants dont les hautes glaces multiplient la splendeur; la lumière rejaillit à flots sur les dorures, sur les diamants, sur les têtes spirituelles et gaies, sur les fins corsages, sur les enormes robes enguirlandées et chatoyantes. Les paniers des dames rangées en cercle ou étagées sur les banquettes forment un riche espalier couvert de perles, d'or, d'argent, de pierreries, de paillons, de fleurs, de fruits avec leurs fleurs groseilles, cerises, fraises artificielles; c'est un gigantesque bouquet dont l'oeil a peine à soutenir l'éclat. Point d'habits noirs comme aujourd'hui pour faire disparate. Coiffés et poudrés, avec des boucles et des noeuds, en cravattes et manchettes de dentelle, en habits et vestes en soie feuille morte, rose tendre, bleu céleste, agrémentés de broderies et galonnés d'or, les hommes sont aussi parés que les femmes. Hommes et femmes on les a choisis un à un; ce sont tous des gens du monde accomplis, ornés de toutes les grâces que peuvent donner la race, l'éducation, la fortune, le loisir et l'usage; dans leur genre ils sont parfaits».

Съ какимъ мастерствомъ изображенъ переходъ отъ эпохи версальскаго салона къ парижскому террору, и какъ поразительно

для читателя впечатлѣніе, производимое контрастомъ и неожиданнымъ сопоставленіемъ!

Далѣе, по поводу общей страсти къ удовольствіямъ, мы читаемъ у Тэна: «Voilà où conduit le besoin d'amusement. Sous sa pression, comme sous le doigt d'un sculpteur, le masque du siècle se transforme par degrés et perd insensiblement son serieux: la figure compassée du courtisan devient d'abord la physionomie enjoué du mondain; puis sur cette bouche souriante dont les contours s'altèrent, on voit éclater le rire effronté et débridé du gamin».

Вотъ нѣсколько словъ о послѣдней порѣ этихъ салоновъ: «De toutes part au moment où ce monde finit une complaisance mutuelle, une douceur affectueuse vient comme un souffle tiède et moite d'automne, fondre ce qu'il y avait encore de dureté dans sa sécheresse et envelopper dans un parfum de roses mourantes les élégances de ses dernièrs instants».

О перемѣнѣ, какая произошла во французскомъ языкѣ подъ вліяніемъ классическаго духа, Тэнъ говоритъ: «On en ôte (изъ языка) quantité de mots expressifs et pittoresques, tous ceux qui sont crus, gaulois ou naïfs, tous ceux qui sont locaux et provinciaux ou personnels et forgés, toutes les locutions familières et proverbiales, nombre de tours familiers brusques et francs, toutes les métaphores risquées et poignantes, presque toutes ces façons de parler inventées et primesautières qui par leur éclair soudain font jaillir dans l'imagination la forme colorée exacte et complète des choses, mais dont la trop vive secousse choquerait les bienséances de la conversation polie».

Характеристику Вольтера, чрезвычайно живую и мѣткую, но которую было бы длинно приводить цѣликомъ, онъ заканчиваетъ словами: «Le merveilleux chef d'orchestre (т.-е. Вольтера) qui depuis cinquante ans menait le bal tourbillonant des idées graves ou court-vêtues, et qui, toujours en scène, toujours en tête, conducteur reconnu de la conversation universelle, fournissait le motif, donnait le ton, marquait la mesure, imprimait l'élan et lançait le premier coup d'archet».

Состояніе умовъ передъ революціей описано въ нѣсколькихъ словахъ слѣдующимъ образомъ: «Dans ce grand vide des intelligences les mots indéfinis de liberté, d'égalité, de souveraineté du peuple, les phrases ardentes de Rousseau et de ses successeurs, tous les nouveaux axiomes flambent comme des charbons allumés et dégagent une fumée chaude, une vapeur enivrante. La pa-

role gigantesque et vague s'interpose entre l'esprit et les objets; tous les contours sont brouillés et le vertige commence».

Пробужденіе въ образованномъ обществѣ соціальнаго вопроса облечено въ реалистическій образъ, поражающій читателя своей изысканной простотой и контрастомъ между будничнымъ явленіемъ, о которомъ говорится, и соціальной идеей, такимъ способомъ выражаемой: «C'est entre 1750 et 1760 que les oisifs qui soupent commencent à regarder avec compassion et alarme les travailleurs qui ne dinent pas».

Мысль, что революціонная теорія была безсознательно взлелѣяна аристократическими салонами, выражена въ граціозной игривой параболѣ: «Une fois la chimère est née, ils la recueillent chez eux comme un passe-temps de salon, ils jouent avec le monstre tout petit, encore innocent, enrubanné comme un mouton d'églogue, ils n'imaginent pas qu'il puisse jamais devenir une bête enragée et formidable, ils le nourissent, ils le flattent, puis de leur hôtel ils le laissent descendre dans la rue».

Иногда реализмъ языка у Тэна впадаетъ въ манерность и становится аффектированнымъ, сила живописныхъ образовъ переходитъ въ шаржъ, и карриватурныя идеи облекаются въ слогъ, напоминающій вычурность *барока*. Вотъ какъ, напр., Тэнъ выражается о пикантности, встрѣчаемой у писателей XVIII вѣка: «Sauf Buffon tous mettent dans leur sauce des piments, c'est-à-dire des gravelures ou des crudités. Dans ses deux grands romans Diderot les jette à pleines mains, comme en un jour d'orgie. A toutes les pages de Voltaire *ils croquent sous la dent* comme autant de grains de poivre. Vous les retrouvez, non pas piquants, mais âcres et d'une saveur brûlante dans la Nouvelle Héloise, en vingt endroits de l'Emile et d'un bout à l'autre de Confessions».

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что книга Тэна представляетъ собою новое направленіе въ исторіи французской революціи,—направленіе, которое сложилось подъ вліяніемъ генетическаго метода, внесеннаго въ объясненіе этого событія Токвилемъ, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ позитивизма и стремленія къ патологическому реализму, проникнувшему въ значительной степени современную французскую беллетристику. Если мы далѣе спросимъ, какіе же результаты представляетъ сочиненіе новаго историка революціи, въ чемъ заключается преимущество его взгляда на это событіе передъ взглядами прежнихъ историковъ,—то мы должны признать это преимущество очень условнымъ. Конечно, установленіе трезваго взгляда на предметъ, устраненіе всякой ложной идеализаціи его, указаніе заблужденій, въ

которыя владали общественное мнѣніе и вожди его въ XVIII вѣкѣ по отношенію къ революціоннымъ идеямъ,—это такіе пріемы, которые усвоены еще не всею современной французской исторіографіей; и Тэнъ оказалъ Франціи очень цѣнную услугу, вразумляя современный радикализмъ, выставляя на видъ сухую отвлеченность, и нерѣдко близорукую и безплодную разсудочность политическихъ доктринъ XVIII вѣка, разрушая его иллюзіи и предразсудки и разбивая въ прахъ фразы, возведенныя въ принципъ и передаваемыя въ наслѣдство, какъ священные догматы.

Тэнъ особенно удачно исполнилъ эту задачу по отношенію къ доктринѣ о народѣ, объ этомъ кумирѣ радикализма прошедшаго вѣка. Онъ показалъ, до какой степени тогда литературные и политическіе дѣятели мало знали и понимали тотъ народъ, который они намѣревались освободить и облагодѣтельствовать; до какой степени важно, чтобъ идеальное, отвлеченное представленіе о добродѣтельномъ, здравомыслящемъ и непогрѣшимомъ народѣ уступило мѣсто дѣйствительному изученію его нуждъ, его матеріальныхъ условій и степени его развитія. Если взять въ разсчетъ крайне-реалистическую манеру Тэна, отбросить нѣкоторыя рѣзкія фразы и нѣкоторую риторику, отъ которой и онъ не совсѣмъ освободился, то слѣдуетъ сказать, что онъ вѣрно и наглядно изобразилъ, какъ мало способны народныя массы, если онѣ вышли изъ обычной колеи, къ разумному, сознательному и цѣлесообразному образу дѣйствія, какъ легко пробуждаются среди ихъ животные инстинкты, и какъ легко граждане цивилизованной, повидимому, націи могутъ возвратиться къ первобытному состоянію. Даже крайности и преувеличенія въ данномъ случаѣ извинительны писателю, который пережилъ коммуну 71-го года, видѣлъ въ дѣйствіи народныя волны, «den schrecklichsten der Schrecken», какъ выразился объ этомъ поэтъ, и губительную злобу разъяренной толпы, укрощенной только военною силой. Громадный успѣхъ, который сдѣлала республиканская партія во Франціи послѣ событій 1870—71 гг., ея политическое отрезвленіе ярко отражаются въ книгѣ Тэна, ибо въ этомъ случаѣ этотъ писатель стоитъ не одиноко, онъ учитъ общество тому, чему онъ самъ, живя въ немъ, научился. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить Тэна, напр., съ Мишле, который носится съ первой страницы своей исторіи революціи съ мистической идеей о народѣ, и противопоставить идилліи вдохновленнаго поэта революціи суровую правду историка-реалиста. Эту часть книги Тэна мы должны признать практически несомнѣнно полезной.

Но если болѣе трезвое, хотя и слишкомъ грубое, патологиче-

ское изображеніе народныхъ массъ въ новомъ сочиненіи Тэна представляетъ своего рода успѣхъ, то этого никакъ нельзя сказать относительно его пониманія теоретической стороны французской революціи. Извѣстно, сколько ошибокъ и злоупотребленій было порождено знаменитыми принципами 1789-го года. Послѣ того, какъ вслѣдствіе увлеченія партій, съ одной стороны, писатели изъ лагеря клерикализма и реакціи, съ другой—доктринеры революціи, въ значительной степени затемнили смыслъ и историческое вліяніе этихъ принциповъ, естественно было бы историку-реалисту подвергнуть безпристрастному анализу ихъ значеніе и показать, почему они не принесли той пользы, какой отъ нихъ ожидали. Не это однако находимъ мы у Тэна. Принципы свободы, равенства и братства, выведенные изъ раціонализма и составляющіе ключъ къ исторіи революціи,—въ книгѣ Тэна исчезаютъ въ массѣ разсужденій о *доктринѣ* XVIII вѣка. Вмѣсто исторіи ихъ возникновенія и распространенія мы узнаемъ только, какъ классическій духъ, — продуктъ разслабленной аристократіи, *исказилъ* благіе результаты математическихъ и естественныхъ наукъ и породилъ два недоразумѣнія, чреватыхъ бѣдствіями: утопію о наступленіи царства истины и убѣжденіе, что водвореніе этого царства истины абсолютно справедливо. Неужели великій переломъ въ исторіи человѣчества, когда впервые въ обширныхъ массахъ установилось убѣжденіе, что общественный строй и государственная власть должны руководиться не сословными и частными интересами, и не однимъ преданіемъ и правомъ, освященнымъ исторіей, но по возможности общими началами разума и соображеніями высшаго, обще-человѣческаго права, — неужели этотъ великій переломъ, который благотворно отразился на исторіи каждой изъ европейскихъ націй и составляетъ основу современныхъ общественныхъ и политическихъ началъ,—не что иное, какъ утопія, исчезнувшая вмѣстѣ съ публикой салоновъ, гдѣ она зародилась? — Неужели идеи, которыя были съ восторгомъ приняты народами, не воспитанными на классическомъ духѣ, которые были привѣтствуемы какъ новое евангеліе всѣми лучшими людьми того времени, вѣчными свѣтилами для грядущихъ поколѣній, поэтами и философами, Шиллеромъ и Гёте, Кантомъ и Фихте, неужели эти идеи не заслуживаютъ быть выдѣленными изъ массы пустыхъ фразъ, парадоксовъ и заблужденій, наводнявшихъ до-революціонную печать?

Такое равнодушіе новаго историка къ принципамъ 1789 года есть многозначительный фактъ, который имѣетъ свою печальную сторону. Конечно, развѣнчаніе собственно революціон-

ныхъ доктринъ есть условіе политическаго успѣха для Франціи. Французское общество, долго нуждавшееся въ опроверженіи предубѣжденія противъ революціи, теперь столько же нуждается въ отрезвленіи отъ революціоннаго увлеченія. Французская республика много выиграетъ въ прочности, если она порветъ связь съ революціоннымъ преданіемъ и привлечетъ къ себѣ консервативные интересы; она дѣйствительно уже пріобрѣла себѣ много приверженцевъ между тѣми, для которыхъ она перестала быть принципомъ и которые въ политическихъ вопросахъ руководятся соображеніями практическаго свойства. Но тѣмъ не менѣе высокомѣрное пренебреженіе къ идеаламъ XVIII в., и вообще пресыщеніе политическими идеями, было бы признакомъ глубокаго паденія современнаго французскаго общества и печальнымъ знаменіемъ для судебъ французской республики. Всякая политическая форма нуждается въ извѣстномъ идеализмѣ, ей нужна вѣра въ тѣ идеи, которыхъ она служитъ представительницей. Республика же, какъ это выяснено двумя лучшими политическими мыслителями Франціи, Монтескьё и Токвилемъ, нуждается въ политическомъ идеализмѣ еще болѣе, чѣмъ какая-либо другая форма, такъ какъ она требуетъ для своего существованія и для того, чтобъ быть благотворной, большаго нравственнаго напряженія отъ всего общества, чѣмъ другія болѣе естественныя политическія формы. Поэтому современная Франція можетъ требовать отъ историковъ революціи, чтобы они, разрушая идеологію, доказывая ея призрачность и практическій вредъ, не искореняли идеализма. А именно этотъ упрекъ и можно сдѣлать Тэну. Въ его исторіи реализмъ фальшиво настроенъ. Это произошло отчасти отъ того, что Тэнъ приступилъ къ своему историческому труду безъ всякаго политическаго идеала. Это отсутствіе идеала не есть только извѣстный пріемъ—какъ-бы временное устраненіе его для того, чтобъ онъ не мѣшалъ безпристрастно смотрѣть на событія и людей, подобно тому какъ Декартъ забываетъ о великихъ истинахъ, пріобрѣтенныхъ воспитаніемъ и наукой для того, чтобъ получить возможность создать ихъ вновь чисто логическимъ путемъ. У Тэна это дѣйствительно происходитъ отъ отсутствія руководящихъ политическихъ принциповъ и идей. Но главная причина, почему его реализмъ, несмотря на замѣчательный талантъ, далъ неудовлетворительные результаты, заключается въ томъ, что для Тэна реализмъ не только методъ, но и доктрина.

Его реализмъ не тотъ, который вытекаетъ только изъ живого чувства правды и дѣйствительности, который заставляетъ этнографа подмѣчать съ интересомъ всякую особенность мѣстнаго на-

роднаго говора или обычая, заставляетъ художника наслаждаться линіями и красками природы, и сценами окружающей его жизни,— который заставляетъ историка съ объективнымъ безпристрастіемъ описывать факты, огорчающіе или радующіе его,—реализмъ Тэна имѣетъ матеріалистическій оттѣнокъ, потому что отправляется отъ матеріальнаго мистическаго воззрѣнія. Для такого реализма всякое психическое или общественное явленіе тѣмъ интереснѣе, чѣмъ непосредственнѣе въ немъ выражаются грубые физическіе инстинкты человѣка; для него тѣмъ вѣрнѣе идея, чѣмъ яснѣе ея происхожденіе отъ какого-нибудь физическаго ощущенія. Такой реализмъ, перенесенный на почву исторіи, принесетъ условные плоды. Онъ вѣрно подмѣтитъ то, что̀ составляетъ жанровую сторону исторіи, но отъ него ускользнетъ все то, что̀ составляетъ ея духовное содержаніе. Конечно, не такого реализма должны желать французскому обществу тѣ, которые любятъ Францію за ея исторію и за все, что̀ она внесла въ общечеловѣческую культуру.

Ошибочность реалистическаго метода Тэна ясно отражается и на томъ, что̀ составляетъ въ практическомъ отношеніи самый полезный результатъ его сочиненія, на изображеніи народной массы въ пятой книгѣ. Конечно, французская литература слишкомъ долго занималась тѣмъ, что вступалась только за права народа въ смыслѣ массы; пора начать говорить ей правду о народѣ. Но не говоря уже о томъ, что это не полная правда,—какой выводъ дѣлаетъ самъ Тэнъ? или какое нравоученіе приходится вывести изъ его книги читателю? Нравоученіе это слишкомъ напоминаетъ собою впечатлѣніе, которое выносили изъ парижской толпы во время коммуны миролюбивые граждане, опасавшіеся за свой покой и за свое благосостояніе, и тѣ сцены изъ жизни парижскаго пролетаріата, съ которыми французскіе романисты любятъ, за послѣднее время, знакомить своихъ читателей. Но роль историка революціи не исчерпывается тѣмъ, чтобъ показать обществу только то, чего ему нужно опасаться со стороны народныхъ массъ. Такой пріемъ не можетъ содѣйствовать установленію правильнаго отношенія между разными классами народа. Тэнъ не только изобразилъ безотрадное состояніе, въ которомъ находился низшій слой французскаго народа въ прошломъ вѣкѣ, но онъ представилъ дѣло такъ, какъ будто такое состояніе есть вѣчный удѣлъ народной массы, и образованное общество вѣчно будетъ принуждено отбиваться отъ нея силою и спасать отъ нея цивилизацію. Эта мрачная картина не освѣщена ни однимъ лучомъ свѣта, безотрадное впечатлѣніе не смягчено

ни одной примиряющей идеей. Такая примиряющая идея должна бы была заключаться въ сознаніи, что самый прочный залогъ цивилизаціи заключается въ ея распространеніи, въ стремленіи сдѣлать ея блага доступными тѣмъ классамъ народа, куда она еще мало проникла. Читатель Тэна легко можетъ забыть, что цивилизація подобна таланту въ притчѣ, который былъ данъ для того, чтобъ разростаться, но былъ отнятъ у тѣхъ, которые его зарыли въ землю.

Намъ остается еще сдѣлать одинъ вопросъ, насколько Тэнъ достигнулъ той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ въ предисловіи къ книгѣ — объяснить французскую революцію посредствомъ изученія стараго порядка. Окончательный отвѣтъ, конечно, можетъ быть данъ только тогда, когда мы разсмотримъ вторую часть сочиненія, — изображеніе самой революціи; но уже и теперь можно указать на то, въ какомъ отношеніи задача не разрѣшена. Политическій смыслъ революціи, т.-е. ея значеніе въ исторіи Франціи, не вполнѣ разъясненъ, потому что Тэнъ слишкомъ мало касался политическаго строя французскаго государства и характера церкви, исключительно посвящая свое вниманіе описанію общества и литературѣ; еще менѣе удовлетворительно объяснены причины культурнаго или всемірно-историческаго значенія революціи, вслѣдствіе односторонняго и неправильнаго взгляда Тэна на культуру и философію XVIII вѣка. Поэтому можно впередъ ожидать, что при такой точкѣ зрѣнія Тэнъ вѣрно изобразитъ только увлеченія и заблужденія революціи 1789 года, но не ея заслуги въ исторіи цивилизаціи — и только-что вышедшій въ свѣтъ второй томъ [1]) его труда вполнѣ оправдываетъ такое наше заключеніе.

В. Герье.

---

[1]) Читатели найдутъ ниже, въ отдѣлѣ Хроники, краткій анализъ этого второго тома — въ „Парижскихъ письмахъ“ Эм. Зола. — *Ред.*

КАРЕНИНА И ЛЕВИНЪ

Литературно-критическія очерки.

Анна Каренина. Романъ въ восьми частяхъ. Гр. Льва Толстого. М. 1878.

Окончаніе.

II *).

Обратимся къ другому роману,—къ Левину. Мы уже говорили, что, по намѣренію автора, представленіе семейной жизни Левина, сопоставленное съ изображеніемъ семейныхъ отношеній Облонскихъ, Карениныхъ и участи Анны, должно было выяснить мысль цѣлаго произведенія,—но авторъ уклонился отъ избранной имъ цѣли. Второй романъ его явился просто біографіей Левина, біографіей лица, весьма загадочнаго для себя самого, и съ которымъ мы должны знакомиться только изъ изложенія его смутныхъ ощущеній, впечатлѣній, соображеній и разсужденій. Разнообразныя явленія и сцены дѣйствительной жизни служатъ въ этой біографіи только поводомъ для впечатлѣній и ощущеній Левина, нерѣдко приводящихъ его къ сознанію своей неспособности достигать ясныхъ понятій, хотя при этомъ онъ не теряетъ счастливаго убѣжденія, что истина открывается ему не менѣе, чѣмъ другимъ людямъ, и даже съ бо́льшею глубиною, но только не въ понятіяхъ, выражающихся словами, не путемъ мысли, а будто самою его личною жизнью, какимъ-то внутреннимъ, таинственнымъ процессомъ души его. Отсюда основною мыслью повѣство-

*) См. выше: апр., 786 стр.

ванія о Левинѣ является *особенное* пониманіе и развитіе сознанія его героя, помимо дѣятельности и пути мысли,—пути, какъ полагаетъ Левинъ, страннаго, сомнительнаго и несвойственнаго человѣку. Такая тэма, должны мы признать, тэма несомнѣнно свѣжая, новая и оригинальная. Въ повѣствованіи о Константинѣ Левинѣ, мы знакомимся съ ея воплощеніемъ въ его лицѣ и жизни.

Константинъ Дмитріевичъ Левинъ выступаетъ передъ читателемъ въ Москвѣ, куда онъ по временамъ пріѣзжалъ изъ своего имѣнія тульской губерніи, бо́льшею частью съ совершенно новымъ, неожиданнымъ для пріятелей его взглядомъ на вещи. На этотъ разъ новымъ въ Левинѣ былъ его костюмъ — не русскій, а европейскій. Это измѣненіе костюма является читателю намекомъ автора на то, что Левинъ уже успѣлъ, вмѣстѣ съ костюмомъ, измѣнить славянофильскія мнѣнія на какія-то новыя. — «Такъ! я вижу новая фаза», замѣчаетъ Облонскій, при встрѣчѣ съ Левинымъ. Заставши Облонскаго среди его служебной обстановки и дѣятельности, Левинъ сейчасъ же заявилъ, что онъ здѣсь ничего не понимаетъ. Въ Москву его привлекала Кити, дочь князей Щербацкихъ. Семью послѣднихъ Левинъ зналъ еще съ дѣтства. Еще со времени своего студенчества онъ чувствовалъ, что ему надо влюбиться въ одну изъ трехъ сестеръ Щербацкихъ, но не могъ разобрать, въ какую именно. Только въ началѣ настоящей зимы, пріѣхавъ въ Москву на выставку телятъ, онъ понялъ, что ему суждено дѣйствительно влюбиться въ Кити. Инстинктивныя влеченія Левина и въ этомъ случаѣ не прямо и не безъ блужданія привели его къ цѣли. Теперь онъ рѣшился жениться, но Кити была увлечена Вронскимъ; въ будущности съ Левинымъ ей ничего не представлялось радостнаго, но что-то туманное, и предложеніе Левина—быть его женой—встрѣтило отказъ съ ея стороны. Левинъ уѣхалъ въ свою деревню будто пристыженный и недовольный собой, но когда по желѣзной дорогѣ онъ прибылъ на станцію, гдѣ увидалъ своихъ лошадей и кучера Ипата, особенно когда онъ надѣлъ тулупъ и сѣлъ въ сани, то все съ нимъ случившееся представилось ему совершенно инымъ и призывало его только къ нравственному совершенствованію и исправленію себя. Дома встрѣтили его хозяйственныя хлопоты и заботы, но также и радостное событіе: отелилась Пава,—лучшая корова. Была уже ночь, но Левинъ тотчасъ же, при свѣтѣ фонаря, осмотрѣлъ тёлку, — и радость проникла въ сердце, носившее еще свѣжую рану отвергнутой любви: тёлка была длинна и пашиста. Освѣженный отраднымъ впечатлѣніемъ,

возвратясь въ свой домъ и усѣвшись въ кресло, Левинъ пилъ чай, слушая уже не безъ пріятныхъ и поэтическихъ мечтаній болтовню своей старой няни и экономки, Агаѳьи Михайловны, и читалъ книгу Тиндаля о теплѣ. Среди чтенія онъ думалъ: связь между силами природы и такъ чувствуется инстинктомъ... Особенно пріятно, какъ Павина дочь будетъ уже краснопѣгою коровой... Выдти съ женой и гостями встрѣчать стадо... Жена скажетъ: мы съ Костей, какъ ребенка, выхаживали эту тёлку... Что-то тяжелое произошло въ Москвѣ... Что́ же дѣлать? и т. д.

Прошло три мѣсяца, но тяжкое воспоминаніе объ отказѣ Кити все еще не покидало Левина. Его мечты о семейной жизни были разрушены, а она была ему необходима. Въ послѣднемъ утвердилъ его самъ скотникъ Николай. Левинъ, еще собираясь сдѣлать предложеніе Кити, говорилъ ему: «что́, Николай, хочу жениться», — и Николай рѣшительно отвѣчалъ: «и давно пора, Константинъ Дмитричъ». Мнѣнія людей, подобныхъ Николаю, въ важнѣйшихъ вопросахъ жизни, какъ увидимъ далѣе, были для Левина высшимъ, рѣшающимъ авторитетомъ, даже откровеніемъ, и онъ помнилъ слова Николая, болѣзненно чувствуя свое одиночество. Но время и труды Левина дѣлали свое и застилали для него тяжелыя воспоминанія. Кромѣ хозяйства, кромѣ чтенія, Левинъ началъ этою зимою еще сочиненіе о хозяйствѣ. Притомъ же ему было кому сообщать бродящія въ его головѣ мысли: ему нерѣдко случалось бесѣдовать съ Агаѳьей Михайловной о физикѣ, теоріи хозяйства и въ особенности о философіи. Читатель, ознакомившись съ тѣмъ, что́ Левинъ разумѣлъ подъ философіей, нисколько не станетъ удивляться послѣднему. Левинъ, Агаѳья Михайловна, скотникъ Николай, мужикъ Ѳедоръ, а также и дядя Ѳоканычъ, принадлежали къ одной философской школѣ. Левинъ только вслѣдствіе тугости своего пониманія долго не могъ уразумѣть ея ученія и явился уже послѣднимъ ея адептомъ.

Итакъ, жизнь Левина въ деревнѣ была наполнена, а между тѣмъ наступила и весна, важная пора въ жизни сельскаго хозяина, какимъ хочетъ представить намъ Левина авторъ. Левинъ презиралъ всѣ другія, открытыя ему дѣятельности, и считалъ одну земледѣльческую дѣятельность серьёзною и настоящею, и любилъ ее одну, говоритъ авторъ. Посмотримъ же на хозяйство и хозяйничанье Левина, этого спеціалиста и практическаго человѣка.

Весна для хозяина — время плановъ и предположеній. Выйдя на дворъ, Левинъ самъ не зналъ хорошенько, за какія предпріятія онъ примется теперь, но чувствовалъ, что онъ исполненъ самыхъ хорошихъ предположеній. Онъ пошелъ къ скотинѣ, ве-

лѣлъ выпустить наворокъ телятъ и задать сѣно въ рѣшетки, но оказалось, что всѣ рѣшетки были поломаны, такъ какъ онѣ и были сдѣланы легко. Затѣмъ оказалось, что бороны и всѣ земледѣльческія орудія также неисправны и не починены. Серьёзный хозяинъ, занимавшійся зимою сочиненіемъ и философіей съ Агаѳьей Михайловной, теперь очень былъ недоволенъ на прикащика за всѣ эти безпорядки. Впрочемъ, хозяинъ не знаетъ самъ, можно ли уже сѣять, а спрашиваетѣ объ этомъ прикащика, который вообще старается его успокоить словами, чтó все будетъ сдѣлано вó-время. Левинъ успокоился. Да и день былъ тáкъ хорошъ, что нельзя было сердиться. Поговоривъ о хозяйственныхъ дѣлахъ съ прикащикомъ, слушавшимъ его съ видомъ унынія и безнадежности, Левинъ ѣдетъ въ поле, гдѣ веселье болѣе и болѣе овладѣвало его душою. Зелени его топтали лошадь и стригунъ, но это не разсердило хозяина, и здѣсь онъ опять спрашиваетъ мужика: «чтó, Ипатъ, скоро сѣять?» — «Надо прежде вспахать, Константинъ Дмитричъ», отвѣчаетъ Ипатъ. Справедливый, хотя и поучительный отвѣтъ, не разсердилъ хозяина. Левинъ посмотрѣлъ, какъ работники разсѣваютъ клеверъ, и самъ прошелъ одну леху, разсѣвая его. «Ну, баринъ, на лѣто, чуръ, не ругать меня за эту леху», замѣтилъ работникъ Василій. Левинъ продолжалъ объѣздъ полей,—все было прекрасно и весело для хозяина. «Должны быть и вальдшнепы», думалъ онъ, и рысью поспѣшилъ домой, чтобы приготовить ружье къ вечеру.

Послѣ всѣхъ этихъ сценъ хозяйственной дѣятельности Левина, въ читателѣ не должно уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что Левинъ смотрѣлъ на земледѣліе очень серьёзно и былъ вполнѣ хозяинъ. Онъ не только могъ самъ разсѣять клеверъ, но, какъ узнаетъ читатель далѣе, даже иногда косилъ цѣлый день въ ряду мужиковъ. Всякая серьёзная дѣятельность, кромѣ достиженія прямой ея цѣли, нерѣдко обогащаетъ насъ значительными открытіями,—и Левинъ нашелъ, что косьба, доставляя ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе, есть вмѣстѣ и отличный режимъ противъ всякой дури, а такой режимъ несомнѣнно былъ нуженъ Левину. Занятіе же скотоводствомъ привело Левина къ не менѣе важному открытію, что корова есть только машина для переработки корма въ молоко, и къ теоріи молочнаго хозяйства, основанной на такомъ открытіи.

Мы ознакомились съ спеціальною дѣятельностью Левина и готовы признать его вполнѣ дѣльнымъ хозяиномъ, несмотря на недостатокъ въ немъ опредѣленныхъ хозяйственныхъ предпріятій и странность—въ знатокѣ своего дѣла—разспросовъ и справокъ

о томъ, пора ли сѣять, или косить, несмотря даже на неисправность и негодность всѣхъ его земледѣльческихъ орудій въ пору работы. Дѣятельность и жизнь Левина, вѣроятно, были весьма производительны и могли удовлетворять его. Но насъ ожидаетъ сюрпризъ со стороны самого Левина,—его собственныя признанія въ искусственности, безполезности и праздности его существованія. Разъ, созерцая крестьянскія работы и, вмѣстѣ съ трудомъ, веселость рабочихъ людей, онъ съ завистью думалъ о людяхъ, живущихъ такою жизнью. Проведя въ думахъ ночь на копнѣ, онъ рѣшилъ перемѣнить свою столь тягостную, искусственную и личную жизнь—на эту трудовую, чистую и общую жизнь, отречься отъ своего ни къ чему не нужнаго образованія, отъ своихъ безполезныхъ знаній. Затрудненіе было только въ томъ, какъ найти переходъ къ новой жизни. «Имѣть жену», думалъ онъ: «это первое и главное. Приписаться въ общество, жениться на крестьянкѣ?..» Но тутъ ничего яснаго ему не представлялось. Онъ предполагалъ все это уяснить себѣ послѣ.

Мы увидимъ, что жизнь Левина вообще была только процессомъ уясненія разныхъ затруднительныхъ вопросовъ, хотя самаго уясненія онъ не достигалъ. Новая фаза, въ какой онъ является теперь передъ нами, заставляетъ насъ понять, что въ Левинѣ мы едва ли справедливо признавали практическаго человѣка и дѣльнаго хозяина. Онъ былъ хозяиномъ только съ весны, а къ половинѣ іюля хозяйство опротивѣло ему и потеряло всякій интересъ. Прелесть, которую онъ самъ испытывалъ въ работѣ, происшедшее вслѣдствіе того сближеніе съ мужиками, зависть, которую онъ испытывалъ къ нимъ, къ ихъ жизни, желаніе перейти въ эту жизнь, — все это измѣнило его взглядъ на хозяйство, которое, какъ понималъ онъ теперь, было только упорной борьбою между нимъ и его работниками. Онъ стоялъ и долженъ былъ стоять за каждый свой грошъ, а они только стояли за то, чтобы работать покойно и пріятно, т.-е. такъ, какъ они привыкли. Всѣ неудачи, всѣ недочеты, безпорядки и неряшество хозяйства были слѣдствіемъ противоположности интересовъ хозяина и работниковъ.

Подъ вліяніемъ разныхъ впечатлѣній, Левинъ пришелъ къ мысли, что всѣ неудачи сельскаго хозяйства происходятъ отъ непризнанія особенныхъ свойствъ рабочей силы. Попробуемъ, думалъ онъ, признать рабочую силу не идеальною рабочею силою, а русскимъ мужикомъ, съ его инстинктами, и будемъ устраивать сообразно съ этимъ хозяйство. Хозяева ломятъ по-своему, по-европейски, а надо найти ту средину усовершенствованія, ко-

торую признаютъ рабочіе, и тогда почва, не истощаясь, будетъ приносить вдвое, втрое противъ прежняго. Отдайте половину рабочей силѣ, и разность, которая останется хозяину, будетъ больше, да и рабочей силѣ достанется больше. А чтобы сдѣлать это, надо спустить уровень хозяйства и заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ хозяйства. Какъ это сдѣлать? Это вопросъ подробностей,—думалъ Левинъ,—но это возможно.

Читатель знаетъ, что новая мысль Левина вовсе не нова, что испольное хозяйство весьма нерѣдко встрѣчается у насъ, хотя почва при такомъ способѣ хозяйства никакъ не приноситъ вдвое и втрое болѣе, чѣмъ при иныхъ способахъ. И какъ этого не зналъ такой знатокъ сельскаго русскаго хозяйства, какимъ былъ Левинъ? Открытіе, сдѣланное имъ, было не мудренѣе того открытія, что корова есть машина для переработки корма въ молоко.

Открытіе свое Левинъ попытался приложить къ дѣлу по нѣкоторымъ статьямъ своего хозяйства. Мужики, условившіеся вести дѣло на новыхъ основаніяхъ, предложенныхъ Левинымъ, называли обработываемую ими землю *испольною* и говорили Левину: «Получили бы денежки за землю: и вамъ покойнѣе, и намъ развязка». При разговорахъ съ ними о новыхъ порядкахъ хозяйства, Левинъ ясно видѣлъ въ ихъ глазахъ насмѣшку надъ нимъ. Агаѳья Михайловна на его толки о новыхъ порядкахъ замѣчала ему: «я одно говорю: жениться вамъ надо, вотъ что», причемъ она, вѣроятно, въ женитьбѣ усматривала тотъ необходимый Левину режимъ, какой онъ самъ признавалъ за косьбою. Братъ Левина, Николай, коммунистъ и соціалистъ отъ бездѣлья и самолюбія, раздраженнаго нравственнымъ униженіемъ и неудачами жизни, пьющій и потерянный человѣкъ, съ разрушеннымъ здоровьемъ и преслѣдуемый страхомъ неизбѣжной смерти, посѣтивъ Левина, бесѣдовалъ съ братомъ объ его хозяйственныхъ планахъ и раздражительно осуждалъ ихъ. Левинъ горячился при словахъ брата, но въ глубинѣ души уже боялся, что онъ правъ. Я ищу средствъ работать производительно и для себя, и для рабочаго. Я хочу устроить... говорилъ Левинъ. «Ничего ты не хочешь устроить,—отвѣчалъ Николай,—просто, какъ ты всю жизнь жилъ, тебѣ хочется оригинальничать».

Несмотря на всѣ эти обстоятельства и противорѣчія, Левинъ держался своихъ новыхъ плановъ хозяйства—и дѣло шло, или, по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось. Ему казалось также, что при такой дѣятельности для него уяснился немного (совсѣмъ ясно ему никогда ничто не уяснялось) вопросъ о томъ, какъ

жить, но теперь представился новый, неразрѣшимый вопросъ — смерть. Послѣдній вопросъ овладѣлъ Левинымъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на него смертью стараго слуги, Пароена Денисыча, и бѣшенствомъ гончей собаки, Помчишки, и, наконецъ, видомъ чахоточнаго брата Николая. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній онъ вставалъ ночью съ постели и осматривалъ себя въ зеркалѣ, онъ думалъ, что скоро умретъ, и во всемъ видѣлъ только смерть и приближеніе смерти. Темнота покрывала для него все. Затѣянное имъ дѣло хозяйства на новыхъ основаніяхъ занимало его только потому, что надо же какъ-нибудь доживать жизнь, пока не придетъ смерть. Для изученія этого же дѣла, онъ уѣхалъ за-границу, гдѣ провелъ четыре мѣсяца.

Изучалъ ли Левинъ за-границею дѣйствительно занимавшее его дѣло и привезъ ли оттуда какія-нибудь новыя понятія о немъ — намъ неизвѣстно, объ этомъ ничего не говоритъ авторъ, повѣствующій только, что послѣ своего путешествія Левинъ возвратился другимъ человѣкомъ. Мы же, съ своей стороны, въ какихъ новыхъ фазахъ, по выраженію Облонскаго, ни является передъ нами Левинъ, не замѣчаемъ въ немъ существенной перемѣны. Онъ постоянно занятъ представляющимися ему неразрѣшимыми вопросами и сомнѣніями, все старается уяснить себѣ задачи практической жизни, человѣческой судьбы, жизни, смерти, и мысль его при этомъ кружится и блуждаетъ, не достигая цѣли, онъ все обсуждаетъ, но ничего не понимаетъ и принимаетъ за разрѣшеніе вопросовъ случайныя впечатлѣнія свои, свои ощущенія и факты своей личной жизни. Онъ жилъ руководясь впечатлѣніями, инстинктивными влеченіями и вкусами своими, а минуты мысли являлись у него для того, чтобы все запутывать передъ нимъ въ неразрѣшимыя загадки и оставлять его только при сомнѣніяхъ. Мой главный грѣхъ есть сомнѣніе. Я во всемъ сомнѣваюсь и бо́льшею частію нахожусь въ сомнѣніи, признается самъ Левинъ на исповѣди предъ своей женитьбой. «Въ чемъ же преимущественно вы сомнѣваетесь?» спрашивалъ его духовный отецъ. «Я во всемъ сомнѣваюсь», отвѣчалъ Левинъ. Послѣ нѣкоторыхъ увѣщаній, духовникъ спрашивалъ его: «Какое же вы можете имѣть сомнѣніе?» — Я не понимаю ничего, — отвѣчалъ Левинъ. Итакъ, Левинъ и по возвращеніи изъ своего путешествія, былъ все прежній Левинъ, все находился въ сомнѣніи и ничего не понималъ. Новая фаза его состояла только въ томъ, что, уѣхавши за-границу въ отчаяніи, онъ возвратился спокойный и веселый. Какъ и почему произошла въ немъ такая

перемѣна—онъ ни теперь, ни послѣ не могъ объяснить себѣ. Объясненія вообще были слабою стороною Левина. Вопросъ смерти оставался для него, по-прежнему, недоступнымъ; дѣло, его занимавшее, казалось ему, какъ и прежде, маленькимъ и ничтожнымъ, только средствомъ для того, чтобы прожить, но въ послѣднее время, тѣмъ не менѣе, отчаяніе смѣнилось въ душѣ его радостнымъ настроеніемъ. Сила жизни, очевидно, взяла верхъ надъ путаницею мысли.

Въ Москвѣ Левинъ встрѣтился съ Кити, которая послѣ увлеченія Вронскимъ хворала и страдала, обманувшись во Вронскомъ и въ его любви къ ней. Ее возили за-границу, на воды. Она успокоилась, поздоровѣла, и горести ея стали только воспоминаніемъ. Кити теперь чувствовала, что она всегда любила Левина, хотя была увлечена Вронскимъ, а Левинъ въ глубинѣ души не переставалъ ждать счастія съ нею. Встрѣтившись, они скоро поняли другъ друга, и между ними возникло какое-то таинственное общеніе. Игра въ secrétaire была для нихъ средствомъ высказать другъ другу все, что они хотѣли. Сцена такого взаимнаго объясненія кажется наивною и нѣсколько смѣшною читателю. Взрослымъ людямъ играть въ загадки въ рѣшительныя и важныя минуты жизни кажется страннымъ и чѣмъ-то дѣтскимъ. Но для Левина загадки—было дѣло привычное. Все въ жизни являлось для него загадкою. Даже, стоя рядомъ съ Кити, во время обряда вѣнчанія, Левинъ чувствовалъ, что «это что-то такое, чего онъ не понималъ до сихъ поръ и теперь еще менѣе понимаетъ, хотя это и совершается надъ нимъ». Даже когда у него родился сынъ, онъ все-таки не могъ понять, откуда, зачѣмъ и кто онъ.

Тѣмъ не менѣе, Левинъ былъ счастливъ съ своей женою. Кити была женщина очень добрая, хорошая жена и хозяйка въ домѣ; она дѣлила горести и радости Левина, не огорчалась его странностями, хотя смекала, что въ Левинѣ не все было благополучно, что онъ смѣшонъ своимъ невѣріемъ, что напрасно читаетъ какія-то философіи и много думаетъ, но что все это, вѣроятно, только отъ уединенія и что тѣмъ не менѣе онъ лучше всѣхъ людей. Она желала только, чтобъ и сынъ ея былъ такой, какимъ былъ отецъ. Впрочемъ, Левинъ умѣлъ охранять свое домашнее счастіе, даже ловкими предупредительными полицейскими мѣрами, какъ узнаемъ мы изъ его поступка съ юношей Васинькой Весеñовскимъ, посѣтившимъ Левиныхъ въ ихъ деревнѣ. Васинька попробовалъ-было относительно Кити un petit brin de cour, но Левинъ велѣлъ запречь тарантасъ и выпрово-

дилъ на немъ Васиньку изъ своего дома. Левина нисколько не смущало, что, по обыкновеннымъ понятіямъ порядочныхъ людей, его поступокъ былъ неприличенъ, смѣшонъ и унизителенъ для достоинства его жены. Онъ, мы уже знаемъ, не руководствовался обыкновенными понятіями. Да и къ чему они годны? Вотъ, если бы несчастный Каренинъ умѣлъ охранять порядокъ своей домашней жизни по способу Левина, Вронскій не разрушилъ бы его! Итакъ, Левинъ былъ счастливъ въ своей семьѣ, но и счастіе не измѣнило его существенно, хотя отчасти онъ вступилъ еще въ новую фазу. Съ одной стороны, разочаровавшись неудачей прежнихъ хозяйственныхъ предпріятій для общей пользы, а съ другой, заваленный настоятельными дѣлами, онъ оставилъ всякія соображенія объ общей пользѣ. Онъ послѣ женитьбы сталъ болѣе и болѣе ограничиваться жизнью для себя и необходимыми дѣлами, жить потребностями настоящаго дня, и дѣятельность его, казалось ему, шла успѣшнѣе.

Хозяйство вмѣстѣ съ охотой за дичью и новой пчелиной охотой, наполняли всю жизнь Левина. Хорошо ли, дурно ли поступалъ—онъ не зналъ. Разсужденія, повѣствуетъ авторъ, приводили его въ сомнѣнія и мѣшали ему видѣть, чтó должно и чтó не должно. Когда же онъ не думалъ, то зналъ по рѣшеніямъ голоса души своей. Такъ онъ жилъ, не зная и не видя возможности знать, чтó онъ такое и для чего живетъ на свѣтѣ.

Жизнь Левина, какъ видитъ читатель, не представляла много занимательнаго по событіямъ и внѣшнимъ фактамъ. Она не представляла собственно содержанія для романа. Повѣствованіе о Левинѣ поэтому явилось его біографіею, въ которой главное значеніе принадлежитъ его личности, внутренней его жизни, изложенію блужданій его мысли и его мнѣній общественныхъ, экономическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ. Мы старались, слѣдуя за авторомъ, представить читателю главныя черты жизни и личности Левина, постараемся дополнить это представленіе изложеніемъ мнѣній Левина. Начнемъ съ его общественныхъ мнѣній.

Левинъ въ глубинѣ души чувствовалъ, что способность дѣятельности для общаго блага есть недостатокъ, что она является въ людяхъ слѣдствіемъ недостатка силы жизни, того, чтó называютъ сердцемъ, того стремленія, которое заставляетъ человѣка избрать одинъ изъ путей жизни и желать этого одного. Левинъ замѣчалъ, что дѣятели для общаго блага не сердцемъ были приведены къ любви общаго блага, но умомъ. Онъ не понималъ, что люди, посвящавшіе свою жизнь общему благу, ни по уму, ни по сердцу не стояли ниже Левина, а жизненный путь ихъ

былъ прямѣе и опредѣленнѣе того, по которому кружился Левинъ. Онъ думалъ, что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть личное счастье. Общественныя учрежденія, среди которыхъ жилъ землевладѣлецъ Левинъ, и общественныя собранія, въ которыхъ онъ могъ участвовать, были ему не нужны, такъ какъ не отвѣчали его интересамъ и не содѣйствовали его благосостоянію. Доктора, мировые судьи и школы были ему не нужны, а земскія учрежденія представляли для него только непріятныя повинности. Судить, какъ распредѣлить земскія суммы, или въ ряду присяжныхъ судить какого-нибудь вора — въ этомъ онъ не видѣлъ никакой связи съ своимъ личнымъ интересомъ.

Если Левинъ не понималъ, что интересы и благосостояніе общества, среди котораго онъ жилъ, необходимо связаны съ его личными интересами и благосостояніемъ, если онъ не понималъ этого даже изъ простого опыта жизни, то пробовать убѣждать его логическимъ путемъ, какъ это дѣлалъ братъ Левина, Сергѣй Ивановичъ, было напраснымъ трудомъ. Остается признавать необходимыми всѣ противорѣчія въ мнѣніяхъ, плодящихся подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній, а не мысли, и не удивляться, если Левинъ, не признавая медицины и медиковъ, бѣжитъ за ихъ помощію и ждетъ отъ нихъ спасенія для своей жены, да еще и самъ лечитъ старуху Матрену. Нельзя удивляться также, чтъ онъ, добрый и честный человѣкъ, желающій справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ людей, не понимаетъ смысла общественнаго суда, обезпечивающаго эту справедливость. Нельзя удивляться также, что Левинъ, признававшій существеннымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій личный интересъ и дорожившій только правами, обезпечивавшими послѣдній, драгоцѣннѣйшимъ изъ правъ признавалъ право, пріобрѣтенное русскимъ народомъ при призваніи варяговъ, которымъ этотъ народъ сказалъ: «княжите и владѣйте нами; мы радостно обѣщаемъ полную покорность; весь трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя, но не мы судимъ и рѣшаемъ».

Все это очень естественно и понятно со стороны Левина, и всѣ эти противорѣчія имѣютъ ту хорошую сторону, что не обязываютъ его ни къ какой послѣдовательности, ни въ практикѣ жизни, ни въ выводахъ мысли, и не мѣшаютъ ему самому неустанно судить и рѣшать всевозможные вопросы, учрежденія и отношенія, тогда какъ это всего менѣе подобаетъ Левину, и онъ долженъ былъ бы удовольствоваться для себя правомъ труда, униженія и жертвъ. Зачѣмъ онъ, напримѣръ, сильно негодуетъ на добровольцевъ и

современное движеніе въ пользу славянъ? Что могъ усмотрѣть Левинъ въ этомъ движеніи, если не пользованіе тѣмъ же правомъ безкорыстнаго труда и жертвъ, правомъ, купленнымъ народомъ, какъ говоритъ Левинъ, дорогою цѣною, еще со времени призванія варяговъ? Зачѣмъ же онъ вспоминаетъ о революціи и коммунѣ?—Безпокойство Левина за нарушеніе права, пріобрѣтеннаго со времени варяговъ, кажется намъ только плодомъ обычныхъ ему недоумѣній и противорѣчій, и Сергѣй Ивановичъ напрасно объяснялъ ему въ чемъ дѣло, ссылаясь на то, что въ народѣ живы преданія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ нечестивыхъ агарянъ.

Съ хозяйственными и экономическими мечтаніями Левина, мы уже отчасти ознакомились изъ практической дѣятельности его, какъ сельскаго хозяина. Онъ самъ разочаровался въ этихъ мечтаніяхъ неудачей многихъ своихъ предпріятій. Но Левинъ былъ не только практическій хозяинъ, онъ еще трудился надъ сочиненіемъ о хозяйствѣ, планъ котораго состоялъ въ томъ, чтобъ извѣстный, неизмѣнный характеръ рабочаго въ хозяйствѣ былъ принимаемъ за абсолютное данное. Левинъ прочелъ много книгъ по экономическимъ вопросамъ и, какъ онъ ожидалъ, не нашелъ въ нихъ ничего относящагося до предпринятаго имъ дѣла. Левинъ видѣлъ, что когда на Руси въ сельскихъ хозяйствахъ поевропейски прикладывается капиталъ, то земля и рабочіе производятъ мало, и что происходитъ это только оттого, что рабочіе хотятъ работать и работаютъ хорошо, однимъ имъ свойственнымъ образомъ, т.-е. весело, пріятно и беззаботно. Онъ думалъ, что русскій народъ, имѣющій призваніемъ заселять и обработывать огромныя незанятыя пространства, сознательно держался нужныхъ для этого пріемовъ, и что послѣдніе совсѣмъ не такъ дурны, какъ обыкновенно думаютъ. И онъ хотѣлъ доказать это теоретически въ книгѣ и на практикѣ въ своемъ хозяйствѣ. Итакъ, очевидно, Левинъ въ своемъ сочиненіи хлопоталъ доказать только, что существующій въ крестьянскомъ хозяйствѣ порядокъ и есть единственно лучшій, и что то, что есть, то и должно быть. Тѣмъ не менѣе Левинъ признавалъ въ сочиненіи своемъ дѣло новое и полезное, хотя послѣ женитьбы многія изъ прежнихъ мыслей этого произведенія показались ему излишними и крайними.

Теперь среди счастія семейной жизни онъ могъ относиться къ предмету своего сочиненія съ бо́льшею строгостію и трезвостію мысли, и онъ рѣшился пополнить его новою главою о причинахъ невыгоднаго положенія земледѣлія въ Россіи. Онъ доказывалъ, что бѣдность Россіи происходитъ не только отъ неправильнаго рас-

предѣленія собственности, но и отъ ненормально привитой въ послѣднее время Россіи внѣшней цивилизаціи. Особенно гибельно подѣйствовали на русское земледѣліе, по мнѣнію Левина, кредитъ, желѣзныя дороги, пути сообщенія и развитіе фабричной промышленности. По крайней мѣрѣ, этой главѣ сочиненія Левина, написанной при трезвости мысли, пріобрѣтенной авторомъ въ счастіи и спокойствіи семейной жизни, нельзя отказать въ новости воззрѣній. Трудъ Левина, къ сожалѣнію, не появлялся въ печати, но онъ могъ бы оказать благотворное дѣйствіе, убѣдивъ наше правительство и общество уничтожить всякія усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, фабрики, кредитъ и пути сообщенія. Все это нужно только для Европы, а для Россіи вредно, какъ несомнѣнно будетъ доказано Левинымъ, все это заблужденіе и слѣдствіе непониманія особеннаго характера русской рабочей силы и призванія русскаго народа. Этотъ характеръ и это призваніе народа Левинъ избралъ за основное начало своего сочиненія именно потому, что онъ ничего не понималъ въ народѣ. «Хотя онъ,—повѣствуетъ намъ авторъ о Левинѣ,—долго жилъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужикамъ, какъ хозяинъ и посредникъ, а главное какъ совѣтчикъ, онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго сужденія о народѣ». Онъ постоянно наблюдалъ людей,—мужиковъ, и «безпрестанно замѣчалъ въ нихъ новыя черты, измѣнялъ о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя». Авторъ положительно свидѣтельствуетъ, что о народѣ у Константина Левина никакого опредѣленнаго и неизмѣннаго понятія не было. Итакъ, Левинъ былъ вполнѣ приготовленъ къ ученому труду о предметѣ, котораго онъ никогда не могъ понять. Если бы онъ понялъ его, то, пожалуй, не существовало бы и сочиненія. Непониманіе и недостатокъ опредѣленныхъ понятій, какъ видно, весьма плодотворны и производительны. Они доставляютъ главный вкладъ въ литературу вообще и въ русскую въ особенности; имъ мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ философовъ, историковъ, экономистовъ и публицистовъ, произведенія которыхъ по своимъ достоинствамъ и оригинальности могутъ стоять наравнѣ съ сочиненіемъ Левина. Нельзя безъ ужаса представить себѣ, что̀ сталось бы съ нашею литературою безъ оригинальныхъ и неопредѣленныхъ понятій, которыя, благодаря основательности нашего образованія и ученія, надолго обезпечиваютъ производительность нашей литературы.

Намъ остается еще говорить о религіозныхъ понятіяхъ Левина. Мы уже знаемъ, что Левинъ всегда и во всемъ сомнѣвался. Его обычное состояніе было сомнѣніе, если только этимъ

словомъ можно обозначать отсутствіе не только положительныхъ, но вообще ясныхъ и точныхъ понятій, простое непониманіе. Не даромъ же Левинъ, исповѣдуя свои сомнѣнія духовнику, объяснилъ ихъ признаніемъ, что онъ ничего не понимаетъ. Тѣмъ не менѣе онъ въ зрѣломъ возрастѣ утратилъ свои дѣтскія и юношескія вѣрованія, смѣнившіяся для него разными представленіями, возникшими при чтеніи современныхъ книгъ, представленіями организма, разрушенія его, неистребимости матеріи, развитія и т. п. Онъ думалъ, что въ такихъ представленіяхъ онъ пріобрѣлъ новыя убѣжденія, но однакоже смутно чувствовалъ, что убѣжденія его были не только не знаніе, но такой складъ мысли, при которомъ невозможно было знаніе того, что̀ было ему нужно. Вопросы о смыслѣ и цѣли жизни и смерти, овладѣвшіе его душою подъ вліяніемъ впечатлѣній, о которыхъ мы уже говорили, не разрѣшались для него ученіями матеріалистовъ, и онъ началъ читать и перечитывать философовъ, объяснявшихъ жизнь не матеріалистически. Чтеніе это могло быть плодотворно при необходимомъ условіи пониманія и дѣятельности послѣдовательной мысли, а этого условія въ Левинѣ не было. При чтеніи философскихъ системъ ему казалось, что онъ *какъ будто* начиналъ что-то понимать, но вскорѣ для него оказывалось, что онъ понимаетъ только слова, изъ перестановки которыхъ составлялась постройка системъ, независимыхъ отъ чего-то болѣе важнаго въ жизни, чѣмъ разумъ. Разумъ понимается разумомъ, а для Левина онъ не могъ быть понятнымъ; нужно же ему было понять нѣчто болѣе важное, что̀ понимается не разумомъ.

Задача была въ самомъ дѣлѣ трудная — уразумѣть неразумное и понять его безъ разума. Левинъ однакоже разрѣшилъ ее для себя весьма успѣшно, хотя и не безъ содѣйствія мужика Ѳедора. Мучительно страдалъ Левинъ отъ занимавшихъ его вопросовъ, и чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ далѣе чувствовалъ себя отъ цѣли. Но однажды, толкуя съ Ѳедоромъ объ отдачѣ въ наймы земли, онъ услыхалъ отъ него, что мужикъ Ѳоканычъ для души живетъ, Бога помнитъ. Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ? — чуть не вскрикнулъ Левинъ. При словахъ Ѳедора, повѣствуетъ авторъ, неясныя, но значительныя мысли закружились въ головѣ Левина, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ. Читатель не долженъ удивляться, что для Левина ослѣпительный свѣтъ проливался изъ неясныхъ мыслей и что его нравственное просвѣтленіе начиналось съ ослѣпленія. Если бы это было иначе, то Левинъ не былъ бы самимъ собою. Левинъ почувствовалъ въ душѣ своей что-то новое и съ

наслажденіемъ ощупывалъ это новое, не зналъ еще, что̀ это такое, но ему казалось, что онъ, наконецъ, понялъ осязаемое имъ. «Ѳедоръ», думалъ онъ, «говоритъ, что Кириловъ дворникъ живетъ для брюха. Это понятно и разумно. Мы всѣ, какъ разумныя существа, живемъ для брюха. И вдругъ тотъ же Ѳедоръ говоритъ, что для брюха жить дурно, а надо жить для правды, для Бога, и я съ намека понимаю его!.. Всѣ люди и я согласны между собою въ одномъ: для чего надо жить и что̀ хорошо; у всѣхъ только одно это твердое и ясное знаніе, а знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ». Оно дано Левину самою жизнію, дано потому, что онъ ни откуда не могъ взять его.

«И откуда взялъ я это? «думалъ» Левинъ. Разумомъ, что ли, дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его. Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ и я повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что̀ было въ моей душѣ».... Знаніе добра, по мнѣнію Левина, дается человѣку вмѣстѣ съ сердцемъ и съ жизнію, и ими открывается ему, ученіе же церкви соотвѣтствуетъ внушеніямъ сердца, а потому и признается сердцемъ. Но сердца бываютъ злыя и добрыя, самоотверженныя и эгоистическія, даже въ одномъ сердцѣ бываютъ разныя влеченія. На какомъ основаніи одни сердца и влеченія мы признаемъ добрыми, а другія нѣтъ? Если нѣтъ понятія добра, а есть только инстинкты добра, то таковы или всѣ инстинкты, или только нѣкоторые, а безъ понятія добра ка̀къ мы различимъ одни отъ другихъ? Сами инстинкты не даютъ намъ понятія; понятіе долга, обязанности, дается только разумомъ. Это нравственное начало есть начало разумное. Сужденія разума, принимаемыя сердцемъ, составляютъ нравственное чувство. Верховный разумъ открывается и въ религіозномъ, и въ нравственномъ сознаніи человѣка. «Ну-ка,—восклицаетъ Левинъ,—пустите насъ съ нашими страстями, мыслями, безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, что̀ есть добро, безъ объясненія злонравственнаго!» Но понятіе и объясненіе добра, или зла, по мнѣнію Левина, не дѣло разума. Разумъ открылъ, полагаетъ онъ, законъ, требующій душить всѣхъ мѣшающихъ удовлетворенію нашихъ желаній, открылъ, что любить людей не разумно, что жить для брюха разумно. Мы всѣ, какъ разумныя существа, думаетъ Левинъ, не можемъ иначе жить, какъ для брюха.

Признаѐмъ же вмѣстѣ съ Левинымъ всѣхъ животныхъ разумными существами, но не человѣка, который живетъ не для брюха и котораго донынѣ ошибочно отличали отъ животныхъ, признавая въ немъ нравственное существо именно вслѣдствіе его

разумности, вслѣдствіе его возможности судить собственныя инстинктивныя влеченія. И досталось же разуму человѣка отъ Левина! Онъ торжественно уличилъ его въ гордости, въ глупости, въ подлости и мошенничествѣ. И это весьма естественно со стороны Левина. Путь мысли онъ признавалъ путемъ страннымъ и несвойственнымъ человѣку и жилъ впечатлѣніями. Впечатлѣнія дѣтства и юности поселили въ немъ и поддерживали преданія и ученія церкви, потомъ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній онъ измѣнилъ имъ, и наконецъ возвратился къ нимъ подъ вліяніемъ еще новыхъ впечатлѣній; но въ будущемъ Левину, по всей вѣроятности, предстоитъ еще новая фаза и въ этомъ отношеніи, такъ какъ впечатлѣнія разнообразны, измѣнчивы и безконечны, а ему суждено вѣчно покоряться капризной ихъ власти. Прочный возвратъ къ высокимъ вѣрованіямъ, если они утрачены человѣкомъ, возможенъ только путемъ мысли и сознанія, а такой путь былъ недоступенъ Левину.

Читатель, ознакомившійся съ жизнію и мнѣніями Левина, не замѣчаетъ никакого вліянія семейной жизни на его нравственное или умственное состояніе. Счастливый бракъ съ Кити не имѣлъ въ этомъ отношеніи никакихъ послѣдствій для Левина, который въ концѣ повѣствованія автора остается тѣмъ же, какимъ выступилъ передъ нами въ началѣ его. Добрая Кити, руководимая несложными инстинктами своего сердца, не запутывалась ни въ какихъ противорѣчіяхъ и не заражалась резонерствомъ своего мужа. Ея нравственная природа была цѣльнѣе и здоровѣе природы ея мужа, и Левинъ мирился съ тѣмъ, что всегда будетъ стѣна между «святая святыхъ» его души и женою его. Бракъ Левина съ Кити ни въ чемъ не оказалъ на него существеннаго вліянія, въ его семейной жизни мы не видимъ ничего, что указывало бы намъ на нравственно-благотворное значеніе семейнаго союза для лица, а потому мы думаемъ, что повѣствованіе о Левинѣ не имѣетъ никакой внутренней связи съ романомъ Анна Каренина, съ его основною мыслію и составляетъ вполнѣ отдѣльное произведеніе, хотя и не представляетъ собою собственно романа.

Романъ изображаетъ дѣйствительность и развивающіяся событія въ связи съ внутреннею жизнью и судьбою его главныхъ лицъ, — взаимодѣйствіе тѣхъ и другихъ. Если главное значеніе въ литературномъ произведеніи принадлежитъ цѣлямъ, рѣшеніямъ, волѣ и дѣйствію лицъ, тогда его содержаніе можетъ быть предметомъ драматическаго, а не эпическаго представленія. Если предъ нами только изображеніе душевнаго настроенія лица,

только изліянія стремленій его сердца, чувствъ и мысли, — то здѣсь мы въ области лирики. Силѣ, власти и значенію объективной дѣйствительности въ драмѣ и лирикѣ принадлежитъ второстепенное мѣсто, а въ эпосѣ и романѣ представленію дѣйствительности принадлежитъ столь же значительная роль, какъ и характерамъ и дѣйствіямъ главныхъ лицъ. Отсюда бо́льшая широта содержанія и объема формы эпическихъ произведеній сравнительно съ произведеніями другихъ родовъ поэзіи, но изъ этого не слѣдуетъ, что эта широта содержанія и соотвѣтствующій ей объемъ эпическаго произведенія предоставляются произволу поэта или автора. Авторъ романа выдѣляетъ изъ безконечной и разнообразной области дѣйствительности только ту часть ея, которая имѣетъ тѣсное отношеніе, внутреннюю связь съ главными лицами романа и представляетъ ее намъ по отношенію къ послѣднимъ въ событіи, совершающемся и развивающемся вмѣстѣ съ жизнью и развитіемъ судьбы главныхъ лицъ и характеровъ. Отсюда требованіе событія, происшествія, слагающагося и развивающагося изъ взаимодѣйствія лицъ и дѣйствительности, со стороны читателя романа вовсе не есть только праздное требованіе увеселительности и занимательности содержанія. Послѣдней потребности массы читателей могутъ удовлетворять и обыкновенно удовлетворяютъ разнообразныя сцены и картины жизни, подобранныя и соединенныя авторомъ механически, безъ всякой внутренней связи.

Въ романѣ дѣйствительность должна являться съ значеніемъ необходимости, такъ что все достигаемое и совершаемое главными лицами романа достигается и совершается ими подъ условіями окружающей ихъ среды, ея обстоятельствъ, ихъ стеченія и ихъ сплетенія. Въ такъ-называемомъ романѣ «Константинъ Левинъ» нѣтъ никакого развивающагося событія, происшествія. Авторъ представляетъ въ немъ только рядъ сценъ, изъ которыхъ весьма немногія имѣютъ отношеніе къ лицу Левина, къ личной его участи, къ внутренней его жизни, собственно и составляющей содержаніе повѣствованія о Константинѣ Левинѣ. Нѣкоторыя изъ изображаемыхъ сценъ рисуются авторомъ съ большимъ искусствомъ и съ правдивостью, свидѣтельствующею о силѣ его наблюдательности. Таковы, напримѣръ, сцены охоты Левина и дворянскихъ выборовъ. Но что̀ вносятъ эти сцены въ жизнь Левина, развитіе которой хочетъ представить намъ авторъ? Для чего послѣдній заставляетъ насъ слѣдовать за Левинымъ въ засѣданія разныхъ московскихъ обществъ, въ посѣщеніяхъ имъ его московскихъ знакомыхъ, въ концертъ и англійскій клубъ и т. д.? Слѣдуя такому способу творчества, авторъ могъ бы значительно

увеличить свое произведеніе еще длиннымъ рядомъ ничѣмъ не связанныхъ между собою сценъ, но изъ этого все же не вышло бы романа, какъ не вышло его и изъ изложенія чувствъ, представленій и уединенныхъ бесѣдъ Левина съ самимъ собою. Если нѣтъ событія, послѣдовательно развивающагося происшествія, въ которомъ выражается отношеніе между дѣйствительностью и главными лицами, дающее содержаніе произведенію автора, то нѣтъ и романа. Въ такомъ случаѣ автору остается излагать психическое состояніе своего героя, его ощущенія, его разговоры обо всемъ, что̀ придаетъ ему мысль, его мнѣнія объ экономическихъ, общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ. Описанія и изображенія случайно представляющихся сценъ жизни и природы, какъ повода къ размышленіямъ героя, случайныя впечатлѣнія послѣдняго, и отвлеченныя разсужденія и поученія необходимо займутъ тогда главное мѣсто въ произведеніи автора и сообщатъ ему прозаическій, описательный и болѣе или менѣе дидактическій характеръ, чуждый произведеніямъ истиннаго искусства, которое представляетъ намъ свое содержаніе въ живыхъ образахъ, въ формѣ, овладѣвающей нашею фантазіей — и, прежде всего, открывающей это содержаніе нашему созерцанію, а не разсудку и его анализу, къ которому главнымъ образомъ обращается поучающее жизнеописаніе Константина Левина. Но что̀ же поучительнаго нашли мы въ этомъ жизнеописаніи? Мы ознакомились съ экономическими, общественными, нравственными и религіозными мнѣніями Левина, — и не можемъ не спросить себя: неужели самъ авторъ видѣлъ въ нихъ нѣчто серьёзное и поучительное, или же его занимала только личность Левина, какъ любопытная загадка?

Со стороны автора мы не замѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда ироніи въ отношеніи къ герою его произведенія, къ его оригинальнымъ мнѣніямъ и умственному его блужданію. Онъ, повидимому, признаетъ въ Левинѣ серьёзнаго человѣка, даже человѣка замѣчательнаго по глубинѣ и оригинальности свойственнаго ему какого-то таинственнаго и безсознательнаго пониманія. Путемъ послѣдняго, какъ кажется Левину, истина и добро открываются для него съ бо̀льшею широтою и въ бо̀льшей высотѣ, чѣмъ людямъ, руководящимся умомъ и мыслью, — людямъ, подобнымъ Кознышеву, Метрову, Климову, Катавасову, съ которыми трудно Левину спорить и разсуждать, которые способны ясно выражать свои мнѣнія именно вслѣдствіе ограниченности и узкости своихъ понятій. Левинъ же чувствуетъ, что понимаетъ все до того вѣрнѣе, глубже и возвышеннѣе, что и выразить ясно

своего понимания не можетъ, а потому и долженъ быть побѣждаемъ въ бесѣдахъ съ этими людьми. При такомъ свойствѣ Левина, монологъ, а не бесѣды съ другими лицами,—самая удобная форма для выраженія движеній души его, и его монологи хотя и скучны, но за то свободны и не стѣснены противорѣчіями ограниченнаго разсудка и пониманія. Эти монологи не нарушаются и вмѣшательствомъ самого автора, не сопровождающаго ихъ, съ своей стороны, ни малѣйшимъ намекомъ, по которому читатель могъ бы подозрѣвать, что авторъ хотя слегка пожимаетъ плечами при крайне дикихъ выходкахъ Левина.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ герою своего повѣствованія, при отношеніи, ограничивающемся только полнымъ признаніемъ этого героя, авторъ не могъ представить намъ удовлетворительнаго объясненія страннаго лица, изображеннаго имъ въ Левинѣ. Въ послѣднемъ авторъ представляетъ намъ добраго, честнаго, нравственнаго, правдиваго и искренняго человѣка. Искренность Левина уже доказывается смѣлостью, съ какою онъ высказываетъ свои диковинныя мнѣнія, и была бы въ немъ большимъ достоинствомъ, если бы не служила преимущественно выраженію его дикой мысли. Левинъ является негоднымъ ни для какой дѣятельности. Какъ практическій, сельскій хозяинъ,—онъ смѣшонъ; какъ ученый экономистъ,—онъ смѣшонъ еще болѣе; какъ мыслитель и философъ,—онъ только забавенъ. Но въ чемъ же кроется начало всѣхъ его неудачъ, всѣхъ его напрасныхъ попытокъ дѣятельности и мысли? Авторъ жизнеописанія Левина не далъ намъ разрѣшенія этой загадки. Не кроется ли она въ артистической или художнической натурѣ Левина, напрасно принимавшагося за хозяйство, за экономическое сочиненіе и философію, вообще за такую дѣятельность, въ которой онъ былъ вполнѣ негоденъ? Его способность покоряться вліяніямъ встрѣчающихся явленій жизни, постоянное преобладаніе впечатлѣній надъ его мыслью, его мечтательность, его покорность инстинктамъ, темнымъ влеченіямъ, принимаемымъ имъ за понятія,—все это черты, свойственныя природѣ художника. Многое изъ того, что сообщаетъ намъ авторъ о Левинѣ, объясняется этими свойствами: только художественнымъ увлеченіемъ можно объяснить способность Левина наслаждаться цѣлые дни косьбою, залюбоваться сельскою идилліею въ отношеніяхъ Ивана Парменова къ своей женѣ—до того, чтобы захотѣть самому сдѣлаться крестьяниномъ и жениться на крестьянкѣ, способность его утѣшиться и забыться при страданіяхъ любви видомъ прекрасной тёлки или провести ночь на копнѣ, созерцая звѣзды и видя въ рако-

винѣ изъ облаковъ олицетвореніе всего хода своихъ мыслей и чувствъ.

Эта власть образовъ и явленій жизни надъ душою Левина внушаетъ намъ догадку, что въ немъ крылась возможность художника или, по крайней мѣрѣ, артиста. Насколько значительнымъ художникомъ могъ бы онъ быть, какъ велики оказались бы его талантъ или его дарованіе — это другой вопросъ. Но если бы авторъ, изображавшій намъ попытки разнородной дѣятельности и разнообразныхъ стремленій Левина, представилъ бы намъ также и попытки его художественной или артистической дѣятельности, то намъ казалось бы это совершенно понятнымъ и послѣдовательнымъ со стороны автора. Если бы Левинъ рѣшился взяться, напримѣръ, за кисть, то, можетъ быть, съумѣлъ бы представить художественныя воспроизведенія сценъ дѣйствительности и природы, къ впечатлѣніямъ которыхъ онъ былъ такъ воспріимчивъ. Произведенія его кисти въ жанрѣ, въ пейзажной и портретной живописи могли бы, вѣроятно, отличаться замѣтными достоинствами. Вѣроятно, онъ представилъ бы и опыты религіозной живописи, которые, впрочемъ, едва ли были бы удачны, такъ какъ въ Левинѣ болѣе усилій пріобрѣсти религіозное созерцаніе, чѣмъ глубокаго, цѣльнаго религіознаго одушевленія, сильной живой вѣры. Вообще, изучивъ Левина, мы не можемъ не опасаться, чтобы свойственное ему резонерство не являлось бы иногда и при художественной его дѣятельности — примѣсью, нарушающею гармонію имъ самимъ созданныхъ образовъ. Можно даже опасаться, что живописецъ Левинъ сталъ бы прибѣгать и къ аллегорическимъ изображеніямъ смутныхъ стремленій души своей, для выраженія которыхъ пластическое искусство не представило бы ему средствъ. Въ этомъ отношеніи музыка была бы областью искусства болѣе соотвѣтствующею потребности души его. Но, во всякомъ случаѣ, авторъ, приведя своего героя къ художественной дѣятельности, раскрылъ бы намъ тайну существеннаго значенія личности Левина и его жизни, — тайну, неразгаданную самимъ авторомъ или недосказанную имъ читателямъ жизнеописанія Левина.

Въ жизнеописаніи Левина авторъ представляетъ намъ еще нѣсколько лицъ, которымъ дается второстепенная роль въ разсказѣ автора, или которые мелькаютъ только въ отдѣльныхъ изображаемыхъ имъ сценахъ. Авторъ болѣе разсказываетъ объ этихъ лицахъ, чѣмъ показываетъ ихъ намъ. Онъ сообщаетъ намъ понятіе о нихъ, но не наглядное ихъ изображеніе. Такъ, авторъ говоритъ о Сергѣѣ Ивановичѣ Кознышевѣ, какъ о человѣкѣ

высокаго ума и образованія и съ даромъ дѣятельности для общаго блага, но принимавшаго къ сердцу всѣ важнѣйшіе вопросы жизни и общаго блага не болѣе, чѣмъ вопросы о шахматной партіи или объ устройствѣ новой машины. Дѣйствительно живою струною въ душѣ Кознышева было его самолюбіе. Все это, можетъ быть, тàкъ, а можетъ быть,—и нѣтъ. Судить объ этомъ мы не можемъ, потому что авторъ не представляетъ намъ, кàкъ и въ чемъ выражались характеристическія свойства личности Кознышева. Объ его жизни, поступкахъ, отношеніяхъ, цѣляхъ и задушевныхъ стремленіяхъ авторъ сообщаетъ весьма мало того, чтó давало бы намъ живое и опредѣленное представленіе о Кознышевѣ. Послѣдній разсуждаетъ, высказываетъ свои мнѣнія, но въ нихъ такъ мало оригинальнаго или характеристическаго, что лицо Кознышева остается намъ непонятнымъ. Всѣ эти Катавасовы, Метровы, Львовы, мелькающіе передъ нами въ повѣствованіи автора, не лица, а имена, и Левину очень легко чувствовать свое превосходство надъ ними. Тѣмъ болѣе, что и понятіе объ этихъ лицахъ сообщается намъ по преимуществу Левинымъ. Мы не знаемъ, каковы они сами по себѣ, но узнаемъ только, какими они кажутся Левину, кàкъ онъ о нихъ думаетъ. Замѣчанія, высказываемыя Левинымъ о предводителѣ дворянства Свіяжскомъ, заставляютъ насъ пожалѣть, что авторъ ограничился только нѣкоторыми намеками на характеръ этого лица. Этотъ Свіяжскій, держащій при себѣ мысли только для общественнаго употребленія и нуждавшійся только въ процессѣ разсужденія, но равнодушный къ его результатамъ, этотъ неглупый и образованный человѣкъ, для котораго жизнь была только пустою формою времени, для наполненія которой все пригодно, чтó только не нарушаетъ удобнаго и пріятнаго его личнаго существованія, заслуживалъ болѣе полнаго и отчетливаго изображенія. Онъ могъ бы явиться типическимъ представителемъ многихъ людей современнаго русскаго общества, но и о Свіяжскомъ намъ предлагаются только намеки и соображенія Левина, который тщетно пытается проникнуть въ глубину души Свіяжскаго, тщательно скрываемую послѣднимъ только потому, что тамъ собственно и скрывать нечего, что тамъ ничего нѣтъ.

Произведеніе графа Толстого, о которомъ мы старались дать отчетъ читателямъ, также какъ и извѣстный романъ автора «Война и миръ» представляетъ обширное и разнообразное содержаніе, почерпаемое авторомъ изъ дѣйствительной жизни и ея явленій. Отношеніе художника къ послѣднимъ не можетъ огра-

ничиваться только его впечатлѣніями и наблюденіемъ, хотя въ этомъ первое и необходимое условіе его дѣятельности и точка ея отправленія. Безконечный рядъ явленій дѣйствительности представляется въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, сплетеніяхъ и отношеніяхъ между собою, корни ихъ скрываются далеко въ прошедшемъ, своими вліяніями и послѣдствіями представляющіяся явленія простираются далеко въ будущее, дѣйствительность распадается въ разныхъ направленіяхъ и управляется разнообразными цѣлями. Почерпая изъ ней свое содержаніе, фантазія художника сообщаетъ границы и единство его изображенію.

Въ художнической фантазіи гораздо болѣе самообладанія, послѣдовательности, способности неуклоннаго, прямого преслѣдованія своей цѣли, чѣмъ обыкновенно думають, когда называютъ фантазіею несвязную игру представленій, подобную той, которая овладѣваетъ человѣкомъ среди сновъ его. Фантазія художника есть сила организующая, соединяющая и распредѣляющая впечатлѣнія и образы дѣйствительности сообразно своей цѣли, она воссоздаетъ ихъ какъ органическое цѣлое. Въ этомъ идеалъ художественной дѣятельности, идеалъ, достигаемый художниками, по мѣрѣ ихъ таланта, болѣе или менѣе.

Въ романахъ графа Толстого пестрыя явленія жизни не всегда подчинялись фантазіи изображавшаго ихъ художника. Они во многомъ оставались самостоятельнымъ матеріаломъ. Въ разнообразныхъ и смѣшанныхъ явленіяхъ жизни и дѣйствительности, изображаемыхъ авторомъ, послѣдній не находилъ, или не открывалъ читателю крѣпкой связи. Связь эта въ повѣствованіи автора рвалась, прекращалась или слабо и случайно завязывалась въ смѣняющихся событіяхъ, въ исторіи, въ развитіи изображаемыхъ характеровъ лицъ и судьбы ихъ. Произведеніе автора въ цѣломъ являлось безъ твердыхъ границъ, опредѣляемыхъ самимъ его содержаніемъ, безъ необходимой послѣдовательности въ развитіи этого содержанія, съ независимостію частей отъ цѣлаго, словомъ, не было произведеніемъ органическаго творчества. Автору удавалось болѣе изображеніе отдѣльныхъ сценъ и явленій жизни, чѣмъ—ихъ внутренней или преемственной связи; ему удавалось болѣе изображеніе лицъ и характеровъ въ данныя минуты и среди данныхъ положеній, чѣмъ представленіе развитія ихъ, чѣмъ представленіе опредѣленной и послѣдовательной ихъ роли въ цѣломъ его повѣствованіи.

Изъ произведеній графа Толстого его «Казаки» остается лучшимъ по исполненію, по полному выраженію представляемаго содержанія. Это содержаніе давалось несложнымъ, хотя

и оригинальнымъ бытомъ полудикаго племени, простыми практическими задачами и условіями жизни, вращающейся въ тѣсномъ кругѣ, опредѣляющемъ понятія, желанія и дѣйствія людей, въ немъ заключенныхъ. Для воспроизведенія такого несложнаго содержанія достаточно было одной общей картины, и она явилась передъ нами въ произведеніи автора «Казаковъ» такимъ цѣльнымъ, какимъ, при всѣхъ ихъ замѣчательныхъ достоинствахъ, не являлись другія его произведенія, представлявшія содержаніе болѣе сложное и разнообразное, положенія жизни частной и общественной, болѣе широкой, отношенія и цѣли людей болѣе утонченныя и осложненныя.

Недостатокъ цѣльности въ произведеніяхъ графа Л. Толстого отчасти можетъ объясняться артистическимъ увлеченіемъ подробностями, въ изображеніи которыхъ нельзя не признавать мастерства автора. Тѣмъ не менѣе можно пожелать ему бо́льшаго самообладанія, бо́льшей сдержанности и послѣдовательности въ преслѣдованіи главныхъ цѣлей и задачъ его произведеній. Для успѣха въ этомъ автору съ силою таланта графа Толстого нужны только настойчивость и неспѣшный трудъ. Поспѣшность послѣдняго высказалась и въ недостаткѣ литературной отдѣлки романа «Анна Каренина». Устранить встрѣчающіяся въ немъ небрежность языка и длинноты изложенія вполнѣ зависѣло бы отъ автора. Преждевременное, отрывочное появленіе въ печати главъ и частей незаконченнаго романа, надъ которымъ авторъ еще продолжаетъ трудиться въ теченіи долгаго времени, можетъ только увеличивать размѣры его произведенія безъ достаточной причины, но никакъ не можетъ содѣйствовать ни цѣльности, ни послѣдовательности въ развитіи его содержанія, ни тщательности отдѣлки его литературной формы.

А. Станкевичъ.

Москва.

ИЗЪ ЛАРРЫ

Испанская сатира тридцатыхъ годовъ.

Годъ тому назадъ [1]) мы имѣли случай познакомить читателей, въ краткомъ очеркѣ, съ главнѣйшими чертами жизни лучшаго современнаго испанскаго сатирика Ларры, имя котораго у насъ было почти вовсе неизвѣстно: очень немногіе знали, писалъ ли онъ въ прозѣ или въ стихахъ [2]). Для характеристики его сатиры мы привели тогда нѣсколько отрывковъ; но Ларра заслуживаетъ ближайшаго знакомства съ его сатирою: она можетъ соперничать съ лучшими произведеніями не одной современной европейской сатиры, и отличается полною самостоятельностью и оригинальностью своихъ пріемовъ.

---

[1]) См. Вѣстн. Евр. 1877, іюль, 183 стр.

[2]) О степени неизвѣстности у насъ имени Ларры можно судить по слѣдующему анекдоту, почерпнутому нами изъ достовѣрнаго источника. Кстати, этотъ анекдотъ составляетъ вмѣстѣ и черту изъ жизни покойнаго Некрасова; будущій издатель его стихотвореній долженъ принять къ свѣдѣнію этотъ анекдотъ, иначе, онъ можетъ впасть въ ошибку и отнести къ переводнымъ оригинальныя произведенія нашего поэта. На нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ у Некрасова стоитъ надпись: „Изъ Ларры". Между тѣмъ, Ларра не печаталъ стиховъ и знаменитъ своею сатирою въ прозѣ. Некрасова спрашивали, чтò это значитъ? Онъ съ усмѣшкою объяснялъ, что это съ его стороны одна стратегема и ничего больше: „въ прежнее время, говорилъ онъ, иныя мои стихотворенія не прошли бы, еслибъ я не выдалъ ихъ за переводъ съ какого-нибудь малоизвѣстнаго языка; а имя Ларры такое звучное и поэтическое: легко повѣрятъ, что онъ писалъ стихи". Однимъ словомъ, это была мистификація, съ цѣлью обхода препятствій; но подобная мистификація была возможна только при предположеніи, что имя Ларры до такой степени мало извѣстно, что не знаютъ даже, писалъ ли онъ въ прозѣ, или въ стихахъ.

Напомнимъ вкратцѣ, при какихъ обстоятельствахъ въ судьбѣ испанскаго общества явились первые сатирическіе опыты Ларры.

Ларра выступилъ на литературное поприще, повидимому, въ самую неблагопріятную эпоху для развитія его таланта. Это была эпоха полнаго разгара реакціи; но такія эпохи даютъ обыкновенно богатый матеріалъ для сатиры; кромѣ того, сатира тогда является самою удобною формою для того, чтобы высказывать горькую истину; если нельзя вещи называть прямо ихъ именемъ,— можно высказать многое среди шутокъ и смѣха, и великій талантъ автора дѣлаетъ то, что его горькимъ смѣхомъ наслаждаются иногда даже и тѣ, кого казнитъ его сатира. Въ сентябрѣ 1832 года, произошла въ Испаніи перемѣна, благопріятная для Ларры: королева Христина вступила въ управленіе на время болѣзни Фердинанда VII. Испанія вздохнула свободнѣе. Одновременно съ этимъ Ларра началъ рядъ своихъ сатирическихъ очерковъ подъ заглавіемъ: «Письма бѣднаго Говоруна»; они съ-разу доставили ему громкую извѣстность. Такая популярность начинающаго писателя, помимо таланта, объясняется и тѣмъ, что Ларра выступилъ на поприще печати послѣ многихъ лѣтъ полнаго затишья въ литературѣ. Впрочемъ, общественная симпатія къ нему пришлась скоро не по вкусу и новому, quasi-либеральному правительству; въ мартѣ 1833 года Ларра увидѣлъ себя вынужденнымъ прекратить свое изданіе. Вотъ, первая статья, которою Ларра дебютировалъ, а за нею послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, которыми мы воспользуемся ниже, въ послѣдующихъ извлеченіяхъ. Читая ихъ, какъ-бы присутствуешь при зарожденіи современнаго фельетона, и Ларра, дѣйствительно, можетъ быть сочтенъ однимъ изъ его родоначальниковъ.

I.

Что такое публика и гдѣ ее искать?

По природѣ своей я то, чтó на житейскомъ языкѣ зовется «доброю душою», несчастненькимъ, дурачкомъ,—все это и усмотрится изъ моихъ писаній. Единственный мой недостатокъ заключается въ томъ, что я люблю болтать слишкомъ много, и высказываю свои взгляды по бóльшей части не дождавшись, чтобы кто-нибудь спросилъ моего мнѣнія. Не спросясь никого, я во все вмѣшиваюсь, составляю обо всемъ свое собственное мнѣніе и, какъ дурачокъ, высказываю его направо и налѣво, ни-

сколько не заботясь о томъ, кстати ли это или не кстати. Никому изъ тѣхъ, кто, на основаніи вышесказаннаго, составилъ себѣ хотя общее элементарное понятіе о моей особѣ, вѣроятно, не покажется страннымъ, что я, почувствовавъ сегодня охоту поболтать, даже и не знаю, о чемъ начать говорить. Взявъ на себя обязанность писать *для публики*, я, сознаюсь, не вѣдаю даже, что̀ такое «публика». Разъясненіе этого вопроса, занявшаго меня при первомъ моемъ дебютѣ на писательскомъ поприщѣ,—пусть же будетъ предметомъ моей первой статьи. И въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ посвящать «публикѣ» «наши труды и безсонныя ночи», интересно знать, съ кѣмъ же, именно, мы имѣемъ дѣло?

Слово «публика», которое всегда у всѣхъ на языкѣ, къ которому всѣ обращаются для подтвержденія своихъ мнѣній при спорахъ, которое служитъ точкой опоры для всѣхъ партій, для всевозможныхъ воззрѣній,—что это такое? слово ли безъ содержанія, лишенное всякаго смысла, или нѣчто дѣйствительно существующее? Судя по тому, что слово «публика» такъ часто повторяется, судя по той роли, которую это слово играетъ въ свѣтѣ, по множеству прилагательныхъ, его окружающихъ, по уваженію, которымъ оно пользуется, слово «публика», должно быть, выражаетъ собою что́-то дѣйствительно существующее и имѣющее большое значеніе. Говорятъ же: «просвѣщенная» публика, «благосклонная» публика, «безпристрастная» публика, «почтенная» публика—значитъ, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что публика существуетъ. Предположивъ это, постараемся разузнать: что такое публика и гдѣ ее искать?

Съ такимъ, именно, намѣреніемъ вышелъ я изъ дому, искать на улицахъ «публику», наблюдать за нею и дѣлать въ моей записной книжкѣ отмѣтки объ отличительныхъ чертахъ этой «уважаемой» синьоры. Принявъ слово «публика» въ общеупотребительномъ смыслѣ, я для моихъ наблюденій отправился отыскивать ее въ многолюдныхъ собраньяхъ, и выбралъ для этого воскресный день. Множество чиновниковъ и людей занятыхъ и не занятыхъ въ будніе дни, пріодѣтыхъ, расфранченныхъ, въ особенности много нарядныхъ дамъ снуетъ по улицамъ, они входятъ въ церкви, съ цѣлью себя показать и на другихъ посмотрѣть; затѣмъ, дѣлаютъ безчисленное множество визитовъ; — гдѣ не застаютъ дома, или гдѣ хозяева не сказываются дома, тамъ оставляютъ карточки; гдѣ гостей приняли, тамъ начинается разговоръ о погодѣ, что̀ вовсе не интересно, говорятъ также объ оперѣ, о театрѣ, не понимая въ этихъ вещахъ никакого толка и т. д.

Вынимаю записную книжку и вношу: «Публика ходитъ въ церковь, публика наряжается, публика дѣлаетъ визиты, по большей части ненужные, — слѣдовательно, публика (будь сказано съ ея разрѣшенія) теряетъ по пустому время и занимается вздоромъ».

Отправляюсь на разныя гулянья — но тутъ о публикѣ вообще трудно сказать что-нибудь. Единственное заключеніе, къ которому я могу придти, то, что «публика идетъ гулять, чтобы наглотаться пыли, чтобы потолкаться въ толпѣ, нѣкоторые съ цѣлью покататься въ экипажахъ, другіе, чтобы пройтись пѣшкомъ, иные, чтобы разсѣяться, нѣкоторые чтобы завести любовную интригу, остальные, чтобы запастись билетами въ циркъ, въ театръ, въ оперу и т. п.

Но уже начинаетъ темнѣть, и я, поспѣшно сторонясь отъ публики въ экипажахъ и отъ кавалеровъ гарцующихъ верхомъ — это самая опасная публика — отправляюсь въ кофейныя, гостинницы и рестораны наблюдать за публикою. Замѣчаю я, что она часто предпочитаетъ грязныя помѣщенія, гдѣ дурно кормятъ и поятъ — помѣщеніямъ опрятнымъ, красивымъ, съ хорошимъ столомъ — изъ чего вывожу заключеніе, что публика «капризна». — Идутъ самые разнообразные разговоры и споры — тамъ вотъ кучка военныхъ, здѣсь вотъ нѣсколько адвокатовъ, подальше журналисты — всѣ кричатъ и спорятъ о предметахъ, въ которыхъ сами ничего не смыслятъ; еще дальше четыре старичка бранятъ молодежь, отрицаютъ въ ней пониманіе, чувство, талантъ — «то ли было въ наши дни», говорятъ они и т. д. Однимъ словомъ, вездѣ суды и толки, а толку мало.

Я все вижу, все слышу, и съ улыбкою на лицѣ вношу въ свою записную книжку слѣдующее замѣчаніе: «просвѣщенная публика любитъ говорить о тѣхъ вещахъ, въ которыхъ ничего не смыслитъ».

Смотрю по сторонамъ: вездѣ винъ разливное море; пары Бахуса наполняютъ уже головы почтенной публики, которая перестаетъ сама себя понимать. Хотѣлъ я только что занести въ мою книжку: «почтенная публика напивается», но, къ счастью, сломался кончикъ карандаша, а такъ какъ не мѣсто было очинить его, то послѣднее замѣчаніе такъ и осталось у меня in pectore.

Въ то же самое время другой разрядъ людей играетъ на бильярдахъ или проводитъ ночь за карточными столами, но объ этихъ людяхъ я не буду говорить, такъ какъ изъ всѣхъ «публикъ» эта, по моему мнѣнію, самая безразсудная.

Открылись театры — отправляюсь туда. Тутъ-то, думается мнѣ, будетъ конецъ моимъ сомнѣніямъ и я узнаю настоящую публику

по ея осмысленной снисходительности, просвѣщенному вкусу и справедливымъ приговорамъ. Дается новая пьеса, идетъ первое представленіе. Одна часть публики ожесточенно апплодируетъ, другая шикаетъ. Нѣкоторые находятъ пьесу превосходной, другіе, наоборотъ, говорятъ, что это Богъ знаетъ что́ такое, ужасное, невозможное. Настоящій хаосъ—тутъ ничего не разберешь.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, недоумѣвая относительно предмета моихъ наблюденій, я обращаюсь къ людямъ болѣе меня свѣдущимъ и просвѣщеннымъ. Спрашиваю автора ошиканныхъ комедій: «что такое публика?» а онъ мнѣ говоритъ: «вы бы лучше спросили меня: сколько нужно дураковъ, чтобы составить публику». Авторъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ, отвѣчаетъ мнѣ: «публика—это собраніе просвѣщенныхъ особъ, которыя въ театрахъ рѣшаютъ вопросъ о достоинствахъ литературныхъ произведеній». Журналисты думаютъ, что вся публика исчерпывается кругомъ ихъ подписчиковъ, и въ такомъ случаѣ не велика же публика испанскихъ публицистовъ. Адвокаты полагаютъ, что публика состоитъ исключительно изъ ихъ кліентовъ. Доктору кажется, что публика—это его больные, и, благодаря его наукѣ, эта публика уменьшается съ каждымъ днемъ, и т. д. Такимъ образомъ, я дождался ночи, не получивъ нигдѣ положительнаго, опредѣленнаго отвѣта на мои вопросы.

Кто же публика? Тѣ ли, которые покупаютъ лубочныя картинки или карточки полунагихъ женщинъ и читаютъ романы Поль де-Кока, и т. п., или тѣ, которые оставляютъ гнить на полкахъ книжныхъ магазиновъ ученыя книги, классиковъ, переводы Гомера? Тѣ ли, которые хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы добыть себѣ билетъ на представленіе модной пѣвицы, или тѣ, которые перепродаютъ эти билеты? Тѣ ли, которые во время революціонныхъ вспышекъ жгутъ, стрѣляютъ и вѣшаютъ, или тѣ, которые въ мирное время все переносятъ и усердно льстятъ и заискиваютъ?

А что такое общественное мнѣніе, этотъ отголосокъ публики? То ли это общественное мнѣніе, которое такъ часто находится въ противорѣчіи даже съ законами и съ справедливостью? Или, быть можетъ, то, которое вѣчнымъ позоромъ покрываетъ имя разсудительнаго человѣка, отказывающагося драться на дуэли изъ-за каприза или неосторожности другого человѣка, стоющаго, быть можетъ, менѣе его? Или то, которое на подмосткахъ театра и въ обществѣ глумится надъ легковѣрными кредиторами разныхъ ловкихъ обманщиковъ и съ презрѣніемъ относится къ мужу, имѣющему несчастіе обладать женою сумасшедшею или еще того

хуже? Или то, которое подъ именемъ героевъ превозноситъ и прославляетъ хищниковъ большого калибра и одобряетъ позорную казнь маленькихъ воришекъ? Или то, которое опредѣляетъ преступленіе его величиною и честь мужа ставитъ въ зависимость отъ темперамента его жены?

Наконецъ, съ какой стати, чтобы привлечь къ себѣ благосклонное вниманіе этой публики, неутомимый и трудолюбивый писатель всю жизнь свою проводитъ за письменнымъ столомъ, а талантливый актеръ жестикулируетъ и махаетъ руками во все время своего существованія? На какомъ основаніи храбрый воинъ подвергаетъ себя смерти, чтобы заслужить ея похвалы? Для чего столько жертвъ, приносимыхъ съ цѣлью прославиться среди нея?

Но уже настало время ложиться спать, и я, приведя въ порядокъ мои дневныя наблюденія, перечиталъ ихъ снова и пришелъ къ слѣдующимъ двумъ выводамъ.

Во-первыхъ, публика лишь предлогъ, ширма для личныхъ цѣлей каждаго отдѣльнаго члена общества. Писатель говоритъ, что мараетъ бумагу и беретъ деньги съ публики все для ея же пользы—для общественнаго блага. Докторъ и адвокатъ тоже орудуютъ для пользы публики. Судья осуждаетъ невиннаго тоже для пользы общества. Портной, книгопродавецъ, типографщикъ— кроитъ, печатаетъ и обкрадываетъ все съ тою же благовидною цѣлью. Даже... впрочемъ, такимъ образомъ я зайду далеко; къ тому же, мнѣ придется самому признаться, что пишу я тоже для публики, иначе, останется увѣрять, что пишу для самого себя.

А во-вторыхъ, я пришелъ къ заключенію, что не существуетъ одной, единственной, постоянной, непредубѣжденной публики, какъ увѣряютъ нѣкоторые, а каждый общественный слой распадается на свою особую публику, изъ различныхъ отростковъ и характеровъ которой и составляется чудовищная физіономія того, что мы называемъ публикой; а эта послѣдняя капризна, измѣнчива, почти всегда несправедлива и съ предубѣжденіями, какъ и большинство людей, ее составляющихъ; она отличается нетерпимостью и въ то же самое время долготерпѣніемъ, предана рутинѣ и любитъ новаторство, хотя это и можетъ, пожалуй, показаться парадоксальнымъ; она увлекается безъ причины и рѣшаетъ безъ основательныхъ мотивовъ; она отдаетъ себя во власть скоропреходящихъ впечатлѣній; она любитъ до идолопоклонства, не зная почему, и ненавидитъ до смерти, тоже не зная почему; она злорадствуетъ и злобствуетъ и забавляется ѣдкою насмѣшливостью; она обыкновенно огуломъ, въ массѣ, чувствуетъ совсѣмъ

иначе, чѣмъ каждый ея членъ отдѣльно взятый; предметомъ предпочтенія ея служитъ интригующая и шарлатанствующая посредственность, а скромный, не кричащій о самомъ себѣ талантъ забывается или презирается ею; неблагодарностью платитъ она за важныя заслуги и осыпаетъ чрезмѣрною благосклонностью тѣхъ, которые ей льстятъ и ее обманываютъ; и, наконецъ, мы очень ошибочно смѣшиваемъ ее съ потомствомъ, которое почти всегда отмѣняетъ ея несправедливые приговоры.

II [1]).

Никто не пропускается безъ дозволенія привратника.

Почему бы Испаніи не имѣть привратника, когда каждый мало-мальски значительный домъ имѣетъ таковаго? Во Франціи, въ прежнія времена, эту обязанность принимали на себя швейцарцы, въ Испаніи же, какъ кажется, должность привратниковъ исполняютъ уроженцы Бискайи. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ, чтобы попасть изъ Парижа въ Мадридъ, нужно было преодолѣть только слѣдующія препятствія: 365 миль, ланды Бурдео и регистровку въ Фуэнкарральской таможнѣ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, нѣкоторые изъ жителей города Алавы (да проститъ имъ Господь) проснулись въ расположеніи духа дѣлать открытія и съ-разу попали на мысль, что они находятся на срединѣ дороги между Парижемъ и Мадридомъ. Громкимъ хоромъ воскликнули они: «развѣ это порядокъ, чтобъ такъ себѣ входили да выходили? Отнынѣ никто не пропускается безъ дозволенія привратника». И такимъ образомъ каждый алавезецъ превратился въ привратника и городъ Витторія во что-то въ родѣ мышеловки на дорогѣ изъ Франціи: все, что входитъ, впускается безпрепятственно; но разъ попавши туда, нельзя уже выдти иначе, какъ прорвавшись силой.

Но не будемъ занимать читателя ненужными отступленіями. Въ одинъ изъ первыхъ дней текущаго мѣсяца въ Алавѣ и Витторіи начинало разсвѣтать и болѣе или менѣе разсвѣтало, точно такъ же, какъ и въ остальныхъ странахъ міра, т.-е. мы хотимъ сказать, что въ этихъ двухъ провинціяхъ начинало дѣлаться

[1]) Эта сатира заключаетъ въ себѣ превосходную характеристику партіи карлистовъ, съ ея религіозною нетерпимостью, хищничествомъ и невѣжествомъ. Эта партія выступила на сцену тотчасъ по смерти Фердинанда VII-го.

свѣтло, когда легкое облачко пыли, поднявшееся на французской дорогѣ, предвозвѣстило появленіе во весь бѣгъ несущагося экипажа изъ сосѣдней намъ страны. Два болѣе или менѣе важные путешественника, одинъ испанецъ, другой французъ, первый закутанный плащемъ, второй въ пальто—сидѣли въ экипажѣ. Первый строилъ зáмки въ Испаніи, а второй воздушные зáмки относительно дня и часа, когда они прибудутъ въ городъ Мадридъ, вѣрный городъ и столицу законной, коронованной правительницы Испаніи. Быстро экипажъ приблизился къ воротамъ города Витторіи, но тутъ звучный голосъ—изъ тѣхъ, которые раздаются только изъ хорошо откормленнаго тѣла—отдалъ приказаніе задержать путешественниковъ. «Стой!—раздавался голосъ:—никто не пропускается».—«Никто не пропускается?» повторилъ изумленный испанецъ. «Вѣроятно, разбойники?» спросилъ французъ. «Нѣтъ, синьоръ,—возразилъ успокоившись испанецъ:—это, вѣроятно, таможенная стража». Но каково было его удивленіе, когда, высунувъ голову изъ запыленнаго экипажа, онъ увидѣлъ предъ собой толстаго монаха, поднявшаго всю эту тревогу. Но все еще сомнѣваясь въ дѣйствительности представляющейся его глазамъ картины, путешественникъ напрягалъ зрѣніе, чтобъ разглядѣть, нѣтъ ли чего иного дальше на горизонтѣ, но увидѣлъ лишь другого монаха, стоящаго вблизи перваго, и подальше—еще третьяго и еще сотни другихъ, разставленныхъ, какъ деревья въ аллеи. «Святый Боже!—воскликнулъ онъ,—кучеръ, навѣрно, ты сбился съ дороги! Куда-жъ ты насъ привезъ, въ пустыню, а не въ Испанію?»—«Синьоръ,—отвѣтилъ кучеръ,—если городъ Алава въ Испаніи, то мы должно быть въ Испаніи».—«Полно болтать,—сказалъ тутъ монахъ, которому выраженіе ихъ удивленія и ужаса уже успѣло надоѣсть,—вы именно со мной и будете имѣть дѣло, синьоръ путешественникъ».—«Съ вами, святой отецъ? Какая нужда вашему преподобію до меня? Исповѣдывался я въ послѣдній разъ въ Байоннѣ, а по дорогѣ оттуда сюда какимъ образомъ моему спутнику или мнѣ могъ представиться случай согрѣшить, хотя бы и легко, если не считать грѣхомъ путешествіе по этимъ странамъ?»—«Молчите,—сказалъ монахъ,—это будетъ полезнѣе для спасенія души вашей. Во имя Отца и Сына...»—«О, Господи!—воскликнулъ путешественникъ, и волосы встали дыбомъ на его головѣ:—въ этомъ городѣ насъ приняли навѣрное за одержимыхъ бѣсами, и хотятъ выгнать ихъ изъ насъ».—«И святаго Духа,—докончилъ монахъ:—выходите изъ экипажа и мы съ вами побесѣдуемъ». Въ это время одинъ за другимъ появилось нѣсколько мятежниковъ и возмутившихся,

и изъ нихъ каждый, вмѣсто кокарды, имѣлъ портретъ Карла V на шляпѣ.

Французъ не понялъ ни слова изъ всего разговора и предполагалъ, что дѣло, вѣроятно, идетъ о полученіи пропуска чрезъ городскія ворота. Они вышли изъ экипажа, и лишь только увидѣлъ французъ монаховъ, «Боже мой, — воскликнулъ онъ на своемъ языкѣ—какой неудобный костюмъ носить въ Испаніи таможенная стража, и какъ они хорошо упитаны, какіе здоровяки».—Но ужъ лучше бы бѣдный французъ и не заговаривалъ на своемъ языкѣ. «Контрабанда», послышался голосъ, «контрабанда», повторилъ другой; «контрабанда», поднялся общій гвалтъ и крикъ. Бываетъ, что капля воды попадетъ въ кипящее масло на горячей плитѣ, и поднимается клокочущая жидкость, и пѣнится, и скачетъ, и бросаетъ пламя, и шипитъ, и шумитъ, и попадаетъ въ огонь, и взбудораживаетъ его и поднимаетъ пепелъ, и спаляетъ шерсть кота, забравшагося спать поближе къ теплому мѣстечку, и обжигаетъ маленькихъ дѣтей, и домъ превращается въ то время въ адъ; точно также взбудоражилось, вспыхнуло, зашумѣло, зашипѣло все сборище стражи новаго рода, состоящей изъ мятежниковъ и монаховъ, заслышавъ первое слово, сказанное на французскомъ языкѣ несчастнымъ иностранцемъ. «Лучше всего повѣсить его», сказалъ одинъ изъ нихъ, а испанецъ перевелъ сказанное французу. «Какимъ же это образомъ лучше всего?» воскликнулъ бѣднякъ. «Смотря по тому, что еще будетъ,—отвѣтилъ другой,—увидимъ». «Чего же намъ еще надо,—возразилъ третій,—вѣдь онъ французъ?»

Шумъ, наконецъ, улегся, и путешественниковъ вмѣстѣ съ ихъ вещами препроводили въ какой-то домъ; испанецъ думалъ, что онъ спитъ, что все это удивительный кошмаръ, что-то въ родѣ ужасной фантасмагоріи, когда представляется, что попалъ въ когти къ медвѣдямъ, или въ страну лошадей какъ Гулливеръ.

Пусть представитъ себѣ читатель большую комнату, переполненную ящиками и чемоданами и множествомъ съѣстныхъ припасовъ, бутылками съ виномъ, чанами съ рыбою, все разбросано тамъ и сямъ, какъ бываетъ на вывѣскахъ колоніальныхъ магазиновъ. Это видимо было зданіе интендантства. Два плохенькіе съ виду монаха и два добровольца изъ мятежниковъ исполняли обязанность швейцаровъ. Множество карлистовъ и монаховъ занимались изслѣдованіемъ чемодановъ и казалось на видъ, будто они отыскиваютъ грѣхи даже въ складкахъ рубахъ. Тутъ же были на лицо и другіе путешественники, такъ же какъ и наши охваченные ужасомъ, постоянно крестившіеся, какъ будто видя передъ собой

наважденіе сатаны. Невдалекѣ за письменнымъ столомъ монахъ, болѣе почтенный съ виду, чѣмъ остальные, началъ допрашивать вновь прибывшихъ.

— Кто вы такой?—обратился онъ къ французу, а послѣдній, не понявъ вопроса, молчалъ. Тогда отобрали у него паспортъ.

— Французъ,—обратился къ нему монахъ,—кто выдалъ вамъ этотъ паспортъ?

— Его величество, Людовикъ-Филиппъ, король французовъ.

— Что это за король такой? Мы здѣсь не знаемъ ни Франціи, ни этого донъ-Людовика. Слѣдовательно, бумага эта не имѣетъ никакого значенія. Какъ будто,—прибавилъ онъ сквозь зубы,—во всемъ Парижѣ нѣтъ ни одного священно-служителя, который могъ бы выдавать имъ паспорты, и французы такимъ образомъ перестали бы, наконецъ, являться къ намъ съ никуда негодными бумагами. Зачѣмъ вы пріѣхали,—обратился святой отецъ снова къ французу.

— Изучать вашу прекрасную страну—отвѣтилъ французъ съ любезностью, столь свойственною человѣку, находящемуся въ дурныхъ обстоятельствахъ.

— Изучать? Эге? запишите это, секретарь; эти люди пріѣхали изучать; мнѣ кажется, намъ придется послать ихъ на судъ въ Лонгрньо. Что такое у васъ въ чемоданѣ? Книги... Это что такое... Recherches sur... sur... Этотъ Recherches вѣроятно какой-нибудь морской писатель, должно быть еретикъ. Бросить всѣ книги въ огонь. Еще что тамъ? А! партія часовъ! На нихъ стоитъ: London... это, вѣрно, фамилія фабриканта. Для чего вы ихъ везли?

— Я ихъ везъ одному моему знакомому, часовщику въ Мадридѣ.

— Конфисковать,—сказалъ монахъ, и въ то время когда онъ сказалъ «конфисковать», каждый изъ близъ стоящихъ взялъ по парѣ часовъ и спряталъ ихъ въ свой карманъ. Ходятъ слухи, что нѣкоторые подвинули стрѣлки впередъ, чтобы подвинуть такимъ образомъ и обѣденный часъ.

— Однако, синьоръ,—замѣтилъ французъ,—я привезъ часы не для васъ.

— Чтожъ-такое! А мы ихъ взяли себѣ.

— Развѣ въ Испаніи запрещено знать, который часъ?—спросилъ французъ испанца.

— Молчите,—сказалъ монахъ,—если вы не желаете, чтобы я началъ изгонять изъ васъ бѣса,—и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ на всякій случай сдѣлалъ надъ нимъ крестное знаменіе. Французъ стоялъ изумленный, и еще болѣе изумленный стоялъ испанецъ.

Между тѣмъ, ихъ обоихъ мятежники, бывшіе съ монахами, обчистили до тла, взявъ и кошелекъ, въ которомъ было болѣе трехъ тысячъ реаловъ.

— А вы,—обратились немного спустя къ товарищу француза,—вы кто такой, что вы такое?

— Я испанецъ, имя мое—донъ-Хуанъ Фернандецъ.

— Чтобы служить Богу,—прибавилъ монахъ.

— И ея величеству, нашей синьорѣ королевѣ, — отвѣтилъ довольнымъ и громкимъ голосомъ испанецъ.

Въ тюрьму,—закричалъ голосъ,—въ тюрьму, закричали тысячи голосовъ.

— Но, синьоръ, за что же?

— Развѣ вамъ не извѣстно, синьоръ революціонеръ, что здѣсь нѣтъ болѣе королевы, кромѣ Карла V, который благополучно, безъ всякой оппозиціи управляетъ государствомъ?

— А! я не зналъ этого...

— Такъ знайте же и покоряйтесь, и...

— Знаю и покоряюсь, и...—повторилъ испуганный путешественникъ, стуча зубъ о зубъ.

— А какой у васъ паспортъ? Покажите—тоже французскій... Посмотрите, отецъ секретарь, на этихъ паспортахъ выставленъ 1833 г. Какъ эти люди удивительно быстро живутъ!

— Такъ развѣ не 1833 г. теперь? Господи Боже мой;—сказалъ Фернандецъ, которому казалось, что онъ начинаетъ сходить съ ума.

— Въ Витторіи,—отвѣтилъ, разсердившись монахъ, ударяя кулакомъ о столъ,—годъ 1-й христіанства, и совѣтую вамъ не возражать мнѣ.

«Святой Боже! 1-й годъ христіанства! Быть можетъ также и никто изъ здѣсь стоящихъ еще не родился?» подумалъ про себя испанецъ. «Однако, клянусь, это уже слишкомъ»! И тутъ онъ окончательно убѣдился (а также и французъ), что оба они сошли съ ума, и со слезами стали взывать ко всѣмъ святымъ, обитающимъ въ раю, о возвращеніи имъ разума.

Монахи и мятежники удалились для тайнаго совѣщанія и рѣшили пропустить путешественниковъ: исторія не говоритъ, почему они такъ рѣшили; однако, прошелъ слухъ, что рѣшеніе это состоялось вслѣдствіе того, будто кто-то сказалъ, что хотя они и не признаютъ Людовика-Филиппа, и не признáютъ его никогда, но можетъ случиться, что Людовикъ-Филиппъ самъ пожелаетъ познакомиться съ ними, и для того, чтобы избавиться отъ непро-

шеннаго визита, они рѣшили пропустить путешественниковъ, замѣнивъ предварительно ихъ никуда негодные паспорты новыми.

Вотъ почему монахъ, допрашивавшій ихъ, обратился къ нимъ, говоря:—Такъ какъ вы отправляетесь въ революціонный городъ Мадридъ, взбунтовавшійся противъ Алавы, то поѣзжайте туда съ миромъ, и пусть этотъ грѣхъ останется на вашей совѣсти: правительство великой націи не желаетъ задерживать никого. Только мы должны выдать вамъ годные паспорты.—Съ этими словами онъ передалъ имъ паспорты и возвратилъ отнятые у нихъ три тысячи реаловъ въ видѣ двѣнадцати золотыхъ унцій, по вѣрному разсчету.

Фернандецъ взялъ двѣнадцать унцій, и его вовсе не удивило, что въ странѣ, гдѣ каждые 1833 года составляютъ всего одинъ годъ, двѣнадцать унцій входятъ въ составъ трехъ тысячъ реаловъ.

Путешественники только-что успѣли проститься съ отцомъ-пріоромъ и спавшимъ отцомъ-губернаторомъ безъ губерніи, какъ прибыла почта изъ Франціи, и они оставили могучую монашескую націю заниматься сортировкою общественной корреспонденціи съ цѣлью оказать намъ услугу прочтеніемъ вмѣсто насъ адресованныхъ намъ писемъ. Сами же они подвигались по направленію къ Мадриду, не зная навѣрное, дѣйствительно ли они находятся въ этомъ мірѣ или умерли, не замѣтивъ того, во время послѣдней своей остановки. Такъ, по крайней мѣрѣ, они разсказывали, пріѣхавши въ революціонный городъ Мадридъ, прибавляя, что тамъ, съ той стороны, никто не пропускается безъ дозволенія привратника.

III.

Восхваленіе, или: не запретятъ же мнѣ этого!

Помимо того, что пишешь руководясь убѣжденіемъ, можно еще писать имѣя въ виду различныя цѣли. Пишешь, напримѣръ, или для самого себя, или для другихъ. Разъяснимъ хорошенько эту мысль.

То, что̀ пишется въ «воспоминаніяхъ», очевидно пишется для самого себя. Такъ что всякіе «записки» или «мемуары» не что иное какъ записанный монологъ. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы не слѣдовало разсказывать себѣ событія своей собственной жизни, — гдѣ же, наконецъ, если не въ самихъ себѣ, нѣкоторые люди найдутъ снисходительныхъ слушателей? Я хочу сказать только, что я лично родился съ хорошей па-

мятью—ахъ, еслибъ этого не было, куда было бы лучше!—и потому я никогда не забуду того, что прежде когда-то интересовало меня: значитъ, и записывать нечего. А событія неинтересныя, я всегда полагалъ, — не стóитъ и труда ихъ отмѣчать. Съ другой стороны, въ жизни изъ десяти случаевъ—девять несчастливыхъ и невеселыхъ; изъ чего, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ десятый былъ бы радостнымъ. Еще болѣе вѣская причина не записывать! Во сколько разъ было бы разумнѣе и утѣшительнѣе замѣнить «воспоминанія» другимъ родомъ отмѣтокъ, а именно «забвеніемъ». «То, что я долженъ забыть», вотъ какъ не дурно бы озаглавить книгу; и пусть себѣ читатель вообразитъ, какого она достигла бы объема, и много ли свободнаго времени осталось бы записывающему, еслибъ онъ по совѣсти выполнилъ принятую на себя задачу.

Но будемъ продолжать перечислять тѣхъ, которые пишутъ для самихъ себя.

Тотъ, кто пишетъ докладную записку или прошеніе, безъ сомнѣнія, пишетъ для самого себя. Обыкновенно никто не читаетъ прошенія, за исключеніемъ того, кто его писалъ, такъ-какъ это единственное лицо, для котораго оно имѣетъ значеніе. Доказательствомъ тому служитъ то, что если вамъ предназначено получить мѣсто,—вы его получите еще до подачи прошенія; а если нужно писать прошеніе, то это вѣрный признакъ, что нечего разсчитывать на мѣсто. И потому еще менѣе умно писать «прошенія», чѣмъ «воспоминанія». Въ этомъ отношеніи я также мало способенъ, какъ и для писанія своихъ «записокъ».

Тотъ, кто пишетъ, чтобы высказать свое мнѣніе, дать совѣтъ, сообщить свѣдѣніе—пишетъ также только для себя. Доказательствомъ тому то, что обыкновенно спрашиваютъ совѣтъ уже послѣ принятія рѣшенія, и если свѣдѣнія не по вкусу, то на нихъ не обращаютъ вниманія.

Кто пишетъ возлюбленной — пишетъ опять для себя, и это по разнымъ причинамъ; очень и очень рѣдко, чтобы страсть съ обѣихъ сторонъ была бы равная; поэтому жаръ одной стороны есть непонятный языкъ для другой, и vice versa. Кромѣ того, какъ только возлюбленная перестанетъ намъ нравиться, мы перестаемъ ей писать. Доказательство, что мы писали не для нея.

Авторы всегда говорили въ своихъ предисловіяхъ, и кончили тѣмъ, что сами повѣрили, будто пишутъ для публики; было бы не дурно, еслибъ они въ этомъ разубѣдились. Тѣ, которыхъ никто не читаетъ, очевидно, пишутъ для себя; а знаменитые, извѣстные

пишутъ для своей выгоды, иногда для своей славы,—во всякомъ случаѣ для самихъ себя.

Кто же, наконецъ, спросятъ меня, пишетъ для другихъ? Сейчасъ скажу. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ считаютъ вреднымъ, чтобы человѣкъ говорилъ человѣку то, что онъ думаетъ, въ томъ предположеніи, что никто не долженъ знать того, чтó онъ знаетъ и что нóги не сдѣланы для того, чтобы ходить,—въ странахъ, гдѣ есть предварительная цензура, — вотъ въ такихъ странахъ пишутъ, именно, для другихъ, и этотъ другой — цензоръ. Писатель, наполнившій уже кипу бумаги и несущій ее цензору, который говоритъ ему, что нельзя писать того, чтó у него уже написано,—не пишетъ даже для себя: онъ пишетъ исключительно для своего цензора. Такой писатель — единственный человѣкъ, которому было бы простительно написать свои «записки» и даже «прошеніе».

Твердо рѣшившись никогда ничего не писать для цензора, я всегда старался изображать одну лишь истину, потому-что, какъ я говорилъ самъ себѣ, какой же цензоръ, наконецъ, можетъ запретить истину и какое просвѣщенное государство, какъ, напр., Испанія, не пожелаетъ выслушать ее? Такимъ образомъ, если въ цензурномъ уставѣ есть запрещеніе говорить противъ религіи, властей, противъ правительствъ и правителей иностранныхъ и противъ многихъ другихъ вещей, то только потому, что предполагалось,—и очень справедливо, что обо всѣхъ этихъ вещахъ нельзя говорить дурно, если придерживаешься истины. А если лгать, то лучше ужъ вовсе не писать. Все это очень ясно, даже болѣе, чѣмъ ясно, почти совершенно справедливо.

Но вотъ чтó дозволено, это — хвалить, и тутъ не ставится никакихъ преградъ, такъ-какъ доказано, что въ восхваленіи не можетъ быть излишества, въ особенности для восхваляемаго, и не можетъ быть, чтобъ тутъ не было истины и справедливости. По этой причинѣ я поставилъ себѣ правиломъ всегда все хвалить, и этому правилу обязанъ извѣстностью и распространенностью, которыми пользуются мои слабыя произведенія. Системѣ этой я буду всегда придерживаться, и теперь даже болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что дѣйствительно нѣтъ причины поступать иначе.

Рѣшаясь на подобный образъ дѣйствій, у меня было въ виду еще другое соображеніе или, лучше сказать, нравственный принципъ, неопровержимый для всѣхъ странъ и временъ. Человѣкъ не долженъ дѣлать ничего такого, о чемъ бы онъ не могъ говорить, чтò бы онъ не могъ проповѣдывать во всеуслышанье. И та-

кимъ образомъ, ни одинъ писатель не можетъ сказать, что цензура запретила ему какое-нибудь его произведеніе, потому-что это запрещается закономъ, а законъ развѣ можетъ быть дуренъ? Изъ всего этого слѣдуетъ, какимъ же образомъ я сталъ бы писать статьи, которыя будутъ мнѣ запрещены? Я такихъ и не писалъ, и не буду писать, и не сказалъ бы о томъ, еслибъ по какому-нибудь случаю написалъ что-нибудь подобное, и не пожелалъ бы этого сказать. Все равно мнѣ бы не позволяли сказать, еслибъ даже я и желалъ. Нѣтъ возможности! — и потому я дѣлаю умно, что воздерживаюсь.

Убѣждать теперь читателя въ выгодахъ, извлекаемыхъ изъ постояннаго восхваленія всего мною видѣннаго, мнѣ кажется, по-крайней-мѣрѣ, излишнимъ. Если расточаемыя мною похвалы, какъ видно, плохо оцѣниваются и во всякомъ случаѣ не доставили мнѣ еще выгоднаго мѣста, то это не оттого, чтобы я не былъ способенъ занимать такое мѣсто,—но тѣ, которые не даютъ мнѣ его, и я, который его не беру, мы, безъ сомнѣнія, хотимъ, чтобы восхваленія мои были вполнѣ независимы и безпристрастны.

Независимость моя повела за собою развязность, съ которою я, въ различныхъ случаяхъ, съ полною откровенностью восхвалялъ то семейныя добродѣтели власть имущихъ, пристроивающихъ къ теплымъ мѣстечкамъ близкихъ, родственниковъ и друзей; то осторожную медленность, съ которою передавалось и передается оружіе нашимъ друзьямъ; то своевременность и заботливость, съ которою въ эти смутныя, затруднительныя времена занимаются изысканіемъ соотвѣтствующей формы мундира для господъ сенаторовъ; то дальноворкость, съ которою открывались въ разныя времена заговоры и спасалось угрожаемое ими отечество; то предусмотрительность, съ которою встрѣтили первое появленіе холеры; то поспѣшность, съ которою привели къ концу междуусобную войну и внутреннія распри; то.... но къ чему продолжать? Я восхвалялъ все, что̀ видѣлъ, а если что̀ и ускользнуло отъ меня—то, клянусь жизнью, которая мнѣ въ тягость—я займусь этимъ тотчасъ же.

Изъ всего вышесказаннаго ничто мнѣ такъ не противно, какъ шумъ и крики вѣчно ничѣмъ недовольныхъ людей, для которыхъ все, что̀ дѣлается, кажется или дурно сдѣланнымъ, или, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ недостаточнымъ. Тутъ ужъ я выхожу изъ себя и отвѣчаю имъ: «мало вамъ, всего вамъ мало? Такъ давайте, сосчитаемъ-ка, сколько мѣсяцевъ у насъ введена»....— «Что̀ такое введено?» спрашиваютъ они. — «Какъ что, что? Ну, да хотя бы королевская хартія?» — «Нѣтъ еще года».—«И ме-

нѣе чѣмъ въ годъ», имъ въ отвѣтъ восклицаю я, «были два раза созваны палаты, смѣнились два военныхъ министра, три министра внутреннихъ дѣлъ; министръ иностранныхъ дѣлъ оставался одинъ и тотъ же; но за то онъ стóитъ трехъ. Заправлялъ государственными имуществами одинъ и тотъ же министръ, но за то и эти послѣдніе всѣ на виду, такъ-какъ пословица гласитъ: «имущество, твой хозяинъ видитъ тебя» (hacienda, tu dueño. te vea), а если морскія дѣла не были на виду, то это не идетъ къ дѣлу, потому-что пословица ничего не упоминаетъ о морскихъ дѣлахъ. Менѣе чѣмъ въ годъ уничтожили результатъ голосованья въ Сантъ-Яго; нѣсколько разъ случилось, что происходили засѣданія сенаторовъ; менѣе чѣмъ въ годъ разгорѣлся яркимъ пламенемъ мятежъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе чѣмъ въ годъ выказались во всемъ блескѣ великіе таланты Испаніи, потому-что, наконецъ, необходимо же было сдѣлать нѣкоторое усиліе. Сколько великихъ генераловъ проявилось менѣе чѣмъ въ годъ, сколько за это время усмирено мятежниковъ, сколько благодарности высказано краснорѣчивымъ ораторомъ, сколько разговора! Ѳемистоклъ вѣдь сказалъ своему противнику: «бей, но выслушай!» Каждый изъ нашихъ ораторовъ такой же Ѳемистоклъ; лишь бы ему дали говорить, онъ скажетъ и междуусобной войнѣ, и претенденту, и каждому новому бѣдствію: «бей, но только выслушай!»—Чего больше! менѣе, чѣмъ въ годъ, вѣчно недовольные люди хотѣли бы вы увидѣть? и, главное, что-жъ они желали бы еще услышать?»

«Нѣтъ никакой предусмотрительности», такъ сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, тому назадъ нѣкоторое время.—«Нѣтъ предусмотрительности», воскликнулъ я.—«Это просто недобросовѣстно! и все изъ-за чего? Потому-что случилось нѣсколько несчастныхъ происшествій, которыхъ, еслибъ даже предвидѣли, невозможно было бы предотвратить!»

Злоязычники! Та же исторія вѣдь и съ энтузіазмомъ. Тысячу разъ при мнѣ повторяли, что убили народный энтузіазмъ. Допустимъ, что это вѣрно, такъ что-жъ такое? Развѣ нельзя велѣть возбудить новый энтузіазмъ? Развѣ нельзя послать повсемѣстно господамъ губернаторамъ приказанія, чтобы они подняли народный духъ и чтобы они всенепремѣнно создали всеобщій восторгъ. И неужели они не создадутъ его? Создадутъ отличнѣйшій, перваго сорта. Въ прошедшемъ году не было недостатка въ энтузіазмѣ; но такъ-какъ теперь мятежъ не силенъ и опасности нѣтъ никакой, то общественный духъ и энтузіазмъ упалъ; изъ этого слѣдуетъ, что всегда анархія нераздѣльно связана съ энтузіазмомъ.

Теперь же этого нельзя допустить. Теперешній энтузіазмъ долженъ быть энтузіазмомъ умѣреннымъ, разсудительнымъ и холоднымъ, который ограничивался бы однимъ: истребленіемъ мятежниковъ, но ни шагу далѣе: энтузіазмъ, синьоръ, взятый на прокатъ, по приказанію, однимъ словомъ, глухо-нѣмой отъ рожденія; энтузіазмъ, который, главное, не выражался бы пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ, т.-е. нарушеніемъ общественной тишины. Вотъ такой энтузіазмъ — хорошій, настоящій. А то его вовсе и не нужно, если онъ сопровождается пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ. Что ведетъ за собой упадокъ всей системы? Бывало говорили, что тому причиной свобода печати; другіе — что тому причиной.... Нѣтъ, синьоръ, теперь мы всѣ согласны, что причина тому — пѣніе патріотическихъ пѣсенъ.... Развѣ все сказанное не есть похвала? Всегда буду хвалить и защищать; отрекаюсь навсегда отъ оппозиціи. Къ чему это, что такое оппозиція?

Вотъ статья, написанная для всѣхъ, за исключеніемъ цензора. Не запретятъ же мнѣ восхваленія!

На свѣтѣ есть хорошіе люди, точно такъ же какъ есть и хорошія вещи; изъ людей мы никого не назовемъ по имени, чтобы не обидѣть большинства; изъ вещей же необходимо назвать хоть нѣкоторыя, если мы хотимъ, чтобы намъ повѣрили. Такъ, напр., хорошая вещь предварительная цензура, и для многихъ не только хорошая, но даже и превосходная. Положимъ, что вы администраторъ и дурно исполняете ваши обязанности, — двѣ эти вещи иногда могутъ быть совмѣстимы. Такъ развѣ не хорошая, развѣ не отличная вещь, что вамъ никто объ этомъ не можетъ сказать ни слова? Положимъ, что управляя чѣмъ-нибудь, вы не управляете дурно, потому что вы любите свое спокойствіе; но вмѣсто того, чтобы дѣлать что-нибудь хорошее, вы ничего не дѣлаете, ни хорошаго, ни дурного. Если, откуда ни возьмись, вдругъ появится смѣлый писатель, говорящій, что «дѣла не идутъ вовсе», не будетъ ли для васъ настоящимъ удовольствіемъ, что, съ другой стороны, явится цензоръ и большими замѣтными буквами напишетъ въ концѣ статьи: «эта статья не можетъ идти въ печать». Вѣдь хорошая вещь, согласитесь? — Съ другой стороны, если вы человѣкъ просвѣщенный, преданный правительству, а у васъ доходъ небольшой, или вовсе нѣтъ его, какъ иногда случается, — согласитесь, вѣдь хорошая вещь, если вамъ даютъ 20,000 реаловъ жалованья, или надежду получить такое мѣсто за то только, чтобы вы приняли на себя трудъ ставить внизу приносимыхъ статей слово: «это не можетъ идти въ печать». Хорошая, отличная

вещь! Люди, привыкшіе спорить, пожалуй, возразять, что предварительная цензура не представляетъ одинаковыхъ прелестей для тѣхъ, кто пишетъ статьи не пропускаемыя въ печать, и для общества, которому упомянутыя статьи могли бы принести пользу; но, во-первыхъ, высказывая мысль, что есть на свѣтѣ хорошія вещи, мы вѣдь не говорили о томъ, для кого онѣ хороши; а во-вторыхъ, спѣшимъ прибавить, что въ этомъ мірѣ нѣтъ рѣшительно ни одной вещи, которая была бы одинаково хороша для всѣхъ. Есть государства, гдѣ думаютъ, что желаемое совершенство состоитъ въ томъ, чтобы порядокъ вещей былъ хорошъ для большинства, но вѣдь есть также и народы, вѣрующіе въ существованье вѣдьмъ и колдуновъ, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти послѣдніе дѣйствительно существовали. Однако, не будемъ слишкомъ вдаваться въ разборъ нашихъ взглядовъ, потому что это для насъ не особенно удобно, а согласимся только съ тѣмъ, что на свѣтѣ есть хорошія вещи.

Допустивъ это,—скажите, есть ли между хорошими вещами много такихъ, которыя могутъ сравниться съ полиціей? Во-первыхъ, нужно замѣтить, что происхожденіе полиціи коренится въ самой природѣ человѣка, — потому что полиція есть слѣдствіе страха, а страхъ чувство до того естественное, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который на самомъ себѣ не испытывалъ бы этого ощущенія, не говоря уже о большинствѣ, которое чуть ли не постоянно пребываетъ въ страхѣ. Мы всѣ испытываемъ страхъ: трусы при всякомъ случаѣ, храбрые, опасаясь, чтобы ихъ не приняли за трусовъ, однимъ словомъ, больше всѣхъ сдѣлаетъ тотъ, кто наилучшимъ образомъ съумѣетъ скрыть свою трусость. И не мнѣ, именно, принадлежитъ только-что высказанная мысль; раньше меня сказалъ то же самое нашъ поэтъ Эрсилья, въ двухъ стихахъ, которые по формѣ могли бы быть и лучше, но по содержанію трудно найти болѣе вѣрную мысль: «страхъ—въ природѣ всѣхъ, мы этого не скроемъ; кто побѣдитъ его, — того зовутъ героемъ».

Вполнѣ ясно, слѣдовательно, происхожденіе полиціи. Мы не станемъ искать въ исторіи древнихъ временъ данныхъ въ пользу полиціи. Это была бы совсѣмъ лишняя работа, потому что она уже сдѣлана; вѣдь одинъ ораторъ недавно еще сказалъ, что полиція существовала во всѣхъ странахъ свѣта «подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ»,—и кромѣ того извѣстно, и очень достовѣрно извѣстно,—что она существовала въ Римѣ и во время консульства Цицерона подъ тѣмъ или другимъ именемъ, хотя и не такого, именно, устройства какъ у насъ. Но суть въ томъ, что

полиція была, и если она была въ Римѣ, то это уже доказываетъ, что она вещь хорошая. Если къ этому прибавить, что полиція существуетъ и въ Португаліи, то далѣе намъ нечего и распространяться.

Венеція была страной, гдѣ полиція достигла наибольшей степени своего значенія и блеска, потому что чѣмъ же инымъ назвать знаменитый трибуналъ венеціянской республики. Онъ-то и создалъ прелести той свободы общественной жизни, которою пользовались тогда въ Венеціи, этой царицѣ Адріатики. Инквизиція точно также не что иное какъ церковная полиція, а что инквизиція была прекраснымъ учрежденіемъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Всѣмъ этимъ доказывается, что вышеупомянутый ораторъ былъ правъ, говоря что полиція «подъ тѣмъ или другимъ именемъ» всегда и вездѣ существовала.

Въ пользу полиціи говоритъ и то, что она существуетъ не только въ Римѣ и въ Португаліи, а еще и въ Австріи, главнымъ же образомъ въ ея итальянскихъ провинціяхъ, гдѣ въ глазахъ полиціи является преступленіемъ имѣть въ рукахъ французскую газету. Что полиція вполнѣ либеральное учрежденіе, видно и изъ того, что во Франціи завелъ ее Бонапарте, одинъ изъ надежнѣйшихъ друзей свободы, любовь къ которой была въ немъ такъ сильна, что онъ, отнявъ ее у всѣхъ, оставилъ ее исключительно для самого себя. Въ Испаніи, наконецъ, полиція была введена знаменитымъ побѣдителемъ при Трокадеро въ 1823 г., и далъ онъ ее намъ взамѣнъ конституціи, которую отнялъ; доказательство, что въ его глазахъ полиція по меньшей мѣрѣ стоила конституціи. А въ томъ, что она была полезна, и сомнѣваться нечего. Примѣровъ приводить не къ чему. Въ послѣднія десять лѣтъ изъ числа всѣхъ либераловъ, сдѣлавшихся жертвами юридическихъ убійствъ, не найдется, быть можетъ, ни одного, который бы не былъ чѣмъ нибудь обязанъ этому великолѣпному учрежденію. Текущій 1835 г. полноправный наслѣдникъ предшествовавшихъ десяти лѣтъ, и ему конечно не къ лицу было бы отказываться отъ столь законнаго наслѣдства; и потому мы могли видѣть во-очію, какіе подвиги въ послѣднее время наша полиція совершала по отношенію къ раскрытію заговоровъ.

Полиція раздѣляется на политическую и городскую. Обѣ стóятъ другъ друга. Представьте себѣ, что вы слышали извѣстнаго рода разговоръ въ кофейной или въ домѣ, или что вы ничего не слышали, а что у васъ есть недругъ,—у кого же ихъ нѣтъ? Вы идете въ полицію и, объявляя о слышанномъ вами и добавляя, что такой-то въ заговорѣ съ «изабелинцами» и что

за крикомъ «да здравствуетъ законъ» скрывается анархія, вы достигаете того, что схватываютъ вашего недруга. Развѣ это не прекрасная вещь? Вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго поприща необходимо знать что-нибудь, предполагая, что у васъ нѣтъ родства или протекціи,—такъ, напр., чтобъ быть докторомъ, нужно умѣть развивать болѣзни; чтобъ быть адвокатомъ,—затемнять процессы; чтобъ быть солдатомъ,—идти въ Бискайю; чтобы быть священникомъ, всѣмъ извѣстно, что нужно знать и т. д., но для того, чтобы поступить въ полицію, достаточно одного—не быть глухимъ. А какъ легко не быть глухимъ. Другое дѣло, еслибъ нужно было бы притворяться глухимъ; въ такомъ случаѣ требовалось бы столько же искусства, сколько нужно имѣть, чтобъ быть испанскимъ министромъ.

Что же касается премій, назначенныхъ за доносы и на уплату которыхъ пойдетъ безъ сомнѣнія большая часть требуемыхъ на полицію осьми милліоновъ, то это вещь необходимая; потому что, во-первыхъ, нельзя же требовать, чтобы доносили даромъ, а во-вторыхъ, какъ говоритъ пословица, кто хочетъ поймать щуку, тотъ не долженъ жалѣть червяковъ. Однимъ словомъ, или нужно ловить или не нужно ловить; если нужно ловить, необходимо чтобы кто-нибудь доносилъ, а если нужны доносчики, необходимо ихъ кормить. Слѣдовательно, не только сама полиція хорошая вещь, но и восемь милліоновъ—потребные для ея содержанія.

Въ Америкѣ и Англіи нѣтъ этой политической полиціи; но, во-первыхъ, общеизвѣстенъ безпорядокъ, царствующій въ области мысли въ названныхъ странахъ, тамъ каждый можетъ думать, что ему придетъ въ голову; а во-вторыхъ, вредъ чрезмѣрной и дурно понятой свободы очевиденъ; и читая великую книгу революцій,—употребляя счастливое выраженіе другого оратора,—мы должны извлечь изъ этого чтенія пользу и не идти по слѣдамъ вышеназванныхъ ультра-свободныхъ странъ, потому что мы, пожалуй, достигли бы въ такомъ случаѣ такой же степени процвѣтанія, какъ Америка и Англія. Но богатство дѣлаетъ человѣка порочнымъ, а довольство, что бы тамъ ни говорили, дѣлаетъ его горделивымъ.

Другая полиція городская. Она тоже имѣетъ свои прелести. Ограничимся лишь указаніемъ на выдачу ею паспортовъ. Имѣя паспортъ, вы идете съ нимъ всюду, куда пожелаете и куда васъ пускаютъ. Вы платите, что съ васъ слѣдуетъ, и знаете, что у васъ есть паспортъ. Предположимъ, что у насъ, какъ и въ Англіи, не было бы паспортовъ. Дѣйствительно, нельзя себѣ представить, какъ возможно было бы переѣзжать изъ одного мѣста въ другое безъ

паспорта; безъ хорошихъ путей сообщенія, дорогъ, каналовъ, безъ экипажей и постоялыхъ дворовъ—это ничего—но безъ паспортовъ, невозможно! Поэтому, взявши паспортъ, вы хотя, съ одной стороны, и расходуете два реала, но нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что если у васъ убудутъ эти два реала, то другой ихъ получитъ. Такимъ образомъ, для этихъ послѣднихъ въ особенности паспортная система очень хорошая вещь, такая же хорошая, какъ хотя-бъ два реала чистыми деньгами. Бываютъ вещи, правда, еще лучшія, но все-таки и это не дурная вещь.

IV.

О чемъ нельзя, о томъ и не слѣдуетъ говорить.

Есть разнаго рода истины, какъ справедливо замѣчаетъ дипломатъ въ комедіи Скриба, настоящія и условныя. Оставивъ въ сторонѣ многое множество этихъ послѣднихъ, въ разныхъ уголкахъ міра, принимаемыхъ не за то, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ, займемся настоящими, несомнѣнными истинами, къ которымъ безспорно принадлежитъ и истина, содержащаяся въ заглавіи нашей статьи.

До глубины души ненавистны мнѣ люди, по природѣ своей вѣчно безпокойные, буйные, занимающіеся только оппозиціею, которымъ ни одно правительство не по вкусу, даже ихъ собственное,—люди, которые не понимаютъ, что для всего нужно время, по мнѣнію которыхъ ни одинъ министръ не хорошъ, которые желаютъ чтобы всякая война скорѣе кончалась, чтобы не было внутреннихъ неурядицъ, чтобы введена была свобода печати.... чего только не хотятъ такіе люди! Какой ужасъ, неправда ли? Я не изъ числа такихъ людей,—о, нѣтъ, Боже упаси. Человѣкъ долженъ быть кротокъ и послушенъ, когда же въ особенности онъ въ числѣ управляемыхъ, то къ чему можетъ повести эта предосудительная поспѣшность въ осужденіи образа дѣйствій его правительства? Что это такое? Слабое, ничтожное твореніе, требующее отчета у своего Творца!

Законъ, господа, законъ... Гласитъ онъ и о печати, и обо всемъ — точно и опредѣленно. Нельзя сказать, чтобы въ немъ были какіе-нибудь пробѣлы. Вотъ онъ-то и есть мой руководитель, и отъ него я не отступаю ни на іоту.

Такъ, напр., садясь писать статью, я конечно не желаю, чтобы мнѣ ее запретили, хотя бы уже только потому, чтобы не быть

принужденнымъ вмѣсто одной статьи писать двѣ. «Ну, что же вы дѣлаете въ такомъ случаѣ?» спроситъ меня кто-нибудь изъ среды безпокойныхъ людей, «какъ поступите вы, чтобы вамъ не запретили вашу статью?».

Какъ я поступлю, безразсудные! Такъ, какъ долженъ поступать свободный писатель въ наши свободныя времена. Прежде всего пишу на заголовкѣ:—О чемъ нельзя, о томъ и не слѣдуетъ говорить,—для того, чтобы эти слова постоянно напоминали мнѣ полезную истину въ нихъ заключающуюся. Потомъ открываю цензурный уставъ, — не для того, чтобы критиковать его, конечно, да этого и нельзя, развѣ я для этого компетентенъ,—каковъ онъ бы тамъ ни былъ, онъ уставъ, законъ, и, закрывши глаза, я не только уважаю законъ, болѣе того, я благоговѣю передъ нимъ. Итакъ, я читаю: глава XII: «Цензоръ обязанъ наблюдать, чтобы въ газетахъ не печатались 1) статьи, въ которыхъ усматриваются мысли, ведущія какимъ бы то ни было образомъ ко вреду религіи, къ уменьшенію должнаго уваженія къ правительству, его правамъ и прерогативамъ и ко всѣмъ основнымъ законамъ монархіи».

Такъ гласитъ законъ. Предположимъ теперь, что мнѣ пришла въ голову мысль, клонящаяся ко вреду религіи, напримѣръ. Я молчу и оставляю ее при себѣ. Вотъ моя система, мой всегдашній образъ дѣйствій.

Понятно также, что я ни однимъ словомъ не промолвлюсь противъ правительства и его правъ и т. д. и т. д. А людямъ оппозиціи, о которыхъ говорено выше, пожалуй, покажется, что ничего подобнаго не можетъ придти мнѣ въ голову? Тутъ-то они и ошибутся—разныя мысли, нѣтъ, нѣтъ, да и приходятъ мнѣ на умъ и какъ же воспрепятствовать даже самымъ большимъ глупостямъ лѣзть въ голову? Подчасъ и мною овладѣваютъ самыя разнородныя критическія воззрѣнія иногда даже на самые основные принципы и вещи. Но я сейчасъ же останавливаю себя слѣдующимъ размышленіемъ: вѣдь законъ точенъ, онъ запрещаетъ все это, и потому стой! дальше ни на шагъ! Правда, что разная бессмыслица можетъ забрести мнѣ въ голову, но этотъ внутренній процессъ закономъ не воспрещается. Что же касается до того, чтобы подѣлиться этими мыслями съ другими, изложить ихъ письменно—то развѣ это не было бы глупостью? Все равно не пропустили бы, и потому лучше промолчать, а, такимъ образомъ, статья моя не подвергнется запрещенію. Вотъ вамъ и простое, очень простое средство. Съ другой стороны, мы, писатели, обязаны подавать примѣръ повиновенія. Одно изъ двухъ, или за-

конъ существуетъ, или его нѣтъ. Къ чему ведетъ недовольство? Зачѣмъ эта вѣчная оппозиція? Ну ее совсѣмъ! Какая надобность постоянно всему противиться, непремѣнно обо всемъ писать.

Сатиры и памфлеты цензурою не пропускаются,—и нѣтъ необходимости ихъ печатать. Все подобное воспрещается, даже если оно высказано аллегорически или намекомъ. И безъ того не легко подъискивать эти аллегоріи и намеки... Наконецъ, въ одномъ изъ параграфовъ устава говорится, что все то, въ чемъ цензоръ усмотритъ намекъ или аллегорію на извѣстныя лица и положенія, ни въ какомъ случаѣ не пропускается.

Хорошо—сажусь писать, но, дойдя до этого параграфа, останавливаюсь и не пишу болѣе. Все равно, хотя я и убѣжденъ, что ничего не хотѣлъ сказать предосудительнаго, не имѣлъ намѣренія глумиться надъ чѣмъ бы то ни было, — а вдругъ цензоръ возьметъ да и усмотритъ какіе-нибудь намеки. Я вѣдь не могу помѣшать ему усматривать. Единственный исходъ—ничего не писать, оно хорошо и для меня, и для цензора, и для правительства, которое можетъ видѣть намекъ даже и въ моей сдержанности при писаніи. Вотъ она, вотъ вамъ вся моя система. Съ перваго взгляда оно какъ будто бы довольно трудно, но нѣтъ ничего на свѣтѣ легче повиновенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, на чемъ же основываются всѣ эти жалобы? Сатирическіе очерки нравовъ, напримѣръ? Что это за сатирическіе очерки? И что такое нравы? Размышляю, и замѣняю свое намѣреніе писать другимъ намѣреніемъ, болѣе разумнымъ—не писать вовсе. Послѣднее легче сдѣлать, чѣмъ испытать на дѣлѣ всѣ послѣдствія перваго.

Вотъ также, напр., разбираетъ меня желаніе разбранить чужеземныя правительства и тамошнихъ правителей, — но законъ воспрещаетъ это, и потому — цыцъ! молчать!

Кончивъ разсмотрѣніе закона, обращаюсь къ статьѣ своей: съ цензурнымъ уставомъ въ рукахъ, съ добрымъ намѣреніемъ на душѣ—навѣрное я не могъ погрѣшить противъ закона. Гляжу на бумагу—но весь листъ чистъ и бѣлъ, я ничего не написалъ, нѣтъ статьи. Это такъ, но за то я въ точности исполнилъ законъ. Таковъ будетъ мой постоянный образъ дѣйствій: какъ добрый гражданинъ, я всегда буду уважать бьющій меня хлыстъ и всегда кончать правиломъ: о чемъ нельзя, о томъ и не слѣдуетъ говорить.

V.

Я желаю быть актеромъ.

Anch'io son pittore.

Я не былъ бы Фигаро и отрекся бы отъ насмѣшливаго, юмористическаго нрава, приписываемаго мнѣ нѣкоторыми злыми языками, еслибъ не предалъ гласности визитъ, полученный мною надняхъ на собственной моей квартирѣ.

Я сидѣлъ, развалясь въ креслѣ, и не зналъ, которому изъ всего собраннаго мною матеріала дать предпочтеніе, и что изъ него выбрать предметомъ статьи, которую мнѣ предстояло написать для газеты,—когда служитель мой доложилъ мнѣ, что какой-то молодой человѣкъ желаетъ меня видѣть.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ мой гость и поклонился мнѣ достаточно неловко, съ видомъ человѣка, которому что-нибудь нужно отъ другого, и который всматривается этому послѣднему въ лицо и старается тамъ прочесть его вкусы, наклонности и его минутное настроеніе духа, для того, чтобы въ разговорѣ осторожно сообразоваться со всѣмъ этимъ. Приведя въ движеніе натянутые и грубые мускулы своей физіономіи, чтобы придать ей почтительное выраженіе, юноша заговорилъ со мною голосомъ звучащимъ преданностью и нѣжностью, но въ которомъ все-таки слышались фальшивыя нотки.

— Вы журналистъ, по имени Фигаро?

— Да. Что вамъ угодно?

— Я пришелъ просить васъ объ одолженіи... Какъ я восхищенъ вашими статьями!..

— Понятно... если я вамъ нуженъ...

— Отъ васъ, быть можетъ, зависитъ вся моя жизнь... Я поклонникъ, другъ вашъ!

— Предполагаю... если ожидаемое вами отъ меня одолженіе такъ велико...

— Я молодой человѣкъ...

— Вижу.

— Который желаетъ быть актеромъ и посвятить себя театру...

— Театру?

— Да, синьоръ... а такъ какъ театръ теперь закрытъ...

— То это, конечно, самый лучшій моментъ для поступленія въ него?

— Такъ какъ теперь постъ, и въ это время набираются

актеры для будущаго сезона, то я бы желалъ, чтобы вы меня рекомендовали...

— Прекрасно! Кому же?

— Городской думѣ.

— Какъ! Именно думѣ?

— Т.-е. я хотѣлъ сказать—антрепренерамъ.

— А! Какъ же я васъ рекомендую антрепренерамъ труппы?

— Говоря откровенно... хотя нѣкоторые и увѣряютъ, что этого не знаютъ... однако... если захотѣть только...

— Но зачѣмъ же вамъ такъ торопиться, когда никому не къ спѣху...

— Однако, такъ какъ я желаю быть актеромъ...

— Это вѣрно. Что-жъ вы знаете? Чему же вы учились?

— Какъ? Развѣ нужно знать что-нибудь?

— Нѣтъ, чтобы быть актеромъ, конечно, не нужно знать больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Вотъ именно: я желаю быть на ряду со всѣми, всегда дурно быть выскочкой въ какой-нибудь корпораціи?

— Понимаю васъ; вы желаете быть актеромъ здѣсь, и потому нужно проэкзаменовать васъ по тѣмъ пунктамъ, на которые здѣсь вообще налегаютъ. Вы знаете испанскій языкъ?

— Какъ видите... когда я разговариваю, меня обыкновенно понимаютъ.

— Однако грамматика, свойства языка и...

— Нѣтъ, синьоръ, нѣтъ!

— Прекрасно. Но, быть можетъ, вы, къ несчастью, знаете по-латынѣ, штудировали, изучали литературу...

— Избави Боже.

— Можетъ быть, вы знаете наизусть классическихъ поэтовъ, и понимаете ихъ, и могли бы распространять ихъ идеи съ подмостковъ?

— Извините, синьоръ. Ничего, рѣшительно ничего этого я не знаю. Неужели вы обо мнѣ такого дурного мнѣнія? Пусть убьетъ меня громъ, если я прочелъ хоть одну строчку изъ всего этого, или даже только слышалъ... Пусть я буду...

— Не клянитесь. Можете вы декламировать съ аффектаціею?

— Да, синьоръ, это я могу.

— Отлично; мнѣ кажется, что вы по всему достойны быть актеромъ. Знаете ли вы исторію?

— Нѣтъ, синьоръ—никогда не учился.

— Слѣдовательно, вамъ неизвѣстно, что такое соотвѣтственная костюмировка, эпохи, историческіе характеры?

— Ничего, ничего неизвѣстно, синьоръ.

— Отлично.

— Вотъ что скажу вамъ, синьоръ — что касается костюмировки, то я твердо знаю, что когда дѣло идетъ объ очень древнихъ временахъ, то всегда нужны римскіе костюмы.

— Именно, если даже сюжетъ греческій.

— Да, синьоръ: если же представляются не слишкомъ отдаленныя времена, тогда нужно костюмироваться по старо-французской или старо-испанской модѣ. Если костюмъ требуется болѣе современный, то надѣвается франтовская визитка для ролей щеголей, и длиннополый сюртукъ и пудра на волосахъ—для ролей стариковъ.

— Ага—очень хорошо. А какъ вы разыграете историческій характеръ?

— Видите ли: кáкъ нужно играть его, будетъ связано въ самой пьесѣ... притомъ же почившій герой не дастъ себѣ трудъ воскреснуть единственно для того, чтобы показать на дѣлѣ невѣрное пониманіе его характера... притомъ же большинство публики обыкновенно столько же знаютъ объ этомъ, сколько и мы...

— Ахъ, да! Вы вполнѣ годитесь быть актеромъ. Однако, фигура ваша...

— Правда, не особенно выдается:... но это не существенно.

— А чтó касается благовоспитанности, хорошихъ манеръ и знанія свѣта? Въ этомъ отношеніи вы кáкъ?

— Плохо; потому что, говоря откровенно, я бѣдняга; служилъ я писаремъ въ небольшомъ присутственномъ мѣстѣ, откуда меня исключили за лѣность, и теперь я желаю быть актеромъ, потому что думаю, это — должность, гдѣ можно ничего не дѣлать...

— И не ошибаетесь.

— За всѣхъ работаетъ голосъ суфлера. Итакъ, я вовсе незнакомъ съ тѣми свѣтскими обычаями, о которыхъ вы сейчасъ упомянули, и ничего не слыхалъ о нихъ.

— И не знаете ни людей, ни людского сердца?

— Очень мало.

— Какъ же вы сыграете столько различныхъ ролей?

— Сейчасъ скажу вамъ: если буду играть короля или вельможу, я буду говорить очень громко, на товарищей стану глядѣть съ высоты своего величія, буду приказывать повелительнымъ и рѣзкимъ голосомъ...

— А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, всѣ эти высокія лица обыкновенно очень любезны и вѣжливы, и такъ какъ они при-

выкли, съ самаго своего рожденія, что малѣйшее ихъ желаніе тотчасъ же исполняется, то они мало приказываютъ и дѣлаютъ это безъ всякихъ криковъ...

— Да, но видите ли, въ театрѣ это другое дѣло.

— Дѣйствительно, я былъ не правъ...

— Когда же мнѣ придется играть, напр., хоть роль судьи, въ такомъ случаѣ, если я даже разговариваю съ дамами или нахожусь въ чужомъ домѣ, я не буду снимать шляпы, потому что въ театрѣ судья имѣетъ полное право быть невѣжею, я буду стучать палкой по столу, сдѣлаю самую ужасную физіономію, какъ будто у судей нѣтъ сердца, нѣтъ чувства.

— Отлично! Нельзя придумать лучше!

— Если я буду играть роль обвиненнаго, я буду разыгрывать невинно преслѣдуемаго, потому что на сценѣ всѣ преступники невиновны...

— Очень хорошо!

— Если мнѣ придется играть роль мошенника, которые теперь очень въ ходу, сейчасъ же устрою себѣ брови дугой, лицо блѣдное, голосъ грубый, глаза полу-косые, видъ таинственный, мелодраматичные апарте... Для роли дэнди пущу въ ходъ многократное расшаркиванье ногами и языкомъ, ловкое повертыванье на каблукахъ, разговоръ быстрый... Роль старика выполню такъ: походка размѣренная, тихая; руки будутъ у меня постоянно дрожать, какъ у параличнаго,—и хотя въ пьесѣ сказано, что ему только 50 лѣтъ, я все же представлю изнеможеннаго, разваливающагося старика. Я буду останавливаться съ особеннымъ удареніемъ на мѣстахъ, въ которыхъ заключается мораль пьесы, какъ-будто говоря зрителямъ: «на-те, дескать, это для васъ».

— У васъ, вѣроятно, есть въ запасѣ бороды большихъ размѣровъ?

— О, самыя невозможныя: есть у меня одна отъ самыхъ ноздрей до пятокъ,—хотя я ее берегу для торжественныхъ случаевъ. Однако и для повседневнаго употребленія есть у меня такія бороды, что изъ-за нихъ я въ грязь не ударю лицомъ!

— А какъ вы передадите комичныя роли?

— Это легче всего: я буду тащить ноги, по временамъ вскрикивать, лицомъ и корпусомъ выдѣлывать удивительные гримасы и фокусы, выйду одѣтый арлекиномъ.

— Вы произведете фуроръ.

— Увидите! Публика лопнетъ отъ смѣха и театръ оглушится рукоплесканіями. И особенно, играя всевозможныя роли, всегда буду обращаться прямо къ публикѣ, когда придется го-

ворить апарте, монологи, мораль, всѣ остроты и выдающіяся мѣста пьесы.

— А хороша у васъ память?

— Почти вовсе нѣтъ; да я и не забочусь развивать ее, потому что вѣдь она лишнее. На то есть суфлеръ.

— Именно.

— И наконецъ, синьоръ, если не знаешь своей роли, иногда добавишь отъ себя какой-нибудь вздоръ, а публика заливается смѣхомъ. Публика такая милая, еслибъ вы только знали!

— Знаю, знаю!

— Иногда случается, что къ стихамъ прибавишь прозу: публика не только не разсердится, но даже и не замѣтитъ. И потому свои собственныя вставки случаются довольно часто.

— Все это прекрасно. Вы можете твердо разсчитывать на то, что будете приняты актеромъ. Вы гдѣ-нибудь играли?

— Только на домашнихъ театрахъ.

— Довольно, довольно; повторяю: вы непремѣнно получите ангажементъ. Но скажите: съумѣете ли вы говорить съ подобающимъ презрѣніемъ объ авторахъ, хотя и не понимая ихъ вовсе? — или хвалить комедіи за слогъ, не зная даже что̀ такое слогъ, или за стихъ, не понимая и того, что̀ такое проза?

— Почему же мнѣ не съумѣть, синьоръ: вѣдь всѣ это дѣлаютъ.

— Съумѣете ли вы горько жаловаться и подавать прошенія въ судъ на всякаго, говорящаго вамъ печатно, что вы не особенно отличаетесь на подмосткахъ? Съумѣете ли вы говорить про журналистовъ, что кто же они такіе, если себѣ позволяютъ и т. д.

— Увидите, съумѣю ли я все это. Это именно и есть тэма нашихъ ежедневныхъ разсужденій, — не имѣете ли много чего спросить?

Но тутъ я не могъ уже долѣе сдерживать своего восторга и, бросаясь въ объятія этого достойнаго юноши, воскликнулъ: «Ближе къ моему сердцу, благородный молодой человѣкъ! Ближе къ моему сердцу, цвѣтъ и сливки существующаго театральнаго искусства: вы родились въ желѣзный вѣкъ нашей исторіи, чтобы возобновить тотъ счастливый золотой вѣкъ, когда человѣкъ довольствовался одними желудями и пасся на свободѣ въ лѣсахъ, не зная никакого различія между «твоимъ» и «моимъ». Однимъ словомъ, вы непремѣнно будете ангажированы, или предадутся забвенію всѣ правила, которыя теперь въ ходу въ театральномъ

мірѣ...» Сказавши все это и еще многое другое, я распростился съ моимъ кандидатомъ, обѣщая ему самыя горячія рекомендаціи.

VI.

Что за счастье быть журналистомъ.

По какому странному распорядку судебъ человѣкъ всегда стремится къ тому, чего у него нѣтъ? Спросите безбородаго юношу, о чемъ онъ мечтаетъ? «Когда-то выростетъ у меня борода», думаетъ онъ про-себя. Обросъ онъ бородкою, — и вотъ уже осыпаетъ онъ проклятіями и бритвы, и бритье, и брадобрѣевъ. «Когда-то отзовется на мою любовь прекрасная Феликсъ?» вопрошаетъ въ немъ прирожденное желаніе любить и быть любимымъ. Вотъ онъ достигъ взаимности, услыхалъ въ отвѣтъ сладкое «люблю», онъ уже вполнѣ обладаетъ желаннымъ блаженствомъ... и послушайте, какъ онъ проклинаетъ любовь, ея тернія и шипы! Лаура увлеклась имъ, а онъ, въ то же время, всѣми силами своей души старается завладѣть Эльвирой, которая имъ пренебрегаетъ. Откуда происходитъ эта неутолимая жажда, эти жгучія, живыя желанія, такъ быстро смѣняющіяся другими, никогда не находящими себѣ удовлетворенія, новыми, столь же страстными желаніями? Если не ошибаюсь, отецъ Алмеида, между прочими любопытными вещами, говоритъ и о томъ, что Провидѣніе вселило въ насъ эту неутолимую жажду именно съ тою цѣлью, чтобы мы никогда не забывали о томъ, что въ этомъ, скоропреходящемъ мірѣ мы только пришельцы, кратковременные странники, и что желанія наши найдутъ себѣ полное удовлетвореніе не въ этой земной нашей жизни, а въ другой, болѣе прекрасной и болѣе долговѣчной. По всей вѣроятности, въ дѣйствительности все оно такъ и обстоитъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ почтенный отецъ Алмеида, — но я, который не витаю въ превыспреннихъ областяхъ метафизики, предоставляю рѣшеніе этихъ темныхъ загадокъ другимъ, болѣе меня обладающимъ достовѣрными свѣдѣніями о нашей будущей судьбѣ, ограничиваясь лишь признаніемъ, что подобныя стремленія и желанія дѣйствительно живутъ въ человѣческомъ сердцѣ, — съ меня и этого довольно...

И никто другой, какъ я самъ, я — Фигаро, не можетъ служить лучшимъ, ближайшимъ доказательствомъ всего вышесказаннаго. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я, по наущенію вражьей

силы, въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ зудъ публициста,— при видѣ каждой газеты, слюньки текли у меня изо-рта, и днемъ и ночью восклицалъ я про-себя: «Ахъ, когда-то буду я журналистомъ!..» Правда, никогда не мечталъ я о возможности стоять во главѣ газеты, вполнѣ распоряжаться ею, свободно наполнять и украшать ея столбцы сіяющимъ свѣтомъ истины,—но за то я часто предавался сладкой надеждѣ получить въ мое завѣдываніе одинъ изъ отдѣловъ газеты, читать разныя корреспонденціи, письма, извѣщенія, ежедневно предавать тисненію собственныя мои мысли и мысли моихъ друзей. И все это, на мой взглядъ, безъ особеннаго труда и безпокойства, лишь считая и пересчитывая въ концѣ мѣсяца полновѣсные рубли, опускаемые снисходительною публикою въ кассу редакціи,—взамѣнъ отпечатанныхъ газетныхъ листовъ, этихъ органовъ цивилизаціи, яркихъ свѣточей отечества...

Я оставляю въ сторонѣ всѣ счастливыя и несчастныя обстоятельства, приведшія меня, послѣ разныхъ мытарствъ, къ карьерѣ публициста: во-первыхъ—потому, что все это, вѣроятно, не интересуетъ читателей, а во-вторыхъ—еще потому, что и для меня разсказывать объ этомъ было бы труднѣе, чѣмъ оно съ перваго раза кажется. Дѣло въ томъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ я легъ спать авторомъ маленькихъ брошюръ, переводчикомъ чужихъ комедій, — а на слѣдующее, не менѣе прекрасное утро проснулся — публицистомъ. Я всталъ передъ имѣвшимся у меня въ то время зеркаломъ и началъ внимательно осматривать, не воспослѣдовало ли въ моемъ наружномъ обликѣ какой-нибудь внезапной, разительной перемѣны и, къ счастью, убѣдился, что какъ бы тамъ ни было относительно нравственной части, но что физически журналистъ такой же человѣкъ, какъ и авторъ брошюровъ. «Я постоянный сотрудникъ, я редакторъ отдѣла!» восклицалъ я въ восхищеніи, и съ великимъ рвеніемъ принялся за писаніе статей, твердо рѣшившись относиться вполнѣ добросовѣстно ко всему, входящему въ область предоставленнаго мнѣ литературнаго отдѣла газеты. Но, увы! какъ скоро разлетѣлись въ прахъ мои безумныя мечты,—и въ настоящее время я точно также разочарованъ относительно поприща журналиста, какъ прежде былъ разочарованъ въ отношеніи къ профессіи театральнаго писателя. Вкратцѣ, не касаясь сокровенныхъ пружинъ, приводящихъ въ движеніе великую газетную машину, я сообщу читателю мои неудачи, и пусть онъ самъ рѣшитъ,—не лучше, не спокойнѣе ли быть простымъ подписчикомъ газеты, чѣмъ самому участвовать въ ежедневномъ и торопливомъ ея составленіи.

«Синьоръ Фигаро! а театральную рецензію?» — «Рецензію?» Бѣгу въ театръ. «Я пишу вѣдь для публики», разсуждаю я съ самимъ собой, «а публика заслуживаетъ, конечно, чтобы ей говорили правду». И вслѣдствіе такого разсужденія появляется моя статья, въ которой я по совѣсти говорю, что представленіе было ниже всякой критики, игранная пьеса глупа и смѣшна, а исполненіе изъ рукъ вонъ плохо: актеръ А. игралъ дурно, актриса С. еще того хуже. Господи, чтó за гвалтъ поднимается вслѣдъ за этимъ! Авторъ игранной комедіи обидѣлся и бранитъ меня на столбцахъ другихъ газетъ; актёры сговорились не играть болѣе моихъ пьесъ и всюду слышенъ крикъ: «Критиковать еще вздумалъ! Самъ-то онъ кто такой?.. Плохой переводчикъ, паразитъ, литературный воръ, педантъ!» И вотъ вамъ награда бѣдному служителю правды и истины! О! что за счастье быть журналистомъ!

Изъ области литературной рецензіи я удаляюсь въ литературную критику... но и тутъ повторяется то же самое, — вездѣ всѣ мною недовольны. Меня заваливаютъ оскорбительными, озлобленными письмами... О! что за счастье быть журналистомъ!

Ничего! Попытаю другую работу, займусь составленіемъ хроники, вырѣзываніемъ разныхъ извѣстій изъ другихъ газетъ. Беру перо и ножницы, тружусь цѣлые часы, — три столбца готовы. На слѣдующее утро, развернувъ газету, тщетно ищу я свою работу на ея листахъ. «Господинъ редакторъ, куда же дѣвались мои столбцы?» — «Молчите, ради Бога», отвѣчаетъ тотъ: «ваша работа, — она не прошла: вотъ это извѣстіе несвоевременно, тó запоздало, третье совсѣмъ не годится, — остальныя не имѣютъ никакого значенія...» О! что за счастье быть журналистомъ!

Бросилъ хронику: не гожусь я для нея. Написалъ политико-экономическую статью объ Адамѣ Смитѣ. «Хорошая статья», говоритъ мнѣ издатель, «но только попрошу васъ, другъ Фигаро, на этомъ и остановиться». — «Отчего?» спрашиваю я. «Оттого, что вы, мосье, убьете газету такими статьями. Кто же станетъ читать тó, что не легко, не поверхностно, не забавно написано? Притомъ въ вашей статьѣ пять столбцовъ... Отовсюду ужъ мнѣ на васъ жаловались... Ученыя статьи мнѣ не нужны, потому что никто ихъ не читаетъ. Вы только даромъ потратите ваше время...» О! что за счастье быть журналистомъ!

«Потрудитесь взять на себя пересмотръ всѣхъ присылаемыхъ рукописей». — «Ай, господинъ издатель, вѣдь ихъ нужно будетъ всѣ перечитывать». — «Конечно, синьоръ Фигаро». — «Право, я бы лучше какую угодно на себя эпитимью наложилъ, лишь бы

только не читать ихъ...» — «Полноте, синьоръ Фигаро». О! что за счастье быть журналистомъ!

Лучше углубиться въ политику, другого выхода мнѣ не остается... Правда, что я въ политикѣ ничего не смыслю, но передъ такими пустяками нечего останавливаться. Вѣдь не буду же я ни первымъ, ни послѣднимъ изъ тѣхъ, которые пишутъ о предметѣ, не зная его. Живо за работу—пишу слово за словомъ: конференція, протоколы, права, представительство, монархія, легитимность, ноты, узурпація, палаты, камеры, централизація, нація, благосостояніе, миръ, мечты, спокойствіе, война, перемиріе, контръпроектъ, присоединеніе, политическая буря, силы, единеніе, правители, система, принципы, революція, порядокъ, центръ, лѣвая, модификація, билль, реформы и т. д. и т. д. Статья готова и сдана. Издатель призываетъ меня къ себѣ. «Синьоръ Фигаро, вы, конечно, желаете меня скомпрометтировать, проводя въ вашей статьѣ подобныя идеи»... «Идеи, синьоръ издатель,— восклицаю я,—что̀ вы,—повѣрьте, что я самъ и не подозрѣвалъ ничего подобнаго».—«Къ чему здѣсь шутки?» — «Извините, ради Бога, я не думалъ, что моя политика такъ опасна, я писалъ въ невѣдѣніи....» — «Прекрасно, ну, а если мы пострадаемъ, такъ вы и будете въ отвѣтѣ ...» — «Въ отвѣтѣ...» О, что за счастье быть журналистомъ!

И если бы только тѣмъ, что̀ здѣсь мною разсказано, исчерпывалось все горе, всѣ несчастія, всѣ бѣдствія журналиста!— Ужъ я не говорю о мелкихъ непріятностяхъ, о возможности крупныхъ опечатокъ, пропусковъ и т. п. Вѣдь не самому же набирать и печатать свои статьи. О, что̀ за счастье быть журналистомъ!

Праведное небо! А я-то еще такъ стремился къ этому благополучію! Читатель, откровенно сознаюсь тебѣ, что, по слабости человѣческой природы, я вовсе не зналъ, чего хотѣлъ. И по прочтеніи этого краткаго очерка моихъ журнальныхъ неудачъ,— рѣши самъ читатель—имѣю ли я право, постоянно сотрудничая въ газетѣ, воскликнуть отъ всей души: о, что̀ за счастье быть журналистомъ!

VII.

Слова.

Не помню, кто именно сказалъ, что человѣкъ по природѣ своей золъ; — съ своей стороны я думаю, что это положительная небылица, и убѣжденъ, что человѣкъ просто-на-просто несчастливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ немножко жестокъ, нѣсколько раздражителенъ... это такъ, съ этимъ нужно согласиться. Я желалъ бы, чтобы кто-нибудь изъ великихъ естествоиспытателей: Аристотель, Плиній, Бюффонъ — указалъ бы намъ другое животное, способное говорить и слушать. Въ этой способности заключается превосходство человѣка надъ животнымъ, скажутъ натуралисты; мнѣ кажется — иначе: именно въ этомъ-то отношеніи человѣкъ уступаетъ каждому животному, является ниже ихъ всѣхъ; таково по-крайней-мѣрѣ мое мнѣніе. Если вы ко льву, разъяренному голодомъ (а въ этомъ единственно случаѣ и человѣкъ бываетъ похожъ на льва), подведете барана, левъ тотчасъ же кинется на свою невинную жертву, съ тою силою, быстротою и увѣренностью, которыя присущи только положительной потребности, настоятельно нуждающейся въ удовлетвореніи. Но, вмѣсто барана, попробуйте преподнести ему журнальную статью, превосходно написанную, или заговорите съ нимъ о счастіи, благополучіи и порядкѣ — и я сильно ошибаюсь, если онъ, при первой же возможности, своими острыми когтами не схватитъ васъ и тутъ же не докажетъ вамъ, что единственное потребное для него счастье заключается въ томъ, чтобы васъ скушать. Тигръ пожираетъ оленя, — но этотъ послѣдній, спасаясь отъ него, навѣрное не остановится для того, чтобы выслушать: почему именно тигръ находитъ нужнымъ такъ поступать. Все разумно въ лишенномъ разума животномъ. Самка не дурачитъ самца и vice versa; они понимаютъ другъ друга именно потому, что они лишены дара слова. По той же причинѣ и сильный не можетъ обмануть слабаго, и при появленіи перваго послѣдній ищетъ спасенія въ бѣгствѣ.

А попробуйте дать животнымъ даръ слова: прежде всего имъ понадобится академія, которая присвоитъ себѣ право рѣшать, что то или другое слово выражаетъ вовсе не то, чтó имъ обыкновенно принято выражать, — нужны будутъ ученые, цѣлую, долгую жизнь занимающіеся разговорами о томъ, какъ слѣдуетъ говорить, явится потребность въ писателяхъ, т.-е. людяхъ наполняющихъ кипы бумаги, называемыя ими книгами, изложеніемъ своихъ взглядовъ для тѣхъ,

которымъ, по ихъ мнѣнію, это очень важно знать;—самый сильный левъ взберется на дерево и начнетъ убѣждать самое слабое четвероногое въ томъ, что оно, четвероногое, создано вовсе не для того, чтобы свободно ходить, бѣгать и жить въ свое удовольствіе, а для того, чтобы состоять въ послушаніи у него, льва, и худшее здѣсь совсѣмъ не то, что левъ будетъ говорить все это,— а то, что слушатели его ему повѣрятъ. Затѣмъ животныя обозначутъ разные поступки различными наименованіями; явятся слова: *ложь*, *хищничество*, *убійство*, и это поведетъ вовсе не къ тому, что животныя будутъ избѣгать такихъ поступковъ,—напротивъ, они сдѣлаются болѣе частыми, чѣмъ прежде. Создадутъ они суету и самолюбіе; благородное животное, спокойно спавшее 24 часа въ сутки, будетъ вскакивать съ своего ложа изъ-за фантасмагоріи отличій; прежде братъ убивалъ брата для того только, чтобы съѣсть его, теперь они будутъ убивать другъ друга изъ-за красной или бѣлой ленточки и побрякушекъ. Наконецъ, дайте животнымъ даръ слова—и они начнутъ лгать: самка самцу изъ любви, великій малому—изъ честолюбія, равный равному—изъ соперничества, бѣдный богатому изъ страха и зависти;—они пожелаютъ такъ же, какъ самую необходимую вещь—установить у себя правительство и—Господи Боже мой!—какая тутъ-то у нихъ пойдетъ разноголосица: одни дадутъ себя душить, лишь бы ими правилъ кто-нибудь единолично—вещь для меня совсѣмъ непонятная; другіе пожелаютъ всѣ управлять однимъ—что̀ вовсе не кажется мнѣ большимъ торжествомъ,—третьи захотятъ всѣ повелѣвать—что̀ для меня совершенно ясно; тамъ благородныя животныя, т.-е. я хочу сказать животныя знатной породы (или, вѣрнѣе, я самъ не знаю что̀ хочу сказать), начнутъ управлять животными низкаго рода; здѣсь опять не будутъ признавать никакихъ различій происхожденія...

Что за столпотвореніе вавилонское, какая безурядица, какой лабиринтъ? Не правда-ли, что все это доказываетъ, что въ мірѣ существуетъ лишь одна всѣми признанная правда, единственная, положительная и вѣрная, и изъ нея-то и проистекаетъ это удивительное единогласіе? Наконецъ, такъ какъ животныя лишены разума и дара слова, то они и не нуждаются въ краснорѣчивыхъ ораторахъ, разъясняющихъ имъ, ка́къ слѣдуетъ жить, чтобы быть счастливыми; они не могутъ ни обманывать, ни быть обманутыми, ни убѣждать другихъ, ни сами убѣждаться...

Человѣкъ наоборотъ: человѣкъ говоритъ и слушаетъ, человѣкъ вѣритъ и не тому только, чему хочетъ,—а всему. Право, что̀ за легковѣрный нравъ! Онъ вѣритъ въ женщинъ, въ убѣж-

денія, въ счастье... Мало ли во что вѣритъ человѣкъ! Даже въ истину вѣритъ. Скажите ему, что онъ преисполненъ дарованій, талантовъ.—«Совершенная правда», скажетъ онъ про себя.—Скажите ему, что онъ первое существо въ мірѣ.—«Это такъ», согласится онъ.—Скажите, что питаете къ нему самыя нѣжныя чувства.—«Искренно благодаренъ вамъ», отвѣтитъ онъ, повѣривъ на слово. Хотите увлечь его на встрѣчу смерти, измѣните только слова, скажите, что вы ведете его на путь славы,—и онъ пойдетъ. Хотите, чтобы онъ вамъ повиновался—объявите ему просто: «Я обязанъ, я долженъ тобою повелѣвать».—«Это неоспоримо», безпрекословно согласится онъ.

Въ этомъ заключается все искусство управлять людьми... И развѣ волъ человѣкъ? Какое стадо волковъ удовольствуется манифестомъ? Мяса потребуютъ они, а не словъ. Объявите имъ: «О, волки! голодъ утоленъ, онъ конченъ, задушите же на вѣкъ это чудище».—«Ложь», завопятъ волки въ отвѣтъ, «голодъ утоляется только бараниной»...—«Сограждане», вѣщаетъ журнальная статья человѣку», гидра междуусобій уже побѣждена могучею рукою, отнынѣ полный порядокъ будетъ служить фундаментомъ общественному зданію, уже занялась заря справедливости на горизонтѣ (неизвѣстно на какомъ), радуга мира сіяетъ послѣ грозы (еще не кончившейся), отнынѣ законность (т.-е. квадратура круга) будетъ основаніемъ общественнаго благополучія» и т. д. и т. д. Произнесли вы слова: гидра междуусобій, справедливость, общественное благо, горизонтъ, законность, радуга мира,—смотрите: народы рукоплещатъ, пишутся стихи, воздвигаются тріумфальныя арки, изреченія ваши высѣкаются на мраморѣ... Чудный даръ слова! Легко-достижимое счастье! Запасшись небольшимъ лексикономъ современныхъ изреченій, отъ времени до времени говоря: завтра! и ежедневно кидая слова въ утѣшеніе публикѣ—какъ Эней бросалъ кусокъ пирога Церберу—вы можете спокойно почить на лаврахъ...

Вотъ краткій очеркъ исторіи народовъ, исторіи человѣчества... всюду слова, шумъ, неурядица—нѣтъ и слѣда чего-нибудь положительнаго, вѣрнаго. Счастливы безсловесные, потому что они по-крайней-мѣрѣ понимаютъ другъ друга.

VIII.

Обстоятельства.

Я много разъ размышлялъ о томъ, что обыкновенно на обстоятельства сваливаютъ вину собственныхъ своихъ ошибокъ въ жизни. Глупость или нерадѣніе, по словамъ неудачника, превращаются въ «обстоятельства, приведшія его къ тому, что онъ есть». Я былъ занятъ этими и тому подобными размышленіями, когда получилъ письмо, которое служило подтвержденіемъ собственныхъ моихъ мыслей, и потому позволяю себѣ сообщить его цѣликомъ моимъ читателямъ. Вотъ оно:

«Синьоръ Фигаро! Многоуважаемый синьоръ, къ вамъ, синьоръ Фигаро, наблюдателю общественныхъ нравовъ, обращаюсь я, имѣя въ виду двѣ цѣли. Во-первыхъ, пожаловаться вамъ на свою горькую судьбу, а во-вторыхъ, освѣдомиться у вашей опытности, потому что, судя по вашимъ статьямъ, я полагаю, что вы человѣкъ уже не молодой:—какъ вы думаете, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ несчастливая звѣзда, преслѣдующая нѣкоторыхъ людей и есть ли кто-либо на свѣтѣ несчастливѣе меня? Я былъ настоящею игрушкою обстоятельствъ, теченію которыхъ никто не можетъ противостоять, и которыя схватили меня со всѣхъ сторонъ и увлекли, какъ охватываетъ и увлекаетъ сильное теченіе волны неумѣлаго пловца, бросившагося неосторожно въ коварную, многоводную рѣку.

«Мой отецъ, синьоръ Фигаро, былъ богатый англичанинъ, но онъ былъ одинокъ въ мірѣ: по природѣ своей онъ былъ сосредоточеннаго характера, и всего имѣлъ одного лишь друга. Этому послѣднему вздумалось принять участіе въ заговорѣ противъ правительства; онъ отдалъ отцу на храненіе разныя важныя бумаги; заговоръ былъ открытъ, и оба должны были искать спасенья въ бѣгствѣ. Превративши въ звонкую монету все, что̀ удалось ему спасти изъ значительнаго его состоянія, отецъ мой прибылъ въ Испанію, и здѣсь онъ увидѣлъ красавицу, которую полюбилъ и на которой женился; не проживши полныхъ девяти мѣсяцевъ съ нею, умеръ въ отчаяніи, все думая и передумывая о заговорѣ. Итакъ, вы видите, синьоръ Фигаро, передъ собой Эдуарда Пристли, вашего покорнаго слугу, которому судьба безъ сомнѣнія предназначала быть англичаниномъ, протестантомъ и богатымъ человѣкомъ, вмѣсто того родившагося испанцемъ, католикомъ и бѣднякомъ, и въ этомъ, кромѣ однихъ обстоятельствъ, нельзя обви-

нить никого. Вы видите, что уже съ самаго ранняго возраста они начали свое гоненіе на меня. Мать моя была женщиной рѣдкой по уму и возвышенности образа мысли. Она воспитала меня какъ могла лучше, и на воспитаніе это потратила небольшой капиталъ, оставленный ей отцомъ. Увлекаясь магистратурой, полный энтузіазма къ этой карьерѣ и чувствуя отвращеніе къ военному званію, къ которому меня было предназначали, я изучалъ юриспруденцію въ университетѣ; и, несмотря на это, могу увѣрить васъ, что изъ меня вышелъ бы хорошій адвокатъ,—такъ сильно было мое влеченіе къ наукѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, синьоръ Фигаро, сдѣлавшись извѣстнымъ адвокатомъ и надѣвъ тогу, я, быть можетъ, и докарабкался бы до министерскаго кресла; великій совѣтъ Кастильи считалъ бы меня подъ конецъ жизни моей въ числѣ своихъ членовъ, и, отдыхая тамъ въ спокойствіи, я бы умеръ, оставивъ въ память о себѣ неувядаемую славу. Однако, всему этому помѣшали обстоятельства. Въ мірѣ народился Наполеонъ, и такъ случилось, что онъ пожелалъ быть императоромъ, для того, чтобы воспрепятствовать мнѣ сдѣлаться хорошимъ адвокатомъ и дурнымъ министромъ.

«Товарищи мои взялись за оружіе и бросили изучать законъ для того, чтобы защитить его, что̀ въ то время оказалось болѣе нужнымъ. Что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? И я тоже бросилъ ученіе и сдѣлался солдатомъ для защиты отечества. Въ теченіи кампаніи я потерялъ карьеру, терпѣніе и лѣвый глазъ—обстоятельства, сдѣлавшія меня одноглазымъ и капитаномъ: тому свидѣтель небо, что я вовсе не годился для обѣихъ этихъ вещей. По природѣ своей, синьоръ Фигаро, я человѣкъ вспыльчивый и непостоянный, и потому вовсе непригодный для брака, о которомъ я никогда и не думалъ. Но мать моя умерла вслѣдствіе бомбардировки Кадикса. По своимъ связямъ, она могла бы подвинуть мою карьеру. Значитъ, смерть ея была новымъ ударомъ, нанесеннымъ мнѣ обстоятельствами. Я увидѣлъ себя одинокимъ во всемъ мірѣ, и по случаю того, что прекрасная аррагонка, дочь депутата кортесовъ города Кадикса, приняла и скрыла меня, всего израненнаго, въ своемъ домѣ, и, по странному стеченію обстоятельствъ, спасла мнѣ жизнь, я женился на ней изъ благодарности и по долгу чести, а не по любви, т.-е. меня женили тоже обстоятельства. Въ военной моей карьерѣ я, судя по моимъ заслугамъ передъ отечествомъ, долженъ былъ бы непремѣнно получить чинъ генерала—чинъ, раздаваемый тѣмъ, которые имѣли весьма малыя заслуги, но я былъ зятемъ депутата: мнѣ сняли эполеты, меня включили въ общую немилость, и обстоятельства

привели меня въ Сеуту, куда, знаетъ Богъ, я вовсе не желалъ отправиться; здѣсь я велъ жизнь каторжника и несчастнаго мужа, хотя каждая изъ этихъ двухъ пытокъ, отдѣльно взятая, можетъ уже довести человѣка до гибели. Вы видите, что все обрушилось на меня не по моей винѣ. Кто толкнулъ меня жениться, кто велѣлъ мнѣ быть военнымъ, кто далъ мнѣ политическія убѣжденія? На галерахъ нельзя сдѣлать карьеры, тамъ только можно набраться злобы. Однакожъ, насъ освободили оттуда, и такъ какъ я былъ честный человѣкъ, я былъ сдержанъ; правда, я ждалъ себѣ блага, но такъ какъ я не ходилъ по кофейнямъ и громко не кричалъ—средства, которыя требовались тогдашними обстоятельствами, чтобы добиться успѣха и благоденствія,—мнѣ не только не дали мѣста, но просто прогнали. Я разсердился: свидѣтель тому Богъ, что я не родился быть журналистомъ, но обстоятельства дали мнѣ перо въ руки: я писалъ статьи противъ тогдашняго правительства, и такъ какъ въ то время считался либераломъ тотъ, кто раздѣлялъ мнѣнія находящихся у кормила правленія, меня угостили нѣсколькими ударами кинжала нѣкоторые аматеры уличныхъ безпорядковъ. Это и было лавровымъ вѣнкомъ, уготованнымъ обстоятельствами для увѣнчанія моей литературной карьеры. Избѣгнувши смерти, я попробовалъ-было присоединиться къ людямъ моей партіи, но и тамъ мнѣ объявили, что обстоятельства не дозволяютъ имъ принять меня въ свои ряды, какъ человѣка, женатаго на дочери депутата гор. Кадикса въ собраніи кортесовъ, и они лишь сдѣлали мнѣ милость и не повѣсили меня.

«Не имѣя возможности жить въ Испаніи роялистомъ, я отправился во Францію, гдѣ, въ качествѣ либерала, меня бросили въ тюрьму на продовольствіи 3-хъ коп. въ день. Наконецъ, синьоръ Фигаро, общая амнистія была объявлена. Теперь, по милости доброй королевы, ужъ нѣтъ партій, нѣтъ различій цвѣтовъ. Мнѣ теперь дадутъ мѣсто, сказалъ я себѣ; я человѣкъ способный, мои знанія извѣстны, я могу быть полезнымъ... Но, увы! синьоръ Фигаро, у меня уже нѣтъ матери, нѣтъ жены, нѣтъ денегъ, нѣтъ друзей; обстоятельства моей жизни помѣшали мнѣ запастись вліятельными знакомствами. Быть можетъ, я бы еще достигъ успѣха, еслибъ я могъ добраться до самого правительства, намѣренія котораго прекрасны,—я въ томъ увѣренъ; но какъ пробиться чрезъ густое облако привратниковъ и придверниковъ, которые стоятъ стѣною и защищаютъ входъ въ святилище судебъ? Подаваемыя прошенія ни къ чему не ведутъ—ихъ бросаютъ, какъ негодную бумагу. Сколько просителей, столько отказовъ! Я подавалъ болѣе

ста прошеній, столько же разъ мнѣ повертывали спину. «Оставьте вашу бумагу,—говорили одни,—посмотримъ, дозволятъ ли это обстоятельства».—«Подождите,—отвѣчали другіе,—при настоящихъ обстоятельствахъ такъ много желающихъ».—«Однако, господа,—возражаю я,—все же необходимо ѣсть и при всякихъ обстоятельствахъ». А для тѣхъ, которымъ удается, развѣ нѣтъ обстоятельствъ?

«Вотъ, синьоръ Фигаро, мое теперешнее положеніе: или я не способенъ понять обстоятельствъ, или я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. Сынъ англичанина, тотъ, который долженъ былъ быть богатымъ, судьей, литераторомъ, генераломъ, человѣкомъ, чуждымъ всякихъ партій,—вѣроятно, окончитъ три различныя свои карьеры въ госпиталѣ, благодаря обстоятельствамъ; въ то же время другіе, родившіеся Богъ знаетъ для чего, придерживавшіеся всѣхъ возможныхъ убѣжденій и партій,—возвеличивались, возвеличиваются и будутъ возвеличиваться этими самыми обстоятельствами. Вашъ слуга, синьоръ Фигаро,—Эдуардъ Пристли, или человѣкъ обстоятельствъ».

Отвѣчая на письмо Эдуарда Пристли, я не могъ не согласиться съ нимъ, что причиной всѣхъ его невзгодъ было, говоря общепринятымъ выраженіемъ,—то, что онъ родился несчастливымъ. Но если разсудить хорошенько—все его несчастіе состояло въ томъ, что онъ самъ не помогалъ обстоятельствамъ, въ томъ, что онъ не зналъ, что пока существуютъ люди, самыя надежныя обстоятельства—это интриговать, имѣть вліятельное родство, казаться бóльшимъ, чѣмъ ты есть на дѣлѣ; лгать больше, чѣмъ знаешь; клеветать на того, кто не можетъ защититься; употреблять во зло довѣріе; писать въ пользу, а не противъ того, кто располагаетъ властью; примкнуть къ извѣстной партіи, хотя бы ты внутренно всѣхъ ихъ презиралъ—предполагая лишь, что партія, къ которой присоединяешься, всегда будетъ тою, которая побѣдитъ, и выкрикивать громко и у мѣста свои убѣжденія; искать дружбы красавицъ, какъ прибыльную статью; жениться по разсчету, а не изъ чувства благодарности, чести или другихъ какихъ-нибудь иллюзій; увлекаться лишь на видъ, и то вещами, могущими принести вамъ пользу...

Святый Боже!—воскликнетъ, быть можетъ, строгій моралистъ,—что за картина! Какіе маккіавелическіе принципы! Но, синьоръ моралистъ, Фигаро не утверждаетъ вѣдь, чтобъ эти принципы были хороши, и не Фигаро создалъ свѣтъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, и не ему предоставлено исправить его—никакія изреченія не могутъ измѣнить человѣческое сердце. Поль-

зуясь обстоятельствами, люди ловкіе достигаютъ того, чего желаютъ, слабыми людьми обстоятельства управляютъ, какъ могутъ, люди же сильные дѣлаютъ изъ нихъ чтó хотятъ, или, взявъ ихъ, какъ они есть, умѣютъ превратить ихъ въ свою пользу. Слѣдовательно, чтó же такое обстоятельства? То же, чтó и счастье: слова, лишенныя смысла, которыми человѣкъ пользуется, чтобы сваливать на несуществующія причины отвѣтственность за свои неудачи: по бóльшей части обстоятельства—одинъ лишь предлогъ. Почти всегда все зависитъ отъ таланта.

Приводимъ въ заключеніе статью Ларры: «Ночь предъ Рождествомъ 1836 года», въ которой онъ, находясь уже въ то время въ періодѣ глубокаго разочарованія и полнаго отчаянія въ благополучномъ исходѣ народной борьбы и торжества праваго дѣла въ Испаніи, и мрачно смотря не только на Испанію, но даже на всю Европу, считая ихъ разлагающимся трупомъ, разваливающимся зданіемъ, котораго никакія подпоры уже не могутъ спасти, приравниваетъ себя къ пьяному астурійцу-слугѣ.

IX.

Ночь предъ Рождествомъ 1836 года.

24-е число всегда бываетъ для меня несчастнымъ днемъ, и если бы для этого потребовались доказательства, мнѣ достаточно было бы сказать, что я родился именно 24-го. Между тѣмъ, число это повторяется двѣнадцать разъ въ году, а я суевѣренъ, потому что человѣкъ чувствуетъ потребность вѣровать во что-нибудь, и, не находя истины, по-неволѣ приходится ему вѣрить въ ложь. Безъ сомнѣнія, по этой же причинѣ влюбленные вѣруютъ въ своихъ возлюбленныхъ, мужья въ своихъ женъ, а народы въ своихъ правителей; одно же изъ моихъ суевѣрій состоитъ именно въ убѣжденіи, что ни одно 24-ое число не можетъ пройти для меня благополучно.

Канунъ рокового для меня дня — это было 23-го декабря 1836 года—былъ прекрасный, солнечный день, и мнѣ напередъ уже сдавалось, что на слѣдующее утро будетъ сырая и дождливая погода. Случилось хуже—выпалъ снѣгъ, и термометръ показывалъ нѣсколько градусовъ ниже нуля—онъ палъ такъ же низко, какъ и кредитъ Испаніи...

Всталъ я недовольный и сумрачный, сѣлъ за столъ, опершись на него локтями, и на лбу у меня повисли такія же черныя тучи, какъ и на небѣ. При первомъ взглядѣ, каждый тотчасъ узналъ бы во мнѣ журналиста во времена свободы печати, или національнаго гвардейца, потребованнаго въ армію. Глаза мои блуждали то по письменному столу, на которомъ разбросано было множество статей и брошюръ, начатыхъ мѣсяцевъ шесть тому назадъ и еще неоконченныхъ; на нихъ и до сихъ поръ красовались однѣ лишь заглавія, словно разверстыя могилы на кладбищѣ, ожидающія предназначенныхъ для нихъ труповъ: сравненіе вѣрное, такъ какъ въ каждой своей статьѣ я хороню какую-нибудь мечту или надежду; то я взглядывалъ на окна моего балкона—по прозрачному хрусталю, какъ капли слезъ, текли тусклые, сгущенные пары. Вотъ вѣрное изображеніе жизни, подумалъ я: наружный холодъ свѣта также сгущаетъ страданія внутри человѣка, и точно такъ же капля за каплею падаютъ слезы на сердце. Тѣ, которые снаружи глядятъ на оконныя стекла, находятъ ихъ чистыми и свѣтлыми; тѣмъ, которые смотрятъ на одни только лица человѣческія, кажутся эти люди веселыми и спокойными...

Но я избавлю читателей отъ бо́льшей части моихъ размышленій; для нихъ не достало бы журналовъ въ Мадридѣ,—пожалуй, не хватило бы и читателей! Счастливъ тотъ, кто занятъ службой или частными дѣлами, хорошо ли оплачивается его трудъ или не оплачивается вовсе, все равно: по крайней мѣрѣ, онъ не обязанъ думать и можетъ спокойно себѣ курить да почитывать газету!

«Кушать готово», послышался голосъ моего слуги, выведшій меня изъ оцѣпенѣнія. Я вздрогнулъ и невольно чуть-было не заговорилъ словами Донъ-Кихота: «Ты—не странствующій рыцарь и родился вѣдь для своего желудка, потому и кушай, Санхо, сынъ мой, кушай себѣ на здоровье». Мы философы, т.-е. несчастные люди, можемъ, пожалуй, и не ѣсть, но слуги философовъ, за что́ же они должны воздерживаться отъ пищи? Въ головѣ моей блеснула свѣтлая мысль: вспомнилъ я, что римляне въ дни сатурналій мѣнялись ролями съ своими рабами, и эти послѣдніе могли въ это время говорить всю правду своимъ господамъ. Обычай смиренный, достойный свѣта христіанства. Посмотрѣвъ на своего служителя, я подумалъ про себя: «сегодня ночью ты будешь говорить мнѣ одну лишь правду». Вынулъ я изъ своего кошелька нѣсколько монетъ, съ вычеканенными на нихъ изображеніями королей испанскихъ (въ сущности, это были мои журнальныя статьи, обратившіяся въ деньги), посмотрѣлъ на

нихъ съ гордостью и презрительно обратился къ дожидавшемуся слугѣ: «Вотъ, возьми,—сказалъ я ему,—веселись и пируй на мои статьи». Усвоеніе произведеній умственнаго труда мыслимо, для нѣкоторыхъ людей, только такимъ путемъ. Глупымъ и счастливымъ смѣхомъ освѣтилось лицо моего слуги-астурійца и, поспѣшно поклонившись, онъ взялъ шапку и вышелъ на улицу.

Что такое годовой праздникъ? Быть можетъ, только ошибка въ календарѣ. Если бы годъ не былъ раздѣленъ на триста-шестьдесять-пять дней, что̀ сталось бы съ нашими годовыми праздниками? Народу объявляютъ, что сегодня «праздникъ», и народъ говоритъ: «Если праздникъ сегодня, то давайте праздновать его, наѣдаясь вдвое». Зачѣмъ онъ ѣстъ сегодня больше, чѣмъ вчера? Или онъ вчера голодалъ и потому хочетъ объѣсться сегодня. Несчастное человѣчество, вѣчно осужденное или не дойти, или шагнуть слишкомъ далеко!

Тысяча восемьсотъ-тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ, родился Спаситель, родился Тотъ, который былъ и концомъ и началомъ, альфой и омегой, и родился для того, чтобы умереть. Великая, торжественная тайна!

Нужно отпраздновать тайну: «будемъ ѣсть!» говоритъ человѣкъ,—онъ не говоритъ: «станемъ размышлять!» Желудокъ уполномоченъ отпраздновать великое торжество! Человѣкъ обращается къ тѣлу, чтобы заплатить дань духу. Страшный аргументъ въ пользу существованія души.

Я собрался идти въ театръ, и для этого мнѣ также необходимо было пройти черезъ большую, кишащую людьми, народную площадь, какъ необходимо пройти черезъ страданія на пути отъ колыбели до могилы. Въ театрѣ, переполненномъ сверху до низу, давались двѣ пьесы. Въ первой мужчины казались женщинами, а женщины мужчинами—вѣрный отпечатокъ нашей эпохи и современныхъ нравовъ. Мужчины въ засѣданіяхъ и собраніяхъ умѣютъ лишь болтать какъ женщины. Женщины являются мужчинами,—онѣ однѣ покоряютъ себѣ міръ. Во второй комедіи былъ выведенъ молодой супругъ, которому все никакъ не удавалось достигнуть цѣли своихъ желаній. Этотъ молодой супругъ—вѣрный образъ испанскаго народа, сегодня заключающаго брачный союзъ съ своимъ правительствомъ, а завтра отворачивающагося отъ него. Бракъ повторяется до безконечности.

Двери театра закрываются, всѣ расходятся по домамъ и толпятся въ столовыхъ,—пиръ идетъ горой. Я брожу нѣсколько часовъ по улицамъ, углубленный въ размышленія. Свѣтъ огней, освѣщающихъ пиршество, бьетъ мнѣ въ глаза; отовсюду до ушей

моихъ доносятся разнообразные смѣшанные звуки... Но вотъ часовая стрѣлка почти показываетъ двѣнадцать часовъ, пора отправляться домой. Какъ же это случилось? Роковой для меня день почти уже конченъ, а кромѣ постоянно преслѣдующей меня тоски, ничего особенно непріятнаго со мною не приключилось. Однако дома ожидаетъ меня мой слуга; статьи мои, превращенныя въ деньги, деньги, превращенныя въ вино, сдѣлали свое дѣло, какъ я и ожидалъ, и мой астуріецъ болѣе не человѣкъ,—онъ уже сама истина.

Провидѣніе, часто наказывающее гордыню посредствомъ самаго смиреннаго орудія, предназначало мнѣ испытать уготованное мнѣ злополучіе рокового 24-го числа, чрезъ посредство моего служителя. Истина ждала меня тутъ, и мнѣ суждено было услышать ее изъ такихъ нечистыхъ устъ. Слуга мой открылъ мнѣ двери, и я тотчасъ же замѣтилъ, въ какомъ состояніи онъ находился. «Отойди, дуракъ», воскликнулъ я, осторожно отстраняя это тѣло безъ души, которое, качаясь, чуть-было не упало на меня. «Бѣдняга, онъ совсѣмъ пьянъ, право, мнѣ его жаль».

Я поспѣшно ушелъ въ свою комнату, но тѣло, испуская неопредѣленные звуки, шло за мною слѣдомъ; неровное и тяжелое дыханіе его и прерывистыя движенія погасили свѣчу. Мы остались въ темнотѣ, служитель мой и я, т.-е. истина и Фигаро, первая въ образѣ пьянаго человѣка, держащагося за мою кровать, чтобы не упасть, а я—второй—у ея изголовья, тщетно ищущій коробку спичекъ, чтобы опять зажечь свѣчу.

Глаза моего слуги, какъ двѣ фосфорныя точки, были устремлены прямо на меня, и не знаю, откуда взялись у него голосъ, слова и разсужденія, но мой астуріецъ заговорилъ—и между нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Мнѣ его жаль,—повторилъ онъ мое восклицаніе,—а почему же ты меня жалѣешь, писатель? Еслибъ еще я пожалѣлъ тебя, это дѣло иное, это было бы понятно.

— Ты—меня?—спросилъ я испуганно.

Суевѣрный страхъ овладѣлъ мною, потому что я чувствовалъ, что голосъ начинаетъ говорить истину.

— Послушай,—продолжалъ онъ,—ты возвратился сегодня сумрачнымъ, какъ всегда, я же веселъ болѣе обыкновеннаго. Зачѣмъ лицо у тебя такое блѣдное, глаза такіе впалые? Отчего ты вѣчно разсѣянъ и какія-то невнятныя, безсвязныя слова срываются съ устъ твоихъ? Отчего ты, на мягкой твоей постели, всю ночь такъ безпокойно ворочаешься съ боку на бокъ, какъ преступникъ, мучимый угрызеніями совѣсти, между тѣмъ какъ я

гробно храплю на своемъ жесткомъ тюфякѣ? О комъ приходится жалѣть, обо мнѣ ли, или о тебѣ? Ты на видъ не кажешься преступникомъ, по крайней мѣрѣ правосудіе не преслѣдуетъ тебя. Впрочемъ, правда и то, что правосудіе преслѣдуетъ лишь мелкихъ преступниковъ, которые крадутъ со взломомъ или убиваютъ кинжаломъ; тѣхъ же, которые уничтожаютъ семейное спокойствіе и счастіе, совращая жену или соблазняя дочь, тѣхъ, которые крадутъ съ картами въ рукахъ, убиваютъ словомъ, сказаннымъ на ухо, или клеветою,—этихъ ни общество не называетъ преступниками, ни правосудіе не преслѣдуетъ, потому что ихъ жертвы не покрыты ранами, не истекаютъ кровью, а лишь медленно погасаютъ въ агоніи, подъ дѣйствіемъ яда страстей, привитыхъ имъ ихъ палачами. Сколько умираетъ чахоточныхъ, погибающихъ изъ-за невѣрности, неблагодарности и клеветы! Ихъ хоронятъ и говорятъ, что болѣзнь не поддалась леченію, что врачи ея не поняли. Между тѣмъ гнусный ударъ попалъ прямо въ сердце. Быть можетъ, и ты одинъ изъ такихъ преступниковъ и внутри тебя кричитъ обвиняющій тебя голосъ—и этотъ изящный фракъ, нарядный жилетъ и шелковые чулки—проклятыя орудія твоихъ преступленій.

— Молчи, пьяница...

— Нѣтъ, не стану молчать, вино говоритъ во мнѣ, и ты долженъ выслушать меня до конца. Быть можетъ, это золото, выигранное тобою въ качествѣ свѣтскаго человѣка гдѣ-нибудь на вечерѣ и которое ты съ пренебреженіемъ бросаешь на столъ,—цѣна спокойствія цѣлаго семейства. Быть можетъ, эта записка, которую ты берешь въ руки, анонимная ловушка, чтобы навсегда разлучить тебя съ любимою женщиною или доказательство ея невѣрности или неблагодарности. Не одинъ разъ видѣлъ я, какъ ты топалъ ногами и скрежеталъ зубами въ порывахъ бѣшенства, забывъ про свѣтъ и его благовоспитанныя правила. Ты хочешь найти счастье въ человѣческомъ сердцѣ и самъ разрушаешь его, переворачивая все вверхъ дномъ, какъ ищущій кладъ въ нѣдрахъ земли всю ее раскапываетъ и перекапываетъ. Я ничего не ищу и разочарованіе не ожидаетъ меня, когда не будетъ болѣе надежды. Ты—литераторъ, писатель, и сколько мученій уготованы тебѣ твоимъ самолюбіемъ, ежедневно раздражаемымъ равнодушіемъ однихъ, завистью другихъ, ненавистью многихъ! Славясь остроуміемъ, ты для остраго словца не пожалѣлъ бы и друга, еслибъ таковой былъ у тебя. Человѣкъ партій, ты воюешь со сторонниками другого лагеря—и каждое пораженіе является для тебя униженіемъ, а побѣду ты покупаешь такою дорогою цѣною, что

не можешь и насладиться ею. Ты бросаешь грязью въ людей и хочешь, чтобы у тебя не было враговъ? А кто на меня станетъ клеветать, кто знаетъ меня? Ты платишь мнѣ жалованье вполнѣ достаточное для моихъ нуждъ, тебѣ же платитъ міръ обычною своею монетою. Ты считаешь себя либераломъ, человѣкомъ правды, а если бы ты когда-нибудь самъ получилъ кнутъ въ руки, такъ и ты бы сталъ стегать имъ другихъ, какъ тебя самого стегали. Ты и тебѣ подобные,—вы называете себя честными, убѣжденными людьми, и при каждомъ удобномъ случаѣ мѣняете вы ваши убѣжденія и отрекаетесь отъ нихъ. Мучимый жаждою славы, ты, быть можетъ,—страшная непослѣдовательность—презираешь тѣхъ, для кого ты пишешь, съ кадиломъ въ рукахъ, добиваясь ихъ одобренія. Ты льстишь своимъ читателямъ, чтобы и они въ свою очередь льстили тебѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожишь отъ страха, не зная, придется ли тебѣ завтра пожинать лавры въ Капитоліѣ или томиться въ тюрьмѣ...

— Довольно, довольно.

— Кончаю. У меня наконецъ мало потребностей, ты же, несмотря на все свое богатство, можетъ быть, завтра отдашь себя въ когти ростовщика, изъ-за какой-нибудь прихоти, изъ-за минутнаго каприза, для удовлетворенія которыхъ вы всѣ бросаете золото пригоршнями, или изъ-за обѣда, устроеннаго изъ тщеславія, гдѣ каждый глотокъ—ядъ. Ты день и ночь отыскиваешь истину въ книгахъ, читая страницу за страницею, и мучишься, что не находишь ее нигдѣ. Жалкое и смѣшное существо, ты танцуешь безъ веселья и вездѣ тебѣ скучно. Когда мнѣ нужна женщина, я беру свое жалованье, и нахожу то, чего ищу; и женщина эта вѣрна мнѣ,—по крайней мѣрѣ четверть часа. Ты же берешь свое сердце и бросаешь его подъ ноги первой встрѣчной; не хочешь, чтобы она топтала и мучила его, а ввѣряешь ей его, не зная ея вовсе. Ты отдаешь свое сокровище, увлекаясь лишь красивенькимъ личикомъ, и вѣришь потому, что желаешь вѣрить; и если завтра сокровище твое исчезнетъ, ты называешь воромъ то лицо, которому ты его ввѣрилъ, вмѣсто того, чтобы назвать себя безразсуднымъ и дуракомъ.

— Ради Христа, замолчи...

— Кончаю. Ты изобрѣтаешь слова и мнишь, что это объекты дѣйствительно существующіе: политика, слава, знаніе, могущество, богатство, дружба, любовь! А когда убѣдишься ты, что все это только звуки, слова—ты начинаешь проклинать и богохульствовать. А бѣдный астуріецъ между тѣмъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, и ничто не вводитъ его въ заблужденіе; хотя онъ не знаетъ счастія,

но за то и несчастія не знаетъ, и по крайней мѣрѣ онъ не свѣтскій человѣкъ, не честолюбецъ, не литераторъ и не влюбленный. Пожалѣй-ка еще бѣднаго астурійца! Ты повелѣваешь мною и между тѣмъ не въ силахъ управлять самимъ собой. Пожалѣй-ка обо мнѣ, литераторъ. Я, правда, опьянѣлъ отъ вина—ты же опьянѣлъ отъ желаній и безсилія.

Громкимъ храпомъ окончилъ онъ послѣднюю фразу; тѣло, утомленное сдѣланнымъ усиліемъ, рухнулось на полъ, голосъ замолкъ, астуріецъ крѣпко спалъ.

«Вотъ оно—24-ое число!» воскликнулъ я... Слеза ужаса и отчаянія скатилась по моимъ впалымъ щекамъ. До утра господинъ и слуга пролежали рядомъ, первый на постели, второй на полу. Господинъ во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, и томительно медленно шли часы, пока, наконецъ, утро своими розовыми и пурпуровыми лучами не озолотило окна его комнаты.

М. В.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ОБВИНИТЕЛЯ

РОМАНЪ ТРЕХЪ ДНЕЙ.

Конецъ второго дня.

VII *).

Описывать то, чтó слѣдовало теперь, у меня едва рука поднимается: собственно ничего не произошло, а волоса при одномъ воспоминаніи дыбомъ становятся! Этотъ страшный крикъ до сихъ поръ гудитъ въ ушахъ...

Но все по порядку.

Съ перваго шага, который я сдѣлалъ черезъ порогъ Полинькиной комнаты, «душевный телефонъ» во мнѣ сталъ издавать звуки мирные, стройные. Ихъ не могло вызвать сочувствіе къ присутствующему убійцѣ: звуки были слишкомъ гармоничны, тогда какъ состраданіе къ явному преступнику могло выразиться только рѣзкимъ диссонансомъ. Притомъ же глаза мои послѣ всего обратились въ ту сторону, гдѣ лежалъ Кудряшевъ. Нѣтъ, я ощущалъ почти то же, чтó долженъ былъ испытывать Ливингстонъ, когда первымъ изъ европейцевъ проникалъ въ первобытныя мѣста центральной Африки. Съ жадною любознательностью взоръ мой упивался каждымъ отдѣльнымъ предметомъ, сочетаніемъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ: отдѣльно каждая вещь, какъ вещь, была мнѣ уже знакома, но въ томъ именно видѣ, въ той гармонической комбинаціи, въ какой онѣ являлись мнѣ здѣсь, я видѣлъ ихъ впервые.

*) См. выше: апр., стр. 570.

Времени для моихъ топографическихъ наблюденій у меня, правда, было очень мало: всего минуты двѣ-три. Но тѣмъ не менѣе въ памяти моей отчетливо запечатлѣлась вся обстановка: вдоль наружной стѣны, отъ дверей въ дѣтскую, стоитъ орѣховый книжный шкапикъ, на нижнихъ полкахъ плотно уставленный книгами, на верхнихъ—разными физическими приборами. Далѣе невольно останавливаетъ вниманіе мраморный шахматный столикъ (стало-быть, она играетъ и въ шахматы!). Въ окнахъ, обвитыхъ плющомъ и увѣшанныхъ, въ затѣйливыхъ фестонахъ, прозрачными гардинами, качаются клѣтки съ канарейками; а въ уголку, между оконъ, ютится полукруглый диванчикъ, по бокамъ съ откидными столиками, на одномъ изъ которыхъ лежитъ еще тамбурная работа, какъ-бы только-что положенная изъ рукъ. Надъ диванчикомъ же склоняется, въ изящной волоченой рамѣ, уменьшенная копія съ Мадонны Мурильо.

Отъ всего вѣяло на меня чѣмъ-то такимъ новымъ и, въ то же время, родственно-знакомымъ, что я словно къ мѣсту приросъ, и только очнулся, когда Когортовъ позвалъ меня:

— Павелъ Алексѣичъ! пожалуйте-ка сюда.

Они съ докторомъ и Полинькой зашли уже за ширму, гдѣ на кровати молодой сестры своей лежалъ теперь Парфенъ Семеновичъ.

Какъ просто однимъ движеніемъ руки передвинуть часовую стрѣлку человѣческой жизни! Но механизмъ нашего бытія настолько сложенъ и неразрывенъ съ жизненной механикой приближенныхъ къ намъ лицъ, что самовольное передвиженіе времени на одномъ циферблатѣ отзывается тутъ же, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ, и на циферблатахъ сопредѣльныхъ механизмовъ. Стрѣлку жизни Аглаи Борисовны чья-то преступная рука передвинула прямо на полночь—и подростокъ-золовка ея изъ утренней зари разомъ переступила въ полдень, а мужъ ея, крѣпкій мужчина среднихъ лѣтъ, также разомъ попалъ въ зимній вечеръ жизни, да въ какой вечеръ! — хуже всякой ночи!

Не даромъ Полинькѣ не хотѣлось показывать его намъ: онъ былъ неузнаваемъ,—онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, ужасенъ! Вмѣсто здороваго, довольно свѣжаго еще человѣка, передъ нами лежалъ теперь старичокъ-калѣка, безобразный живой трупъ... На него нельзя было смотрѣть безъ содроганія: вся правая сторона его, отъ головы до ногъ, была парализована; отъ средины лба, окруженнаго совершенно посѣдѣвшими въ одну ночь клочьями волосъ, шла, вдоль носа до подбородка, точно раздѣльная черта, по одну сторону которой, лѣвую, было обыкновенное человѣче-

свое лицо, хотя и совсѣмъ истомленное, покрытое лихорадочнымъ огнемъ; но другую же сторону, правую, — неподвижная, отталкивающая, землянного цвѣта масса: и бровь, и глазъ, и ноздря, и уголъ губъ были судорожно искривлены, — да такъ и застыли. Безобразіе это еще не такъ бы отталкивало, не будь рядомъ второго лица Януса: нетронутый лѣвый глазъ былъ широко раскрыть и, безпокойно ворочаясь въ орбитѣ, безсмысленно-тускло уставился въ потолокъ; лѣвая половина рта находилась въ такомъ же безпрерывномъ движеніи: одновременно съ глухими стонами тяжело-дышащей груди, оттуда безъ умолку вырывался неразборчивый лепетъ; лѣвая рука, лѣвая нога то-и-дѣло метались. И въ то же время страшная маска правой стороны оставалась совсѣмъ неподвижна, какъ окаменѣлая, какъ настоящій трупъ!

Первымъ дѣломъ докторъ, по обыкновенію, разумѣется, ощупалъ у больного пульсъ — сперва здоровой лѣвой руки, потомъ и помертвѣлой правой.

— Нѣтъ біенія? — спросилъ вполголоса Когортовъ.

— Въ этой рукѣ — никакого, — отвѣчалъ докторъ. — Да вы, впрочемъ, напрасно говорите шопотомъ: онъ все-равно не слышитъ.

— Значитъ, въ полномъ безпамятствѣ?

— Въ полномъ. Господинъ Кудряшевъ! — чуть не крикнулъ докторъ надъ самымъ ухомъ больного.

Тотъ по-прежнему тупо глядѣлъ въ потолокъ, по-прежнему глухо бормоталъ и стоналъ.

— Видите ли? — сказалъ докторъ, и, зажегши спичку, поднесъ ее больному къ самымъ глазамъ.

Тотъ хоть бы моргнулъ.

Докторъ взялъ двумя пальцами вѣко парализованнаго глаза и накрылъ глазъ. Глазное яблоко съ полминуты оставалось закрытымъ, хотя здоровый лѣвый глазъ и продолжалъ смотрѣть; но потомъ въ вѣкѣ опять образовалась щелка и понемногу расширилась до прежнихъ размѣровъ.

— Это, въ самомъ-дѣлѣ, прелюбопытный казусъ... — замѣтилъ докторъ и, продолжая свои наблюденія, сталъ гнуть кверху скорченную угломъ къ тѣлу парализованную руку. — Трудно поддается, точно упирается, а самъ вѣдь навѣрное ничего не чувствуетъ.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, приподнятая рука была предоставлена самой себѣ, она такъ и осталась на воздухѣ въ вертикальномъ положеніи; съ полминуты простоявъ, она стала, мало-по-малу,

механически сокращаться, сгибалась все больше и больше, — и, наконецъ, улеглась опять на постели, подтянувшись къ тѣлу подъ прежнимъ угломъ.

Ту же операцію продѣлалъ теперь докторъ съ отдѣльными пальцами руки, нервически сжатыми въ кулакъ: поочередно разгибалъ то одинъ, то другой палецъ, и, разъ разогнутые, они съ полминуты не шевелились; затѣмъ ихъ начинало понемножку сводить, и сводило до тѣхъ поръ, пока они не сжимались опять въ кулакъ.

Осторожно взявъ между двухъ ладоней голову Кудряшева, докторъ, не безъ усилія, повернулъ ее нà-бокъ. Она, точно приклеенная, съ мѣста не тронулась. Но не надолго: вотъ и ее ужъ начинаетъ заворачивать, заворачивать все дальше, и вотъ она опять приняла первоначальное положеніе.

— Пособите-ка мнѣ теперь его посадить, господа, — сказалъ докторъ.

— Да чтó вы его мучите? — вступилась Полинька.

— Не безпокойтесь объ немъ: онъ ничего не сознаетъ, — успокоилъ онъ ее и, при помощи моей и Когортова, отдѣлилъ отъ изголовья отяжелѣвшую голову больного, а потомъ, съ нѣкоторой натугой, привелъ въ сидячее положеніе и небольшое, но грузное, словно окоченѣлое, туловище его.

Просидѣвъ около того же времени, подобно бездушному истукану, безъ всякаго движенія, только безсознательно подрыгивая здоровою лѣвою рукой, больной сталъ наклоняться назадъ и потихоньку, какъ автоматъ на шарнирахъ, опустился опять нà изголовье.

Докторъ обернулся къ намъ и развелъ руками:

— До сихъ поръ второй примѣръ на всемъ моемъ вѣку!

— Да чтó же это такое? не простой параличъ? — спросилъ Когортовъ.

— Нѣтъ; кáкъ вѣрно замѣтилъ мой коллега: столбнякъ высшаго сорта, очень рѣдкій, являющійся, сколько мнѣ извѣстно, только послѣдствіемъ особенно сильнаго потрясенія зрительныхъ нервовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и всей нервной системы, при видѣ чего-нибудь невыносимо-ужаснаго.

— Такъ, такъ. Какъ, напримѣръ, бывало во время óно съ тѣми, кто заглядывалъ въ лицо Медузы? замѣтилъ Когортовъ. — И вы полагаете, докторъ, что больной нашъ тоже заглянулъ въ лицо Медузы?

— Да, въ лицо вѣчной Медузы, которой страшнѣе нѣтъ: въ лицо смерти.

— И неожиданно, говорите вы? Не самъ онъ себѣ пріуготовилъ Медузу, а нашелъ ее уже готовой, фиксъ ундъ фертигъ?

— Fix und fertig.

— Да вы у насъ, докторъ, сущій кладъ! Одна бѣда: вѣдь допросить-то его теперь не допросишь. Когда онъ можетъ придти въ себя?

Докторъ заботливо оглянулся на Полиньку, которая глазами, полными глубокой тревоги, ловила отвѣтъ его.

— Сказать теперь довольно трудно...—уклонился онъ.

— А нашъ докторъ говорилъ мнѣ,—подхватила Полинька,—что если брату къ веснѣ еще не будетъ лучше, то онъ пошлетъ его въ Чивита-Веккію купаться въ какомъ-то гротѣ, и что тамъ онъ, вѣроятно, поправится.

— Гм, да; манера очень удобная.

— Удобная?

— Сбыть съ рукъ.

— Такъ вы не вѣрите! А у васъ есть другое средство?

— Если ему чтó можетъ помочь, то, по-моему, одно электричество.

— Да у меня тутъ въ шкапу есть все, чтó угодно: и лейденскія банки, и гальваническія пáры... Но ему, можетъ быть, повредитъ...

— Повредить-то не повредитъ; только вы все же лучше посовѣтуйтесь сперва съ вашимъ домашнимъ врачомъ. Если согласится, то увидите, какъ съ перваго же раза организмъ больного возбудится къ усиленной дѣятельности; у него, можетъ быть, явится даже нѣкоторое сознаніе, развяжется языкъ.

— Блестящая мысль!—воскликнулъ Когортовъ.—Не позволите ли, докторъ, сейчасъ же сдѣлать опытъ?

— Но я боюсь...—замѣтила Полинька.

— Чего же вамъ бояться? Вѣдь слышали, что не повредитъ, что онъ даже не сознаётъ своего положенія. А ключъ кстати въ шкапу...

Если бы Полинька и хотѣла ему помѣшать, то это ни къ чему бы уже не повело: прыткій слѣдователь раскрылъ шкапъ, влѣзъ на стулъ и проворно выгрузилъ все, чтó требовалось для гальванической баттареи. Докторъ и я, не совсѣмъ охотно, помогли ему разставить около кровати больного рядъ стульевъ, а на нихъ рядъ элементовъ. Затѣмъ, Когортовъ подошелъ еще къ двери, гдѣ стояли понятые, чтобы внушить имъ: «не зѣвать»; а дверь предусмотрительно заперъ на ключъ: «чтобъ, на случай чего, не помѣшали.»

И вотъ, насталъ рѣшительный моментъ... Я его никогда не забуду! О, этотъ крикъ!..

Въ былые гимназическіе годы, на урокахъ физики, мнѣ не разъ самому случалось испытывать на себѣ дѣйствіе гальваническаго тока. Пускалось ли тогда въ ходъ меньшее число паръ, или же на разбитую нервную систему Кудряшева такая струя вліяла гораздо сильнѣе, чѣмъ на здоровый организмъ, но подобнаго тому, что̀ совершилось теперь во-очію передо мною, я никогда прежде не видѣлъ, да и вообразить себѣ не могъ. Въ сжатый правый кулакъ ничего не чающаго больного докторъ втиснулъ одинъ изъ конечныхъ шариковъ гальванической цѣпи. Когда же онъ затѣмъ прикоснулся и другимъ шарикомъ до ладони здоровой лѣвой руки — чѣмъ самымъ замкнулъ цѣпь, — Кудряшевъ, машинально сжавъ шарикъ, испустилъ вдругъ ужасный, нечеловѣческій крикъ, а самъ своимъ грузнымъ, немощнымъ тѣломъ привскочилъ на поларшина отъ кровати. Но тѣмъ дѣло не кончилось, токъ продолжалъ свое дѣйствіе: и голову, и туловище пытаемаго, и обѣ руки, и обѣ ноги его отчаянно било и дергало, какъ въ жесточайшемъ припадкѣ падучей; оба его глаза, и больной и здоровый, налились кровью и, съ смертельнымъ ужасомъ устремясь куда-то въ пространство, готовы были выскочить изъ головы; изъ посинѣлыхъ губъ выступила кровавая пѣна и вырывался, не умолкая, все тотъ же, раздирающій и ухо, и душу, крикъ или, вѣрнѣе даже, ревъ. Но въ этомъ крикѣ, въ этомъ ревѣ отчетливо уже слышались слова, — слова, почти не оставлявшія сомнѣнія, что онъ видитъ передъ собою именно лицо Медузы, притомъ не собственнаго, а чужого произведенія.

— Матушка моя!! изверги, изверги, изверги, изверги!..

Слово «изверги» онъ, захлебываясь, повторилъ несчетное число разъ.

Нѣсколько мгновеній, секундъ восемь-десять, никто изъ насъ не тронулся, всѣ были какъ ошеломлены. Первою оправилась Полинька и протѣснилась впередъ къ брату.

— Да помилосердствуйте!

Когортовъ отвелъ ее назадъ за руку.

— Зачѣмъ мѣшать? Вѣдь ему не повредитъ. А можетъ быть, еще что̀ услышимъ. — Что они, изверги, ее зарѣзали? — крикнулъ онъ во всю глотку подъ ухо Кудряшеву.

Тотъ подхватилъ послѣднее слово и заревѣлъ точно такъ же безъ конца:

— Зарѣзали!! зарѣзали!! зарѣзали!! зарѣзали!!..

— Слышите, слышите!—обратился слѣдователь къ понятымъ, какъ симпатизирующій оратору депутатъ въ парламентѣ.

Въ первый разъ, быть можетъ, мнѣ было положительно стыдно за мое духовное дѣтище. Я тутъ же розиялъ ближайшіе элементы дьявольской баттареи и тѣмъ съ-разу прекратилъ очарованіе: больной замолкъ и замеръ въ сидячемъ положеніи; пальцы его разжались, тѣло стало машинально склоняться назадъ, пока не улеглось опять пластомъ. Тѣмъ временемъ всю правую сторону его тѣла, начиная съ лица и кончая ногою, стало судорожно сводить, и, минуту спустя, передъ нами лежалъ прежній безобразный двулицый Янусъ.

— Эхъ, Павелъ Алексѣичъ! чтò вы такое сдѣлали?—укорилъ меня Когортовъ.

Но мнѣ было уже не до него. До сихъ поръ Полинька, какъ сама наэлектризованная видомъ мученій брата, крѣпилась. Теперь, когда этимъ мученіямъ былъ положенъ конецъ, и дѣло приняло прежнее безотрадное, но опредѣленное положеніе, молодыя, неокрѣпшія еще силы ей измѣнили. Какъ подкошенная, она, безъ звука, готова была рухнуть на полъ, и я едва успѣлъ подхватить ее. Шагъ за шагомъ, подвелъ я ее къ угловому дивану и, усадивъ, самъ присѣлъ рядомъ, не смѣя выпустить изъ рукъ ея слабаго стана. Она, въ полномъ безсиліи, прислонилась головкой къ моему плечу и вдругъ зарыдала.

Все на свѣтѣ условно. Вчера еще, танцуя съ нею на клубномъ балѣ, я точно такъ же держалъ ее въ объятіи, а между тѣмъ, ничего не ощущалъ. Почему?

Потому что тамъ это было общимъ правиломъ: всѣ кавалеры, по обычаю, обнимали своихъ дамъ.

Здѣсь то же сдѣлалось совершенно случайно; а частный случай, какъ нѣчто исключительное, естественно возбуждаетъ, останавливаетъ наше вниманіе.

И я теперь вполнѣ сознавалъ, каждой фиброй своего существа чувствовалъ, что она вся тутъ около меня, въ моихъ обѣихъ рукахъ, что ближе меня для нея въ эту минуту никого въ мірѣ нѣтъ...

Чтó это я? никакъ съ ума спятилъ? Гдѣ моя стойкость — эта гордость моя паче всего?..

Но сочувствіе мое ей самой было чуждо. Какъ разомъ нашла на нее слабость, такъ же разомъ и покинула ее. Дѣвушка вдругъ пришла въ себя, пріободрилась и выскользнула изъ моихъ рукъ. Она уже стояла на ногахъ—и, нá-скоро осушая глаза, проговорила:

— *Вамъ* моя чувствительность должна казаться только забавною...

— Напротивъ, — отвѣчалъ я: — я самъ до глубины души тронутъ.

— Мнѣ что-то не вѣрится. Неужели вамъ тоже жалко брата?

— И брата вашего, и васъ, и всѣхъ вашихъ домашнихъ.

— Да какже это вяжется съ вашею ролью — оруженосца черногорскаго князя? Не затѣмъ ли вы и здѣсь, чтобы рубить сплеча? Брата моего, съ вашего же согласія, только-что истязали; одну изъ прислугъ вы точно также уже въ конецъ измучили допросомъ; меня, конечно, не пощадите?

Горечь и какъ-бы вызывающая высокомѣрная презрительность, звучавшія въ этихъ словахъ, уязвили меня глубоко,—глубже, чѣмъ могла желать того сама Полинька.

— Какъ сестра подозрѣваемаго, вы въ правѣ отказаться отъ допроса, — сказалъ я. — Но что я говорилъ вамъ правду, вы можете сейчасъ убѣдиться изъ того, что я не нахожу въ себѣ достаточной силы воли не только присутствовать при вашемъ допросѣ, но и вообще при дальнѣйшемъ слѣдствіи. Я съ этой же минуты отступаю на задній планъ.—Ахиллъ Иванычъ!—подозвалъ я къ себѣ слѣдователя. — Вы настолько опытны и самостоятельны, какъ я увѣрился сегодня, что можете вести дѣло и безъ моего непосредственнаго надзора. Ведите же его одни до конца. Одно помните: судебные объекты въ то же время и люди, такіе же, какъ и мы съ вами.

Горбунъ, въ знакъ благодарности, обѣими костлявыми ручёнками своими схватилъ мою руку.

— Но вечеркомъ все же разрѣшите завернуть къ вамъ съ рапортомъ?—спросилъ онъ.

— Зайдите. До свиданія.

Я простился и съ подошедшимъ докторомъ, а Полинькѣ молча отвѣсилъ поклонъ.

Она сама взяла меня тутъ за руку и быстро проговорила:

— Извините меня, пожалуйста... Я забыла, что вы—другъ Константина Дмитріевича, а, слѣдовательно, не можете быть бездушнымъ. Прощайте, но не забывайте насъ, Павелъ Алексѣевичъ!

Впервые назвала она меня теперь по имени и отчеству, и мнѣ стало опять почти жаль своего рѣшенія удалиться.

А передъ другомъ моимъ я не чувствовалъ себя виноватымъ? Въ чемъ же? Я только обжегся у его огня, и спѣшилъ теперь убраться, пока совсѣмъ не загорѣлся.

Такъ ли? отчего же я такъ обрадовался ея просьбѣ «не забывать» ихъ?

VIII.

Погода стояла славная: при легкомъ морозцѣ, февральскій солнопёкъ. Въ саняхъ я все равно не усидѣлъ бы, и потому пошелъ пѣшкомъ, по солнцу, на встрѣчу свѣжему, крѣпительному вѣтру. Мнѣ надо было забыться, и я во всѣ глаза вглядывался въ кипащую вокругъ меня городскую суету. А весь городъ, съ громадами своихъ многоэтажныхъ домовъ, плылъ мнѣ самъ на встрѣчу, самъ глядѣлъ также на меня во всѣ глаза своихъ безчисленныхъ оконъ, глядѣлъ пытливо и насмѣшливо.

Съ трудомъ убѣдилъ я себя, что это самообманъ, что я, какъ воръ, собственной тѣни испугался. Кому какое дѣло до меня! Все это опрометью бѣжитъ, летитъ, сшибается на-лету и опять мчится куда-то.

Я перевожу духъ и смѣлѣе осматриваюсь.

— Чего не видѣли, баринъ? пьянаго, что ли?—залихватски вскидывается на меня подгулявшій молодецъ въ красной рубахѣ, безъ шапки, сейчасъ выведенный подъ руки изъ трактирнаго заведенія болѣе трезвымъ пріятелемъ.

— Да ну, пошелъ, пошелъ! — говоритъ пріятель, дружески его подталкивая.

— Мидхатъ-паша, какъ есть Мидхатъ! — бормочетъ тотъ.— Ну, что-жъ? абдулгамидился маленько: для праздника не грѣхъ. Свинтусъ ты, милый человѣкъ, прямой Мидхатка, а люблю! Дай, поцѣлую; Богъ тебя проститъ.

И онъ смачно его лобызаетъ, и при этомъ стаскивая внизъ съ панели, чуть не шлёпается вмѣстѣ съ нимъ въ свѣже-оттаявшую грязь.

Ну, что съ нихъ взыскивать? Вѣдь обнимаются, цѣлуются въ порывѣ братской любви; что есть въ нихъ хорошаго—все на распашку.

Какъ я, однако, вдругъ снисходителенъ сталъ!

Когда я вышелъ отъ Кудряшевыхъ, зимнее солнце стояло еще относительно высоко. Теперь оно давнымъ-давно зашло, давно засвѣтились кругомъ фонари, наступалъ вечеръ холодный, съ вѣтромъ, даже съ выогой.

Я все еще слонялся по улицамъ. Но такая прогулка на морозѣ имѣетъ два неоцѣнимыхъ достоинства: охлаждаетъ духовный жаръ и возбуждаетъ животные инстинкты—волчій голодъ.

Я осмотрѣлся: куда забрелъ? Оказалось, что я въ двухъ шагахъ отъ клуба. Нѣсколько минутъ спустя, я сидѣлъ уже тамъ за тарелкой супа. Изъ-за колонны, за которой я укрылся, чтобы случайно тотъ или другой изъ знакомыхъ мнѣ клубныхъ завсегдатаевъ не углядѣлъ меня и не присталъ съ назойливыми распросами, я слышалъ, какъ имя Кудряшевыхъ произносилось съ многократными восклицательными знаками въ разныхъ концахъ столовой. Стало быть, и сюда залетѣла ужъ вѣсть о постигшей ихъ катастрофѣ! Вслѣдъ затѣмъ, однако, я имѣлъ возможность убѣдиться и въ томъ, что роковой слухъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, перекатываясь, подобно снѣжному кому, возросъ уже до громадной глыбы. Прислуживавшій мнѣ половой, подавъ мнѣ второе блюдо, не отошелъ, а продолжалъ вертѣться около стола. Я вопросительно взглянулъ на него. Онъ только того и ждалъ.

— Вы, сударь, позвольте спросить, никакъ ужинали здѣсь вечоръ съ господиномъ Кудряшевымъ?

— Да; а что?

— Да нешто вамъ неизвѣстно?

— Ничего неизвѣстно. Развѣ что̀ случилось?

— А то какъ-же-съ! Ужасти! Весь домъ у себя перерѣзалъ, а самъ веревку черезъ люстру перекинулъ—да и шею въ петлю!

— Можетъ ли быть?

— Вотъ вамъ Христосъ! Весь городъ уже знаетъ. Швейцаръ-то у нихъ поутру съ афишками звонитъ себѣ, звонитъ,—не отпираютъ! Что̀ за оказія? Пошелъ за дворникомъ-съ, за полиціей; выломали силой дверь. Что̀-же-съ? Сами-то господинъ Кудряшевъ на люстрѣ болтаются, а вокругъ вся фамилія ихняя въ лужахъ крови въ повалку лежитъ.

Я съ отвращеніемъ отодвинулъ отъ себя нетронутое второе блюдо.

— Этакая мерзость!

— Могу завѣрить васъ, сударь...—засуетился лакей:—мясо, что̀ ни есть свѣжее, прямо съ бойни...

— Не съ той ли, на которой ты сейчасъ порѣшилъ всю семью Кудряшевыхъ?

— Шутить изволите!...

Я быстро всталъ, не говоря уже ни слова, расплатился и вышелъ.

На улицѣ меня охватила опять стужа, разыгравшаяся пока въ метель. Обледенѣлыя снѣжинки колючими иглами запрыгали по моему разгоряченному лицу и привели меня въ себя.

Куда-жъ теперь? Да вѣдь Когортовъ обѣщался завернуть ко мнѣ «съ рапбртомъ»; пожалуй, не застанетъ!

Я взялъ извозщика и поспѣшилъ домой. Когортова еще не было.

Я повалился на диванъ и такъ лежа навзничъ съ закинутыми назадъ руками, съ закрытыми глазами, старался забыться...

Вдругъ — звонокъ въ передней. Вѣрно, Когортовъ?

Такъ и есть, онъ.

IX.

Какъ я замѣтилъ съ перваго же взгляда, онъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа: входя, потиралъ руки.

— Уличили? — спросилъ я.

— Нѣтъ еще-съ...

— Но попали на несомнѣнныя паутинки?

— Кое-какія новыя подобралъ-съ...

Я вглядѣлся въ него пристальнѣй. По всему желчному лицу горбуна бродила какая-то небывалая, разсѣянно-блаженная улыбка, въ глазахъ теплился не то игривый, не то восторженный огонекъ.

— Да вы, Ахиллъ Иванычъ, послушайте, откуда? — спросилъ я. — Вѣрно, не отъ Кудряшевыхъ?

— Нѣтъ-съ.

— Отъ кого же? Ба, ба! Да вѣдь у васъ дѣло съ Леонтиной; не отъ нея ли?

— Точно такъ.

— Изловили вора?

— Нѣтъ, еще не изловилъ.

Я покачалъ головою.

— Ну-съ, такъ, значитъ, *васъ* изловили, — сказалъ я: — она васъ въ себя уже по уши втюрила.

Онъ неестественно расхохотался и короткими ножками своими проворно засѣменилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— А почему бы и не втюриться? — сказалъ онъ. — Если ужъ въ кого, такъ въ нее. «Мнѣ, говоритъ, до смерти надоѣли эти пти-креве; вы же, сейчасъ видно, человѣкъ другого закала: физіономія, молъ, у васъ такая сосредоточенная, интеллигентная». Каковъ отзывъ? А для меня уже маленькое вниманіе такой милой особы лестно; я на этотъ счетъ не избалованъ... Да все это вѣдь только такъ, пуръ пассé ле тамъ. Отъ Кудряшевыхъ я бы и не

урвался, не явись туда эти Ключевскіе. Не въ моготу стало смотрѣть на нихъ...

— Ключевскіе? Ну, что̀, очень ужъ убивались?

Горбунъ остановился, рукой махнулъ и опять засѣменилъ.

— Не будь вашего пріятеля Усольцева да этой сестрички хозяина,—сказалъ онъ,—ужъ и не знаю, какъ бы мы съ старичками управились... А съ сестричкой не шути, я вамъ скажу! Даромъ, что на губахъ не обсохло. Не великъ звѣрекъ, а ноготокъ востеръ. Вѣдь я ее тоже было принялся допрашивать...

— И что̀ же?

— Сейчасъ выпустила изъ мягкой лапки когти... Да нѣтъ, сударыня-съ, кто кого въ концѣ-концовъ царапнетъ — еще увидимъ. Первымъ дѣломъ не согласилась на допросъ передъ покойницей: «Тяжело», говоритъ.—«Тѣмъ лучше», думаю; но какъ ни уламывалъ — куда! упирается да и только. Пришлось уступить, допрашивать въ столовой. «Зато, постой, думаю, сразу огорошу». — «Позвольте, говорю, попросить васъ разсказать послѣдній разговоръ вашъ съ покойницей». Запнулась; лицо задёргало; не совсѣмъ еще, значитъ, привыкла къ притворству. «Не помню, говоритъ, когда даже въ послѣдній разъ съ нею говорила».—«А вчера вечеромъ по возвращеніи изъ клуба?» — «Вчера вечеромъ... Да мы, кажется, ничего не говорили».—«Припомните хорошенько».—«Нѣтъ, не припомню».—«Что̀ же вы, по пріѣздѣ, сейчасъ ушли къ себѣ?» — «Сейчасъ», говоритъ.—«И потомъ уже не видѣли ее до сегодняшняго утра?» — «Не видѣла.» — «Такъ ли? не забыли ли?» Она глазёнками такъ и впилась въ меня. «Да вы вѣрно, говоритъ, что-нибудь уже слышали? отъ Маши... отъ горничной, которую вы еще раньше допрашивали?» — «Кое-что, говорю, слышалъ; но вѣдь она, можетъ, для краснаго словца прилгнула». Барышню мою такъ и взорвало, совсѣмъ вознегодовала: «Да что̀ же это, говоритъ, скажите? Вы очень хорошо знаете, что я послѣ того еще была у Аглаи Борисовны, а сами дѣлаете видъ, будто ничего не слыхали?» — «Это, говорю, уже наша судейская тактика, выработанная практикой. Отъ васъ вполнѣ зависѣло ничего не скрывать; если же вы скрывали...» — «Если я скрывала?» — «То имѣли къ тому и особыя основанія».—«Разумѣется, говоритъ, имѣла!» — «Но теперь, говорю, вы откровенно разскажете мнѣ все, что̀ было между вами?» — «Нѣтъ, не разскажу, ничего не разскажу! Съ людьми, слѣдующими такой тактикѣ, нельзя говорить. Я пользуюсь своимъ законнымъ правомъ и отказываюсь давать показанія». Продувная! успѣла уже ознакомиться съ своимъ законнымъ правомъ.

Впрочемъ, у меня теперь всѣ данныя уже на лицо: невозможность для постороннихъ людей проникнуть въ домъ; alibi всѣхъ прочихъ домочадцевъ; причина ссоры: обоюдная ревность; бурная ночная сцена между соперницами, притомъ по почину тихони, которая и мухи не обидитъ; умышленное умолчаніе объ этой сценѣ; умышленное уничтоженіе, даже вопреки настояніямъ полиціи, всѣхъ слѣдовъ преступленія; упорный отказъ отъ дачи показанія... Дайте одну мнѣ только, послѣднюю паутинку—оружіе преступленія...

— Да какое же вамъ еще оружіе, когда у васъ есть кровавыя ножницы въ рукахъ Отелло-мужа?

— Съ какой это вы серьёзной миной говорите, Павелъ Алексѣичъ! По-моему, уже одного отзыва доктора о прямолинейной чистотѣ отдѣлки раны было бы достаточно...

— Да на что же мужу были ножницы?

— Очень просто: чтобы распороть шнуровку. Въ темнотѣ, чтобы свѣтомъ огня не разбудить жены, онъ на цыпочкахъ входитъ въ спальню и тутъ же натыкается на бездыханное тѣло. При слабомъ освѣщеніи зимней ночи онъ различаетъ только даму въ бальномъ платьѣ, и по общимъ контурамъ узнаётъ жену; крови онъ еще не видитъ. Но онъ помнитъ, что она безумно-туго затягивается въ корсетъ; первая его мысль, понятно, что она въ обморокѣ. А тутъ же, на туалетѣ, лежатъ ножницы. Онъ хватаетъ ихъ и наклоняется къ женѣ. Вдругъ—руки его обмакиваются въ кровь. Вглядывается — точно: кровь! Ощупываетъ руки, лицо жены—уже похолодѣла! А она для него—все на свѣтѣ; диво ли, что съ нимъ дѣлается ударъ? Съ крикомъ отчаянія онъ падаетъ на полъ, рядомъ съ трупомъ, съ послѣднимъ напряженіемъ силъ доползаетъ до двери, но дальше не можетъ... Здѣсь его и находятъ по-утру, съ окровавленными ножницами въ рукахъ. Вѣдь, не будь ножницъ, могла ли бы вамъ придти въ голову и мысль объ убійствѣ съ его стороны? Вы говорите, что онъ упоминалъ вчера объ Отелло. Да развѣ всякое лыко въ строку? Вы послушайте-ка, что̀ говорятъ про его невозмутимость его домашніе, вспомните, что онъ преспокойно укатилъ назадъ въ клубъ, гдѣ проигралъ еще три часа въ карты, и скажите себѣ: можно ли предположить, что, вернувшись домой, онъ ни съ того, ни съ сего совершитъ смертоубійство? А его собственное alibi? Вѣдь смерть-то съ женой его, по отзыву доктора, приключилась еще часовъ за 10 до освидѣтельствованія, т.-е. часовъ въ 12 ночи, а въ это время и до 3-го часу онъ былъ въ клубѣ. Наконецъ,—и это самое неотразимое данное въ его пользу—его

безсознательное сознаніе. «Изверги!! зарѣзали!!» Нѣтъ, его безусловно оправдаютъ, и только вотъ эти проклятыя ножницы, какъ бѣльмо на глазу. Остается разыскать кинжалъ какой-нибудь, что ли, и тогда... Кинжалъ! кинжалъ! полцарства за кинжалъ!

Я не смѣлъ показать и виду, какъ жутко у меня на душѣ, и холодно замѣтилъ:

— Да то-то, что сколько ни ищите, не разыщете такого кинжала. А безъ него—всѣ ваши гипотезы такъ и останутся произведеніями фантазіи. Вполнѣ убѣдительныхъ фактовъ у васъ нѣтъ ни противъ нея, ни противъ ея брата. *Его* присяжные, во всякомъ случаѣ, оправдаютъ, во вниманіе хоть бы къ умоизступленію, въ которомъ онъ только и могъ бы покуситься на жизнь любимой жены; *ее же*, сестру его, они, можетъ быть, засудятъ безвинно.

— Безвинно! Это ужъ ихъ дѣло обсудить—безвинна она или нѣтъ. Наше дѣло—сгруппировать факты.

— Да вѣдь группировка группировкѣ рознь, а ваша группировка, какъ хотите, за виски притянута.

— Повремените чуточку. Нынче едва поспѣлъ домашнихъ опросить, да вещественныя доказательства опечатать. Только собирался приступить къ подробному обыску, какъ эти Ключевскіе пожаловали. Завтра приступлю къ дѣлу спозаранку.

Въ передней опять позвонили. Горбунъ встрепенулся и схватился за шляпу.

— Да, какъ бы не опоздать!

— А вамъ куда еще?—сказалъ я.—Хоть бы чаю выпили. Вѣдь вонъ и самоваръ ужъ поданъ.

Онъ, вмѣсто отвѣта, полѣзъ въ боковой карманъ и поднялъ на воздухъ цвѣтной билетикъ.

— Публичное словоизверженіе?—спросилъ я.

— Словоизверженіе-съ; да какое? Самолично участвуетъ въ послѣднемъ отдѣленіи!

— Кто это? Леонтина?

— А то кто же? Изъ собственныхъ ручекъ-съ. Какъ же тутъ отсутствовать?

— Берегитесь, Ахиллъ Иванычъ: еще васъ и по рукамъ, и по ногамъ скрутитъ.

Онъ принужденно разсмѣялся.

— А вамъ, небось, завидно?

Въ дверяхъ показался Усольцевъ.

— Не помѣшалъ ли я вамъ, господа?—спросилъ онъ.

— Нисколько-съ! Все перетолковали. Мое почтеніе-съ!—за-

торопившись, отвѣчалъ Когортовъ и, позади спины моего пріятеля, проскользнулъ въ дверь.

Явись передо мною ночное привидѣніе, я такъ бы не содрогнулся, какъ при появленіи моего довѣрчиваго друга. Онъ былъ мнѣ живымъ укоромъ. Въ первый разъ явственно заговорила моя совѣсть.

— У тебя тутъ чай? — сказалъ Усольцевъ, увидѣвъ самоваръ.—Благодать божія! Напой, душечка: съ утра маковой росинки во рту не было. Тáкъ, братъ, умаялся... уфъ!

Онъ упалъ въ кресло. Я налилъ намъ обоимъ по стакану и, подавляя свое смущеніе, равнодушно освѣдомился:

— Все съ Ключевскими возился?

— Съ Ключевскими... Этакіе жалкіе! А тутъ еще этотъ твой слѣдователь едва не доканалъ: сперва и къ покойницѣ пустить не хотѣлъ, а потомъ даже допрашивать вздумалъ; нашелъ время и мѣсто! Я довольно недвусмысленно высказалъ ему всю правду, и онъ поспѣшно отретировался. У меня нѣтъ враговъ, но къ этому человѣку у меня какъ-то сердце не лежитъ, не люблю, и все тутъ. Чтó дознаяъ онъ до сихъ поръ? Или это у васъ секретъ?

— Отъ тебя у меня нѣтъ секретовъ,—сказалъ я и дословно перечислилъ ему какъ собранныя слѣдователемъ паутинки, опутывающія Полиньку, такъ и построенныя имъ на этихъ паутинкахъ комбинаціи.

Полнымъ посвященіемъ его въ обстоятельства дѣла я хотѣлъ хоть сколько-нибудь загладить свою тайную вину передъ нимъ. Усольцевъ слушалъ съ затаеннымъ дыханіемъ.

— Да это просто съ ума сойти!—вскрикнулъ онъ, хватаясь обѣими руками за свою пышную гриву. — Еслибъ ты только зналъ...

— Чтó?

— Да нѣтъ... вѣдь ты ея обвинитель.

— Я ее не буду обвинять: отъ настоящаго процесса я совершенно себя уже устранилъ.

— А зачѣмъ же этотъ Когортовъ былъ у тебя?

— Изъ субординаціи.

— Нѣтъ, и тебѣ не могу сказать: дойдетъ еще какъ-нибудь до Полиньки...

— Да чтó же именно? Не то ли, какимъ гвоздикомъ ты себѣ ладонь оцарапалъ?

Онъ такъ испуганно воззрился на меня, что не могло быть сомнѣнія: я угодилъ прямо въ цѣль.

— Да что-жъ такое, еслибъ и дошло до Полиньки?—про-

должалъ я.—Неудобно было бы развѣ въ томъ случаѣ, еслибъ царапнула тебя какая-нибудь соперница ея.

Усольцева всего передёрнуло.

— Нѣтъ, нѣтъ... что это ты вздумалъ!..—пробормоталъ онъ.

Страшная мысль сверкнула у меня въ головѣ: «а что, если онъ видѣлся вчера съ Аглаей Борисовной еще послѣ клуба? если она исполнила свое обѣщаніе: бѣжала къ нему?» Но смѣлости у меня не хватило спросить его, а вошедшій въ это время слуга мой далъ еще новую пищу моему подозрѣнію.

— Вотъ вамъ, сударь, посылка-съ,—сказалъ онъ Усольцеву, подавая пакетъ.

— Отъ кого?

— Не могу знать. Сейчасъ посыльный принесъ. На квартирѣ у васъ сказали, что вы здѣсь. Въ собственныя, молъ, руки приказано отдать.

Усольцевъ безъ вниманія бросилъ пакетъ на диванъ и, облокотившись обѣими руками на колѣнки, зарылъ по прежнему пальцы въ волосахъ.

— Отчего же ты не посмотришь? — спросилъ я. — Вѣрно спѣшное.

— Смотри самъ, если хочешь. Мнѣ не до того.

Я не далъ повторить себѣ и развернулъ посылку. То былъ просто плэдъ, который я тутъ же призналъ за принадлежащій Усольцеву. Но вслѣдъ затѣмъ, когда я вглядѣлся пристальнѣй, сердце во мнѣ вдругъ точно остановилось, руки задрожали: я замѣтилъ на свѣтломъ фонѣ платка темные брызги крови. Я раскрылъ плэдъ: на немъ были явственные кровавые слѣды отъ пальцевъ.

— Усольцевъ!—пробормоталъ я, едва владѣя собою; — посмотри, что это такое?

Онъ взглянулъ—и какъ смерть поблѣднѣлъ.

— Брось! брось! не трогай...

— Но вѣдь это кровь? Какъ она на плэдъ-то твой попала?

— Это... это... у меня носомъ кровь шла...

— Гдѣ? Ты его гдѣ-нибудь забылъ?

— Забылъ... Нѣтъ... Ничего, право, не знаю... Пожалуйста, не спрашивай...

Змѣя подозрѣнія живо зашевелилась внутри меня. Сколько разъ на вѣку моемъ доводилось мнѣ быть съ глазу на глазъ съ преступниками—и никогда число ударовъ моего сердца отъ того не учащалось. Теперь, быть можетъ, и даже по всему вѣроятію, я находился также лицомъ къ лицу съ преступникомъ; но, Боже мой!

какъ застукало у меня и въ груди, и въ вискахъ... Несчастный! нѣтъ, я не стану у тебя выпытывать твою ужасную тайну.

Онъ уже пришелъ въ себя и стремительно всталъ съ кресла.

— Прощай.

— Куда-жъ ты?—сказалъ я.—Выпей еще стаканъ.

— Не могу.

Онъ пошелъ къ двери.

— А пледъ-то?—спросилъ я.

— Дай, голубчикъ, выстирать, а потомъ... потомъ отдай кому хочешь.

Мнѣ стало еще больше жаль его: и совсѣмъ-то не умѣетъ притворяться; съ-разу попадется! Ступай, ступай, другъ мой, и угомони свою бѣдную душу! Я-то тебѣ, по крайней мѣрѣ, поперегъ пути не стану; сдѣлаю все по-твоему, и ни гугу. *Она* нашла меня достойнымъ твоей дружбы, и теперь не только ты—другъ мнѣ, и я тебѣ другъ!

А если дѣйствительно подтвердится то ужасное подозрѣніе,—тогда...

Фу, какой цинизмъ: строить свое счастье на несчастіи друга!...

Третій день.

I.

Что было раньше, что послѣ? Дай Богъ памяти... Обстоятельства въ головѣ путаются, да и вспоминать такъ тошно, такъ гадко... Съ чего же начался день? Кто первый попалъ мнѣ на глаза?

Разумѣется, все онъ же, моя «японская тѣнь», Когортовъ. Впрочемъ, тѣнью моей онъ пересталъ уже быть съ той самой минуты, когда я предоставилъ ему самостоятельно разрѣшить ребусъ...

Влетѣлъ горбунъ съ тѣмъ же потираніемъ рукъ, съ побѣднымъ кликомъ:

— Эврика! Нашелъ!

Я искалъ въ глазахъ его вчерашняго неустойчиваго огонька, но напрасно: стало быть, онъ не отъ Леонтины, а прямо съ поля битвы, да съ трофеями.

— Гдѣ ваши трофеи?—спросилъ я.

— Вуаля, мосье.

И, вынувъ небольшой свертокъ, онъ кончиками своихъ сухенькихъ, обгрызанныхъ пальцевъ осторожно и многозначительно развернулъ бумажную оболочку.

Чтó же я увидѣлъ?

Увидѣлъ изящный кавказскій кинжальчикъ, съ клинкомъ обагреннымъ припекшеюся кровью, къ которой сверху густымъ слоемъ пристала пыль. Увидѣлъ — и тутъ же узналъ: его своеобразная рукоятка, затѣйливо усыпанная рубинами и бирюзою, уже прежде обращала мое вниманіе. Не могло быть сомнѣнія, что то — кинжалъ Усольцева, висѣвшій въ его спальнѣ, въ числѣ другихъ украшающихъ стѣну оружій, прямо надъ изголовьемъ. Значитъ спасенія нѣтъ...

— Ну, чтó-съ, кто изъ насъ былъ правъ? — ликовалъ Когортовъ. — Кинжалъ-то разыскался, ножницы не при чемъ.

— Гдѣ же вы его разыскали?

— А на печкѣ-съ, тамъ же, на мѣстѣ дѣйствія, куда, очевидно, заброшенъ убійцей. При помощи стола да стула взобрался до карниза и лично убѣдился, что обои кругомъ забрызганы кровью, а въ пыли, гдѣ лежалъ онъ, кровавая выемка. По размѣрамъ какъ разъ соотвѣтствуетъ докторскому протоколу...

— Но чей онъ?

— Чей-съ?.. Это-то и есть та загвоздка, изъ-за которой къ дальнѣйшимъ разысканіямъ я не рѣшаюсь приступить иначе, какъ съ вашей санкціей, Павелъ Алексѣичъ. Я нѣсколько даже затрудняюсь передать вамъ то, чтó по сему предмету дознавъ...

Слѣдователь мой, конечно, лицемѣрилъ: сквозь скорченную имъ соболѣзнующую мину прорывались проблески внутренняго торжества. Но я далъ себѣ уже слово ничѣмъ не способствовать успѣху слѣдствія и съумѣлъ настолько совладать съ собою, что Когортовъ ничего не замѣтилъ.

— Чего же вамъ затрудняться? — сказалъ я. — Говорите безъ обиняковъ.

— Вы еще покойны, потому что ничего не знаете; но узнаете, кого дѣло касается, по-неволѣ испугаетесь.

— Намъ съ вами пугаться не полагается; волка бояться — въ лѣсъ не ходить.

— Все дѣло теперь въ кинжалѣ. «Чей онъ?» спрашиваете вы. Тотъ же вопросъ задалъ себѣ и я. Никто изъ домашнихъ его прежде не видѣлъ. Видѣла одна только горничная Марья Панкратьева, которая, какъ вы припомните, служила еще въ домѣ родителей Аглаи Борисовны, до ея замужства. «Гдѣ же вы его видѣли?» — говорю. — «Да на столикѣ, говоритъ, ихнемъ

письменномъ лежалъ-съ; всякое утро пыль съ него стирала».— «А потомъ вдругъ исчезъ?» — «Исчезъ-съ».—«При какихъ обстоятельствахъ?»—«При такихъ, говоритъ, обстоятельствахъ... Въ то время-то Константинъ Дмитричъ, женихомъ ихъ слывши, засиживался еще дольше теперешняго. Хорошо-съ. Засидѣлся какъ-то часу до второго ночи. Уходя, въ прихожей, и говоритъ барышнѣ моей, говоритъ такъ тихонечко: «еще разъ мерси!» Но старая-то барыня, чтó стояли тутъ же, подхватили слово. Какъ вышелъ Константинъ Дмитричъ, сейчасъ къ барышнѣ съ ножомъ къ горлу: «за чтó онъ тебя благодарилъ, за что?» Ничего-таки не добились. Но на другое-то утро, какъ сметаю опять пыль, глядь: кинжала-то на мѣстѣ и нѣтъ. Эге! сейчасъ домекнулась.» — «На счетъ чего? говорю: куда дѣлся кинжалъ?»—«Ну, да-съ». —«Куда же?»—«Какъ вы, сударь, еще спрашиваете? Константину Дмитричу подарили, само собою». Какъ изволите видѣть, Павелъ Алексѣичъ,—заключилъ свой докладъ Когортовъ:—я ее ничуть не наталкивалъ назвать вашего друга — сама назвала, сама высказала твердое убѣжденіе, что кинжалъ перешелъ въ его руки.

— Да потомъ онъ развѣ не могъ быть возвращенъ?

— Возвращенъ-съ?

— А то просто и не переходилъ къ нему, а былъ спрятанъ Аглаей Борисовной.

— Да зачѣмъ же ей было прятать?

— Почемъ я знаю?

— Да кто бы ее въ такомъ случаѣ и уходилъ?

— Сама закололась.

— И кинжалъ тоже сама забросила?

— Сама.

Блёклыя дёсна горбуна тонко осклабились.

— Предвидѣлъ-съ возраженіе и приготовился къ нему. По дорогѣ сюда нарочно къ нашему лейбъ-медику полиціи завернулъ: «какъ вы, говорю, докторъ, полагаете: возможное ли дѣло, чтобы покойная, всадивъ въ себя кинжалъ до рукояти, вытащила еще его и закинула на другой конецъ комнаты, на печку?»—«Сомнительно», говоритъ. А ужъ коли его, нашего осторожнаго тевтона, беретъ сомнѣніе, для насъ съ вами это—неопровержимый фактъ.

— Чтó фактъ? что Усольцевъ—убійца?

Когортовъ отмахнулся обѣими руками.

— О, нѣтъ-съ!—сказалъ онъ:—что не было самоубійства. Какъ хотите, однако, нельзя не придавать извѣстнаго значенія по-

казаніямъ горничной относительно исчезновенія кинжала. Съ этимъ обстоятельствомъ согласуются и нѣкоторыя другія: откуда у него вдругъ этотъ шрамъ на рукѣ? если отъ гвоздика, то почему же онъ видимо смутился? Не странно ли также, что отставная его страсть, словно *паръ-ордеръ-де-муфти*, стирается съ лица земли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда своею непрошенною ревностью могла бы помѣшать законному его сочетанію съ новою страстью?.. О, я его ничуть не подозрѣваю; но, какъ хотите, совпаденіе удивительное!

Возражай я съ горячностью—слѣдователь мой еще крѣпче ухватился бы за свою новую путеводную нить. Надо было дѣйствовать ироніей.

— Собирайте, собирайте ихъ побольше, этихъ паутинокъ,—сказалъ я.—Можетъ быть, какая и пригодится. А то прежнія-то, что̀ до сихъ подобрали, вдругъ упразднились: ваша сестричка вдругъ обратилась въ чистую голубку и упорхнула?

— Не знаю-съ: упорхнула или нѣтъ. Пока знаю лишь одно, что задача, которую взялся разрѣшить, не дѣтскій ребусъ, а сложное алгебраическое уравненіе съ нѣсколькими неизвѣстными. Можетъ статься, неизвѣстное x находится въ тѣсной зависимости отъ неизвѣстнаго y, а тамъ окажется еще вліяющее на нихъ обоихъ неизвѣстное z.

Онъ все же еще не спускаетъ глазъ съ Полиньки! Да не намекаетъ ли еще злодѣй на то, что я имъ покровительствую?

Вошедшій въ это время слуга доложилъ, что прачка пришла за плэдомъ Константина Дмитрича.

— Прикажете отдать?

И онъ пошелъ на другой конецъ кабинета, гдѣ на стулѣ лежалъ сложенный плэдъ. Не успѣлъ я предупредить его, какъ острый слухъ слѣдователя уже подхватилъ имя моего друга; ястребиный взглядъ уже замѣтилъ за нѣсколько шаговъ на свѣтло-сѣромъ рисункѣ плэда темно-бурыя пятна.

— Позвольте-ка, позвольте...—остановилъ онъ слугу и принялся внимательно разглядывать пятна, а потомъ понемножку распустилъ и весь плэдъ.—Откуда эти пятна, Павелъ Алексѣичъ? вамъ неизвѣстно?

— Извѣстно: носомъ кровь у него шла—и запачкалъ.

— При васъ?

— Н-нѣтъ.

— Гм, гм! Почему же онъ не далъ до̀ма у себя выстирать, а къ вамъ занесъ?

— Онъ не заносилъ, а посыльный при немъ занесъ. Я и предложилъ у себя выстирать.

— Посыльный? отъ кого?

— Не успѣли спросить.

— А вы нóмера-то не замѣтили?—отнесся Когортовъ къ слугѣ.

— Не замѣтилъ.

— Вотъ чтó, любезнѣйшій: скажите-ка вашей прачкѣ, чтобы потрудилась вечеркомъ зайти за плэдомъ.

Слуга, недоумѣвая, оглянулся на меня, ожидая приказанія.

Чтó оставалось мнѣ? Воспротивься я—вѣдь мой оперившійся ястребъ, съ каждой минутой распускавшій все шире свои развязанныя крылья, былъ въ состояніи, пожалуй, дать мнѣ прямой отпоръ, настоять на своемъ. Пришлось подтвердить его приказъ:

— Такъ и скажи.

Слуга удалился.

Когортовъ пытливо, съ нѣкоторою какъ-бы даже снисходительностью, заглянулъ мнѣ въ глаза.

— И ужели вы, Павелъ Алексѣичъ,—сказалъ онъ,—такъ и повѣрили вашему другу?

— Да какъ не вѣрить?

— Ну да: другъ! Но, знаете ли, теперь я почти не задумался бы даже дѣйствовать на собственный страхъ?

— Дѣйствуйте,—сказалъ я.—Но я надѣюсь, что вы будете настолько осмотрительны, что не позволите себѣ мѣры, въ которой могли бы послѣ раскаяться?

— О, будьте покойны!—былъ отвѣтъ.—Я не упущу изъ виду вашихъ деликатныхъ отношеній къ господину Усольцеву, лично я его не потревожу. Наведу только сторонкой кое-какія справочки на счетъ того-сего. Плэдъ же вы мнѣ до вечера вѣдь сохраните? Не затѣмъ, чтобы... а такъ, знаете, на всякъ случай.

И, какъ равный съ равнымъ, онъ первый подалъ мнѣ на прощанье руку и, съ высоко-поднятой головою, вышелъ.

Если вчера вечеромъ, подъ разслабляющимъ вліяніемъ охватившаго меня эстетическаго вѣянья, я постыдно сложилъ руки, то теперь, когда прямо надъ головою моего друга собрались грозовыя тучи, я не могъ не предупредить его: пусть спасается, какъ знаетъ! Но гдѣ застать его теперь? Одиннадцатый часъ. По всему вѣроятію, онъ уже въ судѣ: ныньче вѣдь у него тамъ опять защита. Итакъ—въ судъ.

II.

До начала засѣданія уже не было случая переговорить съ Усольцевымъ: онъ не отходилъ отъ своего кліента. Во время же перерыва мы столкнулись съ нимъ въ корридорѣ.

Онъ весь пылалъ еще красновалильнымъ жаромъ только-что произнесенной защиты. Хотя бы, начиная свою рѣчь, онъ и не былъ еще положительно убѣжденъ въ безупречной чистотѣ подсудимаго, но, разъ заговоривъ, онъ безотчетно давалъ уносить себя волной собственнаго краснорѣчія, и подъ конецъ, самъ увѣровавъ въ свои, часто парадоксальные доводы, своею заразительною искренностью опрокидывалъ самую строгую логику нашего брата-обвинителя.

Договорившись и теперь до восторженнаго умиленія, онъ былъ еще неприступенъ для житейскаго холода, и принялъ сначала мое грозное сообщеніе почти равнодушно.

— Я такъ и предвидѣлъ,—разсѣянно промолвилъ онъ.—Но мнѣ, право, некогда...

— Да постой же!—остановилъ я его.—Развѣ кинжалъ не твой?

— Мой...

— Но ты хочешь отрицать?

— Не думаю; да и не къ чему. Когортовъ твой, конечно, допросилъ уже сегодня моего человѣка, а тотъ въ простотѣ душевной не только предъявилъ ему ножны къ кинжалу, которыя на другое утро нашлись на полу, но не скрылъ и самаго посѣщенія Аглаи Борисовны.

— Такъ она, значитъ, была у тебя!

— Была.

— Въ тотъ самый вечеръ?

— Въ тотъ самый.

— Да ты, братецъ, прямо идешь подъ уголовщину!

— Когда я ни въ чемъ не повиненъ.

— Охотно тебѣ вѣрю. Но улики, братъ! Другіе могутъ и усомниться. Особенно же тебѣ, я думаю, будетъ непріятно, если въ числѣ этихъ сомнѣвающихся окажется и Полинька.

Упомянувъ о Полинькѣ, я точно облилъ разгоряченную голову моего друга кувшиномъ ключевой воды. Онъ разомъ опомнился и всполошился.

— Полинька!.. Она-то мнѣ, пожалуй, тоже на́ слово повѣритъ; но главное: она теперь узна́етъ и о томъ свиданіи...

Безумецъ! И онъ разсчитываетъ еще выпутаться, когда самъ такъ простъ: прямо во всемъ сознаётся, и боится лишь одного: кàкъ бы Полинька объ немъ дурно не подумàла!

— Но какъ ты могъ дать увлечь себя Аглаей Борисовной, когда самъ помышляешь объ одной Полинькѣ?—спросилъ я.

— Я не давалъ себя увлечь, и до конца не увлекся.

— Какъ же нѣтъ?

— Это она увлеклась. Вѣдь не тебѣ ли самому она тогда призналась, что хочетъ повторить «Подводный камень?» Ну, и повторила. Но вовсе безъ моего одобренія, божусь тебѣ!

Такъ, значитъ, онъ въ самомъ дѣлѣ *ни въ чемъ* не повиненъ? Дай Богъ! Я бродилъ какъ въ лѣсу.

— Ты знаешь, другъ мой,—сказалъ я,—мое сочувствіе къ тебѣ. Разскажи же мнѣ все безъ утайки; а тамъ вмѣстѣ обдумаемъ, чтò предпринять. Умъ хорошо, а два лучше.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Я всегда въ тебя вѣрилъ, голубчикъ. И ты въ меня не напрасно вѣришь: преступникомъ я никогда не былъ и не буду. Слушай же. Чтó было въ клубѣ—ты, разумѣется, помнишь. Когда я затѣмъ возвращаюсь домой, вхожу въ кабинетъ и собираюсь только-что зажечь свѣчу, съ кушетки слышу вдругъ молодой женскій голосъ: «Ахъ, нѣтъ, не зажигайте!» Напади на меня сзади неожиданный врагъ, я тàкъ бы не перепугался. Чтó это? Аглая Борисовна?! Ея голосъ! Было полнолуніе, и хотя, какъ знаешь, отъ цвѣтовъ на окнахъ и днемъ-то ко мнѣ свѣту проникаетъ немного, но мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что я отчетливо различилъ на краю кушетки женскую фигуру, а подойдя, убѣдился, что не ошибся. «Вы ли это, Аглая Борисовна? Какими судьбами?» Она видимо храбрилась и развязно разсмѣялась: «А такими: я же обѣщалась еще увидѣться съ вами...»—«Но позвольте, говорю, прежде всего зажечь огонь...»—«Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! говоритъ; лакей вашъ и то уже зажегъ, да я сама потушила. Тàкъ лучше. Я люблю этотъ полусвѣтъ. Садитесь сюда, ко мнѣ». Ей было крайне неловко: я слышалъ это по вибраціи голоса... Чтò сдѣлалъ бы ты, Чердынскій, на моемъ мѣстѣ?

— Конечно, все же зажегъ бы свѣчу. А ты чтò же — послушно подсѣлъ къ ней?

— Подсѣлъ; но держалъ себя въ самыхъ строгихъ границахъ, и въ началѣ разговоръ нашъ былъ чисто-теоретическій...

— На какую тэму?

— На тэму... любви.

— Хороша теоретичность!

— Нѣтъ, увѣряю тебя... Но тебя, стоика, предметъ этотъ не интересуетъ.

— Ничего, говори. Можетъ, все-таки послужитъ къ выясненію дѣла.

— Я столько разъ послѣ того передумалъ каждую сказанную фразу, что, кажется, ничего не забылъ.—«Я хотѣла предложить вамъ одинъ общій вопросъ», начала она:—«Вы не смѣйтесь, Constantin, что я только изъ-за этого пріѣхала. Но мнѣ надо было сегодня же знать... Скажите: знакомо ли вамъ чувство, заставляющее васъ любоваться на другого человѣка, любоваться до того, что, наконецъ, и недостатки его обращаются для васъ въ достоинства?» — «Знакомо», долженъ былъ признать я.—«И какъ вы его называете?»—«Обыкновенно называютъ его *любовью*... Вотъ, между нами никогда не было настоящей, прочной любви, — вставилъ я было, — одна вспышка»... «Довольно! — остановила она, — вы полюбили другую»... — «О, нѣтъ!»—«Ну, все равно; но меня разлюбили. У васъ есть еще кинжалъ, который я имѣла разъ безуміе дать вамъ. Гдѣ онъ у васъ?» Я сказалъ ей.—«Такъ возвратите же его мнѣ». Я сталъ уговаривать ее оставить его у меня въ залогъ нашего примиренія, и, чтобы радикальнѣе еще ее отрезвить, пошелъ за стаканомъ воды. Отсутствіемъ моимъ она, видно, и воспользовалась, чтобы рядомъ изъ спальни унести кинжалъ. Хотя ты приводишь отзывъ доктора, будто она, раненая на̀ смерть, не имѣла уже силы закинуть его на печь; но кто же это въ такомъ случаѣ сдѣлалъ? и для чего? чтобы скрыть преступленіе? такъ, стало быть, у нея раньше уже отняли кинжалъ... Въ этомъ дѣлѣ еще много темнаго...

— Не отвлекайся,—перебилъ я пріятеля.—Такъ ты пошелъ за стаканомъ воды? А когда возвратился?...

— Когда возвратился, то нашелъ ее уже у дверей закутанною въ бальную накидку. Тутъ только замѣтилъ я, ка̀къ легко она одѣта. «И съ вами ничего больше нѣтъ?» спросилъ я.— «Ничего; да и не нужно! Простужусь, умру — тѣмъ лучше». Она говорила это, отвернувшись, чтобы не показать мнѣ своихъ заплаканныхъ глазъ.—«Нѣтъ, я васъ такъ не пущу», сказалъ я: «возьмите по-крайней-мѣрѣ мой пледъ».—«А какъ же я его вамъ возвращу? Вѣдь его у меня увидятъ... Вотъ если бы вы проводили меня?..» Она украдкой взглянула на меня и поскорѣй опять отвернулась. Ей какъ-бы хотѣлось еще протянуть время, побыть еще со мною, она какъ-бы еще надѣялась на что-то. Я завернулъ ее въ пледъ и...

— И поѣхалъ съ нею? несчастный!

— Да могъ ли я не ѣхать? Но чтó это была за поѣздка! Хотя мы оба стѣснялись говорить, но въ то же время не могли ни о чемъ иномъ думать, какъ другъ о другѣ. «И мы еще будемъ видѣться?» наконецъ, прошептала она.—«Да, какъ другіе», отвѣчалъ я.—«Какъ другіе!» Она глубоко вздохнула. Мы опять замолчали. Наконецъ, доплелись. Оказалось, что она все же была настолько предусмотрительна, что никому дóма, даже горничной, ни слова не сказала о своей ночной экскурсіи; никѣмъ не замѣченная спустилась съ лѣстницы, отомкнула дверь, потомъ снаружи опять замкнула, а ключъ взяла съ собой. У подъѣзда, отворивъ ей дверь, я хотѣлъ проститься. Она крѣпко держала меня за руку и не пускала вонъ. «Неужели же это послѣдній разъ, послѣдняя минута, что мы еще не чужіе другъ другу? Проводите меня хоть до верху!»

— И ты опять-таки не устоялъ, не могъ не проводить ее?

— Да если бы ты слышалъ ея голосъ! Мы поднялись по лѣстницѣ и тихонько вошли въ переднюю. Тутъ я снова хотѣлъ удалиться. Но она, не выпуская моей руки, влекла меня все далѣе. Мы очутились въ будуарѣ. Тамъ горѣли еще на туалетѣ двѣ свѣчи: уходя, она тàкъ ихъ и не потушила. Все держа меня за руку, она остановилась посреди комнаты и въ первый разъ открыто подняла ко мнѣ свое лицо. Она кинулась было ко мнѣ, но вдругъ оттолкнула меня отъ себя:—«Ступай и никогда больше не показывайся на глаза!» Я остановился у дверей, какъ вкопанный. Не знаю, чтò было бы со мною; но вслѣдъ затѣмъ она повторила: «Уходи, ради Бога же, уходи!» Я бросился вонъ, не помня себя.

Усольцевъ перевелъ духъ.

— И послѣ того ты ее уже не видѣлъ?

— Нѣтъ...

— А ладонь гдѣ же оцарапалъ?

— Ладонь... Должно быть,—объ ея брошку. Когда я снималъ съ нея пледъ, что-то зацѣпилось за рукавъ мой; я рванулъ и почувствовалъ боль въ рукѣ. По дорогѣ домой ужъ разглядѣлъ, что оцарапалъ всю ладонь и дома наклеилъ пластырь.

— А пледъ свой, какъ Іосифъ прекрасный, забылъ-таки въ рукахъ жены Пентефрія?

— До него ли мнѣ было? Вчера вечеромъ только у тебя, когда ты развернулъ его передо мною, меня какъ громомъ поразило. Вѣдь кто могъ его прислать мнѣ? только Полинька?

— Вѣроятно, она.

— Стало быть, она будетъ еще допытываться... Да теперь-то она и такъ все знаетъ. Слѣдователь твой вѣдь, пожалуй, не дастъ мнѣ даже времени объясниться съ нею, при выходѣ же изъ суда арестуетъ; между тѣмъ до окончанія преній я никакъ не могу ѣхать къ ней. Скверно, братъ! самъ вижу теперь, что скверно! Но какъ быть?

Исповѣдь моего друга была такъ искренняя, глаза его глядѣли на меня такъ открыто и смѣло, что я почти не сомнѣвался въ его правдивости. Но кто же въ такомъ случаѣ убійца? Не то ли самое лицо, чтó прислало обратно Усольцеву забытый пледъ? Прежде всего надо, значитъ, разыскать это послѣднее лицо, и для того надо, не медля, ѣхать къ Полинькѣ и поставить ей категорически вопросъ.

— Я вижу только одинъ исходъ, — сказалъ я: — у меня теперь есть время; я ѣду сейчасъ къ Полинькѣ, и отъ твоего имени, безъ обиняковъ, разскажу ей все, кáкъ было.

— Чтó ты!.. Да, впрочемъ, все зависитъ отъ того, какъ передать... Изъ двухъ золъ лучше выбрать меньшее. Спасибо, душа моя! Я знаю, что и тебѣ не легко, что ты дѣлаешь это только для меня. Итакъ, съ Богомъ! поѣзжай. Но на всякій случай возьми-ка съ собой удостовѣрительное свидѣтельство: я напишу ей пару словъ.

Онъ досталъ свою записную книжку, набросалъ карандашомъ нѣсколько строкъ, вырвалъ листокъ и отдалъ мнѣ.

— Не забудь ей предъявить. Еще разъ спасибо, дружище.

III.

Съ той самой минуты, какъ я фаталистически рѣшился ждать у моря погоды, внутренній голосъ мой смолкъ, точно на него легла тяжелая рука. Но погодка жизни, разыгравшись, самовольнымъ вихремъ вновь перенесла меня къ роковому дому, и вотъ, лишь только сталъ я подниматься по ступенямъ, какъ все внутри меня снова зазвучало.

На площадкѣ салютовалъ меня полицейскій. Стало быть, Когортовъ не внялъ-таки просьбѣ Полиньки, не устранилъ еще судебной окраски, хотя видѣлъ, что и я не возражалъ. Совсѣмъ эмансипировался!

Въ передней было пусто; даже не встрѣтила меня прислуга. Изъ спальни доносилось гнусливо-монотонное чтеніе. На полпути туда на меня пахнуло ладономъ. Я тихонько растворилъ дверь.

Обитель смерти! Зеркалá и картины завѣшаны; ни одной вещицы, чтò напоминала бы о недавнемъ пребываніи живого существа; жизнь вся удалена, и вниманіе разомъ приковывается къ возвышающемуся посреди комнаты черному гробу, гдѣ лежитъ эта несчастная, лежитъ уже съ вытянувшимся, восковымъ лицомъ, мертвѣе, чѣмъ вся окружающая ее бездушная обстановка, оставшаяся хоть тѣмъ, чѣмъ была. Даже этотъ читальщикъ въ головахъ ея, равномѣрно, какъ маятникъ, покачивающійся всѣмъ своимъ корпусомъ, и, съ полузажмуренными вѣками, гнусящій псалтырь, не придаетъ картинѣ жизни; напротивъ, въ своемъ неизмѣнномъ движеніи, онъ, этотъ perpetuum mobile, какъ-бы олицетворяетъ вѣчность, а глухой однообразный голосъ его звучитъ въ общей мертвенной тишинѣ голосомъ съ того свѣта.

Такъ же тихо, какъ растворилъ, я и притворилъ опять дверь, и на цыпочкахъ направился къ столовой. Какіе разительные контрасты! Тамъ загробный міръ, гдѣ унялись всѣ треволненія людскія; а тутъ снова картинка жизни—да какая! самая идиллическая, точно выставили передо мною зимнюю раму, распахнули окошко и впустили свѣжую, молодую весну.

Въ комнатѣ было всего двое: Полинька и трехлѣтняя племянница ея Липочка. Обѣ, сидя за столомъ, были такъ заняты одною изъ фрёбельскихъ игръ: складываніемъ палочекъ, что въ первое время и не замѣтили моего появленія.

— Ахъ, вы здѣсь?—воскликнула Полинька, увидѣвъ меня наконецъ.

Я съ поклономъ подошелъ ближе.

— Извините, Поликсена Семеновна...

— А вы ужъ давно...?

И она слегка смутилась.

— Чтò же ты, Липочка, не поздороваешься съ дядей? Подойди, дай ручку.

Липочка видѣла уже во мнѣ стараго знакомаго и проворно сползла со стула. Я протянулъ ей руку. Она оперлась на нее и, приподнявшись наноскахъ, сама довѣрчиво подставила мнѣ щечку. Милое ея личико такъ напоминало тётю, что когда я наклонился и поцѣловалъ крошку, кровь хлынула мнѣ въ голову, точно я поцѣловалъ не ее...

— Не надо, душка, со всѣми цѣловаться,—наставила малютку тётя.—Дядя этого не любитъ. Довольно подавать ручку. Вы не взыщите, пожалуйста, Павелъ Алексѣевичъ.

— Ничего-съ...

— Не могу ли я вамъ чаю предложить?

— Я только такъ, на-скоро, съ порученьемъ отъ своего пріятеля...

— За чаемъ и разскажете. Мы съ Липочкой тоже большія охотницы до чаю; рады случаю. Что, Липочка, хочешь чаю?

— Хочу, тётя! только побольше сахару.

— Да, да, извѣстная ужъ у насъ лакомка.

Она прикоснулась къ шарику электрическаго звонка, весьма удобно приспособленнаго къ висячей надъ столомъ лампѣ, и вошедшей по звонку горничной отдала приказаніе.

— Я могла теперь нѣсколько отлучиться отъ брата,—пояснила она:—вашъ докторъ былъ такъ милъ, что прислалъ обѣщанную сидѣлку. Она, какъ кажется, такая толковая и внимательная. Я ему такъ благодарна! Няня съ прочими людьми теперь обѣдаетъ; я и занялась опять съ нашей шалуньей.

— Я—большая шалунья!—точно хвастаясь, подхватила Липочка.

— Ужъ чтб говорить; а выростешь—и шалости еще выростутъ.—Вы отъ Константина Дмитріевича?—обратилась она ко мнѣ.

— Отъ дяди Кости?—переспросила вострая племянница.

— Отъ дяди Кости,—подтвердила тётя.—Только ты, душечка, не мѣшай намъ теперь. Ну, чтб, какъ рука его? Заживаетъ?

— Заживаетъ, надо думать; лихорадки, по-крайней-мѣрѣ, я уже не замѣтилъ.

— До свадьбы заживетъ!—брякнула Липочка.

— Это она все отъ няни перенимаетъ,—пояснила тётя.

— До чьей свадьбы?—спросилъ я малютку.

— А до дяди Костиной.

— Съ кѣмъ?

— Да съ тётей Полей.

Меня слегка покоробило, и Полинька также готова была разсердиться.

— Онѣ тебя всякими глупостями набиваютъ!—сказала она.— Теперь, право же, не мѣшай намъ.—Такъ чтб же вы должны были передать мнѣ?

Я молча досталъ и подалъ ей записку Усольцева. Едва взглянувъ въ нее, она вся вспыхнула, быстро пробѣжала ее разъ, пробѣжала и въ другой разъ. Краска на лицѣ у нея то угасала, то опять загоралась; записка въ рукахъ такъ и дрожала.

— И вамъ извѣстны факты, о которыхъ здѣсь говорится?— какимъ-то гортаннымъ тономъ вымолвила она.

— Извѣстны.

— Какіе же это факты?

Глаза ея просто впились въ меня. О, какъ онъ ей дорогъ! Желчь усиленной волной хлынула по моимъ жиламъ.

Вмѣсто отвѣта я посмотрѣлъ значительно на малютку.

Полинька не замедлила тронуть опять электрическій звонокъ. Для каждой прислуги, какъ оказалось, имѣлся свой способъ звонить: на этотъ разъ явилась няня, на попеченіе которой и была сдана Липочка.

— Ну, что же?—еще неотступнѣе обратилась ко мнѣ Полинька.—Прошу васъ ничего не скрывать отъ меня!

И я дѣйствительно ничего не скрылъ. Такъ-то я сдержалъ свое обѣщаніе Усольцеву—деликатно посвятить ее въ тайну! Съ какою готовностью помогъ я ему, лучшему своему другу, донести крестъ на Голгоѳу—чтобы тамъ распять его, да кстати принять еще и наслѣдство! И что же побудило меня къ тому? Не что иное, какъ любовь—это въ сущности самое возвышенное, самое святое чувство, пока къ нему не подмѣшается ревность, которая, какъ ѣдкое бродило, разомъ превращаетъ ее въ смертоносный ядъ.

Какъ нерѣдко, однако, бываетъ, мое чрезмѣрное усердіе повредило мнѣ же. И по дѣломъ!

— Вы, конечно, ничего отъ себя не прибавили?—вибрирующимъ голосомъ спросила Полинька.

— Ни слова.

— Но и не убавили?

Я невольно потупилъ глаза.

— Нѣтъ.

— Не хотѣли или не съумѣли?

Въ голосѣ ея звучала даже не то враждебность, не то презрительность. И по дѣломъ мнѣ, по дѣломъ!

— Но все равно,—продолжала она, когда не дождалась отъ меня отвѣта.—Въ одномъ, я надѣюсь, вы мнѣ не откажете: не утаивать теперь отъ меня и тѣхъ обстоятельствъ, которыя довнаетъ еще вашъ слѣдователь? Да, впрочемъ, вотъ и онъ самъ.

На порогѣ стоялъ Когортовъ.

IV.

— Позволите войти?—сказалъ онъ, короткими шажками приближаясь къ столу.—Я хотѣлъ васъ просить только, сударыня, откомандировать мнѣ опять вашу Марью Панкратьеву.

Полинька взглянула на записку въ рукѣ своей и крѣпче ее сжала.

— Для чего?—спросила она.—Чтобы ее передопросить?

— Да-съ.

— А что же вы узнали? Что-нибудь новое объ Усольцевѣ?

— Можетъ быть, и о господинѣ Усольцевѣ.

— Что же именно? Говорите прямо. Я и такъ вѣдь уже во все посвящена.

— Во все-съ? Кѣмъ, позвольте узнать? самимъ господиномъ Усольцевымъ?

— Да, да. Не мучьте меня, пожалуйста!

— Но въ чемъ же онъ вамъ сознался?

— Въ чемъ?... Да вы меня опять допрашиваете?

Гордый взглядъ, которымъ она окинула его, ясно говорилъ, что выпытать у нея что-нибудь этимъ путемъ будетъ трудно.

Какой-то тайный замыселъ зародился вдругъ въ головѣ слѣдователя.

— А я сговорчивѣе васъ,—перешелъ онъ неожиданно на самый добродушный тонъ.—Я ничего отъ васъ не скрою. Первымъ дѣломъ я осмотрѣлъ перила въ домѣ господина Усольцева.

— И гвоздика не нашли?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ! Новёхонькія.

— А потомъ? допросили его человѣка?

— Да-съ, намекнулъ только легонько на нѣкоторыя неудобства, ожидающія его, въ случаѣ запирательства,—и тутъ же добылъ ножны къ кинжалу.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ-съ такъ-же безъ затрудненія извѣстился о рандеву его барина съ покойною въ приснопамятный вечеръ уже *послѣ* клуба. Вамъ вѣдь и объ этомъ обстоятельствѣ тоже извѣстно?

— Извѣстно...

— Остается неразъясненною одна лишь статья: кто прислалъ на другой день плэдъ его съ посыльнымъ? Вы, сударыня, или нѣтъ?

Полинька медлила отвѣтомъ, явно колеблясь, что больше повредитъ Усольцеву: положительный или отрицательный отвѣтъ?

— Вы находите нужнымъ задуматься,—предупредилъ ее Когортовъ,—и это служитъ мнѣ уже достаточнымъ подтвержденіемъ факта. Засимъ, мнѣ нѣтъ уже надобности допрашивать опять вашу прислугу, и я могу немедля принять свои мѣры.

— Какія мѣры?—вскрикнула Полинька.—Говорите: какія мѣры? противъ Усольцева?

— Да-съ, для пресѣченія ему возможности уклониться отъ

суда. У меня набралась уже цѣлая серія фактовъ: кто послѣднимъ видѣлъ убитую?—господинъ Усольцевъ. Гдѣ?—и у себя, и у нея. Чье оружіе преступленія?—его же, Усольцева. Нѣтъ ли другихъ вещественныхъ доказательствъ?—есть: окровавленный плэдъ его же. Нѣтъ ли знаковъ борьбы?—есть: оцарапанная ладонь. А въ наше время закономъ уже не требуется положительнаго признанія подсудимымъ самаго преступленія; если косвенныя улики достаточно убѣдительны, то и на основаніи ихъ можно осудить. Ему, понятно, дадутъ послѣднее слово; онъ скажетъ блестящую рѣчь; присяжные несомнѣнно будутъ тронуты, но также несомнѣнно вынесутъ обвинительный приговоръ.

Теперь я начиналъ постигать необыкновенную откровенность моего коварнаго слѣдователя: ошеломляющимъ своимъ дѣйствіемъ она должна была вызвать и необдуманную откровенность Полиньки. Разсчетъ его оправдался, — да ка́къ! Вся олицетвореніе страха, бѣдная дѣвушка глядѣла на него во всѣ глаза. Но вотъ въ нихъ вспыхнулъ небывалый дикій огонь, обѣими руками прижала она къ груди записку Усольцева, какъ охранный талисманъ, и, глубоко переведя духъ, проговорила:

— А если найдется лицо, которое удостовѣритъ, что онъ не причемъ?

— Кто же это можетъ удостовѣрить?—не вы ли?

— Я.

У меня даже сердце упало. Что́ это она! неужели, неужели?.. Нѣтъ, она хватается за соломинку!

Когортовъ съ торжествующимъ видомъ покосился на меня и досталъ свою записную книжку.

— Такъ вы были очевидицей?

— Была.

— Откуда-жъ вы изволили видѣть?

— Изъ залы.

— Сами незамѣченныя?

— Незамѣченная.

— Что́ же вы видѣли?

— Видѣла, что онъ, только войдя въ переднюю, сейчасъ же удалился.

— Предварительно, однако-жъ, оцарапавшись?

— Да...

— Значитъ, она удержать его хотѣла, а онъ вырвался?

— Да...

— А кто же ее кинжаломъ-то хватилъ?

— Сама себя...

— Это вы тоже видѣли?

— Видѣла.

— И не помѣшали?

— Хотѣла помѣшать, но не успѣла. Только-что Константинъ Дмитріевичъ вышелъ, какъ въ рукѣ ея блеснулъ кинжалъ. Я бросилась отнимать. Между нами завязалась борьба—борьба на жизнь и смерть. Я уговаривала ее, просила, умоляла. Она все время защищалась молча. «Насильно вы меня не заставите жить!» разъ только вскрикнула она: «берегитесь! вѣдь я и васъ пораню». Это были единственныя ея и послѣднія слова. Она была сильнѣе меня, вывернулась вдругъ и побѣжала въ спальню. Я бросилась вслѣдъ. Но она успѣла уже нанести себѣ ударъ. Я этого не видѣла, я видѣла только сжатую въ рукѣ ея рукоятку, и мигомъ выдернула кинжалъ—выдернула, какъ оказалось, уже изъ раны—и кинула далеко въ сторону. Въ тотъ же мигъ она пала мертвою къ моимъ ногамъ. Что было послѣ—помню только какъ въ туманѣ. Кажется, что я наклонилась къ ней, звала ее, хотѣла приподнять; изъ груди ея хлынулъ фонтанъ крови; я опрометью убѣжала къ себѣ, заперлась на ключъ и зарылась въ подушки... Вотъ и все... Извините, господа, если я уйду,—я слишкомъ разстроена...

— Но вы подтвердите эти показанія и вашею подписью?—спросилъ Когортовъ.

— Да, да...

И ея уже не было.

Что ощущалъ я во время этихъ неожиданныхъ откровеній Полиньки, проливавшихъ на дѣло совершенно новый свѣтъ, невозможно передать. Стараясь всѣми силами оттѣснить Усольцева отъ края грозившей ему пропасти, Полинька сама подошла къ ней такъ близко, что сорвись подъ ногою ея одинъ только камешекъ—и гибели ей не миновать. Мнѣ стоило большого труда сохранить передъ слѣдователемъ свое обычное спокойствіе духа.

— Ну, ребусъ-то совсѣмъ упростился,—сказалъ я:—все сводится къ самоубійству.

Когортовъ пытливо заглянулъ мнѣ снизу въ лицо, многозначительно сжалъ губы и молча уложилъ въ карманъ свою записную книжку.

— Да что же по-вашему?—спросилъ я:—она все отъ начала до конца выдумала?

— Зачѣмъ-съ отъ начала до конца? Допустила лишь нѣкоторую поэтическую вольность. Variatio delectat!

— Для краснаго словца?

— Нѣтъ, для милаго дружка. Согласитесь, Павелъ Алексѣичъ, что коли кто порѣшилъ разъ покончить съ собой и занесъ уже на себя оружіе, то едва ли станетъ держать оружіе на воздухѣ въ драматической позѣ столько времени, чтобы дать другому лицу подбѣжать да вырвать его у него изъ рукъ. Очевидно, что задача не такъ-то проста, и едва ли въ ней, какъ сказано, не двѣ, по меньшей мѣрѣ, неизвѣстныя.

— У васъ все ваша предвзятая идея! Что же вы полагаете теперь предпринять?

— А ужъ позвольте мнѣ до поры, до времени умолчать-съ: разомъ преподнесу вамъ разрѣшеніе въ наилучшемъ видѣ,— шутливо уклонился онъ и нá-скоро простился, точно опасаясь, какъ бы я не вырвалъ у него еще какую-нибудь уступку.

Одно спасеніе ей: сейчасъ же отъ всего отречься!

Я пошелъ за прислугой и поручилъ просить Поликсену Семеновну выйти ко мнѣ только на пару словъ. Сначала послѣдовалъ отказъ; но послѣ вторичной, настоятельной просьбы, Полинька вышла.

Притворивъ за собою дверь, она мѣшкотно приблизилась ко мнѣ. Глаза ея глядѣли устало и строго: она почти совершенно оправилась отъ душевнаго потрясенія.

— Чтó вамъ угодно?—спросила она.

— Ради Бога, Поликсена Семеновна... откажитесь отъ вашихъ словъ!

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь вы себя губите! Слѣдователь не довѣряетъ вашему показанію и сомнѣвается, чтобы Аглая Борисовна сама лишила себя жизни.

Полинька, какъ смерть, поблѣднѣла.

— Такъ не думаетъ ли онъ, что я?..

Она не могла выговорить ужасное.

— Да вы, Поликсена Семеновна (будемъ говорить прямо), задались мыслью спасти моего друга?

Она вспыхнула и забѣгала глазами по сторонамъ.

— Хоть бы и такъ!

— Такъ вѣдь вы жестоко ошибаетесь: вы и его не спасете, и себя-то погубите!

— Такъ что же, по-вашему, мы съ нимъ—сообщники?

— Я здѣсь не при чемъ. Слѣдователь же, дѣйствительно, намекнулъ на сообщничество. Такимъ образомъ, какъ видите, остается одно изъ двухъ: или Усольцеву одному погибнуть, или вамъ съ нимъ вмѣстѣ; такъ лучше-жъ ему одному.

Строгіе глаза дѣвушки восторженно засверкали.

— Такъ лучше ужъ вмѣстѣ!—сказала она и смѣло подняла на меня глаза.—Но вы-то, m-r Чердынскій, вы какую роль здѣсь играете? До сихъ поръ я васъ, признаюсь, уважала—уважала за ваше общественное положеніе, за ваши твердыя убѣжденія—слишкомъ, быть можетъ, твердыя и рѣзкія, но, повидимому, непоколебимыя. Теперь же что съ вами сталось? Уже вчера вы неожиданно отказались вести судебное слѣдствіе по нашему семейному дѣлу. Меня удивила такая внезапная мягкость ваша, но я не могла вамъ не сочувствовать: вы увѣряли, что слишкомъ жалѣете насъ. Но если вы насъ жалѣете, то друга вашего вамъ, конечно, еще болѣе жалко? Вѣдь и насъ-то вы жалѣете больше изъ-за вашего друга? А въ невинности его вы, конечно, какъ и я, вполнѣ убѣждены?

— Да...

— О, да, разумѣется. Онъ пишетъ мнѣ вотъ что только: «Положа руку на сердце, увѣряю васъ, что я ни передъ кѣмъ ни въ чемъ, *ни въ чемъ* не повиненъ». Если же и мнѣ уже одного этого увѣренія его совершенно достаточно, то какъ же вы-то не стали бы ему вѣрить? И вотъ вамъ представляется такой прекрасный случай доказать на дѣлѣ вашу истинную дружбу: какъ прокуроръ, вы не только лучше всякаго другого можете способствовать выясненію этого темнаго дѣла, но имѣете и полную возможность руководить дѣйствіями столь послушнаго вамъ, молодого и не въ мѣру пылкаго слѣдователя, бросившагося, очевидно, по невѣрному слѣду. И что же? — тронули ли вы хоть пальцемъ въ пользу вашего друга? надоумили ли слѣдователя? Нѣтъ и нѣтъ! Вы омыли руки, и одно развѣ сдѣлали: изъ-за спины вашего подчиненнаго посовѣтовали мнѣ отречься отъ даннаго ему показанія, причемъ не скрыли отъ меня и его подозрѣнія противъ меня,—подозрѣнія, которое онъ сообщилъ вамъ, однако, совершенно конфиденціально, какъ своему начальнику. Не знаю, насколько это позволительно по закону; это вамъ лучше знать. Одно несомнѣнно: что вашимъ совѣтомъ мнѣ вы прямо вредили вашему другу. Что же это? Или вы, изъ жалости къ нему, до того растерялись, что поднимаете сами руку на него? Такъ, что ли?

Осыпанный такимъ стремительнымъ градомъ обвиненій, я молча только склонилъ голову, не смѣя ни возразить, ни поднять глазъ.

— Вы молчите? стало быть, такъ?—продолжала Полинька.— Въ такомъ случаѣ, позвольте же вамъ отплатить за вашу жа-

лость: повѣрьте, мнѣ васъ еще во сто разъ болѣе жалко! Каково должно быть человѣку придти къ сознанію собственной немощи, когда онъ до тѣхъ поръ нещадно громилъ всякую человѣческую слабость?.. Извините меня, Павелъ Алексѣевичъ, за мою горячность...—вдругъ прервала себя Полинька, смягчая голосъ.—Я вовсе вѣдь не призвана читать вамъ мораль, и даже (въ голосѣ ея зазвенѣла точно насмѣшливая нотка) должна бы быть вамъ благодарна—искренне благодарна за то, что вы сблизили насъ съ вашимъ другомъ скорѣе, чѣмъ сошлись бы мы съ нимъ при другихъ условіяхъ.

Какъ-бы смутившись, однако, отъ этого новаго своего признанія, она тутъ же поспѣшно спросила:

— Вы, вѣдь, не имѣете больше ничего мнѣ сказать?..

— Ничего...—пробормоталъ я.

По шелесту платья и стуку двери я замѣтилъ, что она уже удалилась.

V.

Чтó было со мною, когда я теперь выбрался на улицу! Я зналъ только, что я уничтоженъ, уничтоженъ и въ прошедшемъ своемъ и въ будущемъ, и въ ушахъ моихъ назойливо звучали слова Полиньки:

«Каково должно быть человѣку придти къ сознанію собственной немощи, когда онъ до тѣхъ поръ нещадно громилъ всякую человѣческую слабость?»

О, если бы все этимъ и ограничилось! Жалко-то бѣдненькихъ, жалко, но они, такъ ли, сякъ ли, нѣкоторую кару заслужили. За чтó же я, однако, клеймилъ иныхъ подсудимыхъ «мошенниками» и «ворами» переднимъ числомъ? Нѣкоторыхъ же вѣдь потомъ оправдали и, слѣдовательно, по суду не признали ни мошенниками, ни ворами; а эпитеты, между тѣмъ, были уже произнесены и, конечно, нанесли извѣстный моральный и матеріальный вредъ формально-оправданнымъ?

Имѣлъ ли я также по совѣсти право вторгаться въ частную жизнь подсудимыхъ или даже просто свидѣтелей, и разоблачать такія подробности, которыя, не относясь прямо къ данному случаю, не могли не поставить впослѣдствіи подсудимаго или свидѣтеля въ фальшивое положеніе къ семьѣ и обществу?

Не было ли разъ и такого случая, что, на основаніи довольно эфемерныхъ данныхъ, я продержалъ человѣка нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, а въ концѣ-концовъ самъ долженъ

былъ отказаться отъ обвиненія? Между тѣмъ, пребываніе въ сырой тюрьмѣ уже подрыло здоровье заключеннаго, разстроило его общественный и семейный бытъ: онъ не только лишился службы, но и жены, которая съ горя сошла въ могилу, а дѣти его, оставшись безъ призора, обратились въ уличныхъ попрошаекъ. Насколько могла вознаградить его та небольшая сумма, которою я потомъ добровольно помогъ ему?

И въ чемъ же весь корень зла? Въ моемъ пресловутомъ принципѣ: «Лучше упечь десять невинныхъ, чѣмъ упустить одного виновнаго!» О, я не понималъ этого буквально; я, можетъ быть, снизошелъ бы даже на такую смягченную формулу: «Лучше упечь одного невиннаго, чѣмъ упустить десять виновныхъ». А если бы этимъ упеченнымъ невиннымъ оказался именно я? Можетъ быть, я и тутъ покорился бы принципу; но дѣло коснулось одного существа, которое мнѣ вдругъ стало дороже всего на свѣтѣ—и принципъ мой разнесло, какъ вѣтромъ, на мелкія пылинки! Я не только не въ силахъ выполнить свой гражданскій долгъ—я полусознательно чуть вѣдь не предалъ своего друга! Зачѣмъ же мнѣ было возстановлять противъ него Полиньку подробностями его свиданія съ Аглаей Борисовной? Не совѣтовалъ ли я ей отказаться отъ ея показанія, которое могло бы послужить въ его пользу? А главное: удайся мнѣ поколебать ея рѣшимость, я тутъ же, кажется, готовъ былъ упасть къ ея ногамъ... Подъ дѣйствующія статьи XV тома прегрѣшенья мои, правда, не подходятъ, для обыкновеннаго суда они неуловимы; но передъ судомъ моей собственной совѣсти они выростаютъ въ грозное обвиненіе, и чтò могу я сказать въ свою защиту?..

Меня вдругъ окликнули по имени. По верблюжьему хребту я узналъ перебѣгавшаго ко мнѣ черезъ улицу Когортова. Взглянувъ же ему въ лицо, я опять усумнился: онъ ли то?—до такой степени безстрастное лицо горбуна было искажено отчаяньемъ.

— Что съ вами, Ахиллъ Иванычъ?—невольно спросилъ я его.—Здоровы ли вы?

— Не поздоровится...—глубоко вздохнулъ онъ.—Разъ въ жизни счастье улыбнулось... Я до послѣдней минуты думалъ, что она только шутитъ. «Вы, говоритъ, видѣли меня въ трагическихъ роляхъ? вѣдь, играю я вообще недурно? Но замѣтили ли, говоритъ, что послѣдній актъ у меня выходитъ всегда еще лучше другихъ? Это оттого, говоритъ, что къ концу я приберегаю лучшія свои силы. Всякій смертный долженъ заблаговременно приготовиться къ смерти,—изрекъ, молъ, одинъ великій мудрецъ, или, если не изрекъ, то долженъ былъ бы изречь, ибо конецъ—

всему вѣнецъ. И я, говоритъ, въ видѣ опыта, умирала уже тысячу разъ. Не нынче, такъ завтра, мнѣ придется же разыграть и свой собственный пятый актъ? И разыграю я его, надѣюсь, съ тактомъ и экспрессіей, высоко-благородно, и притомъ безъ утрировки. Вы сами въ томъ убѣдитесь и будете мнѣ апплодировать—не въ ладоши, такъ хоть мысленно. А теперь, говоритъ, до пріятнаго свиданія! Вѣдь гдѣ-нибудь мы съ вами еще пріятно да свидимся—не здѣсь, подъ луной, такъ въ надзвѣздномъ краю?» Какъ ожидать, что съ этой шуткой на губахъ она въ самомъ дѣлѣ тутъ же въ надзвѣздный край отлетитъ?

— Чтó вы такое говорите?—спросилъ я.—Васъ, право, въ толкъ не возьмешь. И то, здоровы ли вы?

Онъ, не слушая меня, продолжалъ:

— Не успѣлъ я, знаете, и съ лѣстницы сойти, какъ служанка назадъ позвала. Представьте: уже отлетѣла! она была еще тепла, пальцы еще сжимали стклянку съ ядомъ, но всѣ старанія наши возвратить ея къ жизни были тщетны. И живущій на одной площадкѣ съ нею докторъ, котораго позвали, посмотрѣвъ стклянку, прямо объявилъ, что взятки гладки. Вотъ извольте получить,—закончилъ горбунъ, подавая мнѣ какую-то бумагу:—на столѣ у нея нашелъ. По-французски написано: лучше меня разберете.

Я взглянулъ на подпись: «*Leontine de Nacre*», — и точно скорлупа спала съ глазъ моихъ.

— А знаете ли вы,—сказалъ я,—зачѣмъ она порѣшила съ собою?

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что ей другого исхода не оставалось: вѣдь это она убила Кудряшеву!

— Не можетъ быть! съ чего вы взяли?

— А вотъ, зайдемте сейчасъ ко мнѣ, прочтемъ вмѣстѣ—убѣдитесь.

Мы были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры. Догадка моя на сей разъ вполнѣ оправдалась.

«Если я умираю,—начиналось письмо,—то, конечно, не по своей охотѣ: «C'est la fatalité!». Я думала разсчитаться съ соперницей, а между тѣмъ...

«Если вы, господа, допросите Усольцева объ его отношеніяхъ ко мнѣ, то онъ вамъ хоть подъ клятвой подтвердитъ, что между нами все давно кончено; мы разошлись съ нимъ самымъ мирнымъ образомъ. Гаррикъ, какъ извѣстно, декламировалъ алфавитъ съ такимъ чувствомъ, что трогалъ до слезъ. И Усольцевъ—

большой мастеръ играть на человѣческихъ нервахъ. Но онъ все же не на столько актеръ, чтобы провести настоящаго актера. Я не могла не замѣтить, что онъ сталъ какъ-бы тяготиться мною. А можетъ ли быть для женщины что-либо горше, особенно если она сама еще не остыла? Но я слишкомъ дорожила собою и добровольно предложила ему свободу, взявъ съ него только слово: не полюбить другой — развѣ что на всю жизнь, законнымъ порядкомъ. Признаюсь, однако, что я не упускала его изъ виду. Чтó прикажете дѣлать! Любовь! Сначала казалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился сдѣлаться семьяниномъ. О, какъ ревновала я его къ этой счастливицѣ! Но я чтила уговоръ — и держалась въ тѣни. Вдругъ оказывается, что избранница его выходитъ за другого, а онъ — онъ продолжаетъ играть ея селадона! По крайней мѣрѣ, онъ, что дальше, то чаще бывалъ у нихъ. Жила у нихъ въ домѣ, правда, еще сестрица ея мужа, но такая молоденькая, такое дитя, чтó я ее и въ счетъ не могла брать. Не разъ уже навѣдывалась я къ нему, чтобы объясниться; но всегда онъ былъ въ отлучкѣ, а гдѣ? — у Кудряшевыхъ. Въ злополучный вечеръ, какъ я дознала, они опять должны были встрѣтиться въ клубѣ. Сама же я, по долгу службы, должна была съ подмостковъ забавлять публику въ роли счастливой jeune première! Чаша долготерпѣнія моего переполнилась. Прямо изъ театра я велѣла везти себя къ нему...

«Вы, можетъ быть, спрóсите: какъ это меня у него никто не замѣтилъ? Но когда я поднималась по лѣстницѣ, то у швейцара были гости: изъ коморки его, подъ лѣстницей, доносились веселые голосá и звонъ стакановъ. Поднявшись вверхъ, я звоню; звоню нѣсколько разъ. Тутъ припоминаю, что слугу его пушками не разбудишь, когда онъ подвыпьетъ, — чтó случается съ нимъ ровно семь разъ на недѣлѣ. Стучу въ дверь — дверь подается. Очевидно, что этотъ гуляка — въ числѣ гостей швейцара и, изъ лѣни или просто по безпечности, не потрудился замкнуть дверь.

«Вхожу въ кабинетъ; но огня не зажигаю: полусвѣтлая лунная ночь...

«Вдругъ — шаги въ передней. Вѣрно, слуга. Да, онъ; но не одинъ: кто-то съ нимъ говоритъ, и говоритъ дискантомъ, сталобыть — не мужчина.

«Неужели *она?* О, коварный! Такъ-то ты отъ нея отрекся?

«Я ретируюсь въ спальню. Здѣсь, притаясь за полурастворенною дверью, можно слѣдить за всѣмъ, чтó дѣлается въ кабинетѣ.

«Впередъ входитъ слуга и зажигаетъ на столѣ передъ кушеткой лампу. За нимъ входитъ молодая дама. Такъ и есть, *она!*

«Слуга уходитъ. Она остается одна. По-крайней-мѣрѣ, ей такъ кажется—кажется, что ее никто не видитъ, что ей не къ чему притворяться, и вотъ она вся отдается волнующимъ ея чувствамъ. То присядетъ на край кушетки, то привскочитъ и пробѣжитъ раза два взадъ да впередъ по комнатѣ; и размахиваетъ руками, и сверкаетъ глазами, и бормочетъ какія-то безсвязныя слова́, точно готовится къ роли.

«Но вотъ звонятъ. Она живо гаситъ лампу и присѣдаетъ опять на кушетку.

«Входитъ самъ Усольцевъ. Онъ, за темнотою, ея не видитъ и собирается зажечь свѣчу. Она окликаетъ его. Онъ, видимо, озадаченъ, стало-быть, не ожидалъ ея. Но она проситъ его не зажигать огня, и онъ, не исполнивъ своего намѣренія, подходитъ и подсаживается къ ней. А она такъ хороша, о, какъ хороша! И луна, пробившись сквозь цвѣты въ окнѣ, заливаетъ ее такимъ магическимъ свѣтомъ. И вотъ она беретъ его за обѣ руки....

«Сердце мое готово разорваться, я боюсь съ ума сойти! — Убить бы ихъ обоихъ на мѣстѣ! —Я озираюсь кругомъ: лунный лучъ скользитъ по стѣнѣ около меня и играетъ на рукояткѣ кинжала. Я беру его со стѣны, и ножны съ шумомъ падаютъ на полъ...

«Къ счастью своему, онъ въ это время вырывается изъ ея рукъ, вскакиваетъ и зажигаетъ свѣчу. Она, конечно,—въ слезы. Но разсудокъ у него взялъ уже верхъ надъ минутнымъ чувствомъ, и, давъ ей напиться воды, снабдивъ ее на дорогу пледомъ, онъ ее деликатно, но безпощадно выпроваживаетъ.

«Но что́ это: ужели онъ все-таки поддастся? Такъ и есть! Она, прощаясь, о чемъ-то его умоляетъ, и онъ, какъ-бы нехотя, беретъ со стола шапку и идетъ съ нею. Несчастный!

«Сунувъ кинжалъ въ муфту, я за ними, разумѣется, по пятамъ. Они садятся въ сани, ѣдутъ; я на углу сажусь въ другія и слѣдую издали. Они останавливаются; я также схожу съ саней. Они отмыкаютъ домовую дверь (у нея, видно, съ собою ключъ), скрываются въ подъѣздѣ, поднимаются по лѣстницѣ, входятъ въ квартиру; но ни одной двери не даютъ себѣ труда замкнуть за собою, и я свободно пробираюсь за ними шагъ за шагомъ...

«Не въ силахъ разсказывать то, что́ произошло дальше...

«Я прижалась куда-то въ уголъ: они меня не замѣтили. До

меня ли имъ было! Онъ опрометью бросился отъ нея; она за нимъ слѣдомъ; но я накидываюсь на нее сзади, обвиваю ея станъ: «Ни шагу дальше!» Несчастная, вздумала сопротивляться, а у меня былъ кинжалъ...

«Пришла я въ себя тогда лишь, когда уже стояла надъ трупомъ. Впрочемъ, и тутъ я была какъ въ горячкѣ, какъ въ туманѣ. Прежде всего заговорило чувство самосохраненія.

«Я — убійца! Вонъ, вонъ съ уликой, съ кинжаломъ!

«Я закидываю его далеко на печь.

«Смотрю на руки: всѣ въ крови! Голова у меня опять кружится.

«Хватаю съ полу какой-то платокъ и съ омерзеніемъ вытираю руки.

«Вдругъ — что это? да это не платокъ, это пледъ Усольцева!

«А по пледу сейчасъ его узнаютъ и сочтутъ еще за убійцу... Надо взять съ собой...

«Разъ совершивъ ужасное дѣло, надо и концы скрыть: осторожно выбираюсь вонъ, тихонько защелкиваю позади себя выходную дверь.

«Не стану распространяться объ угрызеніяхъ совѣсти, которыя въ началѣ, въ первомъ чаду преступленія, зашевелились во мнѣ смутно, а затѣмъ, по прибытіи домой, овладѣли мною съ полною силой. Я такъ и думала, что помѣшаюсь. Но вы, господа, уже сотни разъ, конечно, выслушивали убійцъ; терзанія ихъ однѣ и тѣ же. Скажу только, что на другое утро и на меня нашла неодолимая манія всѣхъ моихъ предшественниковъ: мнѣ, во что бы то ни стало, надо было узрѣть собственными глазами свою жертву. Какъ объяснить это безумное желаніе?

«Моя крайняя дерзость была мнѣ лучшей охраной. Но чтобы вполнѣ гарантировать себя, да кстати имѣть и самыя свѣжія свѣдѣнія о вашихъ розыскахъ, я придумала небывалую покражу; и вы мнѣ повѣрили, господа, и даже... Но довольно объ этомъ.

«Что я сдѣлала съ кровавымъ пледомъ — вы знаете. Вымыть его у себя — было свыше силъ моихъ; оставить его у себя — тѣмъ болѣе. И вотъ я отослала его съ посыльнымъ обратно къ Усольцеву: пусть измѣнникъ также помучится! Что станутъ доискиваться, кто послалъ, — я не боялась: онъ навѣрное не проронитъ ни словечка о своемъ компрометтирующемъ свиданіи съ покойной.

«Вотъ и все: для васъ довольно, а мнѣ — пора!

«Уважьте, господа, мою послѣднюю просьбу — просьбу, если угодно, тщеславной актрисы, желающей и по смерти со-

хранить наружный decorum: не велите вскрывать моего трупа! Оно было бы и безцѣльно: синильная кислота слѣдовъ не оставляетъ».

Я читалъ вслухъ. Когортовъ слушалъ, не отрывая отъ меня глазъ.

— И только?—точно разочаровавшись, вымолвилъ онъ, когда я дочелъ до конца.

— А вамъ чего-жъ еще? — спросилъ я. — А! понимаю: о васъ самихъ ни слова?

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Не то, чтобы...

— Ну, а все же? Впрочемъ, слово есть: «и вы мнѣ повѣрили, господа, и *даже*»... Вотъ это «*даже*» въ вашу пользу.

— Такъ вы думаете, что, можетъ-быть, она и въ самомъ дѣлѣ?... Да кто этихъ барынь разберетъ! Богъ съ ней. А послѣднюю-то ея просьбу: чтобы тѣла не вскрывать, — все-таки можно будетъ, я думаю, уважить?

— Уважимъ—для васъ собственно. А что, Ахиллъ Иванычъ, ваша хваленая теорія предвзятыхъ идей?

— Да чтó говорить! Провалилась съ трескомъ. Да, впрочемъ, теорія-то развѣ моя только, а и не ваша? Оба мы съ вами опростоволосились, Павелъ Алексѣичъ. Одна надежда, что вотъ вы выработаете намъ новую теорію...

— Не надѣйтесь на меня,—отвѣчалъ я. — Я схожу тоже со сцены.

— Батюшка, Павелъ Алексѣичъ! чтó вы говорите?

— Лучше вó-время самому сойти, чѣмъ послѣ слетѣть головой внизъ.

— Чтó вы! чтó вы! Перекреститесь! Неправда? Скажите, что неправда.

— Сущая правда.

— Да какъ же мы безъ васъ? Вѣдь вы у насъ сила, Святогоръ-богатырь: небомъ и землею ворочаете.

— То-то, что время моей силы прошло — и прошло, къ счастью, безвозвратно. До Святогора мнѣ далёко; но, какъ и онъ, я пережилъ себя и самъ ложусь въ гробъ, самъ закрываю себя крышкою гроба. Но однимъ я его все-таки сильнѣе: не стану, какъ онъ, по-пусту рваться изъ гроба, взывать опять къ жизни...

....Вѣдь не хотѣлъ взывать—а воззвалъ!

Значитъ, тогда лицемѣрилъ—даже передъ самимъ собою?

Нѣтъ, я похоронилъ себя совершенно искренно: вышелъ въ отставку и, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ, замкнулся въ небольшой спальнѣ своего деревенскаго домика и предался зимней спячкѣ. Не только знакомствъ не было у меня—я ничего даже не читалъ, не взялъ даже ни разу газеты въ руки. Одна мысль о современности наводила на меня дрожь и тошноту. Мысли мои стали бродить отрывочнѣе, лѣнивѣе; наконецъ, совсѣмъ затихли, и умомъ моимъ овладѣла полная летаргія. Долго-ли тянулась она—я не отдавалъ себѣ отчета; я догаралъ, какъ послѣднее масло въ лампадѣ, безъ вспышки, все тусклѣе, тусклѣе, пока не иссякла бы послѣдняя капля...

Но время взяло свое; весна и деревня оказали также свое дѣйствіе: я сталъ исподволь опять оживать; а письмо отъ Усольцева сдѣлало остальное.

Чтò же было въ этомъ письмѣ.

Содержаніе письма очень просто, совсѣмъ просто. Все могло быть сведено къ тому, что, по разсѣченіи Леонтиною гордіева узла процесса Кудряшевыхъ, вопросъ о виновности кого бы то ни было изъ прочихъ заинтересованныхъ лицъ упразднился самъ собою; благодаря леченію электричествомъ, къ которому, по настоянію Полиньки, обратились наконецъ, состояніе Кудряшева въ послѣднее время улучшается: онъ начинаетъ какъ будто нѣсколько понимать, чтò говорятъ съ нимъ, хотя языкомъ и всѣми парализованными частями владѣетъ по-прежнему слабо; на-дняхъ Полинька везетъ его заграницу, гдѣ, можно надѣяться, онъ совсѣмъ оправится, а по возвращеніи ихъ домой, въ Питерѣ имѣетъ быть «великое торжество: бракосочетаніе нѣкоего молодого человѣка Константина Дмитріевича Усольцева съ нѣкоею дѣвицею Поликсеною Семеновною Кудряшевою». Вотъ и все. Но какимъ свѣтлымъ счастьемъ звучала каждая нота!

Самъ Усольцевъ болѣе ничего не писалъ; но послѣ его подписи стояло другимъ, женскимъ почеркомъ слѣдующее:

«Вы ему, пожалуйста, не вѣрьте: упоминаемое имъ торжество имѣетъ быть, во-первыхъ, никакъ не ранѣе Рождества, когда мнѣ минетъ восемнадцать лѣтъ, и во-вторыхъ, лишь подъ условіемъ, что братъ настолько поправится, что не будетъ уже во мнѣ нуждаться. Если все это состоится, то можемъ ли мы надѣяться, добрѣйшій Павелъ Алексѣевичъ, что вы не откажетесь присутствовать при торжествѣ? Мнѣ, главнымъ образомъ, хотѣ-

лось бы убѣдиться во-очію, не помогъ ли вамъ мой совѣтъ—помните—отвѣдать поэзіи природы? Для меня-то теперь жизнь, и безъ природы, гдѣ бы то ни было—одна поэма. Сама даже пустилась въ стихотворство—пока только въ переводное, и для образчика вотъ вамъ одно изъ изреченій Лафатера моего перевода: «Отъ умирающихъ—жить, отъ живыхъ—умирать научайся.»

«Впрочемъ, съ этой сентенціей я не совсѣмъ согласна, или, лучше сказать, нахожу ее не вполнѣ точною: жить можно научиться и отъ живыхъ. Пріѣзжайте, посмотрите на насъ и—берите примѣръ. Мы положительно на васъ разсчитываемъ.»

Тонкое чутье женскаго сердца подсказало ей, что отверженный ею черствый эгоистъ, въ отчаяньи, превратился въ заклятаго мизантропа, и, полная своего новаго счастья, она, все уже ему простивъ, сама обратилась къ нему съ словомъ утѣшенія и ободренія...

В. Ав—вичъ.

ДАВНОСТЬ
СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ
ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

—*Е. Карновичъ:* Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига (От. Зап. 1878).
—*В. Ламанскій:* Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ (Братская Помочь, 1876).

Въ послѣдніе годы такъ много говорилось въ нашей литературѣ о «славянской идеѣ» и нашемъ «призваніи» ее осуществить, что многіе не только твердо увѣровали въ это призваніе, но и строго укоряли, даже зло подсмѣивались надъ тѣми, кто обнаруживалъ эту вѣру лишь въ слабой степени или думалъ, что въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи (матеріальномъ, умственномъ и общественномъ) ее осуществить невозможно. Первые признаки этой тенденціи обнаружились еще во время герцеговинскаго возстанія; въ сербскую войну тенденція эта выросла съ отправленіемъ добровольцевъ, допустила потомъ нѣкоторыя сомнѣнія въ нашей общественной готовности къ исполненію призванія, наконецъ, дошла до апогея ко времени объявленія войны, и особенно во время побѣдъ. Намъ не разъ случалось говорить объ этомъ движеніи, и указывать, что̀ въ немъ было сочувственнаго и разумнаго, и что̀ неразумнаго и фантастическаго. Добраго слова отъ нашей воинствующей печати мы не слыхали, но думаемъ еще разъ возвратиться къ тому же предмету, по поводу указанныхъ выше статей.

Положеніе вопроса въ нашей печати было очень странное. Самый вопросъ въ томъ размѣрѣ, какъ онъ теперь изображался (по прежнимъ славянофильскимъ образцамъ), необозримо обширенъ; собственно говоря, это есть ни болѣе, ни менѣе какъ водвореніе новой цивилизаціи, создаваемой славянствомъ, подъ предводительствомъ и ближайшимъ руководствомъ русскаго народа (политическая свобода славянства подразумѣвается). Но воинствующая печать не усумнилась приступить къ разрѣшенію этого вопроса съ самыми умѣренными средствами. Въ самомъ дѣлѣ, если перебрать все, что было написано у насъ по поводу южно-славянскихъ дѣлъ и русско-турецкой войны, то результатъ окажется весьма прискорбный: до сихъ поръ нѣтъ положительно ни одной «книги», которая бы разъясняла дѣло для публики,—лишь нѣсколько, три-четыре, брошюръ, стоющихъ вниманія,—нѣсколько газетныхъ статей, написанныхъ съ знаніемъ южно-славянскихъ отношеній,—нѣсколько журнальныхъ статей; а затѣмъ — безконечная воинственная декламація; безграмотные переводы французскихъ и нѣмецкихъ книгъ о болгарахъ и черногорцахъ; плохія корреспонденціи съ театра войны. Двѣ-три попытки поставить вопросъ во всей широтѣ его значенія относительно нашего общественнаго состоянія, должны были прекратиться.—Могутъ сказать, что совершеніе исторической задачи не нуждается въ литературѣ: книги напишутъ другіе, мы переведемъ ихъ по-аккуратнѣе; а что у насъ не было корреспондентовъ, какъ англійскіе или американскіе, такъ это потому, что наша печать не имѣетъ такихъ громадныхъ денежныхъ средствъ, какими тѣ распоряжались и съ помощью которыхъ могли всюду быть, посылать громадныя телеграммы и т. п. Но въ томъ и дѣло, что безъ широкой и независимой литературы невозможно обойтись для историческаго призванія: литература есть ни болѣе, ни менѣе какъ мѣрка общественной иниціативы, а вопросы, предполагаемые для нашего рѣшенія, таковы, что рѣшить ихъ нѣтъ никакой возможности, когда литература, или общественная иниціатива, — находятся въ томъ положеніи, какъ теперь.

Исторія дѣлается не въ два-три года. Два-три года могутъ привлечь на ту или другую задачу народныя энергіи, могутъ вычеркнуть изъ исторіи что-нибудь отжившее, чему предстояло рухнуть; они могутъ увлечь и ослѣпить современниковъ шумными событіями, громомъ побѣдъ, — но они не устраняютъ медленной работы исторіи, не уничтожатъ удѣльнаго вѣса народовъ, который измѣряется ихъ внутреннимъ развитіемъ, образованностью, и отражается въ литературѣ. Это внутреннее развитіе не замѣняется

и не дѣлается лишнимъ отъ военнаго торжества; мы перешли Балканы, но внутренній быть можетъ остаться тотъ же; въ два года мы освободили болгаръ, но въ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы можемъ потерять тѣ выгоды, тѣ матеріальныя и нравственныя связи, на которыя можемъ разсчитывать для своего политическаго обезпеченія, — потому что и въ матеріальномъ развитіи, и въ образованности насъ могутъ пересилить въ средѣ болгаръ вліянія другихъ народовъ. Можно матеріальной силой уничтожить чужую матеріальную власть и освободить родственное племя; но матеріальная сила ничего не сдѣлаетъ противъ чужихъ умственныхъ и культурныхъ вліяній, которыя могли бы считаться для насъ и для самихъ славянъ разъединяющими и вредными. Съ ними можно бороться только тѣмъ же оружіемъ. Фактъ единоплеменности и единовѣрія даетъ намъ впередъ большое преимущество; но—увы,—его можно потерять. Не говоря о нѣмецкомъ славянствѣ, которому мы до сихъ поръ мало помогли въ этомъ отношеніи, у насъ не одинъ разъ жаловались, что у сербовъ княжества господствуетъ австрійская политика и образованность, что въ самой Черногоріи, этой патріархальной и абсолютно славянской Черногоріи, начинались французскія симпатіи. У болгаръ— намъ предстоитъ сохранить и усилить солидарность, или увидѣть, что она ослабѣваетъ и теряется.

Наша литература, которой предстояло бы объяснять обществу свойство совершавшагося явленія, дошла до такого состоянія, что въ послѣдніе два-три года требовалось доказывать, что изъ-за войны намъ вовсе не слѣдуетъ перестать думать о нашихъ внутреннихъ вопросахъ, что, не говоря о дальнѣйшихъ результатахъ, внутренніе недостатки могутъ роковымъ образомъ отражаться на самой войнѣ, что прочный успѣхъ «историческаго призванія» заключается въ силѣ общественнаго сознанія и самодѣятельности... Воинствующая печать ничего не слушала. Писатель, близко знакомый съ положеніемъ славянскихъ дѣлъ и искренно желавшій освобожденія, рѣшился говорить серьёзно: но онъ долженъ былъ замолчать, и рьяные публицисты, должно быть, этому обрадовались,— потому что его слова и имъ были не по вкусу. Суровый сатирикъ давалъ рядъ мрачныхъ разсказовъ; ихъ читали и не хотѣли понимать. Печать продолжала воинственные клики и диѳирамбы. Она бралась говорить за все общество, за цѣлый народъ,—хотя очень знала, что не имѣетъ на то ни малѣйшаго права, знала, что говоритъ далеко не все, а иногда вовсе не то, что думаетъ общество. Счесть ее за выраженіе лучшихъ мыслей

общества было бы смѣшно. Спорить противъ нея было излишне, а въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и невозможно.

Такимъ образомъ, «славянская идея» очутилась въ рукахъ людей, для которыхъ была вовсе не серьёзнымъ вопросомъ, а поводомъ къ воинственному азарту, которымъ пріобрѣталась выгодная популярность въ толпѣ. Люди, занявшіеся проповѣдью «славянской идеи», часто только теперь узнавали объ ея существованіи, или еще недавно дѣлали изъ нея предметъ для остроумія, или, наконецъ, бывали къ ней абсолютно равнодушны. Теперь она выступала на первый планъ: она была наше знамя; «Европа» (не разбирая того, какая?) была намъ врагъ. Съ претензіей быть глашатаями національнаго принципа, они только и говорили, что о широкихъ политическихъ и національныхъ предметахъ, и обвиняли въ равнодушіи (и, надо было догадываться, въ недостаткѣ патріотизма) тѣхъ, кто настаивалъ на другой сторонѣ дѣла. Надо прибавить, къ сожалѣнію, что люди, издавна изучавшіе славянскій вопросъ, настоящіе славянофилы, не позаботились выдѣлить себя отъ этихъ новоявленныхъ союзниковъ, и своимъ молчаніемъ, или очень неполнымъ выраженіемъ своихъ мыслей, давали поводъ думать о солидарности ихъ съ этими союзниками.

Понятно, что при этомъ отношеніи «литературы» къ предмету, она не могла выяснить его, и дѣйствительно не выяснила ни нашихъ междуславянскихъ отношеній, ни внутренняго основанія нашего общественнаго интереса въ послѣдніе годы, ни потребностей общества, ни нуждъ самаго дѣла. Когда сдѣланы были попытки поставить вопросъ серьёзнымъ образомъ, воинствующая печать предпочла не замѣтить этой постановки, обойти молчаніемъ крупныя возраженія, какія дѣлались ей самой, и все пошло по прежнему. Не мудрено, что людямъ, желавшимъ поставить иную точку зрѣнія, оставалось бросить вопросъ, о которомъ трудно было говорить искренно и серьёзно, или говорить о немъ въ другомъ мѣстѣ.

Это положеніе вещей было, впрочемъ, естественно. При особенныхъ условіяхъ нашей печати всего легче было высказаться именно этимъ, а не другимъ ея элементамъ, воинственному азарту, а не критикѣ, политическимъ фантазіямъ, а не существеннымъ запросамъ времени. Внѣшній успѣхъ воинствующей печати объясняется жгучимъ интересомъ событій; но обиліе писаній въ ея стилѣ свидѣтельствуетъ,—конечно, не о политической серьёзности той доли общества, которой нравятся эти писанія, и которая ихъ производитъ. Масса руководилась непосредствен-

нымъ чувствомъ, инстинктивно понимала серьёзное значеніе событій, искренно сочувствовала лучшимъ сторонамъ дѣла, — но всего скорѣе не углублялась въ теоретическія соображенія своихъ публицистовъ, не думала принимать ихъ слишкомъ серьёзно (какъ предполагаютъ сами публицисты). Мы увѣрены напротивъ, что эти теоретическія соображенія будутъ сданы въ архивъ, какъ только для литературы явится возможность поставить вопросъ съ большею критикой.

Въ послѣднее время намъ пріятно было встрѣтить трудъ, написанный для историческаго разъясненія нашего отношенія къ восточному вопросу и балканскому славянству. Статьи г. Карновича объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига, успѣли уже вызвать весьма недружелюбныя нападенія съ точки зрѣнія распространенной теперь теоріи, но это не мѣшаетъ намъ признать за ними достоинство трезваго отношенія къ предмету, пониманіе котораго у насъ такъ часто затемнялось или искреннимъ, но одностороннимъ идеализмомъ, или (въ послѣднее время гораздо чаще) самодовольнымъ и неискреннимъ фантазерствомъ. Статьи г. Карновича уже подверглись строгимъ осужденіямъ, но критикѣ серьёзной слѣдовало бы увидѣть, что въ нихъ есть нѣчто очень заслуживающее вниманія. Мы, напротивъ, считаемъ ихъ явленіемъ благопріятнымъ, какъ противовѣсъ голословному неискреннему фразерству, которому полагать предѣлъ становится необходимымъ. Наше нынѣшнее участіе къ судьбѣ восточныхъ христіанъ и балканскаго славянства вовсе не нуждается въ поддѣлкѣ исторіи и «національнаго призванія»; эта поддѣлка должна быть разоблачена, потому что сбиваетъ съ толку людей неподготовленныхъ и увеличиваетъ массу фальшивыхъ представленій, которыхъ у насъ и безъ того слишкомъ много въ обращеніи.

Г. Карновичъ начинаетъ съ того, что выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ стойкости «историческихъ задачъ» и «предназначеній». Правда, говоритъ онъ, что иные народы въ теченіи своей исторіи какъ будто оставались вѣрны одному извѣстному направленію; за то у другихъ совершались иной разъ событія, которыхъ никакъ невозможно было бы ожидать по ихъ прошедшему. Съ другой стороны, народныя понятія, т.-е. существенное содержаніе народной жизни, несомнѣнно мѣняются, такъ что на разстояніи нѣсколькихъ поколѣній прежнія «незыблемыя» основанія становятся устарѣлыми, невозможными и затѣмъ дѣйствительно исчезаютъ. Придумать «историческое предназначеніе» не мудрено,

между тѣмъ на дѣлѣ историческій фактъ есть явленіе чрезвычайно сложное, и совокупность событій, вліянія чужихъ народностей, иногда даже отдаленныхъ, развитіе образованности, дѣйствіе внутренняго устройства народа иногда самымъ основательнымъ образомъ измѣняютъ народную жизнь, и даже устраняютъ въ ней то, что казалось необходимѣйшимъ ея качествомъ.

Авторъ излагаетъ эти мысли къ тому, что подобнымъ образомъ представляется ему и то «историческое предназначеніе», по которому Россія считается неизбѣжно призванной къ освобожденію балканскихъ христіанъ. Г. Карновичъ не расположенъ принимать безъ изслѣдованія этотъ историческій фатализмъ, о которомъ такъ долго забывали и теперь только вспомнили. Отвѣтомъ на теорію фатализма могла быть только исторія, и авторъ предпринялъ пересмотрѣть исторически весь ходъ отношеній Россіи съ Турціей, съ тѣхъ поръ какъ пала окончательно византійская имперія, черезъ времена московскаго царства, восемнадцатое и девятнадцатое столѣтіе, до Крымской войны, останавливаясь на войнахъ, дипломатическихъ сношеніяхъ, политическихъ взглядахъ правительства, отчасти, наконецъ, и на литературѣ. Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, не совсѣмъ сошлись съ теоріей фаталистическаго предназначенія. По его взгляду, факты указываютъ напротивъ, что, хотя Россія и была связана въ историческомъ прошедшемъ и въ исповѣданіи съ Греціей и южнымъ славянствомъ, она мало думала объ этомъ предполагаемомъ своемъ призваніи; что въ первое время послѣ взятія Константинополя турками западная Европа гораздо больше носилась съ планами изгнанія турокъ изъ Европы, планами, къ которымъ не приставала Россія; что такимъ образомъ Россія была уже предварена Европой въ «предназначеніи». Авторъ находитъ, что болѣе дѣятельная роль московскаго государства начинается только съ присоединенія Малороссіи, гдѣ восточный вопросъ былъ дѣйствительнымъ, практически необходимымъ вопросомъ, и борьба съ турками и татарами была настоящимъ народнымъ дѣломъ; далѣе, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ и послѣ—войны съ турками не были дѣломъ «предназначенія», а, напротивъ, были связаны съ различными соображеніями европейской политики, чуждыми вопросу, и нерѣдко совершенно имъ подчинялись. Авторъ указываетъ много случаевъ, когда интересы турецкихъ христіанъ бывали совсѣмъ забыты, или когда, какъ въ эпоху греческаго возстанія, Россія прямо держала сторону «законнаго» турецкаго владычества надъ христіанами.

Въ подтвержденіе этихъ положеній приводится длинный рядъ фактовъ, которые и составляютъ главное содержаніе статьи.

Мысли г. Карновича объ историческомъ предназначеніи и весь слѣдующій рядъ его разсужденій вызвали уже,—мало сказать противорѣчіе, опровержение, но настоящее негодованіе. Одинъ изъ нѣсколькихъ критиковъ, возставшихъ на г. Карновича, хотя самъ не хотѣлъ настаивать на историческомъ фатализмѣ, винилъ г. Карновича за допущеніе «случайностей» въ такихъ фактахъ, гдѣ, напротивъ, дѣйствовали очень ясныя историческія условія и сознательная воля народныхъ вождей, и наконецъ съ большой суровостью обличалъ «легкомысленное» отношеніе г. Карновича къ великому дѣлу освобожденія, какъ будто онъ отрицалъ его и какъ будто г. Карновичъ есть какой-нибудь вѣтреный юноша. Съ другой стороны, критики г. Карновича указывали, какъ издавна Русь имѣла тяготѣніе къ Балканскому полуострову, какъ еще во времена язычества тянуло за Дунай Святослава, какъ съ татарскаго нашествія и взятія Константинополя турками въ московскомъ царствѣ возникло очевидное стремленіе бороться съ нашествіемъ невѣрныхъ, какъ издавна московское царство явилось представителемъ восточнаго православія и, слѣдовательно, его естественнымъ защитникомъ, когда бы представилась ко тому возможность; что московское царство не выступало въ XV—XVI вѣкѣ на эту защиту лишь потому, что не имѣло тогда для этого силы, да и занято было борьбой съ ближайшими врагами, между прочимъ съ такими же невѣрными въ ордѣ, господствовавшей надъ Москвою, потомъ въ ордѣ крымской и т. д.

Эти фактическія указанія были сдѣланы г. Костомаровымъ и въ нихъ есть правда; но думаемъ, что если въ изложеніи г. Карновича есть преувеличенія или неполноты, то и сдѣланныя ему возраженія еще не выяснили вопроса.

Прежде всего, какая точка зрѣнія г. Карновича? Онъ не думаетъ ни искать всѣхъ фактовъ сближенія древней Россіи съ Балканскимъ полуостровомъ и съ Византіей, ни отвергать того, что Москва считала себя единственнымъ православнымъ царствомъ, достойнымъ занять въ восточно-православномъ мірѣ первое мѣсто послѣ павшей Византіи; онъ разсматриваетъ лишь то, насколько факты участія Россіи въ освобожденіи турецкихъ христіанъ могутъ подойти подъ понятіе «предназначенія»,—съ чего онъ и началъ. А эта задача очень стóитъ вниманія, потому что вопросъ о «предназначеніи», кромѣ простого смысла философско-исторической теоріи, можетъ получать, и у насъ отчасти въ самомъ дѣлѣ получилъ, смыслъ такъ сказать артикула вѣры. Вы сомнѣ-

ваетесь въ «предназначеніи»,—стало быть, вы холодны къ тому, что совершаетъ теперь русскій народъ и государство, вы охлаждаете національный энтузіазмъ; пожалуй, вы говорите, что надо бы заняться внутренними вопросами,—стало быть, вы дурной патріотъ. Какъ скоро въ настоящихъ событіяхъ мы исполняемъ предназначеніе, только на немъ и должны быть сосредоточены мысли благонамѣреннаго гражданина: говорить о другомъ, отвлекать вниманіе на внутренніе вопросы—значитъ быть холоднымъ къ священному дѣлу и т. п. Почти такія разсужденія можно было читать въ нашихъ изданіяхъ, и для литературы вовсе не было легкомысленной задачей—подвергнуть критикѣ теорію, получающую такія странныя примѣненія, и показать по крайней мѣрѣ, какія ограниченія надо было бы сдѣлать въ ней въ данномъ случаѣ. Да и независимо отъ этихъ толкованій, опредѣленіе вопроса объ участіи Россіи въ освобожденіи турецкихъ христіанъ, и въ частности южнаго славянства, вовсе не такъ просто. Во-первыхъ, «историческое предназначеніе», теоретически, есть предметъ до такой степени спорный, что если г. Карновичъ выставилъ его темноту и неопредѣленность, то этого никакъ нельзя поставить ему въ непозволительное легкомысліе,—какъ тó сдѣлалъ одинъ изъ его критиковъ. Гдѣ та русская исторія, которая бы подробно разработала настоящій вопросъ, такъ чтобы мы имѣли дѣло съ фактами, вполнѣ собранными и выясненными со всѣхъ сторонъ? *Эта* исторія еще не написана. А съ другой стороны, это предназначеніе есть, разумѣется, не единственное въ нашемъ историческомъ существованіи: какія же другія, и какое между ними отношеніе? До сихъ поръ мы все еще колеблемся въ опредѣленіи самыхъ капитальныхъ пунктовъ нашей исторіи; стало быть, колеблемся относительно нашихъ «предназначеній». Давнишній, но доселѣ не истощившійся предметъ подобныхъ колебаній есть Петръ Великій. Почти каждый талантливый русскій историкъ, изучавшій его личность, дѣлалъ свои особенные выводы, ставилъ особенную точку зрѣнія. Сколько разъ люди, считавшіе себя за самыхъ настоящихъ представителей русскаго національнаго начала и судившіе съ «славянской» точки зрѣнія—и люди безспорно даровитые и знающіе,—внушали намъ, что Петръ Великій совершилъ насиліе надъ нашей исторіей, измѣнилъ давнимъ народнымъ преданіямъ, создалъ цѣлый фальшивый историческій періодъ, въ которомъ мы и до сихъ поръ пребываемъ. Что же послѣ этого должно было произойти съ «предназначеніями» старой Россіи? Нечего было бы ожидать исполненія ихъ отъ человѣка, конечно геніальнаго, но сбившагося съ настоящей

русской дороги, вслѣдъ за какими-нибудь шведами и голландцами. — И однако же, какъ далѣе увидимъ, одинъ ученый славистъ, принадлежащій по главнымъ своимъ сочувствіямъ къ этой самой славянофильской категоріи и много изучавшій русско-славянскія отношенія, высказалъ недавно свое заключеніе, что въ славянскомъ вопросѣ Петръ Великій дѣйствовалъ гораздо болѣе въ славянскомъ смыслѣ, чѣмъ какой-нибудь изъ прежнихъ московскихъ царей.

Этотъ примѣръ можетъ показать, что если въ такомъ краеугольномъ вопросѣ, какъ значеніе Петра, оказывались столь сильныя разногласія, то они совершенно дозволительны и въ вопросѣ объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ; что если мы не согласны съ даннымъ рѣшеніемъ, то одно это еще не даетъ намъ права самовольно объявлять его не стоющимъ вниманія: если оно невѣрно, это надо доказать и не иначе какъ съ фактами въ рукахъ. И дѣйствительно, въ парадоксѣ г. Карновича есть истина, которую слѣдовало бы замѣтить.

Первое «предназначеніе» всякаго народа есть забота о собственномъ благосостояніи. Московская Россія понимала это очень хорошо (хотя грубо понимала благосостояніе), и естественно заботилась объ обезпеченіи себя отъ внѣшнихъ враговъ, какими въ тѣ времена были въ особенности татары различныхъ царствъ; и хотя Москва всегда сознавала свою (собственно церковную) солидарность съ православнымъ Востокомъ, идеальное «предназначеніе» зачастую стояло очень на второмъ планѣ. Факты, собираемые г. Карновичемъ, именно это и подтверждаютъ..

Г. Карновичъ, можетъ быть, преувеличиваетъ заботы западной Европы объ освобожденіи балканскихъ христіанъ; ошибается и въ томъ, чтобы эта мысль была принята Россіей отъ западной Европы (хотя самъ онъ справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что она ясно возникла у насъ съ присоединеніемъ Малороссіи, т.-е. когда явились прямыя политическія отношенія къ Турціи). Но и противники г. Карновича неправы, когда слишкомъ мало цѣнятъ эти заботы. Напротивъ, онѣ были довольно основательны, потому что и на Западѣ турокъ очень серьёзно боялись, какъ грозныхъ завоевателей. Ближайшими сосѣдями ихъ въ Европѣ были Польша, Венгрія, нѣмецкая имперія, Далмація, Венеція — и всѣ эти, почти исключительно католическія, земли вынесли самую серьёзную борьбу, которая въ концѣ-концовъ остановила движеніе турокъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Одна доля сербовъ: черногорцы, ускоки, окончательно отбились отъ турокъ, не ожидая помощи отъ Москвы, даже и не думая о ней. Бал-

канское славянство возлагало тогда свои надежды на нѣмецкую имперію, и только позднѣе стало возлагать ихъ на Россію; такъ что если перенестись въ XVI—XVII столѣтія, мы увидѣли бы, что балканское славянство гораздо больше тянуло къ нѣмецкой имперіи, и послѣдняя, пожалуй, могла бы говорить тогда о своемъ предназначеніи спасать турецкихъ христіанъ. Многолюдныя переселенія сербовъ двинулись въ нынѣшнюю южную Австро-Венгрію. Съ тѣхъ поръ нѣмецкая имперія, потомъ Австрія, нынѣ Австро-Венгрія возымѣли идею, что не кто иной, какъ она «призвана» рѣшать дѣла на Востокѣ. Нѣмецкій Drang nach Osten очень желаетъ направиться на Балканскій полуостровъ.

Не гоняясь за мелочами, можно было бы увидѣть, что г. Карновичъ вовсе не отвергаетъ существованія религіозныхъ сочувствій русскаго народа къ православному Востоку, но хочетъ сказать, что эти сочувствія народа вполнѣ подчинены были видамъ правительства, а виды правительства, въ древней и въ новой Россіи, подчинялись множеству политическихъ и иныхъ соображеній, которыя бывали такъ сильны, что иногда вовсе не давали мѣста этимъ сочувствіямъ. Противники г. Карновича сами признаютъ фактъ, что «предназначеніе» оставалось иногда безъ дѣйствія, потому что собственныя условія Россіи не давали ей возможности браться за его осуществленіе. Силу обстоятельствъ, мѣшавшихъ Россіи выполнять задачу освобожденія, мы оцѣнимъ, припомнивъ, что иго балканскихъ христіанъ съ паденія болгарскаго царства продолжалось почти ровно пять столѣтій—половину тысячелѣтія.

Обстоятельства, мѣшавшія осуществленію задачи, были не только внѣшнія, но и внутреннія. Турція была сильна до XVIII вѣка; потомъ, изъ ревности къ Россіи, ее начинаетъ защищать западная Европа: Австрія, Франція, Англія. Это могло бы объяснять, почему замедлялось исполненіе «предназначенія»; но мы видимъ, что и въ то время, когда Россія была могущественна и руки ея были свободны, освободительная задача вовсе не составляла особеннаго попеченія русской политики. Прослѣдивъ историческій ходъ событій, войнъ и дипломатическихъ комбинацій, г. Карновичъ находитъ, что освобожденіе христіанъ почти всегда бывало лишь аксессуаромъ, а не основной цѣлью русской политики; что бывали даже цѣлые періоды, какъ, напр., времена Елизаветы, когда объ этомъ освобожденіи почти совсѣмъ и не думали, несмотря на представленія мѣстныхъ русскихъ агентовъ,—извѣстно, между тѣмъ, что правленіе Елизаветы обыкновенно считается у насъ торжествомъ русскихъ партій и русскаго направленія надъ

нѣмецкими. Могло ли такъ быть съ задачей, составляющей специальное «призваніе?»

Еще мудренѣе становится вопросъ, если расчленить восточный вопросъ на два его отдѣла, которые постоянно смѣшиваются. Наши національныя отношенія, или наше «предназначеніе» имѣетъ сторону религіозную и сторону племенную. Одни говорятъ больше о единовѣріи, другіе о единоплеменности и славянскомъ братствѣ. Очевидно, что хотя огромное большинство балканскихъ славянъ принадлежитъ къ православію, эти задачи не совсѣмъ похожи; одно есть дѣло религіознаго принципа, другое—племенного чувства. Чтó же изъ двухъ было руководящимъ? Въ старыя времена, когда являлись планы воевать съ Турціей, она представлялась вообще какъ царство агарянское, невѣрное, какъ врагъ христіанства, и въ числѣ цѣлей войны предвидѣлось облегченіе ига для христіанъ. Въ народныхъ массахъ, когда доходили до нихъ темныя вѣсти объ идущей войнѣ, это и было единственное представленіе о дѣлѣ: по слухамъ и остаткамъ старыхъ воспоминаній, знали о тяжеломъ угнетеніи христіанъ, о свирѣпости турокъ. Славяне, можно сказать, были совершенно неизвѣстны, ни народу, ни даже образованнымъ людямъ «общества». Г. Карновичъ собралъ рядъ дипломатическихъ фактовъ прошлаго столѣтія, изъ которыхъ видно, что въ понятіяхъ самого правительства дѣло шло гораздо больше, напр., о грекахъ и румунахъ, чѣмъ о болгарахъ или сербахъ. Въ литературѣ прошлаго вѣка, въ торжественныхъ одахъ, прославлявшихъ войны и побѣды, говорится объ укрощеніи чалмоносной Порты, о славѣ русскаго оружія, но не говорится, или только случайно упоминается объ освобожденіи христіанъ, а специально о балканскихъ славянахъ не говорится вовсе. Даже Ломоносовъ, самый сильный умъ нашей литературы прошлаго вѣка, считаемый обыкновенно и за самый русскій умъ ея, въ поэтическихъ выраженіяхъ своего патріотизма и національнаго чувства ни словомъ не упоминаетъ о томъ славянскомъ братствѣ, съ которымъ носится теперь всякій фельетонистъ, даже вчерашній «отрицатель». Послѣ Петра Великаго, времена Екатерины были вершиной русской славы, образованности, могущества. Можно было бы думать, что въ эту пору военныхъ и политическихъ подвиговъ, смѣлыхъ законодательныхъ предпріятій, литературной выставки, въ пору самаго шумливаго заявленія русскихъ силъ и русскихъ плановъ, должно было высказаться «призваніе» Россіи освободить своихъ единовѣрныхъ и особливо единоплеменныхъ братьевъ Балканскаго полуострова. На дѣлѣ происходитъ не совсѣмъ то. Турцію уже собирались

подѣлить, но на ея мѣстѣ, по идеямъ знаменитаго «греческаго проекта», должна была воскреснуть византійская имперія: еслибъ она состоялась, наши славянскіе братья на югѣ были бы вовсе не рады ей; напротивъ, она стала бы для нихъ еще горшимъ угнетеніемъ и навѣрно предметомъ ненависти. Что мысль о византійской имперіи возникла не оттого, что авторы ея сознавали или угадывали «предназначеніе», это едвали подлежитъ какому-нибудь сомнѣнію. Опытный знатокъ русской исторіи, г. Соловьевъ, высказалъ предположеніе, трудно опровержимое, какъ бы оно ни казалось намъ страннымъ: «едвали не первый Вольтеръ,—говоритъ онъ,—сталъ толковать, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить и вовсоздать отечество Софокла и Алкивіада». Руководители Россіи въ тѣ времена были beaux-esprits, думали по французской философіи и псевдо-классической литературѣ: Константинополь напоминалъ имъ только Византію и Грецію, а съ именемъ Греціи въ ихъ умахъ вставали не настоящіе греки (эти были вовсе непривлекательны, они—необузданные разбойники, и только), а греки временъ Перикла. Въ византійской имперіи не думали искать единоплеменниковъ, имѣли весьма слабое представленіе о болгарахъ,—не особенно старались и узнать ихъ,—но увлекались смѣлыми планами, фантастической театральной стороной дѣла и готовили запасное царство pour un cadet de la maison.

Партизаны «предназначенія» найдутъ, пожалуй, для этого и многихъ другихъ подобныхъ фактовъ одно изъ тѣхъ изворотливыхъ объясненій, къ какимъ у насъ стали обыкновенно прибѣгать, чтобы не взглянуть прямо на настоящую правду. Скажутъ, что—да, руководители подчинились тогда чуждой намъ образованности, оторвались отъ народа, но что-де, въ сущности, они все-таки повиновались тому глубокому стремленію, которое «таилось въ нѣдрахъ» народнаго духа, такъ что и среди заблужденій они въ главномъ все-таки стремились къ выполненію народной задачи и т. д. и т. д.

Признаемся, эти ссылки на нѣдра и тайники народнаго духа становятся, наконецъ, противны. Чтобы говорить о нихъ, нужно получить на то право; дать его можетъ только одно — изученіе, историческое и бытовое знаніе народной жизни, соединенное съ искреннимъ желаніемъ народнаго блага. Но когда отъ имени народа начинаетъ говорить не только невинный національный мечтатель, но наконецъ всякій встрѣчный, иной разъ даже завѣдомый обскурантъ, это — злоупотребленіе, столь же мало привлекательное и убѣдительное, какъ благочестивая про-

повѣдь въ устахъ человѣка, завѣдомо нерелигіознаго. Къ сожалѣнію, это лицемѣріе чрезвычайно распространяется у насъ въ послѣднее время. Гдѣ знають народъ эти самозванные выразители его «духа»? какъ доходили до нихъ его настоящія мысли? Народъ жертвовалъ свои копѣйки на сербовъ, на «Красный Крестъ»; поймите это, какъ его религіозное побужденіе, какъ движеніе его патріотическаго чувства,—но не злоупотребляйте народнымъ именемъ въ политиканской болтовнѣ, не утверждайте, что народъ только и ждетъ, чтобы идти на западную Европу, на Англію, на Индію. Народъ не имѣетъ никакихъ органовъ для выраженія своихъ мыслей,—и кто знаетъ, что сказалъ бы онъ, еслибъ его спросили объ его дѣйствительныхъ желаніяхъ. Быть можетъ, онъ пожелалъ бы свободы единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, но очень можетъ быть, что рядомъ съ этимъ онъ пожелалъ бы для себя, какъ желалъ въ концѣ XVII столѣтія, избавленія отъ той или отъ другой «волокиты». Нашимъ воинственнымъ публицистамъ, кажется, выгоднѣе и безопаснѣе умалчивать о послѣднемъ. Отчего эти народолюбцы не разскажуть намъ народныхъ мыслей о другихъ предметахъ, касающихся непосредственно его собственной жизни?

Ссылки на народъ въ подобныхъ случаяхъ фальшивы и лицемѣрны еще въ другомъ отношеніи. Голосъ народа можетъ требовать себѣ великаго уваженія; его чувство въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ далеко превышать своей искренностью другую среду, въ которой мы живемъ,—среду, исполненную общественнаго лицемѣрія. Но, къ сожалѣнію, народъ до послѣдней степени бѣденъ знаніями; ссылаться на него въ недоступныхъ для него предметахъ, значитъ—непозволительно лицемѣрить. Правдивѣе было бы признать эту бѣдность знаній, и говорить въ защиту его школы, которая находится вовсе не въ цвѣтущемъ состояніи,—затѣмъ ссылаться на него лишь тогда, когда ему даны будутъ хоть небольшія свѣдѣнія о предметѣ. Сама литература должна бы сознать свое положеніе, и народолюбивые публицисты поступили бы честнѣе, если бы признали фактъ, что литература не выражаетъ всѣхъ сторонъ общественнаго мнѣнія...

Возвращаемся къ «предназначенію». Г-нъ Карновичъ слѣдитъ далѣе за ходомъ славянскаго вопроса и вопроса о турецкихъ христіанахъ въ теченіи первой половины нынѣшняго вѣка, и приходитъ къ тому же выводу. Ни турецкія войны Россіи за это время, ни ея дипломатическая дѣятельность, по его мнѣнію, не были руководимы «предназначеніемъ»; напротивъ, интересы турецкаго христіанства, а особенно славянства, играли роль второ-

степенную и подвергались большимъ случайностямъ. При Александрѣ I, въ турецкой имперіи два раза поднималось сильное движеніе: сербское и греческое востанія. По поводу перваго, Россія сначала отказала сербамъ, искавшимъ ея покровительства, и вошла въ ея интересы только когда сама была вынуждена къ войнѣ съ Турціею. Въ 1811 и 1812 годахъ было обращено вниманіе на Сербію, отъ которой можно было ждать выгодной диверсіи противъ турокъ,—Чичагову представилась перспектива обширнаго славянскаго возстанія,—но его мечты не осуществились. О болѣе отдаленныхъ сербскихъ краяхъ и о Черногоріи, съ которой вступилъ въ сношенія впервые Петръ-Великій, въ Россіи вовсе не думали. На Вѣнскомъ конгрессѣ Черногоріи оказано было такъ мало покровительства, что она должна была отдать Австріи Боку-Которскую, единственный приморскій пунктъ, какой имѣла; эта потеря была настоящимъ бѣдствіемъ для Черногоріи, которая опять осуждена была заключиться въ безплодныхъ скалахъ и только теперь снова пробилась къ морскому берегу (останется ли онъ теперь за ней?). Началось потомъ греческое востаніе: Греція исполнилась воинственнаго энтузіазма, совершала геройскіе подвиги въ борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ,—не было лучшаго повода для того, чтобы обнаружить «предназначеніе». Но случилось не такъ: несмотря на всѣ просьбы грековъ, на общественное мнѣніе въ Европѣ, императоръ Александръ строго осудилъ возстаніе по принципамъ «священнаго союза». Во второй четверти нынѣшняго вѣка эта несправедливость къ Греціи была покрыта Россіей, оказано покровительство Молдавіи, Сербіи, но о другихъ славянскихъ народахъ Европейской Турціи въ договорахъ опять не было сказано ничего.

Съ XVIII-го вѣка, при войнахъ съ Турціей, правда, начинаютъ разсчитывать на единоплеменниковъ, но это бывало именно только военнымъ разсчетомъ благопріятныхъ обстоятельствъ, а не исполненіемъ «призванія». Только встрѣчаясь съ единоплеменниками и единовѣрцами, мы узнавали объ ихъ существованіи, и о томъ, что есть возможность найти въ нихъ преданныхъ союзниковъ: балканскіе славяне сами заявляли намъ о единоплеменности и единовѣріи, высказывали свои сочувствія,—страшное иго заставляло ихъ искать помощи; они обращались къ русской власти съ описаніями своего положенія и съ просьбами. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эти просьбы и моленія принимались всегда съ тѣмъ участіемъ, котораго заслуживали.

Первая, нѣсколько сознательная идея о племенной солидар-

ности является только съ нынѣшняго столѣтія. Въ томъ положеніи, въ какомъ издавна находилась русская жизнь, политическія событія и комбинаціи оставались недоступны какимъ-нибудь вліяніямъ и дѣятельнымъ сочувствіямъ общества: высшія политическія событія составляли исключительное дѣло власти; для политическихъ и національныхъ предметовъ было свое вѣдомство, обезпеченное отъ всякаго частнаго вмѣшательства, — общество могло только заявлять свою покорность и поставлять піитовъ для торжественныхъ одъ. Когда впервые зародилась у насъ мысль о славянской солидарности, эта мысль явилась въ тайномъ обществѣ. Это были масонская ложа «Соединенныхъ Славянъ» и тайное общество того же имени. Не знаемъ, дѣлалось ли въ масонской ложѣ что-нибудь, чтó бы соотвѣтствовало ея названію; но тайное общество выработало свою національно-политическую теорію. Члены его были первые панслависты и славянофилы въ Россіи, и юность его идей о славянскихъ дѣлахъ обнаруживалась въ томъ, что оно мечтало о федераціи славянскихъ «республикъ». Общество исчезло въ процессѣ декабристовъ. Общество было «тайное» не потому только, что его «республиканскія» идеи сами-по-себѣ не могли быть высказываемы явно, но и потому, что идея славянства въ тѣ времена вовсе не могла ожидать себѣ одобренія изъ оффиціальныхъ сферъ. Что это дѣйствительно такъ было, — обнаружилось весьма печальнымъ образомъ и много позднѣе, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, когда подверглось гоненію совершенно невинное «кирилло-меѳодіевское» общество, идеалистически мечтавшее о братскомъ панславянскомъ союзѣ. Въ промежуткѣ явились славянофилы. Ихъ теорія, находившіяся въ тѣсномъ союзѣ съ теологіей и оффиціальной народностью, были еще невиннѣе; но, какъ извѣстно, и на нихъ въ оффиціальной сферѣ смотрѣли не весьма благопріятно.

Какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ изъ исторіи не выкинешь факта. Былъ фактъ, что славянскимъ сочувствіямъ, возникавшимъ въ обществѣ самостоятельно, въ жизни не было мѣста; мы переживали этотъ фактъ и — сказать ли правду? — мы еще его не пережили.

Но откуда же громадныя событія? — спросятъ насъ: — откуда война? откуда великое одушевленіе, съ какимъ она была встрѣчена и велась? Объ этомъ далѣе.

Первые славянофилы были гораздо правдивѣе нынѣшнихъ славянолюбивыхъ публицистовъ. Они также настаивали, по Ге-

телю, на «предназначеніи» — въ то время принимались, что народы, вступая въ исторію, получали отъ кого-то свою особую задачу, какъ ученикъ въ школѣ урокъ; но славянофилы видѣли очень хорошо, что если нашей задачей было славянское единеніе, — эта задача очень плохо исполнялась не только въ прошломъ, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи, и объясняли это своей теоріей о петербургскомъ періодѣ, объ измѣнѣ національнымъ началамъ со времени Петра. Когда они писали, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, эти тэмы, разумѣется, не возникали въ той формѣ, какъ теперь; но еслибъ имъ случилось объяснять, какимъ образомъ петербургскій періодъ, измѣнивши старымъ преданіямъ, забывалъ о славянствѣ,— они, кажется, привели бы тѣ же самые факты, какіе собралъ теперь г. Карновичъ за прошлое столѣтіе и первую половину нынѣшняго.

Недавно тэму этихъ отношеній Россіи къ восточному вопросу излагалъ г. Ламанскій въ статьѣ: «Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ» —которую, между прочимъ, г. Карновичу слѣдовало бы принять въ соображеніе.

Взгляды г. Ламанскаго довольно извѣстны; въ этой статьѣ онъ даетъ имъ историческое примѣненіе, въ которомъ есть мысли справедливыя, хотя мало развитыя, но есть и преувеличенія. Авторъ примыкаетъ къ старымъ славянофильскимъ теоріямъ объ особенной цивилизаціи, которую должно создать славянство, но въ настоящемъ случаѣ исходитъ не изъ отвлеченной теоріи «предназначенія», а изъ одного соображенія, чисто-практическаго, и изъ фактовъ историческихъ—чтó гораздо проще, понятнѣе и вѣрнѣе. Существованіе Россіи полезно славянамъ и обратно въ политическомъ отношеніи: для славянъ есть моральная опора, которая поддерживаетъ ихъ въ борьбѣ съ гнетомъ иноплеменнымъ и иногда бываетъ опорой матеріальной; политическое значеніе Россіи было бы иное, если бы на сосѣднемъ западѣ и юго-западѣ не было многочисленнаго племени, въ которомъ Европа предполагаетъ, и не безъ основанія, бóльшую или меньшую солидарность съ русскимъ государствомъ, которая въ нѣсколькихъ случаяхъ дѣйствительно проявилась на дѣлѣ. Фактъ историческій, связывающій Россію съ восточнымъ вопросомъ, состоитъ въ томъ, что послѣ паденія Константинополя, у восточно-христіанскихъ народовъ возникла, въ XV—XVI столѣтіи, *фикція* о перенесеніи христіанской имперіи изъ павшей Византіи въ свободное православное царство, какимъ въ то время была Москва,—фикція,

подобная той, какая въ IX—X вѣкѣ возникла у западныхъ народовъ, о перенесеніи имперіи отъ римляно-грековъ къ франкамъ, а потомъ къ нѣмцамъ. Основаніе ея лежало въ широко-распространенномъ популярномъ убѣжденіи тѣхъ временъ, что христіанское царство, утвержденное со временъ Константина, будетъ существовать до скончанія вѣка, и что всѣ отдѣльные христіанскіе народы, хотя распадаются на разныя владѣнія съ своими государями, составляютъ одинъ общій союзъ: глава этого союза есть сильнѣйшій христіанскій царь, римскій или византійскій императоръ, который есть и первый представитель христіанскаго (православнаго) міра. Эта фикція, съ одной стороны, была выстроена на восточномъ патріархально-монархическомъ представленіи народныхъ массъ, которымъ солидарность христіанскаго міра была понятна только подъ формой единаго царства, на которое переносились священные аттрибуты православной державы; съ другой стороны, это была настоящая легенда, гдѣ простодушная политика одѣлась въ чудеса и предсказанія [1]).

Существованіе этой фикціи не подлежитъ сомнѣнію. Вѣрно и то, что послѣ паденія греческаго царства православному Востоку некуда было больше пріурочить ее, какъ къ Москвѣ, которая именно съ этихъ поръ стала болѣе и болѣе возвышаться политически. Въ Москву потянулись греческіе и южно-славянскіе «богомольцы»—съ жалобами на свои бѣдствія, съ прошеніями о милостынѣ, которыя иной разъ превращались и въ простой промыселъ, такъ что сама благочестивая Москва подъ конецъ поохладѣла къ этимъ пришельцамъ. Тѣмъ не менѣе, безъ сомнѣнія, именно изъ этого источника произошла большая доля того высокаго мнѣнія, какое возымѣли русскіе люди того времени о своемъ царствѣ, его превосходствѣ надъ всѣми другими царствами; религіозная нетерпимость и недостатокъ образованія усилили это самомнѣніе, прибавили къ этому крайнюю вражду ко всему иноземному.

Г-нъ Ламанскій думаетъ, что Москва и дѣйствительно исполнила ту задачу, какая налагалась на нее этой фикціей. «Москва понимала выпавшую ей роль, не отрекалась и не отчуралась отъ своего историческаго призванія, смѣло и открыто заявляла, ни передъ кѣмъ не извиняясь и не расшаркиваясь, о своихъ сочувствіяхъ къ порабощеннымъ единовѣрцамъ и соплеменникамъ, по

---

[1]) Въ нашей литературѣ мы можемъ указать любопытныя изслѣдованія г. Веселовскаго о восточной и западной императорской легендѣ въ разборѣ древнихъ предсказаній Меѳодія Патарскаго.

мѣрѣ своихъ силъ, нѐ оглядываясь по сторонамъ и не испрашивая ничьего на то разрѣшенія, братски и мужественно содѣйствовала облегченію участи турецкихъ христіанъ». Это послѣднее не совсѣмъ точно; и у г. Карновича именно приведены указанія, что и Москва, по-своему, въ стилѣ XVI и XVII вѣка, извинялась и расшаркивалась, между прочимъ заявляя о своей вѣчной любви къ турецкому султану. Но дѣйствительно, въ обыкновенныхъ представленіяхъ было въ то время больше простоты: турки и для народной массы, и для правительственныхъ людей были одинаково нехристи и божеское насланіе за грѣхи; надо только прибавить, что почти не меньшими нехристями казалась Москвѣ вся западная Европа.

Переходя ко временамъ Петра Великаго, авторъ существенно отступаетъ отъ обычныхъ взглядовъ своей старой школы; онъ не только не считаетъ Петра отщепенцемъ и нарушителемъ національнаго преданія, но желаетъ даже обратить Петра противъ тѣхъ, кто были почитателями его дѣла. Петръ Великій есть прямой преемникъ старой Москвы, въ славянскихъ отношеніяхъ лучшій выразитель русской идеи. По словамъ автора, мысль о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, о перенесеніи христіанскаго царства отъ грековъ къ русскимъ вовсе не была вымысломъ и кичливостью Москвы. Напротивъ. «Это была гигантская, культурная и политическая задача, всемірно-историческій подвигъ, мысленно возложенный милліонами единовѣрцевъ и соплеменниковъ на великій русскій народъ и его державныхъ вождей. То, что Москва умѣла понять величіе этой идеи (но въ этомъ-то и есть еще сомнѣніе, хорошо ли она его поняла), всего лучше говоритъ противъ ея косности и національной исключительности. Только великіе, всемірно-историческіе народы способны откликаться на міровыя задачи, воспринимать вселенскія идеи и отдаваться ихъ осуществленію. Эта великая идея завѣщана была Москвою и новому періоду русской исторіи. Она всецѣло была принята Петромъ Великимъ. И въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ царствованія Петръ энергически поддерживалъ и укрѣплялъ, завязывалъ и распространялъ связи Россіи какъ со всѣми единовѣрными, такъ и западно-славянскими народностями и землями. Со времени императора Мануила Комнина не было на востокѣ царя, болѣе энергическаго и смѣлаго въ этомъ отношеніи (въ *этомъ* отношеніи?), какъ и въ національныхъ движеніяхъ славянства послѣ гуситовъ никто еще, кромѣ Петра, не выступалъ такъ открыто въ смыслѣ самаго рѣшительнаго панславизма. Къ мысли о Цареградѣ въ русскихъ рукахъ часто

обращался дѣятельный умъ Петра... Противники восточно-христіанской и всеславянской миссіи Россіи напрасно корятъ Москву за національную исключительность и отсутствіе всякихъ общихъ идей. Еще менѣе они имѣютъ права прикрываться въ этомъ случаѣ могучимъ образомъ Петра. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ былъ истымъ сыномъ своего народа, московской Россіи, отъ которой наслѣдовалъ вѣру въ міродержавную миссію, всемірно-историческую задачу русскаго народа».

Мы привели это мѣсто какъ любопытный образчикъ того, какъ преобразуются теперь идеи славянофильства. Этотъ взглядъ во всякомъ случаѣ вѣрнѣе, чѣмъ прежняя славянофильская вражда къ Петру и реформѣ. Но все это было бы прекрасно, если бы было доказано и поставлено въ должные предѣлы. Во-первыхъ, двухъ-трехъ отрывочныхъ цитатъ, безъ связи съ предыдущими и послѣдующими фактами, недовольно, чтобы утверждать, что Москва умѣла понять «вселенскую» идею о великомъ, христіанскомъ и всеславянскомъ царствѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, до болѣе обстоятельныхъ доказательствъ, этого не видимъ. Москва дѣйствительно носилась съ византійскимъ преемствомъ, дѣлала изъ этого предметъ именно «кичливости», превратила царскую власть въ восточный, полу-теократическій деспотизмъ, но не видимъ, чтобы она стояла на высотѣ всемірной задачи и дѣйствительнаго постиженія всеславянскаго вопроса. Въ послѣднее время множество разъ вспоминали знаменитаго и, кажется, очень несчастнаго Крижанича. Вотъ дѣйствительный панславистъ, въ томъ стилѣ, въ какомъ изображаетъ всеславянскій вопросъ г. Ламанскій: но что́ же значитъ судьба этого Крижанича, который съ своими, истинно-замѣчательными для своего времени проектами и предвидѣніями, заслужилъ только Сибирь?

Намъ пріятно было встрѣтить перемѣну взгляда на Петра у писателя, который такъ настойчиво напоминаетъ о своей солидарности съ Хомяковымъ, Кирѣевскими и проч. Но пока, его отзывы остаются голословны. Петръ Великій былъ въ самомъ дѣлѣ истымъ сыномъ своего *народа,* но не старой Москвы. Недаромъ онъ ее не любилъ, не даромъ ее бросилъ, не даромъ свирѣпствовалъ противъ ея крайнихъ защитниковъ и глумился надъ ея теократическими преданіями. Этого послѣдняго факта нельзя вычеркнуть изъ исторіи Петра, и единственное объясненіе его въ томъ, что Москва не казалась Петру настоящимъ и полнымъ выраженіемъ русскаго народа. Она и дѣйствительно не была таковымъ. Въ концѣ семнадцатаго вѣка созрѣвалъ Петръ, а въ концѣ шестнадцатаго вѣка довершалось объединеніе Руси,

средствомъ котораго было не органическое сліяніе, воспринятіе мѣстныхъ элементовъ, но насиліе и истребленіе. Кто разсчитаетъ, какія неуловимыя стихіи національной жизни возстановили Петра противъ Москвы, ея дьяческихъ, дьячковскихъ и стрѣльцовскихъ средствъ и орудій?

Повѣримъ на слово г. Ламанскому, что Петръ выступилъ въ смыслѣ самаго рѣшительнаго панславизма и отъ Москвы унаслѣдовалъ всемірно-историческую задачу русскаго народа. Но бываютъ случаи, когда одна идея, поставленная инымъ образомъ, перестаетъ быть сама собой и становится другою идеею. Въ томъ и дѣло, что Петръ *совершенно иначе* поставилъ «унаслѣдованную» историческую задачу русскаго народа. Думая о всемірной задачѣ, онъ двинулся все-таки не къ Царьграду, а къ Балтійскому морю, учился не по греческимъ книгамъ, а въ практической школѣ европейскихъ знаній, военныхъ, гражданскихъ и научно-литературныхъ. Этимъ Петръ и далъ «идеѣ» совершенно иной видъ, такъ что назвать его прямымъ продолжателемъ Москвы нѣтъ никакой возможности. Для рѣшенія или поднятія всемірно-историческихъ задачъ вовсе не достаточно одного инстинкта, или даже нѣсколько яснаго сознанія о предметѣ: нужно имѣть еще средства—военныя, гражданскія и научно-литературныя. Петръ очень хорошо понялъ, что этихъ средствъ не имѣется въ старой Москвѣ. Началась новая жизнь,—а съ ней и старая идея неизбѣжно должна была получить иной характеръ. Какъ ни недостаточна, неполна постановка этого вопроса въ настоящее время, она, сравнительно съ XVI—XVII-мъ вѣкомъ, совсѣмъ иная.

Г-нъ Ламанскій не даетъ послѣдовательнаго обзора русско-славянскихъ отношеній, и послѣ Петра отчасти останавливается только на временахъ императора Александра. Его точка зрѣнія на эти времена не совсѣмъ та, какъ въ трактатѣ г. Первольфа: «Императоръ Александръ I и Славяне» (въ Др. и Новой Россіи, 1878). Послѣднему русско-славянскія отношенія этого періода представляются въ довольно розовомъ цвѣтѣ; г. Ламанскій думаетъ объ этомъ, повидимому, совсѣмъ иначе.

Въ войнахъ первой половины царствованія императора Александра I-го русскимъ случилось встрѣтиться съ балканскими и адріатическими единоплеменниками и увидѣть во-очію тѣ симпатіи, съ какими эти единоплеменники относились къ русскому народу, тѣ надежды, какія они возлагали на него для своего освобожденія. Офицеръ русскаго флота, дѣйствовавшаго въ Адріатическомъ морѣ, Броневскій, прошедшій послѣ съ своей командой сухимъ путемъ отъ Тріеста въ Россію, оставилъ любопытныя

записки, гдѣ изложилъ свои наблюденія и впечатлѣнія — онѣ имѣли уже чисто-панславистическій характеръ. Выше мы упоминали о Чичаговѣ, который по указаніямъ изъ Петербурга составилъ-было цѣлый планъ славянскаго возстанія и союза. Во второй половинѣ царствованія, въ періодъ тайныхъ обществъ, общество «Соединенныхъ Славянъ» возымѣло идею о славянской «республиканской» федераціи. Г-нъ Ламанскій отдаетъ справедливость ихъ интересу и благимъ намѣреніямъ, но находитъ очень неудовлетворительными всѣ эти и частные, и полу-оффиціальные проекты славянскаго освобожденія.

«И Броневскій, — говоритъ онъ, — и такъ называвшіеся соединенные славяне, и адмиралъ Чичаговъ, при составленіи своихъ проектовъ объ устройствѣ быта южныхъ и западныхъ славянъ, повидимому, и не подозрѣвали необходимости *предварительнаго опроса* населеній, коихъ хотѣли облагодѣтельствовать, относительно ихъ главныхъ нуждъ, желаній. Этимъ попечителямъ славянъ не приводилось вовсе задуматься надъ внутреннимъ значеніемъ историческихъ явленій и учрежденій, которыя привели и держали славянъ въ печальномъ состояніи внѣшняго и духовнаго рабства. Уму этихъ русскихъ друзей-славянъ и не представлялось даже вопроса: новыя, вызываемыя ими для славянъ формы жизни и учрежденія какого духа и характера? въ какой степени сама Россія и ея образованное общество могли быть названы самобытными, независимыми, *славянскими?* Всѣ эти легко задуманные планы освобожденія южныхъ и западныхъ славянъ не могли и по другимъ причинамъ имѣть какой-либо практическій успѣхъ. Безъ помощниковъ и сотрудниковъ изъ среды самихъ славянъ русскіе образованные люди, *еслибъ даже* ихъ въ то время было много, ничего не могли бы подѣлать».

Безъ всякаго сомнѣнія, ничего не могли бы подѣлать, потому-что встрѣтили бы могущественныхъ противниковъ въ русскихъ друзьяхъ Меттерниха. Собственно говоря, эти проекты не заслуживаютъ и не требуютъ критики: въ настоящее время намъ слишкомъ ясна ихъ несостоятельность. Но они очень любопытны, какъ первые образчики возникавшаго и у насъ «панславизма». Г-нъ Ламанскій приводитъ въ доказательство ихъ неисполнимости то обстоятельство, что само русское общество не могло тогда назваться свободнымъ и «славянскимъ». Первое понятно, но относительно второго мы не совсѣмъ понимаемъ, чтó хотѣлъ сказать авторъ. Пусть когда-нибудь авторы этого направленія скажутъ ясно, чтò же нужно, чтобы общество можно было назвать славянскимъ. Гдѣ

образчики свободнаго славянскаго общества въ нашей исторіи? Неужели опять въ Москвѣ XVI вѣка?

Что касается «предварительнаго опроса», необходимость его, кажется, далеко не всѣмъ ясна и въ настоящее время. Времена императора Александра и слѣдующаго царствованія не представляли благопріятныхъ условій для уразумѣнія вопроса. (Здѣсь г. Ламанскій опять сходится съ г. Карновичемъ въ признаніи факта, хотя по-своему его истолковываетъ). По его словамъ, съ 1815 года у насъ получаютъ рѣшительное преобладаніе два направленія, или, въ сущности, одно, съ двумя развѣтвленіями, консервативнымъ и либеральнымъ. По воззрѣнію обоихъ направленій, призваніе и задача Россіи состоятъ въ усвоеніи европейской цивилизаціи, какъ единственной общечеловѣческой. «Все русское, непохожее на европейское, должно быть устранено и уничтожено, какъ не европейское, а азіатское, или, по меньшей мѣрѣ, византійское». Консервативная вѣтвь этого направленія, за которую была сила и гдѣ главную интеллигенцію составляли остзейцы, —говоритъ г. Ламанскій,—считала Россію обязанной сохранять тишину и спокойствіе въ Европѣ; высшимъ оракуломъ ея былъ Меттернихъ. Главнымъ врагомъ ея былъ французскій либерализмъ, такъ-называемыя тлетворныя начала.

«Либеральной сторонѣ этого направленія сочувствовало все лучшее образованное русское общество. Къ ея дѣятелямъ принадлежали всѣ лучшіе русскіе умы и таланты, всѣ блестящіе представители русской литературы 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ. Враждебные нашимъ консерваторамъ, эти русскіе либералы-европейцы относились къ либеральной Европѣ съ такою же вѣрой въ ея умственную непогрѣшимость и нравственную высоту, съ какою ихъ консервативные противники поклонялись Европѣ консервативной» и т. д.

Очевидно, это сопоставленіе не должно особенно льстить либеральному направленію, и должно карать ихъ оба. Оба они были чужды и всякому славянскому интересу. Настоящія русскія и славянскія начала, по мнѣнію автора, были открыты Хомяковымъ, Кирѣевскими и К. Аксаковымъ, которые «начинаютъ обличать недостатки и пороки русской новѣйшей образованности, ея внутреннюю несамостоятельность, ея безсиліе» и т. д. Съ этихъ только поръ и открывается возможность понять нашу всемірно-историческую задачу и славянскій вопросъ.

Не будемъ останавливаться долго на предметѣ, о которомъ много разъ намъ случалось говорить. Довольно замѣтить, что если бы составить инвентарь нашихъ умственныхъ и обществен-

ныхъ пріобрѣтеній, то безъ сомнѣнія бо́льшую ихъ часть должно будетъ приписать именно трудамъ людей либеральнаго направленія. Не довольно выловить двѣ-три преувеличенныя фразы, сказанныя въ спорѣ, чтобы опредѣлить ихъ мысли такъ, какъ дѣлаетъ г. Ламанскій. Распространить и на этихъ людей такія мнѣнія, что будто бы «все русское, не похожее на европейское, должно быть устранено и уничтожено» и т. д., есть просто фальшь. Но люди этого направленія (въ 40-хъ годахъ, и послѣ, до настоящаго времени) дѣйствительно настаивали на уваженіи въ европейской наукѣ, потому-что наша наука была еще крайне слаба и ей не подобало высокомѣріе, какъ, по нашему мнѣнію, не подобаетъ (огромному большинству нашихъ ея служителей) и до-сихъ-поръ, потому-что истинной, вполнѣ независимой науки мы не имѣемъ и до-сихъ-поръ. Люди того направленія учили и тому, что многіе наши распорядки несовершенны, а многіе и совсѣмъ дурны; и случалось, что болѣе совершенныя общественныя формы они указывали въ западной жизни—но указывали чисто-теоретически, какъ предметъ для размышленія, а вовсе не какъ непремѣнный образецъ. Такъ они (параллельно съ славянофилами) думали о необходимости уничтоженія крѣпостного права, такъ смотрѣли на разныя формы администраціи, суда, печати, школы и т. д. Когда, въ послѣднія два десятилѣтія въ нашей жизни предприняты были реформы,—надъ опредѣленіемъ этихъ реформъ много и благотворно потрудились въ особенности люди указаннаго направленія. Не думаемъ, чтобы можно было поставить имъ въ упрекъ, что они изучали европейскія формы суда присяжныхъ, адвокатуры, независимости суда отъ администраціи; что изъ такого изученія они выносили уваженіе къ такимъ фактамъ, какъ европейская свобода слова, университетской науки, и стремленіе пріобрѣсти ихъ для русской жизни; что такимъ изученіемъ усиливалось въ нихъ сознаніе о необходимости общественной иниціативы, самоуправленія, вѣроисповѣдной равноправности, и т. д. И гдѣ было найти эти или подобныя формы въ московской Россіи? Басню о томъ, будто «все русское, непохожее на европейское, должно было быть устранено или уничтожено»—пора бы бросить. Мы не сомнѣваемся, наконецъ, что вліянію этого направленія надо приписать и возникающее болѣе трезвое пониманіе славянскихъ отношеній. Что касается славянофильства, то мы не думаемъ, чтобы его участіе въ возбужденіи славянскихъ интересовъ было такъ обширно, какъ представляется автору. Всего больше эти интересы выросли на научной почвѣ, и главнѣйшимъ толчкомъ въ этомъ отношеніи былъ фактъ, кажется, совсѣмъ независимый отъ

славянофиловъ—учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ и путешествія будущихъ славистовъ по славянскимъ землямъ.

Въ настоящихъ замѣткахъ мы коснулись лишь немногихъ статей, разбирающихъ славянскій вопросъ; но читатель могъ уже видѣть, что мнѣнія объ отношеніяхъ Россіи и русскаго общества къ славянству еще далеко не установились. Есть спорныя мнѣнія не только о различныхъ современныхъ явленіяхъ этого вопроса, но о самомъ историческомъ происхожденіи нашего участія въ освобожденіи балканскаго славянства. Полный сборъ и критическій анализъ свѣдѣній о нашемъ историческомъ отношеніи къ южному и западному, турецкому и нѣмецкому, славянству могъ бы дать тэму для очень любопытнаго и полезнаго историческаго труда.

Итакъ, предположимъ, что для насъ, русскихъ, дѣйствительно, существуетъ «призваніе» и «предназначеніе» освободить балканское славянство. Откуда же начинать это національное стремленіе: со временъ ли Петра, перваго, настоящаго панслависта, какъ говорятъ, или со временъ царя Алексѣя и съ присоединенія Малороссіи, послѣ котораго освобожденіе турецкихъ христіанъ въ первый разъ принимало характеръ реальнаго дѣла; или съ паденія Византіи; или съ Куликовской битвы,—такъ какъ намъ объясняли, что призваніе Россіи есть не только освобожденіе балканскихъ славянъ, но вообще борьба съ исламомъ, и что переходъ черезъ Дунай былъ продолженіемъ Куликовской битвы; или съ принятія христіанства; или надо отодвинуть «предназначеніе» ко временамъ Олега, прибившаго щитъ къ воротамъ Царьграда, и Святослава, желавшаго жить на Дунаѣ; или, наконецъ, еще за нѣсколько вѣковъ до Святослава, въ тѣ времена, когда славяне массами двинулись на Ѳракійскій полуостровъ и «ославянили» всю Грецію, какъ тогда жаловались византійцы?

Каждый изъ этихъ пунктовъ (кромѣ только послѣдняго) дѣйствительно выставлялся какъ антецедентъ войны 1877—78 года. Въ абсолютномъ историческомъ смыслѣ каждый изъ нихъ (не исключая и послѣдняго) можно дѣйствительно связать съ новѣйшими событіями; но если искать не случайно параллельныхъ историческихъ фактовъ, а болѣе близкаго и достовѣрнаго начала нашихъ отношеній къ южному славянству, то выборъ точки отправленія, очевидно, будетъ не безразличенъ для цѣлаго взгляда на эти отношенія.

Вопросъ можетъ ставиться весьма различно—хотимъ ли мы знать чисто историческій ходъ этихъ отношеній, который еще

долженъ быть разъясненъ путемъ книжныхъ изслѣдованій; или хотимъ выяснить впечатлѣнія настоящей минуты, которыя создавали теперь наше страстное отношеніе къ предмету. Въ первомъ случаѣ, мы должны начать свои розысканія съ III—IV вѣка по Р. X., потому что тогда (насколько идутъ нынѣ наши историческія свѣдѣнія) положено было первое основаніе связей задунайскаго славянства съ предъ-дунайскимъ. Во второмъ случаѣ, достаточно начать съ 1875 года, съ герцеговинскаго возстанія, и затѣмъ искать причины возникшаго интереса къ южному славянству не въ подвигахъ Олега, и не въ Москвѣ XVI столѣтія, а въ новѣйшихъ условіяхъ нашего общества.

Новѣйшимъ доктринерамъ славянскаго вопроса наши слова покажутся ересью; скажутъ, что мы не видимъ великаго историческаго «момента» нашей національной жизни и т. д., и вообще судимъ «легкомысленно», «въ угоду» другимъ легкомысленнымъ людямъ. Нѣтъ, мы искренно хотѣли бы опредѣлить, подъ какими впечатлѣніями и побужденіями образовался нашъ нынѣшній интересъ къ восточному вопросу въ большинствѣ общества и въ народѣ, и—какую роль играло въ этомъ «предназначеніе?»

Если судить по прежнимъ примѣрамъ, можно было бы думать, что предназначеніе не играло здѣсь большой роли, или никакой; фатумъ могъ бы даже совершаться, но оставить насъ равнодушными къ славянству. «Предназначеніе» есть тоже своего рода фикція, философско-историческое соображеніе изъ однородныхъ фактовъ прошлаго, которые отъ этого еще не получаютъ неизбѣжной обязательности на будущее; вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту фикцію примѣшиваются разсчеты чисто практической политики о тѣхъ выгодахъ, какія могутъ ожидаться для государства и народа отъ извѣстныхъ національныхъ связей или территоріальныхъ пріобрѣтеній. Повидимому, «предназначеніе» народа должно бы заключать въ себѣ нѣчто идеальное; на дѣлѣ же, выводы о немъ дѣлаются очень прозаически, разсчитывая практическія условія національнаго сродства, религіознаго единства, географическаго положенія, матеріальныхъ силъ государства, и изъ этихъ данныхъ комбинируется выводъ о «предназначеніи», которому требуется множество оговорокъ, чтобы не стать совершенной односторонностью или даже вредной фантазіей. (Онъ былъ такой фантазіей, когда воинствующіе публицисты утверждали, что изъ-за войны надо забыть внутренніе вопросы, и усердно проповѣдовали шовинизмъ).

«Предназначеніе» требовало бы, чтобы извѣстное политическое стремленіе было постояннымъ и неизмѣннымъ. Мы этого не ви-

димъ въ нашихъ отношеніяхъ къ балканскому славянству: они, напротивъ, подчинялись многимъ другимъ «предназначеніямъ» и даже забывались изъ-за нихъ. Проходили цѣлыя сотни лѣтъ, когда Россія ничего не дѣлала для этого славянства; были случаи, когда она дѣлала очень мало, между тѣмъ какъ могла сдѣлать несравненно больше; были случаи, когда она смотрѣла на него лишь какъ на удобство при своихъ войнахъ съ Турціею, и, разсчитывая на нихъ въ началѣ, ничѣмъ не вознаграждала потомъ.

Если мы не захотимъ нарушать исторической правды, мы должны признать, что въ теченіе долгой исторіи со временъ московскаго царства, интересы турецкихъ христіанъ и южнаго славянства бывали для Россіи дѣломъ очень второстепеннымъ, а на первомъ планѣ было собственное, эгоистическое, но вполнѣ естественное предназначеніе—обезпечивать свои собственныя государственныя пользы. Россіи «предназначалось» (т.-е. могла быть для нея ожидаема), дѣйствительно, всемірно-историческая роль, по обширности и положенію ея территоріи, по многочисленности населенія, по энергіи народа, уже доказанной прежнею исторіей. Для выполненія этой роли нужно было расширеніе и обезпеченіе государственной области, возстановленіе племенныхъ границъ, потерянныхъ въ прежнее время, было нужно море для торговыхъ цѣлей и морской защиты. Эти цѣли и были основныя. Къ нимъ стремилась и старая Москва и новая Россія, но первая понимала задачу слишкомъ грубо: она оставляла безъ вниманія развитіе внутреннихъ силъ народа, держалась слишкомъ первобытныхъ способовъ хозяйства, не имѣла, да и не понимала заботы объ образованіи. Петръ повелъ дѣло инымъ путемъ и сдѣлалъ гигантскія усилія, чтобы сломить старую неподвижность русской жизни; крайняя исключительность старой Россіи отозвалась теперь сильнымъ притокомъ иностранныхъ идей, и если Москва думала (хотя не такъ много, какъ полагаютъ) о связяхъ съ южнымъ славянствомъ и помощи ему, то Россія новѣйшая, отвлеченная множествомъ новыхъ отношеній, думала еще меньше. — Это могло казаться, и дѣйствительно было называемо отступленіемъ отъ «призванія», измѣной національному дѣлу и т. п., но г. Ламанскій замѣтилъ вѣрно, что Петръ Великій, начинатель этой предполагаемой измѣны, былъ гораздо больше панславистъ, чѣмъ его московскіе предки; и самое увлеченіе Европой, неизбѣжное какъ реакція прежнему застою, было той необходимой ступенью, которую нужно было перейти, чтобы новый интересъ къ славянству являлся не въ старой, исключительной и односторонней

формѣ. Для насъ, напримѣръ, славянство представляется какъ народъ единоплеменный, для старой Москвы сочувствія къ нему являлись исключительно лишь подъ условіемъ единовѣрія. Истые славянофилы ожидаютъ, правда, и даже какъ будто требуютъ, чтобы славянство стало для насъ и единовѣрнымъ; мы ничего объ этомъ не знаемъ, будетъ это или нѣтъ; но если поставить теперь же это условіе нашего сочувствія и помощи, то думаемъ, что славянская солидарность будетъ понята плохо, и можетъ быть подвергнется большимъ опасностямъ.

Далѣе. Нельзя не замѣтить, что, несмотря на «предназначеніе», наши отношенія къ южному славянству (до послѣднихъ десятилѣтій или до славянскаго возрожденія, открывшаго совсѣмъ новые національные интересы) были таковы, что не мы шли на встрѣчу ему, а оно обращалось къ намъ,—съ надеждами на помощь. Факты, которыми обыкновенно доказываютъ нашу солидарность съ нимъ, состоятъ на три-четверти въ томъ, что угнетенное турецкое, а иногда и австрійское православное славянство (а также и греки) несутъ къ намъ свои просьбы, напоминаютъ о единоплеменности или единовѣріи. Въ сложности, не столько мы стремились исполнять сознаваемое нами самими «предназначеніе», сколько несчастные славяне убѣждали насъ въ этомъ, растолковывали свое положеніе, уговаривали показать къ нимъ братское или единовѣрное участіе. Иногда мы слушали этихъ уговоровъ, иногда не слушали.

Какая при этомъ была роль такъ называемаго общества и народа? Народъ долженъ былъ только поставлять рекрутъ, общество—чиновниковъ и офицеровъ; толкованіе событій являлось въ манифестахъ и торжественныхъ одахъ. Въ такихъ условіяхъ трудно было ожидать живого общественнаго участія къ предмету нашего «предназначенія»; участія и не было. Разумѣется, общество интересовалось войной, куда уходило столько близкихъ, принимало къ сердцу побѣды (не узнавая или не смѣя говорить о пораженіяхъ); но въ чемъ состояли національныя, славянскія отношенія войны, оставалось неизвѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, изъ многочисленныхъ войнъ, какія велись съ прошлаго вѣка съ Турціей, въ нашей литературѣ почти не осталось личныхъ воспоминаній, разсказовъ о встрѣчахъ съ южными единоплеменниками: немногія воспоминанія, письма и т. п. лежали подъ спудомъ и мы теперь только, черезъ сто лѣтъ, читаемъ ихъ въ «Русскомъ Архивѣ», точно памятники XV вѣка.

Игаемъ вотъ еще сторона, и очень важная, для рѣшенія во-

проса. При такомъ положеніи дѣла, мудрено говорить о національныхъ предназначеніяхъ. Скажутъ, что власть была и есть вообще представитель общества; въ такомъ случаѣ надо принять во вниманіе, что представительство бывало весьма различно; однажды это былъ Петръ, потомъ это былъ Биронъ, потомъ Елизавета, потомъ Екатерина, и т. д. Если ихъ внѣшняя политика была различна, иногда прямо противоположна, значитъ, или общество мѣнялось, смотря по представительству, или что «предназначеній» было нѣсколько различныхъ, или что общество совсѣмъ не имѣло значенія и вліянія?

Но это обстоятельство, состояніе самого общества, и есть одно изъ важнѣйшихъ условій въ нашихъ отношеніяхъ къ славянству, и одна изъ главнѣйшихъ оговорокъ, которыя нужно сдѣлать, рѣшая наши «предназначенія». Теперь начинаютъ понимать, что наша связь и солидарность съ славянствомъ можетъ быть прочной лишь тогда, когда будетъ не только внѣшняя, случайная, періодическая, но внутренняя и постоянная. Эта послѣдняя возможна только подъ условіемъ успѣховъ нашего собственнаго внутренняго быта. Въ этомъ смыслѣ и окажется (какъ мы упоминали), что люди либеральнаго направленія съ 40-хъ годовъ и послѣ, осужденные г. Ламанскимъ, сдѣлали очень много для той самой идеи, которою онъ дорожитъ,—хотя имъ представлялась она и представляется не совсѣмъ въ томъ свѣтѣ, какъ ему. По ихъ мнѣнію, русское общество прежнихъ временъ вовсе не было въ такомъ положеніи, чтобы вопросы славянскаго освобожденія, внутренней общественно-политической солидарности, образованія, могли быть ему доступны или правильно поняты; и дѣло было вовсе не въ томъ, что общество наше еще не было «славянскимъ», а въ томъ, что ему для какого бы то ни было политическаго пониманія нужно было пройти свою школу. Славянскій вопросъ долженъ былъ еще быть для насъ предметомъ изученія—общесиво не имѣло понятія о своихъ «братьяхъ»—и въ то время, когда у насъ самихъ опредѣлялись элементарнѣйшіе предметы общественной жизни, едва начиналось пониманіе собственнаго положенія,—выдвигать, какъ первостепенную общественную цѣль, славянскій вопросъ, значило говорить слѣпымъ о цвѣтахъ и отвлекать вниманіе общества, мало развитаго, отъ его настоятельныхъ нуждъ къ фантастическимъ цѣлямъ; а ставить его такъ исключительно, какъ его ставили тогда славянофилы, самымъ исключительнымъ образомъ, въ старо-московскомъ духѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ самымъ непривлекательнымъ консерватизмомъ,

значило впередъ вносить въ него нетерпимость и вражду, отталкивать не только чужихъ, но и своихъ.

Мы не будемъ оспаривать словъ г. Ламанскаго, что въ положеніи славянскихъ племенъ на югѣ и западѣ есть такія политическія данныя и возможности, которыя дѣлаютъ славянскій вопросъ очень важнымъ для Россіи, какъ государства. Южные славяне были издавна увѣрены, что освобожденіе можетъ придти къ нимъ только отъ единовѣрной Россіи (хотя они, бывало, разсчитывали и на Австрію). «Эта наивная вѣра милліоновъ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ,—говоритъ г. Ламанскій,—эти чаянія и упованія, эти сочувствія народныхъ массъ—величины, конечно, *невѣсомыя* и *неосязаемыя*. Но для Россіи онѣ стоили цѣлыхъ армій и кредиторской услужливости европейскихъ банкировъ. Такими вѣсомыми и ощутительными величинами политическая близорукость часто исключительно любитъ опредѣлять могущество государствъ... Политическая сила и вліяніе историческихъ національностей измѣряется не одними ихъ наличными внѣшними силами, но и тою вѣрой и тѣми опасеніями, которыя онѣ возбуждаютъ относительно своего будущаго въ своихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдяхъ». Но въ томъ и дѣло, что «чаянія и упованія» единоплеменниковъ становятся теперь гораздо болѣе сложными,—какъ потому, что сами единоплеменники пріобрѣтаютъ извѣстныя политическія понятія, такъ и потому, что внѣшняя политическая обстановка становится болѣе и болѣе мудреной. Результатъ, желаемый г. Ламанскимъ, въ наше время уже не можетъ быть достигнутъ одними средствами оружія и внѣшней политики, безъ участія и иниціативы общества. Для этого послѣдняго мы теперь только видимъ слабую надежду. Въ прежнее время, это участіе было совсѣмъ немыслимо, и общество оставалось равнодушно и чуждо славянскому вопросу.

Это было очень естественно. Старая Россія не могла дѣйствительнымъ образомъ освобождать славянъ, или если бы даже оказывала имъ внѣшнюю политическую поддержку, не могла основать культурной, образовательной, внутренней взаимности. Въ то время, когда въ Европѣ съ послѣдней четверти прошлаго столѣтія повѣяло свѣжимъ воздухомъ общественнаго освобожденія, оживленія умственнаго, гуманнаго чувства, вѣротерпимости, когда этимъ воздухомъ повѣяло и въ славянскихъ земляхъ (даже у сербовъ, тогда еще несвободныхъ, въ трудахъ Досиѳея Обрадовича), и онъ оживилъ первые всходы славянскаго національнаго возрожденія, жизнь русскаго общества была очень далека

отъ этого движенія: съ крѣпостнымъ правомъ, съ суровостью законодательства и администраціи, съ безгласностью и запуганностью общества, съ литературой крайне стѣсненной, съ умѣреннымъ образованіемъ даже въ высшемъ слоѣ, русское общество не имѣло тогда ни умственныхъ, ни общественныхъ элементовъ для сближенія и дѣйствія въ обществахъ славянскихъ. Собственно говоря, оно не много имѣетъ и теперь этихъ элементовъ, съ какимъ бы жаромъ мы ни принимались толковать о нашемъ «предназначеніи».

Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться ко всѣмъ толкамъ о славянскомъ вопросѣ въ послѣдніе годы, бросается въ глаза крайняя неполнота понятій, недостатокъ свѣдѣній о славянствѣ. Казалось бы, что столь могущественный переломъ, который произведенъ послѣдней войной въ положеніи славянскаго міра, долженъ былъ бы вызвать стремленіе сознать—въ чемъ же заключается сущность этого славянскаго вопроса, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ между собой славянскіе народы, правильны или неправильны, и гдѣ, эти отношенія и проч. Кто знакомъ нѣсколько съ нашей литературой о славянствѣ, тому извѣстно, что она сказала объ этихъ предметахъ еще очень немногое, что сказанное очень недостаточно, что по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ мнѣнія крайне различны, о другихъ не говорилось вовсе.

Теперь, по поводу возстанія и войны, говорилось сначала о герцеговинцахъ и босніякахъ, потомъ о сербахъ, — наконецъ, о болгарахъ; но о герцеговинцахъ забыли, когда заговорили о сербахъ; о сербахъ перестали думать, когда зашла рѣчь о болгарахъ,—но ихъ отношенія между собою и къ намъ такъ и остались невыясненными: интереса къ нимъ хватало, кажется, только на то время, пока шли кровавыя событія,—и въ это время мы уже успѣвали выразить порядочное недружелюбіе и къ сербамъ, и къ болгарамъ.

Вопросъ о «турецкихъ христіанахъ» въ нашихъ интересахъ и въ нашей публицистикѣ съ самаго начала сталъ очень естественно вопросомъ о славянахъ, т.-е. перешелъ на племенную точку зрѣнія; но дальше эта точка зрѣнія такъ и не пошла. Хотя бы ради теоріи вспомнили подлѣ сербовъ о хорватахъ, о западномъ славянствѣ; какъ понимаютъ у насъ дѣла галичанъ, о томъ было говорено въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу исторіи съ г-нъ Иловайскимъ; когда однажды заговорили объ извѣстномъ поворотѣ въ мнѣніяхъ одной части польскаго общества, наша публицистика выступила съ странными огульными обвиненіями

противъ поляковъ,—не оцѣнивши нимало положенія вещей, которое однако бывало очень серьёзно указываемо и оцѣняемо даже писателями славянофильской школы (см., напримѣръ, въ статьѣ г. Ламанскаго, стр. 19—20).

Все это неразумѣніе славянскихъ отношеній не даетъ пока большихъ надеждъ,—и очень мало оправдываетъ мнимо-«славянскую» назойливость воинствующей публицистики.

Исторія нашего нынѣшняго участія въ славянскихъ дѣлахъ имѣетъ двѣ стороны, не совсѣмъ параллельныя: сторону внѣшне-политическую, дипломатическую, правительственную, и сторону общественную. Въ чемъ состоитъ первая сторона дѣла, мы знаемъ, насколько она выражена въ оффиціальныхъ актахъ; подробности соображеній отчасти извѣстны, но отчасти неизвѣстны. Какъ всегда надобно ожидать въ высшихъ соображеніяхъ, онѣ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ очень отличаются отъ соображеній общества. Но надобно полагать, что и въ глазахъ самого правительства система нашихъ дѣйствій не восходитъ во временамъ Олега и Святослава, хотя бы уже и потому, что они оба были язычники и не могли защищать христіанъ.

Что касается до общества, его отношеніе къ славянскому вопросу простирается не въ отдаленную древность, а лишь за нѣсколько десятилѣтій назадъ. Какъ московской Россіи скорѣе южное славянство напоминало о себѣ, чѣмъ Москва о немъ помнила, такъ и теперь, не столько Россія или русское общество само поднимало вопросъ, сколько принимало уже готовымъ Возрожденіе славянскихъ народностей, и подъ этимъ вліяніемъ обратилось къ вопросу.

Славянскіе предметы долго оставались у насъ удѣломъ немногихъ ученыхъ филологовъ и археологовъ. Когда рѣшено было учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ университетахъ, и молодые ученые посланы были въ славянскія земли для приготовленія къ ихъ занятію, эти наши ученые встрѣтили у славянъ уже въ полномъ разгарѣ такъ-называемый «панславизмъ» (въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ), который нѣсколько лѣтъ спустя выступилъ уже, хотя неудачно, и на политическую арену (на пражскомъ съѣздѣ 1848 г. и въ хорвато-венгерской войнѣ). Вернувшіеся ученые оказали великія услуги изученію славянства, но не преимуществу стараго; они остались почти исключи-

тельно филологами и археологами; вопросовъ о новомъ славянствѣ, его современномъ политическомъ положеніи и стремленіяхъ избѣгали, потому что это была бы «политика», которой не было мѣста въ тогдашней литературѣ и наукѣ. Такимъ образомъ, знанія современнаго славянства недоставало; взамѣнъ того, славянофильская школа, подъ внушеніями гегеліанства, построила извѣстную національную теорію [1]).

Это научное и философско-политическое обращеніе къ славянскому вопросу совершалось почти на нашей памяти; нѣкоторые изъ писателей этого времени и направленія понынѣ дѣйствуютъ въ литературѣ; кто знакомъ былъ у насъ съ славянскими нарѣчіями, узнавалъ ихъ отъ одного изъ первыхъ четырехъ русскихъ славистовъ. Но, какъ извѣстно, это обращеніе къ славянству долго не находило отголоска въ большинствѣ общества; оно оставалось равнодушно, даже немного враждебно къ толкамъ о славянствѣ (по отраженію отъ славянофильства, и по сознанію, гдѣ у насъ есть болѣе близкія заботы). Что же дало теперь такую силу славянскимъ симпатіямъ? Ее дало внутреннее положеніе самого общества: крымская война и ея послѣдствія, освобожденіе крестьянъ и реформы. Правда, реформы доселѣ еще не получили желаемой полноты, но онѣ успѣли оказать дѣйствіе на общественное настроеніе, — еще съ той поры (и, можетъ быть, тогда всего сильнѣе), когда онѣ были еще ожиданіемъ, когда еще строились возвышенные идеалы, видѣлись широкія перспективы. Русское общество переживало никогда прежде не виданное возбужденіе: оно чувствовало отраду, что хотя до извѣстной степени могутъ быть высказаны давно накопившіяся мечты о лучшемъ будущемъ, объ исправленіи общественныхъ золъ; умственные запросы расширились, развилась потребность дѣятельности. Наступила потомъ другая пора: ожидаемый идеалъ не явился, а затѣмъ и реформы кончились; наступило смутное настроеніе, но разъ высказанныя и сознанныя стремленія уже не заглохли. Въ обществѣ замѣтны были разныя теченія: у однихъ желаніе вернуться назадъ къ «доброму старому времени и безцеремоннѣйшая погоня за матеріальными благами», у другихъ — усталость и апатія, у третьихъ — горячія, иногда неблагоразумныя увлеченія; потянулся

1) Изъ тогдашнихъ славянофиловъ одинъ Гильфердингъ (впрочемъ, уже съ конца пятидесятыхъ годовъ) много писалъ, съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя съ особой точки зрѣнія, о современномъ положеніи западнаго и южнаго славянства.

длинный рядъ политическихъ процессовъ, а съ другой стороны безконечныя исторіи о «растратахъ», бѣгствахъ кассировъ и т. п. Обскуранты (впрочемъ, не по поводу этихъ последнихъ исторій, къ которымъ относились благодушно) вопіяли объ опасности общественной, предлагали суровыя укрощенія, говорили, что и сдѣланныхъ реформъ слишкомъ много; политики глубокомысленно разсуждали объ общественной порчѣ, заявляя свое усердіе,—но почти никто не хотѣлъ понимать, что въ обществѣ возникаютъ новыя потребности, исходящія не изъ фантазіи только, а изъ условій времени, и почти никто не видѣлъ, сколько въ эту пору среди всѣхъ увлеченій и ошибокъ наростало въ новыхъ поколѣніяхъ великодушнаго общественнаго чувства. Это великодушное чувство, не находившее исхода, идеализмъ, охлаждаемый и оскорбляемый жизнью, и произвели тотъ порывъ сочувствія, который обратился на герцеговинское возстаніе, на сербскую войну, на войну въ Болгаріи, на службу Красному Кресту, на изумительные и глубоко-трогательные подвиги сестеръ милосердія и женщинъ-врачей. Была, разумѣется, при этомъ мысль о единоплеменности народовъ, о которыхъ шло дѣло; но здѣсь эта мысль была сильна какъ призывъ на помощь бѣдствію и на освобожденіе; было все равно: помнилась ли единоплеменность тысячу лѣтъ или два года; живое впечатлѣніе ея одинаково ново при встрѣчѣ, и опредѣляется только при встрѣчѣ. Тѣ лучшіе люди, кто ѣхалъ въ Герцеговину, въ Сербію, имѣли очень слабое понятіе о томъ, что̀ это за народъ, и какъ онъ намъ приходится; кто шелъ въ Болгарію, столь же мало зналъ о болгарахъ. Но для огромнаго большинства дѣло было не въ этнографіи, не въ историческихъ подробностяхъ,—довольно было знать, что есть глубоко-несчастный, родственный народъ, которому *является возможность* помочь. Будущій историкъ, вѣроятно, лучше современныхъ политиковъ пойметъ подобные факты и увидитъ, между прочимъ, что добровольныя и тяжкія жертвы несли люди того поколѣнія и того круга, противъ котораго поднято было столько грубыхъ обвиненій, что замѣчательное войско было первое войско изъ освобожденныхъ людей.

Это настроеніе общества при всѣхъ тяжкихъ условіяхъ времени, при всѣхъ неблагополучныхъ явленіяхъ, напоминавшихъ старые порядки, способно было все-таки создать много чистаго идеалистическаго увлеченія, и оно прежде всего производило тотъ интересъ къ славянскому дѣлу, который объясняютъ «предназначе-

ніемъ». Но какъ же быть съ «предназначеніемъ», съ историческими преданіями, съ Олегомъ и царемъ Алексѣемъ? Оставить ихъ въ историческихъ книгахъ, и постараться лучше понять, что дѣлается въ своемъ обществѣ въ настоящіе годы. Признать, что общество дѣйствовало не по фаталистическому, противъ воли толкающему мотиву, а по сознательному сочувствію къ угнетенному праву и свободѣ,—будетъ справедливѣе къ лучшимъ людямъ современнаго общества и исторически вѣрнѣе.

А. В—нъ.

Москва.

ЭЛЕГІЯ

Мнѣ дороги мои воспоминанья,
Я въ нихъ переживаю вновь
Былыя радости, протекшія страданья,
Давно погасшую любовь....
Услышу-ли я пѣсни старой звуки—
Той пѣсни, что́ пѣвала мнѣ она—
Душа полна то радости, то муки,
То страннаго смятенія полна.
О, пѣсни тѣ! Она ихъ пѣла чудно,
Влагая въ нихъ всю страсть своей души...
Теперь она ужъ спитъ, снитъ крѣпко, непробудно...
А пѣсни тѣ мнѣ все звучатъ въ тиши....
. . . .
Увижу ли свой старый, ветхій домъ,
Необитаемый, съ забитыми дверями—
Для всѣхъ онъ пустъ, а для меня тѣнями
Знакомыми друзей онъ населенъ....
Войду-ли въ садъ—въ немъ тоже запустѣнье,
Но гуще разрослась за то сирень
И соловьевъ звучитъ въ немъ громче пѣнье.
И мнится мнѣ въ немъ тоже милой тѣнь...
Мнѣ мнится, что она глубокими очами
Все также нѣжно въ очи мнѣ глядитъ,
И тихими любовными рѣчами,
И ласками, и счастіемъ даритъ.....
. . . .
Да, я люблю бродить знакомыми мѣстами,
Люблю бродить среди тѣней

Любимыхъ нѣкогда людей
И уноситься къ нимъ мечтами.
Тѣ люди—сколько унесли
Съ собой непонятыхъ стремленій,
И сколько горькихъ сожалѣній,
И сколько радостей земли....
Они спокойно спятъ теперь
На лонѣ дѣвственной природы...
Одинъ томлюсь!—Но минутъ годы,
И я къ нимъ постучуся въ дверь...

. . . .

Мнѣ дороги мои воспоминанья,
Они звучатъ душѣ моей больной,
Какъ звуковъ нѣжныхъ сочетанье
Забытой пѣсни юности былой....

. . . .

А. П—ій.

НАШИ

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ

Поземельные налоги у насъ явленіе довольно новое. Они не получили еще значительнаго развитія, несмотря на то, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ предъ нами возникали не одинъ разъ серьёзныя бюджетныя затрудненія. Въ бо́льшей части государства къ общему поземельному обложенію едва лишь приступлено, и государственный поземельный налогъ такъ незначителенъ, что покрываетъ менѣе $1^1/_2$% всѣхъ государственныхъ расходовъ. Правда, земля у насъ выноситъ еще главную массу мѣстныхъ, земскихъ сборовъ, но и эти послѣдніе, по размѣру своему, не далеко ушли отъ государственнаго поземельнаго налога.

Старая система государственнаго бюджета, отъ которой мы до сихъ поръ не можемъ значительно удалиться и вполнѣ господствовавшая въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, совсѣмъ игнорировала возможность поземельнаго налога, облагая почти исключительно такъ-называемые „податные" классы, то-есть бѣднѣйшую и рабочую часть населенія. Правила о земскихъ повинностяхъ, изданныя въ 1851 году, впервые упоминаютъ объ обложеніи земли, но послѣднее при этомъ осталось совсѣмъ нечувствительнымъ. Затѣмъ, въ моментъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ 1861 году, когда должны были появиться мировыя посредническія учрежденія, требовавшія особаго источника для своего содержанія, введено было, наконецъ, обложеніе земель, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ. Это время можно считать моментомъ, когда принципъ поземельнаго налога былъ у насъ поставленъ уже серьёзно. Налогъ отчасти утратилъ сословный характеръ, такъ какъ его сталъ платить и привилегированный классъ помѣщиковъ.

Слѣдующій шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ при введеніи въ 1864 году земскихъ учрежденій (причемъ и расходы на мировыя учрежденія введены въ составъ общихъ земскихъ расходовъ). На основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, источниками для покрытія земскихъ расходовъ названы: сборы съ земель, сборы съ нѣкоторыхъ торгово-промысловыхъ документовъ и сборы съ городскихъ и фабричныхъ недвижимыхъ имуществъ. Но городскія и фабричныя имущества въ нашей „деревенской" странѣ составляютъ лишь незначительный процентъ общей массы имуществъ, а торгово-промысловые документы также не очень много значатъ по своей численности. Къ тому же, названные документы дозволяется облагать не выше опредѣленнаго максимума, до котораго земскіе сборы давно уже доведены. Такимъ образомъ, всѣ новыя прибавки земскихъ расходовъ падаютъ только на земли и на городскія и фабричныя строенія. Какъ бы ни возрастали земскіе расходы, представителямъ торговли и промысловъ отъ этого ни тепло, ни холодно, потому что максимумъ налога они уже платятъ, а больше ни въ какомъ случаѣ платить не станутъ; они могутъ совершенно равнодушно соглашаться на всякіе земскіе расходы, зная, что это не грозитъ никакою опасностью ихъ карману. Короче, земля выноситъ на себѣ главную массу земскихъ расходовъ, и съ каждымъ послѣдующимъ годомъ, съ каждымъ послѣдующимъ шагомъ въ развитіи земскихъ бюджетовъ, на землю падаетъ все бо́льшая и бо́льшая доля земскихъ налоговъ, такъ какъ къ ней относятся всѣ прибавки къ послѣднимъ.

Независимо отъ упомянутыхъ сборовъ, существовали и существуютъ еще особые мѣстные налоги, сословные. Таковы, напримѣръ, собственно-дворянскіе сборы, уплачиваемые преимущественно землевладѣльцами же. Но этихъ налоговъ мы, въ настоящей статьѣ, касаться не будемъ, во-первыхъ, по ихъ сравнительной незначительности, во-вторыхъ, потому, что они не обѣщаютъ развитія въ будущемъ и, въ-третьихъ, потому, что они облагаютъ только часть земель. Налоговъ этихъ не платятъ не только крестьяне, но и бывшія дворянскія имѣнія, перешедшія въ руки не-дворянъ. Количество земель, платящихъ эти сборы, постепенно уменьшается, да и самые предметы, на которые эти сборы назначаются, очень немногочисленны: содержаніе дворянскихъ опекъ, предводительскихъ канцелярій, дворянскихъ депутатскихъ собраній, ведущихъ родословныя книги и т. п.

Наконецъ, еще болѣе важный шагъ въ исторіи поземельнаго налога представляетъ привлеченіе всѣхъ владѣльческихъ земель къ уплатѣ „государственнаго земскаго сбора", установившееся съ 1872 года. Четвертая часть всего названнаго сбора отнесена была на земли всѣхъ сословій безразлично. Съ 1875 же года государственный зем-

скій сборъ утратилъ свою отдѣльность отъ государственнаго бюджета, и присоединенъ къ общему составу государственныхъ доходовъ, къ какому онъ и долженъ былъ принадлежать по существу. Та часть упраздненнаго государственнаго земскаго сбора, которая взималась не съ „душъ", а съ земли, просто стала „государственнымъ поземельнымъ налогомъ". Такимъ образомъ, земли стали платить не только въ пользу своихъ губерній, но и въ пользу государства. Какъ законоположеніями 1861 и 1864 годовъ утвержденъ принципъ общаго поземельнаго налога для *мѣстныхъ* нуждъ, такъ въ 1875 году принципъ поземельнаго налога введенъ въ систему *государственнаго* бюджета. Оставалось только продолжать развитіе введеннаго принципа и улучшать способы его примѣненія.

Но покуда дѣло остановилось на шагѣ, сдѣланномъ въ 1875 году.

Введеніе государственнаго поземельнаго налога и развитіе земскихъ бюджетовъ вызываетъ довольно разнообразныя сужденія; взглядъ на дѣйствительное значеніе нашихъ поземельныхъ сборовъ далеко еще не установился, такъ что этотъ предметъ нуждается въ обстоятельномъ разъясненіи. Одни видятъ здѣсь шагъ къ улучшенію нашей бюджетной системы, но за то другимъ поземельный налогъ даетъ поводъ къ краснорѣчивымъ жалобамъ. Жалобы эти начались съ перваго года привлеченія къ платежамъ въ пользу государства земель привилегированныхъ владѣльцевъ и не исчезли до настоящаго времени. Есть люди, увѣряющіе, будто помѣщичьи земли теперь такъ обременены налогами, что дальнѣйшее ихъ обложеніе просто немыслимо, что бо́льшей тягости онѣ вынести не могутъ, почему, при дальнѣйшемъ развитіи государственнаго бюджета, нужно искать уже новыхъ источниковъ, не обращаясь болѣе къ землѣ. Такіе отзывы мы слышимъ не только въ устныхъ разговорахъ и земскихъ собраніяхъ, но даже и въ печати. Должно сознаться, что по вопросу, насъ занимающему, печать наша сдѣлала очень немного, и за исключеніемъ двухъ-трехъ органовъ, мы не встрѣчали попытокъ трезво, безпристрастно взглянуть на дѣло. Были органы, сознательно или безсознательно, но усердно старавшіеся распространять мнѣніе о невыносимости нынѣшнихъ поземельныхъ налоговъ. Въ виду этого становится не лишнимъ, съ помощью положительныхъ данныхъ, поставить вопросъ на надлежащую почву, устраняющую всякую гадательность сужденій. Обстоятельное разсмотрѣніе предмета можетъ представить теперь даже особый интересъ въ виду серьёзныхъ финансовыхъ задачъ, ставимыхъ нынѣшнимъ труднымъ положеніемъ нашего государственнаго бюджета; оно также покажетъ намъ—насколько нынѣшняя система поземельнаго обложенія удовлетворяетъ требованіямъ правильности и равномѣрности, что̀ именно составляетъ главный тор-

мазъ для ея развитія и чего можно ожидать въ будущемъ отъ разсматриваемаго источника.

Нельзя отрицать, что поземельные сборы представляютъ, по принципу, одинъ изъ наиболѣе правильныхъ налоговъ между существующими въ нашемъ государствѣ. Главныя статьи нашего государственнаго бюджета, какъ извѣстно, опираются на средства бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Подушныя подати, питейный акцизъ, соляной налогъ, паспортный сборъ, сборы за право производить мелкіе промыслы съ гадательнымъ доходомъ, — вотъ съ какими статьями мы встрѣчаемся преимущественно въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. Всѣ эти доходы и сборы не имѣютъ никакой связи съ размѣромъ средствъ плательщиковъ, и не рѣдко бываетъ, что чѣмъ человѣкъ меньше имѣетъ, тѣмъ онъ больше платитъ. Упомянутые налоги падаютъ на личность, на трудъ, на *право* труда, на предметъ потребленія первой необходимости, а не на имущество. Поземельный же налогъ отличается отъ этихъ налоговъ существенно. Земля есть имущество, приносящее доходъ. Земельная рента можетъ быть получаема владѣльцемъ даже безъ всякаго труда, въ видѣ арендной платы. Какъ не облагать подобнаго имущества, когда налоги обращаются на личность и на трудъ и притомъ въ чувствительномъ размѣрѣ! Огромное число владѣльцевъ получаетъ доходъ съ земель, не тратя на нихъ ровно ничего и даже не занимаясь лично хозяйствомъ. Съ этой точки зрѣнія, земля—одинъ изъ первыхъ предметовъ, подлежащихъ обложенію въ пользу государства, помимо даже всякихъ финансовыхъ затрудненій послѣдняго, особенно въ такой земледѣльческой странѣ, какъ наша. О правильности подобнаго мнѣнія въ послѣднее время очень часто напоминаютъ намъ и извѣстія о быстромъ возрастаніи поземельной ренты, особенно въ губерніяхъ плодородныхъ, находящихся въ обширной нашей черноземной полосѣ. Есть многія мѣстности, гдѣ со времени освобожденія крестьянъ, то-есть со введенія такъ-называемаго „вольнаго труда", земельная рента поднялась втрое и даже больше. Ростъ ренты тутъ далеко обогналъ медленныя измѣненія въ уровнѣ платы за трудъ и даже въ цѣнѣ главныхъ предметовъ народнаго потребленія. Прогрессивное возрастаніе нашего государственнаго бюджета, отразившись невыгодами для многихъ, не только не замедлило хода увеличенія поземельной ренты, но, напротивъ, отчасти содѣйствовало ему, такъ какъ тягости платежнаго населенія нерѣдко отражались пониженіемъ цѣны земледѣльческаго труда; напримѣръ, онѣ вызвали крупное и широко распространенное явленіе запродажъ труда впередъ, по дешевой цѣнѣ, для уплаты податей, а дешевизна обработки земли естественно увеличиваетъ барышъ землевладѣльца, то-есть возвышаетъ ренту. Мы были свидѣтелями того, какъ госу-

дарственные доходы извлекались изъ скудныхъ источниковъ и не имѣли почти никакой связи съ источникомъ, обнаруживавшимъ наибольшее развитіе.

Независимо отъ того, что поземельный налогъ есть налогъ на имущество, на доходъ, онъ отличается еще и другимъ достоинствомъ. Онъ падаетъ на счетъ именно того самаго плательщика, съ котораго взимается, не перекладываясь на другихъ лицъ. Въ этомъ онъ сильно разнится отъ многихъ налоговъ.

Налогъ на сырой продуктъ, напримѣръ, хотя берется съ владѣльца его, но почти всегда перекладывается на потребителя. То же происходитъ и съ частью налоговъ, падающихъ на торговлю и промышленность. Если мы беремъ крупную цифру акциза съ богатаго заводчика, то въ бо́льшей части случаевъ этотъ налогъ отнесется вовсе не на его счетъ, потому что заводчикъ возвратитъ себѣ взятое у него въ продажной цѣнѣ продукта, которую выплачиваютъ, между прочимъ, и очень бѣдные люди; тутъ расходъ на налоги входитъ въ продажную цѣну, какъ одна изъ существенныхъ частей. Даже налогъ на трудъ иногда бываетъ способенъ перекладываться съ прямого плательщика на другихъ. Если, напримѣръ, въ какой-либо мѣстности установленъ особый налогъ на трудъ, а рабочая плата тамъ дошла уже до своего низшаго предѣла, то налогъ становится почти такимъ же непремѣннымъ условіемъ существованія и дѣятельности рабочаго человѣка какъ хлѣбъ и потому долженъ входить въ цѣну его труда. Если плата не будетъ покрывать хлѣба и налога, то рабочіе не будутъ притекать въ ту мѣстность, а чтобъ предотвратить подобное явленіе мѣстные хозяева должны сдѣлать соотвѣтственную надбавку къ платѣ.

Способность налоговъ при однихъ условіяхъ падать на счетъ непосредственныхъ плательщиковъ, а при другихъ—перекладываться на стороннихъ лицъ требуетъ особеннаго вниманія къ себѣ и нерѣдко ставитъ сложныя задачи; напримѣръ, всегда при проектированіи новыхъ сборовъ надо, для оцѣнки ихъ достоинства и, вообще, для опредѣленія ихъ значенія, предугадать, на кого именно и въ какой мѣрѣ они падутъ фактически. Одинъ и тотъ же видъ налога иногда отнесется на счетъ непосредственнаго плательщика, а иногда совсѣмъ на другое лицо. Возьмемъ для примѣра налогъ на домовладѣльцевъ: если домовладѣніе въ данномъ мѣстѣ даетъ выгоды, превышающія обыкновенный уровень прибыли на капиталъ, то всякій налогъ на домовладѣльца оплатится имъ самимъ и не переложится на квартиранта, потому что и за уплатою налога барыши перваго будутъ еще настолько хороши, что въ состояніи поощрять и другихъ къ домостроительству, а конкурренція домовладѣльцевъ не допуститъ произвольнаго возвы-

шенія цѣнъ; квартирная плата опредѣляется отношеніемъ спроса на квартиры къ предложенію ихъ, и, покуда она оплачиваетъ стоимость расходовъ домовладѣльца и большую прибыль, домовладѣлецъ не имѣетъ никакихъ средствъ заставить квартиранта платить дороже. Уплата налога домовладѣльцемъ не даетъ ему этихъ средствъ, а на квартиранта она не дѣйствуетъ убѣдительно, потому что онъ знаетъ, что къ его услугамъ столько же квартиръ, сколько и прежде было.

Наоборотъ, если квартирная плата настолько низка, что едва покрываетъ расходы домовладѣльца и обычную прибыль, то всякій новый налогъ на дома, по прошествіи извѣстнаго времени, непремѣнно переложится на квартирантовъ, въ видѣ возвышенія ихъ платы; когда домовладѣлецъ, для возмѣщенія своего убытка, захочетъ возвысить квартирную плату, то въ этомъ ему уже не помѣшаетъ конкурренція прочихъ, потому что, вслѣдствіе малой выгодности домовладѣнія, при уплатѣ значительныхъ налоговъ, не много будетъ охотниковъ строить новые дома; пока квартирная плата не увеличится, строительство задержится, предложеніе квартиръ сократится, а это и возвыситъ квартирныя цѣны.

Налогъ на земельную ренту тѣмъ особенно удобенъ, что, какъ выше замѣчено, падаетъ прямо на землевладѣльца и отличается наименьшею способностью перекладываться на другихъ. Взятая въ казну часть земельной ренты берется именно съ ея владѣльца и ее не заплатитъ потребитель хлѣба, совсѣмъ недорожающаго отъ подобнаго налога. Земельная рента вовсе не входитъ въ цѣну продукта, какъ составная ея часть: она есть *послѣдствіе* существованія извѣстной цѣны (и не необходимое), а *не причина* ея. Рента можетъ быть или не быть, хотя бы данный участокъ земли одинаково обработывался и давалъ одинакое количество хлѣба. Это съ достаточною ясностью доказывается извѣстными руководствами политической экономіи. Цѣна хлѣба должна непремѣнно оплачивать *трудъ* и *капиталъ* производства, но ренту она можетъ или оплачивать, или не оплачивать,— какъ случится.

Если бы цѣна хлѣба не оплачивала труда его производства и обычнаго процента на капиталъ, прилагаемый къ этому производству, то трудъ и капиталъ перестали бы прилагаться къ значительной части земельнаго пространства, а отъ этого уменьшилось бы предложеніе хлѣба, которое отразилось бы возвышеніемъ его цѣны, послѣ чего эта цѣна опять была бы въ состояніи покрывать и стоимость труда и проценты на капиталъ; хлѣбъ есть первая необходимость, безъ которой существовать нельзя; слѣдовательно, если населенію, для своего пропитанія, нужно опредѣленное количество хлѣба, то оно должно

оплатить дѣйствительную стоимость его производства (трудъ и капиталъ) во что бы то ни стало. Затѣмъ, если, при разномъ достоинствѣ земли, одна десятина земли даетъ одно количество хлѣба, а другая, посредствомъ приложенія такого же труда и капитала, даетъ меньше, то стоимость производства четверти хлѣба въ одномъ мѣстѣ будетъ дешевле, а въ другомъ дороже. Но такъ какъ на рынокъ поступилъ хлѣбъ и съ хорошей и съ дурной земли, и покупателямъ все равно ѣсть тотъ или другой хлѣбъ, гдѣ бы онъ ни былъ произведенъ, то рыночная цѣна на оба хлѣба уравнивается. Платить соразмѣрно дешевому производству потребителямъ не удастся, потому что тогда цѣна не оплачивала бы дорогого производства, между тѣмъ какъ потребности населенія такъ велики, что не довольствуются размѣромъ продуктовъ, произведенныхъ дешевле, на лучшихъ земляхъ; для удовлетворенія этихъ потребностей, производство должно захватывать и худшія земли, на которыхъ производить хлѣбъ дороже. Слѣдовательно, чтобы получать все количество хлѣба, необходимое населенію, послѣднее должно быть готово оплачивать и самое дорогое изъ существующихъ производствъ, иначе послѣднее прекратится и населеніе почувствуетъ недостатокъ въ продовольствіи. Отсюда и сдѣланъ извѣстный выводъ, — что цѣна хлѣба опредѣляется стоимостью самаго дорогого изъ существующихъ производствъ.

Такимъ образомъ, на худшей изъ обработываемыхъ земель цѣна хлѣба оплачиваетъ только трудъ и капиталъ. А такъ какъ лучшая земля, при такой же затратѣ труда и капитала, производитъ больше хлѣба (продающагося по одинакой цѣнѣ съ хлѣбомъ худшей земли), то тутъ, за оплатою труда и капитала, остается еще излишекъ, который поступаетъ къ землевладѣльцу и составляетъ ренту.

Выше было замѣчено, что трудъ и капиталъ непремѣнно должны быть оплачены, чтобы не уменьшалось производство; но будетъ ли затѣмъ оставаться упомянутый излишекъ или не будетъ—отъ этого цѣна ничуть не измѣняется. Этотъ излишекъ не есть плата за затрату чего-либо цѣннаго, необходимаго, а совершенно побочное явленіе, вовсе независящее отъ хозяйской предпріимчивости. Это продуктъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Это, такъ сказать, даръ свыше. Если бы землевладѣлецъ непремѣнно добивался возвышенной ренты и, когда ему ее не даютъ, пересталъ бы обработывать землю, то онъ совсѣмъ бы лишился всякаго дохода. Онъ ничего не прилагаетъ къ землѣ; отъ его потребностей размѣръ производства не зависитъ, между тѣмъ какъ потребности представителей труда непремѣнно должны быть оплачены, для поддержанія самаго производства. Если трудъ и капиталъ плохо вознаграждаются земледѣліемъ, то они обратятся къ другимъ производствамъ, а земля, чтобы не терять своего

дохода, должна быть непремѣнно обращаема на производство хлѣба. Стало быть, если правительство, путемъ налога, убавитъ поступающую къ землевладѣльцу ренту, послѣдній не въ силахъ будетъ переложить налогъ на кого-нибудь другого, потому что этотъ налогъ не окажетъ никакого вліянія на размѣръ *необходимыхъ для производства элементовъ*—труда и капитала, и будетъ лишь вычетомъ изъ сверхштатнаго излишка. Велика или мала будетъ рента,—земля одинаково должна быть обработана. Не составляя существенно необходимой части цѣны хлѣба, рента и не увеличитъ послѣдней. Требуя возвышенія ренты, землевладѣлецъ ничѣмъ не можетъ поддержать своего требованія. Развѣ предположить какую-нибудь фантастическую громадную стачку всѣхъ землевладѣльцевъ, которые бы рѣшились, цѣною огромной потери собственнаго дохода, заставить населеніе поголодать и затѣмъ, набавкою цѣны на хлѣбъ, увеличить свою ренту; но и этотъ результатъ былъ бы слѣдствіемъ не налога, а возможности грандіозной стачки, которая одинаково могла бы имѣть мѣсто какъ при налогѣ, такъ и безъ него. Налогъ тутъ ни причемъ, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній ожидать его переложенія съ землевладѣльца на кого-нибудь другого.

Разумѣется, мы имѣемъ въ виду такой налогъ на ренту, который не переступаетъ крайнихъ предѣловъ, то-есть мы говоримъ о налогѣ, составляющемъ лишь извѣстную *часть* ренты. Если предположить налогъ, поглощающій всю ренту цѣликомъ и даже идущій дальше, то тутъ, разумѣется, утратилось бы основное достоинство поземельнаго налога и явились бы совершенно ненормальныя явленія, неимѣющія ничего общаго съ объясненными законами. Но въ подобномъ случаѣ предъ нами былъ бы уже не *налогъ* на ренту, а *конфискація* ренты, въ сопровожденіи какого-то добавочнаго налога, на что—неизвѣстно. Для однихъ, подобная добавка пала бы на трудъ, для другихъ—на иные источники дохода, напримѣръ. промыслы, для третьихъ она даже совсѣмъ не могла бы осуществиться, давъ въ результатѣ лишь крупную, безнадежную недоимку. Трудно даже предугадать всѣ виды послѣдствій подобнаго добавочнаго обложенія, которое, по существу своему, хуже подушной подати и соляного налога.

Нужно ли добавлять, что требованія справедливости и правильности указываютъ еще на необходимость равномѣрности, пропорціональности въ обложеніи.

Итакъ, существенными достоинствами поземельнаго налога должно назвать два главные: чтобы онъ поглощалъ только *часть* ренты, и чтобы онъ распредѣлялся какъ можно равномѣрнѣе, то-есть съ сохраненіемъ извѣстной пропорціональности доходу, дѣйствительно получаемому владѣльцами земли. Только при соблюденіи такихъ усло-

вій, введеніе поземельныхъ сборовъ будетъ составлять шагъ къ дѣйствительному, а не фиктивному улучшенію бюджетной системы.

Ставъ на такую точку зрѣнія, обратимся къ разсмотрѣнію существующаго у насъ теперь поземельнаго обложенія. Посмотримъ, насколько оно удовлетворяетъ требованіямъ правильности, и точно ли налоги на землю такъ тяжелы, какъ объ этомъ иногда говорятъ.

Начнемъ съ „государственнаго" поземельнаго налога.

Общая сумма этого сбора съ 1875 года составляетъ 7.457,000 р., а въ предшествовавшее трехлѣтіе была немного болѣе 8-ми милліоновъ. Такимъ образомъ, этотъ налогъ покрываетъ менѣе полутора процента государственнаго бюджета и почти въ семь разъ меньше подушной подати. Скромность отведеннаго ему въ бюджетѣ мѣста слишкомъ очевидна. Притомъ, только около половины этого налога касается привилегированныхъ классовъ, а остальная половина выплачивается крестьянами же [1]); эта послѣдняя половина только присоединяется къ обычнымъ крестьянскимъ податямъ и въ ней можно видѣть лишь слабое (и даже не повсемѣстное) улучшеніе, сравнительно съ прежними налогами, состоящее въ томъ, что здѣсь безземельный крестьянинъ ничего не платитъ, а владѣющій значительнымъ надѣломъ платитъ больше, чѣмъ малоземельный. Стало быть, почти весь результатъ нововведенія выразился въ томъ, что на привилегированныхъ плательщиковъ перенесено 3 милліона бывшихъ крестьянскихъ прямыхъ податей, то-есть около $^{1}/_{20}$ части послѣднихъ.

Но чтобы опредѣлить точнѣе послѣдствія этого нововведенія, надо взглянуть на подесятинное обложеніе въ разныхъ губерніяхъ. Сдѣлавъ средніе выводы по губерніямъ и отбросивъ мелкія дроби, мы находимъ, что на десятину приходится государственнаго поземельнаго сбора:

Въ губерніяхъ: кіевской, подольской, воронежской, тамбовской, орловской и курской—отъ $9^{3}/_{4}$ коп. до 10 коп.

Въ харьковской, полтавской, рязанской, тульской, саратовской и симбирской—около 8 коп.

Въ пензенской, волынской, ковенской и курляндской—около 6 коп.

Въ черниговской, московской, владимірской, бессарабской и казанской—около $4^{1}/_{2}$ коп.

Въ херсонской и екатеринославской—около $3^{1}/_{2}$ коп.

Въ гродненской, нижегородской и ярославской—около $2^{1}/_{2}$ коп.

Въ таврической и калужской—около 2 коп.

Въ уфимской, вятской, тверской, самарской и ставропольской—около 1 коп.

[1]) На крестьянъ отнесено 4.433,900 р., а на прочихъ землевладѣльцевъ 3.023,050 р.

Въ витебской, могилевской, петербургской, астраханской, смоленской, костромской, минской, псковской и оренбургской около $^{1}/_{2}$ коп. и, наконецъ, во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ (новгородской, вологодской, пермской, олонецкой и архангельской)—ничтожная дробь копѣйки.

При первомъ взглядѣ на приведенный списокъ можно, пожалуй, сказать, что какъ ни скромна общая сумма налога, но за то обложеніе коснулось самыхъ непроизводительныхъ мѣстностей; что къ уплатѣ новаго сбора привлечены даже прославившіяся своею бѣдностью: Бѣлоруссія, смоленская и даже архангельская губернія, въ которой есть тундры; что множество земель ровно никакого дохода не приносятъ. Замѣчанія эти однако теряютъ силу при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Во-первыхъ, тундры и совершенно непроизводительныя, неимѣющія цѣнности, пространства въ окладъ не внесены, и обложеніе коснулось только земель, признаваемыхъ удобными (въ обширной архангельской губерніи обложено столько же десятинъ, какъ и въ маленькой Курляндіи); а во-вторыхъ — достаточно взглянуть на размѣры налога, чтобы окончательно исчезли всѣ опасенія: могилевская и смоленская десятины (признанныя удобными) платятъ всего по полъ-копѣйки, слѣдовательно, если средній доходъ ихъ равняется даже двугривенному (т.-е. если десятина продается за три-четыре рубля), то и тогда налогъ составитъ лишь около $2^{1}/_{2}$% *чистаго* дохода. Въ архангельской губерніи десятина платитъ $^{1}/_{10}$ к., въ среднемъ выводѣ, но есть десятины обложенныя даже по $^{1}/_{100}$ к.; въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ пространства въ 10 тысячъ десятинъ, т.-е. въ 2 квадратныя мили (равняющіяся мелкому германскому государству), заплатитъ *одинъ рубль* въ годъ.

Каково же въ дѣйствительности отношеніе поземельнаго налога къ чистому доходу землевладѣльца? Для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ даннымъ о поземельныхъ доходахъ, которыя у насъ хотя и далеко не полны, однако имѣются въ немаломъ количествѣ. Всего лучше будетъ воспользоваться тѣмъ же источникомъ, изъ котораго въ послѣдніе годы у насъ чаще всего почерпали свѣдѣнія о разныхъ предметахъ, касающихся сельскаго быта, именно къ трудамъ извѣстной коммиссіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства, существовавшей пять лѣтъ тому назадъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Чтобы не черезъ-чуръ загромождать настоящую статью цифрами, мы не станемъ приводить данныхъ по всѣмъ губерніямъ, но выберемъ нѣсколько болѣе типичныхъ изъ различныхъ полосъ Россіи. Возьмемъ двѣ плодородныхъ губерніи центральныхъ, двѣ плодородныхъ, но степныхъ, и двѣ извѣстныхъ своею бѣдностью. Если читателю этого покажется мало, то пусть онъ даже

нѣсколько ослабить наши выводы: общее значеніе поземельнаго налога отъ этого измѣнится немного.

Арендную плату за десятину въ губерніяхъ подольской и кіевской, по всѣмъ извѣстіямъ, въ среднемъ выводѣ, нельзя признать меньше 4 р. 50 к.—5 рублей [1]). Обѣ эти губерніи, за исключеніемъ одного угла кіевской, притомъ представляютъ сплошное пространство очень плодородной земли, цѣнность которой по уѣздамъ подвергается лишь умѣреннымъ колебаніямъ.

Въ курской губерніи, судя по существующимъ арендным платамъ на озимую и яровую десятину, средній доходъ десятины можно опредѣлить не менѣе 9—10 рублей. Въ рязанской губерніи десятина пашни даетъ около 7 рублей, а такъ какъ тутъ есть не мало особенно цѣнныхъ луговъ, то слѣдуетъ принять даже не менѣе 8 рублей.

Въ екатеринославской губерніи, по показаніямъ землевладѣльцевъ, десятина даетъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. Возьмемъ, ради умѣренности и въ виду степного характера мѣстности, только 1 р. 75 к. Въ херсонской губерніи, тоже по показаніямъ землевладѣльцевъ, слѣдуетъ принять доходность десятины не ниже 2 р.—2 р. 50 коп. Возьмемъ только 2 рубля.

Въ смоленской губерніи, при долгосрочныхъ арендахъ, какъ показываютъ губернская управа и землевладѣльцы, доходность десятины составляетъ отъ одного до двухъ рублей. Почти ту же цѣну показываютъ и относительно могилевской губерніи. Но для бóльшей осторожности въ выводахъ относительно бѣдныхъ губерній, примемъ даже норму, значительно низшую противъ мѣстныхъ показаній, именно—75 коп. съ десятины.

Если бы мы широко воспользовались еще данными изъ оцѣнокъ земельныхъ банковъ, то доходность земель оказалась бы выше принятой нами. Но, въ данномъ случаѣ мы признаемъ за лучшее устраниться отъ этого источника, въ виду возможности замѣчаній въ томъ смыслѣ, что о неосторожности банковыхъ оцѣнокъ уже не разъ ходили слухи и заговаривали даже въ печати, и что банки, можетъ быть, распредѣляли свои ссуды неравномѣрно между разными мѣстностями губерній, вслѣдствіе чего тутъ нельзя слишкомъ обобщать банковыхъ данныхъ.

---

[1]) Въ этихъ губерніяхъ поземельныя цѣны еще искусственно понижаются вслѣдствіе запрещенія лицамъ польскаго происхожденія покупать земли и стѣсненій въ правѣ арендованія, сокращающихъ спросъ на земли, т.-е. ограничивающихъ вліяніе доходности земель. Рента тутъ, можетъ быть, значительно выше арендной цѣны.

Теперь, сопоставимъ приведенныя нами данныя о поземельныхъ чистомъ доходѣ и налогѣ. Предъ нами явится слѣдующая таблица[1]):

Губерніи:	Доходъ:	Налогъ:
Кіевская	5 р. — к.	10 к.
Подольская	5 „ — „	10 „
Курская	10 „ — „	10 „
Рязанская	8 „ — „	8 „
Херсонская	2 „ — „	3½ „
Екатеринославская	1 „ 75 „	3½ „
Смоленская	— „ 75 „	½ „
Могилевская	— „ 75 „	½ „

Выходитъ, что государственный поземельный налогъ составляетъ отъ ²/₃ до 2% чистаго дохода, получаемаго за вычетомъ всѣхъ расходовъ. Значительность колебанія этого процента можетъ происходить частію отъ несовершенства самой раскладки сбора, частію отъ неполноты данныхъ для среднихъ выводовъ о доходѣ. Во всякомъ случаѣ, преобладающій размѣръ налога никакъ нельзя положить болѣе 1½%. Но если бы даже во всѣхъ губерніяхъ налогъ поглощалъ 2% чистаго дохода, то и тогда неосновательность жалобъ на его высоту была бы совершенно очевидною, и онъ не могъ бы идти ни въ какое сравненіе съ повинностями крестьянъ и даже мѣщанъ.

Однако поземельные сборы состоятъ не изъ одного государственнаго налога. Земскіе бюджеты относятся, главнымъ образомъ, также на поземельные сборы, въ которыхъ участвуютъ землевладѣльцы всѣхъ сословій. Для правильности заключеній о существующемъ поземельномъ обложеніи, о производительности этого источника, необходимо брать государственный и земскіе сборы вмѣстѣ. Итакъ, обратимся еще къ земскимъ бюджетамъ.

Изъ опубликованныхъ въ послѣдній разъ „Правительственнымъ Вѣстникомъ" данныхъ о земскихъ сборахъ видно, что общая ихъ масса составляла въ 1874 г., по 32 губерніямъ — 22.681,769 руб. [2]).

Въ этой суммѣ заключалось: платежей съ торговыхъ документовъ 2.794,074 рубля, платежей съ городскихъ и фабричныхъ недвижимыхъ имуществъ 3.047,271 рубль и поземельныхъ 16.840,424 рубля (въ томъ числѣ съ крестьянъ 9.568,760 и съ прочихъ землевладѣль-

---

[1]) Кстати будетъ замѣтить, что данныя о доходности земель относятся преимущественно къ 1872 году. Съ той поры ростъ ренты долженъ былъ продолжаться.

[2]) Съ 1874 года смѣты земства по многимъ статьямъ увеличились, но за то сократились земскія издержки на крестьянскія учрежденія, вслѣдствіе замѣны мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ уѣздными и губернскими присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ.

цевъ 7.271,644 рубля). Отсюда видно, что поземельные сборы составляютъ три-четверти всѣхъ земскихъ налоговъ, причемъ болѣе 40% падаетъ на долю крестьянъ, а менѣе 35%—на долю остальныхъ землевладѣльцевъ. Отношенія между общими суммами земскихъ сборовъ и государственнаго налога мы не выводимъ, потому что въ послѣднемъ участвуетъ бо́льшее число губерній, вслѣдствіе не введенія земскихъ учрежденій, до настоящаго времени, слишкомъ въ десяти губерніяхъ.

Сдѣлавъ средніе подесятинные выводы земскихъ налоговъ по губерніямъ, мы найдемъ, что около —

17—18 копѣекъ съ десятины платятъ въ губерніяхъ курской и рязанской;

14 копѣекъ—въ пензенской;

13 копѣекъ—въ воронежской, орловской и ярославской;

12 копѣекъ—въ калужской, московской, саратовской, тамбовской, тульской, харьковской, черниговской и тверской;

11 копѣекъ—въ бессарабской, олонецкой, псковской и полтавской;

10 копѣекъ—въ вятской, казанской и симбирской;

9 копѣекъ—въ владимірской, херсонской и нижегородской;

8 копѣекъ—въ екатеринославской, новгородской, петербургской и смоленской;

6 копѣекъ—въ костромской и таврической, — и

1½ копѣйки—въ пермской и вологодской.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, разумѣется, платятъ съ десятины и больше и меньше противъ среднихъ выводовъ; но это обстоятельство не много измѣняетъ дѣло, такъ-какъ возвышеніе платежей обусловливается предполагаемымъ сравнительнымъ достоинствомъ тѣхъ или другихъ участковъ земли.

При первомъ взглядѣ на выведенныя подесятинныя цифры нельзя не замѣтить, что поземельное обложеніе распредѣлено крайне неравномѣрно, и иногда лучшія губерніи отличаются меньшими нормами сбора, чѣмъ губерніи, значительно уступающія имъ по достоинству. Напримѣръ, полтавская губернія стоитъ наравнѣ съ олонецкою, а симбирская и херсонская—ниже калужской. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ степени развитія земской дѣятельности въ той или другой губерніи (такъ-какъ однѣ губерніи ограничиваются преимущественно выполненіемъ только обязательныхъ повинностей и платою выборнымъ должностнымъ лицамъ, между тѣмъ какъ другія—умножаютъ учебныя заведенія, усиливаютъ врачебную помощь, перелагаютъ натуральныя повинности податныхъ сословій въ общія денежныя повинности и т. п.). Въ результатѣ получается бо́льшая чувствительность налога въ нѣкоторыхъ худшихъ губерніяхъ и совер-

шенная нечувствительность его для плательщиковъ лучшихъ черноземныхъ губерній; впрочемъ, въ послѣднихъ легкость платежей имѣетъ значеніе только для привилегированныхъ землевладѣльцевъ, такъ-какъ податные классы доплачиваютъ къ относительно слабымъ денежнымъ сборамъ своими натуральными повинностями. Незначительность денежныхъ сборовъ часто обусловливается именно оставленіемъ содержанія дорогъ, подводъ и т. п. на обязанности однихъ податныхъ классовъ.

Соединимъ теперь государственный и земскіе подесятинные сборы по тѣмъ типичнымъ губерніямъ, которыя мы отмѣтили выше, и сопоставимъ съ ними, по прежнему, чистый поземельный доходъ. У насъ получится новая табличка [1]):

Губерніи.	Денежный сборъ съ десятины.	Доходъ съ десятины.
Курская.	28 к.	10 р. — к.
Рязанская	25 „	8 „ — „
Херсонская	$12\frac{1}{2}$ „	2 „ — „
Екатеринославская . . .	$11\frac{1}{2}$ „	1 „ 75 „
Смоленская.	$8\frac{1}{2}$ „	— „ 75 „

Выходитъ, что въ первыхъ двухъ губерніяхъ поземельные сборы составляютъ отъ $2\frac{3}{4}$% до 3% чистаго дохода, въ третьей и четвертой—около 6%, а въ послѣдней—11% (напомнимъ объ осторожности, съ какою мы выводили поземельный доходъ для этой губерніи). Налогъ смоленской губерніи рѣзко выдается по своей сравнительной значительности; но тутъ кстати будетъ замѣтить, что въ этой губерніи, 8 копѣекъ съ десятины представляютъ только среднюю норму земскаго налога, между тѣмъ какъ зѐмли привилегированныхъ и непривилегированныхъ владѣльцевъ здѣсь особенно рѣзко разнятся между собою по платежамъ: на зѐмли перваго рода приходится меньше $5\frac{1}{2}$ копѣекъ, а включительно съ государственнымъ налогомъ 6 копѣекъ, чтó составитъ уже не 11%, а лишь 8% чистаго дохода. Слѣдовательно, если имѣть въ виду только вновь привлеченные къ налогу классы, то въ приведенныхъ пяти типичныхъ губерніяхъ поземельный налогъ колеблется между 3% и 8% съ чистаго дохода. Стало-быть, владѣлецъ дохода въ 1,000 рублей платитъ въ годъ отъ 30 до 80 рублей и имѣетъ для себя остатокъ въ 920—970 рублей, а владѣлецъ 10 тысячъ дохода, платя отъ 300 до 800 рублей, пользуется остаткомъ въ 9,200—9,700 рублей.

---

[1]) Губерній: кіевской, подольской и могилевской, мы не приводимъ, потому-что въ нихъ не введено земскихъ учрежденій, и нѣтъ земскихъ сборовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ эти сборы существуютъ въ прочихъ губерніяхъ. Объ этихъ губерніяхъ мы поговоримъ ниже особо.

Таковы положительныя данныя, на которыхъ можно строить заключеніе о степени тягостности нынѣшнихъ поземельныхъ сборовъ. При всѣхъ натяжкахъ, подобной тягостности открыть нельзя. Но, говоря это, мы не думаемъ отрицать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ видѣ болѣе или менѣе рѣдкаго исключенія, могутъ встрѣчаться и нѣсколько болѣе чувствительныя нормы налога, отъ неудовлетворительности раскладокъ, оцѣнокъ и т. п. Здѣсь возникаетъ уже частный вопросъ объ улучшеніи распредѣленія, не имѣющій связи съ тягостью поземельнаго налога вообще, съ его значеніемъ въ государственномъ бюджетѣ, съ производительностію этого источника.

До-сихъ-поръ мы все говорили только о размѣрахъ сборовъ, объ отношеніи ихъ къ доходности земли. Но этимъ вопросъ о нынѣшнемъ положеніи нашихъ поземельныхъ налоговъ далеко не исчерпывается. Ненормальности, представляемыя этимъ положеніемъ, заключаются не въ одной неравномѣрности распредѣленія, не въ томъ только, что однѣ земли платятъ бо́льшій, а другія—меньшій процентъ своего дохода. Обратившись въ другую сторону, мы встрѣтимся съ ненормальностями, затрогивающими даже принципіальное достоинство разсматриваемаго налога.

Какъ бы ни были значительны поземельные сборы, но пока они не поглощаютъ всего поземельнаго дохода, то могутъ сохранять за собою существенныя достоинства: они могутъ оставаться равномѣрными, взиматься съ дѣйствительнаго дохода и съ прямыхъ плательщиковъ, безъ переложенія на другихъ. Но у насъ есть огромная категорія лицъ, для которыхъ поземельный налогъ вовсе не составляетъ подати на доходъ.

Почти для всѣхъ крестьянъ владѣніе землею соединено съ непремѣнною обязанностью уплачивать выкупные платежи, взимаемые съ той же самой земли и пропорціонально ея количеству. Въ плодородныхъ губерніяхъ черноземной полосы выкупные платежи ниже *нынѣшней* сто́имости земли, и потому тамъ крестьянскіе поземельные сборы хотя и чувствительны, но еще могутъ считаться падающими на доходъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ, преимущественно сѣверныхъ: тамъ выкупные платежи давно признаны превышающими земельный доходъ. Не приводя массы частныхъ свидѣтельствъ и подробныхъ цифирныхъ разсчетовъ, достаточно сослаться хоть на выводъ оффиціальной сельскохозяйственной коммиссіи. Эта послѣдняя высказала, что въ губерніяхъ: новгородской, тверской, вологодской, вятской, уфимской и оренбургской—выкупные платежи превышаютъ земельную ренту болѣе чѣмъ на 50%, въ губерніяхъ: псковской, смоленской, московской, калужской и пермской—отъ 30%

до 50%, а въ губерніяхъ: могилевской, ярославской, костромской, казанской и симбирской—отъ 10% до 30%. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ числится 3.170,000 ревизскихъ душъ крестьянъ. При болѣе тщательномъ разборѣ, конечно, окажется, что отмѣченное явленіе касается гораздо бо́льшей массы населенія. Когда платежи превышаютъ доходъ, то выходитъ, что этотъ послѣдній для плательщиковъ совершенно исчезаетъ, и затѣмъ излишекъ налога они уплачиваютъ уже не съ земли, а съ чего-то другого, съ чего же именно—это и опредѣлить трудно.

Возьмемъ крестьянина, который платитъ выкупной платежъ, превышающій доходъ отъ земли на 50%. Для него, владѣніе землею приноситъ не доходъ, а убытокъ, не плюсъ, а минусъ, равняющійся половинѣ всего его выкупного платежа. Этотъ минусъ возрастаетъ вмѣстѣ съ числомъ надѣльныхъ десятинъ. Если у него пять десятинъ—онъ несетъ убытка 250%, если десять—500% подесятиннаго платежа. Чѣмъ больше земли, тѣмъ больше убытка.

Спрашивается: съ чего, въ подобныхъ случаяхъ, взимаются государственные и земскіе поземельные сборы? Очевидно, не съ дохода, а *съ убытка*. Мужикъ платитъ налогъ не пропорціонально своимъ выгодамъ, а пропорціонально своимъ потерямъ. Кто больше доплачиваетъ на выкупныхъ платежахъ—тотъ и сильнѣе облагается. Чѣмъ больше онъ теряетъ, тѣмъ больше съ него требуется, потому что и выкупныя приплаты и поземельные сборы вычисляются соотвѣтственно числу десятинъ. Согласно требованіямъ элементарной правильности, чѣмъ человѣкъ состоятельнѣе, тѣмъ онъ долженъ платить больше, а тутъ какъ разъ выходитъ наоборотъ: чѣмъ меньше состоятельность, тѣмъ выше налогъ. Обстоятельство это еще не черезъ-чуръ бросается въ глаза потому, что государственные и земскіе поземельные сборы составляютъ относительно небольшую часть общей массы крестьянскихъ налоговъ, что они тонутъ въ ней; но съ точки зрѣнія достоинства поземельнаго налога—это обстоятельство заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Налогъ, имѣющій будущность, долженъ бы съ-разу становиться на возможно правильнѣйшія основанія; тутъ же, напротивъ,—онъ съ-разу усвоилъ себѣ крупный, коренной недостатокъ. Ясно, что въ данномъ случаѣ обсуждаемые сборы утрачиваютъ всѣ существенныя достоинства поземельнаго налога и выходятъ ни сколько не лучше подушной подати; иногда они бываютъ даже хуже. Подушное исчисленіе находится хоть въ слабой связи съ количествомъ рабочихъ силъ, создающихъ средства плательщиковъ, а излишки земельныхъ сборовъ противъ дохода часто падаютъ на нѣчто совсѣмъ неопредѣленное. Такимъ образомъ, если введеніе въ нашу бюджетную систему обсуждаемыхъ налоговъ и составляетъ принципіальное улуч-

шеніе, то на дѣлѣ это улучшеніе часто совершенно исчезаетъ. Оно представляетъ собою правило, допускающее очень крупныя исключенія. Нѣсколько милліоновъ ревизскихъ душъ платятъ подать съ убытка.

Обстоятельство, на которое мы указали, не можетъ не тормазить и земскаго дѣла; предъ земствомъ являются два разряда плательщиковъ, изъ которыхъ для одного поземельный налогъ составляетъ легкій вычетъ изъ чистаго дохода, а для другого—подать на убытокъ. Измѣнить этотъ порядокъ, усилить платежи класса менѣе обремененнаго для облегченія болѣе обремененнаго—земство не можетъ потому, что имѣетъ дѣло съ безличными десятинами. Прибавивъ копѣйку платежа для одной десятины, земство должно прибавить ее и для всѣхъ остальныхъ. Расширяя свой бюджетъ, земство разомъ прибавляетъ 5-й или 6-й процентъ налога съ дохода для однихъ и 151-й или 152-й процентъ—для другихъ. Какъ тутъ не задуматься даже надъ удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ мѣстныхъ потребностей! Нельзя также не вспомнить при этомъ, что путемъ объясненныхъ налоговъ и распредѣленія ихъ удовлетворяются не однѣ мѣстныя потребности, но и такія, которыя, по существу своему, суть чисто государственныя. Тормазъ въ земскомъ дѣлѣ могъ бы уменьшиться развѣ послѣ тщательнаго пересмотра самого состава земскаго бюджета и выведенія изъ него всего того, что̀ касается государственныхъ нуждъ, что̀ съ бо̀льшимъ правомъ могло бы занять мѣсто въ государственномъ бюджетѣ и быть отнесеннымъ на менѣе истощенные источники.

Обратимся теперь къ болѣе крупнымъ мѣстнымъ особенностямъ въ системѣ поземельныхъ налоговъ.

Въ западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій нѣтъ, а потому нѣтъ и земскихъ сборовъ, въ томъ видѣ, какъ въ прочихъ губерніяхъ. Для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, смѣты утверждаются самимъ правительствомъ, которое опредѣляетъ и подесятинное обложеніе на трехлѣтніе сроки. Отсутствіе въ краѣ земскихъ учрежденій объясняется, какъ извѣстно, политическими причинами, то-есть польскимъ происхожденіемъ большинства мѣстныхъ землевладѣльцевъ, но, по странному стеченію обстоятельствъ, послѣдствія этого отсутствія, въ значительной степени, направляются совсѣмъ въ другую сторону и вредятъ не землевладѣльцамъ, а мѣстному крестьянству, которое въ политикѣ—не причемъ. Такъ какъ почти половина земскихъ расходовъ у насъ принадлежитъ къ разряду такъ-называемыхъ „необязательныхъ“, то-есть учреждаемыхъ по собственной земской инціативѣ, то въ не-земскихъ губерніяхъ смѣты заключаютъ въ себѣ одни только „обязательные“ расходы. Отъ этого общій размѣръ

смѣтъ и подесятинное обложеніе—меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ черноземныхъ губерніяхъ. За то, крестьянство вовсе не пользуется тѣми выгодами, какія земство доставляетъ крестьянамъ другихъ мѣстностей. Напримѣръ, въ земскихъ губерніяхъ учреждаются для крестьянъ школы на общій счетъ всѣхъ земскихъ плательщиковъ, а въ западныхъ — если крестьяне хотятъ имѣть школы, то должны заводить ихъ на свой собственный счетъ. Земство устраиваетъ для народа врачебную помощь, тоже на счетъ общихъ средствъ всей мѣстности, а западный мужикъ или долженъ оставаться безъ врачей, или содержать ихъ по одному на волость [1]), опять на свой собственный счетъ. Земство перелагаетъ сословныя крестьянскія натуральныя повинности въ общія денежныя, то-есть переноситъ часть крестьянскихъ тягостей на привилегированныхъ землевладѣльцевъ, а въ западныхъ губерніяхъ вся тяжесть натуральныхъ повинностей обременяетъ одно крестьянство. Выходитъ, что политическія соображенія, между прочимъ, имѣютъ результатомъ: уменьшеніе землевладѣльческихъ повинностей и излишнее обремененіе податныхъ сословій, со всякой точки зрѣнія вполнѣ „благонадежныхъ".

Но собственно для польскихъ землевладѣльцевъ края уменьшеніе подесятинныхъ мѣстныхъ повинностей съ избыткомъ вознаграждается существованіемъ мѣстнаго спеціальнаго „процентнаго сбора", начало котораго относится къ 1863 году. Этотъ сборъ взимается съ однихъ только польскихъ владѣльцевъ, не касаясь ни крестьянъ, ни русскихъ и остзейскихъ помѣщиковъ; въ настоящее время, онъ имѣетъ чисто политическую подкладку; но на него можно также взглянуть и какъ на предтечу общесословнаго налога, долженствующаго со временемъ уравнить податныя тягости разныхъ сословій. Подобное уравненіе, въ той или другой степени, во всякомъ случаѣ представляетъ вопросъ не далекаго будущаго, слѣдовательно,—то, что̀ теперь отчасти примѣнено къ помѣщикамъ западнаго края, можетъ впослѣдствіи распространиться въ общую финансовую мѣру, и затѣмъ нынѣшній „процентный" сборъ утратитъ свой узко-политическій характеръ.

Въ западныхъ губерніяхъ поземельные налоги состоятъ изъ трехъ главныхъ элементовъ: такъ-называемаго „губернскаго" сбора (который существовалъ прежде вездѣ, но въ земскихъ губерніяхъ уже замѣненъ „земскими" сборами), частной повинности въ пользу духовенства и—упомянутаго выше „процентнаго" сбора. Первые два налога представляютъ слѣдующіе оклады на десятину:

---

[1]) Волость есть самая крупная крестьянская единица, и крестьяне могутъ составлять приговоръ только о сельскихъ и волостныхъ нуждахъ.

Губерніи.	Губернскаго сбора.	На духовенство.	Итого.
Кіевская	2,7 коп.	3 коп.	5,7 коп.
Подольская . . .	6,5 „	4,7 „	11,2 „
Волынская . . .	4,9 „	2,8 „	7,7 „
Минская	4 „	1,3 „	5,3 „
Могилевская. . .	6,1 „	1,6 „	7,7 „
Витебская. . . .	7,8 „	1,5 „	9,3 „
Гродненская. . .	3,8 „	2 „	5,8 „
Ковенская . . .	7,5 „	1,2 „	8,7 „
Виленская . . .	6,1 „	1,8 „	7,9 „

Отсюда видно, что въ самыхъ даже плодороднѣйшихъ западныхъ губерніяхъ поземельныя повинности (за исключеніемъ процентнаго сбора) легче, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Для сравненія, всего лучше будетъ брать именно наиболѣе плодородныя губерніи, отличающіяся наименьшими колебаніями въ достоинствѣ земли. О прочихъ губерніяхъ, именно въ силу означенныхъ колебаній, выводы будутъ менѣе положительны. Поэтому, остановимся на кіевской и подольской губерніяхъ и сравнимъ съ ними рязанскую и курскую, причемъ будемъ складывать вмѣстѣ какъ государственные, такъ и мѣстные сборы:

Губерніи.	Налогъ на десятину.
Кіевская	15,7 коп.
Подольская	21,2 „
Курская	28 „
Рязанская.	25 „

Ясно, что кіевскій и подольскій (не польскіе) помѣщики положительно выигрываютъ противъ курскаго и рязанскаго, платя значительно меньше налога. Для нихъ невведеніе земскихъ учрежденій составляетъ чистѣйшій барышъ, потому что они избавляются отъ расходовъ на мѣстныя народныя потребности, на школы, на переложеніе натуральныхъ повинностей и т. под. За эту ихъ выгоду платится мѣстное крестьянство, обязанное или не пользоваться тѣмъ, чтó даетъ крестьянству земство въ другихъ губерніяхъ, или заводить все это на собственный счетъ и, во всякомъ случаѣ, обязанное выносить на себѣ одномъ всѣ натуральныя повинности.

Посмотримъ теперь на „процентный сборъ". Для девяти губерній онъ составляетъ нѣсколько болѣе полутора милліона рублей, но наибольшая часть его падаетъ на три югозападныя губерніи, какъ лучшія. Такъ, напримѣръ, на кіевскую губернію приходится 304 тысячи, а на подольскую — 369 тысячъ рублей. Налогъ этотъ собирается, какъ выше сказано, только съ польскихъ помѣщиковъ, но разсчитывается по количеству всего ихъ дохода, въ которомъ доходъ поземельный есть, разумѣется, самый главный. Потому, на

процентный сборъ можно смотрѣть какъ на одинъ изъ видовъ поземельнаго налога. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ налога, приходящагося на одну землю, равно какъ и о количествѣ земли, принадлежащей однимъ польскимъ помѣщикамъ, у насъ нѣтъ, но среднюю цифру подесятиннаго сбора можно вычислить приблизительно. Относя пятую часть всего налога на фабрики, заводы и прочія доходныя статьи, и полагая, что около четверти всей помѣщичьей земли принадлежитъ владѣльцамъ не-польскаго происхожденія, мы получимъ, что въ двухъ названныхъ губерніяхъ 2.400,000 десятинъ платятъ 550 тысячъ рублей процентнаго сбора, то-есть на десятину приходится, среднимъ числомъ, 23 копѣйки. Такимъ образомъ, непольскій помѣщикъ платитъ отъ 16 до 21 копѣйки, а польскій — отъ 39 до 44 копѣекъ съ десятины (около или менѣе 10% съ чистаго дохода).

Сравнивая весь поземельный платежъ польскаго помѣщика черноземной западной губерніи съ такимъ же платежомъ помѣщика лучшихъ великорусскихъ губерній, мы находимъ, что первый платитъ почти въ полтора раза больше. Однако, какъ ни значительна эта разница, она все-таки не разорительна для западнаго землевладѣнія; при настоящемъ уровнѣ поземельной ренты помѣщичьи имѣнія юго-западныхъ губерній не разоряются, а продолжаютъ процвѣтать. Цѣны на земли съ каждымъ годомъ возвышаются; недавно, еще очень много имѣній продавалось съ аукціона, а теперь подобныя продажи почти совсѣмъ прекратились и развѣ въ два-три года продается одно какое-нибудь имѣніе. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что земля черноземныхъ губерній положительно въ состояніи вынести тотъ усиленный налогъ, какой существуетъ въ западныхъ губерніяхъ, и даже бóльшій. А отсюда ясно, что владѣльцы, не платящіе „процентнаго сбора“, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія жаловаться на высоту поземельнаго обложенія, что земельные налоги великороссійскихъ и малороссійскихъ черноземныхъ мѣстностей вовсе не достигли своего максимума, что всѣ жалобы на подобную тэму—совершенно неосновательны. Если польскій помѣщикъ, платя больше, нé разоряется, и имѣнія его растутъ въ цѣнѣ, то нѣтъ никакого повода предполагать разорительность поземельнаго налога для не-польскихъ помѣщиковъ, платящихъ меньше, и имѣющихъ не менѣе производительную землю. Конечно, всякому естественно желать платить меньше, но въ вопросахъ, имѣющихъ государственное значеніе, можно опираться лишь на положительныя данныя; курскій или тамбовскій землевладѣлецъ никакъ не разорится отъ того, чтó безъ затрудненія выноситъ подольскій или кіевскій.

Наконецъ, обратимся еще къ одной окраинѣ — къ губерніямъ царства польскаго. Тамъ, вопросъ объ уравненіи платежей разныхъ

сословій и о поземельномъ обложеніи подвинулся гораздо дальше, чѣмъ въ какой-либо изъ русскихъ губерній (см. нашу статью „Устройство польскихъ крестьянъ" въ 4-й книгѣ „Вѣстника Европы" за 1877 годъ). Помѣщичьи поземельные сборы въ общей суммѣ своей почти равняются крестьянскимъ поземельнымъ сборамъ и составляютъ около $2^1/_2$ милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ и выкупъ крестьянскихъ надѣловъ тамъ отнесенъ не на крестьянскій только счетъ, а на счетъ обѣихъ сторонъ. Собственно помѣщичьи налоги, въ среднемъ выводѣ, достигаютъ 30 коп. съ морга, что составитъ на десятину болѣе 50 коп., хотя земли въ губерніяхъ царства польскаго, по природнымъ качествамъ своимъ, далеко ниже земель нашихъ черноземныхъ губерній, какъ западныхъ, такъ и великорусскихъ и малорусскихъ. Сличая подесятинное обложеніе въ царствѣ польскомъ съ тѣмъ же обложеніемъ въ другихъ мѣстностяхъ нашего государства, мы находимъ, что оно достигаетъ тамъ наивысшей степени. Одного „дворскаго поземельнаго налога" въ царствѣ польскомъ приходится па десятину больше, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ всѣхъ налоговъ въ совокупности, то-есть—и губернскихъ сборовъ, и на духовенство и даже „процентнаго". Съ налогами же русскихъ помѣщиковъ „дворскій налогъ" не можетъ идти и въ сравненіе. Но тамошнее усиленное обложеніе скорѣе представляетъ результатъ болѣе совершенной системы налоговъ, чѣмъ результатъ узко-политическихъ соображеній, какія первоначально вызвали установленіе „процентнаго" сбора западныхъ губерній. Помѣщичья собственность въ царствѣ польскомъ выплачиваетъ казнѣ почти столько же, сколько даетъ „государственный поземельный налогъ" всѣхъ помѣщиковъ всѣхъ русскихъ губерній. Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ о доходѣ польскихъ земель, чтобъ заключать о степени чувствительности подобнаго обложенія, но давнее существованіе послѣдняго, при отсутствіи извѣстій о слишкомъ частыхъ продажахъ помѣщичьихъ имѣній, показываетъ, что земля въ состояніи выносить объясненный налогъ, какъ значительно низшій противъ размѣра поземельной ренты.

Разумѣется, вся система податей въ мѣстностяхъ царства польскаго отличается отъ нашей податной системы, почему не удивительно и отмѣченное нами различіе въ отношеніи къ земельнымъ сборамъ. Мы привели означенныя выше цифры, главнымъ образомъ, потому, что онѣ помогаютъ намъ въ оцѣнкѣ тѣхъ мнѣній, о тягости нашихъ поземельныхъ повинностей, какія мы нерѣдко слышимъ у себя дома. Если земля выноситъ болѣе чѣмъ 50-копѣечный налогъ на берегахъ Вислы, не разоряя своихъ владѣльцевъ, и сохраняя значительную продажную цѣнность, то какъ говорить о разо-

рительности окладовъ въ 15, 20 или 25 копѣекъ на берегахъ южной половины Днѣпра, Днѣстра, Ворсклы, Сейма, Цны и т. под.?

Представивъ числовыя данныя о поземельныхъ налогахъ, сдѣлаемъ теперь общее заключеніе о нашей системѣ поземельнаго обложенія.

Эта система представляетъ очень мало цѣльности; она является сводомъ разновременно изданныхъ узаконеній, появлявшихся вслѣдствіе разнообразныхъ соображеній и при недостаточной выясненности условій, долженствовавшихъ сообщить налогу то или иное фактическое значеніе. Оттого и послѣдствія часто не соотвѣтствовали ожиданіямъ: гдѣ думалось улучшить достоинство налога—тамъ осталось все по старому, гдѣ предполагалась стѣснительная мѣра для помѣщиковъ—явилась очевидная потеря для крестьянства, гдѣ возникали опасенія обременить землевладѣніе—тамъ налогъ вышелъ почти совсѣмъ незамѣтнымъ и т. под.

Если бы у насъ съ-разу установился взглядъ на поземельный налогъ какъ на одну изъ важныхъ статей бюджета, имѣющую развиваться въ будущемъ, если бы обращеніе къ этому источнику объяснялось, главнымъ образомъ, признаніемъ за поземельнымъ налогомъ его существенныхъ достоинствъ и преимуществъ предъ другими налогами, а не частною только цѣлью умѣреннаго уменьшенія подушныхъ сборовъ въ самый разгаръ обсужденія податной реформы,—то нынѣшніе поземельные налоги были бы равномѣрны и во всѣхъ мѣстностяхъ уносили бы только опредѣленную часть чистаго поземельнаго дохода. Но теперь предъ нами не то: вся масса плательщиковъ разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, различающихся между собою не только по степени тягости обложенія, но и по самымъ предметамъ, на которые, *въ дѣйствительности*, падаетъ налогъ.

Землевладѣльцы черноземныхъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній выплачиваютъ совершенно нечувствительный сборъ, и если разнятся между собою по степени легкости поземельной повинности, то очень не много. Невыгоды, какія инымъ представителямъ этой группы плательщиковъ приходится переносить, не имѣютъ ничего общаго съ налогомъ.

Землевладѣльцы нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерній ощущаютъ вліяніе налога нѣсколько сильнѣе (собственно тамъ гдѣ больше развились мѣстные, земскіе бюджеты), но и за всѣмъ тѣмъ, ихъ налоги, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть названы отяготительными и составляютъ лишь небольшую долю чистаго земельнаго дохода.

Для крестьянъ южной и всей черноземной полосы поземельный налогъ уже гораздо чувствительнѣе, такъ какъ, за вычетомъ выкупного платежа изъ поземельной ренты ихъ надѣловъ, у нихъ остается лишь небольшой чистый земельный доходъ, въ отношеніи къ которому налогъ составляетъ уже крупный процентъ. При всей, однако,

крупности этого процента, налогъ еще можетъ сохранять существенныя достоинства поземельнаго, т.-е. оставаться налогомъ на доходъ, не перелагаться на другіе предметы и т. п. Тутъ предъ нами хотя и сильное, но все-таки *поземельное* обложеніе; переносъ части повинностей съ душъ на землю представляется дѣйствительнымъ улучшеніемъ, такъ какъ и состоятельность крестьянъ и налоги ихъ остаются соразмѣрными количеству владѣемой ими земли.

Для крестьянина нечерноземной полосы, поземельный налогъ, по существу своему, уже вовсе не поземельный и не имѣетъ ни одного изъ достоинствъ послѣдняго. Земля, за вычетомъ изъ ея дохода выкупного платежа, даетъ убытокъ и налогъ оказывается пропорціональнымъ этому убытку. Поземельная рента для крестьянина уже потеряна, и налогъ, называемый поземельнымъ, берется съ чего-то неопредѣленнаго. Здѣсь, переносъ повинности съ душъ на землю не представляетъ никакого улучшенія, а кое-гдѣ является даже ухудшеніемъ: такъ, при маломъ числѣ душъ, владѣлецъ убыточнаго пространства земли платилъ бы меньше, чѣмъ онъ платитъ въ настоящее время, когда подать соразмѣрена съ величиною неприносящаго дохода надѣла. Всякое дальнѣйшее возвышеніе поземельнаго сбора тутъ было бы новою тягостью, лишенною правильнаго основанія; такое положеніе не можетъ не затруднять и земскаго дѣла.

Не-польскій помѣщикъ западныхъ губерній платитъ еще меньше великороссійскаго или малороссійскаго помѣщика, и положительно выигрываетъ на отсутствіи земскихъ учрежденій, заводящихъ всесословные сборы.

Западный крестьянинъ, платя меньше великорусскаго, проигрываетъ гораздо больше на отсутствіи земскихъ учрежденій, которыя могли бы снять съ него часть тягости его сословныхъ натуральныхъ повинностей, дать ему лишнія школы, врачей, фельдшеровъ, ссудо-сберегательныя учрежденія и т. под.

Польскій помѣщикъ западнаго края платитъ больше всѣхъ помѣщиковъ въ Россіи, хотя платежъ его все-таки меньше 10% съ чистаго дохода, и значительно меньше платежа помѣщика царства польскаго, не говоря уже о платежахъ крестьянскихъ; этотъ платежъ великъ только сравнительно съ другими помѣщичьими платежами, но не мѣшаетъ помѣщичьимъ хозяйствамъ развиваться, а землѣ дорожать съ каждымъ годомъ.

Наконецъ, помѣщики и крестьяне царства польскаго въ наиболѣе значительной степени пользуются уравненіемъ податныхъ тягостей.

Таково разнообразіе послѣдствій установленія у насъ поземельнаго налога въ его нынѣшнемъ видѣ. Всего легче платить черноземному великорусскому помѣщику; за нимъ идутъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: нечерноземный русскій помѣщикъ, польскій помѣщикъ

западнаго края, помѣщикъ царства польскаго, крестьянинъ того же края, крестьяне: великорусскій черноземный, западный и наконецъ сѣверный. Мы отмѣтили только восемь главныхъ группъ плательщиковъ, но, вдавшись въ подробности, мы нашли бы ихъ, конечно, больше и должны были бы ввести еще подраздѣленія.

Въ виду такого разнообразія, нѣтъ возможности дать одинъ общій, опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о достоинствѣ и силѣ существующаго у насъ поземельнаго обложенія, также какъ о степени производительности этого источника для государства. Можно сказать, что средства, даваемыя государству и земству поземельными сборами, въ одно и то же время, черпаются и изъ вполнѣ свободныхъ и изъ совершенно истощенныхъ источниковъ. Въ отношеніи къ однимъ плательщикамъ, усиленіе поземельнаго налога можетъ дать государству довольно значительныя средства, а въ отношеніи къ другимъ—не дастъ ровно ничего и только усилитъ недостатки существующей податной системы. Поэтому, развитіе обсуждаемаго налога въ будущемъ невозможно безъ коренного измѣненія нынѣшней системы обложенія. Нельзя ограничиваться однообразнымъ повышеніемъ нынѣшнихъ цифръ налога.

Обращеніе къ поземельному налогу, какъ къ одному изъ средствъ поправленія государственнаго бюджета, возможно; точно также, поземельные сборы могутъ быть еще довольно обильнымъ источникомъ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Но для этого необходимо: во-первыхъ, твердо установить, какъ главное основаніе обложенія,—опредѣленность отношенія налога къ чистому поземельному доходу, съ недопущеніемъ превышенія первымъ послѣдняго; а во-вторыхъ—тщательный пересмотръ состава нынѣшнихъ „обязательныхъ" земскихъ повинностей. Съ выводомъ изъ земскихъ бюджетовъ нѣсколькихъ статей, вовсе не касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ, земства почувствуютъ нѣкоторый просторъ въ средствахъ, что дастъ имъ возможность, даже при нынѣшнемъ уровнѣ налоговъ, удовлетворить наиболѣе вопіющимъ мѣстнымъ потребностямъ; тогда какъ теперь, иныя земства должны сокращать самые необходимые расходы, чтобы не увеличивать сборовъ на земли, которыхъ доходъ уже весь ушелъ на платежи. Освобожденіе земскихъ бюджетовъ отъ упомянутыхъ статей необходимо еще и потому, что эти статьи иногда требуютъ почти одинаковыхъ расходовъ, какъ съ бѣдной, такъ и съ богатой губерніи, т.-е. сами по себѣ предустанавливаютъ неравномѣрность налоговъ: напримѣръ, расходы на гражданское управленіе почти одинаковы въ полтавской и новгородской, въ орловской и костромской губерніяхъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1878.

Судебный процессъ 31-го марта, и приговоръ присяжныхъ.—Отличительныя свойства суда присяжныхъ вообще.—Параллельные случаи оправдательныхъ приговоровъ у насъ и за-границею.—Разсужденія въ палатѣ лордовъ по поводу убійства.—Двѣ системы.—Единообразіе и единство.—Жалобы изъ Грузіи, и отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1876 годъ.

Въ процессѣ 31-го марта наибольшее впечатлѣніе произвелъ приговоръ присяжныхъ, а потому и мы главнымъ образомъ остановимся на этомъ приговорѣ,— и прежде всего укажемъ на тотъ безспорный фактъ, что оправданіе г-жи Засуличъ, несмотря на личное ея сознаніе, не представляло въ судебной практикѣ ничего необыкновеннаго, а потому всѣ толки о его „неслыханности" и „безпримѣрности" были неосновательны и тенденціозны. Защитникъ подсудимой, въ заключеніи своей рѣчи, представилъ, съ своей стороны, неоднократные примѣры признанія невинности въ такихъ даже случаяхъ, когда дѣло шло объ убійствѣ по побужденіямъ личной ненависти, чего въ настоящемъ случаѣ вовсе не было. Правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда такимъ образомъ признавалась невиновность въ совершённомъ убійствѣ или покушеніи на него, допускалось обыкновенно, что подсудимые дѣйствовали въ неполномъ сознаніи или въ такомъ состояніи раздраженія, которое лишало ихъ свободной воли. Но за то по другимъ случаямъ подобнаго же преступленія бывали оправданія и совершенно независимо отъ всякаго допущенія аффекта: единственнымъ, но вполнѣ достаточнымъ мотивомъ къ признанію невиновности служили тогда только одни обстоятельства, *обусловившія* преступное дѣйствіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ настоящемъ, все дѣло сводилось потому на оцѣнку такихъ обстоятельствъ, и приговоръ о невиновности подсудимыхъ былъ въ сущности не что иное, какъ признаніе бѣдственности обстоятельствъ, въ силу которыхъ дѣйствовалъ подсудимый.

Приговоръ по дѣлу г-жи Засуличъ былъ, конечно, оцѣненъ именно въ этомъ, а не въ какомъ-нибудь другомъ смыслѣ и тою публикой, которая въ залѣ суда встрѣтила его рукоплесканіями, такъ какъ эта публика состояла изъ лицъ, имѣвшихъ возможность получить билетъ преимущественно передъ цѣлой толпой соискателей, и слѣдовательно, привилегированныхъ. Невозможно и предположить, чтобы въ публикѣ такого состава преобладали какія-либо террористическія поползновенія, оправдывающія самое покушеніе на убійство должностныхъ лицъ. Нельзя также допустить, чтобы такая публика была проникнута радикальными, соціалистическими, или вообще какими-нибудь революціонными идеями. Такія идеи угрожали бы прежде всего именно достаточнымъ классамъ, а потому нельзя ни на одну минуту подумать, что публика, бывшая тогда въ залѣ суда, рукоплескала приговору съ цѣлью привѣтствовать его какъ оправданіе противообщественныхъ попытокъ.

Всякому, конечно, дорогá своя жизнь, и уже по этому одному никто не расположенъ оправдывать покушеній на убійство. Правда, обстоятельства даннаго дѣла были такъ исключительны, что никто не могъ бы предвидѣть опасности для своей жизни именно отъ ихъ повторенія. Но за то есть опасности иного рода, гораздо болѣе возможныя и близкія каждому, и эти опасности, для тѣхъ, кто можетъ имъ подвергнуться, дѣлаютъ иногда самую жизнь почти нестерпимою. А кто можетъ считать себя безусловно застрахованнымъ отъ такихъ обстоятельствъ? Одного отсутствія вины не всегда, повидимому, бываетъ достаточно, чтобы пользоваться такимъ спокойствіемъ. Вѣдь и сама Вѣра Засуличъ только недавно предстала передъ судомъ по обвиненію въ совершённомъ ею преступленіи. Если человѣкъ можетъ отвѣчать вполнѣ за себя и за свои поступки, то онъ не можетъ отвѣчать за всѣхъ своихъ знакомыхъ, и даже при всевозможной благонамѣренности не въ силахъ уничтожить такого факта, что случай сталкивалъ его, хотя бы только внѣшнимъ образомъ, съ какимъ-либо лицомъ, оказавшимся впослѣдствіи преступнымъ.

Вотъ почему слишкомъ односторонне смотрятъ на дѣло тѣ, впрочемъ, слишкомъ немногіе, люди, которые во всемъ дѣлѣ Засуличъ упорно останавливаются на одной только потребности общества,—на потребности его, чтобы примѣненіемъ законовъ была ограждена единственно жизнь гражданъ. Есть еще и весьма важныя, самыя первоначальныя условія жизни, которыя также должны быть юридически охраняемы, какъ и самая жизнь; наконецъ, самые законы не менѣе нуждаются въ охраненіи отъ противорѣчій имъ со стороны дѣйствій должностныхъ лицъ и со стороны актовъ хотя бы даже легальныхъ, но могущихъ вносить противорѣчіе и сомнѣніе въ область права,—

въ такую область, гдѣ противорѣчія и исключенія ослабляютъ авторитетъ закона.

Допустивъ все это—а никто не можетъ искренно не допустить того—мы должны имѣть затѣмъ въ виду, что судъ присяжныхъ вездѣ и всегда былъ не только выразителемъ нравственныхъ понятій общества, судомъ надъ тѣмъ, чтó признаётся зломъ,—но еще и представителемъ основныхъ потребностей общества, то-есть судомъ надъ тѣмъ, чтó признаётся бóльшимъ, чтó—меньшимъ и чтó—равнымъ зломъ. А коль скоро мы допустимъ, что судъ присяжныхъ изслѣдуетъ судебные факты не только съ отвлеченной точки зрѣнія о добрѣ и злѣ, но еще и съ практической точки зрѣнія, а именно, въ какой мѣрѣ разные факты дѣйствительно угрожаютъ безопасности гражданъ; коль скоро мы признáемъ, что присяжные, взятые изъ среды общества, не могутъ быть метафизиками, разсуждающими внѣ условій времени и пространства, но являются практическими дѣятелями,—то мы и убѣдимся, что присяжные въ дѣйствительности обсуждаютъ не одинъ какой-либо голый фактъ, но и другіе общественные факты, къ которымъ первый имѣетъ ближайшее отношеніе.

Вотъ чего не слѣдовало бы упускать изъ виду тѣмъ, кто за оправданіемъ Вѣры Засуличъ толковалъ, что послѣ этого „каждый можетъ..."; а также и тѣмъ, кто легкомысленно утверждалъ, будто „только у насъ, въ Россіи, возможно подобное признаніе невинновности при наличности сознанія". Первые сами сходятъ съ почвы отвлеченно-моральнаго сужденія на почву чисто-практическую: возбуждая вопросъ объ общественной безопасности, они должны принять во вниманіе, что опасности бываютъ многоразличныя; что въ самомъ этомъ дѣлѣ г-жи Засуличъ оказались многіе факты, несогласные съ тою безопасностью, о которой они столь усердно хлопочутъ, и что изъ всѣхъ этихъ фактовъ самое дѣйствіе Засуличъ представляло именно фактъ наиболѣе исключительный, наиболѣе единичный, наименѣе угрожающій тѣмъ, кто имъ возмущался. Тотъ вопросъ, который формулируется словами, что „послѣ этого каждый можетъ...", есть уже не вопросъ судебный, но вопросъ политическій, и притомъ вопросъ общій, оставляющій въ сторонѣ личности, какъ подсудимой, такъ и потерпѣвшаго. Точно также и при соображеніи другихъ фактовъ, безъ которыхъ нельзя обсуждать этого вопроса, придется оставить въ сторонѣ всякія личности, всякую личную волю, насколько она выражалась бы въ нарушеніи закона или въ произволѣ. Слѣдуетъ имѣть въ виду только нѣчто безличное и до всѣхъ равно касающееся.

Нѣкто г. Дмитрій Любимовъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", утверждалъ по этому поводу еще слѣдующее: „фактъ преступленія совершёнъ, присяжные засѣдатели могутъ найти смягчающія обстоя-

тельства, но *миловать* законъ имъ права не предоставляетъ". Итакъ, по мнѣнію г. Любимова, приговоръ присяжныхъ нарушилъ законъ. Приводимъ этотъ софистическій отзывъ собственно потому, что онъ наиболѣе категориченъ; присяжные вовсе не миловали, они только не признали факта виновности; имъ, слѣдовательно, и некого было миловать. Впрочемъ, если и допустить мнѣніе г-на Любимова, то и въ такомъ случаѣ для охраненія жизни, личной свободы и имущества гражданъ все-таки недостаточно будетъ одного того закона, который не даетъ присяжнымъ „права миловать". Для этого и существуютъ еще многіе другіе законы, но если въ нихъ все-таки оказываются пробѣлы, если законы эти еще не приведены въ связь, достаточную для того, чтобы они вполнѣ достигали своей цѣли—важнѣйшей изъ всѣхъ цѣлей законодательства, то странно было бы игнорировать это, странно было бы проявлять такую ревность къ охраненію собственно только этого одного закона, изъ числа всѣхъ существующихъ, именно того, который не даетъ права миловать. Странно было бы не позаботиться г-ну Любимову о томъ, чтобы и право карать, предоставленное суду, было предоставлено только ему одному. Вѣдь когда Вѣра Засуличъ предстала передъ судомъ, ей было 28 лѣтъ, а уже съ 17-ти лѣтъ она была поставлена въ такія обстоятельства, которыя именно и были приняты во вниманіе присяжными при постановленіи вердикта, то-есть представились имъ какъ нѣчто весьма глубоко повліявшее на нравственное существо подсудимой, нѣчто, внушившее ей преступное понятіе о правѣ на самосудъ такой человѣческой личности, которая сама недостаточно ограждена судомъ, основаннымъ на законѣ.

Итакъ, въ оправдательномъ вердиктѣ присяжныхъ нельзя усматривать ничего другого, кромѣ указанія на обстоятельства, потому что безъ нихъ онъ дѣйствительно не имѣлъ бы смысла. Въ нихъ именно его объясненіе, но въ нихъ и представляемое имъ указаніе. Вотъ что даетъ этому приговору особое значеніе, о которомъ сами присяжные могли и не думать, когда приходили къ своему заключенію, что виновности Засуличъ, по особеннымъ обстоятельствамъ дѣла, признать было нельзя. Сами присяжные руководились при этомъ, конечно, только чисто-судебнымъ соображеніемъ: оцѣнкою состоятельности личной воли, искаженной тою судьбой, которая воспитала нравственныя понятія подсудимой. Не ихъ вина и не ихъ заслуга, если этотъ вердиктъ пріобрѣтаетъ значеніе не только судебное, если онъ касается такихъ условій, которыя лежатъ внѣ области суда, условій скорѣе административнаго, чѣмъ судебнаго свойства. Но вотъ въ этомъ-то именно и сказывается та особенная функція суда присяжныхъ, о которой мы говорили выше, а именно, что этотъ обще-

ственный судъ является по необходимости не только барометромъ нравственныхъ понятій даннаго общества, но еще и выразителемъ его основныхъ потребностей. Если утверждаютъ, что судъ общественный не можетъ быть лучше, чѣмъ само общество, то не менѣе справедливо и то, что онъ не можетъ не быть солидаренъ съ первостепенными интересами общества. Разбить барометръ за то, что онъ показываетъ худую погоду — по меньшей степени безполезно.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что въ настоящемъ случаѣ оправданіе *лица* вовсе не означало, что присяжные будто оправдывали *дѣйствіе*, имъ совершённое. Оправдывать покушеніе на убійство или нанесеніе раны, это—абсурдъ; всякое подобное дѣйствіе, взятое само по себѣ, всегда останется преступнымъ. Невиновность подсудимой признана только въ томъ смыслѣ, что при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ воспиталась воля ея, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, то-есть въ продолженіи почти всей ея сознательной жизни, эта воля и нравственныя понятія, въ силу которыхъ она дѣйствовала, были ненормальныя, были искаженныя, и притомъ сдѣлались такими не вслѣдствіе какихъ-либо пороковъ подсудимой, не по ея винѣ,— вотъ все, чтó хотѣли и чтó могли сказать присяжные.

Если предъ судомъ предстанетъ юноша, покусившійся на убійство своего хозяина, и будетъ доказано, что онъ съ дѣтства не видѣлъ ничего, кромѣ побоевъ, что нравственная природа его была искажена обращеніемъ съ нимъ, и что ему не было выхода,—то такой подсудимый почти навѣрное будетъ оправданъ. Такъ это и случилось недавно, но только объ этомъ никто тогда не говорилъ. Не далѣе, какъ прошедшимъ лѣтомъ, присяжные оправдали юношу, который сдѣлалъ поджогъ въ квартирѣ своего хозяина и сознался въ преступленіи. Они оправдали его именно потому, что, по удостовѣренію свидѣтелей, обращеніе хозяина было жестокое, и что юноша, воспитавшійся на мысли о преступленіи или самоубійствѣ, есть лицо нравственно-искаженное, а стало быть не вполнѣ отвѣтственное за свои дѣйствія. И въ этомъ случаѣ присяжные, конечно, руководились опять только соображеніемъ судебнымъ, справлялись только съ своей совѣстью, которая и не дозволила имъ добить жертву, возложить тяжкую кару закона на того, кого законъ былъ безсиленъ оберечь отъ нравственнаго искалѣченія, на того, который не испыталъ покровительства законовъ. И никто тогда не опровергалъ справедливости этого приговора; никто не сказалъ, что должны быть такія существа, которыя стоятъ всегда внѣ судебной охраны и встрѣчаются съ ней только для того, чтобы принять кару, которой справедливо могли бы подлежать только тѣ, чью личность законы обезпечивали, но кто самъ нарушилъ ихъ для личной выгоды или изъ личной мести. Даже

г-нъ Любимовъ, сколько мы помнимъ, не пришелъ тогда въ ужасъ и ничего не писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

Дѣло въ томъ, что помимо воли присяжныхъ, оправдавшихъ юношу-поджигателя, вердиктъ ихъ не могъ не получить и дѣйствительно получилъ смыслъ, указанный общественной потребностью. Онъ получилъ смыслъ прямого указанія, что въ нашихъ ремесленныхъ законахъ есть пробѣлы, что ими недостаточно ограждается человѣческая личность, что законы о ремесленныхъ ученикахъ должны быть пересмотрѣны и приведены въ связь, такъ какъ рядомъ съ отвѣтственностью передъ судомъ не могутъ, безъ противорѣчія ей, безъ столкновенія съ новымъ строемъ нашей жизни, удерживаться произволъ хозяевъ и беззащитность ихъ учениковъ, не должны долѣе дѣйствовать тѣ правила, которыя остались отъ иныхъ временъ, временъ того состоянія, что̀ у нѣмцевъ выражалось понятіемъ „Polizei-Staat", въ противоположность современному понятію о „Rechts-Staat".

Перейдемъ теперь къ тому возраженію, которое утверждало, что „это возможно только у насъ, въ Россіи". Но прежде, напомнимъ еще разъ, что возраженіе дѣлалось въ данномъ случаѣ только весьма немногими лицами, такими именно, которымъ почему-то изъ всѣхъ правъ гражданина кажется наиболѣе требующимъ утвержденія—право *быть* наказаннымъ по суду, безъ всякаго ограниченія права быть наказаннымъ иначе. Да, подобныя возраженія вообще предъявлялись весьма немногими, въ родѣ г. Дмитрія Любимова, который, повидимому, и на судѣ-то не былъ, такъ какъ вниманіе его преимущественно привлекло слышанное имъ обстоятельство, что „толпа стриженыхъ дѣвъ и недорослей-реформаторовъ и просвѣтителей народа ломилась въ двери залы и осаждала входы въ зданіе суда", и что эта „ватага неистово рукоплескала". Но г. Любимовъ говоритъ, что онъ читалъ описанія, бывшія въ петербургскихъ газетахъ, которыя имѣли своихъ представителей въ залѣ суда. Странно поэтому, что онъ говоритъ только о „толпѣ, ломившейся въ двери", и объ ея рукоплесканіяхъ, забывая важнѣйшее, именно то, что шумное одобреніе приговора было выражено ранѣе чѣмъ кѣмъ-либо—тою публикой, которая находилась въ залѣ суда и нисколько не состояла ни изъ „стриженыхъ дѣвъ", ни изъ „недорослей-реформаторовъ".

Итакъ, обратимся къ вопросу о мнимой невозможности подобныхъ оправданій судомъ присяжныхъ въ иныхъ странахъ. Утверждають это преимущественно тѣ легкомысленные мыслители, которые постоянно строятъ цѣлыя міровоззрѣнія на одномъ анекдотѣ. Толкнулъ ли такого „мыслителя" мужикъ на улицѣ, сейчасъ является цѣлая философія сравнительной культуры, въ результатѣ которой окажется, что крестьянъ освободили слишкомъ рано. Начать съ того, что сравненіе

отдѣльныхъ случаевъ изъ нашего общественнаго быта съ заграничными порядками само-по-себѣ невѣрно. Мало ли чего вообще не бываетъ за-границей изъ того, что̀ бываетъ въ Россіи? И будто именно только въ характерѣ дѣятельности такого учрежденія, какъ судъ присяжныхъ, и можно усматривать наибольшую разницу нашихъ порядковъ съ западно-европейскими?

Но допустимъ самую законность сравненія. Сравненіе покажетъ намъ и на Западѣ множество примѣровъ оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ, несмотря на несомнѣнную наличность такого дѣйствія, которое само по себѣ было преступно. Иногда присяжными руководила при этомъ мысль протестовать противъ несоразмѣрности положенной закономъ кары. Но чаще всего они дѣйствовали подъ импульсомъ какого-либо общественнаго чувства или общественной потребности. Такъ, напр., во Франціи, въ тѣ короткіе промежутки, когда суду присяжныхъ подлежали преступленія и проступки по дѣламъ печати, присяжные безпрестанно оправдывали подсудимыхъ, несмотря на то, что фактъ былъ на лицо. Такъ, въ ближайшее время къ послѣдней—къ франко-германской—войнѣ, князь Бисмаркъ чуть-было не занялъ вновь германскими войсками очищенную ими уже территорію за то, что французскіе присяжные въ Нанси оправдывали виновниковъ убійствъ, совершённыхъ надъ нѣмецкими солдатами. Такъ, въ Ирландіи оказывалось въ прежнее время невозможнымъ добиться отъ присяжныхъ обвинительныхъ приговоровъ по аграрнымъ убійствамъ, какъ то удостовѣрилъ лордъ Оранморъ въ засѣданіи англійской палаты пэровъ того же 31 марта (12 апрѣля).

Если необходимо заграничное свидѣтельство о томъ, что дѣлается за-границей, то мы приведемъ и такое свидѣтельство. „Кёльнская газета" напечатала письмо по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, присланное ей нѣкоторымъ „знатокомъ русскихъ обстоятельствъ". Этотъ „знатокъ" не хочетъ почему-то видѣть далѣе, чѣмъ видятъ „Московскія Вѣдомости". Но этотъ знатокъ хотя разсуждаетъ въ томъ же родѣ, разсуждаетъ нѣсколько иначе. Знатокъ этотъ, по всей вѣроятности, иностранецъ, проживающій въ Петербургѣ. Защищаетъ онъ только наказаніе, которому подвергся Боголюбовъ; все остальное онъ порицаетъ. Заявивъ свое уваженіе къ генералу Трепову, онъ затѣмъ относится враждебно ко всему, что̀ происходитъ въ Россіи и къ ней самой. „Глубокое варварство этой Россіи и этого русскаго народа" — вотъ главный его выводъ изъ всего дѣла Засуличъ. Онъ видитъ у насъ всѣ бѣдствія вкупѣ: „порчу государственнаго организма", „безсиліе власти", „безумный идеализмъ политической толпы, свидѣтельствующій о разложеніи", „ослабленіе государства войною съ турками", „господство отрицанія въ мышле-

нія" и вмѣстѣ „заносчивость въ области политики". Его ужасаетъ въ особенности, что въ составѣ присяжныхъ, признавшихъ невиновность подсудимой, находились гофраты, которые, „видя руку, поднятую противъ самаго государства, ревутъ свое: „невиновна", вмѣстѣ съ галереею. Съ торжествомъ узнàютъ о немъ сотоварищи Вѣры Засуличъ, и тысячи обратятся къ ея револьвернымъ планамъ"...

Мы выписываемъ этотъ сумбуръ, наговоренный „знатокомъ русскихъ обстоятельствъ", вовсе не съ тѣмъ, чтобы опровергать его: это значило бы терять слова. Мы выписываемъ этотъ сумбуръ потому, что онъ весьма характеристиченъ. Въ немъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражаются сужденія такихъ знатоковъ русскихъ обстоятельствъ, которые лучше всего знакомы собственно съ окладами, и ими одними и дорожатъ изъ всего, что̀ есть въ Россіи. Любой карьеристъ, который кричалъ по поводу оправдательнаго приговора, можетъ полюбоваться въ это зеркало на самого себя. И все русское общество, присмотрѣвшись къ тому образу, который въ зеркалѣ отражается, можетъ убѣдиться, какая полнѣйшая отчужденность отъ Россіи, какое презрѣніе къ ней, какое секретарское пренебреженіе ко всѣмъ потребностямъ великой націи, какое тупое глумленіе надъ ея правомъ быть признанной въ качествѣ человѣческаго общества, скрываются за этими криками притворнаго негодованія о нарушеніи присяжными законности. Таковы свойства карьеристовъ. Какую практическую цѣну могутъ имѣть въ ихъ глазахъ привязанность къ народу, сочувствіе къ судьбамъ страны и къ дѣлу ея развитія, вообще чувства солидарности съ обществомъ, въ которомъ живешь? Никакой. Особенность карьериста въ томъ и состоитъ, что онъ выдѣляетъ себя изъ общей солидарности. Его забота объ одномъ—чтобы легче было идти въ гору, а вышеупомянутыя чувства составляли бы только лишній багажъ.

Сама редакція „Кёльнской газеты" не рѣшилась пропустить разсужденій „знатока русскихъ обстоятельствъ" безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Газета эта, какъ извѣстно, весьма враждебна Россіи, а потому она охотно согласилась напечатать письмо, въ которомъ, къ ея удовольствію, доказывается, что въ „этой варварской Россіи" проявляются одновременно и безсиліе власти, и разложеніе общества, и ослабленіе государства войною. Но вотъ гдѣ разница между карьеристомъ, которому все ни почемъ, въ томъ числѣ и логика, и сужденіемъ хотя бы отъявленнаго врага, но все-таки врага только Россіи, а не логики. Редакція нѣмецкой газеты примѣчаетъ, что автору письма слѣдовало бы взглянуть на дѣло поглубже, и высказываетъ, между прочимъ, такое сужденіе: Wir bedauern und verdammen gewiss das Thun und Treiben der russischen Nihilisten auf das entschiedenste,

besonders wenn sie so weit gehen die Welt durch Mordthaten verbessern zu wollen; aber die tyrannische Willkür der Polizei ist sicherlich nicht das beste Mittel, um das Uebel des Nihilismus auszurotten. Die russische Gesellschaft will nicht mehr sich die willkürliche Herrschaft der Polizei gefallen lassen.

Какъ органъ, враждебный Россіи, „Кёльнская газета“ менѣе кого-либо можетъ быть заподозрѣна въ желаніи оправдывать русское общество въ чемъ бы то ни было. Вотъ почему ея свидѣтельство имѣетъ нѣкоторое значеніе въ этомъ случаѣ. Газета не сочувствуетъ оправданію Вѣры Засуличъ, но для поученія тѣхъ русскихъ карьеристовъ, которые кричали, что „это возможно въ одной только Россіи“, мы приведемъ изъ газеты еще одно мѣсто; оно послужитъ дополненіемъ къ тому, чтó нами самими сказано выше, какъ доказательство, что вердиктъ присяжныхъ вовсе не представляетъ явленія безпримѣрнаго въ другихъ странахъ. Упомянувъ, что оправдательные приговоры присяжныхъ при очевидности преступленія были нерѣдки именно при политическихъ процессахъ во Франціи, „Кёльнская газета“ продолжаетъ: „но не только среди легко-увлекающихся французовъ, а также и среди хладнокровныхъ англичанъ были безчисленные случаи (unzählige Male), что оправдывали такихъ людей, которые, по мнѣнію присяжныхъ, при существующемъ законодательствѣ были наказаны слишкомъ строго. Еще въ не очень давнее время, въ Англіи за кражу овцы полагалось повѣшеніе. Слѣдствіемъ того было, что присяжные постоянно оправдывали такихъ воровъ, пока, наконецъ, англичане убѣдились, что законодательство имѣло слишкомъ драконовскій характеръ и измѣнили его. Точно также бывало въ новѣйшія времена съ матерями, виновными въ убіеніи своихъ дѣтей, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не была отмѣнена смертная казнь, положенная за дѣтоубійство безусловно, несмотря на обстоятельства дѣла“.

Что же слѣдуетъ изъ сдѣланныхъ нами цитатъ? Изъ нихъ слѣдуетъ, что для произнесенія такихъ легкомысленно-безусловныхъ обвиненій, какъ, напр., тѣ, что „послѣ этого каждый можетъ...“ и т. д. —еще мало питать враждебное чувство къ русскому обществу; для этого необходимо еще быть пустымъ человѣкомъ, такимъ, который можетъ быть смышленымъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ, въ устройствѣ своей карьеры, но неспособенъ къ анализу явленій общественныхъ или не расположенъ серьёзно имъ заниматься. Несерьёзность отношенія къ дѣлу такихъ людей и доказывается именно тѣмъ, такъ сказать, „сплошнымъ“ характеромъ, какой имѣетъ ихъ сужденіе. Если послушать ихъ, то процессъ Вѣры Засуличъ не освѣщаетъ никакихъ темныхъ сторонъ нашего быта, а только доказываетъ полную прав-

ственную распущенность или неспособность и „толпы, ломившейся въ двери“, и „публики“, присутствовавшей въ залѣ суда, и газетъ, комментировавшихъ процессъ, и присяжныхъ, произнесшихъ оправдательный вердиктъ, и адвоката, защищавшаго „такое“ дѣло, и прокурора, недобившагося обвиненія, и предсѣдателя суда, недостаточно прерывавшаго рѣчь защитника. Такая же поверхностность, такое же отсутствіе анализа проявляются и въ сужденіяхъ пылкихъ карьеристовъ о самомъ фактѣ, подлежавшемъ суду. Сужденія ихъ сводятся на то, что если явилась женщина, которая выстрѣлила въ градоначальника, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ *мы* „танцуемъ на волканѣ“; что разверзается пропасть, готовая поглотить все существующее, короче, что безъ самыхъ крайнихъ мѣръ невозможно спасти эту „варварскую Россію“ отъ полнаго разложенія.

Возможно ли въ людяхъ, разсуждающихъ такъ легкомысленно, проявляющихъ такую слабость мышленія, видѣть нашихъ консерваторовъ? Конечно, нѣтъ! такъ какъ консерватизмъ вовсе не исключаетъ ту силу ума, которая даетъ возможность отличать важное отъ неважнаго, единичное отъ общаго, случайное отъ основного, разыскивать причины явленій и въ самыхъ явленіяхъ дѣлать различіе между преступностью личнаго дѣйствія и нравственнымъ состояніемъ, вызвавшимъ преступленіе.

По крайней мѣрѣ мы видимъ въ иныхъ странахъ такихъ консерваторовъ, которые, обсуждая общественныя явленія, оказываются способными разбирать всѣ проявляющіяся въ нихъ отдѣльныя черты, и каждой изъ нихъ придавать то опредѣленное значеніе, какое она въ самомъ дѣлѣ можетъ имѣть. Членовъ англійской палаты лордовъ никто не заподозритъ въ радикализмѣ и противообщественныхъ тенденціяхъ. Они—консерваторы въ истинномъ значеніи слова, не агитаторы, но и не карьеристы, а люди самостоятельные, не имѣющіе никакой нужды добиваться чего-либо для себя преувеличеніемъ усердія. Посмотримъ, какъ они относятся къ такому противообщественному явленію, какъ убійство, внушенное притомъ страстями политическаго свойства.

Въ засѣданіи палаты того же 31 марта (12 апрѣля), лордъ Оранморъ обратилъ вниманіе пэровъ на фактъ аграрнаго убійства, совершённаго въ Ирландіи, въ графствѣ Донегалъ. Графъ Лейтримъ, землевладѣлецъ, извѣстный своей суровостью къ съемщикамъ, и двое лицъ, его сопровождавшихъ, были убиты на пути, и убійцы не были найдены. Въ газетахъ описывались безпорядки, происходившіе при погребеніи Лейтрима, и, судя по этому описанію, тысячная толпа осаждала церковь, наносила всякія оскорбленія сопровождавшимъ гробъ, пыталась разбить гробъ и нанесла жестокіе побои одному чиновнику

намѣстничества. Какой благодарный сюжетъ для разглагольствій карьеристовъ, которые выдавали бы себя за консерваторовъ! Убійство крупнаго землевладѣльца, лорда—уже это одно они представили бы въ видѣ сигнала къ избіенію всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ. Но убійство здѣсь было еще тройное, и мало того, оно навѣрное имѣло именно аграрный, то-есть противообщественный характеръ, такъ какъ передъ нимъ было въ той же мѣстности нѣсколько подобныхъ убійствъ. Толпа здѣсь ломилась уже не въ двери суда, а въ двери церкви, она заявляла намѣреніе разбить гробъ; не значило ли это, что во всемъ ирландскомъ народѣ глубоко расшатаны всѣ религіозныя и нравственныя основы? Какое безсиліе власти доказывалось тѣмъ, что оффиціальное лицо не было избавлено отъ побоевъ.

Но какъ же взглянули на эти факты англійскіе пэры, которымъ убитый приходился товарищемъ и которые сами крупные землевладѣльцы, отчасти владѣльцы земель въ той же Ирландіи? Лордъ Ораншоръ, указавшій на нѣсколько случаевъ убійствъ, бывшихъ въ короткій періодъ, требовалъ, чтобы правительство обезпечило жизнь и имущество подданныхъ королевы, хотя и признавалъ, что правительство не можетъ сдѣлать всего. На это лордъ-канцлеръ, т.-е. высшій судья и вмѣстѣ министръ юстиціи, выразивъ негодованіе по поводу убійства и надежду, что дѣло поступитъ на разсмотрѣніе суда, сообщилъ, что въ томъ округѣ (barony), гдѣ совершено убійство, временно пріостановлено дѣйствіе акта Habeas Corpus, то-есть предоставлено полиціи право обыска и ареста въ домахъ (мѣра, которая въ Англіи считается чрезвычайною). Но затѣмъ, лордъ-канцлеръ объяснилъ, что изъ фактовъ убійствъ, бывшихъ въ этомъ округѣ, никакъ не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто во всей Ирландіи или въ бóльшей части этой страны въ послѣднее время возрасло число нераскрытыхъ и безнаказанныхъ убійствъ. По отзыву лорда-канцлера, это справедливо только относительно одного, небольшого округа, и хотя есть основаніе полагать, что тамъ эти убійства были вызваны цѣлою организаціею, но правительство будетъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ и потребуетъ новыхъ полномочій у парламента для принятія тамъ мѣръ чрезвычайныхъ только тогда, когда убѣдится, что онѣ необходимы. Что касается газетныхъ описаній безпорядковъ, бывшихъ при погребеніи Лейтрима, то британскій министръ сообщилъ, что описанія эти были преувеличены, и прочелъ телеграмму отъ главнаго полицейскаго коммиссара, въ которой говорилось, что въ сообщенныхъ фактахъ все выдумано, кромѣ одного того, что дѣйствительно была толпа. Никакого предположенія о пошатнувшихся основахъ религіи и нравственности въ цѣломъ по-

колѣніи лордъ-канцлеръ не выразилъ, да никому изъ говорившихъ лордовъ и въ мысль не пришла какая-либо подобная галлюцинація.

Другой ораторъ, лордъ Лиффордъ, счелъ нужнымъ указать и на предшествовавшія обстоятельства. „Я вовсе не намѣренъ,—говорилъ онъ,—сколько-нибудь извинять (palliate) преступленія, подобныя тѣмъ, которыя совершены. Но я долженъ напомнить вашимъ лордствамъ, что въ продолженіи многихъ лѣтъ страна была управляема такъ, что одно сословіе возбуждалось противъ другого, и что хотя въ послѣдніе годà произведены реформы, но онѣ не успѣли еще принесть всѣхъ своихъ плодовъ. По моему мнѣнію, только справедливость, соединенная съ строгими мѣрами для наказанія преступленій, можетъ дѣйствительно улучшить положеніе дѣлъ въ Ирландіи“. Лордъ О'Хаганъ возставалъ противъ всякой мысли о возвращеніи къ принципу подбора (selection) присяжныхъ. Въ настоящее время они избираются совершенно независимо отъ шерифа или иного должностного лица, всячески ограждается свобода избранія, и вся Ирландія видитъ въ устраненіи принципа подбора при назначеніи присяжныхъ одинъ изъ главнѣйшихъ успѣховъ новѣйшаго времени. Ораторъ прибавилъ, что, за исключеніемъ названной мѣстности, вся Ирландія представляетъ картину господства законности и порядка, и что при обсужденіи палатою настоящаго вопроса—необходимо удостовѣрить и этотъ фактъ.

Вотъ съ какой трезвостью и съ какой внимательностью ко всѣмъ сторонамъ дѣла обсуждаютъ англійскіе лорды вопросъ о цѣломъ рядѣ безнаказанныхъ убійствъ, которымъ подверглись ихъ же товарищи, и разныя лица, въ томъ числѣ судья. Каждому факту они отводятъ подобающее мѣсто, и само министерство возстаетъ противъ преувеличеній и обобщеній. Осмотрительность и осторожность дѣйствительно приличествуютъ истиннымъ консерваторамъ болѣе, чѣмъ кому-либо. Они должны предоставлять революціонерамъ скачки безъ оглядки, съ одной стороны въ другую, и наклонность къ передѣлкѣ сегодня, въ виду частнаго случая, того, чтò только-что вчера установлено въ виду общихъ интересовъ.

Мы вовсе не намѣрены утверждать, что будь розысканы убійцы Лейтрима — они непремѣнно были бы оправданы ирландскими присяжными. Но нельзя также утверждать, что они непремѣнно были бы признаны виновными. Если справедливо то, что О'Доннель далъ понять въ палатѣ общинъ, въ засѣданіи того же дня, разсказывая безъ приведенія имени о нѣкоемъ графѣ, который покушался на честь крестьянскахъ дочерей и ставилъ ихъ родителей въ необходимость или подчиняться его развратнымъ посягательствамъ, или бросать свои земли и жилища, о чемъ было извѣстно всѣмъ и раз-

сказывалось въ печати,— то очевидно, что осужденіе еще зависѣло бы отъ обстоятельствъ дѣла. О'Доннель утверждалъ, что на жизнь графа, о которомъ онъ разсказывалъ, было уже однажды сдѣлано покушеніе крестьяниномъ, отцомъ обезчещенной имъ дѣвушки, и ораторъ увѣренъ, что ни одинъ англичанинъ не призналъ бы въ томъ покушеніи результата какого-либо обширнаго противообщественнаго заговора. Стало-быть, такой случай, по мнѣнію О'Доннеля, представлялъ бы только послѣдствіе необезпеченности лица. Правда, при этомъ произошла сцена: было потребовано удалить публику, и при подачѣ голосовъ по поводу этого требованія, Гладстонъ и Гартингтонъ присоединились къ врагамъ убитаго лорда, желавшимъ продолжать пренія публично. Если „Московскія Вѣдомости" желаютъ остаться безпристрастными, то онѣ должны сказать то же о Гладстонѣ, что было ими сказано о петербургской публикѣ, присутствовавшей на процессѣ 31 марта. Гладстонъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые желали, чтобы О'Доннель въ присутствіи публики продолжалъ излагать „the career of the deceased nobleman as an exterminator." Любопытно знать, сопричислитъ ли г. Д. Любимовъ также и Гладстона къ числу „стриженыхъ дѣвъ" и „недорослей-реформаторовъ"?

Допустимъ, впрочемъ, что присяжные въ Ирландіи или въ Англіи не признали бы невиновности убійцъ Лейтрима ни при какихъ обстоятельствахъ. За то во всякомъ случаѣ несомнѣнно и то, что въ тѣхъ странахъ лордъ Лейтримъ самъ могъ бы быть привлеченъ къ суду; несомнѣнно и то, что если бы обвиненія противъ него подтвердились, то и парламентъ, и печать имѣли бы полную возможность оцѣнить истинное поученіе, какое могло бы представлять все это дѣло.

Мы сослались на него единственно съ цѣлью отрезвленія немногихъ глашатаевъ пессимизма особаго рода, который у насъ въ ходу съ самаго начала проведенія реформъ и который прикидывается къ каждому отдѣльному случаю, какъ застарѣлая болѣзнь къ случайной ранѣ, даже къ незначительной царапинѣ. Мы настолько убѣждены въ здравомъ смыслѣ всего русскаго общества, что вовсе не видимъ нужды доказывать ему очевидныя истины, въ родѣ тѣхъ, что никто не имѣетъ права брать на себя роль судьи, что преступныя средства не оправдываются цѣлью, если бы она сама и была законною — чего въ данномъ случаѣ не было — или что убійство есть преступленіе. Повторять такіе „труизмы" совершенно излишне, такъ какъ они всѣмъ извѣстны, и никакого нравственнаго разложенія въ обществѣ поступокъ Вѣры Засуличъ не означаетъ. Онъ является и останется дѣйствіемъ единичнымъ. Въ общемъ смыслѣ это дѣло поучительно: не потому, чтобы оно указывало на какія-либо особенности судебной

нашей сферы, но потому, что оно служитъ указаніемъ на особенности другой области, лежащей совершенно внѣ суда.

Повторяемъ, что мы также не расположены приписывать факты общіе винѣ отдѣльныхъ лицъ. Вся сущность вопроса заключается въ томъ, что произведенныя у насъ преобразованія не успѣли еще охватить всѣ сферы нашего быта. Отсюда происходитъ, что въ нашемъ законодательствѣ, въ образованіи и полномочіяхъ разныхъ органовъ власти еще проявляются два совершенно противоположныхъ принципа, которые и не могутъ дѣйствовать, не вступая слишкомъ часто въ противорѣчіе одинъ съ другимъ, не нарушая одинъ другого. Рядомъ съ Россіею обновленною, преобразованною, продолжаетъ еще существовать Россія ветхая, до-реформенная. Совмѣстное существованіе такихъ двухъ столь различныхъ порядковъ похоже на то, какъ если бы человѣкъ сильный, молодой, здоровый былъ органически связанъ съ калѣкой. Всѣ отправленія перваго изъ нихъ были бы стѣснены, а второму каждый шагъ его товарища представлялся бы покушеніемъ на цѣлость оставшихся у калѣки членовъ. Слишкомъ очевидно, что принципы всего общественнаго строя должны быть однородны, иначе мы постоянно будемъ встрѣчаться съ такими фактами, что условіямъ закона судебнаго будутъ противорѣчить какія-либо правила полицейскія. Преобразованія еще не остановились, и при дальнѣйшемъ ихъ осуществленіи они не могутъ не охватить, наконецъ, и всего административнаго быта. Еще на-дняхъ въ газетахъ сообщалось, что нынѣ вновь возбужденъ вопросъ о прекращеніи административной высылки — по приговорамъ сельскихъ обществъ. Но успѣшность предпринимаемыхъ далѣе преобразованій можетъ, конечно, зависѣть отъ того, въ какой постепенности они будутъ дѣлаться, т.-е. будетъ ли дѣлаемо прежде то, что настоятельнѣе. Вопросъ въ томъ: будутъ ли прежде всего устраняемы одна за другой всѣ тѣ особенности полицейскаго устройства и дѣлопроизводства, которыя логически несовмѣстимы съ особенностями нашего судоустройства и судопроизводства.

Главное, слѣдуетъ проникнуться той истиною, что твердо и безопасно въ политикѣ, какъ и на войнѣ, можно идти только по однажды ясно сознанному и окончательно избранному пути. Тогда тотчасъ исчезнетъ множество миражей, порождаемыхъ не чѣмъ инымъ, какъ туманомъ, неяснымъ сознаніемъ того, куда мы хотимъ идти и чего, наконецъ, мы желаемъ. Надо имѣть въ виду, что каждое отдѣльное учрежденіе склонно преувеличивать свою необходимость для государства и имѣетъ своего рода чувство самосохраненія, которое побуждаетъ представителей его выставлять, будто судьбы порядка и самого бытія общества неразрывно съ нимъ связаны. На самомъ же

дѣлѣ, порядокъ можетъ обусловливаться только гармоніею всѣхъ условій общественнаго быта. Еще очень многое изъ остатковъ стараго, до-реформеннаго устройства можетъ быть отмѣнено не только безъ опасности для общественнаго порядка, но наоборотъ — именно съ цѣлью прочнаго его обезпеченія. Нѣтъ сомнѣнія, что само общество дружнѣе стоитъ за такіе порядки, которые вѣрнѣе обезпечиваютъ личность его членовъ. Только тогда и можно будетъ ожидать, что общество совершенно сознательно, и уже безъ всякаго разброда, противостанетъ всякимъ нарушеніямъ законности, когда законы не будутъ вмѣщать въ себѣ противорѣчій, но всѣ согласно будутъ направлены къ обезпеченію личныхъ правъ гражданъ. Путей передъ нами только два: одинъ — путь сомнѣній, колебаній, ведущій болѣе и болѣе въ чащу, гдѣ изъ-за каждаго дерева намъ чудится опасность, и гдѣ мы рискуемъ, наконецъ, наткнуться, пожалуй, на такую опасность, которой и не предвидѣли; другой путь — тотъ самый, на который мы было уже вступили,—путь, на которомъ осуществлены наши реформы. По этому пути можно подвигаться впередъ съ бо́льшею или меньшею скоростью; но главное все-таки въ томъ, чтобы не возвращаться вспять и не сходить съ него въ сторону. Тутъ все дѣло въ рѣшимости, въ ясности нашихъ собственныхъ желаній. Сбиться же съ него противъ воли нельзя, такъ какъ именно на этотъ путь всегда указываетъ вѣрный компасъ законности, нами же созданной и одушевленной мыслью освобожденія, уравненія и обезпеченія человѣческой личности.

Предъ нами лежитъ другое наглядное доказательство того, что внѣшними мѣрами вообще нельзя достигнуть даже и простого сплоченія гражданъ въ органическую, живую силу, которая одна можетъ обезпечить и правильность жизни, и нераздѣльность частей государства, связанныхъ общими интересами. Ни однѣ заботы о наружномъ порядкѣ, ни даже успѣхъ обрусенія всѣхъ инородцевъ не могутъ создать такой цѣльности и неразрывности. Допустимъ, что поляки, татары, грузины, нѣмцы, евреи, входящіе въ составъ русскаго государства, обрусѣли, но какая же польза для безопасности государства была бы этимъ достигнута, если бы въ самомъ русскомъ обществѣ продолжался и еще усиливался тотъ разбродъ, который зависитъ отъ неясности общаго хода дѣлъ, отъ отсутствія связи между естественными правами личности и положительнымъ закономъ? Сѣверо-американскія колоніи, населенныя англичанами и шотландцами, отдѣлились отъ Великобританіи; въ образованномъ ирландскомъ обществѣ, не говорящемъ иначе какъ по-англійски, раздаются сепаратистскія требованія. Только внутренняя солидарность гражданъ съ государ-

ствомъ, равно обезпечивающимъ ихъ интересы, создаетъ прочность, которая не подвержена никакимъ колебаніямъ. Такъ, эльзасскіе нѣмцы привязались къ Франціи, такъ женевскіе французы не думаютъ отдѣляться отъ нѣмецкой Швейцаріи.

У насъ же все еще придается преувеличенное значеніе внѣшнему „единообразію", которое еще вовсе не есть „единство". Таковы въ сущности и всѣ мѣры искусственнаго, механическаго обрусенія. Вспомнимъ, какое большое значеніе придавалось (а быть можетъ иными придается еще доселѣ) замѣнѣ польскаго языка русскимъ въ дополнительномъ богослуженіи католическихъ церквей. Собственно эта забота была положена въ основаніе всего управленія дѣлами римскаго исповѣданія въ Россіи. Было много примѣровъ, что у прихожанъ отнимали такого священника, который пользовался ихъ уваженіемъ и замѣняли его такимъ, который изъ вопроса о русскомъ языкѣ дѣлалъ вопросъ своей личной карьеры. Результатомъ было, что въ нѣкоторыхъ приходахъ костелы опустѣли и жители предпочитали обходиться безъ посѣщенія церкви и безъ многихъ требъ, лишь бы только не имѣть дѣла съ новопоставленными ксендзами. Самый составъ приходскаго католическаго духовенства могъ только ухудшиться, въ смыслѣ нравственномъ, отъ наплыва такого элемента. Но, положимъ, что вопросъ шелъ объ ослабленіи религіозности среди католиковъ, стало быть объ ослабленіи католичества.

Возьмемъ другой примѣръ, касающійся уже церкви православной. Мы съ интересомъ прочли недавно въ „Голосѣ" извѣстія о печальномъ состояніи грузинской православной паствы. „Чѣмъ объяснить" спрашивалъ „Голосъ", „что грузины, съумѣвшіе сохранить въ продолженіи пятнадцати вѣковъ, среди всевозможныхъ испытаній, христіанскую религію въ ея первоначальной чистотѣ, въ послѣднее время, когда правительство заботится о нихъ, а „Общество распространенія христіанства на Кавказѣ" издерживаетъ значительныя суммы, такъ охладѣли къ этой религіи и перестали даже исполнять внѣшніе обряды?" И „Голосъ" далѣе весьма ясно обрисовываетъ причины такого явленія. Прежняя духовная семинарія, существовавшая въ Кахетіи и дававшая грузинскому духовенству солидное образованіе, упразднена. Отъ нынѣшнихъ священниковъ не требуется особыхъ познаній, а „изученіе не только мѣстныхъ языковъ, но и родного, грузинскаго, того самаго, на которомъ они должны поучать своихъ прихожанъ, имъ даже возбраняется". Для полученія священническаго сана достаточно знать славянскіе тексты св. писанія. „Подобные пастыри", справедливо замѣчаетъ газета, „не могутъ поучать своей паствы; непонимающій ихъ народъ смотритъ на нихъ какъ на лишнюю и тяжелую для себя обузу". Далѣе, газета сообщаетъ, что хотя

по личному ознакомленію съ дѣломъ его высочества принца Ольденбургскаго, въ 1874 году, высшее духовенство и распорядилось назначить въ духовныя семинаріи и училища учителей грузинскаго языка, но—„впрочемъ, и это было сдѣлано только для вида".

Такое отношеніе духовнаго начальства къ грузинскому языку „входило въ планъ обрусенія края". Полагали, что религіозный грузинскій народъ принужденъ будетъ изучить славянскій языкъ и позабыть родной. Но оказалось не то; оказалось, что „народъ не научился славянскому языку, а отъ религіи отшатнулся". Такъ многіе обряды, прежде строго соблюдавшіеся у грузинъ, теперь вовсе не исполняются; многіе простолюдины обходятся при женитьбѣ безъ церковнаго обряда. Въ 1868 году, употреблено было такое средство заставить грузинъ изучать славянскій языкъ: кто не зналъ заповѣдей и нѣкоторыхъ молитвъ, того не велѣно было вѣнчать;—крестьяне и перестали вѣнчаться. Тогда спохватились и разрѣшили вѣнчаться безъ предварительнаго экзамена, но со внесеніемъ залога въ 25 руб., что экзаменъ будетъ сданъ послѣ свадьбы черезъ мѣсяцъ. Само собою разумѣется, что тѣ крестьяне, которые вѣнчались, впослѣдствіи отказывались отъ этихъ залоговъ.

Читая подобныя вещи можно подумать, что это — разсказы изъ очень давнихъ временъ, временъ разныхъ курьёзовъ. А между тѣмъ это происходитъ у насъ на глазахъ, только мы не все видимъ. Спрашивается, какая опасность угрожала государству со стороны грузинскаго языка, и раціонально ли было, стремясь къ чисто-внѣшнему однообразію, порождать въ грузинахъ внутреннее недовольство. Вѣдь оно вело къ такому результату, который прямо противоположенъ дѣйствительному единству государства, основанному на солидарности интересовъ всѣхъ его гражданъ, равно государствомъ обезпечиваемыхъ.

Наконецъ, если бы кто-нибудь сказалъ намъ, что пусть грузины, поляки или литовцы будутъ менѣе тверды въ вѣрѣ и менѣе благочестивы, лишь бы они болѣе знакомились съ русскимъ языкомъ, то мы возразили бы, что такой взглядъ опровергается воззрѣніемъ самого церковнаго правительства, такъ какъ въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода, къ которому и перейдемъ, мы находимъ слѣдующія заключительныя слова: „на вѣрѣ и благочестіи зиждется истинное благо царствъ и народовъ"; о русскомъ языкѣ тутъ нѣтъ ни слова.

Замѣтимъ еще, что въ отчетѣ за 1876 годъ, хотя и находится обычный параграфъ „объ утвержденіи вѣры и благочестія въ древне-православной русской паствѣ", но о потребностяхъ, замѣченныхъ въ Грузіи, не упоминается. Замѣтимъ также, что хотя въ отчетѣ и описывается подробно миссіонерская дѣятельность въ разныхъ епархіяхъ,

но относительно Кавказа упоминается только о мѣрахъ къ просвѣщенію калмыковъ, а о дѣятельности „Общества распространенія христіанства на Кавказѣ“ не упомянуто ни однимъ словомъ. Изъ этого, впрочемъ, мы еще не рѣшаемся заключить, что эта дѣятельность оставляла въ сторонѣ магометанъ и язычниковъ, такъ-какъ отчеты по духовному вѣдомству публикуются въ извлеченіяхъ, и очень можетъ быть, что въ извлеченія не вошли тѣ мѣста отчета, въ которыхъ излагаются дѣятельность названнаго общества и положеніе православныхъ грузинъ.

Нынѣшній отчетъ вообще не представляетъ ничего выдающагося, и мы можемъ ограничиться краткимъ обзоромъ его цифровыхъ данныхъ. Въ теченіи 1876 года, обращено въ православіе 12,340 человѣкъ, и слѣдуетъ въ всякомъ случаѣ имѣть въ виду, что большая половина этого числа, а именно 6,728—представляется крестившимися язычниками; за ними слѣдуютъ по числу обращеній—раскольники (2,539 чел.; изъ нихъ 1,041 присоединились на правилахъ единовѣрія); далѣе, представляются числа обращеній католиковъ (1,192), протестантовъ (688), уніатовъ (516) и евреевъ (450). Наименьшее число обращеній (219) оказывается среди магометанъ, несмотря на то, что въ одной европейской Россіи магометанъ считается почти $2^1/_2$ милл. душъ, т.-е. не много меньше чѣмъ протестантовъ, и примѣрно треть числа католиковъ. Число школъ, состоящихъ при церквахъ и монастыряхъ, съ каждымъ годомъ показывается меньшее; въ 1876 году такихъ школъ числилось 6,811 съ 197,191 учениками. Нынѣшній отчетъ объясняетъ это явленіе такъ, что лучшія изъ церковно-приходскихъ школъ теряютъ этотъ характеръ, поступая на попеченія земствъ или обществъ и въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. „Такимъ образомъ“, сказано въ отчетѣ, „церковно-приходскимъ школамъ самымъ ходомъ дѣла народнаго образованія въ Россіи усвояется особое значеніе — быть подготовительными школами грамотности, которыя постепенно должны развиваться въ одно-классныя или двухъ-классныя народныя училища“. Но это опредѣленіе кажется намъ не совсѣмъ яснымъ. Если ходомъ дѣла народнаго образованія церковно-приходскимъ школамъ усвояется особое значеніе, то онѣ значенія этого имѣть не могутъ, если будутъ только убавляться въ числѣ, а не умножаться, такъ чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ одно-классныхъ народныхъ школъ слишкомъ мало (а ихъ вездѣ слишкомъ мало), учреждались по-крайней-мѣрѣ школы грамотности при церквахъ и монастыряхъ. Вѣдь однѣхъ новыхъ церквей строится въ Россіи за годъ до 500 (493 въ 1876 году), а число церков-

ныхъ школъ не только не возрастаетъ, но падаетъ, примѣрно на такую же цифру ежегодно.

Изъ цифръ, содержащихся въ приложенныхъ къ отчету вѣдомостяхъ, приведемъ еще одну, имѣющую не малое значеніе. Въ теченіи 1876 года расторгнуто въ Россіи браковъ 1023. Давно уже предполагалось передать рѣшеніе бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовныхъ консисторій въ окружные суды. Кому не извѣстно, съ какими особенными затрудненіями сопряжено ходатайство по такимъ дѣламъ въ консисторіяхъ. А между тѣмъ, въ огромномъ большинствѣ, случаи бывающаго у насъ расторженія браковъ имѣютъ характеръ исключительно гражданскій. Такъ, изъ числа 1023 браковъ, расторгнутыхъ въ 1876 году, 650 расторгнуты по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, а 247 — за лишеніемъ одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія. Итакъ, въ почти 900 изъ 1023 случаевъ расторженіе браковъ у насъ есть простая юридическая формальность, не имѣющая никакого отношенія къ соображеніямъ каноническаго права.

При обозрѣніи отчетовъ по духовному вѣдомству, мы всегда останавливались, между прочимъ, на мѣрахъ, принимаемыхъ для усиленія проповѣдической дѣятельности приходскаго духовенства. Въ нынѣшнемъ отчетѣ мы находимъ указаніе, что въ астраханской епархіи „прежній обычный способъ произношенія проповѣдей—чтеніе по книгѣ или тетради—начинаетъ мало-по-малу замѣняться, преимущественно у молодыхъ священниковъ, живою, устною рѣчью". Весьма желательно было бы, чтобы явленіе это замѣчалось не въ одной этой епархіи, но во всѣхъ. Спрашивается только, есть ли эта устная рѣчь въ самомъ дѣлѣ живая, то-есть ведутъ ли ее молодые проповѣдники по свободному собственному вдохновенію, безъ помощи цензуры? Само-собою разумѣется, что затверживанье наизусть просматриваемыхъ благочинными тетрадокъ нисколько не измѣняло бы характера прежнихъ проповѣдей, читавшихся по тетрадкамъ. Намъ всегда казалось необъяснимымъ, почему въ то время, когда нѣкоторымъ протестантскимъ проповѣдникамъ въ Россіи предоставляется безусловная свобода церковнаго слова, такъ-что ни въ одномъ изъ изданій, выходящихъ въ Россіи, иныя проповѣди не могли бы быть напечатаны, своему православному священнику считается невозможнымъ предоставить самостоятельность въ проповѣди, имѣющей цѣлью утвержденіе слушателей въ догматахъ? Впрочемъ, какъ мы уже говорили выше, у насъ не мало противорѣчій.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Миръ или война?

На-дняхъ истекло ровно два мѣсяца со времени заключенія мира съ Турціею, и ровно три мѣсяца со дня подписанія, въ Адріанополѣ, предварительныхъ условій, которое и прекратило военныя дѣйствія. А между тѣмъ миръ далеко не обезпеченъ окончательно, и весьма возможно, что предварительный миръ предваряетъ войну, а не миръ. Намъ явно угрожаетъ Англія, а положеніе Австріи представляется сомнительнымъ. Англійскій флотъ и русскія войска остаются вблизи Константинополя, англійскія войска изъ Индіи стягиваются въ Европу, австрійскія войска, повидимому, готовятся занять Боснію и Герцеговину и даже бывшіе союзники наши — румыны отвели свои войска въ Малую-Валахію только для того, чтобы предупредить столкновеніе ихъ съ русскими войсками въ Бухарестѣ; румыны протестуютъ противъ одного изъ предварительныхъ условій санъ-стефанскаго договора. Однимъ словомъ, теперь, черезъ три мѣсяца по прекращеніи военныхъ дѣйствій, дипломатическое положеніе дѣла хуже, чѣмъ когда-либо.

Если же дѣйствительно начнется война между Англіею и Россіею, то Турціи невозможно будетъ остаться нейтральною — и ужъ, конечно, она не будетъ съ нами противъ Англіи. Объявленіе войны между Англіею и Россіею фактически поколеблетъ санъ-стефанскій договоръ. Теперь, спрашивается, что же мы выиграли нашей умѣренностью, которая проявилась въ отказѣ отъ тѣхъ собственно военныхъ мѣръ, которыя могли обезпечить насъ окончательно, по крайней мѣрѣ, противъ Турціи? Движеніе нашихъ войскъ къ Галлиполи было остановлено еще за недѣлю до подписанія предварительныхъ условій въ Адріанополѣ. Этой уступкой мы надѣялись отвратить вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы, и дѣйствительно флотъ былъ отозванъ изъ Дарданеллъ, но онъ вскорѣ возвратился въ Дарданеллы, прошелъ Мраморное море и сталъ у самаго входа въ Константинопольскій проливъ. Въ Галлиполи же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, англичане производятъ уже большія работы. Мы не спѣшили съ требованіемъ объ очищеніи турками уступленнаго намъ Батума, а также Шумлы и Варны. Батумъ не сданъ намъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, истекшихъ съ подписанія мирнаго трактата, а, между

тѣмъ, новый британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Сольсбери въ своемъ циркулярѣ 1-го апрѣля указываетъ на пріобрѣтеніе нами Батума, какъ на одно изъ такихъ условій, которыхъ Англія не желала бы допустить. Наконецъ, мы отказались отъ вступленія въ Константинополь, хотя между 14-мъ января и 19-мъ февраля Порта не могла бы воспрепятствовать ему и должна была бы согласиться и на это условіе, если бы Россія на немъ настояла. Мы сдѣлали это также съ цѣлью не возбуждать слишкомъ Англію и Австрію, проявили военную умѣренность, чтобы облегчить наше дипломатическое положеніе. А, между тѣмъ, турки съ тѣхъ поръ собрали передъ Константинополемъ большую армію и воздвигли, въ виду нашихъ передовыхъ постовъ, новыя укрѣпленія,—дипломатическое же положеніе наше, послѣ всего этого, какъ уже замѣчено выше, не только не улучшилось, но достигло крайняго напряженія.

Итакъ, та уступчивость, какую проявила Россія въ отказѣ отъ нѣкоторыхъ важныхъ военныхъ мѣръ, не произвела ожидавшагося вліянія на дипломатическое положеніе дѣлъ. Значеніе же, какое могли представлять упомянутыя военныя мѣры для обезпеченія нашего военнаго положенія, слишкомъ очевидно. Если мы имѣли въ то время увѣренность, что Англія не можетъ рѣшиться на войну, по неимѣнію средствъ вести ее одной, то не было повода къ уступчивости въ военномъ отношеніи; своевременное занятіе Галлиполи нашими войсками, вступленіе нашего отряда въ Константинополь и энергическое требованіе о немедленной сдачѣ Батума вслѣдъ за 19-мъ февраля — ничего не измѣнили бы въ военныхъ средствахъ Англіи, а стало-быть, и въ вѣроятности объявленія ею намъ войны. Если же въ то же время, то-есть три мѣсяца тому назадъ, мы полагали, что Англія желаетъ войны, что она, въ концѣ-концовъ, объявитъ намъ войну, — въ такомъ случаѣ, принятіе поименованныхъ военныхъ мѣръ было тѣмъ болѣе необходимо, а уступчивость, въ смыслѣ военномъ, была совершенно излишня. Наконецъ, если бы ни того, ни другого яснаго и опредѣленнаго мнѣнія о средствахъ и намѣреніяхъ Англіи мы не имѣли, то это означало бы, что мы были не въ состояніи сдѣлать себѣ такую оцѣнку общаго политическаго положенія, которая совершенно необходима, какъ твердая основа для дѣйствій.

Уступчивость, нами проявленная въ отказѣ отъ нѣкоторыхъ военныхъ гарантій, оказалась теперь безполезною. Но она не соотвѣтствовала и тѣмъ политическимъ требованіямъ, какія выразились въ санъ-стефанскомъ трактатѣ. Въ опредѣленіи южной границы Болгаріи, которую мы очертили по берегу Эгейскаго моря, въ опредѣленіи военнаго вознагражденія, въ требованіи уступки румынской Бессарабіи не

проявилось особенной уступчивости. Слишкомъ было вѣроятно, что если только Англія въ самомъ дѣлѣ способна рѣшиться на войну, то она рѣшится на нее для недопущенія такихъ условій, особенно перваго. Но тѣмъ болѣе полезно было бы своевременное принятіе всѣхъ тѣхъ мѣръ собственно военнаго характера, которыя могли обезпечить наше положеніе въ проливахъ и на границѣ нашего Закавказья. Теперь маркизъ Солсбери указываетъ намъ на эти условія какъ на главныя причины, по которымъ англійское правительство не можетъ согласиться на участіе въ конгрессѣ, если Россія не заявитъ предварительно согласія на пересмотръ имъ всѣхъ пунктовъ санъ-стефанскаго трактата. И нельзя не предположить, что британскій министръ, гласно ссылаясь на неумѣренность, проявленную нами, по его мнѣнію, въ этомъ дипломатическомъ актѣ, не гласно радовался, что мы проявили уступчивость въ отношеніи мѣръ военныхъ. Какъ эта мнимая политическая неумѣренность, такъ и несомнѣнная наша уступчивость, обязали насъ поддерживать такія требованія, которыхъ дѣйствительное исполненіе значительно затруднено нашими стратегическими уступками. Мы назначили границею Болгаріи Эгейское море, но это море не въ нашей власти, Галлиполи не въ нашихъ рукахъ; мы создали себѣ дипломатическое право на Батумъ, но мы не подкрѣпили это право дѣйствительнымъ занятіемъ этой крѣпости, которую, въ случаѣ войны, намъ не удастся взять силою, какъ не удавалось доселѣ. Мы обязали въ отношеніи къ себѣ Турцію, но, отказавшись отъ вступленія хотя бы какого-нибудь отряда въ Константинополь, мы не имѣемъ положительнаго обезпеченія, что Порта, въ случаѣ новой войны, останется на нашей сторонѣ, а не понадѣется на тѣ новыя укрѣпленія, которыя будутъ защищаться теперь, быть-можетъ, сто-тысячной турецкой арміею, при помощи англійскаго броненоснаго флота.

Мирный трактатъ заключенъ. Но что же значитъ трактатъ, если предстоитъ новая война? Вся военная, то-есть фактическая выгода, какую мы пріобрѣли подписаніемъ санъ-стефанскаго договора, заключается въ состоявшемся очищеніи турками дунайскихъ крѣпостей. Но это еще небольшое пріобрѣтеніе въ смыслѣ стратегическомъ. Что могли бы намъ сдѣлать остававшіеся въ нихъ турецкіе гарнизоны? Еще спрашивается, продержались ли бы они доселѣ, не были ли бы они принуждены сдаться, вслѣдствіе голода, и безъ всякаго мирнаго трактата? Теперь же, эти гарнизоны только усилили собой турецкую армію, стоящую подъ Константинополемъ. Это было отчасти концентраціею силъ для турокъ.

Санъ-стефанскій мирный договоръ былъ оффиціально названъ „прелиминарнымъ“. Между тѣмъ, въ дѣйствительности онъ вовсе не

былъ прелиминарнымъ, такъ какъ предварительныя условія мира съ Турціею были подписаны одновременно съ перемиріемъ. Для чего же договору былъ приданъ характеръ прелиминарнаго? Для того, конечно, чтобы выказать уступчивость по отношенію къ другимъ державамъ. Дѣйствительно, въ санъ-стефанскомъ договорѣ есть нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ оговорено участіе другихъ державъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ второстепенныхъ условій. Таково, напр., установленіе окончательныхъ границъ Черногоріи, назначеніе европейскихъ уполномоченныхъ къ русскому коммиссару въ Болгаріи, по прошествіи года, и опредѣленіе размѣра дани Болгаріи, въ тотъ же срокъ, реформы въ Босніи и Герцеговинѣ. Но сама-по-себѣ оговорка, предоставляющая нѣкоторыя подробности дальнѣйшему соглашенію между державами, вовсе не исключала окончательности трактата и не требовала, чтобы онъ былъ названъ прелиминарнымъ. Во всѣ окончательные трактаты вставляются подобныя оговорки, причемъ устанавляется, что дополнительныя условія будутъ опредѣлены особыми, дополнительными конвенціями или статьями. Въ содержаніи санъ-стефанскаго трактата нѣтъ ничего, что̀ лишало бы его, по самой сущности, значенія трактата окончательнаго. Такое значеніе придано ему единственно по формѣ: онъ названъ „прелиминарнымъ" и въ последней 30-й статьѣ его нарочно высказано, что по ратификаціи его, въ Петербургѣ „произойдетъ соглашеніе относительно мѣста и времени, гдѣ и когда условія настоящаго акта будутъ облечены *въ торжественную форму, обычную для мирныхъ трактатовъ*". Но вслѣдъ затѣмъ сказано: „пребываетъ, однако, вполнѣ установленнымъ, что высокія договаривающіяся стороны считаютъ себя формально связанными настоящимъ актомъ, со времени его ратификаціи". Въ этихъ словахъ опредѣлено только, съ какого времени трактатъ формально связываетъ обѣ стороны, но вовсе не указано на возможность такого дальнѣйшаго соглашенія, когда этотъ трактатъ можетъ быть не обязательнымъ, потому что будетъ замѣненъ другимъ, не указано и на то, что этотъ трактатъ для по̀лной и окончательной обязательности нуждается въ утвержденіи его какимъ-либо новымъ соглашеніемъ. Въ оговоркѣ говорится только о торжественности *формы*.

Итакъ, невозможно отрицать, что санъ-стефанскій трактатъ есть по содержанію своему трактатъ окончательный, предоставляющій только опредѣленіе нѣкоторыхъ подробностей новыми соглашеніями. Стало-быть, названіе „прелиминарнаго мирнаго договора (préliminaires de paix) дано было ему только для того, чтобы выказать нѣкоторую формальную уступчивость по отношенію къ другимъ державамъ, какъ-бы заявляя имъ, что русское правительство не намѣрено рѣшить восточнаго вопроса окончательно одностороннимъ соглашеніемъ съ Пор-

тою. А между тѣмъ, эта-то форма и создала такую дипломатическую фикцію, будто договоръ этотъ нуждается еще въ утвержденіи его конгрессомъ. Отсюда и произошла та дипломатическая полемика, которая заключалась въ томъ, что англійское правительство требовало внесенія въ конгрессъ всѣхъ статей трактата, а русское правительство не могло согласиться на это и, предоставляя членамъ конгресса возбуждать по отношенію къ санъ-стефанскому трактату какіе имъ угодно вопросы, удерживало за собой право допускать обсужденіе только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такова сущность переписки по этому предмету, изложенной въ циркулярѣ маркиза Солсбери отъ 1 апрѣля. Остальная часть этого циркуляра, содержащая критику политическихъ и территоріальныхъ условій, создаваемыхъ санъ-стефанскимъ трактатомъ, нисколько отъ насъ не зависѣла. Она выражаетъ взглядъ англійскаго правительства и намѣреніе его не признавать многихъ изъ сказанныхъ условій. Но это уже дѣло англійскаго правительства, а не наше. Наша же уступчивость, подавшая поводъ къ недоразумѣніямъ, состояла въ томъ, что, рѣшивъ дѣло оружіемъ, безъ всякаго участія другихъ державъ, и установивъ наши отношенія къ Турціи новыми, окончательнымъ съ ней трактатомъ, получивъ ея безусловное согласіе на порядокъ вещей нами созданный, мы сами назвали этотъ договоръ съ нею только „прелиминарнымъ" и затѣмъ не только приняли приглашеніе Австріи на конгрессъ, но сами стали добиваться, чтобы конгрессъ дѣйствительно состоялся, показывая тѣмъ самымъ, что мы не считаемъ дѣло окончательно рѣшеннымъ. Совсѣмъ иначе было бы, если бы мы открыто признали наше соглашеніе съ Портою окончательнымъ, а затѣмъ предоставили бы конгрессу собираться или не собираться, признавать санъ-стефанскій договоръ или не признавать. И въ этомъ случаѣ, на конгрессъ могъ явиться представитель Россіи, для выслушанія заявленій противъ признанія трактата Европою и для опроверженія возраженій хотя бы по всѣмъ пунктамъ, но съ тѣмъ, что никакихъ измѣненій въ трактатѣ Россія не сдѣлаетъ. Весьма вѣроятно, что въ такомъ случаѣ конгрессъ бы и не состоялся. Да вѣдь онъ не состоится и теперь, если мы не допустимъ обсужденія главныхъ пунктовъ трактата. Лордъ Солсбери въ сущности правъ, когда онъ говоритъ, что невозможно обсуждать только нѣкоторыя статьи, отдѣльно отъ всего того порядка вещей, который создается санъ-стефанскимъ трактатомъ. Но дѣло приняло теперь такой оборотъ, какъ будто мы стараемся уговорить Англію принять участіе въ конгрессѣ, котораго утвержденіе для насъ необходимо, а Англія намъ въ томъ отказываетъ. При иной постановкѣ дѣло было бы такъ, что мы наши дѣла съ Турціей устроили окончательно, а затѣмъ—воля дер-

жавъ собраться на конгрессъ и признать санъ-стефанскій трактатъ, или не собираться, и не признавать. Немало можно указать такихъ порядковъ и соглашеній, которые существовали долгое время безъ признанія со стороны всѣхъ державъ, кромѣ прямо заинтересованныхъ.

Въ области же фактовъ не дипломатическихъ, но реальныхъ было бы тоже самое, что есть теперь. Англійскій флотъ стоялъ бы близъ Константинополя и наши войска стояли бы вблизи турецкой столицы; если же военныя требованія были бы исполнены безъ уступчивости, то наши войска занимали бы уже Батумъ, Галлиполи, Шумлу и Варну. Если Англія можетъ рѣшиться на войну, то намъ предстояла бы война, точно такъ какъ и теперь она предстоитъ намъ, въ томъ же предположеніи. Мало того, можно догадываться, что если бы даже и состоялась сперва предварительная конференція, а потомъ конгрессъ, подготовленный ею, то въ концѣ-концовъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ переговоровъ, и четырехъ мѣсяцевъ занятыхъ разсужденіями конференціи и конгресса, однимъ словомъ, чрезъ полгода послѣ 19-го февраля, вопросъ представлялся бы въ сущности все въ томъ же видѣ, а именно, что если только Англія можетъ рѣшиться на войну, то война непремѣнно будетъ.

Дѣйствительно, вѣдь все, о чемъ теперь шла рѣчь въ переговорахъ, все, о чемъ разсуждала бы предварительная конференція, всѣ эти формальные вопросы о томъ, долженъ ли подлежать разсмотрѣнію конгресса весь трактатъ или нѣкоторыя его статьи и какія именно, — все это еще нисколько не составляетъ сущности дѣла. Сущность дѣла проявится тогда, когда въ концѣ конгресса Англія предложитъ намъ, въ видѣ послѣдняго условія—чтобы мы отказались отъ Батума и Баязета, и румынской Бессарабіи, а княжество Болгарію ограничили бы Балканами или рѣкою Марицею. Если мы на эти условія не согласимся, то вопросъ о войнѣ представится совершенно въ томъ видѣ, какъ онъ представлялся 20-го февраля и представляется 20-го апрѣля или 1-го мая: можетъ ли Англія рѣшиться на войну? Разница была бы лишь въ томъ, что Англіи дано было бы полгода для обдумыванія этого рѣшенія и понятно, что, употребивъ эти полгода на вооруженіе и на стягиваніе своихъ войскъ изъ Индіи, она легче рѣшилась бы на войну, чѣмъ могла рѣшиться на нее въ началѣ января, когда наши войска двигались на Галлиполи, и могли занять этотъ важный пунктъ. Въ то время, Англія, слишкомъ мало готовая къ войнѣ, вѣроятно, на нее бы и не рѣшилась; въ половинѣ же августа рѣшиться ей будетъ гораздо легче. За эти полгода у Англіи много прибудетъ силъ военныхъ, а у насъ не мало убудетъ средствъ финансовыхъ.

Итакъ, наша дипломатическая кампанія, смѣнившая военную и

продолжающаяся уже два мѣсяца, далеко не принесла тѣхъ блестящихъ результатовъ, какихъ добились наши генералы. Было бы, конечно, излишне указывать на этотъ неуспѣхъ дипломатіи и на его причины, если бы въ причинахъ этихъ не указывалось, въ свою очередь, средство выйти изъ нынѣшняго положенія и отвратить дальнѣйшую потерю времени. Англіи выгодно затягивать дѣло, но Россіи отсрочки положительно невыгодны. Пусть потеряно два мѣсяца, но будетъ хуже, если потеряются еще четыре мѣсяца. Вотъ почему желательно было бы теперь же возвратиться къ тому положенію дѣлъ, которое было 19-го февраля. Неблагопріятныя условія, допущенныя при заключеніи санъ-стефанскаго договора и со времени его заключенія и подлежали бы немедленному устраненію. Эти неблагопріятныя условія, по нашему мнѣнію, представлялись: во-первыхъ, тѣмъ, что наша дипломатія не настояла на безотлагательномъ исполненіи тѣхъ стратегическихъ гарантій, которыя истекали для Россіи изъ ея побѣдъ и изъ самого санъ-стефанскаго трактата; во-вторыхъ, характеромъ наружной неокончательности, который былъ приданъ трактату; названный „прелиминарнымъ“ онъ какъ будто получилъ значеніе условное, какъ будто принимался обѣими сторонами, т.-е. Россіею и Портою еще только ad referendum къ общеевропейскому конгрессу; отсюда проистекло довольно естественнымъ образомъ желаніе Порты не очищать Батума, Шумлы и Варны, до „окончательной“ санкціи „прелиминарнаго“ трактата, приданіемъ ему „торжественной формы“ общеевропейскаго соглашенія. Въ-третьихъ, старанія Россіи добиться, при помощи Германіи, чтобы такое соглашеніе непремѣнно состоялось, поставило Англію въ слишкомъ выгодное положеніе. Она могла тормазить окончательное рѣшеніе одними дипломатическими затрудненіями, и даже, оставаясь изолированною, все-таки пріобрѣтала полезнаго союзника—время.

Теперь прошли два мѣсяца, и есть вещи, которыхъ уже исправить нельзя; о занятіи нашими войсками Галлиполи, сильно укрѣпленнаго англичанами, не можетъ быть рѣчи, по-крайней-мѣрѣ въ эту минуту; передъ Константинополемъ возникли новыя укрѣпленія и создалась новая турецкая армія. Но исправленіе обстоятельствъ все-таки возможно, если мы вступимъ теперь же на путь противоположный тому, которому слѣдовали въ послѣдніе два мѣсяца.

Прежде всего казалось бы необходимымъ не вдаваться въ ловушку, которая въ теченіи апрѣля вообще почиталась чѣмъ-то желательнымъ для насъ. Мы говоримъ объ одновременномъ отступленіи нашихъ войскъ отъ Константинополя за линію Деркосъ-Чекмедже и англійскаго флота—въ Безикскую бухту. Корреспондентъ Daily News передавалъ совершенно вѣрный взглядъ, проявляющійся, по его от-

зиму, въ нашей главной квартирѣ, что „Россія должна быть совершенно увѣрена въ мирѣ, если она рѣшится на такой шагъ, такъ какъ англійскій флотъ всегда будетъ имѣть возможность въ 48 часовъ возвратиться изъ Безикской бухты къ Босфору, а русская армія, если удалится за линію Буюкъ-Чекмедже, то не можетъ болѣе возвратиться безъ позволенія турокъ." Напомнимъ, что эта линія представляетъ цѣлый рядъ фортовъ, и что когда наши войска мирно прошли чрезъ нее послѣ адріанопольскаго договора, то это въ свое время считалось огромнымъ пріобрѣтеніемъ, совершенно отдававшимъ въ ихъ руки Константинополь.

Вмѣсто того, чтобы вдаваться въ эту ловушку, полезнѣе было бы теперь же энергично потребовать отъ Порты передачи намъ Батума и очищенія Шумлы и Варны, а въ то же время пригласить ее немедленно облечь санъ-стефанскій договоръ въ „торжественную обычную форму", такъ чтобы никакого сомнѣнія о его окончательности уже не оставалось. Что касается конгресса, то Россія можетъ предоставить его осуществленіе тѣмъ державамъ, которыя заинтересованы въ поддержаніи трактатовъ 1856 и 1871 года, сама же можетъ только не отказываться принять участіе въ ихъ пересмотрѣ.

Вопросъ о конгрессѣ, то-есть о рѣшимости или нерѣшимости Англіи на войну тотчасъ рѣшился бы фактически, какъ только Порта получила бы русскій ультиматумъ относительно передачи Батума, очищенія Шумлы и Варны и облеченія санъ-стефанскаго договора въ „торжественную форму". Отказъ Турціи былъ бы сигналомъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій подъ Константинополемъ и въ такомъ случаѣ Англія или принуждена была бы объявить войну нѣсколькими мѣсяцами раньше, чѣмъ желала бы, или же допустить русскихъ въ Константинополь, послѣ чего англійскій флотъ или не имѣлъ бы уже возможности вступить въ Босфоръ, или, пройдя раньше въ Черное море, былъ бы запертъ въ немъ, и отрѣзанъ отъ своихъ сообщеній. Въ случаѣ, если бы война съ Англіею такимъ образомъ началась,—о конгрессѣ и не было бы рѣчи; въ случаѣ же, если бы Англія пропустила этотъ моментъ для объявленія войны, и русскія войска занимали бы Константинополь во время дальнѣйшихъ переговоровъ о конгрессѣ,—было бы очевидно, что конгрессъ соберется уже только для измѣненія трактатовъ 1856 и 1871 года сообразно съ условіями санъ-стефанскаго договора. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, всѣ заботы о созваніи конгресса касались бы только другихъ державъ, а Россія изъявила бы согласіе участвовать въ немъ не иначе, какъ на основаніи условій санъ-стефанскаго мира. Тогда Россія могла бы явиться на конгрессъ съ существенной уступкой: съ согласіемъ возвратить туркамъ Константинополь или, по желанію державъ, превратить его

въ нейтральный городъ, съ предоставленіемъ Австро-Венгріи территоріальнаго приращенія.

Внѣ этого пути мы, признаемся, не видимъ ничего, кромѣ безплодной потери еще 4-хъ мѣсяцовъ, усиленія Англіи, ободренія ее къ новымъ демонстраціямъ, пропорціональнымъ нашей умѣренности въ дѣйствіяхъ, и наконецъ—все-таки войну, только войну при наименѣе выгодныхъ для Россіи условіямъ.

Излишне было бы предугадывать теперь, какимъ образомъ будетъ ведена эта война, если ей суждено начаться. Признаемся, что новая война въ высшей степени нежелательна для Россіи. Послѣднее время вновь съ особой яркостью удостовѣрило, что мы нуждаемся въ продолженіи внутреннихъ преобразованій, а война нисколько не улучшитъ нашего внутренняго быта, это теперь уже достаточно выяснилось для всѣхъ. Если бы возможно было выдти съ честью изъ нынѣшняго положенія, хотя бы и съ уступками, то слѣдовало бы желать уступокъ. Но какъ отказаться отъ трактата однажды заключеннаго? Если въ немъ заключаются требованія, безъ которыхъ возможно было обойтись, то зачѣмъ же они включены въ трактатъ? Можно ограничить свои требованія, трудно отказаться отъ своихъ правъ. А вѣдь трактатъ создалъ намъ права.

Въ числѣ средствъ для веденія войны въ послѣдніе мѣсяцы особенное вниманіе привлекало снаряженіе крейсеровъ или такъ называемаго „добровольнаго флота". Съ этой цѣлью, какъ извѣстно, открыта подписка, а по извѣстіямъ изъ Америки, туда прибылъ на коммерческомъ пароходѣ экипажъ изъ 600 нижнихъ чиновъ и 68 офицеровъ русскаго военнаго флота. Въ мысли о нанесеніи англійской морской торговлѣ чувствительнаго ущерба посредствомъ военныхъ крейсеровъ можетъ быть нѣчто весьма серьёзное. Мысль эта въ сущности сводится на слѣдующее: русскій флотъ не можетъ оказать сопротивленія англійскому флоту въ своихъ водахъ, такъ какъ онъ слишкомъ слабъ, чтобы дѣйствовать противъ сосредоточенной, огромной военно-морской силы непріятеля. Но онъ можетъ оказать немалую пользу, если русскія суда будутъ заблаговременно высланы въ океанъ для крейсерства, а если не могутъ быть высланы суда, то могутъ быть высланы военные экипажи, суда же могутъ быть пріобрѣтены въ Америкѣ. Такова была, какъ извѣстно, мысль покойнаго адмирала Римскаго-Корсакова, и въ 1868 году выслана была, именно съ этой цѣлью, въ Атлантическій океанъ эскадра адмирала Лесовскаго. Управлявшій въ то время морскимъ министерствомъ, покойный Н. К. Краббе въ докладѣ по этому предмету удостовѣрялъ, что у него есть достаточное число хорошо обученныхъ моряковъ для устройства крейсерства на океанѣ.

Очень возможно, повторяемъ, что мысль эта, приведенная въ исполненіе морскимъ вѣдомствомъ, будетъ имѣть серьёзный успѣхъ. Уже одно извѣстіе о появленіи русскихъ военныхъ крейсеровъ несомнѣнно ослабитъ англійскую транзитную торговлю; но въ какой степени ослабитъ? Опасеніе захвата грузовъ на англійскихъ судахъ и возвышеніе страховыхъ премій побудитъ только грузоотправителей предпочитать суда нейтральныхъ націй.

Вотъ почему мы вовсе не предаемся иллюзіямъ; мы сомнѣваемся также, чтобы наше общество могло оказать въ этомъ отношеніи соотвѣтственное положенію дѣла содѣйствіе. Правда, подписка на покупку крейсеровъ на первыхъ порахъ была встрѣчена, какъ у насъ говорится, съ „живѣйшимъ восторгомъ", и стали жертвоваться изъ городскихъ суммъ, гдѣ три, гдѣ пять тысячъ рублей. Но вспомнимъ, что пожертвованія въ пользу такого святого дѣла, какъ помощь раненымъ, не превысили $5^1/_2$ милл. р. Допустимъ, что на крейсеры будетъ собрана въ скоромъ времени половина этой суммы (собиравшейся въ теченіи года). Это составило бы $2^1/_2$ милл. р. кредитныхъ, т.-е. примѣрно $1^1/_4$ милл. р. металлическихъ. Въ сравненіи съ 25-милліоннымъ бюджетомъ морского министерства и экстраординарными средствами, какія ему можетъ предоставить казна, это будетъ только нѣчто большее, нежели капля въ море. Да сверхъ того, нельзя не замѣтить, что и прежняго воинственнаго одушевленія въ обществѣ теперь уже не ощущается. У всѣхъ скорѣе на умѣ—настоятельность успѣховъ внутренняго, мирнаго развитія. Вообще, такія мѣры, какъ крейсерство, оправдываются только громаднымъ успѣхомъ, а въ случаѣ неуспѣха отъ нихъ отступаются потомъ даже тѣ, которые высказывались прежде ихъ защитниками и ораторами въ ихъ пользу. Вотъ, было бы совсѣмъ другое дѣло, если бы мы въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ откладывали отъ морского бюджета хотя по одному милліону въ годъ въ морской фондъ: такое уменьшеніе въ бюджетѣ очень мало отозвалось бы на нашихъ наличныхъ морскихъ силахъ: онѣ были бы почти тѣ же, т.-е., также не могли бы выступить въ открытую борьбу на морѣ, какъ не могутъ и теперь, а между тѣмъ мы имѣли бы на готовѣ теперь 20 милліоновъ, которые можно было бы тотчасъ затратить, не выжидая сбора на добровольный флотъ, да и во всякомъ случаѣ такой сборъ никогда не достигнетъ вышеуказанной суммы.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 апрѣля, 1878.

Военныя приготовленія и военныя силы Англіи.

„Si vis pacem, para bellum!"—вотъ эпиграфъ, который приличествовалъ бы этому письму, и если принять эту парадоксальную аксіому за нѣчто серьёзное, то слѣдовало бы заключить, что никогда еще ни одна страна не была одушевлена болѣе миролюбивыми намѣреніями, какъ Великобританія въ настоящее время. Судя по количеству ядеръ и патроновъ, ежедневно изготовляемыхъ, судя по лихорадочной дѣятельности, царствующей въ арсеналахъ, судя по безотлагательному призыву перваго и второго класса милиціи и резервовъ, можно думать—все въ силу той же поговорки,—что Англія давно уже не желала такъ мира, какъ теперь.

Къ несчастію, большинство публики отказывается допустить это толкованіе. Вамъ замѣчаютъ, что пословицамъ и поговоркамъ не слѣдуетъ особенно довѣрять, тѣмъ болѣе, что у каждой есть своя контръ-поговорка, какъ это вообще доказано знаменитымъ и правдивымъ оруженосцемъ Санхо Панча.

Словомъ, дѣло стоитъ такъ, какъ я это предсказывалъ болѣе года тому назадъ, несмотря на крики и митинги искусственной оппозиціи. „Если Россія,—писалъ я,—считаетъ, что часъ наступилъ выгнать „Мустафу" за дверь Европы, то пусть дѣйствуетъ! Но пусть она не питаетъ никакихъ иллюзій и никакихъ надеждъ на помощь и симпатію, какія нѣкоторые шутники сулятъ ей въ Англіи" [1]).

Дѣло было всегда ясно для ума непредубѣжденнаго. Совсѣмъ тѣмъ страшная паника, проявившаяся въ декабрѣ, послѣ взятія Плевны, на одну минуту, какъ-будто опровергла эти предположенія. Ударъ былъ тѣмъ сильнѣе, что нѣсколько запоздалъ. И какое же онъ вызвалъ смятеніе! Я о немъ сообщалъ въ послѣднемъ письмѣ; но уже въ концѣ его указывалъ на симптомы, предвозвѣщавшіе ободреніе общественнаго мнѣнія.

При такихъ обстоятельствахъ произошелъ 5 (17) января преждевременный дебютъ парламентской сессіи. Пренія по адресу въ отвѣтъ на тронную рѣчь были сравнительно спокойны; оппозиція была такъ же умѣренна, какъ и самъ лордъ Биконсфильдъ. Слухи о раздорахъ въ средѣ кабинета были опровергнуты; объявлено было, что въ на-

1) См. „Вѣстникъ Европы", 1877, мартъ, Корресп. изъ Лондона.

стоящую минуту не нуждаются ни въ деньгахъ, ни въ солдатахъ, и всѣ успокоились, а „Times" даже воскликнулъ, что все къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ и что парламентъ былъ созванъ единственно лишь затѣмъ, чтобы показать, что въ услугахъ его не нуждаются.

Недѣлю спустя, два извѣстія „крайней важности" разсѣяли эти обманчивыя надежды. 13 (25) января лордъ Биконсфильдъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе въ палатѣ лордовъ: „Такъ какъ правительство не получало никакого сообщенія о переговорахъ между воюющими сторонами, а русскія войска произвели быстрое наступленіе въ направленіи, въ которомъ затрогиваются британскіе интересы, а съ другой стороны, султанъ извѣщаетъ, что не существуетъ больше безопасности ни для жизни, ни для имущества жителей его столицы, то при такихъ обстоятельствахъ правительство ея величества нашло нужнымъ приказать флоту перемѣститься изъ Безикской бухты ко входу въ Дарданеллы и при отсутствіи противнаго приказа продолжать свой путь къ Константинополю". Между тѣмъ, кабинетъ былъ увѣдомленъ объ условіяхъ мира, и англійскій адмиралъ получилъ приказаніе вернуться: тѣмъ не менѣе лордъ Карнарвонъ возвѣстилъ о своей отставкѣ, мотивируя ее этимъ приказомъ и его отмѣной въ послѣдній моментъ. Въ тотъ же самый вечеръ въ палатѣ общинъ канцлеръ казначейства потребовалъ дополнительнаго кредита въ шесть милліоновъ стерлинговъ на морскія и военныя издержки.

„Кризисъ, въ который повергли страну, такъ же опасенъ, какъ и неожиданъ", жалобно восклицалъ „Times". „Нельзя представить себѣ болѣе полнаго крушенія надеждъ, созданныхъ предыдущими министерскими деклараціями". По правдѣ сказать, „Times" и всѣ тѣ, кто раздѣлялъ эти иллюзіи, могли пенять только на самихъ себя. Хотя мы и живемъ въ эпоху, когда Бисмаркъ ввелъ въ моду „откровенную" политику, но всѣ знаютъ, какъ надо думать объ оффиціальныхъ и министерскихъ заявленіяхъ. Всѣ знали, что парламентъ созванъ тремя недѣлями ранѣе—не „pour le roi de Prusse", какъ говорили во время оно французы: кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что, несмотря на заявленіе о противномъ, внутри кабинета шелъ отчаянный раздоръ, и что первый министръ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы ему отдѣлаться, если не отъ лорда Дерби, то, по крайней мѣрѣ, отъ статсъ-секретаря колоній, лорда Карнарвона. Съ другой стороны, Биконсфильдъ не видѣлъ еще для себя достаточной поддержки въ общественномъ мнѣніи и потому отозвалъ флотъ, хотя для этого не было никакого серьёзнаго основанія. Лордъ Карнарвонъ такъ хорошо это понялъ, что настаивалъ на своей отставкѣ, несмотря на отозваніе флота: вѣрный признакъ, что этотъ

послѣдній отплыветъ вторично, и въ самомъ непродолжительномъ времени.

Какъ бы то ни было, а вторичная парламентская битва по поводу восточнаго вопроса началась въ слѣдующій понедѣльникъ 16 (28) января, и тутъ сэръ Стаффордъ Норскотгъ, въ длинной и обстоятельной рѣчи, изложилъ требованіе возвѣщеннаго кредита. По его словамъ, дѣло шло совсѣмъ не о томъ, чтобы пускаться въ опасныя предпріятія: вотированіе кредита — а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрія — будетъ самой дѣйствительной гарантіей въ пользу мира.

„Понимаю въ чемъ дѣло,—вскричалъ Брайтъ,—вы хотите отправиться на конференцію съ руками, полными револьверовъ". Это замѣчаніе вызвало смѣхъ оппозиціи, хотя это было не вѣрно. „Всегда помните,—писалъ Фридрихъ-Великій своему посланнику въ Лондонѣ, при такихъ же обстоятельствахъ,—и не давайте забывать другимъ, что за каждымъ вашимъ словомъ слѣдуютъ 200,000 прусскихъ штыковъ".

По требованію оппозиціи пренія были отложены до первыхъ чиселъ февраля. Они заняли два или три засѣданія, какъ вдругъ проявилась новая паника и безпримѣрное смятеніе. Пришло извѣстіе, что русская армія, несмотря на заключеніе перемирія, продолжаетъ идти впередъ. 26 января (7 февраля) разнесся слухъ, что она вступила въ Константинополь! Волненіе и тревога достигли крайнихъ предѣловъ: вечеромъ встревоженная толпа тѣснилась въ палатѣ общинъ, а въ тотъ моментъ, какъ канцлеръ казначейства всталъ, чтобы сдѣлать сообщеніе, всѣ взоры съ ожиданіемъ устремились на него. Онъ прочиталъ телеграмму Лейарда, въ которой послѣдній извѣщаетъ, что, несмотря на перемиріе, русскія войска идутъ на Константинополь и завладѣли нѣкоторыми пунктами на линіи обороны, всего въ какихъ-нибудь 30 миляхъ отъ Константинополя, несмотря на протесты турецкихъ властей. Дѣйствіе этихъ словъ было поразительное. Форстеръ беретъ назадъ поправку, которую было внесъ по поводу вотированія кредита. Джонъ Брайтъ объявляетъ, что возбужденіе слишкомъ велико, что, быть можетъ, это движеніе впередъ есть не что иное, какъ результатъ соглашенія между обѣими сторонами, что во всякомъ случаѣ волненіе такъ велико, что нельзя безъ опасности для мира продолжать пренія. Нѣкто Коуэнъ, либералъ, встаетъ и говоритъ: — Извѣстіе, сообщенное намъ, совершенно измѣняетъ положеніе дѣлъ: мы должны теперь думать только о нашемъ достоинствѣ и о достоинствѣ націи, и прекратить всякія пренія. Когда общественные интересы замѣшаны въ дѣлѣ, то патріотизмъ столько же, сколько и здравый смыслъ говорятъ намъ, что мы должны быть единодушны въ виду чужеземцевъ (*Шумныя руко-*

плесканія). Здѣсь нѣтъ больше ни либераловъ, ни радикаловъ, ни консерваторовъ: здѣсь одни англичане, которые вполнѣ готовы оказать довѣріе кабинету, который, по крайней мѣрѣ, не ошибся въ своихъ предвидѣніяхъ. Не только не должно быть и рѣчи о поправкахъ, но слѣдуетъ немедленно вотировать милліоны, требуемые правительствомъ".

Честный и искренній Коуэнъ—полагающій, что дѣло такъ просто, и что люди такъ легко отдѣлываются отъ своей парламентской оболочки! Совсѣмъ тѣмъ его энтузіазмъ готовъ былъ сообщиться и самой оппозиціи—за исключеніемъ, разумѣется, Гладстона—какъ вдругъ происходитъ новый эпизодъ. Канцлеръ казначейства снова встаетъ, съ депешей въ рукѣ.

Она сообщена ему лордомъ Дерби и идетъ на этотъ разъ не „отъ нашего посланника въ Константинополѣ", но отъ русскаго посланника въ Лондонѣ, который только-что получилъ ее отъ князя Горчакова. Она гласитъ слѣдующее: — „отданъ приказъ русскимъ военнымъ командирамъ прекратить враждебныя дѣйствія вдоль всей линіи въ Европѣ и въ Азіи. Нѣтъ ни одного слова правды въ слухахъ, дошедшихъ до васъ".

Вотированіе кредита произошло на слѣдующій день. Вмѣстѣ съ тѣмъ сэръ Норскоттъ снова возвѣстилъ объ отправкѣ флота въ Дарданеллы, отправкѣ на этотъ разъ окончательной и безповоротной. Затѣмъ оффиціальный вождь оппозиціи, лордъ Гартингтонъ объявилъ, что, не одобряя политики кабинета въ цѣломъ, онъ не считаетъ возможнымъ вотировать противъ требованія кредита. „Хотя я и сожалѣю о томъ, что этого кредита потребовали,—говоритъ онъ,—однако что до меня касается, то я не имѣю намѣренія противиться ему (*Министерскія рукоплесканія*). Я надѣюсь, что правительство ея величества не увидитъ въ этомъ поощренія вести легкомысленную и рискованную политику. Я думаю, напротивъ, основываясь на ихъ первоначальномъ заявленіи, что министры вовсе не намѣрены дѣйствовать поспѣшно. Я надѣюсь также, что они не забудутъ, что Англія и Россія не единственныя державы, заинтересованныя въ дѣлѣ и что они будутъ по возможности дѣйствовать сообща съ остальными европейскими державами". И вслѣдствіе этой декларація, онъ вышелъ изъ палаты въ тотъ моментъ, какъ вотировали кредитъ среди ироническихъ рукоплесканій и свистковъ приверженцевъ Гладстона. Эти послѣдніе, въ числѣ 124 человѣкъ вотировали противъ требованія субсидій, тогда какъ 328 членовъ одобрили это требованіе и провели его большинствомъ 204 голосовъ.

Послѣ легкой задержки и обмѣна формальностей между правительствомъ Порты и сенъ-джемскимъ кабинетомъ, англійскій флотъ

придвинулся въ сосѣдство съ Босфоромъ—все затѣмъ, чтобы оказать покровительство нашимъ соотечественникамъ. Съ той же гуманной цѣлью русская армія придвинулась на одинъ шагъ ближе къ Константинополю, счастливые обитатели котораго могли такимъ образомъ разсчитывать на безопасность, безпримѣрную въ лѣтописяхъ исторіи. „Князь Горчаковъ однако знаетъ,—замѣтилъ тутъ „Times",—что толковать о необходимости покровительствовать христіанамъ—значитъ, играть словами. Но если онъ скажетъ намъ, что и Англія играетъ тѣми же словами, то нѣчего будетъ ему возразить. Желаніе покровительствовать нашимъ соотечественникамъ лишь одна изъ причинъ, по которымъ нашъ флотъ посланъ въ проливы. И отчего не сказать намъ откровенно того, что Россія и безъ того отлично знаетъ, а именно, что это не настоящая причина? Наша страна ясно высказала: она не допуститъ, чтобы Константинополь перешелъ въ другія руки и косо посмотритъ даже на временное занятіе этого города. И если бы даже это занятіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ военныхъ событій, то мы объявили не менѣе ясно, что примемъ мѣры для обезпеченія своихъ интересовъ. Россія, съ своей стороны, обѣщала, что ея войска вступятъ въ Константинополь лишь въ крайнемъ случаѣ. Но теперь не такія обстоятельства, такъ какъ война кончена, Турція сломлена, а линіи, обороняющія столицу, находятся въ рукахъ побѣдителей. Посылка англійскаго флота означаетъ, что мы должны имѣть матеріальныя гарантіи въ безопасности нашихъ интересовъ до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ удерживать эти линіи" („Times", 2 (14) февраля).

Тѣмъ временемъ Бисмаркъ разразился рѣчью. Объ этомъ манифестѣ говорили, что онъ никого не удовлетворилъ, не исключая и Англіи. „Если бы рѣчь была продиктована княземъ Бисмаркомъ,—замѣтилъ „Morning-Post",—то она не могла бы быть болѣе въ русскомъ духѣ". А между тѣмъ намъ говорили, что въ Россіи ее нашли через-чуръ въ англійскомъ духѣ. Надо сознаться, что Бисмаркъ ловкій человѣкъ! Очевидно, онъ не желалъ оказывать кому-либо предпочтеніе—и это ему удалось! „Journal des Débats" — не первый встрѣчный поперечный и не изъ нашихъ друзей, говоря мимоходомъ, разбиралъ и на всѣ стороны переворачивалъ эту рѣчь въ трехъ ученыхъ статьяхъ и пришелъ къ тремъ различнымъ выводамъ. Мнѣ лично имперскій канцлеръ въ этой рѣчи болѣе нежели когда-либо представился въ образѣ *Рейнеке-Лиса*, какъ онъ изображается въ картинахъ Каульбаха. Замѣтьте, что это не ставится мною въ укоръ политическому дѣятелю, потому что Рейнеке въ концѣ-концовъ проводитъ всѣхъ. Бисмаркъ отплачиваетъ свой долгъ за 1870 г., но будьте увѣрены, что онъ будетъ потирать руки, если война вспыхнетъ между

Англіей и Россіей, потому что она повлечетъ за собою истощеніе одной и ослабленіе другой. Не говоря уже о томъ, что среди затрудненій, въ какія поставленъ въ настоящее время австрійскій домъ, онъ предвидитъ моментъ, когда нѣмецкія провинціи, съ значительными прирѣзками территоріи, вернутся къ германской имперіи, которую онъ возсоздалъ.

Не скажу, чтобы англійская печать точь-въ-точь также посмотрѣла на дѣло; однако, всѣ мало-по-малу начинали успокоиваться и вѣрить въ осуществленіе и даже въ успѣхъ конференціи, долженствующей, какъ говорили, въ непродолжительномъ времени собраться въ Баденѣ. Но вдругъ произошелъ новый переворотъ; политическій горизонтъ снова омрачился и снова распространились самые зловѣщіе слухи. Турки, говорили, не соглашаются на всѣ требованія русскихъ; эти послѣдніе готовятся вступить въ Константинополь. Мало того: царь требуетъ отъ султана, чтобы тотъ уступилъ ему весь свой флотъ, который будетъ немедленно обращенъ въ русскій; Галлиполи занято или наканунѣ того, чтобы быть занято, и кораблямъ адмирала Горнби нѣтъ другого исхода, какъ быть захваченными въ плѣнъ, или потопленными. Наконецъ, условія мира или то, что о нихъ извѣстно, довершаютъ общій ужасъ. Громадное развитіе Болгаріи первоначально не привлекаетъ всеобщаго вниманія; но всѣ возмущаются громадностью военной контрибуціи. Что Германія потребовала пять милліардовъ (франковъ) у Франціи—это еще куда ни шло. Но требовать столько же у Турціи, у которой нѣтъ ни гроша и которая всѣмъ должна, кромѣ Россіи! Да это злая шутка: и хуже всего то, что толкуютъ про уступку всего турецкаго флота и египетской дани, въ видѣ гарантіи.

Среди этихъ-то обстоятельствъ и всеобщаго раздраженія „*партія мира*“ рѣшилась созвать въ Гайдъ-Паркѣ митингъ-monstre, чтобы доказать всеобщее удовольствіе и единодушное желаніе англійскаго народа сохранить миръ во что бы то ни стало. Съ другой стороны, диссиденты заявили о враждебныхъ намѣреніяхъ. Сборище обѣщало быть особенно интереснымъ, тѣмъ болѣе, что Брадло, главный *leader* мирныхъ стремленій, придумалъ организовать корпусъ „добровольцевъ-констэблей“, вооруженныхъ толстыми палками, все въ силу нашей знаменитой аксіомы: „si vis pacem“... и пр.

Въ воскресенье, 24-го февраля, я пришелъ въ Гайдъ-Паркъ къ тремъ часамъ, незадолго до момента, назначеннаго для начала преній. На громадномъ пространствѣ, довольно обнаженномъ, раскидывающемся между Marble Arch Оксфордской улицы и Пиккадилли растетъ нѣсколько вѣковыхъ деревьевъ, изъ которыхъ одно извѣстно подъ именемъ дерева реформаторовъ. Оно бываетъ обыкновенно цен-

тральнымъ пунктомъ митинговъ. На этотъ разъ обѣ партіи, по молчаливому уговору, помѣстились въ равномъ разстояніи отъ этой нейтральной почвы. Погода стояла хорошая для Лондона, то-есть не было ни дождя, ни тумана, а только пасмурное, сѣрое небо и легкій вѣтерокъ,—отличный день для битвы.

Уже раньше трехъ часовъ нѣсколько тысячъ человѣкъ собралось на „anti-Russian meeting", предсѣдательствуемый лейтенантомъ Армитъ и подкрѣпляемый Union-Jack и громаднымъ турецкимъ знаменемъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ уже съ восторгомъ вотировали слѣдующую резолюцію: „Этотъ митингъ надѣется, что англійское правительство всѣми средствами воспрепятствуетъ вступленію русскихъ въ Константинополь, и полагаетъ, что обязанность каждаго англичанина, безъ различія партій, заключается въ томъ, чтобы поддерживать лорда Биконсфильда въ его патріотической рѣшимости отстаивать интересы и честь британской имперіи".

Въ то же самое время другое ядро образовалось ближе къ Серпентайнѣ, и я счелъ, что пора приблизиться къ друзьямъ мира, хорошо помня, что „кто слушаетъ одинъ колоколъ, тотъ слышитъ только одинъ звонъ". Собраніе было не такъ многочисленно, какъ я этого ожидалъ: посреди я увидѣлъ Брадло, съ его широкимъ и симпатичнымъ лицомъ и плоскими волосами, придающими ему видъ американскаго clergymen'а. Мнѣ показалось, что съ высоты эстрады, на которую онъ забрался, онъ тщетно выбивался изъ силъ, чтобы заставить себя выслушать. Возлѣ него, прислонившись къ дереву, стоялъ настоящій clergymen: мнѣ сказали, что то былъ достопочтенный Стоунтонъ изъ Сентъ-Альбансъ Гонборнъ. Вдругъ Брадло исчезъ и уступилъ свое мѣсто изящному джентльмену съ подстриженной и расчесанной бородой и съ лорнетомъ, въ которомъ я узналъ брата лорда Карнарвона, Оберона Герберта, члена либеральной партіи.

Новый ораторъ не успѣлъ произнести нѣсколько словъ въ осужденіе политики правительства, какъ я увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи турецкое знамя и англійское знамя, въ сопровожденіи многочисленной толпы, образовавшей компактную колонну, съ рѣшимостью надвигавшуюся на группу мира. Увидя, какъ бы сказалъ философъ Панглосъ, эту *причину*, я ни одной минуты не усомнился въ дѣйствіи, какое изъ нея произойдетъ. Я, не стыдясь, ловко совершилъ отступленіе и, избравъ выгодную позицію, дожидался, что̀ будетъ дальше.

Въ этотъ моментъ въ томъ уголку Гайдъ-Парка находилось навѣрное тысячъ 80 человѣкъ—настоящая армія! Колонна „національной и патріотической партіи" пустилась бѣгомъ: знамена и авангардъ въ одну минуту налетѣли на группу друзей мира. Минута за-

медленія—затѣмъ, знамена проникають въ центръ группы, несмотря на протесты Врадло. Начинается общая свалка: Врадло, Оберонъ Герберть и священникъ исчезають въ толпѣ, знамена разрываются на клочки, но древко побѣдоносно красуется въ средѣ „національной партіи", смявшей „*партію мира*" и побѣдоносно завладѣвшей полемъ битвы. Нѣсколько рьяныхъ приверженцевъ взлѣзають на дерево и увѣнчивають его обрывками разорванныхъ знаменъ. На бѣду, отъявленные „руссофилы" уже раньше забрались на дерево, не особенно высокое и сгибающееся подъ тяжестью полутора десятка людей, цѣпляющихся за его вѣтки. Передъ нами въ миніатюрѣ и на нѣсколько футъ надъ землей происходить повтореніе обоихъ митинговъ: вскорѣ завязывается борьба, и самые рьяные катятся съ вѣтки на вѣтку подъ градомъ ударовъ противниковъ. Зрители вступають въ дѣло, и вскорѣ градъ каменьевъ и палокъ осыпаеть дерево, и оно вскорѣ освобождается отъ своихъ импровизированныхъ гостей.

На этомъ зрѣлище оканчивается, и день заключается нѣсколькими переломанными ребрами, пробитыми головами, потоптанными куртинами. Публика разошлась по домамъ, а побѣдоносная колонна направилась черезъ Пиккадили до Пэль-Мэль, распѣвая „Rule Britannia" подъ окнами „гвардейскаго клуба", ворча и свистя подъ окнами „клуба реформы" (либеральнаго), и прибивъ въ Доуннингъ-Стритъ, прокричала „ура!" лорду Биконсфильду. Этотъ послѣдній какъ разъ въ эту минуту подъѣзжаеть въ каретѣ, и ему дѣлають восторженную овацію. Онъ благодарить толпу, которая, наконецъ, расходится, очень довольная проведеннымъ днемъ.

Въ то же самое время небольшая группа болѣе рьяныхъ людей направилась въ Гарли-Стритъ и побила стекла въ окнахъ Гладстона. Прибавлю къ этому только одно: двѣ недѣли спустя, этотъ государственный человѣкъ возвѣщалъ избирателямъ Гринича, что намѣренъ отказаться отъ ихъ голосовъ на будущихъ выборахъ, и вообще далъ понять, что онъ готовится совсѣмъ сойти съ политической арены. Какъ бы то ни было, а я всегда думалъ, что такъ кончится, и снова повторяю то же, напоминая при этомъ, что Россія имѣла въ Гладстонѣ случайнаго друга, придерживавшагося случайной политики.

Этотъ митингъ въ Гайдъ-Паркѣ, что бы тамъ ни говорили люди, узнавшіе о немъ только по телеграфу, отмѣчаеть „поворотный пунктъ" въ общественномъ мнѣніи. Безъ сомнѣнія, всѣ 80 тысячъ, присутствовавшіе на немъ, не принимали участія въ „преніяхъ", а тѣмъ менѣе въ дракѣ. Но симпатіи были рѣзко заявлены, и приверженцы мира остались въ безспорномъ меньшинствѣ. Я согласенъ, что многіе патріоты затруднятся высказать свои доводы. Я могу даже привести поучительный тому примѣръ. Послѣ битвы ко мнѣ подошли два чест-

ныхъ работника, и спросили мое мнѣніе о дѣлѣ, утверждая, что я долженъ быть лучшимъ судьей, нежели они. Не успѣлъ я открыть рта, чтобы имъ отвѣтить, какъ одинъ изъ нихъ перебилъ меня, вскричавъ: — *Oh! I think a war would serve England!* (О! я думаю, что война будетъ полезна для Англіи). И на мой вопросъ: почему? отвѣчалъ:—*It is over-populated!* (*sic*) (населеніе слишкомъ густо). Этотъ аргументъ показался мнѣ не требующимъ возраженія, и я разстался съ моимъ собесѣдникомъ, размышляя, что вѣдь обязательное обученіе всего лишь нѣсколько лѣтъ, какъ введено въ Англіи.

Но, повторяю, все это не мѣняетъ сущности дѣла. Масса вездѣ состоитъ, къ несчастію, изъ невѣждъ или дураковъ, она слѣдуетъ за направленіемъ, которое даютъ болѣе ловкіе люди, образующіе общественное мнѣніе; а общественное мнѣніе въ Англіи въ настоящую минуту настроено въ пользу войны,—и до такой степени, что всѣ нашли вполнѣ естественнымъ, когда въ половинѣ февраля лордъ Непиръ Магдальскій назначенъ былъ главнокомандующимъ будущей арміи, на случай войны, а сэръ Гарнетъ Уольселей начальникомъ его штаба. Никто, сколько мнѣ извѣстно, не посмѣялся даже надъ этими двумя офицерами, изъ которыхъ одинъ побѣдилъ абиссинцевъ и короля Ѳеодора, а другой отличился главнымъ образомъ въ знаменитой кампаніи противъ ашантіевъ и ихъ черного монарха, прославляемаго во всѣхъ трактатахъ о бракѣ и о полигаміи, за его 3,333 жены.

Между тѣмъ, насчетъ условій мира царствовала все та же неизвѣстность. И въ этомъ отношеніи надо сознаться, что русская дипломатія доставила очень много непріятныхъ минутъ сенъ-джемскому кабинету.

Мало-по-малу оказалось, однако, что Россія сдѣлала нѣкоторыя уступки. Перестали толковать о выдачѣ турецкаго флота, о тяжкой дани, и о портѣ на Мраморномъ морѣ. Надежды снова-было ожили, но весьма мимолетно, потому что онѣ разсѣялись вмѣстѣ съ обнародованіемъ санъ-стефанскаго договора.

Тогда убѣдились, что безполезно создавать химеры и сражаться съ ними, такъ какъ сама дѣйствительность достаточно „убійственна". Всего труднѣе оказалось переварить „новую" Болгарію. „Въ сущности,—восклицалъ „Times",—она составляетъ центральную массу полуострова и изъ нея образуется государство, на-ряду съ которымъ Черногорія и Сербія представятся ничтожными, а остальная часть владѣній Турціи покажется мала до смѣшного. Исторія устрицы и истцовъ приходитъ намъ на память при взглядѣ на эту карту. Масо моллюска предназначается новой Болгаріи, тогда какъ Турціи предоставляютъ скорлупу, разлетѣвшуюся на куски подъ ножомъ, который ее вскрывалъ... Надо видѣть вещи, какъ онѣ есть, и понять,

что остальная часть турецкихъ владѣній допускается лишь какъ дополненіе къ Болгаріи. Невозможно оправдать этнографическими соображеніями расширеніе этой провинціи до Эгейскаго моря. Міру трудно будетъ понять, почему болгарскому племени оказывается такое предпочтеніе передъ другими. Эллинская раса имѣетъ по крайней мѣрѣ на своей сторонѣ блестящее прошлое и важныя права на уваженіе цивилизованнаго міра, тогда какъ болгары, каковы бы ни были ихъ достоинства, должны еще быть обтесаны, чтобы вступить въ цивилизованную семью народовъ. Вопросъ еще усложняется, когда мы подумаемъ, что трактатъ предоставляетъ русскимъ трудъ организаціи новой провинціи, что къ ней доступъ съ моря очень легокъ, и что, наконецъ, она болѣе, нежели всякое другое славянское государство, будетъ подчинено вліянію Россіи. Новая Болгарія очень легко станетъ какъ-бы русскою провинціей и естественнымъ центромъ всѣхъ мелкихъ государствъ, разсѣянныхъ вокругъ. Европа не можетъ не питать законныхъ сомнѣній на счетъ справедливости такого устройства и безопасности, какую оно сулитъ въ будущемъ" („Times" 11 (23) марта).

Примите этотъ отрывокъ за совершенно вѣрное резюме общественнаго мнѣнія и мнѣнія правительства о санъ-стефанскомъ договорѣ. Говоря „правительство", я долженъ оговориться: одинъ членъ кабинета, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ все болѣе и болѣе расходился съ своими собратами. Лордъ Дерби уже чуть-чуть не вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ лордомъ Карнарвономъ: его уговорили остаться. Но по мѣрѣ того, какъ созваніе конференціи становилось все болѣе и болѣе сомнительнымъ, благородный лордъ снова заговорилъ объ отставкѣ. „Пусть убирается къ чорту!" воскликнулъ лордъ Биконсфильдъ. И такъ какъ премьеръ рѣшилъ созвать резервы, то сынъ его стариннаго друга и покровителя, наслѣдникъ великаго имени лорда Дерби, подалъ въ отставку.

Здѣсь не мѣсто разбирать этого государственнаго человѣка, въ которомъ никто не отрицаетъ благонамѣренности и искренности. Нѣкоторые говорятъ, что онъ либералъ по стремленіямъ и лишь семейныя связи удерживаютъ его въ лагерѣ торіевъ, и что отсюда проистекаетъ его нерѣшительность. Но ни либерализмъ, ни торизмъ тутъ не при чемъ. Лордъ Дерби просто-на-просто *дилеттантъ*, *scholar*, который находилъ, и не безъ основанія, удовольствіе въ томъ, чтобы управлять частью дѣлами великой націи: всѣмъ извѣстно, какъ хорошо бывали написаны его дипломатическія ноты. Вмѣстѣ съ этимъ у него характеръ Гамлета, мало склонный къ дѣятельности и совсѣмъ не подходящій къ нашимъ смутнымъ временамъ.

Онъ не разъ долженъ былъ говорить себѣ, какъ и датскій принцъ:

How weary, stale, flat and unprofitable,
Seem to me all the uses of this world [1]).

По крайней мѣрѣ въ унылой рѣчи, произнесенной имъ во время преній о созваніи резервовъ, онъ перефразировалъ текстъ этого изреченія.

Лордъ Биконсфильдъ весьма искусно назначилъ ему въ преемники маркиза Солсбэри. Этотъ послѣдній поставилъ себѣ въ обязанность быть усерднымъ и заставить забыть свой вялый образъ дѣйствія въ эпоху константинопольской конференціи. Вступивъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ 18 (30) марта, онъ разослалъ 20 марта (1 апрѣля) иностраннымъ державамъ циркуляръ, отнынѣ ставшій историческимъ и предназначенный положить конецъ всякой надеждѣ на конференцію или конгрессъ.

Извѣстно, что сенъ-джемскій кабинетъ постоянно требовалъ права разбирать и обсуждать всѣ статьи санъ-стефанскаго договора. Послѣ долгихъ переговоровъ графъ Шуваловъ прислалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ слѣдующій отвѣтъ: „Русское правительство предоставляетъ державамъ полную свободу возбуждать на конгрессѣ какіе имъ угодно вопросы, оставляя за собой свободу принять или отвергнуть обсужденіе этихъ вопросовъ". Этотъ отвѣтъ, которому бы могъ позавидовать лакедемонецъ, былъ по крайней мѣрѣ категорическій. Онъ вызвалъ циркуляръ лорда Солсбэри, не менѣе категорическій.

Благородный маркизъ прежде всего резюмируетъ послѣдніе переговоры, затѣмъ переходитъ къ безпощадной критикѣ мирнаго договора. Прежде всего онъ напоминаетъ про первый протоколъ лондонской конференціи въ 1871 г., подписанный великими державами, включая сюда и Россію, и объявляетъ, что „основной принципъ международнаго права заключается въ томъ, чтобы ни одна держава не могла освободиться отъ обязательствъ договора или измѣнить его условія, безъ согласія державъ, подписавшихъ договоръ, выраженнаго въ полюбовномъ соглашеніи". Постановивъ это, онъ энергически критикуетъ образованіе новаго и сильнаго болгарскаго государства подъ покровительствомъ Россіи, возстаетъ противъ непомѣрнаго ослабленія Турціи, т.-е. державы, владѣющей ключомъ къ проливамъ, и объявляетъ, что договоръ стремится, ни болѣе ни менѣе, какъ установить „владычество русскаго правительства на всѣхъ берегахъ Чернаго моря". Онъ настаиваетъ на опасности, могущей возникнуть „изъ пріобрѣтенія Россіей армянскихъ крѣпостей" и отъ неудобствъ, ко-

[1]) Какими скучными, избитыми, плоскими и безсмысленными представляются мнѣ всѣ блага міра!

торыя изъ того возникнуть для значительной торговли, какую въ настоящее время Европа ведетъ черезъ Трапезунтъ и Персію. Онъ заключаетъ, объявляя, что „ни интересы, которые обязано защищать правительство ея величества, ни благосостояніе населеній, за которыя вступается договоръ, не были бы приняты во вниманіе на конгрессѣ, гдѣ пренія были бы подчинены ограниченіямъ, перечисленнымъ княземъ Горчаковымъ въ его послѣдней нотѣ".

„Эта депеша,—говоритъ „Spectator",—оплакивающій ее, столь же блестящая, какъ и опасная, одна изъ тѣхъ *пощечинъ* (*sic*), которыя между частными лицами приводятъ къ дуэли, а между націями—къ войнѣ". Будемъ надѣяться, что такое толкованіе преувеличено: во всякомъ случаѣ правительство, освобожденное отъ внутреннихъ путъ и поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ, выступило на такой путь, который можетъ быть роковымъ, съ котораго уже нѣтъ возврата. Большая „Antiwar and arbitration conference", созванная въ началѣ нынѣшняго мѣсяца въ одной изъ городскихъ залъ „рабочими мирной ассоціаціи", прошла среди всеобщаго равнодушія, чтобы не сказать пренебреженія.

Наконецъ, 27 марта (8 апрѣля) кабинетъ далъ свою третью битву и одержалъ третью побѣду по поводу созванія резервовъ. Обычная въ этомъ случаѣ формальность заключается въ посланіи королевы, сообщающей о своемъ намѣреніи парламенту. Пренія возникли по поводу благодарственнаго адреса въ отвѣтъ на посланіе королевы. Они были чрезвычайно блестящи и почти дружественны: даже Гладстонъ, высказавшійся за Румынію, находитъ новую Болгарію слишкомъ обширной. Гладстонъ полагалъ, что сопротивленіе неумѣстно въ данномъ случаѣ. Радикальный членъ сэръ Чарльзъ Дилькъ пошелъ дальше и поздравилъ лорда Солсбери за то, что онъ вступился въ своей депешѣ за интересы Европы, оставляя въ сторонѣ пустой и смѣшной предлогъ о британскихъ интересахъ. При голосованіи оказалось, что только 64 голоса высказались за оппозицію и 319 за правительство. Это почти равняется единодушію.

Въ палатѣ лордовъ пренія были и блестящія, и торжественныя. Лордъ Биконсфильдъ превзошелъ самого себя и произвелъ настоящій фуроръ своими заключительными словами: „Милліоны людей зависятъ отъ нашей военной власти, передъ которой они преклоняются, потому что знаютъ, что этой власти они обязаны порядкомъ и правосудіемъ. Всѣ эти общины признаютъ власть островомъ, чей геній съумѣлъ организовать такую значительную часть земного шара! Милорды, наша имперія не пустое наслѣдіе, которымъ стоитъ только пользоваться: его надо сохранить! (*Рукоплесканія*). А это возможно лишь при существованіи тѣхъ качествъ, которыя послужили къ тому,

чтобы создать его: храбрости, дисциплины, терпѣнія, рѣшимости и уваженія къ общественному праву, также какъ и къ международному. Милорды, на востокѣ Европы, въ тотъ моментъ, какъ я говорю, нѣкоторыя изъ гарантій имперіи подвергаются опасности. Я не могу повѣрить, чтобы въ такую минуту нашелся хотя бы одинъ пэръ Англіи, который бы отказалъ въ поддержкѣ національному дѣлу. Я не могу повѣрить, чтобы вы не вотировали тотчасъ же и единодушно адрессъ, предложенный мною въ отвѣтъ на посланіе“ (*Продолжительныя рукоплесканія*).

И дѣйствительно адресъ былъ единодушно вотированъ.

Вотъ на чемъ остановилось дѣло. Къ счастью, отвѣтъ князя Горчакова на циркуляръ лорда Солсбери не особенно ухудшилъ положеніе. Тѣмъ не менѣе, оно очень натянуто — чтобы не сказать больше — и не безъинтересно будетъ сдѣлать обзоръ при настоящихъ обстоятельствахъ силъ, которыми можетъ располагать Великобританія въ случаѣ войны.

Тутъ выступаетъ на первый планъ то, что я назову *положительной стороной* вопроса, — т.-е. армія, флотъ и финансы. Что касается *арміи*, то я, къ несчастію, не могу войти во всѣ подробности [1]): напомню только, что она до сихъ поръ набирается по системѣ подобной той, какая существовала во времена Креси и Азенкура.

Недавній законъ „Enlistment Act“ 1870 года опредѣляетъ условія контракта, заключаемаго между правительствомъ и человѣкомъ, вербующимся въ солдаты. Солдатъ долженъ быть 18—25 лѣтъ отъ роду, долженъ быть хорошо сложенъ, не женатъ и проч. Онъ получаетъ 1 шиллингъ въ день въ пѣхотѣ, 1 шиллингъ 2 пенса — въ кавалеріи. Послѣ отмѣны покупки чиновъ въ 1870 году, офицеры набираются главнымъ образомъ путемъ конкурса. Такъ дѣлается въ регулярной арміи.

На второмъ планѣ выступаетъ милиція: учрежденіе, тоже присущее этой странѣ либерализма, а также и закоренѣлой традиціи. Начало ея относится къ эпохѣ Альфреда-Великаго, когда каждая семья или, вѣрнѣе сказать, каждая община была обязана выставлять свой контингентъ для защиты земли. Въ настоящее время каждое графство обязано поставлять извѣстное число людей: ихъ набираютъ путемъ вербовки за деньги, какъ и регулярную армію. Въ случаѣ недостаточности такой вербовки происходитъ родъ метанія жребія между жителями графства, насчитывающими 18—35 лѣтъ: бываютъ случаи увольненія отъ выниманія жребія. Милиція ежегодно соби-

[1]) Изложеніе ихъ съ точки зрѣнія исторической и организація находится въ моей корреспонденціи изъ Лондона: „Вѣстникъ Европы“, ноябрь, 1875 г.

растся на три мѣсяца для военнаго обученія: она можетъ быть употребляема только для отправленія службы внутри страны, для защиты земли, включая сюда колоніи, Мальту, Гибралтаръ и даже Сѣверную Америку. „Йомены“ — родъ аристократіи въ милиціи; они кавалеристы. Что касается волонтеровъ, т.-е., собственно говоря, національной гвардіи, — первое серьёзное учрежденіе ея относится къ 1803 году.

Сэръ Гарнетъ Уольселей, будущій начальникъ главнаго штаба въ случаѣ войны, напечаталъ въ мартѣ мѣсяцѣ интересную статью: „О военномъ могуществѣ Англіи“, въ „XIX Century“.—„Если война будетъ объявлена завтра, то мы можемъ выставить въ поле 400,000 человѣкъ!“ восклицаетъ онъ.

Вотъ цифры, приводимыя имъ:

Постоянная армія внутри страны . . .		99,000	человѣкъ.
Резервы арміи и милиціи		40,000	„
Милиція		85,000	„
Волонтеры		180,000	„
Второй классъ резервовъ		10,000	„
	Итого:	414,000	человѣкъ.

„При этомъ разсчетѣ,—добавляетъ онъ,—я бралъ самыя низкія цифры и оставилъ въ сторонѣ 10,000 „йоменовъ“; которые могутъ быть употреблены на службу внутри страны. Я не принималъ также въ разсчетъ регулярныхъ войскъ, которыхъ можно было бы послать на войну, когда милиція смѣнила бы гарнизонъ Средиземнаго моря. Итакъ, мы видимъ, что мы могли бы выступить въ поле съ двумя армейскими корпусами, вполнѣ снаряженными, каждый въ слишкомъ 30,000 человѣкъ, оставивъ въ Англіи такое же число регулярнаго войска въ резервѣ“.

Вотъ по части арміи. Что касается флота, — превосходство Великобританіи въ этомъ отношеніи извѣстно, и безполезно было бы на немъ настаивать. Безъ сомнѣнія, 240 кораблей, вооруженныхъ 1,690 пушками и въ томъ числѣ 170 паровыхъ судовъ, изъ нихъ 58 броненосныхъ, не считая чудовищъ, извѣстныхъ подъ именами: „Inflexible“, „Agamemnon“ и „Ajax“, составляютъ грозную силу. Скажемъ однако, что на-счетъ дѣйствительной силы нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности „Inflexible“, высказаны были сомнѣнія. Но это техническія частности, которымъ не слѣдуетъ придавать большаго значенія, чѣмъ онѣ того заслуживаютъ. Англійскій флотъ все же остается во всѣхъ отношеніяхъ первымъ флотомъ въ мірѣ.

Остаются *финансы*. Я далеко не раздѣляю спеціальныхъ и преувеличенныхъ взглядовъ экономистовъ на этотъ счетъ. На дѣлѣ мы были

свидѣтелями жестокой войны, которую вела довольно долго обанкротившаяся страна, причемъ самъ побѣдитель находился не въ особенно блестательныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Но при равныхъ условіяхъ въ концѣ-концовъ непремѣнно должна осуществиться поговорка: „нѣтъ денегъ,—нѣтъ швейцарцевъ“, т.-е. нѣтъ солдатъ. Ну, а въ этомъ отношеніи Англія занимаетъ превосходное положеніе. И за примѣромъ ходить не далеко.

Подоходный налогъ — Income-tax — давалъ въ 1812 году всего лишь одинъ милліардъ рублей доходу, а въ 1843 году далъ ровно вдвое. Я знаю, что надо принять во вниманіе громадный ростъ населенія, но вѣдь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ извѣстныхъ границахъ ростъ населенія доказываетъ увеличеніе всеобщаго благосостоянія. Какъ бы то ни было, въ 1875 году налогъ принесъ 4 милліарда съ половиной рублей, т.-е. 571 милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Въ десять лѣтъ произошло приращеніе почти въ 40%. Такимъ образомъ, вычислено, что такъ какъ населеніе Великобританіи увеличивалось ежегодно на 1%, то національный капиталъ возросталъ ежегодно отъ 3—4% въ годъ. Что касается общественнаго долга, оцѣненнаго въ 1836 году въ 840 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (круглой цифрой), то въ 1874 году онъ упалъ до 784 милліоновъ. Проценты, уплачиваемые ежегодно, доходили до 26 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Прибавьте къ этому, что при настоящемъ положеніи дѣлъ Англія можетъ чрезвычайно легко получить лишнихъ сто милліоновъ, слегка увеличивъ подоходный налогъ или возстановивъ пошлину, въ настоящее время совсѣмъ ничтожную, на сахаръ, чай и кофе. Дополнительные шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ уже покрыты, благодаря увеличенію на 4 пенса акциза, собираемаго съ фунта табаку, и увеличенію таксы на собакъ съ 5 шиллинговъ до 7 шиллинговъ 6 пенсовъ, — и легкому увеличенію подоходнаго налога.

Вотъ *положительная* сторона дѣла; посмотримъ теперь на *отрицательную*. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ громадность и разбросанность англійскихъ владѣній. Я не стану перечислять ихъ всѣхъ: нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, станціи на Средиземномъ морѣ, являются, напротивъ того, источникомъ силы. Канада останется, конечно, вѣрна и будетъ даже полезна; Австралія — также. Колонія мыса Доброй-Надежды въ настоящее время воюютъ съ кафрами: это уже невыгодное условіе, но все же не представляетъ пока ничего особенно важнаго.

Не таково положеніе дѣлъ въ Индіи, и на этотъ-то пунктъ устремлены всѣ взоры. А между тѣмъ, вотъ послѣднее интересное извѣстіе изъ этого края. 2 (14) марта, вице-король, лордъ Литтонъ, издалъ

билль въ Калькуттѣ для ограниченія туземной печати. Отнынѣ каждый издатель газеты, *издаваемой на туземномъ языкѣ*—не на англійскомъ—обязанъ будетъ въ случаѣ нарушенія правилъ о печати внести большой залогъ, который будетъ конфисковаться въ случаѣ рецидива, если только онъ не предпочтетъ предварительную цензуру статей. Одна изъ этихъ газетъ выразилась приблизительно такъ: — „Англія вела себя во время турко-русской войны, какъ трусливый солдатъ. Мы не понимаемъ, что́ слѣдуетъ подразумѣвать подъ словами—британскіе интересы: если полагаютъ, что эти интересы не будутъ задѣты до тѣхъ поръ, пока русская побѣдоносная армія не проникла въ Остъ-Индію, то весьма возможно, что до этого еще далеко. Но несомнѣнно, что если когда-нибудь это случится, то англичанамъ останется только спасаться со всѣхъ ногъ". По этому образчику судите объ остальномъ. Но какъ бы то ни было, а я того мнѣнія, что въ случаѣ нужды Англія можетъ разсчитывать на вѣрность и уваженіе громаднаго большинства въ Индіи. Я остаюсь при томъ взглядѣ, какой высказалъ въ одной статьѣ объ Индіи два года тому назадъ [1]). Но это не значитъ, чтобы Остъ-Индія все же не составляла самаго слабаго пункта британской имперіи. Въ этомъ отношеніи я не раздѣляю оптимизма нѣкоторыхъ писателей и убѣжденъ между прочимъ, что Афганистанъ съ своимъ эмиромъ могутъ оказаться при случаѣ весьма опасными. Не надо только ничего преувеличивать и воображать, что Остъ-Индія представляетъ легкую добычу.

А Ирландія? Я приберегъ ее къ концу: изъ всѣхъ англійскихъ *владѣній*, она самая враждебная. Еще недавно она привлекла всеобщее вниманіе однимъ изъ такъ-называемыхъ „agrarian crimes", столь часто встрѣчающихся въ ея исторіи. 1 апрѣля (20 марта) графъ Лейтримъ, богатый владѣлецъ Донегальскаго графства, ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ по дорогѣ, обсаженной кустами, какъ вдругъ раздались выстрѣлы. Подробности борьбы, быть можетъ, никогда не будутъ извѣстны, но вѣрно одно только, что лордъ Лейтримъ, его секретарь, его кучеръ и лошадь остались на мѣстѣ. У меня передъ глазами въ настоящую минуту № Дублинской газеты „Irishman", отъ 6 апрѣля. Подъ главнымъ заглавіемъ: „Terrible tragedy etc." стоятъ слова: „The career of the deceased nobleman as an exterminator". Кажется, что этотъ старый лордъ былъ всегда чрезвычайно жестокъ относительно своихъ фермеровъ. Для примѣра приведу, что онъ взималъ дань даже съ морскихъ травъ, которыя собираются бѣдняками въ пищу. Впрочемъ, чувства населенія къ нему будутъ вполнѣ

---

[1]) См. Корресп. изъ Лондона въ „Вѣстн. Ев.", февраль, 1876 г.

ясны, когда я скажу, что въ Дублинѣ, въ день похоронъ, раздраженная толпа набросилась на похоронныя дроги, которыя полиціи пришлось оспаривать у нападавшихъ; зрители ревѣли, свистали и кричали:—„пляшите на дрогахъ! долой стараго мерзавца" и пр. и пр.

Кромѣ того, убійство подало поводъ къ бурной сценѣ въ палатѣ общинъ. Ирландскій членъ О'Доннель намекнулъ, что покойный злоупотреблялъ своимъ положеніемъ самымъ безнравственнымъ образомъ и пользовался настоящимъ „droit du seigneur" относительно женскаго населенія своихъ фермъ; остальные члены палаты закричали: *shame!* и палата по предложенію одного изъ своихъ членовъ постановила вести пренія при закрытыхъ дверяхъ. Гладстонъ и маркизъ Гартингтонъ имѣли неосторожность выразить сочувствіе врагамъ убитаго Лейтрима и вотировать вмѣстѣ съ ирландскими членами противъ изгнанія зрителей; ихъ встрѣтилъ тотъ знаменательный ропотъ, которымъ англійскіе джентльмены при случаѣ заявляютъ о своемъ неудовольствіи. Дѣло на этомъ пока остановилось: слѣдствіе продолжается, но, несмотря на громадныя суммы, предложенныя за доносъ, можно сказать почти навѣрное, что крестьяне не выдадутъ убійцъ. Въ сущности Ирландія въ главной своей массѣ и вопреки нѣкоторымъ противоположнымъ симптомамъ продолжаетъ быть непримиримымъ врагомъ Англіи. Безсильная въ обыкновенное время, она можетъ создать затрудненія въ исключительныхъ обстоятельствахъ, хотя эта раса всегда больше выѣзжала на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Можете представить себѣ, какъ печально начинается сезонъ среди всѣхъ этихъ соображеній. У всѣхъ видъ рѣшительный, но еще болѣе угрюмый, чѣмъ обыкновенно. Страшная катастрофа, случившаяся недавно, не способствовала къ тому, чтобы разсѣять общее уныніе. Парусный корабль „*Эвридика*", такъ называемый „training-ship" (учебный корабль) потонулъ въ виду острова Уайта вслѣдствіе неожиданно налетѣвшаго урагана, а также вѣроятно благодаря неосторожности капитана: болѣе трехсотъ человѣкъ погибло.

Вотъ одна изъ случайностей, свойственныхъ здѣшней странѣ, и серьёзная невыгода ея положенія—въ нелѣпой и, къ несчастію, весьма вѣроятной борьбѣ, которую Бисмаркъ обѣщаетъ намъ между „слономъ и китомъ".

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

19/24 апрѣля, 1878.

XXXVI.

Французская революція въ книгѣ Тэна.

I.

Предпринятое Тэномъ обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „les Origines de la France contemporaine", должно состоять изъ трехъ отдѣльныхъ частей. Въ предисловіи къ первому тому, изданному два года тому назадъ, онъ изложилъ въ немногихъ строкахъ весь свой планъ: „Старый порядокъ, революція, новый порядокъ — я постараюсь съ точностью описать эти три различныхъ порядка. Рѣшаюсь заявить здѣсь, что у меня нѣтъ другой цѣли: да позволено будетъ историку дѣйствовать какъ натуралисту; я относился къ моему предмету, какъ натуралистъ къ метаморфозамъ насѣкомаго". Итакъ, метаморфоза французскаго общества представляетъ для Тэна три фазиса: прошлое, кризисъ и настоящее. Отсюда въ его головѣ родилась мысль, что онъ долженъ написать три тома, и издавать ихъ черезъ два года каждый. Когда вышелъ первый томъ, посвященный изученію „стараго порядка", я говорилъ о немъ въ одномъ изъ моихъ писемъ. Въ настоящее время въ продажѣ появился новый томъ, и я считаю нужнымъ посвятить ему такую же особую статью, потому-что это дастъ мнѣ возможность высказать окончательное сужденіе объ интересной личности Тэна.

Во-первыхъ, историку не удалось остаться въ границахъ, предначертанныхъ имъ себѣ. Если ему достаточно было одного тома, чтобы изучить старый порядокъ наканунѣ 89-то года, то ему понадобятся два тома для изученія революціи. Это онъ и говоритъ въ своемъ настоящемъ предисловіи:—„Этотъ второй томъ „Origines de la France contemporaine" будетъ состоять изъ двухъ частей.—Народные мятежи и законы учредительнаго собранія ниспровергаютъ въ концѣ-концовъ во Франціи всякое правительство,—вотъ содержаніе первой части втораго тома. — Вокругъ крайней доктрины группируется партія, захватываетъ власть и пользуется ею согласно своей доктринѣ; вотъ содержаніе второй части". — И тутъ Тэнъ сознается, что ему нуженъ былъ бы и третій томъ для критики источниковъ; но онъ не рѣшился такъ

расширить свой трудъ, изъ боязни, какъ бы общая идея его не затерялась въ массѣ фактовъ.

Но, прежде нежели приступить къ разбору вышедшей нынѣ части, я хочу разрѣшить одинъ вопросъ, который двадцать разъ представлялся мнѣ, пока я читалъ сочиненіе Тэна, какимъ образомъ зародилась первая мысль о такомъ трудѣ въ головѣ автора? Извѣстно вѣдь, что онъ прежде всего—философъ. Когда онъ занимался литературной критикой, когда онъ писалъ свою „Исторію англійской литературы", онъ гораздо болѣе интересовался переворотомъ въ умахъ, нежели риторикой языка. Ему просто хотѣлось примѣнить свою теорію о средѣ и обстоятельствахъ на такой почвѣ, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать не стѣсняясь; я помню, какъ онъ объяснялъ, почему онъ не выбралъ французскую литературу для производства своего опыта: эта почва представлялась ему слишкомъ близкою, а, слѣдовательно, и не такою удобной. Если въ ту эпоху философъ превратился въ критика, чтобы примѣнить свою философію, то нечего удивляться, если въ настоящее время онъ сталъ историкомъ для производства новаго опыта. Единственный пунктъ, требующій разбора: почему онъ выбралъ предметомъ своего изученія происхожденіе современной Франціи? Лѣтъ двѣнадцать или четырнадцать тому назадъ, Тэнъ говорилъ своимъ пріятелямъ, въ интимной бесѣдѣ, что у него въ головѣ очень обширный проектъ; онъ желалъ тогда изучить современное французское общество; но только, — говорилъ онъ, — чтобы хорошенько понять современную Францію, ему нужно описать двѣ другихъ націи: одну взятую на востокѣ, другую — въ Америкѣ, — новую націю, выросшую недавно на демократической почвѣ. Я припомнилъ объ этомъ старинномъ проектѣ Тэна и открылъ въ немъ первоначальную идею объ „Origines de la France contemporaine". Въ то время, какъ и въ настоящее, сочиненіе предполагалось раздѣлить на три части; каждая часть должна была изображать постепенное развитіе общественнаго порядка; вѣковое общество, общество, находящееся въ состояніи кризиса, и новое общество. Дальше параллель невозможна. Но я долженъ замѣтить, что если дѣленіе осталось то же самое,—за то сама идея должна была преобразоваться въ умѣ автора, по-крайней-мѣрѣ въ смыслѣ вывода. Онъ съузилъ свои рамки и придалъ имъ болѣе или менѣе сознательно-политическій характеръ, примѣнивъ свою философскую формулу только къ одной націи. Индія, Франція, Америка—это былъ обширный и общій планъ; онъ обнималъ все человѣчество, между тѣмъ какъ одна Франція лично касается насъ, и превращаетъ сочиненіе въ консультацію ученаго врача о состояніи нашего современнаго здравія. Безъ сомнѣнія, я знаю, что Тэнъ смотритъ шире на свое дѣло, что онъ, по его собственному выраженію, на-

слѣдуетъ народъ, какъ насѣкомое. Тѣмъ не менѣе справедливо, что французскій читатель, какъ бы ни было сильно въ немъ желаніе расширить свой горизонтъ, не въ состояніи будетъ удержаться отъ предпочтенія къ настоящему времени выводовъ, какіе навѣетъ на него „Origines de la France contemporaine“.

Замѣтьте, — я не говорю, что Тэнъ напрасно измѣнилъ своей первой идеѣ. Я думаю, напротивъ того, что выводъ бываетъ убѣдительнѣе, если основаніемъ для него служитъ одна нація. Ширина взгляда на этомъ проигрывается, но за то выигрывается ясность. Я полагаю, что все это приходило въ голову Тэну, но тѣмъ не менѣе полагаю, что рѣшительную причину, побудившую его написать „Origines de la France contemporaine“, слѣдуетъ искать въ другомъ. Я основываюсь на антипатіи, какую онъ всегда выказывалъ къ ближайшимъ фактамъ. Для того, чтобы онъ занялся нашей собственной исторіей, для того, чтобы онъ занялся событіями вчерашняго дня, нужно, чтобы онъ испыталъ какое-нибудь потрясеніе; въ противномъ случаѣ онъ оставался бы въ сторонѣ, въ сферѣ своихъ любимыхъ умозрѣній. Онъ предпочелъ бы лучше изучать Индію и Америку, нежели Францію. И я увѣренъ, — потрясеніе, о которомъ я говорю — причинено кризисомъ 1870—1871 гг.: ниспроверженіе имперіи, вслѣдствіе нашихъ бѣдствій, республика, междоусобная война, всѣ эти политическія и общественныя катастрофы, отъ которыхъ мы еще до-сихъ-поръ не можемъ оправиться. Многія слабыя головы вывихнулись среди этого кризиса. Тэнъ — умъ мощный — просто-на-просто измѣнилъ обычному ходу своихъ занятій. Возстаніе, бушевавшее на улицѣ, заставило его отойти отъ письменнаго стола и подойти къ окну; его смутилъ этотъ гвалтъ, грозившій помѣшать его ученымъ занятіямъ. Онъ испыталъ сильное потрясеніе, — это несомнѣнно, и роковымъ образомъ пожелалъ изучить возстаніе и понять эпоху, въ которую уличный шумъ мѣшаетъ философамъ спокойно работать. Въ статьѣ, посвященной первому тому „Origines de la France contemporaine“, я уже объяснялъ, что, по моему мнѣнію, планъ этого сочиненія родился въ умѣ Тэна вслѣдствіе событій 1871 г. Натуралистъ, сидящій въ немъ, былъ пораженъ припадкомъ безумія у общественнаго звѣря и захотѣлъ анатомировать этого звѣря, отдать себѣ отчетъ въ дѣйствіи его мускуловъ, изучить причину и значеніе его прыжковъ, напугавшихъ его. Въ настоящее время, если бы у меня оставалось хоть какое-нибудь сомнѣніе, то второй томъ немедленно разсѣялъ бы его. Политическая тревога слишкомъ просвѣчиваетъ изъ-подъ научной методы. Тэнъ, несмотря на свою кажущуюся холодность аналитика, проявляетъ страсть консерватора, котораго коммуна привела въ негодованіе и устрашила.

Впрочемъ, я приведу отрывокъ изъ предисловія къ этому второму тому, которое типично. „Что касается намековъ, то если читатель найдетъ ихъ, то потому, что самъ придумаетъ ихъ, и если онъ станетъ дѣлать примѣненія, то подъ своей личной отвѣтственностью. По моему мнѣнію, у прошлаго есть своя собственная физіономія, и предлагаемый мною портретъ подходитъ только на старинную Францію. Я начертилъ его, не заботясь про наши настоящія распри; я писалъ такъ, какъ если бы сюжетомъ для меня служила революція во Флоренціи или въ Аѳинахъ. Это — исторія, и ничего больше; и уже если говорить откровенно, то я слишкомъ уважаю свое званіе историка, чтобы на ряду съ нимъ отправлять другое исподтишка".

Прекрасно сказано, и никто, конечно, не усомнится въ добросовѣстности Тэна. Но только стараніе, съ какимъ онъ предупреждаетъ читателя, доказываетъ, какъ онъ понялъ, что въ словахъ его будутъ искать намековъ. Онъ, впрочемъ, обманываетъ самого себя. Его равнодушіе ученаго не настолько велико, чтобы онъ оставался чуждъ тревогамъ настоящаго времени. Мало того: такъ какъ онъ изучаетъ прошлое, чтобы объяснить образъ дѣйствія современной Франціи, то роковымъ образомъ долженъ былъ очень много заниматься послѣдними событіями. Онъ долженъ заключить ими свой трудъ; выводъ его навѣрное уже сдѣланъ и вліяетъ на весь его трудъ. Я даже убѣжденъ, что ради этого вывода онъ пишетъ все сочиненіе. Отъ настоящаго онъ перешелъ къ прошлому, чтобы вернуться отъ него къ настоящему и систематически объяснить настоящее. Поэтому съ его стороны чистѣйшая иллюзія воображать, что онъ говоритъ о революціи такъ, какъ бы говорилъ о революціи во Флоренціи или въ Аѳинахъ. Все, что можно за нимъ признать, это, что онъ не станетъ вести полемики и прибѣгать къ скрытымъ намекамъ, какъ его товарищъ и другъ Прево-Парадоль. Онъ не воинствующій журналистъ; онъ остается историкомъ; но въ качествѣ историка онъ освѣщаетъ прошлое свѣтомъ настоящаго и не можетъ настолько отдѣлаться отъ эпохи, въ которой живетъ, чтобы освободиться отъ всѣхъ страстей.

Метода его извѣстна. Онъ самъ опредѣлилъ ее, говоря, что изучаетъ превращеніе нашего общества, какъ превращеніе насѣкомаго. Его философская претензія заключается въ томъ, что онъ наблюдатель, аналитикъ — и только. Онъ собираетъ и нагромождаетъ кучу мелкихъ фактовъ; затѣмъ группируетъ ихъ, классифицируетъ и представляетъ компактной массой, какъ неопровержимыя доказательства. Онъ лишь исподволь извлекаетъ общія выводы изъ этой массы мелкихъ фактовъ въ своихъ предисловіяхъ и заключеніяхъ, написанныхъ сжато, въ нѣсколькихъ сухихъ и ясныхъ строкахъ. Подумаешь, — урокъ

анатоміи, во время котораго профессоръ показываетъ кости, мускулы безъ всякихъ постороннихъ разсужденій, предоставляя ученикамъ возсоздать жизнь при помощи всѣхъ этихъ элементовъ, методически описанныхъ. Анализу отведено громадное мѣсто, а синтезъ выраженъ въ двухъ строкахъ.

Само собой разумѣется, что для того, чтобы подобный трудъ имѣлъ значеніе, надо, чтобы факты были неоспоримой достовѣрности. Мы имѣемъ дѣло не съ историкомъ, руководящимся вдохновеніемъ, какъ Мишле, напримѣръ, который угадывалъ порою исторію, благодаря страсти, одушевлявшей его. Тэнъ—судебный слѣдователь, онъ опирается на фактахъ; все зданіе его рухнетъ, если поколебать его основаніе. Поэтому въ своемъ предисловіи онъ старается доказать неопровержимый характеръ своихъ источниковъ. „Самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ,—говоритъ онъ,—всегда будетъ свидѣтельство очевидца, въ особенности когда этотъ очевидецъ человѣкъ почтенный, внимательный и интеллигентный, когда онъ составляетъ свои замѣтки на мѣстѣ, подъ диктовку самыхъ фактовъ, когда его единственной цѣлью, очевидно, является желаніе сохранить или доставить свѣдѣнія, когда произведеніе его не есть полемическая статья, написанная въ защиту одной какой-нибудь стороны или упражненіе въ краснорѣчіи, предназначаемое для публики, но судебное показаніе, секретный докладъ, конфиденціальная депеша, частное письмо, личная записная книжка. Чѣмъ болѣе документъ приближается къ этому типу, тѣмъ большаго довѣрія онъ заслуживаетъ и тѣмъ цѣннѣе матеріалъ, доставляемый имъ“. И затѣмъ Тэнъ объясняетъ, что нашелъ много документовъ этого рода въ національныхъ архивахъ, въ рукописныхъ перепискахъ министровъ, интендантовъ, суб-делегатовъ, судей и всякихъ должностныхъ лицъ, военныхъ командировъ, офицеровъ арміи и жандармскихъ офицеровъ, коммиссаровъ собранія и короля, администраторовъ департаментовъ, округовъ и муниципалитетовъ, частныхъ лицъ, обращавшихся къ королю, къ національному собранію и къ министрамъ. Кромѣ того, онъ замѣчаетъ, что въ числѣ ихъ находятся лица всѣхъ званій, всѣхъ слоевъ, разнообразнаго воспитанія и различныхъ партій; что они сотнями и тысячами разсѣяны по лицу всей Франціи, что они пишутъ въ одиночку, не сговариваясь и даже не зная другъ друга. Безъ сомнѣнія, вотъ доказательства, въ достовѣрности которыхъ нельзя усомниться. Впрочемъ, я не хочу вдаваться въ разборъ большей или меньшей вѣроятности этихъ показаній, ни примѣненія, какое изъ нихъ дѣлаетъ Тэнъ. Становится ли онъ жертвой нѣкоторыхъ преувеличеній? самъ ли преувеличиваетъ, вполнѣ добросовѣстно, значеніе употребляемыхъ имъ документовъ? Я постараюсь это объяснить, когда займусь разбо-

ромъ его сочиненія, а теперь спѣшу кончить это вступленіе. Пока я допускаю всѣ эти источники, какъ безспорные. Факты доказаны. Остается посмотрѣть, какъ Тэнъ сгруппировалъ ихъ, и какія болѣе или менѣе логическія послѣдствія онъ извлекаетъ изъ нихъ. Излагать правдивые факты—еще не значитъ быть правдивымъ историкомъ; необходимо при этомъ излагать ихъ въ правдивомъ порядкѣ, если не хочешь придти къ совершенно ложному заключенію. Есть извѣстная манера выбирать факты, классифицировать ихъ, нагромождать одинъ на другой, которая совершенно измѣняетъ значеніе цѣлаго. Тэна упрекали за злоупотребленіе своей системой. Познакомимся съ его произведеніемъ, и мы увидимъ, такъ ли это.

II.

Дочитавъ послѣднюю страницу перваго тома „Origines de la France contemporaine“ всѣ вынесли такое убѣжденіе, что революція была національнымъ кризисомъ, въ которомъ участвовала вся нація, и что никакая сила въ мірѣ не могла бы предотвратить ее. Она проистекала изъ предыдущихъ столѣтій, она медленно собиралась какъ гроза, которая должна разразиться, когда наступитъ часъ. Всѣ были виновны, болѣзнь шла своимъ ходомъ, и оставалось только дать пройти этому бичу. И такая историческая точка зрѣнія была широка: мы видѣли ученаго аналитика въ Тэнѣ; значительное число фактовъ, приводимыхъ имъ, доказывало, что общественная машина больше не дѣйствуетъ и роковымъ образомъ должна сломаться. Народъ умиралъ съ голоду, подавленный поборами всякаго рода; дворяне, привилегированные классы, удерживали свои привилегіи, не выполняя больше своихъ обязанностей; абсолютная королевская власть поглощала благосостояніе и живыя силы королевства; на верху, внизу, все трещало и обваливалось. Два совершенно ясныхъ вывода, повидимому, вытекали изъ этого перваго тома: революція, дѣло цѣлаго общественнаго организма, революція была роковою необходимостью, которую ничто въ мірѣ не могло задержать или предотвратить. Я настаиваю на этомъ, чтобы хорошенько констатировать переворотъ, совершившійся въ умѣ самого Тэна, въ промежутокъ между появленіемъ перваго и втораго тома его сочиненія.

Въ первой статьѣ я только требовалъ признанія за революціей болѣе гуманнаго характера. Надъ соціальнымъ кризисомъ я ставилъ идею освобожденія, свободы. Мнѣ казалось, что Франція, работая для нихъ, поработала для свободы всего міра, и въ доказательство приводилъ то, какъ откликнулась революція въ европейскихъ обществахъ.

Но въ настоящее время мой протестъ будетъ еще энергичнѣе и коснется еще болѣе важныхъ пунктовъ, потому что оказывается на мой взглядъ, что второй томъ отнюдь не составляетъ логическаго послѣдствія перваго. Тэнъ, дойдя до революціи, вдругъ, повидимому, возненавидѣлъ ее и вышелъ изъ роли равнодушнаго анатома, какою гордится. Скальпель дрожитъ въ его рукѣ, онъ помимо воли выказываетъ глухую враждебность къ болѣзни. Онъ перестаетъ быть аналитикомъ, довольствующимся изложеніемъ фактовъ; онъ становится моралистомъ, подбирающимъ факты съ любовью нанизывающимъ ихъ, когда они льстятъ его страсти. Безъ сомнѣнія, онъ все еще настолько владѣетъ собой, чтобы не уклоняться отъ прежней роли слишкомъ открыто; онъ сдерживаетъ свой гнѣвъ и страхъ: и то, и другое угадывается лишь по трепету, который чувствуется въ его фразѣ; но они несомнѣнны и усматриваются самыми непроницательными людьми. Несмотря на научную обстановку этого тома, несмотря на кажущіяся безпристрастіе историка и философское высокомѣріе, напускаемое имъ на себя,—этотъ томъ написанъ въ сущности противъ революціи. Это вытекаетъ изъ всѣхъ страницъ. Историкъ-натуралистъ пристрастенъ и открыто высказывается противъ одной изъ метаморфозъ насѣкомаго, котораго держитъ подъ микроскопомъ.

Что бы вы сказали про натуралиста, который, изучая метаморфозы бабочки, вдругъ разсердился бы въ тотъ моментъ, какъ гусеница превратилась въ куколку. Онъ нашелъ бы это неприличнымъ; по его мнѣнію, гусеница должна была бы поступить иначе, и онъ написалъ бы цѣлый томъ въ доказательство, что она была неправа, что она больше угодила бы ему, если бы осторожнѣе свертывала свой коконъ. Посмѣялись бы надъ этимъ натуралистомъ, надъ этимъ ученымъ мужемъ, которому бы хотѣлось приправить факты, какъ ему нравится. Замѣтьте, что самъ Тэнъ избралъ для себя имя и роль натуралиста. Онъ написалъ, какъ я уже говорилъ выше: „я относился къ моему сюжету, какъ къ метаморфозамъ насѣкомаго; да позволено будетъ историку поступать такъ, какъ натуралисту“. Но если такъ, то пусть же онъ не сердится; пусть приметъ метаморфозы нашего общества, какъ роковыя и неизбѣжныя вещи; въ особенности пусть онъ не намекаетъ, что эти метаморфозы могли бы быть если не устранены, то смягчены и ограничены. Въ такомъ случаѣ ученый улетучивается, и остается только человѣкъ, напуганный уличнымъ шумомъ.

Вотъ съ чего начинается второй томъ: — „Въ ночь съ 14-го на 15-е іюля 1789 года, герцогъ де Ларошфуко-Ліанкуръ приказалъ разбудить Людовика XVI, чтобы возвѣстить ему взятіе Бастиліи.—Значитъ, бунтъ,—сказалъ король. — Нѣтъ, ваше величество, революція,— отвѣчалъ герцогъ. Событіе было еще серьёзнѣе. Власть не только

ускользнула изъ рукъ короля, но не попала въ руки собранія; она валялась на землѣ въ рукахъ народа, спущеннаго съ цѣпи, въ рукахъ грубой и возбужденной толпы, въ рукахъ черни, подобравшей ее какъ оружіе, вышвырнутое на улицу. На дѣлѣ правительство больше не существовало; искусственное зданіе человѣческаго общества все рушилось; люди вернулись къ первобытному состоянію. То была не революція, но разложеніе" (ce n'était pas une révolution, mais une *dissolution*).

Слово „разложеніе" характеризуетъ главную мысль Тэна. Онъ подчеркиваетъ его, и очевидно желаетъ замѣнить имъ слово *революція*. Такимъ образомъ, въ 89 году произошла во Франціи не революція, но совершилось разложеніе. Все дальнѣйшее произведеніе основано на этомъ; позади историка-натуралиста чувствуется политикъ, являющійся съ готовой системой. Впрочемъ, слово „разложеніе" можно допустить, если Тэнъ хочетъ сказать имъ, что каждый революціонный періодъ больше разрушаетъ, нежели строитъ. Революція все ниспровергла и не могла создать прочнаго и окончательнаго правленія— это фактъ. Но вопросъ не въ этомъ. Если бы даже революція оставила еще больше развалинъ, если бы она принесла еще больше бѣдствій, она тѣмъ не менѣе была бы роковымъ послѣдствіемъ вѣковъ, ее подготовившихъ. Она была тѣмъ насильственнѣе и убійственнѣе, чѣмъ больше причинъ обусловили ее, и чѣмъ настоятельнѣе были эти причины. Всѣ жестокія драмы, всѣ кровавыя глупости, всѣ безпорядки общественной машины, которые выставитъ предъ нами Тэнъ, могутъ волновать человѣка партіи или просто чувствительнаго человѣка, но не должны бы волновать „натуралиста", который, изучивъ важность причинъ, могъ предвидѣть силу послѣдствій. На каждой страницѣ, читая Тэна, я останавливался, я дивился, сознавая, какъ онъ удивленъ и возмущенъ. Какъ! человѣкъ, изучившій такъ тонко старый порядокъ, не можетъ примириться съ революціей? Она естественна, она понятна и, говорить ли страшное слово, необходима въ глазахъ ученаго.

Тэнъ раздѣляетъ второй томъ на три большихъ части: самопроизвольная анархія, учредительное собраніе и его дѣло — примѣненная конституція. Я разберу поочередно каждую изъ этихъ частей какъ можно подробнѣе. Начну съ самопроизвольной анархіи.

Нельзя было бы придумать лучшаго заглавія. Весь первый томъ „Origines de la France contemporaine" доказываетъ дѣйствительно, что революція вышла изъ самой почвы края и вездѣ одновременно. Тэнъ напираетъ на глубокую нищету, царствовавшую во Франціи; въ ней умирали съ голоду, и народъ, сидя въ этомъ аду, съ отчаяніемъ протягивалъ руки къ золотому вѣку, о которомъ смутно толковали

Отсюда лихорадочное ожиданіе, затѣмъ гнѣвъ, бунты, вспыхивающіе мало-по-малу съ одного конца государства до другого. Надо прочитать у Тэна картины жестокаго голода, о которомъ нынѣшняя Франція, богатая и счастливая, не можетъ составить себѣ понятія. Надо видѣть, какъ народъ толпится у дверей хлѣбопековъ, какъ крестьяне дерутся, чтобы не дать увезти свой хлѣбъ, какъ обозы съ хлѣбомъ грабятся по большимъ дорогамъ голодными, какъ трепещутъ села, которымъ только и грезятся что шайки разбойниковъ, являющіяся жечь села,—всеобщая паника, возвѣщающая о глубокомъ общественномъ потрясеніи. Вся нація охвачена однимъ и тѣмъ же припадкомъ, тотъ же вѣтеръ пронесся по всѣмъ этимъ головамъ; цѣлое общество рушится.

И вотъ вдругъ въ опроверженіе этой широко набросанной картины, такой правдивой и горестной, Тэнъ черезъ нѣсколько страницъ стремится какъ будто доказать, что революція была дѣломъ одной горсти бунтовщиковъ. Ничего не можетъ быть страннѣе. Здѣсь мы сталкиваемся съ двумя теченіями, проходящими съ одного конца книги до другого: духомъ анализа, излагающимъ факты въ превосходномъ порядкѣ, и духомъ реакціи, который глухо возмущается и ежеминутно проскакиваетъ и извращаетъ логику выводовъ. Тэнъ же показалъ намъ всю Францію, встающую съ общимъ воплемъ голода, раздосадованную, подавленную, разоренную, истощившую всю свою кровь и всѣ свои деньги. И вдругъ онъ забываетъ объ этой картинѣ и начинаетъ доказывать, что революція вышла изъ Палерояля, что Палерояль создалъ 89 годъ. Привожу его собственныя слова. „Уже агитаторы являются безсмѣнно. Палерояль превратился въ клубъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ весь день и до глубокой ночи они подзадориваютъ другъ друга и подстрекаютъ толпу къ насиліямъ. Въ эти предѣлы, охраняемые привилегіями Орлеанскаго дома, полиція не смѣетъ проникать; слово тамъ свободно, и публика пользующаяся имъ, какъ будто нарочно создана для того, чтобы имъ злоупотреблять. Это—публика, приличная для такого мѣста. Центръ проституціи, картежной игры, праздности и брошюръ, Палерояль привлекаетъ къ себѣ все это населеніе безъ корней, кочующее въ большомъ городѣ; не имѣя ни ремесла, ни домашняго очага, оно живетъ лишь изъ любопытства или ради наслажденія; это—неизмѣнные посѣтители кофеенъ, шатуны по вертепамъ, авантюристы и неудачники, отверженцы литературы, искусства и адвокатуры, прокурорскіе клерки, студенты, зѣваки, праздношатающіеся, иностранцы и обитатели меблированныхъ комнатъ". Итакъ, вотъ творцы французской революціи, вотъ тѣ, кто ускорилъ движеніе и приблизилъ его окончательный финалъ. Это вызываетъ улыбку. Спрашиваю васъ, что могъ бы сдѣлать Палерояль, не

будь позади него цѣлой Франціи, которая его толкала? Что въ извѣстную минуту Палерояль превратился въ обширный клубъ—это фактъ историческій и понятный. Для агитаціи требовался очагъ. Но повторяю, революція вышла не оттуда, и Тэнъ, настаивая на этомъ, говоря съ такимъ презрѣніемъ объ агитаторахъ, обнаруживаетъ только свое великое желаніе составить обвинительный актъ противъ революціи.

Это желаніе еще очевиднѣе въ картинѣ, которую онъ набрасываетъ,—пренія въ собраніи. Тамъ было,—говоритъ онъ,—шестьсотъ зрителей въ трибунахъ, которые вмѣшивались въ пренія и навязывали свою волю. И дописывается до слѣдующаго: „благодаря этому вмѣшательству галереи, радикальное меньшинство, около тридцати членовъ, руководитъ большинствомъ и не дозволяетъ имъ высвободиться изъ-подъ ига“. Такимъ образомъ, теперь уже не Палерояль, не толпа декретируетъ революцію, а тридцать человѣкъ, тридцать депутатовъ крайнихъ мнѣній. Это право не серьёзно. Тэнъ можетъ привести нѣсколько засѣданій, во время которыхъ произошли нѣкоторые факты, но позади тридцати членовъ, о которыхъ онъ говоритъ, позади шестисотъ зрителей, поддерживающихъ ихъ, мы всегда будемъ видѣть громадную массу взбунтовавшихся рабочихъ и крестьянъ, всю націю, которая встала, какъ одинъ человѣкъ. Катастрофа была неизбѣжна. Остается только изучить, почему она совершилась въ этомъ духѣ, а не въ иномъ. Желать превратить ее въ дѣло меньшинства, значитъ, повторяю, желать разбирать ее съ точки зрѣнія человѣка партіи, а не историка-натуралиста. Несомнѣнно, что люди дѣйствія, буйные, становящіеся во главѣ, всегда бываютъ въ меньшинствѣ. Но только эти люди бываютъ безсильны, если не опираются на толпу.

Одно слово особенно часто повторяется при перечисленіи агитаторовъ,—слово: *иностранцы*. „Принято, говоритъ Тэнъ, что публика галерей представляетъ народъ съ такимъ же правомъ и даже большимъ, чѣмъ депутаты. Между тѣмъ это та же публика Палерояля, *иностранцы*, праздношатающіеся, любители новостей, парижскіе вѣстовщики, корифеи кофеенъ, будущіе столпы клубовъ, словомъ, экзальтированныя головы буржуазіи, равно какъ и чернь, бушующая у дверей и швыряющая камнями; она набирается среди экзальтированныхъ головъ простонародья“. Слово „иностранцы“ поразило меня. Итакъ, Тэнъ намекаетъ, что французская революція произведена иностранцами. Во время коммуны 1871 г. тоже толковали, что возстаніе произведено иностранцами, и приводили имена нѣсколькихъ поляковъ и бельгійцевъ. Но мы, очевидцы событій коммуны, мы пожимаемъ плечами надъ этой странной манерой писать исторію. Мнѣ кажется, что мы должны тѣмъ сильнѣе пожимать ими, когда Тэнъ прибѣгаетъ къ тому же способу. Спрашиваю васъ, къ чему припле-

шены иностранцы къ нашимъ революціонерамъ 39) Они доказываютъ одно только: давленіе, какое современныя событія произвели на умъ Тэна помимо его сознанія.

То же самое слѣдуетъ сказать про зловѣщія лица, виднѣющіяся среди бунтовщиковъ. „Въ ночь съ 13 на 14,—говоритъ Тэнъ,—грабили лавки хлѣбниковъ и виноторговцевъ... Бродяги, оборванцы, многіе „почти голые“, „большинство, вооруженное, какъ дикари“, съ „страшными лицами“; они изъ тѣхъ людей, „какихъ не встрѣчаешь среди бѣлаго дня“; „многіе изъ нихъ иностранцы, прибывшіе неизвѣстно откуда“... Опять иностранцы! И какая зловѣщая картина, съ какой охотой авторъ распространяется о ней, какъ чувствуется, что мерзавцы, осмѣливающіеся воровать хлѣбъ потому, что голодны, внушаютъ ему отвращеніе и ужасъ. Я также помню, что видалъ во время коммуны эти „страшныя лица, эти фигуры, которыя не встрѣчаешь среди бѣлаго дня“. То были рабочіе, мелкіе лавочники, съ которыми ежедневно сталкиваешься на улицѣ, но только они провели передъ тѣмъ ночь на гауптвахтѣ, бороды ихъ были небриты, лица закопчены пылью,—вотъ и все. Надобно было бы покончить разъ навсегда съ легендой о революціонныхъ страшилищахъ, о бандитахъ, выходящихъ изъ-подъ земли въ дни возстанія. Какъ можетъ Тэнъ, умъ такой свѣтлый, такой приверженецъ правды, повторять этотъ вздоръ. Неужели же онъ думаетъ, какъ и буржуа, одурѣвшіе отъ страха, что существуетъ особый революціонный контингентъ людей. Возстаніе набираетъ въ свои ряды людей изъ народа, съ которыми мы встрѣчаемся среди бѣлаго дня на улицахъ, и если лица становятся страшны, то потому, что страсти искажаютъ ихъ. Казалось бы нечего указывать на эти вещи, доступныя всякому наблюдателю, человѣку, имѣющему претензію быть натуралистомъ. Нѣсколько прогулокъ по Парижу, во время коммуны, спасли бы его отъ многихъ ошибокъ.

Къ тому же, почему это онъ такъ суровъ къ тѣмъ, кого зоветъ „экзальтированными головами буржуазіи“. Эти экзальтированныя головы, по его словамъ, образуютъ публику Палерояля. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они создали революцію. Безъ сомнѣнія, они ее создали, и только они одни могли создать ее, такъ какъ она была въ ихъ выгодѣ. Прочитайте эту страницу, въ которой Тэнъ выразилъ всю глухую злобу, которую внушаютъ ему дѣятели революціи: „Представьте себѣ вожаковъ руководителей общественнаго мнѣнія такими, какими они были за три мѣсяца передъ тѣмъ: Демуленъ—адвокатъ безъ дѣлъ, живущій въ шамбръ-гарни, по уши въ долгахъ, и имѣя въ карманѣ всего лишь нѣсколько луидоровъ, вырванныхъ у семьи; Лусталó, еще болѣе неизвѣстный, принятый въ прошломъ году въ бордосскій парламентъ и прибывшій въ Парижъ, чтобы составить

себѣ карьеру; Дантонъ, тоже адвокатъ второго разбора, выходецъ изъ какой-то лачуги въ Шампани, занявшій денегъ для того, чтобы заплатить за свою контору, и который кое-какъ сводилъ концы съ концами, лишь благодаря луидору, отпускаемому въ недѣлю его тестемъ, продавцемъ лимонада; Бриссо, праздношатающійся, когда-то подвизавшійся въ литературныхъ подпольяхъ и который кочуетъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ изъ Англіи въ Америку, откуда ничего не вывезъ, кромѣ продранныхъ локтей и ложныхъ идей; наконецъ, Маратъ, освистанный писатель, неудавшійся ученый, провалившійся философъ, поддѣлыватель собственныхъ опытовъ, уличенный физикомъ Шарлемъ съ поличнымъ въ научномъ плутовствѣ и низверженный съ высоты своего непомѣрнаго честолюбія на незначительный постъ ветеринара въ конюшняхъ графа Артуа".

Всѣхъ ихъ казнитъ Тэнъ за то, что они бѣдны, честолюбивы и прибыли въ Парижъ искать счастія. Развѣ это такое преступленіе? Мы всѣ, въ томъ числѣ и самъ Тэнъ, искали счастія въ Парижѣ. Онъ негодуетъ на нихъ за то, что они новые люди, не имѣющіе обезпеченнаго положенія и ренты, гарантированной правительствомъ. Ужъ не хочетъ ли онъ, чтобы революція была произведена консерваторами-реакціонерами? Въ сущности это его мечта, и мы разберемъ сейчасъ такую странную фантазію.

Въ первой части, изучающей анархію, Тэнъ показываетъ возмутившуюся толпу, захватившую власть и совершающую насилія какъ дикій звѣрь. Слово „дикій звѣрь" безпрестанно повторяется. Народъ въ массѣ въ его глазахъ животное, устремляющееся туда, куда его влечетъ инстинктъ. Къ тому же, историкъ очень легкомысленно относится ко взятію Бастиліи. Онъ утверждаетъ, что не народъ взялъ крѣпость, а сама крѣпость сдалась народу, и не замѣчаетъ, что событіе отъ этого становится еще удивительнѣе: оно характеризуетъ положеніе, крушеніе власти и вооруженной силы передъ волей подданныхъ.

Тэнъ гораздо болѣе распространяется объ уличныхъ возстаніяхъ, объ убійствахъ, совершаемыхъ толпой. Я приведу убійство Бертье, составившаго кадастръ Иль-де-Франса, чтобы уравнять подати. Толпа видѣла враговъ во всѣхъ чиновникахъ, занимавшихся налогами или продовольствіемъ. Голодъ руководилъ ея галлюцинаціями и мщеніемъ. Бертье, семидесяти-четырехъ-лѣтній старикъ, схваченъ разъяренной кучкой людей. „Когда его привели въ аббатство, то конвой его разсѣялся; его подтащили къ фонарю. Тогда, видя, что онъ погибъ, онъ вырвалъ ружье у убійцъ и сталъ храбро защищаться. Но одинъ изъ солдатъ Royal-Cravate пробилъ ему животъ сабельнымъ ударомъ; другой вырвалъ у него сердце. Случайно поваръ, отрѣзавшій голову де-Лонэ, губернатору Бастиліи, находился тутъ, ему дали нести

сердце, солдатъ взялъ голову и оба отправились въ ратушу, чтобы показать эти трофеи Лафайэту. Возвращаясь въ Пале-Рояль и засѣвъ въ кабакахъ, они, по требованію народа, выбрасываютъ эти бренные остатки въ окно и доканчиваютъ свой ужинъ, тогда какъ надъ ними проносятъ съ тріумфомъ сердце въ букетѣ изъ бѣлой гвоздики".

Это убійство и подробности, которыми оно обставлено, ужасны. Я рекомендую еще разсказъ о событіяхъ 5-го и 6-го октября, про парижскихъ женщинъ, отправившихся въ Версаль просить хлѣба. Тэнъ объясняетъ, что эти женщины набирались среди публичныхъ женщинъ. Между тѣмъ, подробности, сообщаемыя имъ далѣе, показываютъ, что то были пуассардки, работницы, женщины простонародья.

И какое зрѣлище, какой урокъ! Общій крикъ: „Хлѣба и въ Версаль!" Семь или восемь тысячъ женщинъ идутъ туда пѣшкомъ. Ихъ допускаютъ въ собраніе. „Одна пуассардка командуетъ въ галереѣ и по ея знаку сотни женщинъ кричатъ или умолкаютъ, между тѣмъ какъ она обращается къ депутатамъ и отдѣлываетъ ихъ: „кто это тамъ говоритъ? велите замолчать этому болтуну. Дѣло не въ этомъ; дѣло въ томъ, чтобы достать хлѣба..." Эти слова характеризуютъ положеніе. Тэнъ приводитъ и другія, еще болѣе типичныя. „Г-нъ президентъ,—говорили женщины Мунье, который принесъ имъ королевскій указъ,— полезно ли это? дастъ ли это хлѣбъ парижскимъ бѣднякамъ". Эта толпа возбуждена до бѣшенства. Женщины кричали уходя: „мы принесемъ голову королевы на пикѣ". На Севрскомъ мосту другія объявляли: „надо ее зарѣзать и надѣлать кокардъ изъ ея кишекъ". Однако, въ Версали, послѣ ужасающихъ сценъ, развязка быстро превращается въ идиллію. „Королева подошла къ балкону съ сыномъ и дочерью, но ее встрѣтилъ ревъ: „не надо дѣтей!" ее хотятъ имѣть одну подъ выстрѣлами, и она это поняла. Въ эту минуту Лафайэтъ, прикрывая ее своей популярностью, появляется вмѣстѣ съ ней на балконѣ и почтительно цѣлуетъ у ней руку. Въ возбужденной толпѣ совершается переломъ; въ этомъ состояніи нервнаго напряженія мужчины, а въ особенности женщины, переходятъ изъ одной крайности въ другую и ярость граничитъ со слезами... Толпа расчувствовалась и принялась обниматься между собой; гренадеры надѣваютъ свои шапки на тѣлохранителей. Все пойдетъ хорошо; народъ возвратилъ своего короля..." Отнынѣ революція въ полномъ ходу. Она превосходно олицетворяется этой толпой, которая хочетъ хлѣба и свободы, которая рѣжетъ и плачетъ, потому что у королевы поцѣловали руку. Все это самопроизвольно, какъ хорошо замѣтилъ самъ Тэнъ. Если тридцать радикаловъ національнаго собранія декретируютъ революцію, то потому, что они — вѣрное выраженіе этой

толпы, и что сама эта толпа представляетъ общее состояніе Франціи въ острый періодъ кризиса.

III.

Перехожу ко второй части тома. Національное собраніе и его дѣло. Въ этой части въ особенности надо искать настоящей мысли Тэна, той, которую онъ скрываетъ подъ научнымъ покровомъ.

Онъ показалъ крушеніе королевской власти. Когда зданіе гнило, оно падаетъ само собой. Король превратился въ игрушку, чиновники трепещутъ, армія не препятствуетъ бунтовщикамъ или примыкаетъ къ нимъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, ясно опредѣлить, что революція прежде всего является бунтомъ противъ налога, возстаніемъ голодныхъ, которыхъ нищета наталкиваетъ на насилія. Въ одинъ и тотъ же моментъ, во всѣхъ концахъ Франціи крестьяне освобождаютъ себя сами. Національное собраніе въ Парижѣ работаетъ среди этого возбужденія, и на его дѣло должно естественно отозваться общее направленіе.

Тэнъ оказывается явно пристрастнымъ относительно этого дѣла. Картина, которую онъ набрасываетъ — засѣданій собранія, принадлежитъ человѣку, никогда не присутствовавшему при парламентскихъ преніяхъ. Шумъ его удивляетъ, споры тревожатъ. Онъ объявляетъ, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно совѣщалось, подъ давленіемъ толпы и среди гвалта собранія, оно не могло создать ничего хорошаго. Такимъ образомъ, мы понимаемъ, чего бы ему хотѣлось. Такъ какъ онъ самъ призналъ существованіе нищеты и злоупотребленій, такъ какъ онъ согласенъ, что реформы необходимы, то ему грезится совѣтъ министровъ, или самое небольшое, ограниченное собраніе делегатовъ, возсѣдающихъ въ торжественной тиши кабинета за зеленымъ сукномъ и степенно обсуждающихъ судьбы Франціи. Извнѣ нація терпѣливо дожидалась бы. Коммиссары не торопились бы и премудро регулировали бы каждую подробность. Затѣмъ, когда бы они кончили свое дѣло, Людовикъ XVI декретировалъ бы счастіе своихъ подданныхъ. Эта удивительная фантазія достойна кабинетнаго человѣка. Тэнъ вполнѣ высказался въ ней. Безпорядокъ мѣшаетъ ему; ученые, по его мнѣнію, естественные пастыри людского стада. Что̀ можетъ быть прекраснѣе собранія образованныхъ и свѣдущихъ людей, разсуждающихъ объ истинныхъ нуждахъ края, въ то время, какъ бунтъ реветъ на улицѣ. Но что̀ очень комично, такъ это то, что Тэнъ сердится на революцію за то, что она совершена по плану „Contrat social" отвлеченными людьми. Послушаемъ его самого: „Примѣняйте „Contrat social", если вамъ угодно, но примѣняйте его къ людямъ, для которыхъ его сфабриковали. Это люди отвлеченные,

не принадлежащіе ни къ какому вѣку, ни къ какому народу, чистѣйшія отвлеченности, выросшія изъ-подъ метафизическаго жезла..." И далѣе: „во всякомъ случаѣ дѣло идетъ теперь не объ отвлеченности, не объ изуродованномъ человѣкѣ, но о французахъ 1789 года. Для нихъ однихъ писали конституцію; слѣдовательно, ихъ однихъ слѣдуетъ имѣть въ виду, а очевидно, они люди особаго рода, имѣющіе свой собственный темпераментъ, свои способности, свои наклонности, свою религію, свою исторію, цѣлый нравственный и умственный складъ, складъ наслѣдственный и прочный, завѣщанный первобытною расой, и въ который каждое великое событіе, каждый политическій и литературный періодъ, совершившійся въ послѣднія двадцать столѣтій, вносили свою метаморфозу, свою складку". Прекрасно сказано. Въ твореніи учредительнаго собранія были худо прилаженныя части, которыя роковымъ образомъ рухнули; однѣ только прочныя части удержались, какъ это бываетъ со всякимъ человѣческимъ произведеніемъ. Но что̀ не можетъ не вызвать улыбки, такъ это то, что Тэнъ такъ заботится о французахъ 89 года, о французахъ реальныхъ и живыхъ, для которыхъ онъ мечтаетъ о логической разсудительной конституціи, безъ малѣйшаго уклоненія вправо или влѣво, словомъ, о конституціи, написанной за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ.

А возстаніе-то, какъ онъ съ нимъ распоряжается? Развѣ возстаніе не сидитъ въ крови французовъ 89 года? Дѣло въ томъ, что если „Contrat social" былъ утопиченъ, то конституція Тэна, основанная на расѣ, тоже была бы утопична. Онъ такъ же какъ и Руссо, не принимаетъ во вниманіе живыхъ людей. Онъ показываетъ намъ разгоряченную Францію, націю, возставшую противъ налоговъ, монархію, рухнувшую сама собой, громадную и неотвратимую катастрофу, и говоритъ намъ съ хладнокровіемъ кабинетнаго человѣка: „Необходима была бы конституція логически составленная людьми безпристрастными и спокойными". Вотъ славная идея! Какъ онъ распорядится съ толпой? Гдѣ найдетъ безпристрастныхъ и спокойныхъ людей? есть у него армія, чтобы навязать свою конституцію? можетъ онъ заставить событія устремиться вправо, когда онѣ устремляются влѣво? Я все болѣе и болѣе утрачиваю въ Тэнѣ натуралиста.

Къ тому же, онъ на этомъ не останавливается. Не пускаясь въ разсужденія о томъ, какова бы должна быть эта конституція, онъ намѣчиваетъ двумя-тремя штрихами, что̀ слѣдовало бы дѣлать въ 89 году. Во-первыхъ, вотъ вамъ безпристрастные и спокойные люди, которые должны были бы поработать надъ конституціей: „Безъ сомнѣнія, въ концѣ-концовъ и хорошенько поискавъ, можно было найти во Франціи въ 1789 году пятьсотъ-шестьсотъ опытныхъ людей: во-пер-

выхъ, интенданты и военные командиры каждой провинціи; затѣмъ прелаты-администраторы большихъ епархій, члены парламентовъ, которые въ сферѣ своихъ судовъ имѣли не только юридическую власть, но и частію административную; наконецъ, главные члены провинціальныхъ собраній, все люди съ вѣсомъ и здравомыслящіе, привыкшіе обращаться съ людьми и дѣлами, почти всѣ гуманные, либеральные, умѣренные, способные понять трудность, равно какъ и необходимость великой реформы; въ самомъ дѣлѣ, при сравненіи съ доктринерской болтовней собранія, ихъ переписка, изобилующая фактами, предусмотрительная и точная, производитъ самый странный контрастъ".

Вотъ еще изумительная фантазія: революція—совершонная тѣми, противъ кого она была направлена! Представьте себѣ дворянство и духовенство регулирующими отъ себя уступки, которыя они готовы сдѣлать народу. Очевидно, все это происходитъ отъ точки зрѣнія, на которую станешь. Тэнъ, отъявленный противникъ всеобщей подачи голосовъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, чувствуетъ отвращеніе къ массѣ. Настоящія послѣдствія революціи стѣсняютъ его—этого довольно, чтобы объяснить, почему онъ осуждаетъ революцію въ томъ видѣ, въ какомъ она была совершена. Онъ бы желалъ ее иною. Дворянство и духовенство, безъ сомнѣнія, дали бы ее ему такой, о какой онъ мечтаетъ. Мнѣ невольно приходитъ при этомъ на память 16-е мая, политическій кризисъ, изъ котораго мы только-что вышли. Де-Брольи и де-Фурту, подъ предлогомъ, что республиканцы компрометтируютъ республику, захватили власть, утверждая, что они одни знаютъ нужды Франціи, и рѣшились составить ея счастіе. Мы видѣли, какъ они дѣйствовали. Дворянство и духовенство просто-на-просто эскамотировали бы революцію, если бы только это было возможно—чего я не думаю.

Посмотримъ, однако, вмѣстѣ съ Тэномъ, чтó такое должны были сдѣлать прелаты, интенданты, военные губернаторы, парламенты. „Во-первыхъ,—говоритъ онъ,—такъ какъ привилегированные перестали оказывать услуги, платою которымъ служили ихъ привилегіи, то послѣднія стали безполезнымъ бременемъ, возложеннымъ на одну часть націи въ пользу другой: ихъ слѣдовало, значитъ, уничтожить. Во-вторыхъ, такъ какъ правительство, будучи абсолютнымъ, относилось къ общественнымъ дѣламъ, какъ къ своему частному дѣлу, съ произволомъ и мотовствомъ, то надъ нимъ слѣдовало учредить дѣйствительный и правильный контроль. Сравнять всѣхъ гражданъ передъ налогомъ, вручить кошелекъ плательщиковъ податей въ руки ихъ представителей—вотъ двойная операція, которую слѣдовало бы совершить въ 1789 году, и привилегированные, да и самъ король, безъ сопротивленія покорились бы имъ". Чего проще, казалось бы; и въ

двухъ-трехъ словахъ Тэнъ разрѣшаетъ страшную политическую и соціальную задачу 1789 года. Но онъ очень хорошо знаетъ, что если декретировать равенство передъ налогомъ было легко, то оно затрогивало всякаго рода вопросы о собственности весьма сложнаго характера; онъ знаетъ еще лучше, что контроль надъ бюджетомъ остается недѣйствительнымъ, когда онъ порученъ собраніямъ, приверженнымъ власти. Нѣтъ, этихъ реформъ было недостаточно, потому что наступили времена, когда французское общество затрещало по всѣмъ швамъ. Надо было все разрушить и выстроить за-ново, если хотѣли, чтобы позднѣе зданіе было прочно. По той трудности, съ какой въ настоящее время достается намъ торжество свободы, мы можемъ судить, какой гигантскій трудъ лежалъ у нашихъ отцовъ на плечахъ. Подпорки были невозможны; въ сущности разрушительность революціонной бури, пронесшейся надъ краемъ, была соразмѣрна съ препятствіями, какія она встрѣчала на пути.

Тэнъ, развивая свою идею, отстаиваетъ дворянство и духовенство. Онъ исполненъ нѣжности къ привилегированнымъ, хотя и признаетъ, что ихъ привилегіи громадны и зловредны. Я совѣтую прочитать главу, посвященную Тэномъ хвалѣ высшихъ классовъ, тѣхъ классовъ, которые де-Брольи назвалъ „правительственными". Въ нихъ видитъ онъ культуру ума, разумъ, богатство, доставляющее досугъ для веденія хорошей политики: словомъ, совершенство людей, призванныхъ къ управленію. Что касается духовенства, то оно закупаетъ его, главнымъ образомъ, своей любовью къ литературѣ и наукѣ; въ монастыряхъ ими занимались, этого достаточно, чтобы сдѣлать ихъ ему дорогими. Поэтому онъ горько упрекаетъ революцію въ томъ, что она вынудила дворянство и духовенство эмигрировать, преслѣдуя ихъ особы и ихъ имущество. Слѣдовало сохранить касты—вотъ его заключеніе. „Что касается духовенства,—говоритъ онъ,—равно какъ дворянства и короля, то учредительное собраніе разрушило цѣлую стѣну для того, чтобы пробить дверь; неудивительно послѣ того, что зданіе обрушилось на голову его жильцовъ. Слѣдовало преобразовать, уважая, утилизировать *превосходство* и *корпораціи*; но во имя отвлеченнаго равенства и самодержавія народнаго оно съумѣло ихъ только уничтожить". Мы касаемся здѣсь самой сущности идеи Тэна. Народное самодержавіе—вотъ что вызываетъ его ненависть, его гнѣвъ. Онъ того мнѣнія, что правленіе должно принадлежать привилегированнымъ, которыхъ онъ превращаетъ въ людей непремѣнно превосходныхъ качествъ. Словомъ, какъ я уже говорилъ, и на чемъ не могу не настаивать: подъ историческимъ и научнымъ сочиненіемъ скрывается вездѣ политическая система.

Перехожу къ всеобщей подачѣ голосовъ. Надо знать, что Тэнъ на-

печаталъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ газетѣ „Temps“, кажется, статью о всеобщей подачѣ голосовъ, предлагая замѣнить ее, ужъ не помню какого рода, ограниченной подачей. Само собой разумѣется, что послѣ этого ему нужно было написать „les Origines de la France contemporaine“. Пусть прочитають главу, начинающуюся словами: „Итакъ, вотъ настоящій государь, избиратель, національный гвардеецъ, подающій свой голосъ. Вотъ кого конституція хотѣла сдѣлать королемъ; на всѣхъ ступеняхъ іерархіи, онъ на лицо съ своимъ голосомъ, вручающимъ власть, и съ своимъ штыкомъ, обезпечивающимъ ея отправленіе“. Въ этой главѣ найдутъ всѣ аргументы, высказываемые реакціонными газетами противъ всеобщей подачи голосовъ съ 1870 г. Тэнъ какъ-будто расширяетъ вопросъ; но въ сущности онъ остается современнымъ; онъ воюетъ съ настоящей республикой. Я не могу входить въ политическія препирательства, которыхъ онъ на видъ избѣгаетъ. Я довольствуюсь указаніемъ на то, что онъ судитъ о революціи не столько какъ безпристрастный историкъ, сколько какъ предубѣжденный человѣкъ.

Чего бы Тэну особенно желалось, такъ это верхней палаты, составленной изъ членовъ, набранныхъ среди дворянства и духовенства. „Въ конституціяхъ, — говоритъ онъ, — желающихъ утилизировать вѣчныя силы общества, аристократію призываютъ къ дѣламъ, путемъ долговременнаго и дарового полномочія, путемъ учрежденія наслѣдственной палаты, путемъ примѣненія различныхъ механизмовъ, которые всѣ такъ скомбинированы, чтобы способствовать развитію въ высшихъ классахъ честолюбія, образованія, политическихъ способностей, и вручаютъ имъ власть или контроль надъ властью съ тѣмъ условіемъ, чтобы они оказывались того достойными“. И по его мнѣнію, французская аристократія въ 89 году была достойна отправлять эту власть. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что революціонеры отвергли мысль о верхней палатѣ. Это все тотъ же антагонизмъ. Тэнъ мечтаетъ о томъ, чтобы передать революцію въ руки дворянства и духовенства, тогда какъ революціонеры намѣревались совершить ее сами. Безъ сомнѣнія, при двухъ палатахъ въ правительственной власти больше равновѣсія. Но Франція переживаетъ періодъ кризиса; какимъ образомъ Тэнъ хочетъ, чтобы больной организмъ отличался спокойствіемъ здороваго?

Въ концѣ-концовъ, онъ порицаетъ всѣ дѣйствія учредительнаго собранія или почти всѣ. Онъ его обвиняетъ въ тяжкихъ временахъ, которыя предстояло пережить. Оно не съумѣло произвести реформу въ податной системѣ, оно обратило въ бѣгство дворянство и духовенство, оно сдѣлало глупое и несправедливое дѣло. Вотъ, впрочемъ, резюмé его обвинительнаго акта: „Нѣсколькими законами, въ особенности тѣми, которые касались частной жизни, учрежденіемъ

гражданскаго уложенія, уголовнаго и сельскаго кодекса, начатками и обѣщаніемъ однороднаго гражданскаго законодательства, изложеніемъ нѣкоторыхъ простыхъ правилъ въ дѣлѣ взиманія налоговъ, судопроизводства и администраціи, оно посѣяло хорошія сѣмена. Но во всемъ, что касается политическихъ учрежденій и общественной организаціи, оно дѣйствовало какъ академія утопистовъ, а не какъ практическіе законодатели". И оканчиваетъ, говоря: „chef-d'oeuvre умозрительнаго разума и практическаго неразумія совершёнъ; въ силу конституціи самопроизвольная анархія становится анархіей легальной. Эта послѣдняя совершенна; подобной не видывали со времени девятаго вѣка".

Кто не увидитъ здѣсь предвзятой мысли смотрѣть на все съ односторонней точки зрѣнія? Тэнъ говоритъ о девятомъ вѣкѣ; онъ сравниваетъ революцію, изъ которой родилось наше современное общество, съ смутами варварской эпохи. Это злоупотребленіе словами. Конечно, если бы послѣ потрясеній первой республики Франція осталась истощенной и погруженной въ мракъ невѣжества, то революцію можно было бы судить съ такой строгостью. Но вѣдь мы сыны этой республики. Современная Франція обязана своей личностью тому учредительному собранію, которое Тэнъ такъ жестоко отдѣлываетъ. Впрочемъ, несмотря на свою явную враждебность, онъ отдаетъ ему столько справедливости, сколько это нужно для его славы. И если бы оно только посѣяло тѣ плодоносныя сѣмена, про которыя говоритъ Тэнъ, то мы были бы обязаны ему вѣчной благодарностью. Его политическое дѣло, какъ и всѣ политическія дѣла, созданныя въ вихрѣ событій, могло быть плохимъ и исчезнуть; его соціальное дѣло тѣмъ не менѣе положило основаніе новому обществу. Въ исторіи міра много ли собраній играло такую широкую и рѣшательную роль?

IV.

Въ третьей части этого тома Тэнъ разсматриваетъ результаты примѣненной конституціи.

Но прежде, чѣмъ продолжать свои нападки на эту конституцію, ему надо говорить о праздникахъ, сопровождавшихъ всеобщую федерацію, декретированную національнымъ собраніемъ. Зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, поучительное и заслуживаетъ, чтобы на немъ остановились. Я приведу здѣсь нѣсколько интересныхъ черть.

„На Марсовомъ полѣ, театръ праздника, явились четырнадцать тысячъ представителей провинціальной, національной гвардіи, одиннадцать или двѣнадцать тысячъ представителей сухопутной и морской арміи, кромѣ парижской національной гвардіи, кромѣ ста-шести-

десяти тысячъ зрителей, расположившихся на окрестномъ валу, кромѣ еще болѣе значительной толпы на амфитеатрахъ Шайльо и Пасси. Всѣ съ-разу встаютъ, присягаютъ въ вѣрности націи, закону, королю, новой конституціи. При звукахъ пальбы, возвѣщающей ихъ присягу, парижане, оставшіеся по домамъ, мужчины, женщины, дѣти протягиваютъ руки по направленію къ Марсовому полю, и тоже присягаютъ...

„Въ Парижѣ, двѣсти тысячъ лицъ всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ и половъ, офицеры и солдаты, монахи и комедіанты, ученики и учителя, дэнди и оборванцы, знатныя дамы и пуассардки, работники и ремесленники, крестьяне, живущіе за заставой Парижа, предложили свои услуги, чтобы приготовить Марсово поле къ празднеству, и въ недѣлю превратили его изъ гладкой равнины въ долину между двухъ холмовъ, по-ровну, по-товарищески, добровольно запряглись въ общее дѣло, возили тачки и орудовали заступомъ...“

Въ какую историческую эпоху, у какого народа проявлялся такой порывъ? Тэнъ ищетъ ему научнаго объясненія—и будетъ торжествовать, когда эта мечта о всеобщемъ братствѣ рухнетъ и уступитъ мѣсто междоусобной войнѣ. Но достаточно того, что цѣлый народъ одинъ день привѣтствовалъ конституцію, чтобы показать, какое страстное желаніе реформы онъ испытывалъ. Однако, продолжаю цитату.

„Посреди Марсова поля, превращеннаго въ колоссальный циркъ, возвышается алтарь отечества; вокругъ расположены линейныя войска и федераціи департаментовъ; напротивъ него сидѣлъ король на тронѣ съ королевой и дофиномъ, возлѣ него принцы и принцессы на трибунѣ и національное собраніе въ амфитеатрѣ. Двѣсти священниковъ въ рясахъ, подпоясанныхъ трехцвѣтнымъ кушакомъ, служили вокругъ епископа Отёнскаго; триста барабановъ и тысяча двѣсти музыкантовъ заиграли разомъ; сорокъ пушекъ принялись палить въ одинъ пріемъ; четыреста-тысячъ виватовъ раздались одновременно. Никогда еще не приложено было столько усилій, чтобы опьянить всѣ чувства, чтобы возбудить нервную систему выше всякой мѣры“...

„Въ Парижѣ,—пишетъ одинъ очевидецъ,—я видѣлъ какъ кавалеры ордена св. Людовика и полковые священники плясали на улицѣ вмѣстѣ со своими департаментскими земляками. На Марсовомъ полѣ, въ день федераціи, несмотря на проливной дождь, первые прибывшіе стали плясать; тѣ, которые пришли позже, присоединились къ нимъ и образовали хороводъ, вскорѣ охватившій одну часть Марсова поля. Триста тысячъ зрителей хлопаютъ въ тактъ въ ладоши. На слѣдующіе дни на Марсовомъ полѣ и на улицахъ все еще пля-

сали, пили, пѣли; на хлѣбномъ рынкѣ былъ балъ; на площади Бастиліи тоже балъ"....

Теперь вотъ строгій выводъ Тэна: „Таковы плоды чувствительности и философіи восемнадцатаго вѣка: люди вообразили, что для того, чтобы создать совершенное общество,—для того, чтобы на-вѣки упрочить свободу, справедливость и счастіе на землѣ, достаточно одного сердечнаго порыва и доброй воли. Они выказали этотъ порывъ и эту добрую волю; они были внѣ себя, въ восторгѣ; они возвысились надъ самими собой. Теперь по реакціи они необходимо должны войти въ себя самихъ. Ихъ усиліе дало все, что̀ только могло, т.-е. восторженное словоизверженіе, словесный и недѣйствительный договоръ, поверхностное и народное братство, добросовѣстный маскарадъ, бурю чувствъ, которая улетучивается вслѣдствіе самого своего проявленія, словомъ, любезный карнавалъ, который длится всего лишь одинъ день". Короче, Тэнъ хочетъ сказать, что мы не ангелы, и что̀ мы, впрочемъ, очень хорошо знаемъ. Но посмотрите, какъ все преобразуется, когда выходишь изъ предвзятой идеи. Для Тэна революція дурна. Вслѣдствіе этого онъ очень ловко извoрачиваетъ на ходу всѣ событія 89 года. Онъ прибѣгаетъ ко всѣмъ рессурсамъ своей методы, науки, чтобы представить факты въ томъ видѣ, какъ ему хочется. Мы видимъ изумительный порывъ цѣлаго народа, доказывающій всеобщее единодушіе. Тэнъ немедленно усматриваетъ въ немъ безумный поступокъ и притворно улыбается, чтобы скрыть величіе такого движенія. Замѣтьте, что здѣсь братаются уже не знаменитые иностранцы, не страшныя лица, которыя появляются въ дни возстанія: тутъ дворяне, священники, знатныя дамы, всѣ высшіе классы смѣшиваются съ простонародьемъ. И Тэна не трогаетъ видъ этихъ привилегированныхъ, такъ весело отказывающихся отъ своихъ привилегій, онъ не чувствуетъ величія этого энтузіазма, одушевлявшаго депутатовъ дворянства еще въ собраніи, когда они торжественно вотировали равенство передъ закономъ.

Послѣ этого Тэнъ показываетъ возбужденную толпу, головы, идущія кругомъ среди стольких противоположныхъ интересовъ. Вся Франція превратилась въ одинъ громадный клубъ, надзирающій за спасеніемъ отчизны. Реформы были слишкомъ поспѣшны, слишкомъ радикальны; всѣ въ нихъ заблудились. „Причины, возмущающія муниципалитеты противъ центральной власти, возмущаютъ частныхъ лицъ противъ мѣстныхъ властей.... Избиратель и національный гвардеецъ, вооруженный своимъ голосомъ и своимъ оружіемъ, лавочникъ, работникъ, крестьянинъ вдругъ сталъ равнымъ и даже господиномъ своихъ господъ.... Потокъ новыхъ идей, неясныхъ и разношерстныхъ, излился въ его мозгъ въ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ дѣлѣ замѣшаны громадные интересы, о которыхъ онъ никогда не думалъ: правительство,

королевская власть, церковь, догматъ, иностранныя державы, внутреннія и внѣшнія опасности, все, чтó происходитъ въ Парижѣ и въ Кобленцѣ, возстаніе въ Нидерландахъ, лондонскій, вѣнскій, мадридскій, берлинскій кабинеты—и со всѣмъ этимъ онъ распоряжается, какъ умѣетъ". Повторялъ и повторяю: все это было роковой необходимостью; страна переживала политическую эмансипацію. Единственный пунктъ, который остается разрѣшить, слѣдующій: революція совершилась насильственно и быстро; могла ли бы она происходить постепенно въ теченіи полъ-столѣтія? Отвѣтъ затруднителенъ. Но—недугъ былъ такъ великъ, что выжиданіе сдѣлалось невозможно.

Такимъ образомъ, вся послѣдняя часть этого второго тома посвящена смутамъ, возбуждаемымъ примѣненіемъ конституціи. Правительство дѣйствуетъ все хуже и хуже; терроръ, окончательная катастрофа надвигаются. Такъ какъ голодъ продолжается, среди паники, охватывающей села, то города воюютъ съ городами, села съ селами. Воображеніе работаетъ, сочиняются легенды, вездѣ видятся скупщики хлѣба, и вотъ начинаются насилія; грабятъ обозы съ хлѣбомъ, убиваютъ чиновниковъ, сжигаютъ дома. Тэнъ не умолкаетъ объ этихъ фактахъ; онъ громоздитъ одну цитату на другую, сто разъ воспроизводитъ однѣ и тѣ же подробности, возстанія, вспыхивающія на четырехъ концахъ Франціи. Среди этихъ смутъ контрабандисты чувствуютъ себя очень ловко, безпорядокъ достигаетъ крайняго предѣла.

Но особенно налегаетъ Тэнъ на взиманіе налоговъ. Налогъ—вотъ врагъ крестьянина. Къ несчастію, примѣненіе новыхъ законовъ, вотированныхъ собраніемъ, нѣсколько сложно. Это цѣлая новая система, которую приходится вводить среди возбужденія умовъ. Какъ отлично объясняетъ самъ Тэнъ, крестьянинъ, дотолѣ задавленный, полагаетъ, что пробилъ часъ безусловнаго освобожденія. Ему сказали, что собраніе и король хотятъ его счастья. Слѣдовательно, онъ убѣжденъ, что ему ничего больше не придется платить. Такимъ образомъ, вся финансовая система расстроивается. Города заставляютъ отмѣнить пошлины за ввозъ продуктовъ. Правительство и муниципалитеты не знаютъ, какъ покрыть дефицитъ, увеличивающійся съ каждымъ днемъ.

Вотъ нѣсколько характеристичныхъ фактовъ: „Съ 1790 г. чиновникамъ Монбазона грозятъ смертію, если, при раскладкѣ податей, они осмѣлятся обложить налогомъ промышленность, и они спасаются бѣгствомъ въ Туръ глухою ночью. Въ самомъ Турѣ триста или четыреста бунтовщиковъ изъ околотка, увлекая за собой муниципальныхъ чиновниковъ трехъ округовъ, пришли объявить городскому начальству, что единственный налогъ, который они согласны платить, это сорокъ-четыре су съ каждой семьи. Въ 1792 году въ томъ же самомъ департаментѣ убиваютъ муниципальныхъ чиновниковъ, которые осмѣлились опубликовать распредѣленіе налога на движимое

имущество. Въ Крёзѣ, въ Клюньакѣ, въ тотъ моментъ какъ судебный приставъ начинаетъ читать этотъ списокъ, женщины бросаются на него, вырываютъ у него списокъ и разрываютъ его съ проклятіями; муниципальный совѣтъ осаждается толпой; двѣсти человѣкъ бросаютъ въ него каменьями; одного изъ его членовъ повалили на землю, обрили голову и съ издѣваніемъ водили по селу".

Подобные бунты повторяются ежедневно. Мало-по-малу волненіе становится все грознѣе и грознѣе, народъ обезумѣлъ, дворянамъ повсемѣстно угрожаетъ гибель. Вооруженные крестьяне приходятъ въ зàмки, грабятъ ихъ и сжигаютъ. Повторяется жакерія со всѣми ея ужасами. Тэнъ приводитъ многое множество такихъ грабежей. Затѣмъ поетъ хвалебное слово мелкому дворянству. „Въ продолженіи слишкомъ тридцати мѣсяцевъ,—говоритъ онъ,—подъ непрерывнымъ градомъ угрозъ, грабежей, оскорбленій, дворяне, оставшіеся во Франціи, не предпринимаютъ и не совершаютъ ни одного враждебнаго дѣйствія противъ правительства, угнетающаго ихъ. Ни одинъ изъ нихъ, ни даже г. де-Дульé не пытается составить настоящаго плана междоусобной войны..... Они также, какъ и другіе французы, терпѣли отъ продолжительнаго давленія монархической централизаціи. Они не составляютъ больше корпораціи и утратили инстинктъ ассоціаціи. Они больше не умѣютъ дѣйствовать по собственной иниціативѣ; они привыкли къ тому, чтобъ ими управляли; они ждутъ толчка изъ центра, а въ центрѣ король, ихъ наслѣдственный полководецъ, узникъ народа, приказываетъ имъ ничего не предпринимать и покориться. Къ тому же, какъ и остальные французы, они воспитаны въ духѣ философіи восемнадцатаго вѣка".

Покорность мелкаго провинціальнаго дворянства была вынужденная—вотъ что явствуетъ изъ объясненій Тэна. Впрочемъ, на слѣдующей страницѣ онъ превосходно анализируетъ идеи и чувства, одушевлявшія народъ и наталкивавшія его на насилія. „Воображеніе работаетъ и работаетъ въ томъ направленіи, какое свойственно разгоряченному мозгу. Ну, вдругъ старый порядокъ вернется! ну, вдругъ намъ придется возвратить имущество духовенству! Ну, вдругъ мы снова обязаны платить подати и повинности, отъ которыхъ насъ освободилъ законъ, и другіе налоги и повинности, которыхъ мы не платимъ вопреки закону! Если всѣ эти дворяне, зàмки которыхъ сожгли, уступили свое имущество подъ ножомъ, приставленнымъ къ ихъ горлу, найдутъ средство отомстить и возвратить свои старинныя права! Разумѣется, они замышляютъ это, они сговариваются между собой, они въ заговорѣ съ чужеземцами; при первой оказіи они нападутъ на насъ; надо наблюдать за ними, обуздывать ихъ и, въ случаѣ необходимости, истребить".

Тэнъ, повидимому, считаетъ, что народъ увлекался нелѣпыми

фантазіями. Но это было не такъ. Если бы дворянство не было вполнѣ парализовано, развѣ бы оно не стало обороняться? Слишкомъ рискованно утверждать, что оно даже не помышляло о сопротивленіи. Вожди, перебравшіеся за-границу, вооружали Европу противъ Франціи. Готовилась война съ шуанами. Злопамятство было такъ сильно, что вотъ уже скоро столѣтіе, какъ дворяне дуются, если и не прибѣгаютъ прямо къ враждебнымъ дѣйствіямъ. При реставраціи оказалось, съ какой покорностью переносило дворянство революціонный періодъ. Воспоминанія про бѣлый терроръ еще живутъ на югѣ Франціи. Надо принять за историческую шутку стремленіе представить дворянъ овечками, протягивающими горло подъ ножъ, не помня зла, не мечтая о возмездіи. Народъ имѣлъ полное основаніе трепетать за свои новыя пріобрѣтенія. Если бы армія Кобленца достигла до Парижа и освободила короля, то еще неизвѣстно, что̀ осталось бы отъ дѣла революціи. Я говорю это не затѣмъ, чтобы извинить жестокости, совершённыя мятежниками, но затѣмъ, чтобы показать, какъ Тэнъ наблюдаетъ факты и людей. Пусть онъ посѣтитъ села въ наше время: онъ найдетъ въ нихъ такой же живучій страхъ возврата стараго порядка. Когда, въ 1872 г., можно было повѣрить воцаренію Генриха V-го, то сами легитимисты поспѣшили возвѣстить, что на ихъ принца клевещутъ, если считаютъ его способнымъ воскресить прошлое. Такая поднялась тревога, что они нашли нужнымъ успокоить народонаселеніе. Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ не успокоили Францію на счетъ нападенія, какое можетъ предпринять абсолютизмъ, при помощи дворянства, на общественныя вольности.

Приближаюсь къ концу сочиненія. Тэнъ оканчиваетъ его, выражая негодованіе по поводу эмигрантовъ. „Всѣмъ, даже старикамъ, вдовамъ, дѣтямъ ставятъ въ преступленіе попытку уйти отъ когтей народа. Не разбирая между тѣми, которые бѣгутъ, чтобы не стать жертвой, и тѣми, которые вооружаются, чтобы напасть на предѣлы страны,— учредительное и законодательное собраніе равно осуждаютъ всѣхъ отсутствующихъ. Учредительное собраніе утроило поземельный налогъ и налогъ съ движимаго имущества, взимаемый съ нихъ. Законодательное собраніе секвеструетъ, конфискуетъ, продаетъ ихъ имущества, движимыя и недвижимыя, около тысячи-пяти-сотъ милліоновъ цѣнностей. Пусть они вернутся подъ ножъ народа; въ противномъ случаѣ, они станутъ нищими, они сами и все ихъ потомство". Конечно, все это революціонныя дѣйствія, но факты рождаютъ факты; бурю не остановишь. Съ той минуты, какъ вырванъ былъ одинъ камень изъ зданія, все зданіе должно было обрушиться. Прибавьте, что слѣдствіе представляло бы непреодолимыя трудности, если бы республикѣ пришлось различать между воинами Кобленца и дворянами, изгнанными изъ Франціи только страхомъ. Цѣлый классъ былъ

изгнанъ—это было роковымъ слѣдствіемъ всего положенія дѣлъ. Къ тому же, Тэну, который любитъ рыться въ фактахъ, слѣдовало бы поискать, сколько дворянъ оставалось во Франціи, не подвергаясь никакимъ преслѣдованіямъ. Число ихъ было весьма значительно.

Тэнъ кончаетъ сравненіемъ. Онъ описываетъ пертурбаціи, происходящія въ мозгу человѣка, одержимаго бѣлой горячкой, и прибавляетъ: „такъ и Франція, истощенная постомъ, при монархіи, опьяненная скверной водкой *contrat social* и двадцати другихъ подмѣшанныхъ напитковъ, вдругъ поражена параличомъ въ голову; и вотъ она начинаетъ шататься; члены отказываются ей служить и отправленія всѣхъ органовъ ненормальны. Вотъ она переживаетъ періодъ веселаго опьяненія и вступаетъ въ періодъ мрачнаго бреда; и тутъ ужъ она способна все сдѣлать и все вытерпѣть, совершить неслыханные подвиги и омерзительныя варварства, какъ только ея руководители, такіе же изступленные, какъ и она сама, укажутъ ей на врага или на препятствіе".

Это не что иное, какъ поэтическое сравненіе, и несмотря на его кажущуюся научность, оно не заслуживаетъ вниманія. Если Франція и опьянѣла, то все же изъ ея опьяненія произошелъ великій девятнадцатый вѣкъ.

V.

Какъ я уже говорилъ въ началѣ, сочиненіе Тэна основано на тысячи мелкихъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ. Въ этомъ состоитъ его методъ. Онъ приступаетъ къ сводкѣ и толкованію документовъ только тогда, когда представилъ читателямъ кучу ихъ, искусно группированныхъ. Понятно, что сочиненіе, построенное такимъ образомъ, кажется неопровержимымъ. Но надо прежде удостовѣриться, что факты безусловно вѣрны. До сихъ поръ я принималъ, что они таковы. Но теперь посмотримъ на дѣло ближе.

Конечно, Тэнъ безусловно добросовѣстенъ. Но всякій человѣкъ, который хочетъ что-нибудь доказать и собираетъ доказательства, вскорѣ приходитъ въ особое настроеніе духа. Нисколько не желая обманывать людей, онъ склоненъ показывать только одну сторону правды. Онъ не поддѣлываетъ ее, но все же дѣлаетъ. Все, что подтверждаетъ его мысль, охотнѣе допускается, чѣмъ то, что ее опровергаетъ. Такая операція навѣрное совершилась въ умѣ Тэна. Онъ почти всегда показываетъ одну сторону истины. Онъ отбрасываетъ, какъ ненужные, документы, которые могли бы его стѣснить, или же если и указываетъ на нихъ, то съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ систематическіе, неожиданные выводы, отличающіеся логикой предвзятой мысли, самой безпощадной изъ всѣхъ. Кто прочитаетъ второй

томъ „Origines de la France", будетъ пораженъ ложнымъ направленіемъ, какое авторъ даетъ нѣкоторымъ фактамъ—безсознательнымъ пристрастіемъ, съ какимъ онъ судитъ о великихъ душевныхъ движеніяхъ, проявлявшихся въ революціонный періодъ. Картины часто бываютъ законченными, но размѣры почти никогда не соблюдены; аргументу, говорящему *за*, отводится три строчки, а аргументу, говорящему *противъ*, удѣляется три страницы. Такимъ образомъ, перо становится страшнымъ орудіемъ въ рукахъ предубѣжденнаго писателя, полагающаго, что онъ служитъ истинѣ. Это тѣмъ серьёзнѣе, что этотъ писатель заявляетъ себя ученымъ, дѣлаетъ видъ, что вноситъ алгебру въ исторію и доказываетъ A+B, что революція была неправа,—доказавъ, правда, передъ тѣмъ, что она была неизбѣжна.

Итакъ, вотъ уже, во-первыхъ, Тэнъ, на мой взглядъ, пользуется мелкими фактами съ очевиднымъ пристрастіемъ. Но этого мало: большинство фактовъ, которые Тэнъ выдаетъ за вѣрные, совсѣмъ не вѣрны. Напрасно въ своемъ предисловіи онъ напираетъ на достовѣрность, какой онъ требовалъ отъ каждаго изъ своихъ документовъ. Мы не можемъ повѣрить этой достовѣрности, въ особенности потому, что документы заимствованы только у одной партіи. Ни одного свидѣтельства людей новыхъ, приверженцевъ революціи, не приводится. Тэнъ вѣритъ только тѣмъ, кого онъ называетъ „честными людьми". Пока я читалъ его книгу, меня неотступно преслѣдовала одна мысль. Я думалъ о нашей междоусобной войнѣ 1871 г., объ этой коммунѣ, которая еще такъ недалеко отошла отъ насъ. Прошло только семь лѣтъ, всѣ мы видѣли возстаніе вблизи и должны были бы судить о немъ безошибочно. И что же? спросите десять человѣкъ, выбранныхъ на-удачу, десять очевидцевъ,—вы услышите десять различныхъ разсказовъ, смотря по политическимъ мнѣніямъ, темпераментамъ, взглядамъ разсказчиковъ. Что же будетъ черезъ восемьдесятъ лѣтъ, если историкъ вздумаетъ рыться въ современныхъ документахъ, и если у него явится претензія отличать писанія честныхъ людей отъ нечестныхъ.

Замѣтьте, что по любопытному совпаденію обстоятельствъ, въ настоящее время у насъ тоже постоянно прибѣгаютъ къ выраженію „честные люди". Честные люди это всѣ тѣ, кто не республиканцы, например, бонапартисты и т. д. Полагаю, что такъ было и при первой республикѣ. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ я не вполнѣ довѣряю свидѣтельству честныхъ людей: министровъ, интендантовъ, субделегатовъ, судей, военныхъ командировъ, армейскихъ и жандармскихъ офицеровъ, и пр. Безъ сомнѣнія, часть истины на ихъ сторонѣ; но они слишкомъ близко принимали участіе въ драмѣ, чтобы сказать всю правду. Пришлось бы произвести весьма долгій и очень щекотливый трудъ, сравнить обвиненіе съ защитой, снова перебрать всѣ процессы,

возвысившись надъ всякими политическими соображеніями. Но историкъ неспособенъ на такое безпристрастіе. Поэтому самыя безпристрастныя историческія сочиненія все же не что иное, какъ тѣ же историческіе документы, которые надо только принимать къ свѣдѣнію.

Мы видимъ вездѣ, какъ почти непреодолимо трудно узнать истинныя событія въ эпоху междоусобныхъ войнъ. Каждая партія даетъ свою редакцію, и, право, не смѣешь высказать своего сужденія. Сами очевидцы, какъ я сейчасъ говорилъ, даютъ смутныя показанія и еще болѣе затемняютъ истину. Крупные факты умаляются, мелкіе раздуваются не въ мѣру. Я ужъ не говорю про оцѣнку событій, открывающую свободное поле для безконечныхъ споровъ. Принимаютъ это мнѣніе, а не другое, по вкусу, въ силу политическихъ убѣжденій. Я иду даже дальше: сегодня утромъ случилось какое-нибудь происшествіе на улицѣ, а вечеромъ двадцать различныхъ разсказовъ ходятъ о немъ; если полиція захочетъ узнать истину, она должна будетъ произвести долгое и тщательное слѣдствіе.

Все это доказываетъ, какъ трудно историку добыть вѣрный документъ. Когда онъ отводитъ мѣсто наведенію, когда онъ воскрешаетъ извѣстную эпоху, благодаря исторической прозорливости, то безусловная достовѣрность документовъ не такъ важна. Но когда все основано, какъ у Тэна, на достовѣрности фактовъ, тогда необходима тщательная критика источниковъ, если не желаютъ, чтобы все сочиненіе рухнуло при первой попыткѣ серьёзной критики. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ выслушивать всѣ мнѣнія, чтобы высказать правильное сужденіе.

И вотъ этого-то Тэнъ и не сдѣлалъ. Онъ далъ обмануть себя документамъ. Пусть самъ онъ добросовѣстенъ; пусть тѣ, кого онъ приводитъ въ свидѣтели, тоже добросовѣстны; и все же въ результатѣ оказывается куча ошибокъ. Я укажу на главныя причины этихъ ошибокъ. Главнѣйшею является безусловная непропорціональность. Въ числѣ сотенъ приводимыхъ имъ фактовъ, провинціальныхъ бунтовъ, безпорядковъ въ городахъ, грабежа обозовъ, поджоговъ замковъ,—большинству придано преувеличенное значеніе. Тэнъ какъ будто не отдаетъ себѣ отчета о средѣ, въ которой все это происходило. Ружейный выстрѣлъ превращается у него въ пушечную пальбу. Такимъ образомъ, онъ выдаетъ за страшные бунты простые безпорядки, происходившіе въ Руанѣ и Марсели. Я могу говорить только про тотъ уголокъ, который мнѣ лично знакомъ, про Провансъ. Тэну, событія въ немъ происходившія, представляются то въ уменьшенномъ, то въ увеличенномъ видѣ, смотря по документамъ, съ которыми онъ справлялся. Онъ самъ, того не подозрѣвая, преувеличиваетъ или уменьшаетъ ихъ сообразно тому мѣсту, какое имъ отводитъ; такъ что произвольно извлекаетъ изъ нихъ тѣ выводы, какіе ему нужно.

Вторая причина ошибокъ заключается въ томъ, что онъ дѣлаетъ самый произвольный выборъ между событіями. Хотя онъ и много приводитъ мелкихъ фактовъ, но его можно упрекнуть въ томъ, что онъ приводитъ ихъ недостаточно. Почему онъ выбралъ эти факты, а не другіе? Выборъ, производимый все въ одномъ направленіи, даетъ, въ концѣ-концовъ, совершенно ошибочный результатъ.

Я увѣренъ, что если бы историкъ-натуралистъ съ республиканскими мнѣніями пришелъ послѣ Тэна и порылся въ тѣхъ же архивахъ, какъ и онъ, то мы увидѣли бы тѣ же самые факты сгруппированные совсѣмъ иначе, съ одной стороны уменьшенные, съ другой увеличенные, и они привели бы совсѣмъ къ другому результату, который бы опровергъ совершенно выводъ, сдѣланный изъ нихъ Тэномъ.

Чувствую, что я, такимъ образомъ, приду къ отрицанію возможности достиженія исторической истины. Безспорно, что я и не знаю ни одной исторической книги безусловно безпристрастной. Онѣ заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе правды, смотря по темпераменту и методѣ историка. Что меня сердитъ въ Тэнѣ и дѣлаетъ строгимъ относительно его, это—то, что онъ напускаетъ на себя пріемы безусловно научные, чтобы написать въ сущности политическій памфлетъ. Онъ выступаетъ съ превосходной методой, онъ находится, повидимому, въ наилучшихъ условіяхъ въ мірѣ, чтобы найти и высказать истину; и вотъ вдругъ мы видимъ, что онъ трудится съ заранѣе составленной цѣлью, что онъ вовсе не натуралистъ, рѣшившій принимать факты такими, какими они представляются, что онъ, напротивъ того, склоненъ толковать ихъ въ ту или другую сторону, смотря по тому, какъ это ему нужно. Когда имѣешь дѣло съ памфлетистомъ, то заранѣе принимаешь свои мѣры. Тэнъ сердитъ тѣмъ, что вы чуть-было не послѣдовали за нимъ, повѣривъ, что онъ только натуралистъ. Его укоряешь за то, что онъ прибѣгаетъ къ наукѣ, чтобы написать обвинительный актъ.

Вотъ, впечатлѣніе, произведенное на меня вторымъ томомъ „Origines de la France contemporaine", и оканчивая статью, я резюмирую свое мнѣніе. Второй томъ во многихъ своихъ частяхъ не является логическимъ слѣдствіемъ перваго тома. Чтобы произнести окончательное сужденіе, необходимо, правда, подождать окончанія сочиненія; но уже теперь видно, куда ведетъ Тэнъ. Заключеніемъ будетъ, безъ сомнѣнія, то, что революція могла бы быть направлена и ограничена, если бы ее не отдали въ руки буйнаго меньшинства; что монархія, медленно преобразованная, какъ въ Англіи, отвѣчала бы всѣмъ нуждамъ Франціи; что этимъ избѣгли бы тѣхъ потрясеній, отъ которыхъ мы до сихъ поръ не можемъ оправиться и которые угрожаютъ жизни и собственности мирныхъ гражданъ. Я не спорю противъ такого взгляда. Прибавлю только, что люди, желающіе пере-

дѣлывать уже совершившуюся исторію по своему личному вкусу, всегда казались мнѣ попусту теряющими свое время.

Послѣднее замѣчаніе. Этотъ второй томъ очень тяжело читается. Тэнъ, чтобы убѣдить читателя, нашелъ нужнымъ умножить документы, доставлявшіе ему факты. Трудно представить себѣ, сколько въ его книгѣ разграбленныхъ обозовъ, захваченныхъ зàмковъ, бунтовъ противъ фискальныхъ чиновниковъ. Непрерывно передъ глазами читателя развертывается одна и та же картина. Переворачиваешь страницу, думаешь избавиться, не тутъ-то было, опять начинается перечень тождественныхъ фактовъ. Разъ положеніе департаментовъ обрисовано, нужно ли было умножать примѣры?! Мнѣ сдается, что въ этомъ злоупотребленіи фактовъ есть умыселъ повліять на умъ читателя, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже сказалъ, выборъ документовъ очевиденъ, и нѣтъ никакой критики противоположныхъ показаній.

Характеризую этотъ томъ слѣдующими словами: это—перечень хозяйственныхъ убытковъ. Тэнъ, какъ человѣкъ, уважающій собственность и знающій цѣну деньгамъ, перечисляетъ разграбленныя телѣги съ хлѣбомъ, сожженные замки, итогъ имуществъ, взятыхъ подъ секвестръ и пр. Слова, которыми онъ опредѣляетъ революцію, показываютъ въ немъ озабоченность дѣлового человѣка: революція, по его мнѣнію, была простымъ перемѣщеніемъ имуществъ.

Читая Тэна, можно также подумать, что никогда на свѣтѣ не проливалось столько человѣческой крови. Вся эпоха рисуется у него въ какомъ-то кровавомъ облакѣ, населенная одними безжалостными палачами и покорными жертвами. Но статистика будетъ не за Тэна. Считаютъ, что число жертвъ террора доходитъ до одиннадцати тысячъ. А между тѣмъ, извѣстно, что эта цифра была далеко превзойдена при одномъ взятіи Парижа въ 1871 г. Въ три дня было больше разстрѣляно, нежели сколько гильотинировали революціонеры въ нѣсколько мѣсяцевъ. А вспомнимъ еще про великую войну, про нашу борьбу съ Германіей въ 1870 г. Люди свирѣпо и безпощадно избивали другъ друга и посѣяли къ тому еще—одни сѣмена вѣковой вражды.

Эмиль Зола.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Вопросъ объ училищныхъ совѣтахъ.

М. Г. По поводу „Внутренняго обозрѣнія" апрѣльской книжки „Вѣстника Европы," позвольте, въ дополненіе сказаннаго у васъ, познакомить читателей съ мѣрами, уже предпринятыми въ нашемъ краю на практикѣ—съ цѣлію, во-1-хъ, довести училищные совѣты до самоуничтоженія; во-2-хъ, поставить всѣ общественныя училища подъ власть инспекторовъ.

Въ то время когда петербургское земское собраніе ходатайствуетъ о передачѣ двухклассныхъ народныхъ училищъ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ, какъ-бы въ отвѣтъ на это у насъ добиваются того, чтобы всѣ одноклассныя общественныя училища переименовать въ министерскія, на основаніяхъ изложенныхъ въ „Инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденной министромъ въ видѣ опыта на 4 года, 4 іюня 1875 года". По этой инструкціи училищный совѣтъ не имѣетъ никакого вліянія на народныя училища, подчиненныя въ педагогическомъ и хозяйственномъ отношеніи инспекторамъ. Такъ какъ эта „Инструкція" всѣмъ знакома, то въ доказательство сказаннаго я и не буду цитировать статей. Считаю нужнымъ сдѣлать только краткій очеркъ дѣятельности нашего Хотинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Существованіе свое совѣтъ началъ 29 декабря 1869 года, принявъ въ свое вѣдѣніе всего 5 училищъ, открытыхъ незадолго землевладѣльцами; въ настоящее время, благодаря стараніямъ училищнаго совѣта, имѣется болѣе 50 училищъ, помѣщающихся въ хорошо-устроенныхъ домахъ, и на содержаніе каждаго расходуется отъ 600 до 700 руб. На содержаніе училищъ отпускаютъ: земство 4040 руб.; городъ 2000 руб.; проценты съ пожертвованнаго Рафаловичемъ капитала 450 руб.; изъ министерскихъ суммъ, въ пособіе на содержаніе 3-хъ училищъ, 1461 рубль; отъ Бриганскаго еврейскаго общества 906 руб.; отъ разныхъ лицъ 1617 руб., и отъ сельскихъ обществъ 27,301 руб.; всего—37,775 руб. Всѣ эти средства добыты стараніями училищнаго совѣта безъ участія министерства. Благодаря образцовому веденію счетовъ, училищному совѣту удалось составить на постройку зданій и другія надобности экономическій капиталъ въ 14,000 руб. Весьма удовлетворительный контингентъ учителей приготовленъ училищнымъ совѣтомъ, до открытія семинарій, сначала при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ и педагогическихъ курсахъ

въ г. Кишиневѣ, а послѣ открытія первой въ нашемъ краѣ семинаріи въ Херсонѣ, въ этой семинаріи. Кромѣ того, для ознакомленія учителей съ лучшимъ и однообразнымъ методомъ преподаванія, были учреждаемы, на средства земства, учительскіе съѣзды. Все это предпринималось и дѣлалось по иниціативѣ училищнаго совѣта, безъ участія инспекторовъ и директоровъ, которые являлись только изрѣдка и всегда, по ихъ увѣренію, выносили убѣжденіе, что училища хотинскаго уѣзда, сравнительно, могутъ считаться образцовыми.

Тѣмъ не менѣе, лѣтъ пять тому назадъ были приняты такія мѣры: министерство, желая устроить образцовыя училища, предложило субсидію на ихъ содержаніе, съ тѣмъ, чтобы три лучшія училища были переименованы въ министерскія. Училищный совѣтъ согласился на такое переименованіе. Въ результатѣ оказалось, что училищный совѣтъ, не имѣя никакого вліянія на нихъ, долженъ былъ приплачивать значительную часть, такъ какъ смѣты, составляемой попечителемъ учебнаго округа, не хватало и на полугодовое содержаніе. Съ прошлаго года приступлено было къ новымъ мѣрамъ. Явился инспекторъ, просилъ собрать совѣтъ и прямо предложилъ, безъ всякой субсидіи, переименовать всѣ одноклассныя училища въ министерскія; дѣлая большія обѣщанія, въ случаѣ согласія, инспекторъ главнымъ образомъ указывалъ на то, что въ „Положеніи о начальныхъ училищахъ, Высочайше утвержденномъ 25 мая (6 іюня) 1874 года", нѣтъ программы и не указана система въ преподаваніи; притомъ органы министерства всегда могутъ встрѣчать противодѣйствіе въ училищномъ совѣтѣ. Напрасны были доказательства, что дѣло народнаго образованія идетъ хорошо только благодаря училищному совѣту, что училища по „Положенію" и безъ того въ полной зависимости отъ министерства, равно какъ и училищные совѣты; что было бы нелогично безъ осязательной причины переименовывать ихъ въ министерскія училища, на содержаніе которыхъ платитъ общество. Встрѣтивъ отпоръ, инспекторъ удивился, что, не соглашаясь такимъ образомъ, училищный совѣтъ въ то же время считаетъ себя подвѣдомственнымъ министерству. Затѣмъ, сославшись на какой-то ему извѣстный, школьный историческій законъ, присущій всей Европѣ, по которому училища сначала находятся въ вѣдѣніи общества и затѣмъ, обыкновенно, отбираются отъ него, приравнялъ насъ въ заключеніе къ туркамъ, которые тоже не хотѣли добровольно исполнить требованіе, но потомъ были принуждены къ этому силой. На этомъ дѣло кончилось. Этому же инспектору удалось въ сорокскомъ уѣздѣ, при сочувствіи мирового посредника, получить приговоры обществъ о переименованіи 28 училищъ въ министерскія.

Въ настоящемъ году явился новый инспекторъ и на третій день послѣ своего прибытія, не познакомившись ни съ обществомъ, ни съ училищами, подалъ въ училищный совѣтъ письменное мнѣніе о переименованіи училищъ въ министерскія. Вотъ главные мотивы: „*Отдавая свои школы въ вѣдѣніе министерства, общество можетъ быть увѣрено, что отдаетъ ихъ не отдѣльнымъ лицамъ, а административному учрежденію, руководящемуся опредѣленными, установившимися началами, спеціально-служащими на пользу великаго дѣла народнаго образованія. Школа только тогда можетъ развиться, если ею руководитъ одно лицо*"...; что „*выяснилось одно очень грустное явленіе, требующее самаго серьезнаго вниманія, именно то, что судьба общественной школы находится въ зависимости отъ личнаго состава училищнаго совѣта, между тѣмъ вслѣдствіе развившейся въ послѣднее время духа коммерціи и борьбы личныхъ интересовъ, становится все меньше и меньше людей вполнѣ честныхъ, съ идеальными стремленіями служить общественной пользѣ*"... И т. д. и т. д. Подобное мнѣніе само за себя говоритъ и не требуетъ комментаріевъ.

Въ концѣ-концовъ училищный совѣтъ, имѣющій въ своемъ составѣ всего двухъ независимыхъ членовъ отъ земства (членъ отъ города, учитель уѣзднаго училища, лицо вполнѣ зависящее отъ инспектора), признаетъ полезнымъ переименованіе; приговоры обществъ о томъ же получить легко. Кромѣ того, министерство можетъ лишить общественныя школы правъ по исполненію воинской повинности, и такимъ образомъ совершится само собою уничтоженіе училищныхъ совѣтовъ. Все это дѣло мнѣ хорошо извѣстно, какъ предсѣдателю Хотинской земской управы.

Примите, и пр.

Николай Лисовскій.

Хотинъ.—10 апрѣля, 1878.

М. Стасюлевичъ.

КРЕСТЬЯНЕ
ДВОРЦОВАГО ВѢДОМСТВА
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Историческій очеркъ.

Окончаніе.

V.

Конюшенные крестьяне.—Ихъ численность.—Поборы и повинности.—Землевладѣніе.—Продовольствіе.—Конюшенное управленіе.—Волненія крестьянъ.—Конюшенные служители.

Конюшенные крестьяне издавна существовали въ московскомъ государствѣ. При Иванѣ Грозномъ и Ѳедорѣ Ивановичѣ мы видимъ уже цѣлыя конюшенныя слободы; ихъ было немало, судя по доходу, какой получалъ съ нихъ Борисъ Годуновъ. Конюшенный приказъ, въ вѣдѣніи котораго состояли эти волости, существовалъ уже въ XVI вѣкѣ. Во второй половинѣ XVII ст., въ Москвѣ и въ конюшенныхъ селахъ было болѣе 40,000 царскихъ лошадей, кормъ на которыхъ собирался съ крестьянъ конюшенныхъ и дворцовыхъ селъ, а также овсомъ и деньгами съ подмосковныхъ монастырскихъ вотчинъ; сѣно косилось также на царскихъ лугахъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ XVIII в., конюшенныхъ крестьянъ было всего 34,684 души. Императрица Анна приказала увеличить число конскихъ заводовъ и приписанныхъ къ нимъ вотчинъ. При этомъ имѣлось въ виду не только удовлетвореніе потребностей двора, но и возможность со временемъ

снабдить лошадьми хорошей породы нашу кавалерію. Велѣно было устроить конскіе заводы въ Малороссіи, въ городахъ Батуринѣ и Ямполѣ подъ управленіемъ командировъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, а также при кирасирскихъ и драгунскихъ полкахъ, на содержаніе которыхъ отданы были Гадяцкій замокъ, кантакузинскія отписныя маетности, чеховская и быховская волости. По второй ревизіи, въ вѣдомствѣ конюшенной канцеляріи, не считая волостей, находившихся въ полковомъ управленіи, числилось 32,281 душа.

При Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1760 году для содержанія конскихъ заводовъ лейбъ-гвардіи коннаго полка была отдана починковская волость, нижнеломовскаго уѣзда, тамбовской губерніи, съ приписными къ ней селами и деревнями, всего 8,489 душъ, которыя прежде были приписаны къ поташнымъ заводамъ. Подъ вѣдомствомъ же конюшенной канцеляріи въ 1762 году было, по третьей ревизіи, 32,399 душъ, а въ 1794 году въ вѣдомствѣ придворной конюшенной конторы—37,482 души.

Во-второй половинѣ XVII вѣка поборы съ конюшенныхъ крестьянъ сбирались преимущественно натурою; при этомъ требовались всевозможные предметы, нужные для хозяйства: подковы, топоры, оброти, гужи, возжи, веревки, лыки, оси и оглобли; затѣмъ съѣстные припасы: свиное мясо, гуси, утки, куры, тетерева, поросята, бараны, коровье масло, сыръ, грузди, рыжики. Кромѣ того крестьяне обработывали казенную пашню, возили сѣно, ледъ, и давали подводы при царскихъ разъѣздахъ. Разумѣется, не всѣ эти предметы собирались съ каждой изъ конюшенныхъ вотчинъ. Кромѣ всего этого были и денежные оброки, но не въ большомъ размѣрѣ. Вотъ, напр., каковы были поборы съ нѣкоторыхъ конюшенныхъ волостей въ 1663 году. Съ города Романова собиралось 3000 подковъ и 250 топоровъ; съ города Скопина—свиного мяса 64 полти, 32 гуся, утокъ, тетеревей и поросятъ по 64, масла коровьяго 64 гривенки, сыровъ 128, куръ 1500, подковъ 300, топоровъ 250, да пашни пахали по 77 десятинъ въ каждомъ полѣ. Сверхъ того, въ Романовѣ и Скопинѣ дѣлались скобели, долота, сверла, заступы и бердыши, причемъ на необходимые для этого желѣзо и уголья давались деньги изъ конюшенныхъ доходовъ. Съ домодѣдовской волости, московскаго уѣзда, брали: дровъ—704 воза, обротей, гужей, возжей, кошелей, веревокъ и лыкъ по 704 пучка, по стольку же телѣжныхъ осей и паръ оглоблей; съ коломенскихъ луговъ эти крестьяне возили въ Москву сѣно на остоженскую конюшню, набивали два ледника льдомъ, да во время «походовъ» царя въ

Троице-Сергіеву лавру ставили по 50 подводъ. Не упоминая о поборахъ и работахъ съ другихъ конюшенныхъ волостей, прибавимъ только, что деньгами со всѣхъ нихъ собиралось въ это время въ конюшенный приказъ 5,127 р. Въ концѣ 30-хъ годовъ XVIII вѣка конюшенные крестьяне находились въ слѣдующемъ положеніи. Они платили тогда прежнихъ окладныхъ денежныхъ сборовъ всего 7,788 р., чтó составляло на каждую душу по 22 копѣйки; кромѣ того, они вносили сборы: «на жалованье и на прочіе приказные расходы по 50 копѣекъ да приказчичьихъ доходовъ по 10 коп. съ двора; да съ вытей—хлѣба-ржи по одной четверти, овса потому-жъ, свинаго мяса по пуду, да по барану, и положена цѣна за хлѣбъ за четверть по 80 копѣекъ, за свиное мясо за пудъ по 20 копѣекъ, за барана по 20-ти-жъ, за курицу по 3; за дрова къ прежнему дворцовому окладу къ двумъ рублямъ по 2 рубля, за вербу, за вѣтки и за троицкій листъ съ подмосковныхъ селъ положено деньгами 46 р. $21^1/_2$ коп., на покупку конскихъ кормовъ по 9 коп. со двора». Въ виду всѣхъ этихъ поборовъ оберъ-егермейстеръ А. П. Волынскій, которому въ 1736 году велѣно было завѣдывать конюшенною канцеляріею (между тѣмъ какъ оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ завѣдывалъ ея конторою, находившеюся въ Петербургѣ) представилъ, что «конюшенные крестьяне несутъ великую тягость и передъ дворцовыми излишнее и.... всѣхъ положенныхъ на нихъ доходовъ не выплачиваютъ, но остается по вся годы близь половины въ доимкѣ, отчего многіе и бѣгутъ», и грозилъ, что если имъ не сдѣлаютъ облегченія, то и остальные конюшенные крестьяне разбѣгутся, а если кто и останется, то такъ обнищаютъ, что потомъ будетъ уже нельзя исправить ихъ положеніе. Вслѣдствіе этого сенатъ приказалъ, сложивъ съ конюшенныхъ крестьянъ различные поборы, сверхъ подушной подати, которую платили и всѣ другіе крестьяне, сбирать съ нихъ оброку по 40 коп. и во всемъ уравнять съ дворцовыми крестьянами.

Такимъ образомъ, въ концѣ 30-хъ годовъ сборы съ конюшенныхъ волостей были, повидимому, чрезвычайно упрощены; но какъ со введеніемъ четырехгривеннаго оклада у дворцовыхъ крестьянъ, они не избавились отъ исполненія разныхъ повинностей натурою, такъ было и въ конюшенныхъ вотчинахъ. Правда, и тутъ за эти повинности имъ зачиталась опредѣленная сумма въ уплату оброка, но все-таки онѣ были весьма стѣснительны для крестьянъ. Между тѣмъ какъ въ дворцовыхъ имѣніяхъ, со введеніемъ четырехгривеннаго оброка, довольно быстро почти вездѣ была прекращена барщина, у конюшенныхъ крестьянъ

этотъ процессъ шелъ гораздо медленнѣе, что обусловливалось именно припискою ихъ къ конюшенному вѣдомству, для котораго поставка разныхъ предметовъ натурою или исполненіе нѣкоторыхъ работъ, напр., косьба сѣна, была гораздо важнѣе, чѣмъ полученіе извѣстнаго количества денегъ.

Въ 1756 году оберъ-шталмейстеръ опредѣлилъ, чтобы на восемь душъ крестьянъ приходилось обработывать по одной десятинѣ въ каждомъ полѣ и косить по двѣ десятины покоса; если же пашни было въ какой-либо вотчинѣ меньше, чѣмъ слѣдовало по разсчету душъ, а, напротивъ того, нужно было бо́льшее количество покосовъ, то взамѣнъ каждой десятины пашни слѣдовало выкосить восемь десятинъ покосу. Если же не хватало пашни и покосовъ, то на крестьянъ налагали еще другія работы; такъ, напримѣръ, крестьяне бронницкой волости обжигали 500,000 кирпичей. Для сушки хлѣба при молотьбѣ эти крестьяне должны были употреблять свои дрова, которыя, по неимѣнію лѣсовъ, имъ приходилось покупать. Рожь съ казенной пашни шла на жалованье конюшеннымъ служителямъ, а овесъ и сѣно на кормъ лошадямъ. За работу крестьянамъ зачитали въ уплату четырехгривеннаго оброка за пашню по сорока копѣекъ съ десятины въ каждомъ полѣ, а за сѣнокосъ вмѣстѣ съ другими издѣліями—по десяти копѣекъ на душу. Второе было очень неопредѣленно, такъ какъ размѣръ этихъ издѣлій не былъ ограниченъ извѣстными правилами и они оказывались иногда весьма обременительными для крестьянъ. Правда, относительно подмосковныхъ волостей, въ 1757 году было сдѣлано распоряженіе, чтобы для разныхъ мелкихъ работъ при конюшняхъ въ Москвѣ, напримѣръ, для чищенія улицъ, починки на конюшняхъ кровель, поправки ясель, половъ и т. п.—по мѣрѣ нужды, назначить съ этихъ волостей отъ 5 до 10 человѣкъ по очереди въ такомъ порядкѣ: одинъ годъ изъ крестьянъ хорошевской волости, затѣмъ четыре года—изъ пахринской и, наконецъ, одинъ годъ изъ бронницкой, «дабы всѣмъ по числу душъ въ работахъ уравнительно было»; и рабочихъ не велѣно было безъ нужды задерживать въ Москвѣ ни одного лишняго дня. Однако издѣлья эти исполнялись далеко не въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ. Въ 1762 году, крестьяне хорошевской волости заявили въ своемъ правленіи, что они слишкомъ отягощены работами, отъ которыхъ многіе изъ нихъ «пришли въ несостояніе» [1]). Крестьяне просили хорошевское волостное правленіе представить, куда слѣдуетъ, о наложенныхъ на

[1]) Имъ велѣно было исполнить различныя работы по тремъ приказамъ изъ конюшенной канцеляріи. Во-1-хъ, они должны были для топленія печей на потѣшномъ

нихъ «великихъ тягостяхъ» и о томъ, чтобъ ихъ, хоть сколько-нибудь, облегчили, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, многіе изъ нихъ принуждены будутъ бросить свои «тяглые жеребьи». Доводя объ этомъ до свѣдѣнія дворцовой конюшенной канцеляріи, волостное правленіе подтвердило всѣ показанія крестьянъ, указавъ, сверхъ того, на тѣ работы, которыя имъ приходилось исполнять въ своей волости, и заявило, что многіе изъ крестьянъ чрезвычайно обѣднѣли, такъ что остались даже совершенно безъ лошадей. По наведеннымъ справкамъ, оказалось возможнымъ, вмѣсто прежде назначеннаго количества дровъ, соломы и т. п., потребовать въ Москву всего этого гораздо менѣе и, вмѣсто постройки новаго, для починки стараго сарая назначить всего 5 человѣкъ.

Что обязательныя постройки были не легки для крестьянъ, можно заключить изъ доклада, поданнаго оберъ-шталмейстеромъ Сумароковымъ императрицѣ Екатеринѣ II чрезъ нѣсколько дней послѣ вступленія ея на престолъ; въ немъ онъ хвалился, что во время его управленія въ пахринской и скопинской волости— уже построены, а въ Бронницахъ еще строются каменныя конюшни, которыя, если бы строились вольнонаемнымъ трудомъ, обошлись бы болѣе 200,000 руб., а съ его «экономіею» издержано пока около 50,000 руб. Такая экономія, разумѣется, тяжело отзывалась на крестьянской спинѣ.

Для постройки одной изъ этихъ конюшень, именно пахринской, должны были ставить матеріалы крестьяне домодѣдовской волости. Въ 1762 г. или въ началѣ 63 г. среди нихъ было волненіе, вызванное, вѣроятно, тяжестью этихъ работъ. Для разбора дѣла на мѣстѣ посланъ былъ шталмейстеръ князь Гагаринъ, по докладу котораго императрица велѣла—не отправлять на поселеніе трехъ челобитчиковъ, а восемь крестьянъ наказать.

Положеніе конюшенныхъ крестьянъ было тяжело именно потому, что въ то время какъ въ дворцовыхъ имѣніяхъ казенная

конюшенномъ дворѣ доставить 30 саженъ дровъ, да сучьевъ 100 возовъ. Все это слѣдовало перевезти на 850 подводахъ. Во-2-хъ, на топленіе печей въ головинскомъ мастеровомъ запасномъ дворѣ должно было перевезти 54 сажени дровъ; изъ нихъ четыре сажени уже были перевезены на 32 подводахъ, а если перевозить остальныя, то для этого нужно по крайней мѣрѣ 400 подводъ. Въ-3-хъ, для исправленія сарая, противъ остоженной конюшни, за Москвою-рѣкою, велѣно было собрать съ крестьянъ 500 кольевъ, 400 возовъ хворосту, 600 слегъ, длиною въ 7 аршинъ, и до 1,000 пудовъ соломы, и все это доставить тою же зимою. Изъ этого числа было уже собрано и перевезено до 200 пудовъ соломы, а для перевозки всего нужно около 700 подводъ.—Въ хорошевской волости въ это время было съ небольшимъ тысяча душъ крестьянъ.

пашня и другія барщинныя работы были почти совершенно отмѣнены, онѣ существовали въ конюшенныхъ вотчинахъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ, между тѣмъ, какъ ихъ оцѣнка на деньги была довольно низкая. Мы увидимъ ниже, что нѣкоторые конюшенные крестьяне соглашались платить гораздо бóльшій оброкъ, чѣмъ тотъ, который вносили дворцовые, лишь бы только ихъ освободили отъ обязательныхъ работъ.

Неудовольствіе крестьянъ вслѣдствіе налагаемыхъ на нихъ натуральныхъ повинностей ясно показывало, что необходимо было какъ-нибудь измѣнить ихъ положеніе. Готовность къ перемѣнѣ прежнихъ отношеній выказало и высшее конюшенное управленіе. Въ 1758 году оберъ-шталмейстеръ въ приказѣ, присланномъ въ конюшенную канцелярію, писалъ, что по полученнымъ имъ донесеніямъ въ подмосковныхъ конюшенныхъ волостяхъ—хорошевской, пахринской и бронницкой—весьма плохой урожай, такъ что «прибыль не стóитъ работы, которую крестьяне исправляютъ съ немалымъ отягощеніемъ», такъ какъ это отвлекаетъ ихъ отъ обработки своихъ земель. Онъ находилъ, что было бы всего удобнѣе казенную пашню отдать навсегда во владѣніе крестьянъ, снабдить ихъ единовременно сѣменами и затѣмъ обязать ежегодно поставлять съ каждой десятины по три четверти хлѣба съ тѣмъ, чтобъ остальной урожай сверхъ затраченныхъ сѣмянъ долженъ идти въ ихъ пользу; въ случаѣ неурожая крестьяне все-таки должны были бы внести опредѣленное количество хлѣба. Сверхъ того, они должны давать солому для подстилки лошадямъ, сколько потребуется, а остальную употреблять на свою собственную надобность. Онъ полагалъ, что такой порядокъ будетъ гораздо удобнѣе для крестьянъ уже потому, что тогда имъ не придется назначить изъ своей среды стольких выборныхъ, которымъ они даютъ отъ себя подмогу, и, кромѣ того, они будутъ пахать пашню въ то время, когда найдутъ это для себя удобнымъ. Оберъ-шталмейстеръ предписывалъ «наичувствительнѣйше внуша, добровольно склонить» крестьянъ принять казенную пашню въ свое содержаніе.

Посмотримъ, было ли выгодно для крестьянъ это предложеніе. Въ московскомъ уѣздѣ на десятину ржи сѣяли полторы четверти. Въ селѣ Бронницахъ урожай ея, по трехлѣтней сложности, былъ не болѣе, чѣмъ самъ-3 съ половиной, слѣдовательно, съ десятины получалось 5 съ небольшимъ четвертей ржи. Изъ нихъ три четверти пошли бы въ пользу конюшеннаго вѣдомства, полторы четверти нужно было бы оставить на сѣмена и, слѣдовательно, крестьянамъ оставалось бы менѣе одной четверти. Овса

сѣялось три четверти на десятину; въ селѣ Бронницахъ онъ давалъ въ это время урожай самъ-три, слѣдовательно, съ десятины получалось бы девять четвертей; изъ нихъ три въ пользу конюшеннаго вѣдомства, три слѣдовало бы оставить на сѣмена; слѣдовательно, крестьяне получили бы три четверти. Такъ какъ при прежнемъ порядкѣ крестьяне получали за обработку десятины только по 40 коп., а теперь имъ оставалось бы съ каждой изъ нихъ около четверти ржи или три четверти овса, то при цѣнности ржи въ московскомъ уѣздѣ въ концѣ 50-хъ годовъ въ 80 к. за четверть, а овса около 50 коп., крестьяне имѣли бы небольшую выгоду при среднемъ урожаѣ, но въ случаѣ полнаго неурожая не только ихъ трудъ остался бы безъ всякаго вознагражденія, но, кромѣ того, имъ пришлось бы по дорогой цѣнѣ покупать хлѣбъ для взноса въ казну и для новаго посѣва.

О предложеніи оберъ-шталмейстера дано было знать въ подмосковныя конюшенныя волости, а черезъ мѣсяцъ отъ тамошнихъ волостныхъ правленій былъ полученъ отвѣтъ, что крестьяне находятъ это предложеніе для себя невыгоднымъ. Впрочемъ, черезъ полгода жители одной изъ волостей, именно бронницкой, передумали и заявили, что желаютъ взять въ свое владѣніе пашню и луга съ обязательствомъ доставлять по три четверти хлѣба съ десятины пашни, по 120 пудовъ съ десятины поемнаго луга да соломы сколько потребуется. Однако, оберъ-шталмейстеръ, получивъ объ этомъ донесеніе, выразилъ желаніе, чтобы крестьяне и другихъ подмосковныхъ волостей, хорошевской и пахринской, дали такое же обязательство, какъ и бронницкіе. Но тѣ вновь отказались принять предложеніе, за исключеніемъ одного села хорошевской волости.

Въ 1764 году крестьяне села Бронницъ вновь изъявили желаніе взять въ свое владѣніе пашню и луга на иныхъ условіяхъ, чѣмъ прежде: они обязывались ставить натурою въ бронницкую конюшню весь урожай хлѣба по трехлѣтней сложности, сколько потребуется сѣна и соломы, а также чистить конюшни безъ всякаго денежнаго зачета за эти работы. Съ перваго взгляда такое предложеніе было весьма невыгодно для крестьянъ. Что же побудило ихъ сдѣлать его? Прежде всего то, что казенная пашня находилась близъ крестьянскихъ гуменъ и дворовъ, такъ что имъ некуда даже было выгнать скотину; затѣмъ они разсчитывали также, что, за поставкою того, что̀ нужно для конюшни, еще остается значительное количество сѣна и соломы. Наконецъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ казенною пашнею, въ ихъ пользованіе должно было перейти и лишнее количество земли. Одинъ изъ чиновни-

ковъ конюшеннаго вѣдомства, бывшій въ то время въ бронницкой волости, находилъ, что луга слѣдуетъ косить по прежнему, подъ присмотромъ управителя, передачу же пашни крестьянамъ онъ находилъ выгодною для обѣихъ сторонъ. Однакоже, согласно съ мнѣніемъ шталмейстера, князя Гагарина, крестьянамъ было отказано. Онъ опасался, что крестьяне запустятъ пашни, отчего будетъ недостатокъ въ хлѣбѣ на содержаніе конюшенныхъ служителей, и такъ какъ мужики «люди къ неблагодарности заобыкновенные», то они будутъ себя «оказывать несостоятельными».

Были и другого рода предложенія со стороны крестьянъ объ измѣненіи ихъ положенія. Въ 1763 г. часть крестьянъ скопинской волости изъявили желаніе, чтобы ихъ перевели на оброкъ и готовы были платить въ годъ съ каждаго гнѣзда, т.-е. съ мужа и жены, по четыре рубля, а съ холостыхъ, которымъ уже исполнилось 16 лѣтъ,—по два рубля. При этомъ они ставили условіемъ, чтобы ихъ черезъ каждые три года ревизовали и умершихъ тѣхъ, которые «въ другія невозвратныя мѣста убудутъ», а стариковъ, которымъ исполнится 60 лѣтъ, исключать изъ оклада, и малолѣтнихъ, которые достигнутъ 16 лѣтъ или послѣ положенія на оброкъ вскорѣ женятся,—включить въ него. До будущей ревизіи они должны были платить подушныя подати по прежнему, съ новой же ревизіи только съ наличныхъ душъ; «а съ прочими крестьянами, кои останутся на пашнѣ какъ для подушныхъ, такъ и ни для чего, пока на оброкѣ будутъ, ихъ уже не причислять. Казенную-жъ землю, сѣнные покосы и лѣсныя угодья, которыя нынѣ по тяглу во владѣніи у нихъ были, выдѣлить по тягламъ въ ихъ удовольствіе. А кромѣ тѣхъ оброчныхъ денегъ, казенныхъ никакихъ работъ, десятинной пашни, подводъ и ничего уже съ нихъ не требовать и дворцовыхъ и канцелярскаго сбору денегъ не взыскивать». Мы не знаемъ рѣшенія по этому дѣлу конюшенной канцеляріи. Очень возможно, что просьба крестьянъ была удовлетворена, хотя бы и съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ это предлагалъ сдѣлать чиновникъ конюшеннаго вѣдомства, которому она была заявлена. Что нѣкоторые изъ конюшенныхъ крестьянъ состояли въ это время исключительно на оброкѣ, можно заключить изъ того, что въ даниловской волости «непашенные», т.-е. очевидно оброчные крестьяне составляли въ 1764 году цѣлое общество.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о повинностяхъ конюшенныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II, но извѣстно, что, къ концу этого царствованія, натуральныя повинности

тѣхъ изъ этихъ крестьянъ, которые оставались въ вѣдѣвіи конюшенной канцеляріи, были замѣнены денежнымъ оброкомъ. Въ концѣ 1768 года со всѣхъ государственныхъ крестьянъ велѣно было взимать двухрублевый оброкъ, вмѣсто прежняго рублеваго; это повышеніе распространилось и на дворцовыхъ крестьянъ, о чемъ дворцовой канцеляріи и былъ данъ особый указъ. Но конюшенные крестьяне не состояли въ вѣдѣніи этого учрежденія, и на нихъ эта мѣра не распространилась. Затѣмъ, въ 1783 году оброкъ съ государственныхъ крестьянъ былъ повышенъ до трехъ рублей, и въ данномъ по этому случаѣ указѣ было упомянуто о дворцовыхъ, но опять ничего не сказано о конюшенныхъ. Наконецъ, въ 1786 году, съ уничтоженіемъ конюшенной канцеляріи, находившіеся въ ея управленіи крестьяне поступили въ вѣдомство директоровъ домоводства; съ этого времени они сравнены были съ остальными государственными крестьянами и, слѣдовательно, стали платить трехрублевый оброкъ. При этомъ ихъ велѣно было уже освободить отъ всякихъ другихъ поборовъ въ пользу конскихъ заводовъ и отъ исполняемыхъ ими работъ. Очевидно, что до этого времени они не были избавлены отъ натуральныхъ повинностей, хотя, быть можетъ, ихъ денежные оброки и повысились со времени 60-хъ годовъ.

Повинности тѣхъ конюшенныхъ крестьянъ, которые не состояли въ вѣдѣніи конюшенной канцеляріи, а приписаны были къ полкамъ и состояли въ вѣдѣніи полкового управленія, были недостаточно точно опредѣлены самимъ правительствомъ. При отдачѣ въ 1760 году починковской волости (тамбовской, а впослѣдствіи нижегородской губерніи) на содержаніе лейбъ-гвардіи коннаго полка, велѣно было, чтобъ полковая канцелярія, собирая съ крестьянъ четырехгривенный оброкъ, отсылала его въ надлежащее мѣсто. Такъ какъ вскорѣ послѣ того оброчный сборъ со всѣхъ крестьянъ былъ повышенъ еще на шесть гривенъ, то сенатъ, относительно крестьянъ, отданныхъ къ полковымъ конскимъ заводамъ, разъяснилъ, что съ нихъ только въ такомъ случаѣ слѣдуетъ взыскивать прибавочный окладъ, если отъ нихъ не будутъ требовать никакихъ работъ и они будутъ въ томъ же положеніи, какъ всѣ государственные крестьяне; но такъ какъ они все-таки должны были платить четырехгривенный оброкъ, котораго не вносили крѣпостные, работавшіе на своихъ помѣщиковъ, то сенатъ приказалъ, по возможности, облегчить ихъ въ работахъ. Въ починковской волости съ крестьянъ стали взыскивать, на содержаніе конскаго завода, шестигривенный оброкъ, но его оказалось мало, и потому, по полковому учрежденію (1763 г.),

несмотря на запрещеніе сената, съ нихъ стали, сверхъ того, собирать хлѣбъ и фуражъ и посылать ихъ на различныя работы. Намъ подробно извѣстны размѣры этихъ натуральныхъ сборовъ и повинностей съ починковской волости, въ которой, по третьей ревизіи, было 10,423, а по четвертой—11,821 душа. Съ каждой души собиралось въ годъ по 2 четверти овса, по 10 сноповъ соломы да со всѣхъ крестьянъ ячменя 45 четвертей, муки или ржи 431 четверть, крупъ 45 четвертей. Сѣна положено было собирать по 10 пудовъ (очевидно, съ каждой души), но, по словамъ канцеляріи лейбъ-гвардіи коннаго полка, крестьяне сами добровольно обязались косить казенные луга и собранное сѣно возить на конюшенный дворъ, а если не достанетъ, то пополнять своимъ. Кромѣ того, они исполняли много другихъ работъ; по словамъ самой полковой канцеляріи, «бываетъ изъ нихъ при заводѣ рабочихъ людей для исправленія самыхъ необходимыхъ работъ по разному немалому числу конныхъ и пѣхотныхъ — для поправленія около конюшеннаго двора каналовъ, прогоновъ и у пастбищъ, которыя отъ полой воды понимаются, мостовъ, гатей и каналовъ, для чищенія конюшеннаго двора и выгоновъ, для пересыпки на конюшенный дворъ овса, да наряжаются ежегодно для смотрѣнія отнимаемыхъ отъ кобылъ жеребятъ и хожденія за ними»; кромѣ того, крестьяне для починокъ и разныхъ надобностей при заводѣ и другихъ казенныхъ строеніяхъ ежегодно ставили немалое количество бревенъ, жердей, уголья, мочалъ и дровъ, и должны были сами производить всѣ починки. Для привода ремонтныхъ лошадей почти ежегодно посылались крестьяне, которые на путешествіе въ оба конца употребляли около трехъ мѣсяцевъ, и хотя на пропитаніе ихъ и выдавались деньги отъ полка, но крестьяне добровольно помогали имъ. Кромѣ того, при заводѣ было сорокъ конюховъ, взятыхъ изъ крестьянъ; они получали жалованье, но крестьянамъ приходилось платить за нихъ подушныя подати. Наконецъ, для починки заводскихъ строеній, на счетъ крестьянъ содержались плотники, печники, кузнецы и трубочисты.

Такимъ образомъ, съ 1763 года крестьяне, состоявшіе при починковскомъ заводѣ, платили не только 1 руб. 70 коп. подушныхъ податей и оброка, но, кромѣ того, вносили еще провіантъ и фуражъ натурою и исполняли множество работъ; слѣдовательно, ихъ положеніе было несравненно хуже, чѣмъ остальныхъ государственныхъ крестьянъ. Оно сдѣлалось-было еще тяжелѣе съ половины 1769 года, когда всѣ казенные крестьяне стали платить, вмѣсто рублеваго, двухрублевый оброкъ, но пол-

ковая канцелярія въ слѣдующемъ году предписала, кромѣ 1 руб. 70 коп. и положеннаго хлѣба и фуража, съ крестьянъ ничего не собирать. Такимъ образомъ, за тѣ натуральные поборы и повинности, которые несли починковскіе крестьяне, они были избавлены, по крайней мѣрѣ, отъ уплаты лишняго рубля оброка.

Въ такомъ положеніи дѣло находилось до 1783 года, когда оброкъ со всѣхъ казенныхъ крестьянъ былъ повышенъ до 3-хъ рублей. Тогда возникъ вопросъ о томъ, въ какое вѣдомство должно отсылать лишній рубль, который будетъ собираться съ крестьянъ, состоящихъ при починковскомъ заводѣ. Рѣшеніе вопроса затруднялось еще тѣмъ, что въ числѣ ихъ было три дворцовыхъ селенія (по четвертой ревизіи—1,445 душъ), съ которыхъ четырехгривенный оброкъ отсылался не въ коммиссаріатъ, а въ дворцовую канцелярію. Когда съ половины 1769 года оброкъ съ казенныхъ крестьянъ былъ повышенъ, то, въ теченіи года, дворцовыхъ доходовъ собиралось по 1 руб. 40 коп.,—но со второй половины 1770 года полковая канцелярія, какъ мы уже знаемъ, велѣла прекратить сборъ прибавочнаго рубля. Вслѣдствіе этого, дворцовая канцелярія обратилась къ ней съ запросомъ, на какомъ основаніи она сдѣлала такое распоряженіе, но не получила отвѣта. Когда дворцовое управленіе пыталось само взыскивать лишній рубль, то крестьяне этому воспротивились, справедливо указывая на то, что на нихъ тяготѣетъ много другихъ сборовъ въ пользу завода; но дворцовая канцелярія, утверждая, что полковое управленіе не имѣло права самовольно слагать съ крестьянъ оброкъ, который долженъ былъ идти въ пользу дворцоваго вѣдомства, предписала: съ половины 1779 года, взыскивать съ дворцовыхъ крестьянъ, состоявшихъ при починковскомъ заводѣ, не только по 1 руб. 40 коп. съ души, но еще, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, по 60 коп. для пополненія недоимки, накопившейся на нихъ вслѣдствіе неправильнаго распоряженія полковой канцеляріи. Теперь крестьяне, приписанные къ починковскому заводу, очутились въ весьма неравномъ положеніи: тѣ, которые числились дворцовыми, платили, кромѣ сбора на пополненіе недоимки, по 2 руб. 70 коп. податей и оброка, остальные—только по 1 руб. 70 коп., а, между тѣмъ, и тѣ, и другіе обязаны были работать и поставлять разные припасы въ пользу завода. Неизвѣстно, — не уничтожили ли крестьяне эту вопіющую несправедливость уравнительною раскладкою между собою общей суммы сбора? Съ повышеніемъ оброка до 3-хъ рублей, возникъ споръ между дворцовымъ вѣдомствомъ и полковою канцеляріей,—въ чью пользу долженъ идти вновь при-

бавленный рубль? Сенатъ рѣшилъ, что и та, и другая сторона неправильно изъявляютъ на него притязанія, и что прибавочный сборъ съ крестьянъ, приписанныхъ къ конскимъ заводамъ, должно отсылать въ остаточное казначейство. Но для насъ гораздо важнѣе точно знать размѣры сбора, чѣмъ то̀, въ пользу какого вѣдомства онъ собирался: для крестьянъ было нисколько не легче оттого, въ тотъ или другой ящикъ будутъ положены взысканныя съ нихъ деньги, а между тѣмъ сенатскій указъ, разрѣшившій одинъ спорный вопросъ, не разъясняетъ намъ гораздо болѣе важнаго недоумѣнія. Тутъ дѣло шло о сборѣ третьяго рубля оброка; между тѣмъ мы знаемъ, что бо̀льшая часть крестьянъ, состоявшихъ при конюшенномъ заводѣ, вносили, кромѣ подушныхъ, только рубль оброка и затѣмъ несли разныя натуральныя повинности, за которыя они, какъ видно, и избавлялись отъ платежа лишняго рубля. Продолжалась ли эта сбавка и послѣ новаго увеличенія оброка, то-есть вносило ли большинство этихъ крестьянъ деньгами послѣ 1783 года 2 руб. 70 коп. или 3 руб. 70 коп.—изъ указа сената не видно. Можно полагать, что они стали платить 2 руб. 70 коп., продолжая за остальной рубль исполнять извѣстныя натуральныя повинности, но въ такомъ случаѣ оставалось неуничтоженнымъ неравенство съ меньшинствомъ крестьянъ этой волости, которые положительно стали платить по 3 руб. 70 коп.

Чтобъ покончить съ денежными поборами съ конюшенныхъ крестьянъ, слѣдуетъ остановиться еще на взысканіи выводныхъ денегъ. Впрочемъ, при Екатеринѣ II ихъ приходилось взыскивать только при отдачѣ въ замужество дѣвушекъ и вдовъ въ помѣщичьи вотчины. Въ 1765 году дворцовая канцелярія подтвердила свое прежнее распоряженіе, чтобы за экономическихъ крестьянъ выдавать въ замужество безъ взысканія выводныхъ денегъ. Быть можетъ, около этого же времени и конюшенная канцелярія предписала изъ подвѣдомственныхъ ей вотчинъ выдавать замужъ дѣвушекъ и вдовъ въ дворцовыя и монастырскія имѣнія, не требуя выводныхъ денегъ, но при этомъ велѣла наблюдать, чтобы, въ свою очередь, изъ этихъ волостей было не менѣе отдано въ замужество въ конюшенныя волости. Такая система оказалась чрезвычайно стѣснительною для крестьянъ. Въ концѣ 1767 года, старосты и крестьяне гавриловской и шекшовской волостей довели до свѣдѣнія конюшенной канцеляріи, что у нихъ есть вдовы и дѣвушки — сироты и въ крайней нищетѣ, которыхъ крестьяне своихъ селъ и деревень въ замужество не берутъ, «и такъ приходятъ въ старость безъ всякой пользы и считаются

только между дворовъ». Между тѣмъ экономическіе крестьяне сватаются за нихъ, но такъ какъ велѣно отдавать въ эти волости не болѣе, чѣмъ будетъ взято въ замужество оттуда, то ихъ волостное правленіе и не отпускаетъ. Крестьяне просили, чтобъ имъ было дозволено выдавать замужъ въ дворцовыя и экономическія волости безъ уплаты выводныхъ денегъ, хотя бы и сверхъ «уравнительнаго числа» такихъ дѣвушекъ и вдовъ, которыхъ, по бѣдности ихъ, не захочетъ брать никто изъ своихъ крестьянъ. Это было имъ дозволено, но съ тѣмъ, чтобы ежегодно отпускалось такимъ образомъ не болѣе десяти невѣстъ. Если же подъ этимъ предлогомъ будутъ выходить замужъ безъ вывода дочери или вдовы зажиточныхъ мужиковъ, то съ главнаго начальника волости велѣно было взыскивать за это, въ видѣ штрафа, мѣсячное жалованье. Разрѣшеніе, данное гавриловской волости, было только исключеніемъ; общее же правило о счетѣ выданныхъ въ замужество съ той и другой стороны существовало еще и въ концѣ 70-хъ годовъ.

Кстати упомянемъ здѣсь о томъ, что если въ конюшенныхъ волостяхъ многія дѣвушки и вдовы не могли выдти замужъ вслѣдствіе стѣснительныхъ правилъ, введенныхъ конюшеннымъ и дворцовымъ управленіемъ, — то, съ другой стороны, мѣстами въ народѣ существовалъ обычай, препятствовавшій и молодымъ парнямъ брать себѣ въ жены дѣвушекъ той же мѣстности. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ конюшенныхъ вотчинахъ отцы требовали отъ жениха дорогого выкупа за свою дочь. Обстоятельство это обнаружилось такимъ образомъ. Шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ въ 1769 году обратилъ вниманіе на то, что находившіеся въ Петербургѣ крестьяне даниловской волости, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ, по большей части холостые, а нѣкоторые изъ нихъ женились въ Петербургѣ на солдатскихъ дочеряхъ, которыя «въ разсужденіи деревенскаго домостроительства, худыми помощницами быть могутъ, да ѣхать въ деревню... почти не хотятъ». Это происходило, какъ оказалось, вслѣдствіе того, что отцы не отдаютъ замужъ дочерей, пока женихъ не внесетъ выкупа въ 100 или 150 рублей, и даже самый бѣдный крестьянинъ не согласится взять менѣе 15 рублей. По словамъ Нарышкина, отецъ скорѣе перенесетъ «непорядки дочери», нежели за дешевую цѣну отдастъ ее замужъ. Поэтому бѣднякъ оставался или вовсе не женатымъ, или женился, занявъ деньги, и потомъ, обремененный долгомъ, бѣдствовалъ и не могъ поправиться. Слѣдствіемъ такого обычая было то, что, по третьей ревизіи, въ этой волости оказалось, сравнительно со второю, ме-

нѣе на 600 челов., т.-е. въ теченіи 20 лѣтъ произошла убыль, равная шестой части прежняго народонаселенія. Вслѣдствіе этого, конюшенная канцелярія послала приказъ въ даниловскую волость, что если впредь отецъ невѣсты потребуетъ отъ жениха какого бы то ни было вознагражденія, то деньги слѣдуетъ возвратить тому, кто ихъ далъ, а отца наказать при собраніи всѣхъ крестьянъ.

О землевладѣніи конюшенныхъ крестьянъ мы имѣемъ, къ сожалѣнію, чрезвычайно мало свѣдѣній. Намъ извѣстно, однако, что у нихъ, какъ и у дворцовыхъ крестьянъ, существовало общинное землевладѣніе съ передѣлами земли. Усадебныя и огородныя земли, разумѣется, не подлежали передѣлу, но нерѣдко бывали случаи, что усадебные участки крестьяне продавали и закладывали другъ другу. Поэтому въ 1763 году конюшенная канцелярія разослала во всѣ конюшенные города и волости указъ съ предписаніемъ крестьянамъ «усадебнымъ землямъ продажи между собою отнюдь не чинить, что̀ и указами запрещено, ибо *оныя земли казенныя, а не ихъ собственныя, и владѣютъ тѣми по развёрсткѣ, по положеннымъ на нихъ тягламъ*». Не можемъ сказать, оказалось ли это распоряженіе дѣйствительнѣе прежнихъ запретительныхъ указовъ по тому же предмету, но во всякомъ случаѣ, если и не совершалось вновь такихъ сдѣлокъ, то еще возникали споры объ усадебной землѣ, вслѣдствіе прежнихъ перепродажъ. Такъ, напр., въ 1764 году, въ селѣ даниловскомъ произошелъ споръ о дворовой и огородной землѣ между «непашеннымъ» крестьяниномъ Сырейщиковымъ и «выписнымъ въ село Царское» крестьяниномъ Красниковскимъ. Земля эта еще въ 1741 году была продана Красниковскому тамошнимъ крестьяниномъ Бѣлошеинымъ, въ удостовѣреніе чего послѣдній далъ ему и «письмо до крѣпостныхъ дѣлъ за рукою своею». Но въ слѣдующемъ году староста съ товарищи отдалъ эту землю во владѣніе Сырейщикову. До 1764 года Красниковскій и Сырейщиковъ владѣли этою землею пополамъ, застроили ее своими строеніями, и до этого времени спору у нихъ никакого не было; теперь же волостное правленіе спрашивало указа, что дѣлать.

Дѣло доходило до конторы конюшенной канцеляріи и окончилось полюбовною сдѣлкою. Сырейщиковъ уступилъ Красниковскому половину спорной земли, получивъ взамѣнъ находившуюся у того въ закладѣ дворовую и огородную землю одного крестьянина Ефимова, которая находилась возлѣ двора Сырейщикова. Они подали заявленіе въ даниловское волостное правленіе, что каждый долженъ безпрепятственно владѣть переданною ему зем-

лею, а потому Сырейщиковъ отдалъ Красниковскому «данную» на землю, полученную отъ старосты, а тотъ, въ свою очередь, передалъ закладное письмо на землю Ефимова. Если же Ефимовъ захочетъ выкупить свою землю, то Сырейщиковъ, получивъ всѣ деньги, которыя были даны подъ залогъ ея, долженъ былъ возвратить ее безъ всякихъ отговоровъ.

До царствованія императрицы Екатерины II конюшенное вѣдомство не приняло никакихъ мѣръ для обезпеченія народнаго продовольствія въ конюшенныхъ волостяхъ, между тѣмъ какъ оно много хлопотало о томъ, чтобъ было достаточное количество фуража для казенныхъ лошадей. Даже въ концѣ 1762 года, когда въ нѣкоторыхъ изъ конюшенныхъ волостей чувствовался недостатокъ въ пропитаніи, конюшенная канцелярія придумала сдѣлать только слѣдующее распоряженіе. Крестьянамъ, обѣднѣвшимъ отъ пожара или падежа скота, управитель, по письменному приговору старосты и лучшихъ крестьянъ, долженъ давать льготу на одинъ или два года, пока они поправятся, а крестьяне, живущіе съ ними въ однѣхъ деревняхъ, должны помочь имъ въ работахъ. Кромѣ того, съ крестьянъ отбирали подписки, что старосты и сотскіе будутъ кормить нищихъ, сбирая для нихъ съ своихъ односельчанъ деньги на хлѣбъ и одежду. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ народное продовольствіе требовало самаго серьёзнаго вниманія. Вотъ, напр., что дѣлалось въ богородицкой волости въ началѣ 60-хъ годовъ. Волостные старосты донесли богородицкой канцеляріи, что у нихъ значительно увеличилось число бѣдныхъ, неимѣющихъ пропитанія, крестьянъ, между тѣмъ, вслѣдствіе неурожая, кормить ихъ нечѣмъ. Въ 1761 году хлѣбъ, сжатый и сложенный въ одонья, былъ очень сильно попорченъ мышами, такъ-что весною слѣдующаго года многіе крестьяне совсѣмъ не сѣяли ярового по неимѣнію сѣмянъ. Озимый хлѣбъ, посѣянный въ 1761 и 1762 г., а яровой въ 1762 году, уродились такъ плохо, что нѣкоторые не возвратили и половины сѣмянъ, а иные и ничего не собрали. Поэтому, осенью 1762 года, многіе, не имѣя лошадей и сѣмянъ, озимаго хлѣба вовсе не сѣяли, скитались съ мѣста на мѣсто и просили милостыню. О сборахъ въ пользу этихъ бѣдняковъ, какъ предписывала конюшенная канцелярія, въ концѣ 1762 года не могло быть и рѣчи, такъ-какъ вслѣдствіе неурожая всѣмъ нечего было ѣсть, а скотъ и одежду продали для уплаты податей и оброковъ. На это конюшенная канцелярія отвѣчала только приказомъ, чтобы зажиточные крестьяне, распредѣливъ между собою неимущихъ и и безтяглыхъ товарищей, употребляли ихъ для своихъ работъ, и

за это кормили и одѣвали, не допуская ихъ ходить по-міру. А если кто, по старости и болѣзни, не могъ работать и прокормиться безъ мірского подаянія, то и такихъ сельскія власти должны были стараться не оставлять безъ пропитанія. Разумѣется, подобные приказы оставались пустыми словами.

Въ 1769 году императрица приказала Елагину подумать, какъ бы устроить запасные хлѣбные магазины не только въ дворцовыхъ, но и въ конюшенныхъ вотчинахъ, однако, еще и въ 80-хъ годахъ конюшенные крестьяне, въ случаѣ неурожая, страшно бѣдствовали.

Въ скопинской волости въ 1783 и 1784 годахъ не уродился какъ озимый, такъ и яровой хлѣбъ; поэтому въ 1785 году жители ея находились въ слѣдующемъ положеніи. Всего въ ней было 19,104 д. обоего пола; изъ нихъ пропитывались, съ великою нуждою, покупая хлѣбъ на торгу, 2,366 душъ; покупая хлѣбъ, смѣшивали его съ мякиною — 4,431 д.; смѣшивали покупной хлѣбъ съ мякиною и дубовою корою, а отчасти пропитывались мірскимъ подаяніемъ—1,125 душъ, кормились исключительно прошеніемъ милостыни—1,095 д. обоего пола. Такимъ образомъ, половина населенія крайне бѣдствовала.

Высшимъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ конюшенными крестьянами въ XVII ст., былъ конюшенный приказъ; но въ 1663 году конюшенные города и волости со всѣми съ нихъ собираемыми доходами и податями велѣно было передать въ вѣдѣніе приказа Большого Дворца, подъ управленіемъ котораго они состояли до 1702 года, а затѣмъ вновь поступили подъ управленіе конюшеннаго приказа. Однако, приказъ этотъ въ 1705 году былъ уничтоженъ и всѣ его дѣла велѣно было вѣдать въ ингерманландской канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ. Въ 1721 году конюшенныя деревни были вновь соединены въ одно вѣдомство съ дворцовыми, а черезъ семь лѣтъ опять возвратились въ завѣдываніе конюшеннаго приказа, какъ особаго учрежденія. Со времени Анны Іоанновны, учрежденіе, стоявшее во главѣ конюшеннаго вѣдомства, получило названіе конюшенной канцеляріи; она находилась въ Москвѣ, а контора ея въ Петербургѣ.

Высшимъ должностнымъ лицомъ по конюшенному вѣдомству былъ оберъ-шталмейстеръ; въ первые годы царствованія Екатерины II это мѣсто занималъ П. С. Сумароковъ, а уже въ 1765 г. князь П. И. Репнинъ. Конюшенная канцелярія находилась въ вѣдѣніи оберъ-шталмейстера и представляла нѣкоторые доклады на его утвержденіе. Ниже оберъ-шталмейстера въ іерархіи чиновъ

конюшеннаго вѣдомства стояли шталмейстеръ и унтеръ-шталмейстеръ.

Волости, отданныя на содержаніе конныхъ полковъ, находились подъ вѣдѣніемъ полковыхъ канцелярій.

Въ конюшенныхъ волостяхъ вѣдомства конюшенной канцеляріи находились управители. При императрицѣ Аннѣ правительство нашло, что они неисправны въ дѣлахъ, а нѣкоторые оказались виновны въ лихоимствѣ и другихъ преступленіяхъ. Поэтому велѣно было выбрать управителей дворянъ изъ гвардейскихъ капраловъ и солдатъ, грамотныхъ и давно служащихъ.

Во главѣ каждой волости находилось волостное правленіе. Выборными крестьянскими властями были старосты, сотскіе и десятскіе. На мірской сходъ собирались иногда только «лучшіе» крестьяне, иногда же и всѣ «рядовые». Когда понадобилось рѣшить споръ о землѣ между двумя крестьянами, контора конюшенной канцеляріи велѣла разобрать это дѣло управителю въ присутствіи «мірского схода самыхъ лучшихъ крестьянъ»; для облегченія въ работахъ обнищавшихъ вслѣдствіе пожара, скотскаго падежа и т. п. признавалось также достаточнымъ письменнаго приговора старосты и «лучшихъ людей». Но когда рѣшался вопросъ, брать ли крестьянамъ въ свое содержаніе казенную пашню и луга съ поставкою хлѣба и сѣна на конскіе заводы, какъ это было въ бронницкой волости, понадобился письменный приговоръ старосты и сотскаго и 217 «рядовыхъ» крестьянъ трехъ селъ и деревень.

Тяжелыя и обременительныя работы при конюшенныхъ заводахъ вызывали иногда волненія среди приписанныхъ къ нимъ крестьянъ. Въ 1736 году Артемій Волынскій донесъ кабинету, что «конюшеннаго вѣдомства города Ранибурха и приписныхъ селъ и деревень крестьяне.... всѣ называются однодворцами и чинятся конюшенной канцеляріи непослушны, дворцовыхъ конюшенныхъ доходовъ не платятъ, десятинной пашни не пашутъ, сѣнныхъ покосовъ не косятъ и чинятъ многія продерзости». Для изслѣдованія дѣла сенатъ послалъ нарочнаго.

О волненіяхъ крестьянъ домодѣдовской волости въ концѣ 1762 или началѣ 1763 года, вслѣдствіе обязательныхъ работъ для постройки конюшни, уже было упомянуто.

Указомъ 1786 г. дворцовая конюшенная канцелярія была уничтожена, находившіеся въ ея управленіи крестьяне были отданы въ вѣдомство директоровъ домоводства и обложены одинаковыми податями съ казенными крестьянами. Директоры домоводства должны были позаботиться о томъ, чтобы у конюшенныхъ

крестьянъ было количество земли, опредѣленное межевою инструкціей; въ случаѣ недостатка, они должны были представлять о томъ генералъ-губернатору и казенной палатѣ, требуя пополненія изъ свободныхъ земель.

При императорѣ Павлѣ, въ 1797 году, казенные конскіе заводы обращены на «прежнее экономическое положеніе», а вслѣдъ затѣмъ крестьянамъ, приписаннымъ къ починковскому конскому заводу, которыхъ въ то время было 15,007 душъ, велѣно быть на томъ же основаніи, на какомъ и прочіе приписанные къ конскимъ заводамъ крестьяне состоятъ. При Александрѣ I конюшенные крестьяне, съ раздѣленіемъ конскихъ заводовъ на дворцовые и военные, были подчинены одни дворцовому, другіе—коннозаводскому управленію.

Какъ среди крѣпостныхъ крестьянъ были дворовые, жившіе при домѣ господина для услуженія и домашнихъ работъ, такъ и въ конюшенныхъ волостяхъ находились люди, оторванные отъ земледѣльческихъ работъ и обязанные постоянно находиться при конюшняхъ для ухода за лошадьми. Въ инструкціи, данной въ 1732 году Волынскому относительно размноженія конскихъ заводовъ, было предписано, сверхъ крестьянъ, служившихъ на конскихъ заводахъ, вновь набрать въ конюхи во всѣхъ волостяхъ изъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дѣтей 200 человѣкъ (въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ) и взять ихъ въ Москву. Тамъ ихъ слѣдовало прежде всего обучить, какъ «себя въ чистотѣ содержать», а потомъ, какъ обходиться съ лошадьми. На время ученія имъ опредѣлено было денежнаго жалованья по 4 руб. въ годъ, солдатскій провіантъ и еще поденныхъ на пищу по одной копѣйкѣ въ день; кромѣ того, имъ выдавался сермяжный мундиръ и обувь. Этихъ парней, набранныхъ въ конюхи, велѣно было выключить изъ подушнаго оклада.

Кромѣ конюховъ, отправленныхъ въ Москву, въ конюшенныхъ волостяхъ были взяты изъ крестьянъ конюшенные служители, нарядчики, «стряпчіе» и стадные конюхи, которые были «всегда при конюшенныхъ дѣлахъ и стряпнѣ заводскихъ лошадей неотлучно». По штату 1733 года, имъ было положено небольшое денежное жалованье: подмосковныхъ и замосковныхъ конюшенъ нарядчикамъ по 10 руб., конюхамъ, стряпчимъ — по 7, стаднымъ—по 5, градскихъ и сельскихъ конюшенъ стаднымъ—по 3 руб. въ годъ. Кромѣ того, они получали и провіантъ. Такъ, напр., въ селѣ Пахринѣ нарядчикъ получалъ 5 четвертей ржи и столько же овса, стряпчій и стадный конюхъ каждый по 6 четвертей того и другого. Эти конюхи, служившіе не въ Москвѣ,

а по волостямъ, не были сначала избавлены отъ подушнаго оклада и должны были платить его изъ своего жалованья. Но въ 1741 году было предписано, чтобы за конюховъ, положенныхъ въ подушный окладъ, подати и другіе сборы платили крестьяне тѣхъ волостей, изъ которыхъ они были взяты. Кромѣ того, ихъ велѣно было зачесть крестьянамъ въ рекруты, такъ какъ они «служатъ и въ конюшняхъ бываютъ равно какъ солдаты».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жалованье конюхамъ было больше. Въ 1739 году Волынскій предписалъ для содержанія на пахринской конюшнѣ приводимыхъ съ конскихъ заводовъ молодыхъ лошадей и отвода ихъ въ Петербургъ выбрать 150 человѣкъ конюховъ, ихъ дѣтей и свойственниковъ, которые должны были безсмѣнно быть при конюшнѣ. Такъ какъ имъ было болѣе труда: нужно было отводить лошадей въ Петербургъ, обучать ихъ и сами они должны были чисто одѣваться, то предписано было давать нарядчикамъ по 30 р. въ годъ, а конюхамъ по 9, кромѣ положеннаго количества хлѣба.

Дѣти конюшенныхъ служителей въ волостяхъ учились читать и писать; по приказанію Волынскаго, каждому изъ нихъ отпускалось по два четверика ржи въ мѣсяцъ да на одежду тѣмъ, которые учатъ букварь—по рублю въ годъ, а которые на половину выучили псалтырь—по 2 р. Учителя получали штатное жалованье, но не болѣе, чѣмъ конюхи: въ подмосковныхъ волостяхъ—по 5 р., а въ прочихъ—по 3 р. въ годъ, 6 четвертей ржи да столько же овса.—Лучшая школа въ это время находилась въ подмосковномъ селѣ Хорошевѣ, гдѣ дѣти, въ числѣ 82 человѣкъ, обучались писать, ариѳметикѣ, геометріи и «нѣкоторой части архитектуріи». Кончившихъ курсъ въ этой школѣ опредѣляли въ конюшенную службу, «кто въ какой чинъ, по усмотрѣнію, будетъ способенъ», а на ихъ мѣста брали въ хорошевскую школу учениковъ изъ конюшенныхъ волостей, уже обученныхъ грамотѣ въ мѣстныхъ школахъ.

Указъ 1741 года относительно того, чтобы конюхи, взятые изъ крестьянъ конюшенныхъ волостей, были зачтены въ рекруты, былъ подтвержденъ и со вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы; впредь же предписано было не брать крестьянъ въ конюхи, а пополнять вакантныя мѣста дѣтьми конюшенныхъ служителей. Мы сейчасъ увидимъ, что этотъ указъ вовсе не былъ исполненъ.

Въ 1762 году было всего 9 казенныхъ конскихъ заводовъ— и на нихъ конюховъ 631 человѣкъ. Дѣтей ихъ, обучавшихся въ Москвѣ латинскому и нѣмецкому языкамъ, геодезіи, геометріи

и ариѳметикѣ, а въ волостяхъ—читать и писать, было 350 человѣкъ. Начинали учиться съ 6—8 лѣтъ.

Несмотря на указъ Елисаветы, конюховъ продолжали брать изъ конюшенныхъ крестьянъ, а между тѣмъ не всегда зачитали ихъ въ рекруты. Крестьяне домодѣдовской волости, недовольные опредѣленіемъ сената о незачетѣ взятыхъ изъ нихъ конюховъ, чрезъ выборныхъ отъ міра, подали въ 1763 году императрицѣ челобитную, въ которой они обвиняли своихъ управителей въ отягощеніи ихъ работами, разореніи и взяткахъ. Сенатъ, помня указъ императрицы Елисаветы 1743 года о томъ, чтобы не мѣшаться въ дѣла, относящіяся до двора, велѣлъ крестьянамъ обратиться съ жалобой на управителей къ оберъ-шталмейстеру Сумарокову. За подачу же прошенія государынѣ просители были наказаны плетьми.

Въ началѣ 1765 г., оберъ-шталмейстеръ князь Репнинъ нашелъ въ дѣлахъ конюшенной канцеляріи, что еще въ мартѣ 1763 года шталмейстеръ князь Гагаринъ докладывалъ императрицѣ о необходимости выключить изъ подушнаго оклада взятыхъ изъ крестьянъ конюховъ и мастеровыхъ. Тогда императрица изустно приказала сдѣлать это при третьей ревизіи; но хотя ея повелѣніе было записано въ конюшенной канцеляріи, но о немъ не было доведено до свѣдѣнія сената. Репнинъ вновь вошелъ съ докладомъ къ императрицѣ по этому предмету, ссылаясь на то, что крестьяне обременены платежомъ подушныхъ денегъ за взятыхъ изъ ихъ среды конюховъ; онъ просилъ также, чтобы для пополненія числа конюховъ дозволено было брать бобылей изъ конюшенныхъ волостей съ тѣмъ, чтобы, со времени опредѣленія ихъ въ службу до новой ревизіи, они сами платили подати изъ получаемаго ими жалованья, а при наступленіи новой ревизіи, ихъ исключили бы съ дѣтьми изъ подушнаго оклада. Императрица согласилась на это, и сенатъ оповѣстилъ, чтобы при третьей ревизіи это повелѣніе было исполнено.

Мѣра эта не была распространена на александровскій конюшенный заводъ, принадлежавшій самой государынѣ, и на починковскую волость, отданную на содержаніе лейбъ-гвардіи коннаго полка, въ которой крестьяне еще въ 80-хъ годахъ продолжали платить подати за набранныхъ изъ нихъ конюховъ.

Въ 1786 году, при уничтоженіи дворцовой конюшенной канцеляріи, когда конскіе заводы поручены были вѣдѣнію придворной конюшенной конторы, жалованье служителямъ было увеличено и нарядчики, стряпчіе, конюхи, при шатрахъ портные и

ставочники, кузнечные ученики и работники, всего 400 человѣкъ, должны были впредь получать по 12 руб. въ годъ.

Мы уже видѣли выше, что конюхи не имѣли земли да имъ и некогда было бы заниматься ея обработкой. Бывали, впрочемъ, случаи, когда они получали земельный надѣлъ. Такъ, въ костромскомъ намѣстничествѣ, въ селѣ Красномъ, жило двадцать душъ дворцовыхъ конюховъ, поверстанныхъ въ крестьянскій окладъ. У нихъ вовсе не было своей земли, а за ту, которую они арендовали, имъ приходилось платить по 29 рублей. Въ 1793 г. велѣно было черезъ три года отдать въ ихъ владѣніе безплатно одинъ островъ, на которомъ было 15 десятинъ покоса. Это надѣленіе землей объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что въ селѣ Красномъ, сколько извѣстно, не было конскаго завода и, слѣдовательно, конюхи, поселенные тамъ, не были нужны для постоянныхъ казенныхъ работъ.

VI.

Государевы крестьяне.—Ихъ происхожденіе и численность.—Село Измайлово въ XVII в.—Повинности государевыхъ крестьянъ.—Положеніе крестьянъ Бобриковской, Кіясовской и Богородицкой волостей и ихъ волненія.—Село Царское.—Уничтоженіе собственной вотчинной канцеляріи.—Государевы конюхи.—Безземельные саратовскіе крестьяне.—Волненія въ Коростинской волости.

Кромѣ дворцовыхъ вотчинъ, доходъ съ которыхъ шелъ на содержаніе дворцоваго вѣдомства, были еще имѣнія, принадлежавшія лично государю и другимъ членамъ царской фамиліи. При Петрѣ-Великомъ, въ 1712 году, именнымъ указомъ дворцовыя волости новгородскаго и псковскаго уѣздовъ были опредѣлены на обиходъ царя, царицы и царевны; прежніе дворцовые денежные и хлѣбные доходы и столовые запасы, которые съ нихъ собирались, приказано было вѣдать «въ тѣмъ волостямъ», а «другіе доходы, которые со всего государства положены», собирать въ петербургскую губернію. Когда въ 1721 году дворцовыя и конюшенныя деревни были соединены въ одно вѣдомство, подъ управленіемъ Баскакова, распоряженіе это не было распространено на тѣ деревни, которыя были «вѣдомы въ С.-Петербургѣ въ домѣ его царскаго величества, также и которыя приписаны къ дому ея в. государыни царицы Екатерины Алексѣевны».— Черезъ два года послѣ того была учреждена особая вотчинная канцелярія для завѣдыванія имѣніями императ. Екатерины подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ, а въ 1726 году императрица

приказала, чтобы это учрежденіе было подчинено кабинету и оставалось совершенно независимымъ отъ дворцовой канцеляріи. Въ слѣдующемъ году эта вотчинная канцелярія была уничтожена и подвѣдомственныя ей имѣнія отданы въ вѣдѣніе дворцовой канцеляріи.

Для каждой царевны были назначены опредѣленныя вотчины. Въ 1719 году, по смерти царевны Екатерины Алексѣевны, подмосковныя и новгородскія деревни, находившіяся въ ея владѣніи, были приписаны ко дворцу и отданы въ вѣдѣніе дьяку Волкову; а потомъ въ томъ же году было указано: «вотчины, которыя прежде опредѣлены были и приписаны къ комнатамъ..... царевенъ Екатерины Алексѣевны, Ѳеодосіи Алексѣевны, Маріи Алексѣевны въ новгородскомъ и въ псковскомъ и въ другихъ уѣздахъ, что̀ за ними было, судомъ и расправами и всякими сборами вѣдать стольнику Данилову». У царевны Прасковьи Ивановны были также свои вотчины и сохранились даже нѣкоторыя ея хозяйственныя распоряженія, къ которымъ мы еще вернемся. Въ 1731 году императрица Анна отдала во владѣніе своей сестры Екатерины Ивановны дворцовыя деревни въ новгородскомъ, псковскомъ и петербургскомъ уѣздахъ, всего 1,863 двора. Въ то же время и цесаревна Елисавета Петровна имѣла свои вотчины, которыя управлялись собственною ея вотчинною канцеляріею и вотчинною конторою. Изъ нихъ она надѣлила помѣстьями своихъ родственниковъ по матери—Скавронскихъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны былъ выдѣленъ также особый удѣлъ для наслѣдника престола великаго князя Петра Ѳеодоровича. Въ 1753 году дворцовыя подмосковныя села Люберицы и Островъ со всѣми принадлежащими къ нимъ деревнями были приписаны къ комнатѣ великаго князя и состояли при ней до тѣхъ поръ, пока указомъ 1763 года были по прежнему отчислены къ дворцовымъ волостямъ.

Въ царствованіе Петра III изъ государевыхъ вотчинъ было отдано во владѣніе императрицы Екатерины въ новгородскомъ уѣздѣ никольская тучевская волость съ приписными, въ которой было 3,847 душъ и рождественскій крестецкій погостъ—2,192 души; съ обоихъ имѣній собиралось доходу 3,130 рублей.

Изъ всего сказаннаго видно, что вотчины, находившіяся во владѣніи членовъ царской фамиліи, были выдѣлены первоначально изъ дворцовыхъ имѣній. Хотя по смерти того лица, которому онѣ были назначены, онѣ и возвращались иногда въ общій составъ дворцовыхъ имѣній, но это дѣлалось не всегда, а уже при Петрѣ Великомъ мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ

они сохраняютъ свою особенность подъ управленіемъ того или другого лица, назначеннаго государемъ. Такимъ образомъ постепенно образуется отдѣльная группа, которая не смѣшивается съ дворцовыми вотчинами и получаетъ особое названіе. Такое выдѣленіе совершилось уже, если не ранѣе, то по крайней мѣрѣ ко времени второй ревизіи, такъ какъ въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Вольтеру, особо отъ дворцовыхъ имѣній, упомянуты «крестьяне, принадлежащіе къ шкатулкѣ государыни». Между тѣмъ какъ въ первыхъ вотчинахъ было 418,000 душъ, ко второй группѣ принадлежало 60,500 душъ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ 1747 года эти послѣдніе названы крестьянами «собственныхъ ея и. в. вотчинъ». Ко времени же вступленія на престолъ Екатерины II, для нихъ выработывается терминъ «государевыхъ» крестьянъ; ихъ было тогда во всей Россіи 62,052 души. Если по третьей ревизіи ихъ оказалось всего 33,588 душъ, то это объясняется, во-1-хъ, тѣмъ, что, при вступленіи на престолъ Екатерины, изъ этихъ вотчинъ были произведены нѣкоторыя пожалованія; во-2-хъ, въ это число не вошли вотчины, находившіяся въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ, такъ какъ на эти мѣстности не распространялась ревизія; всего болѣе это объясняется тѣмъ, что государевы крестьяне бѣлгородской губерніи, которыхъ въ то время было болѣе 28,000 душъ, были въ ревизской вѣдомости почему-то показаны въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ [1]).

Изъ числа государевыхъ крестьянъ производились иногда пожалованія; при Петрѣ III изъ этого разряда вотчинъ было роздано 13,066 душъ, да въ первые годы царствованія Екатерины нѣсколько тысячъ душъ. За то количество этихъ имѣній увеличивалось иногда покупкою. Такъ, напр., при Екатеринѣ II была куплена въ 1774 году къ государевымъ вотчинамъ кіясовская волость, коломенскаго уѣзда, въ которой было около 4,000 душъ. Прикупались крестьяне и позднѣе. Кромѣ дворцовыхъ волостей, въ государевы вотчины обращались иногда и конюшенныя. Такъ, состоявшая во время третьей ревизіи въ вѣдомствѣ конюшенной канцеляріи богородицкая волость, 6,438 душъ, въ 70-хъ годахъ была отчислена отъ конюшеннаго вѣдомства, переименована въ вотчину императрицы, соединена съ бобриковскою волостью и, вмѣстѣ съ другими государевыми вотчинами, находилась подъ

[1]) Въ этой вѣдомости не были показаны также крестьяне петербургской губерніи, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что тамъ государю принадлежало село Царское, Рыбная слобода (Ропша была пожалована Григ. Орлову) и другія. По словамъ Озерецковскаго, пять погостовъ сердобольскаго уѣзда выборгской губ. были населены государевыми крестьянами.

главнымъ управленіемъ князя С. Гагарина; доходы съ нея шли на содержаніе графа Бобринскаго, которому она была пожалована при Павлѣ I. Какъ мы сказали уже, въ XVII вѣкѣ государевы вотчины не выдѣлились еще въ особую группу отъ дворцовыхъ имѣній, такъ что въ ихъ числѣ считалась даже старинная родовая вотчина Романовыхъ—село Измайлово. Но мы все-таки находимъ болѣе удобнымъ сказать о ней нѣсколько словъ въ этомъ отдѣлѣ, такъ какъ она болѣе, чѣмъ какая бы то ни было другая, могла носить названіе государевой.

Хозяйство въ селѣ Измайловѣ велось въ XVII вѣкѣ образцовымъ образомъ. Въ немъ разведены были большіе плодовые сады и аптекарскіе огороды, устроены пчельники, посажены тутовыя деревья и положено начало шелководству. Въ садахъ созрѣвали яблоки всевозможныхъ сортовъ, груши, сливы, вишни, даже грецкіе орѣхи; изъ ягодныхъ кустарниковъ росли барбарисъ, сереборинникъ (шиповникъ), смородина, крыжовникъ, малина, множество виноградныхъ лозъ; въ парникахъ дозрѣвали дыни и арбузы; разбито было много клумбъ и куртинъ съ цвѣтами. На перекресткахъ и по угламъ сада стояли живописныя бесѣдки; лѣтомъ въ саду висѣли клѣтки съ канарейками, соловьями и даже попугаями. На птичьемъ дворѣ, кромѣ лебедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія утки и другія рѣдкости изъ міра пернатыхъ; на скотномъ дворѣ насчитывалось сотни головъ рогатаго скота; въ старомъ звѣринцѣ водились олени, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки, держали даже живыхъ львовъ, тигровъ, барсовъ, бѣлыхъ медвѣдей.

Царь Алексѣй Михайловичъ часто посѣщалъ свою любимую подмосковную вотчину; нерѣдко онъ самъ присутствовалъ на работахъ, особенно во время посѣва ярового и озимаго хлѣба, который всегда начинался различными религіозными церемоніями: кропили поля освященною водою и т. под.

Работы производились тамошними крестьянами, а также вольнонаемными; во время жнитвы, однихъ наемныхъ жнецовъ бывало до 700 человѣкъ. На поляхъ были построены смотрильни (башни) для болѣе удобнаго наблюденія за работниками. Несмотря на привлеченіе къ полевымъ работамъ вольнонаемнаго труда, поддержаніе образцоваго хозяйства въ селѣ Измайловѣ ложилось тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Это всего лучше видно изъ слѣдующаго факта. Въ теченіи тринадцати лѣтъ, съ 1663 по 1676 годъ, въ село Измайлово съ приписанными къ нему деревнями было переселено изъ другихъ мѣстъ 664 семьи крестьянъ, а въ началѣ 1676 года ихъ оказалось на лицо только 183 двора,

а жители остальныхъ дворовъ разбѣжались. «А которые крестьяне и въ остаткѣ», читаемъ въ современномъ оффиціальномъ докладѣ, «и тѣ наготовѣ бѣжать мало не всѣ». Тяжелое положеніе крестьянъ не скрашивалось тѣмъ, что въ дни тезоименитства особъ царскаго семейства ихъ угощали передъ дворцомъ пивомъ и виномъ, а нищимъ раздавали щедрую милостыню. Хотя на душѣ, быть можетъ, было вовсе невесело, дѣвушки должны были по праздникамъ водить хороводы предъ государевыми хоромами и въ награду за то получали отъ царевичей и царевенъ пряники, куски маковой и орѣховой избоины или мелкія монеты.

По смерти царя Ѳедора Алексѣевича, вотчинникамъ села Измайлова сдѣлался братъ его царь Иванъ Алексѣевичъ, который часто пріѣзжалъ туда лѣтомъ съ своею женою Прасковьею Ѳедоровною и царевнами. По смерти Ивана Алексѣевича, царица Прасковья выбрала даже Измайлово своею постоянною резиденціею. По смерти ея это село стало пустѣть, его хозяйственныя заведенія перестали поддерживать. Петръ II, императрицы Анна и Елисавета ѣздили сюда только на охоту. При Елисаветѣ весь рогатый скотъ, бывшій въ Измайловѣ, перевелся отъ падежа, всѣ строенія оставлены безъ призора; десятинную пашню велѣно было раздать крестьянамъ съ наложеніемъ на нихъ денежнаго оброка.

Государевы крестьяне исполняли въ вотчинахъ своихъ владѣльцевъ барщинную работу и, кромѣ того, вносили нѣкоторые поборы натурою. Такъ, напр., въ 1726 году царевна Прасковья Ивановна съ крестьянъ своихъ вотчинъ собирала скотъ; въ указѣ управителю своего имѣнія она писала: «по отпискѣ твоей, заборовской волости у сгонщиковъ... принято въ домѣ нашемъ на прошлый 725 годъ по окладу сборныхъ съ крестьянъ: быковъ 7, барановъ 216; въ доимкѣ по отпискѣ 14 барановъ». Брали также и воскъ. Но уже и въ то время нѣкоторые сборы натурою были переведены на деньги. Въ указѣ, данномъ управителю въ томъ же году, царевна извѣщала, что принято деньгами за 31 гусь, 13 индѣекъ и 137 куръ всего 30 рублей. Нѣкоторые изъ крестьянъ, какъ видно, брались для услуженія въ домъ лицъ царской фамиліи. Думаемъ это на основаніи слѣдующихъ словъ царевны въ письмѣ къ своему управителю: «Красныхъ Станковъ прислана была дѣвка; за подводу зачесть пять рублевъ». На будущее время она подтверждала «хлѣбные и прочіе по окладу припасы и деньги сбирать съ крестьянъ и присылать къ намъ, не упустя времени, по срокамъ неотмѣнно, какъ о томъ въ указахъ нашихъ къ тебѣ писано, дабы за невысылкою твоею въ

оныхъ окладныхъ доходѣхъ всякихъ не постигло-бъ въ домѣ нашемъ какое въ чемъ недовольствіе». Не прошло и мѣсяца, какъ царевна шлетъ новый указъ тому же управителю: «по полученіи сего указу, конечно тебѣ, Калмыкову, собрать съ крестьянъ припасы самые добрые, а именно муку ржаную, солоды, крупы, мясо и масло, чтó надлежитъ по окладу, все безъ доимки, и выслать къ намъ въ Санпитербурхъ немедленно; такъ же и звѣри по окладу-жъ собрать самые добрые и прислать къ намъ немедленно».

При выпускѣ замужъ дѣвушекъ въ другія вотчины, взимались выводныя деньги. Такъ въ 1741 году въ Александровской слободѣ, находившейся тогда во владѣніи цесаревны Елисаветы Петровны, было взято за отпускъ въ замужство крестьянской дѣвушки выводныхъ и пошлинъ—2 р. 25 коп.

Изъ вѣдомости, представленной Екатеринѣ II, чрезъ нѣсколько дней по вступленіи ея на престолъ, видно, какъ велики были денежные доходы съ государевыхъ крестьянъ. Всего менѣе наложено было денежныхъ сборовъ на жителей малороссійскаго мѣстечка Понурницы: съ нихъ приходилось по 28 коп. съ души, съ подмосковной тайнинской волости—по 38 коп., съ села Ропши—по 44 коп., съ камарицкихъ волостей, сѣвскаго уѣзда,—по 60 коп., съ Александровской слободы, уѣзда Переяславля-Залѣсскаго,—по 66 коп., съ нѣсколькихъ волостей, именно въ мещовскомъ, пензенскомъ, саранскомъ, серпуховскомъ, нижегородскомъ и брянскомъ уѣздахъ и съ крестьянъ, живущихъ въ Саратовѣ, взималось по 1 р. 1 копѣйкѣ съ души, съ имѣнія въ Дерптскомъ дистриктѣ по 1 р. 72 копѣйки, съ новгородской коростенской волости—по 1 р. 76 к., съ ревельской мызы—по 2 р. 2 копѣйки. Кромѣ этихъ денежныхъ сборовъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ была казенная пашня и покосы, конскіе и другіе заводы, на которыхъ крестьяне исполняли извѣстныя работы. Такъ, напр., въ Александровской слободѣ, камарицкой волости сѣвскаго уѣзда, Малороссіи и Финляндіи были винокуренные заводы, съ которыхъ отъ 4 до 6000 ведеръ вина шло на дворцовый обиходъ, а остальное количество поступало въ продажу. Нѣкоторые крестьяне отпускались на оброкъ съ освобожденіемъ, разумѣется, отъ всякихъ другихъ поборовъ и работъ; такъ, мы знаемъ, что съ московскихъ, тайнинскихъ и александровскихъ оброчныхъ крестьянъ, которыхъ было 974 души, собиралось по 1 р. 24 коп., тогда какъ остальные крестьяне села Тайнинскаго и Александровскаго, неосвобожденные отъ натуральныхъ повинностей, платили гораздо менѣе; съ крестьянъ, выпущенныхъ съ копорскихъ вотчинъ на прежнія

жилища въ дворцовыя волости (72 души), собиралось даже по 3 р. 28 к. оброку.

Съ положеніемъ крестьянъ въ государевыхъ вотчинахъ въ первые годы царствованія имп. Екатерины II мы можемъ познакомиться изъ инструкціи, данной княземъ С. Гагаринымъ управителю одного изъ этихъ имѣній, именно села Бобриковъ (въ нынѣшней тульской губерніи).

Крестьяне въ этомъ имѣніи раздѣлялись на пашенныхъ и оброчныхъ [1]). Раскладка повинностей, какъ и вездѣ, производилась по тягламъ. Весною къ яровому посѣву управитель вмѣстѣ съ выборными крестьянскими властями долженъ былъ раскладывать убылыя тягла во всѣхъ деревняхъ на легкотяглыхъ и подростковъ, и смотрѣть, чтобы число тяголъ никогда не уменьшалось. На каждомъ мужѣ и женѣ должно было быть по тяглу, а на вдовыхъ и на холостыхъ отъ 15 лѣтъ, которые въ силѣ пахать и косить, по половинѣ тягла. Оброчные крестьяне должны были платить съ каждаго тягла по 5 руб. оброку, который они вносили половину въ мартѣ, а остальное въ декабрѣ; за то они уже не обработывали казенной пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые и были отданы имъ во владѣніе по числу тяголъ. Крестьяне же пашенные, не положенные на оброкъ, должны были вспахать съ тягла по три осминника (осминникъ—четверть десятины) казенной пашни въ каждомъ полѣ: посѣять, сжать и убрать въ гумно. Казенные луга должны были косить и убирать одни пашенные крестьяне. Кромѣ того, они ставили съ каждаго тягла по двѣ подводы въ годъ для отвоза продажнаго хлѣба въ Москву. Пашенные крестьяне должны были пахать и косить на государыню три дня въ недѣлю, а остальное время на себя. Казенныя строительныя работы, т.-е. строенія въ домѣ и гумнахъ, а также починку мельницъ предписано было «отправлять въ раздѣлъ по тягламъ пашеннымъ крестьянамъ, а чего раздѣлить невозможно, то посылать отъ трехъ тяголъ по одному человѣку, т.-е. чтобы два человѣка были на своей работѣ, а третій на казенной; а когда случатся большія работы, то посылать отъ двухъ тяголъ по одному человѣку, т.-е. чтобы одинъ былъ на своей работѣ, а другой на казенной». Вѣроятно, эти строительныя работы исполнялись не въ счетъ трехъ дней, назначенныхъ для барщины. Полевыя работы были точно опредѣлены въ инструкціи; предписано было, чтобы каждые 12 тяголъ унавозили десятину, причемъ на каждую слѣдовало положить по 400 вововъ навозу,

[1]) Нужно замѣтить, что въ этой государевой вотчинѣ были и дворовые.

слѣдовательно, по 25 возовъ на тягло. «А какъ унавозятъ, то на другой день приказать крестьянскимъ бабамъ весь разбить, а мужикамъ перепахать и заборонить, чтобы не высыхалъ, и землю, какъ подъ рожь, такъ и подъ яровой хлѣбъ, пахать одинъ разъ вдоль, а другой поперекъ». Точно опредѣлено было также, поскольку должно было высѣвать каждаго хлѣба на десятину. Кромѣ того, приказано было по всѣмъ деревнямъ завести казенные конопляники, обрыть ихъ рвами и осенью привезти на каждую десятину по 800 возовъ удобренія, которое слѣдовало возить «въ раздѣлъ, по чему на тягло достанется»; предписывалось, какъ должно вымочить и отрепать пеньку и т. под.

Съ пахатныхъ крестьянъ были еще особые сборы за столовые припасы въ слѣдующемъ размѣрѣ съ каждаго тягла: за барана—20 к., за полпуда свиного мяса—20 к., за курицу—2 к., за 20 яицъ—2 к., за два фунта коровьяго масла—6 к., за одинъ пудъ чистой пеньки—50 к.; слѣдовательно, всего собиралось въ годъ за столовые припасы по 1 р. съ тягла.

Подушныя подати взыскивались съ крестьянъ также по тягламъ; съ безтяглыхъ стариковъ и малолѣтнихъ, считая съ 12 лѣтъ, предписано было собирать особо, «учиня окладъ по приговору мірскому».

Что касается крестьянскаго хозяйства, то относительно его также даны были въ инструкціи точныя правила. Крестьяне, какъ пахатные, такъ и оброчные, должны были пахать на себя въ каждомъ полѣ по семи осьминниковъ ($1^3/_4$ десятины) да подъ огородъ и конопляникъ по одному осьминнику; слѣдовательно, одной пахатной и огородной земли они имѣли по пяти съ половиною десятины. Покосы велѣно было раздать по тягламъ пашеннымъ и оброчнымъ крестьянамъ, «по равному числу, чтобы одинъ передъ другимъ обиженъ не былъ». Въ инструкціи даны были точныя правила, какъ они должны унавоживать свои конопляники, какъ обрывать ихъ рвами, какъ мочить пеньку; «ежели жъ которые крестьяне въ показанное время пеньки мочить за лѣностію своею не будутъ, тѣмъ чинить наказаніе батожьемъ». Этой крестьянской пеньки собирали съ каждаго тягла по одному пуду въ счетъ сборовъ за «столовые припасы».

Бобриковскимъ имѣніемъ завѣдывалъ управляющій. Кромѣ того, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ жили крестьяне пашенные, были староста и выборный, а въ остальныхъ по одному десятскому. Ихъ выбирали на два года и давали имъ льготы «въ казенной пашнѣ, въ сгонной работѣ и въ подводахъ съ двухъ тяголъ»; а «доходы по окладу» и подушныя подати они должны были платить на

равнѣ съ прочими крестьянами. Они вели вѣдомости прихода и расхода казеннаго хлѣба и мірскихъ денегъ; эти счеты свидѣтельствовалъ управитель, и если оказывалась какая либо растрата, то съ выборныхъ немедленно взыскивали и, кромѣ того, наказывали ихъ батогами при мірскомъ сходѣ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя распоряженія инструкціи.

Велѣно было набрать 20 дѣвочекъ изъ дворовыхъ и изъ крестьянскихъ сиротъ и обучать ихъ прясть тонкую пряжу на самопрялкахъ, а восемь человѣкъ бобылей взять въ ткачи и обучить ткать полотна разныхъ сортовъ, скатерти и салфетки; для этого четырехъ изъ нихъ приказано было отдать въ Москву на фабрику, а четырехъ отправить въ Ярославль.

Велѣно было также завести школы и богадѣльни. Въ школу приказано было набрать шесть человѣкъ дѣтей изъ дворовыхъ или крестьянскихъ сиротъ и обучать ихъ русской грамотѣ, писать и ариѳметикѣ, «чтобы впредь годились для опредѣленія въ земскіе», богаделенъ должно было построить двѣ, мужскую и женскую, и содержать въ нихъ всего 30 человѣкъ; каждому давать по три четверти ржаной муки, разныхъ припасовъ по 4 четверика да на соль и платье—по рублю въ годъ.

Крестьянскимъ семьямъ запрещено было дѣлиться безъ разрѣшенія Гагарина. Запрещено было также женить дѣтей моложе 16 лѣтъ; если же кто нарушитъ это правило, то на такихъ новобрачныхъ велѣно было накладывать по цѣлому тяглу и взыскивать съ нихъ всѣ положенные доходы, хотя бы они и не могли исполнять всякой работы. Гагаринъ надѣялся такимъ образомъ отъучить крестьянъ отъ раннихъ браковъ.—За вѣнечныя памяти, по указу, съ крестьянъ сбирали съ первобрачнаго—по 24 коп., да на отвозъ этихъ денегъ по 6 коп., а съ второбрачнаго вдвое. Деньги долженъ былъ отвозить къ поповскому старостѣ земскій (писарь) и брать отъ него вѣнечныя памяти.

Этимъ имѣніемъ государыни управлялъ нѣкто Опухтинъ, съумѣвшій пріобрѣсти неограниченную довѣренность князя Гагарина. Болотовъ говоритъ, что онъ прямо не разорялъ крестьянъ, но наживался и «набивалъ себѣ карманы плутовскою отдачею въ наймы многихъ десятинъ излишней земли, введеніемъ множества разорительныхъ кабаковъ и прочими такими тайными уловками».

Въ 1774 году въ коломенскомъ уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, было куплено для государыни новое имѣніе, кіясовская волость, около 4,000 душъ, за 120,000 рублей, которые были выплачены серебряною монетою. Она была также отдана въ вѣдѣніе С. В. Гагарина, которому императрица поручила прику-

пать деревни и земли у смежныхъ съ нею владѣльцевъ и купчія брать на свое имя. Управителемъ этой волости былъ назначенъ Болотовъ. При вступленіи въ должность онъ созвалъ крестьянъ, прочелъ имъ «послушный указъ» отъ ихъ прежней госпожи, княгини Бѣлосельской, потомъ поздравилъ ихъ съ новою «и столь знаменитою помѣщицею» и совѣтовалъ вести себя хорошо, такъ какъ они теперь «собственные крестьяне самой государыни и гораздо преимущественнѣе всѣхъ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ». Увѣщаніе вести себя лучше было очень кстати, такъ какъ крестьяне села Кіясовки нерѣдко попадались въ воровствѣ, и дошло до того, что никто изъ проѣзжихъ не смѣлъ ночевать въ этомъ селѣ. Болотовъ энергически принялся за исправленіе ихъ нравственности; онъ жестоко наказалъ перваго же крестьянина, пойманнаго въ кражѣ яблокъ, и объявилъ, что то же будетъ и съ другими, если они не уймутся.

Въ это время въ Москвѣ и окрестныхъ мѣстахъ всюду ожидали Пугачова. Какъ-то разъ произошла ложная тревога и въ Кіясовкѣ было получено требованіе снарядить изъ крестьянъ нѣсколько такъ называемыхъ «улановъ» и отправить ихъ въ Коломну. При этомъ ясно высказалось сочувствіе народа къ Пугачову. Снарядивъ своихъ улановъ, Болотовъ уговаривалъ ихъ драться хорошенько, напомнилъ имъ, кому они теперь принадлежать и, обратясь къ самому ражему и бойкому изъ всѣхъ, сказалъ: «вотъ такому какъ бы не драться, одинъ десятерыхъ можетъ убрать».

— Да!—отвѣчалъ тотъ,—сталъ бы я бить свою братью! А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье.

«Дуракъ! что ты это мелешь!» закричалъ Болотовъ, но побоялся тутъ же наказать его, а только записалъ его имя. За то, говоритъ Болотовъ, «ему досталось послѣ того ловко за сіе на лапу; ибо какъ случилось ему въ чемъ-то проперститься и надобно было его наказывать, то припомнилъ я ему сіи слова и поутроилъ ему за нихъ наказаніе».

Тревога оказалась пустая, и «уланы» черезъ три дня возвратились домой.

Болотовъ и послѣ того неумолимо продолжалъ самое суровое преслѣдованіе воровства. «Я скоро увидѣлъ,—говоритъ онъ,— что добромъ и ласковыми словцами и не только увѣщаніями и угрозами, но и самыми легкими наказаніями тутъ ничего не сдѣлаешь, а *надобно было неотмѣнно употреблять всѣ роды жестокости*.... Итакъ,—продолжаетъ онъ,—сколько я сначала ни

философствовалъ и ни наказывалъ ихъ, будучи самъ въ спокойномъ духѣ и смѣючись, но удальцы сіи скоро начали и самого меня такъ раздражать, что я иногда *доходилъ до сущихъ глупостей и разсерживался до изступленія*». Такъ, разъ къ нему привели двухъ воровъ, воровавшихъ и пойманныхъ вмѣстѣ, но при допросѣ никакъ нельзя было согласить ихъ показанія: одинъ говорилъ одно, другой — другое; какъ ни уговаривалъ онъ ихъ показывать правду, но тѣ оставались при своемъ. Тогда Болотовъ велѣлъ попеременно сѣчь ихъ, и сѣкъ болѣе часа, но безуспѣшно, и только при жесточайшемъ истязаніи ихъ въ третій разъ онъ добился толку.—Еще былъ вотъ какой случай. Увидѣли двухъ человѣкъ, ворующихъ муку на мельницѣ, но захватили только одного, а другой ускользнулъ и за темнотой его нельзя было признать. Нужно было добиться отъ пойманнаго, кто воровалъ вмѣстѣ съ нимъ. Тотъ, несмотря на показаніе трехъ свидѣтелей, увѣрялъ, что онъ кралъ одинъ; сѣченіе не помогало, хотя Болотовъ принимался за него нѣсколько разъ. Наконецъ, истязуемый повинился и показалъ на одного изъ крестьянъ. Такъ какъ тотъ запирался, то его также подвергли тѣлесному наказанію, но онъ продолжалъ энергически отрицать свое участіе въ этомъ дѣлѣ, и дѣйствительно свидѣтели подтвердили, что онъ не похожъ на скрывшагося. Когда пойманнаго вора высѣкли за это еще разъ, онъ показалъ на другого крестьянина, но и это оказалось ложью. Послѣ новаго наказанія онъ повинился, что оклеветалъ послѣдняго напрасно, мстя ему за какую-то обиду, и указалъ на третьяго, но опять ложно. Такъ онъ назвалъ пять человѣкъ, и за каждое ложное показаніе былъ вновь наказываемъ. Тогда Болотовъ, боясь, чтобы его «*непомѣрнымъ сѣченіемъ не умертвить*», вздумалъ испытать надъ нимъ особое средство, которое просто-на-просто было пыткой. Онъ велѣлъ скрутить ему руки и ноги и, бросивъ въ жарко-натопленную баню, насильно накормилъ его соленою рыбою, а затѣмъ, приставивъ строгій караулъ, не велѣлъ давать ему пить, пока онъ не скажетъ правды. Мученія жажды заставили, наконецъ, преступника назвать того, кто дѣйствительно воровалъ вмѣстѣ съ нимъ. Тогда Болотовъ придумалъ для нихъ обоихъ весьма оригинальное наказаніе: онъ велѣлъ, раздѣвъ ихъ до-нага, вымазать дегтемъ и водить по всему селу; всѣхъ жителей выгналъ на улицу смотрѣть на эту процессію, а мальчишкамъ велѣно было кричать: воры, воры! и кидать въ нихъ грязью. Кромѣ того, Болотовъ пригрозилъ всему селу, что если воровство будетъ продолжаться, то онъ назначитъ ка-

раульщика съ каждыхъ трехъ дворовъ, которые должны будутъ отвѣчать за всѣ покражи, и замучить ихъ караулами [1]).

Мы подробно разсказали эту исторію, чтобы показать, какою огромною властію располагали управители въ имѣніяхъ «столь знаменитой помѣщицы», къ какимъ жестокимъ наказаніямъ и даже пыткѣ прибѣгали они! И это дѣлалъ Болотовъ, человѣкъ довольно образованный! Что же было въ другихъ мѣстахъ?

Въ волости, гдѣ управлялъ Болотовъ, вмѣсто прежняго издѣлья или господской пашни, крестьяне были положены на оброкъ, но все-таки была оставлена казенная запашка въ 140 десятинъ. Эта земля была раздѣлена на семь полей, изъ которыхъ одно засѣвалось рожью, два яровыми хлѣбами, три оставлялось подъ паръ, а седьмое распахивалось и засѣвалось озимыми хлѣбами. Вся остальная земля была роздана крестьянамъ. Полевыя работы производились слѣдующимъ образомъ: всю волость раздѣлили на 40 частей или вытей (такъ-какъ въ волости было около 4,000 душъ, то, слѣдовательно, на выть приходилось около 100 душъ) и опредѣлили, чтобы съ каждой выти было по одному работнику съ лошадью или пѣшему, смотря по надобности; работники эти должны были смѣняться понедѣльно. Если же они не успѣвали сработать всего, что̀ было нужно, то остальное додѣлывали вольнонаемные или свои же крестьяне по особымъ нарядамъ за опредѣленную плату.—Оброкъ въ той волости, гдѣ управлялъ Болотовъ, былъ назначенъ по 6 руб. съ тягла, т.-е. съ мужа и жены, такъ-какъ эта волость была подмосковная, а въ богородицкой волости (въ тульскомъ уѣздѣ), которою управлялъ Опухтинъ, по 4 рубля.

Возвратившись изъ Москвы, послѣ казни Пугачова (1775 г.), на которой онъ присутствовалъ, Болотовъ объявилъ распоряженіе князя Гагарина объ установленіи шести-рублеваго оброка. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того предъ его крыльцомъ появилась толпа крестьянъ человѣкъ до 100 изъ одного изъ селъ управляемой имъ волости. Когда Болотову донесли, что они видимо чѣмъ-то недовольны и что предводительствуетъ ими крестьянинъ Романъ, котораго онъ считалъ «наивеличайшимъ сутягой, сварливѣйшимъ и негоднѣйшимъ человѣкомъ во всей волости», то «сердце его затрепетало, какъ голубь». Приказавъ нѣсколькимъ отставнымъ

[1]) Для прекращенія лѣсныхъ пожаровъ, Болотовъ прибѣгъ также къ рѣшительной мѣрѣ. Узнавъ, что ребятишки, пастіе скотъ, разводятъ огни на муравьиныхъ кучахъ, а отъ этого разгораются сухіе древесные листья, онъ пересѣкъ ихъ всѣхъ какъ правыхъ, такъ и виноватыхъ, послѣ чего, по его словамъ, пожары прекратились.

солдатамъ, бывшимъ въ его распоряженіи, приготовиться къ отпору, онъ вышелъ на крыльцо и спросилъ крестьянъ, чего они хотятъ.

— Къ тебѣ-ста пришли, — закричалъ Романъ, а за нимъ и вся толпа.

— Это я и безъ того вижу, но зачѣмъ такимъ?

— А вотъ зачѣмъ, — закричало нѣсколько голосовъ, — велишь ты платить намъ оброка по шести рублей съ тягла.

— Ну, что-жъ такое?

— Съ чего-жъ ты это взялъ?

— Какъ съ чего? Князь такъ приказалъ.

— Да, какъ бы не князь! Да для чего другіе государевы крестьяне платятъ меньше, да и въ богородицкой волости платятъ только по четыре рубля съ тягла, а мы что за грѣшные, что съ насъ больше?

— Этого я не знаю, а воля на то князя да и самой государыни.

— Какъ-бы не такъ,—отвѣчалъ Романъ:—ты думаешь, что мы тому и повѣримъ. Государыня не знаетъ о томъ и не вѣдаетъ, а это все твои довести, и ты самъ хочешь денежками нашими набить себѣ карманы.

— Ахъ, ты, бездѣльникъ! — закричалъ Болотовъ:—какъ ты смѣешь со мною такъ говорить?

— Мы не бездѣльники, — отвѣчало множество голосовъ, а Романъ, подскочивъ къ крыльцу, крикнулъ:

— Что-жъ ты за бояринъ, чтобъ не смѣть съ тобой и говорить! Ну, такъ знай же, что мы твоего приказа не слушаемъ, словамъ твоимъ не вѣримъ и такого оброка платить не хотимъ и никакъ не станемъ.

— Что это вы, дурачье, затѣяли? бунтовать, что ли, вы хотите? За это передерутъ васъ всѣхъ кнутьями! Да для чего малинскіе, кіясовскіе и покровскіе ни слова не говорятъ и повинуются приказанію княжому?

— Вольно имъ, но мы того не хотимъ, — отвѣчали крестьяне, а Романъ, подбѣжавъ къ крыльцу, крикнулъ:

— Ну, не хотимъ, не хотимъ; это все твои плутни, не слушаемъ!

Болотовъ не вытерпѣлъ, выругался непечатно и пригрозилъ Роману. Но не успѣлъ онъ еще договорить своихъ словъ, какъ тотъ, вскочивъ на крыльцо, выбранилъ его такимъ же образомъ и со словами: «бить, что ли, меня хочешь, такъ тебѣ не удастся, и кому еще Богъ поможетъ», подбѣжалъ къ Болотову и уже

протянулъ руку, чтобы схватить его за воротъ и тащить съ крыльца. Болотовъ окончательно струсилъ, а домашніе его, сбѣжавшіеся къ окну и смотрѣвшіе на все это препирательство, подняли отчаянный крикъ. Но тутъ выскочилъ отставной солдатъ и такъ толкнулъ Романа, что тотъ полетѣлъ съ крыльца, а въ это время выбѣжало еще нѣсколько солдатъ, выхватили свои шпажёнки и, отведя Болотова въ сторону, загородили входъ на крыльцо съ угрозою разрубить всякаго, кто подойдетъ ближе. Крестьяне примолкли; Болотовъ приказалъ схватить Романа и предложилъ крестьянамъ, если они ему не вѣрятъ, выбрать между собою двухъ или трехъ человѣкъ, послать ихъ въ Москву къ князю Гагарину, чтобы онъ имъ подтвердилъ, что оброкъ назначенъ самой государыней. Крестьяне тотчасъ выбрали двухъ депутатовъ, а Романа Болотовъ приказалъ отвести въ земскую избу и караулить его тамъ, пока выборные возвратятся изъ Москвы. Солдаты схватили его, заткнули ротъ платкомъ, чтобы онъ не кричалъ и надѣли ему на ноги огромныя колодки. Крестьяне разошлись до домамъ, а Болотовъ немедленно отправилъ князю донесеніе обо всемъ случившемся.

Когда выборные явились къ нему въ Москву, Гагаринъ не преминулъ сдѣлать на нихъ «превеликій окрикъ» и увѣрилъ ихъ, что оброкъ наложенъ по волѣ самой государыни, отъ которой онъ получилъ на это именное повелѣніе. Потомъ онъ сказалъ имъ, что всѣ они за свою дерзость и неповиновеніе достойны величайшаго наказанія, ихъ слѣдовало бы всѣхъ наказать кнутомъ или по-крайней-мѣрѣ сдать въ солдаты дѣтей всѣхъ бывшихъ въ заговорѣ съ Романомъ, и что онъ непремѣнно и сдѣлаетъ это, если впредь осмѣлятся повторить что-нибудь подобное. А на этотъ разъ онъ приказалъ послать ихъ всѣхъ на казенную работу безъ очереди, а Романа наказать нещадно плетьми, подтвердивъ ему, что если онъ впредь рѣшится сдѣлать что-нибудь подобное, то будетъ отданъ подъ судъ какъ мятежникъ и возмутитель по всей строгости законовъ. Подписавъ ордеръ объ этомъ, князь велѣлъ прочесть его выборнымъ и грозилъ, если они не прекратятъ ослушаніе, пересѣчь ихъ всѣхъ и еще болѣе увеличить оброкъ. Волненіе прекратилось, а Романъ былъ наказанъ плетьми, причемъ онъ не испустилъ ни малѣйшаго крика, и затѣмъ былъ отпущенъ въ деревню. Но онъ не присмирѣлъ, какъ другіе, а задумалъ отмстить князю. Услышавъ, что дворъ прибылъ изъ Петербурга въ Москву, онъ рѣшился подать жалобу на него и Болотова самой государынѣ. Такъ-какъ за его поведеніемъ присматривали, то, какъ только онъ проболтался, Болотову тотчасъ

же донесли. Романъ нѣсколько дней съ-ряду ѣздилъ къ знакомому ему дьячку для составленія челобитной и, наконецъ, потихоньку отправился въ Москву. Болотовъ тотчасъ же далъ знать князю съ нарочнымъ, которому и было поручено разыскивать Романа, и потому, какъ только тотъ показался около дворца, его немедленно схватили и представили Гагарину. У него нашли челобитную, наполненную жалобами на самого князя. Скованнаго по рукамъ и по ногамъ, его отослали къ Болотову, а тотъ отправилъ его въ Коломну съ требованіемъ отъ имени князя, чтобы его немедленно сослали на поселеніе въ Сибирь, что̀ и было исполнено.

Въ 1776 году Болотовъ сдѣлался управителемъ богородицкой волости, въ которой было до 20,000 д. крестьянъ; подъ его надзоръ поступило теперь и село Бобрики, съ инструкціей для управленія котораго, данной въ 1763 году Гагаринымъ, мы познакомились выше; впрочемъ, Бобриками Болотовъ управлялъ при посредствѣ своего помощника. Въ Богородицкѣ находилась завѣдывавшая волостью управительская канцелярія. Въ ней было трое служащихъ и до десяти человѣкъ писцовъ. Помѣщеніе канцеляріи состояло изъ трехъ комнатъ: въ одной изъ нихъ сидѣли служащіе, въ другой—стояло нѣсколько большихъ сундуковъ съ деньгами и письменными дѣлами; денежный сундукъ охранялъ часовой, стоявшій подлѣ него съ обнаженнымъ тесакомъ; наконецъ, въ третьей комнатѣ, такъ-называемой судейской, стоялъ столъ, крытый краснымъ сукномъ; на немъ зерцало и нѣсколько книгъ.

Въ Богородицкѣ былъ довольно большой госпиталь, съ комнатами для аптеки и для надзирателей [1]). Подлѣ находился особый домъ для лекаря, а по обѣимъ сторонамъ два флигеля, гдѣ жили лекарскіе ученики и другіе госпитальные служителя. Однако волостные крестьяне мало лечились въ немъ: по словамъ Болотова, они «боялись и бѣгали его, какъ огня», и готовы были скорѣе умереть безъ всякаго призора, нежели отправиться туда. Больные, которыхъ тамъ нашелъ Болотовъ, были, по бо̀льшей части, посторонніе, присланные для леченія сосѣдними помѣщиками [2]).

Въ Богородицкѣ былъ также запасной хлѣбный магазинъ,

---

1) Госпиталь былъ и въ Кіясовкѣ; туда присланъ былъ знающій лекарь, нѣмецъ.

2) Въ концѣ 80-хъ годовъ, когда богородицкая волость состояла подъ главнымъ надзоромъ директора экономіи Давыдова, онъ велѣлъ вдвое уменьшить цѣну госпитальной порціи. Это, разумѣется, не могло содѣйствовать привлеченію народа въ госпиталь.

который, при вступленіи въ должность Болотова, былъ полонъ хлѣба.

Въ городѣ Богородицкѣ по субботамъ бывалъ торгъ, на который съѣзжалось много народа. Поэтому, по издавна заведенному порядку, въ этотъ день собирались въ канцелярію изъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ей селъ и деревень старосты и бурмистры, а вмѣстѣ съ ними и всѣ тѣ, кому была нужда о чемъ-либо просить или на кого-либо принести жалобу. Поэтому, съ ними должны были пріѣзжать и всѣ отвѣтчики. Жалобы и просьбы разбирались и, по возможности, удовлетворялись, а виновныхъ наказывали въ присутствіи старосты. Тогда же старосты получали приказаніе, сколько нужно нарядить на будущую недѣлю конныхъ и пѣшихъ работниковъ.

Поэтому въ первую субботу, по вступленіи Болотова въ должность, къ нему явились съ поклономъ всѣ старосты и бурмистры, съ различными приношеніями. Они навалили такую кучу хлѣбовъ и окороковъ, а иные калачей и рыбы, что хватило на нѣсколько недѣль для прокормленія всѣхъ людей, пріѣхавшихъ съ Болотовымъ [1]). Затѣмъ новый управитель вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, произнеся при этомъ старостамъ рѣчь, съ увѣщаніемъ жить мирно и спокойно.

И здѣсь Болотовъ скоро принялся строго преслѣдовать воровъ. На первыхъ же порахъ онъ наказалъ плетьми пономаря, пойманнаго съ поличнымъ, не обращая вниманія на то, что онъ подлежалъ духовному суду. Пономарь жаловался и дѣло доходило до архіерея, но Болотовъ успѣлъ его убѣдить, что онъ заботился о пользѣ самого пономаря, котораго и отъучилъ воровать. Для искорененія воровства на ярмаркѣ, бывавшей лѣтомъ, Болотовъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ, которую употреблялъ уже въ Кіясовкѣ. Онъ велѣлъ раздѣть до-нага перваго вора, пойманнаго съ поличнымъ, вымазалъ его дегтемъ и приказалъ водить по всей ярмаркѣ; передъ нимъ несли шестъ, наверху котораго были привязаны украденные имъ платки.

Уничтоживъ воровство, Болотовъ задумалъ искоренить драки между крестьянами, которыми обыкновенно оканчивалась всякая перебранка. Онъ запретилъ мужикамъ самовольную расправу и велѣлъ каждому обиженному заявлять старостѣ или бурмистру, что онъ поѣдетъ въ слѣдующую субботу въ городъ—жаловаться управителю, и староста долженъ былъ отправить виновнаго на

---

[1]) Крестьяне, жившіе въ самомъ Богородицкѣ, приходили на поклонъ съ такими же приношеніями еще въ самый день пріѣзда Болотова.

судъ. Тѣ же, которые будутъ отвѣчать обидчику бранью или побоями, не только не получатъ никакого удовлетворенія, но и сами еще будутъ наказаны. Заявивъ свою волю черезъ старостъ всѣмъ крестьянамъ, Болотовъ дѣлалъ потомъ такимъ образомъ. Если оказывалось, что обиженный не утерпѣлъ и выругалъ или побилъ обидчика, то онъ, безъ всякаго дальнѣйшаго разбора, наказывалъ обоихъ, смотря по тому, какъ велика была ссора и драка. Если же кто изъ просителей исполнилъ все, какъ было приказано, въ такомъ случаѣ, «безъ дальнихъ околичностей», онъ предавалъ виновнаго на волю обиженнаго имъ, дозволяя, въ присутствіи самого управителя, всѣхъ старостъ и другихъ крестьянъ, дѣлать съ нимъ все, что онъ захочетъ: бранить, бить по щекамъ, таскать за волосы и бороду—или даже, раздѣвъ обвиненнаго, положивъ на полъ и сѣвъ ему на голову, сколько вздумается сѣчь его плетью или розгами. Случалось, что все это дѣйствительно приводилось въ исполненіе, и тогда, присутствовавшій при этомъ, Болотовъ говаривалъ подвергавшемуся истязаніямъ, чтобъ онъ не у него просилъ помилованія, а у того, кого онъ обидѣлъ. Но чаще виновный кланялся въ ноги обиженному, просилъ прощенія и дѣло кончалось миромъ. Вслѣдствіе этой мѣры, крестьяне перестали тревожить Болотова своими жалобами и виновные, не доводя дѣла до управителя, выпрашивали у обиженныхъ прощенія.

Вообще, Болотовъ постоянно употреблялъ въ дѣло самыя суровыя наказанія; по его собственнымъ словамъ, онъ иногда наказывалъ «жестоко». Онъ не перестал дѣйствовать такъ и послѣ того, когда наказанный имъ плетьми слесарь серьёзно захворалъ и сильно напугалъ этимъ Болотова, который боялся, чтобы онъ не умеръ и не надѣлалъ ему большихъ хлопотъ.

Не менѣе безцеремонно обращались съ крестьянами и высшіе начальники. Молодой князь Гагаринъ, смѣнившій отца въ завѣдываніи вотчинами, допрашивая однажды богородицкихъ старостъ, билъ ихъ тростью по головамъ и обстригъ имъ бороды. Преемникъ его въ надзорѣ за богородицкою волостью, директоръ экономіи Давыдовъ, однажды пересѣкъ крестьянъ двухъ деревень: однихъ за то, что, послѣ переселенія на новое мѣсто, они дурно строились, а другихъ за то, что въ пьяномъ видѣ передрались до крови.

Молодой князь Гагаринъ былъ уволенъ отъ управленія государевыми волостями въ 1783 году, послѣ чего надворъ за богородицкою волостью, какъ мы уже упоминали, былъ порученъ тульскому директору экономіи Давыдову, подъ присмотромъ туль-

скаго намѣстника М. Н. Кречетникова. Тогда началось самое безцеремонное расхищеніе казеннаго и крестьянскаго имущества. До того времени въ волостномъ запасномъ магазинѣ хранилось нѣсколько десятковъ тысячъ четвертей. Давыдовъ, получивъ право имъ распоряжаться, забиралъ не только для себя по нѣскольку сотъ четвертей, подъ видомъ займа и продажи, но и раздавалъ въ огромномъ количествѣ своимъ друзьямъ и знакомымъ, отъ которыхъ, по бóльшей части, не было никакой надежды получить что-нибудь обратно. Въ 1788 году за Давыдовымъ числилось уже до 2,500 четвертей разнаго хлѣба. Точно также растрачивалъ онъ деньги, собранныя съ богородицкой волости. Въ богородицкихъ прудахъ тамошніе крестьяне должны были цѣлыми днями ловить для него рыбу и т. п.

Кромѣ полевыхъ работъ, богородицкіе крестьяне должны были работать, и въ садахъ, гдѣ Болотовъ, поощряемый тульскимъ намѣстникомъ, устраивалъ всевозможныя затѣи. Въ 1785 году, Кречетниковъ разрѣшилъ нанимать вольнонаемныхъ работниковъ для садовыхъ работъ, а также велѣлъ назначать на нихъ провинившихся въ чемъ-нибудь волостныхъ крестьянъ. Кромѣ того, онъ приказалъ набрать десятка два обнищавшихъ и одинокихъ крестьянъ и образовать изъ нихъ нѣчто въ родѣ дворовыхъ, которые, получая казенное содержаніе, употреблялись бы на работу ежедневно. Болотовъ набралъ дворовыхъ, которыхъ тамъ называли бобылями; они получали мѣсячину и жалованье и употреблялись на работы въ садахъ и при домѣ до 1795 года, когда они были распущены новымъ директоромъ экономіи—Дуровымъ, который нашелъ, что содержаніе ихъ стóитъ слишкомъ дорого. Однако ни провинившихся крестьянъ, ни бобылей не хватало, чтобы выполнить всѣ затѣи Кречетникова и Болотова въ богородицкихъ садахъ, и потому приходилось назначать конныхъ и пѣшихъ работниковъ изъ крестьянъ, хотя, по словамъ самого Болотова, эти работы были для нихъ «не малымъ отягощеніемъ». Кромѣ того, крестьяне иногда по нѣскольку дней съ-ряду чинили плотины на богородицкихъ прудахъ. Наконецъ, они частенько ставили подводы при разъѣздахъ служащихъ лицъ.

Безцеремонное расхищеніе Давыдовымъ хлѣба изъ запаснаго магазина, а также обремененіе крестьянъ садовыми работами— вызвали среди нихъ сильныя неудовольствія въ 1787 году, когда, вслѣдствіе страшнаго неурожая, они сами чувствовали недостатокъ въ хлѣбѣ, а между тѣмъ запасный магазинъ оказался почти пустымъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ Давыдова въ ихъ волость, крестьяне заявили ему, что они умираютъ съ голода, и требовали,

чтобы онъ снабдилъ ихъ хлѣбомъ изъ магазина. Они укоряли его въ томъ, что онъ роздаетъ запасный хлѣбъ постороннимъ, тогда какъ они сами нуждаются, и жаловались, что они измучены на работахъ. Болотовъ подтвердилъ Давыдову, что имъ дѣйствительно не хватаетъ хлѣба.

Когда на другой день пріѣхалъ въ Богородицкъ Кречетниковъ, крестьяне жаловались ему на обремененіе работами въ садахъ и на то, что имъ даютъ слишкомъ мало хлѣба изъ запаснаго магазина, и просили назначить имъ другого управителя. Намѣстникъ приказалъ не посылать болѣе крестьянъ на садовыя работы, — однако это приказаніе послѣ того иногда нарушалось. Что же касается недостатка хлѣба въ запасномъ магазинѣ, то только тутъ Кречетниковъ узналъ о продѣлкѣ Давыдова отъ Болотова, который прежде, боясь лишиться мѣста, прикрывалъ плутни своего ближайшаго начальника.

Однако и на этотъ разъ Кречетниковъ не принялъ никакихъ энергическихъ мѣръ. Вообще его надзоръ за богородицкою волостью ограничивался тѣмъ, что онъ поощрялъ Болотова въ украшеніи богородицкихъ садовъ разными замысловатыми выдумками или самъ придумывалъ слѣдующія мѣры. Приказавъ Болотову раздѣлить управляемыя имъ волости на нѣсколько равныхъ частей и выбрать въ каждой части бурмистровъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи по нѣскольку селъ и деревень и чинилъ надъ крестьянами судъ и расправу, онъ велѣлъ одѣть этихъ бурмистровъ въ платье особаго покроя, сшитое изъ малиноваго сукна, и снабдить ихъ особыми поясами, шапками и даже начальническими жезлами. Кречетниковъ придумалъ также мальчиковъ, учившихся въ школѣ грамотѣ, обучать игрѣ на разныхъ духовыхъ и струнныхъ инструментахъ, для чего и былъ приглашенъ капельмейстеръ.

Въ то время, какъ богородицкіе крестьяне были недовольны Болотовымъ, бобриковская волость жаловалась на его помощника, что онъ беретъ взятки. Жалоба оказалась справедливою, и Болотову пришлось, распекши его, заставить удовлетворить всѣхъ обиженныхъ.

Что касается Давыдова, то онъ сохранялъ свое мѣсто до 1789 года, когда былъ перемѣщенъ въ другую губернію.

Недовольство крестьянъ своими управителями не прекратилось послѣ 1787 года, и черезъ четыре года послѣ того въ богородицкой волости едва не началось волненіе. Изъ распоряженій преемника Давыдова, директора экономіи Дурова, упомянемъ только, что въ 1795 году онъ уничтожилъ волостную бо-

гадельню, и обрадовалъ такою пріятною новостью жившихъ въ ней бѣдныхъ стариковъ и старухъ въ самый день Пасхи.

Сверхъ оброка, государевы крестьяне, какъ и всѣ другіе, платили еще въ казну подушныя подати, по 70 коп. съ души. Въ петербургской губерніи, другіе крестьяне, вмѣсто подушныхъ, ставили фуражъ на конногвардейскій полкъ, но государевы крестьяне этой губерніи, въ числѣ 3,096 душъ, были освобождены отъ этой повинности. Въ 1750 году, императрица Елисавета предписала собственной вотчинной канцеляріи крестьянъ села Царскаго, слободъ Кузьминой, Пулковой и Новославянской съ деревнями, освободить отъ сбора доходовъ въ вотчинную канцелярію, а вмѣсто того они должны были исполнять разныя работы въ селѣ Царскомъ. Вскорѣ послѣ того они были освобождены отъ поставки фуража на конную гвардію и накопившаяся на нихъ недоимка была сложена. Въ 1764 г. импер. Екатерина приказала, чтобы и съ крестьянъ Рыбной слободы не взыскивали фуража, такъ какъ она принадлежитъ къ Царскому Селу.

Въ инструкціи, данной въ 1764 году, управителю села Царскаго Удолову не было опредѣлено, какъ много работы можно требовать отъ крестьянъ; Удолову велѣно было поступать, «смотря по надобности и по времени», но такъ, чтобы не отягощать ихъ въ теченіи времени, необходимаго для полевыхъ работъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ Удоловъ долженъ былъ докладывать государынѣ.

До 1765 года центральными органами управленія государевыми вотчинами были собственная вотчинная канцелярія въ Петербургѣ и контора ея въ Москвѣ. Но въ этомъ году вотчинная канцелярія была присоединена къ дворцовой канцеляріи, составивъ въ ней особую экспедицію, а контора ея въ Москвѣ— къ дворцовой конторѣ. Членъ бывшей вотчинной канцеляріи, Удоловъ, долженъ былъ присутствовать въ дворцовой канцеляріи [1]).

Эта мѣра подала впослѣдствіи поводъ Храповицкому польстить императрицѣ такимъ образомъ: «Ваше Величество по правиламъ, вами принятымъ, не имѣете ничего собственнаго, ибо собственныя вотчины причислили къ дворцовымъ и потомъ обще съ экономическими и государственными отдали въ вѣдомство директоровъ экономіи, на удовлетвореніе надобностей государства,

[1]) Но въ томъ же году императрица приказала, чтобы по управленію селомъ Царскимъ онъ находился подъ непосредственнымъ ея вѣдѣніемъ и чтобы дворцовая канцелярія не вмѣшивалась ни въ какія его распоряженія, такъ какъ онъ долженъ давать отчетъ только самой государынѣ.

да и деревни, купленныя у графа К. Г. Разумовскаго и прочихъ, поступили въ то же управленіе».

Но уничтоженіе собственной вотчинной канцеляріи и соединеніе ихъ съ дворцовыми въ вѣдомствѣ одного центральнаго учрежденія вовсе не имѣетъ такого значенія, какое имъ придалъ Храповицкій. Самое подчиненіе государевыхъ вотчинъ дворцовой канцеляріи оказалось совершенно номинальнымъ. Мы сейчасъ видѣли, что управитель села Царскаго, Удоловъ, былъ избавленъ отъ всякаго подчиненія дворцовой канцеляріи. Князь С. В. Гагаринъ и его сынъ, повидимому, также вовсе отъ нея не зависѣли. Различіе между государевыми и дворцовыми крестьянами хорошо сознавалось современниками, такъ что, напр., Георги, путешествовавшій по Россіи въ 1772—74 гг., дѣлая классификацію казенныхъ крестьянъ, ставитъ тѣхъ и другихъ въ различныя рубрики, прибавляя при этомъ, что доходъ съ государевыхъ крестьянъ идетъ въ пользу членовъ царской фамиліи. Впослѣдствіи, государевы вотчины дѣйствительно были поручены надзору директоровъ домоводства, но это еще не значитъ, чтобы доходы съ нихъ шли на потребности государства, точно также, какъ и оброкъ съ дворцовыхъ крестьянъ шелъ исключительно въ пользу дворцоваго вѣдомства, а не на другія государственныя нужды.

Мы видѣли, что въ государевыхъ вотчинахъ были не только крестьяне, но и дворовые. Къ числу дворовыхъ слѣдуетъ отнести и конюшенныхъ служителей, съ ихъ дѣтьми, при государевомъ конюшенномъ заводѣ въ Александровѣ (съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія—городъ владимірской губерніи). По третьей ревизіи они, въ числѣ 138 душъ, были положены въ подушный окладъ. До 1773 года подушныя деньги за нихъ вносила дворцовая канцелярія, а послѣ того не платилъ никто. Въ 1785 г. конюшенная канцелярія возбудила вопросъ о томъ, чтобы не класть ихъ въ подушный окладъ, такъ какъ они изстари служатъ конюхами и никогда не были крестьянами.

Александровскіе конюхи не имѣли земли. Ея не было также и у государевыхъ крестьянъ, жившихъ въ Саратовѣ. Еще въ 1751 году сенатъ приказалъ отвести имъ землю для поселенія и пашни изъ свободныхъ земель за саратовскимъ округомъ, но жившіе тамъ дворцовые крестьяне этого не допустили и они оставались въ прежнемъ положеніи до 1765 года, когда императрица приказала дворцовой канцеляріи переселить ихъ въ другія государевы вотчины.

При обзорѣ быта государевыхъ крестьянъ при Екатеринѣ II,

мы видѣли, что у нихъ было не мало поводовъ для волненій и на нѣкоторыя изъ нихъ мы имѣли уже случай указать. Теперь намъ остается прибавить, что было еще волненіе, одновременно съ Пугачевщиною, въ государевой коростинской вотчинѣ (новгородской губерніи). Сиверсъ, въ донесеніи объ этомъ императрицѣ, приводитъ его въ связь именно съ волненіемъ, охватившимъ Поволжье, но тутъ же упоминаетъ о томъ, что имѣніе это поручено было въ управленіе Елагину, который хотѣлъ испытать тамъ другую систему хозяйства. Вспомнивъ проектъ Елагина о преобразованіи дворцовыхъ вотчинъ, поданный императрицѣ въ въ 1766 году, мы можемъ съ большою вѣроятностію предположить, что онъ получилъ разрѣшеніе сдѣлать тамъ опытъ примѣненія своихъ взглядовъ. Если такъ, то понятно, что желаніе его коренньмъ образомъ измѣнить народный бытъ, разрушить общину, ввести какую-то искусственную семью, наконецъ, увеличить налоги—неминуемо должно было вызвать волненіе. Тогда-то, вѣроятно, въ высшей степени опасный для народнаго благосостоянія проектъ Елагина и былъ окончательно сданъ въ архивъ.

Изъ всего, сказаннаго нами о государевыхъ крестьянахъ, видно, что ихъ нужно строго отличать отъ дворцовыхъ: тогда какъ послѣдніе платили при Екатеринѣ вездѣ одинаковый оброкъ, возросшій въ ея царствованіе до трехъ рублей, государевы крестьяне платили различные и болѣе высокіе оброки, исполняя при томъ и нѣкоторыя работы. Извѣстно, что Екатерина говорила въ наказѣ о пятирублевомъ оброкѣ, какъ о страшномъ притѣсненіи, а между тѣмъ въ то же самое время въ ея собственной бобриковской волости сбирался именно такой оброкъ, а нѣсколько позже, съ крестьянъ ея кіясовской волости взыскивалось и по шести рублей. Управители въ государевыхъ вотчинахъ распоряжались крестьянами почти самовластно и иногда подвергали ихъ всевозможнымъ истязаніямъ. Такимъ образомъ, государевы вотчины составляли какъ-бы переходъ отъ государственныхъ крестьянъ къ крѣпостнымъ. Но правительство всегда считало населеніе ихъ казенными крестьянами [1]).

---

[1]) Это видно, напр., изъ того, что въ 1777 году, предъ открытіемъ тульскаго намѣстничества, крестьянамъ богородицкой волости велѣно было выбрать 12 кандидатовъ, для назначенія изъ нихъ засѣдателей въ нижнюю расправу и земскій судъ, какъ это должны были сдѣлать однодворцы, а также казенныя и экономическія селенія.

VII.

Сокольи помытчики. — Ихъ положеніе въ до-петровскую эпоху. — Обложеніе подушною податью. — Организація промысла на сѣверѣ. — Замѣна рекрутской повинности денежною. — При Екатеринѣ помытчики остаются въ прежнемъ положеніи. — Обращеніе въ дворцовыхъ крестьянъ при Александрѣ I.

Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ любимыхъ увеселеній московскихъ царей была соколиная охота; но едва ли многіе знаютъ, что ею любила тѣшить себя и императрица Екатерина II. Этотъ фактъ для насъ тѣмъ интереснѣе, что для удовлетворенія этой страсти существовала особая группа крестьянъ, обязательно занимавшаяся добываніемъ ловчихъ птицъ и поставкою ихъ ко двору русскихъ государей. Крестьянъ этихъ мы встрѣчаемъ не только въ до-петровскій періодъ нашей исторіи, но и въ теченіи всего XVIII вѣка. Они разъѣзжали по самымъ недоступнымъ берегамъ Ледовитаго океана, разыскивая самыхъ рѣдкихъ птицъ, проводили на ловлѣ время, необходимое для хлѣбопашества, и все это для того, чтобы доставить возможность государю нѣсколько разъ въ годъ поѣхать на соколиную охоту. Познакомимся съ этимъ отдѣломъ нашихъ крестьянъ, которые составляли совершенный анахронизмъ въ эпоху Екатерины II.

Еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ наши князья любили охотиться съ ловчими птицами; для этого служили соколы, кречеты и ястребы. Объ охотѣ съ соколами упоминается и въ поученіи Владиміра Мономаха, и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Ловля кречетовъ изстари производилась на сѣверѣ Россіи. Изъ одной грамоты конца XIII или начала XIV вѣка видно, что новгородцы ходили прежде для добыванія кречетовъ на Терскую сторону, но уже Александръ Невскій выговорилъ себѣ исключительное право посылать туда своихъ охотниковъ. Иванъ Калита пріобрѣлъ такое же право на Печорскую сторону.

Ловля кречетовъ производилась тогда ватагами, т.-е. артелями, во главѣ которыхъ стоялъ ватаманъ. На Терскую сторону при Андреѣ Александровичѣ выговорено было право ходить тремъ ватагамъ, а въ Печорскій край при Иванѣ Даниловичѣ ходило до двадцати сокольниковъ. Помытчики были избавлены отъ дани и повинностей, не давали подводъ и корма властямъ; даже тѣ, кто служилъ у нихъ по найму, пользовались тѣми же правами. При отвозѣ птицъ къ великому князю, помытчики имѣли право брать безплатно подводы и кормъ. Сокольи ватаги состояли не только изъ помытчиковъ, какъ особаго сословія съ спеціальными

правами и обязанностями, но и изъ лицъ, промышлявшихъ съ ними по найму, за деньги (наймиты) и изъ доли (третники).

Московскіе великіе князья и цари оказывали особое покровительство соколиному промыслу, принявшему вполнѣ характеръ регаліи; птицы, добываемыя помытчиками, высоко цѣнились при дворѣ, такъ какъ онѣ употреблялись для любимой охоты и разсылались въ подарокъ къ иностраннымъ дворамъ. Извѣстно, что особенно любилъ соколиную охоту царь Алексѣй Михайловичъ, который даже самъ написалъ для нея уставъ. Въ подарокъ соколы посылались, въ XVII вѣкѣ, турецкому султану, шаху персидскому, а также западно-европейскимъ государямъ.

Въ какомъ положеніи были помытчики въ XVI вѣкѣ, видно, напр., изъ того, что переяславскіе сокольники, по жалованной грамотѣ, полученной ими въ 1507 году отъ великаго князя Василія Ивановича, были освобождены отъ юрисдикціи переяславскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ, кромѣ «душегубства и вобчихъ (общихъ) дѣлъ»; они избавлены были отъ всѣхъ поборовъ, подводной и постойной повинности, дачи проводниковъ и безплатной дачи кормовъ. Они не тянули съ черными людьми и съ жителями города Переяславля «ни въ какія проторы, ни въ разметы», кромѣ ямского и городового дѣла и посошной службы; судомъ подвѣдомы были только великому князю и его сокольничему, и притомъ ихъ можно было вызывать въ два срока въ году [1]).

Въ подобномъ же положеніи находились и сокольи помытчики пинежскаго волока. По грамотамъ 1591 и 1634 гг. они также были избавлены отъ постойной и подводной повинностей, дачи проводниковъ и кормовъ; судились они выбираемыми ими земскими судьями, кромѣ душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ, а въ искахъ на нихъ—самимъ вел. княземъ или его дворецкимъ.

Въ XVII вѣкѣ двинскіе помытчики должны были ежегодно ставить ко двору по 50 кречетовъ, за которыхъ изъ казны имъ платили по 2 рубля, а за красныхъ—по 3 р.; за недолѳвъ же каждой птицы взыскивали по 10 рублей. Привозить птицъ въ Москву они должны были сами; для ловли же ихъ приходилось ходить на мурманскій берегъ и къ Пустоверскому острогу.

Ловля и содержаніе соколовъ и кречетовъ ложилась бреме-

[1]) При Василіѣ Шуйскомъ, въ 1606 году, привилегіи переяславскихъ сокольниковъ были не только подтверждены, но еще и расширены: къ суду вел. князя они могли быть вызваны только одинъ разъ въ годъ; что же касается податей и повинностей, то они были вполнѣ освобождены отъ нихъ, даже и отъ посошной службы.

немъ не на однихъ только помытчиковъ. Въ XVI и XVII вв. сокольники имѣли право брать въ деревняхъ куръ и голубей для прокормленія соколовъ. При Петрѣ В. сокольники и кречетники, служившіе за опредѣленное жалованье на семеновскомъ потѣшномъ дворѣ въ Москвѣ, разсылались въ различныя мѣста Россіи для ловли воронокъ, голубей и галокъ; воронки нужны были на потѣшномъ дворѣ для обученія кречетовъ, а галки и голуби— на кормъ соколамъ. При отправкѣ съ этою цѣлью сокольниковъ въ началѣ XVIII вѣка изъ преображенскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго находились они, такъ же какъ и сокольи помытчики, обыкновенно посылался указъ съ предписаніемъ въ волости дворцовыя и принадлежащія духовенству, чтобы, куда пріѣдутъ эти сокольники и ястребники, «имъ отводить постоялые крестьянскіе дворы, а какъ станутъ тѣхъ птицъ ловить и воронники вновь ставить и старые починивать, и въ томъ... крестьянамъ чинить имъ... вспоможеніе, давать работныхъ людей, сколько человѣкъ пристойно, и ихъ сокольниковъ и ястребниковъ поить и кормить, и государевымъ лошадямъ, которыя съ ними будутъ, давать кормъ, сѣно и овесъ, чѣмъ имъ быть сытымъ, и на прикормку воронкамъ давать мясища». Наловленныхъ птицъ сокольники должны были отсылать на крестьянскихъ подводахъ на потѣшный дворъ въ Москву. Обыкновенно посылалось для этой ловли шесть человѣкъ. Такъ было сдѣлано и въ 1724 году; на основаніи разосланнаго при этомъ указа сокольники могли по прежнему брать у крестьянъ кормъ для себя и лошадей, но въ немъ уже не упоминалось ни объ обязанности крестьянъ помогать имъ, ни объ отправленіи птицъ въ Москву на крестьянскихъ подводахъ.

Возвратимся однако къ помытчикамъ, жившимъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Со введеніемъ подушнаго оклада и они не избѣгли обложенія. Въ 1723 г. было велѣно тѣхъ помытчиковъ и ихъ дѣтей, которые имѣютъ земли, считать наравнѣ съ однодворцами и, при расположеніи полковъ, класть на ряду съ прочими въ подушный окладъ. Мѣра эта вызвала жалобы со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ. Переяславскіе сокольи помытчики въ поданной ими царю челобитной указывали на то, что однодворцы имѣютъ пашенныя земли, крестьянъ и разныя оброчныя статьи, чѣмъ и могутъ прокармливаться, у нихъ же нѣтъ земель и они не получаютъ никакого жалованья. Они жаловались на то, что, при взысканіи подушныхъ податей, ихъ днемъ бьютъ на правежѣ, а къ ночи сажаютъ въ тюрьму и вслѣдствіе этого «въ полевомъ сидѣньѣ для сокольи ловли сидѣть стало

некому». Они просили освободить ихъ отъ подушнаго оклада и рекрутскихъ наборовъ, но просьба ихъ уважена не была.

Ловля кречетовъ на сѣверѣ Россіи организована была такимъ образомъ. Помытчики раздѣлялись на артели или ватаги; при каждой изъ нихъ находились ватащики. Ватащики вмѣстѣ съ крестьянами своей ватаги составляли товарищество, которое не только сообща занималось промысломъ, но имѣло и общій капиталъ [1]), въ составъ котораго входили тѣ деньги, которыя выдавались ежегодно помытчикамъ казною. Изъ нихъ производились всѣ затраты, какихъ требовалъ кречатій промыселъ: починка судовъ, покупка снастей и другихъ орудій производства, прокормленіе помытчиковъ во время промысла, заготовка саней съ кибитками, войлокомъ, рогожами и веревками для отвоза птицъ въ Москву, наконецъ, расходы на кормъ во время пути.

Такимъ образомъ, весь оборотный капиталъ артели шелъ изъ казны.

Въ нынѣшней архангельской губерніи состояли въ помытчикахъ черносошные крестьяне холмогорскаго уѣзда, которыхъ при Петрѣ В. было 70 человѣкъ; впослѣдствіи число ихъ уменьшилось до 34 душъ. Въ 1724, 1725 и 1727 годахъ каждый изъ помытчиковъ получалъ жалованье по 5 рублей, а въ 1726 и 1728 по 2 рубля, да, кромѣ того, деньги на кормъ птицамъ, путевые припасы и прогоны. Жалованье вѣроятно шло исключительно на покрытіе всѣхъ расходовъ при ловлѣ птицъ; оно не соразмѣрялось съ числомъ пойманныхъ кречетовъ; въ вознагражденіе же за трудъ помытчики получали особую плату.

Они отправлялись на ловъ птицъ при наступленіи постоянной хорошей лѣтней погоды на двухъ прочно-устроенныхъ судахъ. Одно изъ нихъ шло на мурманскій берегъ, а другое на зимній и терскій берега. Суда эти или строились самими ватагами, или покупались на казенный счетъ, или, наконецъ, брались въ аренду на лѣто. По окончаніи лова, осенью, помытчики возвращались бóльшею частію въ Архангельскъ, а иногда въ Холмогоры. Во второмъ городѣ ихъ свидѣтельствовалъ бурмистръ, а въ первомъ губернская канцелярія, и затѣмъ они отправлялись въ Москву на семеновскій потѣшный дворъ. За недоловъ птицъ съ нихъ взыскивалось за каждую недостающую до указаннаго числа по 10 рублей. Лишнее же противъ назначеннаго числа не при-

---

[1]) По крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно вывести изъ одной долговой росписки 1693 года, въ которой значится, что крестьянинъ „занялъ у кречатьихъ помытчиковъ у Ивана Трифонова съ товарищами артели его 8 человѣкъ — 4 р. съ залишкою".

нималось и не могло быть оставлено на рукахъ помытчиковъ, слѣдовательно, переловъ запрещался.

Птицъ отправляли въ Москву въ декабрѣ и январѣ. Для этого нарочно заготовляли большія сани и въ каждыя изъ нихъ сажали не болѣе 2—3 птицъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ отъ тѣсноты они ломали себѣ крылья. Помытчикамъ на каждыхъ двухъ человѣкъ давалась подвода.

Въ 1731 году сенатъ приказалъ двинскимъ кречатьимъ помытчикамъ доставлять ежегодно въ Москву по 20 кречетовъ и 30 челиговъ кречатьихъ. При этомъ имъ увеличена была плата за птицъ, такъ что впредь они должны были получать за кречетовъ цвѣтныхъ—по 6 руб., простыхъ—по 5 р., за челиговъ цвѣтныхъ—по 4, за простыхъ—по 3 рубля. Но за то они должны были принять теперь на свой счетъ всѣ расходы при ловлѣ и доставкѣ птицъ въ Москву: на строеніе и починку судовъ и всякихъ снастей, на покупку провіанта, саней и т. под. Половина этихъ денегъ выдавалась помытчикамъ, когда они отправлялись на ловлю, а остальное—по доставленіи птицъ въ Москву. Тамъ отъ нихъ принимали только опредѣленное число птицъ; въ 1731 году имъ было позволено свободно продавать пойманныхъ, сверхъ того, сколько было назначено.

Добываніе кречетовъ представляло немалыя опасности и потому бывали случаи, что помытчики гибли на морѣ; а какъ какъ, кромѣ того, часть ихъ отвлекалась отъ этого промысла исполненіемъ рекрутской повинности, то уменьшеніе ихъ числа должно было вредно отозваться на его успѣшности. Такъ, напр., изъ жалобы кречатьихъ помытчиковъ двинскаго уѣзда видно, что, между тѣмъ какъ по ревизіи ихъ считалось 85 душъ, къ 1731 году изъ нихъ умерло, потонуло на морѣ и наконецъ было взято въ рекруты 28 душъ. Поэтому правительство признало необходимымъ перевести отправленіе помытчиками рекрутской повинности на деньги. Прежде всего эта мѣра была принята въ 1739 году относительно сокольихъ помытчиковъ города Ростова, въ слѣдующемъ году—Переяславля-Залѣсскаго, а въ 1743 году—двинскихъ кречатьихъ помытчиковъ. Тогда съ просьбою о томъ же обратились къ правительству и помытчики вологодскаго уѣзда, комельской трети, указывая на то, что между тѣмъ какъ по первой ревизіи ихъ числится 197 душъ, вслѣдствіе смерти, сдачи въ рекруты и обращенія въ бѣгство многихъ изъ нихъ, ихъ осталось только 73, которымъ приходится платить подати и отправлять рекрутчину за всѣ ревизскія души; да къ тому же и соколовъ съ нихъ требуютъ прежнее количество. Вслѣдствіе этого

они пришли «въ самую нищету и оскудѣніе». Сенатъ разрѣшилъ имъ не ставить рекрутъ, а платить за нихъ деньгами. Наконецъ, въ 1748 году эта мѣра была распространена на всѣхъ помытчиковъ.

По поводу жалобъ вологодскихъ помытчиковъ на свое тяжелое положеніе, сенатъ обратился къ учрежденной въ 1742 году оберъ-егермейстерской канцеляріи, въ вѣдѣніе которой поступили всѣ крестьяне, занимавшіеся ловлею кречетовъ и соколовъ, съ запросомъ, сколько всего числится помытчиковъ и дѣйствительно ли всѣ они по прежнему нужны для ловли птицъ. Канцелярія отвѣчала, что ихъ числится 868 душъ и что всѣ они нужны, такъ какъ птицы употребляются не только для охоты государыни, но и отправляются въ подарки при посольствахъ [1]).

А между тѣмъ въ дѣйствительности, со времени вступленія на престолъ Анны Ивановны, соколиная охота была почти совсѣмъ оставлена, и только Екатерина II вновь возобновила ее — потому ли, что она ей нравилась или, быть можетъ, даже изъ политическаго разсчета: желая придерживаться русскихъ національныхъ обычаевъ, она могла считать для себя полезнымъ возобновить старинную потѣху московскихъ царей. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 1763 года, во время пребыванія въ Москвѣ, она забавлялась иногда охотой съ соколами и кречетами. Тогда же она объявила, что вообще рано весною будетъ охотиться съ птицами. Поэтому оберъ-егермейстеръ С. Нарышкинъ немедленно же отправилъ одного изъ лучшихъ кречетниковъ въ Вѣну учиться тамъ ранней выдержкѣ ловчихъ птицъ. При вѣнскомъ дворѣ содержалось по 100 птицъ, но сами тамошніе фальконеры признавали, что онѣ уступаютъ въ достоинствѣ русскимъ. Въ царствованіе Екатерины, вслѣдствіе выраженнаго ею желанія охотиться, ко двору требовались птицы лучшей породы, напр., кречеты бѣлые и бѣлокрапчатые. Для пріобрѣтенія ихъ, по распоряженію архангельскаго губернатора Головкина, было куплено въ Архангельскѣ большое судно, чтобы на немъ могли ходить вмѣстѣ двѣ ватаги на самый далекій сѣверъ: на Шпицбергенъ, на Новую Землю и къ Сибири. Но если и была попытка ловить птицъ въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ, то вѣроятно она была неудачна, такъ какъ въ послѣдующее время ватага продолжала посѣщать только мурманскій, терскій и зимній берега.

---

[1]) Помытчики жили въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ архангельской провинціи ихъ было 66 душъ, въ вологодской—333, въ казанской губерніи—98, въ ярославской провинціи—63, въ бѣлоозерской—148, суздальской—29, въ Ростовѣ—64, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ—63, въ Коломнѣ—4. Свѣдѣнія эти были представлены въ 1748 году.

Вслѣдствіе небольшого числа архангелогородскихъ помытчиковъ и чтобы пріобрѣсти птицъ въ бо́льшемъ количествѣ и лучшихъ породъ, оберъ-егермейстерская канцелярія предписала ежегодно посылать на помощь первымъ по 60 человѣкъ вологодскихъ сокольихъ помытчиковъ, раздѣляя ихъ на двѣ ватаги. Но скоро это распоряженіе было измѣнено: вмѣсто 60 отправлено было только 20, а наконецъ, въ 1778 году вологодскіе сокольники и вовсе были освобождены отъ посылки въ Архангельскъ, и имъ велѣно было ловить птицъ въ своихъ мѣстахъ, гдѣ по грамотамъ приказано.

Оживленіе соколиной охоты при Екатеринѣ II подало надежду сокольимъ помытчикамъ нѣсколько измѣнить къ лучшему свое положеніе. Такое желаніе заявили по крайней мѣрѣ переяславскіе помытчики, которые издавна добивались права заниматься торговлею. Еще при Петрѣ В., указывая на то, что у нихъ нѣтъ никакой пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ и другихъ угодій и что они занимались ловлею, бывали «въ полевомъ сидѣньи», весною отъ Благовѣщенья до Петрова дня, а осенью съ Ильина дня до Покрова и даже болѣе, помытчики эти жаловались, что переяславскіе посадскіе запрещаютъ имъ заниматься торговлею, вслѣдствіе чего въ 1717 году было предписано въ торговлѣ имъ не препятствовать съ уплатою только опредѣленныхъ пошлинъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ какъ имъ, такъ и ростовскимъ помытчикамъ было запрещено торговать на основаніи магистратскаго регламента и именного указа Петра В. Переяславскіе сокольи помытчики не разъ начинали хлопотать о разрѣшеніи заниматься торговлею, но сенатъ разрѣшалъ это не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ они записались въ купечество и въ то же время исполняли и соколиную службу. Терпя нужду вслѣдствіе полнаго безземелья, они не могли успокоиться на такомъ рѣшеніи, и потому при проѣздѣ императрицы Екатерины II черезъ Переяславль въ 1763 году подали ей челобитную.

Императрица приказала сенату разсмотрѣть ихъ просьбу и онъ вновь отказалъ имъ въ правѣ торговли. Недовольная такимъ рѣшеніемъ, императрица написала генералъ-прокурору Глѣбову: «для чего сокольникамъ отказано отъ сената торговать въ силѣ имъ данной жалованной грамоты, когда татарамъ и казанскимъ ямщикамъ дозволено въ силѣ такихъ же грамотъ».

Оберъ-егермейстерская канцелярія также была озабочена съ своей стороны улучшеніемъ быта помытчиковъ. Въ 1765 году Нарышкинъ подалъ императрицѣ докладъ, въ которомъ, заявляя, что они «пришли въ такую скудость, что не только надлежащаго,

но и прежняго малаго числа птицъ едва-ль могутъ чинить приносы», онъ предлагалъ архангелогородскихъ помытчиковъ снабжать деньгами для снаряженія судовъ, заготовленія провіанта и на прогоны, для бѣлозерскихъ и переяславскихъ возобновить ихъ жалованныя грамоты, ростовскимъ дозволить торговать наравнѣ съ переяславскими и т. под. Императрица, считая себя пристрастною въ рѣшеніи этого вопроса, такъ какъ она любила заниматься соколиною охотою, поручила разсмотрѣть эти предложенія сенату. На представленіи Нарышкина она написала слѣдующую любопытную резолюцію: «симъ докладомъ бывъ побуждена имѣть попеченіе о своемъ весельи, чтó нечасто бываетъ, отдаю сенату на разсужденіе возобновленіе отнятыхъ привилегій сокольнихъ помытчиковъ и прочія представленія оберъ-егермейстера. Признаюсь, что въ семъ случаѣ за пристрастьемъ сама не разсматриваю».

Сенатъ не во всемъ согласившись съ Нарышкинымъ, въ докладѣ, поднесенномъ императрицѣ, предложилъ слѣдующее: 1) всѣмъ помытчикамъ, хотя бы и записаннымъ въ посадъ, по прежнему исполнять свои обязанности; 2) архангельскимъ — возвысить плату за птицъ вдвое противъ прежняго, а относительно помытчиковъ остальныхъ городовъ оберъ-егермейстерская канцелярія должна сдѣлать новое положеніе, примѣняясь къ архангелогородскимъ; 3) записавшимся въ посадъ — пользоваться относительно торговли равными правами съ купцами, а потому и службы нести съ ними на-ряду; 4) всѣ помытчики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены постоянныя квартиры для полковъ, должны быть свободны отъ постоевъ, но проходящіе полки могутъ у нихъ останавливаться.

Докладъ былъ представленъ императрицѣ, однакоже прошло нѣсколько лѣтъ, а онъ все оставался неутвержденнымъ: по всей вѣроятности, императрица была недовольна рѣшеніемъ сената. Въ 1773 году въ проектъ штата оберъ-егермейстерской канцеляріи было включено такое постановленіе: для ловли кречетовъ быть помытчикамъ въ Казани, Свіяжскѣ, Козьмодемьянскѣ, Чебоксарахъ, Кокшайскѣ, двинскимъ и вологодскимъ; а для ловли соколовъ: въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, въ Ростовѣ и Ярославлѣ, которымъ и остаться въ вѣдомствѣ оберъ-егермейстерской канцеляріи, а симбирскихъ, коломенскихъ, бѣлозерскихъ и суздальскихъ всего 211 душъ обратить въ число дворцовыхъ крестьянъ. Предполагалось дозволить помытчикамъ торговать какъ купцамъ. Но императрица приказала оставить помытчиковъ впредь до разсмотрѣнія на прежнемъ основаніи.

Относительно уплаты податей помытчики при Екатеринѣ II были почему-то въ довольно неравномъ положеніи. Тѣ изъ нихъ, которые жили въ казанской губерніи, вовсе не платили податей, такъ какъ у нихъ не было земли. Большинство остальныхъ вносили только семигривенныя подушныя деньги, а помытчики двинскаго уѣзда платили подати, по крайней мѣрѣ въ 70-хъ годахъ, наравнѣ съ черносошными крестьянами, т.-е., кромѣ подушныхъ, и двухрублевый оброчный сборъ.

Въ началѣ 80-хъ годахъ, при производствѣ четвертой ревизіи, вновь поднятъ былъ вопросъ о помытчикахъ, которыхъ въ то время было 1,079 душъ. Сенатъ пришелъ къ мысли, что необходимо сравнять ихъ относительно уплаты податей съ остальными крестьянами, а нужныхъ для царской охоты птицъ закупать по вольной цѣнѣ. Но когда сенатъ спросилъ на этотъ счетъ мнѣнія оберъ-егермейстерской канцеляріи, то она возстала противъ этого проекта. Она находила, что помытчики очень нужны, такъ какъ государыня «изволитъ жаловать птичьею охотою веселиться», и для этого изъ принесенныхъ въ Москву птицъ самыя лучшія доставляются въ Петербургъ. Покупать же ихъ канцелярія находила невозможнымъ: помытчики, съ давняго времени занимаясь ихъ ловлею, пріобрѣли въ этомъ большую опытность; они отправляются отъ Архангельска моремъ на судахъ даже до норвежскихъ острововъ и живутъ тамъ по году, а сухимъ путемъ ѣздятъ въ исетскую провинцію и далѣе, знаютъ время вылета птицъ, ихъ породы и мѣста, гдѣ онѣ водятся. Внутри же Россіи кречетовъ нигдѣ не отыскивается, а ловятся только соколы и ястребы, которые во время царскихъ охотъ употребляются только «при лучшихъ птицахъ, а одни желаемаго увеселенія сдѣлать не могутъ».

Однако сенатъ не убѣдился этими доводами въ необходимости помытчиковъ и въ 1784 году предложилъ, сравнявъ ихъ въ уплатѣ податей съ остальными крестьянами, дозволить всѣмъ и каждому ловить и приносить этихъ птицъ ко двору для продажи. Но, не ожидая отъ императрицы скораго рѣшенія по этому вопросу, сенатъ прибавилъ въ докладѣ, что до полученія ея резолюціи онъ предпишетъ обложить сокольихъ помытчиковъ однимъ подушнымъ окладомъ. И дѣйствительно отвѣта никакого не было, и помытчики оставались во все царствованіе Екатерины въ прежнемъ положеніи.

Только при Александрѣ I бытъ большинства изъ нихъ радикально измѣнился. Государь приказалъ въ 1800 году находя-

щихся въ разныхъ губерніяхъ сокольихъ помытчиковъ обратить въ дворцовые крестьяне, обложивъ ихъ податьми и подчинивъ вѣдомству казенныхъ палатъ наравнѣ съ прочими казенными поселянами; причемъ велѣно было снабдить землею тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ ея не было. Кречатьихъ же помытчиковъ казанской губерніи, въ числѣ 102 душъ, велѣно было оставить на прежнемъ основаніи. Мы нигдѣ не могли найти свѣдѣній объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ, но безъ сомнѣнія они также вошли со временемъ въ составъ дворцовыхъ крестьянъ.

Василій Семевскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

Три стихотворенія

I.

ВЕСНОЙ.

Родная глушь, я полюбилъ тебя!
Какъ блудный сынъ, усталый и печальный
Подъ отчій кровъ, бѣжавъ чужбины дальней,
Убогъ и нищъ душой, вернулся я.
И ты меня, простивши, пріютила,
Съ участьемъ теплымъ улыбнулась мнѣ,
И для другихъ нѣмая, какъ могила,
Мнѣ рѣчь любви шептала въ тишинѣ.
Мой духъ воскресъ, мои открылись очи,
И я опять увидѣлъ предъ собой,
Какъ сквозь туманъ волшебной, майской ночи,
Желанный путь—путь жизни трудовой!

Пора, пора!... Гремящіе потоки,
Смѣясь, бѣгутъ съ оттаявшихъ холмовъ,
И сладкіе, живительные соки
Изъ нѣдръ земли ползутъ въ стволы дерёвъ,
Ползутъ къ вѣтвямъ и въ стебли травки каждой,
Творящихъ силъ и трепета полны;
Весь юный міръ, томясь любовной жаждой,
Объятій ждетъ волшебницы весны.
И вотъ она, вся въ радужномъ сіяньѣ
Златыхъ одеждъ, парчи и багряницъ,

За стаями прилетныхъ, пѣвчихъ птицъ
Приносится на страстное свиданье,
На брачный пиръ, исполненный чудесъ,
На торжество природы и небесъ!

Привѣтъ весны и ласковыя грезы,—
Прекрасны вы!—Но для чего-жъ порой
И въ майскій день, и здѣсь въ глуши родной
Мнѣ слышатся стенанья, вздохи, слезы,
Насилія и гордости языкъ,
Обманъ и лесть униженнаго брата,
Проклятія голоднаго разврата,
Людская брань и звѣря дикій крикъ?
Зачѣмъ?....
                Но разсуждать теперь не время:
Земля просохла, зеленѣетъ лугъ...
Врѣзайся глубже въ пашню, острый плугъ,
Ровнѣй изъ рукъ на землю падай, сѣмя!
И дай, Господь, дождя и теплыхъ дней,
Чтобъ проросло въ землѣ оно скорѣй!

II.

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ.

Я услыхалъ сегодня первый громъ;
Онъ въ полдень прогремѣлъ изъ тучки малой,
А черезъ часъ цвѣтокъ гвоздики алой
Ужъ распустился въ цвѣтникѣ моемъ
И весело кивалъ мнѣ головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
Я вышелъ въ садъ. Шумя со всѣхъ сторонъ,
Пахучими и мокрыми вѣтвями
По воздуху махая, какъ руками,
Безъ умолку болталъ о чемъ-то онъ.
Его перекричать старались птицы,
Свистала иволга и зябликъ пѣлъ;
И вдругъ опять, какъ грохотъ колесницы,
Далекій громъ въ природѣ прогремѣлъ.
И, Богъ вѣсть почему, я вспомнилъ живо
Дни юности и первую любовь;

Какъ туча въ полдень, быстро и гнѣвливо
Она прошла—и не вернется вновь;
Но изрѣдка въ часы воспоминанья
Мнѣ чудятся волшебныя мерцанья
И слышу я, тревогою объятъ,
Въ нѣмой дали таинственный раскатъ!

III.

Мнѣ говорятъ: забудь тревоги дня,
Забудь «болѣзнь, печаль и воздыханье»;
Въ предѣлъ иной,—гдѣ вѣчное сіянье,
Гдѣ вѣчный миръ,—пусть мчится мысль твоя.
Но я въ отвѣтъ: нѣтъ, братья, пусть тревога,
Пусть боль и скорбь мою терзаютъ грудь.
Быть можетъ, съ вами суждено не много
Мнѣ по землѣ брести одной дорогой—
Въ землѣ-жъ всегда успѣю отдохнуть.
Тогда—покой; тогда—всему прощенье!
Теперь же трудъ, и слезы, и борьба.
На барскій сонъ, на сладкое забвенье
Я не смѣню печаль и гнѣвъ раба!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

СТАРИННЫЯ ДѢЛА

Разсказы и воспоминанія.

А иное бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы.
Соф. Лѣт. I, 19.

I.

ПТИЧНИЦА

Поздній вечеръ, почти ночь. Сырой и холодный туманъ лѣзетъ въ плохо пригнанныя окна моей коморки чуть не подъ крышей... Каминъ трещитъ и дымитъ, разгораясь. Вокругъ дома по узкимъ дворамъ и переулкамъ завываетъ и свищетъ вѣтеръ и врывается ко мнѣ во всѣ щели. Сквозь порывы его доносятся и на мой чердакъ веселые возгласы толпящагося по городскимъ улицамъ люда—сегодня суббота. Какъ все это чуждо мнѣ... какъ непонятно мнѣ это веселье. Какъ неотвязно тѣснятся въ душу воспоминанія о далекомъ прошломъ... Почему-то все воспоминается мнѣ сегодня то время, когда я была маленькой-маленькой еще дѣвочкой съ вѣчно косматой, взъерошенной головой и сердцемъ такимъ еще крошечнымъ, что въ немъ только и было мѣсто для счастья и радости. И вижу я: между густыми молодыми соснами вьется песчаная тропинка, гдѣ мы еле-еле умѣщаемся рядомъ, дѣдушка-Михайлычъ и я. Я крѣпко держусь за его руку, и бѣгу, и скачу, чтобы поспѣть за его размашистымъ, широкимъ шагомъ. Около насъ вертится нашъ общій любимецъ Налётка. У дѣда за спи-

ной берестяный кошель, у меня на рукѣ берестяная кошовка [1]): мы идемъ за грибами въ Осиновый-Рогъ—не знаю почему лѣсъ такъ прозванъ, осины тамъ гораздо меньше, чѣмъ сосны.

— Давай пѣть, дѣдушка.

— Давай, родная! Что же мы пѣть-то станемъ?

— А вотъ что:

Въ темномъ лѣсѣ!
Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ!

Дѣдъ подхватываетъ басомъ:

За лѣсью!
За лѣсью.
Распашу-ль я,
Распашу-ль я,
Распашу-ль я...

— Ахъ, дѣдушка, какъ намъ хорошо!

Да, было до слезъ хорошо... онѣ и теперь мѣшаютъ мнѣ писать.

Пашенку!

—гремитъ дѣдъ.

Пашенку!

—подтягиваю я тоненькимъ, звенящимъ дѣтскимъ голосомъ.

Посѣю-ль я,
Посѣю-ль я,
Посѣю-ль я
Ленъ конопель,
Ленъ конопель!

Фррръ!... взвивается рядомъ съ болота что-то, спугнутое Налёткой.

— Налётка! назадъ,—кричитъ дѣдъ:—ишь, шельма, тетерьку спугнулъ.

Я бросаюсь сквозь кусты и верескъ туда, откуда зашумѣло.

— Ничего нѣту, дѣда!

— Ну да,—смѣется старый:—не стала тетерька тебя дожидаться, поди вотъ, улетѣла не спросимшись у барышни.

— Ахъ, дѣда, какой ты! я вѣдь думала она на гнѣздѣ...

— Да что ты, Христосъ надъ тобой! развѣ время таперично тетерькѣ на яйцахъ сидѣть? за боровиками идемъ, чай,—лѣто ужъ почитай и прошло... а ты: на гнѣздѣ... ахъ, грѣхи! ха-ха-ха-ха!..

---

1) Корзинка, новг. нарѣчіе.

Да идемъ, идемъ скорѣе, не то грибовъ принесемъ что-ни-на-есть малость самую, станетъ старуха моя смѣяться: посулили-де грибовъ на пирогъ да на латку, а принесли — и во щи положить нечего!

Я прицѣпляюсь къ дѣдушкиной полѣ, и мы скорымъ шагомъ идемъ все дальше и дальше въ глубь лѣса. Солнце играетъ между соснами, размалевывая причудливыми узорами тропинку и золотя по ея краямъ верхушки густого вереска и лиловые ковры богородицыной травки. Съ болота тянетъ богульникомъ; между верескомъ краснѣется уже кое-гдѣ молодая брусника и толокнянка. Вотъ и спускъ на болото къ рѣчкѣ и тропка, утоптанная скотомъ и ведущая въ заповѣдный лѣсъ—Осиновый-Рогъ. Чаща его по всѣмъ направленіямъ пересѣкается болотами, бывшими озерами и руслами рѣкъ, давно заросшихъ мохомъ. Мохнатымъ гребнемъ наросли сосны на песчаныхъ наносахъ между болотами. Когда-то наносы эти круто вздымались почти-что въ горы и глядѣли въ омывавшія подошву ихъ воды — теперь они разсыпались въ отлогіе холмы. Кое-гдѣ по холмамъ разбросанные, тоже поросшіе деревьями, невысокіе круглые курганы. Осиновый-Рогъ съ трехъ сторонъ окружается рѣчкой Сàвинкой, а съ четвертой примыкаетъ отчасти къ широкому болотистому лугу, отчасти къ разлившемуся на три версты озеру Колпинцу. Чтобы попасть въ лѣсъ съ нашей стороны нужно перебраться въ него черезъ Савинку по колицамъ: моста нѣтъ — во всю ширину рѣчки въ илистое дно ея вбиты два ряда толстыхъ кольевъ, густо переплетенныхъ еловыми вѣтвями. Поверхъ переплета положены длинныя сосновыя жерди: мостъ не мостъ, но мы умѣемъ пробираться по немъ. Переходя на другой берегъ, мы видимъ подъ собою сквозь переплетъ зеленоватую воду Савинки, густо заросшей у берега осокой, а дальше, къ серединѣ русла, мѣстами покрытой широкими листьями кувшинокъ. Теперь одна только зелень ихъ осталась, по веснѣ же и въ началѣ лѣта вся рѣчка въ цвѣту и сама цвѣтетъ. Тутъ пахучая осока съ своимъ розоватымъ цвѣткомъ, тамъ трилистникъ съ цвѣтами, точно изъ нѣжныхъ бѣлыхъ перушковъ, дальше желтыя и бѣлыя кувшинки... И надъ ними и вокругъ нихъ носятся, едва на минуту касаясь цвѣтка, темносинія стрекозы, такія быстрыя и увертливыя, что ихъ даже и не разсмотришь хорошенько. А тысячи мошекъ и комаровъ, а водяные жуки, пауки и еще какіе-то точно зеркальные шарики, которые покажутся на мгновеніе у поверхности и тотчасъ же снова нырнутъ въ глубь — и нѣтъ ихъ...

— Дѣдушка, на что тутъ рѣчку запрудили?

— Не запрудили ее, внученька моя назвàная: видишь, подъ переплетомъ вода какъ надо быть течетъ, — а на то колищевъ набили, чтобы норотà ставить можно было. Сплетутъ рыбаки нóротъ, быдто корзину таку изъ прутьевъ, обтянутъ ее сѣтиной и привяжутъ къ колу подъ водой насупротивъ того, какъ въ озеро течетъ рѣчка. Ну, рыбушкà идетъ въ рѣчно устье, кáя за тѣмъ, чтобы пропитанье себѣ найтить, кàя за тѣмъ, чтобы икру метать... забѣжитъ она съ дуру въ норотъ, ну, оттуда ей выходу и нѣту, придѣлана къ нороту крышка воронкой—туда-то войдтить рыбкѣ вольготно, а назадъ—шалишь, прутышки-то и не пускаютъ. Вотъ и наловятъ такъ хрещеные рыбаки и питаются ею...

Недалеко отъ колищевъ лежитъ старое дуплистое дерево, сваленое бурей и павшее на-половину на берегъ, на-половину въ воду.

— Дѣда! ой, дѣда! крыса изъ воды вылѣзла, — ей-Богу, крыса...

— А ты не божись: не гоже съ этакихъ лѣтъ, — вотъ что! Не крыса это—нóрка; гнѣздо у ней, надо-быть, тутотка въ дуплѣ, въ корягѣ... Звѣрокъ это такой тоже, — и въ водѣ, и на земи́ жить можетъ, рыбкой питается...

Но вотъ мы и въ Осиновый-Рогъ перебрались. Вьется тропинка сперва по болоту, между густыми зарослями папоротниковъ и кустами черники и гоноболи, но, приведя насъ подъ старыя сосны лѣса, она начинаетъ разсыпаться въ широкую песчаную дорогу.

— Дѣдушка, кто эту дорогу наѣздилъ?

— А Богъ его знаетъ! Такая она испоконъ вѣку: тропкой на одномъ болотѣ начинается, тропкой же и кончается на другомъ, противу Колпинца. Ѣздятъ сюда только зимой, за дровами. На болотѣ солнце — живо тамъ все напоротникомъ да черникой заростетъ, а тутотка, ишь, тѣнь—ну, ничего и не растетъ, гдѣ раскатано.

По окраинамъ лѣса, на болотѣ, цѣлыми семьями сидятъ всѣхъ возрастовъ моховики — отъ крошечныхъ, желто-зеленоватыхъ, молоденькихъ — до широкихъ, обвислыхъ, свѣтло-желтыхъ, источенныхъ червями стариковъ, еле держащихся на своихъ тоненькихъ ножкахъ.

— Дѣдушка, брать моховики?

— Нѣ, не бери. И хорошъ грибъ, да коли́-сь не найдемъ бѣлыхъ—станемъ и маховики брать.

— Ну, значитъ, и масленниковъ не ломать?

— Это козьякóвъ-то? Нѣ, не надоть.

Я сбила ногой кучу масляновъ.

— На чтó же!—укоризненно останавливаетъ меня старикъ:— мы не возьмемъ, другой бы взялъ. Иной-то разъ зимой, въ великій постъ, и мы бы съ тобой козьячку рады были: это теперичка только больше все боровикомъ лакомиться нóровишь. Вотъ ты даръ-то Божій ногой сбила, а знаешь ли чтò пословица сказываетъ: «чтó лѣтомъ пинкомъ, тó зимой съ блинкомъ!»

Но я не дослушиваю: на открытомъ мѣстечкѣ, подъ соснушкой, я вижу два бѣлыхъ гриба,—такіе пузатенькіе, свѣженькіе, молоденькіе, точно они сейчасъ только изъ земли вышли.

— Дѣдушка, дѣдушка: грибъ! грибъ-боровикъ, всѣмъ грибамъ...

Я не договариваю словъ пѣсни и набрасываюсь на свою находку.

— Дѣдушка, чтò ты тамъ подъ березками у болота роешься?

— Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ,—смѣется старикъ и откапываетъ изъ-подъ слоя сырого палаго листа цѣлую семью груздей.—Первы грузди, Машенька,—съ довольнымъ видомъ замѣчаетъ онъ...—Эге-ге, что-жъ это ты грибы растериваешь,—чего не глядишь? Ишь, какой боровикъ выронила.

— Я не выронила, а бросила,—въ немъ, дѣда, черви.

— Какихъ еще тамъ червей нашла?

Дѣдъ поднимаетъ грибъ и разламываетъ его.

— Только и есть, что одна аль двѣ червоточинки въ корешкѣ, а шляпка, что твоя рѣпа бѣлая. Да и чтó это за черви: не то черви, чтò мы ѣдимъ, а то черви, чтò насъ будутъ ѣсть,—вотъ что!

— Дѣдушка, это чтò за такіе? Ишь, кáкъ пень обсѣли, точно пчелы, когда роятся.

— Эй, да это опёнки!—знатный грибъ, а особливо въ пирогѣ,—бери ихъ, бери: намъ за нихъ Вахрамѣвна эво-ли какò спасибо скажетъ. И чуднóе это дѣло: такой грибъ хорошій, а мало его кто по нашимъ мѣстамъ потребляетъ. Я-то и самъ прежде не ѣлъ, да вотъ въ разъѣздахъ съ папенькой твоимъ не токмó что чему другому, а и опёнки ѣсть выучился, и старуху свою научилъ; спервоначалу долго не хотѣла,—наберешь, бывало, ей опёнокъ, а она и разсердится: «ишь», говоритъ, «добра принесъ — поганокъ». Вотъ тоже ни раковъ иные не ѣдятъ, ни зайцевъ по нашимъ мѣстамъ, и не то что изъ староверовъ, а и такъ, кои совсѣмъ какъ есть православные.

Дѣдушка обобралъ всѣ опёнки и смѣется:

— Знаешь, Маша, пѣсню, какъ сбирались грибы на войну

идтить; вотъ какъ дошелъ до опёнокъ чередъ, а они и не хотятъ: «мы», говорятъ, «опёнки: у насъ ноги тонки, намъ нельзя въ походъ». А горянки: «мы», говорятъ, «молоды дворянки,— куды же намъ въ драку лѣзть...»

При этомъ дѣдушка тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ представляетъ, какъ, по его мнѣнію, говорятъ молодыя дворянки, чѣмъ приводитъ меня въ неистовый восторгъ: я скачу, визжу и сама стараюсь повторить за нимъ, точно также, какъ онъ сказалъ, слова смѣшной, такой смѣшной пѣсни! Однако мы снова принимаемся за поиски.

— А это какой грибъ, дѣда?

— Это свинушка: съ голодухи ѣсть—намъ, слава Те Создателю, пока не надо,—не бери ее. Вотъ сыроѣжки, коли молоденьки попадутся,—ломай: страсть ихъ старуха моя со сметаной любитъ.

Грибъ за грибомъ наполняются и кузовъ, и кошовка. Какъ только моя корзинка наполнится, я высыпаю ее въ дѣдушкинъ кошель. Мы ищемъ грибовъ тó вдоль дороги, тó заходимъ дальше въ чащу. Ничто не прерываетъ насъ, развѣ Налётка затявкаетъ вдали, спугнувъ зайца, или, подбѣжавъ къ намъ, нанюхаетъ бѣлку и скачетъ за ней вдоль дерева и злится, и кору грызетъ съ отчаянія, что не достать ему пушистаго звѣрька, то пропадающаго въ вѣтвяхъ, то снова показывающагося на какомъ-нибудь голомъ суку.

Вдругъ изъ глубины лѣса раздается какой-то протяжный и глухой не то крикъ, не то стонъ.

— Дѣдушка, чтò это тамъ такъ страшно кричитъ: «у-гу, у-гу?»

— Ну, чего испугалась? вѣдь это птица. А знаешь ли, чтó она кричитъ? Послушай-ка.

— Да только я и слышу, что «у-гу, у-гу!» Какъ ее зовутъ?

— Зовутъ ее: Никита-Сокóлъ. Да ты прислушайся, чтò она кричитъ-то; вѣдь ровно человѣчьимъ голосомъ говоритъ: «Никита-Соколъ, подай топоръ: двѣ дѣвки вижу,—одну зарѣжу, другу замужъ возьму!»

Я слушаю, и мнѣ тоже въ крикѣ птицы начинаютъ чудиться слова: «Никита-Соколъ, подай топоръ!»...

— Дѣдушка, никакъ кто-то дерево рубитъ?

— Нѣ, нѣ, родная: это дятелъ суху сòсну дòлбитъ, а то и не сосну, а просто шишку соснову. Гляди-ко-ся, вотъ и тутотка эво-ли чтò шишекъ сосновыхъ подъ деревомъ навалено, а въ самóмъ-то деревѣ трещинка, и въ трещинкѣ тоже шишка вбита.

Это дятелъ примѣту кладетъ, говорятъ люди, что нѣту ему въ тыемъ деревѣ больше добычи. Только, я думаю, все это враки, а забиваетъ онъ шишку въ щель, чтобъ сподручнѣй ему было сѣмечки долбить въ ней: повытаскиваетъ онъ ихъ всѣ—и шишку вытащитъ и на земь броситъ, а въ трещину нову засунетъ. Ну, коли спугнутъ его, онъ и улетаетъ, а шишка въ щели и останется. И впрямь такъ оно, надо-быть, и есть: кои на земи шишки — всѣ безъ сѣмянъ, а въ той, что въ деревѣ осталась, зернышки на половину цѣлы.

Мы опять принимаемся за отыскиваніе грибовъ и идемъ все дальше и дальше. Ближе къ Колпинцу видъ лѣса измѣняется; понижаясь къ озеру, песчаная, ярко-желтая почва начинаетъ темнѣть отъ примѣси торфа и заростаетъ осинникомъ, въ перемежку съ елью и березой. Въ кузовья наши лѣзутъ теперь подосиновики, подберезовики и рыжики. Я съ пренебреженіемъ обхожу плоскіе, зеленоватые по краямъ рыжики, подъельники и беру только ярко-красные крѣпыши боровые, — но дѣдушка замѣчаетъ, что въ солкѣ подъельникъ куды вкуснѣе, хотя впрокъ, на долгое время боровикъ лучше. Вотъ цѣлая семья мухоморовъ...

— Гляди, дѣда, какіе красавцы!—зеленые, красные, сизые...

Но я знаю, что ихъ брать нельзя, и только издали любуюсь ими.

— Дѣдушка, на кого это Налётка такъ злится по дорогѣ?

Налётка отрывисто и бѣшено лаетъ, бросается къ чему-то, отскакиваетъ и опять бросается, чтобы снова тотчасъ же отскочить.

— Эге,—говоритъ дѣдъ:—змѣю встрѣлъ. Налётка, назадъ! Вѣдь ужалитъ, подлая, какъ пить дастъ. Налётка, назадъ!.. Ахъ, шельма! ишь, озлился: голосу человѣчьяго не слушается,—ну, нá-што тебѣ?..

Но мы уже спѣшимъ на помощь Налёткѣ. Солнце теперь на закатѣ и золотитъ дорогу только косыми лучами и въ нихъ, на пескѣ, я вижу поднявшуюся на хвостъ почти во всю свою длину сѣрую змѣю, злобно шипящую и нацѣливающуюся на Налётку, который весь ощетинился отъ ярости и не знаетъ, какъ схватить своего ядовитаго врага.

— Скорѣй, дѣдушка, бей ее!—она Налётку ужалитъ...

Но дѣдушка не поспѣваетъ, — змѣя съ минуту виситъ на губѣ у Налётки, который отчаянно трясетъ головою, чтобы сбросить ее... потомъ гадюка съ шипомъ и свистомъ исчезаетъ въ кустахъ.

— Ну, попался Налётушка,—говоритъ, качая головою, ста-

рикъ, обращаясь къ собакѣ, поджавшей хвостъ и съ жалобнымъ визгомъ вертящейся у его ногъ.—Будешь теперь знать, какъ на гада безъ толку наскакивать,—проучила, проклятая!

Дѣдушка садится у дорожки, устанавливаетъ Налётку между своихъ колѣнъ, чтобы тотъ не вырвался, и отыскиваетъ на его верхней губѣ змѣиный укусъ. Я вся дрожу и плачу: мнѣ такъ жалко Налётку.

— Что-жъ, онъ теперь умретъ?—спрашиваю я.

— Эхъ, ты, простота! Онъ песъ—собака: на ёмъ все присохнетъ,—пройдетъ... Дай вотъ выдавимъ ядъ-то, да земелькой потремъ... она, мать сыра-земля, все исцѣляетъ,—и пчелиный, и осиный уколъ. Умретъ, говоришь... — развѣ собака помираетъ? Человѣкъ умираетъ, а песъ сдыхаетъ. Въ человѣкѣ душа, — въ псѣ, въ животѣ — паръ: придетъ человѣку время, онъ и помираетъ, и три дни душа бродитъ по тѣимъ мѣстамъ, гдѣ жилъ да бывалъ покойникъ, пока не померъ; придетъ животу время — онъ паръ выдохнетъ и околѣлъ, — вотъ и все. Такъ-то; а ты говоришь: помретъ!—Ну, счастье твое, Налётушка, что на гадюку напалъ, а не на мѣдяницу. Коли бы мѣдяница тебя жиганула, сдохъ бы ты сегодня еще, какъ-разъ въ тое самое времячко, какъ солнышку на-ночь за лѣсъ закатиться: ни звѣрь, ни человѣкъ, кого мѣдяница ужалила, не переживаетъ солнечнаго заходу. Ну, а теперичка — побѣгаешь недѣльку-другу съ толстой мордой, а тамъ здоровѣе прежняго станешь, да и умнѣе,— пословицу знаешь: «наберется волкъ толку, какъ набьютъ ему холку»; такъ-то и ты: не будешь теперича безъ толку на змѣя бросаться.

Налётка точно понимаетъ дѣдкины слова: и хвостомъ виляетъ, и тихонько повизгиваетъ, но отъ дѣда не рвется, и только, когда тотъ опускаетъ его, мохнатка сначала отряхивается, будто изъ воды вылѣзъ, а потомъ начинаетъ чему-то радоваться и попеременно скакать то на дѣда, то на меня.

— Ну, ладно, ужъ ладно,—смѣется старый:—радъ, дуракъ, радъ, а чему радоваться-то? Да, ну, пошелъ же, — ну тебя и совсѣмъ.—Одначе, Машенька, и домой пора; вотъ только отдохнемъ маленечко, да закусимъ, — и пойдемъ; поздненько становится: солнце на закатѣ.

Мы выбираемся изъ лѣса къ озеру; кругомъ насъ луга; за лугомъ озеро, а за нимъ опять песчаные холмы, поросшіе сосною. По озеру плаваютъ и ныряютъ гагáры, кряквы, нырки...

— Ишь, ихъ пропасть какà! — говоритъ дѣдъ: — вотъ бы ружье, знатно набилъ бы дичинки...

На сыромъ лугу мы выбираемъ сухое мѣстечко — не очень чтобы близко и къ лѣсу; по окраинѣ его слишкомъ густятся кусты калины, волчьихъ ягодъ, смородины и черемухи; между ними и колючій малинникъ, и частые заросли папоротниковъ...

— Самое это любимое мѣсто у змѣй,—замѣчаетъ дѣдушка и выбираетъ сухія высокія кочки, на которыя мы и усаживаемся. На нихъ и сухо, и мягко, словно въ хорошемъ креслѣ.

— Дѣдушка, я пить хочу.

— Погоди, родная, закусимъ хлѣбушка, отдохнемъ, а тамъ и попьешь, я тутъ ключокъ чистый да студеный неподалечку знаю.

Дѣдъ достаетъ изъ-за пазухи краюху хлѣба, круто посыпанную солью и завернутую въ чистую тряпку... раскрываетъ старый, на-половину источившійся, складной ножъ и отрѣзываетъ по ломтю хлѣба для каждаго изъ насъ. Затѣмъ онъ набожно крестится—и я за нимъ, и мы принимаемся за па́вечерье. Какъ вкусенъ черный хлѣбъ на свѣжемъ воздухѣ, когда часа четыре пробѣгаешь безъ отдыха, за собою всего восемь-девять лѣтъ отъ роду, и ни о заботахъ, ни о горѣ и помина нѣтъ!

— Ну, таперичка и къ ключку.

Мы огибаемъ кусты и добираемся до источника, запрятавшагося подъ корни старой дуплистой березы, окруженной густою порослью молодыхъ еще березъ. Дѣдъ опять раскрываетъ свой ножъ и съ помощью его отдираетъ кусокъ бересты, складываетъ ее ковшикомъ и, прорѣзавъ въ немъ дырочки, скрѣпляетъ его березовымъ прутикомъ, чтобы онъ не развернулся.

— Ну, вотъ тебѣ и ковшикъ: пей теперичка на здоровье.

Я пью, пью и никакъ не могу перестать, такъ вкусно мнѣ студеное питье; у меня даже лицо начинаетъ ныть отъ холоду, но я все не могу оторваться отъ ковша.

— Постой, не обпейся, еще захвораешь, гляди,—и скажутъ дома-то: не усмотрѣлъ старый за барышней; въ другой разъ и не пустятъ тебя со мной въ лѣсъ.

Я тотчасъ же послушно отдаю ковшикъ, и дѣдушка пьетъ въ свою очередь.

— Ну, теперь домой!

Мы возвращаемся назадъ уже прямо по дорогѣ, не заглядывая ни въ лѣсъ, ни въ болото. Я очень устала,—дѣдушка давно взялъ у меня мою теперь тяжелую, полную грибовъ корзинку. Даже Налётка умаялся и идетъ смирнёнько, какъ разъ за дѣдушкой, по временамъ толкаясь носомъ въ его ноги и выбирая

при этомъ непремѣнно ту, которою дѣдушка въ эту минуту шагаетъ.

— Дѣдушка, что ты задумался?

— Такъ, родная.

— Нѣтъ, дѣдушка, ты скажи объ чемъ.

— Объ чемъ задумался-то... да мало-ли что старому человѣку на умъ взбредетъ-вспомнится — вѣкъ-то долгій изжить не поле перейти, мало-ли чего хоть бы и я за жизнь-то долгую понавидѣлся, да понаслышался.

— А ты мнѣ скажи.

— Чего говорить-то, не веселое вспомнилось; и хоть не свое, чужое горе—стародавнее, а заныло сердце будто по своемъ недавнемъ.—И дѣдушка опять задумывается.

Я тоже притихаю и мнѣ начинаетъ хотѣться плакать, когда я вспоминаю, что до дому еще больше полуверсты.

— Отдохнемъ, дѣдушка, минуточку.

— Чего отдыхать, гляди вонъ скоро ужъ и совсѣмъ солнышко за лѣсъ сядетъ; торопиться домой надоть, а не отдыхать. Ну-ко-ся: разъ—два, разъ—два! маршируетъ, смѣясь, старый. Я стараюсь попасть съ нимъ въ ногу, начинаю тоже смѣяться, и мнѣ становится какъ будто не такъ трудно идти. Но дѣдушка почему-то снова задумывается и вздыхаетъ.

— Дѣдушка, что это какъ скучно съ тобой сегодня: то вздыхаешь, то говоришь, что горе чужое вспомнилъ, то опять вздыхаешь... Я еле удерживаю слезы.

— Эхъ-ма, говоритъ дѣдъ и улыбается: не со мной тебѣ скучно, а устала ты, вотъ что... Ну, ну, не плачь, не плачь же... Хошь скажу какó-такó, да чье горе вспомнилъ, и разговоримъ такъ твою ли тоску-печаль, что-молъ до дóму еще полъверсты осталóсь идти-то.

— Разскажи, дѣдушка голубчикъ, я плакать не стану.

— Ну, такъ слушай же: начинаетъ-бывало разсказывать дѣдъ, —давно это было, лѣтъ тридцать тому назадъ, коли не болѣе, почитай всѣ ужъ и поперѐмерли, кто тогда живъ былъ да плакалъ, убивался... я одинъ теперичка и остался, кому объ тѣхъ дѣлахъ помнить... Охъ, Господи! Видишь-ли, жилъ-былъ въ тѣ старинные годы помѣщикъ въ Климушинѣ, что околъ Кофтина озера — цѣлый ихъ слой былъ помѣщиковъ округъ озера, что̀ грибовъ, и въ тое время, какъ и теперича—и звали того барина Иваномъ Андреичемъ Ковригинымъ. Усадьба его какъ разъ тамотко приходилась, гдѣ нонѣ станція для чугунки построена. Наслѣдники это его все попродавали, и усадьбу, и земли, лѣса́

то же всѣ извели. Былъ Иванъ Андреичъ баринъ богатѣющій и тароватый, рече сказать: наѣдеть, бывало, къ нему гостей тьматьмущая, даже изъ Питера, и пирують недѣли по двѣ—кои на охотѣ, а кои—тàкъ въ дому увеселяются. Дѣтей у его не было, а одна жена только хворая, да богомольная, и сидитъ она, бывало, все на своей половинѣ, къ гостямъ не выходитъ почти, больше на церковь работаетъ кое-что, да Богу молится. Моя-то матушка, покойница, оттуль батюшкой замужъ взята, да и у васъ родни въ той сторонѣ много, вотъ и навѣдываются туда наши господа; ну, а какъ пріѣдемъ, я тою-жъ минутою лошадей уберу, отпрошусь у барина, у дѣдушки твоего, и пойду тоже по своей роднѣ. Былъ у меня тамъ братъ троюродный дворовымъ у Ивана Андреича, и любилъ его Ковригинъ, господинъ, оченно за то, что плотникъ больно онъ хорошій—никуда его и не отпускалъ на сторону: держалъ при усадьбѣ для домашняго обиходу. И рече сказать, былъ братъ мой, Сидоръ Поликарпычъ, всѣмъ отъ барина награжденъ—жилъ какъ мужикъ богатый, даромъ-что въ дворовыхъ числился. Былъ онъ ужъ въ лѣтахъ степенныхъ, вдовый, и робятъ у его двое махонькихъ было — мальчикъ да дѣвушка. Ну, какъ онъ повсегда въ работѣ, хоть и дома, и бабъ при ёмъ никакихъ нѣту, ему съ дѣтьми-то и нудно—и задумалъ онъ вдругорядь жениться. Какъ задумалъ—пошелъ къ барину, поклонился ему въ ноги.

— Такъ и такъ, позволь, дескать, батюшка баринъ, мнѣ вторично законнымъ бракомъ... больно трудно мнѣ съ малюхонными робятками одному справляться,—извѣстно, дѣло мое мужское, не бабье.

— Ладно,—отвѣчаетъ баринъ:—что дѣло, то дѣло! женись, Сидоръ, съ Богомъ. Есть ли у тебя ужъ кто на примѣтѣ?

— Есть-то есть, да...

— Что такое? говори, говори.

— Да такъ и такъ, батюшка, не вашей милости раба, Анны Ивановны Коссовской-Тормасовой—крѣпостная.

— Ну, это еще не горе,—отвѣчаетъ баринъ:—намъ Анна Ивановна, помнится мнѣ, должна дѣвушку... Засылай братецъ сватóвъ, съ сестрицей же любезной я самъ поговорю.

Добёръ и простъ бывалъ часомъ Иванъ Андреичъ, особливо съ тѣмъ, кто ему показался — ну и крутъ и лютъ иной порой тоже,—водилось это и за имъ, какъ за многіимъ прòчіимъ господамъ.

— Кто же такая приглянулась тебѣ?—спрашиваетъ баринъ Сидора.

— Да птичницы Васильевны дочка...

— А, эта—знаю; это которая птицу такъ къ себѣ пріучила... слыхалъ, слыхалъ; хвалила и мнѣ ее сестрица Анна Ивановна, —еще чудно какъ-то такъ дѣвушка эта прозывается, я ужъ и забылъ какъ. Какъ зовутъ-то ее, зазнобу твою?

Засмѣялся Сидоръ:

— Дýмушкой, батюшка.

— Вотъ такъ имячко,—говоритъ баринъ, и тоже смѣется, видно въ веселый часъ пришелъ къ нему Поликарпычъ.

А дѣвушка эта самая, коя Сидору полюбилась, мнѣ крестницей приходилась — тоже съ отцомъ ея покойнымъ въ сватовствѣ мы были, ну и поставилъ онъ меня заочно въ кумовья. Звали же ее Дýмушкой потому, что какъ она махонька была и спроситъ ее кто: «Какъ звать тебя, дѣвушка?», а она и отвѣтитъ: «Дýмушкой!»—это замѣсть Дунюшки. Такъ и прозвали ее Дýмушкой. И чтò она такъ приглянулась Сидору—я и ума не приложу. Въ лицѣ у ней красы особой никакой не было; смуглая, блѣдная, глазищи чтó у цыганки... въ кого и уродилась такая? Истинно сказать, какъ по пословицѣ: не въ мать не въ отца—въ прохожаго молодца!.. Сама худая, еле душа въ чемъ держится, и ни веселья отъ ней, ни смѣху. Ну, работяща была и степенна,—это точно, и пѣсни пѣла хорошо, только пѣсенъ-то ейныхъ Сидору и слыхать не приходилося, хоть недалечка другъ отъ дружки жили—въ верстѣ только одна отъ одной усадьбы господъ ихнихъ стояли—да на бесѣды Думушка не ходила, жила смирнехонько на птичномъ дворѣ съ матерью. И вотъ, чудеса-то: лютая, прелютая барыня ихняя была, Анна Ивановна Коссовская-Тормасова, и не приведи Господи какая, а до птицы такà была охотница, что страсть, и добра была черезъ эфто, сколь могла, къ Васильевнѣ, къ Думушкиной-то матери. А сколь люта была не только со своимъ рабамъ, а и съ чужимъ крестьянамъ, такъ я тѣ для примѣру скажу, чтó однова было: ѣхала она еще съ муженькомъ со своимъ разъ, да съ дочкой, кудый-то; она—тáкъ въ гости, а онъ—на охоту, и пришлось ей мимо усадьбы проѣзжать одного барина, съ коимъ судилася—сердитъ былъ на нее—оттягала у него неправдой пустошь богатую. Ну, люди того барина знали, что сердитъ онъ на нее, да и сами ее не любили—никто не любилъ ее по округѣ—и ругали ее всячески, другого ей и имячка не было какъ: Тормосиха—поросиха! Вотъ ѣдетъ она, а робята на деревнѣ и выскочи, да, ну, за тарантасомъ въ припрыжку и кричатъ:

Тормосъ—поросъ!
Тормосиха—поросиха!
Тормосята—поросята!

Ухъ! озлилась Анна Ивановна: не долго думала, выхватила бариново ружье, да по робятамъ и выпалила... счастье тутъ ихнее, что дробью только ружье заряжено мелкой, да и разсердимшись она, такъ не попала ни въ кого, а не то быть бы грѣху.

— Съ Иваномъ Андреичемъ Анна Ивановна въ роднѣ была и съ нимъ почитай съ однимъ только и жила хорошо, по-сосѣдски. Оттого—коли ейному человѣку ковригинска дѣвушка приглянется—Иванъ Андреичъ не перечитъ, также и Анна Ивановна, ежели ихняя кому климушинскому по душѣ пришлась. Знамо дѣло, не терпѣли отъ этого господа убытку никакого, потому мѣнялися. На этотъ разъ Анна Ивановна Ивану Андреичу дѣвушку должна оставалася, такъ Сидору и впрямь можно къ Авдотьиной матери сватовъ засылать. Отецъ-то у Думушки у махонькой еще померъ и други каки у Васильевны робята были, тоже долго жить приказали, и осталась у старухи тая дѣвушка, Думушка, какъ перстъ одна.

— Ну, какъ была Анна Ивановна до птицы великая охотница, такъ ничего и не жалѣла, ни для ей и ни для птичницы. И что это у ихъ куръ, индеекъ, гусей, да утокъ, я тебѣ и сказать не могу. Про голубей и говорить нечего—всякихъ было. И за всѣмъ за этимъ животамъ Васильевна съ Думушкой ходятъ—соблюдаютъ ихъ. Стоялъ птичный дворъ у нихъ въ сторонѣ отъ усадьбы и отъ деревни, почитай, что въ лѣсу, у озерка небольшого. Мѣста тамъ не таки песчаны, какъ у насъ, суглинокъ больше. Развѣ на пригоркѣ гдѣ сосна ростетъ, а то болѣ все береза, да рябина, а гдѣ и кленъ съ дубомъ, только эти въ кустовье идутъ, не въ стволъ,—тоже и липнякъ. Таковó-ли тамъ хорошо лѣтомъ какъ зацвѣтетъ. мать-сыра земля цвѣтамъ всякимъ, коего по нашимъ мѣстамъ и не видано, даромъ что недалеко.

— Ну, жили такъ-то Васильевна съ Думушкой мирно да ладно, повсегда въ работѣ—въ трудѣ, а крестницѣ моей семнадцатый годокъ ужъ шелъ, какъ задумалъ къ ней Сидоръ присвататься. Захаживалъ я времячкомъ къ кумѣ, когда мы съ бариномъ въ той сторонѣ бывали. И чудеса это я тебѣ скажу глядѣть на дѣвку, не даромъ объ ней по всей округѣ слава прошла. Цѣлый она день-деньской, какъ подросла, со птицей возится, и даже коли ежели шьетъ что, аль стираетъ, все это не инáче, какъ на дворѣ, и птица вся околъ нея. Насядутъ голуби ей на

плечи, да на голову, куры за ей какъ собаки бѣгаютъ... и не то что куры, — лѣсна птица и та ее не боится — приманивать умѣла ее: выйдеть это съ кормомъ за дворъ, въ лѣсу, зачнетъ пѣть, да звать, а ужъ птица—и летитъ, и околъ вьется... ну, близко очинно тоже не подлетала, все-жъ таки человѣка боятся, какъ ни на-есть. Нигдѣ я и такихъ соловьевъ ни слыхивалъ какъ въ ихнихъ мѣстахъ.

Знала это все Анна Ивановна и любила за то Думушку, что съ птицей ладить умѣетъ, и ни за что бы не отдала ее за ковригинскаго человѣка, да Иванъ Андреичъ ей самой очень въ тѣ-поры понадобился: приходилось ей больно круто за грѣхи кое за какіе, за лютость свою да тиранства, а онъ ей все передъ высшимъ начальствомъ заступа—мужъ-то у ней тутъ давно ужъ померши былъ. До тоей-же поры, какъ задумалъ Сидоръ Поликарпычъ на Думушкѣ жениться, мало кто за крестницу-то мою и сватался—молода она была, это одно, а другое: жила, какъ сказано, съ матерью въ сторонкѣ, не то что съ парнями какими, съ подружками даже не водилася, не ходила никуды, почитай, ни на бесѣды, ни въ праздникъ въ гости. Иные же, которые женихи и сами ее обѣгали: опасалися глазу ея чернаго и того, что птицу приманивать умѣла. Особливо же стали отъ нея сторониться, кто поглупѣе, опосля того, какъ разсказалъ ктой-то, быдто видалъ, что змѣю она приманила, да молока чашку ей выставила у воротъ, у двора птичнаго, а змѣя-то молоко и лакаетъ, сама черная, ушки красненьки... Думушка тутъ же стоитъ, радуется. Ну, и думали люди что нечисто дѣло—а какое тутъ нечисто! будь ты только ласковъ къ какому хошь звѣрю лютому, аль къ гаду, и онъ тебя понимать можетъ и твою ласку чувствовать, только, конечно, умѣючи это дѣлать нужно, не съ дуру, не зря. И то сказать, и того опасалися люди, что какъ ни встрѣтятъ Думушку въ лѣсу, а она травы разныя собираетъ, не грибы, не ягоды, и травы тѣ разбираетъ, раскладываетъ да въ пучки вяжетъ, сама съ собой разговариваетъ, а то про себя засмѣется, то пѣсню тихонько запоетъ. Ну, это все какъ по-менѣ она была: какъ подросла, такъ неколи ей—нужно маткѣ въ работѣ помогать, хоть и нельзя сказать, чтобы съ нея Васильевна работы много спрашивала, а такъ ужъ по природѣ и дочка и матка работящія, и горитъ у нихъ всяко дѣло въ рукахъ. Одначе правду истинну сказать, хошь бы и про травы: не для себя ихъ Думушка брала, а для тетки, для Вѣдихи, Васильевниной сестры, отъ одного отца, другой матери, и гораздо постарше кумы-то моей. Жила Вѣдиха тутъ же по сосѣдству, была за солдатомъ

замужемъ сначала, потомъ овдовѣла, обѣднѣла, совсѣмъ какъ есть сиротой осталась бы, кабы не сестра съ племянницей. Считали ее въ околоткѣ, кто лекаркой, а кто и колдуньей, потому не только лечить умѣла, а знала она всяки заговоры и наговоры, и оттого опасалися ея люди оченно; ну, только ежели кто заболѣетъ, или кака бѣда съ кѣмъ приключится, то все къ ней, да къ ней, ни къ кому другому и не ходятъ, и всему-то она пбмочь находитъ. Бѣгала къ ней Думушка часто, особливо вечеромъ, когда съ дѣломъ управится; и станутъ за это люди Васильевнѣ выговаривать: что-де ты дѣвчонку такъ часто къ Вѣдихѣ пускаешь, не знаешь развѣ что на деревнѣ говорятъ, быдто она съ нечистымъ знается!

— Ина только разсмѣется на это Васильевна, а ино и осердится. — «Эхъ, вы!—скажетъ:—умныя головы, разсудительныя, а вотъ нà-поди что придумали: съ нечистымъ Вѣдиха знается. Вдова горькая, сирота круглая, сестра моя Мавра, а вамъ обидно что я къ ней племянницу пускаю, послѣднюю радость ей передъ смертью дѣлаю. А вотъ что я вамъ скажу: живетъ себѣ Вѣдиха тихо-смирно, со дня-на-день перебивается, никому вреда не дѣлаетъ, помогаетъ кому можетъ, да чѣмъ умѣетъ, а вы, вишь, каку небылицу сплели, добрые люди: — съ нечистымъ-молъ знается старуха убогая. Эхъ, вы! А тебя,—скажетъ иному—совѣсть бы должна зазрить, что такое непутевое про старуху бѣдную мелешь... Кто тебя отъ лихоманки вылечилъ по осени? А тебѣ кто руку, альбо ногу заживилъ? Грѣхъ вамъ худо объ ней и на мысляхъ держать, не то что говорить»...

Такъ и пристыдитъ кто зря болтаетъ.—И впрямь ничего худого за Вѣдихой не было—а то пугало людей, что у ей глазъ черный, да волосъ какъ снѣгъ бѣлый и костылемъ стучитъ, идетъ подпирается при старости, да хворости. Стояла изба Вѣдихина тоже неподалечку отъ лѣсу, у старой кузни, гдѣ мужъ ея ковалъ, пока живъ былъ. Какъ померъ онъ, такъ господа кузню нову близъ деревни поставили, а Вѣдихѣ въ старой избѣ, близъ старой кузни, вѣкъ доживать велѣли.

— Какъ сказано, частенько-таки бѣгала Думушка къ теткѣ: день у ней иной разъ сидитъ цѣлый—прядутъ обѣ, старая и молодая, а Вѣдиха все и разсказываетъ племянницѣ, что на своемъ долгомъ вѣку видѣла. Придетъ инб и Васильевна — была та баба веселая, здоровая, и хоть въ годахъ ужъ степенныхъ, а что твой маковъ цвѣтъ—въ кого и вышла Авдотья така ледящая и Госнодь его вѣдаетъ... Придетъ Васильевна, повернется, посмѣется,

посидитъ часокъ—долго-то ей нельзя—а тамъ и уведетъ дочку домой.

Жили онѣ себѣ такъ-то и все бы хорошо, да какъ на грѣхъ услышь барыня про какихъ-то новыхъ заморскихъ голубей. Стала она ихъ изъ Питера выписывать, а для нихъ кака́-то особа голубятня надобилась, и стала Анна Ивановна братца Ивана Андреевича просить—отпустилъ бы къ ней на недѣльку-другу Сидора плотника. Иванъ Андреичъ отвѣчаетъ: со всею, молъ, радостью. Охочъ былъ и Сидоръ до голубей, держалъ и самъ паръ десять, гонять умѣлъ ихъ—любо дорого глядѣть. Обрадовался онъ какъ позвали его къ Аннѣ Ивановнѣ голубятню строить; и велѣно ему, какъ пришелъ онъ, прямо къ барынѣ въ кабинетъ идтить, а тамъ у ей книжекъ да бумагъ разныхъ по столамъ наложено страсть что, и въ нихъ все это, ка̀къ чтб строить нужно, расписано. Сама это Сидору все показываетъ и толкуетъ и таково понятно, что тотъ съ-разу догадался чего барынѣ требуется. Пошли опосля того на птичный дворъ, сама и тамъ все показать хотѣла, какъ и гдѣ что дѣлать нужно. Только входятъ они во дворъ, а Думушка посередь двора стоитъ — коса у ней черная, длинная, въ косѣ лента алая вплетена—барынинъ же подарочекъ — рубаха бѣлая, тонкая, сарафанъ кумачный — третій день былъ Троицы: дворъ и крыльцо березками молодыми убраны, во двору птица дворная, а по березкамъ, да по забору, лѣсна̀ сидитъ, голуби же ручные у самой Думушки по плечамъ насѣмши и кругомъ нея и надъ головой летаютъ, вьются, а она всѣмъ имъ корму изъ передника бросаетъ... Какъ увидала это барыня, что всякая тварь такъ къ Думушкѣ ластится, такъ даже остановилась и долго смотрѣла на нее, сказывала потомъ Васильевна, а Думушка не заприметила сначала ничёвушки, пока ее Анна Ивановна по имени не позва́ла. Встрепенулась тутъ дѣвушка, застыдилась, поклонилась барынѣ и въ избу убѣгла́. — Съ этого должно разу и приглянулась она такъ Сидору, и сталъ онъ опосля того въ скорости у своб барина жениться проситься. Ну, какъ баринъ ему жениться дозволилъ, сталъ Сидоръ къ невѣстѣ сватбвъ засылать. Пріѣхали сваты́, а Думушку какъ разъ въ то самое времячко барыня къ себѣ потребовала,—та́къ безъ дочки Васильевна и сватовъ принимала, одна-одинешенька. Все по чину, какъ слѣдуетъ быть, кума сдѣлала и говоритъ имъ:— «вотъ что, гости вы мои дорогіе, въ этомъ дѣлѣ воли нашей нѣту, а какъ Авдотья пожелаетъ—мнѣ-де дочку нудить не хочется; полюбится ей женихъ: пойдемъ у барыни проситься, чтобы позволила свадьбу играть — не полюбится... не обезсудьте,

добрые люди: силкомъ да по страсти отдавать ее не стану — одна она у меня, да и молода, ей замужъ торопиться нечего».

— Да слышь,—говоритъ ей сватъ:—сама ваша барыня на томъ съ Иваномъ Андреичемъ порѣшила.

— Не могу знать,—отвѣчаетъ Васильевна: — потому намъ барыня ничего не приказывала, а конечное дѣло—ея сила-воля: захочетъ—отдастъ дѣвку за Сидора,—не захочетъ:—не отдастъ.

Такъ и ушли сваты почитай-что ни съ чѣмъ.

Только приходитъ Авдотья отъ барыни, да какъ взвоетъ:

— Мамушка, родимая моя, велитъ мнѣ барыня за Сидора ковригинскаго идтить, а мнѣ и замужъ не хочется, да и Сидоръ нелюбъ.

Стала Васильевна дочку унимать, а та ей:

— Зоветъ тебя, мамушка, барыня; хочетъ тебѣ объ томъ самой сказать, говоритъ, запамятовала объ этомъ, за дѣлами. Мамушка родная, поклонись ты ей въ ноги, упроси-умоли, чтобъ не выдавала меня силкомъ за немилаго.

— Ладно, ладно,—говоритъ Васильевна:—за мной дѣло не станетъ, буду просить барыню... Только, дочка милая, не будетъ съ этого толку—знаешь чай: одно слово у барыни — чтó разъ положила, тому такъ и быть... Помолись ты лучше Богу, а я пойду.

Пришла Васильевна къ Аннѣ Ивановнѣ, пала ей въ ноги, а та:

— Чтобы, говоритъ, была твоей дочки съ Сидоромъ свадьба сыграна черезъ шесть недѣль. Отъ меня же вамъ за вѣрную службу всего будетъ—и холстомъ и кое-чѣмъ другимъ на приданое.

Встала Васильевна, поклонилась барынѣ низехонько и назадъ пошла, сама пригорюнилась. Только приходитъ домой и говоритъ дочкѣ, каковъ такой ей отъ барыни приказъ вышелъ: велѣно-де тебѣ, дочка, безпремѣнно чтобъ за Сидоромъ быть. Побѣлѣла дѣвка, что твое полотно:—Охъ, говоритъ, мамушка, да какъ-же-жъ это можно, коли нелюбъ онъ мнѣ? Ты мать, а и ты принуждать не хотѣла, кому же какъ не тебѣ въ этакомъ дѣлѣ власть надо мной дана!

— Ахъ, ты дитенко мое глупое,—отвѣчаетъ Васильевна:— слышишь, вѣдь сама барыня велитъ, да и какая еще барыня, Анна Ивановна!

— Ну, что же что барыня,—опять говоритъ Думушка:—раба я ейна, это какъ есть: чтó работать велитъ, тó буду, ну, а замужъ силкомъ развѣ можно? не ей съ постылымъ жить — мнѣ чай...

Покачала головой Васильевна:

— Вотъ-то, говоритъ, разумъ ребячій!.. Какъ прикажутъ господа, не то что замужъ пойдешь за кого не хочешь, а и такъ... Ахъ, ты, доля наша горькая! И заплакала.

Не сказала тутъ Думушка ничего больше, только повернулась и шасть изъ избы да къ тёткѣ. Прибѣжала въ стару кузню: Вѣдиха на порогѣ сидитъ, прядетъ.

— Тётынька родимая, хотятъ меня за Сидора ковригинскаго отдавать—силкомъ.

— На что силкомъ,—отвѣчаетъ старуха:—а ты сама по охотѣ ступай. Чѣмъ Сидоръ Поликарпычъ не женихъ? степенный онъ человѣкъ, смирный, работящъ хоть куда, не пьетъ, веселый.. Какого тебѣ еще жениха нужно?

— Да нелюбъ онъ мнѣ, тётя.

— Отчего нелюбъ, чѣмъ худъ? Старъ онъ для тебя, что-ли? Охъ, дитятко ты мое желанное! и со старымъ инō лучше да счастливѣе вѣкъ проживешь не-ежель съ молодымъ. Да Сидоръ и не старъ: годовъ ему всего тридцать съ небольшимъ будетъ... это что еще за года! Вотъ, что вдовъ да робятъ двое—это точно,—да и это не горе: робята—Божье благословеніе въ домѣ, чѣмъ ихъ болѣ, тѣмъ лучше; ты не обидчица-мачиха будешь, станутъ тебя Сидоровы робятки любить, а какъ сама робятъ носить почнешь, то и есть у тебя нянька готовая въ дому... Эхъ Дýша, Дýша, вѣрное это твое слово: плохо-де съ нелюбымъ жить! А я тѣ вотъ что скажу: ѐще хуже коли мужа любишь, да врозь съ нимъ жить надоть... вотъ хоть бы какъ я жила съ мужемъ покойнымъ—врозь цѣлыхъ двадцать-пять годовъ. Вся-то молодость въ слезахъ прошла, только на старости лѣтъ свидѣлись мы опять съ Сергѣемъ. А каковъ онъ домой пришелъ?.. весь-то хворой... О, Господи! И за что его баринъ въ солдаты отдалъ, за каку-таку провинность? А вотъ за каку: ѣхали мы съ нимъ въ село сосѣдне къ вечерни, наканунѣ Рождества, я беременная—замужъ вышедши была, и всего мѣсяца съ три. Ѣхали мы на дровняхъ и какъ доѣхали до крутого косогора у самаго у озера Великаго, и слышимъ вдругъ гонитъ за нами барская тройка, и кричитъ кучеръ: сторонись, сворачивай, мужичье! Ну, какъ тутъ сворачивать: косогоръ крутой-прекрутой, близъ косогора проруби—рыбу тутъ ловятъ, оттого тутъ и дорога не по озеру, а по берегу—сверни только: прямо въ пролубь попадешь, уйдешь подъ ледъ и поминай какъ звали. Погналъ Сергѣй лошадь, что есть мочи, а господская тройка вихремъ летитъ, а оттого еще не нагнала, что два-три тутъ поворотка околъ горушекъ, а крикъ

же кучеровъ намъ еще издалёчка слышно черезъ озеро. Ну,— говоритъ Сергѣй: нагонять — задавять, — не свернемъ, все одно пропадать. Перекрестился онъ, ударилъ по лошади, дернулъ на сторону и покатились мы подъ гору. Лошадь да сани, благодаренье Господу, на льду остались, а я такъ-таки прямехонько и бултыхнула въ воду... да на счастье въ вожжахъ запуталась, въ глубь не ушла. Такъ за то прогнѣвался баринъ, что не съ-разу свернулъ Сергѣй съ дороги. Вытащилъ меня мужъ изъ воды, а я безъ памяти—насилу оттеръ, какъ домой привелъ, чуть и не замерзла я, мокрая-то вся, пока до дому гнали—верста вѣдь цѣла отъ косогору того до насъ. На другой же день, въ самое Рождество Христово, повезли мужа въ городъ, и какъ можно стало чиновникамъ, такъ лобъ ему забрили, а покамѣстъ при полиціи въ темной сидѣлъ. Осталáсь я одна-одинешенька, больная... робеночка выкинула, и потомъ робятъ не носила, какъ и мужъ воротился—стара я стала. Съ холоду, да съ хворости, да съ горя и скрючило меня, какъ теперь я есть, уже съ молодыхъ годовъ... И стала я тутъ думать, отчего мнѣ никто помочь не можетъ, и какъ бы это хорошо:—выучиться какъ помогать хворымъ людямъ отъ ихнихъ болѣстей разныхъ. Стала я у старыхъ людей пытать, кáкъ и кому чтó помогаетъ... такъ и лечить выучилась. Смилостивился надо мной потомъ и баринъ: приказалъ мѣсячину выдавать, а то куды бы я пошла убогая, да нищая—попервоначалу жила же я тѣмъ, что у Сергѣя хлѣбушка припасено было—работящъ былъ и семьи не бѣдной. И, охъ—тяжелы да долги мнѣ эти двадцать-пять лѣтъ показались, сиротѣ круглой! Ну, а какъ воротился Сергѣй... словно бы и ему и мнѣ не въ радость: высохло и у меня и у него сердце съ тоски да съ печали... а ужъ какъ молила я Господа, чтобы вернулся онъ. Ну, вернулся—я солдатка—кто солдатку добромъ помянетъ—меня же еще и опасалися, что лечить умѣю. Пришелъ Сергѣй хворый да сердитый, сталъ жить дома—въ солдатахъ ковать выучившись былъ, приняли его господа въ кузнецы. Такъ все въ кузнецахъ и жилъ, пока померъ... Не много я отъ него счастья тутъ увидала... только и было, что передъ смертью сказалъ онъ мнѣ: прости ты меня, прости, Мавра, что больно крутъ съ тобой былъ,—ну, не моя въ томъ винà, господская: изсушили они меня... искалѣчили по охотѣ господской обоихъ насъ, а мнѣ того почитай, что не изнесть было!...—Да, племянушка ты моя, дитятко мое милое, коли ты за Сидора пойдешь, може еще счастливая будешь.

— Значитъ и ты, тётинька, мнѣ за Сидора идтить велишь?

— Нѣ, нѣ, дитятко, Христосъ надъ тобой! Ничего я тебѣ не

велю, никого я нудить не могу! только ужъ коли хочетъ того барыня, то все одно что надоть тебѣ покориться.

Пришла Думушка домой темнѣй темной ночи. Не ѣстъ, не пьетъ, только потихоньку плачетъ. Стала Васильевна коё-что изъ приданаго дошивать—надавала имъ барыня всего: и холста, и нитокъ и шерсти, сукна тоже на шубу Авдотьѣ подарила и пера дала на перину да на подушки... не скупая была, это нечего сказать, и за то Васильевну жаловала, что тая ей вѣрно служитъ—за птицей хорошо ходитъ. Ну, и то сказать: угодить хотѣла Ивану Андреичу Ковригину, Сидорову барину, нуженъ онъ ей самой въ тѣ поры былъ, и знала она, что онъ Сидора любитъ. Даже люди которые завидовать Васильевнѣ стали: «ишь, молъ, каку прорву добра все ей, да ей суетъ барыня, точна одна Васильевна слуга господамъ, а мы будто ужъ такъ ничего и не заслужили... тоже и мы съ утра до ночи рукъ не покладаючи бьемся... Такъ мы не умѣли угодить, а околъ кого нечисто, тому и счастье!...». Да, многіе тутъ на куму обидѣлись и даже зла желать ей стали, а допрежь того почитай со всѣми въ миру жила.

Сидоръ же Поликарпычъ тѣмъ времячкомъ словно бы на десять лѣтъ помолодѣлъ—въ великую это ему радость, какъ совсѣмъ дѣло сладилось и знаетъ онъ вѣрно, что отдаютъ за него дѣвку. Убираетъ онъ это домъ свой, украшаетъ, хочется ему молодой женѣ угодить. Въ городъ съѣздилъ, накупилъ подарковъ, разныхъ гостинцевъ, стащилъ ихъ на птичный дворъ. Благодаритъ Васильевна, кланяется, сама чуть не плачетъ; Думушка сидитъ, молчитъ въ углу на лавкѣ, а Сидоръ съ радостей ничего не видитъ, не понимаетъ, каково невѣстѣ нареченной, да и будущей тещѣ. Подходитъ времячко ужъ и къ самой свадьбѣ, и видитъ Думушка что волей-неволей, а надо за Сидора выходить, и стала у матери, да у барыни проситься на богомолье въ Иверскій монастырь Владычицѣ Небесной поклониться. Иверскій же монастырь отъ нихъ не болѣ какъ въ сорока верстахъ, и ходитъ туда народу много со всякихъ мѣстовъ. Стоитъ монастырь на острову, на большомъ озерѣ—версты три, почитай, богомольцамъ лѣсомъ идтить приходится опосля того, какъ ихъ на паромѣ на островъ перевезутъ. Лѣсъ же на острову старинный, заповѣдный... Прохладно тамъ, тѣнисто... хорошо, особливо тому, кто лѣтомъ издалека идетъ на жарѣ да по пыли.

Монастырь старинный тоже, богатый: кормятъ-поятъ монахи даромъ всѣхъ, кто ни придетъ, богомольцевъ ли, крестьянъ ли сосѣдскихъ—больно много тамъ бѣдности во крестьянствѣ по

округѣ: чтó хорошія земли и лѣса—все монастырски, не мужицки угодья. Ну, богомольцы, кто приходитъ—богатые и бѣдные—всѣ по силѣ-мощи на монастырь и на икону жертвуютъ Матери Божіей. Она же, Матушка, исцѣляетъ приходящихъ и отъ болѣзней и отъ печали.

Выпросилась это Думушка на богомолье и пошла; еще двѣ старушки по сосѣдству тоже съ ней пошли—въ монастырѣ всѣ три и говѣть хотѣли. По дорогѣ зашли къ намъ ночевать, а мы какъ разъ на полъ-пути отъ нихъ къ монастырю. Отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ поклоны они намъ принесли, и очень обрадовались мы со старухой Думушкѣ—давно не видалъ я въ тѣ поры крестницу. Напоили мы ихъ, дорожныхъ, накормили, и стала потомъ старуха спать укладываться, а Думушка не ложится: сѣла себѣ на завалинкѣ у избы, пригорюнилась будто, да въ даль на озеро смотритъ,—ночь же была лѣтняя, свѣтлая, хоть и не мѣсячная. Управился я съ лошадьми, иду съ конюшни домой—поздно ужъ было, вижу сидитъ крестница на улицѣ и сталъ ее звать: ступай, молъ, спать дѣвушка, что полунощничаешь? Гляди, вѣдь еще и завтра вамъ, почитай, двадцать верстъ пѣшкомъ идтить.

— Не спится мнѣ что-то, крёстный,—отвѣчаетъ Думушка,—да я и тебя поджидала: нужно мнѣ съ тобой словечкомъ, другимъ, перемолвиться.

— Что-жъ, говорю: коли есть у тебя объ чемъ со мной потолковать, потолкуемъ въ добрый часъ... и самъ сѣлъ около нея.

Сидитъ она—сначала молчитъ, а потомъ:—отдаетъ меня противъ воли барыня замужъ,—говоритъ.—Слыхалъ я, что Сидоръ ковригинскій за тебя свatается, такъ не худой онъ человѣкъ, кажись, чего тебѣ за него неволей идтить? А главное дѣло: уходишь ты такимъ манеромъ у барыни своей изъ-подъ началу — лютà она больно у васъ, слыхали мы.

— Охъ, крестный, что мнѣ барыня! Я бы лучше въ сыру могилу легла, чѣмъ мнѣ за Сидора выходить, а барыня что!... Жила я у ней подъ началомъ доселева, жила бы и опосля...

— Да чѣмъ же, говорю, — плохъ-отъ Сидоръ? Знаю я его хорошо, приходится мнѣ братомъ троюроднымъ...

— Ничѣмъ не плохъ,—отвѣчаетъ Думушка:—мнѣ нелюбъ, да и замужъ мнѣ еще вовсе идтить не хочется...

— Охъ, говорю: дочка крёстна, дитятко мое милое, всѣ-то вы дѣвушки молодыя-красныя такъ: не хочу, молъ, не хочу замужъ, а сами рады-рады, чтобы хоть кто-нибудь да взялъ...—и засмѣялся

я тутъ. А тамъ и говорю: ну, а коли и въ самомъ дѣлѣ нелюбъ тебѣ Сидоръ, такъ и это не бѣда: стерпится-слюбится.

Только воздохнула Думушка:

— Вотъ и ты, какъ всѣ, крёстный; ну, а пока стерпится-то каково? Послѣдня надежда у меня на тебя была, да еще на Матерь Божію: дай, думаю, схожу на богомолье, да къ крёстному зайду, поспрошаю у него совѣту, какъ мнѣ быть, а потомъ Владычицѣ небесной помолюсь, чтобы утишила мое сердце. Не втерпежъ мнѣ, крёстный....—встала она тутъ, въ ноги мнѣ поклонилась: скажи ты мнѣ, какъ мнѣ быть, какъ сдѣлать, чтобы хоть самъ Сидоръ Поликарпычъ отъ меня отказался. Матушка съ тётынькой помочь мнѣ не могутъ ни въ чемъ ничего—страшна имъ барыня, боятся господскаго гнѣву, а я... не могу я съ собой совладать, какъ подумаю, что возьмутъ меня, свезутъ въ церковь, повѣнчаютъ съ кѣмъ хотятъ, отдадутъ подъ началъ къ чужому человѣку, къ нелюбимому...

Стала меня тутъ на нее жалость брать, да признаться и досада:—Эхъ, говорю, крестница, непутевое ты толкуешь! Ты бы рада быть должна, что за хорошаго человѣка идешь, да и отъ барыни своей уходишь... другіе кои еще тебѣ завидываютъ, а ты вонъ что толкуешь...

— Что ты, говоритъ, крёстный мнѣ все про барыню... я до ей не касаюся, что нужно, все она матушкѣ приказываетъ... Ты говоришь: мнѣ кои завидываютъ—не завидная теперь моя доля! Вотъ, какъ я до сей поры жила, то другó дѣло... Крёстный, родименькій!.. и заплакала: послушай ты, каковó-ли мнѣ хорошо было... Ахъ, ты, жизнь ты, моя дѣвичья, счастливая! Ни горюшка, ни заботушки, только радость одна. Матушка веселая, да добрая, ни била, ни бранила меня николи, все только ласковымъ словечушкомъ, да смѣшкомъ наставляла. Про тётушку Вѣдиху и говорить нечего; жила я за ими что у Христа за пазухой... А тутъ, велятъ за стараго да постылаго идтить, цѣловать его, миловать надоть будетъ, слушаться во всемъ, что ни прикажетъ... А у меня не то на умѣ, мнѣ все еще кажется, что я махонька дѣвчоночка, куда-жъ мнѣ замужъ идтить. Помню я, какъ я махонька была... сидитъ, бывало, мамушка прядетъ, а я и вьюсь околъ ногъ у нея... и придетъ тутъ тётушка Вѣдиха, нанесетъ травъ, цвѣту разнаго. Станетъ она посередь избы, клюкой подопрется: подь сюда, Дýша, скажетъ: гляди какого богачества я принесла.

— Ну, и богачество!—засмѣется мамушка,—этого богачества на болотѣ скирды стоятъ.

— И слава-те, Господи!—скажетъ тётя:—только тамотко оно на одну потребу, а у меня на другую. Подь же сюда, подь, Дўша, семъ я тебѣ покажу, что куда надобится.

— Подвернусь я къ тётѣ, сядетъ она на лавку... мамушка прядетъ, да тихонечко пѣсню поетъ—любимая это у ей была: «Ахъ ты поле мое, поле чистое! Ужъ и чѣмъ же, поле, ты изукрасилось?—Все цвѣточками, василёчками...» Какъ поетъ эту пѣсню, такъ даже плачетъ, бывало. И тётя вздохнетъ тутъ и скажетъ: «Охъ, охъ, много такъ-то молодцовъ въ полѣ чистомъ полегло, про отца съ матерью, про молоду жену споминаючи...» И станетъ меня потомъ тётя про травы да про цвѣты разные учить: вотъ, скажетъ, гляди: это травка богородицына, болѣ по пустырямъ растетъ: синѣется, краснѣется—ковромъ густымъ разстилается. Хорошо ее сушить и пить давать, у кого грудь болитъ. Вотъ и этотъ цвѣтъ тоже—анютины глазки прозывается—больно грудь мягчитъ. А вотъ звѣробой, гляди какí кустíщи, повдоль лядинъ его обирать надоть—это старикамъ отъ одышки. А вотъ мята, вдоль ручьевъ растетъ; вотъ душица изъ рощи—эти отъ простуды топить надоть. Это шалфей, отъ жабы—горло полоскать, пить тоже можно. Вяжи ихъ, Душенька, въ пучки, разбирай сначала, одну къ одной клади. Вотъ мать-и-мачиха,—эта отъ груди. Чуднá эта травушка: весной сперва цвѣтъ выпуститъ желтенькій, мохнатый, на стебелькѣ тоже на шершавомъ, на мохнатомъ... сорвешь его, поставишь въ воду и долго онъ не помираетъ—отъ матери-земли сырой оторванъ, а все растетъ, вытягивается. Какъ отцвѣтетъ цвѣтъ у мать-и-мачихи, только тогда листъ выходитъ — лапами такими большущими, будто лопухъ круглый; растетъ онъ тоже по мѣстамъ песчанымъ. Вотъ эта звѣздочка бѣлая — это горлянка, оттого такъ прозывается, что для горла, у кого болитъ, великая отъ нея польза. Вотъ травка куповочка для краски—въ желтый цвѣтъ краситъ. Вотъ калина—отъ золотухи; вотъ верескъ—курить имъ отъ заразы... вяжи ихъ въ пучки, дѣвушка!.. А у самой глаза черные, какъ уголья горятъ, и хоть зовутъ ее люди вѣдьмой, а мнѣ не страшно ничовушки, потому,—больно ласкова со мной тётя. Погладитъ, бывало, меня рукой по головушкѣ: «и въ кого, скажетъ, ты такá черномазая уродилася? въ меня, должно, космы черныя, что воронье крыло». А руки у тёти худыя да костлявыя и почти-что совсѣмъ сведены съ хворости да со старости... И любо мнѣ, что она меня по головушкѣ гладитъ, прижмусь я къ ней: «Тётя! за что тебя люди вѣдьмой зовутъ, а ты такá душевна у меня, тётя?»—«По дурости, Душа,—не желаю я имъ зла за это, Гос-

подь съ ними—да не лѣнись, работай: все это на пользу хворымъ да убогимъ. Ахъ, много, много у Господа цвѣту разнаго насѣяно и добрымъ, и злымъ людямъ на потребу, все одно какъ и солнышко красное—и злому, и доброму одинаково свѣтитъ...»

— Сидимъ мы такъ-то пока поздно станетъ и домой тётѣ пора сдѣлается... а мы все ужъ разобрали и нучковъ навязали много—развѣшиваемъ мы ихъ надъ печкой, чтобъ сохли, а и на дворѣ, коимъ нужно на солнцѣ высохнуть. Кончимъ дѣло свое и встанетъ тётя, станетъ прощаться: «Ангелъ-Хранитель надъ вами, родимые мои», скажетъ и пойдетъ; а у меня ужъ тутъ глаза слипаются, словно мнѣ кто ихъ пескомъ засыпаетъ. Ляжетъ мамушка на печку, и я къ ней подвалюсь подъ бокъ,—не знаю сама какъ и засну. Проснусь на друго утро—у мамушки ужъ печка трещитъ, и окошко отворено, и солнышко въ избу свѣтитъ, а мамушка и крикнетъ: «Вставай, лѣнивая, ишь ужъ женихи ворота поломали, стучамши, тебя дожидаючись». Прыгну я съ печки живехонько, побѣгу къ ключьку мыться—за дворомъ изъ-подъ сосенки, изъ-подъ камушка журчитъ—полощусь тамъ, пока мамушка опять крикнетъ: «Чего замѣшкалась, сударыня, до коего-то часу куры не кормлены будутъ? Торопись же, ну тебя, ишь полощется, не хуже утки...»—и засмѣется. Поскачу я домой въ припрыжку, забѣгу въ избу, захвачу корму—мамушка около печки убирается. Вотъ, скажетъ, для индѣекъ, для утокъ мѣсиво,—вотъ зерно для куръ, да не забудь корытичко вымыть и воды чистой набрать—птица чистоту любитъ, отъ чистоты и здорова, и весела бываетъ, какъ и человѣкъ тоже. Стой! рамку для индюшатъ забыла—индѣйка птица нѣжная: коли съ земли, да особливо при сырости, корму поклюетъ, недолго и околѣть можетъ. Заберу я все, все по мамушкину слову сдѣлаю, стану птицу кормить—облѣпитъ она меня со всѣхъ сторонъ: кто кудахтаетъ, кто воркуетъ, кто поетъ: сердце радуется глядя—куда ни пойду, бѣгутъ животы за мной, какъ собаки...

— Была у насъ и собака, Шавкой звали—мохнатая, хвостъ пушистый—дворъ караулила. Тоже, бывало, какъ завидитъ меня, откуда ни-на-есть стрѣлой ко мнѣ несется, лапамъ на плечи мнѣ вскочетъ—выпижетъ мнѣ языкомъ все лицо и повалить норовитъ—играетъ. Свалитъ инό съ ногъ, а сама радуется и околъ вертится; я лицо въ руки спрячу, а она и скребетъ лапкамъ по рукамъ, въ лицо лизнуть хочетъ, а сама и визжитъ, и лаетъ, и хвостомъ машетъ. Стану я отъ ней прятаться—и гдѣ ужъ ни прячусь, она все найдетъ, совсѣмъ какъ есть понимаетъ, что я съ ней въ хоронушки играю, только сама ужъ не прячется, все

я должна хорониться... Какъ откормлю я птицу, стану съ Шавкой играть, и опять крикнетъ меня мамушка: «Иди, Дунка, завтракать, чего застряла? небось; съ Шавкой забаловалась! постой, вотъ я васъ обоихъ помеломъ, безпардонная команда!» Схватимся мы съ Шавушкой домой бѣжать, зналъ и онъ слово «завтракать», прибѣжитъ къ крыльцу Шавка и остановится, нейдетъ въ избу: не любила мамушка, чтобы псу быть, гдѣ божье благословенье—иконы; сядетъ онъ на дворѣ подъ окномъ открытымъ, а столъ у самаго окна стоитъ—Шавушкѣ все и видно—беретъ его на насъ зависть и станетъ онъ тоже просить,—такъ ли тихонечко сначала, а потомъ все громче, все громче... Напечетъ мама сочней съ творогомъ, славно таковó!.. Наѣмся я дóсыта, помолюсь Богу, прыгну за дверь къ Шавкѣ и онъ сытъ—я, что сама кусокъ въ ротъ, то и ему въ окошечко, а мамушка и говоритъ: «Чего пса кормишь, баловница, на то онъ и песъ, чтобы самому кормиться... не знаешь, развѣ, что тотъ песъ только и удался, который самъ себя прокормить можетъ? на чтó Шавку балуешь, взять бы васъ и обоихъ-то, да...»—и вдругъ засмѣется, и вижу я, что не сердита мамушка, не можетъ она ни на кого въ-самъ-дѣлѣ сердиться, а на меня ужъ и совсѣмъ ей нельзя, такъ я Шавушку знай да знай прикармливаю. Прыгну я послѣ завтрака за дверь, подскочу къ окну и крикну: «Шавушка, скажемъ спасибо этому дому, да скорѣй къ другому!» и побѣжимъ-побѣжимъ къ тётѣ...

— Къ тётѣ лѣсомъ бѣжать надо—и ахъ хорошо въ лѣсу! и такъ я тамъ дорогу знаю, что съ закрытымъ глазамъ идтить могу, а сама знаю гдѣ иду: вотъ бѣгу березничкомъ—шумятъ листочки березовы особымъ шумомъ—мелкіимъ, а весной тамъ почками березовыми пахнетъ. Далѣ, повыше, осинникъ пошелъ; тутъ, промежъ осинникомъ, осенью медомъ пахнетъ отъ чай-Ивана да отъ донника; трепещется листъ осиновый—хлопаетъ—тутъ мнѣ ажъ страшно становится: люди сказываютъ, Іуда-христопродавецъ на осинѣ повѣсился, оттого она и до сей поры трепещется-трясется, когда и вѣтру нѣту. Вотъ на горку забираюсь въ сосникъ—мягко тутъ по хвоѣ бѣжать и сосной пахнетъ, духомъ смолистымъ; шумитъ сосна, словно бы вода далекая какая въ ручьяхъ журчитъ.

По за горкой все мѣстечко ельничкомъ молодымъ, густымъ заросло; бѣгу я по дорогѣ и слышу—шелестятъ справа да слѣва вѣточки еловыя частыя, будто кумушки деревенскія пересыпаютъ—сосѣдей перемываютъ... и пахнетъ тутъ до Петровокъ цвѣтомъ ландышемъ, любитъ онъ рость подъ ёлками, гдѣ не часто, особ-

ливо по горѣлому мѣсту, а и по пустырю. Тутъ осенью брусники страсть что́—сладкая, крупная.

Прибѣгу я къ тётѣ, а та инó по хозяйству копается, инó травы свои лекарственны разбираетъ, а инó у порога сидитъ, ужъ убрамшись. «Ахъ, скажу, тётынька христовая, да коли-жъ ты успѣла прибраться?» — «А ты думала я такъ-то, какъ ты, спать стану. Я до солнышка встала — старымъ людямъ менѣ спится, нежели молодымъ. Да гдѣ у тѣ Шавка?» А онъ и бѣжитъ изъ лѣсу, толстый такой сдѣлался. «Ага,—скажетъ тётя:— видно зайченка изымалъ да съѣлъ». Станетъ онъ околъ нея вертѣться, залаетъ съ радости, а она и скажетъ: «Ну, ты, тише, не то животовъ моихъ спугнешь!..» А я какъ погляжу, такъ на крышѣ, да по забору, да въ кустахъ, околъ кузни, всякой птицы набралось, перескакиваютъ кои съ вѣтки на вѣтку, кои смирно сидятъ и не поетъ никакая, видно насъ съ Шавкой испугались. «Ахъ, тётя тётынька, какъ это чуднó, что ты такъ лѣсну птицу приманивать умѣешь?» — «Чего чуднó, не хитрое это дѣло: не бью я божьяго творенья, не пугаю, собакъ, кошекъ не держу, ну, когда и кормомъ побалую—вотъ-те и вся приманка».

Пойду я отъ тёти домой, и все-то еще дивую, дивую, что никакой звѣрь, ни птица ея не боится, а любитъ; и стала я такъ же дѣлать, какъ она — какъ пойду въ лѣсъ, такъ овсеца съ собой возьму, а то и хлѣбца, бѣгу, сама крошу да сыплю, и меня перестали птицы опасаться, особливо ежели безъ Шавки. А его скоро не стало у насъ, взяла его барыня на скотный дворъ, и тамъ его корова рогомъ зашибла, и околѣлъ Шавушка. Я кажинный день къ ему бѣгала, и радъ-радъ онъ какъ я-то приду—послѣдне времячко ужъ ходить не могъ, лежалъ въ хлѣвушкѣ на соломкѣ, лежитъ да словно бы человѣкъ стонетъ. А какъ я приду и станетъ онъ мнѣ руки лизать, самъ мнѣ въ глаза глядитъ, будто слово вымолвить хочетъ — сказать, каковó ему тяжко. Плакала я-таки по ёмъ, какъ онъ издохъ.

Какъ приду я домой отъ тёти, стану до обѣда что́ ни-на-есть мамушкѣ въ работѣ помогать, то на дворѣ, то на огородѣ... Только лѣтомъ она меня работой не нудила. — «Набирайся таперичка, скажетъ, силъ на зиму—долгà зима—станемъ мы зимой ткать, прясть, шить пора тебѣ учиться будетъ». И послѣ обѣда я мамушкѣ кое въ чемъ помогаю, а какъ вечеръ придетъ сяду на крылечко и сижу, пока солнышко зайдетъ и вовсе стемнѣетъ и стихнетъ кругомъ да около. Любо мнѣ слушать, какъ все стихнетъ, всякій голосъ одинъ за однимъ, и все-то все спать ложится,—не одни люди, а и птицы и звѣрь всякій. И травушка,

и кусты затихають, и вѣтру больше не слышно. Коли тётя вечеромъ не придетъ и не войду я за ней въ избу, такъ такъ и сижу, пока мамушка ужинать соберетъ, да меня кликнетъ. А инб и ужинать не пойду, дай, скажу, мама, я соловьевъ послушаю —ишь заливаются. Ахъ, Боже мой милостивый! вся-то эта жизнь прошла—никогда не вернется, а я-то, крестненькій, думала—и вѣкъ въ такомъ счастьѣ, да холѣ, да радости проживу...

Сказываетъ мнѣ все это крестница, и стало мнѣ ее страсть какъ жалко, ну, помочь ничѣмъ ничего не могу и говорю ей: Радъ бы я тебѣ помочь, дѣвушка, да не въ нашей это силѣ-власти, дѣло наше подневольное—одно я тебѣ скажу: молись ты Богу, да Иверской Матушкѣ Владычицѣ Небесной, чтобъ утишила она твою грусть, тоску-злодѣйку.

А Думушка меня будто и не слушаетъ, забылась словно, глядитъ себѣ такъ-то вдоль, на озеро, и не говоритъ ничего, а мнѣ такъ ее жалко-жалко, что и сказать тебѣ не могу, и не ее одну, а всѣхъ крещеныхъ, что въ неволѣ маются вѣкъ-вѣченскій, и себя тоже.—Вотъ-то, думаю: помыкаютъ нами господа, какъ хотятъ, точно скотиной домашнею, только что подъ обухъ не ведутъ. И таково мнѣ тутъ на сердцѣ горько стало; замолчалъ я, какъ и она,—только сижу да на нее гляжу, и думаю: сирота ты моя, сирота горемычная! Посидѣли мы такъ ли нѣкоторое времячко, потомъ глянула опять на меня Думушка и говоритъ: «Крестный, отчего у тебя таковъ ликъ скорбенъ сталъ, вѣдь тебѣ меня не жалко. Коли-бъ тебѣ меня жалко было, не сталъ бы ты меня тоже уговаривать за Сидора идтить, не сказалъ бы: покорись, дочка крестная—сила соломушку ломитъ!»—Какъ ни жалко мнѣ тебя, говорю, да съ жалости моей проку мало, ничѣмъ помочь тебѣ не могу. — «Ну, такъ и не жалѣй. Вотъ и ты такъ же, какъ и мамушка: тая тоже все твердитъ: покорись, покорись, молъ, дочинька, а сама плачетъ, и у ней стало такое лицо печальное. Николи я ее такой не видала прежде, только однова это было, когда батю покойнаго овиномъ задавило и домой его люди принесли на рукахъ—страшный онъ такой—грудь расшиблена—изо-рта кровь съ пѣной. Послала его барыня овинъ старый разбирать еще съ двоими дворовыми—ну, и задавило ихъ всѣхъ троихъ,—тѣ-то двое ожили потомъ, ну, а тятеньку до смерти на мѣстѣ убило. Я тогда махонька была, зимой дѣло было, трещитъ морозъ, ну, и солнышко свѣтитъ; бѣло-бѣло на улицѣ—вездѣ по полю, по лѣсу ворохомъ снѣгъ лежитъ, блеститъ на солнцѣ—глядѣть ажно больно,—такъ я это хорошо помню, словно бы вчера это было, такъ все передъ собой и вижу. Было мнѣ

въ тотъ день такъ ли весело, отпустила меня мамушка на деревню—а тамъ у робятъ гора слажена: кататься съ ней. И катаемся мы съ ней—кто на санкахъ, кто на рогожкѣ—у меня рогожка была. Каталась я такъ-то съ робятамъ и прибѣги старостихина дѣвчонка, Малашка, увидала меня, да какъ крикнетъ, сама на меня рукой указываетъ: «Вѣдьма, вѣдьма, Вѣдихина племянница!—гоните ее прочь, робятушки, что намъ съ вѣдьмой водиться. Намъ и безъ нея хорошо. А сама злая такая стала и снѣгомъ въ меня кидаетъ. Стали меня и други робята гнать: «пошла вѣдьма, гони вѣдьму!» и тоже снѣгомъ въ меня кидаютъ —и какъ попадетъ мнѣ одинъ комокъ да въ глазъ, больно мнѣ такъ стало — заплакала я ажъ, захватила рогожку, домой побѣгла. — «Постойте, молъ, вы! я на васъ мамушкѣ скажу, она вамъ дастъ». Прибѣгла я домой — плачу, жалюсь мамушкѣ на робятъ за обиду, а пуще всѣхъ на Малашку. Осерчала мамушка страсть какъ, хоть и не сердитая.—«Постойте, говоритъ; попадись мнѣ только эта Молощенка, повыдергаю я ей космы ея бѣлыя, научу обижать кого не слѣдъ да и не за что,—хоть и не отъ ей самой это идетъ, а отъ матери ея, сторожихи. Сердита она на меня за то, что отказала я ей въ яйцахъ изъ-подъ куръ нашихъ. Пристала тоже, дай да дай мнѣ, Васильевна, пяточекъ яичекъ цыцарскихъ... Дура она, вотъ что... вывелись бы у ей цыцарки, донесъ бы кто Аннѣ Ивановнѣ—страсть бы что тутъ было, и мнѣ, да и ей тоже. А ей вотъ приспичило, вишь, цыцарокъ захотѣлось, а я и не дала, потому нельзя, а не то что мнѣ ихъ жалко; коли мои бы цыцарки, не барскія, развѣ я бы отказала. А она сердится, потому истинно сказано, каковъ у нашей сестры разумъ: дологъ бабій волосъ, да умъ коротокъ. Оттого и дочку противъ тебя научила—дура она дура». Говоритъ мамушка такъ-то, и вдругъ видимъ мы, въ окно идетъ къ намъ народъ, несутъ чтой-то. И въ избу несутъ—Господи! говоритъ мамушка, да что это?.. Глядь, а это батюшку принесли, а онъ ужъ и Богу душу отдалъ. Долго-долго опосля того не слыхала я, чтобы смѣялась мамушка или пѣла, а меня все болѣ къ тётѣ посылала.

И опять замолчала Думушка, про отцову смерть вспомнивши. Хорошъ былъ человѣкъ отецъ у ней, жили мы съ нимъ ладно, да дружно—жаль, безъ покаянья помереть пришлось.— Однако на все Господня воля.

Посидѣли мы опять молча малое времячко и встаетъ вдругъ Думушка и говоритъ:

— Ну, ладно, крестный: что тобой сказано, то сказано, и благодарю я тебя на твоемъ словѣ, что мнѣ молиться велѣлъ

Владычицѣ небесной; буду я теперь ей слезно кланяться, не поможетъ ли Матушка Царица небесная, а люди ужъ видно помочь мнѣ не могутъ.

Такимъ словомъ со мной простилась моя крестница и спать ушла въ избу къ старухамъ ко своимъ; а я убрелъ на сѣновалъ на свой и долго-долго заснуть не могу, и все мнѣ мерещится, что̀ Авдотья сказывала; и потомъ и объ ей думаю: какъ это ей тяжко замужъ идтить—и дивую, отчего бы ей такъ Сидоръ противенъ, а онъ какъ есть всѣмъ хорошій человѣкъ. Такъ насилу-насилушку заснулъ я въ тую ночку. На друго утро чѣмъ свѣтъ ушли наши богомолочки. Черезъ недѣлю назадъ шли, и опять къ намъ же ночевать завернули. Ну, спрашиваю: какъ, молъ, пожила, крестница, въ монастырѣ?

«Хорошо», отвѣчаетъ. Ничего такъ больше и не сказала и про свадьбу не поминала ни единымъ словомъ.

Переночевавши, простились богомолочки съ нами и отправились домой раннимъ утречкомъ по росѣ—до свѣту, почитай. Послали мы съ ними поклоны всѣмъ, кому слѣдовало, и остались съ Вахрамѣвной. Какъ проводили крестницу, и говоритъ мнѣ моя старуха: «Никакъ повеселѣла Авдотья маленечко, авось, далъ Богъ, ума набралась, поговѣмши. И что это за чудна̀ дѣвка така̀: не любъ, не любъ Сидоръ! — ума я не приложу, какого еще человѣка ей нужно,—тоже вѣдь не королевна, не царевна кака̀». Ничего я своей старой не отвѣтилъ, потому и сказать мнѣ нечего, и самъ я тутъ ничего не понимаю.

Тутъ въ скорости уѣхали мы съ бариномъ въ Москву: судился тогда дѣдушка твой съ подрядчикомъ однимъ, съ воромъ, насчетъ лѣсу; и долго же, я тебѣ скажу, тягался съ нимъ, даромъ что большой баринъ, а тотъ мѣщанинъ—не больше того, да полна у того мѣщанина мошна была, ну, и куда слѣдоваетъ могъ онъ подсунуть—что̀ въ судахъ въ тое времячко требовалось. Ну, такъ ли, не такъ ли, а прожили мы съ Матвѣемъ Степанычемъ болѣе нежели годъ не дома, — кое въ Москвѣ, кое въ Питерѣ, все по судамъ таскались. Такъ я и на Авдотьину свадьбу не попалъ, и что̀ та̀мъ было, отъ людей только опосля узналъ.

Какъ воротилась Думушка изъ монастыря домой, словно бы и въ-самъ-дѣлѣ повеселѣла, и не стала перечить насчетъ свадьбы ни матери, ни барынѣ.

Ну, по правдѣ сказать, до барыни-то она и раньше не доходила и только все собиралась:—Я-де пойду, поклонюсь ей въ ноги, вымолю, выпрошу, чтобы не нудила за Сидора. На силу на великую только и отговорила ее Васильевна съ Вѣдихой, знали

онѣ, что не будетъ отъ этого никакой пользы, а только вредъ одинъ: осерчай барыня, страсть бы что тутъ было — отдала бы Авдотью не то что за Сидора, а выбрала бы какого-ни-на-есть лядящаго, да стараго, да бѣднаго мужиченку — пропала бы дѣвка, одно слово, ни за грошъ. Ну, какъ повеселѣла Думушка, такъ и за работу кое-за-какую опять принялась, стала даже матери помогать приданое шить, да все къ свадьбѣ готовить. Васильевна даже возрадовалась, что смирилась-де, наконецъ, дочка. Только что же ты думаешь, что случилось? Какъ ѣхать въ церковь — хвать-похвать и нѣтъ невѣсты. Какъ ни искали — не нашли ни въ тотъ день, ни на другой. Рветъ и мечетъ барыня: я, кричитъ, ей, озорницѣ, задамъ, — коли найдется, будетъ она помнить, что значитъ противъ господской воли идтить. А Васильевна съ Вѣдихой только и твердятъ, что должно руки на себя Думушка наложила. Только нѣтъ, не взяла она того грѣха на душу, уйтить думала, куда-ни-на-есть въ бѣги — и ушла бы, коли бы въ лѣсу не проплутала.

Нашелъ ее ковригинскій лѣсничій на зорькѣ на третій день за десять верстъ отъ дому, спитъ въ кустахъ, умаялась съ бѣготни, да съ голоду; чѣмъ и питалась-то эти три дни, Господь про то вѣдаетъ: убѣгши была изъ дому ужъ къ вѣнцу одѣтая, ничего захватить съ собой не успѣла. Нашелъ ее лѣсничій и предоставилъ къ барынѣ. Просилась у него Думушка съ-первоначала на волю, — только нѣтъ, не отпустилъ — строгій былъ, строптивый человѣкъ: чтó по его слѣдовало, то и дѣлалъ, хоть ты тутъ слезами-рѣкой передъ нимъ разлейся, хоть ему самому грози. Какъ привели Думушку къ барынѣ, и смотрятъ люди, что за чудо такое: не ругается, не дерется Анна Ивановна, только заперлась съ дѣвушкой вдвоемъ. Долго у ней оставалась Думушка — Васильевна же этимъ временемъ на людской обмирала, не чаяла дочки въ живыхъ увидать, опосля того, какъ она въ Анны Ивановниныхъ ручкахъ господскихъ побываетъ. Только и чудеса это! никакого такого увѣчья не сдѣлала барыня Думушкѣ, даже и крику никакого слыхать не было — ходили дѣвушки слушать и подъ двери и подъ окно, только слышно, что Думушка плачетъ, а барыня говоритъ что-то, а чтó — того не разслышали, и потомъ никому того Авдотья не сказывала въ тѣ поры; вышла она отъ барыни, что твое полотенце бѣлая, и домой какъ дошла, такъ на лавку и повалилася. Какъ отпустила ее Анна Ивановна — вышла сама въ дѣвичью и говоритъ ключницѣ: «Чтобъ завтра же Авдотья съ Сидоромъ повѣнчана была». — «Прикажете птичницу позвать?» спрашиваетъ ключница. Грозно такъ глянула на ее барыня, ни-

чего не отвѣтила, къ себѣ ушла. Ну, на другой день одѣли Думушку въ другорядь къ вѣнцу, свезли въ церковь и повѣнчали. Ни словечушкомъ она тутъ никому не поперечила. Что до Сидора, то онъ тогда ужъ и самъ не радъ, что изъ-за него така каша заварилася, да помочь и онъ не можетъ — его тоже подневольное дѣло—вышло отъ господъ дозволенье жениться, а ты понимай, что оно не одно дозволенье, а приказанье — хошь-нехошь—покоряйся. Ну, только не грустилъ Поликарпычъ ничѣмъ ничего—былъ онъ веселый человѣкъ нравомъ, все, бывало, на хорошее надѣется, любимая у него поговорка была: эхъ, не то еще бѣда, какъ во щахъ лебеда, а вотъ когда недалеко до бѣды, какъ не станетъ во щахъ лебеды; альбо такъ: эхъ, все перемелется—мукой будетъ!

Такъ и Авдотьѣ говорилъ: «чего кручинишься, красная? — стерпится—слюбится; знаешь, говорятъ, полюбится сатана лучше яснаго сокола, а я-то, по правдѣ сказать, скорѣе на сокола, чѣмъ на сатану похожъ. Я и покойной жонки не обижалъ и тебя обижать не стану, заживемъ мы съ тобой припѣваючи, что у Христа за пазухой». Пытали его Васильевна съ Вѣдихой слезно молить, чтобы ласковъ съ Думушкой былъ, такъ онъ даже осерчалъ:—«Что это, говоритъ: будто я аспидъ какой, кровопійца, сказано, люблю ее и уважать ей стану во всемъ, чего-жъ вы-то плачетесь, словно она не замужъ идетъ за хорошаго человѣка, а въ сыру могилу ложится». И говорить съ ими не захотѣлъ больше объ томъ.

Прошелъ этакъ невступно годъ послѣ Думушкиной свадьбы, какъ и мы съ дѣдушкой твоимъ изъ разъѣздовъ нашихъ домой воротилися. Ну, какъ быть слѣдоваетъ, объѣздили всѣхъ сосѣдей, и къ Ивану Андреичу Ковригину, къ Сидорову барину, навѣдались. Водился съ нимъ завсегда дѣдушка твой. Былъ онъ, Матвѣй Степанычъ, тогда во всей порѣ, въ силѣ, любилъ и повеселиться, и на охоту съѣздить—подстрѣлить сѣру утицу, лису долгохвосту погонять по полямъ, по лугамъ. А у Ивана Андреича не то, что просто охота, а на славу была: было гдѣ и съ чѣмъ разгуляться—плакались инó мужички, что хлѣбá потоптаны, да что подѣлаешь, нужно же господамъ позабавиться, у иныхъ и много хуже того бывало: Иванъ же Андреичъ поля топтать—топталъ, ну, а безъ хлѣба у него никто не сидѣлъ—ежели у кого въ чемъ недохватка — дождутся добраго часу, и въ ноги барину—не отказывалъ никому, кто въ нуждѣ. Ну, кто ежели безъ разума, во всяко время лѣзъ, тому, точно, инымъ равомъ не сладко приходилося.

Вотъ пріѣхали мы съ бариномъ къ Ивану Андреичу и тымъ разомъ, про который я говорю, не на охоту, а просто въ гости: справлялъ Ковригинъ господинъ барыни своей имянины—а для охоты еще рано: Петровскій постъ еще не начинался. Окромя насъ, да ближнихъ другихъ сосѣдей, съѣхались въ Климушино, какъ и навсегда, гостей страсть что, даже съ Питера были которые пріѣхамши. Сходитъ, это, баринъ съ тарантаса, Матвѣй Степанычъ, и смѣется мнѣ: «Небойсь, Михайлычъ, тоже и ты къ своимъ въ гости»?—«Точно такъ», говорю: «батюшка, Матвѣй Степанычъ, коли милость ваша будетъ отпустить»—«Ступай, братецъ, ступай, только лошадей убери, и ступай».—Убрамшися съ лошадьми, да и поужинамши на Ковригинской застольной—былъ часъ шестой не болѣ, только въ такіе-то праздничные дни для пріѣзжіихъ, почитай, что со стола и не убирали—ни въ людской, ни въ господскомъ домѣ.—Поужинамши, пошелъ я допрежь всего Поликарпыча съ крестницей провѣдать. Жили они недалечко, не на господскомъ дворѣ, а къ деревни ближе, подъ самой ужъ горкой. Прихожу — изба у Сидора новая, большая, прибрана чисто, струментъ весь на мѣстѣ, не лучина въ свѣтецъ заправлена, а свѣчка въ подсвѣчникѣ мѣдномъ на столѣ стоитъ, а за столомъ самъ Поликарпычъ: передъ нимъ щей чашка, да каши горшечокъ махонькой—ужинаетъ.

Авдотьи же нѣту. Ну, вошелъ я, образамъ помолился, поздравствовался съ братомъ:—«хлѣбъ да соль, говорю».—«Милости просимъ», отвѣчаетъ Поликарпычъ: «коли не побрезгуешь»... и зарадовался весь, меня увидамши, самъ весь сіяетъ и лысина—была у него пребольшущая, а борода клиномъ, и какъ засмѣется-то—весь у него ликъ заиграетъ, а борода такъ и заходитъ, и зубы бѣлые засвѣтятся, — простой былъ человѣкъ, не спѣсивый, привѣтливый. «На имянины, чтоль, съ бариномъ»? спрашиваетъ.—«Такъ точно», отвѣчаю.—«Трое сутокъ, значитъ, гостить будете?—Ну, милости просимъ къ намъ почаще, давно, братъ, мы съ тобой не калякали, а я вотъ и второй разъ оженился, да еще и крестницу твою взялъ, пока вы по столицамъ гостили; поди, чу́десъ тамъ навидался теперича, что три года сказывать—всего не перескажешь. Да куда это жена запропала, выходи, молъ, жена крестнаго встрѣчать».—Не откликается Думушка. Всталъ Сидоръ, вышелъ во дворъ.—«А-у»! кричитъ: «Дуня, крестный твой пріѣхалъ, иди ужинать ему собери». — Вернулся въ избу — я отъ ужина отказываюсь, говорю: «на застольной ужъ досыти поѣмши». Только неймется Сидору, и опять во дворъ ушелъ—ищетъ жену—слышу, нашелъ ее гдѣ-то, и ворочается въ избу, и она съ нимъ.

Не видалъ я крестницы, какъ сказано, съ годъ времени, съ самаго того разу, какъ на богомолье она къ Иверской ходила. Вотъ вошла она, и вижу я словно бы мощи, худая и не то что блѣдная, а даже иззелена. Чуточки даже не ахнулъ я—ну, однако, смолчалъ. Поклонилась она мнѣ нивехонько, поцѣловались мы съ ней трижды—меня ажъ слеза прошибла: — вотъ-то, думаю, извелась баба! и съ чего бы это, тó-ли не мужъ, Сидоръ Поликарпычъ, и не въ бѣдности, кажется, ничтó, всего въ волю, домъ—полная чаша.—«Ну, жена»,—это Поликарпычъ,—«подливай щей-то крестному, да шевелись, что ты нонѣ бидто мертвая. Садись, братъ, Пареенъ».... И словно ножомъ рѣзанулъ онъ эфтимъ словомъ бабу, острепехнулась вся: «Нѣтъ у меня болѣ щей», говоритъ: «и каши нѣтъ», а сама за перегородку.— «Какъ нѣтъ, я самъ видалъ, ты чугунъ варила какъ и завсегда. Чтой-то, никакъ ты крестному щей пожалѣла,—ахъ, грѣхи, да, что это съ тобою?

Дивлюсь тутъ и я, что бы это такое, думаю. Неужели это она со зла такъ за то, что уговаривалъ я ее тогда за Сидора идтить, какъ она къ намъ по пути въ монастырь заходила?— да, нѣтъ, не можетъ этого быть. Господи, неужели-жъ это съ бабой что неладное дѣется.—А Авдотья тѣмъ временемъ изъ-за перегородки съ чугункомъ выходитъ и въ сѣни его уноситъ. Нахмурился Сидоръ, краска ажъ въ лицо вступила, тоже за женой въ сѣни идетъ и говоритъ ужъ сердито таково: «Да, ты это что въ чугунѣ несешь»? — «Это», тоже съ сердцемъ отвѣчаетъ Авдотья, «для коровы крóшево налàжено».—Слышу я, какъ переговариваются они въ сѣняхъ—дверь отворену Сидоръ оставилъ—несетъ оттуда холодкомъ вечернимъ, и проснись Сидоровы робята съ холоду, да съ разговору громкаго, слѣзли съ печи, да къ столу. Вернулся тутъ въ избу Сидоръ.

— Тятька,—плачутся ребятки,—мы ись хочемъ.

Жалѣлъ Сидоръ робятъ, не застращены у него были николи, ни прежде, ни послѣ.

— Да, что васъ матка не кормила что-ль?—спрашиваетъ.

— Не, дала кваску съ хлѣбушкомъ похлебать, и спать положила, ни сама щей не ѣла, ни намъ не давала.

— Ахъ, ты, Господи,—говоритъ Сидоръ:—никогда еще такого съ бабой не случалося, ужъ не больна ли грѣхомъ? что это съ ней такó попритчилось.

Пошелъ за перегородку, досталъ съ полки ложекъ пару, накрошилъ хлѣба въ чашку, посадилъ робятъ къ столу—ѣшьте на здоровье, а я ужъ, молъ, такъ не ужинамши лягу. Ну, гово-

рить, братъ Парѳенъ, ты-то на застольной во дворѣ поѣлъ аль нѣтъ, не знаю, а здѣсь поштовать нечѣмъ, не обезсудь, я бы всей душой радъ, самъ знаешь,—ну, видишь, заартачилась баба моя, Господь ее вѣдаетъ пó-что.

Только и входитъ тутъ опять Авдотья, увидала робятокъ за столомъ, какъ звѣрь лютый къ нимъ кинулась, схватила чашку со щами, да óбъ- полъ ее. Ревмя заревѣли робята.—Сидоръ посередь избы стоитъ, ажъ глаза вылупилъ съ перепугу, и мнѣ не хорошо стало: что-то, Гоподи, думаю, да, не помутилась ли ужъ умомъ наша Авдотья. Подходитъ Сидоръ къ женѣ: «Дуня», говоритъ: «что это съ тобою? скажи, матушка, Христа ради Царя Небеснаго. Да, не сходить ли за тётушкой-то за Вѣдихой?... помогла бы чѣмъ. Може это съ тобой съ глазу, аль съ чего такого»... А самъ беретъ ее за руку, на лавку ее посадить хочетъ; она же къ косяку къ дверному притулилась, бѣлая-бѣлая и глаза будто помутимшись. Ведетъ онъ ее къ лавкѣ, сажаетъ, не тутъ-то-было—какъ рванетъ отъ него руку: «прочь», кричитъ: «не подходи ко мнѣ, постылый, ничего со мной не приключилось, а случилось то, что тебя мнѣ зельемъ обкормить не жалко, ну, дѣтски же душки ни въ чемъ неповинны, неповиненъ и крестный!»

Какъ промолвила она слова таковскія, а у меня все даже будто ходенемъ вокругъ заходило и въ глазахъ зелено сдѣлалось. Сидора же словно пришибло—стоитъ онъ, не шелохнется, посередь избы, слова молвить не можетъ.—«Что-жъ, вяжите меня, къ становому ведите!» кричитъ опять Авдотья: «я мужа обкормила, чтобъ пропалъ онъ старый постылый, за коего меня насилкомъ противъ воли моей выдали»... да какъ захохочетъ.

Не помню я, какъ и изъ избы выскочилъ, — бѣгу, только твержу: съ нами крестная сила! Прибѣжалъ на барскій дворъ, да прямо въ горницы къ господамъ—помню, что говорилъ мнѣ баринъ, Матвѣй Степанычъ, быдто дохтуръ одинъ важный съ Питера тоже тутъ на имянины пріѣхадши, такъ не отпоитъ ли чѣмъ Сидора. А по дорогѣ бѣжавши, встрѣтился мнѣ казачокъ ковригинскій,—Васька,—кричу: «бѣги, христовый, что-есть-мочи къ Вѣдихѣ Тормасовской, посылай ее къ Поликарпычу, къ плотнику; да ради Христа, Царя Небеснаго, никому объ томъ ни слова!» —«Ей-Богу, дядя Парѳенъ», отвѣчаетъ, «никому не скажу,—да, чего не говорить-то, что случилося? А Вѣдиха-то нонѣ у насъ же, у Ивана Косого, больна у него сноха Марья». — «Охъ, говорю: бѣги, бѣги скорѣе, не до разговоровъ тутъ, у тя ноги моложе моихъ, а то я бы самъ сбѣгалъ—никого не посылалъ». Прибѣжамши въ прихожую, прошу лакеевъ: «вызовите,

молъ, скорѣе Ивана Андреича сюда, по очень, молъ, важному дѣлу».—«Ахъ», отвѣчаютъ: «никакъ этого нельзя, очинно они заняты: въ большу игру денежну въ карты играютъ съ самымъ что ни-на-есть важнымъ гостемъ, съ губернаторомъ».—«А хоть разгубернаторъ», отвѣчаю: «говорятъ вамъ такó дѣло, что неотлагательно».—Ну, пошли, доложили. Выходитъ Иванъ Андреичъ; отвелъ я его въ сторону, самъ-отъ дрожу весь со страху за Сидора, да и съ жалости: «такъ и такъ, молъ, говорю: батюшка, Иванъ Андреичъ, вотъ каки грѣхи приключилися». — «Ну, не было печали, да черти накачали!» отвѣчаетъ Иванъ Андреичъ.— «Вотъ еще бѣда-то! и нужно, чтобъ какъ-разъ въ имянины, когда гостей столько; напугаетъ это всѣхъ, разъѣдутся, распустятъ по всему уѣзду славу. Ахъ, чортъ возьми! постой же, вѣдьма, я тебя проучу, будешь ты у меня въ Сибири гнить». — Страсть какъ осерчалъ. Повалился я ему въ ноги:

— Есть у васъ тутъ, батюшка, дохтуръ питерскій, — вотъ была бы ваша милость великая, коли бы его къ Сидору.

— Да, да, сейчасъ,—отвѣчаетъ Иванъ Андреичъ.—Это еще счастье.... — Побѣжалъ къ гостямъ, пошептался съ дохтуромъ и ужъ оба ко мнѣ выходятъ.

— Идемъ, говоритъ, къ Сидору и ты, Пареенъ, съ нами: можетъ, для чего понадобишься.

Другимъ же никому — ни гостямъ, ни прислугѣ ничего не сказали. Приходимъ къ Поликарпычу — позамѣшкались мы маленько: пока я съ бариномъ говорилъ, пока тотъ съ дохтуромъ шептался, пока что — а Сидора-то ужъ и корчитъ. И Вѣдиха ужъ тутъ, — раньше насъ, видишь, поспѣла и какимъ-то варевомъ поитъ Поликарпыча; сама стоитъ околъ его, клюкой своей подпирается. Подошелъ дохтуръ къ Сидору, раздѣть его велѣлъ, осмотрѣлъ всего, стучитъ ему по брюху, щупаетъ всего,—даже ухомъ къ ему прикладывается зачѣмъ-то... Кончилъ, — зоветъ Вѣдиху.

— Показывай, бабка, чего тамъ наварила,—какого зелья?

Та подала; понюхалъ дохтуръ, попробовалъ:

— Чтó это тако? говори? — а самъ улыбается.

— Такъ и такъ,—отвѣчаетъ Вѣдиха:—маковы это головки, и еще каку-то траву назвала.

— Да ты,—говоритъ дохтуръ,—почемъ знаешь, чтó ему надо? Чѣмъ онъ обкормленъ? сказывай, коли тебѣ извѣстно?

Глядитъ ему старуха въ глаза прямо-прямехонько, безъ страху:

— Обкормленъ онъ вехомъ, и нѣтъ лучше противу этого маковыхъ головокъ.

— Ну,—говоритъ дохтуръ,—молодецъ-баба! правду сказала; только надо и еще чего посильнѣе дать.—И сталъ съ бариномъ говорить чтой-то, — потомъ записочку написалъ и послалъ меня съ той запиской къ барынѣ; сходилъ я, принесъ каку-то бутылочку и сталъ изъ нея дохтуръ Поликарпыча поить. Ласковъ таковъ сдѣлался съ Вѣдихой.

— Ну, говоритъ, молодецъ! не учена, какъ нашъ братъ, а не хуже ученаго знаетъ, чтó чему препятствуетъ.—Даже рублемъ ее подарилъ.

Сидору скоро тутъ полегчало и сталъ онъ засыпать; робятки же и ничѣмъ ничего, и по ложкѣ щей вѣдь съѣсть не успѣли. Пока околъ Сидора возилися, и позабыли мы какъ есть объ Авдотьѣ, а тутъ и глядимъ: гдѣ баба?—она же тѣмъ временемъ тутъ же въ избѣ на лавкѣ ничкомъ лежала, не шелохнулася. Ну, какъ полегчало маленько Поликарпычу, баринъ съ дохтуромъ и собираются уходить, и говоритъ баринъ, что Авдотью нà-ночь въ дворову баню запереть,—и велитъ караулъ къ ней приставить, чтобы не ушла и надъ собой чего не сдѣлала;—это-то, правда, ужъ не онъ сказалъ, а дохтуръ: «гдѣ ей уйдтить», говоритъ: «она не объ томъ думаетъ, а вотъ чтобъ рукъ на себя не наложила». И ей тоже велѣлъ такихъ капель выпить, чтó Сидору давалъ, только много меньше. Я-же за все это времячко ни живъ, ни мертвъ былъ, — сама понимать можешь отчего: и брата жалко, и по крестницѣ-то душа болитъ—и все мнѣ мерещится, какъ крикнулъ баринъ: «сгною тебя, вѣдьма, въ Сибири!» Сталъ я у Ивана Андреича проситься, чтобы мнѣ Авдотью караулить,—не хотѣлъ перво: «ты-де ей крестный, еще помирволишь въ чемъ».

— Нѣ, говорю, батюшка: крестный-то я ей крестный,—ну, оттого и грѣха не попущу, не дамъ ей на себя руку наложить; убѣчь же она сама не убѣжитъ,—видите, пластомъ лежитъ баба.

Ну, и согласился Иванъ Андреичъ, а — главное — дохтуру спасибо, онъ помогъ: подозвалъ меня, этакъ рукой поманулъ, да и глядитъ мнѣ прямехонько въ ликъ,—и я на него гляжу: дивую, чего ему отъ меня надоть, что глядитъ, не говоритъ ничего, а онъ и молвитъ барину: «вы можете ее этому человѣку поручить: прямая у него душа, не хитростная, — чтó обѣщаетъ, тó въ точности исполнитъ».

Такъ и приставили меня на тую ночь Авдотью караулить. Ушелъ баринъ и прислалъ прикащика, а тотъ и свелъ насъ въ баню.

— Смотри же, говоритъ: карауль, какъ слѣдуетъ быть, —и пошелъ, а намъ фонарь оставилъ—и дверей не заперъ на ключъ, а мнѣ ключи далъ.—На тебя, говоритъ, дядя Пареенъ, баринъ надѣется, — ну, ежели чтб случится — ты одинъ передъ Иваномъ Андреевичемъ и въ отвѣтѣ будешь.

— Ладно, говорю: не извольте сумлѣваться, Пётра Захарычъ. Господь милостивъ, авось ничего не случится.

Кàкъ дошла Авдотья до бани — я и сказать не могу. Велитъ ее баринъ вести, а она не то что идтить,—съ лавки встать не можетъ: ноги какъ плети заплетаются,—насилушку поднялъ я ее, хоть и не тяжела была, — никому я касаться до нея не давалъ. Почитай, я на рукахъ донесъ ее до бани. Вошедши въ баню, опустилъ я ее на лавку подъ оконцемъ, а она и лежитъ, какъ мертвая—не ворохнется. Какъ ушелъ прикащикъ, я и фонарь задулъ, потому незачѣмъ онъ намъ—ночь и такъ не темна, а тутъ еще и мѣсяцъ свѣтитъ, ясно таковò оконце-то на полу на банномъ, чтó написанное, и рамка оконная крестомъ чернѣется. Лежитъ Дуня, не охнетъ даже; я у двери на лавкѣ сѣлъ,—тоже ничего не говорю, въ мысляхъ только Господу молитву возношу и Богородицѣ, всѣхъ скорбящихъ утѣшенію, за печальницу за горькую; и такая ли меня жалость объ ней беретъ, что и сказать я тебѣ не могу, и твержу я про себя: «Господи! утиши ей сердце бурное, горячее; утоли скорбь ея великую, нестерпимую: не со зла она такъ сдѣлала, а съ тоски... съ печали...» И что-жъ ты думаешь?—какъ молюсь я такъ, и вдругъ чую, что точно гора у меня съ плечъ сваливается и такой на меня спокой сходитъ, что мнѣ самому ажъ чуднò становится — и точно мнѣ голосъ какой говоритъ, что также и Думушкина печаль утолится, ежели она молиться станетъ, Господу-Богу покаянье принесетъ... и хочу я ей объ томъ сказать, и въ тое-жъ время жалко мнѣ ее тронуть: потому, думаю, не уснула ли? не самъ ли Господь сонъ на нее наслалъ, чтобы хоть на времячко свое горе забыла. Такъ и не сталъ я ее тревожить,—вижу: лежитъ на лавкѣ,— не шевелится.

Ну, прошло этакъ часъ аль два времени, и усталъ я сидючи такъ-то безъ дѣла,— всталъ, вышелъ въ передбанникъ, отворилъ дверь на улицу и сѣлъ на порогѣ; и ко сну меня не клонитъ,—не до сна мнѣ; сижу себѣ: смотрю кругомъ, да прислушиваюсь. Стояла въ тѣ поры ковригинска баня дворовая въ сторонкѣ отъ деревни, какъ-разъ въ углу, гдѣ Гнилка рѣчка въ озеро Кофтино пала, и тутъ — я тебѣ скажу — и тогда, какъ теперича, зàросли все и острова одинъ за однимъ тянутся почти

до самой середки въ озеро, и все-то они ольхой да кустовьемъ малиннымъ и смородиннымъ поросли. Весна была,—знаешь, каки ночи вплотную до Петровокъ по нашимъ мѣстамъ! Только, глядишь, закатилось солнышко, кажись, часовъ двухъ не пройдетъ,—и ужъ молодая заря занимается, и на ночь не похоже — такъ свѣтло; а особливо ясно ежели еще мѣсяцъ взойдетъ,—не ночь вовсе, а свѣтлые сумерки, только разѣ гдѣ подъ деревьями да промежъ кустовъ темнѣется. Тишь така,—съ деревни давно ни голосу человѣчьяго, ни шуму никакого не слышно, и господскій домъ затихъ... Брякнетъ инб колоколка вдали—отъ коней, что въ ночное пущены, аль собаченка кака гдѣ тявкнетъ, а потомъ все и смолкнетъ опять,—только тутотка вблизи осока шелеститъ въ рѣчкѣ, да рыбина кака на озерѣ всплеснется... Задумался я сидючи, и слышу запѣлъ соловушко,—и вдругъ какъ вскочетъ Авдотья съ лавки, какъ завопитъ: «Господи, Господи! да за что же я такъ мучусь?—за что же? за что?..» Я ажъ похолодѣлъ съ перепугу,—все одно, что лихоманка меня забила: дрожу-дрожьмя, еле смогъ на ноги подняться, однако кинулся къ ней въ баню,—боюсь, не сотворила бы чего надъ собою: вѣдь все одно, что помутивши она, какъ есть безъ памяти, безъ разума. Увидамши меня, замолчала, встала на ноги, глядитъ: свалился у ней съ головы подчепешникъ, разбились двѣ косы черныя, бѣлая сама, блѣдная,—глаза какъ уголья горятъ; не узнала меня: «кто ты», говоритъ, «такой? что тебѣ нужно? Ты батюшка, что ли, покойникъ? дочку корить пришелъ, за то, что мужа извести хотѣла — постылаго?

— Христосъ, говорю, надъ тобой, Дунюшка,—это я, крестный, дядя Пареенъ, господъ Рыковыхъ кучеръ.

— Ахъ,—отвѣчаетъ,—это ты, крестный?—а мнѣ батюшка-покойникъ весь въ мѣсячномъ сіяніи показался, да сердитый такой и рукой грозитъ.

— Что тебѣ, говорю, грозитъ, Господь съ тобой, а молись ты лучше Богу, чтобы утолилъ кручину твою, да грѣхъ твой тяжкій простилъ.

Отвернулась, сѣла къ окошечку, задумалась, ничего сначала не отвѣтила, а тамъ и молвитъ:

— Не могу я молиться, крестный, не ты у меня думы на сердцѣ,—горитъ нутро мое огнемъ,—воли, простору мнѣ хочется... Каки тутъ молитвы? Молилась и я,—да то прежде, до свадьбы было: плакала, рученьки заламывала, объ землю головушкой билася, просила Господа: пронеси ты, Создатель, мимо меня тую

долю тяжкую!.. Не смилостивился Царь-Небесный... и застыло, льдомъ оковалось сердце мое.

Опять замолчала, сидитъ у окошка, опустила головушку на грудь низехонько, а соловушко-то за окномъ въ кустахъ такъ и заливается, — не знаетъ, не вѣдаетъ какó-такó горе-горькое его тутъ слушаетъ. И долго сидитъ такъ Думушка, и чтобъ плакала — не вижу, и я сижу, молчу. И кажется мнѣ, что и безъ конца эта ночка тянется, — а ужъ поздно было, до новой зари недалечко, скоро и соловушко замолчалъ. Посидѣмши такъ, — гляжу, ужъ быдто и свѣтать начинаетъ, — подымается туманъ надъ озеромъ, надъ рѣкой скрозь туманъ заря алѣется и холодкомъ утреннимъ потянуло, и слышу идетъ кто-то по дорогѣ, по песочку неровнымъ шагомъ, на ходу палкой пристукиваетъ.

Кто бы это? думаю: слышу стало у двери у предбанника, за щеколду взялося. Кто тамъ, спрашиваю: чего нужно?

— Это я, дядя Пареенъ, — откликается Вѣдихинъ голосъ. — Откуталъ я дверь.

— Чего тебѣ, бабушка? спрашиваю.

— Я бы вотъ Думушку, племянницу, провѣдать, пусти хрістовый, шепчетъ старая; изныла у меня душа по ей — а сама не плачетъ, ни Боже мой, — знамо, нѣтъ у нашего брата слезъ на старости, — за долгій-то вѣкъ всѣ слезы съ молоду прольешь спозаранку. Проситъ она такъ-то: пусти, да пусти къ племянницѣ, а я и не знаю, пустить ай нѣтъ, кто ее знаетъ, зачѣмъ пришла, — и не вѣрю я тому, что баютъ про нее люди, а при такомъ случаѣ и мнѣ будто боязно становится, — однако смотритъ старая таковó ли жалостно, что я рукой махнулъ — пустилъ ее въ баню. Вошла, стала околъ Думушки.

— Дуня, ты моя Дунюшка, горькая моя!... схватила ее за голову и припала къ ней. И Думушка тоже ликомъ къ ней припала, и рукамъ ее охватила, а сама все на лавкѣ сидитъ у окошечка.

Ну, всталъ я — вышелъ — пусть, думаю, однѣ горе свое промежъ собой переговариваютъ. А самъ все-таки недалечко ушелъ, потому нельзя, случится что — я одинъ въ отвѣтѣ. И слышу говоритъ старая племянницѣ: — милостивъ Господь, не далъ померетъ Поликарпычу, снялъ съ тебя частичку грѣха твого тяжкаго.

А Авдотья вскочила — кричитъ:

— Не водите меня къ ему, не водите — я опять или его, или себя изведу.

— Кукушечка ты моя, — ластится къ ней Вѣдиха: — лучше бы

во сто кратъ было коли-бъ тебѣ къ ему идтить; сказываютъ люди, не къ мужу тебя ворочать станутъ—въ Сибирь сошлютъ.

— И слава-те Господи,—отвѣчаетъ Авдотья:—слава тебѣ Создателю! мнѣ безъ Сидора и Сибирь раемъ покажется, не станетъ меня тамъ никто насилкомъ цѣловать—миловать... Нипочемъ мнѣ работа, нипочемъ брань и ругань, хоть и не привычна я къ нимъ—только бы не ласкался ко мнѣ мужъ старый, постылый... Охъ, тётя! зачѣмъ вернули меня, какъ я передъ свадьбой убѣгла, была бы я теперечько пташка вольная, ушла бы далеко, далеко—и грѣха бы на душѣ на моей того тяжкаго не было.

— Дитя ты мое неразумное, да развѣ я тебя вернула? Рада бы я тогда была и сама скрыть тебя, да негдѣ.

— Да я не про тебя, тётенька, я про людей говорю. А какъ убѣгла я тогда,—бѣгу, бѣгу, а сама думаю: вѣтеръ буйный завѣй, занеси слѣдъ мой, чтобы не нашли меня вороги лютые — а на душѣ у меня радостно: ушла, ушла отъ постылаго, и такъ мнѣ хорошо, точно какъ когда я махонька была и къ тебѣ, бывало, бѣгу, чтобы вмѣстяхъ идтить въ лѣсъ, цвѣтъ разный да травы брать... Не завѣялъ слѣду моего вѣтеръ—нашли, поймали, назадъ привели...

А онъ смѣется — все смѣялся — ишь, говоритъ, что тебѣ въ голову вступило—нишкни, Дуня, стерпится—слюбится!... все смѣялся только, а мнѣ отъ этого еще хуже — и послѣ свадьбы все это смѣшкомъ да шуткою — лучше бы билъ—терзалъ, хоть поплакала бы я отъ побоевъ, тоску-бы свою сердечну, хоть за тымъ, часомъ позабыла. И всегда-то онъ ласковъ: слѣдомъ за мной ходитъ, обнимается—цѣлуетъ—ахъ, убила бы его тутъ же! Ахъ, тётя, не было бы, кажись, того счастья болѣ, какъ ежели бы любимый, ненаглядный обнялъ... весь бы свѣтъ позабылъ съ нимъ, а со старымъ... Нѣтъ, лучше сейчасъ на каторгу. Какъ подросла я, тётя, да не все у меня игры да смѣшки на умѣ, да слышу я: та, другá замужъ идетъ, стала и я задумываться, что и меня отдадутъ—стала и я парней перебирать, за кого-бъ я пошла—такъ ни кто мнѣ, ни одинъ не по сердцу—тотъ хмѣлемъ зашибаетъ, тотъ трубку куритъ, тотъ ни собой не пригожъ, ни умомъ не вышелъ. Вотъ ты сказывала, каки въ старинные годы парни были: собой пригожіе, вьются у нихъ кудри округъ лица кольцами — выступаютъ они походкой ровненькой, щепетливой, съ дѣвками не шутятъ, какъ наши, не толкаются, не щиплются, а кая дѣвушка полюбится, съ тою только и водятся... охотники тоже, на медвѣдя ходятъ, бьютъ орла, бьютъ волка сѣраго... а наши: поймаютъ зайца въ железа, вотъ-те и охотникъ, вотъ-те

и молодецъ—да мнѣ зайку жалко... Помнишь, какъ у насъ за мельницей заяцъ въ желѣза попалъ, какъ я схватилась бѣжать къ нему, вѣдь словно дитенко малое верещалъ — плакалъ, ему тоже вѣдь больно. А передъ господами стоятъ наши молодцы, головушку опустивши, трясутся,—нѣтъ, ты сказывала въ прежни годы не то было...

— Грѣхи мои, грѣхи,—стонетъ Вѣдиха тутъ, дитя ты неразумное, дитя молодое, глупое, разѣ я тебѣ на то сказывала, дура я, дура старая...

— Да я не оттого, тётя, Поликарпыча... и не договорила— не повернулся языкъ... Ахъ, тётенька, какъ это я, бывало, пораздумаюсь въ лѣсъ ушедши, поютъ птицы вокругъ меня разныя, букашки копошатся, летаютъ-жужжатъ шмели—пчелы, а я думаю: вотъ бы съ милымъ сюда прійдтить, душа бы въ душу пожить тутотко, далеко отъ всѣхъ людей постылыхъ—построить бы тутъ въ лѣсу избушечку—махоньку.... Охъ, прошло все это, прошло—никогда болѣ не вернется, никогда не отпадетъ у меня отъ сердца тоска змѣя-подколодная... Да ты знаешь ли, тётя, отчего я барынѣ покорилась, за Сидора пошла — вѣдь пристращала она меня, что коли перечить стану, идтить не захочу, такъ она тебя съ кузни выгонитъ и мѣсячины давать не станетъ— ну, тутъ я все-таки еще не хотѣла, думала, что мы тебя съ матушкой къ себѣ возьмемъ да прокормимъ, а она и пригрозила—я-де матку твою высѣчь велю, за то, дескать, что дочку противъ барыни упорству да непокорству научила... Такъ-то, тётынька... тутъ ужъ и пала я барыни въ ноги, плачу: пойду, говорю, пойду за Сидора,—а она какъ глянетъ на меня очами грозными.

— И тутъ, говоритъ, обманываешь—смотри у меня! убѣги только опять или руки на себя наложи—не сдобровать и тогда ни тёткѣ твоей, ни матери... Только тѣмъ и заставила, только тогда я покорилася, пошла за Сидора, а то быть бы мнѣ въ Кофтинѣ-озерѣ на днѣ.

Молчитъ старая, вздыхаетъ тяжко, и Думушка замолчала...

Только порядочно ужъ разсвѣло, и слышно поднимается народъ на деревнѣ и на барскомъ дворѣ, и вижу я идетъ ужъ и къ намъ ктой-то подъ горку съ усадьбы... Я скорѣй въ баню— уходи, говорю: бабушка, да поживѣе—идутъ.

Припала Вѣдиха къ племянницѣ:

— Христосъ тебя храни, родная, молись Ему, чтобы грѣхъ твой простилъ и утолилъ печаль.

Поклонилась ей Авдотья въ ноги:

— Прости, тётынька, прости родная, ты-то да мамушка не худу меня учили, нѣтъ на васъ грѣха никакого — во всемъ я одна одиношенька виновата...

Съ тѣмъ и ушла старуха.

Пришелъ тутъ приказчикъ Пётра Захарычъ, смѣнилъ меня съ караулу, потому мнѣ нельзя, должо̀нъ я тоже своего господина дѣло справить. Смѣнивши, пошелъ я прямо къ дѣдушкѣ твому, Матвѣю Степанычу, повалился ему въ ноги:

— Помоги, батюшка-баринъ, упроси-умоли Ивана Андреича, не дай пропасть бабѣ, несчастная она, безталанная—не въ своемъ она умѣ была, когда на грѣхъ пошла.

— А и вправду грѣхъ,—говоритъ баринъ, — и радъ бы я крестницѣ твоей помочь, да поздно: Иванъ Андреичъ еще вчера вечеромъ письмо къ становому съ нарочнымъ послалъ — велѣно посланному было уѣхать такъ, чтобы никто ни изъ господъ, ни изъ людей не зналъ, я и то только нечаянно, мимо проходя, объ этомъ услыхалъ, и просилъ меня Иванъ Андреичъ объ томъ никому не сказывать; ну, я только тебѣ и говорю, потому какъ ты слуга вѣрный и какъ Авдотья твоя крестница... Одно только и можно еще: надо, чтобы самъ Иванъ Андреичъ станового попросилъ, не лютовалъ бы очень, а больше-то ужъ я и не знаю, что дѣлать... Да я, тебя ради, объ томъ Ивана Андреича попрошу, будь благонадеженъ.

Съ тѣмъ я и отъ барина пошелъ. Въ тотъ же день становой пріѣхалъ. Потребовали къ нему и меня.

— Говори что̀ знаешь, всю правду, — это становой мнѣ-то, да какъ крикнетъ грознымъ голосомъ: — знаешь, что тому бываетъ, кто преступленіе передъ закономъ утаиваетъ!

Я молчу—жаль мнѣ крестницы до смерти, ну, ка̀къ я противъ ней говорить стану—упалъ я на колѣни:

— Увольте, ваше благородіе, она мнѣ дочь крестная, ну, какъ я на нее показывать буду...

Задумался становой—добрый ли недобрый человѣкъ былъ — не знаю, ну что̀ уменъ—про это всѣмъ извѣстно было — зналъ онъ, что любитъ меня господинъ мой и въ обиду не дастъ, и не захотѣлъ онъ съ моимъ бариномъ ссориться, потому былъ дѣдушка твой въ уѣздѣ помѣщикъ не малый, уважительный. Не сталъ меня становой ничего тутъ спрашивать, только и сказалъ:

— Ведите сюда рестантку!

«Господи твоя воля!» думаю: «Дуню-то нашу ужъ и таперича не по имени, а рестанткой зовутъ».

Привели Думушку. Вошла, поклонилась и стала передъ становымъ таково спокойно, а онъ ее и спрашиваетъ:

— Ты хотѣла мужа отравить?

— Хотѣла,—отвѣчаетъ.

— За что такое?

— Не любъ онъ мнѣ.

— Дура, да вѣдь ты за это въ Сибирь пойдешь.

— А хоть,—говоритъ:—на каторгу—такъ мнѣ все слаще, чѣмъ съ нимъ жить.

— Слышишь, братецъ,—говоритъ становой мнѣ;—она сама во всемъ признается, сказывай же и ты теперь, чтѝ видалъ, чтѝ слышалъ, всю правду, какъ передъ Богомъ.

Помолился я, поклонился образамъ—въ избѣ у старосты допросъ снимали—и сталъ я говорить какъ меня оберегала, какъ у робятъ щи отняла и чтѝ говорила. Смотритъ тѣмъ временемъ Думушка на насъ, сама быдто ничего не видитъ и не чуетъ, а словно въ даль глядитъ куда-то.

— Ну, вотъ видишь,—говоритъ мнѣ становой:—и хорошо, что ты всю правду сказалъ, можетъ быть, ей отъ этого легче будетъ.

Заплакалъ я тутъ, слава те Господи! говорю:—больно жаль бабенку-то, хоть и неразумная.—Привели и Поликарпыча. Тутъ ажъ Авдотья съ лица смѣнилась, его увидамши: весь-то онъ съёжился, похудѣлъ, пожелтѣлъ, будто на десять лѣтъ старше сталъ.

— Батюшка, ваше благородіе,—говоритъ Сидоръ становому:—прощаю я ее отъ всей души и только Господа молю, чтобы Онъ ее простилъ... не сажайте ее въ острогъ, не со зла она такъ сдѣлала, съ болѣсти, сглазили ее, должно... Я ей зла не желаю, а лечить ее хочу...

Стрепехнулась Авдотья, пала становому въ ноги, вопитъ:—Ваше благородіе, я въ Сибирь хочу, въ Сибирь, на каторгу! не ворочайте меня къ нему, а то я и его зарѣжу и на себя наложу руки.

Какъ крикнетъ на нее становой:—Молчать, сумасшедшая!.. Прощать онъ тебя воленъ, но суда тебѣ, голубушка, не миновать—а будешь еще стращать, что зарѣжешь, такъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ на каторгу угодишь.

Утихла Авдотья, какъ услыхала, что ее къ мужу не ворочаютъ. Встала съ колѣнъ, повернулась къ Поликарпычу, жалостно таково глянула ему въ глаза и поклонилась въ ноги:

— Прости ты меня, батюшка, Сидоръ Поликарпычъ, не по-

минай лихомъ, не сдѣлала бы я тебѣ зла никакого, еслибъ меня за тебя насилкомъ не выдали. Былъ бы ты мнѣ дядей, аль братомъ, слушалась бы я тебя—во всемъ уважала, — а въ мужья не гожъ ты мнѣ—не любъ—лучше помереть, лучше живой въ Сибири жить.

— Богъ тебя проститъ,—отвѣчаетъ Поликарпычъ,—а я на тебя зла не имѣю...—И только рукой махнулъ... Увели тутъ Авдотью и насъ становой отпустилъ... Я и побрелъ къ Васильевнѣ—не удалось раньше-то къ ней попасть—думаю: каково-то ей бѣдной, а мнѣ днемъ Вѣдиха встрѣлась и сказывала, что еще утречкомъ кума одна болтливая къ Васильевнѣ сбѣгала, да про всю тую бѣду ей разсказала.

— Ахнула,—говоритъ Вѣдиха,—сестра, да такъ и присѣла на мѣстѣ, потомъ бѣжать схватилась къ дочкѣ, только ее до Авдотьи не допустили, какъ ни просила, ни убивалася. Побрела, бѣдная, назадъ, сама не глядя куды, только и встрѣчается ей на дорогѣ Вѣдиха—ковыляетъ, на клюку опираючись, тоже Думушку спровѣдать думаетъ, не пустятъ ли — глянула сестрѣ въ лицо и видитъ... ну, вздохнула, ничего не сказала, только домой мать горемычную отвела. Какъ пришли домой, Васильевна та́къ объ полъ и грохнулась. Насилу ее Вѣдиха оттерла да на лавку уложила, на печь-то ей сестры не стащить—мочи нѣтъ. Ну, пришелъ я въ птичну избу къ кумѣ, и ажъ тоска меня взяла — стонетъ горькая, а Вѣдиха сидитъ тутъ же и будто ей не семьдесятъ лѣтъ, а и всѣхъ сто сдѣлалось—больно любили онѣ обѣ Думушку-то.

Повернулся я такъ-то въ избѣ и ушелъ, ни слова не сказамши, только-что образамъ помолился.

Ну, и судили Авдотью. Болѣ неежели годъ сидѣла въ острогѣ, пока въ Сибирь на поселенье ушла. Ходили всѣ родные ее спровѣдывать. И что же ты думаешь, не нарадуется она, бывало, какъ Поликарпычъ къ ней тоже съ Васильевной придетъ. Любили ее всѣ въ острогѣ. Веселая такая стала, николи ее прежде такой никто и не видывалъ. И Вѣдиха ста̀ра-ста̀ра, а тоже сбродитъ къ ней хошь въ шесть недѣль разъ. Никогда же такой радости у Авдотьи не было, какъ Поликарпычъ ей разъ робятъ привезъ. Цѣлуетъ ихъ, милуетъ:—родимые мои, говоритъ; какъ мнѣ васъ бросать жалко, почти столь же, сколь мамушку, да тётю.

Любила она робятъ, какъ ни сердилась на Поликарпыча — ихъ же все блюла и жалѣла, и робята ее любили, не хотятъ отъ ней идтить.

— Эхъ, грѣхи! — говоритъ Поликарпычъ: — жить бы намъ

жить на радость, а вонъ кака дурь въ голову бабѣ вступила. И како-тако, говоритъ, у тебя на меня зло было.

Затуманилась Авдотья:

— Не было у меня на васъ зла, Сидоръ Поликарпычъ, и уважала я тебя, а не любъ ты мнѣ былъ, ну какъ съ нелюбымъ жить? Другія какія могутъ—я не могу.

— Да былъ тебѣ може кто другой любъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Думушка, никто мнѣ любъ не былъ... и вправду ни объ комъ не сокрушалася.

Кому не сладко житье въ острогу, а Думушка такимъ цвѣткомъ расцвѣла, какимъ и въ дѣвкахъ не была—любили ее тамъ всѣ—тиха, смирна, работяща. За два дня, какъ ей въ путь-дорогу дальнюю отправляться, были мы тоже съ бариномъ въ городѣ. Сходилъ и я крестницу спровѣдать — обрадовалась мнѣ страсть какъ;—какъ прощалися мы—всплакнула горько—поклоны всѣмъ роднымъ со мной послала, и послѣ матери да тётки первый поклонъ Поликарпычу. Скажи ты ему,—говоритъ, крестный, что я денно и нощно за него Богу молюсь и тоже грѣхъ свой великій противъ него замаливаю...

— Что-жъ, ты ужъ кончилъ, дѣдушка? а потомъ чтó было?—пристаю я къ замолчавшему и задумавшемуся старику.

— Да чтó, много еще потомъ чего было: Вѣдиха черезъ годикъ съ небольшимъ померла; Поликарпычъ на третьей женѣ женился, только на этотъ разъ со своей деревни вдову степенную взялъ—всего годовъ десять не больше какъ померъ, а вдова-то его и посейчасъ жива, така-же старуха стародревняя, какъ и я теперичко.

— А Васильевна, а сама Думушка?

— Про Думушку не знаю, жива-ли, нѣтъ-ли—давно отъ ей вѣстей не было, лѣтъ ужъ двадцать,—а то нѣтъ—нѣтъ, да и пришлетъ письмецо оттудова. А Васильевнѣ, я тебѣ скажу, перву вѣсточку отъ дочки Господь какъ послѣдню радость передъ смертью послалъ. Сокрушалась она больно по Думушкѣ, тосковала; не знали сначала три аль четыре года, чтó съ дитёй ея сталося, жива ли, здорова ли. Стала она съ тоски хворать, особливо какъ совсѣмъ одна осталося опосля Вѣдихиной смерти, и вдругъ на четвертый годъ, альбо ужъ на пятый, получаетъ она отъ дочки письмо, и въ томъ письмѣ все прописано, какъ живетъ Думушка, и всѣмъ роднымъ и знакомымъ поклоны присланы. И пишетъ Авдотья, что она замужъ вышедши, тоже за ссыльнаго, и что-де мужъ ее больно любитъ и она его, и сынишко у ней есть и живутъ они не бѣдно, а какъ есть хорошо; и мужъ у ней, хоть и ссыльный, а не воръ какой—не разбойникъ—сосланъ же за то,

что крѣпко согрубилъ какому-то своему начальнику, а во всемъ онъ, Думушкинъ-де мужъ, какъ есть человѣкъ справедливый и разсудительный, и любъ онъ ей столь, сколь можно и ученъ-де, и ее читать-писать выучилъ и во всемъ на путь наставляетъ, любя учитъ.

— А Сидору Поликарпычу скажите, пишетъ, что я и посейчасъ, какъ и прежде, грѣхъ свой противъ него денно и нощно замаливаю и его въ своихъ молитвахъ повсегда поминаю. И мнѣ крестному поклонъ былъ низкій.

— Такъ какъ же, дѣдушка, значитъ, это и хорошо, что она своего мужа, Сидора, обкормила! — вывожу я заключеніе.

— Господи, Создатель мой! — восклицаетъ старикъ, — и что ты это... вотъ и говори тебѣ про дѣла старинныя... сказано: малъ — глупъ.

Мы тутъ уже давно пришли домой; подъ дѣдушкины разсказы я и объ усталости позабыла и сидѣла рядомъ съ старикомъ на завалинкѣ его избы, поглядывая то на него, то на ясное ночное небо, гдѣ одна за одной загорались яркія звѣздочки.

— Машенька, не тутъ ли ты? давно ужинать пора, — раздается за кустами голосъ гувернантки моей, Натальи Васильевны, знающей, что искать меня нужно у дѣдки Михайлыча, если я надолго пропала изъ дому.

— Я здѣсь, — откликаюсь я.

— Иди же скорѣе, я ужъ цѣлый часъ тебя поджидаю.

— Прощай, дѣ-ѣ-ѣ-дынька, — говорю я, нѣжно обнимая старую морщинистую шею и звонко цѣлуя старыя загорѣлыя и обвѣтренныя непогодой щеки моего любимаго старика.

— Прощай, христовая моя, ангелъ-хранитель надъ тобой, — отвѣчаетъ дѣдъ.

Я ныряю въ кусты, отдѣляющіе избу отъ сада, и черезъ минуту скачу рядомъ съ степенно-выступающей Натальей Васильевной.

— Опять понасказалъ тебѣ дѣдка всякой всячины, — замѣчаетъ Наталья Васильевна; — что онъ тебѣ сегодня такъ долго говорилъ? Я думала, ты никогда домой не вернешься.

— Ахъ, Наталья Васильевна! онъ мнѣ сегодня такое, такое разсказывалъ — про одну Думушку, какъ ее насильно замужъ выдали, какъ она... Но я спохватываюсь, я почему-то невольно чувствую, что Наталья Васильевна нисколько не будетъ жалѣть Думушку, и вскрикиваю: — Ахъ, Наталья Васильевна! глядите, глядите, свѣтлячокъ въ травѣ, ахъ, какой славный!

А. Л.

ПОСЛѢДНІЯ

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ

П.-Ж. ПРУДОНА.

Для послѣднихъ лѣтъ жизни Прудона главнымъ матеріаломъ служитъ та же самая его переписка съ друзьями, которою мы воспользовались для составленія очерка перваго періода его жизни, до 1855 года [1]). Издатели переписки Прудона вынуждены были, вслѣдствіе накопившагося количества писемъ, выпустить въ свѣтъ почти *двойное* число томовъ противъ обѣщаннаго въ началѣ, а потому и намъ не было никакой возможности изложить содержаніе всѣхъ четырнадцати томовъ переписки вмѣстѣ. Мы отдѣлили послѣдній десятилѣтній періодъ жизни Прудона также и потому, что этотъ періодъ представляетъ собою завершеніе всѣхъ философскихъ и соціальныхъ мотивовъ, какіе выработывались въ этой замѣчательной личности нашего вѣка, вмѣстѣ съ болѣе яркими противорѣчіями, непослѣдовательностями и односторонностями по различнымъ весьма крупнымъ вопросамъ, составлявшимъ интересъ всей тогдашней политической, общественной и умственной жизни. Франція, а вмѣстѣ съ нею и вся Европа, находилась въ то время въ чрезвычайно напряженномъ состояніи, о которомъ понятіе можетъ дать развѣ одна переживаемая нами эпоха.

---

[1]) См. «Вѣстн. Евр»., 1875 г., дек. 573 стр.

I.

Переписка 1855 года вертится въ началѣ около обстоятельствъ домашней жизни и тогдашняго интереса дня: упорной борьбы подъ Севастополемъ. Въ это же время Прудонъ выпустилъ въ свѣтъ дѣловую книжку о желѣзныхъ дорогахъ, за которую ему хорошо заплатили. Изъ письма къ Морису, отъ 3-го января, видно, что Прудонъ держится по прежнему своего радикальнаго взгляда на крымскую кампанію и надѣется, что въ концѣ ея должно произойти паденіе второй имперіи. По поводу академической рѣчи, по исторіи литературы, друга его Бергмана, Прудонъ высказываетъ нѣсколько литературныхъ взглядовъ и свидѣтельствуетъ самъ о степени своей чисто-литературной начитанности. По этой части его «Переписка» вообще чрезвычайно бѣдна, а потому мы и приведемъ это характеристическое мѣсто цѣликомъ:

«Я очень посредственный литераторъ, мало знакомъ съ иностранными литературами, и такъ какъ языковъ я не знаю, то и не достаточно способенъ разсуждать объ этомъ. Впрочемъ, я читалъ, въ переводахъ, по моему плоховатыхъ: «Фауста» Гёте, «Марію Стюартъ» и «Вильгельма Телля» Шиллера. Я нахожу, какъ и ты, что подобныя произведенія стоятъ въ уровень съ тѣмъ, что поэзія у всѣхъ народовъ создала самаго совершеннаго и своеобразнаго, почему и подписываюсь подъ твоимъ сужденіемъ о современной литературѣ нѣмцевъ.

«Мнѣ бы, однако, хотѣлось знать: кажется-ли «Вильгельмъ Телль», и на языкѣ Шиллера, какъ я нахожу это въ переводѣ, слабѣе «Маріи Стюартъ»? Быть можетъ, это — дѣйствіе моего личнаго предрасположенія; но я нахожу, тамъ и сямъ, первую изъ этихъ пьесъ немного болтливой, немного дѣланной и даже холодной.

«Но нѣтъ для меня ничего лучше «Маріи Стюартъ». Характеры лицъ кажутся мнѣ законченными, діалогъ безукоризненнымъ, перипетія естественной. Сознаюсь тебѣ, во-первыхъ, что я всю свою жизнь былъ влюбленъ въ эту грѣшницу: никакая героиня романа, ни Виргинія, ни Юлія, ни Кларисса, не производили на меня впечатлѣнія, сходнаго съ тѣмъ, какое доставило мнѣ это реальное существо, прошедшее чрезъ прелюбодѣяніе, отцеубійство и католицизмъ. Здѣсь-то и сидитъ поразительное дѣйствіе поэзіи; я нашелъ его изумительнымъ у Шиллера, и съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ эту драму, она не вы-

ходитъ у меня изъ головы. Совершенно добродѣтельно, конечно, —но я увлеченъ».

И точно оправдываясь въ легкости сюжета, хотя и пишетъ профессору литературы, Прудонъ переходитъ къ другимъ предметамъ, говоря:

«Оставимъ, однако, эти *пустячки*».

Весьма цѣнную исповѣдь находимъ мы въ самомъ началѣ 1855 года, въ письмѣ отъ 22-го января. Прудонъ пишетъ какому-то аббату X***, котораго онъ когда-то знавалъ. Аббатъ, по всей вѣроятности, обратился къ нему, какъ истый католическій духовный, съ вопросными пунктами по разнымъ щекотливымъ предметамъ. Но Прудонъ оставался всегда вѣренъ самому себѣ: всѣмъ и каждому отвѣчалъ онъ смѣло и обстоятельно, если только видѣлъ въ своемъ корреспондентѣ какую-нибудь серьёзность.

Онъ отвѣчаетъ аббату по слѣдующимъ пунктамъ:

«1. Я атеистъ, какъ Мальбраншъ, какъ Спиноза, Кантъ, Лейбницъ, Гегель,—ни больше, ни меньше. Изъ этого не слѣдуетъ, что я исповѣдую ту же философію, какъ и эти великіе люди; но у меня есть о Богѣ, душѣ и религіи своя собственная теорія, также далеко отстоящая отъ гольбаховскаго или эпикурейскаго матеріализма, какъ и отъ идеализма Бэрклея. *Критика*, какой я подвергалъ идею Бога, сходна со всѣми моими критиками власти, собственности и т. д. Это—систематическое отрицаніе, которое должно перейти въ такое же систематическое, но уже высшее, подтвержденіе. Впрочемъ, эта матерія такъ обширна, что я не могъ бы обработать ее менѣе какъ на пятнадцати или двадцати страницахъ.

«2. Соціализмъ не имѣетъ ничего противнаго католичеству; что же касается до *справедливости* и до *нравовъ*, то это—тотъ же католицизмъ, возведенный на высоту строгой и демонстративной науки. Только, такъ какъ по моему выходитъ, что церковь съ перваго вѣка до нашихъ дней постоянно колебалась и даже мѣняла взгляды на такія вещи какъ денежный ростъ, разводъ и т. д., и такъ какъ доктрина, на которой она, повидимому, окончательно остановилась, діаметрально противоположна самымъ вѣрнымъ заключеніямъ соціализма, то я буду нападать на церковь по этому пункту до тѣхъ поръ, пока она рѣшительно не выскажется. И какъ же мнѣ поступать иначе, когда я вижу теперь, что органы церкви разноголосятъ между собою, и то соглашаются со мною, то отвергаютъ мои теоріи?

«3. Я не думаю, чтобы существовала абсолютная рознь меж-

ду разумомъ и вѣрой; я говорю только, что вѣра не можетъ никогда служить *предпосылкой* разума; а что, напротивъ, она должна *вытекать* изъ послѣднихъ заключеній разума. Поэтому-то я и нахожу, что соціалистская философія приходитъ къ заключеніямъ, превышающимъ разумъ, недоступнымъ ему. Каждый разъ, когда захотятъ нарушить этотъ порядокъ и подчинить разумъ вѣрѣ, вмѣсто того, чтобы научно выводить послѣднюю изъ перваго, придутъ всегда къ распущенности, къ скептицизму и къ нечестію.

«4. Я признаю, что религія есть преимущество нашего рода и свойство нашего пониманія, почему она и не подлежитъ человѣческому обсужденію, и по принципу своему неразрушаема. Но я не признаю буквально-вѣрными *откровеній* или *теофаній:* въ этомъ смыслѣ я ставлю на одну доску язычество, сабеизмъ, іудейство, христіанство, словомъ, всякія религіи. Это *фантастическія* формы, подъ которыми проявила себя непосредственно религіозная мысль и которыя улетучатся, мало-по-малу, перейдя въ форму *истинную*, т.-е. въ чистую науку человѣка и природы.

«Я думаю, что католицизмъ вотъ уже три вѣка какъ находится въ процессѣ превращенія въ эту послѣднюю форму.

«5. Смѣшно спрашивать меня, отвергаю-ли я десять заповѣдей и хочу-ли замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь инымъ. Десять заповѣдей составляютъ *содержимое* Моисеевой религіи (какъ и всѣхъ религій); церемоніи книги Левитъ—ея *форма;* исторія Бытія и Исхода—ея *легенда.*

«Всякая религія имѣетъ, такимъ образомъ, свое содержимое, свою форму, свою легенду. Содержимое одинаково во всѣхъ;—оно *истинно;* — религіи отличаются между собою одной лишь формой и легендой, т.-е. побочными созданіями воображенія народовъ, различно настроеннаго.

«6. Въ тотъ день, когда всеміpная совѣсть пріобрѣтетъ пониманіе исповѣдываемой ею религіи, въ тотъ день религіозный авторитетъ, т.-е. авторитетъ священника, церкви вообще, перейдетъ въ авторитетъ гражданскій: церковная каѳедра уступитъ мѣсто каѳедрѣ университетской. Различеніе свѣтской власти отъ духовной уже подало въ Европѣ сигналъ къ такому разрѣшенію вопроса; а въ наши дни послѣдній шагъ представляетъ собою усилія духовенства: пріурочить себѣ науку и современную философію».

«Вы видите,—кончаетъ Прудонъ,—изъ этихъ немногихъ строчекъ, господинъ кюрè, что есть пункты, на которыхъ мы съ вами совершенно сходимся, и другіе, по которымъ мы все больше

и больше удаляемся другъ отъ друга. У насъ есть на чемъ согласиться и изъ-за чего воевать до безконечности. Словомъ, я представляю собою разновидность раціонализма, настолько же оригинальную, интересную и почтенную, какъ и всякая другая; она имѣетъ, по общему сознанію, хоть нѣчто согласное съ истинной, почему и не можетъ ни въ какомъ случаѣ нанести сильный вредъ ни религіи, ни разуму».

Мы не будемъ входить въ разборъ приведенныхъ нами пунктовъ Прудонова исповѣданія вѣры; замѣтимъ одно, что тонъ его письма далекъ отъ какой бы то ни было пропаганды, отъ всякихъ рѣзкихъ нападокъ. Онъ пишетъ аббату, приходскому католическому священнику, и если тотъ былъ умный и терпимый человѣкъ, то, конечно, не могъ ничѣмъ оскорбиться въ такомъ искреннемъ изложеніи, тѣмъ болѣе, что онъ самъ вызвалъ на него Прудона.

Но является вопросъ: чтó произошло въ міровоззрѣніи Прудона съ той эпохи, когда онъ гораздо чаще высказывался въ письмахъ на ту же тэму? Существенно новаго тутъ мы не находимъ ничего, по крайней мѣрѣ, съ того времени, когда взглядъ Прудона на религіозное откровеніе вполнѣ установился. Въ чисто-философскомъ смыслѣ заявляется солидарность съ мыслителями метафизическаго порядка. Хотя извѣстно, что въ эту пору Прудонъ былъ достаточно близокъ къ позитивнымъ пріемамъ мышленія; но онъ не сложился въ мыслителя, признавшаго вопросы о божествѣ, душѣ и т. п., не подлежащими положительному изслѣдованію. О нихъ онъ весьма охотно разсуждаетъ, высказывая то убѣжденіе, что такіе предметы религіознаго созерцанія будутъ въ скоромъ времени переходить въ область вѣры чрезъ посредство разума. Очевидно, стало быть, что метафизическій складъ еще держалъ въ рукахъ Прудонову мысль, при всѣхъ его порываніяхъ къ «чистой наукѣ человѣка и природы». Но нужно взять и то въ соображеніе, что, несмотря на извѣстную метафизическую подкладку, умъ Прудона не вдается уже ни въ какія туманныя отвлеченности, а прямо указываетъ на тотъ путь, по которому человѣчество должно, по его мнѣнію, пойти, подчиняясь неотразимому дѣйствію точнаго знанія, врага всякихъ непровѣренныхъ абсолютовъ. Совокупность приведеннаго нами исповѣдыванія вѣры, хотя оно и было обращено къ католическому священнику, заключаетъ въ себѣ всѣ существенныя составныя части Прудонова міровоззрѣнія, и качественно и, такъ сказать, количественно.

Мы уже замѣтили, что въ это время онъ окончилъ и напечаталъ книжку о желѣзныхъ дорогахъ, которая не могла, конеч-

но, вызывать его на интеллигентныя сообщенія пріятелямъ и знакомымъ; онъ больше всего говоритъ о восточной войнѣ, а въ письмѣ къ Матѣю, отъ 25-го февраля, сообщаетъ проектъ основанія новаго журнала «Revue industrielle» подъ его редакціей, гдѣ должны періодически обсуждаться всѣ новыя дѣловыя предпріятія. По поводу же своей книжки о желѣзныхъ дорогахъ онъ распространился только въ письмѣ къ Шарлю Эдмону отъ 4-го марта:

«Пробѣгая этотъ трудъ старательнаго анализа, вы въ состояніи будете уже составить себѣ идею о томъ, чтó такое экономическая наука, по крайней мѣрѣ, какъ я ее понимаю и въ какомъ смыслѣ я предпринялъ ея воссозданіе. Вы увидите также причину моего презрѣнія ко всему, чтó до сихъ поръ украшали именемъ *политической экономіи:*

«Наука, каковы бы ни были ея единство и синтезъ съ точки зрѣнія открытія и историческаго построенія, есть все-таки не что иное, какъ совокупность докладныхъ записокъ, подвергаемыхъ обслѣдованію, одна за другой, и достигающихъ очевидности силою времени. Я не говорю вамъ, конечно, что моя монографія желѣзныхъ дорогъ составляетъ первую главу такой науки; но я смѣю думать, что это—первая точная теорія, настолько полная, насколько позволяетъ эпоха, обнимающая собою одно изъ главныхъ направленій соціальной экономіи, именно *извозную промышленность*.

«Оставьте въ покоѣ франки и сантимы, килограммы и километры, которыми переполненъ мой трудъ; вамъ слѣдуетъ взглянуть на дѣло, какъ артисту и философу, преимущественно съ той стороны, какую я вамъ здѣсь указываю. Еще разъ—трудъ мой, въ томъ видѣ, какъ я его даю, есть лишь анатомія спеціальнаго органа; но эта анатомія уже явственно обѣщаетъ общую физіологію, въ концѣ которой окажется философія и много другихъ вещей».

Свой преобразовательный взглядъ на политическую экономію Прудонъ продолжаетъ высказывать и въ другомъ мѣстѣ письма, гдѣ онъ, отвѣчая Шарлю Эдмону на счетъ какихъ-то дѣловыхъ хлопотъ, не хочетъ принимать участія въ какомъ бы то ни было домогательствѣ, способномъ бросить тѣнь на его гражданскую самостоятельность, научное и мыслительное достоинство:

«Я работаю надъ экономіей,—говоритъ онъ,—совершенно такъ, какъ гг. Дюма, Пелюзъ, Реньо работаютъ надъ химіей; было бы противно моему положенію, моей роли, если бы я принялъ участіе въ промышленной спекуляціи. Конечно, я могъ бы

это сдѣлать совершенно безукоризненно, какъ Тессье-дю-Мотэ и столько другихъ, которымъ наука такъ удачно и съ такою честью помогаетъ богатѣть; но тогда я долженъ былъ бы отказаться отъ того качества, на какое я претендую, т.-е. на званіе чистаго ученаго, безкорыстнаго мыслителя, экономиста, свободнаго отъ всякихъ поползновеній къ наживѣ и богатству. Вы принадлежите къ журнальному міру, и должны сами знать, по вашимъ наблюденіямъ и связямъ, до какой степени журналистъ, обязанный быть во всѣхъ вопросахъ безпристрастнымъ докладчикомъ, неподкупнымъ судьей — измѣняетъ своему призванію. Это дошло до того, что самые честные люди, занимающіеся журнализмомъ, пользуются имъ для того только, чтобы разбогатѣть, получая преміи или плату отъ большихъ компаній и предпріятій, о которыхъ они отдавали отчетъ. Это почти что принято! Что же удивительнаго, если и книга, послѣ журнала, превратится въ одну ложь предъ наукой? И такъ было бы непремѣнно, если бы авторъ захотѣлъ прикрыть своимъ качествомъ *ученаго оцѣнщика* частныя выгоды предпринимателя, пайщика и т. д.».

Мы уже видѣли, въ перепискѣ Прудона за прежніе годы, нѣсколько примѣровъ его честнаго отношенія къ своей роли и достоинству, постоянно, среди большой нужды, побуждавшей его искать черновой работы изъ куска хлѣба. Такія доказательства нравственной стойкости—очевидны, но желательно бы было вполнѣ согласить ихъ съ другими свойствами Прудона. Прудонъ не разъ сообщалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ планы дѣловой карьеры; не разъ порывался онъ примоститься къ какому-нибудь предпріятію, и тогда брался за хлопоты, составленіе записокъ и т. п. Не отрицая того, что въ его характерѣ было при случаѣ очень много крестьянскаго «себѣ на умѣ», нельзя не замѣтить, что въ приведенномъ нами отрывкѣ онъ не особенно противорѣчитъ себѣ: когда дѣло идетъ о промышленномъ предпріятіи, не нуждающемся вовсе въ авторитетѣ его имени, въ поддержкѣ его взглядовъ и принциповъ, онъ могъ брать на себя простую техническую работу. Въ настоящемъ же случаѣ онъ отказывается отъ смѣшенія двухъ ролей: человѣка науки и гражданской правды— и пріобрѣтателя, желающаго добиться земныхъ благъ, прикрываясь знаменемъ этой науки и этой правды.

Далѣе, онъ практическими доводами выясняетъ еще больше этотъ вопросъ, убѣждая Шарля Эдмона:

«Стало быть, когда я прошу васъ войти въ это дѣло и въ то же время приглашаю васъ отстать отъ меня на одномъ этомъ только пунктѣ—я поступаю справедливо, честно и раціонально.

Вы свободны; вы не считаетесь, подобно мнѣ, построителемъ *новой науки*, обязаннымъ, въ силу своей присяги передъ истиной, не получать вознагражденія ни отъ кого, кромѣ ея. Господинъ B***, о которомъ я вамъ говорилъ, очень хорошо это понимаетъ; онъ честенъ не менѣе кого бы то ни было; но онъ не писатель; онъ добивается выгодной спекуляціи, дѣлаетъ это съ спокойной совѣстью; но его главная цѣль, если пойти на откровенность, создать своего рода убѣжище для бѣдныхъ изгнанниковъ соціальной республики, для всѣхъ друзей и добрыхъ знакомыхъ. Вамъ приготовлено уже мѣсто въ этомъ дѣлѣ, если оно удастся. Поэтому вы и не можете безъ малодушія, безъ эгоизма отказываться отъ хлопотъ, какія могутъ предстоять именно вамъ; вы должны даже, если понадобится, объявить, что во всемъ этомъ для васъ важна не экономическая *теорія*, отвѣтственность за которую вы оставляете автору, а важно самое предпріятіе, что совсѣмъ не одно и то же».

Иной можетъ, пожалуй, и тутъ увидать нѣкотораго рода подходъ». Прудонъ убѣждаетъ пріятеля въ естественности и заботѣ такихъ дѣйствій, на какія самъ не хочетъ идти; но его доводы достаточно вѣски, чтобы снять съ него подобное обвинение. Только онъ и въ этомъ случаѣ остается вѣренъ тому духу ...ового компромисса, который позволилъ бы ему играть крупную политическую роль, если бы теоретикъ и моралистъ не преобладали въ немъ надъ всѣмъ остальнымъ.

II.

...Послѣднее время жизни Прудона — вообще не особенно видное для его дѣятельности. Онъ чувствовалъ себя все болѣе и бо...кованнымъ необходимостью пробавляться кое-чѣмъ и оставлять крупные замыслы въ видѣ общихъ плановъ и программъ. ...оеніе мыслящей публики было тогда тревожное и односто...: всѣ съ разными надеждами смотрѣли, какъ на что-то ...е, на борьбу подъ Севастополемъ. Прудонъ и въ этомъ ...національномъ вопросѣ занялъ совершенно особое поло... Въ теченіи года его взглядъ на восточную войну суще... не измѣнился. Онъ продолжалъ возмущаться фальши...либерализмомъ этой кампаніи и подкрѣплять себя на... на паденіе Наполеона III, въ случаѣ неуспѣха. Всѣ ...ости войны, всѣ парижскіе толки и слухи вызываютъ ...ь рядъ протестовъ здраваго смысла и вѣрнаго чутья,

что̀ въ особенности ясно въ письмѣ къ Морису, отъ 7-го марта, гдѣ онъ распространился о текущихъ событіяхъ. Про себя же онъ говоритъ въ концѣ этого письма: «*Я*, любезный другъ, держусь и долго еще буду держаться роли зрителя. Развѣ я не всесвѣтный изгнанникъ, человѣкъ, ненавидимый всѣми партіями, начиная съ коммуниста и фаланстеріанца и кончая легитимистомъ? Когда кто-нибудь привлекъ на свою голову столько ненависти, ему нельзя уже больше мѣшаться въ борьбу, онъ принужденъ держаться въ сторонѣ. Пускай наступитъ свобода для всѣхъ, и тогда я снова заговорю. До тѣхъ же поръ—молчаніе!»

Сношенія съ Морисомъ продолжаются, и въ нихъ личныя дѣла перемѣшаны съ общими взглядами на политическія и другія новости. Но, какъ ни желаетъ Прудонъ «держаться въ сторонѣ», онъ все-таки не можетъ играть пассивной роли, какъ мыслитель-гражданинъ. То, что̀ вокругъ него дѣлается, поднимаетъ въ немъ взрывы гражданскаго негодованія, противорѣчащіе съ вынужденнымъ спокойствіемъ предыдущихъ взглядовъ и соображеній. Такъ, въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 5-го апрѣля, онъ не можетъ, повидимому, дольше сдерживать себя. Его цивическое чувство прорывается въ слѣдующихъ тирадахъ:

«Все, что̀ революція (не нужно забывать, что̀ разумѣлъ Прудонъ подъ этимъ терминомъ) произвела и создала, въ настоящую минуту чрезвычайно скомпрометтировано, до такой степени, помоему, что нельзя уже довольствоваться теперь одной надеждой на болѣе благопріятное царствованіе; надо непремѣнно дѣлать дальше. Двадцать-пять лѣтъ настоящаго режима ничего не оставятъ изъ этой революціи, слишкомъ воспѣтой и расхваленной; полъ-вѣка достаточно будетъ, чтобы укротить *народъ*, послѣ чего мы сдѣлаемся испорченной, отвратительной расой, негодной даже на то, чтобы служить подстилкой для лошадей казаковъ.

«Надо, стало быть, продѣлать за̀ново эту революцію; а для того необходимо новое философское движеніе, своего рода тридцати-лѣтнюю войну, чтобы повалить чудище. Такія крупныя вещи невозможны съ одной перспективой умѣренно-либеральнаго и какого вамъ угодно Наполеона. Говорю вамъ это безъ всякаго духа недовѣрія и враждебности. Однимъ словомъ, нужна *Революція*».

Хотя конецъ тирады и показываетъ, что Прудонъ не хочетъ заявлять обыкновеннаго заговорщическаго недовольства и пыла, но сущность его протеста — самая радикальная; а дальнѣйшее мѣсто въ концѣ письма еще ярче выставляетъ его своеобразное гражданское чувство и пониманіе:

«Торжество союзниковъ на востокѣ, — говоритъ онъ, — это, конечно, гораздо менѣе — униженіе для Россіи, чѣмъ — закрѣпленіе военнаго режима во Франціи и во всей Европѣ. Испанія уже испытываетъ это, Пьемонтъ идетъ къ тому же, Германія вскорѣ послѣдуетъ за ними. Потомъ эти господа, уставъ воевать, прекрасно стакнутся между собою по части тиранніи: это неизбѣжно.

«Нѣтъ, нѣтъ, не нужно войны, если возможно; не нужно побѣды въ Крыму, не нужно военной славы. Долой солдата и Наполеона! Нечего тутъ больше толковать о національной чести, если все это одна прикормка для ословъ. Вы сами покинули вашу родину и натурализовались во Франціи, ужасаясь военнаго деспотизма...

«И что же: теперь роли перемѣнились! Военный деспотизмъ представляетъ собою вовсе не царь, а императоръ французовъ. Еслибъ понадобилось, чтобы Франція была побѣждена и принижена для того, чтобы спасти свободу, развѣ бы вы стали колебаться? Я не знаю подобныхъ тонкостей. Также я готовъ пожертвовать патеромъ и всѣми органами современной реакціи, какъ я пожертвовалъ бы самой Франціей, если бы того требовала цивилизація и свобода мысли. Пускай погибнетъ родина, а человѣчество будетъ спасено! Въ этомъ надо воскресить древнее христіанство и защищать его противъ спутниковъ новаго!»

По поводу анонимной брошюры, вышедшей въ Бельгіи, написанной какимъ-то демократомъ-бонапартистомъ и гдѣ рѣзко выставлялась вся темная сторона крымской кампаніи и другихъ затѣй тогдашняго бонапартизма, Прудонъ высказываетъ взглядъ на эту легенду, до сихъ поръ не совсѣмъ утратившій свою вѣрность, а для того времени поражающій своей проницательностью.

«Эта брошюра, — замѣчаетъ онъ, — открываетъ намъ цѣлую систему, и въ силу этой системы можно утверждать, что въ настоящій моментъ подъ трономъ Наполеона III примостилась новая бонапартистская партія, съ демократическими и либеральными замашками, и что, когда теперешній императоръ будетъ убитъ, сверженъ съ престола или умретъ, Франція все-таки еще не покончитъ съ той иллюзіей, изъ которой Беранже и другіе создали идеалъ для народа, а по этой иллюзіи Наполеонъ III не больше какъ измѣнникъ и выродокъ.

«Но наполеоновская традиція съ нимъ не умретъ, совершенно такъ же, какъ традиція Траяна или Марка Аврелія не умирала съ Коммодомъ. Создалась уже новая партія, совсѣмъ готовая овладѣть популярностью и властью, во имя того самаго Наполеона, котораго безчеститъ его племянникъ».

Предсказанія Прудона болѣе чѣмъ сбылись. Даже седанскій погромъ не выкурилъ совсѣмъ изъ французовъ наполеоновской традиціи. На нашихъ глазахъ образовался новый видъ бонапартизма, съ ложно-радикальными замашками. Каждый годъ, ко дню театральныхъ торжествъ у гробницы Наполеона III являются изъ Франціи группы рабочихъ со знаменитымъ журналистомъ Амигомъ во главѣ. И если молодой французской республикѣ и слѣдуетъ когонибудь серьёзно бояться, то, конечно, этой новой метаморфозы бонапартизма, начатки которой появлялись уже, какъ мы видимъ, двадцать лѣтъ тому назадъ.

Большое дѣловое письмо къ Шарлю Эдмону отъ 17-го мая показываетъ, что Прудонъ принималъ участіе въ планѣ: создать компанію, которой правительство уступило бы послѣ всемірной выставки зданіе «Дворца Промышленности», помѣщающагося въ Елисейскихъ поляхъ. Идея Прудона состояла въ томъ, чтобы создать постоянную выставку образцовъ вмѣстѣ съ агентствомъ, содѣйствующимъ всѣми способами промышленному движенію страны. Онъ желалъ, вѣроятно, чрезъ пріятеля своего Шарля Эдмона подѣйствовать на принца Наполеона, все еще продолжавшаго имѣть для него нѣкоторое обаяніе либеральности.

Въ это же время явилась біографія Прудона, написанная извѣстнымъ пасквилянтомъ Миркуромъ, и по поводу ея Прудонъ пишетъ Даримону отъ 25-го мая такую записку:

«Любезный Даримонъ, не можете ли вы мнѣ достать, при содѣйствіи общаго нашего пріятеля Нефтцера, нумеръ газеты «Estaffette» за послѣдніе дни, гдѣ въ фельетонѣ припоминають одно изъ моихъ положеній: *Dieu c'est le mal*.

«По крайней мѣрѣ, не можете ли вы прочесть эту статью и сообщить мнѣ ея содержаніе вмѣстѣ съ именемъ автора.

«Въ то же время доставьте мнѣ какъ можно скорѣй всѣ факты, какіе вамъ только извѣстны о теперешнемъ *вліяніи* духовенства, его происках и проч. и проч.

«Здѣсь не хотятъ печатать мой отвѣтъ Миркуру. Я хочу его пополнить, сдѣлать изъ него *солидную* вещь, напечатать ее въ Бельгіи, послѣ чего мы будемъ хлопотать о ввозѣ ея во Францію; а если событія и друзья помогутъ, можетъ быть удастся намъ нанести рѣшительный ударъ *нечестивой* (l'infame). Помогите же мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Само собой разумѣется, что имперія, политика и собственность тутъ не причемъ».

Чрезъ двѣ недѣли, 1-го іюня, онъ пишетъ Шарлю Эдмону на ту же тэму:

«Я сбираюсь на-чисто обдѣлать брошюру, отъ двѣнадцати до

пятнадцати листовъ въ обыкновенную восьмушку, подъ заглавіемъ: «О морали въ соціализмѣ и въ церкви, письмо монсиньору С. Матье, кардиналу-архіепископу безансонскому, П.-Ж. Прудона».

«Случай или причина, вызвавшая эту брошюру, составляла для меня біографія господина Миркура, написанная по свѣдѣніямъ, доставленнымъ безансонскимъ архіепископомъ и предназначенная главнымъ образомъ для публики ханжей.

«Настоящій же объектъ ея: поставить съ должной силой и шириной, между церковью и революціей, *вопросъ нравственности* совершенно такъ, какъ Руссо, въ 1762 году, отвѣчая архіепископу парижскому Христофору Дебомону, поставилъ *вопросъ откровенія и чудесъ*. Насколько девятнадцатый вѣкъ опередилъ восемнадцатый, настолько же вопросъ нравовъ важнѣе вопроса католическихъ чудесъ; а я уже постараюсь не быть слишкомъ ниже моего сюжета.

«Поэтому-то дѣло идетъ не о брошюрѣ на *случай*, интересующей одну лишь парижскую публику; это будетъ настоящая книга, обращенная ко всей Европѣ, и гдѣ я, замыкая себя въ конкретныя рамки біографіи, дохожу до корня самыхъ возвышенныхъ предметовъ, какіе только могутъ занимать человѣческій умъ».

Прудонъ говоритъ тутъ не о чемъ иномъ, какъ о той книгѣ «De la Justice», которую можно назвать центральнымъ сочиненіемъ послѣдняго десятилѣтія его жизни. Какъ оказывается, онъ предполагалъ первоначально ограничиться брошюрой средняго размѣра, и только впослѣдствіи разрослась она въ большую книгу; но уже съ-разу ея внѣшній полемическій мотивъ перешелъ въ идею и въ постановку вопроса, «обращеннаго ко всей Европѣ».

На другой же день Прудонъ пишетъ маленькую записку тому же Шарлю Эдмону:

«Любезный Эдмонъ, я перемѣнилъ заглавіе моего сочиненія. Вмѣсто того, чтобы называть его: «О морали въ соціализмѣ и въ церкви», я ставлю: «О морали въ революціи и въ церкви», что въ тысячу разъ лучше и доставляетъ мнѣ всякаго рода выгоды и удачныя вдохновенія, причемъ соціализмъ ничего не теряетъ.

«Но раньше двухъ недѣль я не въ состояніи буду послать мой манускриптъ: меня осаждаютъ занятія и всякія дрязги, и я скоро совсѣмъ потеряю голову».

Переписка съ Шарлемъ Эдмономъ учащается въ теченіи всего іюня и вертится почти исключительно вокругъ той промышлен-

ной компаніи, которую хотѣлъ поддержать Прудонъ своей теоретической инипіативой. Онъ, какъ и всегда, проникнутъ вѣрой въ блестящую будущность «постоянной выставки», устроенной по его идеѣ:

«Съ моей стороны,—сообщаетъ онъ,—я возвожу полегоньку свое зданіе, но я ничего не сдѣлаю прежде, чѣмъ не соберу всѣхъ предложеній. Не только я желаю провести *идею*, но я не хочу пропустить удобнаго случая. Впрочемъ, всѣ согласны съ тѣмъ, что это дѣло будетъ грандіознымъ созданіемъ эпохи, самымъ рѣшительнымъ и такимъ, которое разомъ, вызывая революцію, *всего лучше обезпечитъ прочность новой династіи*» (?!).

Дѣло будущей компаніи такъ занимаетъ Прудона, что онъ въ письмѣ отъ 3-го іюля составляетъ подробный балансъ, со смѣтой расходовъ. Въ то же время онъ переписывается съ г. Куанье, доставившимъ ему свои экономическіе этюды. Проектъ компаніи «Дворца Промышленности» составлялся Прудономъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дѣловыми мемуарами, о которыхъ онъ сообщаетъ Гильемену въ письмѣ отъ 12-го іюля. Во второй половинѣ іюля Прудонъ собирался къ себѣ на родину; но письма его съ двадцатыхъ чиселъ помѣчены опять Парижемъ. Занятый дѣловыми записками, онъ находитъ время отвѣчать какому-то Габріэлю ***, обратившемуся къ нему съ письмомъ совершенно интимнаго свойства, гдѣ онъ просилъ Прудона утѣшить его въ разныхъ тяжелыхъ испытаніяхъ.

Въ этомъ письмѣ есть нѣкоторыя подробности, рѣзко характеризующія весь нравственный складъ Прудона. Его корреспондентъ пораженъ любовнымъ горемъ, и въ числѣ утѣшеній взываетъ къ религіи и философіи.

«Вы раздѣляете, говорите вы, — обращается къ нему Прудонъ, — мой взглядъ на религію. Для меня было бы большою честью и гордостью, если бы вы его знали. Но вопреки всѣмъ моимъ критикамъ религіознаго воззрѣнія, какъ въ частности, такъ и вообще, вы не можете знать, каково мое окончательное мнѣніе въ дѣлѣ религіи, и если вы меня читали, вы знали бы, что я скорѣе поднималъ разные трудные вопросы и ставилъ задачи, чѣмъ выступалъ съ какимъ-нибудь мнѣніемъ. Вы узнаете это мнѣніе тогда лишь, когда я самъ сообщу, чѣмъ, по-моему, можно было бы замѣнить католичество.

«Сознаюсь, что философія можетъ показаться нѣкоторымъ умамъ *алгебраической* и *холодной*, совершенно такъ же, какъ теологія кажется другимъ загадочной и баснословной. Но я не допускаю того, чтобы она была для всякаго утѣшеніемъ, почему

я сильно сомнѣваюсь въ томъ, что вы читали или по крайней мѣрѣ поняли Спинозу. Вы почувствовали бы, конечно, какъ и я, что нѣтъ ничего грандіознѣе, возвышеннѣе, ничего болѣе утѣшающаго и морализующаго, какъ зрѣлище подобнаго генія въ борьбѣ съ бѣдностью, зрѣлище того, какъ онъ находитъ счастье и блаженство въ наукѣ, трудѣ, въ безвѣстной долѣ и практикѣ всѣхъ добродѣтелей.

«Но кстати ли вамъ и упоминать о Спинозѣ».

Далѣе Прудонъ рѣзко выговариваетъ своему корреспонденту его слабодушіе, заставляющее искать утѣшеній въ чувственности. Его тонъ и языкъ дышатъ силой человѣка, весь свой вѣкъ не терявшаго нравственнаго смысла, способнаго переносить все во имя того, что̀ онъ считалъ *добродѣтелью*.

III.

Въ прежней перепискѣ Прудона, его сношенія съ русскимъ пріятелемъ Г*** были очень рѣдки. Письмо отъ 23 іюля гораздо больше объемомъ, и мы его приведемъ цѣликомъ, хотя оно и не представляетъ сплошь равнаго интереса.

«Любезный Г***, я получилъ только 18-го письмо ваше отъ 14-го, въ такую минуту, когда мнѣ, по множеству работъ и и дѣлъ, совершенно невозможно было отвѣчать на него.

«Я пользуюсь передышкой, чтобы искренно поблагодарить васъ за то, что вы вспомнили обо мнѣ, задумывая вашъ журналъ (Revue). Я думаю, что наши идеи однѣ и тѣ же, наши задачи солидарны; всѣ наши упованія сливаются между собой. Съ одного конца Европы до другого одна мысль, одинъ свѣточъ освѣщаетъ всѣ свободныя сердца. Хотя бы мы не говорили другъ съ другомъ и не переписывались, желали бы мы или не желали того, мы все-таки остаемся сотрудниками одинъ для другого. Въ настоящую минуту я бы не могъ написать вамъ статьи; но то, что̀ неисполнимо сегодня, можетъ осуществиться завтра, и во всякомъ случаѣ, мертвый или живой, я значусь и остаюсь однимъ изъ почетныхъ редакторовъ вашего журнала.

«Увы, какъ тяжело наше дѣло! Пока вы занимаетесь, главнымъ образомъ, правительствами, я имѣю въ виду управляемыхъ. Но прежде, чѣмъ нападать на деспотизмъ государей, не слѣдуетъ ли, какъ можно чаще, нападать на него въ самихъ бойцахъ свободы? Знаете ли вы что-либо болѣе похожее на тирана, какъ народный трибунъ, и не казалось ли вамъ часто, что не-

терпимость мучениковъ такъ же гнусна, какъ и ярость преслѣдователей? Развѣ не правда, что деспотизмъ потому такъ и трудно повалить, что онъ опирается на самое коренное чувство своихъ антагонистовъ или, лучше сказать, своихъ противниковъ; это до такой степени вѣрно, что искренне-либеральный писатель, настоящій другъ революціи, часто не знаетъ хорошенько, въ какую сторону направлять ему свои удары: на коалицію ли угнетателей, или на испорченную совѣсть угнетенныхъ.

«Думаете ли вы, напримѣръ, что всякій деспотизмъ есть лишь продуктъ грубой силы и династическихъ интригъ? Не кроются ли ея скрытыя основы, ея потаенные корни въ сердцѣ самой націи? О, любезный Г***, вы самый откровенный изъ людей, развѣ вы не бывали сами скандализуемы и огорчаемы лицемѣріемъ и маккіавелизмомъ тѣхъ, кого европейская демократія такъ или иначе терпитъ или признаетъ своими вождями?...—Не нужно разлада на глазахъ непріятеля, скажете вы мнѣ на это. — Но, любезный Г***, что̀ же опаснѣе для свободы: разладъ или измѣна?...

«Для меня опытъ Запада, живущаго на моихъ глазахъ, помогаетъ мнѣ соображать и то, что̀ должно происходить на неизвѣстномъ мнѣ Сѣверѣ, ибо подъ всѣми меридіанами человѣчество похоже само на себя. Вотъ уже четыре года, какъ я вижу, что деспотизмъ, въ силу пагубнаго примѣра, съ яростью овладѣлъ всѣми душами; вижу, какъ презрѣніе массъ, которыя наканунѣ были объявлены всемогущими и даже почти божественными, обратилось въ нѣчто обязательное; какъ свобода осмѣивается тѣми, кто прежде бралъ ее своимъ девизомъ; какъ соціальная революція оплевана и предана смерти лицемѣрами, притворявшимися до самаго дня ея паденія, что они обожаютъ ее. Знаете ли вы, наконецъ, кому хотятъ отплатить побѣжденные вчерашняго дня? Вы думаете: тиранніи, привилегіи, суевѣрію? Вовсе нѣтъ: народной массѣ, философіи, революціи.

«*Separamini, popule meus!*—Не нужно никакого сообщества съ интриганами и тартюфами! Заключимъ союзъ, какъ Бертранъ-Дюгескленъ и Оливье-де-Клисонъ, за свободу во что бы то ни стало, *противъ всѣхъ тѣхъ, кто можетъ жить и умереть.* Будемъ поддерживать освободительное дѣло, откуда бы оно ни шло и какимъ бы образомъ ни проявляло себя; будемъ побивать предразсудокъ безъ пощады, даже у нашихъ единомышленниковъ и братьевъ...

«Въ настоящую минуту Свобода идетъ къ намъ съ Востока, съ Востока, признаннаго варварскимъ, изъ отчизны послѣднихъ

крѣпостныхъ, изъ страны номадовъ; оттуда изливается на насъ струя нравственной жизни, убитой на Западѣ буржуазнымъ эгоизмомъ и якобинской глупостью. Пока матеріализмъ пожираетъ насъ, а эпидемія и картечь изводятъ нашу несчастную армію, русскій народъ влекутъ на поле всѣ чувства, облагораживающія душу человѣческую: національность, религія, ненависть къ варварству, больше того—надежда на свободу, воспламененная царемъ.

«Исторія полна такихъ противорѣчій.

«Наши солдаты, такіе храбрые и героическіе въ бою, принесутъ ли они намъ по-крайней-мѣрѣ ту заразу великихъ идей и благородныхъ чувствъ, которыя наполняютъ душу русскихъ? Не знаю. Всякое сообщеніе съ Западомъ для нихъ закрыто; машинность дисциплины, противный казарменный духъ, смѣшное славолюбіе, превратили ихъ въ такую отупѣлую массу, что они навѣрно вернутся къ намъ въ томъ же видѣ, въ какомъ отправились: солдатами папы и императора, Рима и 2-го декабря.

«Но то, чего не сдѣлаетъ *пушечное мясо*, съумѣетъ выполнить перо писателя. Съ береговъ Черной, Днѣпра и Вислы свобода прилетитъ къ намъ на крыльяхъ мысли и пристыдитъ нашъ старый революціонный городъ. Она выставитъ передъ нимъ воспоминанья 14-го іюля, 10-го августа, 31-го мая, 1830 и 1848 гг. Тогда міръ узнаетъ, держитъ ли Франція, даже и побѣдивъ въ Крыму—допускаю изъ національной гордости такую ненужную гипотезу—скипетръ цивилизаціи и прогресса, или уступаетъ его своему побѣжденному непріятелю—Россіи, которая дѣйствительно сдѣлается тогда побѣдительницей?»

«Прощайте, любезный другъ. Сохраните чистой и неприкосновенной вашу прекрасную и благородную личность: это мое единственное желаніе; это—залогъ вашего успѣха.

«Жму вашу руку».

Въ дѣловой перепискѣ съ Шарлемъ-Эдмономъ, продолжающейся въ іюлѣ и августѣ, мы находимъ мѣста́, показывающія, что Прудонъ, сносясь съ лицомъ, близкимъ къ принцу Наполеону, не терялъ самостоятельности своихъ политическихъ воззрѣній. Такъ въ письмѣ отъ 27-го іюля, по поводу одного изъ публичныхъ тостовъ принца Наполеона, онъ пишетъ:

«Можно ли стерпѣть, когда намъ восхваляютъ наше *правительство* и представляютъ его какъ *организованную демократію*.... Наполеонъ (онъ хочетъ сказать принцъ Наполеонъ) не пріобрѣлъ своей рѣчью ни одного человѣка въ пользу императора, а самъ лишилъ себя, по всей вѣроятности, если не преданности, то безпристрастія демократовъ. Я согласенъ, что зрѣлище англійской

политики не очень-то способно возбуждать всемірное удивленіе; но, въ общемъ итогѣ, этотъ режимъ правды и свободнаго контроля все-таки на сто тысячъ льё выше нашего, въ которомъ, при равной неспособности, оскорблена идея страны, нарушены права, созданныя революціей.

«Любезный другъ, исходите изъ той мысли, что соціалистъ—честный человѣкъ, можетъ очень участвовать, какъ я это сдѣлалъ, въ проектѣ какого-нибудь учрежденія; но что въ немъ руководящимъ закономъ остается самое абсолютное неодобреніе въ виду подобнаго режима; а если говорить всю правду: въ то самое время, когда онъ пробуетъ пользоваться императорской инціативой, убійца живетъ въ его сердцѣ».

Этотъ отрывокъ, говоря въ пользу Прудона, показываетъ намъ, какъ трудно было, даже такому сильному характеру, какъ онъ, оставаться на совершенно твердой почвѣ, разъ поддавшись лжедемократизму вліятельнаго лица, въ родѣ принца Наполеона. Но онъ продолжаетъ переписываться съ Шарлемъ Эдмономъ все на ту же дѣловую тэму, стараясь выгородить въ этомъ предпріятіи нравственную неприкосновенность своей личности. Разумѣется, будь Прудонъ въ другихъ обстоятельствахъ, пользуйся онъ большей свободой, живи онъ перомъ крупнаго писателя-мыслителя, ему бы и косвенно не зачѣмъ было участвовать въ промышленныхъ предпріятіяхъ и спекулировать на поддержку такихъ демократовъ, какъ двоюродный братъ Наполеона III-го. Но положеніе его было въ высшей степени тяжкое. Хотя онъ и неохотно жаловался на судьбу въ своихъ письмахъ вообще, но правда брала свое, и въ письмѣ отъ 2-го сентября, къ г. Трюшу, онъ не скрываетъ тяжести обстоятельствъ, объясняя, однакожъ, свое тяжелое душевное настроеніе причинами болѣе общими:

«Мои невзгоды,—пишетъ онъ,—происходятъ, главнымъ образомъ, отъ того режима, жить подъ которымъ мы обречены, а онъ прямо направленъ противъ меня и мнѣ подобныхъ. Такое положеніе огорчаетъ, душитъ, убиваетъ меня. Мнѣ надобны: умственный покой, душевное довольство — чтобы привести къ доброму концу предпринятые мною труды; а я долженъ питаться каждый день зрѣлищемъ всемірнаго рабства и несказуемаго лицемѣрія; я принужденъ, что еще хуже для писателя и свободнаго мыслителя, сломать мое перо, проглотить собственный языкъ и готовить мои труды для болѣе или менѣе отдаленнаго *будущаго*, такъ какъ возможность издавать и писать въ эту минуту у меня отнята.

«Вотъ, любезный другъ и землякъ, что меня убиваетъ, и въ этомъ отношеніи вы, конечно, правы, находя, что я несчастливъ.

«Что же до моего хозяйства, я живу изо-дня-въ-день; но я ужъ къ этому привыкъ. Насущныя потребности покрываются кое-какой заказной работой. Словомъ, только бы хватило силъ и поддержало меня здоровье, я снискиваю свой насущный хлѣбъ, и мы понемножку двигаемся. Если предположить, что ничто не измѣнится въ общемъ ходѣ дѣлъ, я кончу тѣмъ, что буду искать домашняго крова гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ я умру одинокій и безвѣстный, что по-моему,—большое благо, но что менѣе желательно для тѣхъ, кого я могу оставить послѣ себя и кто разсчитываетъ на меня.

«Мнѣ сорокъ шесть съ половиною лѣтъ; надѣюсь я работать еще отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, предполагая, что силы мои сохранятся, какъ у всякаго обыкновеннаго человѣка, и что никакая тяжкая болѣзнь не лишитъ меня моихъ способностей. Черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ я выполню свою задачу: смерть можетъ приходить тогда, она меня не испугаетъ, мнѣ не о чемъ будетъ сожалѣть. Я тогда все скажу, и деспотизмъ, церковь, монополія, сутяжничество и т. д., и т. д. будутъ объ этомъ помнить»....

IV.

Еще разъ, и не въ послѣдній, Прудонъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: гораздо меньше лѣтъ оставалось ему жить, хотя никакая продолжительная болѣзнь не отнимала у него до самой смерти мыслительной способности. Преданность высшей идеѣ своего жизненнаго пути была въ немъ изумительна по энергіи. Отрывокъ, приведенный нами, дышетъ какимъ-то спартанскимъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ личныхъ нуждъ и дрязгъ жизни. Читая его, вы не можете не вѣрить, что Прудону жизнь была дорога только для выполненія своей задачи, а вовсе не для достиженія какихъ-либо себялюбивыхъ цѣлей. Только количествомъ и содержаніемъ умственнаго труда оцѣниваетъ онъ ее, и разсчеты свои производитъ съ истинно-стоическимъ спокойствіемъ. Никакого малодушнаго звука не слышится во всемъ этомъ, ни единаго намека на растлѣнную хандру и тревожное недовольство мелкихъ личныхъ натуръ. Въ подобныхъ задушевныхъ проявленіяхъ и предстаетъ передъ нами настоящій Прудонъ; а всѣ его попытки въ практической сферѣ—мелкія противорѣчія духу стоика и граж-

данина, не исчезнувшаго въ немъ вплоть до самой кончины. Точно также и французъ, горячо любящій свою родину, не переставалъ жить въ немъ: несмотря на свой радикальный взглядъ по тогдашней внѣшней политикѣ Франціи, Прудонъ горячо отзывается на всѣ перипетіи Крымской войны, способенъ писать огромныя посланія пріятелямъ исключительно на эту тэму, каково, напримѣръ, письмо въ цѣлыхъ девять страницъ отъ 5-го сентября къ Буттвилю. Не банальная страстишка къ политикѣ говоритъ въ немъ, а скорбное чувство, сказывающееся еще сильнѣе въ небольшомъ письмѣ къ Шарлю Эдмону отъ 14-го сентября, гдѣ онъ опять приводитъ въ связь общій ходъ дѣлъ съ своимъ личнымъ положеніемъ:

«Я грустенъ, у меня болитъ сердце. Мнѣ кажется, что Франція вступаетъ въ нескончаемый періодъ униженій, лжи и смѣшного позора. Вѣдь для меня вѣка Францисковъ I-хъ, Людовиковъ XIV-хъ и Наполеоновъ—вѣка угнетенія и густого мрака, и вы поймете мое смертельное огорченіе. Звѣри царятъ и управляютъ. Биржа ликуетъ, Сентъ-Антуанское предмѣстье украшаетъ дома флагами, а газета «Siècle» облизывается.—Чего же ждать отъ такой расы?

«Я вспомнилъ все то, что̀ я вамъ проповѣдывалъ когда-то противъ изгнанничества.—Возвращайтесь, возвращайтесь, писалъ я вамъ. Ваше мѣсто—въ Парижѣ, около всѣхъ друзей свободы.

«Тогда я дѣйствительно такъ чувствовалъ; теперь же я потерялъ вѣру въ собственныя слова. Уже зимой я мечталъ объ эмиграціи; въ настоящую же минуту я думаю выхлопотать себѣ первое попавшееся мѣсто въ какомъ-нибудь заграничномъ предпріятіи. То, что̀ теперь происходитъ, конечно, переживетъ меня; но я не буду вынужденъ ѣсть каждый день мой супъ въ этой гнусной помойной ямѣ.

«Выборъ 48-го года, злодѣйство 51-го и трофеи Севастополя: вотъ три удара, нанесенныхъ моему сердцу. Первый изъ этихъ актовъ показалъ намъ мудрость массы и ея дрянные инстинкты; второй ввелъ при всеобщихъ рукоплесканіяхъ капральскую тиранію, а третій освящаетъ и увѣнчиваетъ ее».

Еще болѣе скорбное чувство гражданина сказывается въ слѣдующемъ концѣ пріятельскаго письма къ доктору Маге, отъ 16-го сентября:

«Вѣроятно, война, затягиваясь, принесетъ намъ съ собою еще бо̀льшее усиленіе цезаризма, клерикальнаго лицемѣрія, солдатской грубости, административныхъ расхищеній и биржевого жонглерства.

«Заговоры пойдутъ своимъ чередомъ, наравнѣ съ займами.

«Жакъ-Бонόмъ» еще не напился. Къ тому же, онъ находитъ, что на свѣтѣ болтается слишкомъ много народу и что праздники, молебны, плошки и процентныя бумаги,—все это поддерживаетъ коммерцію.

«Я же ищу какой-нибудь дыры, гдѣ бы сидѣли настоящіе дикіе, которыхъ я могъ бы научить презирать и ненавидѣть шовинистовъ, якобинцевъ, биржевиковъ, судейщиковъ, солдатъ и поповъ; я бы охотно забрался туда со всѣмъ моимъ отродьемъ».

Промышленное предпріятіе, которое Прудонъ поддерживалъ энергически, но безъ всякаго желанія спекулировать на что-либо несовмѣстное съ его достоинствомъ, привело его однакожъ къ тому, чего и слѣдовало ожидать: къ чувству нравственной брезгливости:

«Скажу вамъ,—пишетъ онъ Шарлю Эдмону отъ 20-го сентября,—что для меня теперь все подозрительно, все возбуждаетъ мое отвращеніе. Я не хочу вмѣшиваться ни въ какое дѣло; я все оставляю. Прикосновеніе власти придаетъ каждой вещи противный для меня политическій характеръ; прикосновеніе же дѣльцовъ придаетъ всему характеръ хищничества и эгоизма, возмущающій меня; а съ людьми республики все принимаетъ видъ кружковой стачки, отъ которой я задыхаюсь.

«Я серьёзно думаю найти гдѣ-нибудь мѣсто внѣ всего этого, и когда оно будетъ найдено, я удалюсь со всей моей аравой (séquelle) какъ въ гравюрѣ *Mauvais sujet et sa famille*, бѣднымъ и убитымъ, но не лѣнтяемъ и ничѣмъ не опороченнымъ.

«Говорю вамъ: *я хочу совсѣмъ удалиться*».

Но въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ Эдмону, отъ 29-го сентября, Прудонъ опять возвращается къ ихъ «дѣлу» и даетъ ему разные совѣты для болѣе успѣшнаго проведенія проекта. А вскорѣ затѣмъ его пріятель сильно заболѣлъ и подвергся мучительной операціи, противъ которой Прудонъ протестуетъ въ запискѣ къ его женѣ отъ 20-го октября. Въ самомъ концѣ ноября Прудонъ пишетъ Шарлю Эдмону, отъ 29-го числа, большое письмо, вызванное впечатлѣніями спектакля, гдѣ шла какая-то пьеса его пріятеля. Письмо это показываетъ, въ началѣ, какъ Прудонъ, вопреки своей крестьянской суровости, горячо принималъ къ сердцу интересы друзей и способенъ былъ во время перваго представленія пьесы пріятеля проходить чрезъ ощущенія женской впечатлительности. Его искренность была такова, что онъ не могъ даже среди своихъ занятій ограничиться краткой запиской по поводу пьесы пріятеля: онъ долженъ высказаться серьёзно и обстоятельно,

хотя театръ и стоялъ всегда совершенно въ сторонѣ отъ его идей, вкусовъ и привычекъ. И онъ разсуждаетъ въ этомъ письмѣ нисколько не хуже присяжнаго рецензента, описываетъ дѣйствіе пьесы на зрителей, отмѣчаетъ ея достоинства и промахи, и все это не въ слащавомъ тонѣ французскихъ пріятельскихъ писемъ, а спокойно, честно, откровенно, безъ банальныхъ смягченій. Онъ считаетъ совершенно естественнымъ и умѣстнымъ разсказать самому автору главные эпизоды его пьесы, потому что такова его нравственная потребность въ ту минуту. Быть можетъ, въ концѣ письма, онъ и увлекся нѣсколько подъ вліяніемъ симпатіи къ пріятелю; но его замѣтка показываетъ все-таки, что онъ не способенъ былъ ни на какую похвалу, не мотивированную какой-нибудь крупной идеей. Такъ онъ говоритъ Шарлю Эдмону:

«Мнѣ кажется, что вы разрѣшили для театра трудную задачу, надъ которой я васъ приглашаю пораздумать. У древнихъ, Рокъ являлся всегда для развязки сложныхъ положеній; ихъ логика, равно какъ и моя, не позволяла выставлять преступленіе и плутовство владыками міра. Вы же ввели, не называя ее, философію исторіи, гораздо болѣе ученую, чѣмъ древній Рокъ. Въ добрый часъ! Углубляйте эту идею, откройте этотъ путь молодымъ авторамъ, навѣрно еще не помышляющимъ о немъ. Тутъ—богатая руда, какъ для драмы и романа, такъ и для исторіи».

Годъ приближался уже къ концу; а положеніе Прудона оставалось все то же, и жизнь тянулась по своей сѣренькой колеѣ. Къ необходимости содержать семью и платить старые долги прибавились еще долги брата. Сознаніе и нравственное униженіе постоянной нужды выражены Прудономъ въ письмѣ къ Морису отъ 5-го декабря въ такой тирадѣ:

«Вотъ, любезный другъ, въ двухъ словахъ мое положеніе. Я чувствую въ настоящую минуту, что если въ нашъ вѣкъ бѣдность ничего не значитъ для благороднаго человѣка, то всё-таки есть предѣлъ, ниже котораго уже не слѣдуетъ опускаться. Общество демократизовано предъ общественнымъ мнѣніемъ и закономъ; человѣкъ, какъ дитя своихъ произведеній, повсюду хорошо принятъ; я знаю это. Къ несчастію, я принадлежу къ расѣ, которая не съумѣла или не смогла до сихъ поръ подняться выше бѣдности; вокругъ меня, среди моихъ близкихъ и родныхъ я вижу только немощныхъ. Это — извѣстно, и вредитъ мнѣ. По моему пониманію и совѣсти, я былъ всегда выше такой грязи пролетаріата, но дѣйствительность постоянно опускала меня на ея дно. Неужели суждено мнѣ сдѣлаться еще бѣднѣе, еще мизерабельнѣе, пасть еще ниже, чѣмъ я былъ по рожденію и чѣмъ

я чувствовалъ себя до восемнадцатилѣтняго возраста? Не знаю. Но пока я презираю денежную удачу, она мститъ мнѣ за мое презрѣніе. Бѣдность никуда не годится».

Сердце щемитъ отъ такихъ признаній, вырвавшихся у человѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ, послѣ слишкомъ двадцати лѣтъ упорнаго, стоическаго труда, у человѣка, котораго и правительство, и общество согласились уморить съ голоду, или по крайней мѣрѣ приковать его къ ядру черной работы, не дававшей ему возможности свободно вздохнуть и встать на ноги.

Какъ бы въ дополненіе къ приведенной нами тирадѣ находимъ мы интимное письмо отъ 25-го декабря къ г. Микó, которое и приведемъ цѣликомъ:

«Любезный Микó, я, толкующій вамъ о стоицизмѣ, дѣлаюсь, съ теченіемъ времени,— вы, пожалуй, этому не повѣрите,— все страстнѣй и чувствительнѣе. Рьяность темперамента, чувственный жаръ и вся пылкость молодости прошли: плоть умертвилась, кровь успокоилась, воображеніе менѣе пылко, но мнѣ кажется, что все это произошло въ интересахъ совѣсти и разума, который не только не понизился, но, какъ мнѣ сдается, поднимается все выше.

«Если я не ошибаюсь, вы меня поймете и сами испытываете то же. Любезный Микó, если когда-нибудь у меня случится мѣсяцъ или два вакаціи, я примусь за физіологію старости и отплачу во имя ея нелѣпому пренебреженію толпы. И тогда,— берегитесь молодые! Они увидятъ, что мышцы растягиваются, но мозгъ не слабѣетъ.

«Переходя къ бóльшимъ подробностямъ о самомъ себѣ, сообщу вамъ, что вотъ уже три года какъ я работаю надъ моимъ полнымъ преобразованіемъ.

«Съ 1839 по 1852 годъ я проходилъ чрезъ то, чтó называютъ моимъ *критическимъ* періодомъ: я беру это слово въ томъ возвышенномъ смыслѣ, какой придается ему въ Германіи. Такъ какъ человѣкъ не долженъ повторяться, а я лично стараюсь главнымъ образомъ о томъ, чтобы не пережить самого себя, то я и собираю матеріалы для новыхъ этюдовъ и располагаю вступить вскорѣ въ новый періодъ, который я назову, если вамъ угодно, моимъ *положительнымъ* или созидательнымъ *періодомъ*. Онъ будетъ, конечно, продолжаться столько же, сколько и первый, т.-е. отъ тринадцати до четырнадцати лѣтъ.

«Я долженъ выяснить всѣ вопросы, расшатанные въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ умственнымъ движеніемъ Франціи; я не знаю, какъ далеко я зайду на этомъ пути, гдѣ я могъ бы добиться стольвихъ же благословеній, сколько первый мой періодъ

навлекъ на меня анаѳемъ, если бы люди давно уже не усѣлись и если бы интересы не были самымъ общимъ мѣриломъ истины въ вопросахъ нравственности.

«Стало быть, я долженъ готовиться опять на много битвъ; пусть будетъ такъ! Мы живемъ борьбой. Но временами мною овладѣваютъ ужасные взрывы негодованія, которые я долженъ поневолѣ сдерживать, такъ какъ перу моему нѣтъ свободнаго хода, и это меня душитъ.

«Въ настоящую минуту я занятъ книгой на тэму нравственности (онъ говоритъ тутъ о книгѣ «De la Justice»), гдѣ я желаю доказать, что католичество ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаетъ. Если эта книга будетъ имѣть какой-либо успѣхъ, я буду очень счастливъ отдохнуть недѣли двѣ около васъ и всѣхъ нашихъ старыхъ безансонцевъ. Бѣдная моя голова нуждается въ этомъ.

«Будемте людьми, мой любезный и уже давнишній другъ; эпоха наша скверна, поколѣніе исподлилось: сверху, посрединѣ и снизу все одинаково подгнило. Не много годовъ нужно было, чтобы совершить такую перемѣну, приготовленную уже задолго передъ тѣмъ, посредствомъ неизбѣжнаго разложенія. Что сказали бы вы о медикѣ, котораго тошнитъ при одномъ видѣ язвъ и болячекъ? Таково наше теперешнее положеніе; я же стараюсь подкрѣплять себя эликсиромъ философіи; и какъ бы ни было сильно отвращеніе, внушаемое мнѣ зрѣлищемъ такого срама, я все-таки повторяю то, что всѣ эти люди — моя плоть и моя кровь, и нужно ихъ вылечить. *Ex ossibus meis, et caro ex carne mea*».

Предпослѣднее письмо 1855 года адресовано Даримону, отъ 27-го декабря. Въ немъ Прудонъ дѣлаетъ пріятелю замѣчанія насчетъ его газетной статьи экономическаго характера. Кончаетъ онъ такимъ совѣтомъ Даримону, бывшему въ это время сотрудникомъ Эмиля Жирардена:

«Поставьте незамѣтно газету «Presse» на почву честности и правды; привейте ей добрыя привычки; ласкайте иногда *бога*, если это необходимо, но такъ, чтобы всегда охранять при этомъ справедливость и науку, учить его самого, заставить его стыдиться собственнаго тщеславія и дать понять публикѣ, что это такая же обязательная рубрика, какъ фраза: *вашъ покорнѣйшій слуга*».

Тутъ рѣчь идетъ о главномъ редакторѣ газеты «Presse», — все о томъ же Эмилѣ Жирарденѣ.

Послѣдняя записочка, отъ 30-го декабря, къ Шарлю Эдмону показываетъ, что Прудонъ твердо надѣялся напечатать свою книгу въ Парижѣ и не желалъ вовсе уѣзжать куда-нибудь съ этою цѣлью.

V.

Вступая въ 1856 годъ, Прудонъ испытывалъ все то же чувство шаткости и неопредѣленности своего положенія. Новогоднія его изліянія, въ письмѣ отъ 5-го января, къ господину и госпожѣ Сюшé—далеко не радостны:

«Я, право, еще не могу вамъ сказать,—пишетъ онъ имъ,— чтó станется со мною и моей будущностью; я разсчитываю, для того, чтобы воскреснуть и занять лучшее положеніе, на успѣхъ серьёзнаго труда въ двухъ томахъ, которые я издамъ, въ скоромъ времени, въ *Парижѣ*. Я думалъ-было отправиться печатать эту вещь въ Брюссель; но теперь благоразумно передумалъ и отказываюсь отъ поѣздки. Сильно надѣюсь на то, что трудъ мой подниметъ меня высоко и покажетъ въ новомъ свѣтѣ. А остальное пойдетъ уже само собою:—я въ этомъ не сомнѣваюсь».

Съ небольшимъ чрезъ двѣ недѣли Прудонъ находитъ время изложить, въ огромномъ посланіи къ г. Вильомé, полную характеристику своего умственнаго и соціальнаго развитія за цѣлыхъ двадцать-пять лѣтъ. Это письмо отъ 24-го января служитъ, какъ нельзя болѣе, нашей задачѣ и представляетъ собою драгоцѣннѣйшій документъ, достойный того, чтобъ сообщить его цѣликомъ, съ самыми малыми сокращеніями.

«Съ 1839 года до 1852—начинаетъ Прудонъ—мои изслѣдованія носили на себѣ критическо-спорный характеръ; другими словами, я ограничивался изысканіемъ того, чтó такое *идеи*, взятыя сами по себѣ, и чтò онѣ значатъ, какой въ нихъ заключался смыслъ и важность, куда онѣ вели и куда не вели; однимъ словомъ, я старался выработать себѣ точныя и полныя понятія о принципахъ, учрежденіяхъ и системахъ.

«Поэтому-то я много и отрицалъ, что находилъ, почти во всемъ и вездѣ, разногласіе теорій съ ихъ собственными элементами, дисгармонію учрежденій съ ихъ объектомъ и цѣлью; самихъ же авторовъ находилъ достаточно знающими, независимыми и логичными.

«Нашелъ я также, что общество, по внѣшности спокойное, правильное, увѣренное въ себѣ, было предано безпорядку и антагонизму; что оно одинаково было лишено и экономической науки, и нравственности, что то же самое было и въ партіяхъ, школахъ, утопіяхъ и системахъ.

«Я и началъ или, лучше сказать, опять заново началъ трудъ *общаго познанія фактовъ, идей и учрежденій*, безъ предвзятыхъ

взглядовъ, руководствуясь въ моихъ оцѣнкахъ одной лишь логикой.

«Этотъ трудъ не всегда былъ понимаемъ, въ чемъ есть, конечно, и моя доля вины. Въ вопросахъ, существенно касающихся *нравственности* и *справедливости*, я не могу постоянно выдерживать хладнокровіе и философскій индифферентизмъ, особливо, когда мнѣ приходится имѣть дѣло съ пристрастными и недобросовѣстными противниками. Вотъ я и прослылъ за памфлетиста, хотя и хотѣлъ быть только критикомъ, за агитатора, ограничиваясь требованіемъ справедливости, за человѣка партій и ненависти, когда моя рѣзкость отражала только неосновательныя претензіи, наконецъ, за писателя шаткихъ убѣжденій—потому лишь, что я также скоро отмѣчалъ противорѣчія у людей, считавшихъ себя моими друзьями, какъ и у моихъ противниковъ.

«Результатъ такихъ долгихъ преній, такого страстнаго анализа долженъ былъ выдти, какъ разъ, тѣмъ, чѣмъ онъ могъ быть: чрезвычайно поучительнымъ для меня, думающаго, что открылъ то именно, что̀ искалъ, т.-е. настоящій смыслъ и опредѣленіе вещей въ самихъ себѣ, независимо отъ традицій, учрежденій, теорій и рутинныхъ взглядовъ, вообще признаваемыхъ и освященныхъ; но для публики результатъ этотъ равнялся нулю, потому что она всегда читала меня урывками и постоянно спрашивала: куда я иду и чего мнѣ хочется.

«И выходитъ вотъ что: въ то время, какъ мнѣ кажется, что экономическая и соціальная наука, благодаря моимъ трудамъ по классификаціи, можетъ быть серьёзно обработана и я самъ въ состояніи уже приступить къ ея созиданію—публика, никогда не слѣдившая за ходомъ моей мысли, того мнѣнія, что я еще больше сгустилъ мракъ и неувѣренность тамъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно было до того дышать и спокойно жить.

«Вотъ, стало быть, къ чему я пришелъ послѣ тринадцати или четырнадцати лѣтъ критики, или если хотите, отрицанія. Я начинаю теперь мои *положительные* труды, я изучаю науку, я устанавливаю то, что я самъ называю научной правдой, т.-е. попросту выражаясь: употребивъ первую часть моей карьеры на то, чтобы *разрушать*, я въ эту минуту *возсоздаю*.

«Не упускайте этого изъ виду, любезный другъ, если вы хотите быть справедливы ко мнѣ, если не желаете осуждать меня зря и хвалить безпричинно. Хотя я и не претендую на сравненіе съ такимъ ученымъ, какъ Кювье, я могу все-таки безъ всякой гордости сознаться вамъ, что въ своихъ экономическихъ изысканіяхъ шелъ по пути, сходному съ тѣмъ, которому слѣдовалъ

великій натуралистъ для своихъ *ископаемыхъ*. Соціальный міръ представлялся мнѣ въ такомъ же хаотическомъ состояніи, въ какомъ міръ подземный представлялся Кювье; я овладѣвалъ идеями, учрежденіями, феноменами; ища смысла, опредѣленія, закона, связи, аналогіи и т. д. и т. д., приклеивая къ моимъ особямъ ярлыки до тѣхъ поръ, пока мнѣ было возможно *составить* цѣлое, какъ Кювье составлялъ скелетъ динотерія или всякаго другого допотопнаго животнаго.

«Успѣлъ ли я въ этомъ? Не ошибся-ли я? Сдѣлалъ-ли я какія-нибудь открытія? Всѣ эти вопросы рѣшитъ будущее. Я же могу вамъ сказать лишь то, что вотъ это-то именно я и сдѣлалъ, или, по крайней мѣрѣ, желалъ сдѣлать.

«Теперь перейдемъ къ примѣрамъ».

Сначала Прудонъ отвѣчаетъ по вопросу его знаменитаго афоризма: «собственность—кража». Въ его объясненіяхъ нѣтъ ничего особенно новаго противъ того, чтó ему приводилось писать на ту же тэму другимъ знакомымъ и друзьямъ. Онъ прямо и отвѣчаетъ даже, что держится выводовъ своего мемуара, написаннаго въ 1840 году.

«Въ окончательномъ выводѣ,—говоритъ онъ,—собственность при томъ несовершенномъ порядкѣ, въ какомъ существуетъ наше общество, плохо управляемое свободой, справедливостью и т. д.,—производитъ часто, даже обыкновенно, дѣйствіе чистаго воровства; она, такъ сказать, находится въ естественномъ состояніи; между тѣмъ какъ въ хорошо организованномъ обществѣ она переходитъ изъ этого состоянія дикой природы въ состояніе природы гражданственной и правовой, почти такъ же, какъ воспитаніе заставляетъ человѣка переходить изъ дикости къ образованности, причемъ онъ не перестаетъ быть самимъ собою, причемъ онъ не въ силахъ отречься отъ своей расы и темперамента.

«Все это должно казаться вамъ, любезный другъ, чрезвычайно парадоксальнымъ, но вы знаете, что все въ наукѣ вначалѣ парадоксально. Несмотря на видоизмѣненія, чрезъ которыя прошла уже собственность, мы все-таки знаемъ ее лишь во имя языческаго права (*jus quiritum*) и во имя права каноническаго, чтó въ сущности одно и то же: и то и другое опираются на силу, если они не опираются на таинства. А сила и таинства, мечъ и вѣра—аргументы недостаточные въ философіи.

«То, чтó я говорю о собственности, примѣнимо и къ другимъ дѣйствующимъ принципамъ; только ихъ критика не надѣлала такого шума, хотя роль занимаемая ими въ обществѣ не менѣе важна. Къ этому роду принциповъ принадлежатъ, напримѣръ:

раздѣленіе труда, монополія, конкурренція, общинное устройство».

«Нѣтъ ни одного изъ этихъ принциповъ, который бы, при анализѣ его по существу, не оказался радикально, положительно вреднымъ или работнику, или, самостоятельному лицу, а то—такъ и всему обществу; который бы, слѣдовательно, не заслуживалъ, въ извѣстной мѣрѣ, проклятія, брошеннаго въ лицо собственности.

«И такъ какъ при существующемъ порядкѣ вещей ничто не останавливаетъ нестройнаго развитія этихъ принциповъ, то выходитъ, что и экономисты, и моралисты, и филантропы, и либералы не безъ причины порицаютъ ихъ. Но несомнѣнно, что слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на силы или отправленія, присущія соціальному устройству, которое одинаково должно погибнуть, если общество совсѣмъ ихъ исключитъ или же беззавѣтно предастся имъ.

«Не могу ни съ чѣмъ лучше сравнить собственность и принципы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, какъ съ семью смертными грѣхами: *гордость, скупость, зависть, обжорство, сладострастіе, гнѣвъ и лѣность*. Конечно, никто не станетъ ихъ защищать, и христіанство сдѣлало изъ нихъ семь адскихъ бѣсовъ. Въ хорошей же психологіи дознано, что человѣческая душа живетъ лишь этими знаменитыми *грѣхами*, или основными страстями; что все искусство моралиста заключается не въ томъ, чтобы истребить ихъ или вырвать съ корнемъ, а въ томъ, чтобы сдерживать и способствовать переходу ихъ въ такія добродѣтельныя свойства, которыя отличаютъ всего сильнѣе человѣка отъ животныхъ, т.-е. въ чувство достоинства, въ самолюбіе, вкусъ, любовь, нѣгу, мужество; я не говорю о лѣности или инерціи, которая есть отсутствіе жизненности и сама смерть.

«Между порокомъ и добродѣтелью нѣтъ существенной разницы; то и другое составляютъ: извѣстная приправа, направленіе, цѣль, намѣреніе, мѣра и множество другихъ вещей.

«Точно также и между собственностью и воровствомъ нѣтъ разницы въ принципѣ; но то, чтò составляетъ справедливость первой и гнусность второго, заключается въ *условіяхъ* и въ обстоятельствахъ.

«Надо сознаться, любезный другъ, что въ настоящее время люди очень далеки отъ такого пониманія вещей, и что въ силу упорныхъ предразсудковъ, христіанскихъ и феодальныхъ традицій, всѣ готовы, напротивъ, сдѣлать изъ собственности нѣчто архисвященное, безусловно справедливое, благое и добродѣтельное,

совершенно такъ, какъ изъ добродѣтели дѣлаютъ небесное вдохновеніе...

«И въ томъ обществѣ, гдѣ на собственность и на всѣ тѣ вещи, о которыхъ я говорилъ, смотрятъ такъ однообразно, невозможно, чтобы не случалось ужасающихъ злоупотребленій, отвратительныхъ тираній, отъ которыхъ не избавиться никакой революціей; поэтому-то и нужно прежде всего выправить общія понятія и привести факты къ ихъ законнымъ опредѣленіямъ».

Переходя къ третьему пункту своего исповѣданія вѣры, Прудонъ такъ опредѣляетъ сущность и особенности того соціализма, которому былъ преданъ онъ.

«Вы говорите, — пишетъ онъ пріятелю, — что я въ моихъ *противорѣчіяхъ* одинаково насмѣхался и надъ соціалистами и надъ экономистами, а послѣ 1848 года сталъ поддерживать соціализмъ. Это разнорѣчіе васъ безпокоитъ, и вы требуете его объясненія.

«Всякое слово въ языкѣ способно на весьма различныя значенія, иногда даже противоположныя.

«Если подъ словомъ *соціализмъ* разумѣютъ философію, научающую теоріи общества или соціальной наукѣ, то я признаю *соціализмъ*.

«Если же хотятъ обозначить этимъ словомъ не философію, не науку, а просто школу, секту, партію, признающую эту науку, — партію, которая считаетъ ее возможной и доискивается ея, я опять-таки того же самаго мнѣнія. Въ такомъ-то смыслѣ, газеты: «Peuple» и «Représentant du peuple» были въ 1848 году органами соціализма.

«И теперь даже я открыто признаю этотъ соціализмъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрю въ его торжество.

«Но въ экономическихъ преніяхъ случается, что называютъ *соціализмомъ* теорію, стремящуюся жертвовать личнымъ правомъ праву общественному, — точно такъ же, какъ называютъ *индивидуализмомъ* теорію, по которой общество приносится въ жертву индивидууму. Въ этомъ случаѣ я точно также отрицаю *соціализмъ*, какъ и *индивидуализмъ;* въ этомъ я слѣдую лишь примѣру Пьера Леру, который, объявляя себя соціалистомъ, подобно мнѣ, въ 1848 году, нападалъ на соціализмъ въ своихъ книгахъ во имя правъ личности».

Четвертый пунктъ касается народнаго банка и дарового кредита. Прудонъ отсылаетъ своего пріятеля къ статьямъ газеты «Presse», написаннымъ на эту тэму единомышленникомъ его Даримономъ. Онъ вполнѣ вѣритъ въ плодотворность этихъ идей,

которымъ только внѣшнія препятствія мѣшаютъ получить практическое примѣненіе. Пятый пунктъ трактуетъ объ *эксплуатаціи орудій общественной пользы*. Изъ трехъ видовъ этой эксплуатаціи: государственной, акціонерной и путемъ рабочихъ ассоціацій, только третій видъ нуждается, по мнѣнію Прудона, въ нѣкоторомъ теоретическомъ объясненіи, такъ какъ онъ былъ еще недостаточно примѣняемъ на практикѣ. Онъ излагаетъ одинъ изъ способовъ организаціи на началахъ рабочаго товарищества, какъ-разъ тотъ, какой практикуется теперь въ Парижѣ въ большинствѣ производительныхъ ассоціацій, т.-е. съ участіемъ въ работѣ, кромѣ членовъ товарищества, и батраковъ на жалованьѣ; причемъ Прудонъ предоставляетъ правительству право участвовать, посредствомъ своихъ агентовъ, въ надзорѣ и администраціи. Такое правительственное вмѣшательство онъ мотивируетъ необходимостью наблюдать свыше надъ экономическимъ и соціальнымъ воспитаніемъ рабочаго класса, и охранять принципы свободы, равенства и нравственнаго достоинства. Стало-быть, Прудонъ остался вѣренъ своему срединному положенію между крайностями государственнаго соціализма и индивидуализма.

Кончаетъ онъ обращеніемъ къ своему пріятелю, заявляя глубокую вѣру въ истину своихъ принциповъ, хотя и знаетъ притомъ, что далеко еще не обладаетъ всей совокупностью этой истины.

VI.

19-го февраля Прудонъ извѣщаетъ доктора Маге́, что онъ по-прежнему намѣревается печатать свое сочиненіе не въ Брюсселѣ, а въ Парижѣ, — а почти черезъ мѣсяцъ, 14-го марта, пишетъ большое оправдательное письмо къ другому своему пріятелю—Мадье-Монжо́, гдѣ мы находимъ опять цѣлое исповѣданіе вѣры, такое же цѣнное для насъ, какъ и то, которое мы сейчасъ приводили. Въ немъ Прудонъ отвѣчаетъ пріятелю по разнымъ щекотливымъ вопросамъ, касающимся его личнаго поведенія.

«Скажите мнѣ,—говоритъ онъ, обращаясь къ Мадье-Монжо́,— вы, желавшіе въ теченіи четырехъ лѣтъ бороться вмѣстѣ со мною за соціальное дѣло, — развѣ я не былъ еще до 1848-го года отданъ на позоръ демократическаго мнѣнія, а также партіи легитимистовъ, quasi-легитимистовъ и клерикаловъ? До 1848-го года развѣ я не былъ предметомъ громовыхъ нападокъ газеты

«National» и охужденія со стороны газеты «Réforme»? Послѣ 1848-го года, не вся ли республика, цѣлой массой, навалилась на «Représentant du peuple» или на меня, что́ одно и то же? Вѣдь вся Гора, за исключеніемъ Греппо́, осудила меня единогласно 31-го іюля. Въ сентябрѣ и октябрѣ Гора же организовала свои банкеты, чтобы ослабить громадное впечатлѣніе нашихъ банкетовъ. Развѣ не силой нужно было вырвать у нея то̀ самое соціалистическое исповѣданіе вѣры, которое помогаетъ ей въ настоящую минуту привлекать къ себѣ всякихъ несчастныхъ и завербовывать ихъ въ *Маріанну;* а это исповѣданіе вѣры тяготѣетъ надъ ней и она меня же упрекаетъ, какъ виновника такой безтактности... Пропустимъ 49-й, 50-й и 51-й годы; дѣло 2-го декабря удалось лишь отъ народнаго бездѣйствія и буржуазнаго страха,—а красная и умѣренная демократія развѣ не соединились въ общей ненависти къ соціализму и—главное—къ моей личности? Вѣдь причиной измѣны народа и постыдной трусости буржуазіи считаютъ какъ-разъ бредни радикальной революціи въ экономической сферѣ?.. Наконецъ, когда въ іюлѣ 52-го года я напечаталъ мою брошюру о государственномъ переворотѣ, гдѣ соціализмъ былъ опять энергически заявленъ мною, а церковь, правительство, императорская традиція и проч., и проч. отрицаемы, подрываемы, сводимы къ ничтожеству,—республика, какъ умѣренная, такъ и крайняя, сказала вѣдь, что это — мерзость, что я помогаю узурпатору, который пользуется двусмысленностью своего происхожденія, надеждами пролетарія и эгоизмомъ собственника?.. По увѣренію разныхъ Карно́ и Гудшо, да и всей эмиграціи, брошюра эта явилась вѣдь вѣнцомъ моихъ преступленій?..»

И продолжая дальше въ той же сферѣ фактовъ, Прудонъ показываетъ, что всѣ кружки революціонной партіи отличаются все той же нетерпимостью и борятся вовсе не съ имперіей, а съ соціальными идеями; а о себѣ лично и щекотливыхъ отношеніяхъ къ демократическому бонапартизму говоритъ слѣдующее:

«Въ заключеніе, любезный Мадье, скажу вамъ, что другой на моемъ мѣстѣ, видя, что его отталкиваютъ всѣ партіи, предался бы Наполеону и былъ бы совершенно въ своемъ правѣ относительно этихъ партій,—я же разсуждаю не совсѣмъ такъ. Я не предаюсь никому, и мой выводъ тотъ, что я долженъ дѣйствовать одинъ—даже еслибъ я и не добился ничего—и, дѣйствуя въ одиночку, я въ правѣ дѣлать то, что́ мнѣ нравится.

«Я хожу въ Пале-Рояль: да, иногда, я былъ тамъ разъ десять или двѣнадцать въ теченіи четырехъ лѣтъ. Развѣ я предаю

демократію, которая поклялась меня ненавидѣть? Чѣмъ же я ее компрометтирую или безчещу? Я не хожу въ Тюльери, потому, быть можетъ, что меня туда не зовутъ. У меня вѣдь есть уже такая репутація, что я компрометтирую все, къ чему прикасаюсь; а имперія хлопочетъ, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы ее не заподозрили въ покровительствѣ соціализму—и, въ особенности, соціализму господина Прудона.

«Со второго декабря всѣ мои брошюры были сняты съ полокъ книгопродавцевъ; два раза я просилъ о дозволеніи издавать ежемѣсячный журналъ, основываясь на томъ, что всѣ другія партіи, кромѣ соціализма, имѣютъ свой органъ. Оба раза мнѣ отказывали.

«И эти, и другіе факты, о которыхъ я умалчиваю, открыли мнѣ глаза. Императорское правительство есть не что иное, какъ органъ коалиціи антисоціальныхъ партій,—партій въ различной степени противо-революціонныхъ. Въ этой коалиціи—партіи тягаются изъ-за власти; соперничество идетъ изъ-за четырехъ или пяти династій: династія законная, династія quasi-законная, династія бонапартовъ, династія Кавеньяковъ. Но коалиція сама-по-себѣ, взятая въ своей совокупности, имѣетъ одного врага, и этотъ общій врагъ есть—соціализмъ.

Поэтому-то, въ моихъ глазахъ, соціализмъ и есть революція. Я же, какъ послѣ іюньскихъ дней 48-го года, такъ и теперь,—первый часовой этой революціи, но у меня нѣтъ капрала, способнаго дать мнѣ пароль и лозунгъ. Вотъ я и дѣлаю, что мнѣ на умъ приходитъ, слушаясь исключительно своего рвенія или благоразумія; я пишу или молчу; я вижусь—съ кѣмъ желаю, начиная съ принца Наполеона вплоть до доктора Верона.

«Когда я говорю: вижусь—надо столковаться. Я не пугаюсь никакого свиданія, — вотъ и все. У меня вовсе нѣтъ фатовской замашки выставлять себя своимъ человѣкомъ Пале-Рояля, и до сихъ поръ я не могу еще никакъ привыкнуть правильно выговаривать: *monseigneur* или *votre altesse*. Когда мнѣ случается, что бываетъ очень рѣдко, встрѣчаться съ нашимъ бывшимъ коллегой (принцъ Наполеонъ былъ съ Прудономъ въ одно время депутатомъ),—значитъ, онъ меня самъ пригласилъ повидаться съ нимъ или мнѣ самому была нужна аудіенція. А если вы хотите узнать кое-что побольше этого, скажу вамъ, что цѣль моихъ посѣщеній, когда они происходятъ не по желанію патрона, любящаго иногда слушать меня,—обыкновенно просьба о дарованіи кому-нибудь свободы или о чемъ-нибудь въ томъ же родѣ.

«Я очень хорошо знаю, что какой-нибудь пуританинъ якo-

бинства скорѣй загубилъ бы отца и мать родную, чѣмъ скомпрометтировать себя такимъ посѣщеніемъ; я же, ничѣмъ не стѣсняемый, свободный, какъ осужденный преступникъ, пойду навѣстить самого діавола, чтобы спасти комара.

«Нужно ли вамъ прибавлять: прошу ли я чего-нибудь для самого себя? Само собой разумѣется, что себя я совершенно выгораживаю изъ моихъ хлопотъ; я — единственный человѣкъ, которому я же запрещаю что-либо принимать. Ни прямо, ни косвенно Пале-Рояль не приноситъ мнѣ никакой пользы. Въ тотъ день, когда мои визиты перестанутъ быть безкорыстными, я прекращу ихъ.

«Зачѣмъ же, скажите пожалуйста, стану я воздерживаться безъ всякаго мотива и смысла? Не затѣмъ ли, чтобы спастись отъ сплетень демократіи? Выслушайте меня, любезный Мадье.

«Въ настоящую минуту за мной числятся уже восемнадцать лѣтъ службы подъ знаменами соціальной революціи. Всѣ мои труды на лицо, написанные подъ разными правительствами; кто хочетъ знать, что́ я думаю, пускай потрудится прочесть ихъ. Никогда мысль моя не противорѣчила себѣ; всегда она шла впередъ. Прочтите послѣднюю вещь, вышедшую изъ-подъ моего пера, по вопросу *эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ*, и вы увидите, какъ, помимо ремесленной стороны дѣла, трудъ этотъ стоитъ дальше всѣхъ ходячихъ идей; въ какой степени мало имѣлъ бы права принцъ, которому я поднесъ экземпляръ совершенно кстати —видѣть въ этой книгѣ доказательство того, что я отказываюсь отъ моихъ прежнихъ убѣжденій! Теперь же я готовлю родъ *corpus juris* революціи, который, какъ я надѣюсь, подвинетъ впередъ политическую и соціальную науку. Быть можетъ, мое благоразуміе найдетъ умѣстнымъ поднести и этотъ трудъ принцу Наполеону, а вы мнѣ скажите сами, какъ вамъ понравится такой подарокъ.

«До поры до времени, я смотрю на себя, какъ на самое полное выраженіе революціи, раздавленной, преданной, проданной не только 2-мъ декабря, но всѣми соперниками и соискателями 2-го декабря. Чтобы поддержать эту революцію, я всѣмъ жертвовалъ иногда вплоть до собственнаго достоинства, я мирился даже съ клеветой. А вы спрашиваете: зачѣмъ человѣкъ, давшій вамъ столько залоговъ своихъ идей, своей совѣсти, своей души — ходить къ Наполеону?! Это хорошо было бы для фанфароновъ якобинства, для тѣхъ, кто никогда не читалъ ничего, кромѣ рѣчей Робеспьера, для людей, чуждыхъ философіи, исторической и экономической науки, чуждыхъ своему вѣку, помѣшанныхъ лишь

на подозрѣніяхъ, на очисткѣ общества, совершенно не знающихъ того, чтó такое идеи и совѣсть. Но вы—Мадье-Монжó! *Tu quoque, Brute!*

«Вы называете себя изгнанникомъ: напрасно! Во Франціи есть всего одинъ человѣкъ, дѣйствительно изгнанный, потому что всего одну идею и преслѣдуютъ: человѣкъ этотъ—я. Жуанвиль, Шамборъ, вы и ваши друзья, вы изгнаны изъ Франціи потому, что вы претенденты. Меня, не посягающаго ни на диктатуру, ни на корону, оставляютъ въ покоѣ, но мысль моя и слово поражены запрещеніемъ, между тѣмъ какъ демократія и роялизмъ еще находятъ для себя органы.

«Кто же изъ васъ, господа, драконы добродѣтели, будучи, какъ я, подверженъ всеобщему остракизму и лишенъ какихъ бы то ни было связей, не подумалъ о себѣ самомъ, защищаясь въ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что, среди всего этого хаоса девятнадцатаго вѣка, позволительно ему, объявленному врагомъ общества, какъ можно лучше воспользоваться своимъ положеніемъ отверженца, своей абсолютной независимостью? Неужели вы думаете, что я не нашелъ бы, *чтó мнѣ дѣлать;* а вы знаете, что боязнь общественнаго мнѣнія меня бы не остановила!

«Но если я пренебрегаю судомъ партій, если я свободенъ отъ всякой солидарности съ ними, то у меня остается связь съ моей совѣстью и моими идеями. Я нападаю на старую систему эксплуатаціи и воровства, болѣе гнусную теперь, чѣмъ когда-либо; и я никогда не буду ея соучастникомъ, никогда не воспользуюсь ея благами. Я живу тѣмъ, чтó заработываю изо-дня-въ-день; я ѣмъ свой хлѣбъ насущный, сталкиваясь иногда съ милліонерами и принцами крови; а хлѣбъ мой орошенъ пóтомъ и приправленъ демократическими клеветами; я бѣденъ и умру въ бѣдности.

«Да, я вижусь съ Наполеономъ потому, что считаю это полезнымъ для моихъ цѣлей. Въ извѣстномъ смыслѣ я ему обязанъ; то, чтó онъ сдѣлалъ для близкихъ мнѣ людей, отношу я къ самому себѣ, а всякое вниманіе заслуживаетъ награды. Съ другой стороны, принцъ кое-чѣмъ и мнѣ обязанъ, и опять-таки это сдѣлалось безъ всякаго корыстнаго мотива: моя гордость заключается въ томъ, чтобы доставлять иногда удовольствіе людямъ выше поставленнымъ, особливо когда я служу моей идеѣ и ничего не беру за свой трудъ.

«Я хотѣлъ видѣться съ Наполеономъ главнымъ образомъ для того, чтобы явиться человѣкомъ свободнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, не берущимъ въ разсчетъ уваженіе людей, безъ всякой связи съ партіями, чувствующими ко мнѣ одинаковую ненависть;

сдѣлалъ я это для того, чтобы тѣ, кто меня знаетъ, хорошенько поняли, *какъ* въ моихъ глазахъ рѣшительно все равно: что имперія, что легитимизмъ, что quasi-легитимизмъ, что сліяніе ихъ обоихъ, что якобинство, что умѣренная республика, что церковь, что университетъ, что магистратура, что войско, все это — отрицаніе свободы и справедливости, все это—мой врагъ.

«Когда человѣка весь свѣтъ отталкиваетъ, ему остается слѣдовать одному поведенію: видѣться со всѣми или ни съ кѣмъ. Такъ какъ я не считаю себя ни умершимъ, ни даже побитымъ, вы легко поймете, какую партію я предпочитаю.

«Я хотѣлъ бы, любезный Мадье, поговорить съ вами о дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы писать свою апологію; но эта апологія есть сама по себѣ довольно вѣрная оцѣнка фактовъ и отъ васъ зависитъ—сдѣлать изъ нея выводы».

Далѣе Прудонъ набрасываетъ картину тогдашней политической минуты и смотритъ весьма неутѣшительно на ближайшее будущее, гдѣ не предвидитъ ничего прочнаго, ничего организующаго общество на тѣхъ основахъ, изъ-за которыхъ онъ не переставалъ биться. Въ постъ-скриптумѣ стоитъ слѣдующее:

«Я перечиталъ свое письмо и увидалъ, что, несмотря на мое желаніе ничего не вводить въ него такого, что́ было бы мнѣ непріятно, еслибъ его опубликовали, оно все-таки содержитъ въ себѣ вещи, допустимыя только въ дружеской бесѣдѣ. Поэтому, прошу васъ не сообщать его никому. Пускай лучше демократія подозрѣваетъ меня; но я не хочу разоблачать своихъ задушевныхъ чувствъ. Антипатія демократовъ служитъ мнѣ на пользу, и я нанесъ бы себѣ большой вредъ, еслибъ хоть сколько-нибудь уменьшилъ ее».

Мы увѣрены, что читатель не посѣтовалъ на насъ за приведеніе въ подлинникѣ Прудонова письма. Перефразировать такія вещи весьма затруднительно. Ни оправдывать, ни порицать Прудона за его знакомство съ принцемъ Наполеономъ мы не желаемъ: онъ самъ такъ искренно и такъ сильно объясняетъ, въ пріятельскомъ письмѣ, руководящіе мотивы своего поведенія. Но такой документъ интересенъ не въ одномъ внѣшне-біографическомъ смыслѣ: онъ выражаетъ собою результатъ идейной и нравственной борьбы человѣка за огромный періодъ дѣятельности. Самыя противорѣчія, заключающіяся въ этой апологіи, въ высшей степени характерны. Такъ оправдываться можетъ только человѣкъ, дѣйствительно чувствующій, что настоящихъ связей у него нѣтъ не только со старыми, но и съ новыми партіями, что

его идеалъ общественнаго блага стоитъ одиноко и не сулитъ ему ничего, кромѣ всеобщаго непониманія, ненависти, остракизма!

VII.

Къ половинѣ апрѣля Прудонъ начинаетъ жаловаться на новый, особаго рода, недугъ, посѣтившій его не задолго передъ тѣмъ. Жалоба эта значится въ двухъ письмахъ отъ 14-го апрѣля къ г. Ларрамà и къ доктору Кретену. Онъ начинаетъ свое письмо къ доктору заявленіемъ такого ужаснаго для него факта: «я нахожусь въ полной неспособности работать». А нѣсколько далѣе онъ разсказываетъ объ этомъ подробнѣе и даетъ намъ драгоцѣнную страницу по исторіи его собственной физіологіи.

«Вотъ, стало-быть,—пишетъ онъ,—чтó я дѣйствительно чувствую:

«Уже около двадцати лѣтъ тому назадъ началъ я испытывать какъ-бы парализацію мозга послѣ каждаго усиленнаго волненія; пульсъ мой дѣлается мелкимъ, дыханіе слабымъ, у меня являются спазмы, кружится голова, я качаюсь какъ пьяный и т. д. и т. д. Преодолѣваю я такое общее пораженіе, кажущееся мнѣ сходнымъ съ каталепсіей—ходьбой, усиленнымъ дыханіемъ на вольномъ воздухѣ, гимнастическимъ упражненіемъ и проч. Все время кризиса я чувствую пустоту въ мозгу, общую тоску съ обмороками, безсонницей, неспособностью читать, разсуждать и проч.

«Послѣ нравственныхъ волненій, какъ напримѣръ, вспышка гнѣва, слишкомъ сильный споръ, чисто физическія причины приводятъ меня въ то же состояніе: кофе, чай, водка, дилижансъ, пароходъ, желѣзная дорога. Еще другое сравненіе поможетъ вамъ понять въ чемъ дѣло: я — точно выздоравливающій, у котораго ноги подгибаются, глаза безпрестанно мигаютъ, нервы не въ мѣру чувствительны.

«И вотъ уже около мѣсяца, какъ это нервное или мозговое страданіе, которое прежде бывало скоропреходящимъ (на нѣсколько часовъ) и только вслѣдствіе названныхъ мною нравственныхъ или физическихъ причинъ—страданіе это, говорю я, сдѣлалось постояннымъ и не покидаетъ меня. Отсюда—абсолютная неспособность къ работѣ, и, чтó гораздо хуже того, дѣйствительное паденіе силъ. Сейчасъ я сравнивалъ себя съ выздоравливающимъ; я долженъ бы сказать совсѣмъ противное (тутъ игра словъ:

convalescent et *dévalescent*), ибо я приближаюсь не къ здоровью, а къ болѣзни».

Нѣсколько ниже онъ опять опредѣляетъ свое состояніе такъ:

«Я не могу ни думать, ни писать, рука моя дрожитъ и ускользаетъ совершенно такъ, какъ мозгъ, отказывающійся служить мнѣ. Мнѣ понадобилось добрыхъ три четверти часа, чтобы написать это письмо.

«Неужели продолжительное напряженіе ума можетъ произвести такое же дѣйствіе, какъ опьянѣніе, или, точнѣе выражаясь, дѣйствіе кофе, водки, сильнаго нравственнаго раздраженія? Въ такомъ случаѣ я осужденъ на безсмысліе; тогда лучше уже прямо отправить меня на кладбище!

«Мнѣ говорятъ: отдохните—это отъ усталости.

«Но, во-первыхъ, я не нахожу, чтобы такъ много работалъ, да и кажется мнѣ, что трудъ, мысль, лишенія, нищета могутъ, конечно, заставить человѣка похудѣть и безвременно состариться, могутъ, словомъ, истрепать его гораздо скорѣе срока; но все-таки они не въ состояніи сами по себѣ привести меня въ такое отчаянное положеніе.

«Поэтому я и думаю, что тутъ есть скорѣе случайная причина, кромѣ тѣхъ, какія я вамъ назвалъ и наблюдалъ; но я ее не знаю: ни въ моей жизни, ни въ моихъ привычкахъ нѣтъ ничего такого, что бы вызывало подобное состояніе.

«Прибавлю, что покой, свѣжій воздухъ, прогулка, умственный отдыхъ, немного физическихъ упражненій и тому подобное, несомнѣнно помогаютъ мнѣ. Еслибъ я жилъ рентой, я навѣрно бы вылечился однимъ ничего-недѣланіемъ».

Чрезъ три дня, отъ 17-го апрѣля, онъ извѣщаетъ того же доктора Кретена о новыхъ симптомахъ своей болѣзненности. Общая слабость возростала; но онъ еще могъ двигаться, чѣмъ немного поддерживалъ себя. И главная его забота среди этихъ страданій—неизданный трудъ, который въ эту минуту дороже для него всего остальнаго. И пріятелю своему Шарлю Эдмону пишетъ онъ отъ 26-го апрѣля, что мозговая слабость не позволяетъ ему ни думать, ни писать, ни читать. Но, несмотря на такую бѣду, равняющуюся для него смерти, онъ все-таки способенъ говорить о своей житейской долѣ съ бодростью и смѣлостью честаго работника, не имѣющаго ничего за душой, кромѣ головы и рукъ. Мы видимъ, что отъ 4-го мая Прудонъ пишетъ г-ну Трюшъ:

«Чрезъ нѣсколько дней у меня будетъ уже трое ребятъ, что

меня пугаетъ гораздо менѣе, чѣмъ любого милліонера съ однимъ ребенкомъ, только бы не пропадала у меня сила работать.

«Изъ-за чего же мнѣ безпокоиться? И чего мнѣ бояться?

«У меня ничего нѣтъ, и я, конечно, никогда ничего не пріобрѣту. Но вотъ уже болѣе шести лѣтъ, какъ я живу семейно, и все время скромно поддерживаю себя работой. Я много читалъ, многому научился, много думалъ; я сдѣлалъ великолѣпные запасы идей, я наслаждался зрѣлищемъ цивилизаціи и, увы! долженъ былъ въ то же время оплакивать ея заблужденія и безумства. Думаю, что я честный человѣкъ не менѣе кого бы то ни было; у меня довольно свѣтлая интеллигенція: въ итогѣ я считаю себя богатымъ и не желалъ бы помѣняться своимъ положеніемъ съ девяносто-девятью сотыми рода человѣческаго.

«Правда, я живу со дня на день: но какая же въ этомъ бѣда?

«Я иногда нуждаюсь: это есть не что иное, какъ призывъ къ порядку и предусмотрительности.

«Изъ моихъ дочерей я сдѣлаю простыхъ работницъ, но имѣютъ ли онѣ право требовать бо́льшаго?

«Сознаю, что моя смерть будетъ для нихъ большимъ житейскимъ рискомъ; но кто же въ настоящеее время можетъ считать себя въ чемъ либо обезпеченнымъ.

«Двѣ тысячи франковъ обезпечили бы мое положеніе: если я буду удаченъ въ этомъ году, я ихъ добуду, а на тотъ годъ я, быть можетъ, удвою ихъ. А тогда я умру спокойно, оставляя моихъ крошекъ на рукахъ строгой и бдительной матери.

«Вы видите, что мое самолюбіе легко удовлетворяется по части денежныхъ средствъ. Да и, кромѣ того, много-ли людей могутъ похвалиться и настолько хорошимъ положеніемъ?»

Въ письмѣ къ доктору Кретену, отъ 9-го мая, Прудонъ сообщаетъ, что его болѣзненное состояніе значительно исправилось, вслѣдствіе покоя и воздержанія отъ умственной работы. Онъ не можетъ однакожъ освободиться отъ мозговыхъ раздраженій и приливовъ крови къ головѣ, а также и отъ чрезмѣрной нервной впечатлительности на всякаго рода звуки.

Такъ проходитъ у него время до 23-го мая. Въ этотъ день онъ извѣщаетъ доктора Магé о томъ, что жена его наканунѣ вечеромъ родила ему четвертую дочь. Въ тотъ же день пишетъ онъ довольно обстоятельное письмо къ доктору Кретену съ подробностями настолько же интересными для его нервной физіологіи, какъ и то, что́ мы уже привели.

Хотя его болѣзненность и прошла на половину; но онъ все-

таки еще чувствовалъ разнаго рода симптомы, мѣшавшіе ему вести жизнь интеллигентнаго работника.

«Одинъ изъ симптомовъ моей болѣзни,—пишетъ онъ,—есть *удаленіе* нервовъ. Мнѣ кажется, что моя воля или нервный токъ, какъ вамъ угодно, съ трудомъ можетъ пробираться отъ мозга къ оконечностямъ; ночью мнѣ хочется постоянно съёживаться точно волосу или кусочку кожи на огнѣ; ступни ногъ и ладони рукъ —горячія съ покалываніями и ненормальной чувствительностью.

«При малѣйшемъ усиліи головы происходитъ напряженіе мозга и начинаются такіе столбняки, что я долженъ оставлять работу».

Нравственный выводъ изъ такого состоянія все-таки дышетъ Прудоновской смѣлостью:

«Въ концѣ-концовъ я еще не считаю себя осужденнымъ на безсиліе или смерть; но не будемъ обманываться въ одномъ: мнѣ минуло сорокъ семь лѣтъ; я испыталъ въ жизни умственныя и нравственныя волненія, доставшіяся мнѣ не дешево; я знаю, что въ мои лѣта всякій разумный человѣкъ отказывается отъ женской любви и отъ супружескаго узуфрукта, и такъ какъ для меня воспроизводительная способность и способность мыслить составляютъ «unum et idem», то я и заключаю изъ того, что я также долженъ регламентировать свой мозгъ, какъ давно уже регламентировалъ мои чувства въ этомъ отношеніи; и выходитъ, стало быть, что я старѣю, что у меня нѣтъ прежней жизненной энергіи, а слѣдовательно и прежней мощи въ умственной производительности. По качеству, я думаю, что она будетъ все такая же; упала только сила труда.

Подавленный физическимъ недугомъ, Прудонъ находитъ еще возможность и въ интимную переписку вводить общія соображенія, показывающія, что онъ гораздо больше недоволенъ тѣмъ, что̀ дѣлалось вокругъ него, чѣмъ собственной судьбой. Въ припискѣ стоятъ слѣдующія строки:

«Я получаю иногда письма отъ особъ, желающихъ выслушивать *нравственные* совѣты.

«Повторяю вамъ, подумайте объ этомъ для вашей клиники: общество больно, очень больно, и здоровье всѣхъ страдаетъ отъ этого.

«Еслибъ вы могли прибавить къ вашимъ растворамъ (не забудемъ, что Прудонъ пишетъ къ доктору-гомеопату) нѣсколько крупинокъ хорошей философіи, я убѣжденъ, что это доставитъ вамъ и почетъ, и успѣхъ.

«Міръ дряблѣетъ, скучаетъ, теряетъ бодрость, опускается. Ему нужна революція, чтобы помолодѣть».

Въ первыхъ числахъ іюня Прудонъ переѣхалъ въ Безансонъ, откуда пишетъ Альфреду Даримону, отъ 3-го числа, по дѣлу мѣстной желѣзной дороги. Въ концѣ этого дѣлового письма онъ прибавляетъ:

«Нечего дѣлать, чувствую слишкомъ хорошо, что надо бросить полемику и ограничиться спокойными трудами по соціальной философіи, въ ея чистомъ видѣ. Конечно, это меня немного огорчаетъ; но слѣдуетъ съ этимъ помириться».

Вѣроятно, уже по возвращеніи въ Парижъ написано письмо отъ 25-го іюня, не помѣченное никакимъ городомъ. Адресовано оно г. Ларрамà, котораго Прудонъ благодаритъ за внимательность и дружеское расположеніе, и высказываетъ по этому поводу такія интимныя соображенія:

«Вотъ уже четыре года, какъ много людей отдалилось отъ меня, изъ тѣхъ, которые прибѣжали-было на шумъ, поднявшійся вокругъ моего имени; но взамѣнъ того я получилъ изъ разныхъ угловъ Франціи заявленія сочувствія и уваженія со стороны людей новыхъ и молодыхъ, чтò меня вполнѣ вознаграждаетъ. Какая нужда, въ самомъ дѣлѣ, могла привлечь ко мнѣ всѣ эти новыя интеллигенціи, этихъ людей, съумѣвшихъ устроить дѣла свои и проложить себѣ дорогу въ жизни? Развѣ я не самый побѣжденный изъ всѣхъ, считающихся побитыми? Старыя партіи, неумолимѣе чѣмъ прежде, раздираютъ Францію и своей взаимной враждой всего сильнѣе поддерживаютъ имперію, но вѣдь всѣ онѣ единодушно преслѣдуютъ идеи, какія мнѣ привелось намѣтить! Еще съ недѣлю тому назадъ брюссельская газета «Nation», журналъ г. Ледрю-Роллена, оклеветала меня, утверждая, что я бралъ деньги съ правительства и т. д.

«Во Франціи меня еще оставляютъ въ покоѣ; но прослѣдите за пріемами нашихъ демократическихъ писателей и публицистовъ: они гораздо менѣе думаютъ о прекращеніи деспотизма, чѣмъ о возрожденіи страны изъ *развалинъ*, въ которыхъ будто бы виноватъ соціализмъ, особливо тотъ, какой я иногда поддерживалъ».

Новому своему пріятелю Прудонъ высказывается такъ откровенно, какъ будто между ними существуетъ уже давнишняя связь:

«Вы правы,—говоритъ онъ ему, нѣсколько дальше:—я потратилъ свою жизнь на безполезные взрывы. Меня истощили неполное воспитаніе, долгіе годы, потерянные на ремеслѣ типографщика, слишкомъ первобытныя и даже дикія привычки, все это задерживало развитіе моей интеллигенціи и въ такой же степени возбуждало мои страсти. Это зло законченное. На свою бѣду, я получилъ отъ природы рѣдкое и пагубное преимущество:

соединять въ себѣ въ равной степени и притомъ очень сильно—пылъ страстей и тонкость логики; эти два качества, вмѣсто того, чтобы умѣрять одно другое, только взаимно раздражаются: что бы я ни говорилъ, ни дѣлалъ, ни чувствовалъ, меня уноситъ какое-то crescendo, кончающееся всегда какъ-бы спазмодическимъ обморокомъ, который прежде бывалъ мгновененъ, но кончилъ тѣмъ, что сдѣлался серьёзнѣе.

«Теперь, когда я работаю или говорю, мнѣ необходимо останавливаться.

«Не знаю, пройдетъ ли вытекающее отсюда болѣзненное состояніе нервовъ и мозга: все, что мнѣ нужно, это — докончить мой трудъ, завершивъ *критическій* періодъ моей карьеры какими-нибудь *положительными* данными по соціальной и экономической наукѣ.

«Подъ положительными данными я разумѣю не только комбинаціи кредита, ассоціацій и т. д., какія я уже предлагалъ, но элементы науки, принципы, аксіомы, методъ и проч., словомъ—все, что составляетъ научное знаніе.

«Мы имѣемъ дѣло съ молодежью, воспитанной въ привычкахъ строгаго разума и недовольствующейся фантастическими, мистическими и выдуманными взглядами; она требуетъ доказательствъ, она желаетъ имѣть науку, основанную на наблюденіи и направляемую методомъ.

«Введеніе научной идеи въ вопросы морали, политики, экономіи, что исключаетъ собою деспотизмъ, супранатурализмъ и всю область народныхъ вымысловъ, вотъ—движеніе, характеризующее нашъ вѣкъ: оно обезпечиваетъ славу новой генераціи. Буду счастливъ, если съумѣю выказать себя достойнымъ этой генераціи (къ которой я не принадлежу, ни по моему воспитанію, ни по рожденію), подвигая впередъ, по мѣрѣ силъ моихъ, ея удивительную судьбу».

Письмомъ отъ 26-го іюня къ доктору Кретену заканчивается первое полугодіе 1856 года. Хотя письмо это тоже не помѣчено никакимъ городомъ, но писано оно несомнѣнно изъ Парижа. Послѣ возвращенія въ Парижъ, здоровье Прудона опять расклеилось: онъ продолжаетъ страдать все тѣми же нервными припадками, все той же мозговой слабостью, причемъ онъ замѣчаетъ, что передняя часть мозга кажется ему болѣе расположенною къ работѣ, чѣмъ задняя, и въ особенности мозжечокъ. Всего сильнѣе смущаютъ его симптомы слабости; но внутреннее сознаніе говоритъ ему, что все это можетъ и должно пройти, и не

представляетъ собою настоящей опасности, за которой могла бы слѣдовать смерть.

Въ медицинскія пособія онъ не особенно-то вѣритъ и не хочетъ слѣдовать совѣтамъ парижскихъ врачей до тѣхъ поръ, пока его пріятель не предпишетъ ему что-нибудь опредѣленное.

VIII.

Мы уже знаемъ, съ какой искренностью и серьёзностью способенъ былъ Прудонъ отзываться на каждое обращеніе къ нему, даже совершенно постороннихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ рѣдкій, почти исключительный, примѣръ человѣка, который, испытывая постоянную нужду и дорожа, стало быть, временемъ,—не отказывалъ почти-что никому въ самыхъ обстоятельныхъ отвѣтахъ на всевозможные вопросы мыслительнаго, дѣлового или нравственнаго характера.

Такъ и въ началѣ второго полугодія 1856 г. получилъ онъ письмо отъ какой-то женщины, званіемъ—бывшей наѣздницы въ циркѣ. Такая женщина могла наслышаться о немъ, какъ о человѣкѣ, представляющемъ собой, въ тогдашней литературѣ, нѣчто совершенно особое, оригинальное, не признающее никакихъ обыкновенныхъ правилъ и принциповъ житейской морали. Письмо Прудона—помѣченное 13-мъ іюля—цѣлая небольшая диссертація на тэму нравственныхъ и тѣхъ привычекъ, какія ведутъ человѣка къ возстановленію своей душевной гармоніи, потерянной вслѣдствіе разнаго рода излишествъ и заблужденій. Хотя письмо это написано уже двадцать лѣтъ тому назадъ и адресовано женской личности эксцентрическаго характера, но его содержаніе не только не утратило общаго интереса, а, повидимому, относится прямо къ цѣлой категоріи новѣйшихъ типовъ, страдающихъ отсутствіемъ серьёзнаго интереса въ жизни, потерявшихъ свое нравственное равновѣсіе.

«По тону вашего письма,—пишетъ Прудонъ наѣздницѣ,—наполовину отчаянному, наполовину ироническому, я, право, не знаю, чтó мнѣ думать; а я слишкомъ мало знакомъ съ тѣмъ міромъ, гдѣ вы жили, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ: чтó происходитъ въ мозгу бывшей наѣздницы гипподрома.

«Въ этой неувѣренности я хочу сдѣлать то же, что и вы сдѣлали, милостивая государыня: буду отвѣчать на ваши вопросы такъ, какъ будто они серьёзные, и не стану стѣснять своего пера, дѣлая это какъ-бы съ желаніемъ скорѣе разсмѣшить васъ,

чѣмъ обратить на путь истины. Сначала установимъ нѣсколько принциповъ.

«Вы говорите, что не вѣрите ни въ добродѣтель мужчины, ни въ добродѣтель женщины.

«Меня это вовсе не удивляетъ, взявши въ соображенiе ту жизнь, какую вы вели. Но оставимъ мизантропiю и ригоризмъ. Добродѣтель все равно, что здоровье. Она, въ сущности, по моему мнѣнiю, есть не что иное, какъ здоровье сердца, а здоровье есть добродѣтель тѣла. Какъ вы думаете, сколько придется на сто человѣкъ, выбранныхъ на-удачу, дѣйствительно здоровыхъ субъектовъ? Врядъ ли—пять, врядъ ли даже три человѣка; и доказательствомъ тому служитъ то, что очень мало людей умираетъ отъ старости, проведя жизнь свою безъ болѣзни. *Болѣзненность тѣла*—вотъ въ настоящее время общее положенiе человѣчества, несмотря на то, что каждый годъ сотни тысячъ рекрутъ, какъ будто совершенно здоровыхъ, принимаются нашими рекрутскими присутствiями, несмотря на то, что мы видимъ массу хорошенькихъ женщинъ, наполняющихъ наши города и деревни.

«Почему же вы не декламируете противъ здоровья, видя какъ рѣдко оно встрѣчается въ дѣйствительности? Развѣ вы можете утверждать, что болѣзнь есть наше естественное состоянiе? Предполагаете ли вы, что ничтожное число людей, дѣйствительно здоровыхъ,—только лицемѣры? Выводите ли вы то заключенiе, что нужно непремѣнно предаваться всякимъ случайностямъ холода, тепла, сырости и безпорядочнаго питанiя?

«Конечно, нѣтъ. Напротивъ, что-то говоритъ намъ, что здоровье есть законъ живыхъ существъ. Оно составляетъ основу нашей жизни, и когда его потеряешь, нужно или вернуться къ нему, или глупо умирать отъ бездѣйствiя и паденiя силъ.

«Точно также и въ дѣлѣ добродѣтели: ее найдешь вездѣ понемногу, а въ полномъ видѣ нѣтъ ея рѣшительно нигдѣ. Не знаю, кто выработалъ ваши идеи о добродѣтели; должно быть, вы получили ихъ молодой дѣвушкой въ какомъ-нибудь монастырѣ. Но насколько въ васъ есть еще жизни и здоровья, даже бодрости (въ письмѣ вашемъ она такъ и брызжетъ), настолько, смѣю васъ увѣрить, остается въ васъ и добродѣтели. Вы этого не видите потому лишь, что вы испытываете горе отъ сознанiя своихъ слабостей, отъ униженiя, отъ различныхъ заблужденiй и ошибокъ.

«Оставимте въ покоѣ разныхъ Агнесъ и Магдалинъ, всѣ эти типы невинности и раскаянiя; въ васъ, повторяю я, есть

еще добродѣтель, и въ моихъ рукахъ находится прекраснѣйшій доводъ: это ваше собственное свидѣтельство. Ваше глубокое желаніе еще бо́льшей добродѣтели похоже на желаніе каждаго больного: добиться совершеннаго здоровья, когда онъ начинаетъ только выздоравливать.

«Надѣюсь, что этотъ первый принципъ покажется вамъ довольно-таки утѣшительнымъ. А вотъ и второй, на который я, равнымъ образомъ, обращу ваше вниманіе.

«Несомнѣнно, что животныя—я не буду дѣлать никакихъ сравненій, успокойтесь—животныя, говорю я, не знаютъ ни скуки, ни отвращенія, ни пресыщенія, ни отчаянія, ни одной изъ тѣхъ нравственныхъ болѣзней, которыя слѣдуютъ за потерей нравственнаго здоровья, то-есть, если вы мнѣ позволите употребить это слово, за потерей добродѣтели.

«Причина та, что животныя, неизмѣримо менѣе страстныя, чѣмъ люди, повинуются инстинктамъ и его неизмѣннымъ законамъ, а, слѣдовательно, вовсе не подвержены потерѣ того равновѣсія, того здоровья души, безъ котораго мы, люди, не можемъ существовать. Съ этой стороны, существованіе животныхъ находится подъ покровительствомъ ихъ собственной животненности. Я не говорю, чтобы они были чистыя машины, но я утверждаю въ нравственномъ смыслѣ, съ точки зрѣнія высшей жизни, характеризующей насъ, что въ нихъ дѣйствительно нѣтъ души.

«Къ чему же я хочу придти при помощи этого наблюденія изъ естественной исторіи? Вотъ къ чему: природа полна аналогій. Подобно животнымъ, люди, занятые какими-нибудь серьёзными, даже обыденными вещами—ибо то, что обыкновенные смертные называютъ серьёзнымъ, кажется тривіальнымъ артисту — эти люди, говорю я, т.-е. земледѣльцы, ремесленники, ученые, чиновники и т. д., и т. д., не знаютъ скуки или, по крайней мѣрѣ, знакомы съ нею очень мало. Они испытываютъ скуку, а слѣдовательно и отвращеніе, пресыщеніе, паденіе силъ, всѣ эти симптомы, характеризующіе въ человѣкѣ значительную порчу, тогда лишь, когда имъ приходится выдти изъ своихъ занятій, предаться праздности, удовольствіямъ, разврату.

«Неужели эти люди—животныя, а вы и ваши сверстницы по театру и гипподрому, вмѣстѣ съ тунеядцами, прожигающими жизнь—благородныя, привилегированныя созданья, цари и царицы міра?

«Вы, конечно, не отвѣтите мнѣ утвердительно, ибо предчувствуете, каково будетъ мое возраженіе.

«Итакъ, вотъ что мы установили: люди труда, занятій, дѣла,

словомъ сказать — души, ведущія какую-нибудь борьбу, или мало, или совсѣмъ не страдаютъ скукой и не подвержены порокамъ, вытекающимъ изъ нея; напротивъ, тотъ, кто играетъ, предается удовольствіямъ, шатается, занимается любовными интригами, мечтаетъ, ѣстъ, танцуетъ, поетъ: поэты, артисты, вся литературная цыганщина, я скажу даже люди клира и вплоть до траппистовъ — весь этотъ міръ, имѣющій репутацію чего-то высшаго, осужденъ неминуемо на развратъ, на отвращеніе, на стыдъ, горше самой смерти.

«Возьмите еще немного терпѣнія, я пришелъ къ выводу.

«Я нахожу въ вашемъ письмѣ курьёзную фразу, совершенно обрисовывающую васъ самихъ: «происходя отъ почтенной семьи, я могла бы, какъ и столько другихъ, выдти замужъ за честнаго буржуа, имѣть дѣтей и т. д., — но я испугалась скуки такого однообразнаго существованія и бросилась съ головой во всѣ случайности жизни со дня на день».

«Вы сдѣлали ужаснѣйшую глупость; но такъ какъ это вышло не совсѣмъ по вашей винѣ, то и зло еще поправимо.

«Всѣ ваши горькія испытанія имѣютъ причиной благородное чувство человѣческаго достоинства, чувство, которое должно васъ помирить съ самой собой и возвратить вамъ мужество. Въ васъ въ высшей степени развито сознаніе свободы и ужасъ той монотоніи, того рабства, какія накладываетъ на насъ природа и какія сказываются въ одномъ этомъ словѣ: *трудъ*. Трудъ! Я говорю безъ всякой ироніи. Я охуждаю васъ за то, что вы не признали закона труда, который удержалъ бы васъ въ сферѣ вашихъ родителей, но я хвалю васъ за то, что вы поняли, хотя и смутнымъ образомъ, что человѣкъ, испытывая законъ труда, долженъ все-таки непрестанно бороться съ пошлостями существованія. Бо́льшее несчастье заключается въ томъ, что вы раздѣлили мыслью эти двѣ вещи: *трудъ и свобода* — *трудъ и искусство* — *трудъ и любовь*. Вы сказали самой себѣ: оставлю я это рабство полное труда и всю эту тривіальность, всю принудительность обыденной жизни, и предамся исключительно свободѣ, искусству, любви. И вы сдѣлались вольной женщиной, артисткой, предающейся любви, мечтательнымъ и страстнымъ существомъ, доводящимъ фантазію до истощенія....

«Результатъ вамъ извѣстенъ. Преслѣдуя идеалъ красоты, вы пришли къ грубому и недостойному; изъ свободной личности вы сдѣлались рабыней; наслажденія тщеславія, искусства, любовь, потерявъ поддержку въ чемъ либо реальномъ, серьёзномъ, живомъ, сильномъ, дали вамъ одну грязную пустоту позора.

«Что же дѣлать теперь? спрашиваете вы меня.

«Здѣсь я не могу васъ убѣдить ни доводами, ни примѣромъ вашего собственнаго существованія, потому что вы стали внѣ условій нормальной жизни. Я могу подтвердить вамъ только истину того, что̀ сейчасъ скажу. Вы или послѣдуете моему совѣту, или отвергнете его: для васъ дѣло идетъ о жизни или смерти и, что̀ гораздо посильнѣе, какъ я уже вамъ сказалъ, о чести и позорѣ паденія.

«Вамъ двадцать-восемь лѣтъ. Первый періодъ вашей молодости прошелъ; остается вамъ второй: двѣнадцать лѣтъ средняго возраста женщины отъ 28—40. Въ этомъ есть еще будущность.

«Сначала разорвите со всякаго рода любовными сношеніями. Первымъ дѣломъ, вамъ нужно выучиться владѣть собой, а вы, несчастная, были до сего дня только рабой другихъ! Вамъ это будетъ, конечно, трудненько вначалѣ. Приготовьтесь къ этому, но послѣ томительной борьбы настанетъ минута сладкаго торжества. Поймите вы: *обладать собой*, освободиться вполнѣ, облагородить себя какъ въ тѣлѣ, такъ и въ сердцѣ своемъ, управлять своими чувствами: вотъ что̀ называется цѣломудріемъ. Вы больше не невинны, положимъ. Эта потеря можетъ быть исправлена тѣмъ, что вы сдѣлаетесь цѣломудренной.

«Вамъ нужно, по крайней мѣрѣ, два года такого существованія. Соблазнъ будетъ сильный: тѣ, кто васъ зналъ, увидятъ, что вы измѣнили жизнь; тѣ, которые познакомятся съ вами въ новыхъ условіяхъ, узнаютъ, конечно, про ваше прошедшее. Всѣмъ покажется пикантнымъ заново овладѣть вами, и рѣшительно всѣ стакнутся для того, чтобъ наложить на васъ прежнее ярмо! Мужайтесь, иначе все потеряно. Презирайте тѣхъ, кто будетъ смѣяться надъ вами: вы поймете, хотя и мало знаете сердце людское, что въ ихъ сарказмахъ будетъ заключаться гораздо больше досады, чѣмъ нравственнаго протеста. Наѣздница, первая покидающая своихъ любовниковъ, это непростительно! Вмѣстѣ съ абсолютнымъ воздержаніемъ отъ любви, я вамъ предписываю умѣренную и работящую жизнь. Не дѣлайте никакой уступки чувственности и даже иногда поститесь. Патеры называютъ это *умерщвленіемъ плоти*, и я вамъ его совѣтую не потому, чтобъ въ такомъ рецептѣ заключалась какая-нибудь волшебная добродѣтель, но потому, что онъ пріучитъ васъ, мало-по-малу, господствовать надъ своей природой и одухотворить, такъ сказать, все ваше существо.

«Вы мнѣ не говорите, какія средства къ жизни имѣете въ настоящую минуту; но каковы бы они ни были, надо ихъ уве-

личить, развить, примѣнить ихъ, выбравши какую-нибудь профессію, какую-нибудь карьеру.

«У васъ есть, и въ значительной степени, пониманіе, даже умъ. Вы безукоризненно пишете, владѣете слогомъ, хорошимъ почеркомъ, оставляя въ сторонѣ другіе таланты, которыхъ не знаю. Словомъ сказать, у васъ все есть, и вы можете еще отличиться въ серьёзной жизни столько же, если не больше, чѣмъ вы отличались на подмосткахъ.

«Представьте себѣ, что вы попадаете въ общество какъ Робинзонъ на свой островъ, что вы въ немъ одна съ нѣсколькими рессурсами, доставленными вамъ судьбой. Надо жить, а если жизнь ваша обезпечена, надо расширять и поднимать все больше и больше эту жизнь. Неужели вы малодушно умерли бы, находясь въ положеніи Робинзона на берегу моря, вмѣсто того, чтобъ работать, какъ онъ, въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ? А вы лучше Робинзона, стало быть, можете и справляться лучше его.

«Выкиньте изъ вашего чтенія романы и стихи. Ваше воображеніе требуетъ чего-нибудь болѣе крѣпительнаго и чистаго.

«Берите исторію, путешествія, географію, если хотите, подберитесь и къ самой философіи.

«Однимъ словомъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ сдѣлала васъ природа, т.-е. артисткой, работайте, занимайтесь, предпринимайте и, примѣняя къ вашей новой жизни вашъ артистическій талантъ, облагороживайте безпрестанно вашъ трудъ и предпріятія.

«Вы не любите домашней экономіи? Это оттого, что вы видѣли одинъ чадъ и смрадъ хозяйничанья. Надо не мало таланта женщинѣ, чтобъ сдѣлать изъ своей квартиры изящную картину и пейзажъ. Всѣ женщины должны стремиться къ этому и, право, кастрюльки, горшки, мебель вовсе не отвратительнѣе, чѣмъ краски и кисти.

«— А потомъ? скажете вы мнѣ, какова же цѣль, какой конецъ всего этого? Потомъ! Надо сначала вѣрить мнѣ на слово, такъ какъ вы выбрали меня своимъ врачомъ: начните леченіе и слѣдуйте ему съ рѣшимостью, а когда ваше выздоровленіе сильно подвинется, тогда я вамъ скажу что дѣлать. Я вамъ укажу высшую цѣль всемірной жизни, ту цѣль, къ которой вы будете стремиться всѣми силами вашими, какъ къ высшему счастью»...

Въ письмѣ отъ 9-го іюля къ д-ру Кретену Прудонъ жалуется на бывшаго своего сотрудника и ближайшаго пріятеля Даримона. Въ газетѣ «Presse» Даримонъ печаталъ статьи экономическаго содержанія и не имѣлъ настолько духа, чтобъ назвать Прудона

авторомъ его извѣстной книги «Система экономическихъ противорѣчій», хотя, въ то же время, развивалъ всѣ ея идеи. Такое поведеніе очень огорчило Прудона: онъ еще, вѣроятно, не могъ предвидѣть, *что* выйдетъ изъ его когда-то радикальнаго сотрудника, въ послѣдніе годы второй имперіи. Здоровье Прудона шло немного лучше. Одинъ изъ его новыхъ добрыхъ знакомыхъ, г. Ларрама̀, прислалъ ему изъ провинціи боченокъ вина въ подарокъ; но Прудонъ никакъ не хотѣлъ принять это вино даромъ, несмотря на постоянную свою нужду, и требуетъ въ письмѣ отъ 22-го іюля, чтобъ стоимость присланнаго вина была обозначена. Въ этомъ мелкомъ обстоятельствѣ выражается какъ нельзя болѣе ярко его постоянная, демократическая гордость, не мирившаяся ни съ какимъ видомъ милостыни. Своихъ друзей и пріятелей онъ ставилъ на совершенно одинаковую съ собой ногу, почему и не хотѣлъ принимать отъ нихъ сколько-нибудь цѣнныхъ подарковъ.

Для характеристики его взглядовъ по вопросамъ моралѝ довольно цѣнно письмо его къ г. Лашатръ, написанное въ августѣ, но безъ обозначенія числа. Корреспондентъ его составилъ родъ нравоучительнаго посланія своей собственной дочери, и спрашиваетъ Прудона, какъ онъ доволенъ этой вещицей. Прудонъ говоритъ, между прочимъ, что нравственное правило: «дѣлай другимъ то, чего желалъ бы самому себѣ», кажется ему совершенно недостаточнымъ. «Въ этомъ еще не все,—говоритъ онъ:—дѣлай другимъ то, чего желалъ бы самому себѣ; надо сначала знать, что̀ намъ самимъ дѣлать, а для этого изучить, кто мы сами и какое достоинство имѣютъ наши чувства, вкусы и т. д.». Нѣсколько далѣе онъ обращается къ своему знакомому, и говоритъ ему: «не въ одной любви, не въ одномъ милосердіи дѣло, а въ томъ, чтобъ *оказывать справедливость*, и справедливость есть послѣднее и самое великое слово нравственности». Не одобряетъ онъ также взглядъ на супружество какъ на высшее благоденствіе человѣческое; по его мнѣнію, бракъ есть вещь второстепенная, не достигающая высоты человѣческаго назначенія.

Утѣшенія противъ смерти Прудонъ также не признаетъ. Его задача заключается въ томъ, чтобъ презирать свѣтъ, даже—какъ онъ прибавляетъ—«съ мыслью о полномъ небытіи».

Пространное посланіе къ наѣздницѣ гипподрома, приведенное нами почти цѣликомъ, надѣлало Прудону не мало непріятностей. Черезъ нѣсколько времени это посланіе появилось сначала въ журналѣ «Gazette de Paris», а потомъ въ «Presse». Прудонъ никакъ этого не ожидалъ и обращается письмомъ отъ 21-го августа къ редактору «Presse», гдѣ и объясняетъ проис-

хожденіе своего отвѣта. Онъ говоритъ, что у него есть привычка отвѣчать всѣмъ лицамъ, обращающимся къ нему, рѣшительно такъ, какъ онъ чувствуетъ и говоритъ. «Я предполагаю всегда, что лица, пишущія мнѣ, одушевлены доброй мыслью или добрымъ намѣреніемъ. Такой системой доставленія нѣкотораго удовольствія очень хорошимъ людямъ я пріобрѣталъ дружбу многихъ». Но вышло такъ, что онъ сдѣлался, на этотъ разъ, жертвой мистификаціи, и разные шутники дурного тона начали потѣшаться надъ неприличіемъ подобной корреспонденціи. Все это не давало, однако, повода редактору газеты печатать письма, относящіяся къ интимной перепискѣ, почему онъ и считаетъ его участникомъ въ нанесенной ему дерзости, не видя оправданія въ томъ фактѣ, что письмо появилось сначала въ другомъ журналѣ. Мы увидимъ ниже, что вся эта исторія была задумана злобнымъ шутникомъ съ явнымъ намѣреніемъ одурачить Прудона, который еще нѣсколько разъ долженъ будетъ обращаться къ разнымъ лицамъ по поводу все того же обстоятельства, а пока онъ пишетъ отъ 24-го августа Эмилю Шарпантье совершенно теоретическое письмо, наполненное взглядами, резюмирующими его тогдашнюю соціально-нравственную философію.

«Причины недомогательства, чувствующагося теперь въ обществѣ, вовсе не случайныя, вовсе не принадлежатъ только нашей эпохѣ и нашей странѣ; онѣ такъ же стары, какъ весь родъ человѣческій, онѣ сдѣлались конституціональными и отличаются отъ того, чѣмъ были прежде, однимъ лишь болѣе живымъ сознаніемъ, къ которому пришла генерація болѣе развитая, а также и количествомъ различныхъ размышленій и всякаго рода антагонизмовъ, возбужденныхъ имъ.

«Причины эти мною въ значительной степени анализированы и развиты. Я сдѣлалъ это въ главномъ изъ моихъ трудовъ, называющемся: «Экономическія противорѣчія», къ которому слѣдовало бы прибавить: *противорѣчія философіи, политики и права.*

«Это слово «противорѣчіе» не слѣдуетъ брать въ вульгарномъ смыслѣ человѣка, говорящаго извѣстную вещь и опровергающаго ее. Тутъ дѣло идетъ, напротивъ, о противодѣйствіи присущемъ всѣмъ элементамъ, всѣмъ силамъ, составляющимъ общество. Оно-то и дѣлаетъ то, что эти элементы и эти силы борются между собою и уничтожаютъ другъ друга, если человѣкъ своимъ разумомъ не найдетъ средство понять ихъ, управлять ими, держать ихъ въ равновѣсіи.

«Сочиненіе, напечатанное мною на этотъ сюжетъ, было плохо понято: виной тому была немного та метода, которой я захотѣлъ

слѣдовать; но полезно, чтобъ общественный разумъ, наконецъ, дошелъ до пониманія этой методы, потому что она неизбѣжна во множествѣ обстоятельствъ; да истина и не можетъ обойтись дешево.

«Я подвергнулъ общей критикѣ эти противорѣчія, почему и прослылъ въ глазахъ множества людей, а также и въ вашихъ, за человѣка чистаго отрицанія, *исключительнаго* и противорѣчиваго. Въ сущности же, я полагаю всѣ принципы выходящими изъ общества и человѣческаго ума, ищу ихъ организаціи и отрицаю ихъ лишь настолько, насколько они претендуютъ на первенство или представляются вредными.

«Вотъ что я могу сказать вамъ въ нѣскольких словахъ о причинахъ зла, пожирающаго человѣчество; дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о вѣчномъ устройствѣ этого человѣчества, находящагося въ настоящую минуту въ состояніи хаотической агитаціи.

«Я достаточно говорилъ, чтобъ быть понятымъ тѣми, кто хотѣлъ меня понять; но слишкомъ много интересовъ завязано для популяризаціи подобныхъ истинъ, и выходитъ, что все не только противится общему равновѣсію, но даже и тому, чтобъ истина была изучаема и распространяема. Огромное покрывало накинуто на всѣ человѣческія дѣла; всемірный заговоръ куется всѣми умственными и соціальными силами для того, чтобъ поддерживать *statu quo*. То немногое, чтó было сказано и доказано, только раздражило умы, вмѣсто того, чтобъ подвинуть ихъ на пути изысканій, и недобросовѣстность вмѣстѣ съ страстью царствуетъ въ настоящее время почти вездѣ.

«Въ этихъ условіяхъ легко предвидѣть катастрофы, чтò вы и дѣлаете.

«Народъ разъяренъ, я это знаю; какъ вы выражаетесь: его *дурные инстинкты* расходились. Его сдерживаетъ только уваженіе къ собственному суду, ибо онъ же создалъ такой порядокъ цѣлой массой своихъ приговоровъ путемъ всеобщей подачи голосовъ. Надо, стало быть, чтобъ народъ допивалъ до дна свою собственную кару; надо, чтобъ генерація, давшая себѣ президентство и имперію, сошла со сцены, и тогда только массы будутъ серьёзно думать о движеніи.

«Мнѣ слѣдовало бы опять-таки посредствомъ *противорѣчій* объяснить вамъ, какъ народъ неспособенъ ни на что больше, какъ на созданіе Наполеонидовъ и какъ Наполеониды не имѣютъ другой судьбы, какъ подавленіе народа. Люди, не принимающіе ничего въ разсчетъ, кромѣ своихъ мелкихъ доводовъ, не идущіе, подобно

народу, дальше поверхности вещей, находятъ, что это, съ одной стороны, ужаснѣйшая глупость, съ другой—гнусная измѣна. Я же говорю по-просту, что это фатально. Надо удалить народъ отъ избирательной урны и работать, становясь впереди его надъ рѣшеніемъ задачи; а внѣ этого неизбѣжно было для народа, предоставленнаго собственной силѣ притяженія, сдѣлать себѣ императора, а для императора, разъ онъ выбранъ, начать обуздывать народъ...

«Что же до буржуазіи, которую народъ ненавидитъ, которой, какъ вы говорите, онъ всячески завидуетъ, желая поживиться ея добромъ и грозя ей мщеніемъ, она находится въ подобномъ же положеніи. Такъ какъ инстинктъ вездѣ одинъ и тотъ же, буржуазія не менѣе алчна, чѣмъ масса, она даже настолько болѣе жадна, насколько у ней больше достатковъ. Демократія же дошла до самоубійства посредствомъ выборнаго принципа, и власть передѣлалась народомъ и стала болѣе сильной, чѣмъ прежде, почему буржуазія роковымъ образомъ сгруппировалась вокругъ этой власти: — капиталъ примкнулъ къ мечу; такимъ же роковымъ образомъ эта группа собственниковъ, пресыщенная своими богатствами, навалилась всей тяжестью на чернь и, пріобрѣтая мѣста и состояніе, можетъ со временемъ, нѣсколько позднѣе, освободиться отъ имперіи, которая ей не нравится, не рискуя нисколько народнымъ возстаніемъ, котораго она сильно побаивается».

«Вотъ мы въ какомъ положеніи. Соціальная война гнѣздится во всѣхъ душахъ; эгоизмъ, извращенность инстинктовъ одинаково велики и съ той и съ другой стороны. Народъ пугалъ буржуа сценами и баррикадами—48 года. Онъ прогналъ династію, бывшую особенно любезной для буржуа, онъ создалъ власть, ей ненавистную, вызвалъ расходы на нѣсколько милліардовъ по публичнымъ работамъ для того, чтобы покормить самого себя и т. д. Вотъ что сдѣлалъ народъ.

«Буржуа въ отместку въ 1848 и 1852 гг. произвелъ двѣ огромныя проскрипціи посредствомъ давленія на власть; болѣе сорока или пятидесяти тысячъ демократовъ исчезли путемъ смерти, высылки, добровольной эмиграціи. Буржуа достигъ высшаго презрѣнія къ черни, которую эксплуатировалъ безъ всякаго сострадания.

«Конечно, посреди всего этого есть слабое меньшинство буржуа и рабочихъ, оплакивающихъ подобный антагонизмъ и старающихся прекратить его. Быть-можетъ, справедливости удастся разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ. Но на это надо слишкомъ много

времени, а событія идутъ въ настоящее время быстрѣе человѣческихъ идей».

Вѣрный своему принципу: искренно интересоваться друзьями и пріятелями и всѣмъ, что до нихъ касается, Прудонъ извѣщаетъ г. Белэ въ письмѣ отъ 27-го августа о диспутѣ его сына, на который онъ желалъ попасть непремѣнно, и прибавляетъ отъ себя нѣсколько замѣчаній, показывающихъ, что онъ держался все тѣхъ же строгихъ взглядовъ на всю область формальнаго права. Но не всегда искреннія письма Прудона попадали въ хорошія руки. Онъ сталъ убѣждаться, что злоупотребляютъ его простотой и серьёзностью, заставлявшей его отвѣчать почти на каждое сколько-нибудь дѣльное обращеніе къ нему людей постороннихъ. Онъ вынужденъ былъ поэтому обратиться, 17-го сентября, къ редактору «Gazette de Paris», гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «письма представляютъ собою актъ частной жизни, и никто, даже лицо, которому оно адресовано, не имѣетъ права предавать гласности противъ воли писавшаго. Подобная гласность есть настоящее злоупотребленіе довѣріемъ, нарушеніе честности.

«Смѣю думать, что въ томъ большомъ числѣ писемъ, какое мнѣ случилось написать, нѣтъ ни одного, за которое мнѣ приходилось бы болѣе краснѣть, чѣмъ за тѣ два, что появились въ вашемъ журналѣ. Но я боюсь вовсе не изъ-за удовлетворенія самолюбія, а изъ-за принциповъ добросовѣстности и общественной морали. То, что со мной случилось, есть, въ сущности, настоящее оскорбленіе, и вы меня весьма обяжете, г. редакторъ, не дѣлаясь соучастникомъ его.

«Несмотря на мое удивленіе, я все-таки продолжалъ получать каждый день письма отъ неизвѣстныхъ мнѣ людей и на всевозможные сюжеты. Я держусь привычки отвѣчать на все прямо, смотря по настроенію моей совѣсти и моего пониманія. Такая система дала мнѣ возможность доставить удовольствіе многимъ честнымъ людямъ и, что еще лучше, заслужить ихъ уваженіе».

Ясно, что это обращеніе къ редактору «Gazette de Paris» мотивировано было все той же мистификаціей, о которой мы говорили выше. Дальнѣйшее развитіе этой исторіи находимъ мы въ довольно большомъ письмѣ къ нѣкоему Одебранду, отъ 12-го сентября, опять-таки, по поводу появленія въ этой газетѣ письма Прудона къ мнимой наѣздницѣ. Прудонъ приводитъ цифры, разъясняющія дѣло, такъ сказать, исторически, и оказывается, что мистификаторъ приставалъ къ нему больше года съ различными посланіями, прикрывшись вымышленнымъ именемъ дѣвицы Сентъ-

Аньянъ. Сначала онъ не хотѣлъ отвѣчать, но кто-то ему сообщилъ, что такая артистка была когда-то въ ипподромѣ, и Прудонъ счелъ умѣстнымъ отвѣтить ей въ томъ достойномъ и искреннемъ тонѣ, какой мы видѣли выше. Мистификатору только этого и нужно было. Мы узнаёмъ, что его звали Габріэль Викеръ и, мало того, что онъ сдѣлалъ изъ интимнаго письма Прудона поводъ къ осмѣянію его въ печати, онъ же заявилъ себя оскорбленнымъ совершенно законнымъ протестомъ Прудона. Въ письмѣ къ Одебранду Прудонъ очень ясно и рѣзко ставитъ этотъ вопросъ личнаго поведенія и даетъ своему корреспонденту такое порученіе:

«1) Сначала узнать, кто такое этотъ г. Викеръ, каковы его привычки, какой цѣли добивался онъ всѣми этими письмами и чего онъ требуетъ.

«2) Объявить ему прямо отъ меня, что я считаю все его поведеніе оскорбленіемъ и не желаю вовсе отличать *фактъ* отъ *намѣренія* до тѣхъ поръ, пока онъ самъ первый не дастъ мнѣ удовлетвореніе во всемъ томъ, какъ онъ велъ себя относительно меня».

И далѣе, предполагая возможность дуэли, Прудонъ желаетъ поставить ее отдѣльно отъ этихъ объясненій и заняться ею особенно, когда извиненіе не послѣдуетъ. Онъ извиняется передъ своимъ знакомымъ въ томъ, что безпокоитъ его своими дрязгами и проситъ его не разглашать всѣ эти глупыя и смѣшныя исторіи.

Среди горькихъ испытаній, Прудону привелось все-таки чувствовать, какъ его личность и трудъ привлекали къ нему людей постороннихъ, обращающихся къ нему прямо съ выраженіемъ своей симпатіи. Такъ и 22-го сентября онъ пишетъ къ нѣкоему Тиллуа, начинаетъ изъявленіемъ благодарности и продолжаетъ на тэму житейскихъ невзгодъ и нравственныхъ ударовъ.

«Я знаю,—говоритъ онъ,—какую ненависть возжегъ я противъ себя въ извѣстномъ мірѣ; иногда она меня огорчаетъ, но я мирюсь съ нею и сохраняю ясность духа, размышляя на ту тэму, что большинство людей—большія дѣти, и что дѣти ненавидятъ доктора, который ихъ лечитъ, прижигаетъ и прививаетъ имъ оспу. Когда онѣ выростутъ, говорю я самъ себѣ, онѣ и меня полюбятъ.

«Какъ и вы, я прошелъ черезъ душевную бурю, когда совѣсть переходитъ изъ состоянія религіозной вѣры въ состояніе философской правды, почему и сочувствую всѣмъ вашимъ огорченіямъ. Но никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида того принципа, что какое бы мы себѣ ни представили правленіе вселенной, признаемъ ли мы руководящую мысль высшаго существа

или распространеніе этой мысли въ скрытомъ видѣ по всѣмъ атомамъ, составляющимъ міръ, въ концѣ-концовъ все было расположено какъ слѣдуетъ: ни смерть, ни революція, ни потеря вѣрованій, ни истощеніе любви не составляютъ зла; они приносятъ выгоду тому, кто умѣетъ ихъ понимать, кто оцѣниваетъ вещи настоящей цѣной, пользуется ими минутно и освобождается отъ нихъ, оставаясь всегда самимъ собой, подобно вселенной, равновѣсіе которой не можетъ быть поколеблено.

«Мы теряемъ только отъ нашего невѣжества и безумія, отъ нашего закрѣпощенія вещьми и людьми; но такъ какъ наука и свобода безконечны, такъ какъ наша добродѣтель зависитъ отъ насъ самихъ и такъ какъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ, преданномъ своимъ ближнимъ, живетъ столько привязанности, сколько вмѣщаетъ его сердце, то можемъ ли мы когда-нибудь быть несчастными?»

И отвѣчая еще на другой вопросъ своего корреспондента о заимствованіи идей, жертвой котораго не разъ дѣлался Прудонъ, онъ говоритъ съ такимъ рѣдкимъ авторскимъ великодушіемъ и съ широтой взгляда:

«Я замѣчаю время отъ времени, что мои идеи служатъ нѣкоторымъ умамъ, причемъ меня не называютъ; въ началѣ эта маленькая неблагодарность раздражала мое авторское самолюбіе— *genus irritabile vatum!* — но, всмотрѣвшись вволю, я призналъ, что очень мало идей, про которыя писатель могъ бы сказать: *вотъ это принадлежитъ мнѣ;* — что все, принадлежащее намъ, заключается лишь въ извѣстной манерѣ выражать идеи, въ удачномъ оборотѣ, въ той связи, которую мы открываемъ между тѣми или иными идеями, поэтому я и утѣшаюсь мыслью, что, быть можетъ, мнѣ вовсе и не оказываютъ несправедливости, и что такое заимствованіе скорѣе будетъ мнѣ полезно».

Къ концу сентября Прудонъ сообщаетъ другу своему Бергману, отъ 26-го числа, что его выздоровленіе идетъ еще очень медленно, и онъ ожидаетъ необходимости оставить свои работы еще на два мѣсяца. Это продолжительное нездоровье объясняетъ онъ слѣдствіемъ бывшаго съ нимъ когда-то холернаго припадка. Воздерживаясь отъ усиленной умственной работы, онъ прочитывалъ въ это время латинскихъ и греческихъ классиковъ, и говоритъ Бергману, что хотя они и сдѣлались избитыми вслѣдствіе школьной обработки, но что человѣкъ съ философскимъ развитіемъ и съ новыми экономическими взглядами можетъ черпать изъ нихъ множество цѣнныхъ фактовъ и находить въ нихъ совершенно забытый и занимательный міръ. По этому поводу онъ

напоминаетъ Бергману, что занимается подготовкой къ историческимъ трудамъ, но не во вкусѣ новѣйшихъ французскихъ историковъ: Тьера, Ламартина, Луи Блана, а въ научномъ направленіи, ища внутренняго и органическаго движенія исторіи. Здоровье его тѣмъ временемъ не поправлялось, и мы видимъ изъ переписки съ докторомъ Кретеномъ, въ первыхъ числахъ октября, что Прудонъ снова заболѣлъ послѣ утомленія и ходьбы на похоронахъ одного пріятеля. Жалобы свои на здоровье продолжаетъ онъ и въ небольшомъ письмѣ, отъ 10-го октября, къ г. Вильоме, гдѣ стоитъ такая характерная фраза: «меня, по-прежнему, убиваетъ мозгъ». Къ концу октября онъ занимается третьимъ изданіемъ своей компилятивной книги «Руководство для биржевого спекулянта» и проситъ пріятеля, Шарля Белэ, отъ 26-го октября, сообщить ему нѣсколько новыхъ свѣдѣній о тогдашнихъ парижскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ. Въ первыхъ числахъ ноября, онъ опять принялся за болѣе усиленную умственную работу, и въ письмѣ къ г-ну и г-жѣ Сюшэ, отъ 18-го ноября, говоритъ, что послѣ выпуска въ свѣтъ третьяго изданія своего «Руководства» онъ думаетъ приступить окончательно къ печатанію новаго своего труда, въ двухъ большихъ томахъ, т.-е. книги «О справедливости». Припадки нервно-катарральной болѣзни овладѣваютъ имъ снова въ концѣ ноября, что мы видимъ изъ переписки съ докторомъ Кретеномъ, въ которой находимъ и подробности о смерти его меньшой дочери, Шарлотты, случившейся 4 декабря.

Всѣ эти испытанія вырываютъ у него слѣдующую фразу въ письмѣ къ г. Ларрамà, отъ 6-го декабря:

«Я былъ сколоченъ молоткомъ, но и сталь, когда слишкомъ нагрѣвается, дѣлается мягкой. Отъ души желаю, чтобы ваша теплая дружба возвратила мнѣ энергію и бодрость: я въ нихъ нуждаюсь теперь болѣе, чѣмъ въ чемъ-либо».

Д-ру Кретену онъ пишетъ, отъ 11-го декабря:

«Эта потеря (т.-е. смерть дочери) произвела на мою голову то же дѣйствіе, какъ та усиленная ходьба, какую я позволилъ себѣ два мѣсяца передъ тѣмъ. Только съ сегодняшняго утра мнѣ немножко полегче. Голова очень слаба; вся сила, какая у меня была наканунѣ вашего послѣдняго путешествія, пропала; въ особенности въ задней части мозга чувствую я слабость; она оттуда переходитъ и на переднюю; почему я и работаю очень мало».

Какъ доказательство большой умственной бодрости Прудона является письмо, отъ 22-го декабря, къ г. Ларрамà, гдѣ тогдаш-

нее положеніе дѣлъ характеризовано крупными штрихами своеобразнаго и послѣдовательнаго мыслителя-гражданина:

«Ваше замѣчаніе,—пишетъ онъ своему корреспонденту,—сводится къ тому, что мы (т.-е. республиканцы-демократы) *находимся въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи*, что вполнѣ справедливо, и что агитація по поводу выбора стоитъ *ниже той правды*, которую мы защищаемъ, и может даже ее *компрометтировать*, что я также допускаю.

«Но есть еще кое-что худшее для насъ. Это: 1) превратиться путемъ уклоненія отъ дѣла въ какую-то секту, чего я ни подъ какимъ видомъ не могу допустить; 2) — заключиться *въ чистой идеѣ*, вмѣсто того, чтобъ придать этой идеѣ силу и дѣйствіе; наконецъ, — предполагають, что демократія и вся Франція безусловно враждебны революціи потому только, что онѣ насъ не понимаютъ и не одобряютъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Франція по инстинкту и необходимости соціалистична и революціонна; только ея предразсудки ложны и несостоятельны.

«Стало-быть, какъ бы тамъ ни было, я думаю, что нужно держаться массы, позволять даже ей развивать насъ, но никогда не отдаляться отъ нея.

«Апостолы, разрушая законъ Моисеевъ, все-таки совершали каждый день свои молитвы въ храмѣ, а Іисусъ Христосъ, установляя евхаристію, вкушалъ пасхальнаго агнца. Они погибли, но идея ихъ восторжествовала, и для насъ нѣтъ никакого иного поведенія. Мы плоть отъ плоти и кость отъ костей Франціи и человѣчества.

«Что касается до меня, то я не ограничился бы одной простой демонстраціей; я желалъ бы, чтобъ депутаты шли въ законодательный корпусъ, даже испытывая позоръ присяги. Я не люблю полумѣръ и всего сильнѣе ненавижу непослѣдовательность. Что касается до присяги, то мнѣ кажется, что демократъ понимаетъ ее дурно.

«Будемъ воздерживаться: правительству этого только и нужно, и индифферентизмъ помогаетъ ему,—онъ ему даетъ лишній аргументъ для доказательства довѣрія или политическаго утомленія страны.

«Поэтому идемъ прямо къ избирательнымъ урнамъ, хотя мы нашли въ нихъ наше меньшинство.

«Пошлемъ нашихъ депутатовъ въ законодательный корпусъ, хотя они тамъ и будутъ безсильны.

«Предположимъ, что побѣда останется за республиканской партіей; тогда мы, идеологи-соціалисты, если останемся въ сто-

ронѣ, будемъ для этой партіи ненавистной сектой, врагами республики, друзьями власти. Если же мы станемъ вотировать вмѣстѣ съ нею, — она скажетъ, что мы поглощены ею и т. д., и т. д.

«Все это чрезвычайно жалко, но все это не можетъ заставить меня измѣнить свое мнѣніе. Жить для человѣка — значитъ думать; а думать — значитъ дѣйствовать; поэтому будемъ дѣйствовать какъ можно больше и какъ можно рѣшительнѣе.

«Если революція заключается въ насъ, она также сидитъ и въ массахъ; поэтому намъ и нельзя отдѣлить себя отъ нихъ. У массы нѣтъ мысли, — кто же придастъ эту мысль, если мы отстанемъ отъ нея?»

Письмо это Прудонъ кончаетъ жалобой на состояніе своей головы, мѣшающее ему лучше и полнѣе развивать свои идеи. Читатель припомнитъ, что онъ всегда былъ противъ системы такъ-называемаго удаленія отъ дѣлъ—*abstention*, которую многіе французскіе радикалы проповѣдывали и послѣ. Точно также и въ щекотливомъ вопросѣ своихъ личныхъ отношеній къ принцу Наполеону онъ остался послѣдователенъ, и въ письмѣ къ Даримону отъ 25-го декабря говоритъ: «я охотно пошелъ бы въ Пале-Рояль, еслибъ принцъ назначилъ мнѣ день и часъ. Изъ-за чего же мнѣ бояться компрометтировать себя?—я не интригую и не лицемѣрю. Онъ это хорошо знаетъ».

Въ послѣднемъ письмѣ 1856 года, отъ 28-го декабря, онъ такъ характеризуетъ свое общее состояніе въ пріятельской запискѣ къ Шарлю Эдмону:

«*Мозгъ мой идетъ кое-какъ;* книга моя подвигается медленно; печатаніе начнется черезъ нѣсколько дней и будетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, *три мѣсяца*».

Такимъ невеселымъ бюллетенемъ заканчивается 1856-й годъ.

Д—въ.

СРЕДНЕАЗІАТСКАЯ КУЛЬТУРА

и

НАША ПОЛИТИКА НА ВОСТОКѢ *.

Turkistan. Notes of journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara, and Kuldga. By Eugene Schuyler, Phil. Dr. Member of the American Geographical Society and of the Imperial Russian Geographical Society, etc. London. 1876—Туркестанъ. Путевыя замѣтки о русскомъ Туркестанѣ, Коканѣ, Бухарѣ и Кульджѣ, Евгенія Скайлера.

Трудъ г. Скайлера не скоро утратитъ свое значеніе для тѣхъ, кто интересуется судьбами нашей политики въ Средней Азіи. Въ высшей степени наблюдательный умъ, вмѣстѣ съ основательными и точными свѣдѣніями въ политическихъ и экономическихъ наукахъ, выгодно отличаютъ г. Скайлера отъ толпы обыкновенныхъ путешественниковъ. Немаловажнымъ его преимуществомъ послужило и то обстоятельство, что, проживъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ въ качествѣ одного изъ представителей Соединенныхъ Штатовъ, онъ ознакомился съ нашею администраціею у самого ея источника, изучилъ очень удовлетворительно русскій языкъ, и это обстоятельство дало ему возможность узнать туркестанскія дѣла по русскимъ источникамъ и пріобрѣсть основательныя свѣдѣнія

---

* Объ этой статьѣ покойнаго Ю. А. Росселя упомянуто у насъ въ его некрологѣ. Она была послѣднимъ трудомъ, написаннымъ до начала его тяжкой болѣзни, и печатаніе рукописи предназначалось въ первыхъ книгахъ нынѣшняго года, но потомъ было отложено въ надеждѣ на его выздоровленіе. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы повторить еще разъ высказанное не только нами, но и всѣми, знавшими покойнаго, сожалѣніе объ утратѣ нашею журналистикою писателя искреннихъ убѣжденій и приготовленнаго къ своей дѣятельности солиднымъ литературнымъ образованіемъ.—*Ред.*

отъ русскихъ ученыхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Туркестанѣ. Съ особенною признательностью онъ отзывается о петербургскихъ профессорахъ: гг. Григорьевѣ, Захаровѣ и Лерхѣ, которые доказали «все ихъ терпѣніе и радушіе, открывъ ему доступъ къ ихъ собраніямъ матеріаловъ о Востокѣ», и о военномъ министрѣ, который поручилъ топографическому департаменту снабдить автора двумя спеціальными картами Центральной Азіи, а также картою Кульджійской области; эти карты и приложены къ англійскому тексту книги. Однимъ словомъ, г. Свайлеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи все, что только можетъ имѣть путешественникъ для успѣха въ своихъ изысканіяхъ. Особенно въ Туркестанѣ онъ встрѣчалъ общее сочувствіе какъ со стороны русскихъ, такъ и туземцевъ-мусульманъ.

I.

Въ семнадцатомъ столѣтіи Россія, занятая своими внутренними смутами, хотя и страдала отъ сосѣдства съ Азіею, но не могла обратить всего своего вниманія на эту officina gentium. Тогда въ первый разъ явилась «Книга Великаго Обозрѣнія», изъ которой можно было получить свѣдѣнія о государствахъ средней Азіи, существовавшихъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Еще болѣе замѣчательный трудъ голландскаго писателя Витсена достигъ Россіи и изумилъ какъ ее, такъ и всю Европу въ концѣ семнадцатаго столѣтія; въ этомъ сочиненіи собраны всѣ знанія того времени о центральной и сѣверной Азіи. Московскіе государи узнали, что имъ слѣдуетъ несть обаяніе своего могущества и необъятнаго пространства въ самые отдаленные страны мусульманскаго Востока. Они рѣшились вмѣстѣ съ тѣмъ оказать охрану на восточной границѣ Россіи отъ грабительскихъ нападеній ближайшихъ кочевыхъ населеній. Наконецъ, они признали своимъ долгомъ заботиться о русскихъ торговыхъ интересахъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ спасать православныхъ христіанъ изъ мусульманскихъ рукъ, посредствомъ выкупа, какъ это дѣлали тогда и европейскія государства.

Своимъ девизомъ не только съ азіатами, но и европейцами, московскіе цари и земскіе люди приняли, что если мы хотимъ, чтобы насъ уважали, то прежде всего мы должны уважать себя. Еще при Василіѣ III прибыло посольство въ Москву отъ афганскаго султана Бабера, который въ то время основалъ могущественную и богатую монархію въ Индіи. Извѣстіе объ этомъ тогда еще не успѣло дойти до царя. Съ соблюденіемъ всѣхъ

приличій и согласившись на взаимную свободу торговли, которой Баберъ желалъ, царь, когда стали писать документъ, приказалъ однако не писать слова: «брату», въ титулѣ Бабера, такъ какъ онъ не зналъ, кто такой былъ Баберъ,—государь ли, или только вассалъ индійскаго государства.

Ногаи, лагери которыхъ протянулись по восточной границѣ Россіи, отъ Каспійскаго моря къ Сибири, считались въ XVI столѣтіи русскими царями опаснѣйшими сосѣдями. Несмотря на то, Иванъ-Грозный не позволилъ Измаилу, хотя онъ былъ весьма хорошимъ союзникомъ Россіи и хотя русскіе цѣнили его дружбу, назвать ни самого себя въ документахъ (какъ желалъ Измаилъ, согласно съ старымъ обычаемъ), ни его отца, ни его брата, признавая оба заявленія поношеніемъ достоинству царя русской земли. Въ 1589 году, когда знаменитый Абдуллахъ, ханъ Бухары послалъ посла съ письмомъ къ царю Ѳедору Ивановичу, письмо принято не было, потому что писано безъ царскихъ титуловъ; и, по повелѣнію царя, бояринъ Годуновъ отвѣчалъ Абдуллаху, что всѣ государи пишутъ его царскому величеству съ должнымъ уваженіемъ, а его боярину съ любовью и вѣжливостью. Годуновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщалъ хана, что если царь не предалъ его посла опалѣ, то только вслѣдствіе его вмѣшательства вмѣстѣ съ другими боярами, и Годуновъ предлагалъ хану загладить нанесенное оскорбленіе, обѣщая ему употребить всѣ свои усилія, чтобы установившіяся отношенія не были прерваны.

Извѣстно также, что въ той небольшой Россіи 1620 года, только-что исцѣлившейся отъ безпорядковъ «смутныхъ временъ», юный царь Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ Хохлова, въ качествѣ посла, въ Бухару, строго приказывая ему не давать никакихъ подарковъ, если будутъ спрашивать передъ пріемомъ хана; также, если при обѣдѣ у хана будутъ посланники другихъ державъ (тамъ могли случиться посолъ изъ Персіи, отъ индійскаго царства Бабера или отъ османлійскихъ султановъ), то требовать, чтобы ему, русскому посланнику, дали первое мѣсто надъ другими, и если въ этомъ удовлетворенія не будетъ, то не обѣдать. Первый русскій посланникъ въ Китай, сынъ боярскій Байковъ, посланный туда въ 1654 году, не былъ принятъ императоромъ, потому что Байковъ не согласился подвергнуться безобразнымъ церемоніямъ, которыя были обязательными для всѣхъ иностранныхъ пословъ, изъ какого бы мѣста они ни прибыли. При русскомъ дворѣ въ пріемѣ пословъ отъ правителей центральной Азіи строго соблюдался обычай, что обращеніе съ послами должно быть соразмѣрно съ политическимъ вѣсомъ ихъ повелителей; обыкновенно назначались

на эти пріемы чиновники низшихъ степеней, которымъ приказывали пускаться въ разныя восхваленія, чтобы возбуждать чрезъ иностранныхъ пословъ высокое понятіе о насъ за-границею. Такъ, напримѣръ, въ инструкціяхъ Новосильцеву, который былъ посланъ въ 1585 году въ качествѣ посланника царя Ѳедора Ивановича къ императору Рудольфу, было приказано сказать относительно нашихъ азіатскихъ отношеній, что «государи, живущіе вдоль границъ нашей страны: ханъ Кызылъ-башъ, бухаранскій царь, туркестанскій царь, казацкій царь, Ургентшъ царь, и георгіянскій, изіуріянскій, калмыкскій, шемаканскій и шенкальскій правители, что всѣ они теперь находятся въ мирѣ съ Кызылъ-башемъ и между собою, согласно съ русскими предписаніями и совѣтами русскаго государя, и что всѣ они во всѣхъ своихъ важныхъ дѣлахъ, въ которыхъ можетъ возникнуть дружба или вражда, они пишутъ нашему царю» — и т. д.

Что касается до второго пункта, объ уничтоженіи набѣговъ на русскія поселенія со стороны сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, то объ этомъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ знали очень хорошо, что это дѣло невозможно для центральнаго правительства, и потому московскія власти предоставляли его пограничнымъ начальникамъ. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила было устройство для защиты русскихъ заселеній на лѣвомъ берегу рѣки Камы, противъ башкиръ, киргизъ и калмыковъ отъ Бѣлаго-Яра на Волгѣ до рѣки Икъ за Мензелинскомъ; эта линія называлась Камскою. Такое положеніе вещей вызвало происхожденіе казаковъ на Волгѣ, Уралѣ и Терекѣ, которые служили заставою Московскаго царства отъ грабежей кочевниковъ, а иногда и сами казаки дѣлали огромные набѣги на осѣдлыя государства центральной Азіи; яицкіе (теперь уральскіе) казаки не разъ забирались въ Хиву. Имя казака сдѣлалось въ центральной Азіи ужаснымъ уже въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Московскіе цари особенно любили такихъ отважныхъ людей, которые входили въ коммерческія отношенія съ центральной Азіею. Когда Казань и Астрахань перешли въ руки Ивана Грознаго, тогда послы правителей Самарканда, Бухары и другихъ центровъ центральной Азіи пріѣхали въ Москву просить о свободной дорогѣ для гостей, и дѣйствительно цари устроили такія дороги, и уже въ семнадцатомъ вѣкѣ они стали посылать своихъ представителей въ государства центральной Азіи, и тогда уже началась караванная торговля русскихъ купцовъ и освобожденіе русскихъ плѣнныхъ изъ азіатскаго плѣна посредствомъ денежнаго выкупа. Въ концѣ московскаго періода, Россія пришла

въ соприкосновеніе съ Китаемъ вслѣдствіе успѣховъ сибирскихъ казаковъ на Амурѣ, что сильно безпокоило китайское правительство. Для учрежденія правильныхъ торговыхъ отношеній царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ 1654 году посольство въ Пекинъ; за этимъ неудачнымъ посольствомъ были посланы и другія, но всѣ они не имѣли никакого успѣха.

Петръ Великій отличается во всемъ и отъ предшественниковъ, и отъ преемниковъ: это видно и изъ его разсужденій о центральной Азіи. У него не было никакого стремленія къ завоеваніямъ въ азіатскихъ земляхъ; онъ увлекался совершенно другими идеями. Онъ хотѣлъ устроить русской торговлѣ дорогу черезъ степи къ сокровищамъ Индіи, о которыхъ онъ слыхалъ отъ своихъ голландскихъ друзей; они ему разсказывали, какъ они сами и другія западныя европейскія націи путемъ моря достигали Индіи и тамъ обогащались. Подъ вліяніемъ другого разсказа о томъ, что близъ города Иркетъ (вѣроятно, Ярканда) найдены массы золота въ рѣкѣ, и что эта мѣстность находится во владѣніяхъ калмыцкаго князя, лежащихъ къ югу отъ Сибири и къ востоку отъ Бухары, Петръ Великій задумалъ планъ для проведенія дороги къ Иркету посредствомъ солдатскихъ работъ военной экспедиціи, которая имѣла своею цѣлью не завоеваніе страны, по которой должна идти дорога, но исключительно одно развитіе торговыхъ сношеній. Оттуда онъ надѣялся провести дорогу въ Бухару и далѣе—до самой Индіи. Всѣ эти замыслы Петра были основаны на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ вычиталъ изъ замѣчательнаго сочиненія Витсена, основаннаго на китайскихъ источникахъ и на другихъ, которые были извѣстны въ Европѣ, и гдѣ было множество фактовъ о дорогахъ и государствахъ, и о политической жизни центральной Азіи. Важнымъ событіемъ для этихъ соображеній Петра послужилъ пріѣздъ посольства отъ хивинскаго хана въ 1703 году, съ предложеніемъ подчиненія Россіи. Петръ зналъ все, что дѣлается въ Хивѣ и Бухарѣ; появленіе хивинскаго посольства убѣдило его, что эти государства невелики и слабы, и что ихъ правители не имѣютъ сильной власти, а зависятъ отъ множества другихъ еще болѣе слабыхъ владѣльцевъ, что поэтому съ 5,000-мъ отрядомъ можно упрочиться и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ. Завоевавъ такимъ образомъ Хиву и Бухару, слѣдуетъ оставить въ ней стражу и потомъ съ остальными войсками открыть дорогу въ Иркетъ и въ Индію, и послать туда русскіе караваны. Планъ этотъ въ тѣ времена былъ не рискованный, но, къ сожалѣнію, Петръ выбралъ для этой цѣли неспособнаго вождя, князя Бековича-Черкасскаго. Петръ

полагалъ, какъ думали всѣ въ его время, что съ азіатами надо дѣйствовать непремѣнно хитростью. Такъ полагалъ и Черкасскій, иначе онъ дѣйствовалъ бы съ ними прямо и энергично, и могъ бы достичь своей цѣли.

Князь Бековичъ предпринялъ свою экспедицію съ большими предосторожностями. Онъ три года съ-ряду изучалъ восточный берегъ Каспійскаго моря и устроивалъ различныя укрѣпленныя позиціи. Въ іюнѣ 1717 года, онъ двинулся въ степь къ Хивѣ съ арміею въ 3,500 человѣкъ, съ 6 пушками и съ 200 верблюдовъ и 300 лошадей. Только когда онъ подошелъ на 125 верстъ отъ Хивы по берегу Аму-Дарьи, онъ далъ хивинцамъ рѣшительное сраженіе, которое продолжалось три дня и окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля. Ханъ самъ сдался вполнѣ на милосердіе русскихъ и предложилъ князю идти и занять Хиву, раздѣливъ свою армію на нѣсколько отрядовъ для болѣе удобнаго прокормленія ихъ. Бековичъ повѣрилъ имъ, но когда отдѣльные отряды отошли въ степь, ихъ всѣхъ перебили по одиночкѣ и голову Бековича послали въ подарокъ эмиру Бухары, который, однако, не рѣшился принять ее. Петръ Великій посылалъ въ Хиву своего посла еще разъ въ 1725 году; это посольство взялъ на себя итальянецъ Флоріо Беневени, онъ достигъ Хивы, и тамъ его приняли съ большимъ почетомъ, но этотъ пріемъ совершился въ то время, когда Петра Великаго уже не стало.

Другая экспедиція Петра, отправленная изъ Тобольска въ Иркетъ подъ начальствомъ капитана Бухгольца, хотя не достигла своей цѣли, потому что эта цѣль оказалась недостижимою, но за то экспедиція, дойдя до Иртыша, положила тамъ твердое основаніе русскому могуществу. Петръ Великій понималъ всю важность идеи о переведеніи Аму-Дарьи въ старое русло Каспійскаго моря. Въ политикѣ съ Китаемъ Петръ слѣдовалъ недальновидной политикѣ московскихъ царей, но въ концѣ своего царствованія, въ 1722 году, онъ послалъ капитана Унковскаго, какъ посла къ калмыцкому государю, Тасваку-Рабдану, чтобы изучить въ точности положеніе Джунгаріи. Петръ хотѣлъ узнать, въ какомъ положеніи находится Джунгарія, чтобы составить себѣ правильное понятіе о борьбѣ между манджурами, которые въ это время овладѣли китайскимъ престоломъ, и калмыками. Взявъ сторону Джунгаріи, Петръ надѣялся побудить пекинскій дворъ къ большимъ уступкамъ въ пользу русской торговли и для учрежденія консульства въ Пекинѣ.

По смерти Петра, эта идея никогда не приходила въ го-

лову его преемникамъ XVIII вѣка. Такимъ образомъ, Джунгарія была совершенно уничтожена манджурскими войсками китайскаго императора Кіень-Лонь, а неутомимый калмыцкій вождь Амуркана принужденъ былъ бѣжать въ Сибирь, гдѣ онъ вскорѣ умеръ отъ оспы, и сибирскія власти, чтобы удостовѣрить пекинскій дворъ въ дѣйствительности смерти Амурканы, посылали два раза тѣло несчастнаго калмыцкаго героя пограничнымъ чиновникамъ Китая.

Такимъ образомъ, наша торговля съ Китаемъ приняла унизительный характеръ передъ китайскими властями и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась невыгодною и въ экономическомъ отношеніи. Русскіе товары почти постоянно продавались китайцамъ по цѣнамъ, которыя не оплачивали настоящей торговой стоимости товара, а за китайскіе товары русскіе платили втрое. Причины этого явленія заключались въ томъ, что русскіе купцы, вслѣдствіе своего ненормальнаго положенія, не могли установить у себя никакого единства, между тѣмъ какъ китайскіе купцы, сосредоточенные вмѣстѣ въ своемъ же городѣ, легко составляли стачку противъ русскихъ купцовъ, изъ которыхъ иные поддавались китайскимъ вліяніямъ и служили китайцамъ предателями интересовъ русской торговли. Русскія власти тоже уживались съ китайцами и прижимали своихъ въ желаніи услужить китайскимъ купцамъ, которые давали имъ взятки. Вся торговля, такимъ образомъ, обратилась въ монополію весьма небольшого числа крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, лишенныхъ всякаго патріотическаго чувства. Невѣжество русскихъ пограничныхъ чиновниковъ, которые являлись изъ Петербурга по протекціи какого-нибудь сановника, было весьма замѣчательное по всѣмъ дѣламъ, къ которымъ они прикасались. Русскіе дипломаты оказались до того безсильными, что по нерчинскому трактату, утвержденному въ Буринскѣ въ 1727 году, трактатъ этотъ лишилъ Россію всего лѣваго берега Амура, который никогда не принадлежалъ китайцамъ, и, разъ попавшись имъ въ руки, сталъ непреодолимымъ препятствіемъ плаванія по Амуру къ Тихому океану, и такое препятствіе существовало 150 лѣтъ, пока въ наше время не было положено конца этой несправедливости. Другая особенность политики XVIII-го вѣка состоитъ въ томъ, что русская торговля съ Китаемъ была ограничена однимъ городомъ Кяхтою. Только одну привилегію Китай далъ Россіи, это—имѣть духовную миссію въ Пекинѣ, но и эта миссія была введена подъ условіемъ служить исключительно наслѣдникамъ тѣхъ плѣнныхъ русскихъ, которыхъ взяли

манджурскія войска при взятіи Албазина. Но миссія нашла этихъ албазинцевъ вполнѣ превращенными въ китайцевъ.

Такъ же шли дѣла въ восемнадцатомъ столѣтіи и на Заволжьи. Петръ Великій сказалъ о киргизахъ: «эта орда, хотя кочевая и состоитъ изъ легкомысленнаго народа,—но это ключъ и ворота во всѣ земли и страны Азіи». Въ 1734 году, императрица Анна Ивановна заключила союзъ съ Абулъ-Каиромъ, который привелъ киргизовъ еще при Петрѣ Великомъ къ Уралу, гоня передъ собою башкировъ на ту сторону Урала. Киргизы расположились на всемъ огромномъ пространствѣ отъ озера Балкаша и чрезъ всѣ степи около Аральскаго озера и сѣвернаго берега Каспійскаго, въ огромной зеленой степи Кара-Кумъ и на всемъ пространствѣ отъ Урала до Балкаша и Сыръ-Дарьи; они заходили и за Сыръ-Дарью и до самой Хивы, съ обѣихъ сторонъ Аральскаго озера.

Абулъ-Каиръ обратился къ русскимъ, предлагалъ имъ взять киргизъ-кайсаковъ подъ свое покровительство, и обѣщалъ имъ, что если его признаютъ ханомъ киргизовъ съ наслѣдственными правами, то онъ обезпечитъ ихъ границы и будетъ охранять русскіе караваны. Русскіе согласились, но ихъ довѣріе къ Абулъ-Каиру шло слишкомъ далеко. Русскія пограничныя власти, которыя согласились на этотъ договоръ, не знали, что у киргизовъ существуетъ принципъ свободнаго выбора «батырей», и что они весьма часто пользовались этимъ правомъ, выбирая своихъ правителей или за то, что они чѣмъ-либо отличились въ какихъ-нибудь большихъ предпріятіяхъ грабежнаго характера у сосѣднихъ народовъ, или принадлежали къ извѣстнымъ фамиліямъ, которыя они почитали за ихъ древность, но всегда требовали отъ нихъ и геройскихъ подвиговъ.

Этихъ же самыхъ людей они называли «бѣлою костью», но подъ этимъ названіемъ не слѣдовало понимать ничего особеннаго. Между тѣмъ, русскія власти вывели отсюда, что киргизы аристократическій народъ. Киргизы только уважаютъ тѣхъ, кто отличается замѣчательною храбростью, смѣлостью и отвагою, они воспѣваютъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ и никогда не забываютъ такія имена, какъ Сырымъ, Арунхази и Кенисаръ,—эти имена вызываютъ въ каждомъ киргизѣ самыя восторженныя воспоминанія. Но Абулъ-Каиръ, хотя и отличался своими качествами въ своемъ народѣ и они признавали его своимъ предводителемъ, но все это уваженіе кончалось имъ самимъ. Не стало Абулъ-Каира, и киргизы стали создавать себѣ другихъ героевъ. Но русскія власти не понимали этого. Вмѣсто того, чтобы

ждать, кого сами киргизы примутъ, они стали назначать людей, которые выдавали себя за потомковъ Абулъ-Каира. Изъ этого недоразумѣнія вышло слѣдующее: русскіе начальники посылали туда разныхъ хановъ и султановъ, но всѣ султаны и ханы постоянно возвращались назадъ и потомъ жили на русскій счетъ въ пограничныхъ фортахъ.

Невѣжество русскихъ пограничныхъ властей относительно внутренняго быта киргизовъ имѣло большое вліяніе на религіозный бытъ послѣднихъ. Увлекаясь ломанымъ татарскимъ языкомъ, на которомъ говорятъ киргизы, русскіе генералы, управлявшіе Оренбургскимъ краемъ, задумали способствовать пропагандѣ магометанской вѣры среди киргизскаго населенія. Но киргизы, какъ оказалось послѣ, не имѣли никакихъ понятій о магометанскомъ ученіи; они и до сихъ поръ вѣрятъ разнымъ суевѣрнымъ преданіямъ, которыя ими приняты изъ шаманизма; у нихъ не было духовенства, они и теперь только въ рѣдкихъ случаяхъ читаютъ какія-то молитвы. Когда ихъ спрашиваютъ, какой они вѣры, они отвѣчаютъ: «мы не знаемъ»—и лучшаго отвѣта отъ нихъ и желать бы не надо, но русскія власти не могли никакъ обойтись безъ того, чтобы не устроить какой-нибудь религіи. Они стали назначать хановъ и султановъ, а эти ханы и султаны выбирались ими изъ настоящихъ татаръ, и вотъ главная причина, почему русскіе стали въ своихъ фортахъ, гдѣ они содержали хановъ и султановъ, строить магометанскія мечети и давать жалованье разнымъ татарскимъ мулламъ; чѣмъ ближе были эти мѣстности къ русской границѣ, тѣмъ больше разныя мусульманскія понятія распространялись между киргизами, и такимъ образомъ у нихъ явился, наконецъ, и мусульманскій обрядъ обрѣзанія. Между тѣмъ, киргизы просто шаманисты, и могли бы быть обращены прямо въ христіанскую вѣру. Въ царствованіе императора Александра I, когда мистицизмъ и религіозный фанатизмъ процвѣталъ въ русскомъ обществѣ, въ Иркутскъ, Астрахань и Оренбургъ явились англійскіе и шотландскіе миссіонеры; они завели тамъ у киргизовъ свои колоніи и проповѣдывали протестантизмъ съ большимъ успѣхомъ. Въ оренбургской губерніи и теперь вспоминаютъ съ восторгомъ имя англійскаго миссіонера Фрэзера, прогнаннаго оттуда русскими властями по наущеніямъ русскаго духовенства. И теперь Скайлеръ нашелъ въ Оренбургѣ тотъ домъ, въ которомъ жилъ Фрэзеръ и который называется «англійскимъ домомъ».

Никто, можно сказать, такъ усердно не занимался пропагандою магометанства среди киргизовъ, какъ императрица Екатерина II. Чтобы поддерживать торговыя сношенія съ Бухарою и

Хивою, она пожертвовала 40,000 рублей на устройство въ городѣ Бухарѣ одной изъ лучшихъ магометанскихъ школъ. Относительно киргизовъ она высказывала очень хорошія намѣренія, но, къ сожалѣнію, всѣ ея преобразованія имѣли идиллическій характеръ тогдашней Европы и отличались сильно бюрократическимъ духомъ. Въ петербургскихъ кружкахъ въ то время на киргизовъ смотрѣли какъ на простодушныхъ, грубыхъ пастуховъ, которые не ѣдятъ чернаго хлѣба потому, что не знаютъ вкуса его; не пашутъ полей потому, что не знаютъ, какъ это дѣлается; не сохраняютъ своего скота отъ гибели во время бурь потому, что не знаютъ о существованіи сараевъ; морозятъ себя зимою въ своихъ войлочныхъ шатрахъ потому, что незнакомы съ плотническимъ ремесломъ; если иногда занимаются грабежомъ, то только потому, что они принуждены къ этому несправедливостью и угнетеніями всякаго рода, которыя они терпятъ отъ казаковъ и отъ русскаго населенія, живущаго на уральской и иртышской линіяхъ. Всѣ эти ложные выводы дѣйствительно примѣнялись въ киргизскихъ степяхъ, но, разумѣется, безуспѣшно. Странно только то, что и въ наше время, на нашихъ глазахъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи и даже во второй половинѣ его, повторяется та же самая исторія съ башкирами, когда ихъ переписали изъ кочевниковъ въ осѣдлые люди. Туда было послано множество плуговъ изъ Москвы, и такъ какъ эти плуги прибыли на мѣсто въ началѣ зимы, башкиръ заставили работать плугами по степямъ, покрытымъ снѣгомъ; они, дѣйствительно, выучились употреблять плугъ, но они не понимаютъ цѣли этихъ работъ.

При Екатеринѣ II тамъ вводили также «Уставъ о губернскихъ учрежденіяхъ», создавали «пограничный судъ», въ которыхъ сажали судьями киргизовъ и русскихъ вмѣстѣ; этому суду подчинялись въ степи второстепенные суды, въ которыхъ всѣ судьи были безграмотные киргизы, съ секретарями изъ татарскихъ муллъ, которымъ поручали, чтобы судъ руководился постановленіями «Устава губерній». Этимъ же мулламъ приказывали отмѣчать всѣ бумаги и документы, и переписывать ихъ въ особые журналы, дѣлать изъ нихъ выписки или извлеченія, составлять протоколы и регистры, записывать часы, когда происходили собранія, ставить вопросы на преніяхъ и составлять отчеты, сообщенія, приказы и т. п. бумаги тогдашняго русскаго судопроизводства. Люди, избираемые въ эти должности, должны давать присягу, и получаютъ довольно значительное жалованье деньгами и зерновымъ хлѣбомъ. Имъ строили также школы, отдавать въ которыя дѣтей зазывали родителей разными подарками

и свидѣтельствами о хорошемъ поведеніи и т. п. Но все это оказалось безплоднымъ, какъ безплодна была мѣра, которая запрещала посылать въ степи вооруженныя команды для отысканія киргизскихъ мародеровъ. Простота киргизовъ оказалась миражемъ, и съ полудикими народами нельзя обращаться какъ съ дѣтьми.

Въ 1786 году ханъ малой киргизской орды, Нурали, былъ изгнанъ народомъ, послѣ царствованія, продолжавшагося 37 лѣтъ, и умеръ послѣ въ Уфѣ. Сперва наше правительство, въ изумленіи отъ этого факта, хотѣло не назначать наслѣдника, но прошло пять лѣтъ, и императрица назначила Ирали, сына Надали, ханомъ всей малой орды, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, произошла та же непріятная перемѣна. Только при Александрѣ I были, наконецъ, уничтожены ханы, сперва въ Сибири — а потомъ въ Оренбургскихъ степяхъ. Управленіе народомъ въ обѣихъ мѣстностяхъ было ввѣрено киргизу, избранному русскимъ правительствомъ, съ личнымъ участіемъ или только подъ наблюденіемъ русскихъ чиновныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ частяхъ киргизскихъ степей, ближайшихъ къ Иртышу, появились русскія казацкія деревни, которыя стали административными центрами съ 1824 года. Въ то же самое время сдѣлано было топографическое обозрѣніе киргизскихъ степей: мѣра, повидимому, неимѣющая ничего общаго съ политикою и киргизскою администраціею, но въ дѣйствительности она оказалась самымъ важнымъ дѣломъ и для политики, и для администраціи. Правда, что еще въ 1833 году, несмотря на большое распространеніе казачьихъ поселеній, все-таки удалось султану Кенисару Касимову произвести бунты, которые продолжались шесть лѣтъ сряду въ разныхъ мѣстахъ, пока, наконецъ, Касимовъ не сталъ искать убѣжища на землѣ кара-киргизовъ, гдѣ онъ былъ убитъ въ войнѣ съ ними въ 1845 году. Около этого времени оренбургскій генералъ-губернаторъ, Обручевъ, устроилъ форты съ сильными гарнизонами: Копалъ и Вѣрное, въ самой степи. Только съ этого времени киргизы прекращаютъ свои нападенія на русскіе караваны, дѣлаются болѣе мирными обывателями и начинаютъ ближе знакомиться съ русскими поселенцами.

Въ 1769 году малая орда была раздѣлена на два округа: Уральскій и Тургайскій. Каждый изъ нихъ былъ поставленъ подъ власть военнаго губернатора, окружныхъ начальниковъ и волостныхъ или аульскихъ старшинъ, выбираемыхъ жителями. Средняя орда подошла подъ покровительство Россіи въ 1781 г., послѣ смерти отважнаго султана Аблая, который искусно лицемѣ-

рилъ передъ Россіею и Китаемъ, и такимъ образомъ удерживалъ за собою полную независимость въ управленіи народомъ. Большая орда присягала на подданство въ прошломъ вѣкѣ, но только съ 1845—47 года стала въ полное подчиненіе Россіи и перестала платить дань Ташкенту и Кокану, отъ которыхъ она прежде зависѣла. Всѣ три орды стали платить налоги и пользоваться русскою помощью отъ нападеній среднеазіатскихъ правителей. Форты, которые настроили коканцы противъ киргизовъ, были разрушены русскими войсками; послѣдній изъ нихъ, самый сильный, Ак-Машидъ, защищался въ продолженіи 25-ти дней Якубъ-Бекомъ, который потомъ сдѣлался эмиромъ кашгарскимъ. Фортъ Ак-Машидъ былъ сдѣланъ изъ земли, но не могъ выдержать пальбы изъ русскихъ пушекъ полковника Перовскаго. Въ честь побѣдителя этотъ фортъ названъ Перовскимъ и представляетъ теперь настоящую крѣпость. Это первый шагъ къ завоеванію Туркестана.

Болѣе серьёзное изученіе государствъ средней Азіи началось во времена Екатерины II. Въ 1792 году, Бурнашевъ и Поспѣловъ были посланы на изученіе странъ, лежащихъ по берегамъ рѣкъ Сыръ и Аму (слово «дарія» значитъ «рѣка»). Вернувшись назадъ, они привезли съ собою весьма интересныя свѣдѣнія о бухарскихъ и ташкентскихъ владѣніяхъ. Въ 1819—20 гг. опять послали Муравьева, Мейендорфа и Эверсмана, въ Хиву и Бухару, въ качествѣ пословъ для торговыхъ переговоровъ и какъ путешественниковъ для изученія этихъ странъ. Переговоры ни къ чему не привели, но за то Россія и Европа обогатились превосходными сочиненіями о центральной Азіи. Въ 1842 году хивинцы ограбили наши караваны; по этому поводу опять послали въ Хиву пословъ, Данилевскаго и Базинера. Настоящая цѣль путешествія не удалась, но всѣхъ русскихъ, захваченныхъ туркменами и хивинскими киргизами, послы успѣли выкупить; важнѣйшій результатъ состоялъ и на этотъ разъ въ собираніи новыхъ свѣдѣній о рѣкѣ Аму. Въ томъ же году, воспользовавшись просьбою бухарскаго эмира, чтобы ему прислали ученыхъ офицеровъ и горныхъ инженеровъ, умѣющихъ отыскивать золото, мы отправили въ Бухару Ханыкова, Лемана и Бутеньева. Въ этомъ путешествіи имъ удалось побывать въ Самаркандѣ и другихъ городахъ ханства, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстными для Европы, и, сверхъ того, они сдѣлали много ученыхъ изслѣдованій. Но бывали и путешествія совершенно безплодныя: посылка Путимцева въ Джунгарію въ 1811, и Назарова въ 1814.

Караванная наша торговля шла до послѣдняго времени весьма плохо. Въ 1824 году былъ посланъ караванъ съ военнымъ конвоемъ, но неудачно; караванъ былъ разграбленъ, несмотря на конвой. Другой попытки не было. До самаго послѣдняго времени, до завоеванія Хивы въ 1873 году и Кокана въ 1875 году, когда туркестанское управленіе написало самыя строгія предписанія въ торговыхъ отношеніяхъ для Бухары и Хивы, и установило русскую власть въ Коканѣ, русская торговля въ центральной Азіи встрѣчала постоянно разныя затрудненія. Русскіе купцы платили двойныя таможенныя пошлины, и ихъ торговля была ограничена только главными городами и тѣми, которые встрѣчались по дорогѣ; они не имѣли никакихъ защитниковъ со стороны русскаго правительства. Имъ приходилось давать подарки и хану, и высшимъ чиновникамъ, и даже разнымъ низшимъ начальствамъ. Имъ необходимо было содержать переводчика изъ муллъ, на честность которыхъ не всегда можно положиться. Между тѣмъ, русскія власти, напротивъ, давали полную льготу средне-азіатскимъ купцамъ. Въ Россіи каждому бухарцу, коканцу, хивинцу, будь онъ купцомъ, будь онъ просто бухарцемъ, всѣ города и всѣ деревни открыты, въ городахъ онъ можетъ жить, гдѣ хочетъ, потому что для магометанъ у насъ нѣтъ особенныхъ кварталовъ. Таможенныхъ пошлинъ съ азіатовъ берутъ столько же, сколько и съ европейцевъ; за право торговли въ Россіи онъ платитъ столько же, сколько и русскій купецъ. За свои товары онъ можетъ, при отсутствіи конкурренціи, ставить наиболѣе выгодныя цѣны. Онъ можетъ возить съ собою русскіе товары и покупать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они дешевле. Однимъ словомъ, онъ имѣетъ въ Россіи гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ у себя дома. Только страхъ военной силы, наконецъ, заставляетъ азіата придти къ новому порядку, но и теперь туркестанскому управленію слѣдовало бы зорко смотрѣть на тѣ государства, гдѣ оставлена независимость хановъ: тамъ, до самаго послѣдняго времени, существовала торговля персидскими дѣтьми, какъ это свидѣтельствуетъ г. Скайлеръ, въ Бухарѣ, до 1873 года. Въ этомъ же году найдены въ Хивѣ не персы только, а и русскіе плѣнники.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора отношеній Россіи къ Средней Азіи приведемъ трактатъ о мирѣ, заключенномъ генералъ-губернаторомъ Туркестана, Кауфманомъ, съ хивинскимъ ханомъ, главныя условія котораго состоятъ въ слѣдующемъ: ханъ признаетъ себя вѣрнымъ слугою Императора Россіи и отказывается отъ всѣхъ прямыхъ дружественныхъ сообщеній съ сосѣд-

ними государями и ханами, отъ заключенія какихъ-либо трактатовъ съ ними, отъ принятія обязательствъ для предпріятія военной экспедиціи безъ знанія и согласія русскихъ властей. Граница обѣихъ странъ будетъ Аму-Дарья, начиная отъ ея самаго западнаго рукава, втекающаго въ озеро Аралъ, и затѣмъ вдоль берега этого озера до мыса Ургу, и оттуда по южному скату Усть-Урта къ предположенному прежнему старому руслу Аму-Дарьи. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и территорія на той сторонѣ, прежде принадлежавшая Хивѣ, присоединяется къ Россіи. Плаваніе по Аму-Дарьѣ исключительно отдается русскимъ лодкамъ, но хивинскія и бухарскія баржи могутъ имѣть право плаванія по спеціальному дозволенію русскихъ властей. Русскіе подданные имѣютъ право учреждать порты, факторіи и депо на лѣвомъ берегу, гдѣ бы они ни пожелали, и безопасность ихъ должна быть гарантирована ханомъ (и эмиромъ). Города и деревни ханства открыты русской торговлѣ, и русскіе купцы и караваны могутъ свободно путешествовать по странѣ. Русскіе купцы, торгующіе съ ханствомъ, избавлены отъ *зеката* и всякой торговой пошлины, и будутъ пользоваться безмездным транзитомъ своихъ товаровъ въ сосѣднія страны. Они могутъ также имѣть постоянныхъ агентовъ, пріобрѣтать земельную собственность и подлежать налогамъ только съ согласія русскихъ властей. Коммерческіе договоры между хивинцами и русскими будутъ строго уважаемы, и всѣ жалобы русскихъ противъ хивинцевъ будутъ тотчасъ разобраны и удовлетворены. Русскіе будутъ имѣть первенство надъ хивинцами въ опредѣленіи ихъ счетовъ. Жалобы хивинцевъ противъ русскихъ подданныхъ будутъ разсматриваемы ближайшими русскими властями. Если какое-нибудь лицо скажетъ, что оно явилось изъ Россіи, то, къ какой бы національности оно ни принадлежало, его не допускать безъ предъявленія правильнаго русскаго паспорта, а уголовныхъ преступниковъ немедленно возвращать. Невольничество отмѣнено навсегда.

Хивинскій трактатъ заключенъ въ августѣ мѣсяцѣ 1873 года, а бухарскій 28-го сентября того же года, но между ними есть большая разница. Въ бухарскомъ самъ эмиръ говоритъ о невольничествѣ, «что онъ дастъ строжайшіе наказы всѣмъ его бегамъ, и особый указъ будетъ посланъ во всѣ бухарскіе пограничные города, въ которые приводятъ невольниковъ изъ сосѣднихъ странъ для продажи бухарскимъ подданнымъ; что если, вмѣстѣ съ прекращеніемъ торговли невольниками, противно указу эмира, невольники будутъ приведены туда для продажи, то отнимать ихъ отъ владѣтелей и немедленно давать имъ свободу»... Изъ бухар-

скаго трактата далѣе видно, что бухарскій эмиръ получаетъ за свое содѣйствіе генералу Кауфману въ хивинскомъ походѣ ту полосу територіи на правомъ берегу Аму-Дарьи отъ Кувертли до Мешекли и дальше до русской границы, которая отнята отъ Хивы... Что касается до правъ русскихъ купцовъ въ Бухаріи, они далеко не хивинскіе. Здѣсь нѣтъ русскаго суда, въ судѣ нѣтъ никакихъ привилегій для русскихъ купцовъ: они безусловно должны платить за свои товары, принадлежатъ ли они къ ввозу или вывозу, по $2^1/_2$ процента по цѣнѣ товара. Другихъ податей русскій купецъ никакихъ не платитъ; ему тоже все дозволяется, но только то, чтò касается до торговли, промышленности и покупки земли. О паспортѣ говорится то же. А о коммерческихъ обязательствахъ между русскими и бухарцами сказано только, «что эти обязательства должны считаться священными». Въ этомъ договорѣ нѣтъ также запрещенія о сношеніяхъ съ иностранными и сосѣдними государствами безъ дозволенія туркестанскаго управленія. Правда, бухарскому хану былъ данъ выговоръ, что онъ посылалъ нѣкоего Абдула-Гаи въ Константинополь просить о заступничествѣ у Турціи; на чтò эмиръ отвѣчалъ туркестанскому управленію, что онъ съ этихъ поръ формально обѣщаетъ отказаться отъ прямыхъ сношеній съ султаномъ. Въ бухарскомъ договорѣ есть еще одинъ пунктъ, котораго нѣтъ въ хивинскомъ, это—о политическихъ агентахъ. Трактатъ требуетъ, чтобы эмиръ прислалъ своего постояннаго посла въ Ташкентъ, а генералъ Кауфманъ пришлетъ своего постояннаго агента въ Бухару.

Относительно Китая русскія власти заключили въ 1851 году въ Кульджѣ торговый договоръ съ западнымъ Китаемъ о пути чрезъ Кульджу и Чугучакъ. Русскіе купцы, въ силу этого трактата, получили право строить свои лавки и распродажи въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Въ 1853 русскими войсками были опять предприняты военныя операціи противъ китайцевъ, и Россіи, такимъ образомъ, уже въ наше время удалось кассировать нерчинскій трактатъ и открыть путь по Амуру въ Тихій Океанъ.

II.

Ближе всѣхъ къ намъ и по мѣсту жительства, и по постояннымъ сношеніямъ — киргизы, племя кочевое; оно раздѣляется на два отдѣльныхъ типа: киргизы (кайсацкіе) и каракиргизы (черные) или буруты,—эти послѣдніе считаются настоя-

щими киргизами, горными, дико-каменными, и живутъ около озера Иссикъ-Кула, въ семирѣченской области и въ гористыхъ кряжахъ Кокана. Киргизы кайсацкіе представляютъ уже смѣсь съ русскими казаками и съ разными монгольскими племенами: сами казаки—тоже смѣсь русской и татарской вольницы. Теперь киргизы живутъ и на Уралѣ, и въ зеленыхъ степяхъ Кара-Кума (чернаго песка) между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ; они перекочевываютъ черезъ Сыръ-Дарью и доходятъ до Хивы къ югу. Въ своей зеленой степи они устроили орошеніе земли посредствомъ прорытія небольшихъ каналовъ, которые переливаютъ свои воды въ большой и глубокій каналъ. Этотъ фактъ показываетъ, что киргизскія семьи и роды живутъ въ своихъ степяхъ и зимою, имѣютъ уже нѣкоторый осѣдлый характеръ, а другіе и совсѣмъ не выѣзжаютъ изъ своей степи, — но большинство ихъ все-таки продолжаетъ перекочевывать на зиму изъ Кара-Кума черезъ Сыръ-Дарью.

Киргизы кайсацкіе говорятъ на одномъ изъ самыхъ чистыхъ нарѣчій татарскаго языка, хотя первоначальное племенное происхожденіе ихъ уже значительно измѣнилось, даже въ физическомъ отношеніи, присоединеніемъ многихъ иноземныхъ элементовъ, и въ особенности монгольскихъ. Дѣйствительное же ихъ происхожденіе слѣдуетъ вести отъ нѣсколькихъ турецкихъ племенъ и родовыхъ семействъ. Во второй половинѣ XV-го вѣка имъ надоѣло монгольское иго, подъ которымъ они жили, и они послѣдовали за султаномъ Гиреемъ и Яни-Бекомъ селиться на новыхъ мѣстахъ около Балкашкаго озера; тутъ къ нимъ присоединились многіе казацкіе переселенцы, и все это соединилось въ огромное общество киргизъ-кайсацкое. Что ядро этихъ киргизовъ турецкаго происхожденія, это доказывается тѣмъ, что многія племена и семейства называются тѣми же именами, какими называется въ Коканѣ и Бухарѣ чисто турецкое племя узбековъ. Все болѣе и болѣе увеличиваясь въ числѣ, киргизы насчитывали у себя въ началѣ XVII-го столѣтія около милліона душъ и 300,000 воиновъ. Ихъ ханъ Теввекель въ 1598 году завоевалъ города и провинціи: Ташкентъ и Туркестанъ. Киргизская династія царила тамъ до половины XVIII вѣка; около этого времени киргизскій народъ раздѣлился на три орды: Ташкентъ и Туркестанъ сдѣлались среднею ордою; большая орда ушла на востокъ, въ Сибирь; а малая орда на западъ и сѣверъ. Это событіе служитъ признакомъ, что у нихъ произошло тогда политическое броженіе, что явилась причина къ отдѣленію другъ отъ друга. Правда, имъ постоянно приходилось бороться съ разными сосѣдями: съ калмыками на

юго-западѣ, съ сибирскими казаками на сѣверѣ, и съ ханомъ Джунгарскимъ на востокѣ; въ 1723 году хану Джунгаріи удалось занять даже городъ Туркестанъ, которымъ владѣли киргизы средней и малой орды. Покоряться джунгарцамъ они не захотѣли, и составили между собою союзъ подъ предводительствомъ весьма способнаго человѣка, хана Абулъ-Каира. По его наущенію, киргизы согласились двинуться на западъ отъ Туркестана и соединиться съ русскими для своей защиты. Абулъ-Каиръ вступилъ въ переговоры съ Петромъ Великимъ, но тотъ отказался подъ предлогомъ, что у киргизовъ мало единодушія. И дѣйствительно, они этимъ не отличались и вели постоянно между собою разныя распри, которыя кончались грабежами и жестокими войнами. Абулъ-Каиръ задумалъ внести въ киргизскую жизнь бо́льшую прочность; это былъ человѣкъ самостоятельнаго характера, большой энтузіастъ, и разъ задумавъ большое дѣло, — онъ не отставалъ отъ него. Онъ еще прежде выгналъ джунгаръ изъ города Туркестана и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ ханомъ; въ то же самое время онъ забрался съ удалыми изъ киргизовъ и туркомановъ въ Хиву и господствовалъ нѣсколько дней въ Хивѣ, но, узнавъ, что персидскій шахъ Надиръ идетъ на Хиву, онъ покинулъ ее и убѣдилъ киргизовъ идти на западъ съ цѣлью занять всѣ мѣста, гдѣ обитали башкиры.

Число киргизовъ можно опредѣлить по итогу трехрублеваго сбора съ каждой кибитки,—всего около полутора милліона. Въ большой ордѣ, въ округѣ Алатаускомъ, въ Коканѣ, 100,000 обоего пола; въ средней ордѣ, занимающей всю южную Сибирь и страну къ сѣверу отъ Ташкентской провинціи — 406,000; а малая орда, расположенная между фортомъ Перовскимъ, Ураломъ и Каспійскимъ моремъ — 800,000. Есть еще одна орда: Букѣевская или внутренняя, живущая въ Европѣ между Ураломъ и Волгою, въ которой насчитано 150,000 душъ обоего пола;— эта орда была образована въ первые го́ды нашего вѣка изъ 7,000 киргизовъ, приведенныхъ Букѣевымъ, внукомъ Абулъ-Каира, который перешелъ Уралъ, чтобы занять землю, покинутую калмыками. Букѣевъ былъ утвержденъ ханомъ орды въ 1812 году.

Все богатство киргизовъ состоитъ въ стадахъ разнаго скота. Наблюденія 1869 года показали, что киргизы продали въ тотъ годъ на базарахъ Оренбурга и Троицка 1,150 верблюдовъ, 1,001 лошадь, 16,031 рогатаго скота, 273,823 овецъ на сумму 1.500,000 руб. Въ Петропавловскѣ, на сибирской границѣ, продажа скота съ 1856 г. до 1865 достигала до 340,000 руб., а продажа кожи и шкуръ на 400,000 руб. ежегодно. Въ настоя-

щее время кочевые переходы ограничиваются, по закону 1869 года, только границами каждаго аула или волости; главная причина общихъ движеній по степямъ состоитъ въ изысканіи новыхъ пастьбищъ. По берегамъ Сыръ-Дарьи и въ степи Кара-Кумъ, гдѣ устроено орошеніе посредствомъ каналовъ, киргизы обработываютъ землю, но и до сихъ поръ въ большинствѣ киргизовъ встрѣчается презрѣніе къ земледѣльческому дѣлу. Однако стремленіе къ наживѣ среди киргизовъ, живущихъ въ сосѣдствѣАуліѐ-Ата и на сѣверномъ склонѣ Александровскаго хребта, возбуждаетъ ихъ къ соперничеству съ тамошними тюркскими поселянами-узбеками, засѣвать землю пшеницею: на тѣхъ мѣстахъ посѣвъ даетъ обыкновенно роскошные доходы.

Вообще говоря, кочевая жизнь пріучаетъ людей къ безпечности и небережливости. И киргизы дѣйствительно отличаются этими качествами: они могутъ оставаться безъ питья въ продолженіи цѣлаго дня, а безъ пищи въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ чего они опять обжираются до-нельзя. Главная пища у нихъ баранина, а по большимъ праздникамъ они наслаждаются кониною. Хлѣба вовсе нѣтъ,—онъ замѣняется похлебкою изъ проса; многіе киргизы не имѣютъ и этого по цѣлымъ годамъ. Для питья въ киргизскихъ степяхъ широко распространено употребленіе дешеваго чая, такъ-называемаго «кирпичнаго»: онъ дѣйствительно представляется сжатымъ въ форму небольшого кирпича. Національное питье у киргизовъ—кобылье молоко, приведенное въ броженіе, *кумысъ*, — производитъ на пьющаго возбуждающее дѣйствіе, но безъ опьяняющихъ свойствъ. Другое любимое питье киргизовъ — *буза*, это родъ пива, приготовляемаго изъ хлѣбныхъ зеренъ, которое не только опьяняетъ человѣка, но притупляетъ и умерщляетъ чувства.

Киргизское племя, хотя и происходитъ изъ тюркской расы, но заключаетъ въ себѣ много монгольскаго. Киргизы бываютъ вообще небольшого роста, съ круглыми смуглыми лицами, небольшими носами, и съ узкими рѣзко черными глазами, съ плотно сдвигающимися вѣками, какъ это мы видимъ у всѣхъ монгольскихъ племенъ. Автократическій классъ у киргизовъ любитъ жениться непремѣнно на калмычкахъ; купцы увозятъ ихъ изъ пограничнаго Китая или изъ астраханской степи. Какъ мусульмане, киргизы-мужчины брѣютъ свои головы и даютъ разростаться бородѣ, хотя борода у нихъ обыкновенно незначительной величины—разсѣянный пучокъ волосъ, едва покрывающій подбородокъ. Они носятъ широчайшія кожаныя штаны и грубую рубаху съ широко отогнутыми воротниками. Ихъ наружное одѣяніе представляетъ длин-

ный плащъ, съ рукавами и воротникомъ, облекающій все тѣло; смотря по погодѣ, они иногда одѣваютъ ихъ по два и по три. Богатые люди имѣютъ такіе же плащи, иногда бархатные и богато украшенные золотомъ и серебромъ. Правительственныя власти дарятъ важнымъ киргизамъ красные плащи съ такими же украшеніями; но киргизы гордятся больше, если ихъ наградятъ медалью или крестомъ. На своихъ головахъ они носятъ нарядную шапочку, и надъ нею конической формы шляпу изъ бараньей кожи, обращенной своимъ мѣхомъ внутрь. Но самыя важныя украшенія составляютъ у киргизовъ ихъ поясы, сѣдла и уздечки, которые бываютъ сплошь покрыты серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Женщины одѣваются какъ и мужчины, но ихъ головы и шеи завертываются распущенными складками бѣлой бумажной ткани, такъ что изъ оборотовъ ткани образуется и нагрудникъ, закрывающій съ обѣихъ сторонъ шею и грудь, и чалму. Онѣ прядутъ и вышиваютъ, а также ведутъ кухню, производятъ и всякую другую работу, потому что мужья до того лѣнивы, что занимаются только однимъ дѣломъ—уходомъ за лошадьми. Мальчики ходятъ или голые, или въ рубахахъ и широкихъ шароварахъ, съ бритою головою; дѣвочки одѣваются какъ матери, съ волосами сзади коротко остриженными, а впереди волосы висятъ заплетенными въ очень длинные завитки, по десяти съ каждой стороны лица.

Всѣ важнѣйшіе праздники—обрѣзаніе, бракъ, похороны, всегда сопровождаются у киргизовъ разными играми и непремѣнно конскими скачками. Выдача замужъ дѣвицы выражается игрою въ охоту за любимою женщиною. Невѣста сама участвуетъ въ этой охотѣ, вооруженная бичомъ. Она садится на прыткаго коня, окруженная всѣми молодыми парнями, которые заявили свое притязаніе на ея руку, и будетъ призомъ того, кто захватитъ ее. Она имѣетъ право, кромѣ побужденія лошади къ самому быстрому бѣгу, пустить въ дѣло и свой бичъ: и часто бываетъ, что она попробуетъ его не шутя надъ всадникомъ, котораго ненавидитъ, но, разумѣется, она будетъ гораздо уступчивѣе съ тѣмъ, кого она уже избрала въ своемъ сердцѣ. По киргизскому обычаю, желающій жениться на дѣвушкѣ долженъ платить калымъ—опредѣленную денежную сумму, которая идетъ на обезпеченіе жены въ случаѣ развода и во всякомъ случаѣ принадлежитъ женѣ какъ ея собственность—и позаботиться о приданомъ, которое тоже дѣлаетъ женихъ. Калымъ обыкновенно состоитъ, у богатыхъ людей, изъ 47 лошадей или 37 головъ скота и нѣсколькихъ лошадей. Въ приданое отецъ всегда даетъ кибитку въ собственность своей дочери. Кибитка у киргизовъ имѣетъ еще

другое значеніе—какъ налогъ, плата за свой домъ и за всѣ домашнія помѣщенія, изъ чего они состоять. Въ этой кибиткѣ семейство живетъ и лѣтомъ и зимою. Это круглый изъ войлока сдѣланный шатеръ, распростирающійся надъ легкимъ деревяннымъ устроеніемъ. Кибитка можетъ быть сложена въ 10 минутъ изъ своихъ частей и также легко разнимается на всѣ отдѣльныя части. Огонь дѣлается въ серединѣ шатра, а дымъ уходитъ изъ отверстія въ потолкѣ. Кибитка такъ устроена, что лѣтомъ въ ней прохладно, а зимою тепло. Ея размѣры таковы, что въ ней помѣщается все, что только нужно для домашняго хозяйства и для сохраненія всѣхъ вещей, которыя необходимы для полнаго удовлетворенія всѣмъ домашнимъ потребностямъ и для убранства лошадей.

По простотѣ своей жизни, киргизы гораздо болѣе близке къ природѣ, чѣмъ большинство другихъ азіатовъ; въ нихъ сохраняются всѣ пороки и добродѣтели дѣтей. При первомъ знакомствѣ съ ними они кажутся непріятными, но когда узнаешь ихъ ближе, то не можешь не полюбить, и даже уважаешь ихъ. Этотъ приговоръ г. Скайлеръ слышалъ отъ всѣхъ людей, которые жили въ Средней Азіи: всѣ они признавали, что киргизы — племя самое высшее изъ всѣхъ другихъ азіатскихъ племенъ. «Они гостепріимны, — говоритъ г. Скайлеръ, — и я увѣренъ, что это гостепріимство не ограничивается одними людьми ихъ племени или только мусульманами, но также соблюдается и съ христіанами. Всегда, когда мнѣ случалось встрѣчаться съ ними въ степи, меня принимали хорошо, и все, что у нихъ было, они предлагали мнѣ. Въ нихъ живетъ общественное чувство, они всегда рады какимъ-нибудь новымъ извѣстіямъ; самый разсказъ или повтореніе его возбуждаетъ въ нихъ большое удовольствіе, и какъ только кто-нибудь привезетъ имъ извѣстіе о какомъ-нибудь происшествіи, сейчасъ же одинъ изъ семьи садится на лошадь и скачетъ сообщить о томъ, что слышалъ, своимъ отдаленнымъ знакомымъ: такимъ образомъ, всѣ важныя новости передаются въ степи гораздо скорѣе, чѣмъ по телеграфу. Противно большинству другихъ азіатовъ, киргизъ не отличается подозрительностью, но съ дѣтскою невинностью вѣритъ во все, что ему говорятъ. Какъ бы то ни было, но и они сами далеки отъ правды, хотя скорѣе вслѣдствіе безпечности и лѣни, чѣмъ отъ добровольнаго намѣренія обмануть. Ихъ обѣщаніямъ довѣрять можно очень немного, входить въ сдѣлку съ ними нужно съ большою осторожностью, такъ какъ обезпечить совершеніе того, что они обязаны сдѣлать по контракту, можно только самою силь-

ною настойчивостью съ вашей стороны». Вотъ и другія черты, которыми г. Скайлеръ характеризуетъ это племя. Киргизы легкомысленны и измѣнчивы и легко подпадаютъ подъ вліяніе людей, съ которыми они соединяются на какія-нибудь дѣла. Одна изъ ихъ лучшихъ чертъ состоитъ въ ихъ уваженіи къ почтенному возрасту и авторитету людей, которые стоятъ выше ихъ по способностямъ и смѣтливости... Во время войны они обыкновенно трусливы, хотя изъ нихъ можно сдѣлать отличныхъ лазутчиковъ, отчасти потому, что они отличаются своею неутомимостью въ ѣздѣ на лошади и отчасти замѣчательною врожденною способностью къ наблюденію всѣхъ предметовъ, которыми окружаетъ ихъ мѣстная природа: они могутъ видѣть какимъ-то удивительнымъ образомъ путь даже въ самую темную ночь, и они никогда не заблуждаются ни въ песчаной пустынѣ, ни въ степи. Они могутъ измѣрять пространство по разстоянію, до котораго доходитъ ихъ голосъ или можетъ видѣть ихъ глазъ. Киргизы не свирѣпы по своей натурѣ, и ихъ войны или экспедиціи, когда они принимаютъ ихъ, въ большей части случаевъ имѣютъ цѣлью не грабежъ, а мщеніе. Грабительскія экспедиціи называются *барантами*, но эти баранты сурово наказываются, если похитители открыты. Потеря лошадей или барановъ есть уже достаточная причина для большой грабительской экспедиціи противъ сосѣда, чтобы вознаградить себя самого; это похоже на американскій законъ Линча. По своему душевному расположенію, киргизы люди веселые и добрые, по самой природѣ,—они любятъ музыку и постоянно поютъ какую-нибудь пѣсню. У нихъ много пѣсенъ, нелишенныхъ простой поэзіи, а музыкальнымъ инструментомъ имъ служитъ нѣчто въ родѣ гитары, а также барабаны. Свадьбы заключаются безъ всякой религіозной церемоніи; во время ея совершенія всѣ гости, собравшись вмѣстѣ, славятъ невѣсту и жениха; женщины поютъ о добродѣтеляхъ невѣсты, а мужчины о грабительскихъ подвигахъ жениха. Послѣ того женихъ идетъ въ кибитку, гдѣ сидитъ невѣста, съ тѣмъ чтобы вывести ее оттуда, но у входа и выхода онъ встрѣчаетъ насильственное сопротивленіе своихъ друзей. Это напоминаетъ древній первоначальный обычай, когда бракъ былъ дѣйствительно насильственнымъ вовомъ новобрачной.

III.

Въ самомъ Туркестанѣ большинство жителей принадлежитъ тремъ племенамъ: узбекамъ, таджикамъ и сартамъ.

Узбеки происходятъ отъ тюркскихъ племенъ, въ разныя времена, до Чингизхана (XIII вѣка) и послѣ него, переселявшихся въ Среднюю Азію. Населеніе Средней Азіи никогда не было неподвижнымъ; даже и теперь движенія между племенами и расами продолжаются. Узбекъ, значитъ, осѣдлый человѣкъ. Изъ одного имени можно заключить, что это племя образовалось изъ отдѣльныхъ союзовъ или клановъ. Въ нынѣшнихъ городахъ: Ташкентѣ и Бухарѣ, узбеки дѣлятся на 92 клана (фамилій); въ каждой фамиліи есть нѣсколько дѣленій и подраздѣленій. Бываютъ случаи созданія новыхъ клановъ, напримѣръ, кланъ Юсь-Мингъ-Кыркъ, создался изъ трехъ различныхъ клановъ. Нѣкоторые кланы считаются передовыми кланами, таковъ Мингъ; къ нему принадлежитъ бывшій коканскій ханъ, Кудеяръ, который владѣлъ Ургутомъ и горами къ юго-востоку отъ Самарканда. Такой же вліятельный кланъ носитъ названіе Мангитъ, въ которомъ членомъ состоитъ бухарскій ханъ, Мозаффаръ-Эддинъ, имѣющій заповѣдное имѣніе въ окрестностяхъ Карши, а также нѣсколько поселеній близъ Самарканда.

Таджики произошли отъ персовъ, и было время, когда они занимали не только всю страну между рѣками Сыръ и Аму, но также и правый берегъ Сыра: т.-е. Коканъ и Кашгаръ. Тюркскія племена пришли въ Среднюю Азію гораздо позже и вытѣснили таджиковъ въ города и въ горы. Таджики живутъ теперь въ Ташкентѣ; въ Бухарѣ, Самаркандѣ и Ходжентѣ таджики главный элементъ городского населенія, но на правомъ берегу Сыра число ихъ сильно уменьшилось, и населеніе сдѣлалось почти вполнѣ тюркскимъ. Горные таджики живутъ недалеко отъ Ташкента, въ небольшихъ разсѣянныхъ деревняхъ, въ горахъ Акшау. Въ горныхъ кряжахъ Заравшана таджики живутъ въ густонаселенныхъ деревняхъ. Но новыя переселенія тюрковъ оттѣснили нѣкоторую часть заравшанскихъ таджиковъ еще далѣе въ горы, и ихъ тамъ называютъ галчами. Таджики говорятъ по-персидски, но съ примѣсью тюркскихъ словъ. Изъ узбековъ только немногіе умѣютъ говорить по-таджицки, между тѣмъ какъ большинство таджиковъ говорятъ и по-тюркски. Тюркское нарѣчіе, которое существуетъ въ Средней Азіи, называлось прежде джагатайскимъ, но джагатайскій народъ совершенно исчезъ. Въ

настоящее время во всѣхъ ханствахъ всѣ государственныя и оффиціальныя бумаги и всѣ письма пишутся на таджійскомъ языкѣ, какъ языкѣ приличія и вѣжливости. Все населеніе, принадлежащее вполнѣ русской власти, въ Туркестанѣ считается въ 1.600,000 душъ, изъ которыхъ цѣлый милліонъ—кочевыя племена. Кромѣ таджиковъ и узбековъ, другія племена составляютъ обрывки этихъ главныхъ двухъ племенъ. Есть еще арабы, но ихъ очень не много: они живутъ въ Бухарѣ въ Катта-Курчане, близъ города Карши въ Бухаріи и въ Кукерыли, на рѣкѣ Аму. Въ заравшанскомъ округѣ арабовъ насчитываютъ до 2000: одни извѣстіе объ ихъ происхожденіи производятъ ихъ отъ тѣхъ арабовъ, которые внесли магометанскую вѣру въ Туркестанъ, въ VII вѣкѣ, а другіе полагаютъ, что они переселены сюда Тимуромъ, когда онъ завоевывалъ западныя азіатскія государства. Теперь эти арабы умѣютъ ткать шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани, а также дѣлать превосходные ковры, и живутъ въ большомъ довольствѣ.

Таджики и узбеки во многомъ отличаются между собою и по наружности, и по характеру. Таджики — широкіе и полные люди съ густою черною бородою; въ ихъ выраженіи лица много хитрости и лукавства, — они измѣнчивы, не говорятъ правды, безпечны, трусы и хвастуны, нравственно испорчены во всемъ. Узбеки выше и худощавѣе таджиковъ, съ рѣдкою бородою и съ длиннымъ болѣе рѣзко очертаннымъ лицомъ; — они просты въ своей одеждѣ и въ своемъ обхожденіи съ другими, между тѣмъ какъ таджики преданы украшенію своей личной наружности и очень любятъ наряжаться. Узбеки смотрятъ на таджиковъ съ презрѣніемъ, но, въ то же самое время, они находятся въ зависимости отъ тѣхъ, кого они презираютъ. Узбеки обходятся съ таджиками, какъ съ глупыми и дѣтьми, — и, улыбаясь, говорятъ, что они имѣютъ ихъ вполнѣ въ своей власти. Но, какъ бы то ни было, а взаимные браки совершаются между узбеками и таджиками весьма нерѣдко. Таджикъ не чванится достоинствомъ своего племени, и только въ рѣдкихъ случаяхъ называетъ себя: «я—таджикъ». Если его спрашиваютъ, кто онъ, онъ отвѣчаетъ обыкновенно: «я житель Ташкента», «я изъ Ходжента», «я самаркандецъ». Но узбекъ всегда отвѣтитъ: «я—узбекъ изъ клана Ялайра» или Калагарпа, и при этомъ онъ непремѣнно разскажетъ, къ какому отдѣлу и подраздѣленію онъ принадлежитъ, хотя всѣ эти подраздѣленія уже сильно падаютъ въ глазахъ другихъ туркестанцевъ...

Сарты—это племя татарско-финское. Древніе писатели Сред-

ней Азіи употребляли имя сарта для обозначенія обывателей долины рѣки Сыръ. Сарты распространились потомъ въ Кашгарѣ, въ китайскихъ провинціяхъ, въ Кульджѣ, въ Хивѣ и во всѣхъ городахъ Кокана,—въ Ташкентѣ они составляютъ массу населенія. Теперь существуютъ сарты въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Главная сила ихъ въ городахъ, гдѣ они исполняютъ разныя должности въ городской службѣ и занимаются разными ремеслами, торговлею,—однимъ словомъ, настоящіе горожане. Они всегда имѣли большое значеніе во всѣхъ треволненіяхъ Средней Азіи, но въ особенности въ Коканѣ. Сарты были уже извѣстны въ среднихъ вѣкахъ, какъ городскіе жители, напримѣръ, въ Ташкентѣ. Тамъ они играли большую роль во всѣхъ событіяхъ: они создавали даже политическія общества, руководили бунтами и вообще защищали всѣ городскія права. Еще въ половинѣ XV-го вѣка сарты защищали Ташкентъ отъ набѣговъ узбековъ и сдавали городъ Омару Шейку-мирзѣ и его сыну Баберу, который сдѣлался тогда общимъ правителемъ всей Ферганы и Ташкента, т.-е. всего Кокана, какимъ онъ былъ до послѣдняго русскаго завоеванія. Послѣ изгнанія Бабера, тамъ оставались еще завоеватели, а въ 1589 году Ташкентъ попалъ въ руки киргизовъ кайсацкихъ и кара-киргизовъ — тогда киргизы были на высотѣ своего величія — но 17-го апрѣля 1740 года сарты опять взбунтовались, убили киргизскаго вождя Юльбарсъ-хана и изгнали киргизовъ изъ Ташкента. Такова же судьба сартовъ въ городѣ Коканѣ, гдѣ они тоже играли огромную политическую роль.

Вотъ вкратцѣ послѣдняя исторія этого края, наканунѣ его подчиненія Россіи. Съ половины XVIII вѣка, послѣ возстанія сартовъ начало развиваться коканское государство переселеніемъ огромныхъ дружинъ узбековъ съ Волги въ разныя мѣстности около Ташкента, гдѣ уже были большіе зародыши узбекскаго племени, сидѣвшіе отдѣльными мѣстечками и кланами. Изъ пріѣхавшихъ узбековъ, главный ихъ вождь Шахрукъ-бекъ, явившись въ Фергану съ огромною массою земледѣльцевъ, женился на дочери Едигера-Ходжи, правителя города Хуррамъ-Сарай, и затѣмъ поселился съ своими толпами и челядью въ 15-ти верстахъ отъ нынѣшняго города Кокана. Въ одинъ прекрасный день онъ убилъ своего тестя и, пользуясь слабостью всѣхъ окрестныхъ жителей, сталъ надъ ними господствовать. Послѣ него правилъ его старшій сынъ Рахимъ-бекъ, а за этимъ сыномъ сталъ управлять братъ его Абдулъ-Керимъ-бекъ, который и положилъ основаніе нынѣшней столицѣ Кокана и самъ переселился туда. Ему наслѣдовалъ его племянникъ, Ирдана

или Эрдени, сынъ Рахима (по другимъ источникамъ, это былъ сынъ самого Абдулъ-Керима). Въ 1759 году китайскій генералъ Чао-хоей уже нашелъ здѣсь много городовъ, управлявшихся бегами, состоявшими въ подданствѣ Эрдени. При прощаніи съ китайскими офицерами, Эрдени просилъ взять съ собою одного изъ своихъ оффиціальныхъ лицъ, чтобы предложить свое подчиненіе императору Кіянь-Луню, тогда всемогущему монарху въ Азіи. Тогда платилъ дань Китаю и городъ Ташкентъ. Эрдени умеръ въ 1770 году, и ему наслѣдовалъ его племянникъ, Нарбута, который послалъ дань и пословъ въ Пекинъ. Въ 1799 году онъ предпринялъ походъ противъ Ташкента, гдѣ въ 1800 году его армія была разбита, а онъ взятъ въ плѣнъ правителемъ Ташкента Юнусомъ-Ходжею и обезглавленъ. Потомъ царили его сыновья: Алимъ, Омаръ и Шахрухъ. Первый изъ нихъ отмстилъ за отца, взявъ Ташкентъ въ 1803 году, и началъ уничтожать послѣднее могущество киргизовъ, которые все не переставали безпокоить Ташкентъ. Омаръ пошелъ по стопамъ своего брата: онъ завоевалъ Ура-Тепе и уничтожилъ послѣдняго потомка киргизскихъ хановъ, Тозай-хана, котораго убили въ Бухарѣ. Но въ 1822 году Омаръ-ханъ умеръ, отравленный своимъ старшимъ сыномъ Магометомъ-Али. Омара и Алима народъ коканскій не забылъ до сихъ поръ.

Магометъ-Али назвалъ себя ханомъ Мадали. Сначала онъ воевалъ успѣшно съ китайцами, но всѣ эти подвиги имѣли значеніе грабежей сосѣднихъ китайскихъ провинцій, населенныхъ мусульманами, — это были: Кашгаръ, Яркандъ и Янги-Гиссаръ.

Послѣ опустошенія Кашгара китайцы рѣшились купить себѣ миръ и спокойствіе посредствомъ договора 1831 года, заключеннаго въ Пекинѣ посломъ Мадали, Алимъ Патчемъ. Ханъ коканскій вслѣдствіе этого договора получилъ большую власть надъ всѣми китайскими провинціями, которыя были завоеваны китайскимъ императоромъ Кіянь-Лунемъ сто лѣтъ тому назадъ: Аксу, Ушъ-Турфонъ, Кашгаръ, Янги-Гиссаръ, Яркандъ и Коканъ. Во всѣ эти города ханъ послалъ своихъ *аксакаловъ* брать всю таможенную пошлину и оказывать охрану мусульманскому населенію. Послѣ того Мадали покорилъ еще и Каратегинъ, и заставилъ признать Кулабъ, Дарвоцъ и Шучьянъ свою власть. Такимъ образомъ, въ продолженіи своего 18-лѣтняго ханствованія, съ 1822—40, онъ пріобрѣлъ во всей Средней Азіи репутацію храбраго и дѣятельнаго государя. Но вдругъ все измѣнилось. Эта перемѣна произошла въ ханѣ вслѣдствіе угрызенія совѣсти: онъ въ гнѣвѣ убилъ своего лучшаго друга и лучшаго совѣтника,

который былъ также его учителемъ въ дѣтствѣ—Минга-Баши-Хаккъ-Кула. Послѣ смерти Хакка-Кула онъ перестапъ думать о военныхъ экспедиціяхъ и предался полному разврату. Эмиръ бухарскій Нафуллахъ прислалъ ему письмо, обвиняя его въ женитьбѣ на двухъ сестрахъ и даже на мачихѣ. Мадали пришелъ въ такой гнѣвъ, что сбрилъ посламъ эмира половину волосъ съ головы и съ бороды, и далъ своимъ войскамъ приказъ идти въ Бухару. Но его армія разсѣялась, не вступая въ бой. Два года послѣ того бухарскій ханъ явился съ 18,000 войска къ городу Кокану; тогда Мадали съ 1000 своихъ тѣлохранителей и семьей уѣхалъ въ 100 повозкахъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ въ Намангамъ, но потомъ явился самъ лично къ бухарскому эмиру. Магнаты Кокана напрасно протестовали противъ эмира бухарскаго за то, что онъ позволилъ во дворцѣ судить Мадали и казнить его. Когда бухарскій ханъ ушелъ съ войсками въ Бухару, оставивъ въ Коканѣ своего губернатора, сарты взбунтовали народъ противъ бухарцевъ и губернатора убили. Городъ попалъ въ руки вождя сартовъ Шади; узбеки и кипчаки поставили своего кандидата, кипчака Муссульмана-Кула, человѣка съ замѣчательными способностями. Бухарскій эмиръ пошелъ вновь завоевывать Коканъ съ 20,000 солдатъ и взялъ съ собою 500 коканскихъ чиновниковъ, которые у него были уведены въ Бухару какъ заложники. Когда эмиръ подошелъ къ Кокану, Муссульманъ-Кулъ предложилъ эмиру войти въ городъ, но въ то же время сказалъ жителямъ узбекамъ и сартамъ, чтобы они не сдавались и бились до послѣдней капли крови. Въ то же самое время, по счастливому стеченію обстоятельствъ, изъ Бухары пришло извѣстіе въ Коканъ, что хивинскій ханъ, дѣйствуя за-одно съ Коканомъ, перешелъ бухарскую границу. Нафуллахъ, устрашенный этимъ извѣстіемъ, снялъ осаду, освободилъ заложниковъ и вернулся въ Бухару.

Послѣ удаленія эмира, на коканскій престолъ мирно вступилъ кипчакскій принцъ Ширъ-Али, человѣкъ простой и доброй натуры;—его враги дали ему кличку: тряпка. Первымъ дѣломъ его было приказать вырыть тѣло Мадали-хана и похоронить его съ торжественною церемоніею, въ сопровожденіи всего духовенства.

Все время правленія Ширъ-Али прошло главнымъ образомъ въ борьбѣ между кочевниками и городскими жителями. Ширъ-Али былъ выставленъ узбеками, и они ему дали въ правители, мингъ-баши (совѣтникъ), кипчака Юзуфа; сарты, съ своей стороны, выставили Шади, котораго очень любилъ народъ,—къ Шади присоединился и ханъ Кудеяръ, 16-лѣтній юноша, впослѣдствіи сдѣлавшійся ханомъ Коканскимъ. Битва произошла при Шузѣ; Шади

былъ убитъ, а ханъ Кудеяръ захваченъ въ плѣнъ. Но вскорѣ кипчаки, воспользовавшись отсутствіемъ Муссульманъ-Кула, уѣхавшаго въ горы собирать налоги, произвели бунтъ, убили Ширъ-Али и уже звали на помощь бухарскаго хана; но стоило Кулу вернуться назадъ, и приверженецъ кипчаковъ убѣжалъ изъ Кокана. Муссульманъ-Кулъ сдѣлался такимъ образомъ правителемъ Кокана; старшій братъ Кудеяра, Сарымсакъ, былъ приглашенъ въ столицу, но на дорогѣ умерщвленъ.

Муссульманъ-Кулъ смѣстилъ съ должностей всѣхъ сартовъ, враждебныхъ ему, а лица, которыя его окружали, угнетали народъ денежными вымогательствами. Такимъ образомъ, онъ создалъ себѣ въ четыре года управленія множество враговъ, а между тѣмъ наступилъ 1850 годъ — годъ совершеннолѣтія Кудеяра. Четыре города не хотѣли платить налоговъ, и Муссульману пришлось вести войска противъ непокорныхъ. Онъ собралъ 40,000 и взялъ съ собою хана Кудеяра. Но осада Ташкента неудалась вслѣдствіе измѣны одного изъ беговъ и сильныхъ дождей, такъ что коканской арміи пришлось отступить. Кудеяръ-ханъ убѣжалъ, и коканская армія, потерявши духъ, тоже покинула Муссульмана-Кула; ему пришлось самому бѣжать къ своимъ роднымъ кипчакамъ. Въ Коканѣ между тѣмъ сарты опять образовали сильную партію, и Кудеяръ съ радостью принялъ этотъ союзъ, а въ отмщеніе кипчакамъ позволилъ убивать ихъ вездѣ, на базарахъ, на улицахъ и въ степи. Эти убійства продолжались три мѣсяца, и Коканъ сдѣлался огромною площадью ежедневныхъ казней. Въ одинъ изъ этихъ дней, въ началѣ 1853 года, на той же площади, казнили чрезъ повѣшеніе и Муссульмана-Кула. Но, прежде чѣмъ его повѣсили, его заставили сидѣть въ оковахъ съ длинною шапкою на головѣ, на деревянной платформѣ, и онъ видѣлъ своими глазами, какъ убивали 600 кипчаковъ! Всѣхъ кипчаковъ истреблено было 20,000.

Истребленіе кипчаковъ, звѣрское умерщвленіе Муссульманъ-Кула и скоро за тѣмъ послѣдовавшая побѣда русскихъ войскъ надъ коканскимъ войскомъ, защищавшимъ важнѣйшее укрѣпленіе страны, Акъ-Мэшидъ, возбудила въ коканскомъ населеніи сильное движеніе противъ Кудеяра. Ему стали не довѣрять и узбеки. Среди этой партіи явился новый герой—Алимъ-Кулъ; къ нему пристали не только кипчаки, но и киргизы, которые тоже были обижены Кудеяромъ. За Кудеяра держались сарты и всего одинъ узбекскій кланъ—кланъ кара-калпаковъ.

Алимъ-Кулъ сошелъ съ горъ, взялъ Коканъ безъ всякихъ затрудненій, и Кудеяръ бѣжалъ въ Бухару. Вполнѣ понимая

всѣ внутреннія затрудненія, причиненныя разными спорами между отдѣльными партіями, благосклонный къ обыкновеннымъ преступникамъ, Алимъ-Кулъ наказалъ съ безпримѣрною жестокостью всѣхъ, которые оказались виновными въ политическихъ заговорахъ, и такихъ было 4,000! Эти казни навели на всѣхъ терроръ: все молчало, все казалось спокойнымъ и неподвижнымъ, — но скоро, какъ всегда бываетъ въ деспотическихъ государствахъ, наступила реакція и общее недовольство. Изъ каждаго города Кокана полились мольбы и письма къ Кудеяру я всѣ просили его вновь вступить на престолъ. Кудеяръ между тѣмъ поселился въ Джизакѣ и возобновилъ свои прежнія коммерческія предпріятія. Посовѣтовавшись съ эмиромъ Бухары, онъ успѣлъ убѣдить его сдѣлать въ Коканъ экспедицію. Около этого времени, въ 1865 году, Алимъ-Кулъ былъ раненъ въ Ташкентѣ при первомъ нападеніи генерала Черняева на городъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Большинство партизановъ умершаго немедленно убѣжало въ Кашгаръ, гдѣ Якубъ-бекъ создавалъ себѣ новый престолъ въ качествѣ главнокомандующаго войскъ Бузрукъ-хана. Въ то же самое время и мы завоевали Ташкентъ, а бухарскій эмиръ—Ходжентъ, и первое предложеніе русскихъ было хану бухарскому, чтобы онъ возвелъ на коканскій престолъ Кудеяра; для этой цѣли мы даже предлагали свои войска. Но бухарскій ханъ, сознавая свою собственную силу, хотя и подошелъ къ Кокану и возстановилъ Кудеяра, но удержалъ за собою Ходжентъ за свои заслуги; этотъ городъ оставался бухарскимъ до 1866 года. Такъ началось наше дѣятельное участіе въ дѣлахъ Средней Азіи.

Ханство коканское уменьшилось въ своихъ границахъ, и въ пользу русскихъ, и въ пользу Бухары. Несмотря на то, хану Кудеяру удалось спастись отъ полнаго покоренія Россіи. Но этого ему было мало: онъ хочетъ показать русскимъ, что онъ безпредѣльно вѣренъ и преданъ имъ, но только на чужой счетъ. Русскіе въ 1866 году отнимаютъ у бухарскаго хана городъ Ходжентъ, который прежде принадлежалъ Кокану. По лукавому совѣту своего секретаря, Ата-бека, Кудеяръ посылаетъ въ Ташкентъ военному генералъ-губернатору свое личное поздравленіе съ такимъ радостнымъ для него днемъ, когда русскіе добивали вмѣстѣ и его врага. Странно,—замѣчаетъ г. Свайлеръ—какъ русскіе военачальники могли признать такое поздравленіе искреннимъ?.. Кудеяръ дѣйствительно ползалъ на полу и представлялъ себя вполнѣ подчиненнымъ и вѣрноподданнѣйшимъ рабомъ туркестанской военной администраціи. Но не Кудеяръ поддерживалъ въ Коканѣ порядокъ, напротивъ—это былъ страхъ передъ рус-

скимъ вторженіемъ, который удерживалъ подданныхъ Кудеяра отъ мятежей и бунтовъ.

Царствованіе Кудеяра было еще болѣе суровымъ, чѣмъ правленіе прежнихъ правителей. Онъ началъ десятилѣтній грабежъ собственнаго народа, полный всякаго рода расхищеній и убійствъ. Но все молчало изъ боязни, что русскіе если войдутъ, то исключительно для того, чтобы заставить все населеніе покориться Кудеяръ-хану: все населеніе ожидало отъ новыхъ завоевателей не собственнаго своего защитника, но именно защитника того самаго хана, который ихъ грабитъ. Городскіе жители долго терпѣли, но въ 1871 году начались безпорядки, и пришлось дѣйствовать военною силою. Въ 1873 году началось очень серьёзное движеніе со стороны кара-киргизовъ, живущихъ въ горахъ къ югу отъ Уша и Андижана. Туда явились ханскіе офицеры налагать добавочныя подати по три овцы съ каждой кибитки и еще новый поземельный налогъ на обработанную землю въ горахъ. Эти подати киргизы отказались уплатить, и засѣкли офицеровъ хана бичомъ до смерти, а когда явились солдаты, то между ними и солдатами произошли кровавыя схватки, и киргизы всею массою удалились въ недоступныя горныя дефилеи. Въ это-то время, когда киргизы и кипчаки изгнали солдатъ и офицеровъ хана, прибылъ въ Коканъ сынъ Муссульмана-Кулы и зять хана Кудеяра, еще юноша, Афтобача-Абдуррахманъ-Гаджи, возвратившійся изъ Константинополя и изъ Мекки;—въ первомъ онъ просилъ у турецкаго султана возвратить Кокану города, отнятые Россіею, а во второй онъ учился магометанскому фанатизму. Онъ имѣлъ большое вліяніе въ простомъ народѣ, особенно у киргизовъ. Этого-то юношу и послалъ Кудеяръ начальствовать надъ войскомъ и привесть киргизовъ къ повиновенію. Афтобача увѣрилъ киргизовъ отправить къ хану депутацію изъ 40 человѣкъ, чтобы она представила ему разсказъ о бѣдствіяхъ киргизскаго народа и пыталась бы придти къ нѣкоторому соглашенію. Въ то же самое время онъ утверждалъ, что ханъ удержитъ ихъ у себя, какъ заложниковъ, но не сдѣлаетъ имъ никакого вреда, и будетъ поступать съ ними хорошо, такъ какъ порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь мирными средствами. Кудеяръ, разумѣется, всѣхъ ихъ казнилъ, и возстаніе вспыхнуло съ новою силою. Когда киргизы захватили два укрѣпленныя мѣста въ горахъ: Уадженгъ и Сукъ, гдѣ скрывались сокровища Кудеяра, то онъ послалъ въ Ташкентъ просить помощи, и жаловался русскимъ властямъ, что будто бы киргизы, подданные русскаго императора, вторгнулись въ Коканъ и опустошаютъ его. Но на дѣлѣ оказалось, что нѣсколько тысячъ

киргизовъ изъ Кокана, произведя безпокойство на русской границѣ, переселилось изъ Кокана на русскую территорію.

Русскіе отказались вмѣшиваться въ дѣла хана; впрочемъ начальникъ русской арміи телеграфировалъ въ С.-Петербургъ, не позволятъ ли занять Коканъ, если возстаніе продолжится, такъ какъ подобное состояніе дѣлъ весьма вредно для русскихъ интересовъ;—это позволеніе однако не пришло. Послѣ такого отвѣта со стороны Россіи, ханъ могъ надѣяться только на собственныя силы: всѣ города были противъ него и всѣ киргизы и кипчаки. Ханъ сталъ во главѣ своего войска; но солдаты не повиновались ему, даже большіе отряды — въ нѣсколько тысячъ, переходили къ врагамъ. Самъ Афтобача заперся въ небольшое укрѣпленіе Жура-Курганъ, близъ Намангана, и отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Вотъ какъ характеризуетъ г. Скайлеръ Кудеяръ-хана: «Можетъ ли быть еще какой-нибудь болѣе варварскій тиранъ, какъ это исчадіе безчеловѣчнаго мусульманизма, вырождающагося въ каннибализмъ. Для него нѣтъ ни добродѣтели, ни чужой жизни; у него есть только его мерзкая натура и его милліонъ фунтовъ стерлинговъ, награбленный самымъ мошенническимъ образомъ изъ кровнаго труда коканскаго населенія. Въ своемъ юношескомъ возрастѣ это былъ развратникъ самаго низкаго сорта; но когда Кудеяръ ниспровергнулъ Муссульманъ-Кула, своего главнаго министра, въ 1859 году, онъ сдѣлался убійцею самаго ужаснаго свойства; три мѣсяца съ-ряду онъ питался кровью 20,000 кипчаковъ; что же дѣлала его собственная кровь, тоже кипчакская?—гдѣ же было его человѣческое достоинство? существовало ли у него какое-нибудь понятіе о ненависти къ нему всего населенія коканскаго ханства? Ему было все равно: онъ спѣшилъ въ объятія своихъ друзей, которые наградили его теплымъ уголкомъ въ Оренбургѣ. И что онъ оставилъ за собою?—онъ оставилъ кровопролитную войну, продолжавшуюся шесть мѣсяцевъ и окончившуюся занятіемъ и присоединеніемъ этого несчастнаго и ограбленнаго народа къ Россіи».

Русскіе администраторы Туркестана, по замѣчанію г. Скайлера, дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно неосмотрительно и ошибочно. Они оставались нейтральными въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, когда народъ самъ начиналъ показывать свое полное неудовольствіе, не посылали ни одного вѣрнаго русскаго агента въ Коканъ для изученія положенія вещей въ Коканѣ и не принимали никакихъ средствъ, которыя могли бы гораздо раньше прекратить всѣ причины такого широкаго движенія, которое тамъ произошло. Во всей дѣя-

тельности, въ продолженіи десяти лѣтъ, туркестанскихъ администраторовъ, въ Коканѣ не видно ни одного факта, ни одного событія, ни одного движенія, которое показывало бы, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, касавшемся полуторамилліоннаго населенія, они что-нибудь знали. Напротивъ, — они въ то время занимались совершенно другими дѣлами: они приготовлялись завоевывать Кашгаръ, а какъ-разъ передъ ними и возлѣ нихъ ими же посаженный управитель приготовлялъ столько затрудненій въ будущемъ, что ихъ не залечишь и въ два поколѣнія. Туркестанскіе администраторы не знали даже того, что все населеніе Кокана было убѣждено въ томъ, что Кудеяръ не самъ дѣлаетъ всѣ свои мерзости, но будто бы по требованію русскаго правительства въ Ташкентѣ: ханъ Кудеяръ былъ бы давно низвергнутъ съ своего престола, еслибъ жители Кокана не опасались, что русскіе, въ случаѣ возстанія противъ хана, быстро двинутъ свои войска въ предѣлы страны для возстановленія Кудеяра. Такую безпечность туркестанской администраціи можно объяснить только нашею беззаботностью вообще. Упоенные успѣхами хивинскаго похода, мы ничего не видѣли, что̀ дѣлается около насъ. Завоевательная страсть и военная слава, съ обогащеніемъ на-счетъ туземцевъ или ханской казны, увлекали ихъ еще въ одно новое завоевательное предпріятіе и на новую военную наживу, — а про Коканъ они совершенно забыли. Они поставили тамъ для управленія страною своего вассала, который повиновался имъ во всемъ (такъ, по крайней мѣрѣ, думали они сами), и убаюкивали себя, что ихъ безопасность въ Коканѣ совершенно обезпечена этимъ вѣрнымъ подданнымъ туркестанскихъ администраторовъ. Они даже не предвидѣли, что превращеніе кокансаго ханства въ русскую провинцію должно неизбѣжно совершиться рано или поздно, и что поэтому слѣдуетъ на всякій случай составить наилучшій планъ для постепеннаго подготовленія страны посредствомъ такихъ политическихъ и общественныхъ приспособленій, которыя вели бы готовившуюся катастрофу къ мирному исходу. Но если они и думали относительно присоединенія Кокана и обращенія его въ провинцію Ферганъ, то не иначе, какъ въ надеждѣ на то, что одинъ страхъ, вдохновленный побѣдами русскаго оружія въ центральной Азіи, можетъ быть до того силенъ въ коканскомъ народѣ, что окончательное завоеваніе совершится съ величайшею легкостью. Да, оно могло такъ случиться лѣтъ десять тому назадъ, во времена Черняева, но не въ послѣднее время, въ 1875 году, когда коканское населеніе, кочевое и осѣдлое (960,000

душъ [1])), было выведено изъ всякаго терпѣнія десяти-лѣтнимъ гнетомъ угнетенія, совершённаго, какъ полагали всѣ жители городовъ и всѣ жители деревень, не Кудеяромъ самимъ, а Россіею, «русскими»—въ лицѣ туркестанскихъ администраторовъ. И дѣйствительно, такого ужаснаго угнетенія, какъ говоритъ вся исторія Кокана, никогда не было въ этихъ городахъ и деревняхъ, какое явилось къ нимъ при появленіи русской власти въ Туркестанѣ. И вотъ почему Кудеяръ остался цѣлъ и невредимъ, а русскіе администраторы вели кровопролитную и жестокую войну въ продолженіи шести мѣсяцевъ съ военною силою въ 20,000.

Замѣчательно, что уже въ 1873 году киргизы и кипчаки столь сильно ненавидѣли хана Кудеяра, что многіе изъ нихъ переселились черезъ русскую границу изъ Кокана и просили насъ выгнать Кудеяра и оказать имъ свое покровительство. Подобныя прошенія были получаемы русскими властями и отъ жителей городовъ. Эти факты ясно говорятъ, что если бы туркестанскіе администраторы заняли Коканъ лѣтомъ 1873 года,—это занятіе обошлось бы безъ всякаго потрясенія, такъ какъ киргизы и кипчаки сами просили генерала Колпаковскаго, чтобы ихъ приняли подъ русское покровительство; сарты, разумѣется, приняли бы сторону Россіи, такъ какъ бо́льшая часть налоговъ, отъ которыхъ страдало все населеніе Кокана, лежала на сартахъ. Бывшій тогда главнымъ правителемъ въ Ташкентѣ, генералъ Колпаковскій, телеграфировалъ въ С.-Петербургъ о дозволеніи вмѣшаться въ дѣла Кокана, но дипломатическая буря, поднявшаяся тогда по поводу хивинской экспедиціи, достигла своего апогея, и позволеніе не было дано. Генералъ Колпаковскій не принадлежитъ къ ташкентскимъ администраторамъ; въ 1858 году онъ былъ переведенъ изъ Сибири въ округъ Алатау, гдѣ обитаютъ киргизы и кипчаки; теперь онъ генералъ-губернаторъ Семирѣчья. О немъ г. Скайлеръ говоритъ, какъ о человѣкѣ съ неутомимой энергіей. Киргизы называютъ его — «желѣзное сѣдло». Онъ умѣетъ говорить по-киргизски и отлично знаетъ этотъ народъ. По словамъ нашего автора, если есть кто-нибудь теперь, кто могъ бы уничтожить взяточничество въ Туркестанѣ, возстановить довѣріе въ туземцахъ къ русскимъ и уменьшить огромныя издержки въ людяхъ и деньгахъ, которыя продолжаются въ Туркестанѣ до сихъ поръ и, повидимому, предназначены усиливаться, — это именно онъ. Весьма краткое пребываніе въ Семирѣчьи — заклю-

[1]) 600,000 городскихъ, 330,000 кара-киргизовъ и кипчаковъ.

чаетъ г. Скайлеръ — достаточно для убѣжденія въ томъ, что между администраціею Семирѣчья и Ташкента есть огромная разница; нѣтъ никакого сомнѣнія, что честные люди существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Туркестана, но всего ихъ меньше — это въ самомъ Ташкентѣ, и все, что̀ стремится въ Ташкентъ, не отличается своей безупречностью: сквозь ташкентскую призму бѣлое легко дѣлается чернымъ и черное бѣлымъ, — какъ кому захочется или какъ кому нужно.

Покончивъ съ исторіею края, г. Скайлеръ переходитъ къ описанію современнаго быта въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, и представляетъ съ одной стороны картину домашней и общественной жизни туземцевъ, а съ другой—положеніе побѣдителей среди новыхъ подвластныхъ имъ племенъ. Тутъ авторъ является уже непосредственнымъ наблюдателемъ и говоритъ въ бо̀льшей части случаевъ, какъ очевидецъ. Эта часть книги г-на Скайлера самая любопытная.

Юр. Россель.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ПОЭТОВЪ ФРАНЦІИ

I.

Изъ «Пѣсни Убогихъ» Жанъ-Ришпэна.

[La chanson des gueux].

1.

ДѢВОЧКА СЪ КАШЛЕМЪ.

Небо мутно и сурово.
Иглы вихря ледяного
Буря мчитъ,
И ребенокъ на панели,
Подъ ударами мятели
Весь дрожитъ.

Грудь сиротки безпріютной
Душитъ кашель поминутный,
Кашель злой;
Участь дѣвочки понятна:
На лицѣ краснѣютъ пятна
У больной;

Ноги худенькія жалки,
Губы темны, какъ фіалки,
Взоръ погасъ;

Поцѣлуи лихорадки
Провели на кожѣ складки
Возлѣ глазъ.

Кашляй! кашляй! Мы внимаемъ,
Кашель твой несется лаемъ
Въ тьмѣ ночной;
Онъ грохочетъ непрерывно,
Замирая заунывно,
Будто вой.

Кашляй! Кашляй! Звукъ жестокій,
Безотвѣтный, одинокій,
Сердце рветъ;
Но за то онъ всѣмъ болящимъ,
Всѣмъ на небо отходящимъ
Зорю бьетъ.

Кашляй! Что же? Ты смолкаешь
И насилу испускаешь
Слабый стонъ:
Такъ звучитъ на океанѣ
Затерявшійся въ туманѣ
Дальній звонъ.

Ты головку наклонила...
Видно, близко подступила
Смерти тѣнь:
Такъ склоняетъ подъ вѣтрами
Факелъ трепетное пламя
Въ бурный день.

Скоро ты, забывъ печали,
Выйдешь замужъ... безъ вуали
И безъ розъ:
Ждетъ тебя сѣдой сожитель,
Всѣхъ чахоточныхъ губитель,
Царь-морозъ.

2.

ИДИЛЛІЯ БѢДНЫХЪ.

Зима прокашляла послѣднюю простуду
И грустный слѣдъ ея сметается повсюду.
Надолго сгладились узоры на стеклѣ,
Снѣга растаяли въ нахлынувшемъ теплѣ,
И свѣтлая весна сошла на землю божью.
Томятся дѣвушки невѣдомою дрожью,
Незримый поцѣлуй, какъ легкая мечта,
Порхаетъ и глядитъ на грѣшныя уста,
Цвѣтетъ зеленый лугъ, и нѣгой благодатной
Прониклись небеса и воздухъ ароматный...
А грубый сѣятель идетъ къ своимъ полямъ,
Не внемля хору птицъ и нѣжнымъ вѣтеркамъ.
Покинувъ душный мракъ избы своей угарной,
Онъ возвращается къ сохѣ неблагодарной.
Пускай блеститъ лазурь, кружатся мотыльки
И шепчется волна воскреснувшей рѣки,—
Тотъ рай не для него... Въ поту, склоняясь къ плугу,
Мужикъ плодотворитъ ревнивую подругу,
Ту землю сѣрую, съ которой навсегда
Онъ скованъ узами суроваго труда.
Не чуетъ онъ рѣчей влюбленнаго зефира,
Не дѣлитъ праздника восторженнаго міра,
Не слышитъ подъ горой напѣва теплыхъ струй...
— Куда-жъ ты спустишься, крылатый поцѣлуй?
. . . .
. . . .

3.

ПЕЧАЛЬ ЖИВОТНЫХЪ.

Погасъ веселый свѣтъ небесъ
И солнце спряталось за лѣсъ.
На вѣткѣ дуба лучъ заката
Горитъ отливами граната,

Но блѣдный мѣсяцъ ужъ зажегъ
Въ вечернемъ небѣ тонкій рогъ.
Пастухъ задумчивый съ клюкою
Торопитъ стадо къ водопою,
Толпятся овцы въ-попыхахъ,
Теряясь въ пыльныхъ облакахъ;
Звѣрей не видно въ темномъ полѣ;
Изъ птицъ одна еще на волѣ
Слѣдитъ за стадомъ по пути,
Пугаясь близко подойти
И лишь въ сторонкѣ присѣдая.
Но вотъ ужъ нѣтъ ея. Мечтая,
Поетъ прерывисто сверчокъ.
Пастухъ играетъ въ свой рожокъ.
Баранъ къ землѣ рога склоняетъ.
Умолкли овцы. Выползаетъ
Изъ влажной тѣни робкій гадъ,
И злые псы садятся въ-рядъ.
Для всѣхъ печаленъ вечеръ сонный!
Въ созвучьяхъ пѣсни монотонной
Тоскуетъ жалобно пастухъ,
И чуетъ звѣрь, что темный духъ
На землю тихую слетаетъ,
И всякій смутно понимаетъ,
Какая скрыта западня
Въ закатѣ радостнаго дня...
Нѣмая ночь! Твоя забота
Разставить намъ свои тенёта,
Чтобъ къ утру свѣтлому успѣть
Наполнить сумрачную сѣть!

Привѣтъ же вамъ, лучи дневные,
За то, что вы струи живыя
Даете міру въ добрый часъ!
Цвѣты красуются для васъ;
Сверкая вашимъ отраженьемъ,
Подобно цѣннымъ украшеньямъ,
Блистаетъ ранняя роса;
На васъ любуются лѣса;
Колосья гибкіе на нивахъ
Играютъ въ вашихъ переливахъ;

Сіяньемъ вашимъ обагренъ,
Горитъ осенній небосклонъ,
И вами вскормленныя вина
Насъ грѣютъ въ стужу у камина.
Отъ васъ кипитъ на сердцѣ кровь
И зрѣетъ въ женщинѣ любовь.
И вотъ—безъ чуднаго свѣтила
Земля печальна, какъ могила,
И потому, подъ кровомъ тьмы,
Тоскуютъ звѣри, какъ и мы.

4.

ЭПИТАФІЯ—ДЛЯ КОГО УГѲДНО.

Невѣдомо, зачѣмъ на землю онъ явился,
И умеръ онъ зачѣмъ—вопросъ неразрѣшимъ.
Нагимъ онъ былъ рожденъ и лишь того добился,
Что въ гробъ сошелъ нагимъ.

Веселье и печаль, отчаянье и вѣру
Онъ въ здѣшнемъ странствіи, какъ всѣ, переживалъ,
И слезъ, и хохоту ему досталось въ мѣру,—
Онъ міръ съ улыбкой озиралъ.

Онъ ѣлъ и пилъ, а на ночь спать ложился,
Но, вставъ, опять невольно пилъ и ѣлъ:
Съ разнообразіемъ такимъ онъ помирился
И ладилъ, какъ умѣлъ.

Его добро осталось безъ награды,
Съ него никто не взыскивалъ за зло,
Въ любви друзей не видѣлъ онъ отрады,
Враги—погибли безъ него.

Любилъ онъ много разъ. Подругъ своихъ мѣняя,
Онъ пресыщенія достигъ и захандрилъ,
И вотъ—пронесся онъ, какъ тучка дождевая,
И слѣдъ его простылъ...

II.

Изъ Шарля Бодлера.

1.

ПРЕВРАТНОСТИ.

Ангелъ безмятежный, знаешь-ли ты горе?
Возгласы страданья, слезы сожалѣнья,
Ночи безпріютной страшныя видѣнья,
Ужасы паденья, думы о позорѣ?
Ангелъ безмятежный, знаешь-ли ты горе?

Ангелъ добродушный, знаешь-ли ты злобу?
Желчи ядовитой бурное волненье,
Приговорамъ мести рабское служенье
Въ трепетѣ, подобномъ бьющему ознобу?
Ангелъ добродушный, знаешь-ли ты злобу?

Ангелъ мой цвѣтущій, знаешь ты чахотку?
Въ сумракѣ больницы злыя лихорадки,
Боли нестерпимой жгучіе припадки,
Присужденныхъ къ смерти шаткую походку?
Ангелъ мой цвѣтущій, знаешь ты чахотку?

Ангелъ мой прекрасный, знаешь ты морщины?
Жалкую негодность красокъ и нарядовъ
И въ замѣну прежнихъ упоенныхъ взглядовъ
На холодныхъ лицахъ сдержанныя мины?
Ангелъ мой прекрасный, знаешь ты морщины?

Ангелъ мой цвѣтущій, свѣтлый, бѣлокрылый!
На твое сіянье жадно не гляжу я,
Но съ разбитымъ сердцемъ у тебя прошу я
Лишь одной молитвы для души унылой,
Ангелъ мой цвѣтущій, свѣтлый, бѣлокрылый!

2.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Остынь, моя Печаль, сдержи больной порывъ.
Ты Вечера ждала. Онъ сходитъ понемногу
И тѣнью тихою столицу осѣнивъ,
Однимъ даруетъ миръ, другимъ несетъ тревогу.

Въ тотъ мигъ, когда толпа развратная идетъ
Вкушать раскаянье подъ плетью Наслажденья,
Пускай, моя Печаль, рука твоя ведетъ
Меня въ задумчивый пріютъ уединенья,

Подальше отъ людей. Съ померкшихъ облаковъ
Я вижу образы утраченныхъ годовъ,
Всплываетъ надъ рѣкой богиня Сожалѣнья,

Отравленный Закатъ подъ аркою горитъ,
И темнымъ саваномъ съ Востока ужъ летитъ
Безгорестная Ночь, предвѣстница забвенья.

С. Андреевскій.

НОВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ДЕКАБРЬСКАГО ПЕРЕВОРОТА ВО ФРАНЦІИ.

Victor Hugo. Histoire d'un crime. Déposition d'un témoin. Два тома.

I.

Болѣе четверти столѣтія тому назадъ, въ Брюсселѣ, въ первые же мѣсяцы своего изгнанія, Викторъ Гюго записалъ исторію событій, только-что совершившихся на его глазахъ въ Парижѣ. Онъ приступилъ къ работѣ 14-го декабря 1851 года,—на другой же день по своемъ прибытіи въ Бельгію. «Итакъ, разсказъ о государственномъ переворотѣ,—говоритъ авторъ въ небольшомъ предисловіи въ своей книгѣ,—написанъ рукой, еще не остывшей отъ борьбы! Изгнанникъ немедленно сталъ историкомъ. Онъ унесъ въ своей негодующей памяти это преступленіе и постарался не забыть въ своей картинѣ ни одного штриха. Такъ создалась эта книга. Манускриптъ 1851 года былъ очень мало исправленъ. Онъ—въ своемъ первоначальномъ видѣ, а потому изобилуетъ подробностями, животрепещетъ, можно сказать сочится правдою. Авторъ превратился въ слѣдователя; товарищи его судьбы всѣ сдѣлали ему свои показанія. Онъ присоединяетъ свое свидѣтельство къ ихъ показаніямъ. Теперь исторія повѣщена. Она произнесетъ свой приговоръ».

Могла ли бы лѣвая сторона національнаго собранія въ какую-

нибудь данную минуту помѣшать тому государственному перевороту, спрашиваетъ послѣ Викторъ Гюго, и хотя отвѣчаетъ на это отрицательно, но приводитъ по этому поводу слѣдующій любопытный фактъ, наглядно рисующій общее положеніе дѣлъ наканунѣ катастрофы, потому мы и поставимъ его во главѣ мемуаровъ.

16-го ноября 1851 г., — говоритъ Викторъ Гюго, — я находился въ улицѣ Латуръ-д'Овернь, № 37, у себя на квартирѣ, въ своемъ кабинетѣ; было около полуночи, я занимался, когда мой слуга пріотворилъ дверь.

— Угодно ли вамъ будетъ принять?.....

И онъ назвалъ имя.

— Прошу, отвѣчалъ я.

Вошелъ посѣтитель.

Я умолчу объ имени этого значительнаго и почтеннаго человѣка. Достаточно будетъ, если я скажу, что онъ имѣлъ право, говоря о Бонапартахъ, называть ихъ: «моя фамилія».

Извѣстно, что фамилія Бонапартовъ развѣтвлялась на двѣ отрасли: императорскую фамилію и частную семью. Императорская фамилія слѣдовала традиціи Наполеона, частная семья—традиціи Луціана; впрочемъ, въ этомъ оттѣнкѣ не было ничего абсолютнаго.

Мой ночной посѣтитель усѣлся по другую сторону камина.

Онъ заговорилъ со мной сначала про мемуары, очень благородной и добродѣтельной женщины, его матери; онъ давалъ мнѣ читать ихъ въ рукописи, желая узнать мое мнѣніе на счетъ полезности или своевременности ихъ изданія; эта рукопись, весьма впрочемъ интересная, была дорога мнѣ еще тѣмъ, что почеркъ принцессы походилъ на почеркъ моей матери. Мой посѣтитель, которому я передалъ рукопись, перелистовалъ ее, затѣмъ вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Республика погибла.

— Похоже на то, отвѣчалъ я.

— Если только вы ее не спасете, замѣтилъ онъ.

— Я?

— Вы.

— Какимъ образомъ?

— Выслушайте меня.

Тутъ онъ изложилъ мнѣ ясно, хотя и не безъ парадоксовъ, которые составляютъ одинъ изъ рессурсовъ его весьма замѣча-

тельнаго ума, отчаянное, но въ то же время крѣпкое положеніе, въ какомъ мы находились.

Это положеніе, которое я понималъ, впрочемъ, какъ и онъ, было таково.

Правая сторона собранія состояла приблизительно изъ четырехъ-сотъ членовъ, а лѣвая — доходила до ста-восьмидесяти. Четыреста членовъ большинства распредѣлялись между тремя партіями: легитимистской, орлеанистской и бонапартистской, а въ цѣломъ принадлежали клерикальной партіи. Сто-восемьдесятъ членовъ меньшинства принадлежали республикѣ. Правая опасалась лѣвой и приняла свои предосторожности относительно меньшинства. Былъ устроенъ комитетъ надзора, изъ шестнадцати главныхъ членовъ правой, которому поручено было придать единство троицѣ партій и наблюдать за лѣвой—вотъ въ чемъ состояла эта предосторожность. Лѣвая первоначально только подсмѣивалась и, заимствуя у прошлаго выраженіе, съ которымъ въ то время,—совершенно, впрочемъ, неосновательно,—связывали понятіе о дряхлости, прозвала этихъ шестнадцать коммиссаровъ—*les burgraves*. Затѣмъ, перейдя отъ ироніи къ подозрительности, лѣвая съ своей стороны организовала, для направленія своихъ и наблюденія за правой, комитетъ также изъ шестнадцати членовъ, которыхъ правая поспѣшила обозвать *les burgraves rouges*. Невинная отместка. Въ результатѣ оказалось, что правая наблюдаетъ за лѣвой, лѣвая за правой, но никто не наблюдаетъ за Бонапартомъ. Оба стада такъ опасались другъ друга, что совсѣмъ позабыли про волка. Въ это время въ елисейской берлогѣ Бонапартъ работалъ. Пока собраніе—какъ большинство, такъ и меньшинство—тратилось на взаимное недовѣріе, Бонапартъ не дремалъ. Подобно тому, какъ слышится обрывъ обвала, такъ во мракѣ слышался громъ катастрофы. Всѣ сторожили врага, но ждали его не съ той стороны. Умѣть оріентироваться въ своей недовѣрчивости—вотъ секретъ великой политики. Собраніе 1851 не отличалось такой прозорливостью: факты были недостаточно освѣщены; каждый видѣлъ будущее по-своему; нѣкотораго рода политическая близорукость ослѣпляла лѣвую, какъ и правую; всѣ трусили, но не того, чего слѣдовало; всѣ сознавали себя подъ гнётомъ тайны, всѣмъ мерещилась западня, но ее искали тамъ, гдѣ ея не было, и не видѣли тамъ, гдѣ она была; такъ что оба стада—большинство и меньшинство—со страхомъ взирали другъ на друга, и въ то время, какъ вожди одной стороны и руководители другой, насупясь и насторoживъ уши, съ тревогой вопрошали себя, одни: что̀ можетъ означать рычаніе лѣвой? а другіе: что̀

значить блеяніе правой?—въ ихъ плечи готовился запустить когти государственный переворотъ.

Мой собесѣдникъ сказалъ мнѣ:

— Вы одинъ изъ шестнадцати?

— Да, отвѣчалъ я, улыбаясь, я—*burgrave rouge*.

— Какъ я—*prince rouge*.

Онъ сказалъ мнѣ это съ улыбкой и продолжалъ:

— Вамъ даны полномочія.

— Да. Какъ и другимъ.

И я прибавилъ:

— Но не больше, чѣмъ другимъ. У лѣвой стороны нѣтъ предводителей.

Онъ продолжалъ:

— Іонъ, полицейскій коммиссаръ собранія, республиканецъ?

— Да.

— Онъ послушается приказа, подписаннаго вами?

— Можетъ быть.

— Я же говорю: безъ сомнѣнія.

И онъ пристально поглядѣлъ на меня.

— Ну, такъ прикажите сегодня ночью арестовать президента.

Я въ свою очередь поглядѣлъ на него.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что говорю.

Долженъ заявить, что его рѣчь была отчетливая, твердая и убѣжденная и что во время этой бесѣды и теперь, и всегда она производила на меня впечатлѣніе искренности и честности.

— Арестовать президента! воскликнулъ я.

Тогда онъ объяснилъ мнѣ, что эту необыкновенную вещь въ сущности весьма легко исполнить; что армія колеблется; что въ арміи вліяніе африканскихъ генераловъ равняется вліянію президента; что національная гвардія на сторонѣ собранія, а въ самомъ собраніи она поддерживаетъ лѣвую; что полковникъ Форестье ручается за 8-й легіонъ, полковникъ Грессье за 6-й, а полковникъ Хоайнъ—за 5-й; что приказъ шестнадцати коммиссаровъ лѣвой заставитъ немедленно взяться за оружіе; что достаточно одной моей подписи, но что если я предпочитаю, однако, собрать комитетъ въ величайшей тайнѣ, то можно подождать до завтра; что по приказу комитета шестнадцати одинъ батальонъ окружитъ елисейскій дворецъ; елисейскій дворецъ будетъ захваченъ врасплохъ, потому что помышляетъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, а не объ оборонительныхъ; армія нисколько не станетъ сопротивляться національной гвардіи; дѣло обойдется безъ единаго выстрѣла;

венсенская тюрьма растворится и затворится, пока Парижъ спитъ; президентъ проведетъ тамъ остатокъ ночи, и Франція при пробужденіи узнаетъ двойную добрую вѣсть: Бонапартъ обезоруженъ, а республика внѣ опасности!

И къ этому онъ прибавилъ:

— Вы можете разсчитывать на двухъ генераловъ: Неймайера въ Ліонѣ и, Лавѣстина въ Парижѣ.

Онъ всталъ и прислонился къ камину; я такъ и вижу его, какъ онъ стоялъ задумчивый и говорилъ:

— Я не чувствую въ себѣ силы снова переживать изгнаніе, но желаю спасти свою фамилію и свое отечество.

Ему показалось, должно быть, что я удивленъ, потому что онъ подчеркнулъ эти слова.

— Объяснюсь. Да, я желалъ бы спасти свою фамилію и свое отечество. Я ношу имя Наполеона, но безъ фанатизма, какъ вамъ извѣстно. Я Бонапартъ, но не бонапартистъ. Это имя я уважаю, но критикую его. На немъ уже есть пятно: 18-ое брюмера. Неужели на немъ появится и другое? Старое пятно смыто славой. Аустерлицъ прикрываетъ брюмеръ. Наполеонъ нашелъ оправданіе въ своемъ геніѣ. Народъ столько восхищался, что, наконецъ, простилъ. Наполеонъ красуется на колоннѣ; дѣло кончено; оставимъ его тамъ въ покоѣ. Не будемъ повторять его дурныхъ дѣлъ. Не станемъ будить во Франціи воспоминанія. Слава Наполеона не неуязвима. На ней уже есть рубецъ,—правда, зажившій. Но не дадимъ ему раскрыться. Что бы ни говорили апологисты,—Наполеонъ самъ нанесъ себѣ 18-го брюмера первый ударъ.

— Дѣйствительно,—сказалъ я ему,—преступленіе всегда обращается противъ того, кто его совершаетъ.

— Ну, и вотъ,—продолжалъ онъ,—слава его пережила первый ударъ,—но второй ее убьетъ. Я этого не хочу. Я ненавижу первое 18-ое брюмера и боюсь второго. Я хочу ему помѣшать.

Онъ снова умолкъ и затѣмъ продолжалъ:

— Вотъ почему я пришелъ къ вамъ сегодня ночью; я хочу спасти эту великую, но пораненую славу. Совѣтуя вамъ то, что я вамъ совѣтую, я спасаю, если вы такъ сдѣлаете, если лѣвая сдѣлаетъ то же, перваго Наполеона; потому что если его слава омрачится вторичнымъ преступленіемъ, — она будетъ убита. Да, имя это падетъ, и исторія отвернется отъ него. Я иду далѣе и досказываю свою мысль. Я спасаю также и теперешняго Наполеона, потому что у него-то вѣдь нѣтъ славы, и за нимъ оста-

лось бы только одно преступленіе. Я спасаю его память отъ вѣчнаго позорнаго столба. Поэтому—арестуйте его.

Онъ былъ искренно и глубоко взволнованъ. И продолжалъ:

— Что касается республики, то для нея арестъ Луи-Бонапарта—спасеніе. Итакъ, я имѣю основаніе говорить, что тѣмъ, чтò я вамъ предлагаю, я спасаю мою фамилію и мою родину.

— Но,—замѣтилъ я ему,—вы мнѣ предлагаете государственный переворотъ.

— Вы думаете?

— Разумѣется. Мы, меньшинство, поступимъ какъ большинство. Мы, часть собранія, будемъ дѣйствовать такъ, какъ если бы мы были все собраніе. Мы, осуждающіе всякое превышеніе власти, мы превысимъ власть. Мы наложимъ руку на должностное лицо, арестовать котораго имѣетъ право одно только собраніе. Мы, хранители конституціи, мы ее разобьемъ. Мы, представители закона, мы его нарушимъ. Это государственный переворотъ!

— Да, но совершённый ради общаго блага.

— Зло, совершаемое ради блага, все же остается зломъ.

— Даже когда удается.

— Въ особенности, когда удается.

— Почему?

— Потому, что тогда оно служитъ примѣромъ.

— Вы, значитъ, не одобряете 18-го фрюктидора?

— Нѣтъ.

— Но 18-ое фрюктидора предотвращаетъ 18-ое брюмера.

— Нѣтъ. Оно его подготовляетъ.

— Но причины государственной важности существуютъ вѣдь, однако.

— Нѣтъ. Существуетъ законъ.

— 18-ое фрюктидора одобрено весьма честными умами.

— Знаю.

— Бланкѝ за него, вмѣстѣ съ Мишлé.

— Я противъ него, вмѣстѣ съ Барбесомъ.

Отъ нравственной стороны я перешелъ къ сторонѣ практической.

— Давайте, теперь разберемъ вашъ планъ.

Планъ этотъ былъ обставленъ трудностями. Я рельефно выставилъ ихъ ему.

Разсчитывать на національную гвардію! Но генералъ Лавѐстѝнъ еще не получилъ командованія. Разсчитывать на армію? Но генералъ Неймайеръ находится въ Ліонѣ, а не въ Парижѣ. Онъ придетъ на помощь собранію? Кто же могъ поручиться за

это? Что касается Лавёстина, то вѣдь онъ человѣкъ двуличный? Развѣ на него можно положиться? Призвать къ оружію 8-й легіонъ? Но Форестье больше имъ не командуетъ. 5-й и 6-й? Но Грессье и Ховинъ только подполковники, послѣдуютъ ли за ними легіоны? Призвать на помощь коммиссара Іона? Но послушается ли онъ одной лѣвой? Онъ агентъ собранія и, слѣдовательно, большинства, а не меньшинства. Все это вопросы. Но, предположивъ даже, что они разрѣшены утвердительно, развѣ все дѣло въ успѣхѣ?Важенъ всегда не успѣхъ, но право. А здѣсь, даже въ случаѣ успѣха, право будетъ не на нашей сторонѣ. Чтобы арестовать президента, нуженъ приказъ собранія; мы замѣняемъ приказъ собранія насиліемъ лѣвой. Грабежъ со взломомъ. Грабежъ власти со взломомъ закона. Теперь предположимъ, что мы встрѣтимъ сопротивленіе; мы прольемъ кровь. Нарушеніе закона всегда ведетъ къ кровопролитію. Что все это такое? преступленіе.

— Нѣтъ,—закричалъ онъ,—но *salus populi*.

И прибавилъ:

— *Suprema lex*.

— Не для меня,—отвѣчалъ я.

И продолжалъ:

— Я не убилъ бы ребенка для спасенія цѣлаго народа.

— Катонъ убилъ бы.

— Христосъ не убилъ бы...

И я присовокупилъ:

— За васъ говоритъ вся древность. На вашей сторонѣ правда греческая и правда римская; на моей же—правда человѣческая. Новый горизонтъ шире древняго.

Наступило молчаніе. Онъ прервалъ его.

— Ну, такъ онъ самъ сдѣлаетъ нападеніе.

— Пусть.

— Вы вступите въ битву, заранѣе проигранную.

— Я также этого опасаюсь.

— И эта неравная битва окончится для васъ, Викторъ Гюго, смертью или изгнаніемъ.

— Я думаю.

— Смерть—это одна минута, но изгнаніе—ему нѣтъ конца.

— Привыкнешь.

Онъ продолжалъ.

— Вы будете не только изгнаны—вы будете оклеветаны.

— Я къ этому уже привыкъ.

Онъ настаивалъ:

— Знаете ли, что̀ уже теперь говорятъ?

— Чтó?

— Говорятъ, что вы раздражены противъ него за то, что онъ отказалъ вамъ въ министерскомъ портфелѣ?

— Вы знаете вѣдь...

— Я знаю, что дѣло было наоборотъ. Онъ просилъ васъ быть министромъ, а вы отказали.

— Ну, такъ...

— А ложь-то на что?

— Нéчего дѣлать!

Онъ вскричалъ:

— Итакъ, вы хлопотали о возвращеніи Бонапартовъ во Францію и вы будете изгнаны изъ Франціи Бонапартомъ!

— Кто знаетъ, — сказалъ я, не ошибся ли я тогда? Теперешняя несправедливость, быть можетъ, заслужена мной.

Мы оба умолкли. Онъ опять началъ.

— Можете ли вы перенести изгнаніе?

— Постараюсь.

— Можете ли вы жить безъ Парижа?

— У меня будетъ океанъ.

— Итакъ, вы отправитесь на берегъ моря?

— Я думаю.

— Какая тоска!

— Но какое величіе!

Наступило снова молчаніе. Онъ его прервалъ.

— Послушайте, вы не знаете, чтó такое изгнаніе. А я знаю. Это ужасно. Я ни за что бы его больше не перенесъ. Умрешь, такъ и не оживешь; а вернешься изъ изгнанія, такъ вторично въ него не захочешь.

— Если будетъ нужно, я отправлюсь въ изгнаніе и вторично.

— Лучше умереть. Разстаться съ жизнью—пустое, но разстаться съ родиной...

— Увы!—отвѣчалъ я,—это хуже смерти.

— Но если такъ, къ чему же принимать изгнаніе, когда можешь его избѣжать? Что же ставите вы выше родины?

— Совѣсть.

Этотъ отвѣтъ заставилъ его задуматься. Однако, онъ продолжалъ:

— Разсудите хорошенько, и ваша совѣсть одобритъ васъ.

— Нѣтъ.

— Почему?

— Я вамъ сказалъ. Потому, что моя совѣсть такъ создана,

что ничего не ставитъ выше себя. Я чувствую ее надъ собой, подобно тому, какъ мысъ не могъ бы чувствовать подъ собой маякъ. Жизнь—мрачная бездна, и совѣсть озаряетъ ее для меня.

— И для меня также...—вскричалъ онъ—и я заявляю, что слова его звучали искренне и честно—и для меня также совѣсть жива и велика. Она одобряетъ меня. Хотя я, повидимому, измѣняю Луи, но нѣтъ, я ему служу. Спасти его отъ преступленія—значитъ спасти его самого. Я испыталъ всѣ средства. Остается только одно: арестовать его. Обращаясь къ вамъ, дѣйствуя такъ, какъ я дѣйствую, я составляю заговоръ противъ него и вмѣстѣ съ тѣмъ за него, противъ его власти и за его честь. Я поступаю хорошо.

— Это правда,—сказалъ я.—Вамъ пришла благородная и высокая мысль.

И я продолжалъ.

— Но наши обязанности различны. Я не могу удержать Луи-Бонапарта отъ преступленія подъ тѣмъ условіемъ, что самъ бы совершилъ его. Я не хочу ни 18 брюмера для него, ни 18 фрюктидора для себя. Я лучше хочу быть изгнанникомъ, нежели тираномъ. У меня есть выборъ между двумя преступленіями: своимъ собственнымъ и преступленіемъ Луи-Бонапарта; я отказываюсь быть преступникомъ.

— Итакъ, вы перенесете его преступленіе?

— Я согласенъ лучше перенести преступленіе, нежели совершить его самъ.

Онъ задумался и сказалъ:

— Пусть будетъ такъ!

И прибавилъ:

— Быть можетъ, мы оба правы.

— Я думаю,—отвѣчалъ я и пожалъ ему руку.

Онъ взялъ рукопись своей матери и ушелъ.

Было три часа утра. Бесѣда длилась болѣе двухъ часовъ. Я легъ спать послѣ того, какъ записалъ ее.

Въ этомъ самомъ ноябрѣ мѣсяцѣ,—разсказываетъ далѣе В. Гюго,—по жалобѣ президента республики на клевету, одинъ сатирическій журналъ былъ приговоренъ къ штрафу, а редакторъ его къ тюремному заключенію за каррикатуру, изображавшую манежъ для стрѣльбы и Луи-Бонапарта, для котораго мишенью служила конституція. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ториньи объявилъ въ совѣтѣ при президентѣ, что никогда представитель вла-

сти не долженъ нарушать закона, иначе онъ будетъ...—«безчестнымъ человѣкомъ», подхватилъ президентъ. Эти факты и слова были всѣмъ извѣстны. Физическая и нравственная невозможность государственнаго переворота всѣмъ била въ глаза. Покуситься на національное собраніе! арестовать депутатовъ!—какое безуміе! Довѣріе было полное и единодушное. Было насъ нѣсколько человѣкъ въ собраніи, все еще сомнѣвавшихся и покачивавшихъ по временамъ головой, но мы слыли за дураковъ.

Съ 1848 по 1851 годъ прошло три года. Луи-Бонапарта долго подозрѣвали, но продолжительное подозрѣніе утомляетъ умъ и изнашивается, вслѣдствіе своей ненужной продолжительности. У Луи-Бонапарта были двусмысленные министры, какъ Манъ и Руэръ; но у него были и честные министры, какъ Леонъ Фоше и Одилонъ Барро; эти послѣдніе утверждали, что онъ честенъ и искрененъ. Онъ колотилъ себя въ грудь передъ дверями Гàма; молочная сестра его, г-жа Гортансъ Корню́ писала Мѣрославскому: «я честная республиканка и я ручаюсь за него»; пріятель его по Гàму, Поже́, человѣкъ благородный, говорилъ: «Луи-Бонапартъ не способенъ на измѣну». Развѣ Луи-Бонапартъ не написалъ книги «О пауперизмѣ»? Въ интимныхъ кружкàхъ Елисейскаго дворца,—графъ Потоцкій былъ республиканецъ, а графъ д'Орсэ — либералъ; Луи-Бонапартъ говорилъ Потоцкому: «я представитель демократіи», а д'Орсэ: «я приверженецъ свободы». Маркизъ дю-Галле́ былъ противъ государственнаго переворота, а маркиза дю-Галле́ стояла за него. Луи-Бонапартъ говорилъ маркизу: «не бойтесь ничего» (правда, что онъ говорилъ маркизѣ: «будьте спокойны»). Собраніе, выказывавшее по временамъ кое-какіе признаки тревоги, мало-по-малу успокоилось. Оно разсчитывало на генерала Неймайера, который «не измѣнитъ» и который изъ Ліона, гдѣ онъ находился, пойдетъ на Парижъ. Шангарнье восклицалъ: «представители народа, совѣщайтесь съ миромъ!» Самъ Луи-Бонапартъ произнесъ знаменитыя слова: «я сочту врагомъ отечества всякаго, кто захочетъ измѣнить силою то, что̀ установлено закономъ». И къ тому же, сила означала армію, а у арміи были начальники,—начальники любимые и побѣдоносные: Ламорисьеръ, Шангарнье, Каваньякъ, Лефло, Бедо, Шаррасъ; развѣ можно было представить себѣ, чтобы африканская армія арестовала африканскихъ генераловъ? Въ пятницу 28-го ноября 1851 года Луи-Бонапартъ говорилъ Мишелю де-Буржъ: «еслибы я и замышлялъ злое, то не могъ бы его выполнить. Вчера, въ четвергъ, я пригласилъ къ обѣду пятерыхъ полковниковъ парижскаго гарнизона; я для шутки по-

очередно допросилъ ихъ: всѣ пятеро объявили, что армія ни за что не согласится содѣйствовать насилію и не посягнетъ на неприкосновенность собранія. Вы можете сообщить это вашимъ друзьямъ». И онъ улыбнулся, — добавлялъ Мишель де-Буржъ, успокоенный. Вслѣдствіе этого Мишель де-Буржъ возвѣстилъ съ трибуны: «я въ немъ увѣренъ».

Въ ночь съ 1-го на 2-е декабря законодательный дворецъ охранялся однимъ баталіономъ 42-го полка.

Засѣданіе 1-го декабря, очень мирное и посвященное пересмотру муниципальнаго закона, окончилось поздно и окончилось голосованіемъ съ трибуны. Въ тотъ моментъ, какъ Базъ, одинъ изъ квесторовъ, всходилъ на трибуну, чтобы подать свой голосъ, одинъ депутатъ, принадлежавшій къ такъ-называемымъ «елисейскимъ скамьямъ», подошелъ къ нему и шопотомъ сказалъ: «васъ захватятъ нынѣшнею ночью». Такія предувѣдомленія дѣлались ежедневно, и на нихъ перестали обращать вниманіе. Однако, немедленно по закрытіи засѣданія, квесторы призвали спеціальнаго полицейскаго коммиссара собранія. Президентъ Дюпенъ присутствовалъ при этомъ. Спрошенный коммиссаръ объявилъ, что донесенія его агентовъ говорятъ о «мертвомъ спокойствіи» — такъ онъ, именно, выразился — и что за нынѣшнюю ночь, разумѣется, нечего опасаться. И такъ какъ квесторы настаивали: — «ба!» сказалъ президентъ Дюпенъ и ушелъ.

Въ тотъ же самый день 1-го декабря, около трехъ часовъ вечера, въ то время, какъ тесть генерала Лефло проходилъ по бульвару мимо Тортони, кто-то быстро прошелъ возлѣ него и бросилъ ему на-ухо знаменательное слово: «одиннадцать часовъ — полночь». Въ квестурѣ слегка встревожились, а нѣкоторые разсмѣялись — такъ уже къ этому привыкли. Однако генералъ Лефло не захотѣлъ лечь спать прежде, чѣмъ не пройдетъ назначенное время, и оставался въ конторѣ квестуры до часа пополуночи... Въ тотъ моментъ, какъ пробило пять часовъ на домѣ Инвалидовъ, войска, спавшія въ баракахъ, выстроенныхъ вокругъ Инвалидовъ, были внезапно разбужены. Отданъ былъ шопотомъ приказъ молча взяться за оружіе. Немного спустя, два полка, съ ранцами за спиной, направились къ дворцу собранія. То были 6-й и 42-й полки.

Въ то же самое время, ровно въ пять часовъ, одновременно на всѣхъ пунктахъ Парижа, пѣхота высыпала безъ шума изо всѣхъ казармъ, съ полковниками во главѣ. Адъютанты и орди-

нарцы Луи-Бонапарта, разосланные по всѣмъ казармамъ, руководили движеніемъ. Кавалерію отправили три-четверти часа спустя послѣ пѣхоты, изъ боязни, какъ бы шаги лошадей по мостовой не разбудили сонный Парижъ.

Персиньи, привезшій изъ Елисейскаго дворца въ лагерь Инвалидовъ приказъ взяться за оружіе, ѣхалъ впереди 42-го полка, рядомъ съ полковникомъ Эспинасъ...

Другое таинственное событіе совершалось въ полицейской префектурѣ.

Запоздалые обитатели «Cité», возвращавшіеся домой поздно ночью, замѣчали многое множество фіакровъ, разставленныхъ на различныхъ пунктахъ, вокругъ Іерусалимской улицы.

Уже наканунѣ, въ одиннадцать часовъ вечера, подъ предлогомъ пріѣзда выходцевъ изъ Генуи и Лондона, собрали въ префектуру бригаду блюстителей общественной безопасности и восемьсотъ городскихъ сержантовъ. Въ три часа утра разосланъ былъ приказъ явиться въ префектуру всѣмъ сорока-восьми коммиссарамъ Парижа и его окрестностей. Часъ спустя, всѣ они были на лицо. Ихъ ввели въ отдѣльныя комнаты и, по возможности, разъединили ихъ.

Въ пять часовъ послышался звонокъ изъ кабинета префекта; префектъ Мопá призывалъ къ себѣ одного полицейскаго коммиссара за другимъ, сообщалъ имъ о проектѣ и распредѣлялъ роль въ преступленіи. Ни одинъ не отказался; многіе поблагодарили.

Дѣло было въ томъ, чтобы захватить на-дому семьдесятъ-восемь демократовъ, пользовавшихся вліяніемъ въ ихъ кварталахъ, и которыхъ Елисейскій дворецъ опасался, какъ возможныхъ предводителей на баррикадахъ. Надо было—преступленіе еще болѣе дерзновенное—арестовать на квартирѣ шестнадцать депутатовъ. Для этого послѣдняго предпріятія избрали изъ числа полицейскихъ коммиссаровъ тѣхъ, которые показались наиболѣе пригодными для роли бандитовъ. Между ними подѣлили депутатовъ. Каждому достался на долю одинъ.

... Въ то же самое время, въ другомъ углу Парижа, въ Старой-улицѣ Тампля, въ древнемъ отелѣ Субизъ, превращенномъ въ королевскую типографію, а въ настоящее время въ національную типографію, совершалась другая часть преступленія.

Ворота, ведущія во дворъ типографіи, раскрылись, пропустили вооруженныхъ людей, которые молча прошли во дворъ, затѣмъ снова захлопнулись. То была рота летучей жандармеріи, командуемая капитаномъ, по имени Ларошъ-д'Уази.

Капитанъ Ларошъ-д'Уазй привезъ письмо отъ военнаго министра, которымъ онъ и его солдаты предоставлялись въ распоряженіе директора національной типографіи. Ружья зарядили, не говоря ни слова, разставили часовыхъ въ мастерскихъ, въ коридорахъ, у дверей, у оконъ, — вездѣ! Капитанъ спросилъ, какой приказъ долженъ онъ дать солдатамъ. «Самый простой, — отвѣчалъ человѣкъ, прибывшій въ фіакрѣ: — кто попробуетъ выйти или раскрыть окно, тотъ будетъ разстрѣлянъ».

Этотъ человѣкъ былъ Бевиль, ординарецъ Бонапарта; онъ удалился съ директоромъ въ большой кабинетъ перваго этажа, уединенный покой, выходящій окнами въ садъ. Тамъ онъ сообщилъ директору то, что̀ привезъ съ собой: декретъ, распускающій собраніе, воззваніе къ арміи, воззваніе къ народу, — декретъ, созывающій избирателей; кромѣ того, прокламацію префекта Мопа́ и его письмо къ полицейскимъ коммиссарамъ. Четыре первые документа были написаны цѣликомъ рукою президента. Въ нихъ замѣчались нѣкоторыя помарки.

Въ четыре часа утра ординарецъ и директоръ національной типографіи — отнынѣ два преступника — прибыли въ полицейскую префектуру съ тюками декретовъ.

Толпы газетчиковъ, припасенныхъ на этотъ случай, разошлись во всѣхъ направленіяхъ, унося съ собой декреты и прокламаціи.

Въ этотъ самый часъ дворецъ національнаго собранія былъ окруженъ войсками. Въ Университетскую улицу выходитъ дверь, служившая нѣкогда входной дверью во дворецъ Бурбонъ и куда примыкаетъ улица, ведущая въ домъ президента собранія; у этой двери, называемой президентской дверью, по обычаю стоялъ часовой. Пять минутъ спустя послѣ того какъ 42-й линейный полкъ оставилъ бараки Инвалидовъ, онъ показался въ Университетской улицѣ, сопровождаемый въ нѣкоторомъ разстояніи 6-мъ полкомъ, повернувшимъ въ улицу Бургонь. Полкъ, — говоритъ очевидецъ, — шелъ, какъ ходятъ въ комнатѣ больного, на цыпочкахъ. Онъ подкрадывался какъ волкъ, чтобы зарѣзать законъ.

Часовой, завидя войско, взялъ ружье на плечо; въ тотъ моментъ, какъ онъ собирался закричать: «кто идетъ!» его схватилъ за руку адъютантъ полковника Эспинасса и, въ качествѣ офицера, обязаннаго передавать приказы начальства, приказалъ пропустить 42-й полкъ; въ то же самое время, онъ велѣлъ оторопѣвшему портье́ отперечь дверь. Дверь отворилась; солдаты разсыпались по улицѣ; Персиньи вошелъ и сказалъ: «все кончено».

Національное собраніе было окружено войсками...

Въ ту же самую ночь, на всѣхъ пунктахъ Парижа соверша-

лись злодѣянія; незнакомцы, предводительствуя вооруженными войсками и сами вооруженные топорами, молотками, желѣзными палками, кистенями, шпагами, спрятанными подъ платьемъ, и пистолетами, молча обступали какой-нибудь домъ, занимали улицу, пробивали входныя двери, вязали портье, врывались по лѣстницѣ сквозь запертыя двери, и набрасывались на спящаго человѣка; и когда онъ, разбуженный внезапно, спрашивалъ у этихъ бандитовъ: «кто вы такіе?» предводитель отвѣчалъ: «полицейскій коммиссаръ».

Шаррасъ и Шангарнье были захвачены врасплохъ. Они жили въ улицѣ Сентъ-Оноре, почти напротивъ другъ друга, Шангарнье въ № 3, а Шаррасъ въ № 14. Съ 9 сентября Шангарнье отпустилъ пятнадцать вооруженныхъ съ головы до пятокъ людей, которые его охраняли по ночамъ, а 1 декабря Шаррасъ пожалъ плечами и разрядилъ свои пистолеты. Эти разряженные пистолеты лежали у него на столѣ, когда пришли его брать. Полицейскій коммиссаръ набросился на нихъ. «Дуракъ,—сказалъ Шаррасъ,— если бы они были заряжены, тебя бы уже не было въ живыхъ».

Такимъ образомъ, не считая другихъ арестовъ, произведенныхъ позднѣе, въ ночь на 2-е декабря были арестованы шестнадцать депутатовъ и семьдесятъ гражданъ. Оба агента преступленія сообщили объ этомъ Луи-Бонапарту.—*Coffrés*, писалъ Морни. —*Bouclés* извѣщалъ Мопа́. Первый на салонномъ жаргонѣ, второй на воровскомъ языкѣ: любопытный оттѣнокъ рѣчи...

Какъ ни были велики проступки національнаго собранія противъ принциповъ революціи—а упрекать въ этихъ проступкахъ его имѣла право одна только демократія—оно было воплощеніемъ республики, живымъ свидѣтельствомъ всеобщей подачи голоса, верховной власти націи; Луи-Бонапартъ зарѣзалъ это собраніе и, сверхъ того, оскорбилъ его. Надавать пощечинъ хуже, чѣмъ заколоть кинжаломъ.

Окрестные сады, занятые войсками, были усыпаны разбитыми бутылками. Солдатъ поили виномъ. Они безъ разсужденія повиновались эполетамъ и, по выраженію очевидца, казались «одурѣлыми». Депутаты заговаривали съ ними и говорили имъ: «да вѣдь вы совершаете преступленіе!» Они отвѣчали: «почемъ намъ знать».

Слышали, какъ одинъ солдатъ говорилъ другому: «куда ты дѣвалъ десять франковъ, которые получилъ сегодня утромъ?»

Сержанты подзадоривали офицеровъ. За исключеніемъ командира, который, по всей вѣроятности, хлопоталъ изъ-за креста, офицеры были почтительны, сержанты грубы.

Одинъ поручикъ какъ будто колебался, сержантъ закричалъ ему:—вы здѣсь не одинъ командуете. Ну, впередъ, маршъ!

Ватименилъ спросилъ у одного солдата:—неужели вы осмѣлитесь насъ арестовать, насъ—представителей народа?

— А то развѣ нѣтъ!—отвѣчалъ солдатъ.

Такъ какъ генералы, которымъ довѣряло большинство, были арестованы, то оно могло разсчитывать теперь только на двоихъ: Удино и Лористона. Генералъ маркизъ де-Лористонъ, бывшій пэръ Франціи, полковникъ 10-го легіона и вмѣстѣ съ тѣмъ депутатъ, различалъ между своими обязанностями какъ представителя народа и какъ полковника. Приглашенный нѣкоторыми изъ своихъ друзей правой стороны ударить тревогу и созвать 10-й легіонъ, онъ отвѣчалъ:—какъ представитель народа, я долженъ отдать подъ судъ исполнительную власть, но какъ полковникъ, я обязанъ ей повиноваться.—И онъ такъ упрямо держался этого дикаго разсужденія, что было невозможно его сбить.

— Какъ онъ глупъ!—говорилъ Пискатори.

— Какъ онъ уменъ!—говорилъ Фаллу...

Умы всѣхъ этихъ людей были весьма различно затронуты.

Крайняя легитимистская фракція, представляющая бѣлое знамя, не была, надо сказать, особенно огорчена государственнымъ переворотомъ. На лицахъ многихъ людей можно было прочитать слова Фаллу: «я такъ радъ, что мнѣ очень трудно прикидываться только покорнымъ». Чистые роялисты опускали глаза—это пристало чистотѣ. Смѣлые задирали носъ. Негодованіе этихъ людей было такъ безпристрастно, что допускало даже нѣкоторое восхищеніе. Какъ эти генералы ловко попались въ ловушку! Зарѣзанная родина!—это конечно ужасно, но нельзя не полюбоваться мастерствомъ, съ какимъ совершено матереубійство. Одинъ изъ главнѣйшихъ легитимистовъ говорилъ со вздохомъ: «у насъ нѣтъ такого талантливаго человѣка!» Другой бормоталъ: «вотъ порядокъ». И прибавлялъ: «*Увы!*» Третій восклицалъ: «это ужасное преступленіе, но оно ловко выполнено». Нѣкоторые колебались, привлекаемые, съ одной стороны, законностью, которая была на сторонѣ собранія, съ другой—негодяйствомъ, сидѣвшимъ въ Бонапартѣ; честныя души пребывали въ равновѣсіи между долгомъ и подлостью. Но было бы несправедливостью не засвидѣтельствовать, что иные среди чистыхъ роялистовъ и, между прочими, Ватименилъ съ искреннимъ и честнымъ негодованіемъ относились къ преступленію.

Какъ бы то ни было, легитимная партія въ цѣломъ не питала отвращенія къ государственному перевороту. Она ничего не боя-

лась. И въ самомъ дѣлѣ, роялистамъ бояться Луи-Бонапарта? Съ какой стати?

Индифферентизма не боялись. А Луи-Бонапартъ былъ человѣкъ индифферентный. Его интересовало одно только: его цѣль. Расчистить путь для себя—въ этомъ все дѣло, ни до чего остальнаго дѣла нѣтъ. Вся его политика заключается въ этомъ. Раздавить республиканцевъ, пренебречь роялистами!

У Луи-Бонапарта не было никакихъ страстей. Пишущій эти строки, говоря однажды про Луи-Бонапарта съ бывшимъ вестфальскимъ королемъ, сказалъ:—въ немъ голландецъ усмиряетъ корсиканца.— Если только въ немъ есть корсиканецъ,—отвѣчалъ Жеромъ.

Луи-Бонапартъ всегда былъ и оставался человѣкомъ, стерегущимъ случай,—шпіономъ, старающимся обмануть Бога. У него была мрачная задумчивость игрока, который передергиваетъ въ картахъ. Шулерство допускаетъ дерзость, но исключаетъ гнѣвъ. Сидя въ заключеніи въ Гамѣ, онъ читалъ только одну книгу: «le Prince». У него не было семьи, такъ какъ онъ самъ не зналъ кто его отецъ: Бонапартъ или Вергуэль. У него не было родины, потому что онъ могъ колебаться въ выборѣ между Франціей и Голландіей.

Этотъ Наполеонъ добродушно относился къ св. Еленѣ. Онъ восхищался Англіей. Злопамятность—къ чему она? Для него на землѣ существовали лишь одни личные интересы. Онъ прощалъ, потому что эксплуатировалъ, онъ забывалъ, потому что разсчитывалъ. Какое ему было дѣло до дяди? Онъ не служилъ ему, а пользовался имъ. Онъ прикрывалъ свою убогую мысль Аустерлицемъ. Онъ дѣлалъ чучело изъ орла.

Злопамятность — дѣло непроизводительное. Луи-Бонапартъ имѣлъ лишь настолько памяти, насколько это полезно. Гудзонъ-Лоу не мѣшалъ ему улыбаться англичанамъ; маркизъ де-Моншеню не мѣшалъ ему улыбаться роялистамъ.

Онъ былъ солидный политическій дѣятель, замкнутый и предусмотрительный, не вспыльчивый, не увлекающійся за проведенную черту, чуждый всякой рѣзкости, никогда не прибѣгающій къ браннымъ словамъ, скромный, приличный, ученый, кротко разсуждающій о необходимости рѣзни, убійца потому, что никакъ нельзя безъ этого обойтись.

Все это, повторяемъ, безъ страсти и безъ гнѣва.

Луи-Бонапартъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые заразились холоднымъ разсчетомъ Макіавелли.

И вотъ, будучи такимъ человѣкомъ, онъ успѣлъ сгубить имя Наполеона, противопоставивъ декабрь *брюмеру*....

Декабрьскій переворотъ весьма различно отнесся къ различнымъ депутатамъ-узникамъ; тѣхъ, кого онъ щадилъ, членовъ правой, посадили въ Венсеннъ; тѣхъ, кого ненавидѣлъ, членовъ лѣвой, заключили въ Мазасъ. Тѣмъ, которыхъ посадили въ Венсеннъ, отвели покои Монпансье, нарочно для нихъ отпертые, подали имъ превосходный обѣдъ, стеариновыя свѣчи, затопили каминъ; комендантъ крѣпости, генералъ де-Куртижи разсыпался передъ ними въ любезностяхъ и поклонахъ. Съ тѣми же, которыхъ засадили въ Мазасъ, обошлись иначе.

Тюремная фура доставила ихъ въ тюрьму. Они перешли изъ одного ящика въ другой. Въ Мазасѣ ихъ переписали, сняли ихъ примѣты, измѣрили ростъ и вообще обошлись какъ съ каторжниками. Ихъ повели по длинному галереѣ-балкону, висѣвшему во мракѣ подъ длинными, сырыми сводами до узенькой двери, которая внезапно отворилась. Дойдя до двери, тюремщикъ вталкивалъ депутата за плечи и запиралъ дверь.

Заключенный такимъ образомъ депутатъ оказывался въ маленькой комнатѣ, длинной, узкой, темной. Это то, чтó на осторожномъ языкѣ, какимъ говорятъ въ наше время законы, называется «келья». Въ декабрьскій полдень въ ней царствовалъ полу-мракъ. На одномъ концѣ дверь съ форточкой, на другомъ, возлѣ самаго потолка, на высотѣ десяти-двѣнадцати метровъ слуховое окошко, съ рѣшетчатымъ переплетомъ. Отъ этой рѣшетки рябило въ глазахъ; она мѣшала видѣть голубое или сѣрое небо и отличать солнечный лучъ отъ облака и придавала что-то неопредѣленное сумрачному зимнему дню. Она пропускала не то что слабый, но мутный свѣтъ. Изобрѣтатели этого рѣшетчатаго окна ухитрились загрязнить небо.

Черезъ нѣсколько секундъ, заключенный начиналъ смутно различать предметы, и вотъ что онъ находилъ: стѣны оштукатуренныя и мѣстами позеленѣвшія отъ различныхъ испареній; въ одномъ углу круглое отверстіе, снабженное желѣзной рѣшеткой и издающее страшное зловоніе; въ другомъ углу пóлка, поворачивающаяся на шарнирѣ и могущая служить столомъ; кровати не было, только одинъ соломенный стулъ. Подъ ногами кирпичный полъ. Первое впечатлѣніе—мракъ, второе—холодъ.

Заключенный оказывался въ одиночествѣ, полу-замерзшій, въ полу-мракѣ и долженъ былъ прохаживаться по пространству въ восемь квадратныхъ футъ, точно волкъ въ клѣткѣ, или сидѣть на стулѣ, какъ идіотъ въ Бисетрѣ.

Въ этомъ положеніи одинъ вчерашній республиканецъ, присоединившійся къ членамъ большинства и при случаѣ высказывавшій бонапартистскія тенденціи, Эмиль Леру, засаженный въ Мазасъ по ошибкѣ, такъ какъ его, вѣроятно, приняли за какого-нибудь другого Леру, заплакалъ отъ ярости. Такъ прошли три, четыре, пять часовъ. Между тѣмъ, депутаты съ утра не ѣли, нѣкоторые изъ нихъ, взволнованные государственнымъ переворотомъ, даже и не завтракали. Голодъ проснулся. Неужели о нихъ позабыли? Нѣтъ. Тюремный колоколъ прозвучалъ, форточка въ двери раскрылась, чья-то рука протягивала заключенному оловянную чашку и кусокъ хлѣба.

Заключенный съ жадностью хваталъ хлѣбъ и чашку.

Хлѣбъ былъ черный и слизистый, чашка содержала родъ густой, горячей и ржавой воды. Ни съ чѣмъ нельзя было сравнить запахъ этого «супа». Что касается хлѣба, то онъ отдавалъ затхлостью.

Какъ ни былъ силенъ голодъ, но въ первую минуту большинство заключенныхъ побросало хлѣбъ на полъ и вылило содержимое чашки въ отверстіе съ желѣзной рѣшеткой.

Однако желудокъ заявлялъ о своихъ правахъ, часы проходили, заключенные кончали тѣмъ, что поднимали хлѣбъ съ полу и съѣдали его. Одинъ изъ заключенныхъ поднялъ даже чашку и вытеръ ея дно хлѣбомъ, который затѣмъ съѣлъ. Позднѣе этотъ депутатъ, выпущенный на свободу въ изгнаніе, сообщилъ мнѣ объ этой трапезѣ, говоря:

— «Ventre affamé n'a pas de nez».

Кругомъ царило совершенное уединеніе, мертвая тишина. Но черезъ нѣсколько часовъ Эмиль Леру — онъ самъ разсказывалъ объ этомъ Версиньи — услышалъ по ту сторону его стѣны, по правую руку, какой-то странный, размѣренный, прерывистый стукъ, съ неровными промежутками. Онъ прислушался; почти въ ту же минуту подобный же стукъ раздался въ отвѣтъ по другую сторону — слѣва. Эмиль Леру въ восторгѣ — какая радость услышать хоть какой-нибудь шумъ! — подумалъ про своихъ товарищей, заключенныхъ, какъ и онъ, и закричалъ громкимъ голосомъ: — Ага! и вы тутъ тоже засѣдаете! Онъ не докончилъ своей фразы, какъ дверь его кельи отворилась съ скрипомъ, человѣкъ-тюремщикъ появился на порогѣ разъяренный и сказалъ ему:

— Замолчите.

Представитель народа, слегка изумленный, потребовалъ объясненій.

— Молчите! или я васъ засажу въ карцеръ,—продолжалъ тюремщикъ.

Тюремщикъ разговаривалъ съ заключеннымъ тѣмъ же языкомъ, какимъ государственный переворотъ говорилъ съ націей.

Эмиль Леру съ упрямствомъ застарѣлаго «парламентариста» все еще не унимался.

— Какъ,—сказалъ онъ,—я не могу отвѣчать на сигналы, которые мнѣ подаютъ двое изъ моихъ собратьевъ.

— Двое изъ вашихъ собратьевъ!—возразилъ тюремщикъ,—да это два вора. И онъ съ хохотомъ затворилъ дверь.

То были дѣйствительно два вора, между которыми Эмиль Леру былъ если не распятъ, то заключенъ.

Тюрьма Мазасъ выстроена такъ остроумно, что каждое слово, сказанное на одномъ концѣ ея, слышится и на другомъ. Поэтому настоящаго уединенія нѣтъ, не смотря на келейное заключеніе. Отсюда строгое молчаніе, налагаемое свирѣпой логикой регламента. Что же дѣлаютъ воры? Они изобрѣли цѣлую систему телеграфическихъ постукиваній, и регламентъ—въ дуракахъ. Эмиль Леру помѣшалъ ихъ бесѣдѣ.

— Laissez-nous donc jaspiner bigorne [1]),—закричалъ ему воръ-сосѣдъ, который за это восклицаніе былъ посаженъ въ карцеръ.

Вотъ какова была жизнь депутатовъ въ Мазасѣ. Такъ какъ они содержались въ секретѣ, то имъ не давали ни книгъ, ни бумаги, ни перьевъ, и даже не разрѣшали часовой прогулки по тюремному двору.

Воровъ тоже, какъ мы видѣли, сажаютъ въ Мазасъ.

Но тѣмъ, которые знаютъ какое-нибудь ремесло, позволяютъ работать; тѣмъ, которые умѣютъ читать, даютъ книги; тѣмъ, которые умѣютъ писать, даютъ чернильницу и бумаги; всѣмъ разрѣшается часовая прогулка, требуемая гигіеной и допускаемая регламентомъ.

Представителямъ народа во всемъ этомъ было отказано. Уединеніе, молчаніе, мракъ, холодъ, «та доза скуки, которая сводитъ съ ума», какъ выразился Ленге, говоря про Бастилію!

Сидѣть сложа руки на стулѣ день-деньской—вотъ положеніе! Но кровать? Можно было бы хоть лечь?

Нѣтъ.

Кровати не было.

Въ восемь часовъ вечера, тюремщикъ входилъ въ келью, до-

---

[1]). Говорить на воровскомъ языкѣ.

ставалъ нѣчто такое, что было обмотано вокругъ доски и привѣшено къ потолку. Это нѣчто была койка.

Когда койку прикрѣпляли и разворачивали, тюремщикъ желалъ узнику покойной ночи.

На койкѣ лежало шерстяное одѣяло, иногда матрацъ толщиною въ два дюйма. Заключенный, завернувшись въ это одѣяло, пытался спать, и только дрожалъ отъ холода.

Но, быть можетъ, онъ могъ лежать днемъ въ койкѣ.

Ничуть не бывало.

Въ семь часовъ утра тюремщикъ появлялся, здоровался съ депутатомъ, поднималъ его съ койки и завертывалъ койку подъ потолокъ.

Но въ такомъ случаѣ слѣдовало развернуть койку и лечь.

Какъ бы да не такъ. А карцеръ?

Такъ-то. На ночь—койка, на день—стулъ.

Но будемъ справедливы. Нѣкоторымъ дали кровати, между прочимъ Тьеру и Роже (du Nord). Греви не дали.

Мазасъ—тюрьма прогрессивная; несомнѣнно, что Мазасъ лучше венеціанскихъ «Plombs» и подводной темницы Шатлэ. Доктринерская филантропія выстроила Мазасъ. Однако мы видимъ, что Мазасъ заставляетъ желать кое-чего лучшаго. Скажемъ, впрочемъ, что съ извѣстной стороны мы довольны временнымъ заключеніемъ законодателей въ Мазасъ. Быть можетъ, Провидѣніе слегка участвовало въ государственномъ переворотѣ. Провидѣніе, засадивъ законодателей въ Мазасъ, доказало, что оно хорошій педагогъ. Отвѣдайте-ка своей стряпни; недурно, чтобы тѣ, кто строитъ тюрьмы, испробовали бы на себѣ: каковы онѣ,—заключаетъ В. Гюго.

Въ ночь съ 2-го декабря на 3-е около четырехъ часовъ утра, вокругъ сѣверной желѣзной дороги, молча выстроились два батальона, одинъ батальонъ венсенскихъ стрѣлковъ, другой — летучей жандармеріи. Нѣсколько отрядовъ городскихъ сержантовъ размѣстились на дебаркадерѣ. Начальнику станціи приказано было приготовить спеціальный поѣздъ и затопить локомотивъ. Нѣсколько кочегаровъ и механиковъ были задержаны на ночной службѣ. Впрочемъ, все это безъ всякихъ объясненій и при безусловной тайнѣ. Не задолго до шести часовъ движеніе началось въ войскѣ, городскіе сержанты забѣгали, и нѣсколько секундъ спустя эскадронъ уланъ подскакалъ крупной рысью. Среди эскадрона и между двумя шеренгами кавалеристовъ виднѣлись двѣ тюремныхъ фуры, запряженныя почтовыми лошадьми; позади каждой фуры

ѣхала небольшая коляска, въ которой сидѣло по одному человѣку. Впереди уланъ скакалъ адъютантъ Флёри.

Поѣздъ въѣхалъ во дворъ, затѣмъ подъѣхалъ къ дебаркадеру — и двери и рѣшетки захлопнулись.

Люди, сидѣвшіе въ двухъ колясkахъ, объявили свои имена спеціальному коммиссару при дебаркадерѣ, съ которымъ адъютантъ Флёри переговорилъ конфиденціально. Этотъ таинственный поѣздъ возбудилъ любопытство служащихъ при желѣзной дорогѣ; они разспрашивали полицейскихъ, но тѣ ничего не знали. Все, что́ они могли сказать, такъ это—то, что тюремныя фуры восьмимѣстныя и что въ каждой фурѣ четыре заключенныхъ, занимающихъ каждый особое отдѣленіе, и что четыре другихъ отдѣленія заняты четырьмя городскими сержантами, размѣщенными между заключенными такъ, чтобы не возможно было сообщеніе между отдѣленіями.

Послѣ различныхъ переговоровъ между адъютантомъ елисейскаго дворца и агентами префекта Мопа̀, тюремныя фуры поставлены были на платформѣ, а позади нихъ по прежнему помѣстили по коляскѣ, словно какія-то будки на колесахъ, гдѣ полицейскій агентъ находился на часахъ. Локомотивъ былъ готовъ, къ нему прицѣпили платформы, и поѣздъ тронулся. Была еще глубокая ночь.

Поѣздъ мчался нѣкоторое время въ глубокомъ безмолвіи. Между тѣмъ морозило; во второй изъ тюремныхъ фуръ городскіе сержанты, перезябшіе и окоченѣвшіе, открыли свои отдѣленія, и чтобы согрѣться принялись расхаживать по узкому корридорчику, проходящему вдоль тюремныхъ фуръ. Стало свѣтать; городскіе сержанты глядѣли на окрестности, какъ вдругъ громкій голосъ раздался изъ одного запертаго отдѣленія:—Однако, какой холодъ! Нельзя ли закурить сигару?

Изъ другого отдѣленія послышался немедленно другой голосъ, проговорившій:

— Эге! да это вы! Здравствуйте, Ламорисьеръ!

— Здравствуйте, Каваньякъ,—отвѣтилъ первый голосъ.

Генералъ Каваньякъ и генералъ Ламорисьеръ узнали другъ друга.

— Изъ третьяго отдѣленія послышался третій голосъ:

— Ага, вы здѣсь, господа! Здравствуйте—и счастливаго пути! Говорившій это былъ генералъ Шангарнье.

— Господа генералы, — закричалъ четвертый голосъ, — и я попалъ въ вашу компанію.

Генералы узнали голосъ База. — Хохотъ раздался въ четырехъ отдѣленіяхъ.

Эта тюремная фура увозила изъ Парижа квестора База и генераловъ Ламорисьера, Каваньяка и Шангарнье. Въ другой фурѣ сидѣли: полковникъ Шаррасъ, генералы Бедо и Лефло, и графъ Роже (du Nord).

Въ полночь эти восемь депутатовъ-узниковъ спали по своимъ кельямъ въ Мазасѣ, когда внезапно постучались въ ихъ форточку, и чей-то голосъ прокричалъ имъ:

— Одѣвайтесь; сейчасъ за вами пріѣдутъ.

— Ужъ не затѣмъ ли, чтобы насъ разстрѣлять?—закричалъ Шаррасъ сквозь дверь.

Ему не отвѣтили.

Замѣчательное дѣло: эта идея всѣмъ имъ пришла въ голову въ эту минуту. И дѣйствительно, если вѣрить тому, что выясняется въ настоящее время относительно ссоръ, происходившихъ между соучастниками, то оказывается, что на тотъ случай, если бы вздумали предпринять нападеніе на Мазасъ, чтобы освободить заключенныхъ, рѣшено было разстрѣлять ихъ, и что у Сентъ-Арно былъ въ карманѣ приказъ, подписанный Луи-Бонапартомъ.

Узники встали. Уже въ предыдущую ночь имъ отданъ былъ такой же приказъ; они провели ночь на ногахъ, и въ шесть часовъ утра тюремщики сказали имъ: «вы можете лечь спать». Часы проходили, и они уже думали, что все обойдется, какъ и въ прошлую ночь, и многіе изъ нихъ, слыша, какъ пробило пять часовъ на тюремныхъ часахъ, собирались лечь спать, какъ вдругъ двери ихъ келій отворились. Ихъ вывели всѣхъ восьмерыхъ, одного за другимъ, изъ тюрьмы, усадили въ тюремную фуру, причемъ они не видѣли другъ друга. Какой-то субъектъ, одѣтый въ черное, съ дерзкимъ видомъ, сидя за столомъ, съ перомъ въ рукахъ, останавливалъ ихъ, когда они проходили, и спрашивалъ ихъ имя.

— Я такъ же мало расположенъ сказать вамъ свое имя, какъ узнать ваше собственное,—отвѣчалъ генералъ Ламорисьеръ и прошелъ мимо.

Адъютантъ Флёри, скрывая мундиръ подъ шинелью, стоялъ въ сѣняхъ тюрьмы. Ему поручено было, употребляя его собственныя выраженія—«les embarquer» и отдать отчетъ объ «embarquement» въ Елисейскомъ дворцѣ. Адъютантъ Флёри составилъ всю свою военную карьеру въ Африкѣ, въ дивизіи генерала Ламорисьера, и генералъ Ламорисьеръ, въ 1848 г., будучи военнымъ министромъ, назначилъ его эскадроннымъ командиромъ.

Когда генералы садились въ тюремныя фуры, они курили

сигары; ихъ заставили потушить сигары. Отсюда восклицаніе генерала Ламорисьера, благодаря которому они узнали другъ друга.

Услышавъ имена узниковъ, тюремщики, дотолѣ грубые, стали почтительны.

Они доѣхали до Крейля, затѣмъ до Нойона. Въ Нойонѣ имъ дали позавтракать, не выпуская изъ экипажа, кускомъ хлѣба и рюмкой вина. Полицейскіе коммиссары не говорили съ ними ни слова. Фуры заперли, и они почувствовали, что ихъ снимаютъ съ рельсовъ и ставятъ на колеса. Въ фуры впрягли почтовыхъ лошадей, и они поѣхали, но шагомъ. Ихъ теперь конвоировала рота пѣшей жандармеріи.

Уже смеркалось, когда они увидѣли массу высокихъ стѣнъ, надъ которыми возвышалась круглая башня. Минуту спустя экипажи въѣхали подъ низкіе своды, затѣмъ остановились среди длиннаго двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами и надъ которымъ господствовали два зданія, изъ которыхъ одно походило на казарму, а другое, съ рѣшетками на всѣхъ окнахъ, на тюрьму. Дверцы экипажей отворились. Офицеръ въ капитанскихъ эполетахъ стоялъ у подножки. Генералъ Шангарнье первый вышелъ изъ фуры.

— Гдѣ мы?—спросилъ онъ.

Офицеръ отвѣчалъ:

— Вы въ Гамѣ.

Этотъ офицеръ былъ комендантъ крѣпости. Онъ былъ назначенъ на этотъ постъ генераломъ Каваньякомъ.

Генералу Каваньяку досталась комната въ первомъ этажѣ, которую нѣкогда занималъ Луи-Бонапартъ, лучшая во всей тюрьмѣ. Первая вещь, поразившая взоры генерала, была надпись, сдѣланная на стѣнѣ и обозначавшая день, когда Луи-Бонапартъ вошелъ въ крѣпость, и день, когда онъ изъ нея вышелъ, переодѣтымъ, какъ мы знаемъ, каменьщикомъ, съ доской на плечѣ. Впрочемъ, выборъ этого покоя былъ знакомъ вниманія со стороны Луи-Бонапарта, который, занявъ, въ 1848 г., мѣсто генерала Каваньяка въ управленіи, пожелалъ, чтобы въ 1851 г. генералъ Каваньякъ занялъ его мѣсто въ тюрьмѣ.

— Chassez-croisez!—замѣтилъ Морни, улыбаясь.

Узниковъ стерожилъ 48-й линейный полкъ, стоявшій гарнизономъ въ Гамѣ. Старыя бастиліи индифферентны. Онѣ повинуются тѣмъ, кто совершаетъ государственные перевороты, до того дня, какъ ихъ поглотятъ въ своихъ нѣдрахъ. Какое имъ дѣло до словъ: справедливость, правда, совѣсть, которыя, впрочемъ, въ нѣкото-

рыхъ сферахъ такъ же мало волнуютъ людей, какъ и камни. Онѣ холодные и угрюмые слуги правды и неправды. Онѣ берутъ то, что имъ даютъ. Имъ все равно. Преступники ли то—прекрасно; или невинные—и то ладно. Этотъ человѣкъ—зачинщикъ преступленія. Въ тюрьму его! Этотъ человѣкъ жертва преступленія. Заточите его! И въ одну и ту же комнату! Въ тюрьму всѣхъ побѣжденныхъ!

Онѣ похожи, эти бастиліи, на старое людское правосудіе, въ которомъ такъ же мало совѣсти, какъ и у нихъ, которое осудило Сократа и Христа, и которое тоже хватаетъ и выпускаетъ, беретъ за шиворотъ и отсылаетъ на всѣ четыре стороны, оправдываетъ и обвиняетъ, заточаетъ и освобождаетъ, отпирается и запирается по волѣ руки, толкающей снаружи запоръ.

Какъ же относился народъ къ перевороту? Вотъ какъ характеризовалъ это отношеніе Прудонъ, который въ эту эпоху отсиживалъ три года тюремнаго заключенія въ Сентъ-Пелажи, за оскорбленіе Луи-Бонапарта. Ему разрѣшали время отъ времени выходить изъ тюрьмы. Случай устроилъ такъ, что одинъ изъ такихъ отпусковъ пришелся какъ разъ на 2 декабря. Прудонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы повидаться съ депутатами, остававшимися на свободѣ.

... Ксавье Дюррьё—говоритъ Викторъ Гюго,—шепнулъ мнѣ на ухо: «я только-что видѣлъ Прудона, онъ желалъ бы повидаться съ вами. Онъ ждетъ васъ внизу, у входа на площадь Бастиліи. Вы найдете его облокотившимся на парапетъ канала».

— Иду,—отвѣчалъ я.

И сошелъ внизъ.

Я дѣйствительно нашелъ на указанномъ мѣстѣ Прудона, задумавшагося и облокотившагося на парапетъ. Я подошелъ къ нему.

— Вы желали говорить со мной?—сказалъ я.

— Да.

И онъ пожалъ мнѣ руку.

Уголокъ, гдѣ мы находились, былъ уединенный. Налѣво отъ насъ шла площадь Бастиліи, обширная и мрачная; на ней ничего не было видно, но чувствовалось присутствіе толпы народа; тамъ разставлены были полки; они стояли не бивуакомъ, но въ боевомъ порядкѣ. До насъ доносился глухой рокотъ ихъ дыханія; на площади сверкали миріады блѣдныхъ искръ, которыя производятся ночью штыками. Надъ этой мрачной бездной возвышалась прямая и черная іюльская колонна.

Прудонъ началъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло. Я пришелъ дружески предостеречь васъ. Вы находитесь въ заблужденіи. Народъ попался въ просакъ. Онъ не двинется. Бонапартъ одолѣетъ. На эту глупость, возстановленіе всеобщей подачи голоса, дураки попались, какъ на удочку. Бонапартъ слыветъ за соціалиста. Онъ сказалъ: «*Je serai l'empereur de la canaille*». Это дерзость, но дерзость имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, когда къ ея услугамъ вотъ это.

И Прудонъ показалъ мнѣ пальцемъ на мрачный блескъ штыковъ. Онъ продолжалъ:

— У Бонапарта есть цѣль. Республика создала народъ, онъ хочетъ воскресить чернь. Онъ успѣетъ, а вы потерпите неудачу. За него сила, пушки, заблужденіе народа и глупости, совершённыя собраніемъ. Нѣсколько членовъ лѣвой, къ которымъ принадлежите и вы, не справятся съ государственнымъ переворотомъ. Вы честные люди, а онъ имѣетъ надъ вами то преимущество, что онъ мошенникъ. У васъ есть совѣсть, а онъ имѣетъ надъ вами то преимущество, что у него ея нѣтъ. Бросьте сопротивленіе, повѣрьте мнѣ. Положеніе безвыходное. Надо ждать; въ настоящую минуту борьба была бы безуміемъ. На что вы надѣетесь?

— Ни на что,—отвѣчалъ я.

— Что же вы будете дѣлать?

— Все.

По тону моего голоса онъ понялъ, что настаивать безполезно.

— Прощайте,—сказалъ онъ мнѣ.

Мы разстались. Онъ скрылся во мракѣ, и больше я его не видѣлъ...

Взглядъ Прудона на дѣло подтверждался мнѣніемъ людей изъ народа. Утромъ 2-го декабря, Викторъ Гюго, предупрежденный о ночныхъ событіяхъ, поспѣшно одѣвался, какъ вдругъ къ нему пришелъ бѣдный рабочій безъ мѣста, по имени Жираръ, котораго пріютилъ у себя Викторъ Гюго. Онъ пришелъ съ улицы и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, что?—спросилъ Викторъ Гюго,—что̀ говоритъ народъ?

Жираръ отвѣчалъ:

— Дѣло смутное. Переворотъ совершёнъ та̀къ, что его не понимаютъ. Работники читаютъ афиши, ни слова не говорятъ и идутъ на работу. Изъ ста человѣкъ, развѣ одинъ обмолвится словомъ. Да и то, чтобы сказать: «ладно!» Вотъ какъ имъ представляется дѣло: законъ 31-го мая отмѣненъ:—отлично! Всеобщая подача голоса возстановлена:—прекрасно! Реакціонное боль-

шинство изгнано:—превосходно! Тьеръ арестованъ:—великолѣпно! Шангарнье подъ замкомъ:—браво! Вокругъ каждой афиши толпятся клакёры. Ратапуэль объясняетъ государственный переворотъ Жаку Bonhomme. Жакъ Bonhomme идетъ на удочку. Словомъ, мое убѣжденіе таково, что народъ примкнетъ къ перевороту.

То же самое подтвердилъ вечеромъ того же дня и другой работникъ; а именно, что народъ «оглушенъ», и что всѣмъ кажется, что всеобщая подача голоса возстановлена, что законъ 31-го мая отмѣненъ,— и что это хорошее дѣло.

— Но вѣдь законъ 31-го мая задуманъ Луи-Бонапартомъ, составленъ Руэромъ, предложенъ Барошемъ, вотированъ бонапартистами!—вскричалъ Викторъ Гюго.—Вы ослѣплены воромъ, который отнялъ у васъ кошелекъ и затѣмъ возвратилъ его вамъ!

— Не я,—отвѣчалъ работникъ,—но другіе.

И продолжалъ:

— Будемъ говорить правду: за конституцію-то вѣдь не очень держались,—республику любили, но республика «удерживается»; во всемъ этомъ народъ видитъ ясно одно только: что пушки готовы палить; народъ помнитъ іюнь 1848 года — бѣдные люди очень пострадали, говоритъ народъ, Каваньякъ надѣлалъ много зла — и женщины цѣпляются за блузы мужчинъ, чтобы помѣшать имъ идти на баррикады; можетъ быть, если увидятъ такихъ людей, какъ Викторъ Гюго, во главѣ, то станутъ драться, но хуже всего то, что никто не будетъ знать, за что̀ собственно онъ дерется.

Вотъ какъ 24-е іюня откликнулось 2-го декабря.

Депутаты, остававшіеся на свободѣ, пытались организовать сопротивленіе. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря, съ четырехъ часовъ утра, де-Флоттъ забрался въ предмѣстье св. Антонія. Онъ хотѣлъ, чтобы въ случаѣ, если бы какое-нибудь движеніе проявилось тамъ до разсвѣта, при немъ присутствовалъ представитель народа. Но ничто не шелохнулось. Де-Флоттъ одинъ среди пустыннаго и соннаго предмѣстья бродилъ всю ночь изъ улицы въ улицу. Съ своей стороны, депутатъ Обри (du Nord) всталъ въ пять часовъ. Вернувшись къ себѣ среди ночи, онъ проспалъ всего три часа. Портье извѣстилъ его, что подозрительные люди приходили вечеромъ 2-го числа и спрашивали его, и что они заходили также въ сосѣдній домъ, къ Гюгенену, чтобы его арестовать. Это заставило Обри выдти изъ дома до разсвѣта.

Онъ пошелъ пѣшкомъ въ предмѣстье св. Антонія. Прибывъ на мѣсто, на которомъ рѣшено было собраться, онъ встрѣтилъ депутата Курне́ и другихъ.

Свѣтало. Предмѣстье было пустынно. Они шли, углубленные въ свои мысли, и шопотомъ переговаривались. Вдругъ шумный и странный поѣздъ пронесся мимо нихъ.

Они повернули головы. Отрядъ уланъ окружалъ нѣчто такое, въ чемъ они признали тюремную фуру. Она безъ стука катилась по макадаму.

Они спрашивали себя: что́ бы это могло значить, когда появилась вторая такая группа, затѣмъ третья, затѣмъ четвертая. Такимъ образомъ проѣхало десять тюремныхъ фуръ, почти слѣдомъ одна за другой.

— Да это наши сотоварищи!—вскричалъ Обри (du Nord).

Въ самомъ дѣлѣ: послѣдній поѣздъ депутатовъ узниковъ,—поѣздъ, отправлявшійся въ Венсеннъ, проѣзжалъ по предмѣстью. Было около семи часовъ. Нѣсколько лавокъ уже отперлись, и прохожіе показались на улицахъ.

Подъѣхала послѣдняя фура, какимъ-то чудомъ отставшая отъ другихъ. Она находилась въ разстояніи трехъ-сотъ или четырехъ-сотъ метровъ и ее конвоировали только три улана. То была не тюремная фура, но омнибусъ, единственный находившійся въ поѣздѣ. Позади кондуктора, которымъ былъ полицейскій агентъ, виднѣлись представители народа, напиханные внутри. Освободить казалось легко.

Курне́ обратился къ прохожимъ:

— Граждане!—вскричалъ онъ:—вотъ увозятъ вашихъ представителей! Вы видѣли, какъ они проѣхали въ экипажахъ, предназначенныхъ для воровъ и разбойниковъ! Бонапартъ арестовалъ ихъ, вопреки всѣмъ законамъ. Освободимъ ихъ! къ оружію!

Образовалась группа людей въ блузахъ и рабочихъ, шедшихъ на работу. Изъ этой группы раздался крикъ: «да здравствуетъ республика!»—и нѣсколько людей бросились къ каретѣ. Карета и уланы поскакали галопомъ.

— Къ оружію!—повторялъ Курне́.

— Къ оружію!—вторили люди изъ народа.

Всѣ воодушевились. Кто знаетъ, что́ бы изъ этого могло произойти? Но въ ту минуту, какъ народъ бросился къ каретѣ, онъ увидѣлъ, что нѣкоторые изъ депутатовъ-узниковъ, сидѣвшихъ въ ней, махаютъ обѣими руками отрицательно.

— Эге!—сказалъ одинъ рабочій:—они не хотятъ, чтобы мы ихъ освободили!

Другой подхватилъ:

— Они не хотятъ свободы!

Третій прибавилъ:

— Они не хотѣли свободы для насъ,— не хотятъ ея и для себя.

Этимъ все было сказано, и омнибусу предоставили удалиться. Минуту спустя, отставшій конвой подскакалъ, и группа, окружавшая Обри, Курнé и другихъ, разсѣялась.

Кофейня Руазенъ открылась. Большая зала этой кофейной служила мѣстомъ для засѣданія знаменитаго клуба въ 1848 году. Тутъ назначено было собраться и теперь. Въ восемь часовъ стали собираться представители народа. Пришелъ, между прочимъ, и Боденъ. Въ числѣ депутатовъ были рабочіе, но не въ блузахъ. Чтобы не встревожить буржуазію, рабочихъ просили придти въ сюртукахъ.

У Бодена была прокламація къ народу, составленная наканунѣ Викторомъ Гюго. Курнé развернулъ ее и прочиталъ ее.

— Прибьемъ ее немедленно въ предмѣстьѣ,— сказалъ онъ.— Надо, чтобы народъ зналъ, что Бонапартъ объявленъ внѣ закона.

Работникъ литографъ, находившійся тутъ, предложилъ немедленно ее напечатать. Всѣ присутствующіе депутаты подписались подъ ней. Обри поставилъ въ заголовкѣ слова: «Національное собраніе». Работникъ унесъ прокламацію и сдержалъ слово.

Наканунѣ назначено было собраться между девятью и десятью часами утра. Это время выбрано было за тѣмъ, чтобы успѣть предупредить всѣхъ членовъ лѣвой. У многихъ изъ прибывшихъ депутатовъ не было шарфовъ. Ихъ поспѣшно смастерили въ одномъ сосѣднемъ домѣ изъ полосокъ краснаго, бѣлаго и синяго коленкора и принесли имъ. Боденъ и де-Флоттъ были въ числѣ тѣхъ, которые облеклись въ эти импровизированные шарфы.

Но у нихъ не было оружія.

— Обезоружимъ караулъ, который стоитъ вонъ тамъ,— сказалъ Шельхеръ.

Они вышли изъ кофейни Руазенъ въ большомъ порядкѣ, подъ руку. Пятнадцать или двадцать человѣкъ изъ народа сопровождали ихъ. Они шли и кричали: «да здравствуетъ республика! къ оружію!»

Впереди и сзади бѣжали ребятишки съ крикомъ: «да здравствуетъ Гора!»

Запертыя лавки отворялись. Мужчины показывались на порогѣ дверей, женщины — у оконъ. Группы рабочихъ, шедшихъ

на работу, глядѣли, какъ они проходили. Всѣ кричали: «да здравствують наши представители! да здравствуетъ республика!»

Симпатія была повсемѣстно, но нигдѣ не видно было возстанія. Кортежъ мало увеличивался дорогою.

Они прибыли въ кордегардію улицы Монтрейль. При ихъ приближеніи, часовой подалъ знакъ тревоги. Солдаты въ безпорядкѣ высыпали изъ кордегардіи.

Шельхеръ, спокойный, невозмутимый, въ бѣломъ галстухѣ и черномъ сюртукѣ, застегнутомъ нá-глухо, съ смѣлымъ и дружелюбнымъ видомъ квакера, прямо подошелъ къ солдатамъ.

— Товарищи,—сказалъ онъ имъ,—мы представители народа и пришли отъ имени народа просить у васъ оружія для защиты конституціи и законовъ.

Караулъ далъ себя обезоружить. Одинъ только сержантъ хотѣлъ-было сопротивляться, но ему сказали: «вы вѣдь одинъ»,— и онъ уступилъ. Депутаты роздали ружья и патроны группѣ, ихъ окружавшей.

Пересчитавъ ружья, увидѣли, что ихъ только пятнадцать.

— Насъ полтораста человѣкъ, — замѣтилъ Курнé: — намъ мало этихъ ружей.

— Гдѣ есть еще кордегардія, — спросилъ Шельхéръ.

— На рынкѣ Ленуаръ.

— Обезоружимъ его.

Шельхеръ въ сопровожденіи пятнадцати вооруженныхъ людей и депутатовъ отправился на рынокъ Ленуаръ. Тамъ караулъ далъ себя еще охотнѣе обезоружить, чѣмъ караулъ въ улицѣ Монтрейль. Солдаты поворачивались, чтобы можно было забрать патроны изъ ихъ патронташей.

Ружья были немедленно заряжены.

— Теперь,—закричалъ де-Флоттъ,—у насъ тридцать ружей! Изберемъ мѣсто и построимъ баррикаду.

Ихъ набралось около двухъ-сотъ бойцовъ.

Они вернулись въ предмѣстье съ крикомъ: «къ оружію!» Имъ отвѣчали: «да здравствуютъ наши представители!» Но только нѣсколько молодыхъ людей присоединились къ нимъ. Было очевидно, что вѣтеръ возстанія не дуетъ.

— Все-равно,—начнемъ борьбу,—говорилъ де-Флоттъ.—За нами останется слава первыхъ убитыхъ.

Въ тотъ моментъ, какъ они подходили къ тому пункту, гдѣ сходятся улицы Сентъ-Маргеритъ и де-Коттъ, крестьянская телѣга, нагруженная навозомъ, въѣхала въ улицу Сентъ-Маргеритъ.

— Здѣсь! — закричалъ де-Флоттъ.

Они остановили телѣгу съ навозомъ и опрокинули ее среди улицы Фобуръ-Сентъ-Антуанъ.

Подвернулась молочница.

Они опрокинули телѣжку молочницы.

Булочникъ показался въ телѣжкѣ, запряженной лошадью. Увидѣвъ, что происходитъ, онъ пустилъ-было лошадь въ галопъ. Двое или трое гаменовъ — изъ тѣхъ парижскихъ ребятишекъ, которые смѣлы какъ львы и проворны какъ кошки — побѣжали вслѣдъ за булочникомъ, обогнали лошадь, скакавшую галопомъ, остановили ее и подвезли телѣжку къ строившейся баррикадѣ.

Хлѣбную телѣжку опрокинули.

Наѣхалъ омнибусъ, со стороны Бастиліи.

— Ладно! — проговорилъ кондукторъ, вижу въ чемъ дѣло.

Онъ охотно слѣзъ съ козелъ и заставилъ пассажировъ выдти изъ омнибуса, послѣ того кучеръ распрягъ лошадей и ушелъ.

Омнибусъ опрокинули.

Четыре экипажа, выставленные рядышкомъ, не перегораживали улицы, очень широкой въ этомъ мѣстѣ. Разставляя ихъ, люди на баррикадѣ говорили:

— Не будемъ ломать экипажей.

Вышла довольно плохая баррикада, очень низкая, слишкомъ короткая и оставлявшая тротуары свободными по обѣимъ сторонамъ.

Въ эту минуту проѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба, въ сопровожденіи ординарца, увидѣлъ баррикаду и ускакалъ во весь опоръ.

Шельхеръ спокойно осматривалъ опрокинутые экипажи. Подойдя къ телѣгѣ крестьянина, возвышавшейся надъ другими, — онъ сказалъ:

— Только эта одна и путная.

Баррикада росла. На нее побросали нѣсколько пустыхъ корзинъ, которыя ее увеличивали, не укрѣпляя.

Они еще работали, когда прибѣжалъ ребенокъ, крича:

— Солдаты идутъ!

Дѣйствительно, двѣ роты шли скорымъ шагомъ отъ Бастиліи черезъ предмѣстье и выстраивались небольшими отрядами, разставленными въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, запирая всю улицу.

Двери и окна поспѣшно затворялись.

Въ эту минуту нѣсколько человѣкъ въ блузѣ показались на углу улицы Сентъ-Маргеритъ, совсѣмъ возлѣ баррикады, и закричали: — A bas les vingt-cinq francs!

Боденъ, уже избравшій себѣ боевой постъ и стоявшій на баррикадѣ, пристально поглядѣлъ на этихъ людей, говоря:

— «Вы сейчасъ увидите, какъ умираютъ за двадцать-пять франковъ!»

На улицѣ поднялся шумъ. Нѣсколько послѣднихъ дверей, остававшихся отпертыми, заперлись. Двѣ другихъ боевыхъ колонны показались въ виду баррикады. Дальше смутно виднѣлись еще ряды штыковъ.

Шельхеръ съ повелительнымъ жестомъ поднялъ руку и приказалъ капитану, командовавшему передовымъ отрядомъ, остановиться.

Капитанъ шпагой сдѣлалъ отрицательный знакъ. Все 2-ое декабря выразилось въ этихъ двухъ жестахъ. Законъ говорилъ: — Стой! Сабля отвѣчала:—нѣтъ!

Обѣ роты продолжали надвигаться, но медленными шагами и по частямъ.

Шельхеръ сошелъ съ баррикады на улицу. Де-Флотъ, Дюлакъ, Малардье, Брилье, Мень, Брюкнеръ послѣдовали за нимъ.

Тогда увидѣли изумительное зрѣлище.

Семь представителей народа, вооруженные только своими шарфами, т.-е. закономъ и правомъ, направились прямо къ солдатамъ, которые въ нихъ прицѣлились.

Другіе депутаты, оставшіеся на баррикадѣ, дѣлали послѣднія приготовленія къ сопротивленію.

Увидя подходящихъ депутатовъ, солдаты и офицеры на минуту смутились. Однако капитанъ сдѣлалъ имъ знакъ остановиться.

Они остановились, и Шельхеръ сказалъ внушительнымъ тономъ:

— Солдаты! мы представители самодержавнаго народа, мы ваши представители, мы избранники всеобщей подачи голоса. Во имя конституціи, во имя общей подачи голоса, во имя республики, мы, представители національнаго собранія, мы, представители закона, приказываемъ вамъ присоединиться къ намъ, приглашаемъ васъ повиноваться намъ. Ваши начальники—это мы. Армія принадлежитъ народу, а представители народа—начальники арміи. Солдаты! Луи-Бонапартъ нарушилъ конституцію, и мы объявили его внѣ закона. Повинуйтесь намъ.

Командующій офицеръ, капитанъ по имени Пти, не далъ договорить.

— Господа,—сказалъ онъ,—мнѣ приказано дѣйствовать. Я тоже изъ народа. Я республиканецъ, какъ и вы, но я простое орудіе.

— Вы знаете конституцію?—спросилъ Шельхеръ.

— Я знаю только мою дисциплину.

— Есть дисциплина выше всѣхъ другихъ дисциплинъ,—возразилъ Шельхеръ,—та, которая обязываетъ солдата быть гражданиномъ, дисциплина закона.

И снова повернулся къ солдатамъ, готовясь продолжать свою рѣчь, но капитанъ закричалъ ему:

— Ни слова болѣе. Замолчите. Если вы прибавите хоть одно слово, я велю стрѣлять.

— Что намъ за дѣло!—отвѣчалъ Шельхеръ.

— Въ штыки! — закричалъ капитанъ. И, повернувшись къ отряду:—Croisez-tu!

— Да здравствуетъ республика!—закричали депутаты.

Штыки опустились, ряды заколыхались, и солдаты бѣгомъ бросились на неподвижныхъ депутатовъ.

Минута была страшная и грандіозная.

Семеро депутатовъ видѣли, какъ штыки близились къ ихъ груди, не говоря ни слова, не дѣлая ни одного движенія, не отступая назадъ. Но смущеніе, котораго не было въ ихъ душѣ, овладѣло сердцами солдатъ.

Солдаты ясно сознавали, что мундиръ ихъ будетъ запятнанъ вдвойнѣ, если они нападутъ на представителей народа, т.-е. совершатъ измѣну, и убьютъ безоружныхъ людей, т.-е. совершатъ подлость. Измѣна же и подлость—это два такихъ эполета, съ которыми иногда мирится французскій генералъ, солдатъ же—никогда.

Когда штыки были совсѣмъ уже у груди депутатовъ, они сами собой отвернулись, и солдаты единодушнымъ движеніемъ прошли между депутатами, не причинивъ имъ вреда. Только у Шельхера сюртукъ былъ проколотъ въ двухъ мѣстахъ, да и то, по его убѣжденію, это произошло отъ неосторожности, а не нарочно. Одинъ изъ солдатъ хотѣлъ устранить его отъ капитана и задѣлъ штыкомъ. Кончикъ штыка наткнулся на книжку съ адресами депутатовъ, лежавшую въ карманѣ Шельхера и только прокололъ его платье.

Одинъ солдатъ сказалъ де-Флотту:

— Гражданинъ, мы не желаемъ сдѣлать вамъ ничего худого.

Между тѣмъ другой солдатъ подошелъ къ Брюкнеру и прицѣлился въ него.

— Ну,—сказалъ Брюкнеръ,—стрѣляйте.

Солдатъ, растроганный, опустилъ оружіе и пожалъ руку Брюкнеру.

Между тѣмъ на баррикадѣ царствовала тревога, и, видя, что

[illegible] окруженія, желая пособить имъ, оттуда выстрѣлили изъ ружья. Этотъ несчастный выстрѣлъ убилъ солдата, стоявшаго между де-Флоттомъ и Шельхеромъ.

Офицеръ, командовавшій вторымъ отрядомъ, шедшимъ въ атаку, проходилъ мимо Шельхера въ то время, какъ бѣдный солдатъ падалъ. Шельхеръ указалъ на него офицеру. — Поручикъ, — сказалъ онъ, — поглядите.

Офицеръ отвѣчалъ съ жестомъ отчаянія:

— Что же намъ дѣлать!

Обѣ роты отвѣчали на ружейный выстрѣлъ общимъ залпомъ, и бросились на приступъ баррикады, оставивъ позади себя семерыхъ депутатовъ, дивившихся тому, что они живы.

Баррикада отвѣчала тоже залпомъ, но она не могла держаться. Ее взяли.

Боденъ былъ убитъ.

Онъ не сходилъ съ своего боевого поста на омнибусѣ. Три пули сразили его. Одна ударила въ правый глазъ и проникла въ мозгъ. Онъ упалъ. И больше не приходилъ въ себя. Полчаса спустя онъ уже умеръ. Его тѣло снесли въ госпиталь Сентъ-Маргеритъ.

Еще подробность, которую стóитъ отмѣтить, это — что солдаты не взяли ни одного плѣннаго на этой баррикадѣ. Тѣ, кто ее защищалъ, разсѣялись по улицамъ предмѣстья, гдѣ нашли убѣжище въ сосѣднихъ домахъ. Депутата Мэнь испуганныя женщины протолкнули за одну дверь, и онъ очутился въ обществѣ одного изъ солдатъ, только-что бравшихъ баррикаду. Минуту спустя депутатъ и солдатъ вышли вмѣстѣ. Депутатамъ предоставили свободно покинуть это поле битвы.

Въ виду Сентъ-Антуанской баррикады, столь геройски построенной депутатами и столь печально покинутой населеніемъ, послѣднія иллюзія, мои иллюзіи, — говоритъ Викторъ Гюго, должны были разсѣяться. Боденъ убитъ, предмѣстье безмолвствуетъ — отвѣтъ довольно ясенъ. То было очевидное, безусловное, неотразимое доказательство факта, съ которымъ я никакъ не могъ примириться: инерціи народа; инерціи убійственной, если народъ понималъ въ чемъ дѣло, измѣны самому себѣ, если онъ не понималъ, роковой пассивности во всякомъ случаѣ, бѣдствія, отвѣтственность за которое, повторяемъ, падаетъ не на народъ, но на тѣхъ, которые въ іюнѣ 1848 г., посуливъ ему сначало амнистію, отказали въ ней и смутили великую душу парижскаго населенія

тѣмъ, что не сдержали даннаго слова. Законодательное собраніе пожинало то, что посѣяло учредительное. Мы, невинные въ проступкѣ, страдали отъ его результата.

Искра, которая одну минуту пробѣжала-было въ толпѣ, потухла, и сначала Мэнь, затѣмъ Брилье, Брюкнеръ, позднѣе Шарамоль, Мадье де-Монжо, Бастидъ и Дюлакъ пришли сообщить намъ о томъ, что происходило на Сентъ-Антуанской баррикадѣ, о причинахъ, заставившихъ депутатовъ опередить часъ, назначенный для сборища, и о смерти Бодена. Отчетъ, который я самъ сдѣлалъ о томъ, что видѣлъ и который Кассаль и Александръ Рей дополнили новыми подробностями, окончательно выяснилъ положеніе. Комитетъ не могъ долѣе колебаться; я самъ пересталъ вѣрить въ обширную демонстрацію, въ могучее возраженіе на государственный переворотъ, въ родѣ регулярнаго сраженія, которое зададутъ стражи республики бандитамъ Елисейскаго дворца. Предмѣстья не явились на призывъ; у насъ былъ рычагъ — право, но не было массы, которую бы можно было поднять имъ, — народа, какъ это съ-разу заявили два великихъ оратора, Мишель де-Буржъ и Жюль Фавръ, съ глубокимъ политическимъ смысломъ, ихъ отличающимъ; оставалось только одно: вести медленную, продолжительную борьбу, избѣгая рѣшительныхъ стычекъ, мѣняя кварталы, держа Парижъ въ-попыхахъ; пусть каждый говоритъ: еще не конецъ; пусть департаменты успѣютъ заявить о своемъ сопротивленіи, пусть войска не знаютъ отдыха, и, быть можетъ, парижскій народъ, который не можетъ долго и безнаказанно нюхать пороха, наконецъ, вспыхнетъ. Повсемѣстныя баррикады, слабо обороняемыя, немедленно возстановляемыя, не вступающія въ бой, но выростающія, какъ грибы,—вотъ стратегія, на которую указывало положеніе. Комитетъ принялъ ее и разослалъ во всѣ стороны приказанія въ этомъ смыслѣ. Мы засѣдали въ эту минуту въ улицѣ Ришельё, № 15, у нашего собрата Греви, который былъ арестованъ наканунѣ и отвезенъ въ Мазасъ. Братъ его предложилъ намъ его квартиру для совѣщаній. Депутаты, наши естественные эмиссары, стекались къ намъ со всѣхъ сторонъ и разсѣевались по Парижу съ нашими инструкціями, съ цѣлью организовать на всѣхъ пунктахъ сопротивленіе. Комитетъ былъ ихъ душой, а они были его орудіями. Нѣсколько бывшихъ членовъ учредительнаго собранія, людей испытанныхъ, Гарнье-Паже, Марй, Мартенъ (изъ Страсбурга), Лессакъ, Ландрёнъ присоединились наканунѣ къ депутатамъ. Итакъ, во всѣхъ кварталахъ, гдѣ только было можно, учредились постоянные комитеты, сообщавшіеся съ нами, центральнымъ комитетомъ, и состоявшіе

изъ депутатовъ или преданныхъ гражданъ. Мы избрали паролемъ: Боденъ!

Около полудня центръ Парижа началъ волноваться.

Появился нашъ призывъ къ оружію, прибитый сначала на площади Биржи и въ улицѣ Монмартръ. Группы толпились вокругъ него и читали, вступая въ борьбу съ полицейскими агентами, старавшимися разорвать афиши. Другіе, литографированные листки содержали декретъ о низложеніи Луи-Бонапарта, вотированный правой стороной въ мэріи X округа и объявленіе внѣ закона, вотированное лѣвой стороной. Раздавался также, напечатанный кое-какъ на сѣрой бумагѣ, приговоръ высшей судебной палаты, объявлявшей Луи-Бонапарта виновнымъ въ государственной измѣнѣ и подписанный Гардуэномъ, президентомъ, Делапальмъ, Моро, Коши, Ботайль, судьями. Послѣднее имя было литографировано такъ по ошибкѣ, надо читать Патайль.

Въ то же самое время въ народныхъ кварталахъ на всѣхъ углахъ прибивались двѣ афиши.

Первая гласила:

Къ народу.

Стат. 3. Конституція ввѣряется охраненію и патріотизму французскихъ гражданъ. Луи-Наполеонъ объявляется внѣ закона.

Осадное положеніе отмѣняется.

Всеобщая подача голоса возстановляется.

Да здравствуетъ республика!

Къ оружію!

От имени Горы
делегатъ
Викторъ Гюго [1]).

Вторая гласила слѣдующее:

Жители Парижа!

Національная гвардія и населеніе департаментовъ идутъ на Парижъ, чтобы помочь вамъ захватить измѣнника Луи-Наполеона Бонапарта.

За представителей народа:

Викторъ Гюго, президентъ.
Шельхеръ, секретарь.

---

[1]) По поводу этой афиши, авторъ этой книги получилъ слѣдующее письмо:

„Гражданинъ Викторъ Гюго! Мы знаемъ, что вы издали призывъ къ оружію. Мы не могли его достать. Мы пополняемъ его этими афишами, которыя подписываемъ вашимъ именемъ. Вы не отречетесь отъ насъ. Когда Франція въ опасности, имя ваше принадлежитъ всѣмъ; ваше имя—общественная сила.

Доба.—Феликсъ Бони".

Эта послѣдняя афиша, напечатанная на маленькихъ четвертушкахъ бумаги, распространилась,—говоритъ одинъ исторіографъ государственнаго переворота,—въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Съ своей стороны, злоумышленники, засѣдавшіе въ правительственныхъ зданіяхъ, возражали угрозами; большія бѣлыя афиши, то-есть оффиціальныя, росли, какъ грибы. Въ одной читали:

«Мы, префектъ полиціи,

«постановляемъ слѣдующее:

«Статья 1-я. — Уличныя сборища строго воспрещаются. Они будутъ немедленно разсѣяны силой.

«Статья 2-я. — Возмутительные крики, публичное чтеніе, прибитіе къ стѣнамъ политическихъ объявленій, исходящихъ не отъ власти правильно учрежденной, точно также воспрещаются.

«Статья 3-я. — Агенты общественной силы будутъ надзирать за исполненіемъ настоящаго приказа.

«Данъ въ полицейской префектурѣ, 3-го декабря 1851 г.

«Префектъ полиціи

«де-Мопá.

«Читанъ и одобренъ

«министромъ внутреннихъ дѣлъ

«де-Морни».

Въ другой стояло:

«Военный министръ,

«принимая во вниманіе осадное положеніе

«постановляетъ:

«каждый, взятый при постройкѣ или оборонѣ баррикады, или съ оружіемъ въ рукахъ, *будетъ разстрѣлянъ*.

«Дивизіонный генералъ, военный министръ,

«де-Сентъ-Арно».

Бульвары наполнялись волнующейся толпой. Волненіе, возрастая въ центрѣ, охватило уже три округа: VI-й, VII-й и XII-й. Учебный кварталъ зашевелился. Студенты-юристы и студенты-медики привѣтствовали де-Флотта на площади Пантеона. Мадье-де-Монжó, пылкій, краснорѣчивый, бѣгалъ по Бельвильскому предмѣстью и волновалъ его. Войска, увеличивающіяся съ каждой минутой, занимали всѣ стратегическіе пункты Парижа.

Въ часъ пополудни одинъ молодой человѣкъ былъ привезенъ къ намъ адвокатомъ рабочихъ ассоціацій, бывшимъ членомъ учредительнаго собранія, Леблономъ, у котораго комитетъ совѣщался въ это самое утро. Мы засѣдали непрерывно:—Карнó, Жюль-Фавръ, Мишель де-Буржъ и я. Этотъ молодой человѣкъ,

съ степенной рѣчью и умнымъ взглядомъ, назывался Кингъ. Его посылалъ къ намъ комитетъ рабочихъ ассоціацій, которыхъ онъ былъ делегатомъ. Рабочія ассоціаціи, сказалъ онъ намъ, предлагаютъ себя въ распоряженіе комитета легальной инсуррекціи, учрежденнаго лѣвой стороной. Они могли доставить для борьбы отъ пяти до шести тысячъ рѣшительныхъ людей. Пороха приготовятъ; что касается ружей, то ихъ достанутъ. Рабочія ассоціаціи просятъ боевого приказа, подписаннаго нами.

Жюль-Фавръ взялъ перо и написалъ:

«Нижеподписавшіеся депутаты даютъ полномочіе гражданину Кингу и его друзьямъ оборонять вмѣстѣ съ ними, съ оружіемъ въ рукахъ, всеобщую подачу голоса, республику, законы».

Онъ помѣтилъ эту бумагу и мы всѣ четверо подписались подъ ней.

— Этого достаточно,—сказалъ намъ делегатъ,—вы про насъ услышите.

Два часа спустя, намъ пришли возвѣстить, что бой начался. Дрались въ улицѣ Омеръ...

Въ ночь съ 3-го на 4-е декабря, въ то время, какъ истомленные усталостью и обреченные катастрофамъ, мы спали сномъ праведныхъ, въ Елисейскомъ дворцѣ не смыкали глазъ. Тамъ царила злая безсонница. Около двухъ часовъ утра, ближайшій изъ наперсниковъ Елисейскаго дворца, послѣ Морни, графъ Рогé, бывшій пэръ Франціи и генералъ-лейтенантъ, вышелъ изъ кабинета Луи-Бонапарта; его сопровождалъ Сентъ-Арно. Сентъ-Арно былъ назначенъ военнымъ министромъ.

Два полковника дожидались въ маленькой пріемной залѣ.

Сентъ-Арно былъ генералъ, служившій нѣкогда фигурантомъ въ театрѣ *Ambigu*. Онъ началъ свою карьеру комикомъ за-заставой. И сталъ трагикомъ, впослѣдствіи. Примѣты: высокій ростъ, сухощавый, тонкій, костистый, сѣдые усы, плоскіе волосы, неблагородная физіономія. То былъ разбойникъ, притомъ дурно воспитанный. Онъ произносилъ «peuple souverain». Морни смѣялся надъ нимъ. «Il ne prononce pas mieux le mot qu'il ne comprend la chose», говорилъ онъ. Елисейскій дворецъ, помѣшанный на изяществѣ, съ трудомъ мирился съ Сентъ-Арно. Кровожадность его натуры заставляла прощать вульгарность. Сентъ-Арно былъ храбръ, жестокъ и застѣнчивъ. Онъ отличался смѣлостью стараго рубаки и неловкостью оборванца, пробившагося въ люди. Мы увидѣли его однажды на трибунѣ, блѣднаго, бор-

мотавшаго что-то сквозь зубы, но наглаго. У него было длинное костлявое лицо и челюсть, внушавшая страхъ. Театральная кличка его была «Флориваль». То былъ комедіантъ, ставшій солдафономъ. Онъ умеръ маршаломъ Франціи. Личность зловѣщая.

Два полковника, дожидавшіеся Сентъ-Арно въ пріемной, были командирами тѣхъ смѣлыхъ полковъ, которые въ рѣшительную минуту увлекаютъ за собой другіе полки, смотря по приказу: или на славный подвигъ, какъ при Аустерлицѣ, или же на преступленіе, какъ восемнадцатаго брюмера. Эти два офицера принадлежали къ разряду тѣхъ, кого Морни называлъ «la crème des colonels endettés et viveurs». Мы не назовемъ ихъ здѣсь; одинъ умеръ; другой еще живъ: онъ себя узнаетъ.

Первый, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, былъ лукавъ, смѣлъ, неблагодаренъ,—три качества, обезпечивающія успѣхъ. Герцогъ Омальскій спасъ ему жизнь въ Африкѣ. Онъ былъ тогда молодымъ капитаномъ. Пуля пронизала его насквозь, онъ упалъ въ кусты; кабилы подскакали, чтобы отрѣзать ему голову,—герцогъ Омальскій нагрянулъ съ двумя офицерами, однимъ солдатомъ и трубачомъ, прогналъ кабиловъ и спасъ капитана. Спасши, онъ его полюбилъ. Одинъ былъ признателенъ, другой нѣтъ. Признательнымъ оказался спаситель. Герцогъ Омальскій былъ благодаренъ молодому капитану за то, что тотъ доставилъ ему случай совершить геройское дѣло. Онъ произвелъ его въ эскадронные командиры; въ 1849 году этотъ эскадронный командиръ былъ сдѣланъ подполковникомъ, командовалъ колонной аттаки при осадѣ Рима, затѣмъ вернулся въ Африку, гдѣ Флёри завербовалъ его вмѣстѣ съ Сентъ-Арно. Луи-Бонапартъ произвелъ его въ полковники въ 1851 году, и призналъ его своимъ человѣкомъ. Въ ноябрѣ этотъ полковникъ Луи-Бонапарта писалъ о немъ герцогу Омальскому: «отъ этого негоднаго авантюриста нельзя ждать ничего путнаго». Въ декабрѣ онъ командовалъ полкомъ убійцъ. Позднѣе, въ Добруджѣ, лошадь, которую онъ муштровалъ, разсердилась и зубами вырвала у него одну щеку, такъ что послѣ того его можно было бить только по одной щекѣ.

Другой уже посѣдѣлъ и насчитывалъ сорокъ-восемь лѣтъ. Онъ былъ тоже гуляка и кровопійца. Какъ гражданинъ — подлецъ; какъ воинъ — храбръ. Онъ однимъ изъ первыхъ проскочилъ въ брешь при осадѣ Константины. Смѣсь храбрости и низости. Рыцаремъ его можно было назвать развѣ только въ смыслѣ «chevalier d'industrie». Луи-Бонапартъ произвелъ его въ полковники въ 1851 году. Долги его были уплачены два раза двумя прин-

цами: въ первый разъ — герцогомъ Орлеанскимъ, во второй разъ — герцогомъ Немурскимъ.

Вотъ какіе люди были эти два полковника.

Сентъ-Арно говорилъ имъ что-то шопотомъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ...

Луи-Бонапартъ разогналъ собраніе солдатами, высшую судебную палату — полиціей; онъ послалъ привратника разогнать государственный совѣтъ.

2-го декабря утромъ, въ тотъ самый часъ, какъ депутаты правой стороны собирались у Дарю, въ мэріи X-го округа, члены государственнаго совѣта отправились въ отель набережной д'Орсэ. Они входили одинъ за другимъ.

Набережная была покрыта солдатами. Тамъ расположенъ былъ бивуакомъ цѣлый полкъ и разставилъ ружья пирамидой.

Вскорѣ членовъ государственнаго совѣта набралось человѣкъ тридцать. Они открыли засѣданіе. Составленъ былъ проектъ протеста. Въ ту минуту, какъ они готовились его подписать, вошелъ привратникъ, весь блѣдный. Онъ что-то бормоталъ. И объявилъ, что исполняетъ приказаніе начальства и приглашаетъ членовъ государственнаго совѣта удалиться.

Послѣ этого нѣкоторые члены государственнаго совѣта объявили, что, несмотря на все свое негодованіе, они не поставятъ своихъ подписей рядомъ съ республиканскими подписями.

Этимъ они заявили о своемъ послушаніи привратнику.

Бетмонъ, одинъ изъ предсѣдателей государственнаго совѣта, предложилъ свой домъ. Онъ жилъ въ улицѣ Сенъ-Роменъ. Члены республиканцы отправились туда и подписали слѣдующій протестъ:

Протестъ государственнаго совѣта.

«Нижеподписавшіеся, члены государственнаго совѣта, избранные учредительнымъ и законодательнымъ собраніями, собравшись, вопреки декрету 2 декабря, въ мѣсто своихъ засѣданій и найдя его окруженнымъ солдатами, которые преградили имъ доступъ, протестуютъ противъ акта, которымъ произнесено распущеніе государственнаго совѣта и объявляютъ, что пріостановили отправленіе своихъ обязанностей лишь вслѣдствіе насилія.

«Парижъ, 3 декабря, 1851 г.».

Нѣкоторые члены, жившіе въ отдаленныхъ кварталахъ, не могли прибыть на мѣсто сборища. Самый младшій изъ членовъ государственнаго совѣта, человѣкъ твердаго характера и благороднаго ума, Эдуардъ Шартонъ, взялъ на себя разнести протестъ отсутствующимъ собратьямъ.

Онъ исполнилъ это не безъ риска для себя, пѣшкомъ, такъ

какъ не могъ найти экипажа; его безпрестанно останавливали солдаты, грозили обыскомъ, что было бы для него небезопасно. Однако онъ добрался до многихъ членовъ государственнаго совѣта. Многіе подписали, кто съ рѣшимостью, кто со страхомъ.

Многіе отказались, оправдываясь кто престарѣлыми годами, что *res angusta domi*, кто «страхомъ поработать на пользу красныхъ».—Скажите просто—страхомъ,—возразилъ Шартонъ.

На другой день 3-го декабря, Вивьенъ и Бетмонъ снесли протестъ Булэ де-ла-Мертъ, вице-президенту республики и президенту государственнаго совѣта, который принялъ ихъ въ халатѣ и закричалъ:

— «Убирайтесь. Губите себя, если хотите, но только безъ меня».

Утромъ, 4 числа, де-Кормененъ зачеркнулъ свою подпись, сославшись на слѣдующій достовѣрный и невѣроятный доводъ: Слова: *бывшій* членъ государственнаго совѣта—очень неэффектны на книгѣ. *Я боюсь повредить своему издателю.*

Еще характерная подробность. Бегинъ, утромъ 2 числа, пришелъ въ то время, какъ составляли протестъ. Онъ пріотворилъ дверь. У двери стоялъ Готье де-Рюмильи, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ членовъ государственнаго совѣта. Бегинъ спросилъ у Готье де-Рюмильи: — что вы дѣлаете? это преступленіе. Что мы такое затѣяли?—Готье де-Рюмильи—отвѣчалъ:—протестъ.—Съ этимъ словомъ Бегинъ затворилъ дверь и исчезъ.

Позднѣе онъ появился на свѣтъ божій при имперіи, министромъ.

Въ это утро докторъ Ивонъ встрѣтилъ доктора Коннó. Они были знакомы другъ съ другомъ и разговорились. Ивонъ принадлежалъ къ лѣвой сторонѣ. Коннó къ партіи Елисейскаго дворца. Ивонъ узналъ отъ Коннó слѣдующія подробности о томъ, чтó происходило ночью въ Елисейскомъ дворцѣ и передалъ намъ.

Одна изъ этихъ подробностей гласила:

Изданъ безжалостный декретъ и будетъ обнародованъ. Этотъ декретъ приказываетъ всѣмъ покориться государственному перевороту. Сентъ-Арно, который въ качествѣ военнаго министра долженъ былъ подписать декретъ, редактировалъ его. Дойдя до параграфа, гласившаго:—кто будетъ пойманъ на томъ, что строитъ баррикаду или прибиваетъ афишу экс-депутатовъ, или читаетъ ее, тотъ будетъ...—Тутъ Сентъ-Арно остановился; Морни пожалъ плечами, вырвалъ у него перо изъ рукъ и написалъ:—*разстрѣлянъ!*

Были декретированы еще и другія вещи, но о нихъ никто еще ничего не зналъ.

Различныя свѣдѣнія доходили до насъ одно за другимъ.

Одинъ національный гвардеецъ, по имени Буало-де-Доль, стоялъ въ караулѣ съ 3-го на 4-ое декабря въ Елисейскомъ дворцѣ. Окна въ кабинетѣ Луи-Бонапарта, расположеннаго въ нижнемъ этажѣ, оставались освѣщенными всю ночь. Въ салонѣ рядомъ происходилъ военный совѣтъ. Изъ будки, гдѣ онъ стоялъ на часахъ, Буало видѣлъ какъ обрисовывались на стеклахъ темные профили и жестикулирующія тѣни: то были Маньянъ, Сентъ-Арно, Персиньи, Флёри, преступныя видѣнія.

Кортъ, кирасирскій генералъ, былъ призванъ, равно какъ и Карреле́, командовавшій дивизіей, которая на другой день, 4 декабря, поработала всѣхъ усерднѣе. Съ полуночи и до трехъ часовъ утра генералы и полковники «то и знай, что пріѣзжали и уѣзжали». Пріѣзжали даже простые капитаны. Около четырехъ часовъ пріѣхало нѣсколько каретъ «съ женщинами». Оргія была неразлучна съ этимъ злодѣяніемъ. Будуары въ дворцахъ соперничали съ вертепами въ казармахъ.

Дворъ былъ полонъ уланъ, державшихъ подъ уздцы лошадей, на которыхъ прискакали генералы, въ то время какъ послѣдніе совѣщались.

Двѣ изъ женщинъ, пріѣзжавшихъ въ эту ночь, принадлежатъ въ извѣстной мѣрѣ исторіи. Эти женщины повліяли на несчастныхъ генераловъ. Обѣ принадлежали къ высшему свѣту. Первая была та самая маркиза де-***, съ которой случилась такая исторія, что она сперва обманула мужа, а затѣмъ въ него влюбилась. Она признала, что любовникъ не стоитъ мизинца мужа; это бываетъ. Она была дочерью причудливѣйшаго изъ маршаловъ Франціи и хорошенькой графини де-***, которой Шатобріанъ, проведя съ ней ночь, посвятилъ слѣдующее четверостишіе: его можно теперь напечатать, такъ какъ всѣ участники въ этой исторіи умерли.

Des rayons du matin l'horizon se colore,
Le jour vient éclairer notre tendre entretien,
Mais est-il un sourire aux lévres de l'aurore
Aussi doux que le tien?

Улыбка дочери была такъ же прелестна, какъ и улыбка матери, но причиняла еще больше зла.—Другая была m-me К... русская, бѣлая, высокая, бѣлокурая, веселая, путавшаяся въ дипломатическія интриги, хранившая и показывавшая шкатулку съ любовными письмами отъ графа Молѐ, отчасти шпіонка и безусловно восхитительная и скверная женщина.

О предосторожностяхъ, принятыхъ на всякій случай, публика

могла догадываться. Со вчерашняго дня изъ оконъ сосѣднихъ домовъ можно было видѣть во дворѣ Елисейскаго дворца двѣ запряженныхъ почтовыхъ кареты, готовыхъ къ отъѣзду; почтальонъ не слѣзалъ съ козелъ.

Въ конюшняхъ Елисейскаго дворца, въ улицѣ Монтань, стояли другія запряженныя кареты и осѣдланныя лошади.

Луи-Бонапартъ не спалъ. Въ ночь онъ отдавалъ таинственныя приказанія; и утромъ на его блѣдномъ лицѣ читалось нѣкотораго рода злодѣйское спокойствіе.

Успокоившееся преступленіе—бѣдовое дѣло.

Утромъ даже онъ чуть не засмѣялся.

Морни приходилъ въ его кабинетъ. Луи-Бонапарта трясла лихорадка; онъ призвалъ Коннô и тотъ присутствовалъ при разговорѣ. Прислуги обыкновенно не остерегаются въ такихъ случаяхъ, а между тѣмъ у ней есть уши.

Морни привезъ докладъ полиціи. Двѣнадцать рабочихъ въ національной типографіи отказались въ ночь на 2 декабря печатать декреты и прокламаціи. Ихъ немедленно арестовали. Полковникъ Форестье арестованъ. Его перевезли изъ крѣпости Бисетръ вмѣстѣ съ Кроче-Спинелли, Женилье, Полино и другими. Послѣднее имя поразило Луи-Бонапарта; — кто такое этотъ Полино?— Морни отвѣчалъ:—отставной офицеръ, служившій у персидскаго шаха. И прибавилъ: — *смѣсь Донъ-Кихота съ Санхой-Пансой.* Этихъ узниковъ посадили въ казематъ № 6. Луи-Бонапартъ спросилъ:—какого рода эти казематы? И Морни отвѣчалъ:—темные и душные погреба; двадцать-четыре метра въ длину, восемь въ ширину, пять въ вышину, стѣны влажныя, полъ сырой.—Луи-Бонапартъ спросилъ:—Имъ дали соломы? И Морни отвѣчалъ:—нѣтъ еще; со временемъ увидимъ. И прибавилъ:—тѣ, кого сошлютъ, сидятъ въ Бисетрѣ; тѣ, кого разстрѣляютъ—въ Иври.

Луи-Бонапартъ освѣдомился о принятыхъ предосторожностяхъ. Морни сообщилъ ему всѣ свѣдѣнія:—что на всѣхъ колокольняхъ разставлены часовые;—что всѣ типографіи запечатаны;—что всѣ барабаны національной гвардіи находятся подъ ключомъ,—что нельзя, слѣдовательно, опасаться ни прокламаціи изъ какой-нибудь типографіи, ни призыва къ оружію изъ мэріи, ни набата съ колокольни.

Луи-Бонапартъ спросилъ, всѣ ли баттареи въ полномъ составѣ; каждая баттарея должна была состоять изъ четырехъ пушекъ и двухъ гаубицъ. Онъ строго приказалъ употреблять одни только восьмидюймовыя пушки и гаубицы діаметромъ въ шестнадцать сантиметровъ.

— Правда,—сказалъ Морни, посвященный въ тайну:—имъ придется поработать.

Потомъ Морни разсказалъ про Мазасъ:—что дворъ охраняется шестью-стами человѣкъ республиканской гвардіи, людьми избранными, которые, въ случаѣ нападенія, будутъ защищаться до послѣдней крайности;—что солдаты встрѣчаютъ арестованныхъ депутатовъ съ хохотомъ и что они приходили посмотрѣть на Тьера «*sous le nez*»;—что офицеры удаляютъ солдатъ, но мягко «щадятъ ихъ»;—что трое заключенныхъ сидятъ «въ безусловномъ секретѣ»: Греппó, Надó и одинъ членъ соціалистическаго комитета, Арсенъ Мёнье. Онъ занимаетъ № 32 шестого отдѣленія. Рядомъ въ № 30 помѣщается одинъ представитель правой стороны, который все время кричитъ и стонетъ, и это смѣшитъ Арсена Мёнье;—Луи-Бонапарта это тоже разсмѣшило.

Другая подробность. Когда фіакръ, привезшій База, въѣхалъ во дворъ Мазаса, онъ ударился объ ворота и фонарь фіакра упалъ нá-земь и разбился. Извозчикъ, раздосадованный убыткомъ, жаловался: — кто заплатитъ за это? — кричалъ онъ. Одинъ изъ агентовъ, сидѣвшихъ въ каретѣ вмѣстѣ съ арестованнымъ квесторомъ,—сказалъ кучеру:—будьте спокойны. Переговорите съ ефрейторомъ. Въ такихъ дѣлахъ, *если что бываетъ сломано*, то за это платитъ правительство.

Бонапартъ улыбнулся и проговорилъ себѣ подъ носъ:

— Разумѣется.

Другой разсказъ Морни тоже позабавилъ его. А именно, какъ Каваньякъ разсердился, входя въ келью Мазаса. Въ двери каждой кельи есть отверстіе, называемое *lunette*, черезъ которое сторожа наблюдаютъ за заключенными безъ ихъ вѣдома. Сторожа наблюдали за Каваньякомъ. Онъ сначала прохаживался, скрестивъ руки; затѣмъ, такъ какъ мѣста было очень мало, сѣлъ на скамейку. Эти скамейки состоятъ изъ узенькой дощечки, укрѣпленной на трехъ ножкахъ, которыя сходятся къ центру доски и тамъ проходятъ насквозь; такъ что сидѣть на ней неудобно. Каваньякъ всталъ и ударомъ ноги отправилъ скамейку на другой конецъ кельи. Затѣмъ, разъяренный и ругаясь, онъ сломáлъ ударомъ кулака маленькій столъ, который вмѣстѣ съ скамейкой составляетъ единственное убранство кельи.

Этотъ ударъ ногой и кулакомъ забавлялъ Луи-Бонапарта.

— А Моня все еще труситъ,—сказалъ Морни. И это тоже разсмѣшило Бонапарта.

Морни, окончивъ докладъ, ушелъ. Луи-Бонапартъ вошелъ въ сосѣднюю комнату; тамъ его ждала женщина. Кажется, что она

пришла за кого-то просить. Докторъ Коннб услышалъ слѣдующія выразительныя слова:—*Madame, je vous passe vos amours; passez-moi mes haines.*

Меримэ былъ низокъ по природѣ; за это нельзя на него сердиться.

Что касается Морни, то это другое дѣло; онъ былъ выше: въ немъ сидѣлъ разбойникъ.

Морни былъ смѣлъ. Разбойникъ долженъ быть смѣлымъ.

Меримэ напрасно хвалился, что былъ посвященъ въ тайну государственнаго переворота. Хотя казалось бы—хвастать тутъ нечѣмъ. Но дѣло въ томъ, что Меримэ не былъ ни во что посвященъ. Луи-Бонапартъ безъ нужды не откровенничалъ.

Прибавимъ, что очень мало вѣроятно, не смотря на указанія противнаго, чтобы въ эпоху 2 декабря Меримэ находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ Луи-Бонапартомъ. Эти сношенія завязались позднѣе. Сначала Меримэ былъ знакомъ съ однимъ Морни.

Морни и Меримэ оба были свои люди въ Елисейскомъ дворцѣ, но на различный ладъ. Можно вѣрить Морни, но нельзя вѣрить Меримэ. Морни былъ посвященъ въ крупные секреты, а Меримэ—въ мелкіе. Его спеціальностью были любовныя дѣла.

Свои люди въ Елисейскомъ дворцѣ были двухъ сортовъ: приверженцы и царедворцы.

Первымъ изъ приверженцевъ былъ Морни; первымъ.... или послѣднимъ изъ царедворцевъ былъ Меримэ.

Вотъ чему обязанъ своей «карьерой» Меримэ.

Преступленія красивы лишь въ первую минуту; они скоро увядаютъ. Этого рода успѣхъ непроченъ; необходимо обставить его иными аттрибутами.

Елисейскому дворцу нуженъ былъ литературный орнаментъ. Вертепъ не прочь разыграть изъ себя академію. Меримэ былъ не занятъ.

Ему опредѣлено было свыше подписываться: «Le Fou de l'Impératrice». Г-жа Монтихо представила его Луи-Бонапарту, который милостиво принялъ и украсилъ свой дворъ этимъ талантливымъ, но раболѣпнымъ писателемъ.

Этотъ дворъ была своего рода коллекція: выставка низости; звѣринецъ изъ пресмыкающихся; гербарій изъ ядовитыхъ растеній.

Кромѣ приверженцевъ, употреблявшихся для услугъ, и царедворцевъ, служившихъ орнаментомъ, были еще и пособники.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовалось подкрѣпленіе; иногда имъ служили женщины: «l'escadron volant».

Иногда мужчины: Сентъ-Арно, Эспинасъ, Сенъ-Жоржъ, Мона́.

Иногда ни женщины, ни мужчины: маркизъ де-С.

Эта среда была замѣчательна.

Скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Тутъ былъ Вьельяръ, воспитатель, атеистъ католическаго оттѣнка, хорошій игрокъ на билліардѣ.

Вьельяръ былъ хорошій разсказчикъ. Онъ съ улыбкой повѣствовалъ слѣдующее: въ концѣ 1807 г. королева Гортензія, охотно гостившая въ Парижѣ, написала королю Луи, что должна съ нимъ свидѣться какъ можно скорѣе, что онъ ей нуженъ и что она пріѣдетъ въ Гагу. Король сказалъ:—она беременна. И призвалъ министра фонъ-Маанена, показалъ ему письмо королевы и прибавилъ:—Она пріѣдетъ. Отлично. Наши комнаты сообщаются дверью; королева найдетъ ее замурованной. Луи серьёзно относился къ своей королевской мантіи и вскричалъ:—мантія короля не будетъ служить одѣяломъ потаскушкѣ. Министръ фонъ-Мааненъ пришелъ въ ужасъ и извѣстилъ императора. Императоръ разсердился, но не на Гортензію, а на Луи. Тѣмъ не менѣе Луи не сдался; дверь не была замурована, но его величество оказался неприступнымъ; и когда королева пріѣхала, онъ повернулся къ ней спиной. Это не помѣшало Наполеону III родиться.

Приличное число выстрѣловъ привѣтствовало его рожденіе.

Вотъ какую исторію разсказывалъ лѣтомъ 1840 года въ Сенъ-Лё—Таверни, въ домѣ подъ названіемъ «la Terrasse» при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ находился Фердинандъ Б. маркизъ де-ла-Л... товарищъ дѣтства автора этой книги, г. Вьельяръ, насмѣшливый бонапартистъ, приверженецъ скептикъ.

Кромѣ Вьельяра, тамъ былъ еще Водре, котораго Луи-Бонапартъ произвелъ въ генералы въ одно время съ Эспинасомъ. На всякій случай. Полковникъ, кующій заговоры, годится въ генералы, разставляющіе западни.

Тамъ былъ еще Фіаленъ, герцогъ капралъ.

Былъ Лакроссъ, либералъ, передавшійся клерикаламъ, одинъ изъ тѣхъ консерваторовъ, которые доводятъ порядокъ до бальзамированія, а консерватизмъ до состоянія муміи. Позднѣе сенаторъ.

Былъ Лараби, другъ Лакросса, такой же хамъ и тоже сенаторъ.

Былъ каноникъ Кокро, аббатъ «de la Belle Poule». Всѣ знаютъ, какой отвѣтъ онъ далъ одной принцессѣ, спросившей у него: «Qu'est ce que c'est que l'Elysée»? Должно быть, принцессамъ можно говорить то, чего нельзя сказать женщинамъ.

Былъ Ипполитъ Фортуль, изъ породы ползуновъ, по таланту

достойный какого-нибудь Гюстава Планша или Филарета Шаля, литературный пачкунъ, ставшій морскимъ министромъ, чтó заставило Беранже сказать: «Ce Fortoul connait tous les mâts, y compris le mât de cocagne».

Были тамъ и овернцы. Двое. Они ненавидѣли другъ друга. Одинъ прозвалъ другого: «le Chaudronnier mélancolique».

Былъ Сентъ-Бёвъ, человѣкъ образованный и бездарный, пропитанный завистью, неразлучной съ безобразіемъ. Великій критикъ, какъ Кузенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и великій философъ.

Былъ Тролонгъ, у котораго прокуроромъ былъ Дюпенъ, при которомъ самъ онъ былъ предсѣдателемъ. Дюпенъ, Тролонгъ— два профиля маски, надѣтой на законъ.

Былъ Аббатучи, совѣсть котораго все допускала. Теперь это —широкая улица.

Былъ аббатъ М... позднѣе епископъ въ Нанси, который подчеркивалъ улыбками клеветы Луи-Бонапарта.

Были безсмѣнные посѣтители знаменитой ложи въ оперѣ: Montg.*** и Lept.***, служившіе безсовѣстному принцу всей глубиной ума, отличающаго легкомысленныхъ людей.

Былъ Ромьё. Силуэтъ пьяницы, на фонѣ краснаго призрака.

Былъ Малитурнъ, недурной пріятель, непристойный и искренній человѣкъ.

Былъ Cuch***, имя котораго съ колебаніемъ произносили лакеи, докладывая о посѣтителяхъ.

Былъ Сюэнъ, человѣкъ, умѣвшій давать полезные совѣты на худыя дѣла.

Былъ Моккаръ, нѣкогда придворный красавецъ въ Голландіи. У Моккара были романическія воспоминанія. Онъ могъ быть по возрасту, а быть можетъ и иначе, отцомъ Луи-Бонапарта. Онъ былъ адвокатъ. Казался умнымъ человѣкомъ въ 1829 г. въ одно время съ Ромьё. Позднѣе онъ напечаталъ что-то такое, не помню право чтó именно, но только торжественное и in-quarto, и привезъ мнѣ это. Въ 1847 г. онъ вмѣстѣ съ княземъ де-Московà принесъ мнѣ петицію короля Жерома въ палату пэровъ. Эта петиція просила о дозволеніи вернуться во Францію фамиліи Бонапартовъ, осужденной на изгнаніе. Я поддерживалъ эту петицію: доброе дѣло и ошибка, которыя я бы повторилъ, если бы пришлось.

Былъ Бильо; съ виду ораторъ, который за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и ошибается съ авторитетомъ, почему и пользуется славой государственнаго человѣка. Для того, чтобы про-

слыть за государственнаго человѣка требуется нѣкотораго рода возвышенная бездарность.

Былъ Лавалеттъ, пополнявшій Морни и Валевскаго.

Былъ Байокки....

И еще другіе.

Вдохновляемый этими приближенными, Луи-Бонапартъ, новый голландскій Маккіавелли, во время своего президентства совался туда и сюда, появлялся въ палатѣ пэровъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Турѣ, въ Гамѣ, въ Дижонѣ, и говорилъ въ носъ рѣчи, пропитанныя измѣной.

Елисейскій дворецъ, какъ онъ ни скверенъ, играетъ роль въ нашемъ столѣтіи. Елисейскій дворецъ порождалъ катастрофы и нелѣпости.

Его нельзя пройти молчаніемъ.

Елисейскій дворецъ былъ темной и безпокойной трущобой. Въ этомъ вертепѣ обитали ничтожные, но опасные людишки. Они были по плечу другъ другу, всѣ эти карлики. Правиломъ ихъ было: наслаждаться. И они жили общественной гибелью. Въ этомъ вертепѣ дышали стыдомъ и питались тѣмъ, что убиваетъ другихъ. Тамъ искусно, преднамѣренно, ловко и энергично трудились надъ униженіемъ Франціи. Тамъ работали люди продажные, сытые и покладливые, люди публичные, читайте: проститутки. Тамъ занимались даже, какъ мы видѣли, литературой: Вьельяръ былъ классикомъ 1830 г., Морни создалъ Шуфлери, Луи-Бонапартъ былъ кандидатомъ въ академію. Диковинное мѣсто.

Отель де-Рамбулье пополамъ съ домомъ терпимости. Елисейскій дворецъ служилъ лабораторіей, конторой, исповѣдальной, альковомъ и вертепомъ имперіи. Елисейскій дворецъ стремился всѣмъ управлять, даже нравами, въ особенности нравами. Онъ придумалъ румянить грудь у женщинъ и вогналъ въ краску лицо мужчинъ. Онъ задавалъ тонъ туалету и музыкѣ. Онъ изобрѣлъ кринолинъ и оперетку. Въ Елисейскомъ дворцѣ извѣстнаго рода безобразіе считалось изяществомъ; выразительность лица тамъ возбуждала насмѣшки, такъ же какъ и величіе души. Въ Елисейскомъ дворцѣ въ продолженіи двадцати лѣтъ были въ модѣ всѣ низости, включая и мѣдный лобъ.

Исторія, какъ бы ни была она горда, обязана знать о существованіи Елисейскаго дворца. Нелѣпая сторона не уничтожаетъ его трагической стороны. Тамъ есть салонъ, который былъ свидѣтелемъ вторичнаго отреченія отъ престола, отреченія послѣ Ватерлоо. Въ Елисейскомъ дворцѣ Наполеонъ I кончилъ, а Наполеонъ III началъ. Въ Елисейскомъ дворцѣ Дюпенъ являлся

двумъ Наполеонамъ: въ 1815 г., чтобы низвернуть великаго, въ 1851 г.—чтобы поклониться ничтожному. Въ эту послѣднюю эпоху, это былъ вертепъ въ полномъ смыслѣ этого слова. У него не оставалось больше ни одной добродѣтели. При дворѣ Тиверія былъ все же Тразея, но вокругъ Луи-Бонапарта никого не было. Вы искали совѣсти—и натыкались на Бароша, искали религіи—и натыкались на Монталанбера.

Въ утро, роковой исторической памяти, 4 декабря приближенные наблюдали за господиномъ. Луи-Бонапартъ заперся у себя въ кабинетѣ; но запереться—это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выдать себя. Кто запирается, тотъ размышляетъ, а для такихъ людей размышлять—значитъ злоумышлять. Что̀ злоумышляетъ Луи-Бонапартъ? что у него на умѣ? Этотъ вопросъ задавали себѣ всѣ, кромѣ двухъ людей: Морни, совѣтчика; Сентъ-Арно, исполнителя.

Луи-Бонапартъ претендовалъ, и совершенно основательно, на знаніе людей. Онъ хвастался этимъ знаніемъ и былъ до нѣкоторой степени правъ. У иныхъ людей есть прозорливость, у него было чутье,—какъ у собаки, но за то вѣрное.

Ужъ, конечно, онъ не ошибся въ Мопа̀. Чтобы своровать законъ, ему понадобилось поддѣлать ключъ. Онъ взялъ Мопа̀. Никакая воровская отмычка не пришлась бы такъ ловко къ замку конституціи.

Онъ не ошибся въ Q. B. Онъ тотчасъ увидалъ, что въ этомъ степенномъ человѣкѣ коренятся всѣ свойства негодяя. И дѣйствительно, Q. B., послѣ того какъ вотировалъ и подписалъ низложеніе Бонапарта въ мэріи X округа, былъ однимъ изъ трехъ докладчиковъ смѣшанныхъ коммиссій; на его долю въ ужасающемъ итогѣ, занесенномъ исторіей, приходится *тысяча шестьсотъ тридцать-четыре* жертвы.

Совсѣмъ тѣмъ Луи-Бонапарту случалось и ошибаться. Онъ ошибся въ Поже (Peauger). Поже хотя и былъ избранъ имъ,—остался честнымъ человѣкомъ. Луи-Бонапартъ, опасаясь наборщиковъ національной типографіи, и не безъ основанія, потому что двѣнадцать изъ нихъ, какъ мы видѣли, оказались непокорными,—придумалъ учредить на всякій случай въ улицѣ Люксанбургъ еще типографію съ механическимъ и ручнымъ станкомъ, гдѣ работало восемь наборщиковъ; онъ поручилъ Поже управленіе этой типографіи. Когда пробилъ часъ преступленія, когда пришлось печатать подлыя афиши, онъ сондировалъ Поже и

увидѣлъ, что тотъ пришелъ въ негодованіе. Тогда онъ обратился къ Сенъ-Жоржу, который больше годился въ лакеи.

Онъ не такъ сильно ошибся, но все же ошибся также и въ Х.

2-го декабря, Х., котораго Морни считалъ необходимымъ пособникомъ, возбуждалъ тревогу Луи-Бонапарта.

Х. было сорокъ-четыре года; онъ любилъ женщинъ и желалъ составить карьеру; слѣдовательно, былъ не особенно разборчивъ на средства. Онъ дебютировалъ въ Африкѣ подъ командой полковника Комба въ 47-мъ линейномъ полку. Онъ храбро велъ себя во время осады Константины.

Въ Заачѣ онъ выручилъ Эрбильона, и осада, дурно начатая Эрбильономъ, была имъ успѣшно окончена. Х. маленькій, приземистый, съ головой ушедшей въ плечи, смѣлый, отлично зналъ, какъ вести бригаду. Въ карьерѣ его было четыре этапа: сначала Бюжó, затѣмъ Ламорисьеръ, затѣмъ Каваньякъ, затѣмъ Шангарнье. Въ Парижѣ, въ 1851 г., онъ видѣлся съ Ламорисьеромъ, который «холодно обошелся съ нимъ», и съ Шангарнье, который обошелся съ нимъ привѣтливѣе. Онъ вышелъ изъ Сатори въ негодованіи. Онъ кричалъ: «надо покончить съ этимъ Луи-Бонапартомъ. Онъ развращаетъ армію. Эти пьяные солдаты возмущаютъ душу. Я хочу вернуться въ Африку». Въ октябрѣ мѣсяцѣ, Шангарнье колебался, и энтузіазмъ Х. ослабѣлъ. Х. посѣщалъ тогда Елисейскій дворецъ, но не заявлялъ о своей приверженности. Онъ далъ слово генералу Бедо, который на него разсчитывалъ. 2-го декабря, на разсвѣтѣ, кто-то пришелъ разбудить Х. То былъ Эдгаръ Ней. Х. могъ служить подспорьемъ для государственнаго переворота, но только согласится ли онъ? Эдгаръ Ней объяснилъ ему въ чемъ дѣло, и оставилъ его не прежде, какъ тотъ выступилъ изъ казармы въ улицѣ Вертъ во главѣ 1-го полка. Х. занялъ площадь Мадленъ. Въ то время, какъ онъ подходилъ къ ней, Ларошжакленъ, выгнанный изъ собранія солдатами, переходилъ черезъ площадь. Ларошжакленъ въ ту пору еще не былъ бонапартистомъ и пришелъ въ ярость. Онъ увидѣлъ Х., своего сотоварища по военной школѣ въ 1830 г., съ которымъ былъ на «ты», подошелъ къ нему и сказалъ: — какое гнусное дѣло. Что ты тутъ дѣлаешь? — «Я жду», отвѣчалъ Х. Ларошжакленъ оставилъ его. Х. сошелъ съ лошади и пошелъ повидаться съ однимъ родственникомъ, членомъ государственнаго совѣта, жившимъ въ улицѣ Сюренъ. И спросилъ его совѣта. Родственникъ, честный человѣкъ, отвѣчалъ безъ колебанія: — я иду въ государственный совѣтъ исполнить свой долгъ. Это преступленіе. — Х. покачалъ головой и сказалъ: «посмотримъ еще».

Эти: «я жду» и «посмотримъ еще» озабочивали Луи-Бонапарта. Морни сказалъ: «напустимъ летучій эскадронъ.

Начиная съ утра 2-го декабря, съ прессою обращались съ солдатской грубостью. Серрьеръ, смѣлый типографъ, пришелъ извѣстить насъ о томъ, что̀ случилось съ «la Presse». Серрьеръ печаталъ «la Presse» и «l'Avénement du Peuple», переродившееся изъ «Evénement», запрещеннаго судебнымъ порядкомъ. 2-го декабря, въ семь часовъ утра, въ типографію ворвались двадцать-восемь солдатъ республиканской гвардіи, которыми командовалъ поручикъ, по имени Папъ (впослѣдствіи онъ былъ за это награжденъ крестомъ). Этотъ человѣкъ передалъ Серрьеру запрещеніе печатать что бы то ни было, подписанное именемъ Nusse. Полицейскій коммиссаръ сопровождалъ поручика Папъ. Этотъ коммиссаръ предъявилъ Серрьеру «декретъ президента республики», упраздняющій «l'Avénement du Peuple»; послѣ того у станковъ были разставлены часовые. Наборщики сопротивлялись; одинъ изъ нихъ сказалъ солдатамъ:—«мы будемъ печатать наперекоръ вамъ». Тогда прибыли еще сорокъ муниципальныхъ гвардейцовъ съ двумя квартирмейстерами и четырьмя ефрейторами, съ барабанщикомъ во главѣ и отрядомъ пѣхоты подъ командой капитана. Пришелъ Жирарденъ въ негодованіе и протестовалъ съ такой энергіей, что одинъ изъ квартирмейстеровъ сказалъ ему: —«я бы желалъ, чтобы у меня былъ такой полковникъ, какъ вы». Смѣлость Жирардена сообщилась и рабочимъ, и имъ удалось подъ носомъ у жандармовъ напечатать прокламаціи Жирардена и наши. Они уносили ихъ сырыми подъ жилетами.

Къ счастію, воинство было пьяно. Жандармы поили солдатъ, рабочіе пользовались этимъ и набирали прокламаціи. Муниципальные гвардейцы хохотали, ругались, «говорили каламбуры, пили шампанское и кофе» и хвастались:—«теперь мы замѣсто депутатовъ; намъ даютъ двадцать-пять франковъ въ день». Всѣ парижскія типографіи были заняты солдатами. Государственный переворотъ всѣмъ завладѣлъ. Преступники обижали даже тѣ газеты, которыя ихъ поддерживали. Въ конторѣ «Moniteur Parisien» городскіе сержанты собирались стрѣлять въ каждаго, кто только отворитъ дверь.

Деламаръ, редакторъ газеты «Patrie», осаждаемый сорока муниципальными гвардейцами, трепеталъ, какъ бы они не сломали его станковъ. Онъ сказалъ одному изъ нихъ:—«да вѣдь я за васъ!»

Жандармъ отвѣчалъ:— «а мнѣ какое дѣло?»

Въ ночь съ 3-е на 4-е декабря, около трехъ часовъ утра,

всѣ типографіи были очищены. Капитанъ сказалъ Серрьеру:— намъ приказано сосредоточиться въ своихъ кварталахъ. И Серрьеръ, сообщая намъ объ этомъ, прибавилъ:—«что-то затѣвается».

У меня завязались переговоры со вчерашняго дня съ Жоржемъ Бискаррà, человѣкомъ смѣлымъ и честнымъ; мы условливались съ нимъ, какъ организовать борьбу. Поэтому утромъ 4-го декабря мнѣ приходилось побывать въ разныхъ мѣстахъ.

Въ тотъ моментъ, какъ я разстался на улицѣ съ этимъ честнымъ и мужественнымъ человѣкомъ, ко мнѣ подошелъ его противоположность, г. Меримэ.

— Я васъ искалъ,—сказалъ мнѣ Меримэ.

Я отвѣчалъ:

— Надѣюсь, что вы меня не найдете.

Онъ протянулъ мнѣ руку, я повернулся къ нему спиной.

Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ. Говорятъ, что онъ умеръ.

Этотъ Меримэ однажды, въ 1847 году, заговорилъ со мною про Морни, и у насъ произошелъ слѣдующій разговоръ. Меримэ говорилъ:—Морни предстоитъ великая будущность. И спросилъ меня:—вы его знаете?

А я отвѣчалъ:

— Вотъ какъ! ему предстоитъ великая будущность! Да, я знаю Морни. Онъ уменъ, много бываетъ въ свѣтѣ, ведетъ промышленныя дѣла, пустилъ въ ходъ дѣло Старой-Горы, цинковыхъ копей, литтихскій каменный уголь. Имѣю честь его знать. Онъ плутъ.

Между Меримэ и мной была та разница, что я презиралъ Морни, а онъ его уважалъ.

Морни платилъ ему тѣмъ же, какъ оно и подобаетъ.

Я дождался, чтобы Меримэ завернулъ за уголъ, и вернулся въ свое убѣжище.

Пришли вѣсти о Канроберѣ. 2-го декабря вечеромъ онъ навѣстилъ m-me Лефло. На другой день, 3-го числа, назначенъ былъ балъ у Сентъ-Арно, военнаго министра. Генералъ Лефло и m-me Лефло были приглашены и должны были встрѣтиться тамъ съ Канроберомъ. Но m-me Лефло заговорила съ нимъ не о танцахъ.—Генералъ,—сказала она ему, всѣ ваши товарищи арестованы, и вы этому собираетесь помогать!—Я собираюсь въ отставку, вотъ что—отвѣчалъ Канроберъ. И прибавилъ:—вы можете передать объ этомъ Лефло. Онъ былъ блѣденъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ волненіи.

— Вы выходите въ отставку, генералъ?

— Да, сударыня.
— Это вѣрно?
— Да, сударыня, если только не произойдетъ мятежа...
— Генералъ Канроберъ, — вскричала m-me Лефло, ваше «если» говоритъ мнѣ, какъ вы поступите.

Совсѣмъ тѣмъ Канроберъ въ глубинѣ души еще не рѣшился. Канроберъ былъ воплощенная нерѣшительность. Пелиссье, человѣкъ сварливый и сердитый, говаривалъ:—Полагайтесь послѣ этого на прозвище людей! Меня зовутъ Amable, Рандона зовутъ Цезарь, а Канробера—Certain!

Нашими стараніями и благодаря патріотическому содѣйствію нѣсколькихъ студентовъ-химиковъ и фармацевтовъ, во многихъ кварталахъ наготовили пороху. Въ одномъ мѣстѣ, въ улицѣ Жакобъ, его приготовили сто килограммовъ въ одну ночь. Такъ какъ эта фабрикація происходила главнымъ образомъ на лѣвомъ берегу, а бой долженъ былъ завязаться на правомъ, то надо было перевезти черезъ мосты этотъ порохъ. Мы старались, какъ могли. Въ девять часовъ насъ пришли предупредить, что полиція, увѣдомленная объ этомъ, организовала надзоръ и что прохожихъ обыскиваютъ, въ особенности на Pont-Neuf.

Нѣкоторый стратегическій планъ выяснялся. Десять мостовъ центра города охранялись солдатами.

Прохожихъ останавливали по лицу. Одинъ городской сержантъ на углу «Pont-au-Change» говорилъ во всеуслышаніе:

— Мы забираемъ всѣхъ, у кого борода не брита и кто намъ кажется провелъ ночь безъ сна.

Какъ бы то ни было, а у насъ было немного пороха; обезоруженіе національной гвардіи въ нѣсколькихъ кварталахъ дало около восьми-сотъ ружей, наши прокламаціи и афиши прибивались къ стѣнамъ, нашъ голосъ доходилъ до народа, нѣкоторая надежда оживала.

— Движеніе растетъ! движеніе растетъ!—говорилъ Эдгаръ Кинэ, пришедшій пожать мнѣ руку.

Намъ возвѣстили, что учебныя заведенія сегодня предложатъ намъ убѣжище. Жюль-Фавръ съ радостью восклицалъ:

— Завтра мы будемъ издавать наши декреты въ Пантеонѣ!

Въ то же самое время самыя диковинныя свѣдѣнія доставлялись комитету; намъ сообщили слѣдующую записку:

«3-го декабря.

«Любезный Бокажъ,

«Сегодня, въ шесть часовъ, 25,000 франковъ обѣщаны тому, кто арестуетъ или убьетъ Виктора Гюго.

«Вы знаете, гдѣ онъ. Пусть онъ не выходитъ изъ дому, ни подъ какимъ видомъ.

Вашъ—Алекс. Дюма».

Факты, совершившіеся поутру, были очень серьёзны.

— Дѣло налаживается,—говорилъ Бастидъ.

Трудность заключалась не въ томъ, чтобы поджечь, но въ томъ, чтобы раздуть пламя.

Было очевидно, что Парижъ начиналъ сердиться. Парижъ сердится не тогда, когда ему это прикажутъ. Надо, чтобы онъ самъ вздумалъ разсердиться. У волкана есть свои нервы. Гнѣвъ медленно просыпался въ немъ, но просыпался-таки. На горизонтѣ уже виднѣлось первое зарево изверженія.

Для Елисейскаго дворца, какъ и для насъ, наступала критическая минута. Со вчерашняго дня обоюдно пытали другъ друга. Государственный переворотъ и республика готовились, наконецъ, сцѣпиться другъ съ другомъ. Комитетъ тщетно пытался задерживать движеніе. Какая-то непреодолимая сила увлекала послѣднихъ борцовъ за свободу и толкала ихъ въ дѣло. Рѣшительная битва готова была завязаться.

Въ Парижѣ, когда пробьетъ извѣстный часъ, когда наступитъ непосредственная необходимость совершить какое-нибудь преобразованіе или отстоять какое-нибудь право, мятежъ быстро охватываетъ весь городъ. Но его всегда кто-нибудь начинаетъ. Парижъ, въ своей великой исторической задачѣ, состоитъ изъ двухъ революціонныхъ факторовъ: буржуазіи и народа. И этимъ двумъ борцамъ соотвѣтствуютъ двѣ арены битвъ: Сенъ-Мартенскіе ворота, когда бунтуется буржуазія; Бастилія, когда поднимается народъ. Взоры политическихъ дѣятелей должны быть устремлены на эти два пункта. Въ современной исторіи эти два пункта знамениты; на нихъ всегда какъ будто остается немного горячаго революціоннаго пепла.

Пусть подуетъ только вѣтеръ, и этотъ горячій пепелъ разносится и покрываетъ городъ искрами.

На этотъ разъ по причинамъ, на которыя мы указали, грозное Сентъ-Антуанское предмѣстье спало, и ничто, какъ мы видѣли, не могло пробудить его. Цѣлый артиллерійскій паркъ расположился бивуакомъ съ зажженными фитилями вокругъ іюльской

колонны, этой глухо-нѣмой великанши Бастиліи. Этотъ высокій революціонный столбъ, этотъ молчаливый свидѣтель великихъ дѣлъ прошлаго времени, какъ будто все позабылъ. Печальное дѣло: булыжники, пережившіе 14-е іюля, не переворачивались подъ колесами пушекъ 2-го декабря. Итакъ, не Бастилія начала, но Сенъ-Мартенскія ворота.

Уже съ восьми часовъ утра, улицы Сенъ-Дени и Сенъ-Мартенъ волновались съ одного конца до другого. Негодующіе прохожіе ходили по нимъ. Они отдирали афиши государственнаго переворота и приклеивали на ихъ мѣсто наши прокламаціи; группы на углахъ всѣхъ окрестныхъ улицъ комментировали декретъ о признаніи Бонапарта внѣ закона, изданный членами лѣвой стороны, остававшимися на свободѣ; экземпляры вырывались изъ рукъ. Люди, взлѣзая на тумбы, читали вслухъ имена ста-двадцати членовъ, подписавшихъ декретъ, и каждое имя вызывало дружныя рукоплесканія.

Толпа росла съ каждой минутой, а съ ней вмѣстѣ и гнѣвъ. Вся улица Сенъ-Дени сплошь имѣла тотъ странный видъ, который придаютъ улицѣ запертыя двери, и окна, и жители, высыпавшіе на улицу. Поглядишь на дома—смерть; поглядишь па улицу—буря.

Вдругъ человѣкъ пятьдесятъ энергическихъ людей появилось изъ бокового переулка, и побѣжали по улицѣ, крича:—къ оружію! да здравствуютъ депутаты лѣвой стороны! да здравствуетъ конституція! Началось обезоруженіе національныхъ гвардейцевъ. Оно шло еще успѣшнѣе, чѣмъ наканунѣ. Менѣе чѣмъ въ часъ набралось сто-пятьдесятъ ружей.

Улица тѣмъ временемъ покрывалась баррикадами...

А. Э.

БОЛГАРІЯ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Замѣтки и воспоминанія.

ГЛАВА VIII *).

Болгары и наши недоразумѣнія.

Медленно двигался, во второй половинѣ іюля, безконечный обозъ нашей главной квартиры со всѣми частями военнаго управленія изъ Тырнова по направленію къ новому пункту его мѣстопребыванія. Гдѣ былъ этотъ пунктъ—навѣрное еще никто не зналъ, и только прибывъ въ Анджи, небольшую болгарскую деревню, сдѣлалось извѣстно, что избранъ—Горный-Студень. Весь этотъ путь былъ до-нельзя однообразенъ, унылъ, вполнѣ отвѣчая общему внутреннему настроенію. Мы шли точно похороннымъ маршемъ. Жители болгарскихъ деревень не встрѣчали насъ съ восторгомъ,—да и нечего имъ было радоваться. Веселаго было немного. На первомъ же привалѣ, верстахъ въ десяти отъ Тырнова, около деревни «Болванъ», населенной преимущественно турками, къ намъ подвезли одного раненаго солдата, истекавшаго кровью, который, вмѣстѣ съ пятью или шестью другими солдатами, былъ отправленъ обезоружить «мирныхъ» турокъ. Эти мирные турки встрѣтили нашихъ солдатъ ружейными выстрѣлами. Такихъ случаевъ было множество послѣ нашихъ пораженій,— о нихъ, конечно, никто и не думалъ говорить, но тутъ эта

---

*) См. выше: апр., 737 стр.

встрѣча произвела какое-то тяжелое впечатлѣніе. Видъ раненаго солдата какъ-бы говорилъ, что путь нашъ не совсѣмъ безопасенъ. Сознаніе, что «мирные» турки поднимаютъ голову, заостряло чувство обиды, испытываемое всѣми русскими, и чувство страха, охватившаго собою болгарское населеніе. Казалось вполнѣ естественнымъ, чтобы мы были ужъ не очень-то требовательны по отношенію къ болгарамъ, — но мало ли что̀ могло казаться! Напротивъ, во время нашихъ неудачъ мы особенно недружелюбно относились къ болгарамъ; намъ обидны, больны были наши пораженія, и мы вымѣщали на болгарахъ нашу злобу, обвиняя ихъ тѣмъ съ бо̀льшею настойчивостью во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ. Никогда такъ часто, какъ въ это злополучное время, въ которомъ виноваты были, безъ сомнѣнія, только мы, и мы одни,—приходилось выслушивать при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ:

— Ну, ужъ народъ! сто̀итъ изъ-за него проливать свою кровь! Неблагодарный, тупоумный—etc., etc.

Быть можетъ, эти обвиненія слышались чаще и потому, что во время этого передвиженія отъ Тырнова до Горнаго-Студеня приходилось часто останавливаться въ болгарскихъ деревняхъ, и слѣдовательно, чаще сталкиваться съ болгарами. Поводы къ столкновеніямъ были самые мелкіе и въ высшей степени однообразные. Не оказанъ болгариномъ достаточно радушный пріемъ, — тотчасъ слышится:

— Вотъ такъ народецъ! да пропадай они вовсе, всѣ эти братушки!

Отвѣтитъ болгаринъ на требованіе корма для лошадей или курицы лаконическимъ: «нема́»,—немедленно раздается:

— Турки знали, какъ съ ними справляться! мы съ ними нѣжничаемъ, а вотъ отодрать бы хорошенько, такъ другую бы пѣсню запѣли!—сто̀итъ о нихъ еще думать, да освобождать!

Подобные отзывы повторялись слишкомъ часто, чтобы не вызвать, наконецъ, вопроса: въ чемъ же однако провинились болгары и къ чему сводятся всѣ наши обвиненія? Вопросъ этотъ не праздный: напротивъ, весьма серьёзный, если мы сознаемъ важность добрыхъ отношеній между Россіей и другими славянскими народностями. Положимъ, воззрѣнія и мнѣнія частныхъ людей, даже взятыхъ въ совокупности, т.-е. всего русскаго общества, не имѣютъ особаго значенія—важно только на практикѣ одно, — чтобы правительство не относилось враждебно къ болгарамъ — но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ противодѣйствовать неправильнымъ взглядамъ, закрадывающимся въ общество. Вотъ по-

чему теперь, когда читатель познакомился хоть въ общихъ чертахъ съ оффиціальнымъ отношеніемъ къ болгарамъ, насколько оно выражалось въ гражданскомъ управленіи, и послѣ того, что передъ его глазами прошли неприкрашенныя картины бѣдствій, претерпѣваемыхъ болгарскимъ народомъ, нужно подвести итоги неоффиціальному отношенію къ болгарамъ, или — что то же — подвести итоги всѣмъ обвиненіямъ, направляемымъ противъ болгаръ, и спросить: насколько эти обвиненія справедливы?

Одно изъ первыхъ обвиненій противъ болгаръ, которое приходилось слышать какъ на мѣстѣ, въ Болгаріи, такъ и впослѣдствіи въ различныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, заключается въ такъ-называемой «неблагодарности» болгаръ.

«Неблагодарный народъ!» — вотъ слова, которыя слышались въ каждомъ разговорѣ — а ихъ было такъ много — касавшемся болгарскаго населенія.

— Да позвольте однако, — условимся, что́ называть неблагодарностью, и затѣмъ, въ чемъ она выражается?

— Да во всемъ, — получалъ я часто отвѣтъ: — развѣ та́къ они должны были бы съ нами обходиться? развѣ та́къ должны были бы принимать русскія войска?

Ка́къ же, — слѣдуетъ задаться вопросомъ, — въ дѣйствительности принимали русскихъ болгары? Никто, вѣроятно, не станетъ отрицать, что въ первый періодъ войны, т.-е. до наступленія тяжелыхъ дней, когда мы на всемъ театрѣ войны начали претерпѣвать одну неудачу за другою, — болгары относились къ намъ какъ нельзя болѣе радушно, всюду встрѣчали наши войска, какъ своихъ освободителей, и ничего не жалѣли, чтобы выказать намъ свою преданность. При самомъ нашемъ вступленіи на болгарскую почву, при занятіи перваго города, Систова, болгары искренно привѣтствовали наши войска, какъ избавителей отъ вѣкового турецкаго гнета, и эти привѣтствія сопровождали нашу армію до самаго Тырнова, а ея передовой отрядъ — вплоть до Эски-Загры. Сто́итъ лишь вспомнить тѣ встрѣчи, которыя болгары устроивали русскому войску въ Тырновѣ, въ Казанлыкѣ и другихъ городахъ, чтобы не обвинять огульно болгаръ въ черной неблагодарности. Всюду, гдѣ появлялись только наши войска въ первый періодъ кампаніи, болгары встрѣчали ихъ съ хоругвями, забрасывали цвѣтами, какъ генераловъ, такъ и солдатъ, съ радостью принимали въ своихъ домахъ офицеровъ и старались дѣлать все, что́ могло быть только пріятно русскимъ. Много, разумѣется, разсказовъ приходилось выслушивать о вступленіи нашихъ войскъ въ Тырново, Габрово, Ловчу, Казанлыкъ, Эски-

Загру и въ другіе небольшіе болгарскіе города и села, и всегда очевидцы передавали о восторженномъ пріемѣ, сдѣланномъ имъ болгарскимъ населеніемъ. Если эти встрѣчи въ общемъ были самыя радостныя и радушныя, то каждый изъ бывшихъ въ то время въ Болгаріи въ частности можетъ, мнѣ кажется, засвидѣтельствовать, что болгары относились къ намъ въ высшей степени дружелюбно. Я хорошо помню добродушныхъ хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ пришлось прожить по нѣскольку дней въ Систовѣ, Тырновѣ, Порадимѣ; и во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ личныя наблюденія какъ нельзя болѣе совпадали съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое производили разсказы о появленіи нашихъ войскъ въ болгарскихъ городахъ. Были, разумѣется, случаи недовольства болгарами и въ первый періодъ войны, но случаи эти составляли болѣе или менѣе исключенія, и преимущественно касались столкновеній съ тѣмъ классомъ болѣе турецкаго, нежели болгарскаго населенія, о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть, т.-е. съ чорбаджіями. Такъ какъ именно этому элементу населенія принадлежатъ въ селахъ и городахъ лучшіе дома, то неудивительно, что многіе офицеры предпочитали останавливаться именно у нихъ; но если при этомъ они выигрывали съ точки зрѣнія матеріальнаго удобства, то несомнѣнно проигрывали въ отношеніи радушія и теплоты пріема. Между тѣмъ, именно по образчикамъ такихъ отуреченныхъ болгаръ составляютъ часто мнѣніе о всемъ болгарскомъ населеніи.

Итакъ, если въ первый періодъ войны болгары ничѣмъ въ дѣйствительности не могли заслужить упрека въ холодности и неблагодарности къ русскимъ, то, разумѣется, нельзя сказать того же о второмъ періодѣ, столь несчастномъ въ исторіи последней войны. Послѣ плевнинскихъ неудачъ, послѣ оставленія долины Тунджи, болгары не устилали больше нашъ путь цвѣтами, не встрѣчали русскихъ съ хоругвями, съ хлѣбомъ и солью, не выражали радости и восторга при появленіи нашихъ отрядовъ, и—какъ не сказать?—они не имѣли къ тому никакихъ основаній. Привязанность народа никогда не бываетъ платоническая, и тѣ, которые желали, чтобы болгары въ самыя страшныя для нихъ минуты падали ницъ передъ русскими, доказывали только, что они не имѣли ни малѣйшаго представленія о характерѣ взаимныхъ отношеній между нами и славянскими народностями въ теченіи послѣдняго столѣтія. Наши притязанія на благодарность, наши требованія отъ болгаръ какого-то рабскаго благоговѣнія были по-истинѣ изумительны; и когда, послѣ неудачъ, болгары были объяты ужасомъ и страшились грозной перспек-

тивы поголовнаго истребленія, и мы встрѣчали извѣстную холодность, то немедленно на голову болгаръ обрушивались чуть не проклятія. И нужно было видѣть, какіе пустые предлоги вызывали наши обвиненія въ неблагодарности болгаръ, обвиненія столь усердно разносимыя чуть не по всѣмъ русскимъ газетамъ. Какъ на примѣры, я укажу на два-три случая. Во время перехода отъ Тырнова до Горнаго-Студеня, мы сдѣлали привалъ около какой-то небольшой болгарской деревни. Лишь только стали на бивуакъ, всѣ спѣшили отправить ктò казака, ктò деньщика—раздобыть въ деревнѣ барана, курицу, яицъ, — словомъ, всякую провизію. Всѣ были голодны. Деревня была верстахъ въ двухъ, и потому нѣкоторые сами отправлялись туда на поиски. Вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ пошелъ и я. По дорогѣ мы встрѣчали уже возвращавшихся изъ деревни солдатъ, и каждый почти несъ съ собою какую-нибудь провизію. Офицеръ опередилъ меня и вошелъ въ одинъ изъ домиковъ, откуда тотчасъ же я заслышалъ его громкій голосъ,—онъ кричалъ и бранился.

— О чемъ вы спорите?—спрашиваю я его, войдя во дворъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ увидѣлъ двухъ женщинъ.

— Негодный народъ! — добромъ съ нимъ ничего не подѣлаешь!

— Да вы, кажется, не очень-то добромъ ихъ берете!

— Всякаго изъ себя выведутъ! Чего ни попросишь, все говорятъ, что у нихъ нѣтъ.

— Позвольте, однако, развѣ они обязаны вамъ давать все, чтò вы спрашиваете? а затѣмъ,—кàкъ же вы хотите, чтобы они угождали вамъ, когда вы на нихъ только кричите?

То, чтò не могъ сдѣлать грозный тонъ, то сдѣлало ласковое слово. Болгарки принесли хлѣба, молока, и тѣмъ вполнѣ успокоили моего горячаго спутника. Приходимъ въ другую деревню. И люди, и лошади — всѣ голодны; но первая забота все-таки о лошадяхъ. Сѣна нѣтъ нигдѣ, овса также, лошадей кормятъ ячменемъ.

— Дайте ячменя для лошадей,—спрашиваютъ у болгаръ.

— Нѣтъ ячменя! весь вышелъ!—отвѣчаютъ они.

— Да, что же лошади околѣвать, чтò ли, должны?

Болгаринъ молчитъ.

— Ну, говори же, чтò молчишь?

Отвѣта нѣтъ.

Мы сердимся; голосъ возвышается, и слышится брань.

— А это что, развѣ не ячмень,—говоритъ кто-то, указывая на цѣлую скирду, сложенную противъ избы.

Болгаринъ объясняетъ, что до этой скирды онъ дотронуться не смѣетъ.

— Какъ не смѣешь, почему?

Оказывается, что турки, покидая деревню, пригрозили имъ, если они уберутъ съ поля хлѣбъ да ячмень, то когда они возвратятся,—сожгутъ всю деревню и жителей перерѣжутъ.

Наши неудачи напоминали имъ эту угрозу, и они оставляютъ гнить въ полѣ скирды ячменя.

— Трусы! презрѣнный народъ! — слышится восклицаніе, и дѣлается справедливое, конечно, распоряженіе употребить въ дѣло этотъ ячмень.

Вотъ еще. Входимъ мы, нѣсколько человѣкъ, въ одинъ изъ деревенскихъ дворовъ. Зовемъ хозяевъ — никто не откликается. Отворяемъ дверь, и видимъ въ комнатѣ двухъ-трехъ мальчугановъ. Взрослые спрятались. Стараемся добиться толку отъ мальчугановъ, и узнаемъ только, что мать куда-то ушла. Спрашиваемъ у дѣтей, есть ли хлѣбъ, молоко, словомъ, какая-нибудь ѣда, отвѣтъ обычный: нема! Всѣ, конечно, отлично понимаютъ, что мать, отецъ нарочно ушли изъ дому, при нашемъ приближеніи къ деревнѣ, чтобы не быть поставленными въ необходимость еще и еще разъ давать своихъ куръ, свой хлѣбъ, яйца и т. п. Дѣлать нечего, мы покидаемъ пустую хату, и такъ какъ голодъ вовсе не располагаетъ къ спокойнымъ разсужденіямъ о причинахъ такого отношенія къ намъ болгаръ, то мы уходимъ, еще разъ проклиная болгаръ за ихъ черную, возмутительную неблагодарность. Такихъ фактовъ, безъ сомнѣнія, можно было бы привести довольно много. Въ сущности факты эти довольно мелкіе, на которыхъ не стоило бы, строго говоря, и останавливаться, если бы именно такіе случаи и не служили основаніемъ для всѣхъ разглагольствованій о неблагодарности болгарскаго народа. Что говорить, иной разъ дѣйствительно такого рода ничтожныя столкновенія производили раздражающее впечатлѣніе. Придетъ человѣкъ усталый, голодный, надѣется встрѣтить радушный пріемъ, и вдругъ его обдаютъ холодомъ. Невольно является у него мысль: а вѣдь деремся мы изъ-за васъ! и затѣмъ въ его отношеніе къ населенію закрадывается недружелюбное чувство. О подобномъ столкновеніи мнѣ случалось нѣсколько разъ бесѣдовать съ болгарами, и я не могу не признать, что объясненія ихъ заслуживали большого вниманія.

— Конечно,—разсуждали они,—было бы лучше, если бы болгары не подавали ни малѣйшаго повода къ нареканіямъ въ неблагодарности, но войдите также и въ ихъ положеніе. Вся

придунайская Болгарія, противъ населенія которой интендантству слышались жалобы, очень быстро была занята русскими войсками. Въ занятой мѣстности не было почти ни одной деревни, въ которой не побывали бы русскіе солдаты. Придутъ они въ первый разъ—ихъ примутъ хорошо: всего дадутъ; ни въ чемъ не откажутъ. Уходятъ они. Черезъ нѣсколько времени являются другіе—ихъ принимаютъ тоже дружелюбно, хотя, быть-можетъ, съ нѣсколько меньшимъ радушіемъ; снова дѣлятся съ ними своимъ добромъ болгары, но ужъ не такъ щедро. За этими вторыми являются третьи и т. д. Запасы не Богъ знаетъ какіе, скоро истощаются, и часто случается, что отъ болгаръ требуютъ всякаго провіанта, когда его уже дѣйствительно нѣтъ. Правда,—сознавались сами болгары,—случалось и такъ, что мы скрывали наше добро, но и за это строго винить насъ нельзя. Многіе, отдавъ все то, чѣмъ могли подѣлиться, приберегали для себя самихъ на черный день, на зиму, кое-какіе запасы, хорошо понимая, что иначе они могутъ обречь себя на голодную смерть. Нужно, вѣдь, было подумать, чѣмъ прокормить семью цѣлую зиму, чѣмъ засѣять поле, чѣмъ заплатить подати, особенно, если не вы, а турки станутъ ихъ собирать съ насъ.

Нѣтъ, разумѣется, ничего мудренаго, что болгары съ тревожнымъ чувствомъ помышляли о черномъ днѣ, и эта мысль являлась какъ-бы нравственною причиною нѣкоторой холодности, за которую мы ихъ такъ винили. Но какъ имъ было и не думать объ этомъ черномъ днѣ, когда вся исторія предшествовавшихъ войнъ между Турціею и Россіею не давала имъ въ итогѣ ничего иного.

— Мы преданы, мы благодарны Россіи,—разсуждали болгары,—за ея желаніе, стараніе пособить нашему бѣдственному положенію, освободить насъ отъ тяжелаго мусульманскаго ига, но всѣ мы хорошо знаемъ, что между желаніемъ и осуществленіемъ такого желанія лежитъ еще цѣлая пропасть!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы требовать благодарности прежде, чѣмъ мы что-нибудь сдѣлали для болгарскаго народа, было бы лучше, если бы мы понимали, какъ тяжело отзывались на придунайской Болгаріи наши предшествовавшія войны съ Турціею. Войны эти всегда оканчивались тѣмъ, что турки съ страшною жестокостью вымѣщали на болгарахъ свои неудачи и заставляли дорого платиться за выказываемыя намъ симпатіи. Наше же обращеніе съ ними было вовсе не таково, чтобы болгары могли полагаться на насъ, какъ на каменную гору. Каково было это обращеніе, хотя бы, напримѣръ, во время Восточной войны, можно

видѣть по тому небольшому образчику, который приводитъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ генералъ Богдановичъ.

Разсказывая объ осадѣ Силистріи, авторъ исторіи Восточной войны 1853—1856 годовъ, между прочимъ, говоритъ: «Болгары были намъ совершенно преданы и старались доказать русскимъ, какъ единовѣрцамъ своимъ, безпредѣльное усердіе, извѣщая насъ о всѣхъ движеніяхъ турецкихъ войскъ, и доставляя въ нашъ лагерь, по самымъ сходнымъ цѣнамъ, сѣно, траву, зерновой фуражъ, хлѣбъ, барановъ, домашнюю птицу, молоко и айцы. Многимъ изъ нихъ, по собственной ихъ просьбѣ, выдавались патроны, кремневыя ружья, тяжелые пистолеты и сабли, изъ запаса, присланнаго въ армію для снабженія волонтеровъ. Какъ ни плохо было это оружіе, болгары, съ помощью посылаемыхъ къ нимъ охотниковъ: грековъ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ, не только успѣвали защищать свои деревни отъ турецкихъ партій, но ловили по лѣсамъ непріятельскихъ мародёровъ и бѣглыхъ изъ Россіи раскольниковъ, служившихъ казаками въ Турціи».... Итакъ, безпристрастный во всякомъ случаѣ къ болгарамъ, историкъ свидѣтельствуетъ, что во время Восточной войны жители придунайской Болгаріи выказывали намъ свое «безпредѣльное усердіе» и всячески доказывали намъ свою преданность.

Какъ же, спрашивается, мы вознаградили тогда болгаръ за ихъ усердіе, какъ отнеслись мы къ нимъ, когда наступилъ для Болгаріи черный день? Тотъ же авторъ, описывая нѣсколько страницъ далѣе внезанное снятіе осады Силистріи, между прочимъ, передаетъ такой ярко-рисующій наше обращеніе съ болгарами фактъ: «Неожиданное отступленіе нашихъ войскъ поразило ужасомъ окрестныхъ жителей, болгаръ, опасавшихся мщенія со стороны силистрійскаго гарнизона за выказанную ими преданность русскимъ. Нѣсколько тысячъ семействъ, испросивъ у главнокомандующаго разрѣшеніе переправиться вмѣстѣ съ нашими войсками на лѣвую сторону Дуная, прибыли къ мосту на подводахъ, со всѣмъ, что успѣли захватить съ собою и съ большими стадами скота; князь Горчаковъ предоставилъ нѣсколько часовъ для ихъ переправы, болгарскіе обозы потянулись къ мосту, и генералъ-полиціймейстеру арміи, генералъ-маіору Беваду, человѣку столько же энергическому, сколько доброму и сострадательному, со всею военною полиціею и нѣсколькими, присланными ему въ помощь офицерами, трудно было сохранить порядокъ въ этомъ сборищѣ. Передъ вечеромъ главнокомандующій счелъ необходимымъ воспретить дальнѣйшую пере-

праву болгаръ, опасаясь замѣшательства въ случаѣ ночного нападенія турокъ. Генералъ Коцебу, по просьбѣ всѣхъ лицъ главнаго штаба, упрашивалъ князя о спасеніи жителей края, столь усердно преданныхъ Россіи; одна изъ болгарокъ, прорвавшись сквозь цѣпь, не допускавшую туземцевъ къ мостамъ, обняла колѣни главнокомандующаго, умоляя его о дозволеніи перейти съ дѣтьми на другую сторону Дуная; но ничто не могло измѣнить рѣшенія князя Горчакова. По мостамъ продолжали переходить съ большими промежутками лишь войска, и только до ста болгарскихъ семействъ было перевезено на наемныхъ судахъ, приготовленныхъ для раненыхъ». Почтенный историкъ не разсказываетъ, что сталось съ болгарами, которымъ, за ихъ безпредѣльную преданность русскимъ, отказано было даже въ правѣ переправиться съ нашими войсками на лѣвый берегъ Дуная. Но, зная характеръ турокъ, мы легко можемъ себѣ представить, какая горькая судьба постигла эти нѣсколько тысячъ семействъ. Такой фактъ, какъ недопущеніе переправы, быстро облетаетъ страну, и при этомъ еще въ преувеличенномъ видѣ, и несомнѣнно сохраняется въ народной памяти. Можно ли удивляться, а тѣмъ болѣе роптать на болгаръ, если они, памятуя подобные примѣры великодушнаго обращенія, и страшась грознаго мщенія своихъ исконныхъ враговъ, теперь, при видѣ неудачи русскаго оружія, становились болѣе сдержанными въ своихъ сношеніяхъ съ нами.

Я потому только и рѣшился сослаться на одинъ изъ примѣровъ войны 1853—1856 г., что слишкомъ часто мнѣ приходилось слышать о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя будто бы щедрою рукою сыпала Россія на болгарскій народъ. Въ дѣйствительности же, до настоящей войны, если только результаты ея, насколько они выражены въ санъ-стефанскомъ мирѣ, не будутъ искажены въ какомъ-нибудь послѣдующемъ дополненіи къ этому трактату, нами ничего не было сдѣлано для существеннаго измѣненія, по-истинѣ, трагической судьбы болгарскаго народа. Если же ничего не было сдѣлано, то, очевидно, мы и не имѣли права требовать какой-то восторженной благодарности, а слѣдовательно и не имѣли основанія обвинять болгаръ, если бы даже намъ выказали они меньше ревности, чѣмъ то было въ дѣйствительности, для доказательства своего расположенія къ намъ. Для того, чтобы подвести итогъ этому обвиненію, слѣдуетъ задаться вопросомъ: чѣмъ объясняется происхожденіе обвиненія болгаръ въ неблагодарности? Повидимому,—двумя причинами. Прежде всего весьма ограниченнымъ знакомствомъ съ исторіею болгарскаго народа, преувеличеннымъ представленіемъ о тѣхъ мнимыхъ благодѣяніяхъ,

которыя мы оказывали болгарамъ въ ихъ прошломъ и, наконецъ, какимъ-то чисто-фантастическимъ понятіемъ о безпредѣльной любви, питаемой къ намъ южными славянами. Народъ чуждъ сантиментальности, онъ не знаетъ платонической любви. Любовью своею онъ платитъ только за дѣйствительно оказанныя ему услуги, а не за слова и намѣренія; между тѣмъ до результатовъ послѣдней войны, кромѣ добрыхъ намѣреній, болгары отъ насъ не имѣли ничего другого. Да, наконецъ, и эти намѣренія могли представляться имъ не вполнѣ искренними.

Другая причина нашихъ преувеличенныхъ требованій благодарности несомнѣнно скрывается въ нашихъ личныхъ свойствахъ, развившихся въ насъ историческимъ путемъ. Наше общественное развитіе двигается, по-истинѣ, черепашьимъ шагомъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ, мы, приниженные сначала внѣшнимъ татарскимъ игомъ, затѣмъ внутреннимъ игомъ московской эпохи, весьма близко соприкасавшимся съ татарскимъ, почти даже не ощущали потребности въ общественной самостоятельности, и она представлялась въ доброе старое время, какъ представляется и теперь еще нѣкоторымъ обскурантамъ, прикрывающимъ свои лакейскія чувства и мысли ширмами нашей общественной незрѣлости и неприготовленности, какою-то заморскою диковиной, вовсе непригодной, какъ говорится, для самобытной природы русскаго народа. Въ силу такого прошлаго, съ которымъ не совсѣмъ простилось еще и настоящее, мы разсматриваемъ каждый мало-мальскій успѣхъ въ нашей общественной жизни не какъ нѣчто такое, что̀ совершенно въ порядкѣ вещей, а какъ на подачку, на ту «на водку», которая зависитъ отъ благопріятной случайности. Хотятъ—дадутъ, хотятъ—не дадутъ, сегодня дали, завтра взяли, и общественное чувство настолько принижено при этомъ, что подобное отношеніе къ обществу признается какъ-бы нормальнымъ. При существованіи такого отношенія къ самымъ, повидимому, неотъемлемымъ надеждамъ каждаго общества, вышедшаго, по собственному его мнѣнію, изъ дикаго состоянія, становится понятнымъ, что мы, въ силу историческихъ преданій, только и знаемъ, что благодаримъ. Благодарность не сходитъ съ нашихъ устъ. Погладятъ насъ по головкѣ — мы благодаримъ, стегнутъ хорошенько за какую-нибудь шалость, мы, конечно, немножко поворчимъ, но и въ нашемъ ворчаньи, какъ у послушныхъ дѣтей, слышатся слова благодарности за полученный урокъ. Что̀ же мудренаго, если мы, такъ-сказать, исторически воспитавшіеся въ чувствѣ благодарности, требуемъ ея и въ другихъ, имѣющихъ счастье или несчастье приходить съ нами въ столкно-

веніе. За чтò должны быть благодарны, это другой вопросъ, а благодарны должны быть. Такъ, требовали мы и продолжаемъ требовать благодарности отъ румынъ, хотя, чтò грѣха таить, не Богъ знаетъ какія благодѣянія мы имъ оказали, и даже сердимся и называемъ ихъ неблагодарными за то, что они не пришли въ восхищеніе отъ того, чтò и насъ, и всякого другого не привело бы въ восторгъ. Такъ, требовали мы съ перваго дня колѣнопреклоненія отъ болгаръ и требовали его даже въ тѣ дни, когда наше заступничество навлекло на нихъ страшныя бѣды, подобныя описаннымъ уже въ предшествовавшей главѣ. Неумѣренное требованіе благодарности въ то время, когда благодарить было еще не за что, имѣло своимъ послѣдствіемъ довольно значительное охлажденіе того внезапнаго влеченія, которое мы почувствовали къ южнымъ славянамъ. Вопросъ объ этой «благодарности» вовсе не праздный, такъ какъ, порождая въ данную минуту нѣкоторую холодность, въ будущемъ онъ можетъ содѣйствовать установленію до извѣстной степени недружелюбныхъ отношеній между нами и другими славянскими народами, чтò отозвалось бы особенно тяжело въ ту минуту, когда сдѣлается возможнымъ осуществленіе тѣснаго союза всѣхъ славянскихъ народностей.

Конечно, время это еще очень далеко, но и теперь уже не мѣшаетъ намъ относиться болѣе трезво къ тому, чтò создаетъ прочную симпатію между однимъ и другимъ народомъ. Болгарскій народъ, какъ я уже упоминалъ, имѣетъ несомнѣнно извѣстное и довольно значительное тяготѣніе къ Россіи. Общность религій, близость языка, единство происхожденія—все это такіе элементы, которые не могутъ не устанавливать бòльшей или меньшей близости между двумя народами. Къ этимъ элементамъ теперь присоединится еще не менѣе важный—это та обильная русская кровь, благодаря которой Болгарія, можетъ быть, будетъ окончательно избавлена отъ суроваго турецкаго господства. Тяготѣніе ея къ Россіи безспорно усилится и превратится въ неразрывную связь, когда западная Европа потеряетъ право удивляться, что мы, русскіе, принимаемъ на себя роль освободителей другого народа. Только тогда болгары, не колеблясь, отвернутся отъ враждебнаго намъ наговора западной Европы, что, поднимая знамя освобожденія, мы въ то же время будто бы куемъ цѣпи неволи.

Несмотря на всю несостоятельность обвиненія болгаръ въ неблагодарности къ русскому народу, оно тѣмъ не менѣе послужило какъ-бы источникомъ цѣлаго ряда другихъ обвиненій или во всякомъ случаѣ нареканій. Болгарскій народъ очень скоро

превратился въ того Макара, на котораго, по русской пословицѣ, —валятся всѣ шишки; онъ оказался и грабителемъ, и жестокосердымъ, и не желающимъ отстаивать свою самостоятельность. Ему поставлено было въ вину и его невѣжество, и его апатія; мы даже стали чуть не упрекать его за то весьма относительное благосостояніе, которое встрѣтили тѣ, которые думали увидѣть цѣлый народъ нищихъ. Скоро даже стали раздаваться голоса, что болгарамъ ужъ вовсе не такъ дурно жилось подъ владычествомъ турокъ, какъ объ этомъ разсказывали, и что въ концѣ-концовъ вовсе не стоило и войны-то начинать изъ-за этого неблагодарнаго народа. Если читатель припомнитъ, что́ писалось о болгарскомъ народѣ съ театра войны, то онъ несомнѣнно вызоветъ въ своей памяти и всѣ подобныя разсужденія по поводу болгарскаго народа.

Безъ сомнѣнія, я вовсе не претендую на то, чтобы произнести о болгарскомъ народѣ безапелляціонное сужденіе; но вѣдь и тѣ, которые возводили противъ него всяческія обвиненія, едва ли обладали бо́льшими данными, чтобы произносить грозный судъ надъ болгарами, что́, однако, нимало не помѣшало во множествѣ корреспонденцій съ театра войны разсказывать объ этомъ народѣ всевозможныя небылицы и тѣмъ поселять въ русскомъ обществѣ совершенно неправильное о немъ мнѣніе. Одно, впрочемъ, смягчающее обстоятельство было на сторонѣ тѣхъ, которые такъ неблагопріятно отзывались о болгарахъ—они были выразителями одного довольно распространеннаго мнѣнія.

— Положимъ,—приходилось мнѣ слышать отъ одного изъ многочисленныхъ противниковъ болгарскаго народа,—что мы не имѣемъ достаточно основаній обвинять его въ неблагодарности; но неужели возможно отрицать, что болгары только не многимъ лучше турокъ, что они такіе же дикари: также жгутъ, грабятъ и убиваютъ?

Съ такимъ вопросомъ, съ такимъ мнѣніемъ приходилось встрѣчаться чуть не каждый день. Отголосокъ его можно было услышать даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ депешахъ, сообщавшихъ не такъ давно о тѣхъ грабежахъ, которымъ предавались освобожденные болгары.

Обвиненіе въ жестокости болгаръ такъ же мало основательно, какъ и обвиненіе ихъ въ неблагодарности. Сколько на мѣстѣ ни приходилось разспрашивать, сколько ни добивался я указанія фактовъ такой жестокости, никогда не приводилось мнѣ быть не только свидѣтелемъ, но не случалось слышать и разсказовъ очевидцевъ о такихъ поступкахъ, которые говорили бы о жестокости

болгарскаго народа. Были, разумѣется, случаи убійствъ, совершаемыхъ надъ турками, но чтобы убійства эти сопровождались вырѣзываніемъ ремней изъ тѣла, отсѣченіемъ той или другой части, прокалываніемъ живота или сожиганіемъ живыхъ турокъ, словомъ — всѣмъ тѣмъ, чѣмъ постоянно сопровождали свои убійства турки, объ этомъ не было и помину. Точно также мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы болгары насиловали турецкихъ женщинъ, чтобы они предавались всякимъ неистовствамъ надъ беззащитными людьми, чтобы они умерщвляли дѣтей и женщинъ. Вся ихъ жестокость заключалась въ томъ, что они не испытывали жалости къ тѣмъ туркамъ, которые, по распоряженію высшихъ властей, должны были быть повѣшены, что болгары даже радовались подобнымъ крутымъ мѣрамъ; но развѣ мыслимо для несчастной жертвы безстрастное отношеніе къ своимъ заклятымъ врагамъ? Когда надъ людьми издѣваются, когда ихъ всячески душатъ, когда безконечнымъ рядомъ самыхъ возмутительныхъ поступковъ и на каждомъ шагу попираютъ человѣческое достоинство, тогда въ груди людей невольно накопляется такой запасъ ненависти злобы, столь долго остающейся безсильной, что неизбѣжно наступаетъ, день, когда эта злоба прорывается въ тѣхъ или другихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Если чему-либо можно удивляться, то развѣ тому, что ожесточеніе болгаръ противъ турецкаго гнета не выразилось въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ. Я всегда изумлялся, когда, проѣзжая по болгарскимъ деревнямъ, встрѣчалъ турокъ, живущихъ совершенно спокойно рядомъ съ преобладающимъ болгарскимъ населеніемъ, и эти турки должны были сознаваться, что болгары не покушались и не думаютъ покушаться ни на ихъ жизнь, ни на ихъ имущество. Однажды, это было уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ на пути изъ-подъ Плевны въ Никополь, остановиться на нѣсколько часовъ въ одной изъ болгарскихъ деревень, не покинутой тѣми турками и татарами, которые жили здѣсь среди болгаръ. Мой спутникъ предложилъ, любопытства ради, заѣхать въ турецкій, а не въ болгарскій домъ. Мы такъ и сдѣлали. Лишь только мы усѣлись на низкомъ, едва возвышавшемся надъ поломъ, диванѣ, въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ единовѣрцевъ оказавшаго намъ гостепріимство хозяина. Всѣ они усѣлись въ кружокъ, подали намъ сейчасъ кофе, разговоръ завязался.

— Ну, какъ же вы теперь здѣсь живете? — спрашивалъ ихъ черезъ переводчика мой спутникъ.

Турки прикладываютъ руку къ сердцу и головѣ, выражая свое довольство.

— Что же, хорошо или дурно, васъ никто не обижаетъ?
— Мы благодарны, русскіе насъ не обижаютъ!
— Ну, а болгары не трогаютъ васъ?
— Нѣтъ, они не обижаютъ насъ, мы живемъ съ ними мирно.
— Изъ вашей деревни многіе изъ васъ ушли?
— Изъ нашей деревни почти никто не ушелъ.
— Случаевъ убійства у васъ не было?

Турки улыбаются.

— Мы живемъ мирно! — отвѣчаютъ они, предполагая, что вопросъ можетъ идти только объ убійствахъ, совершаемыхъ турками.

— Нѣтъ, не вы, а болгары, — не убивали?

— Нѣтъ, нѣтъ, они съ нами обходятся хорошо.

— За что болгарамъ обижать насъ, — вдругъ, къ нашему изумленію, заговорилъ одинъ изъ нихъ по-русски, — мы имъ зла никогда не дѣлали!

Оказалось, что это былъ одинъ изъ тѣхъ крымскихъ татаръ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ довольно значительными массами переселялись въ Турцію. Съ этимъ татариномъ мы разговорились, и повидимому онъ относился къ намъ довольно дружелюбно, очевидно не дѣлая насъ лично отвѣтственными за тѣ притѣсненія, которыя, по его словамъ, онъ испытывалъ въ Россіи. Турецкое правительство расселило этихъ бѣжавшихъ отъ насъ татаръ по преимуществу въ придунайской Болгаріи, заставило болгаръ построить имъ дома, такъ что они здѣсь вполнѣ благоденствовали, чувствуя себя господствующею расою. Несмотря однако на это благоденствіе, нашъ татаринъ-турокъ съ любовью вспоминалъ о Крымѣ, и о тѣхъ горахъ, о томъ морѣ, вблизи котораго прошла почти вся его жизнь; но возвратиться въ Россію онъ все-таки не желалъ. Знаніе имъ русскаго языка значительно облегчило нашу бесѣду, тѣмъ болѣе, что онъ охотно и повидимому искренно отвѣчалъ на всѣ вопросы.

— Какъ же вы не боитесь здѣсь жить, среди болгаръ? — спрашивалъ я.

— А чего же ихъ бояться? что они намъ сдѣлаютъ!

— Да вѣдь они могутъ же вамъ мстить, турки вѣдь обращались съ ними жестоко!

— Они не смѣютъ!

— Почему несмѣютъ?

— Да вѣдь они знаютъ, что вы не всегда же здѣсь останетесь, все-таки они будутъ опять подъ властью султана, — такъ они боятся!

И никакъ нельзя было выбить у него изъ головы, что власть султана надъ болгарами, быть можетъ, на вѣки покончена.

Но какою бы причиною ни объяснять то, что болгары не совершали злодѣйствъ, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что обвиненіе въ жестокости ихъ совершенно неосновательно. Турки, впрочемъ, объясняли добродушіе болгаръ не только страхомъ возстановленія власти султана, но также и тѣмъ, что русскіе не дозволяютъ болгарамъ обижать турокъ.

— Они знаютъ,—говорилъ тотъ же татаринъ-турокъ,—что если они будутъ поступать съ нами не хорошо, то вы же ихъ накажете!

И въ этомъ отношеніи турки не ошибались. Русскія власти строго преслѣдовали болгаръ за каждое враждебное, насильственное дѣйствіе по отношенію къ оставшимся на мѣстахъ туркамъ.

— Должно быть, скоро будетъ свѣтопреставленіе!—замѣчалъ по этому поводу мой спутникъ-пессимистъ.

— А почему такъ?

— Да какъ же! Сами подумайте! Мы, именно мы, а никто другой, преслѣдуемъ всякое насиліе, мы становимся врагами всякаго произвола,—развѣ не конецъ міра?

Но если и правда, что русскія власти строго наблюдали въ этомъ отношеніи за болгарами, то и безъ того едва ли со стороны болгаръ было бы много случаевъ насилія или жестокости. Страхъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ мало, гораздо большее вліяніе оказываетъ характеръ народа. Характеръ же болгарскаго народа вовсе не мстительный. Иначе не случалось бы, чтобы болгары сами оберегали турецкія деревни. А такіе случаи бывали, и сами турки свидѣтельствовали о томъ.

— Есть тутъ вблизи турецкія деревни,—спрашивали мы въ одномъ болгарскомъ селѣ.

— Есть одна деревня,—отвѣчали болгары.

— И турки не ушли?

— Нѣтъ, всѣ остались.

— Что же, какъ они себя держатъ?

— Живутъ спокойно, мы къ нимъ отправили нѣсколько человѣкъ.

— Зачѣмъ?

— Да какъ турецкія власти удалились, они къ намъ присылали просить охраны, мы и послали.

Фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; а когда существуютъ подобные факты, то нужно большое предубѣжденіе, чтобы обвинять болгарскій народъ въ жестокости.

Отрицая жестокость болгаръ, я вовсе не хочу утверждать, чтобы во время войны не обнаруживались иногда случаи насилія. Оно было бы совершенно неестественно. Случаи такіе бы-

вали, какъ бывали случаи грабежа, хотя изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы болгары, какъ многіе утверждали, предавались систематическому грабительству турокъ вездѣ, гдѣ русскія войска вытѣсняли турецкое господство.

Поводъ во всѣмъ толкамъ о грабежахъ, совершаемыхъ болгарами, подали тѣ случаи, которые произошли въ Систовѣ и въ Тырновѣ при вступленіи русскихъ войскъ. Случаевъ этихъ отрицать нельзя, хотя размѣры ихъ были крайне преувеличены. Въ Систовѣ были разграблены два-три десятка домовъ, покинутыхъ бѣжавшими турками. Спрашивается, что же тутъ удивительнаго? Удивительно только то, что, на основаніи подобныхъ случаевъ, возводятъ на цѣлый народъ обвиненіе въ грабительствѣ. Турки бѣжали, всѣ власти скрылись, полиція исчезла, дома стоятъ съ открытыми настежъ дверями, это—съ одной стороны. Съ другой—населеніе, состоящее изъ рабовъ, скованныхъ въ продолженіи пяти столѣтій по рукамъ и ногамъ, съ безграничнымъ запасомъ злобы въ груди, злобы, которая никогда не могла вырываться наружу, а, напротивъ, всегда должна была прикрываться личиною покорности и любви. Такая злоба порождаетъ непреодолимую ненависть, а ненависть въ свою очередь разжигаетъ въ людяхъ чувство безпощадной мести. Чтó мудренаго, что когда для этого населенія наступаетъ часъ освобожденія, когда съ наболѣвшаго тѣла спадаютъ цѣпи, и злоба порывисто вырывается наружу, что въ такую минуту находятся люди, доставляющіе себѣ наслажденіе уничтоженіемъ собственности заклятыхъ враговъ. И что же сдѣлали болгары? Въ нѣкоторыхъ домахъ взломали двери, въ другихъ выбили окна, въ третьихъ уничтожили домашнюю утварь, въ четвертыхъ, унесли оставшіеся въ домахъ ковры, платья, тѣ или другія ткани. Безъ сомнѣнія, лучше было бы, если бы не было и такихъ случаевъ, но вѣдь люди—не ангелы. Дурно было бы, разумѣется, если бы такіе случаи превратились въ систему, хотя и эта система находила бы себѣ если не оправданіе, то до нѣкоторой степени извиненіе въ тѣхъ словахъ, которыя я слышалъ отъ одного болгарина, бесѣдовавшаго со мною о «систематическомъ грабительствѣ» своего народа.

— Вѣдь все, чтó у нихъ есть, ими отнято у насъ! Они грабили насъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, и мы не имѣли права даже роптать. Ни одинъ изъ насъ не смѣлъ сказать: это мое! каждый день, каждый часъ они могли отнять все наше достояніе. И чтó тутъ достояніе, когда они были властелинами нашей свободы, нашей жизни! Никто изъ насъ не могъ быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ; каждый изъ насъ зналъ, что никто

не заступится, если сегодня прикажутъ тебя взять, бросить въ тюрьму, даже убить. Мы работали какъ волы и работали для того, чтобы имъ было что́ грабить!

Никто изъ болгаръ, за исключеніемъ, разумѣется, отурчившагося класса, не думалъ иначе, и сравнительно ничтожные размѣры, въ которыхъ проявлялось чувство мести, я могу себѣ объяснить лишь тѣмъ, что гнетъ, рабство погрузили значительное большинство въ апатію, отняли энергію и ослабили дорогое въ человѣческомъ существѣ чувство, которое выражается въ способности возмущаться несправедливостью. Будь это иначе, весьма вѣроятно, что насилія, грабежи, въ которыхъ обвиняли болгаръ, приняли бы несравненно бо́льшіе размѣры. Но вѣковая ненависть, явившаяся результатомъ вѣкового гнета, была только одною изъ причинъ, вызывавшихъ подобныя явленія. Другая причина такихъ явленій, причина, всегда сопровождающая войну, это — дезорганизація всякаго управленія и разнузданность страстей, не сдерживаемыхъ нравственными началами, невозможными въ томъ народѣ, гдѣ безнравственность служитъ основою существующаго строя вещей.

Въ любой странѣ, въ любомъ городѣ, если точно по мановенію волшебнаго жезла уничтожена будетъ всякая, даже самая отвратительная организація, то въ первыя тревожныя минуты могутъ произойти случаи насилій и грабежа. Произошли бы они въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и, безъ сомнѣнія, никому бы не пришло въ голову клеймить за то англичанъ, французовъ, нѣмцевъ или русскихъ именемъ грабителей, разбойниковъ. Плохо, когда насилія, какъ въ Турціи, совершались при такомъ теченіи вещей, которое признается нормальнымъ, когда расходившаяся толпа, обуреваемая самыми низкими побужденіями, на глазахъ организованнаго правленія, полиціи, или, что́ еще хуже, подстрекаемая полиціей, совершаетъ всяческія насилія и производитъ бойню надъ безоружными людьми. Развѣ мы не знаемъ такихъ примѣровъ въ исторіи второй имперіи, когда правительство подстрекало «бѣлыя блузы» бить на улицахъ тѣхъ, кого оно справедливо считало своими врагами. Наконецъ, можно было бы указать и на другіе менѣе отдаленные примѣры, когда дикіе инстинкты растлѣнной черни находили себѣ широкій просторъ, и когда эти инстинкты восхвалялись литературною чернью какъ народная добродѣтель. Эти двѣ причины, т.-е. вѣковая ненависть и дезорганизація правленія достаточно объясняютъ тѣ случаи грабежа, на которые указываютъ обвинители болгарскаго народа. Еще менѣе заслуживаетъ вниманіе то, что́ произошло въ Тырновѣ при приближеніи русскихъ войскъ. Криковъ было чрезвы-

чайно много: говорили, что весь турецкій кварталъ разграбленъ болгарами, что не было, какъ говорится, удержу,—можно было подумать, что болгары награбили несмѣтныя сокровища. Слушая разсказы о всѣхъ этихъ ужасахъ, я, во время пребыванія въ Тырновѣ, между прочимъ, отправился посмотрѣть и на турецкій кварталъ. Много домовъ было дѣйствительно пустыхъ: въ двери, въ окна можно было видѣть, что все было вынесено изъ комнатъ.

— Все это братушки отличались!—говорили мнѣ:—они пообчистили турецкіе дома и захватили себѣ все имущество бѣжавшаго населенія.

Въ дѣйствительности въ этихъ словахъ было очень немного правды. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что при приближеніи русскихъ войскъ турецкое населеніе оставило городъ,—именно оставило, а не бѣжало, и уходя—турки забрали съ собою все свое достояніе, такъ что особенно грабить не было и возможности. Если у турокъ не хватало своихъ воловъ, то они безъ всякой церемоніи захватывали скотъ, принадлежавшій болгарамъ, волей-неволей подчинявшимся обычному насилію. Турецкое населеніе такъ мало походило на бѣжавшихъ, какъ разсказываютъ, въ страхѣ, что, оставляя городъ, турки грозили болгарамъ, — они вернутся и предадутъ его пламени.

— Отвеземъ наши гаремы и вернемся,—говорили турки.

Многіе болгары вѣрили этой угрозѣ. Тѣ же нѣсколько десятковъ турецкихъ семействъ, которыя предпочли не покидать Тырнова, преспокойно жили въ своихъ домахъ, и, проходя по турецкому кварталу, можно было видѣть, что дома ихъ вовсе не были разорены. Болгары, слѣдовательно, имѣли возможность разграбить только брошенную рухлядь, да повыбить изъ оконъ стекла, да поломать двери. Это была слишкомъ ничтожная плата за все то, чтó они терпѣли длинные вѣка.

— Только тотъ можетъ понять, — разсказывалъ мнѣ одинъ болгаринъ, сельскій учитель близъ Тырнова,—какое чувство овладѣло нами, когда приблизились русскія войска и турки бѣжали, кто самъ испыталъ, чтó значитъ жить въ забросѣ, чтó значитъ ежечасное униженіе человѣческаго достоинства. Пусть бы они грабили насъ, пусть бы отнимали все, чтó имъ хотѣлось только имѣть, пусть они объявили бы, что все имущество, принадлежащее болгарамъ, переходитъ въ собственность турокъ, но пусть на каждомъ шагу всячески не унижали бы насъ. Вѣдь они никогда не смотрѣли на насъ какъ на людей: мы не должны были имѣть никакихъ человѣческихъ чувствъ. Здѣсь, въ Тырновѣ, болгарскомъ городѣ, мы едва смѣли ходить по улицамъ, а чуть

праздникъ, мы должны были запираться въ своихъ домахъ. Каждый турокъ имѣлъ право оскорбить, прибить, даже убить болгарина совершенно безнаказанно. Для болгаръ въ Турціи не было суда. Турокъ всегда оказывается правъ, а болгаринъ, будь онъ убитый, виноватъ. На судѣ принимались свидѣтельства только мусульманъ, которые никогда не показывали противъ своихъ единовѣрцевъ. Съ нами обращались хуже, чѣмъ со скотомъ,—этого хоть жалѣли. Только въ послѣдній годъ, когда поднялся вопросъ о войнѣ, турки стали обращаться съ нами, по крайней мѣрѣ здѣсь, нѣсколько лучше, да и за то мы должны быть благодарны Англіи.

— Какъ Англіи?—съ удивленіемъ спросилъ я его.

— Не подумайте, чтобы мы любили Англію, у насъ нѣтъ для того никакихъ основаній; напротивъ, болгары скорѣй ненавидятъ ее, потому что англичане никогда не желали намъ добра, и всегда поддерживали и защищали нашихъ враговъ; но мы за послѣдній годъ все-таки имъ благодарны, такъ какъ, съ одной стороны, они все обнадеживали Турцію, что поддержатъ ее и заступятся за нее, если вспыхнетъ война, а съ другой—они не допускали турокъ въ послѣднее время до звѣрствъ и грабежа, и турки слушались ихъ. Мы хорошо понимали, что только благодаря Англіи турки дѣлали видъ въ послѣднее время, что хотятъ жить въ мирѣ съ болгарами!

И онъ сталъ разсказывать, какъ въ Тырновѣ, незадолго до объявленія войны, глашатаи ходили по улицамъ и приглашали болгаръ не прятаться, выходить на улицу, объявляя, что ни одинъ турокъ не смѣетъ причинить вредъ или оскорбить болгарина. Случился даже невиданный дотолѣ фактъ, что нѣсколько турокъ публично были наказаны за то, что дозволили себѣ нападеніе на болгаръ. Нельзя, однако, не сказать, что появленіе на улицахъ Тырнова глашатаевъ, приглашающихъ болгаръ выходить на улицу, доказываетъ, въ какомъ черномъ тѣлѣ держали болгаръ, какъ велико было ихъ униженіе, прекрасно объясняющее тѣ минуты взрыва народной мести, которая выразилась въ нѣсколькихъ случаяхъ нападенія на турецкій кварталъ.

То же самое, въ чемъ обвиняютъ болгаръ систовскихъ, тырновскихъ, произошло и въ Казанлыкѣ, и не разъ мнѣ приходилось слышать, что болгары разграбили всю турецкую часть этого несчастнаго города. Если много было преувеличеннаго въ разсказахъ о насиліяхъ и грабежахъ, происходившихъ въ Систовѣ и Тырновѣ, то еще болѣе оказалось прикрасъ въ разсказахъ о разграбленіи Казанлыка.

Если въ Систовѣ и Тырновѣ приходилось видѣть опустошенные дома, съ выбитыми стеклами и повалившимися дверьми, то въ Казанлыкѣ и этого почти не было. Почти весь турецкій кварталъ остался нетронутымъ, турокъ отсюда бѣжало меньше, и жили они, повидимому, совсѣмъ спокойно. Мнѣ случалось зайти въ два-три турецкихъ дома, и я видѣлъ, что эти дома были наполнены всякимъ добромъ: диваны, ковры, скатерти, серебряныя вещи — все было на своемъ мѣстѣ.

— Васъ болгары, значитъ, не тронули, — спрашивалъ я черезъ переводчика турка, показавшаго намъ свой домъ.

— Нѣтъ, они ворвались и ко мнѣ.

— Но вашего дома не разграбили?

— Какъ не разграбили! они много утащили!

— Однако, у васъ все въ порядкѣ, все такъ хорошо и богато!

— Да вотъ у меня тутъ лежалъ красивый коверъ, такъ они утащили, да одѣяло было, тоже заграбили!

У одного исчезло одѣяло, у другого коверъ, у третьяго какая-нибудь ткань или серебряная вещь, и по поводу этихъ сравнительно ничтожныхъ случаевъ раздавались крики о поголовномъ грабежѣ. Я готовъ допустить, что были и болѣе крупные случаи насильственнаго отнятія имущества, но чтобы на основаніи такихъ случаевъ составлять обвинительный актъ противъ цѣлаго народа, для этого нужно совсѣмъ упустить изъ вида, что́ такое вообще война и ка́къ ведутся войны даже такими народами, которые стоятъ на сравнительно высокой степени образованности. Тамъ, гдѣ жизнь человѣческая теряетъ всякую цѣну, если только эта жизнь простого смертнаго, тамъ возможно ли приходить въ ужасъ отъ разграбленія нѣсколькихъ домовъ или захвата чужой собственности. Если бы даже болгары не имѣли оправданія въ вѣковой ненависти, въ столѣтіяхъ гнета, то они нашли бы себѣ извиненіе въ одномъ словѣ—война. Слушая эти обвиненія, я невольно припоминалъ другую войну, не между націями, стоящими низко въ своемъ политическомъ и нравственномъ развитіи, а между двумя передовыми народами Европы. И что же? развѣ сыны Германіи чужды были упрековъ въ насиліи и грабежѣ? развѣ нѣмцы не разоряли города, не разграбляли домовъ, развѣ они не жгли деревень и не брали въ покинутыхъ въ страхѣ бѣжавшимъ населеніемъ домахъ всего, что́ только имъ приходилось по вкусу? Все это дѣлали нѣмцы во время франко-нѣмецкой войны 1870 года, и, однако, много ли нашлось голосовъ, которые рѣшились высказать противъ нихъ слово обвиненія? Напротивъ, все преклo-

нилось, слава покрыла насилія и грабежи, сила заставила думать, что все, чтò они дѣлали — все они имѣли право дѣлать. Болгары же народъ слабый, народъ забитый! какъ же отъ него не требовать всѣхъ добродѣтелей, которыхъ никогда не было и у насъ самихъ.

Къ этой же категоріи обвиненій относится также обвиненіе болгаръ въ мародерствѣ и шпіонствѣ.

— Болгары—это мародеры!—приходилось часто слышать о нихъ:—лишь только гдѣ-нибудь они почуятъ добычу, тотчасъ слетаются какъ коршуны; не будь нашихъ властей, они бы грабили живыхъ и мертвыхъ!

И когда потребуешь, бывало, фактовъ, доказательствъ, подкрѣпляющихъ подобный отзывъ, то собесѣдникъ приходилъ въ крайнее затрудненіе. Все, чтò можно было услышать, это—разсказъ о томъ, какъ группа болгаръ вошла въ тотъ или другой городъ по пятамъ русскаго войска, какъ тѣ или другіе болгары были замѣчены шатающимися по полю сраженія на другой день боя; но чтобы вамъ указали на факты, гдѣ болгары были захвачены по обвиненію въ мародерствѣ, этого вы бы никогда не дождались. Въ этихъ огульныхъ сужденіяхъ сказывалось, разумѣется, главнымъ образомъ быстро установившееся нерасположеніе въ «братушкамъ», о причинахъ котораго я уже упоминалъ. Такое нерасположеніе точно затемняло глаза и заставляло объяснять хотя бы тотъ фактъ, что болгары устремлялись въ городъ, переходившій въ наши руки, стремленіями мародернаго свойства. Между тѣмъ, совершенно упускали изъ вида, что множество болгаръ, при началѣ войны, бѣжали изъ своихъ городовъ, часто оставляя свои дома, свое имущество, многіе близкихъ родственниковъ, и потому возвращеніе къ себѣ было самымъ естественнымъ дѣломъ. Наконецъ, мало кто хотѣлъ понимать, что мародерство вовсе не въ духѣ болгарскаго народа, забитаго, приниженнаго, вслѣдствіе этого боящагося всего и всѣхъ и потому всегда старающагося держать себя какъ-бы въ сторонѣ. Мародерство и шпіонство хотѣли видѣть, потому его видѣли всюду, даже тамъ, гдѣ его менѣе всего можно было подозрѣвать. Покажется какой-нибудь болгаринъ около русскаго лагеря, вы тотчасъ услышите: «это шпіонъ!» или: «пришелъ поживиться!» а ужъ если попадется болгаринъ въ то время, когда идетъ сраженіе, то ужъ вы ничѣмъ не выбьете изъ головы, чтобы это не былъ шпіонъ или мародеръ. Какъ теперь помню я роковой день 30-го августа, который долженъ былъ сдѣлаться днемъ паденія Плевны, а сдѣлался только днемъ нашего погрома, доставившаго

развѣ случай русскому солдату еще лишній разъ доказать, что онъ безропотно умѣетъ умирать геройскою смертью, сражаясь за свою родину. Въ обществѣ знакомаго мнѣ полковника финляндскаго полка, заплатившаго въ одномъ изъ послѣдующихъ сраженій смертельною раною за свое безстрашіе и высокое пониманіе долга, да еще одного русскаго, пробирался я съ крайняго лѣваго фланга, оттуда, гдѣ шла атака за атакой слишкомъ извѣстныхъ Зеленыхъ-Горъ, на крайній правый—къ Гривицкому редуту. На пути мы встрѣчаемъ трехъ болгаръ, одинъ изъ нихъ въ рукахъ несъ большіе сапоги, а на головѣ у него было русское кепи.

— Смотрите, это навѣрно мародеры,—произнесъ одинъ изъ спутниковъ,—точно хищныя птицы слетаются на падаль, въ ожиданіи взятія Плевны: ворвутся туда и начнутъ грабить.

— Да отчего вы такъ думаете?

— Навѣрно такъ, вы видите, онъ ужъ стянулъ съ убитаго солдата и кепи, и сапоги! вотъ негодяи!

— Полноте пожалуйста; откуда вы это берете?

— Я вамъ говорю, что это такъ, я этотъ народъ знаю, по лицамъ ихъ можно видѣть, что это мародеры, шпіоны!

— По лицамъ ихъ ровно ничего нельзя видѣть, люди—какъ люди!

Но куда было до разсужденій. Неизвѣстно какъ и почему—созрѣла мысль, что это должны быть мародеры или шпіоны, и онъ громко закричалъ на нихъ:

— Вы куда идете, чего вы шатаетесь?

Болгары что-то пробормотали, въ родѣ того, что пробираются въ Плевну, но, не разобравъ, не понявъ, что̀ они говорили, мой спутникъ, и это былъ не военный, кричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Назадъ пошли, назадъ, не смѣть здѣсь шляться!

Болгары съ необычайною робостью быстро повернули и пошли назадъ. Казалось бы,—чего больше, но нѣтъ, этого показалось мало, подозрѣніе быстро перешло въ слѣпую увѣренность, и онъ продолжалъ ихъ преслѣдовать.

— Поганый народишко, изъ-за нихъ тутъ люди ложатся тысячами, а они занимаются шпіонствомъ!

Собственная мысль разжигалась все больше и больше и, наконецъ, прорвалась въ самомъ дикомъ, отвратительномъ поступкѣ. Онъ догналъ на лошади трехъ пѣшихъ безоружныхъ болгаръ, и изъ всѣхъ силъ сталъ бить ихъ нагайкою, куда попало, по шеѣ, по лицу, по головѣ, по спинѣ. Гадко было смотрѣть. Когда мы подъѣхали, болгары ужъ убѣжали. Тотъ, который, не имѣя къ тому никакихъ основаній, совершилъ эту дикую расправу, по

существу вовсе не былъ злымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ людямъ—увы!—съ университетскимъ образованіемъ. Несчастный примѣръ заражалъ собою все и всѣхъ! Какое ему было дѣло до того, что, быть можетъ, у этихъ людей въ Плевнѣ были родные, близкіе, что они надѣялись, что Плевна падетъ и спѣшили туда: онъ видѣлъ только сапоги и кепи—значитъ, мародеры! Ему, повидимому, и въ голову не приходило, что кепи онъ могъ подобрать гдѣ-нибудь на дорогѣ, что сапоги могъ купить у какого-нибудь солдата,—все это такія подробности, которыя не въ силахъ бороться съ установившимся предубѣжденіемъ. Такимъ именно путемъ возникали всѣ обвиненія противъ болгаръ. Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ, избившій нагайкою болгарина, заподозривъ его въ мародерствѣ или шпіонствѣ, не поддерживалъ впослѣдствіи подобнаго обвиненія. Отказаться отъ него—значитъ обвинить себя въ нравахъ, по меньшей мѣрѣ, не-европейскихъ. И обвиненіе такимъ образомъ, несмотря на всю его неосновательность, поддерживалось и распространялось дальше и дальше. Я привелъ этотъ случай потому только, что онъ довольно характерно рисуетъ наше отношеніе къ болгарамъ. Разсказы объ отдѣльныхъ случаяхъ, я хорошо это знаю, всегда вызываютъ такое возраженіе: мало ли что̀ бываетъ,—развѣ возможно, логично—обобщать такимъ образомъ единичныя явленія! Дѣло только въ томъ, что такихъ единичныхъ фактовъ было слишкомъ много, но нельзя же ихъ нанизывать какъ жемчужины одинъ на другой. Не передавать же подобныхъ случаевъ, значитъ впередъ себя обречь на другое возраженіе: помилуйте, непремѣнно скажутъ, да вѣдь это все общія мѣста, нѣтъ фактовъ!

Если много было такихъ случаевъ, гдѣ обвиненіе въ мародерствѣ или шпіонствѣ представлялось ни на чемъ не основаннымъ, кромѣ подозрительности, то такихъ случаевъ, гдѣ шпіонство болгаръ представлялось бы доказаннымъ, къ счастью, было весьма мало, а можетъ быть и совсѣмъ не было,—по крайней мѣрѣ, о такихъ фактахъ совсѣмъ не приходилось слышать. Единственное оправданіе такому неосновательному обвиненію, которое раздавалось достаточно часто, можетъ заключаться развѣ въ томъ, что военное время довольно естественно вызываетъ крайнюю подозрительность. Во время неудачъ подозрительность эта возрастаетъ еще больше: такъ и кажется, что непріятель заранѣе узнаетъ о каждомъ движеніи, о каждомъ намѣреніи, о каждомъ вновь-возникающемъ планѣ. Точно существуетъ какая-то психологическая необходимость объяснить каждую неудачу не настоящею ея причиною, кроющеюся то въ малочисленности выстав-

ленныхъ противъ врага силъ, то въ неумѣньи распорядиться этими силами, то въ недостаточной или дурной организаціи той или другой части военнаго дѣла, а какими-нибудь чисто случайными, побочными обстоятельствами. Развѣ не утѣшительно сказать себѣ: «планъ былъ отличный, да случилась бѣда: турки впередъ разузнали о немъ и приняли свои мѣры!» И слышится обвиненіе: «у насъ повсюду шпіоны!» А такъ какъ болгары встрѣчаются вездѣ, то значительная доля такого обвиненія падала именно на нихъ. Впрочемъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что когда наступитъ время мира, появятся воспоминанія военныхъ людей, и мы узнаемъ, что если болгары и занимались шпіонствомъ, то занимались имъ скорѣе въ интересахъ русской арміи.

— Однако вы не можете отрицать, что у турокъ шпіонство организовано отлично! — приходилось слышать.

— Положимъ, но что-жъ изъ этого?

— А то, что, кромѣ болгаръ, нѣкому и быть шпіонами!

Вотъ это и было невѣрно. Меня часто въ этомъ отношеніи поражала во время войны ширина и какое-то добродушіе русской натуры. Подозрительность страшная, всюду опасаемся шпіоновъ — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смотришь: турки, такъ-называемые, «мирные турки», преспокойно проходятъ себѣ съ своими подводами въ такихъ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ, гдѣ имъ, повидимому, вовсе не надлежало бы быть. Нѣсколько разъ случалось быть свидѣтелемъ, какъ тотъ или другой военный остановитъ такихъ проходящихъ турокъ, спрашивая, чего имъ здѣсь нужно, но турокъ преспокойно вытащитъ себѣ билетъ, разрѣшающій ему слѣдованіе по такой-то мѣстности. Трудно сомнѣваться, что между этими «мирными» турками былъ не одинъ шпіонъ, какъ могли они находиться среди странствующихъ маркитантовъ, всевозможныхъ агентовъ и т. п. Но болгары отвѣчали, по крайней мѣрѣ, нравственно за всѣ прегрѣшенія, за всѣ недочеты другихъ.

Говоря объ обвиненіяхъ, направляемыхъ противъ болгаръ, нельзя не остановиться также на обвиненіи ихъ въ нежеланіи отстаивать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ. Если это обвиненіе справедливо, то безспорно оно должно быть отнесено къ самымъ тяжкимъ, какое можетъ быть только выставлено противъ любого народа. Возможно ли питать сочувствіе къ націи, которая утрачиваетъ любовь къ свободѣ, перестаетъ тяготиться политическимъ гнетомъ и превращается въ громадное скопище рабовъ? Такой народъ достоинъ своей горькой участи, и проливать

изъ-за его освобожденія свою кровь другому народу было бы безполезно, такъ какъ единственный результатъ освобожденія заключался бы развѣ въ замѣнѣ одного господства другимъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда народъ борется, не примиряется съ подавляющимъ его гнетомъ, когда его жизненная сила сказывается въ постоянныхъ возстаніяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ онъ, чтобы добиться своей независимости, осуществить дорогое для него право располагать своею судьбою совершенно самостоятельно. Помочь такому народу добиться свободы,—значитъ, дѣйствительно сослужить службу человѣчеству, если только эта помощь искренняя и не скрываетъ за собою иныхъ нечистыхъ стремленій. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому—настолько ли турецкое господство развратило болгарскій народъ, что онъ утратилъ уже любовь къ свободѣ, потерялъ способность жертвовать изъ-за нея кровью своихъ лучшихъ дѣтей, — или жизненная сила оказалась въ немъ такъ велика, что пять вѣковъ суроваго гнета не поколебали въ немъ рѣшимости сбросить съ себя тяжелыя цѣпи турецкаго ига?

— Стоило намъ жертвовать десятками тысячъ человѣческихъ жизней и сотнями милліоновъ изъ-за освобожденія болгаръ, когда они сами не хотятъ пошевельнуть мизинцемъ, чтобы сбросить турецкое господство. Посмотрите, пожалуйста,—говорили мнѣ:—много ли болгаръ вступило въ образовавшіяся дружины?—стыдно сказать: не нашлось и десяти тысячъ! Если бы это былъ народъ, который не хочетъ примириться съ гнетомъ и униженіемъ, если бы онъ не потерялъ всякую энергію и не впалъ въ апатію, развѣ вы думаете, что болгары массами не стекались бы въ дружины, не составляли бы бандъ, не начали бы на всемъ пространствѣ партизанской войны?.. Гдѣ это все? — они преспокойно, точно бабы, сидятъ на своихъ мѣстахъ и страшатся, какъ бы не услышать гдѣ-нибудь свиста пуль или грохота гранатъ. Нѣтъ, такъ народъ не отстаиваетъ своей свободы, если только онъ дорожитъ ею: онъ жертвуетъ всѣмъ, чтò для него есть дорогого, ни во что не ставитъ жизни, а эти... ну, ужъ «братушки!» да всѣ они вмѣстѣ не стоятъ одного русскаго солдата.

Отбрасывая изъ этого разсужденія все то, чтò отзывается раздраженіемъ, естественно вызываемымъ войною, нельзя не признать, что съ внѣшней стороны, при поверхностномъ взглядѣ, тутъ была извѣстная доля справедливаго. Правда, что въ дружины не вступило столько народа, сколько можно было ожидать; правда, что болгары нигдѣ не начинали партизанской войны; правда, что они не обнаружили особенной энергіи въ помощи

нашимъ войскамъ, хотя исполняли все то, что́ имъ приказывали; правда, наконецъ, что они выказали въ теченіи этой войны, и особенно въ ея несчастный періодъ, значительную апатію. Но, несмотря на все это, обвинять болгаръ въ томъ, что они примирились съ турецкимъ господствомъ и не жаждутъ независимости и свободы, представляется все-таки несправедливымъ, если не ограничиваться самымъ поверхностнымъ отношеніемъ къ вопросу, а вникнуть нѣсколько глубже въ тѣ условія, въ которыхъ они очутились при возникновеніи настоящей войны. Помимо, однако, этихъ условій, необходимо для разрѣшенія вопроса: примирились или нѣтъ болгары съ гнетущимъ ихъ порядкомъ, припомнить хоть въ самыхъ общихъ чертахъ историческіе факты, хотя бы только послѣдняго столѣтія, и эти факты ясно покажутъ, что болгары не переставали бороться за свою независимость, и не разъ въ продолженіи нашего столѣтія проливали свою кровь, пробуя своими собственными силами добиться свободы. Да и какъ могло быть иначе? Вообще говоря, невозможно допустить, чтобы какой-либо народъ могъ примириться съ такимъ порядкомъ вещей, при которомъ имущественная и личная безопасность каждаго гражданина зависитъ отъ произвола того или другого лица, дѣйствующаго во имя интересовъ, прямо противоположныхъ интересамъ народа. Когда народъ отягощенъ всяческими поборами, идущими на удовлетвореніе прихотливаго аппетита ничтожнаго господствующаго меньшинства, когда его стригутъ, какъ барана, вырѣзывая вмѣстѣ съ шерстью куски свѣжаго мяса, и стараются придушить всякое проявленіе человѣческой мысли, изъ опасенія, чтобы народъ не вздумалъ освободиться изъ-подъ желѣзной руки, — немыслимо, чтобы онъ не чувствовалъ тогда, что ему тяжело живется, неестественно, чтобы народъ не желалъ измѣнить своего положенія. При этомъ можетъ, конечно, случиться, что народъ не сознаетъ пока возможности высвободиться изъ-подъ гнета, и тогда онъ, повидимому, безропотно терпитъ свою горькую долю, но только повидимому, такъ какъ рано или поздно наступаетъ день, когда онъ пробуетъ сбросить съ себя гнетущее его ярмо. Попытки его бываютъ иногда неудачны, послѣ неудачи слѣдуетъ утомленіе, упадокъ энергіи, но затѣмъ снова силы пробуждаются, и онъ опять начинаетъ тяжелую работу своего освобожденія. Въ теченіи послѣдняго столѣтія, болгарскій народъ нѣсколько разъ дѣлалъ такія попытки, но всѣ онѣ, къ несчастью, оказывались безплодны. Тѣмъ не менѣе, когда рѣчь идетъ о нежеланіи болгаръ бороться за свою свободу, эти попытки не слѣдуетъ упус-

кать изъ вида, если только существуетъ желаніе имѣть вѣрное представленіе о нравственномъ состояніи народа.

Глубоко трагично было положеніе болгарскаго народа во время могущества турецкой имперіи: онъ точно былъ отрѣзанъ отъ всего остальнаго міра, и не было такихъ притѣсненій, которымъ не подвергалъ бы его суровый турецкій гнетъ. Болгары были подавлены всевозможными податями: подушная, десятина, налогъ на скотъ, барщина и масса другихъ налоговъ не давали вздохнуть болгарамъ. Но матеріальный гнетъ былъ ничто въ сравненіи съ нравственнымъ въ то время, когда каждыя пять лѣтъ производился наборъ дѣтей отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, предназначавшихся въ янычары. Христіанинъ не признавался за человѣка: на судѣ его свидѣтельство не допускалось, и судъ былъ только предлогомъ для совершенія самыхъ дикихъ казней. Насильственный захватъ дѣвушекъ, почти дѣтей, молодыхъ женщинъ, поставляемыхъ въ гаремы, или просто служившихъ потѣхою любого турка, было обычнымъ явленіемъ, на которое никто не смѣлъ жаловаться. Болгарскому романисту не нужно вовсе обладать богатою фантазіею, чтобы рисовать потрясающія картины, выхваченныя изъ болгарской жизни, и такіе разсказы, какъ тѣ, которые пишетъ современный болгарскій писатель Любенъ Каравеловъ, представляются скорѣе блѣдными копіями съ яркихъ оригиналовъ, чѣмъ умышленно преувеличивающими описаніе бѣдствій этого злополучнаго народа.

Какъ ни страшна была власть турокъ, какія казни ни изобрѣтали они, чтобы держать народъ въ вѣчномъ оцѣпенѣніи, но задушить порывовъ къ свободной жизни они все же были не въ силахъ, и эти порывы сказывались въ тѣхъ вольныхъ дружинахъ, которыя блуждали по горамъ и лѣсамъ. Эти вольныя дружины были тѣ, извѣстные читателю, гайдутины или гайдуки, которые выражали собою живой протестъ противъ системы насилія и порабощенія народа. Люди эти никогда не пропадали, они жили одною мыслью, — мстить за притѣсненіе ихъ братьевъ, и если они грабили и убивали, то только потому, что они не видѣли другихъ средствъ бороться съ своими заклятыми врагами. Вина за такія дѣянія падаетъ въ такихъ случаяхъ не на тѣхъ, кто ихъ совершаетъ, а на тѣхъ, кто ихъ вызываетъ. «Призваніе гайдука, — говоритъ историкъ болгарскаго народа, — состояло въ нападеніи, ограбленіи, убійствѣ магометанина и въ защитѣ и отмщеніи христіанина. Причины, заставлявшія того или другого хвататься за оружіе и уходить «гулять въ горы», были различны. Только люди, доведенные до отчаянія, могли избирать эту долю,

такъ какъ рѣшившійся на такое бѣгство былъ заранѣе обреченъ турками на погибель. У одного турки зарѣзали родителей, или братьевъ, или сестеръ; у другого — похитили невѣсту или обезчестили сестру; иные были разорены вымогательствами беговъ; у другихъ было подкошено существованіе разграбленіемъ на пути ихъ товаровъ; многіе бѣжали изъ тюремъ...», и всѣ такіе люди предпочитали жить свободною жизнью въ горахъ, хотя подъ вѣчною угрозою лютой смерти, чѣмъ влачить жалкое существованіе рабовъ. А жизнь этихъ людей была полна самыхъ страшныхъ лишеній,—имъ негдѣ было укрываться отъ бурь, ливней и балканскихъ вѣтровъ, они знали тяжелые дни, когда ихъ пищею была черная земля и когда жажду свою они утоляли выступившею на землю росою. Смерть застигала ихъ въ чащахъ лѣсовъ, на высотѣ Балканъ, гдѣ «орлы копали имъ могилы»...

Эти вольныя дружины въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій поддерживали, какъ святыню, духъ независимости, они хранили традицію свободы болгарскаго народа, они были воплощеніемъ надежды, глубоко таившейся въ нѣдрахъ страны, что когда-нибудь да наступитъ великій часъ освобожденія. Только въ концѣ XVIII-го столѣтія, въ страшный мракъ, окутавшій Болгарію, стали еле-еле проникать блѣдные лучи свѣта. Съ этой поры, вспыхнетъ ли гдѣ возстаніе въ предѣлахъ турецкаго господства, вступитъ ли Турція въ войну съ тѣмъ или другимъ государствомъ,—болгарское населеніе, въ лицѣ своихъ вольныхъ дружинъ, всегда спѣшило откликнуться, принять участіе въ борьбѣ съ суровымъ врагомъ. Это участіе не приносило съ собою, разумѣется, серьёзной помощи, но въ немъ слышался крикъ болгарскаго народа: «мы еще живы, мы еще не схоронены!» Начиная съ XVIII-го вѣка, послѣ того, какъ австрійскія войска были разбиты турками, взоры болгарскаго народа, его надежды стали обращаться къ Россіи. Война съ Турціей въ началѣ нашего столѣтія подняла-было духъ болгаръ, они мечтали уже о своей независимости, но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться. Въ 1810 году довольно значительные отряды болгарскихъ повстанцевъ явились на подмогу русской арміи, занявшей значительную часть Болгаріи, но усилія ихъ были тщетны: Россія заключила миръ съ Турціею, встревоженная военными приготовленіями Наполеона, и болгары были предоставлены на произволъ ихъ разгнѣванныхъ побѣдителей. Многіе успѣли спастись бѣгствомъ въ Бессарабію, другіе сдѣлались жертвами турецкой мести. Но когда въ народѣ живетъ любовь къ свободѣ и ненависть къ своимъ угнетателямъ, тогда нѣчего опасаться, что грозныя казни заставятъ его навсегда сми-

риться. Гоненія, казни только закрѣпляютъ ненависть. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ Валахіи вспыхнуло возстаніе гетэристовъ, то въ рядахъ возставшихъ было много болгарскихъ удальцовъ, и цѣлый болгарскій легіонъ образовался въ Зимницѣ, предлагая свои услуги князю Александру Ипсиланти, прибывшему въ Бухарестъ, чтобы служить дѣлу греческаго освобожденія. Этотъ легіонъ явился какъ-бы залогомъ, что Болгарія приготовилась къ возстанію, но и въ этотъ разъ исходъ затѣяннаго предпріятія былъ по-истинѣ плачевный для болгаръ. Россія отказалась подать помощь движенію, и результатомъ попытки къ освобожденію были еще болѣе черные дни для болгарскаго народа. Онъ былъ немилосердно наказанъ за желаніе поддержать возстаніе гетэристовъ. Всѣ христіане были обезоружены, самое изготовленіе оружія было строго воспрещено въ Болгаріи, множество семействъ искали спасенія отъ страшныхъ преслѣдованій въ бѣгствѣ за Дунай. Болгары пользовались каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы доказать свою непримиримую вражду съ своими угнетателями, и достаточно было, чтобы гдѣ-либо раздался выстрѣлъ, направленный противъ турокъ, чтобы болгары спѣшили туда. Когда вспыхнула борьба за греческую независимость, болгары бросили свою родину и вступили въ греческіе ряды, чтобы имѣть только возможность драться съ ненавистными имъ турками.

Никакіе удары судьбы не въ силахъ были искоренить въ болгарахъ надежду на освобожденіе, и при каждомъ столкновеніи Турціи съ подвластными ей народами или другими государствами, эта надежда вселяла въ нихъ снова бодрость и энергію. Жертвы ихъ не страшили, каждое новое разочарованіе быстро исчезало, не оставляя по себѣ, повидимому, и слѣда, и они, когда разгорѣлась война между Россіей и Турціей 1828 года, опять и опять горячо вѣрили, что война эта вырветъ ихъ изъ заостренныхъ когтей турецкаго господства. Съ бо́льшею чѣмъ когда-нибудь энергіею болгары всячески старались помогать русскимъ. Болгарскіе патріоты, съ Мамарчовымъ во главѣ, подготовили возстаніе, но Мамарчовъ былъ схваченъ русскими властями и отвезенъ въ главную квартиру. Адріанопольскій миръ былъ тяжелымъ ударомъ для болгарскаго народа, снова Россія предоставила его судьбу на великодушіе турецкаго правительства, и вся награда болгарамъ за ихъ посильную помощь русскимъ войскамъ была ссылка въ Сибирь нѣкоторыхъ предводителей болгарскихъ дружинъ. Такъ, сосланъ былъ Бойчо, не желавшій сложить оружія послѣ заключенія мира. Поднявшееся чувство независимости не могло скоро улечься, и болгарскіе патріоты

подготовляли возстаніе, которое готово было уже прорваться наружу, когда нашелся предатель, выдавшій туркамъ весь планъ заговорщиковъ. Казнямъ не было конца, въ Тырновѣ красовались висѣлицы. Какъ одного изъ предводителей возстанія, капитана Мамарчова, находившагося на русской службѣ, схватили и бросили въ тюрьму. Русское посольство, несмотря на его заслуги при взятіи Силистріи, не сочло нужнымъ вступиться за своего офицера.

Тяжелыя времена переживалъ тогда болгарскій народъ; его мечтамъ и надеждамъ на независимое существованіе наносились ударъ за ударомъ, какъ его врагами, такъ равно и тѣми, на кого онъ возлагалъ свои упованія. Ни въ комъ не находилъ онъ помощи. Казалось бы, что сгибнуть долженъ духъ свободы, исчезнуть вѣра въ возможность своего освобожденія, но болгары не теряли энергіи. Рѣдко, разумѣется, поднимается вся народная масса, только меньшинство способно жертвовать собою ради интересовъ своей родины, и тотъ народъ можетъ уже гордиться и не терять надежды на лучшее будущее, среди котораго такое меньшинство никогда не выпускаетъ оружія изъ своихъ рукъ. Это меньшинство болгарскихъ патріотовъ не отчаявалось. Убѣдившись, что нечего ждать посторонней помощи, оно начало организовывать возстанія, которыя и не прерывались до настоящаго времени. Произошло возстаніе въ 1841 году, повторилось оно въ 1851 году, и если эти возстанія были безуспѣшны, то они всетаки важны, такъ какъ показываютъ, что болгары никогда не примирялись съ своимъ положеніемъ рабовъ, и даже, не имѣя вѣры въ окончательное торжество, они все-таки поднимали оружіе и выстрѣлами будили своихъ приниженныхъ согражданъ.

Неорганизованной массѣ трудно бороться съ организованною силою; на одной сторонѣ часто только дубины да старыя скверныя ружья, на другой—пушки и усовершенствованное оружіе. Вотъ почему такъ часто оканчиваются неудачно народныя возстанія; но какъ бы неудачно они ни оканчивались, тѣмъ не менѣе они нравственно разслабляютъ врага, дѣйствуя на него деморализующимъ образомъ. Вотъ почему ни про одно возстаніе нельзя сказать, чтобы оно оставалось совершенно безъ результатовъ, и это понимали болгарскіе патріоты. Они вѣрили, что конечная побѣда останется на ихъ сторонѣ, хотя и понимали, что скораго освобожденія нельзя добиться безъ посторонней помощи. Радостно забилось поэтому снова ихъ сердце, когда Россія объявила войну Турціи въ 1853 году, и болгары, не желая думать о томъ, какъ горько оканчивались для нихъ наши преж-

нія войны съ турками, опять стремились на помощь русскому войску.

И эта война плачевно кончилась для болгарскаго народа. Какъ не сказать, что болгары имѣли всѣ основанія потерять вѣру въ дѣйствительность помощи Россіи. Волей-неволей болгарамъ снова оставалось только одно—разсчитывать на свои собственныя, хотя и слабыя силы. Они такъ и поступили; всѣ неудачи не заставили ихъ бросить оружіе, и не позже, какъ въ 1862 году пали новыя жертвы, принесенныя болгарскимъ народомъ свободѣ и независимости его родины. Воспользовавшись сербскимъ движеніемъ, вольныя болгарскія дружины собрались на Балканахъ, захватили въ свои руки Шипку, но съ одной стороны миръ, заключенный Сербіей съ Турціею, съ другой—превосходство турецкихъ силъ, еще разъ заставили разбрестись въ разныя стороны вольную дружину, во главѣ которой стоялъ извѣстный гайдукъ-патріотъ Панайотъ Хитовъ. Множество молодыхъ людей были схвачены и брошены въ тюрьмы. Одною изъ причинъ этого возстанія было переселеніе въ Турцію нѣсколькихъ тысячъ крымскихъ татаръ, которымъ турецкое правительство оказало гостепріимство, надѣливъ ихъ лучшими землями болгаръ и обязавъ послѣднихъ уступить имъ свои благодатныя поля и отстроить имъ жилища. Множество болгаръ бѣжало, и бѣжало именно въ Крымъ, но очень скоро, по словамъ историка, болгарскія семьи вернулись изъ Россіи, глубоко разочарованныя. Послѣдовательные удары, наносимые завѣтнымъ мечтамъ болгарскаго населенія, не въ силахъ были поколебать ихъ рѣшимости не щадить себя для достиженія намѣченной цѣли—избавленія отъ турецкаго ига.

Въ это время оказывала уже вліяніе «молодая Болгарія», на долю которой выпало усиленное преслѣдованіе турецкихъ правителей, какъ выпало на ея долю впослѣдствіи, при началѣ настоящей войны, крайне подозрительное отношеніе тѣхъ, на кого было возложено гражданское управленіе Болгаріей; но, впрочемъ, объ этомъ я упомяну нѣсколько дальше. Пропаганда «молодой Болгаріи» старалась поднять народный революціонный духъ, и вліяніе этой партіи обнаружилось уже въ 1867 году, когда произошло новое возстаніе. Но и оно окончилось не менѣе трагично, чѣмъ предшествовавшія. Вскорѣ послѣ перехода черезъ Дунай одной части сформированнаго отряда около Систова, болгары были разбиты превосходными турецкими силами, и тогда началась кровавая расправа. Въ Тырновѣ былъ устроенъ судъ, который жестоко каралъ не только всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи, но также и всѣхъ тѣхъ, кто подозрѣвался только въ ка-

комъ-либо отдаленномъ содѣйствіи или сочувствіи къ возстанію. Правда, не въ одной Турціи устраиваются подобные суды, но отъ того они не становятся менѣе возмутительными. Такими судами были, напримѣръ, «смѣшанныя коммиссіи» во Франціи послѣ декабрьскаго переворота.

Тырновскій судъ не исполнилъ, повидимому, всей своей задачи, и потому расправа продолжалась въ Систовѣ, считавшемся центромъ «молодой Болгаріи». Тутъ постарались открыть обширный заговоръ, создали громадное тайное общество, разбросившее свои сѣти по турецкой имперіи, и этотъ заговоръ далъ возможность подвергнуть массу лицъ жестокимъ, бесчеловѣчнымъ наказаніямъ. Все юношество, отъ 17-ти до 20-ти лѣтъ и даже старше, увидѣло себя въ страшной опасности; многіе спасались бѣгствомъ, другіе, и число этихъ другихъ было достаточно велико, были брошены въ тюрьмы. Но турецкое правительство не ограничилось преслѣдованіемъ одной молодежи: все, что̀ принадлежало къ интеллигентному классу, все заподозрѣвалось въ принадлежности къ какому-нибудь тайному обществу, всюду правительство рыскало, какъ шакалъ, разыскивая новыя жертвы. «Полиціи,—разсказываетъ по этому поводу одинъ изъ знатоковъ недавняго прошлаго болгарскаго народа,—были предписаны строжайшія мѣры, и Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головой каждаго болѣе или менѣе развитаго человѣка». Лучшіе люди, самоотверженно жертвовавшіе своею жизнію ради свободы своей родины, падали подъ безчеловѣчными ударами необузданной власти. Пятьдесятъ-четыре человѣка въ цѣпяхъ были отправлены въ Рущукъ, многіе умирали въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ. Какъ бы турецкое правительство ни оправдывало себя, утверждая, что такъ поступаютъ не въ одной Турціи, но подобныя дѣйствія, гдѣ бы они ни совершались, всегда вызываютъ глубокое негодованіе и непримиримую ненависть къ тѣмъ, кто ихъ совершаетъ. Эта ненависть, это негодованіе были причиною, что не далѣе, какъ на слѣдующій годъ, явилась снова рѣшимость,—доказавшая еще разъ, что крутыя мѣры, дикія преслѣдованія никогда не достигаютъ цѣли,—вызвать въ странѣ новое возстаніе. Нѣсколько болгарскихъ патріотовъ сформировали отрядъ, недалеко отъ Систова вступившій въ предѣлы несчастной Болгаріи. Отрядъ этотъ состоялъ весь изъ молодыхъ людей, бросившихся въ бой съ заклятымъ врагомъ, держа въ рукахъ знамя, на которомъ было написано: свобода и смерть! Первое сраженіе съ турками было побѣдой болгаръ, но скоро турецкое правительство выставило противъ нихъ регулярное войско вмѣстѣ съ баши-бузуками, и, благодаря численному перевѣсу, болгары были

разбиты на-голову, несмотря на геройское мужество, съ которымъ они дрались. Весь почти отрядъ легъ костьми, ущелья Габрова сдѣлались могилою этой горсти геройской молодежи.

Каждая новая попытка къ возстанію заставляла турецкое правительство болѣе зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы болгары не имѣли оружія, и мѣры, принимаемыя имъ, не оставались безъ результатовъ. Ввозъ оружія сдѣлался крайне затруднителенъ, почти невозможенъ, а безъ оружія что могли подѣлать самые рѣшительные люди? Но несмотря на такое безпомощное положеніе, можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что если въ какой-либо мѣстности территоріи турецкой имперіи вспыхнетъ возстаніе, то оно, несомнѣнно, какъ эхо, откликнется въ той или другой части Болгаріи. Такъ оно было и въ дѣйствительности. Герцеговинское возстаніе 1875 года снова вызвало броженіе среди болгарскаго народа, и это броженіе выразилось въ томъ возстаніи, которое произошло въ Филиппопольскомъ округѣ. Возстаніе было подавлено, болѣе нежели восемьсотъ человѣкъ были брошены въ тюрьмы, по преимуществу молодежь, весь округъ обагрился мученическою кровью многострадальнаго народа, но эта кровь, выпущенная изъ жилъ болгарскихъ патріотовъ, не пропала безслѣдно. Дикая расправа, учиненная турками, всполошила на время всѣ народы, и въ концѣ-концовъ, послѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ пререканій, во время которыхъ интересы болгарскаго народа скрылись за другими, выступившими, уже эгоистическими, интересами европейскихъ государствъ, эта расправа, эта пролитая болгарская кровь послужила поводомъ къ настоящей войнѣ, которая,—еще не хочется терять надежды,—положитъ предѣлъ вѣковымъ страданіямъ этого злополучнаго народа и дастъ ему, наконецъ, то, чего такъ долго и настойчиво онъ добивался—свободу и независимость.

Приведенные историческіе штрихи съ достаточною силою, мнѣ кажется, убѣждаютъ, что болгарскій народъ вовсе не примирился съ своимъ вѣковымъ гнетомъ, и что, напротивъ, онъ обнаружилъ удивительную настойчивость въ борьбѣ съ своимъ заклятымъ врагомъ. Оставленный безъ помощи, обманутый много разъ въ тѣхъ надеждахъ, которыя возлагалъ онъ на другія государства, въ томъ числѣ и на Россію, лишенный всякихъ средствъ для борьбы, обезоруженный болгарскій народъ продолжалъ хранить святую традицію національной независимости и свободы, и въ теченіи долгаго періода приносилъ этой свободѣ обильныя, кровавыя жертвы. Все, что было сильнаго, молодого, энергичнаго—все это съ необычайною отвагою бросалось въ неравный бой, и одно

поколѣніе гибло за другимъ, передавая по наслѣдству единственное свое достояніе—мощный лозунгъ: свобода и смерть! Но нѣтъ сомнѣнія, что эта отчаянная борьба, вырывавшая среди болгарскаго народа самый цвѣтъ населенія, порождала, вслѣдъ за вспышкою революціоннаго духа, извѣстный упадокъ силъ, всегда продолжающійся болѣе или менѣе длинный періодъ времени. Надо срокъ, чтобы зажили раны, надо время, чтобы подросло новое поколѣніе борцовъ, способныхъ и жертвовать собою и увлекать другихъ отдавать свою жизнь на служеніе родинѣ. Поэтому вполнѣ естественно, что между двумя взрывами народнаго негодованія всегда проходитъ промежутокъ затишья, искусственнаго замиренья, успокоенія, который такъ часто принимается современниками за окончательный упадокъ народныхъ силъ. Послѣднее десятилѣтіе было тяжелымъ временемъ для болгарскаго народа; возстанія 1867—1868 годовъ, затѣмъ вспышки 1876 года стоили ему дорого—тысячи молодыхъ людей, сокъ населенія, соль земли, были перебиты, перерѣзаны, брошены въ тюрьмы, гдѣ смерть спасала ихъ отъ мученій, причиняемыхъ тяжелыми желѣзными цѣпями. Эта убыль лучшихъ силъ должна была отозваться въ настоящее время недостаткомъ иниціативы, нѣкоторымъ упадкомъ энергіи, что весьма многими во время настоящей войны принималось за полное разложеніе, за исчезновеніе среди болгарскаго народа стремленій къ освобожденію Болгаріи изъ-подъ турецкаго владычества.

Если, такимъ образомъ, болгары оказались болѣе пассивны, чѣмъ то предполагали, то теперь всякій видитъ, что эта пассивность обусловливалась чисто-историческими обстоятельствами, нѣкоторою усталостью, вызванною предшествовавшими возстаніями, поглотившими самые энергичные элементы населенія. Затѣмъ, эта пассивность проистекала отчасти и изъ недовѣрія къ серьёзному желанію Россіи помочь освобожденію ихъ родины, а что это недовѣріе было естественно, если хотите, законно, то въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться, когда мы припомнимъ предшествовавшія войны между Россіею и Турціею, такъ печально окончившіяся съ точки зрѣнія болгарскихъ интересовъ.

Но помимо историческихъ данныхъ, объясняющихъ до извѣстной степени пассивное отношеніе болгаръ къ настоящей войнѣ, существовали и другія причины, мѣшавшія болгарамъ принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ, завязавшейся съ ихъ заклятымъ врагомъ. Эти другія причины заключаются, главнымъ образомъ, въ той системѣ, которая усвоена была нами по отношенію къ болгарамъ.

Съ точки зрѣнія теоретической, болѣе удобной для разсужденій, вопросъ, мнѣ кажется, можетъ ставиться прямо: когда извѣстный народъ задается, безъ всякихъ заднихъ мыслей, гуманною цѣлію сорвать цѣпи неволи съ другого народа, освободить его изъ-подъ власти дикаго, хотя и легальнаго, въ смыслѣ существующаго, правительства, тогда не только не слѣдуетъ опасаться проявленій революціонныхъ порывовъ, но, напротивъ, для успѣшности борьбы, необходимо дать этимъ порывамъ возможный просторъ. Пусть революціонное движеніе охватитъ всю страну, пусть подниется народный духъ, тогда война получитъ истинно-національный, народный характеръ, и какъ лавина, все болѣе и болѣе грозная, раздавитъ всякое сопротивленіе, попадающееся на пути такого революціоннаго движенія. Нѣтъ сомнѣнія, что только народъ, достигшій высокаго внутренняго развитія, можетъ не опасаться революціоннаго движенія среди другого народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ явилось бы коренное противорѣчіе между тою системою, которая существуетъ внутри государства, и тою, которая побуждаетъ его дѣйствовать во внѣшней политикѣ. Отсюда логическій выводъ, что успѣшность освобожденія того или другого народа зависитъ не только отъ физической силы, которою обладаетъ государство, но и отъ его внутреннихъ условій, настолько прочныхъ, чтобы не опасаться заразы революціоннаго духа, неизбѣжнаго въ борьбѣ съ установленнымъ правительствомъ. При иныхъ условіяхъ освобожденіе народа другимъ государствомъ всегда будетъ сопровождаться тѣми или другими колебаніями, не говоря уже о препятствіяхъ и о возраженіяхъ, которыя могутъ быть встрѣчены со стороны неучаствующихъ въ борьбѣ государствъ,—возраженіяхъ, основанныхъ именно на указанномъ мною противорѣчіи.

Переходя отъ теоріи къ практикѣ, и говоря объ отношеніи Россіи къ болгарамъ во время послѣдней войны, нельзя не признать, что, задавшись цѣлію освобожденія болгарскаго народа изъ-подъ турецкаго господства, мы не только не желали воспользоваться подъемомъ его народнаго духа, считая это революціоннымъ движеніемъ, способнымъ вызвать партизанскую войну на всемъ пространствѣ театра войны, но мы сдѣлали все, что только отъ насъ зависѣло, чтобы удержать болгаръ отъ народнаго возстанія. Вступая въ Болгарію, мы говорили народу, что онъ пріобрѣлъ право на наше заступничество не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій и мученической крови, въ которой всегда тонули они и ихъ покорные предки. Мы ни во что не ставили ихъ вѣковую борьбу, ихъ попытки съ оружіемъ въ

рукахъ достигнуть освобожденія, мы придавали цѣну только ихъ пассивнымъ страданіямъ. Вмѣсто того, чтобы призвать болгаръ къ поголовному возстанію противъ ненавистнаго имъ врага, мы, напротивъ, говорили имъ, что вся ихъ «сила и спасеніе» заключается только въ покорности русской власти, въ строгомъ исполненіи ея указаній. Повидимому, намъ должно было бы быть совершенно безразлично, какое знамя развернетъ та или другая болгарская партія, лишь бы на этомъ знамени написано было: борьба до послѣдней капли крови съ турецкимъ игомъ! Но мы относились далеко небезразлично. Вступая въ Болгарію, мы опасались революціонныхъ стремленій, и потому съ такою же подозрительностію относились къ «молодой Болгаріи», съ какою относился къ ней прежде Митхадъ-паша, старавшійся кознями и цѣпями заставить ее отказаться отъ лозунга: свобода и смерть. Чтобы слова мои не показались голословными, я приведу нѣсколько строкъ изъ одной инструкціи чинамъ консульскаго корпуса: „Знакомство ваше,—говорится въ этой инструкціи, — съ мѣстными языками и условіями жизни, безъ сомнѣнія, дастъ возможность военному начальству обращаться къ вашему содѣйствію по дѣлу наблюденія за туземными переводчиками, и я надѣюсь, что въ этомъ отпошеніи вы, дѣятельно наблюдая за этими лицами, въ случаяхъ, когда это будетъ вамъ поручено военнымъ начальствомъ, облегчите заботы военныхъ властей и доставите имъ самыя точныя и правильныя свѣдѣнія. При этомъ не лишне обратить вниманіе (и это мѣсто особенно выдается) на тѣхъ изъ членовъ такъ-называемой «Болгарской Омладины», которые могутъ встрѣтиться между лицами мѣстнаго происхожденія, состоящими при войскахъ, немедленно докладывая о таковыхъ военному начальству, для предупрежденія со стороны означенныхъ переводчиковъ какихъ-либо недоразумѣній, къ которымъ люди молодые и малоопытные могли бы подать, — быть-можетъ и невольно и подчасъ съ лучшими намѣреніями, — поводъ, вслѣдствіе не чуждаго имъ увлеченія».

Инструкція эта помѣщена въ «Сборникѣ оффиціальныхъ распоряженій и документовъ по болгарскому краю». Сборникъ этотъ не секретный; слѣдовательно, легко могъ сдѣлаться, и сдѣлался въ дѣйствительности, извѣстнымъ болгарамъ. Не трудно, разумѣется, догадаться, какое впечатлѣніе должны были произвести выписанныя мною строки на членовъ «молодой Болгаріи». На ихъ готовность стать въ ряды борцовъ за освобожденіе рядомъ съ русскимъ войскомъ — впечатлѣніе ушата холодной воды; на ихъ отношеніе къ намъ — впечатлѣніе, которое всегда производитъ

подозрительность «начальства», за которою обыкновенно скрываются, выражаясь языкомъ нашего сатирика, различныя «мѣропріятія». Такія распоряженія настраиваютъ, извѣстнымъ образомъ, чувство людей; чувство же анализируетъ мало, и потому немудрено, если сторонники «молодой Болгаріи», узнавъ о подобномъ предписаніи, составили себѣ мнѣніе, что русскіе относятся къ нимъ также, какъ и турки. Правда, въ словахъ этого распоряженія звучитъ извѣстная мягкость; но, вѣдь, это документъ оффиціальный, а въ оффиціальныхъ документахъ принято выражаться дипломатически. Вообще такое распоряженіе имѣетъ то значеніе, что обрисовываетъ извѣствую усвоенную систему, такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ другихъ частяхъ, хотя бы въ гражданскомъ управленіи, существовало иное отношеніе къ «молодой Болгаріи», чѣмъ то, которое выражено въ инструкціи чинамъ консульскаго корпуса. Безъ опасенія быть опровергнутымъ, я могу даже сказать, что и въ гражданскомъ управленіи существовало именно такое отношеніе къ людямъ «молодой Болгаріи». Я знаю лицъ, получившихъ довольно высокія назначенія по гражданскому управленію,—лицъ, прежде получавшихъ жалованье отъ турецкаго правительства, но не знаю никого, по крайней-мѣрѣ не приходилось слышать о томъ, чтобы такія назначенія получали люди, принадлежащіе къ партія «молодой Болгаріи». Но гдѣ же, спрашивается, корень такого отношенія съ нашей стороны? Я понимаю его со стороны турокъ, къ людямъ, преслѣдовавшимся только за горячую любовь къ своей родинѣ. Корень этотъ лежитъ въ нашемъ опасеніи соприкоснуться съ революціоннымъ элементомъ въ странѣ, не вводить въ соблазнъ другихъ, не показать даже вида, что мы, опирающіеся всегда на строгомъ уваженіи къ существующей власти, можемъ снисходительно относиться къ людямъ, хватающимся за оружіе для борьбы съ установленнымъ правительствомъ, какъ-будто бы мы, стараясь освободить болгаръ изъ-подъ власти его, такъ или иначе, законнаго правительства, сами не совершаемъ подобнаго же дѣла. Насколько такое дѣло мирится съ тѣмъ или другимъ началомъ, это вопросъ иной; но логика требуетъ, чтобы вещи назывались ихъ собственными именами. Ниспровергать турецкое правительство и вмѣстѣ съ тѣмъ открещиваться отъ революціоннаго элемента, враждебнаго туркамъ, значитъ не держаться строгой послѣдовательности, а результатомъ такой непослѣдовательности является неувѣренность въ своихъ силахъ, отсюда шаткость въ политикѣ и въ концѣ-концовъ нерасположеніе того народа, ради котораго пролито такъ много драгоцѣнной крови.

По этому поводу я не могу не передать одного разговора именно съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ партіи «молодой Болгаріи», съ которымъ пришлось вести бесѣду во время одного изъ переходовъ.

— Отчего, скажите пожалуйста,—спрашивалъ я его,—болгары не принимаютъ болѣе дѣятельнаго участія въ завязавшейся борьбѣ съ турками?

— Какъ вамъ сказать, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — однимъ словомъ на этотъ вопросъ не отвѣтишь, такъ какъ причины довольно сложныя, но, если хотите, я постараюсь вамъ объяснить ихъ.

Я настаивалъ, и онъ сталъ говорить.

— Я думаю, что болгары массами бы ополчились противъ турокъ и оказали бы вамъ довольно серьёзную помощь, если бы вы сами этого желали. Но дѣло быстро установилось такъ, что мы волей-неволей должны были ограничиваться сравнительно незначительными услугами. У насъ нѣтъ навыка къ дисциплинѣ, солдатомъ съ-разу не сдѣлаешься, но мы умѣемъ умирать, и не разъ доказывали это, за нашу независимость, за наше освобожденіе. Если бы мы были вооружены, то намъ ничего отъ васъ не было бы нужно; мы сами устроили бы вольныя дружины и разбрелись во всѣ стороны, и я думаю, не мало вреда причинили бы туркамъ. Но оружія у насъ нѣтъ послѣ послѣднихъ движеній. Турки по всей странѣ шарили, розъискивали оружіе, и когда находили его, то оружіе отбирали, а людей бросали въ тюрьму. Мы находимся въ другомъ положеніи, нежели сербы, или даже босняки и герцеговинцы. Они живутъ близко границы, и оружіе провезти не трудно, а намъ доставать его—совсѣмъ другое дѣло. Вотъ если бы русскія власти объявили, что оружіе намъ будутъ раздавать, и мы дѣйствительно получили бы его, тогда вы бы увидѣли, сколько народу ушло бы драться съ турками, тогда бы началась настоящая партизанская война, и я думаю, наша помощь была бы довольно серьёзна. Мы этого и ждали. Но случилось не такъ. Многіе болгары ходили просить оружія, чтобы биться съ турками, когда они приходятъ занимать деревню, а спросите, многимъ ли его роздали. Нѣкоторымъ удалось его получить, и тѣ не оставались безъ дѣла. Мнѣ кажется, что вы сами не желали вызвать народнаго возстанія; я только тѣмъ и могу себѣ объяснить, что намъ на каждомъ шагу говорили: вы только слушайтесь, исполняйте, что̀ вамъ приказываютъ, и ни во что не смѣйте вмѣшиваться. Болгары не смѣли трогаться; они повиновались, а вотъ теперь вы говорите, да и не вы одни, что мы не хотимъ драться!

— Положимъ такъ,—приходилось возражать ему,—но вѣдь были же организованы болгарскія дружины, отчего въ нихъ поступало сравнительно такъ мало народу? Вѣдь ужъ тутъ не только не запрещали, но, напротивъ, приглашали записываться.

— Видите ли, и на это есть причина. Я уже сказалъ, что мы солдаты плохіе, между тѣмъ мы знали, что дружины эти будутъ подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ, они привыкли имѣть дѣло съ своими солдатами, отъ насъ будутъ требовать того же, такой же дисциплины, станутъ учить, проучать сколько времени, а какое намъ ученье? Знали мы также и то, что дружины эти войдутъ въ составъ вашего войска, ваши солдаты хорошіе,—что-жъ мы стали бы дѣлать? А вотъ если бы отдѣльныя партіи,—возвращался онъ къ своей мысли,—то у насъ нашлись бы и вожаки, хотя ихъ и много погибло! А, затѣмъ, и о дружинахъ-то многіе ничего не знали. Вотъ въ Систово въ первыя же двѣ недѣли явилось 400 человѣкъ волонтеровъ, а въ Тырновѣ сколько времени всего было 200 человѣкъ. Въ Габровѣ же и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ болгары совсѣмъ и не знали къ кому обращаться. Если бы намъ было объявлено, что каждая деревня должна поставить столько-то человѣкъ, то, конечно, сейчасъ было бы набрано сколько угодно, и тѣ самые люди, которые теперь сидятъ дома, дрались бы не дурно, постоять за себя съумѣли бы!

Возраженіе это было въ значительной степени справедливо, такъ какъ мнѣ самому приходилось бывать въ деревняхъ, гдѣ жители и не слыхали о томъ, что болгары призываются въ дружины. Правда, такъ было въ первый несчастный періодъ войны,— что было потомъ, я не берусь судить. Очевидно, что если бы мы желали при началѣ войны образовать изъ болгарскихъ дружинъ серьёзную силу, то мы, быть можетъ, съумѣли бы лучше организовать это дѣло, чѣмъ оно было организовано, распространить его по всей Болгаріи, и тогда, разумѣется, численность этихъ дружинъ не ограничилась бы шестью тысячами. Намъ кажется, смѣло можно сказать,—этого не желали, такъ какъ вообще къ болгарскому движенію относились и съ пренебреженіемъ, и съ нѣкоторою боязливостью. Боязливость эта имѣла своимъ источникомъ все ту же «молодую Болгарію», по поводу которой такъ мѣтко выразился мой собесѣдникъ. Отвѣчая на мой вопросъ — вступаютъ ли тѣ, которые причисляютъ себя къ «молодой Болгаріи» въ ряды болгарскихъ дружинъ, онъ между прочимъ сказалъ:

— Разумѣется, вступаютъ! Я знаю, что «молодую Болгарію» вы не очень любите, но я только удивляюсь—почему. Вѣдь мы

«молодая Болгарія» для Турціи, а не для Россіи. Вы насъ вѣдь не хотите же завоевать!..—И онъ былъ правъ. Трудно даже понять, чѣмъ могла навлечь на себя подозрѣніе партія «молодой Болгаріи», какія злокозненныя цѣли приписывались ей у насъ? Если мы были совершенно искренни, если мы дѣйствительно желали свободы и независимости болгарскаго народа, то наши стремленія не могли особенно расходиться съ стремленіями «молодой Болгаріи», которая тѣмъ главнымъ образомъ и отличается отъ старой болгарской партіи, что въ дѣлѣ своего освобожденія и самостоятельности не признаетъ рѣшительно никакихъ компромиссовъ съ существующимъ порядкомъ вещей, въ смыслѣ политическаго подчиненія Турціи. Наше непріязненное отношеніе къ «молодой Болгаріи» должно быть объяснено главнымъ образомъ недоразумѣніемъ или, вѣрнѣе, незнаніемъ того, что такое «молодая Болгарія».

— «Молодая Болгарія!» должно быть что-нибудь нехорошее!

И сейчасъ же мерещится всесвѣтная революція, соціально-революціонная партія, въ то время какъ соціалистическія идеи почти-что не существуютъ еще въ Болгаріи или находятся въ такой зачаточной формѣ, что ужъ никоимъ образомъ не могутъ играть роли «краснаго призрака». Партія «молодой Болгаріи» представляетъ собою партію преимущественно политическую, состоящую изъ горячихъ патріотовъ, стремящихся только къ одной цѣли—къ созданію независимой, свободной болгарской земли.

Люди этой партіи, равно какъ и другіе, шли въ болгарскія дружины, заявившія себя съ самой лучшей стороны. Первоначально, вслѣдствіе существовавшаго пренебреженія къ болгарскимъ силамъ, объ этихъ дружинахъ говорилось не иначе, какъ съ насмѣшкой.

— Ну, что братушки! на что они годны!

Другого отзыва не было слышно. Но пробилъ тяжелый часъ, исторія занесла въ свои скрижали бой подъ Эски-Загрой, изумительную по своему сказочному героизму защиту Шипкинскаго прохода—и мнѣніе о болгарскихъ дружинахъ быстро измѣнилось. И тутъ, и тамъ болгары вели себя блистательно, они не отставали въ отвагѣ отъ русскаго солдата и тѣмъ вызвали къ себѣ величайшее сочувствіе. Наши солдаты и офицеры были первые, которые спѣшили отдать имъ справедливость, и мнѣ не разъ приходилось слышать отъ солдатъ похвалу геройскому поведенію болгарскихъ дружинниковъ.

— Что говорить! «братушки» дрались такъ, какъ дай Богъ каждому! Отъ нашихъ не отставали!

Бóльшей похвалы не могли они сдѣлать болгарамъ. Поведеніе болгарскихъ дружинъ показало, какую пользу можно было бы извлечь изъ болгарскаго народа, если бы мы нѣсколько иначе взялись за дѣло и болѣе умѣло и съ бóльшею рѣшительностью приступили къ организаціи мѣстныхъ народныхъ силъ.

Крайне несправедливо было бы утверждать, что все участіе болгарскаго народа въ войнѣ нашей съ турками ограничивалось исключительно болгарскими дружинами. Нѣтъ, помимо этихъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ масса людей служила другую службу. Одни являлись проводниками нашихъ отрядовъ, другіе занимались тѣмъ, что подъ градомъ пуль и гранатъ, какъ то было на Шипкѣ, таскали нашимъ войскамъ воду и доставляли провіантъ, третьи перевозили нашихъ раненыхъ, четвертые, наконецъ, хватались за оружіе и шли въ одиночку, въ разсыпную. Я не могу забыть одного болгарскаго юношу, лѣтъ 15-ти или 16-ти, встрѣченнаго мною въ одномъ изъ госпиталей, уже съ ампутированною рукою, покорно, безъ малѣйшаго стона переносившаго жестокія страданія. Самъ онъ говорить не могъ, но докторъ разсказалъ мнѣ его короткую, но трогательную исторію. Онъ желалъ поступить въ болгарскую дружину, но родные его не отпускали, говоря, что дѣтей не принимаютъ въ легіонъ. Тогда онъ убѣжалъ изъ дому, досталъ себѣ ружье, присталъ къ какому-то отряду, бросился въ сраженіе, и его подняли полуживого, прострѣленнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ. И онъ былъ не одинъ. Наконецъ, развѣ та радость, которую обнаруживали болгары при вступленіи нашихъ войскъ въ любой городъ, въ любую деревушку за Балканами, та готовность оказать свою помощь, то желаніе быть полезнымъ всѣмъ, чѣмъ только они могли быть полезны, развѣ они ничего не говорятъ за себя, развѣ не доказываютъ, что болгары не относились пассивно къ освобожденію своей родины изъ-подъ турецкаго владычества? Сомнѣнія нѣтъ, они могли принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ за свою независимость, но если они не приняли его, то главнымъ образомъ благодаря тому, что мы сами не желали дать просторъ взрыву народнаго чувства и сдѣлали все, чтобы не дать вспыхнуть партизанской войнѣ. Вотъ почему упрекъ, обращенный къ болгарамъ, что они не стоили вовсе, чтобы изъ-за нихъ начинать войну, что они достойны своей участи, и даже, что они не тяготятся турецкимъ гнетомъ, — представляется упрекомъ настолько же неосновательнымъ и несправедливымъ, какъ и обвиненіе ихъ въ неблагодарности, жестокости и прочихъ подобныхъ же свойствахъ.

Въ своемъ глазу не замѣчать бревна, въ чужомъ же видѣть

сучокъ — это довольно общее человѣческое свойство, и рѣдко когда оно проявлялось такъ ярко, какъ въ нашемъ отношеніи къ болгарамъ. То и дѣло, что можно было слышать восклицаніе:

— Ну, что болгары, это народъ невѣжественный, тупой!

Я, конечно, не задаюсь мыслію представить въ этихъ очеркахъ полную картину нравственнаго состоянія, культуры болгарскаго народа, но какъ не сказать хотя нѣсколько словъ по поводу того мнѣнія, которое, мнѣ кажется, вполнѣ неправильно установилось объ этомъ народѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что народъ этотъ не находится на высокой степени развитія, онъ лишенъ высшаго университетскаго образованія, у него нѣтъ самостоятельной цвѣтущей литературы, печать находится въ самомъ загнанномъ положеніи, но едва ли мы имѣемъ особенныя основанія кичиться передъ болгарами и смотрѣть на нихъ въ этомъ отношеніи съ высоты нашего величія.

Если же мы припомнимъ, какъ недавно еще воскресъ самый болгарскій языкъ, какъ недавно явилась первая болгарская школа, то успѣхи, сдѣланные болгарами въ смыслѣ распространенія образованія, могутъ даже внушить нѣкоторую зависть. Для того, чтобы сколько-нибудь вѣрно судить о настоящемъ, прежде всего не слѣдуетъ забывать прошлаго. А это прошлое говоритъ намъ, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія болгарскій народъ былъ какъ-бы вытѣсненъ изъ исторической жизни европейскихъ народовъ, онъ какъ-бы пересталъ существовать, такъ что, выражаясь словами одного изъ историковъ этого народа, его нужно было почти вновь открывать. Болгарскій языкъ былъ позабытъ, и иные ученые признавали его только нарѣчіемъ сербскаго языка. Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія никто не подозрѣвалъ о существованіи хотя одной ново-болгарской книги. Греческое вліяніе, господство фанаріотовъ было направлено къ тому, чтобы заставить забыть болгаръ, что у нихъ когда-либо была своя славная исторія, свое прошлое, свой языкъ. Единственныя школы, которыя существовали, были греческія, и каждый болгаринъ, проходившій черезъ такую школу, помимо своей воли переставалъ быть болгариномъ, а дѣлался грекомъ. Чувство національнаго достоинства было до такой степени принижено, что болгары, получившіе какое-либо, хотя бы и самое поверхностное образованіе, совѣстились признавать себя болгарами, и на вопросъ предложенный: кто вы такой? болгаринъ отвѣчалъ: я грекъ! И это, нужно прибавить, было въ такомъ чисто-болгарскомъ городѣ, какъ Тырново. Только въ началѣ нашего столѣтія стали раздаваться слабые, едва слышные въ то время голоса, призывавшіе

народъ вспомнитъ свой родной языкъ. Но прошло еще много времени, прежде чѣмъ этотъ языкъ получилъ право гражданства въ болгарской школѣ.

Первая болгарская школа была основана въ Габровѣ всего въ тридцатыхъ годахъ, но за то съ этого времени дѣло національнаго образованія пошло быстро впередъ. «Десять лѣтъ спустя послѣ основанія габровской школы (1845 г.), — говоритъ новѣйшій историкъ болгарскаго народа Иречекъ, — существовало уже 53 болгарскихъ школы, а именно, въ придунайской Болгаріи 31, во Фракіи 18, въ сѣверовосточной Македоніи 4. Вмѣстѣ со школами выросло и число читающихъ. Въ сороковыхъ годахъ литература, едва существовавшая двадцать лѣтъ, могла уже указать книги, на которыя было до 2000 подписчиковъ. Въ 1844 году сталъ выходить первый болгарскій журналъ». Итакъ, прошло всего сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникла стараніями болгарскихъ патріотовъ первая національная школа, и въ эти сорокъ лѣтъ, нужно отдать справедливость болгарамъ, образованіе сдѣлало необычайно быстрые успѣхи, которымъ могутъ позавидовать націи, живущія болѣе тысячи лѣтъ. Сдѣлайте путешествіе у насъ, останавливайтесь въ деревняхъ, предлагайте всюду вопросы: есть ли у васъ школа, есть ли ученики? И вамъ не разъ придется услышать: у насъ нѣтъ школы, у насъ нѣтъ учениковъ! А между тѣмъ у насъ на народное просвѣщеніе ассигнуется значительная сумма, отъ которой иногда остается еще экономія, у насъ существуютъ всякіе институты, лицеи, существуютъ академіи, словомъ—существуетъ все, чтó слѣдуетъ, чтобы дѣло народнаго образованія представлялось въ самомъ блестящемъ видѣ. Совершивъ такое путешествіе, отправляйтесь странствовать по Болгáріи, останавливайтесь точно также въ селахъ и деревняхъ и предлагайте тѣ же вопросы о школахъ и ученикахъ. Скоро вы не станете спрашивать: есть ли школа, есть ли ученики? Нѣтъ, вы будете предлагать вопросъ въ другой формѣ: *сколько* у васъ школъ, сколько учениковъ?

Совершая переѣзды изъ одного пункта Болгаріи въ другой, и совершая ихъ постоянно верхомъ, естественно, мнѣ часто приходилось останавливаться въ попадавшихся на пути деревняхъ. Я не пропускалъ случая предлагать вопросы о школахъ, и, пусть не вѣритъ читатель, если ему болѣе пріятно не вѣрить по мотивамъ національнаго самолюбія, но я не запомню, чтобы хоть разъ пришлось мнѣ получить отвѣтъ, что въ деревнѣ вовсе нѣтъ школы. Въ одномъ селѣ съ 450 домами я нашелъ двѣ школы мужскихъ и одну женскую, и притомъ болѣе трехъ-сотъ учениковъ и ученицъ;

въ другомъ селѣ, которое насчитываетъ 560 домовъ, существуетъ три школы мужскихъ и одна женская, 5 учителей, одна учительница, учениковъ и ученицъ 450; въ небольшой деревнѣ съ 50 домами одна школа, которую посѣщаютъ мальчики и дѣвочки вмѣстѣ, учителемъ состоитъ священникъ. Я сожалѣю теперь, что не всегда записывалъ цифры школъ, учениковъ; отвѣты на мои вопросы были почти однообразны: три школы, одна школа, двѣ школы, — и я, не думая собирать статистическія данныя, перестаіъ заносить въ свою записную книжку монотонныя цифры. Я сожалѣю, потому что цифры эти были бы крайне назидательны для насъ, обладающихъ не такими средствами, какъ болгары, чтобы дать образованіе народу. При такомъ быстромъ распространеніи народнаго образованія въ Болгаріи, можно съ увѣренностью, не ошибаясь, сказать, что не пройдетъ и двадцати лѣтъ, какъ среди болгаръ трудно будетъ отыскать людей неграмотныхъ; все подростающее въ настоящее время поколѣніе пройдетъ черезъ школу. А, между тѣмъ, кто будетъ имѣть настолько смѣлости, чтобы утверждать, что въ тотъ же періодъ времени наше родное дѣло народнаго образованія сдѣлаетъ такіе исполинскіе успѣхи, что каждый крестьянинъ будетъ свободно читать и писать. Для того, чтобы утверждать что-нибудь подобное, необходимо быть большимъ оптимистомъ и имѣть увѣренность, что, по прошествіи такого же періода времени, среди нашего общества и днемъ съ фонаремъ нельзя будетъ разыскать ни единаго защитника той, въ наше время оригинальной теоріи, защищаемой только врагами нашего прогресса, въ силу которой образованіе составляетъ предметъ роскоши, доступной для однихъ избранныхъ, для привилегированныхъ, а для чернаго люда оно не только не нужно, но еще вредно, такъ какъ способно развить въ немъ пагубныя идеи, грозящія нанести ударъ изобрѣтенной во Франціи троицѣ: семьѣ, собственности и религіи, т.-е. формулѣ «краснаго призрака», раскушенной теперь самыми умѣренными людьми въ Европѣ. Но какъ питать убѣжденіе, что такая теорія не привьется въ нашемъ обществѣ, когда она такъ энергически и беззастѣнчиво поддерживается нѣкоторыми изъ нашихъ литературныхъ органовъ. Вотъ отчего я и говорю, что не очень-то мы должны кичиться передъ болгарами, говоря объ ихъ необразованности и невѣжествѣ.

Тѣ немногіе сельскіе учителя, которыхъ мнѣ удалось встрѣчать, были люди не Богъ знаетъ, конечно, какого высокаго образованія, но всѣ они отличались яснымъ умомъ, разумнымъ отношеніемъ къ условіямъ жизни, созданнымъ болгарскому народу

турецкимъ владычествомъ; всѣ они способны были развить въ своихъ ученикахъ идеи, которыя, разумѣется, не могли нравиться турецкому правительству. Разговаривая съ ними, мнѣ пришлось только удивляться, что турецкое правительство терпитъ такого рода сельскихъ учителей, явно зараженныхъ, съ его точки зрѣнія, зловредными теоріями, развивающими идею свободы и независимости народа, что оно давно не упрятало ихъ въ свободные казаматы той или другой крѣпости. Волей-неволей пришлось придти къ убѣжденію, что тайная полиція въ Турціи находится въ состояніи крайняго упадка. Какъ было не пожалѣть и не сказать про себя: бѣдная Турція! Всѣ эти учителя вышли большею частью изъ габровской, тырновской, филиппопольской и нѣкоторыхъ другихъ школъ, и только немногіе окончили курсъ въ иностранныхъ гимназіяхъ или успѣли даже побывать въ заграничныхъ университетахъ.

Въ Болгаріи, молодые люди, имѣющіе хоть какія-либо средства, отправляются, если желаютъ получить высшее образованіе, въ иностранные университеты или даже гимназіи, такъ какъ Болгарія лишена высшихъ учебныхъ заведеній. Турецкое правительство, дѣйствуя подъ вліяніемъ грековъ, считаетъ ихъ также вредною роскошью, впрочемъ только для своихъ мятежныхъ подданныхъ болгаръ, и поступаетъ съ полною откровенностью, не давая ни средствъ, ни разрѣшенія на ихъ основаніе. Отсутствіе высшихъ образовательныхъ заведеній не можетъ, само собою разумѣется, не вліять на существованіе въ Болгаріи того, что̀ зовется интеллигентнымъ классомъ: кругъ его естественно не великъ, такъ какъ сравнительно очень не многіе имѣли до настоящаго времени возможность получать высшее образованіе. Да и тѣ, которые его получили, не имѣютъ достаточно случаевъ, чтобы употребить его въ дѣло. Кругъ дѣятельности такихъ людей крайне ограниченъ, арена общественной жизни для нихъ въ значительной степени закрыта. Несомнѣнно, что и это обстоятельство вліяло на то, помимо недостатка средствъ, чтобы болгары не очень заботились объ открытіи высшаго учебнаго заведенія. Имъ нужны были по преимуществу люди развитые, получившіе среднее образованіе, которое они и находили какъ въ габровской школѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. У людей съ высшимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ въ заграничныхъ университетахъ, было, главнымъ образомъ, одно орудіе для того, чтобы работать на пользу своего народа, это орудіе — слово, которымъ они и пользовались насколько хватало силъ. Они пи-

сали книги, издавали журналы и газеты, которыми будили болгарскій народъ, призывая его къ новой жизни.

При этомъ, конечно, каждый задастъ такой вопросъ: «да какъ же они могли пользоваться этимъ орудіемъ? — развѣ турецкое правительство дозволяло свободное слово?» Въ Турціи, конечно, существуютъ законы о печати, заимствованные изъ временъ второй французской имперіи, т.-е. вооружающіе правительство такимъ оружіемъ, какъ предостереженіе, пріостановка и т. п.; законы эти даже усовершенствованы, посредствомъ запрещенія, которому могутъ подвергнуться опальные журналы во всякое время, независимо отъ предостереженій и пріостановокъ. Но, несмотря на все это, и какъ ни покажется страннымъ, болгарскіе журналы могли существовать и довольно свободно проводить свои идеи о необходимости независимой и свободной Болгаріи. Турки не обращали — или если и обращали, то весьма мало — вниманія на то, что̀ проповѣдуется болгарскими журналами, и нуженъ былъ какой-нибудь греческій доносъ, чтобы разразилась гроза надъ журналомъ. Такъ, въ Константинополѣ издавались болгарскія газеты: «Напрѣдъкъ» г. Найденовымъ, «Вѣкъ», «День» г. Балабановымъ; «Источно Время»; въ Рущукѣ «Дунавъ», въ Адріанополѣ «Одринъ»; наконецъ, органъ болгарскаго поэта Соловейки «Македонія». Помимо того, Бухарестъ, Бѣлградъ, Браиловъ оказывали свое гостепріимство тѣмъ болгарскимъ патріотамъ, которые вынуждены были эмигрировать вслѣдствіе политическихъ преслѣдованій, и тутъ они издавали журналы и газеты, звучавшіе уже совсѣмъ свободнымъ словомъ. Всѣ эти журналы находили доступъ въ Болгарію, гдѣ, хотя и тайно, но все-таки распространялись. Что книги и журналы политическихъ эмигрантовъ запрещались турецкимъ правительствомъ, мы, конечно, этому не станемъ особенно удивляться, а тѣмъ болѣе возмущаться. Но что̀ должно было не мало удивить болгарскихъ патріотовъ, да и вообще всѣхъ болгаръ, это — когда они узнали, такія же вещи всегда узнаются, что мы, пришедшіе освободить Болгарію отъ турецкаго ига, смотримъ на вопросъ о свободѣ болгарскаго слова нисколько не иначе, чѣмъ смотрѣло турецкое правительство. А въ этомъ они не могли не убѣдиться изъ слѣдующаго факта. Одинъ изъ опальныхъ болгаръ, во время турецкаго господства въ Болгаріи, тотъ самый Каравеловъ, который издавалъ въ Бухарестѣ журналъ «Знаніе», отправился въ освобожденную Болгарію и просилъ разрѣшенія на изданіе болгарской газеты. Въ этомъ разрѣшеніи ему было отказано гражданскимъ управленіемъ. Какое поученіе должны были вынести изъ этого отказа болгари — не знаю, но

гражданское управленіе руководилось, вѣроятно, самыми благими намѣреніями. Быть можетъ, тѣмъ соображеніемъ, что не нужно, чтобы болгары съ-разу почувствовали слишкомъ рѣзкій переходъ отъ рабства къ свободѣ.

Къ интеллигентному классу должна быть отнесена также значительная часть болгарскаго духовенства, не мало способствовавшаго возрожденію болгарскаго народа. Долгое время оно вело упорную борьбу съ фанаріотами, которые всячески старались искоренить его, какъ старались искоренить все болгарское. Ихъ ненависть къ болгарскому народу заходила такъ далеко, что она простиралась даже на болгарскія книги, памятники старины, которые они подвергали варварскому сожженію. Самое знаменитое «auto-da-fe» было устроено греческимъ духовенствомъ въ Тырновѣ, когда рѣдкая патріаршая библіотека была брошена на жертву пламени. Фактъ, конечно, вопіющій, но не безпримѣрный въ исторіи...

Борьба между болгарскимъ духовенствомъ и фанаріотами окончилась торжествомъ перваго всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ 1870 году появился фирманъ Абдулъ-Азиса, гласившій слѣдующее: «Моя императорская воля состоитъ въ томъ, чтобы всѣ жители моей державы и вѣрные мои подданные могли способствовать моимъ императорскимъ стараніямъ, которыя я прилагаю къ достиженію высшей степени образованія и благоденствія въ имперіи. Распри и пререканія, которыя съ нѣкотораго времени возникли между православными—болгарами, и константинопольской патріархіей, сдѣлавшись причиною моей печали, побудили меня, по обсужденіи вопроса, придти къ нижеслѣдующему окончательному рѣшенію...» [1]), заключавшемуся въ образованіи отдѣльнаго духовнаго правленія подъ наименованіемъ «Болгарская экзархія». Этотъ фирманъ, написанный, какъ можно замѣтить, въ стилѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ стиля всѣхъ европейскихъ манифестовъ, далъ болгарскому духовенству еще бо́льшій просторъ дѣйствовать въ смыслѣ національномъ. Далеко, конечно, не все духовенство могло принимать участіе въ работѣ болгарскаго возрожденія, такъ какъ значительная масса его мало возвышалась, относительно образованія, надъ общимъ уровнемъ болгарскаго народа, но нѣкоторые его члены послужили все-таки народному дѣлу. Въ распространеніи образованія, въ развитіи школьнаго дѣла имъ принадлежитъ, безспорно, большая заслуга, которую раздѣляетъ, впрочемъ, съ духовен-

1) Матеріалы для изученія Болгаріи.—Выпускъ II. Букарештъ, 1877 г., стр. 10.

ствомъ и съ другими болгарскими патріотами, нужно сказать правду, отчасти и турецкое правительство. Заслуга его была, если можно такъ выразиться, отрицательная, т.-е. турецкое правительство не мѣшало распространенію школъ, не стремилось захватить ихъ въ свои руки для того, чтобы дать имъ извѣстное направленіе, не заводило инспекціи.

Эти народныя школы, учрежденныя всѣ на частныя средства, т.-е. на средства общинъ, безъ всякаго участія правительства, послужатъ прочнымъ фундаментомъ, на которомъ не трудно будетъ уже создать и высшее образованіе, какъ только ощутится въ немъ настоятельная потребность. А она ощутится, лишь только Болгарія достигнетъ, наконецъ, самостоятельнаго существованія, которое дастъ толчокъ ея дальнѣйшему развитію.

Изъ того немногаго, что мною сказано, не трудно уже видѣть, насколько справедлива та фраза, которая такъ часто повторялась:

— Ну, что болгары! это народъ невѣжественный, тупоумный!

Не настолько онъ оказался, однако, тупоуменъ, чтобы не понимать, чего не понимаютъ столь многіе, что въ образованіи сила, и потому охотно жертвуетъ довольно значительныя средства на устройство повсемѣстно народныхъ школъ, хотя богатство его, благосостояніе, не настолько ужъ колоссальны, какъ мы стали о томъ гремѣть, лишь только одною ногою вступили въ Болгарію.

Отправляясь въ Болгарію, мы ожидали встрѣтить въ конецъ разоренный край, заброшенныя поля, всюду развалины, людей, подобныхъ одичалымъ звѣрямъ, блуждающимъ, безъ пристанища, безъ крова; мы воображали, что увидимъ страшную картину людскихъ страданій, вызванныхъ терзаніями голодной смерти. Ничего подобнаго мы не нашли въ Болгаріи. Поля всюду засѣяны, необозримое пространство высоко поднявшейся кукурузы, роскошные хлѣбные колосья, цѣлыя стада барановъ; населеніе не протягиваетъ руки и не проситъ Христа ради; вездѣ села, деревни, ничѣмъ не отличающіяся отъ обыкновеннаго русскаго села или деревни, и, пожалуй, домишки смотрятъ болѣе приглядно, чѣмъ у насъ. Мы недоумѣвали.

— Что же намъ толковали, — повторялась стереотипная фраза, — о бѣдствіяхъ болгарскаго народа, о какихъ это страданіяхъ говорили и писали, чего имъ еще нужно, они живутъ лучше, чѣмъ у насъ, куда богаче нашего народа!

И пошли въ Россію письма, корреспонденціи о необычай-

номъ благосостояніи болгарскаго народа, что пресловутый гнетъ, о которомъ такъ много кричали, видѣлся только во снѣ, что болгарамъ живется такъ, какъ дай Богъ всякому. Все это говорилось на основаніи перваго впечатлѣнія, а о томъ, чтобы вдуматься въ положеніе болгарскаго населенія, разузнать поближе, какъ ему живется въ дѣйствительности, остановиться на тѣхъ вымогательствахъ, на томъ грабежѣ, которому оно подвергалось систематически, мало кто и заботился, мало кому и въ голову приходило. Притомъ слѣдуетъ сказать, что и первое впечатлѣніе было таково только потому, что разсчитывали встрѣтиться всюду съ нищетой и разореніемъ, а не будь такого предвзятаго мнѣнія, то удивительное благосостояніе болгаръ несомнѣнно показалось бы несравненно менѣе удивительнымъ.

Не задаваясь мыслію представить цѣльную картину матеріальнаго положенія болгарскаго народа, я постараюсь передать въ немногихъ словахъ нѣкоторыя личныя наблюденія, равно какъ и результаты того, что̀ пришлось слышать на мѣстѣ отъ людей болѣе или менѣе компетентныхъ въ этомъ вопросѣ. Въ Болгаріи существуетъ несомнѣнно классъ зажиточный, это—чорбаджіи, купцы, торговцы, лавочники. Я встрѣчалъ людей обезпеченныхъ, живущихъ хорошо, въ домахъ, обставленныхъ даже роскошно, но по этимъ людямъ нельзя, разумѣется, судить о степени благосостоянія цѣлой страны. Классъ торговый гораздо менѣе всѣхъ другихъ страдаетъ отъ всевозможныхъ поборовъ, вымогательствъ, грабежа цѣлой арміи сборщиковъ податей, откупщиковъ, полиціи и даже высшаго губернскаго управленія. Все то, что̀ онъ переплатитъ лишняго, онъ возьметъ, и подчасъ даже съ избыткомъ, на своихъ товарахъ, безъ которыхъ такъ или иначе не можетъ обходиться населеніе. Но и такого рода люди, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто живетъ въ дружбѣ съ турками, могутъ ли считать свое благосостояніе прочнымъ, обезпеченнымъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно, такъ какъ достаточно не угодить туркамъ, не дать требуемой взятки, чтобы вызвать противъ себя вражду власть имѣющихъ, а съ этой враждой соединено разореніе, лишеніе свободы, имущества и часто жизни. Заподозрятъ человѣка въ заговорѣ,—засадятъ, а затѣмъ начинается торгъ, нужно откупаться, и случалось такъ, что человѣкъ не откупится до тѣхъ поръ, пока все его состояніе не перейдетъ въ карманы различныхъ турецкихъ властей. Деньги все, и это еще слава Богу: по крайней мѣрѣ, существуетъ возможность откупиться отъ политическаго преслѣдованія, отъ обвиненія въ заговорѣ. Что выиграли бы болгары при другой системѣ, при кото-

рой также легко можно было бы возбуждать политическое преслѣдованіе, также легко можно было бы бросать въ тюрьмы, высылать на какую-нибудь окраину, но труднѣе было бы подкупать сильныхъ міра, достаточно обезпеченныхъ, чтобы гнушаться сравнительно мелкими грабежами. Такъ разсуждали эти зажиточные болгары, и потому не очень роптали на подкупность своихъ управителей.

— По крайней мѣрѣ знаемъ, что деньгами можно все сдѣлать,—говорили они, а это уже большое успокоеніе!

— Однако согласитесь, что такая правительственная система до-нельзя безнравственна!

— Повѣрьте мнѣ,—отвѣчалъ на это замѣчаніе болгаринъ, уже старикъ, котораго я заподозрѣвалъ въ пріязни къ туркамъ,—что мало на свѣтѣ существуетъ правительствъ, при которыхъ деньгами нельзя всего сдѣлать. Деньги—сила, весь вопросъ въ томъ—много берутъ или мало. Въ одномъ государствѣ можно обдѣлать дѣло съ тысячею лиръ, а въ другомъ нужно сто тысячъ или больше. А дѣло оттого не измѣняется. У насъ, слава Богу, часто довольно и ста лиръ, ну, а если дѣло имѣть съ Константинополемъ, такъ нужно много!

Въ то время, когда мой старикъ болгаринъ высказывалъ этотъ новый, оригинальный аргументъ въ пользу децентрализаціи, я невольно подумалъ, открещиваясь отъ подобной ереси, что такого рода скептицизмъ могъ родиться только на турецкой почвѣ. Я выразилъ ему мой взглядъ, но болгаринъ только посмотрѣлъ на меня пристально и отвѣтилъ, подозрительно качая головой.

— А вы развѣ не такъ же думаете? Впрочемъ, вы еще успѣете убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

Но какъ бы зажиточные болгары ни относились къ такой системѣ управленія, при которой подкупъ, взяточничество играетъ такую видную роль, все-таки нельзя не сказать, что при такой безнравственной системѣ благосостояніе людей не можетъ считаться серьёзно гарантированнымъ. Каждый такой болгаринъ волей-неволей подчасъ долженъ тревожиться мыслію: а что̀ если сто, тысяча лиръ покажется недостаточно, и потребуютъ больше!

Какъ, поэтому, ни мало было прочно благосостояніе зажиточнаго класса, но все-таки его положеніе можно назвать цвѣтущимъ по сравненію съ массою деревенскаго населенія. Если довѣрять тому, что̀ говорилось и писалось по этому предмету, то можно, пожалуй, составить себѣ такое представленіе, что каждый болгаринъ живетъ чуть не во дворцѣ. Въ дѣйствительности же, жизнь эта была далеко неприглядна. Мнѣ случалось не разъ

заходить въ болгарскія жилища, и всегда я выносилъ одно и то же, далеко не отрадное впечатлѣніе. Домишко самый плохенькій, часто слѣпленный просто изъ глины, наружность его самая жалкая. Войдите во внутрь—и вы встрѣтите то же, что̀ и въ русскихъ избахъ. Грязная комната, на полу ползаютъ дѣти, нѣтъ тутъ ни стула, ни порядочнаго стола, стоитъ какая-нибудь скамья, вотъ и все убранство. Разведутъ огонь—дымъ наполняетъ комнату. Спятъ они что̀ называется въ повалку: вынесутъ на крыльцо, обыкновенно широкое, родъ балкона, нѣсколько циновокъ, иногда какой-нибудь коверъ,—вотъ и вся постель. Пища у нихъ самая незавидная: молоко, творогъ, да какая-нибудь зелень—вотъ чѣмъ они питаются круглый годъ, если не считать прокислаго дурно выпеченнаго хлѣба. Мясо подается въ большіе только праздники, нѣсколько разъ въ годъ, да и какъ возможно иначе, когда каждый баранъ, каждая курица обложена налогомъ. Для того, чтобы восхвалять такую жизнь и находить, что народъ живетъ хорошо, нужно держаться, мнѣ кажется, того мнѣнія, что народъ ничѣмъ не лучше скота и что жизнь его должна быть скотская жизнь.

Въ одномъ отношеніи жизнь болгарскаго населенія представляетъ дѣйствительно нѣкоторыя преимущества,—завтрашній день, какъ ни странно это сказать, несмотря на грабительство турецкой системы, тамъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной стороны, въ этомъ преимуществѣ играетъ важную роль благодатная, плодородная почва, незнающая неурожаевъ, съ другой—сознаніе турокъ, что если они въ конецъ разорятъ болгарское населеніе, то имъ не съ чего будетъ поживиться. Турокъ никогда не отниметъ всего скота у болгарина, потому что онъ знаетъ, что, отними онъ у него лошадь, корову или вола, земля останется невспаханною; онъ не возьметъ у него всего хлѣба, такъ какъ ему первому было бы невыгодно, чтобы земля осталась незасѣянною; онъ не отберетъ у него всѣхъ барановъ, потому что въ будущемъ онъ потеряетъ вѣрный источникъ своего дохода. Безъ всякаго сомнѣнія, у болгаръ есть поля, покрытыя рожью, кукурузою, пшеницею, есть скотъ, есть стада барановъ, иначе они всѣ перемерли бы съ голода; турки не сожигаютъ хлѣбъ на корню, не отнимаютъ всего стада, спора нѣтъ, но тѣмъ не менѣе система ихъ управленія болгарскимъ населеніемъ была по-истинѣ возмутительна. Система эта была системою грабежа; въ этомъ можно убѣдиться, остановившись лишь на перечнѣ взимаемыхъ ими налоговъ. Не говоря уже о самой страшной подати, именуемой ошуръ, т.-е. десятина, взимается—съ каждой

козы, съ каждой свиньи и поросенка, двойная подать съ земли, одна по оцѣнкѣ, другая по доходу, и т. д. и т. д. Но какъ ни страшны эти подати, болгарское населеніе съ ними бы примирилось, если бы подати эти взимались по-человѣчески. Но тутъ-то, т.-е. въ самомъ способѣ взиманія, и заключалось грабительство турецкой системы, разореніе населенія, которое иначе, благодаря необыкновенному плодородію почвы, безъ сомнѣнія, въ матеріальномъ отношеніи, находилось бы въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Чтобы дать понять, чтó такое было это взиманіе податей, какимъ вымогательствамъ подвергалось болгарское населеніе, я приведу отрывокъ изъ одной записки о состояніи Турціи въ 1876 году, заимствуя его изъ «Матеріаловъ для изученія Болгаріи», такъ какъ едва ли можно дать болѣе вѣрную и наглядную картину практиковавшейся въ Турціи системы: «Взиманіе, или, вѣрнѣе, выжиманіе податей, составляетъ почти единственный поводъ къ нарушенію государственною властью правоотношеній. Власть эта проявляема всегда тѣмъ, что она все отбираетъ, но ничего не даетъ. Сборъ податей почти повсемѣстно отдается на откупъ, и откупная сумма обыкновенно уплачивается впередъ. Важнѣйшая подать съ земледѣльческаго населенія есть десятинный сборъ—десятая часть съ урожая, взимаемая въ натурѣ. Десятина эта, впрочемъ, лишь номинальная; въ дѣйствительности, съ населенія отбирается не только десятая, четвертая или третья часть, но половина и даже болѣе собраннаго имъ урожая. Когда наступаетъ жатвенная пора, когда хлѣбъ уже сжатъ и сложенъ на полѣ въ большіе снопы, то еще до уборки его начинается отчисленіе десятинъ. Пока сборщикъ податей или откупщикъ не окончитъ этого дѣла, ни одинъ снопъ, ни одинъ колосъ не можетъ быть убранъ для молотьбы или сложенъ подъ навѣсъ. Но сборщики десятины не являются, а сложенный въ полѣ хлѣбъ подвергается измѣнчивымъ вліяніямъ атмосферы. Несмотря на мольбы несчастныхъ тружениковъ-крестьянъ, и иногда цѣлыхъ депутацій отъ селеній, неумолимый сборщикъ отказывается приступить къ исполненію своей обязанности. Онъ ожидаетъ, пока въ сложенныхъ снопахъ, подвергавшихся все это время дождю и дѣйствію росы и тумановъ, не появятся признаки гніенія. На поле, однако, онъ все не идетъ, но уже вступаетъ съ крестьянами въ переговоры. О десятой части урожая, конечно, нѣтъ и рѣчи; онъ требуетъ съ нихъ третью или четвертую часть. Пока поселяне колеблятся въ согласіи на подобное вымогательство, даже когда они уже рѣшились поступиться столь тяжко добытыми плодами своихъ трудовъ—сборщикъ заявляетъ, что не до-

вольствуется прежде назначеннымъ размѣромъ подати и требуетъ даже половину и двѣ-трети урожая» [1]).

Самое взиманіе десятины производится посредствомъ не должностныхъ лицъ, а подрядчиковъ или откупщиковъ, которые въ своемъ распоряженіи, на случай какого-либо сопротивленія, имѣютъ заптіевъ, т.-е. полицейскихъ, всегда готовыхъ надавить, такъ какъ при такомъ надавливаніи и на ихъ долю перепадаетъ немного. Откупщиками въ Болгаріи являются очень часто чорбаджіи, дружащіе съ турками, получающіе себѣ эту выгодную добычу при помощи взятки, даваемой или губернатору, или начальнику округа. Откупщикъ не самъ собираетъ десятину; въ большинствѣ случаевъ онъ раздѣляетъ свою паству на части и, въ свою очередь, сдаетъ на откупъ сборъ съ десятины. Такіе подъ-подрядчики дробятъ точно такъ же, какъ и откупщикъ, свои части на болѣе мелкія, и такъ безъ конца. Каждый вноситъ извѣстную сумму, за которую онъ взялъ на откупъ десятину, и затѣмъ уже все, что̀ соберетъ онъ лишняго, поступаетъ въ его собственный карманъ. А какъ великъ будетъ такой «излишекъ», это уже его дѣло, въ которое никто не вмѣшивается. Горе тому крестьянину, который рѣшится жаловаться, лучше бы ему не родиться на свѣтъ. Горе ему, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, такъ какъ если провѣдаютъ власти, что, за уплатою десятины, у него остался еще богатый сборъ и онъ выручилъ много денегъ, то начинается цѣлый рядъ придирокъ и притѣсненій, имѣющихъ одну цѣль— выманить у него то, что̀ онъ пріобрѣлъ тяжелымъ трудомъ. Въ большинствѣ случаевъ вымогательство торжествуетъ, и деньги переходятъ въ карманъ каймакамовъ и его продажныхъ сподвижниковъ. Единственное средство отвратить отъ себя грозу—это какъ-нибудь скрыть полученный доходъ или показать его значительно меньше. Такъ именно и поступаютъ болгары, и потому увѣреніе, что у многихъ изъ нихъ припрятаны деньги на черный день, быть можетъ, и довольно основательно.

— Но почему, скажите,—предлагалъ я вопросъ,—если у болгаръ есть дѣйствительно деньги, почему они живутъ въ такой бѣдности, такъ грязно и питаются такъ плохо?

— Во-первыхъ, — отвѣчалъ мнѣ болгаринъ,—все, что̀ говорятъ о богатствѣ нашемъ, о томъ, что у каждаго изъ насъ припрятаны денежки, все это очень преувеличено. Есть, конечно, среди деревенскаго населенія люди, которые, работая какъ волы, успѣли припрятать небольшія деньги, но волей-неволей они

[1]) „Матеріалы для изученія Болгаріи". Выпускъ 1-й, стр. 79. Бухарестъ, 1877 г.

должны жить въ такой же бѣдности, какъ и всѣ другіе. Не скупость, не скряжничество заставляетъ ихъ скрывать свои средства, а увѣренность, что лишь только узнаютъ о томъ турки, начнутся такія прижимки, такія вымогательства, что скоро оберутъ ихъ дочиста. Они бы и хотѣли, можетъ быть, жить лучше, но не смѣютъ! Да притомъ каждый изъ насъ каждый день долженъ задаваться вопросомъ: а чтó будетъ завтра, кто знаетъ, не придется ли спасаться бѣгствомъ? Чѣмъ мы обезпечены противъ произвола турокъ?—законами, но что законы, когда они не обязательны для тѣхъ, кто ихъ долженъ исполнять; судомъ, но не настало еще время, когда для болгаръ будетъ судъ справедливый, турокъ же всегда правъ. Противъ произвола турокъ, противъ ихъ насилій, мы можемъ искать защиты только у тѣхъ же турокъ. Будь у насъ другая власть, другое правительство, мы жили бы такъ хорошо, что другимъ было бы завидно. Земля у насъ богатая, народъ трудолюбивый, мы легко платили бы самые тяжелые налоги, если бы только турки не грабили, не разоряли насъ постоянно.

Разсужденіе этого болгарина было, конечно, весьма основательно. При иной системѣ управленія, матеріальное благосостояніе Болгаріи очень быстро достигнетъ самой высокой степени, если только, вмѣсто беззаконной турецкой системы, не будетъ введена иная система, при которой будетъ совершаться такой же грабежъ, только на «законныхъ» основаніяхъ. А такія системы, кто не знаетъ, существуютъ на свѣтѣ. При честномъ же народномъ правительствѣ Болгарію въ нѣсколько лѣтъ трудно будетъ узнать. Едва ли въ Европѣ существуетъ другая болѣе благодатная страна, въ смыслѣ плодородія почвы. Притомъ болгары народъ крайне трудолюбивый, трезвый, разумный, доказательствомъ чего можетъ служить хоть тотъ фактъ, что всѣ болгары посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. При иныхъ условіяхъ жизни народъ этотъ пойдетъ, едва ли въ томъ можно сомнѣваться, весьма быстро впередъ, и займетъ, освободившись какъ отъ турецкаго господства, такъ и отъ всякихъ иныхъ вліяній и покровительствъ, передовое мѣсто среди всѣхъ южныхъ славянъ. Но когда это случится, о томъ лучше не гадать.

Если насъ поразило «благосостояніе» болгарскаго населенія, хотя поражаться особенно и нечего было, то все-таки одною изъ причинъ было также и то, что, благодаря вспыхнувшей войнѣ, населеніе было избавлено отъ тѣхъ коршуновъ, которые каждый годъ налетаютъ на населеніе въ образѣ откупщиковъ, турецкихъ чиновниковъ и всевозможныхъ стражей закона. Въ прошломъ

году эти коршуны волей-неволей оставили въ покоѣ свои несчастныя жертвы. Достаточно было одного года избавленія отъ этой системы насилій и вымогательствъ, чтобы болгарское населеніе сравнительно нѣсколько оперилось. Вотъ почему, хотя и въ томъ году жизнь болгарскаго населенія должна была поражать своею скудостью, но мы не видѣли все-таки того бѣдственнаго матеріальнаго положенія, какого мы ожидали. Не вникая въ причины тѣхъ или другихъ явленій, мы постоянно недоумѣваемъ, и нужно сказать, недоумѣнія наши были столь же велики, сколько и вредны, такъ какъ порождали собою холодность и безусловно несправедливое недружелюбное отношеніе къ болгарамъ. Такое недружелюбное отношеніе къ болгарамъ поражало меня во все время моего пребыванія въ этой угнетенной странѣ, и не одно доказательство его я видѣлъ во время того нѣсколькодневнаго перехода, который мы сдѣлали, передвигаясь изъ Тырнова въ Горный-Студень.

Въ Горномъ-Студенѣ было такъ же уныло, какъ и въ Тырновѣ. Вся небольшая деревушка была биткомъ набита народомъ, не было такого жалкаго домишка, въ которомъ не пріютилось бы нѣсколько человѣкъ. Небольшая компанія, гостепріимно принявшая меня въ свой кружокъ, отыскала вдалекѣ отъ лагеря и деревни какую-то заброшенную и разоренную лачугу, скорѣе хлѣвъ, нежели человѣческое жилище, въ которой мы и поселились. Не веселая была жизнь въ Горномъ-Студенѣ. Все смотритъ пасмурно, все какъ-то принижено, мало кто успѣлъ еще отойти послѣ невыносимо тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго второю Плевною, неуспѣхомъ перваго забалканскаго похода и продолжительнаго вынужденнаго бездѣйствія рущукскаго отряда. Куда ни взглянешь, все заволокло тучами. Вѣра въ успѣхъ, нужно говорить правду, была въ значительной степени подорвана. Никогда не было такъ страстно желаніе услышать о какой-нибудь блестящей побѣдѣ, которая пріободрила бы, приподняла духъ, но много еще должно было пройти времени, прежде чѣмъ фортуна повернула колесо въ нашу сторону. Будущее было сокрыто, а настоящее—куда какъ жутко.

— Раньше двухъ-трехъ недѣль нигдѣ ничего не будетъ, нужно ждать подкрѣпленій, авось тогда!

— Вотъ придетъ гвардія! она поможетъ!

Да, нужно было ждать! а между тѣмъ это ожиданіе у всѣхъ вызывало нервное, мрачное настроеніе. А тутъ еще въ пасмур-

кому настроенію присоединилась пасмурная погода. Пошли дожди, холодно, сыро. Развалившаяся крыша нашей лачуги нисколько не предохраняетъ отъ ливня. Поневолѣ одолѣваетъ какая-то безсильная злоба. Сумерки наступаютъ рано, и пошли длинные, темные, тоскливые вечера. Никакой разговоръ не идетъ на умъ. Только и знаешь, что бранишься. Одно развлеченіе — вечеромъ заслышишь зорю, доносятся звуки «Коль славенъ», но теперь, вдалекѣ отъ Россіи, при общемъ тяжеломъ настроеніи, и безъ того заунывный мотивъ кажется вамъ какимъ-то скорбящимъ, плачущимъ. Далеко разносятся эти звуки и глубоко и больно захватываютъ они за душу.

Полное бездѣйствіе томило. Я рѣшился воспользоваться періодомъ выжиданія, чтобъ съѣздить въ Добруджу, гдѣ, разсказывали, ожидалось наступленіе турокъ, и покинулъ Горный-Студень. Дорога отъ Горняго-Студеня, черезъ Царевичъ, въ Систово, имѣла самый оживленный видъ. Всюду разбросаны части тѣхъ корпусовъ, которые отошли отъ Плевны, по всей дорогѣ тянутся обозы, то и дѣло вы слышите:

— Ну, сѣрый! тяни!

Это голоса русскихъ крестьянъ-погонщиковъ, на ихъ горе, покинувшихъ екатеринославскую, херсонскую и другія южныя губерніи, чтобы забраться въ Болгарію, гдѣ ихъ такъ безсовѣстно разоряли и грабили... только не турки.

Вотъ и берегъ Дуная. Уже стемнѣло, когда я переправился черезъ мостъ. Съ берега раздалось дружное солдатское пѣніе, и въ эту недобрую минуту эта пѣсня производила такое впечатлѣніе, какое во всю жизнь кажется никогда не забудешь. Знаетъ русскій солдатъ, что насъ побили, знаетъ, что не ладно идетъ дѣло, но онъ не унываетъ и затягиваетъ свою пѣсню далеко, на чужбинѣ, и берега Дуная оглашаются задушевною солдатскою пѣснью. Онъ одинъ смотритъ бодро, онъ одинъ вѣритъ въ себя. Это были солдаты, которые шли дальше и остановились на бивуакѣ на берегу Дуная. Не думаютъ они о томъ, кто изъ нихъ вернется на родину, кто останется навсегда на чужбинѣ, и сложитъ свои кости, быть можетъ, подъ новою Плевною.

Они знаютъ только одно, что свою дорогую, геройскую кровь приносятъ они въ жертву своей родинѣ, и кажется имъ это такъ просто, что и заслуги точно нѣтъ никакой.

Долго слушалъ я это солдатское пѣніе, и тяжелыя думы невольно нагоняло оно, но въ этихъ думахъ не было мѣста ни для Турціи, ни для Болгаріи,—ихъ всецѣло поглощали причины на-

шего погрома, и больше погрома нравственнаго, нежели на полѣ битвы.

Утихли пѣсни, наступила ночь, и подъ утро я простился съ Дунаемъ, чтобы снова увидѣть его через двѣ недѣли, на пути къ плевненскимъ позиціямъ, гдѣ болѣе близко, такъ-сказать, лицомъ къ лицу пришлось столкнуться съ тѣмъ, чему будутъ посвящены слѣдующія и вмѣстѣ послѣднія главы моего разсказа— съ арміею и съ медицинскимъ управленіемъ. Тутъ уже встрѣтился я не съ ужасами турецкаго господства, не съ бѣдствіями болгарскаго населенія, а съ нѣкоторыми прискорбными сторонами нашихъ собственныхъ порядковъ...

Евг. Утинъ.

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ

I.

Погибло милое, прекрасное дитя,
Погибло все мое безцѣнное, святое!
Все то, чтó я любилъ, созданье молодое
Взяла судьба, смертельно пошутя —
Погибло милое, прекрасное дитя!

Какъ мигъ, умчалась жизнь. И вотъ, взамѣнъ, унылый,
Бездушный холмъ да крестъ надъ сирою могилой...
И годы вдаль бѣгутъ, за днями дни катя —
Погибло милое, прекрасное дитя!

II.

И стоитъ одинокій пустынникъ —
Бѣдный крестъ, ту могилу храня;
Только вѣтеръ надъ нимъ завываетъ,
И ковыль придорожный качаетъ —
И не слышитъ о миломъ родня!

Дни проходятъ, цвѣты отцвѣтаютъ,
Въ бѣлый саванъ одѣлась земля —

И по-прежнему вѣтеръ гуляетъ,
И могильный курганъ заметаетъ —
И не слышитъ о миломъ родня!

И стоитъ одинокій пустынникъ...
Новой жизнью природа полна,
Въ блескѣ солнечномъ вешняго дня
Вся природа вокругъ оживаетъ —
И не слышитъ о миломъ родня!

Д. О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1878.

Поступленіе таможенныхъ и акцизныхъ доходовъ въ 1877 году. — Вліяніе золотой пошлины. — Изысканіе новыхъ рессурсовъ. — Письмо винокуреннаго заводчика. — Кредитное обращеніе. — Пересмотръ выкупныхъ платежей. — Законъ объ арендѣ общинныхъ земель. — Мысли по поводу полемики о государственныхъ экзаменахъ.

Отчетъ о таможенныхъ сборахъ и о результатахъ внѣшней торговли за 1877 годъ представляетъ весьма интересныя данныя. Таможенный доходъ, какъ и слѣдовало ожидать, упалъ. Это — явленіе новое, такъ какъ доселѣ цифра таможеннаго дохода ежегодно возрастала. Упалъ таможенный доходъ въ весьма значительномъ размѣрѣ. Онъ составилъ за 1877 годъ въ кредитныхъ рубляхъ 49 милл. 800 тысячъ: менѣе 1876 года на слишкомъ 19⅓ милл. рублей. Правда, высокая цифра таможеннаго дохода въ 1876 году — слишкомъ 69 милл. кредитныхъ рублей — представляла также явленіе исключительное. Въ концѣ того года, а именно 11-го ноября, былъ изданъ законъ о введеніи золотой пошлины съ 1-го января 1877 года, вслѣдствіе чего торговцы стали спѣшить очищеніемъ пошлинами возможно-большаго количества товаровъ еще до наступленія этого срока, такъ какъ введеніе золотой пошлины было равносильно возвышенію таможеннаго сбора на слишкомъ 30%, — примѣрно, на цѣлую треть. И дѣйствительно, таможеннаго дохода поступило въ послѣдніе полтора мѣсяца 1876 года на 12¼ милл. рублей болѣе, чѣмъ въ томъ же періодѣ предшествовавшаго года. Понятно, что насколько это усиленное поступленіе возвысило сумму дохода 1876 года, настолько же оно должно было уменьшить сумму дохода 1877 года, такъ какъ оно являлось какъ-бы авансомъ въ счетъ этого года.

Но допустимъ, что весь этотъ излишекъ поступленія въ 12¼ милл. рублей въ концѣ 1876 года представлялъ прямой результатъ упомянутой мѣры. Въ такомъ случаѣ, намъ придется еще допустить,

что таможенный доходъ въ 1877 году упалъ противъ 1876 года не на $19^1/_3$ милл. рублей, какъ только-что сказано, а только на 7, примѣрно, милліоновъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ упалъ. Мы сейчасъ должны будемъ оговорить, что въ дѣйствительности онъ упалъ въ бо̀льшемъ противъ этой цифры размѣрѣ, но теперь констатируемъ только фактъ, что таможенный доходъ, съ года на годъ возраставшій, въ 1877 году упалъ. Итакъ, если были наивные люди, которые видѣли въ введеніи золотой пошлины, т.-е. въ возвышеніи таможеннаго сбора на цѣлую треть, средство къ увеличенію государственныхъ рессурсовъ, то они могутъ теперь разубѣдиться.

Дѣйствительное значеніе взиманія таможеннаго сбора золотомъ представлялось только въ томъ, что это должно было доставить казнѣ металлъ, необходимый для ея заграничныхъ платежей. Но еще, спрашивается, была ли достигнута и эта цѣль въ 1877 году? Допустимъ, что таможенный доходъ въ 1876 году, независимо отъ указаннаго уже излишка поступленія въ 12 милл. рублей, зависѣвшаго отъ предстоявшей золотой пошлины, составлялъ всего 57 милл. рублей. Допустимъ, далѣе, что если бы золотая пошлина не была введена въ 1877 году, таможенный доходъ не упалъ бы, а составилъ бы ту же номинальную сумму — 57 милл. рублей. По среднему вексельному курсу 1877 года, а именно по 66 металл. коп. въ рублѣ, 57 милл. кредитныхъ рублей представляли бы 37 милл. 620 тысячъ рублей металлическихъ, а нынѣ, вслѣдствіе паденія ввоза, благодаря золотой пошлинѣ, собрано въ металлическихъ рубляхъ всего 32 милл. рублей.

Другая сторона дѣла, конечно, представляется вопросомъ, — насколько покупка казначействомъ, чрезъ банки, иностранныхъ траттъ на лишнихъ 32 милл. рублей понизила бы нашъ вексельный курсъ? Этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ только по сравненію, какую величину эта сумма представляла въ отношеніи всей, во всякомъ случаѣ, огромной закупки иностранныхъ траттъ, которая все-таки производилась казною для исполненія ея заграничныхъ платежей не только по системѣ кредита, но и по пріобрѣтенію металла для потребностей арміи.

Итакъ, опытъ 1877 года еще не представилъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу обязательной оплаты таможеннаго сбора золотомъ. Мы указываемъ на это обстоятельство не съ цѣлью осуждать установленіе этой мѣры въ видѣ временной, то-есть, на время войны. При самомъ введеніи ея, мы допускали, что она можетъ быть полезна,—не для возвышенія доходовъ казны, конечно, но для облегченія ей добыванія запаса металла. Если же теперь мы настаиваемъ на томъ фактѣ, что опытъ 1877 года еще не далъ поло-

жительнаго удостовѣренія въ пользѣ золотой пошлины даже и для достиженія этой временной цѣли, то дѣлаемъ это для напоминанія, что, тѣмъ болѣе, и эту пошлину не слѣдуетъ разсматривать, какъ мѣру постоянную, могущую оказать полезное вліяніе на положеніе финансовъ или на экономическія условія вообще.

Напоминать объ этомъ необходимо именно потому, что нынѣ въ иныхъ разсужденіяхъ экономическихъ, какъ и политическихъ, стало проявляться особаго рода оптимистическое легкомысліе. Люди этого направленія говорятъ съ пренебреженіемъ объ „избитыхъ, общихъ мѣстахъ" торговой да и всякой другой свободы, кромѣ свободы не щадить живота и пожинать лавры. Они-то и превозносили взиманіе пошлинъ золотомъ, ожидая отъ него гораздо больше, чѣмъ мѣра эта въ состояніи дать. Они готовы примириться съ обращеніемъ ея въ постоянную, съ продленіемъ ея на неопредѣленное время. При этомъ обыкновенно разсуждаютъ даже весьма либерально. „Народъ нашъ, — говорятъ они, — не покупаетъ французскаго бархата и шампанскаго, — поэтому, онъ ничего не потеряетъ отъ вздорожанія привозныхъ товаровъ, а классы достаточные, если не захотятъ отказаться отъ несвоевременной роскоши, пусть оплачиваютъ ее дороже: вѣдь за то они не несутъ бремени подушныхъ платежей".

Это весьма либерально; особенность нынѣшняго булгаринства въ томъ и заключается, что оно рядится въ демократизмъ. Вѣдь даже „Московскія Вѣдомости", послѣ извѣстныхъ сценъ въ Москвѣ, сделались на отвѣтѣ народа. Но дѣло въ томъ, что экономическія разсужденія, описаннаго свойства, ничего, кромѣ услужливаго демократизма, въ себѣ и не заключаютъ. Пока факты не показываютъ, что золотая пошлина увеличила или хотя бы сохранила таможенный доходъ казны, нечего и говорить о пользѣ наложенія излишнихъ переплатъ на потребителей иностранныхъ товаровъ, такъ какъ если доходъ казны все-таки упалъ, то переплаты этихъ потребностей не могли, стало-быть, придти на помощь подушнымъ податямъ.

Если бы вслѣдствіе значительнаго возвышенія таможеннаго дохода посредствомъ золотой пошлины дана была возможность обойтись безъ усиленія въ ближайшемъ будущемъ размѣра иныхъ видовъ обложенія, а тѣмъ болѣе если бы этимъ путемъ были пріобрѣтены средства для уменьшенія тягости подушныхъ податей — тогда приведенное разсужденіе имѣло бы смыслъ. Но ничего подобнаго не предвидится. Золотая пошлина только понизила цифру таможеннаго дохода. На самомъ же дѣлѣ, кто наиболѣе выигралъ отъ этой мѣры? Вовсе не податная масса, конечно, но потребители иностранныхъ матеріаловъ для внутренней фабрикаціи, то-есть фабриканты. Оказывается, что привозъ всѣхъ вообще товаровъ, за исключеніемъ тѣхъ,

которые сейчасъ поименованы, въ 1877 году, сравнительно съ 1876 годомъ значительно упалъ. Главная статья привоза, по количеству доставляемаго казнѣ дохода, есть, какъ извѣстно, чай; онъ одинъ доставилъ въ 1877 году болѣе $11^{1}/_{2}$ м. р., то-есть около четверти всей суммы таможенныхъ сборовъ. Но эта сумма представляетъ пониженіе противъ 1876 года на слишкомъ $4^{3}/_{4}$ м. р. Паденіе этого дохода означаетъ сокращеніе потребленія чая; въ самомъ дѣлѣ, его привезено всего 374 т. пудовъ: на 568 т. пудовъ менѣе, чѣмъ въ 1876 году! Сокращеніе громадное; а между тѣмъ, цифра ввоза чая зависитъ именно отъ потребленія его „податными" сословіями. По цифрамъ ввоза такихъ предметовъ, какъ чай и сахаръ, наблюдаютъ поднятіе или упадокъ благосостоянія въ массѣ народа. То же слѣдуетъ замѣтить и объ иностранной соли, ввозъ которой уменьшился почти въ двойномъ размѣрѣ противъ всего его количества, нынѣ привезеннаго, а именно на 11 милл. пудовъ, между тѣмъ какъ всего ея привезено нынѣ 6 милл. пуд., а между тѣмъ нѣкоторыя мѣстности Россіи довольствовались доселѣ преимущественно иностранной солью.

Итакъ, главная доля въ переплатахъ или въ сокращеніи потребленія вслѣдствіе введенія золотой пошлины пала все-таки на „податную" массу. А выиграетъ отъ этой мѣры не она, но, какъ уже сказано выше, фабриканты. Такъ какъ матеріалы, служащіе для производства, обложены таможеннымъ сборомъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ издѣлія, то понятно, что и возвышеніе этой пошлины на 30 и до 50 процентовъ (смотря по курсу) отзывается гораздо менѣе на цѣнѣ матеріаловъ, выписываемыхъ заводами и фабриками, чѣмъ на цѣнѣ продуктовъ, покупаемыхъ обыкновенными потребителями. И дѣйствительно, какіе главные иностранные товары были привезены въ 1877 году въ количествѣ не только не меньшемъ, но бо́льшемъ, противъ 1876 года? Отвѣтъ дается отчетомъ: стальные рельсы, чугунъ не въ дѣлѣ и шерсть непряденая, крашеная. Иначе и быть не можетъ. Въ то время какъ вслѣдствіе золотой пошлины цѣна на полуобработанные матеріалы представила возвышеніе незначительное, такъ-что расходъ заводчика на производство оставался почти безъ измѣненія, барыши его по продажѣ его издѣлій сильно возрастали, такъ какъ на издѣліяхъ иностранныхъ, обложенныхъ въ высокомъ размѣрѣ, возвышеніе пошлины на 30 — 50% отозвалось весьма значительнымъ возвышеніемъ въ цѣнѣ ихъ.

Итакъ, въ смыслѣ экономическомъ, удержаніе золотой пошлины означало бы вовсе не переложеніе на достаточные классы новаго податного бремени, нужнаго для государства, но переплату всѣми классами, достаточными и недостаточными, или же сокращеніе ихъ потребленія въ пользу нѣсколькихъ сотенъ русскихъ фабрикантовъ.

Вотъ почему взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ должно быть отмѣнено немедленно, какъ только окажется, что казна можетъ добывать нужное ей, по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, количество металла безъ помощи этой мѣры. Если же золотая пошлина была бы удержана на неопредѣленное время, въ такомъ случаѣ необходимо долженъ возникнуть вопросъ о пересмотрѣ таможеннаго тарифа, съ цѣлью возвышенія размѣровъ обложенія матеріаловъ, служащихъ для внутренняго производства. Иначе, мы поддерживали бы такое положеніе, что заводчики и фабриканты за совершенно ничтожное добавленіе, какое можетъ составлять золотая пошлина, уплаченная на ихъ матеріалахъ въ цѣнности ихъ издѣлій, пользовались бы возвышеніемъ цѣны этихъ издѣлій въ размѣрѣ возвышенія цѣны издѣлій иностранныхъ. Иными словами, удержаніе золотой пошлины на неопредѣленное время представило бы, при паденіи казеннаго дохода, сокращеніе потребленія и переплаты со стороны всѣхъ классовъ общества въ пользу фабрикантовъ.

Извѣстные результаты экономическаго опыта другихъ странъ могутъ быть обозваны „избитымъ общимъ мѣстомъ"; но вѣдь и дважды два четыре—избитая истина. Во всякомъ случаѣ, чтобы поставить на ихъ мѣсто что-нибудь болѣе убѣдительное, недостаточно утверждать, что дважды два—три, хотя бы это дѣлалось и съ патріотической цѣлью.

Въ отчетѣ о таможенныхъ сборахъ и результатахъ внѣшней торговли за 1877 годъ есть еще другая сторона, которая можетъ прельстить нашихъ либеральныхъ протекціонистовъ. Это — совершенно новое явленіе огромнаго перевѣса нашего отпуска въ томъ году передъ ввозомъ. Въ отчетѣ замѣчается слѣдующее: „Если взять среднія цѣны за 1876 г., то стоимость товаровъ, отпущенныхъ въ 1877 году, составитъ 457 м. р.; противъ 1876 года *болѣе* на 78 м. р., а цѣнность привоза 1877 г.—330 м. р.; противъ 1876 года *менѣе* на 112 милл. р. Такимъ образомъ, балансъ въ пользу отпускной торговли опредѣлится въ 127 м. р., тогда какъ въ 1876 году привозъ превышалъ отпускъ больше, чѣмъ на 60 м. р." Въ дѣйствительности же, по замѣчанію отчета, торговый балансъ 1877 года будетъ, безъ сомнѣнія, еще превышать цифру 127 милліоновъ, такъ какъ цѣны отпускныхъ товаровъ были выше. Онѣ не могли быть опредѣлены теперь съ точностью, такъ какъ подробный отчетъ о внѣшней торговлѣ еще не составленъ.

Но здѣсь необходимо замѣтить, что хотя цѣны на отпускные товары въ 1877 году и возвысились, однако возвысились онѣ не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ упалъ нашъ курсъ, иначе отпускъ не имѣлъ

бы никакой причины возвышаться. Возвысился онъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе паденія нашего денежнаго курса. Что же представляетъ въ сущности интересное явленіе торговаго баланса въ пользу нашей отпускной торговли на 127 и даже болѣе милліоновъ рублей? Оно явилось послѣдствіемъ уменьшенія ввоза, за установленіемъ золотой пошлины, и увеличенія отпуска вслѣдствіе паденія нашего денежнаго курса. Итакъ, явленіе это есть результатъ двухъ элементовъ, которые оба представляются фактами въ экономическомъ смыслѣ неблагопріятными. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы довели обложеніе иностранныхъ товаровъ до такого размѣра, что ввозъ прекратился бы вовсе, а сами стали бы отпускать наши товары за полцѣны противъ ихъ цѣнности за границею, то перевѣсъ торговаго баланса „въ нашу пользу" былъ бы еще блистательнѣе. Только изъ этого еще никакъ бы не слѣдовало, что мы будто остались въ выигрышѣ.

Мы можемъ однако указать на одно такое обстоятельство въ разбираемомъ нами отчетѣ, которое представляетъ удостовѣреніе, весьма серьёзное въ благопріятномъ смыслѣ. Извѣстно, что главная статья нашего отпуска, это—хлѣбъ. Никогда еще Россія не отпускала столько хлѣба, какъ въ 1877 году. Высшая цифра его отпуска доселѣ соотвѣтствовала 1874 году и представляла до 27 милл. четвертей. Въ прошломъ же году вывозъ хлѣба достигъ $30^1/_2$ милл. четвертей. Въ этомъ, какъ уже замѣчено, отражается главнымъ образомъ упадокъ нашего денежнаго курса; сверхъ того, на отпускъ хлѣба вліяютъ еще случайныя обстоятельства. Но важно то, что вывозъ хлѣба въ 1877 году былъ на 5 милл. четвертей больше, чѣмъ въ 1876 г., несмотря на то, что южные порты, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, были почти закрыты. Важно то, что и въ то время, какъ южные порты могли выпустить всего 3 милл. четвертей, общая сумма отпуска могла все-таки достигнуть $30^1/_2$ милліоновъ. Вотъ гдѣ сказывается важность желѣзныхъ дорогъ, и вотъ гдѣ намъ пригодилось даже то обстоятельство, на которое такъ сѣтуетъ одесское купечество, а именно на то, что отпускъ хлѣба болѣе и болѣе направляется къ прусскимъ портамъ. Опытъ прошлаго года доказываетъ, стало быть, что, въ случаѣ войны съ Англіею, полное закрытіе нашихъ портовъ не будетъ въ состояніи нанесть нашей отпускной торговлѣ такого ущерба, какъ во время крымской войны. Это же обстоятельство отчасти обезпечиваетъ намъ и при иномъ политическомъ положеніи — нейтралитетъ Германіи: въ случаѣ войны Россіи съ Англіею, Германія, при нейтралитетѣ, получитъ огромные барыши отъ русскаго транзита.

Сдѣлаемъ еще замѣчаніе о двухъ цифрахъ отчета. Въ 1877 году вывезено изъ Россіи монеты и драгоцѣнныхъ металловъ всего на

18½ съ небольшимъ милліоновъ рублей, вмѣсто 84 милл. рублей, вывезенныхъ въ 1876 году, благодаря спекуляціи, эксплуатировавшей въ свою пользу знаменитую поддержку вексельныхъ курсовъ государственнымъ банкомъ.

Свѣдѣнія о поступленіи таможенныхъ сборовъ въ текущемъ году болѣе благопріятны, чѣмъ свѣдѣнія объ ихъ поступленіи за 1877 годъ. По 11-е истекшаго мая таможенныхъ сборовъ поступило 16 милл. руб.: болѣе противъ 1877 года на 11 милл. руб. и даже болѣе противъ 1876 года на 2 милл. руб. Но относительно этихъ цифръ, также какъ и относительно общей цифры таможеннаго сбора въ 1877 г., мы должны теперь сдѣлать оговорку, о которой упомянули выше, сказавъ, что въ дѣйствительности сумма сбора въ 1877 году упала въ размѣрѣ гораздо большемъ, чѣмъ тѣ 19½ милл. руб. уменьшенія, которые показаны въ отчетѣ за 1877 годъ. Дѣло въ томъ, что сравненію подвергаются—какъ въ отчетѣ 1877 года, такъ и въ свѣдѣніяхъ о таможенныхъ сборахъ за 1878 годъ — не дѣйствительныя цифры сборовъ, но эти цифры, переложенныя на кредитные рубли по курсу. А такъ какъ средній курсъ 1877 года былъ гораздо ниже средняго курса 1876 г., а средній курсъ первыхъ мѣсяцевъ 1878 г. былъ еще ниже, то отсюда и истекаетъ неточность разностей. Вслѣдствіе пониженія средняго курса съ 1876 г. на 1877-й и съ 1877-го на 1878-й, цифры таможенныхъ сборовъ, переложенныя на кредитные рубли, не показываютъ полнаго размѣра паденія сбора въ 1877 году, и не могутъ доказывать съ точностью его возвышеніе въ первые мѣсяцы текущаго года въ сравненіи съ 1877-мъ, а тѣмъ болѣе съ 1876-мъ годами. Такъ, 49 милл. руб. кредитныхъ 1877 г. нельзя вычитать изъ 69 милл. руб. кредитныхъ 1876 года, потому что первая сумма имѣетъ единицу меньшую, чѣмъ вторая. Точно также возвышеніе суммы таможеннаго сбора въ первые мѣсяцы 1878 года противъ тѣхъ же мѣсяцевъ 1876 года на 2 милл. руб. кред. можетъ исчезнуть, если принять во вниманіе разность денежнаго курса между 1878 годомъ и 1876-мъ.

Свѣдѣнія о поступленіи важнѣйшей части государственныхъ доходовъ, а именно доходовъ акцизныхъ за 1877 годъ, также не особенно благопріятны. Оказывается, что общая сумма ихъ не достигла на 2 милл. 610 т. руб. до предвидѣній росписи, хотя и превысила поступленіе 1876 года на незначительную сумму—до 200 т. рублей. Такой результатъ можетъ быть признанъ благопріятнымъ развѣ въ такомъ случаѣ, если мы впередъ зададимся мыслью, что вообще наши доходы стали съ году на годъ падать, и съ этой мыслью взгля-

немъ, насколько упали акцизные доходы въ 1877 году, въ сравненіи съ 1876-мъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, намъ представится пріятный сюрпризъ: поступленіе акцизныхъ доходовъ въ 1877 г. въ общемъ итогѣ не упало противъ предшествовавшаго года, но еще представило превышеніе въ около 200 т. руб., между тѣмъ какъ въ 1876 году, по сравненію съ 1875 г., общая сумма акцизнаго поступленія упала на $4^2/_5$ милл. рублей. Этотъ сравнительный результатъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что главный изъ акцизныхъ доходовъ, доходъ питейный, въ 1877 году упалъ только менѣе чѣмъ на 2 милл. руб., между тѣмъ какъ въ 1876 году онъ упалъ на слишкомъ $6^1/_4$ милл. руб.

Но что же значитъ превышеніе на 200 т. руб. въ итогѣ акцизныхъ поступленій въ 1877 году противъ 1876 года, когда таможенный доходъ упалъ на $19^1/_2$ милл. и когда можно ожидать еще паденія и въ поступленіи податей? Разсматривая хозяйство года, мы должны вѣдь имѣть въ виду и возрастаніе расходовъ обыкновенныхъ, не говоря уже о расходахъ чрезвычайныхъ, должны имѣть въ виду вѣроятный балансъ года. Мы знаемъ, что въ балансѣ каждаго года является неизбѣжная сумма расходовъ сверхсмѣтныхъ. А между тѣмъ мы видимъ, что въ 1877 году поступленіе акцизныхъ доходовъ не оправдало даже и предвидѣній росписи. Оно осталось ниже ихъ въ общемъ итогѣ на 2 милл. 610 тыс. руб. Въ отношеніи къ смѣтнымъ исчисленіямъ дѣло было лучше въ 1876 году. Тогда акцизное поступленіе превзошло исчисленіе по росписи на 310 тысячъ рублей.

Въ частности, питейный доходъ представилъ паденіе и въ 1876 и въ 1877 году; свеклосахарный акцизъ представилъ возвышеніе въ обоихъ годахъ. Затѣмъ, акцизы табачный и соляной въ 1877 году, въ сравненіи съ 1876 г., помѣнялись ролями. Въ 1876 году соляной акцизъ возросъ, табачный упалъ, а въ 1877 году было наоборотъ: табачнаго акциза поступило болѣе, чѣмъ предвидѣно по росписи, а соляного менѣе. Замѣтимъ, что на поступленіе перваго изъ этихъ доходовъ должно было имѣть вліяніе уменьшеніе привоза иностраннаго табаку, подъ вліяніемъ золотой пошлины; что касается соляного дохода, то паденіе его означало уменьшеніе потребленія соли — явленіе весьма неблагопріятное.

Упомянувъ о поступленіи доходовъ и недостаточности ихъ для покрытія даже смѣтныхъ предположеній, мы еще разъ возвратимся къ замѣчанію, сдѣланному нами при разсмотрѣніи контрольнаго отчета за 1876 г. и росписи на 1878 г. Мы высказывали тогда предположеніе, что значительнаго возвышенія въ доходахъ и уменьшенія въ расходахъ можно было бы достигнуть, даже не обращаясь къ но-

вымъ налогамъ и не прибѣгая къ героическому средству—общаго сокращенія бюджета обыкновенныхъ расходовъ въ размѣрѣ 10-ти или 20-ти процентовъ, какъ то рекомендуется нѣкоторыми публицистами. Въ большой производительности новыхъ налоговъ (хотя бы подоходнаго) въ настоящее время мы сомнѣваемся; общее же сокращеніе бюджетныхъ расходовъ легло бы главнымъ образомъ на расходы производительные: по общественнымъ работамъ, народному просвѣщенію и т. п.

Но сокращенія расходовъ дѣйствительно казалось вполнѣ возможнымъ достигнуть въ тѣхъ видахъ *сверхсмѣтныхъ* расходовъ, которые не зависятъ собственно отъ возвышенія цѣнъ на поставки. Намъ не разъ случалось останавливаться не безъ удивленія передъ нѣкоторыми расходами, производимыми сверхсмѣтно, казалось бы безъ всякой настоятельности для интересовъ самаго дѣла управленія той или другой частью. Приведемъ примѣръ, для объясненія. Въ 1876 г. уплачено по морскому вѣдомству 800 т. руб. за пріобрѣтеніе акцій общества балтійскаго желѣзо-судо-строительнаго завода. Вмѣстѣ съ тѣмъ было назначено ему же, для поддержки его, до 1877 года, 400 т. руб. Вотъ примѣръ крупныхъ расходовъ, отъ которыхъ легко можно было бы отказаться. И во всякое время участіе казны въ рискахъ частнаго промышленнаго предпріятія, посредствомъ пріобрѣтенія его акцій, представляетъ неудобства. Такъ, этотъ же заводъ обошелся доселѣ казнѣ, въ видѣ пособій всякаго рода, считая и упомянутую выше сумму, въ 6¾ милл. руб., и отработалъ изъ этой суммы всего только 2½ милл. руб. Но въ такое время, когда можетъ возникать мысль объ общемъ сокращеніи смѣтныхъ расходовъ государства, казалось бы, прежде всего слѣдуетъ отказаться отъ подобныхъ непредвидѣнныхъ, крупныхъ издержекъ, нетребующихся для самаго дѣла управленія. А, вѣдь, если счесть всѣ подобныя пособія, ссуды и отсрочки ссудъ за годъ, то окажется сумма весьма крупная. Неужели же прежде сокращать смѣтный расходъ государства, напр., на школы, чѣмъ такія сверхсмѣтныя ассигнованія, которыя по существу своему не представляютъ никакой настоятельности?

Что касается возвышенія суммы доходовъ, то намъ кажется, что и здѣсь далеко еще не исчерпаны всѣ тѣ мѣры, какія могутъ быть приняты и безъ установленія новыхъ налоговъ. Такъ, мы уже указывали на возможность болѣе настойчиваго требованія казною отъ желѣзнодорожныхъ обществъ суммъ, слѣдующихъ ей съ нихъ. Однѣ недоимки за этими обществами въ платежахъ, слѣдующихъ по облигаціямъ, которыя казна оставила за собою, въ 1876 году составляли до 57 милл. рублей; въ теченіи 1876 года, общества вновь задол-

жали казнѣ до 38 м. р., а возвратили только $1^{3}/_{4}$ м. р. Все это суммы столь значительныя, что даже какія-нибудь десять процентовъ съ нихъ составляли бы подспорье не меньшее, чѣмъ сколько могъ бы дать любой новый налогъ.

Далѣе, для возвышенія суммы налоговъ возможны еще нѣкоторыя такія мѣропріятія, которыя могли бы возвысить доходъ не только не въ ущербъ производительности и потребленію, но, наоборотъ, въ пользу послѣднихъ. Такъ, разсматривая способъ взиманія главнаго изъ государственныхъ доходовъ—акциза съ питей—мы должны были придти къ заключенію, что регламентація въ акцизномъ дѣлѣ, имѣвшая цѣлью постоянное возвышеніе дохода, дошла, наконецъ, до тѣхъ предѣловъ, за которыми начинаются упадокъ самой производительности, ущербъ потребителей, а вслѣдъ затѣмъ и паденіе казеннаго дохода.

По поводу нашихъ разсужденій о взиманіи акцизнаго сбора, о монополіи крупныхъ винокуренныхъ заводовъ и исчезновеніи мелкихъ, сельскохозяйственныхъ, наконецъ, о всякаго рода злоупотребленіяхъ, вызванныхъ отчасти самымъ излишествомъ регламентаціи,—мы получили письмо отъ одного помѣщика, устроившаго три года назадъ въ воронежскомъ уѣздѣ винокуренный заводъ единственно съ сельскохозяйственной цѣлью. Считаемъ нелишнимъ подѣлиться съ читателями мнѣніемъ, которое обязательно высказываетъ нашъ корреспондентъ. Онъ вполнѣ соглашается съ нашимъ отзывомъ объ экономическомъ вредѣ нынѣшнихъ акцизныхъ порядковъ. Подъ вліяніемъ ихъ онъ былъ вынужденъ прекратить теперь дѣйствіе своего завода (устроеннаго на 300 пудовъ суточнаго затора) и объясняетъ это „невозможностью конкуррировать съ большими коммерческими заводами, имѣющими свои кабаки, куда они сбываютъ свой спиртъ, превращенный въ воду съ удержаніемъ лишь виннаго запаха“. Нашъ корреспондентъ также говоритъ о необходимости оживить сельскохозяйственные винокуренные заводы, освобожденіемъ ихъ отъ монополіи крупныхъ заводовъ, и тѣмъ улучшить самое дѣло винокуренія, увеличивъ вмѣстѣ доходъ казны.

Съ этой цѣлью онъ предлагаетъ нѣсколько мѣръ: уничтоженіе нормъ и перекура; установленіе обязательности для всѣхъ заводовъ производить учетъ выходовъ спирта по контрольному снаряду съ отчисленіемъ 3% на усышку и утечку, и введеніе обязательной нормы крѣпости водокъ и наливокъ, не менѣе 40° съ продажей ихъ въ запечатанной посудѣ. При нынѣшнихъ же условіяхъ, водки продаются крѣпостью отъ 25° до 15°, а цѣна берется какъ за 40°, вслѣдствіе чего главная часть дохода, взимаемаго съ народа при

продажѣ водокъ, вовсе не поступаетъ въ казну. Корреспондентъ утверждаетъ даже, что такъ-называемая „дешёвка“ въ деревняхъ имѣетъ всего 12° и находитъ, что она должна быть совершенно запрещена.

Вопросъ, котораго здѣсь коснулся корреспондентъ, весьма важенъ, и очень можетъ быть, что поднятіе акцизно-питейнаго дохода въ будущемъ можетъ быть достигнуто главнымъ образомъ въ этомъ именно направленіи. Дѣло въ томъ, что вино потребляется главнымъ образомъ именно въ видѣ водокъ. Если казна получаетъ свой акцизный доходъ съ 25 милліоновъ ведеръ безводнаго спирта, потребляемыхъ въ Россіи, то даже съ камеральной точки зрѣнія совсѣмъ не все-равно, какимъ количествомъ ведеръ выражается въ дѣйствительности вся продажа полугара и водокъ въ Россіи. Если бы всѣ крѣпкіе напитки, продаваемые въ теченіи года, имѣли крѣпость въ 50°, то это значило бы, что акцизъ, получаемый съ 25 милл. ведеръ безводнаго спирта, выручается въ продажѣ съ 50 милл. ведеръ напитковъ, потребленныхъ народомъ. Если же средняя крѣпость напитковъ только 25° (а именно — полугара 40°, а водокъ положимъ хоть 20°, причемъ водокъ продается гораздо больше, чѣмъ полугара), — то въ такомъ случаѣ народъ уплачиваетъ въ продажѣ за 100 милл. ведеръ крѣпкихъ напитковъ, для того, чтобы казна получила питейнаго дохода 191 м. р. (считая и патентный сборъ). Такимъ образомъ, казна, облагая безводный спиртъ акцизомъ въ 7 рублей съ ведра, между тѣмъ какъ естественная цѣнность этого продукта составляетъ всего 1—2 рубля, тѣмъ не менѣе получаетъ только малую часть того, что̀ народъ въ дѣйствительности расходуетъ на потребляемые имъ крѣпкіе напитки.

Мысль объ установленіи обязательной мѣры крѣпости для водокъ—мысль не новая. Она заявлялась нѣкоторыми управляющими акцизными сборами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда возбужденъ былъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости полугара. Самый этотъ вопросъ возникалъ главнымъ образомъ именно вслѣдствіе того, что крѣпость водокъ, находящихся въ продажѣ, закономъ не опредѣлена, и отсюда происходитъ то, что содержателямъ питейныхъ домовъ нѣтъ разсчета продавать полугаръ. Медицинскій совѣтъ въ то же время высказался, съ точки зрѣнія санитарной, не только противъ отмѣны обязательной крѣпости полугара, но и въ пользу установленія нормы крѣпости для водокъ, потому собственно, что въ слабыхъ водкахъ недостающее дѣйствіе спирта замѣняется дѣйствіемъ разныхъ вредныхъ одуряющихъ примѣсей.

Однимъ словомъ, никто не отрицаетъ, что, при нынѣшнихъ по-

рядкахъ, народъ платитъ слишкомъ дорого за потребляемые имъ крѣпкіе напитки безъ пользы для казны. Установленіе обязательной крѣпости водокъ улучшило бы продуктъ, покупаемый народомъ, и увеличило бы доходъ казны. Здѣсь представляется только техническое затрудненіе: трудность провѣрки количества алкоголя въ такомъ напиткѣ, который содержитъ примѣси. Но едва ли затрудненіе это не преувеличено, такъ какъ перегонка не требуетъ же особенно сложныхъ аппаратовъ, и ревизору достаточно провѣрить наудачу въ каждомъ питейномъ домѣ одну какую-нибудь запечатанную посудину.

Все сказанное выше о мѣрахъ къ уменьшенію расходовъ и возвышенію доходовъ сводится на общее заключеніе, что есть основаніе предполагать возможность успѣшныхъ попытокъ въ томъ и другомъ смыслѣ, и безъ обращенія къ новымъ налогамъ, а также безъ огульнаго сокращенія всей суммы обыкновенныхъ расходовъ въ извѣстномъ процентномъ отношеніи. Конечно, для успѣшнаго проведенія этихъ попытокъ слѣдуетъ допустить, что мы хотимъ и можемъ поработать надъ самими собой, провѣрить свои дѣйствія, ограничить себя въ томъ или другомъ случаѣ. Пусть намъ не говорятъ, что органы власти, какъ они существуютъ, не могутъ сдѣлать надъ собою такихъ усилій, не могутъ сдѣлать болѣе того, что дѣлали доселѣ. Такое возраженіе вызывало бы такія логическія послѣдствія, въ которыя мы вдаваться не можемъ.

Но если предположить, что невозможно ни отказаться отъ тѣхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, которые не вызываются положительной необходимостью, ни устранить тѣ недостатки во взиманіи доходовъ, которыми пользуются желѣзнодорожныя общества, недоплачивающія казнѣ, водочные заводы, превращающіе вино въ воду, и продавцы питей, обманывающіе потребителей, если, однимъ словомъ, должны остаться въ силѣ всѣ существующія послабленія, — въ такомъ случаѣ, конечно, не остается ничего болѣе, какъ прибавить къ существующимъ новые виды налоговъ и сократить производительные расходы. Только надо имѣть въ виду, что какъ то, такъ и другое повело бы къ явному ущербу для экономическихъ силъ страны, а стало быть—въ конечномъ результатѣ — и для будущности самыхъ финансовъ.

Уже въ настоящее время имѣются оффиціальныя донесенія объ объѣднѣніи многихъ мѣстностей, и недоимки въ податяхъ возросли къ 1877 году до суммы слишкомъ 30½ милл. рублей. Въ виду этого обстоятельства нельзя достаточно настаивать на неотложности пересмотра размѣровъ выкупныхъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они превышаютъ дѣйствительный доходъ съ земли. Трудно объяснить

себѣ промедленіе въ принятіи этой мѣры. Несоразмѣрность выкупныхъ платежей выяснилась давно. Мы съ самаго начала держались мнѣнія, что съ устраненія этого обстоятельства должна начаться вся податная реформа, причемъ постоянно высказывали мысль, что мѣра эта должна быть осуществлена ранѣе всего, не дожидаясь выработки плана, общаго плана преобразованія податной системы. Ровно пять лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1873 года, окончила свои работы коммиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства. Обсуждая ея труды, мы указывали какъ на одну изъ главныхъ заслугъ коммиссіи, что она представила, такъ-сказать, оффиціальное удостовѣреніе несоразмѣрности выкупныхъ платежей и необходимости пересмотра и уравненія ихъ. Но вопросъ этотъ, тѣмъ не менѣе, оставался безъ движенія, и только въ настоящее время, какъ слышно, правительство окончательно признало несоразмѣрность выкупныхъ платежей и оброковъ съ надѣломъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и рѣшилось, не дожидаясь общаго преобразованія податной системы, понизить въ этихъ мѣстностяхъ повинности, лежащія на сельскомъ населеніи, съ тѣмъ, чтобы предположеніе это имѣлось въ виду при предстоящемъ производствѣ новой народной переписи.

Если бы это было сдѣлано еще нѣсколько лѣтъ назадъ, то, быть можетъ, теперь и не пришлось бы положительнымъ законодательнымъ актомъ признать фактъ, что бываютъ случаи, когда цѣлыя крестьянскія общества бросаютъ свои надѣлы, и земля ихъ лежитъ пустыремъ, ни также установлять такихъ мѣръ для покрытія платежей въ этомъ случаѣ, которыя по сущности своей являются свидѣтельствомъ несостоятельности выкупа во многихъ случаяхъ. Мы говоримъ о положеніяхъ главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія, утвержденныхъ 23 мая 1877 г. и 30 марта 1878 года, относительно сдачи въ аренду полевыхъ надѣловъ крестьянъ, накопляющихъ недоимки оброчной подати или выкупныхъ платежей. Передадимъ вкратцѣ смыслъ этихъ мѣръ.

Первая изъ нихъ постановляла, что въ случаѣ безуспѣшности взысканія съ подворныхъ владѣльцевъ недоимокъ выкупныхъ платежей тѣми мѣрами, какія указаны въ положеніи о выкупѣ, полевые надѣлы недоимщиковъ, или часть этихъ надѣловъ, должны быть сдаваемы въ аренду съ торговъ. Мѣра эта имѣла значеніе окончательнаго отобранія участка у подворнаго владѣльца, и представляла, стало быть, несостоятельность уже начатой операціи выкупа въ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ случаяхъ. А такъ какъ эти случаи относились къ владѣльцамъ подворныхъ участковъ, то можно было допускать, что эти случаи зависѣли отъ личныхъ свойствъ крестьянина, сдѣлавшихъ его неисправнымъ плательщикомъ.

Совсѣмъ иной фактъ указывается послѣдовавшимъ теперь принятіемъ другой, сходной же мѣры, но имѣющей уже отношеніе къ землямъ общиннымъ. Такъ какъ за исправность крестьянскихъ платежей отвѣчаетъ вся община, то, въ случаяхъ неисправности цѣлаго общества крестьянъ-собственниковъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, уже невозможно видѣть результата личныхъ свойствъ. Въ этихъ случаяхъ можно видѣть только сознаніе крестьянъ, что, по высотѣ платежей и малоземельности, земледѣліемъ заниматься вовсе не стóитъ, и лучше посвятить все время тому промыслу, который дѣйствительно ихъ кормитъ. Вслѣдствіе того они и бросаютъ свои поля, а выкупныхъ платежей не платятъ. Новый законъ выражается объ этомъ такъ, что они „уклоняются отъ земледѣлія на отведенныхъ имъ въ надѣлъ угодьяхъ“.

И вотъ, законъ 30 марта постановляетъ, что въ случаѣ „если неисправность сельскаго общества во взносѣ сихъ сборовъ не оправдывается какими-либо неблагопріятными условіями (кромѣ высоты самыхъ сборовъ,—замѣтимъ) и происходитъ единственно отъ уклоненія крестьянъ отъ обработки отведенныхъ имъ угодій и платежа упомянутыхъ сборовъ“ — земля, необработываемая крестьянами, можетъ быть сдана, вся или частью, въ аренду съ публичныхъ торговъ, а выручаемыя отъ аренды деньги обращаются на пополненіе годовыхъ выкупныхъ платежей или оброчной подати и затѣмъ на пополненіе недоимокъ по нимъ.

Хотя при этомъ постановлено, что срокъ такой аренды общинныхъ земель не можетъ быть долѣе 6-ти лѣтъ, и что, по прошествіи срока, сельскому обществу предлагается принять снова въ свое пользованіе, за установленные платежи эту мірскую землю, бывшую въ арендѣ, но весьма сомнительно, чтобы такое предложеніе имѣло успѣхъ, такъ какъ едва ли пребываніе земли въ арендѣ у постороннихъ лицъ можетъ ее улучшить, и потому если общество „уклонилось“ отъ ея обработки прежде, то едва ли оно примется за нее по истеченіи срока аренды. Предположенія о примѣненіи этой мѣры въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ составляться мѣстнымъ уѣзднымъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ или—за неимѣніемъ этихъ учрежденій—съѣздомъ мировыхъ посредниковъ; затѣмъ, будутъ вноситься въ губернское присутствіе, которое будетъ представлять ихъ министру финансовъ; сдача земель въ аренду окончательно разрѣшается министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта мѣра, повторяемъ, важна какъ законодательное свидѣтельство о серьёзномъ фактѣ и какъ пріисканіе выхода изъ случаевъ несостоятельности выкупной операціи. Она свидѣтельствуетъ, что есть случаи, когда цѣлыя крестьянскія общества оказываются несо-

стоятельными къ продолженію выкупа и уклоняются отъ обработки своихъ угодій. Въ этихъ случаяхъ, дѣйствительно, нѣтъ иного выхода, какъ оффиціально признать такой фактъ, и передать землю въ аренду съ публичныхъ торговъ. Очень вѣроятно, что на этихъ торгахъ земли будутъ отдаваемы за такую арендную плату, которая ниже выкупныхъ платежей. Въ такомъ случаѣ, можетъ случиться, что само сельское общество и предложитъ высшую цѣну, которая однако будетъ ниже размѣра выкупныхъ платежей, и затѣмъ крестьяне примутся за обработку земли въ качествѣ срочныхъ арендаторовъ. Этотъ исходъ представлялъ бы простое пониженіе платежей за землю. Въ другихъ случаяхъ, то-есть, если торгъ вовсе не состоится, или если земля поступитъ однажды во временное пользованіе къ постороннимъ лицамъ, примѣненіе этой мѣры будетъ представлять освобожденіе крестьянъ отъ надѣловъ, неприносившихъ имъ дохода, достаточнаго для покрытія слѣдующихъ платежей.

Вообще нельзя не замѣтить, что казна, побуждаясь къ такой мѣрѣ собственно по соображеніямъ фискальнымъ, т.-е. для понужденія неисправныхъ обществъ вносить платежи подъ страхомъ отобранія угодій, дѣлаетъ тѣмъ болѣе необходимымъ неотложный пересмотръ выкупныхъ платежей съ цѣлью ихъ уравненія. Во-первыхъ, эта мѣра свидѣтельствуетъ, что и круговая порука не всегда обезпечиваетъ исправность взноса платежей непосильныхъ. Во-вторыхъ, она можетъ—если уравненіе выкупныхъ платежей замедлится еще на многіе годы—повесть къ тому, что все большее и большее число земель станетъ переходить съ выкупа въ арендное содержаніе, и такимъ образомъ—къ фактической отмѣнѣ выкупа, быть можетъ, на значительномъ пространствѣ государства.

Возвращаясь собственно къ финансовому положенію, мы должны настаивать на томъ, что, не вдаваясь нисколько въ представленія пессимистическія, слѣдуетъ однако относиться къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ какъ явленію весьма серьёзному. Излишній оптимизмъ можетъ быть еще вреднѣе пессимизма, и, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашихъ газетъ по отношенію къ нынѣшнему финансовому положенію преобладаетъ именно излишній оптимизмъ. Добро бы мы могли еще передать свой оптимизмъ или, лучше сказать, свою беззаботность иностранцамъ. Но вѣдь этого ожидать нельзя, и стало быть, относясь съ нѣкоторымъ легкомысліемъ къ предстоящимъ намъ затрудненіямъ, мы обманывали бы только самихъ себя. Одна газета выражаетъ полное удовольствіе при видѣ результатовъ поступленія сборовъ; могло бы быть хуже, конечно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что паденіе прежнихъ доходовъ въ то время, когда сильно возрастутъ ежегодные расходы, можетъ внушать удовольствіе. Другая признаетъ опасность чрезмѣрнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что опасности эти еще далеки.

Между тѣмъ, сумма нашихъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе (726.910,000 р.), и „временно выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ“ (382.200,000 руб.), составляла къ 8-му мая— 1 миллiардъ 109 милліоновъ рублей. Въ теченіи одного года сумма кредитныхъ билетовъ возросла на около 332 милл. рублей противъ 777 милл. рублей, бывшихъ въ обращеніи передъ объявленіемъ войны. Если нынѣшнее политическое положеніе продлится еще только $2^1/_2$ мѣсяца, то сумма вновь выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ дойдетъ до 400 м. р., то-есть до той цифры, которою увеличилось наше кредитное обращеніе въ эпоху крымской войны (въ 1853 г. было 333 м. р., въ 1857 г. 735 м. р.) въ теченіи *четырехъ* лѣтъ. И вѣдь это новое увеличеніе, послѣдовавшее нынѣ въ теченіи $1^1/_4$ года, произошло послѣ того, какъ прежнее обремененіе рынка, созданное крымскою войною, нисколько не было уменьшено. Нынѣшніе 332 м. р., а вскорѣ и 400 м. руб., будутъ просто добавлены къ тому бремени, какое наложила на насъ крымская война.

Вспомнимъ, что въ 1817 году казна принуждена была прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій при итогѣ ихъ обращенія всего въ 836 м. р. Цѣна металлическаго рубля въ то время уже дошла до 3 р. 83 к. на ассигнаціи. Нынѣ, при кредитномъ обращеніи въ 1.109 милліоновъ, цѣна металлическаго рубля, составляя 1 р. 64 к. кредитныхъ, не дошла еще и до половины прежняго ея размѣра. Такая разница объясняется огромнымъ усиленіемъ производительности и оборотовъ въ нынѣшней Россіи, сравнительно съ Россіею 60 лѣтъ тому назадъ. Но изъ того, что нынѣ металлическій рубль равенъ еще только 1 р. 64 к. кредитныхъ, никакъ не слѣдуетъ, что возрастаніе его продолжалось бы съ той же постепенностью и при дальнѣйшемъ увеличеніи кредитнаго обращенія, что металлическій рубль удвоился бы въ цѣнѣ на рубли кредитные только тогда, когда сумма кредитныхъ билетовъ достигла бы до 2,200 милліоновъ. Измѣненіе въ цѣнѣ золота на нашей биржѣ показываетъ, что металлическій рубль можетъ съ одного мѣсяца на другой дорожать на цѣлые 20 к. кред., а это доказываетъ, что для удвоенія его цѣны вовсе не нужно столько времени, чтобы удвоилось кредитное обращеніе. Иными словами—несомнѣнно и теперь, какъ въ 1817 г., есть извѣстный предѣлъ, за которымъ увеличеніе этого обращенія окажется невозможнымъ по той причинѣ, что оно сопровождалось бы слишкомъ быстрымъ обезцѣненіемъ единицы обращенія. Гадательною цифрой представить этотъ предѣлъ нельзя. Но позволительно думать, что она ближе къ 1,109 милліонамъ, чѣмъ къ 2,218.

По случайному совпаденію, намъ неоднократно приходилось переходить въ одномъ и томъ же обозрѣніи отъ бесѣды о слабости на-

шихъ экономическихъ силъ прямо къ разсужденію о вопросахъ народнаго образованія. Случайность при этомъ, конечно, представлялась въ видѣ совпаденія какихъ-нибудь новыхъ фактовъ, относящихся къ той и другой области государственнаго быта. Но мысль и естественно переходитъ отъ провѣрки силъ матеріальныхъ къ обозрѣнію тѣхъ новыхъ данныхъ, какія возникаютъ для того, чтобы обезпечить въ государствѣ развитіе силъ умственныхъ, которое представляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій, между прочимъ, и экономическаго преуспѣянія.

„Поднятіе умственнаго уровня въ администраціи"—вотъ одна изъ цѣлей, которая была поставлена на видъ спеціальной коммиссіи о введеніи „государственныхъ экзаменовъ". Что такое этотъ „государственный экзаменъ" въ его отечествѣ, въ Пруссіи; какъ онъ въ настоящее время породилъ въ Потсдамѣ такъ-называемую Schnellassessorenfabrik bei Baumgartenbrücke — „скоропечатную фабрику коллежскихъ ассессоровъ"?—все это вопросы, которые у насъ уже давно разъяснилъ съ большою подробностью В. И. Герье, въ своей статьѣ: „Наука и государство" (см. октябрь 1876, стр. 771 и слѣд.), и потому мы къ нимъ возвращаться не будемъ. Теперь насъ можетъ интересовать совсѣмъ иной вопросъ: почему это учрежденіе, отслужившее свою службу въ Пруссіи и уже вырождающееся въ своемъ отечествѣ, обратило на себя вниманіе у насъ?—и замѣтимъ при этомъ, мимоходомъ, что въ Пруссіи никогда государственный экзаменъ не разсматривался ни какъ средство къ уменьшенію слушателей въ университетѣ, ни какъ пониженіе уровня познанія тѣхъ, которые желаютъ поступить на службу государству. Относительно этого вопроса мы долго оставались въ области гаданій; удивлялись ходившимъ слухамъ, но не понимали ни цѣли предполагаемаго переворота, ни той формы, въ которой онъ долженъ совершиться; намъ было ясно только то, что каковы бы ни были тѣ цѣли и какова бы ни была та форма,—но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что наша администрація подвергается большому риску, и нѣтъ причины, чтобы у насъ, какъ и въ Пруссіи,—только не у Баумгартенскаго моста, а у какого-нибудь другого,—не открылась вышеупомянутая „фабрика коллежскихъ и иныхъ ассессоровъ". Но 22-го апрѣля явилась передовая статья въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и разсѣяла всѣ наши прежнія недоумѣнія, показавъ, что „ларчикъ просто открывался". Возникшая по этому поводу полемика „Вѣдомостей" съ „Голосомъ" приподняла завѣсу окончательно. Мы узнали, во-первыхъ, что, несмотря на всѣ свои прежнія неудачи, коммиссія въ мартѣ возобновила свои засѣданія. Далѣе, „С.-Петербургскія Вѣдомости" разъясняютъ исторію всего дѣла и пускаются при этомъ въ такія разсужденія, что послѣ того уже трудно было бы сомнѣваться относительно той службы, которую должны будутъ сослу-

жить у насъ государственные экзамены. По поводу всѣхъ этихъ разсужденій „Голосъ" указалъ справедливо то разнорѣчіе, въ какое впадалъ его противникъ, смѣло приписывая коммиссіи и даже министру народнаго просвѣщенія такіе взгляды на цѣль установленія государственныхъ экзаменовъ, которые не имѣли между собой ничего общаго, а нѣкоторые изъ нихъ даже просто предосудительны. Въ предоставленіи производства экзаменовъ, дающихъ права государственной службы, особымъ административнымъ коммиссіямъ и съ лишеніемъ высшихъ учебныхъ заведеній этого права—указывались въ „Спб. Вѣд." столь различныя цѣли, какъ: прекращеніе студентскихъ безпорядковъ, улучшеніе университетскаго преподаванія, привлеченіе въ университеты людей богатыхъ и поднятіе умственнаго уровня администраціи.

Такая погоня уже не за двумя, а за нѣсколькими зайцами вдругъ—сама по себѣ вызываетъ на нѣкоторыя размышленія. Впрочемъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости", отстаивая совмѣстимость всѣхъ этихъ разнородныхъ мотивовъ, признались, однако, что собственно вопросъ о поднятіи умственнаго уровня въ администраціи совершенно не имѣлся въ виду при учрежденіи коммиссіи. Самъ авторъ статьи, очевидно, настаиваетъ болѣе на другихъ мотивахъ, и даже рискуетъ указать съ точностью тотъ историческій моментъ, когда именно идея государственнаго экзамена совершенно самостоятельно родилась среди насъ, независимо отъ прусскаго образца. Оставляемъ на отвѣтственности автора подлинность этого разсказа: „Министръ народнаго просвѣщенія, обозрѣвая учебныя заведенія одесскаго округа, обратилъ особенное вниманіе на личный составъ студенчества въ новороссійскомъ университетѣ, въ которомъ *преобладаютъ бѣдняки преимущественно изъ числа бывшихъ семинаристовъ*, и привелъ это явленіе, болѣе или менѣе общее и всѣмъ другимъ нашимъ университетамъ, въ связь съ вопросомъ: почему молодые люди изъ болѣе достаточныхъ семействъ и, слѣдовательно, имѣющіе болѣе средствъ для болѣе продолжительнаго университетскаго ученія, уклоняются отъ него и предпочитаютъ болѣе краткій и болѣе легкій и поверхностный курсъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній?"

Это—вопросъ вовсе не трудный, и рѣшить его могутъ многіе среди насъ по собственному опыту, спросивъ себя, по какой причинѣ они предпочли „легкій и поверхностный курсъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній". Авторъ статьи отвѣчаетъ такимъ образомъ: „Причина, очевидно, заключается въ томъ, что у насъ для прохожденія государственной гражданской службы, даже и на высшихъ относительно степеняхъ ея, *можно* удовольствоваться болѣе или менѣе легкимъ и поверхностнымъ общимъ образованіемъ, и до сихъ поръ не требуется, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ, серьёзная науч-

ная къ ней подготовка. Такое явленіе нельзя не признать ненормальнымъ и столько же вреднымъ для интересовъ высшаго научнаго образованія страны, сколько и для существеннѣйшихъ интересовъ государственной службы. Имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду и успѣхи образованія за послѣднее время, и то, что всякаго рода родовыя и сословныя привилегіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе исчезаютъ и у насъ, какъ повсюду, графъ Д. А. Толстой высказалъ свое убѣжденіе, что „и у насъ настало время требовать извѣстныхъ познаній для прохожденія гражданской службы точно такъ же, какъ требуется особое подготовленіе для военной. Министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ ввели уже отчасти это правило въ своихъ вѣдомствахъ, а это есть первый шагъ къ установленію столь важнаго экзамена на государственную службу (Staatsexamen), издавна и съ громадною пользою существующаго въ Германіи и нынѣ введеннаго уже почти во всей Европѣ... Во всякомъ же случаѣ, вопросъ объ установленіи экзамена на гражданскую службу достоинъ подробнаго обсужденія".

Итакъ, вотъ историческій моментъ и обстановка, при которой зародился у насъ вопросъ о государственномъ экзаменѣ. Мы вполнѣ согласны съ заключительными словами г. министра; ничего не можемъ сказать также противъ приписываемаго ему убѣжденія относительно необходимости постепеннаго исчезновенія у насъ „всякаго рода родовыхъ и сословныхъ привилегій"; но въ цѣломъ мы, и вѣроятно всѣ читатели съ нами, изумляемся логикѣ автора, въ силу которой слова г. министра являются умозаключеніемъ изъ вышеприведенныхъ имъ посылокъ. Богатые и знатные молодые люди—замѣтилъ графъ Д. А. Толстой—любятъ легкое и поверхностное образованіе, даваемое лицеемъ, школою правовѣдѣнія, пажескимъ корпусомъ (авторъ статьи особенно недолюбливаетъ послѣдняго учрежденія), и избѣгаютъ серьёзной научной подготовки, какая возможна только въ гимназіяхъ и университетахъ; но тѣмъ не менѣе эти лица послѣ проходятъ даже высшія степени государственной службы. Такова точка отправленія; повидимому, заключеніе тутъ очень просто: необходимо лишить тѣхъ молодыхъ людей возможности обходить гимназіи и университеты,—и вотъ, къ этому должны быть направлены всѣ новыя мѣры. Выходитъ между тѣмъ нѣчто странное и неожиданное: намъ говорятъ: ergo необходимъ государственный экзаменъ!—а этотъ экзаменъ дастъ возможность обходить уже не только университеты, но даже и ненавистный автору пажескій корпусъ. Тогда дѣйствительно окажется, что для гражданской службы будутъ у насъ требовать не научной подготовки, а только „извѣстныхъ познаній"; между тѣмъ все дѣло началось изъ-за того, что и нынѣшняя подготовка въ университетѣ какъ будто бы недостаточна еще для гражданской службы; какимъ образомъ государ-

ственный экзаменъ будетъ лучше „подготовлять“ — это остается совершенно непонятнымъ.

Но оставимъ моментъ зарожденія идеи государственнаго экзамена въ сторонѣ и обратимся къ сущности самаго дѣла. Хотя въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ мотивы весьма разнородны и, повидимому, даже взаимно-противорѣчивы, но въ нихъ можно открыть тѣсную взаимную связь, если только предположить, что къ числу мотивовъ высказанныхъ,—въ умѣ разсуждающихъ, присоединяются еще нѣкоторые мотивы не высказанные, но въ дѣйствительности преобладающіе. Въ такихъ мотивахъ высшаго порядка невысказанныхъ и можетъ быть найдена такая связь, которая способна уяснить смыслъ кажущихся противорѣчій въ тѣхъ доводахъ, которые высказываются громко.

Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы придавать всѣмъ разсужденіямъ по этому поводу „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ значеніе административныхъ сообщеній, хотя авторъ статьи усиливается придать имъ такой характеръ. Но все же мы считаемъ не лишнимъ указать на тотъ способъ, которымъ можно было бы придать логическую стройность разсужденіямъ названной газеты. Если при этомъ опытѣ логическаго согласованія ихъ, при помощи предполагаемыхъ мотивовъ „высшаго порядка“, окажется въ результатѣ нѣчто нисколько не отвѣчающее видамъ министерства народнаго просвѣщенія, и даже рѣшительно противорѣчающее (какъ мы надѣемся), то этимъ было бы только доказано лишній разъ неудобство оффиціозныхъ органовъ, возбуждающихъ своимъ дурно-понятымъ усердіемъ невѣрныя представленія о видахъ администраціи, которую они какъ-бы компрометтируютъ. Быть можетъ, даже сами „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отвернутся отъ тѣхъ мотивовъ „высшаго порядка“, которые, по нашему предположенію, одни давали бы полную связность всѣмъ мотивамъ, заявленнымъ въ этой газетѣ. Въ такомъ случаѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ пусть постараются на будущее время испрашивать болѣе точныя инструкціи.

Представимъ себѣ, конечно, въ воображеніи, слѣдующую програму: 1) требуется найти способъ, увеличить вліяніе одного вѣдомства до такой степени, чтобы всѣ учебныя заведенія, существующія въ Россіи, были принуждены согласовать свои курсы съ условіями, какія поставитъ это вѣдомство, и чтобы никто не могъ поступать на службу ни по какой ея отрасли, безъ вліянія этого вѣдомства; 2) требуется далѣе уничтожить значеніе наиболѣе самостоятельныхъ высшихъ школъ въ государствѣ—университетовъ, въ пользу чиновниковъ того же вѣдомства, такъ чтобы элементъ научныхъ заслугъ и ученаго авторитета былъ лишенъ полномочій, которыя перейдутъ къ элементу бюрократическому, причисляя къ этому элементу и разныхъ перебѣжчиковъ изъ міра ученаго, перебѣжчиковъ вольныхъ или невольныхъ,

т.-е. польстившихся на карьеру или забаллотированныхъ своими прежними товарищами. Далѣе, 3) требуется уменьшить вообще число слушателей въ университетахъ, для бо́льшаго порядка, и сдѣлать изъ университетскаго курса нѣчто, не дающее никакихъ правъ, роскошь, доступную только людямъ, которые не должны прежде всего заботиться объ обезпеченіи себѣ куска хлѣба; 4) требуется еще облегчить пріобрѣтеніе чиновъ для большинства людей богатыхъ, которые не увлекались бы роскошью университетскаго курса, а просто хотѣли бы пріобрѣтать право на чины съ еще меньшимъ трудомъ, чѣмъ сколько его требуется нынѣ даже въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ; наконецъ, 5) требуется еще вдобавокъ, и въ видѣ украшенія всей реформы, чтобы уѣздные письмоводители стояли на одномъ уровнѣ образованія съ государственными людьми, такъ какъ государственный экзаменъ одинаковъ для всѣхъ, какъ для будущаго письмоводителя, такъ и для будущаго губернатора; если при этомъ и испытаютъ нѣкоторое стѣсненіе кандидаты въ письмоводители уѣздныхъ мѣстъ, то вѣдь это — люди мелкіе, рожденные для труда, а за то высшіе классы получили бы значительное облегченіе, и пріобрѣтали бы права на чины, не ломая своихъ головъ на университетскихъ экзаменахъ.

Если „С.-Петербургскія Вѣдомости" возразятъ намъ, что это программа—чудовищная, составленная изъ ряда такихъ требованій, которыя не имѣютъ ничего общаго съ пользами государства, то мы будемъ совершенно съ этимъ согласны. Но мы просимъ въ такомъ случаѣ эту газету придумать другую програму, которая могла бы, подобно нашей, согласовать и привести въ стройное цѣлое всѣ тѣ разнорѣчивыя цѣли, которыя по отзывамъ этой же газеты имѣлись, случайно или не случайно, въ виду, при разработкѣ вопроса о государственно-экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро нельзя было бы поступать ни на какую отрасль службы иначе, какъ пройдя кавдинское ущелье этихъ бюрократическихъ коммиссій, ясно, что всѣ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ были бы принуждены согласовать свои курсы не съ требованіями наукъ и не съ ихъ успѣхами, а съ требованіями одного вѣдомства, котораго вліяніе и возросло бы въ весьма высокой степени. Университетскіе совѣты, довольно-упорно отстаивавшіе свою самостоятельность, остались бы при своей голой самостоятельности, но выданные ими дипломы потеряли бы всякое юридическое значеніе, которое перешло бы къ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ административной властью. Вслѣдствіе того, высшее научное образованіе лишилось бы того покровительства, какое ему предоставлялъ законъ, и перестало бы привлекать массу людей недостаточныхъ, принужденныхъ прежде всего думать объ обезпеченіи себѣ средствъ къ суще-

ствованію. Нынѣ эти люди пріобрѣтаютъ вмѣстѣ и права службы, и высшее научное образованіе, обставленное этими правами въ видѣ премій; тогда же они пріобрѣтали бы права службы съ гораздо меньшимъ уровнемъ познаній, такъ какъ требованія экзаминаціонныхъ коммиссій, по необходимости, будутъ гораздо ниже требованій выпускного университетскаго экзамена. Конечно, пришлось бы не давать удостовѣренія о правѣ поступленія на гражданскую службу и воспитанникамъ александровскаго лицея, училища правовѣдѣнія и пажескаго корпуса; впрочемъ, мы увѣрены, что этого сдѣлано не будетъ ни въ какомъ случаѣ. Да и странно было бы, если бы такъ сдѣлали: возьмемъ въ примѣръ нынѣшній личный составъ хоть администраціи народнаго просвѣщенія, т.-е. той самой администраціи, которая со-временемъ составитъ экзаминаціонныя коммиссіи: вѣдь значительную часть ея состава оказалось бы необходимымъ перемѣнить, если бы право поступленія на службу было обусловлено уровнемъ университетскаго образованія. Какимъ образомъ лица, сами не стоящія на этомъ уровнѣ, могли бы судить о томъ, стоятъ ли на немъ экзаминующіеся?

Итакъ, университеты сохранили бы на практикѣ только то значеніе, какое имѣютъ, напримѣръ, императорская публичная библіотека и музеи академіи наукъ. Находится ли русское общество на той ступени умственнаго развитія, чтобы оказалось уже излишнимъ привлекать молодыхъ людей къ высшему образованію посредствомъ премій? Отвѣтъ на это можно получить, заглянувъ въ списки занимавшихся учеными работами въ теченіи года въ Публичной библіотекѣ и въ академическихъ музеяхъ. Число этихъ людей ничтожно. Но другія цѣли были бы за то достигнуты опустѣніемъ университетовъ, и именно тѣ цѣли, которыя указывались въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ числѣ мотивовъ предполагаемой реформы: отношеніе контингента богатыхъ къ контингенту бѣдныхъ въ числѣ университетскихъ слушателей, конечно, увеличилось бы, а за сотнею слушателей легче наблюдать, чѣмъ за тысячею, и потому реформа вполнѣ оправдывалась бы съ точки зрѣнія полицейской. Если бы въ каждомъ университетѣ осталось только по одному слушателю, то цѣль отвращенія безпорядковъ была бы достигнута еще полнѣе.

Далѣе. Государственные экзамены, лишивъ высшее научное образованіе тѣхъ премій, какія представляются правомъ поступленія на службу и чинами, перенесли бы эти преміи на образованіе особаго рода, на ученіе по программамъ экзаминаціонныхъ коммиссій. Этотъ облегченный способъ пріобрѣтенія правъ высшаго образованія посредствомъ низкопробнаго ученья какъ-разъ соотвѣтствовалъ бы потребностямъ того большинства „золотой молодежи“, которая нынѣ стѣсняется если не необходимостью серьёзнаго образованія (такъ

какъ не одни же университеты даютъ права службы), то хоть необходимостью просидѣть извѣстное число лѣтъ на школьной скамейкѣ или конкуррировать на экзаменахъ съ людьми, сидѣвшими на нихъ продолжительное время. За какіе-нибудь пятьсотъ рублей можно будетъ 16-ти-лѣтнимъ маменькимъ сынкамъ подготовиться къ государственно-экзаминаціонной программѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ, а при помощи нѣкоторыхъ, спеціально-рекомендованныхъ преподавателей („ассесорскихъ фабрикантовъ", по существующему въ Пруссіи прозвищу), можно будетъ это сдѣлать и поскорѣе. Сынкамъ богатыхъ родителей званіе коллежскихъ секретарей или титулярныхъ совѣтниковъ будетъ обезпечено съ колыбели, и будетъ предоставляться по достиженіи 16-ти-лѣтняго возраста, какъ въ старину имъ при самомъ рожденіи предоставлялось званіе сержантовъ гвардіи.

Наконецъ, такъ какъ для украшенія всей реформы требуется же какое-нибудь „звонкое слово" (Schlagwort), то можно будетъ указывать при этомъ и на поднятіе умственнаго уровня въ администраціи, хотя только въ низшей, конечно. На видныхъ мѣстахъ будетъ непремѣнно еще менѣе университетскихъ кандидатовъ, чѣмъ есть теперь, такъ какъ число слушателей въ университетахъ сократится; но за то уѣздные письмоводители будутъ снабжены удостовѣреніями экзаминаціонныхъ коммиссій въ наличности тѣхъ же знаній, какія эти коммиссіи будутъ требовать одинаково и отъ будущихъ государственныхъ людей.

Повторяемъ, что, нарисовавъ эту картину, мы вовсе не выставляемъ ее, какъ отраженіе дѣйствительныхъ цѣлей, имѣющихся въ виду большинствомъ коммиссіи, изучавшей вопросъ о государственныхъ экзаменахъ. Эта картина — не что иное, какъ наша собственная попытка согласовать тѣ разнородныя цѣли, которыя приписываются проекту установленія государственныхъ экзаменовъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями". Мы будемъ очень рады, если газета министерства народнаго просвѣщенія рѣшительно отвергнетъ наше толкованіе, но въ такомъ случаѣ ей будетъ предстоять трудная задача объяснить болѣе удовлетворительнымъ образомъ ту связь, какую могутъ имѣть столь разнородныя цѣли, какъ: привлеченіе въ университеты людей богатыхъ, устраненіе студентскихъ безпорядковъ, улучшеніе университетскаго преподаванія и поднятіе въ администраціи умственнаго уровня замѣною четырехъ-лѣтняго университетскаго курса нѣсколькими часами государственнаго экзамена.

Мы уже были готовы заключить свою хронику, когда въ № 134, отъ 17-го мая, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" явилась новая статья о „государственныхъ экзаменахъ", напоминающая проповѣди Рейнека-Лиса: сколько, подумаешь, либерализма и демократизма въ плачѣ автора надъ нашею печальною системою поощренія образо-

ванности чинами, и притомъ поощренія „неравномѣрнаго и далеко не чуждаго пристрастій"; сколько благороднаго негодованія противъ привилегій въ пользу нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ воспитываются дѣти богатыхъ, знатныхъ людей!! „Съ наибольшею, можетъ быть, силою,—восклицаетъ авторъ—выступаетъ эта неравномѣрность оцѣнки образованія посредствомъ чиновъ въ томъ фактѣ, что молодой человѣкъ, съ успѣхомъ окончившій курсъ ученія въ пажескомъ корпусѣ (авторъ не можетъ равнодушно говорить о пажескомъ корпусѣ), въ случаѣ поступленія своего въ гражданскую службу, приравнивается къ любому университетскому кандидату (а что кандидатство есть вздоръ, это авторъ докажетъ ниже) и прямо получаетъ чинъ X класса. Между тѣмъ курсъ пажескаго корпуса слагается изъ того же самаго курса военныхъ гимназій съ прибавкою двухлѣтняго курса военныхъ училищъ, дополняющаго до нѣкоторой степени образованіе по исторіи, математикѣ, естественнымъ и военнымъ наукамъ. Не говоря уже о составѣ курса и характерѣ преподаванія, съ одной стороны, въ пажескомъ корпусѣ, а съ другой—въ гимназіяхъ и университетахъ, достаточно указать на то, что курсъ ученія въ пажескомъ корпусѣ разсчитанъ по бо́льшей мѣрѣ на 9 лѣтъ, а курсъ ученія въ гимназіяхъ и университетахъ—по меньшей мѣрѣ на 12 лѣтъ. *Почти (?!)* въ такомъ же привилегированномъ, относительно гимназій и университетовъ, положеніи находятся: училище правовѣдѣнія и особенно александровскій лицей, изъ коихъ въ первомъ курсъ ученія начинается едва ли съ того уровня, на которомъ стоятъ ученики IV класса гимназій, и продолжается всего 7 лѣтъ, а во второмъ онъ начинается почти съ курса III класса гимназій, не заключаетъ въ себѣ вовсе греческаго языка и оканчивается всего въ 6 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе оба эти заведенія даютъ своимъ воспитанникамъ при окончаніи курса чинъ даже IX класса" (слѣдовательно, эти заведенія стоятъ не *почти* въ такомъ же, но еще въ гораздо болѣе привилегированномъ положеніи, нежели пажескій корпусъ, такъ какъ онъ даетъ только чинъ X класса).

Прочтя эту тираду, читатель, конечно, чувствуетъ себя растроганнымъ и ожидаетъ затѣмъ самаго простого разсужденія: авторъ—думаетъ онъ—будетъ настаивать на уничтоженіи привилегій вообще всѣхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній и пажескаго корпуса въ особенности, и предложитъ мѣру, которая клонилась бы къ необходимости для всѣхъ проходить солидный путь 8-ми лѣтъ въ гимназіяхъ и 4-хъ лѣтъ въ университетѣ. Вовсе нѣтъ! покончивъ съ привилегированными заведеніями, авторъ статьи неожиданно задается вопросомъ: „Что такое кандидатъ какого-нибудь университетскаго факультета?" Два столбца посвящены отвѣту на этотъ вопросъ, съ цѣлью доказать, что университетскій кандидатъ—это Богъ-знаетъ что такое: „это при существующихъ порядкахъ — говорится въ статьѣ — рѣшительно не

поддается никакому общему для всѣхъ университетовъ опредѣленію". Не знаешь, чему тутъ удивляться, наглости или чему-либо другому, особенно когда подумаешь, что газетѣ, имѣющей отношенія къ министерству народнаго просвѣщенія, было бы такъ легко навести точную справку по поводу вопроса: что́ такое кандидатъ университета?

Итакъ, на повѣрку выходитъ, что привилегированныя заведенія, съ ихъ скороспѣлыми курсами, возмущаютъ автора; а гимназіи и университеты производятъ на свѣтъ такія существа, что ни одинъ натуралистъ не опредѣлитъ ихъ породы. Конечно, изъ всего этого слѣдуетъ, что нужно привилегированныя заведенія сократить, а гимназіи и университеты возвратить къ тому положенію, когда они давали кандидатовъ, не вызывавшихъ сомнѣнія относительно того, кто́ они. Нѣтъ! все это предлагается оставить въ томъ хаотическомъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, а дѣло исправить иначе: „Вся эта путаница (въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія) и это нарушеніе основныхъ правилъ справедливости и равныхъ для всѣхъ вѣса и мѣры (въ привилегированныхъ заведеніяхъ),—заключаетъ авторъ статьи,—очевидно (!?), могутъ быть устранены только путемъ установленія правительственною властью общихъ для всѣхъ экзаминаціонныхъ требованій, соотвѣтственно тому роду службы и дѣятельности, какому кто желаетъ себя посвятить". Не проще ли было бы устранить „путаницу" и „нарушеніе основныхъ правилъ справедливости", чѣмъ выдумывать новые порядки сидѣнія для „квартета?" Нѣтъ, по логикѣ автора, путаницу нужно уничтожить не приведеніемъ ея въ порядокъ, а устройствомъ новой путаницы, вѣроятно, на основаніи правила: similia similibus curantur! Но дѣло въ томъ, что новая путаница представляетъ одно важное удобство, а именно удобство Прокустова ложа, и такимъ-то Прокустовымъ ложемъ представляется автору государственный экзаменъ: одной длины кровать на всѣ росты, а у кого ноги окажутся длиннѣе—лишнее можно обрубить; но за то будутъ для всѣхъ „равные вѣсы и мѣра".

Въ заключеніе, представимъ, какъ краснорѣчиво живописуетъ авторъ статьи нынѣшній порядокъ вещей въ Россіи, по вопросу о составѣ лицъ, находящихся въ государственной службѣ: „При различіи состава и продолжительности курса всѣхъ этихъ (лицея, правовѣдѣнія и пажескаго корпуса) и подобныхъ имъ учебныхъ заведеній и при разбросанности ихъ по всѣмъ возможнымъ вѣдомствамъ, вполнѣ равномѣрная и справедливая оцѣнка посредствомъ чиновъ даваемаго ими образованія представила бы величайшія и едва ли преодолимыя трудности. Во всякомъ же случаѣ въ настоящее время этой равномѣрной и вполнѣ справедливой оцѣнки вовсе не существуетъ, и болѣе легкое и поверхностное образованіе

явнымъ образомъ предпочитается болѣе трудному и болѣе основательному ученію, къ несомнѣнному вреду для интересовъ самаго образованія и государственной службы. Для лицъ, принадлежащихъ по своему родству и по своимъ связямъ къ высшему общественному классу, *представляется возможность избѣгать болѣе труднаго и болѣе основательнаго ученія*, и они какъ бы поощряются къ ученію болѣе легкому и поверхностному и какъ бы заранѣе пріучаются легко относиться къ своему долгу, а такъ какъ по ихъ общественному положенію имъ предстоитъ впослѣдствіи болѣе высокая и болѣе вліятельная служебная карьера, то понятно, какъ вредно должны отражаться на всемъ государственномъ управленіи и эта привычка легко относиться къ своему дѣлу, и это недостаточное образованіе, которыя выносятся ими еще изъ школы".

А что же будетъ — спросимъ мы въ свою очередь — послѣ введенія государственнаго экзамена? — На этотъ вопросъ не трудно отвѣчать съ точки зрѣнія того же автора: „лица, принадлежащія по своему родству и по своимъ связямъ къ высшему общественному классу", въ университетъ все-таки не пойдутъ, и будутъ правы, такъ какъ они теперь прочли въ „Спб. Вѣд.", будто кандидатъ университета есть что-то неопредѣленное, подъ чѣмъ иногда скрывается и круглое невѣжество; затѣмъ, они преспокойно обратятся къ членамъ экзаминаціонной коммиссіи или къ лицамъ, рекомендованнымъ ими, и подготовятся къ „государственному экзамену"; какъ это должно отразиться на всемъ государственномъ управленіи — покажетъ, конечно, не далекое будущее, но и теперь легко можно себѣ представить всѣ опасные результаты подобнаго порядка вещей. Если, по свидѣтельству автора, была—до сихъ поръ—опасность, что высшіе классы „избѣгали болѣе труднаго и болѣе основательнаго ученія", то что же будетъ, если государственный экзаменъ доставитъ это удобство всѣмъ? Намъ скажутъ на это: тутъ собственно нѣтъ никакой бѣды, если высшіе классы будутъ по прежнему избѣгать солиднаго ученія, а то, что низшіе классы также захотятъ избѣгать солиднаго ученія, такъ это даже, въ извѣстномъ смыслѣ, желательно.—Да,—въ извѣстномъ смыслѣ, но не въ государственномъ! Разсужденіе публициста подобнаго пошиба далеко не пригодно для государственнаго человѣка.

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ СЛАВЯНСТВѢ.

По поводу болгарскихъ дѣлъ.

Когда случается намъ задавать себѣ вопросы, касающіеся современной политической дѣйствительности, внутренней или внѣшней, на насъ (вѣроятно, не мы одни это испытываемъ) нападаетъ сомнѣніе: стóитъ ли труда задавать себѣ эти вопросы? — есть ли возможность рѣшать ихъ? Частные вопросы современности связаны обыкновенно съ общими принципами, а послѣдніе не такъ легко доступны для печати; въ самыхъ частностяхъ мы затруднены всякими обстоятельствами, которыя надо принять во вниманіе; наконецъ, результатъ нашихъ рѣшеній никому практически не нуженъ, хотя бы былъ выведенъ очень вѣрно... Относительно предметовъ политической дѣйствительности, даже славянской, гораздо больше мы привыкли къ тѣмъ вопросамъ, которые отошли въ „область исторіи“, т.-е. уже практически и безъ нашего спроса рѣшены. Присяжные ученые нерѣдко думаютъ даже, что предметъ только тогда и можетъ считаться „строго-научнымъ“, когда удаленъ отъ насъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, за двѣсти-триста назадъ. Отъ занятій такими лишь предметами ожидается „польза“. Славянскіе предметы издавна и донынѣ извѣстны очень мало массѣ общества; но спеціалисты по этимъ предметамъ, много работавшіе надъ тѣмъ, чтò происходило лѣтъ восемьсотъ назадъ, не сказали почти ничего о современномъ славянствѣ. Почему это такъ было: потому ли, что ихъ никто не спрашивалъ, или что они считали напраснымъ говорить, — или имъ нѣчего было говорить? Словомъ, раздумыванье надъ современными вопросами можетъ имѣть развѣ только теоретическій интересъ.

Съ намѣреніемъ дѣлаемъ эту оговорку, никакъ не желая, чтобы читатель смѣшалъ наши разсужденія съ тѣми „передовыми“ статьями, гдѣ славянскіе вопросы рѣшаются властнымъ тономъ, какъ-будто авторы этихъ произведеній въ самомъ дѣлѣ были снабжены хотя бы „совѣщательнымъ“ голосомъ или выполняли данное имъ кѣмъ-нибудь полномочіе. Мы на этотъ счетъ не заблуждаемся и не станемъ приписывать своимъ разсужденіямъ той практической силы, какой они (какъ и всякія другія разсужденія этого рода) въ нынѣшнемъ положеніи общества и печати не имѣютъ, и не хотимъ обманывать ни русскихъ читателей, которые, вдали отъ столичнаго центра, могли

бы, пожалуй, преувеличить значеніе печати, — ни тѣхъ изъ славянскихъ „братьевъ" и „братушекъ", которые въ послѣднее время начали заглядывать въ русскія изданія и, вычитавъ въ нихъ воинственно-хвастливыя заявленія, иной разъ думали видѣть въ нихъ настроеніе „Россіи".—Итакъ, попробуемъ разсуждать теоретически.

Болгарія переживаетъ въ высшей степени знаменательную эпоху. Для нея, послѣ пятисотъ-лѣтняго ига, наступала впервые минута, когда народъ не чувствовалъ надъ собой ненавистной власти, которая такъ долго его грабила, позорила и убивала.

Мы пришли къ болгарамъ освободителями. Тяжелая война стоила дорого и намъ, и болгарскому народу, но увѣнчалась военнымъ успѣхомъ. Здравый смыслъ говоритъ, что надо позаботиться, чтобы успѣхъ былъ проченъ, чтобы затраченныя потери были вознаграждены — по крайней мѣрѣ, обезпеченіемъ той національно-политической связи, которая, такъ или иначе, принудила насъ къ самой войнѣ, и ею, конечно, должна быть усилена и скрѣплена.

Существованіе этой связи не подлежитъ сомнѣнію. Ее можно и должно признать, и не чувствуя наклонности къ національному мистицизму. Въ старой исторіи Болгарія была для насъ источникомъ нашего исповѣданія, нашей первоначальной образованности, нашихъ церковныхъ книгъ, нашей письменности вообще. Въ теченіи нѣскольких вѣковъ поддерживались сношенія церковныя и литературныя. Правда, съ тѣхъ поръ исторія повела насъ врозь; старая непосредственная связь властей и народовъ прервалась, память о ней хранилась только у немногихъ книжниковъ. Но современная историческая наука, изслѣдуя давнія времена, напомнила о народѣ, который нѣкогда былъ намъ столь близокъ, и интересъ историческій отражался интересомъ къ современному народу, который, съ своей стороны, отыскивалъ въ своей исторіи тѣ же черты общности и взаимности. Рядомъ съ исторіей, открывались другія точки соприкосновенія. Наше время создало цѣлый рядъ наукъ, посвященныхъ изученію народа и народности, которыя совмѣщаются въ этнографіи, антропологіи или „психологіи народовъ". Источникомъ или особымъ побужденіемъ къ развитію этихъ изученій были: во-первыхъ, пробудившееся съ конца прошлаго вѣка чувство національное; во-вторыхъ, соціальный интересъ къ народу, привлекавшій къ изслѣдованію особенностей народной жизни; въ-третьихъ, общій прогрессъ исторической науки, которая, въ связи съ успѣхами другихъ знаній, нашла пути къ объясненію отдаленной народной старины, обычаевъ, преданій, поэзіи. Эти изученія стали и въ нашей литературѣ предметомъ силь-

наго интереса, и въ каждомъ изъ нихъ открывались любопытнѣйшія параллели между нашей народной жизнью и славянствомъ. Національное чувство производило весьма естественную идеализацію племенного единства, создало даже настоящій національный мистицизмъ; но рядомъ съ тѣмъ эти изученія открыли и совершенно реальныя отношенія, которымъ можно было ждать дальнѣйшаго развитія въ будущемъ. Отсюда интересъ къ славянству. Явившись у насъ прежде всего сначала въ сухой археологической формѣ, потомъ въ формѣ мистицизма, онъ было-оттолкнулъ отъ себя многихъ изъ лучшихъ людей нашего общества, или оставилъ ихъ равнодушными; притомъ само русское общество находилось тогда въ такомъ подавленномъ состояніи, что пропаганда какихъ-нибудь „освобожденій" для самого общества была невозможностью, идеалистической крайностью или просто безсмыслицей. Но мало-по-малу, когда внутреннія условія общества стали нѣсколько улучшаться, и оно хотя до нѣкоторой степени могло возымѣть и высказывать свои политическія соображенія, интересъ къ славянству выросталъ на другой почвѣ, нежели почва національнаго мистицизма или московскаго „собиранія",—именно на почвѣ сочувствія къ угнетеннымъ народамъ, искавшимъ свободы, и племенная близость усиливала это сочувствіе. По историческимъ обстоятельствамъ и единовѣрію, эти народы отъ насъ однихъ ожидали помощи; ожиданіе долго обманывалось, но надежда была единственная, и когда въ самомъ нашемъ обществѣ повѣяло освобожденіемъ, въ немъ стали высказываться и сочувствія къ освободительной борьбѣ южнаго славянства. Во время возстанія Луки Вукаловича и черногорской войны въ началѣ 60-хъ годовъ, эти сочувствія высказались собственной иниціативой общества едва ли не въ первый разъ со временъ Рюрика.

Національная связь обнаруживалась и съ другой стороны. Для народной массы, дѣло представлялось прежде всего съ точки зрѣнія единовѣриости угнетеннаго племени. Давнія историческія событія оставили въ народѣ неизмѣнное представленіе о туркахъ, какъ свирѣпыхъ гонителяхъ христіанской вѣры; для массъ и настоящая война является войной „за вѣру". Была, разумѣется, рядомъ и другая формула, въ которую народъ обыкновенно совмѣщаетъ всякую внѣшне-политическую борьбу; но народъ обыкновенно только слабо сознаетъ внѣшнія политическія положенія (и связь ихъ съ внутренними дѣлами), и въ данномъ случаѣ онъ почти не имѣлъ мысли о болгарахъ, какъ единоплеменникахъ, и защита ихъ представлялась, главнымъ образомъ, какъ защита единовѣрцевъ. Но въ сложности оба взгляда — и тотъ, который былъ у людей образован-

ныхъ, и тотъ, какой былъ въ массѣ — сходились въ общемъ сочувствіи къ дѣлу.

Сознаніе единоплеменности являлось — не только для массы, но и для людей высшаго слоя — только при самой встрѣчѣ. Насколько серьёзно могло быть это сознаніе, когда начались реальныя отношенія съ братьями, насколько оно могло воплотиться въ какія-либо прочные національно-политическіе результаты, это должно было много зависѣть отъ взгляда руководителей, или—что̀ одно и то же—отъ степени развитія въ большинствѣ образованныхъ людей, ставшихъ къ дѣлу лицомъ къ лицу, или — что̀ опять одно и то же — отъ степени нашего внутренняго развитія, отъ внутренняго политическаго положенія самого общества.

Не будемъ вспоминать, какъ велась война, какіе обнаружились военные и политическіе недостатки, какія одержаны побѣды; ограничимся настоящимъ положеніемъ вещей и нашимъ отношеніемъ къ освобождаемому родственному народу. Общее настроеніе войска, народа, общества при началѣ войны не оставляло ничего желать. Война была, что̀ называется, вполнѣ популярная; обнаруживались самые лучшіе инстинкты — готовность на всякіе труды и жертвы, которая потомъ выдерживала самыя мудреныя испытанія. Войско вообще держало себя такъ, что вызывало единодушныя похвалы даже отъ людей, очень мало расположенныхъ насъ хвалить; но отношеніе наше къ болгарскому народу съ самаго начала было не совсѣмъ удовлетворительно. Оно казалось неправильнымъ не только для людей, которые уже ранѣе имѣли опредѣленный взглядъ на то, каково должно быть наше отношеніе къ славянству, но и для тѣхъ, кто смотрѣлъ просто съ точки зрѣнія политическаго разсчета и благоразумія. Ошибки и неправильности дѣлались и съ оффиціально-административной стороны, и въ частныхъ мнѣніяхъ. Относительно перваго довольно указать и то немногое, что̀ было сказано въ нашей печати о дѣятельности кн. Черкасскаго. Сдѣлаемъ всѣ оговорки, какія могутъ дѣлаться и уже дѣлались отчасти объ этой дѣятельности: война есть столь чрезвычайное состояніе, что къ ней трудно прилагать требованія обыкновеннаго порядка вещей; далѣе, утверждаютъ, что, несмотря на личную жесткость характера князя Черкасскаго и жесткость нѣкоторыхъ мѣръ, болгары однако очень его цѣнили, угадывая въ немъ человѣка съ убѣжденіемъ и настойчивостью, и не видя въ немъ простого ординарнаго чиновника безъ собственной мысли, безъ интереса къ дѣлу. Тѣмъ не менѣе, въ дѣятельности кн. Черкасскаго была ошибка, — откуда бы она ни происходила, изъ его личнаго характера, или изъ системы. Суровость пріемовъ была, во всякомъ случаѣ, неумѣстна. Между тѣмъ она была обнаружена на самыхъ

первыхъ порахъ,—чуть ли еще не до перехода русскихъ черезъ Дунай, или въ первое время послѣ. Разсказывали, что кн. Черкасскій тогда же счелъ нужнымъ отнестись очень недружелюбно къ тѣмъ людямъ болгарской эмиграціи, которыхъ считалъ, вѣроятно, слишкомъ либеральными, заговорилъ диктаторскимъ тономъ, который, по меньшей мѣрѣ, былъ лишній. Впечатлѣніе людей, видѣвшихъ дѣло вблизи, было, что кн. Черкасскій какъ-будто привезъ въ Болгарію тѣ же административные взгляды и пріемы, какіе имѣлъ онъ въ Польшѣ: но въ Болгарію мы являлись не для укрощенія болгаръ, а для освобожденія, — укрощать въ Болгаріи надо было турокъ, а именно туркамъ во многихъ случаяхъ оказывалось странное великодушіе (которымъ они, разумѣется, потомъ злоупотребляли, и надъ нимъ смѣялись). Со временемъ, вѣроятно, будутъ точнѣе извѣстны факты, на которые мы намекаемъ; но и въ той степени, насколько они извѣстны теперь, понятно, что они должны были произвести впечатлѣніе не вполнѣ благопріятное не только на болгаръ, но и на многихъ людей въ русскомъ обществѣ, иначе понимавшихъ „братскія“ отношенія.

Вина этого неблагопріятнаго хода вещей была двоякая. Съ одной стороны, мы (въ этомъ случаѣ кн. Черкасскій не составлялъ исключенія) примѣнили къ родственному народу чуждые ему обычаи административной распорядительности,—не думая, что въ чужомъ быту они могли быть неудобны, особенно среди той массы политическихъ отношеній, при которыхъ требовалась нѣкоторая осторожность. Съ другой стороны, было просто незнаніе почвы, гдѣ кн. Черкасскій, повидимому, также не составлялъ исключенія. Повидимому, князь Черкасскій пріѣхалъ въ Болгарію съ готовымъ мнѣніемъ, что въ средѣ болгарскихъ патріотовъ есть либеральная (революціонная) партія, которую слѣдовало осадить на первыхъ же порахъ. Но что такое болгарскій „революціонеръ“? Въ Болгаріи „революціонеромъ“ долженъ былъ быть или считаться *каждый* патріотъ, потому что *каждый* патріотъ долженъ былъ стремиться къ ниспроверженію существующаго турецкаго порядка: одни это старались сколько возможно скрыть; другіе, не хотѣвшіе скрывать, должны были идти въ Балканы, и рѣзать турокъ на большой дорогѣ, какъ „гайдуки“, или бросать свое отечество, скитаться на чужбинѣ, пропагандировать оттуда идею возстанія и пытаться практически исполнять ее. Если въ болгарскомъ народѣ созрѣвала эта потребность свободы и человѣческаго существованія, если онъ напоминалъ о себѣ отчаянными попытками возстаній, если, наконецъ, до насъ дошла и подѣйствовала на насъ молва объ этомъ страшномъ положеніи народа,—то наибольшая доля заслуги принадлежитъ именно этимъ болгарскимъ „революціонерамъ“.

Человѣку съ привычками нашей общественной жизни, особенно

человѣку съ нашими административными привычками, болгарскіе патріоты, особенно патріоты горячіе и откровенные, легко могли показаться polizeiwidrig не столько по самой дѣятельности ихъ (ее очень мало знали), сколько по ихъ радикальной репутаціи,—а репутацію дѣлали всего больше или сами турки, или похожіе на нихъ вѣнскіе публицисты. У насъ дома рѣдко кто имѣлъ понятіе о газетахъ и изданіяхъ болгарской эмиграціи, нашедшей пріютъ въ конституціонной Румуніи, отчасти въ Сербіи. Мало того, ихъ изданія не всегда могли даже доходить до насъ. Покойный Жинзифовъ, болгарскій писатель, жившій въ Россіи, человѣкъ надежнѣйшаго образа мыслей (онъ былъ преподавателемъ въ катковскомъ лицеѣ), въ біографіи одного изъ этихъ болгарскихъ патріотовъ-эмигрантовъ (помѣщенной въ „Поэзіи Славянъ" г. Гербеля), съ прискорбіемъ и недоумѣніемъ замѣтилъ, что его газета, возбуждавшая болгаръ къ освобожденію отъ турецкаго ига, была запрещена въ Россіи, какъ была запрещена въ Турціи [1])!

Мы совсѣмъ не знали почвы, и, однако, принялись дѣйствовать на ней съ тѣми своими предвзятыми понятіями, къ какимъ привыкли дома. Гражданское управленіе и безъ того было затруднительно во время войны и на мѣстѣ войны; оно требовало осторожности и вниманія къ особенному положенію освобождаемаго народа, на который война падала страшными тягостями и истребленіемъ и который въ то же время ждалъ отъ освободителей защиты и сочувствія къ своей національности. Тѣ восторженныя встрѣчи, какія дѣлали болгары русскимъ войскамъ и о которыхъ поразительныя подробности намъ случалось слыхать отъ очевидцевъ, эти встрѣчи даютъ понятіе о томъ, какимъ великимъ событіемъ (оно и дѣйствительно было велико) въ исторической жизни болгарскаго народа было это появленіе русскихъ для его освобожденія. Онѣ показывали такъ же, какъ *могла бы* быть могущественна русская помощь въ будущемъ, если бы мы какъ должно воспользовались тѣми національными интересами, которые были теперь пробуждены. Очевидно, что гражданское управленіе, поставленное лицомъ къ лицу съ болгарскимъ народомъ, было бы въ особенности призвано понять и поддержать эти интересы. Не знаемъ, сдѣлалъ ли что-либо въ этомъ направленіи тотъ составъ гражданскаго управленія, который собранъ былъ еще при кн. Черкасскомъ. Судя по разсказамъ и газетнымъ извѣстіямъ, большинство этого состава до тѣхъ поръ ничего не знало о Болгаріи; они ѣхали въ Болгарію, какъ въ другое время ѣхали въ Польшу, въ Ташкентъ, знали, что получаютъ власть, что должны быть исполнительны. Интересы бол-

[1]) „Поэзія Славянъ", стр. 299, 302, 308.

гарскаго народа были имъ мало извѣстны... Общее впечатлѣніе отъ того, чтó мы слышали отъ очевидцевъ и читали въ газетахъ, говоритъ, что гражданская дѣятельность наша въ Болгаріи не совсѣмъ отвѣчала величіи факта, совершавшагося въ судьбѣ болгарскаго народа, и величіи національныхъ ожиданій.

Подобное происходило и въ средѣ общества. Представителями его явились наши корреспонденты, судившіе, разумѣется, на основаніи тѣхъ понятій и того сорта свѣдѣній, какія они вывезли изъ дому. Извѣстно, что съ перваго же времени начались толки о болгарахъ очень неблагопріятные: на болгаръ нельзя полагаться; они трусы; они не патріоты; они не цѣнятъ русскихъ, даже часто имъ враждебны; они даже турецкіе шпіоны и т. д. Удивительная „легкость“ въ мысляхъ, съ какой дѣлались эти обвиненія, показывала ясно, какъ мало было въ большинствѣ общества серьёзнаго вниманія къ тѣмъ самымъ междуславянскимъ отношеніямъ, на которыхъ, однако, въ то же самое время строились самые смѣлые планы — славянство противополагалось Европѣ, и послѣдняя отдавалась презрѣнію. Было бы несправедливо винить однихъ корреспондентовъ; они были кость отъ кости общества, и то, чтó думали они, безъ сопротивленія повторяло огромное большинство ихъ читателей.

Такъ было во время войны. Но ни тогда, ни послѣ въ нашей печати, за очень немногими исключеніями, не было рѣчи о томъ, чтобы внимательнѣе выяснить общее положеніе болгарскаго народа, дѣйствіе событій, возникшія ожиданія, проявляющіеся признаки общественнаго и политическаго настроенія и т. д. Болгарія, только-что нами освобожденная, оказывалась намъ почти нисколько не интересной. Порѣшивши съ перваго раза свое мнѣніе о болгарскомъ народѣ, какъ выше указано, и потомъ слегка исправивши это мнѣніе (когда, напр., факты доказали, что болгары вовсе не трусливы на войнѣ, — а совсѣмъ напротивъ), печать удовольствовалась. Корреспонденты замолкли. Чтó дѣлается въ освобожденной Болгаріи, въ какомъ настроеніи находится болгарскій народъ, чего желаетъ, какъ идетъ гражданское управленіе,—обо всемъ этомъ до насъ доходятъ лишь отрывочные слухи, и узнаешь объ этомъ развѣ только, если пріѣдетъ съ мѣста разсудительный человѣкъ, для котораго понятна важность подобныхъ вопросовъ, или заѣдетъ мѣстный братъ-славянинъ, для котораго эти вопросы имѣютъ жизненное значеніе. Лишь изрѣдка членъ администраціи, недовольный какимъ-нибудь печатнымъ мнѣніемъ, отзовется въ газетѣ опроверженіями, заимствованными изъ свѣдѣній канцеляріи, куда, какъ извѣстно, живые факты не всегда доходятъ. Словомъ, выказывается оборотная сторона нашихъ славянскихъ восторговъ: общество не знаетъ и равнодушно къ внутрен-

нимъ вопросамъ славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ и болгаръ; кончилась война, кончилось любопытство и сочувствіе. (Почему?)

Но при сколько-нибудь серьёзномъ взглядѣ на дѣло очевидно, что именно настоящій моментъ имѣетъ чрезвычайную важность для будущихъ дѣлъ болгарскаго народа и его отношеній къ намъ, что только на гражданскомъ поприщѣ и на почвѣ дѣйствительнаго сочувствія къ внутреннимъ интересамъ болгарскаго народа могутъ быть прочнымъ и достойнымъ образомъ закрѣплены тѣ нравственно-политическія связи, для которыхъ принесены русскимъ народомъ такія великія жертвы на войнѣ.

Продолжаемъ разсуждать теоретически.

Многое будетъ зависѣть отъ того, какъ русская власть пойметъ внутреннія отношенія народа и какъ поставитъ себя относительно его. Мы упоминали, что въ этомъ отношеніи извѣстная ошибка была уже сдѣлана кн. Черкасскимъ. Русскаго администратора обыкновенно соблазняетъ мысль — управлять по своему усмотрѣнію и не терпя противорѣчія; ему кажется всего проще и спокойнѣе управлять по принципу: „строгость, строгость и строгость“, не посвящая управляемыхъ въ свои планы, не нуждаясь въ ихъ согласіи и одобреніи. Но положеніе Болгаріи внутри и внѣ совсѣмъ не таково, чтобы этотъ способъ управленія могъ быть полезенъ. Народъ „освобожденный“ долженъ же воспользоваться свободой, и есть вещи, въ которыхъ совершенно безсильна полицейская администрація и гдѣ, напротивъ, требуется именно самодѣятельность и сознательное участіе самого народа, — а такія вещи должны появиться и уже появляются въ жизни болгарскаго народа. Власть, поставленная надъ народомъ въ первое время, обязана была бы присмотрѣться къ условіямъ и потомъ только примѣнять свои заботы къ внѣшнимъ формамъ, умѣрять крайности—но никакъ не мѣшать свободному проявленію народныхъ желаній и заботъ, что̀ случалось въ гражданскомъ управленіи.

Къ сожалѣнію, именно національные вопросы намъ были всегда мало понятны: какъ общество, вслѣдствіе собственной неустановленности, мы вообще не умѣемъ держать себя съ людьми чужой національности: мы или черезъ-чуръ любезны съ иноземцами, или, напротивъ, очень мало умѣемъ уважать чужой національный характеръ Мы бывали любезны съ турками, даже тѣми, о которыхъ положительно надо было заключать, что они мучительски убивали нашихъ раненыхъ и плѣнниковъ; и въ то же время бывали черезъ мѣру строги и требовательны къ болгарамъ. Газеты передавали случаи изъ практики гражданскаго управленія, которые не свидѣтельствовали о должномъ пониманіи нашей роли въ Болгаріи; по слухамъ, были извѣстны примѣры еще худшіе. Международныя отношенія склады-

ваются не только изъ крупныхъ, но и изъ мелкихъ фактовъ, и случаи упомянутаго рода безъ всякаго сомнѣнія могутъ оказывать очень нежелательное, и прямо вредное вліяніе на наши отношенія не только тѣмъ, что невниманіе къ національнымъ потребностямъ народа можетъ внушить ему недовѣріе, но и тѣмъ, что при подобномъ невниманіи могутъ быть упущены весьма существенные интересы, касающіеся насъ самихъ.

Мы слышали, напримѣръ (не знаемъ, такъ ли это, и очень желали бы, чтобы это было разъяснено—хоть, напр., г. Иванюковымъ,—мы бы порадовались, еслибъ наши свѣдѣнія оказались неточными), что кружокъ болгарскихъ патріотовъ, въ одномъ изъ главныхъ болгарскихъ центровъ, не могъ до послѣдняго времени добиться отъ русской администраціи разрѣшенія издавать газету—въ то время, когда въ томъ же краѣ, съ турецкихъ временъ, издаются газеты греческія, прямо враждебныя и намъ, и болгарамъ. Слухъ невѣроятный. Не говоримъ о томъ, какъ вообще не „политично" было бы ставить препятствія болгарской газетной печати послѣ освобожденія, какія странныя и неблагополучныя недоумѣнія могутъ производить подобныя затрудненія въ людяхъ, которые должны считаться въ числѣ наиболѣе образованныхъ людей своего народа,—подобное стѣсненіе можетъ приносить прямой и значительный вредъ въ чисто-политическомъ отношеніи. Какую иную минуту, болѣе благопріятную, могла бы имѣть болгарская печать для начала своей новой дѣятельности, какъ не пора освобожденія, слѣдовавшаго за страшными испытаніями; какая минута была бы болѣе способна дать ей тонъ искренняго патріотизма, самопожертвованія для общаго блага, болѣе благопріятна для проповѣди единства и согласія, для заключенія тѣсной нравственной связи съ русскимъ народомъ, наконецъ, вообще для „славянской идеи", если она составляетъ что-нибудь для участниковъ событій освобожденія? Въ этотъ моментъ нужно было именно дать опору для народнаго сознанія, открыть путь для выраженія его настроенія, его нуждъ и желаній, и т. д. Замѣтимъ, что хотя уровень болгарскаго образованія еще очень невысокъ, но у болгаръ есть и теперь нѣсколько талантливыхъ и патріотическихъ дѣятелей для этого поприща, съ извѣстностью въ средѣ народа, и народная грамотность очень распространена.

Если упомянутый слухъ справедливъ, эти препятствія, полагаемыя болгарской печати, могутъ имѣть единственный источникъ въ очень распространенномъ въ нашихъ административныхъ сферахъ недовѣріи къ свободной печати. У насъ вполнѣ свободной печати не существуетъ, и это могло легко отразиться въ Болгаріи. Но если у насъ уже несомнѣнно обнаруживаются неблагопріятныя послѣдствія этого недостатка сво-

бодной печати, то въ Болгаріи онѣ являются съ другой стороны. Во-первыхъ, Болгарія есть уже международная почва, и перенесеніе нашего порядка вещей въ Болгарію было уже этимъ однимъ неудобно. Замѣтимъ, что до войны патріотическая и освободительная печать болгарская дѣйствовала, съ полной свободой, въ конституціонной Румыніи. Наконецъ,—какъ разсказываютъ,—неудобство такого порядка вещей вопіющимъ образомъ обнаруживалось тѣмъ, что въ то самое время греческая печать свободно работала — только не въ болгарскомъ и не въ русскомъ смыслѣ.

Греки и болгары—враги съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ болгары въ первый разъ явились на Балканскомъ полуостровѣ. Эта вражда наполняетъ всю болгарскую исторію. Единство церкви не примирило двухъ народовъ, и даже въ древней Руси утвердилось мнѣніе о „льстивости", т.-е. фальшивости грековъ. Въ послѣдніе вѣка, во времена фанаріотскаго господства, церковная зависимость болгаръ отъ константинопольскаго патріарха стала источникомъ самой возмутительной эксплуатаціи болгаръ греками, и угнетеніе обновило старую вражду, которая дошла до крайняго ожесточенія. Наконецъ, болгары возстали противъ фанаріотскаго ига, и борьба кончилась основаніемъ независимаго болгарскаго экзархата (1871—72). Эта борьба была въ послѣднія десятилѣтія однимъ изъ первыхъ проявленій народнаго движенія въ средѣ болгаръ, которые выказали здѣсь большую энергію. Теперь эти враждебныя отношенія между двумя племенами являются съ другой стороны—на почвѣ чисто-политической, въ спорѣ о территоріи. До тѣхъ поръ, пока господствовали турки, этотъ споръ не могъ дойти до открытаго выраженія: чья бы ни была земля, для турокъ было рѣшительно все равно, потому что они обирали бы ее одинаково. Но споръ, однако, былъ уже и тогда: фанаріотская іерархія, она же и дипломатія, ждала, что когда-нибудь настанутъ другія времена, мечтала о возстановленіи византійской имперіи, и нужно было во что бы то ни стало распространять территорію греческаго племени — для будущаго. Та Македонія, которой присоединеніе къ Болгаріи теперь оспаривается, была въ особенности мѣстомъ этой національной пропаганды. Здѣсь греки-фанаріоты, благодаря присутствію небольшого процента греческаго населенія, всего сильнѣе мѣшали болгарскому національному движенію, мѣшали основанію школъ болгарскихъ, навязывали греческія—и не безуспѣшно: въ Македоніи болгарское движеніе было болѣе слабо, чѣмъ въ другихъ областяхъ, и здѣсь больше чѣмъ гдѣ-нибудь болгары теряли свою національность, по крайней мѣрѣ, выучившись по-гречески, желали казаться греками. Греки внушали, что болгары есть собственно греки, забывшіе свой языкъ подъ вліяніемъ „варваровъ". Но край, однако, не-

сомнѣнно болгарскій: большинство населенія его—чистые болгары, и въ настоящую минуту для болгаръ вопросъ о присоединеніи Македоніи къ Болгаріи, или нѣтъ, есть капитальный національно-политическій вопросъ. Македонскимъ болгарамъ предстоитъ — или принадлежать къ своему болгарскому государству, или подчиниться грекамъ, которые не станутъ съ ними особенно церемониться. Относясь враждебно къ болгарамъ, греки въ послѣднихъ политическихъ комбинаціяхъ стали на сторонѣ враговъ санъ-стефанскаго договора... Въ *этихъ* условіяхъ болгары (какъ говорятъ) встрѣчали затрудненія для изданія газеты въ свою защиту, газеты, которая, безъ сомнѣнія, съумѣла бы разсказать факты и защитить интересы своего народа; а греки свободно издаютъ свои газеты!.. Очевидно, что, ставя затрудненія болгарской печати, наша администрація доставитъ великое удовольствіе грекамъ и г. Лейярду.

Повторяемъ, что мы говорили на основаніи слуховъ — наши корреспонденты подобными предметами не интересуются и ничего о нихъ не говорятъ. Желательно было бы, чтобы разъяснилось это дѣло: еслибъ оно было дѣйствительно такъ, то это была бы плохая услуга не только болгарскому, но и русскому дѣлу.

На „гражданскомъ управленіи" лежитъ, безъ сомнѣнія, много заботы, но одна изъ первостепенныхъ должна бы быть забота о томъ, чтобы вызвать къ дѣятельности именно нравственно-политическія силы народа. Въ такихъ особенныхъ условіяхъ страны, послѣ событій, перервавшихъ „порядокъ" вещей, тянувшійся половину тысячелѣтія, при очень серьёзныхъ опасностяхъ, грозящихъ, какъ теперь ясно, едва завоеванной свободѣ, нельзя ограничиться канцелярскимъ и полицейскимъ управленіемъ: надо осуществить эту свободу, надо поднять духъ народа, указать, если нужно, предстоящіе ему труды и опасности... Намъ кажется, что въ указаніяхъ нѣтъ даже надобности; лучшіе и образованнѣйшіе изъ болгаръ, безъ сомнѣнія, сами оцѣниваютъ положеніе вещей и сами очень желали бы работать для своей родины —надо было только дать просторъ для ихъ самодѣятельности. Наше упущеніе или медлительность въ этомъ отношеніи можетъ отразиться невыгодами очень серьёзными. Не будемъ говорить о томъ, что Россіи дѣлаются ядовитые укоры въ неспособности къ дѣйствительному освобожденію балканскаго христіанства, и эту нашу медлительность можетъ злостно эксплуатировать будущій конгрессъ или какое другое дипломатическое разбирательство балканскихъ дѣлъ. Намъ нужно своею дѣятельностью въ Болгаріи, во-первыхъ, обезпечить тѣ политическія пользы, какія могутъ и должны бы слѣдовать изъ нашихъ отношеній къ Болгаріи,—а этого, въ особенности, слѣдовало бы достигать установленіемъ внутренней, нравственной, образовательной

связи болгарскаго народа съ русскимъ обществомъ—для чего настоящая минута представляетъ множество благопріятныхъ условій и поводовъ; во-вторыхъ, приготовить болгарскій народъ къ его самобытному политическому бытію, которое раньше или позже должно начаться.

Надъ Болгаріей уже издавна собираются коршуны, которые желаютъ эксплуатировать народъ, считаемый малолѣтнимъ. На этихъ дняхъ мы читаемъ въ одной газетѣ изложеніе плановъ австро-венгерской политики, по которымъ слѣдуетъ, что Румынія, Сербія, Черногорія и *всѣ* вообще турецкія провинціи, отдѣлившіяся отъ Порты и входящія въ сферу К.-К. интересовъ, должны быть преобразованы въ конфедерацію, подъ гегемоніей Австро-Венгріи. У насъ обыкновенно съ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ говорятъ о подобныхъ планахъ, считая ихъ злостной, но безсильной затѣей; но затѣя вовсе не такъ легкомысленна. Довольно того уже, что Австрія, не потративши ни одного заряда, собирается получать Боснію и уже грозитъ Сербіи и Черногоріи. Нѣмецкій „Drang nach Osten" давно уже намѣтилъ себѣ Болгарію, и должно замѣтить, что нѣмецкое стремленіе на востокъ не есть только мечтаніе однихъ нѣмецкихъ шовинистовъ, вѣнской дипломатической канцеляріи, задорной военщины или самодовольнаго бюргерства, это—всеобщее убѣжденіе, которое дѣлитъ и князь Бисмаркъ, и соціалистъ Лассаль (въ обнародованной недавно перепискѣ Лассаля съ однимъ изъ его друзей, Лассаль высказываетъ увѣренность, что Балканскій полуостровъ станетъ достояніемъ нѣмецкаго рабочаго). Эти мечты могутъ пока оставаться мечтами, но мы видимъ на фактахъ, что подобныя мечты способны опредѣлять и реальную политику государствъ и, слѣдовательно, уже дѣлаютъ свое дѣло. Сила ихъ въ томъ, что эти мечты имѣютъ свою основательную подкладку въ національной выдержкѣ нѣмца, въ пониманіи обстоятельствъ, въ способности къ упорному труду... Мы, съ своей стороны, тоже мечтаемъ, но совсѣмъ о другомъ—именно о созданіи славянской цивилизаціи; но, пока мы спимъ надъ ней, нѣмцы внимательно изучаютъ Балканскій полуостровъ, будущее поприще завоеваній нѣмецкаго рабочаго (даже славянскіе ученые, какъ недавно Иречекъ, написавшій первый цѣльную болгарскую исторію, работаютъ на нѣмецкую же литературу). Этотъ рабочій и будетъ правъ въ своихъ завоеваніяхъ, если дѣло будетъ стоять такъ, что ему будетъ открыта туда дорога. За рабочимъ, конечно, заглянетъ и будущій князь Бисмаркъ... Если мы, съ своей стороны, мечтаемъ о славянской цивилизаціи и славянскомъ союзѣ, то намъ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать силы племенныхъ сочувствій, на которыя мы разсчитываемъ въ своихъ отношеніяхъ съ Болгаріей, и подумать также

другими средствами сохранить членовъ будущаго союза и дѣятелей будущей цивилизаціи.

Возвращаясь изъ области мечтаній къ дѣйствительности, мы находимъ въ политическихъ дѣлахъ, цѣль которыхъ—Балканскій полуостровъ, такое столкновеніе интересовъ, которое уже со времени заключенія санъ-стефанскаго мира грозитъ разрѣшиться войной... Въ нашихъ газетахъ читаются (въ первыхъ числахъ мая) такія извѣстія съ мѣста, свои и иностранныя:

„Одно ясно, что съ часу на часъ нужно ожидать чего-то; но это ожиданіе не успокоиваетъ".

„Тотлебенъ повторяетъ: такое положеніе невыносимо; оно должно кончиться такъ или иначе" (иностранное извѣстіе).

„Въ Адріанополѣ неспокойно. Слухъ о башибузукахъ сильно волнуетъ какъ тамошнее христіанское населеніе, такъ и стоящія тамъ наши (русскія) войска. По городу постоянно ходятъ сильные патрули для предупрежденія могущихъ быть безпорядковъ".

Настроеніе враговъ относительно болгаръ слѣдующее: въ разныхъ округахъ Малой-Азіи жило множество болгарскихъ пастуховъ и владѣльцевъ стадъ. „Они готовятся теперь выселиться, чтобы избавиться отъ ежедневнагѡ грабительства. Говорятъ, что черкесы дали себѣ слово убивать и грабить всѣхъ болгаръ, которыхъ встрѣтятъ по пути".

Ничѣмъ не хуже въ *самой Болгаріи*. „Болгары весьма *охотно* поступаютъ въ военную службу (въ пополненіе болгарской дружины). За то мусульманская часть населенія относится къ созданію болгарской военной силы съ крайней *ненавистью*. Такъ, на прошлой недѣлѣ мусульмане одного изъ округовъ зарѣзали восемь односельцевъ-болгаръ, вынувшихъ жребій; въ другихъ округахъ мусульмане также грозятъ перебить рекрутовъ прежде, чѣмъ они успѣютъ вооружиться". Это—побѣжденные и покоренные турки, ради безопасности которыхъ болгаръ мы *обезоруживали*, какъ говорятъ.

О родопскомъ возстаніи, которое оказывается вовсе не столь ничтожнымъ, какъ говорили, читаемъ въ „Daily News": „Паша, которому поручено было умиротворить мусульманское населеніе, говоритъ *открыто*, что онъ употребитъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы произвести противоположное дѣйствіе, что онъ будетъ ихъ возбуждать продолжать безпорядки".

О томъ же, въ „Times": „Правда, что инсургенты не въ состояніи прервать линію сообщенія (между Адріанополемъ и Софіей—это приблизительно тамъ же, гдѣ происходили страшныя избіенія болгаръ въ 1876 году!) окончательно; но не успѣютъ ихъ прогнать изъ одного пункта, какъ они пробираются въ другой. Русскіе объясняютъ

свои сравнительно неудачныя дѣйствія тѣмъ, что они пріостановили энергическія операціи противъ инсургентовъ, желая дать возможность дѣйствовать турецкимъ коммиссарамъ, не растравляя борьбы". О турецкомъ коммиссарѣ разсказали выше „Daily News".

О Шумлѣ и Варнѣ. „Турки затягиваютъ сдачу Шумлы и Варны, а на-дняхъ пріѣхали (въ Рущукъ) изъ Шумлы благонадежные болгары и разсказываютъ, что сераскеріатъ прислалъ въ Шумлу депешу, въ которой извѣщаетъ о рѣшенномъ вопросѣ (!) удаленія русскихъ изъ Болгаріи, которая опять возвращается подъ власть турокъ. Депеша эта была выставлена для прочтенія въ Шумлѣ и Варнѣ, между прочимъ, на дверяхъ англійскаго консула... Турки утверждаютъ, что союзъ съ Англіей заключенъ. Насколько въ этомъ правды, вамъ, вѣроятно, лучше извѣстно, но болгары очень *встревожены*. Они *безпокоятся*, почему не собираютъ *болгарскаго ополченія*. Можетъ быть, на счетъ этого и сдѣланы какія-нибудь распоряженія, но въ Рущукѣ никакихъ къ тому приготовленій не видно. Турецкая администрація въ шумлинскомъ и варненскомъ округахъ (NB. болгарскихъ) собираетъ налоги *еще за годъ впередъ*. Англійскій консулъ вербуетъ черкесовъ на службу".

Потомъ мы читаемъ о формальныхъ сраженіяхъ съ инсургентами около Филиппополя. Мусульмане возстаютъ въ самомъ центрѣ забалканской Болгаріи, какъ будто для доказательства того, что за Балканы „этнографически" не должна идти граница болгарскаго княжества. Далѣе, сообщается, что нѣчто въ родѣ возстанія производится на сѣверѣ, между Сливномъ и Казаномъ, опять на почвѣ болгарской—по большинству населенія.

Наконецъ, какъ разсказываютъ, употребляется еще одинъ пріемъ, нелишенный ума и ловкости. Утверждаютъ, что англійскіе коммиссары пугаютъ огреченныхъ болгаръ (вовсе нерасположенныхъ защищать болгарскіе интересы, какъ ихъ вовсе не желали защищать такъ-называемые „чорбаджія") наборомъ въ войско и предлагаютъ свое покровительство, если бы они протестовали, что ихъ насильно занесли въ число болгаръ. Это дѣлается не въ Филиппополѣ, а въ Константинополѣ, куда и отправляются толпами эти протестанты. „Въ каждомъ гречеекомъ приходѣ Царьграда открыто бюро; туда идутъ дезертиры-ренегаты, записываютъ свои протесты и удостовѣряютъ, что они греки. Когда окончится собираніе подписей съ многочисленными автобіографіями и прописаніемъ измышленныхъ генеалогическихъ деревьевъ, долженствующихъ доказать несомнѣнность греческаго происхожденія подписавшихъ, будетъ готовъ протестъ. Онъ разошлется въ копіяхъ всей Европѣ, дабы убѣдить послѣднюю въ необходимости замѣнить русскую оккупацію Болгаріи—европей-

ской, уменьшить границы княжества, какъ захватывающія столько греческаго элемента, и т. д. Эллинскія газеты забарабанятъ набатъ по поводу ужасныхъ притѣсненій, дѣлаемыхъ русскими властями грекамъ; приведутъ протестъ, какъ доказательство варварскаго намѣренія ославянизировать болгарскихъ грековъ и, въ заключеніе, воспоютъ хвалебный гимнъ спасителямъ-англичанамъ. Не удивляйтесь, читатель (говоритъ корреспондентъ), что я съ такой легкостью описываю будущія послѣдствія протеста. Здѣсь знаетъ ихъ всякій, кромѣ, конечно, тѣхъ, которые *умышленно, ради собственнаго спокойствія, игнорируютъ факты*" (русское извѣстіе).

Неужели это послѣднее надо отнести къ гражданскому управленію Болгаріи? Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, относится прямо къ его вѣдѣнію; дѣйствовать противъ этой интриги,—или же дать возможность самимъ болгарамъ дѣйствовать противъ нея,—было бы именно дѣломъ гражданскаго управленія.

Наконецъ, еще новыя извѣстія:

Въ Старой-Сербіи, оставшейся въ рукахъ турокъ, Гафизъ-паша „получилъ приказаніе вербовать какъ можно больше албанцевъ (это —племенные и религіозные, и совсѣмъ дикіе враги балканскихъ славянъ) и бродячихъ мусульманъ съ востока и юга позиціи, которые и послужатъ связью съ обоими театрами возстаній". Вслѣдствіе того, Гафизъ-паша изъявляетъ надежду имѣть въ скоромъ времени подъ своей командой до 100,000 разнаго сброда" (иностранное извѣстіе).

На Мраморномъ морѣ „англичане предвидѣли поставленіе вопроса ребромъ *и приготовились* отвѣчать на него".

Въ разныхъ мѣстностяхъ Болгаріи, по иностраннымъ извѣстіямъ, „въ бандахъ инсургентовъ замѣтно сильное движеніе, заставляющее предполагать, что они замышляютъ напасть на русскія войска". „Не подлежитъ вообще сомнѣнію, что греческое населеніе страны не только поголовно сочувствуетъ туркамъ, но что уже болѣе 2000 человѣкъ находятся въ рядахъ родопскихъ инсургентовъ".

Ожидается нападеніе башибузуковъ на Сербію.

Австрійцы заняли крѣпость Ада-Кале (клиномъ между Болгаріей и Сербіей).

Телеграмма изъ Лондона сообщаетъ, что „по соглашенію", размѣры новой Болгаріи сокращены „менѣе чѣмъ на половину противъ первоначально предположеннаго ея объема".

Слухъ можетъ быть не достовѣренъ; потому что по смыслу его слѣдовало бы думать, что Болгарія забалканская будетъ опять отдана туркамъ; зачѣмъ же было намъ переходить Балканы? Но этотъ слухъ очень ясно рисуетъ, какая серьёзная опасность можетъ грозить свободѣ болгарскаго народа.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, идутъ громадныя англійскія, а также турецкія, приготовленія къ войнѣ, въ которой одною изъ главныхъ сценъ опять несомнѣнно была бы недоосвобожденная Болгарія; съ другой—ведется подкопъ подъ самую болгарскую національность, поддѣлывается этнографія и мнимыя желанія населенія, съ помощью которыхъ будутъ спорить противъ границъ болгарскаго народа и оттягивать отъ предполагаемаго княжества цѣлую его половину (забалканскую). Въ это время съ русско-болгарской стороны мы слышимъ только, что въ Болгаріи „объявленъ наборъ въ 9000 рекрутъ" въ прибавленіе къ прежней шести-тысячной дружинѣ, отъ которой, вѣроятно, осталось очень немного послѣ Шипки и балканскаго похода; кромѣ того, мы не слышимъ ничего о томъ, что̀ дѣлается съ болгарской стороны, или, точнѣе, со стороны гражданскаго управленія, чтобы противодѣйствовать интригамъ и серьёзнымъ опасностямъ (намъ говорятъ даже, что это „игнорируется") и мы слышимъ еще о затрудненіяхъ для болгарской печати.

Образчики нынѣшнихъ извѣстій приведены нами за пять-шесть дней безъ выбора. Если отдать извѣстный процентъ на неточности, все-таки несомнѣнно одно, что турки и англичане очень не церемонятся съ результатами войны и нашихъ побѣдъ, и что Болгаріи грозятъ серьёзныя опасности.

Должно ли и можетъ ли оставаться это положеніе вещей безъ соотвѣтственныхъ мѣръ *въ самой Болгаріи?* По нашему убѣжденію, не должно и не можетъ, и такихъ мѣръ есть двѣ: во-первыхъ, вооруженіе болгарскаго народа; во-вторыхъ, предоставленіе свободы его общественно-національнымъ стремленіямъ.

— Такъ вы хотите новой войны?—скажутъ намъ:—жаль будетъ, конечно, если Россія не успѣетъ сохранить всего пріобрѣтеннаго ея побѣдами; но она принесла достаточную жертву для славянскаго народа и имѣетъ право на отдыхъ, хотя бы и утративъ часть пріобрѣтеннаго.

Что касается вопроса: воевать или не воевать, мы не брались за его рѣшеніе, да и наши хлопоты объ его рѣшеніи были бы вѣроятно, безплодны. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на одну сторону дѣла, которая, повидимому, не была достаточно оцѣнена, и въ теченіи войны, и въ особенности теперь. Россія дѣйствительно принесла тяжелыя жертвы; но теперь могъ бы и долженъ бы быть призванъ раздѣлить ихъ самъ болгарскій народъ. Онъ долженъ быть *вооруженъ*.

Въ теченіи войны можно было не думать объ этомъ и не разсчитывать на силы болгарскаго народа (хотя въ прежнихъ войнахъ на

это обыкновенно разсчитывали): территорія еще не была въ нашихъ рукахъ; среди военной тревоги могло быть трудно собирать ополченіе, и сдѣланный ранѣе наборъ болгарской дружины могъ считаться достаточнымъ участіемъ народа въ дѣлѣ. Но совсѣмъ иное дѣло теперь. При всемъ миролюбивомъ поворотѣ нашей политики, мы все-таки ждемъ войны: идутъ слухи о сосредоточеніи войскъ къ юго-западной границѣ, собираются деньги на крейсерскій флотъ, обновились толки объ Индіи, оффиціально указываютъ на „сильнаго врага, обладающаго могущественными средствами"; въ то же время на Балканскомъ полуостровѣ очень неспокойно; въ границахъ самой Болгаріи поднимается и поощряется изъ Константинополя мусульманское возстаніе; болгарскій народъ въ тревогѣ, слишкомъ понятной и, какъ говорятъ, самъ желаетъ вооруженія, что̀ было бы совершенно естественно.

И это необходимо сдѣлать; вопросъ идетъ о будущей судьбѣ цѣлаго народа, и оставлять его безъ участія въ возможной борьбѣ за его политическое существованіе странно и — вредно. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи онъ не имѣетъ иниціативы, и было бы нравственнымъ требованіемъ — открыто заявить ему положеніе вещей и призвать его къ защитѣ его собственной свободы и цѣлаго будуща́го. Десять-двѣнадцать тысячъ „дружины" не есть войско. Размѣры нынѣшнихъ битвъ таковы, что это число людей можетъ исчезнуть въ первомъ большомъ сраженіи. Но Болгарія можетъ поставить въ десять разъ больше войска, чѣмъ эта „дружина", и какъ ни велика русская армія, подобный вспомогательный отрядъ могъ бы сослужить полезную службу. Это войско, поставленное соотвѣтственно обстоятельствамъ, могло бы быть прочной силой потому уже, что оно было бы проникнуто національнымъ чувствомъ и сознаніемъ великости борьбы. Вооруженный народъ произвелъ бы внушающее впечатлѣніе.

Повторяемъ, что вооруженіе болгаръ было бы нашей нравственной обязанностью. Положеніе серьёзно, и нельзя скрывать этого отъ тѣхъ, на комъ могутъ лечь новыя испытанія, первыя и наиболѣе тяжкія бѣдствія хотя бы частной неудачи, которая возможна. Россія сдѣлала уже довольно много, чтобы призвать и самихъ болгаръ къ защитѣ ихъ земли и свободы. Мы говоримъ и хлопочемъ о „вооруженіи крейсеровъ", и никто доселѣ не сказалъ ничего о вооруженіи болгарскаго народа!

Да и будетъ ли заслуживать свободы народъ, получающій ее чужими руками, какъ милостыню? Если онъ и будетъ заслуживать ее „по человѣчеству", то онъ не удержитъ ея, какъ скоро освободитель уйдетъ, и народъ останется на своихъ рукахъ. „Освобожде-

ніе Болгаріи"—не такая вещь, которая можетъ быть сдѣлана послѣ войны только, такъ сказать, административно-полицейскимъ распоряженіемъ, безъ спроса народа, мимо его; напротивъ, оно можетъ стать дѣйствительнымъ только народными силами. Значеніе войны уже оспаривается нашими политическими врагами; это—и враги свободы болгарскаго народа. Остается одно — сказать народу прямо, о чемъ идетъ рѣчь, какія грозятъ опасности, какія нужны усилія; быть можетъ, народъ отвѣтитъ энергическимъ рѣшеніемъ защищаться, хотя бы одному.—Неужели ждать, что опять появятся орды башибузуковъ и будутъ вырѣзывать города и села, обезоруженныя нами изъ тонкой деликатности къ туркамъ?

Кромѣ осязательной необходимости защиты, вооруженіе необходимо и для воспитанія національнаго духа. До сихъ поръ „политическая жизнь" болгарскаго народа была такова, что его національное сознаніе было только сознаніемъ угнетенія политическаго и религіознаго, и обнаруживалось только отдѣльными отчаянными попытками сопротивленія. Это подавленное состояніе національнаго чувства, невозможность высшаго образованія, сколько-нибудь свободной литературы, самымъ основательнымъ образомъ мѣшали развитію народныхъ силъ, и въ частности способствовали угнетенію болгарской народности эллинизмомъ въ Македоніи и Ѳракіи. Освобожденіе подняло народное настроеніе болгаръ, но чтобы этотъ подъемъ былъ проченъ, народныя силы должны быть собраны и испытаны на реальномъ народномъ дѣлѣ (конечно, теперь подъ русскимъ руководствомъ). Національная война всегда поднимаетъ народное сознаніе и возбуждаетъ нравственную энергію, которая послужитъ потомъ и опорой для внутренняго развитія.

Могутъ сказать, что вооруженіе болгарскаго народа, о какомъ мы говоримъ, трудно уже тѣмъ, что потребовало бы огромнаго расхода, что въ наше время безполезны недостаточно обученныя войска, неполное вооруженіе и организація и т. д. Но случай — крайній, и слѣдовало бы сдѣлать хоть то, что возможно, предоставивъ и самому народу искать средствъ и оружія. Когда Сербія начинала свое освобожденіе, у народа не было вооруженія; начали борьбу простые поселяне—и достигли своей цѣли. Народная борьба за свободу создаетъ такія средства, о какихъ не можетъ мечтать полицейская администрація.

Итакъ, вооруженіе болгарскаго народа необходимо и по серьёзности внѣшнихъ обстоятельствъ, и по нравственному соображенію, что наилучшимъ средствомъ для воспитанія національнаго духа будетъ то, когда народъ самъ поработаетъ для своего освобожденія, пріучится разсчитывать на собственныя силы. Въ томъ же смыслѣ чрезвычайно

важно другое требованіе, о которомъ мы говорили передъ тѣмъ. Внутри долженъ быть данъ весь просторъ національно-общественной самодѣятельности, и особенно печати. Неужели мѣстная администрація не обратила на это вниманія или, по старымъ привычкамъ, сочла эту самодѣятельность ненужной или даже „вредной?“ Въ обоихъ случаяхъ, и въ послѣднемъ особенно это была бы самая печальная ошибка, которая принесла бы уже не воображаемый, а самый настоящій вредъ и болгарамъ, и намъ, какъ въ данную минуту, такъ и для всей нашей роли въ славянствѣ. Народъ нельзя держать на помочахъ, и, давши ему высказаться, сама администрація могла бы лучше узнать его настроеніе, чѣмъ пользуясь только частными свѣдѣніями, неизбѣжно отрывочными, окрашенными разсчетомъ, лестью или обманомъ. Если боятся, чтобы печать не нарушила оффиціальнаго положенія, что „все обстоитъ благополучно“, то пусть лучше неблагополучіе указано будетъ доброжелательными людьми, т.-е. самими болгарами,—и могло бы быть исправлено, прежде нежели воспользуются имъ враги, отъ которыхъ оно, разумѣется, не ускользнетъ. Если опасаются выраженій неудовольствія, или, наоборотъ, крайностей патріотическихъ, то лучше, если то или другое найдетъ гораздо болѣе умѣренное выраженіе въ печати, чѣмъ неумѣренное въ устныхъ толкахъ населенія. На высказанную мысль, если она неправильна, можно отвѣчать спокойнымъ разъясненіемъ; невысказанная только плодитъ и усиливаетъ раздраженіе. (Читатель прерветъ насъ замѣчаніемъ, что все это очень извѣстно, и что объ этомъ нечего распространяться; мы скажемъ въ отвѣтъ, что господствующіе у насъ,—и по слухамъ, въ болгарскомъ управленіи,—взгляды и обычаи предполагаютъ, что это не совсѣмъ извѣстно). Для болгарскаго народа свободная печать и свободныя собранія были бы средствомъ укрѣпить національное единство, для котораго доселѣ не было никакихъ органовъ, выдти изъ частнаго провинціализма къ общенародному сознанію. Въ прежней болгарской эмиграціи, которая была передовой партіей, боровшейся за освобожденіе, эта потребность свободнаго слова уже успѣла развиться и перейти ко всѣмъ образованнѣйшимъ болгарамъ. Для русской администраціи было бы позоромъ, если бы болгарамъ, когда у нихъ должно быть свое отечество, пришлось опять думать о Румыніи, какъ мѣстѣ для ихъ свободнаго слова. Это способно было бы возбудить недовѣріе, очень странное при нашемъ „братствѣ“. Для тѣхъ, кто желалъ бы повредить русскому авторитету въ славянствѣ, это былъ бы фактъ самый пріятный, и слишкомъ пренебрегать этими врагами было бы неблагоразумно.

Неужели, наконецъ, въ нынѣшнемъ положеніи вещей можно опасаться отъ болгарской печати чего-нибудь вреднаго или опаснаго

для насъ? Не будетъ ли она, напротивъ, исполнена выраженій сочувствія и признательности къ русскому народу и государству?

Наша печать до сихъ поръ молчала объ этихъ предметахъ; но пора обратить на нихъ вниманіе. О взглядахъ высшаго правительства на способъ временнаго управленія Болгаріи мы почти не знаемъ, и ихъ не касаемся; но обществу надо бы выяснить себѣ вопросъ, какъ же, наконецъ, мы должны относиться къ славянскимъ „братьямъ“ и „братушкамъ“. Мы указывали прежде, какія странныя понятія о нашемъ отношеніи къ славянству обнаружились еще во время сербской войны и „добровольцевъ“. Наши славянскіе патріоты стали посматривать на Сербію свысока; трактовали сербскихъ министровъ какъ дома не осмѣливались бы трактовать экзекутора въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; замѣчали, что сербы—не имѣютъ славянскаго типа (!); ташкентцы, которые, къ сожалѣнію, также плодъ русскаго общества, и представители которыхъ тоже отправлялись освобождать сербовъ, поступали какъ извѣстно; намекалось, что „на народный взглядъ“ Сербія есть только бѣлградская губернія, и т. д. Съ болгарами та же исторія. Еслибъ намъ пришлось имѣть дѣло съ чехами, и на ихъ долю досталось бы вѣроятно то же. Словомъ, въ массѣ общества, прослышавшей впервые о славянахъ, и въ самой печати, не ушедшей дальше понимания этой массы, господствовало относительно славянства грубое самодовольство, которое должно было не только дѣйствовать тяжело на славянъ, но даже въ серьёзныхъ людяхъ между ними внушать опасенія: должно же, думали славяне, что-нибудь означать эти высокомѣрныя притязанія; не есть ли это только отраженіе того, что̀ думаетъ масса общества, что́ думаетъ государство?

На чемъ же должны основаться наши отношенія къ славянству, и въ частности, въ настоящую минуту, къ болгарамъ? Отрицательно, они не должны основываться, во-первыхъ, на фантастическомъ и ребяческомъ представленіи о томъ, что мы съ славянствомъ должны основать новую цивилизацію, которая превзойдетъ европейскую. Для этой будущей цивилизаціи еще не видно данныхъ, пока наша настоящая цивилизація очень хромаетъ и дома, пока славянскія племена на югѣ и западѣ еще не свободны отъ внѣшняго политическаго рабства. Это притязаніе уже успѣло у многихъ служить помѣхой, — и вообще питаетъ фантазію въ ущербъ здравому смыслу. Наконецъ, будущая цивилизація [illegible] [illegible] будетъ не такъ скоро, какъ мечтается людямъ, и слѣдовательно, въ ожиданіи можно бы заняться болѣе насущными вопросами. Во-вторыхъ, они не должны основываться на столько же превратныхъ притязаніяхъ господствовать надъ славянскими братьями. Въ „братьяхъ“ это притязаніе произ-

водитъ положительно непріятное впечатлѣніе, и, кромѣ того, что оно способно ослабить „братскія“ чувства, оно не оправдывается пока нашимъ собственнымъ внутреннимъ состояніемъ. Въ разныхъ отношеніяхъ наше общество, образованность, литература несравненно выше всѣхъ славянскихъ; но когда мы говоримъ или думаемъ о нашемъ превосходствѣ или господствѣ, — можемъ ли мы быть увѣрены, что станутъ господствовать именно лучшіе элементы нашей общественности? Нѣтъ, не можемъ. Напримѣръ, лучшія стороны русской литературы не могутъ господствовать уже потому, что онѣ вовсе не обезпечены у себя дома. Мы имѣли не одинъ случай убѣждаться, что образованнѣйшихъ людей изъ южнаго и западнаго славянства именно приводитъ въ сомнѣніе и недоумѣніе эта неопредѣленность нашего внутренняго развитія: они не знаютъ, какъ судить о русскомъ обществѣ, гдѣ его дѣйствительное историческое теченіе, какъ сообразиться съ тѣмъ, что́ въ немъ совершается столь несходнаго, насколько могутъ они положиться на лучшія, сочувственныя имъ стороны русской жизни, или насколько должны остерегаться или, только по необходимости, мириться съ тѣми, какія имъ несочувственны.

Положительно, наши отношенія къ славянству должны основываться на признаніи ихъ національной личности и права. Думать, что единство можетъ быть достигнуто какимъ-нибудь насильственнымъ (все-равно, въ администраціи или въ литературѣ) навязываніемъ русскихъ формъ, нравовъ, языка и т. п. есть грубое и вредное заблужденіе. Это насильственное навязываніе не столько распространяетъ русскую стихію, сколько возбуждаетъ противъ себя реакцію, и, стало-быть, ведетъ совсѣмъ къ противоположному результату. Единство образованности, политическихъ и общественныхъ стремленій не можетъ достигаться противъ воли самихъ обществъ, и, напротивъ, можетъ быть пріобрѣтено только добровольнымъ движеніемъ. Гораздо сильнѣе тѣ аргументы въ пользу единства, какіе явятся среди самихъ славянъ, нежели тѣ, какіе мы будемъ придумывать для нихъ, безъ ихъ спроса и не подозрѣвая, что многое изъ такихъ нашихъ разсужденій можетъ казаться имъ совсѣмъ иначе. Большинство нашихъ проповѣдниковъ единства, не имѣя въ собственной общественности никакой иниціативы, не умѣя понять собственнаго положенія, привыкли думать, что единство общественное, политическое, образовательное есть единство шаблона, формы, мундира; ихъ оскорбляетъ или обижаетъ разнообразіе, стремленіе славянскихъ братьевъ къ самостоятельности, независимости, къ развитію мѣстной особенности. Объединители этого сорта напоминаютъ

щедринскаго Угрюмъ-Бурчеева, которому такъ нравилось единообразіе: ему мѣшала рѣка въ его шествіи—и онъ велѣлъ засыпать рѣку.

Въ недавно явившейся статьѣ г-на Иванюкова намъ пріятно было найти извѣстіе, что принципомъ кн. Черкасскаго въ гражданскомъ управленіи Болгаріей было „самое энергическое самоуправленіе". Его время было трудное, и этимъ, вѣроятно, объясняется то, что, какъ говорятъ, этотъ принципъ не вполнѣ имъ выдерживался. Его преемники въ управленіи пользуются болѣе спокойными временами, и очень желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, теперь упомянутый принципъ—совершенно правильный и заслуживающій всякаго уваженія—былъ выполненъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Въ настоящемъ случаѣ г. Иванюковъ сдѣлалъ бы большое удовольствіе намъ —и, вѣроятно, всѣмъ читателямъ—если бы съ той же готовностью, какую обнаружилъ въ своей статьѣ, выяснилъ тѣ сомнѣнія и недоумѣнія, о которыхъ мы здѣсь говорили.

А. П.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Закрытіе германскаго сейма.

Въ то время какъ въ послѣднія недѣли вопросъ о войнѣ и мирѣ пріобрѣлъ, такъ-сказать, хроническій характеръ, въ Германіи обратило на себя вниманіе всей Европы событіе болѣе остраго свойства: германскій сеймъ заявилъ свою самостоятельность передъ имперскимъ правительствомъ, и притомъ по такому случаю, когда всего менѣе можно было ожидать отъ него подобнаго заявленія. Сеймъ отвергъ составленный прусскимъ министерствомъ и исправленный союзнымъ совѣтомъ проектъ закона объ ограниченіи соціальныхъ демократовъ въ пользованіи общею свободой печати и общимъ правомъ составлять союзы и собранія. Предыдущая исторія сейма, представлявшаго собою единеніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ, доселѣ не представляла примѣра такой единодушной и рѣшительной оппозиціи съ его стороны. Имперскій германскій сеймъ—прямой наслѣдникъ бывшаго сѣверо-германскаго союзнаго сейма и продолжа-

тель его политической практики. Въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, главной руководящей мыслью этой практики было признаніе за центральной властью союза или имперіи временнаго диктаторства, оправдываемаго цѣлью объединенія.

Германскій сеймъ, по самому смыслу учрежденій, не представляетъ въ себѣ дѣйствительнаго средоточія союзной власти. Достаточно напомнить, что онъ лишенъ возможности подчинять себѣ политику исполнительной власти уже потому, что власть эта не организована въ видѣ полнаго, отвѣтственнаго передъ сеймомъ министерства. Но имперскій сеймъ въ наиболѣе рѣшительныхъ случаяхъ отказывался и отъ той самостоятельности, которая ему безспорно принадлежитъ, въ силу союзной конституціи. Князь Бисмаркъ сказалъ однажды, что Германію нужно только поднять въ сѣдло, а тамъ она ужъ сама поскачетъ. Но доселѣ вся дѣятельность, какъ имперскаго канцлерства, такъ и имперскаго сейма, все еще была посвящена этому „подъему Германіи въ сѣдло", въ которомъ она, повидимому, все еще не укрѣпилась, такъ какъ для быстраго аллюра впередъ не предвидится еще никакой возможности.

Большинство представителей въ германскомъ сеймѣ принадлежитъ къ партіямъ національ-либеральной и прогрессистской, которыхъ идеалы заключаются въ парламентаризмѣ, то-есть въ такой теоріи, которая требуетъ, чтобы правительство было только исполнительной властью, чтобы вся политика его и самый составъ зависѣли отъ однихъ внушеній народнаго представительства. Но доселѣ, во всѣ рѣшительные моменты, это большинство отступало отъ своихъ внутреннихъ стремленій въ силу такъ-называемой „исключительности обстоятельствъ". Стремленіе къ успѣхамъ внутренняго развитія, къ пріобрѣтенію новыхъ правъ—все приносилось въ жертву такъ-называемой „политикѣ своевременности" (Opportunitäts-Politik), которая побуждала либеральное большинство уступать всѣмъ важнѣйшимъ требованіямъ правительства по разнымъ временнымъ соображеніямъ: то объединеніе Германіи еще только началось, то происходила война съ Франціею, то миръ, заключенный съ нею, считался еще непрочнымъ, то выступала на сцену опасность со стороны Рима, то внѣшнія обстоятельства принимали вновь такой оборотъ, что прежде всего нужно было поддержать князя Бисмарка, а, стало быть, опять-таки уступать всѣмъ его требованіямъ.

Такимъ образомъ произошло, что послѣ 12-лѣтняго существованія сѣверо-германскаго и затѣмъ германскаго сейма, Германія не подвинулась ни на шагъ ближе къ парламентаризму. Въ этомъ отчасти надобно искать ключъ къ разгадкѣ тѣхъ успѣховъ, какіе оказываетъ въ Германіи партія, не идущая ни на какія соглашенія,—

партія соціально-демократическая. Ея успѣхи зависѣли не только отъ бѣдствій, вызванныхъ извѣстнымъ экономическимъ кризисомъ, „крахомъ“, но и отъ того еще, что масса, читающая и разсуждающая, разочаровывалась въ будущности національ-либеральнаго либерализма, видя вѣчную его уступчивость и заподозривъ его, наконецъ, въ совершенномъ безсиліи. Само либеральное бюргерство не могло отчасти не проникаться хоть нѣсколько этимъ сознаніемъ. Нашъ берлинскій корреспондентъ писалъ еще въ мартѣ, что „наше (германское) бюргерство живетъ, несмотря на шаблонное конституціонное устройство государства, съ тайнымъ сознаніемъ, что большая часть этихъ прекрасныхъ учрежденій есть мертворожденное чадо“. Быть можетъ, со-временемъ само имперское, то-есть въ сущности прусское правительство убѣдится, въ виду быстрыхъ успѣховъ соціализма, что оно сдѣлало ошибку, не давъ болѣе простора внутреннему политическому развитію и подорвавъ довѣріе къ той силѣ, которая не стремилась ни къ чему иному, какъ къ мирному пріобрѣтенію, путемъ законнымъ, бо́льшихъ политическихъ правъ, для того, чтобы, во-первыхъ, обратить конституціонное правленіе въ жизненную правду, а уже затѣмъ, силою пріобрѣтенныхъ правъ и авторитета, стать оплотомъ противъ мечтательныхъ революціонныхъ тенденцій. Угнетеніе и униженіе Бисмаркомъ умѣренныхъ либераловъ было какъ нельзя болѣе съ руки соціаль-демократамъ.

Во всякомъ случаѣ, національ-либеральная партія имѣла достаточно времени убѣдиться, что путь временныхъ и исключительныхъ мѣръ самъ по себѣ не имѣетъ конца. Послѣ одной такой мѣры требуется другая, потомъ третья и такъ далѣе. Всѣ онѣ оправдываются поочередно исключительными обстоятельствами времени, необходимостью поддержать авторитетъ правительства. Но при всемъ этомъ, одно только обстоятельство и одна необходимость оставляются въ тѣни, а именно, то обстоятельство, что Германія не идетъ впередъ, и та необходимость, что неопредѣленная отсрочка правильнаго развитія влечетъ за собою разныя болѣзненныя явленія. Тотъ самый г. фонъ-Беннигсенъ, который теперь такъ краснорѣчиво возставалъ противъ исключительной мѣры, потребованной правительствомъ вслѣдъ за покушеніемъ Гёделя на жизнь императора, 11 лѣтъ тому назадъ убѣждалъ національ-либеральное большинство предоставить правительству распоряжаться огульной суммой (Pauschquotum) для всѣхъ расходовъ на армію, утѣшая депутатовъ тѣмъ, что это мѣра—единичная, имѣвшая характеръ временной, исключительной. Тотъ же г. фонъ-Беннигсенъ четыре года тому назадъ уговаривалъ свою партію отказаться отъ ежегоднаго опредѣленія сеймомъ мирнаго состава арміи, и утѣшалъ ее тѣмъ, что этотъ отказъ отъ существеннаго бюджетнаго права будетъ имѣть

характеръ временный. Въ силу поправки, предложенной имъ же, Беннигсеномъ, и ограничивавшей дѣйствіе того закона семью годами, онъ и былъ утвержденъ. Что же сдѣлало затѣмъ правительство? Оно тогда же объявило, что, чрезъ семь лѣтъ, оно войдетъ съ тѣмъ же требованіемъ, и что законъ вновь будетъ утвержденъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, на продолжительное время. Вотъ каковы были плоды уступчивости.

Напоминаемъ объ этихъ фактахъ потому, что ими рельефно обозначается ходъ конституціонной жизни въ Германіи за послѣднія 12 лѣтъ, то-есть во весь періодъ преобладанія въ сеймахъ національ-либеральной партіи. Національ-либеральная партія утѣшала себя мыслью, что такимъ путемъ соглашеній она достигнетъ того, что сдѣлается въ самомъ дѣлѣ правительственною партіей. Но конечный результатъ показалъ, что, дѣйствуя такъ, она можетъ пріобрѣсть это значеніе, но только не въ томъ смыслѣ, что правительство будетъ слѣдовать ея внушеніямъ, а въ томъ, что она сама постоянно будетъ слѣдовать за указаніями правительства.

И въ самомъ дѣлѣ, вліяніе ея на правительство нисколько не возросло. Еще нынѣшней осенью были слухи, что князь Бисмаркъ ведетъ, чрезъ фонъ-Беннигсена, переговоры съ національными либералами о вступленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ кабинетъ. И что же оказалось? Оказалось, что результатомъ переговоровъ объ измѣненіяхъ въ прусскомъ министерствѣ были измѣненія его въ смыслѣ не либеральномъ, но консервативномъ.

Наконецъ, покушеніе Гёделя послужило поводомъ ко внесенію правительствомъ проекта новой временной и исключительной мѣры: закона, ограничивавшаго соціальныхъ демократовъ въ пользованіи общимъ правомъ свободы публичнаго письма и устнаго слова. При этомъ правительство такъ мало обратило вниманія на настроеніе національныхъ либераловъ, что внесло этотъ проектъ прямо, вопреки ихъ совѣту, вопреки даже предсказаніямъ вліятельнѣйшихъ изъ нихъ, что этотъ проектъ принятъ не будетъ. Разсчитывали, вѣроятно, что впечатлѣніе, произведенное преступленіемъ Гёделя, было слишкомъ сильно, чтобы національные либералы рѣшились отклонить мѣру, направленную противъ соціалистовъ.

Но разсчетъ на прежнюю покорность національныхъ либераловъ на этотъ разъ не оправдался. Впечатлѣніе дѣла Гёделя было, дѣйствительно, сильно; но сочувственныя маститому императору манифестаціи, вызванныя этимъ дѣломъ, подали самимъ національнымъ либераламъ поводъ отвѣчать правительству, что Германія еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобы она нуждалась въ спасеніи ея чрезвычайными, исключительными мѣрами.

Покушеніе Гёделя совершено было 11 мая (н. с.), а 17-го уже внесенъ былъ прусскимъ правительствомъ въ союзный совѣтъ проектъ закона, котораго содержаніе мы изложимъ вкратцѣ: 1) Такія произведенія печати и союзы, которые стремятся къ цѣлямъ соціальной демократіи (welche die Ziele der Socialdemocratie verfolgen), могутъ быть запрещаемы союзнымъ совѣтомъ. Запрещеніе сообщается имперскому сейму немедленно, или—если онъ не собранъ—въ ближайшую сессію, и мѣра можетъ быть отмѣняема сеймомъ. 2) Мѣстной полиціи предоставляется право воспрещать распространеніе въ публичныхъ мѣстахъ, на улицахъ и площадяхъ, такихъ печатныхъ произведеній, которыя стремятся къ цѣлямъ соціальной демократіи. Если, затѣмъ, въ теченіи четырехъ недѣль подобное произведеніе не запрещено вовсе союзнымъ совѣтомъ, то полицейское распоряженіе теряетъ силу. 3) Всякое собраніе можетъ быть воспрещено или распущено распоряженіемъ мѣстной полиціи, если есть фактическія данныя, оправдывающія предположеніе (welche die Annahme rechtfertigen), что собраніе служитъ цѣлямъ, упомянутымъ въ первомъ параграфѣ. 4) Опредѣляется тюремное заключеніе за ослушаніе изложеннымъ выше распоряженіямъ. Параграфъ 6-й приведемъ буквально: „Кто публично, на словахъ или на письмѣ, покусится, въ виду цѣлей, указанныхъ въ параграфѣ 1-мъ, подкапывать (untergraben) существующій законный или нравственный порядокъ, тотъ наказуется тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ". Наконецъ, въ послѣднемъ, 7-мъ параграфѣ, опредѣлялось, что срокъ дѣйствія закона полагается трехлѣтній.

Дѣло было ведено такъ спѣшно, что уже черезъ три дня, 20 мая, союзный совѣтъ принялъ этотъ законъ, за исключеніемъ § 6-го, а 21-го проектъ былъ уже внесенъ въ имперскій сеймъ. Въ парламентскихъ кружкахъ проектъ этотъ вызвалъ волненіе. Особенно продолжительны были пренія на частномъ собраніи національныхъ либераловъ. Проектъ ставилъ ихъ въ самое непріятное положеніе. Предстояло или рѣшительно разойтись съ правительствомъ, разсѣять окончательно иллюзію нѣкоторой солидарности правительства съ этой партіей, или принять проектъ. Послѣднее всѣмъ казалось невозможнымъ; но нѣкоторые предлагали исправить редакцію проекта, смягчить его, и все-таки принять. И въ самомъ дѣлѣ, при окончательномъ голосованіи, за проектъ подали голоса: либералъ Гнейстъ и національ Трейчке.

До какой степени прусское правительство мало склонно спрашивать совѣта у парламентскихъ партій, можно видѣть изъ того, что оно не спрашивало совѣта, въ настоящемъ случаѣ, даже у другихъ правительствъ союза. Иначе, оно, конечно, не включило бы въ свой

проектъ того 6-го параграфа, который былъ тотчасъ же отвергнутъ самимъ союзнымъ совѣтомъ. „Кто на словахъ или на письмѣ покусится, въ виду цѣлей соціальной демократіи, подкапывать существующій порядокъ...“ — наказуется трехмѣсячнымъ заключеніемъ: любое оппозиціонное слово могло бы быть подведено подъ такой параграфъ.

Впрочемъ, указывая на всю нелиберальность этого проекта, мы должны сдѣлать оговорку, что значеніе такихъ терминовъ, какъ „либеральный“ или „ретроградный“—весьма относительно. Такъ какъ учрежденія въ разныхъ странахъ различны, то ретроградныиъ законодательнымъ проектомъ можетъ быть для одной страны тотъ, который въ другой можетъ быть только просто излишнимъ, въ виду существованія иныхъ средствъ достиженія той же цѣли. Такъ, очевидно, что если бы центральная власть въ Германіи имѣла право, въ силу общихъ законовъ о дѣлахъ печати, воспретить распространеніе на улицахъ любого печатнаго произведенія, безъ всякаго указанія поводовъ, а въ силу воспрещенія вообще собраній политическаго свойства, имѣла бы возможность закрывать любое изъ нихъ полицейскимъ распоряженіемъ,—то само собою разумѣется, ему бы вовсе и не потребовался нынѣшній ретроградный, для Германіи, проектъ закона, направленный противъ соціалистовъ. Оно было бы вооружено противъ любой партіи иными, еще болѣе сильными средствами. Но въ силу закона о печати, дѣйствующаго въ Германіи, произведенія печати подлежать только суду; взысканій инымъ порядкомъ вовсе нѣтъ; а предварительное задержаніе полиціею (Beschlagnahme) безъ приговора суда можетъ послѣдовать только въ слѣдующихъ случаяхъ: когда въ нумерѣ изданія усмотрѣны будутъ государственная измѣна или оскорбленіе величества, возбужденіе къ запрещеннымъ или насильственнымъ дѣйствіямъ, угрожающимъ миру и согласію между различными классами гражданъ, но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ лишь тогда, если имѣется въ виду неминуемая опасность для общественнаго спокойствія. Что касается союзовъ и собраній, то относительно ихъ правительство доселѣ не собралось внесть закона, а потому они и остаются вовсе не ограниченными закономъ („vogelfrei“, какъ выразился одинъ ораторъ при нынѣшнихъ преніяхъ).

Проектъ закона противъ соціалистовъ обсуждался имперскимъ сеймомъ въ двухъ засѣданіяхъ: 23-го и 24-го мая (н. с.). Наши газеты въ свое время дали подробные отчеты объ этихъ преніяхъ. Поэтому мы считаемъ излишнимъ излагать ихъ теперь въ формѣ послѣдовательнаго отчета. Для нашихъ читателей поучительнѣе будетъ прослѣдить главные аргументы съ двухъ точекъ зрѣнія, тѣхъ самыхъ, съ которыхъ мы сейчасъ отнеслись къ самой сущности составленнаго

прусскимъ правительствомъ проекта: точки зрѣнія безусловной и точки зрѣнія относительной. Начнемъ съ первой и окончимъ второю.

Объяснялъ и защищалъ проектъ президентъ канцлерскаго управленія Гофманнъ. Признавая, что противъ самой идеи соціализма можно успѣшно бороться только умственнымъ оружіемъ, и что средства для такой борьбы имѣютъ церковь и школа, дающая образованіе и воспитаніе, основанное на религіи и нравственности, министръ утверждалъ, что, тѣмъ не менѣе, необходимо лишить соціалистовъ возможности пользоваться правами, какія они находятъ въ свободѣ печати и собраній для распространенія своихъ идей, для пропаганды. Законодательство должно такимъ образомъ положить конецъ постоянному возрастанію соціально-демократическаго движенія. Съ этой цѣлью и предлагается спеціальный законъ для стѣсненія соціализма въ пользованіи общими правами.

Когда министръ говорилъ о спасительномъ вліяніи церкви, то одинъ клерикалъ прервалъ его возгласомъ: „вы сами ее убили!" Таковъ же былъ основной смыслъ разсужденій членовъ центра Іёрга и Виндгорста. „Вы сами сковали церковь", говорилъ Іёргъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что проектъ закона есть не только мѣра исключительная, но и мѣра, придуманная подъ впечатлѣніемъ негодованія, ab irato, а гнѣвъ никогда не бываетъ хорошимъ совѣтникомъ. „Если вы ее утвердите", сказалъ Іёргъ, „то за-границею въ вашемъ рѣшеніи никакъ не признаютъ свидѣтельства о силѣ имперіи, а скорѣе— признакъ ея слабости. Если предлагаемая мѣра будетъ отвергнута значительнымъ большинствомъ сейма, то это послужитъ къ чести нашего народа".

Депутатъ Виндгорстъ доказывалъ, что упоминаемыя въ проектѣ „цѣли соціальной демократіи" — выраженіе столь неясное, что нѣтъ той партіи, которая бы не подлежала дѣйствію этого закона, такъ какъ нѣкоторыя изъ цѣлей соціализма, напримѣръ, улучшеніе участи рабочихъ, обезпеченіе дѣтей на фабрикахъ и т. п., общи всѣмъ партіямъ. Соціализмъ, по мнѣнію оратора, почерпаетъ главную свою силу изъ современнаго ученія о всемогуществѣ государства. Противъ него должны бороться именно церковь и школа, но вся новѣйшая дѣятельность государства была направлена именно противъ церкви, такъ что все остальное было упущено изъ вида. Вотъ почему ораторъ съ удовольствіемъ увидѣлъ бы, что министру духовныхъ дѣлъ Фальку дана была бы отставка, о которой онъ въ настоящее время просилъ. Стѣсняя наружное проявленіе соціализма, законодательство не достигало бы цѣли, а только гнало бы это зло внутрь, заставляло бы его еще сильнѣе распространяться втайнѣ. Впрочемъ, исключительныхъ мѣръ вовсе не нужно, и если бы существующіе законы столь

же строго примѣнялись къ соціалистамъ, какъ они примѣняются къ католикамъ, то не возникла бы и мысль о настоящей мѣрѣ. По отзыву Виндгорста, національные либералы, подававшіе голоса за исключительные законы, направленные противъ іезуитовъ и католической церкви вообще, поступили бы логично, подавъ и нынѣ голоса за исключительный законъ противъ соціалистовъ. Вѣрнѣйшее средство для успѣшной борьбы съ соціалистами, по словамъ этого оратора,— отмѣна такъ-называемаго „Kulturkampf'а", то-есть борьбы съ церковью.

Замѣчательнѣйшая рѣчь принадлежала фонъ-Беннигсену. Онъ выразилъ сожалѣніе, что предлогомъ къ мѣрѣ, направленной противъ цѣлой и, притомъ, большой партіи, послужило покушеніе на жизнь императора. Въ этомъ нѣтъ логики, такъ какъ предлагаемая мѣра направлена вовсе не къ отвращенію подобныхъ покушеній, но противъ дѣятельности цѣлой партіи. Далѣе, проектъ не практиченъ. Онъ предоставляетъ рѣшеніе о наличности „цѣлей соціальной демократіи" въ произведеніяхъ печати и въ союзахъ или собраніяхъ—такой коллегіи, которой совершенно несвойственно исполнять эту задачу. Союзный совѣтъ, во-первыхъ, засѣдаетъ не постоянно, а только въ теченіи нѣкоторыхъ мѣсяцевъ въ году; во-вторыхъ, онъ состоитъ не изъ такихъ членовъ, которые дѣйствуютъ самостоятельно, по личному убѣжденію, но изъ такихъ, которые постановляютъ свои рѣшенія по инструкціямъ, получаемымъ ими отъ ихъ правительства. Окончательная же власть рѣшенія предоставляется проектомъ имперскому сейму. Но вѣдь это значило бы, что сейму придется рѣшать, какія цѣли заключаются въ десяткахъ статей или брошюръ и какова степень ихъ опасности. Можетъ ли заниматься такимъ дѣломъ союзный совѣтъ, состоящій изъ 58 лицъ, и сеймъ, состоящій изъ 400 лицъ? Сверхъ того, въ какомъ же положеніи оказался бы союзный сеймъ, если послѣ того, какъ онъ рѣшилъ, что въ брошюрѣ заключаются цѣли соціализма, имперскій сеймъ постановилъ бы, что ихъ въ ней не заключается? Проектъ предоставляетъ далѣе суду опредѣлять наказаніе за проведеніе соціалистскихъ мыслей. Но судъ никогда не будетъ въ состояніи свободно разрѣшить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ были заявлены цѣли соціализма, и въ какой мѣрѣ нужна была полицейская мѣра въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Онъ долженъ, въ сущности, руководствоваться только фактомъ, что статья запрещена союзнымъ совѣтомъ, но не будетъ имѣть возможности разсматривать, правильно ли было постановленіе союзнаго совѣта, будто въ данномъ случаѣ именно заявлялись цѣли соціализма. Да, наконецъ, что́ такое эти самыя „цѣли соціализма?" Здѣсь Беннигсенъ первый (Виндгорстъ говорилъ черезъ день послѣ него) высказалъ,

что нѣкоторыя цѣли соціализма составляютъ и будутъ составлять задачи самого законодательства. Сюда, между прочимъ, принадлежитъ и обсужденіе средствъ противъ пауперизма, и отношеній между элементами производства: рабочей платой, капитальной рентой и т. д. „Вѣдь этими же вопросами занимаются ученые, профессора университетовъ", сказалъ Беннигсенъ: „неужели же мы все это подведемъ подъ постановленія параграфа?"

Прежде чѣмъ прибѣгать къ мѣрамъ исключительнымъ слѣдовало бы серьёзно попытаться бороться противъ зла тѣми средствами, какія предоставляютъ нынѣшніе законы, а этого, по отзыву оратора, доселѣ не было. Сверхъ того, правительство само виновато въ неопредѣленности той свободы собранія, какою пользуются во зло соціалисты. Въ самомъ имперскомъ уложеніи есть статья, которая уполномочивала правительство внесть проектъ закона о точнѣйшемъ и однообразномъ опредѣленіи права составленія союзовъ и права сходокъ; но правительство доселѣ этого не сдѣлало. Настоящій проектъ — предсказалъ Беннигсенъ — *не* будетъ принятъ сеймомъ; а это — результатъ неблагопріятный для правительствъ, да и плохой прецедентъ, что вопросъ о правѣ сходокъ начался съ внесенія такого проекта, который сеймъ вынужденъ былъ отвергнуть. Ораторъ выразилъ готовность членовъ своей партіи собраться даже въ чрезвычайную сессію осенью нынѣшняго года для обсужденія закона о правѣ составлять союзы и сходки, если бы правительство сочло нужнымъ ускорить внесеніе такого закона именно съ цѣлью отвращенія указываемыхъ правительствомъ опасностей.

Переходя къ сущности нынѣшняго проекта, Беннигсенъ напомнилъ о бывшихъ примѣрахъ подобныхъ стѣснительныхъ законовъ, изданныхъ вслѣдъ за покушеніями на жизнь того или другого лица: въ Германіи—вслѣдъ за убіеніемъ Коцебу, во Франціи—при іюльской монархіи и Наполеонѣ III. Оказалось, что всѣ эти законы не достигли своей цѣли, а между тѣмъ послѣдствія ихъ были весьма бѣдственны, какъ для странъ, такъ и для правительствъ. Законодательство, прежде всего, должно оставаться спокойнымъ, а особенно въ такихъ случаяхъ, когда сила возбужденныхъ страстей еще превосходитъ дѣйствительную опасность. Иначе законодательство не достигнетъ цѣли. Такъ, въ прежнее время реакціонное увлеченіе въ союзномъ законодательствѣ имѣло послѣдствіемъ революціонныя явленія 1848 года и паденіе власти Австріи въ Германіи, то-есть, именно разрушеніе той самой основы, охрана которой была цѣлью реакціи. Германія имѣетъ теперь конституцію и вольности — съ нею связанныя; прошло время, когда предавались преслѣдованію тѣ самыя національныя цѣли Германіи, которыя впослѣдствіи были осуще-

ставлены королемъ прусскимъ. Нельзя и теперь оправдать поспѣшность, съ какою хотятъ принять исключительную мѣру противъ сотни тысячъ германскихъ гражданъ. Неужели обстоятельства въ Германіи внезапно сдѣлались столь отчаянными, что уже необходимо хвататься за крайнія, отчаянныя мѣры диктатуры? Если авторитетъ государства и властей недостаточно силенъ, то еще спрашивается, есть ли это вина соціалистовъ? Требуется исключительная мѣра на три года. Но никто не можетъ знать, кому собственно сеймъ далъ бы въ руки такое оружіе, каковъ будетъ духъ и какова личность правительства (Geist und Person der Regierung) въ теченіи этого трехлѣтняго срока. Никогда еще, со времени основанія сѣверо-германскаго сейма, политическое положеніе Германіи не было столь неопредѣленно, какъ теперь. Канцлеръ отсутствуетъ большую часть года по болѣзни, намѣстникъ его еще не назначенъ оффиціально,—въ Пруссіи мы видимъ непрерывный министерскій кризисъ. Говорятъ, министръ духовныхъ дѣлъ выходитъ въ отставку; это вызвало бы разложеніе въ министерствѣ. Надо надѣяться, что эта отставка не состоится, но обстоятельства и безъ нея не получатъ еще достаточной прочности. Положеніе этого уважаемаго министра въ послѣднее время сильно поколебалось (крики: „къ дѣлу!"). Прерывавшимъ его, Беннигсенъ возразилъ: „рѣчь идетъ о томъ, чтобы предоставить диктаторскую власть, поэтому естественно спросить себя, кто именно воспользуется ею? Есть-ли еще достаточная увѣренность, что ею воспользуются для опредѣленной цѣли? Иначе, ея нельзя предоставить, не вызывая опасностей еще бóльшихъ, чѣмъ нынѣшнія".

Беннигсенъ, доказывая необходимость согласнаго дѣйствія всѣхъ партій противъ партіи анти-общественной, высказалъ, мимоходомъ, надежду, что борьба противъ католической церкви будетъ оставлена, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы епископы признали законныя требованія государства. Но ораторъ дѣлалъ и правительству упрекъ за то, что оно отталкивало отъ себя партіи, расположенныя охранять общественныя основы. Въ консервативныхъ кругахъ, а по его словамъ—и въ оффиціозныхъ органахъ, нерѣдко королевская власть и вліяніе консерваторовъ выставлялись какъ единственный оплотъ законныхъ требованій рабочей массы противъ преобладанія капитала и господства либеральной буржуазіи. Беннигсенъ заключилъ свою рѣчь словами: „Мы считаемъ, что обстоятельства въ Германіи достаточно обезпечиваютъ достаточные классы, такъ что послѣдніе не нуждаются въ подобномъ законѣ; мы готовы, если правительство того пожелаетъ, собраться осенью, чтобы помочь ему въ изданіи такого закона, который равно обезпечивалъ бы и авторитетъ власти, и свободу гражданъ".

Многіе аргументы Беннигсена повторялись другими ораторами, а защитники проекта повторяли аргументы правительства. Такъ, графъ Мольтке произнесъ въ защиту проекта рѣчь, которая сводилась къ мысли о несправедливости смотрѣть на правительство постоянно какъ на нѣчто враждебное, вѣчно думать объ ограниченіи его и т. п. Ласкеръ въ сущности только повторялъ Беннигсена: указывалъ на неопредѣленность выраженія „цѣли соціальной демократіи", на невозможность для союзнаго совѣта разсматривать тысячи листковъ, ссылался на примѣры союза консерваторовъ съ соціалистами противъ либераловъ (онъ указалъ на агитацію въ высшихъ кругахъ Дрездена въ пользу избранія Бебеля). Прогрессистъ Рихтеръ также ссылался на связь князя Бисмарка съ извѣстнымъ реакціонеромъ Вагенеромъ, который самъ участвовалъ въ учрежденіи продуктивной ассоціаціи на лассаллевскій образецъ, въ вальденбургскомъ округѣ. „Соціальная демократія", сказалъ онъ, „не старѣе, чѣмъ министерство Бисмарка".

Въ числѣ ораторовъ, говорившихъ въ пользу проекта, былъ и Гнейстъ, но онъ предлагалъ замѣнить въ 1-мъ параграфѣ слова „цѣли соціальной демократіи", словами: „ниспроверженіе существующаго порядка", и утвердить законъ не на три года, а только на время до слѣдующей сессіи сейма. Но правительство высказалось въ пользу поправки Безелера, которою власть рѣшенія по вопросу о запрещеніи изданій и союзовъ предоставлялась одному союзному совѣту, безъ участія имперскаго сейма. Однако, поправка эта, при голосованіи 24 числа, была отвергнута большинствомъ 243 голосовъ противъ 60. Затѣмъ первый параграфъ правительственнаго закона былъ отвергнутъ 251 голосомъ противъ 57-ми. Правительство объявило тогда, что оно не придаетъ значенія дальнѣйшему обсужденію проекта, который и былъ устраненъ. Такъ какъ сессія имперскаго сейма продолжалась уже $3^1/_2$ мѣсяца, то вечеромъ того же дня, въ который проектъ закона былъ отвергнутъ, сеймъ былъ закрытъ тронной рѣчью, произнесенною президентомъ канцлерскаго управленія Гофманномъ.

Такимъ образомъ, національно-либеральное и прогрессистское большинство заявили самымъ рѣшительнымъ образомъ правительству свое нерасположеніе къ продолженію уступокъ безъ вознагражденія какими-либо пріобрѣтеніями на пользу развитія страны. Исключительная мѣра правительства была отвергнута. Но нельзя, какъ мы уже упоминали выше, упускать изъ виду и другой, относительной точки зрѣнія, при сужденіи о самомъ этомъ шагѣ германскаго правительства. Оно не имѣло бы никакой нужды въ проведеніи ретроградной мѣры относительно ограниченія соціалистовъ въ пользованіи свободою печати и собранія, если бы эта свобода не существовала, и если

бы правительство могло бороться съ соціалистами мѣрами не-судебнаго свойства. Сверхъ того, въ самомъ мотивированіи отвергнутаго нынѣ проекта министромъ Гофманномъ заявлялись нѣкоторые такіе взгляды германскаго правительства, которыхъ, при сужденіи всего дѣла, не слѣдуетъ упускать изъ виду.

Такъ, министръ сказалъ, между прочимъ, что правительство, рѣшаясь на энергическую мѣру, тѣмъ не менѣе желаетъ „не переходить границы (das Mass zu halten), обезпечивающей общую гражданскую свободу и ея плодотворныя послѣдствія для развитія политической жизни". Онъ же заботливо разъяснялъ, что вовсе не покушеніе 11 мая создало въ мнѣніи правительства необходимость этого закона; она сознана была давно, и покушеніе дало только внѣшній толчокъ къ ускоренію внесенія настоящаго проекта. Сверхъ того, требуя особыхъ полномочій для противодѣйствія распространенію соціалистами ихъ идеи, министръ открыто признавалъ, что идея эта, сама по себѣ, какъ всякая идея, не можетъ быть побораема репрессивными мѣрами, что противъ нея могутъ быть дѣйствительны только умственныя и нравственныя средства. И самые противники министерства не могли бы не отдать министру той справедливости, что въ этихъ его словахъ проявлялся весьма просвѣщенный взглядъ на свойство всякихъ умственныхъ движеній и на самую природу законодательства.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 мая, 1878.

Роковое время.

Если бы поводъ не былъ такъ печаленъ, то я могъ бы радоваться вѣрности своихъ выводовъ, которые я сдѣлалъ въ послѣднемъ письмѣ, два мѣсяца тому назадъ, предрекая въ немъ конецъ нашей либеральной эры. Каждый день приноситъ съ собой новыя доказательства реакціоннаго движенія у насъ, и подобно тому, какъ лавина все растетъ на пути и тѣмъ сама ускоряетъ свое паденіе, такъ и грозныя явленія все накопляются, чѣмъ дальше идутъ послѣдствія разъ даннаго направленія въ политической сферѣ.

Какъ-разъ два мѣсяца тому назадъ произошла такъ-называемая перестройка министерства, и не успѣли еще проявиться всѣ ея ре-

зультаты, какъ наступило событіе, которое вотъ уже двѣ недѣли какъ занимаетъ всю Германію и, можно сказать, всю Европу: покушеніе на жизнь императора Вильгельма, совершённое молодымъ человѣкомъ, о которомъ сначала можно было сказать только одно, что онъ имѣетъ отношеніе къ соціаль-демократической школѣ.

Я только въ краткихъ словахъ перескажу факты, уже вамъ извѣстные. Молодой человѣкъ, подмастерье жестяныхъ дѣлъ мастера, обнаружившій личныя дурныя наклонности еще во время своего ученія, позднѣе вступилъ въ соціаль-демократическіе кружки и, въ концѣ-концовъ, сталъ разносчикомъ газетъ, а, наконецъ, прибылъ — неизвѣстно за чѣмъ—въ Берлинъ и совершилъ свое покушеніе. До сихъ поръ нѣтъ никакого доказательства, и едва ли это возможно, чтобы соціаль-демократическая партія подвинула его на это преступленіе; эта послѣдняя совершенно отреклась отъ него; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не терпѣлъ такой нужды, которая могла бы натолкнуть его на отчаянный поступокъ.

Насколько можно до сихъ поръ судить, самыя разнообразныя вліянія и, прежде всего, несчастный темпераментъ предрасположили его къ этому поступку. Нельзя не вѣрить увѣреніямъ соціаль-демократической партіи, что она неповинна въ покушеніи, но, съ другой стороны, совершенно несомнѣнно, что этотъ молодой человѣкъ бóльшую часть своей жизни, съ тѣхъ поръ какъ вошелъ въ болѣе зрѣлыя лѣта, провелъ съ соціаль-демократами и усвоилъ себѣ ихъ теоріи, хотя и самымъ сбивчивымъ образомъ, и, притомъ, понялъ ихъ по-своему.

Что его поступокъ возбудилъ всеобщее негодованіе — объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Тысячи свидѣтельствъ доказываютъ это, и общій голосъ въ Германіи, какъ и за-границей, что именно императоръ Вильгельмъ не могъ вызвать ничѣмъ попытку, направленную противъ него. Безчисленныя общины, частныя лица, иностранные государи прислали здѣшнему двору заявленія о своемъ искреннемъ соболѣзнованіи — и, насколько можно судить о правдивости такихъ демонстрацій, надо сказать, что никогда еще они не высказывались искреннѣе и задушевнѣе, чѣмъ въ этомъ случаѣ.

Иное приходится сказать о непосредственныхъ послѣдствіяхъ покушенія. Говорятъ, хотя я и не могу поручиться за достовѣрность этого разсказа, что князь Бисмаркъ, который, какъ вы знаете, давно уже проживаетъ въ своемъ Лауенбургскомъ помѣстьѣ, немедленно, по полученіи этого извѣстія, телеграфировалъ министерству слѣдующее: „принять мѣры противъ соціаль-демократіи!“ Министерство немедленно воспользовалось этимъ внушеніемъ, и прусское министерство внесло въ союзный совѣтъ спеціальный законъ, который былъ принятъ союзнымъ совѣтомъ послѣ краткаго совѣщанія и незначи-

тельнаго измѣненія. Законъ гласитъ, что союзный совѣтъ можетъ запрещать сочиненія и общества, преслѣдующія социаль-демократическія цѣли, и что продажа сочиненій въ публичныхъ мѣстахъ и на улицахъ можетъ быть воспрещаема полицейскими, если эти сочиненія преслѣдуютъ вышеуказанныя цѣли; что полицейскіе могутъ запрещать сходки или распускать ихъ при самомъ началѣ, если будутъ имѣться факты на-лицо, что эти сходки устроены съ вышеупомянутой цѣлью. Дальнѣйшіе параграфы содержатъ лишь опредѣленія наказаній за нарушеніе вышеизложенныхъ правилъ. Въ первоначальномъ законопроектѣ, предложенномъ прусскимъ министерствомъ союзному совѣту, заключался одинъ параграфъ, постановлявшій, что всякій, кто захочетъ сказать публично рѣчь или издать сочиненіе, преслѣдующее соціаль-демократическія цѣли о ниспроверженіи существующаго порядка, подлежитъ тюремному заключенію на три мѣсяца. Но этотъ параграфъ вычеркнутъ союзнымъ совѣтомъ, а потому и не обсуждался.

Положеніе дѣлъ, какъ оно сложилось въ настоящее время, нельзя не согласиться, таково, что чрезвычайное развитіе соціаль-демократической партіи является опасностью для всего теперешняго общественнаго строя и что необходимо принять какія-нибудь мѣры по этому поводу;—но какія? Не слѣдуетъ забывать, что соціаль-демократическое движеніе въ Германіи существуетъ всего какихъ-нибудь лѣтъ десять и что вначалѣ оно было совсѣмъ незначительно; что только въ послѣдніе годы оно вдругъ приняло тѣ громадные размѣры, въ какихъ существуетъ нынѣ. Когда Лассаль впервые выступилъ противъ операцій Шульце-Делича, прогрессивная партія была твердо убѣждена, что съ этой стороны ей не грозитъ ни малѣйшей опасности, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ теорія Шульце-Делича, что рабочіе могутъ посредствомъ ассоціацій значительно улучшить свое существованіе, могла соперничать съ вторгающимся соціаль-демократическимъ ученіемъ о равномѣрномъ распредѣленіи богатствъ. Производительныя ассоціаціи и потребительныя общества долгое время ревностно учреждались такъ-называемыми рабочими классами, и имѣли до извѣстной степени благодѣтельныя послѣдствія. Было время, машинные работники, которыхъ насчитываютъ тысячами, въ сѣверныхъ предмѣстьяхъ Берлина, считались твердымъ оплотомъ общественнаго порядка, надъ которымъ безусловно господствовала чисто-политическая прогрессивная партія, по принципамъ своимъ діаметрально противоположная соціаль-демократіи, и который былъ даже готовъ въ случаѣ нужды подавить силою всякій безпорядокъ, произведенный недисциплинированными массами.

Почти непримѣтно для глазъ измѣнилось это отношеніе и какъ-

разъ благодаря тому обстоятельству, что вслѣдъ за періодомъ необыкновеннаго промышленнаго развитія, имѣвшаго, конечно, недостаточно прочное основаніе, наступила катастрофа, поглотившая безчисленное множество мелкихъ и крупныхъ состояній и понизившая общій уровень благосостоянія, какъ рабочаго класса, такъ и класса заказчиковъ, капиталистовъ и предпринимателей. Причемъ рабочимъ классамъ стало гораздо труднѣе перенести этотъ переворотъ, послѣ того, какъ потребности ихъ возросли въ колоссальныхъ размѣрахъ, чѣмъ высшимъ сословіямъ Германіи. Отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ вида этого обстоятельства. Всякій, кто оглянется на протекшія двадцать лѣтъ, убѣдится, какъ колоссально возросли потребности рабочаго класса. Платье, пища, жилища — все это нельзя больше и сравнивать съ тѣмъ, какимъ оно было лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ. И тогда уже рабочіе отнюдь не вели бѣдственную, унизительную для человѣческаго достоинства жизнь. Они жили просто, одѣвались просто, ограничивали себя во всемъ, но столько же, сколько и сами чиновники. Я еще очень живо помню о тѣхъ временахъ, когда рабочій считалъ себя счастливымъ, если могъ выпить вечеромъ въ кругу семейства кружку бѣлаго пива и выкурить трубку табаку. Платье было просто, прочно и дешево, бѣлье также; большія удовольствія были незнакомы; театръ оставался весьма мало доступнымъ наслажденіемъ.—Но какъ все это перемѣнилось въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ! Обозрѣвая Берлинъ въ настоящія плохія времена, когда всѣ жалуются на недостатки, находишь обширные локали, посѣщаемые тысячами людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые тамъ ѣдятъ и пьютъ, наслаждаются концертами, а также и всякими другими представленіями, предлагаемыми имъ по самой дешевой цѣнѣ, но все это, тѣмъ не менѣе, сочтено было бы за безумный расходъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Этого различія никто не принимаетъ во вниманіе. Соціаль-демократическая партія постоянно проповѣдуетъ своимъ приверженцамъ, что они обездоленные, что они не принимаютъ участія въ наслажденіяхъ, какія существуютъ на землѣ, и что всѣ ихъ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы добыть себѣ долю въ этихъ наслажденіяхъ.

Нельзя не принимать въ разсчетъ этихъ мелочей, потому что, суммируясь, онѣ образуютъ весьма сильный элементъ. Возьмемъ, напримѣръ, табачный вопросъ, который собственно и произвелъ настоящій кризисъ —я еще къ нему возвращусь—въ Пруссіи, и мы увидимъ, что положеніе дѣлъ представляется слѣдующимъ: недалеко еще то время, когда выкурить трубку табаку представлялось величайшимъ удовольствіемъ для рабочаго и для бюргера, и тѣ нѣсколько пфенниговъ, которыхъ это стоило, представлялись большой роскошью сравнительно съ ста-

ранными нравами. Въ послѣднія двадцать или пятнадцать лѣтъ, трубка совсѣмъ вывелась изъ Германіи, по крайней мѣрѣ, въ городахъ. Мѣсто ея замѣнила сигара. Наблюдая жизнь бѣднѣйшаго населенія, увидишь, что въ бюджетѣ бѣднѣйшаго изъ рабочихъ ежемѣсячно стоитъ талеровъ пять только на одинъ табакъ, а въ большинствѣ случаевъ гораздо болѣе. Извощикъ, сидящій на козлахъ дрожекъ, куритъ сигару, и почелъ бы себя униженнымъ въ своемъ общественномъ значеніи, если бы ему пришлось отъ нея отказаться. Само-по-себѣ, это кажется очень невинно, но если сложить общую сумму, расходуемую такимъ образомъ націей на вещи, которыя можно признать роскошью, но которыя составляютъ теперь необходимую потребность, условіе человѣческаго существованія, то она окажется значительною. Такое же стремленіе къ роскоши замѣчается на платьѣ и на бѣльѣ. Я не говорю про жилища, потому что тутъ выступаютъ совсѣмъ иныя отношенія. Быстрое приращеніе населенія большихъ городовъ вызвало несоразмѣрно быстрое повышеніе квартирной платы. Это очень невыгодное обстоятельство, требующее подробнаго обсужденія. То же явленіе, какъ въ Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ Пруссіи, проявилось въ Вѣнѣ и другихъ столицахъ, за предѣлами Германіи,—и вопросъ, какъ помочь злу, сталъ предметомъ безчисленныхъ соображеній, но до сихъ поръ еще никто не далъ разумнаго совѣта. Идея, высказанная въ Германіи Фоше, что города должны распространяться въ ширь, до сихъ поръ еще не осуществилась, потому что она идетъ въ разрѣзъ съ характерной чертой нѣмцевъ, проявляющейся, по крайней мѣрѣ, съ среднихъ вѣковъ,—тѣсниться въ кучу въ городахъ, причемъ древнее германское стремленіе имѣть собственный домъ сохранилось только въ селахъ, да и тамъ лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, въ Вестфаліи, на сѣверѣ. Я еще вернусь къ этому пункту, такъ какъ здѣсь именно соціалистическое направленіе находитъ для себя плодоносную почву.

Но, возвращаясь къ соціалъ-демократамъ, я согласенъ, что вообще въ Германіи они находятъ гораздо болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Въ Англіи консервативное направленіе, уваженіе къ стариннымъ учрежденіямъ страны и къ господствующей аристократіи, наконецъ, религіозныя вѣрованія—гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Германіи. Во Франціи, гдѣ впервые возникли соціалъ-демократическія тенденціи, онѣ неоднократно подавлялись силой, и ихъ пропаганда отъ того пострадала. Наконецъ, въ Америкѣ граждане не такъ полагаются на правительство, какъ въ Германіи, а надѣются больше на самихъ себя. Одинъ изъ выдающихся членовъ національ-либеральной партіи, Бамбергеръ, неоднократно касался этого пункта. Бюргерство въ Германіи, образующее въ настоящее время преобладаю-

щій классъ, несмотря на свое высокое призваніе, не имѣетъ никакого понятія объ обязательствахъ, возложенныхъ на него; оно полагаетъ, что единственная его задача заключается въ томъ, чтобы составлять легкую оппозицію правительству, съ цѣлью удерживать его на пути свободы, и при этомъ оно разсчитываетъ также и на то, что всякая опасность, какая изъ того можетъ возникнуть, будетъ предотвращена правительствомъ же, имѣющимъ достаточно на то силы, чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ. Мысль о томъ, что этимъ подрывается значеніе бюргерства, призваннаго обезпечить разумный прогрессъ, какъ будто не приходитъ въ голову этому образованному и имущественному классу. И нельзя даже предвидѣть никакой перемѣны въ этомъ направленіи. Въ Германіи, къ сожалѣнію, глубоко внѣдрилось съ прошлаго столѣтія понятіе, что правительство, *каждое* правительство, имѣетъ въ себѣ нѣчто враждебное для народа, и всѣ старанія измѣнить такое воззрѣніе остаются безплодными. Князь Бисмаркъ употреблялъ всевозможныя старанія, несмотря на всѣ препятствія, воздвигаемыя *свыше* на его пути, чтобы вселить высшимъ сословіямъ, бюргерству, что оно само должно стремиться къ тому, чтобы пріобрѣсти вліяніе въ государствѣ и получить участіе въ его управленіи, но все это ни къ чему не привело. Эти классы продолжаютъ ограничиваться одной формальной оппозиціей; они не перестаютъ требовать новыхъ вольностей, потому что свобода сама по себѣ представляется имъ высшимъ идеаломъ, и не справляются о томъ, соотвѣтствуетъ ли осуществленіе этого идеала ихъ разумнымъ интересамъ или идетъ съ ними въ разрѣзъ. Поэтому воззванія правительства къ поддержкѣ тѣхъ классовъ, которымъ всего выгоднѣе сохранить существующій общественный порядокъ, оставались до сихъ поръ безплодными, и вся надежда теперь на то, что въ провинціи, въ противоположность столицѣ и нѣкоторымъ большимъ городамъ, существуетъ иное, болѣе разумное направленіе.

Соціаль-демократія проявила свою силу уже на выборахъ 1877 г. Не бездѣлица, когда въ самой столицѣ изъ 6-ти избирательныхъ округовъ она съумѣла двухъ привлечь на свою сторону, и когда во всей Германіи она можетъ располагать двѣнадцатью округами. Въ Англіи, странѣ, всегда представлявшейся нѣмецкимъ либераламъ достойной зависти свободнымъ государствомъ, въ парламентъ проникли лишь съ величайшимъ трудомъ въ какія-нибудь послѣднія десять лѣтъ человѣка два-три представителей рабочихъ, которыхъ, къ тому же, никакъ нельзя сравнивать съ нѣмецкими соціаль-демократами, такъ какъ они вовсе не желаютъ ниспровергать всего общественнаго порядка, но направляютъ всѣ свои усилія лишь къ улучшенію образа жизни рабочихъ. Во Франціи, несмотря на всѣ рево-

люціи, повторявшіяся съ 1789 года, и въ самыя бурныя времена соціаль-демократамъ не удалось провести въ парламентъ ни одного представителя. Послѣ февральской революціи 1848 г., призванъ былъ въ министерство одинъ рабочій, но въ національномъ собраніи не засѣдало ни одного. Тамъ соціаль-демократія развивалась внѣ парламентскаго представительства, тогда какъ въ Германіи она нашла себѣ представителей какъ разъ въ парламентѣ, и это сообщаетъ ей необыкновенный блескъ и силу. Въ Швейцаріи, гдѣ несомнѣнно тоже существуютъ очень свободныя учрежденія, соціаль-демократія почти не имѣетъ депутатовъ въ представительныхъ собраніяхъ, такъ какъ консервативный духъ швейцарскаго народа препятствуетъ ея развитію. Въ Германіи же совершенно наоборотъ. Сами соціаль-демократы оцѣняютъ свою силу въ Германіи въ 600,000 человѣкъ, т.-е. не душъ только, но борцовъ, или 99% на сто молодыхъ, здоровыхъ людей, преданныхъ душой и тѣломъ своему дѣлу и готовыхъ принести для него всевозможныя жертвы. Я отнюдь не изъ тѣхъ людей, которые презрительно относятся къ этому движенію. Качества, дѣлающія соціаль-демократовъ силою, какъ разъ тѣ, которыхъ не хватаетъ современному обществу, подобно тому, какъ въ жилахъ высокоцивилизованныхъ людей, живущихъ въ роскоши, всегда не хватаетъ крови.

Первое мѣсто изъ этихъ качествъ принадлежитъ дисциплинѣ, которая развита у соціаль-демократовъ въ замѣчательной степени. Въ другихъ же слояхъ общества стремленіе къ индивидуальной свободѣ давно уже поколебало всякую дисциплину, и чѣмъ выше цивилизація въ народѣ, тѣмъ менѣе способенъ онъ подчиняться дисциплинѣ. Я не желаю унижать Германію, но безпристрастный нѣмецъ долженъ безъ стыда сознаться, что Англія и Франція обогнали его отечество въ культурѣ, и стóитъ только взглянуть на Англію, чтобы увидѣть, что въ ней уже сотни лѣтъ существуетъ почти непреодолимое отвращеніе къ военной службѣ, гдѣ дисциплина преобладаетъ. Совершенно нелѣпо представлять англичанъ отжившимъ народомъ, какъ это часто услышишь въ Германіи отъ людей, слишкомъ увлеченныхъ прусскимъ милитаризмомъ. Англичанинъ не только очень сильный, но и очень мужественный человѣкъ; онъ ищетъ опасности вездѣ, гдѣ только можетъ ее встрѣтить, но лишиться личной свободы на довольно значительный періодъ своей жизни, хотя бы на службѣ у отечества, которое онъ любитъ не менѣе, чѣмъ уроженецъ любой страны, кажется ему слишкомъ большой жертвой. Точно то же надо сказать и о Франціи. Французскія войны велись до сихъ поръ арміей преторіанцевъ. Французская нація гордилась дѣяніями французовъ, gesta Dei per Francos, какъ говорилось въ эпоху кре-

стовыхъ походовъ, но въ новѣйшее время эти храбрые солдаты отнюдь не принадлежали къ вліятельнымъ классамъ французскаго общества, но къ бѣднѣйшимъ, даже частію состояли изъ подонковъ націи.

Въ самое послѣднее время Франція, какъ извѣстно, ввела всеобщую воинскую повинность, но о дѣйствіи ея произносятся самыя противорѣчивыя сужденія, и весьма возможно, что великая патріотическая скорбь, несомнѣнно наполняющая французскую націю вслѣдствіе неудачъ 1870—1871 гг., дала такой толчокъ, что юношество ея охотно подчиняется дисциплинѣ, которой такъ долго не хотѣла знать. Но рѣшить это можетъ только опытъ, и мы должны пока довольствоваться примѣромъ Англіи. Всѣ націи въ высшей стадіи развитія, какой достигла Англія, перестаютъ быть агрессивными въ своемъ существѣ и не могутъ болѣе расширяться, а должны лишь защищать то, чтó имѣютъ. Противъ этого нѣчего возражать, что Англія въ настоящее время расширяется все болѣе и болѣе; римская имперія тоже расширялась въ эпоху, когда, какъ намъ теперь это ясно видно, для нея уже наступилъ періодъ паденія. Тогдашніе римляне не видѣли этого, но, напротивъ того, праздновали свои побѣды, какъ и ихъ предки, и считали себя совсѣмъ равными и достойными ихъ. То же самое повторяется и съ Англіей. Каждый проницательный человѣкъ не можетъ не видѣть, что только благодаря исключительно благопріятнымъ обстоятельствамъ удалось англичанамъ совершить завоеванія, и что они теперь должны съ большими заботами думать о томъ, какъ бы удержать свои владѣнія въ случаѣ, если бы другія государства вздумали предъявить на нихъ серьёзныя требованія. Если не расплываться въ обычныхъ фразахъ о гуманности, которыми въ настоящее время по-истинѣ злоупотребляютъ, то придется согласиться, что величіе народа нынѣ, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ, заключается въ дисциплинѣ, въ томъ, чтобы массы готовы были, по приказу одного лица, дѣйствовать съ бóльшимъ или мéньшимъ одушевленіемъ и въ самой дисциплинѣ находить удовлетвореніе и, такъ сказать, цѣль и смыслъ своего существованія. Поэтому соціаль-демократы совершенно вѣрно толкуютъ постоянно про свои батальоны. Рядовой въ этихъ батальонахъ безусловно слушается своего начальника. Случалось, что онъ и бунтовался противъ начальника, случалось даже, что сами начальники вцѣплялись въ волосы другъ другу, но въ крайнюю минуту они всегда примиряются, и массы покорно слѣдуютъ за однимъ человѣкомъ. То же самое существовало и въ католической церкви, основанной на строжайшей дисциплинѣ. Она пережила времена, когда бывало по нѣскольку папъ разомъ, взаимно отрицавшихъ и даже проклинавшихъ другъ друга,

но послѣ того все-таки приходила къ единству, и именно потому, что въ ней сверху до низу и по сіе время живетъ потребность въ дисциплинѣ.

За дисциплиной слѣдуетъ чувство солидарности и соединенная съ нимъ готовность къ самопожертвованію. Можно сказать по справедливости, что это самопожертвованіе еще не имѣло себѣ равныхъ въ Германіи. Про нѣмцевъ и спеціально про пруссаковъ говорятъ, что они охотнѣе жертвуютъ кровью, нежели деньгами. Несмотря на то, что мы уже слишкомъ четверть столѣтія живемъ конституціонной жизнью и ведемъ весьма обширную борьбу партій, во всѣхъ этихъ партіяхъ, за исключеніемъ соціаль-демократической, очень мало еще развито сознаніе о томъ, чего можно достичь деньгами. Общественный капиталъ различныхъ партій, напр., прогрессивной, націоналъ-либеральной ничтоженъ до смѣшного. Я думаю, что вся выборная борьба въ Пруссіи или въ Германіи стóитъ дешевле, чѣмъ въ Англіи выборъ одного члена, если случайно его полномочіе сильно оспаривается. Это нежеланіе разставаться съ своимъ имуществомъ и деньгами соединяется съ величайшей безпечностью въ управленіи собственнымъ имуществомъ. Сотни милліоновъ, потерянные на акціяхъ въ періодъ акціонерной горячки, погибли бóльшею частію вслѣдствіе нежеланія акціонеровъ хоть сколько-нибудь озаботиться о сбереженіи своего имущества. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ соціаль-демократы стоятъ безконечно выше буржуазіи. Они имѣютъ много преимуществъ и передъ всѣми подобными партіями и прежде всего въ томъ отношеніи, что пользуются наукой, какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Общеизвѣстный фактъ, что люди, стоящіе или стоявшіе во главѣ этой партіи, какъ Лассаль или Карлъ Марксъ, принадлежатъ къ свѣтиламъ науки; но, кромѣ того, нельзя не изумляться, просматривая многочисленные органы соціаль-демократической печати, тому, какъ они вообще превосходно издаются. Здѣшняя соціаль-демократическая газета, „Berliner Freie Presse“, можетъ не только поспорить съ любой прогрессивной газетой, но со стороны слога даже превосходитъ каждую, такъ какъ онъ гораздо оживленнѣе, энергичнѣе сдержаннаго языка другихъ партій. Иллюстрированное воскресное приложеніе къ ней, „Neue Welt“, можетъ смѣло соперничать съ „Gartenlaube“ и „Daheim“. И не надо думать, чтобы эта газета редактировалась такъ тенденціозно, чтобы отпугивать людей. Хотя ни въ одномъ нумерѣ нѣтъ недостатка въ тенденціозныхъ статьяхъ, напр., различные эпизоды изъ французской революціи и коммуны, но вмѣстѣ съ тѣмъ попадаются совершенно добродушныя вещи, совершенно безпритязательныя и написанныя съ полнымъ от-

сутствіемъ тенденціозности, которыя каждый можетъ прочитать и не замѣтить, что онъ читаетъ соціаль-демократическую газету.

Я столько насказалъ въ похвалу соціаль-демократіи, что рискую услышать такой аргументъ: если у этой партіи такъ много добродѣтелей и преимуществъ, то откуда происходитъ то, что правительство и много другихъ людей, называющихъ себя либеральными, съ такой антипатіей относятся къ этой партіи? Объясненіе лежитъ во многихъ вещахъ, которыя я уже развивалъ раньше, но къ которымъ вернусь теперь. Въ каждомъ обществѣ существуетъ чувство самосохраненія; безъ этого чувства оно бы не просуществовало ни одного дня. Исторія человѣчества учитъ, что общественныя отношенія, государственный и экономическій порядокъ съ каждымъ днемъ измѣняются, но они измѣняются обыкновенно медленно, при взаимодѣйствіи консервативныхъ и прогрессивныхъ силъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что соціаль-демократія желаетъ ниспровергнуть существующее общество до основанія. Я не придаю особеннаго значенія тому, что она проповѣдуетъ противъ религіи и семьи; не потому, чтобы я не считалъ этихъ нападокъ опасными и одобрялъ ихъ, но потому, что считаю, — религія и семья до того присущи существу человѣка, что непремѣнно вернутся къ нему, если бы даже и удалось на одно мгновеніе совершенно искоренить ихъ.

Конечно, печально и страшно становится, когда видишь сколько женщинъ въ Германіи принимаютъ участіе въ соціаль-демократическомъ движеніи. На похоронахъ одного соціаль-демократа въ нынѣшнемъ году, на которыхъ соціаль-демократы впервые выдвинули свои батальоны, присутствовало около 600 женщинъ, и двѣ изъ нихъ, по имени Ганъ и Штегеманъ, постоянно созываютъ сходки; и еще на-дняхъ происходила одна изъ такихъ сходокъ, на которой проповѣдывались соціалистическія ученія. Но все же я полагаю, что въ массѣ этихъ соціаль-демократовъ есть много добрыхъ мужей, хорошихъ женъ, отцовъ и матерей и есть счастливые браки, потому что чувство нельзя искоренить никакой философіей. Я сказалъ, что не считаю этихъ двухъ пунктовъ главной опасностью, грозящей со стороны соціаль-демократіи. Настоящая опасность заключается въ экономическомъ ученіи соціаль-демократіи, въ силу котораго требуется иное распредѣленіе богатствъ, и капиталъ долженъ быть изъятъ изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ и долженъ составлять общественное достояніе. Вотъ, собственно говоря, основной принципъ соціалистическаго ученія, и всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы ускорить этотъ процессъ. Разумѣется, отдѣльныя лица назначаютъ для этого процесса довольно значительный срокъ. Въ недавно изданныхъ письмахъ Фердинанда Лассаля къ Родбертусу, первый говоритъ, напри-

мѣръ, что пройдетъ по крайней мѣрѣ пятьсотъ лѣтъ, прежде нежели процессъ совершится вполнѣ. Если бы въ дѣйствительности такъ стояло дѣло, то можно было бы вести борьбу съ соціаль-демократами „съ отсрочками", употребляя выраженіе Бисмарка; но развѣ стали бы соціаль-демократы такъ работать, если бы имъ дѣйствительно нужно было такъ долго ждать результатовъ своей дѣятельности. Напротивъ того, процессъ можетъ совершиться съ чрезвычайной быстротой. Современный экономическій порядокъ опирается главнымъ образомъ на капиталъ. Безъ капитала, какъ это доказываютъ историки и ученые экономисты, не можетъ быть прогресса, всѣ культуры развивались лишь послѣ того, какъ накоплялся капиталъ. Соціаль-демократія этого и не отрицаетъ, она отстаиваетъ лишь теорію, что капиталъ долженъ принадлежать всѣмъ. Такимъ образомъ, всѣ зданія, всѣ машины, всѣ деньги отдѣльныхъ лицъ должны быть отчуждены отъ нихъ за вознагражденіе и переданы государству.

Само собой разумѣется, что я не стану разсматривать здѣсь этотъ вопросъ въ научномъ и практическомъ отношеніи; я просто-на-просто становлюсь на точку зрѣнія современнаго общества, и говорю, что общество имѣетъ полное право отстаивать свое существованіе. Оно убѣдилось въ томъ, что какія бы разнообразныя перемѣны въ понятіи собственности ни совершались въ теченіи столѣтія, сама собственность не переставала существовать, и что экспериментъ, предлагаемый соціаль-демократами, не только разоритъ всѣхъ собственниковъ, но еще и не представляетъ никакой гарантіи въ томъ, что окажется успѣшнымъ. Если же онъ не удастся, если капиталъ будетъ уничтоженъ, то общество снова вернется къ варварству и должно будетъ, такъ сказать, начинать сначала. Но прежде всего представляется слѣдующая мысль. Соціаль-демократія, т.-е. ея теперешніе вожди вполнѣ убѣждены въ томъ, что ихъ идеи непримѣнимы въ полномъ своемъ объемѣ, но они считаютъ необходимымъ держаться ихъ въ полномъ составѣ, потому что такимъ путемъ скорѣе могутъ дѣйствовать на массы. Результатъ же, какой они преслѣдуютъ ближайшимъ образомъ, есть торжество ихъ собственной ограниченной партіи; въ тотъ моментъ, какъ они этого достигнутъ, они отнесутся къ массѣ такъ, какъ относится въ настоящее время буржуазія къ рабочимъ классамъ, которые помогали ей занять ея теперешнее положеніе. Итакъ, все дѣло сводится просто къ революціи, которую, конечно, можно произвести въ короткое сравнительно время.

Нѣсколько обстоятельствъ въ нынѣшнемъ году, а именно въ первую четверть этого года, очень сильно подвинули соціаль-демократію впередъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ это бываетъ обыкновенно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Прежде всего имъ удалось устроить по слу-

чаю похоронъ одного изъ единомышленниковъ чрезвычайно величественную и искусную демонстрацію. Умеръ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, бывшій прежде наборщикомъ и затѣмъ руководившій технической стороной дѣла въ социаль-демократической типографіи и заявившій себя неутомимымъ агитаторомъ. Социаль-демократы рѣшили немедленно, что это прекрасный случай посчитать свои силы и устроили похоронную процессію, на которой присутствовало отъ 10—12 тысячъ ихъ приверженцевъ, и въ томъ числѣ отъ 500 — 600 женщинъ, а постороннихъ зрителей набралось по-крайней-мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ. Процессія получила очень нарядный видъ отъ краснаго знамени, развернутаго соціаль-демократами. Но полиція запретила имъ нести его съ собой, и поэтому соціаль-демократы должны были ограничиться красными ленточками въ петличкахъ сюртуковъ, а дамы красными цвѣтами на головахъ или на груди. Но если кто-нибудь подумаетъ, что на этихъ похоронахъ произошелъ какой-нибудь безпорядокъ, то весьма ошибется; напротивъ того, все совершилось въ величайшемъ порядкѣ и тишинѣ, и соціаль-демократы могли похвалиться, что ихъ единомышленнику выпали на долю болѣе торжественныя похороны, чѣмъ генералъ-фельдмаршалу Врангелю. На массу публики эта демонстрація произвела, само собой разумѣется, чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Соціаль-демократы жаловались только на полицію за то, что она запретила имъ нести красное знамя, и прогрессивная пресса поддержала ихъ въ этомъ и порицала полицію за то, что она запретила имъ это невинное удовольствіе.

Вторымъ случаемъ, много послужившимъ на пользу соціаль-демократовъ, была смерть другого изъ ихъ приверженцевъ. У „Berliner Freie Presse“ бываетъ всегда довольно много отвѣтственныхъ редакторовъ, такъ какъ безпрестанно кому-нибудь изъ нихъ приходится отсиживать по нѣскольку мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Но такъ какъ случилось, что одинъ изъ этихъ редакторовъ, у котораго на совѣсти накопилось слишкомъ много провинностей, обратился въ бѣгство, то у суда вошло въ обычай подвергать предварительному аресту редакторовъ соціаль-демократическихъ органовъ, противъ которыхъ возбуждено преслѣдованіе. Такъ случилось и съ нѣкіимъ Полемъ Дентлеромъ, который довольно долго редактировалъ одну соціаль-демократическую газету. Въ тотъ день, какъ его засадили въ тюрьму, знакомые его подали прошеніе о томъ, что онъ страдаетъ чахоткой, и что заключеніе опасно для его жизни. Судъ принялъ это, повидимому, за уловку, потому что въ самомъ дѣлѣ весьма возможно, что соціаль-демократы намѣренно станутъ выбирать больныхъ людей въ отвѣтственные редакторы (само собой разумѣет-

ся, номинальные или, какъ здѣсь выражаются „Sitzredacteure", т.-е. такіе, которые принимаютъ на себя отвѣтственность за литературныя произведенія настоящихъ редакторовъ), причемъ вся отвѣтственность сдѣлается, разумѣется, призрачной. Короче сказать, судъ отказалъ, назначенъ было медицинскій осмотръ, врачъ, повидимому, не усмотрѣлъ никакой опасности, и Дентлеръ умеръ въ предварительномъ заключеніи. Соціаль-демократы немедленно воспользовались этимъ случаемъ. Они стали распространяться о томъ, съ какой жестокостью поступаютъ съ ними и съ ихъ единомышленниками, тогда какъ обыкновенныхъ преступниковъ, мошенниковъ и обманщиковъ пускаютъ гулять на свободѣ во время предварительнаго слѣдствія. Либеральная пресса поддерживала ихъ при этомъ изо всѣхъ силъ и употребляла всѣ усилія, чтобы представить дѣйствія суда въ самыхъ черныхъ краскахъ. Этотъ послѣдній и не пытался оправдываться, такъ какъ нельзя не признать безчеловѣчнымъ поступкомъ, что просьбѣ смертельно больного человѣка не придано никакого значенія. Впечатлѣніе, произведенное на публику, было несомнѣнно самое невыгодное для суда и самое выгодное для соціаль-демократовъ.

Я бы не исчерпалъ вполнѣ всѣхъ условій развитія соціаль-демократіи въ этомъ году, если бы не упомянулъ о процессѣ или скорѣе о приговорѣ надъ Вѣрой Засуличъ. Этотъ приговоръ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе какъ повсюду, такъ, само собой разумѣется, и въ Германіи, и большинство нашихъ газетъ отозвалось съ восторгомъ объ оправданіи Вѣры Засуличъ. Едва ли двѣ-три консервативныхъ газеты осмѣлились замѣтить, что приговоръ, собственно говоря, отрицаетъ совершившійся фактъ, а другія либеральныя газеты сдѣлали только оговорки, въ которыхъ заявляли, что отнюдь не одобряютъ убійства. Но въ общемъ восторженные голоса, прославлявшіе приговоръ, заглушили всѣ остальные. Тонъ при этомъ задавали, разумѣется, тѣ газеты, у которыхъ враждебность къ Россіи превратилась, такъ-сказать, въ ремесло. Вы знаете, что въ продолженіи всей войны большое число нѣмецкихъ газетъ постоянно требовало, чтобы Германія выступила противъ Россіи. Это, какъ я уже упоминалъ раньше, осталось въ старинныхъ традиціяхъ либерализма, желающаго расторгнуть союзъ между Россіей и Германіей, въ которомъ онъ видитъ источникъ политической несвободы, и вызвать союзъ съ Англіей или Франціей. Вредныя послѣдствія восторга отъ исхода процесса Засуличъ не замедлили высказаться. Соціаль-демократическая пресса понятнымъ образомъ съ великой радостью отмѣчала все то, что либералы говорили въ оправданіе политическаго убійства, и вывела изъ этого прямое слѣдствіе, что и либе-

ралы не должны возставать противъ того, если и соціаль-демократія воспользуется этимъ правомъ.

Во всякомъ случаѣ возбужденіе умовъ въ послѣднее время было чрезвычайное. „Berliner Freie Presse“, главный органъ соціаль-демократической партіи, могла похвалиться, что въ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣла 4000 новыхъ подписчиковъ, и можно съ увѣренностью сказать, что каждый изъ этихъ подписчиковъ былъ нѣкогда подписчикомъ прогрессивной или радикальной газеты, а также значитъ и приверженецъ прогрессивной партіи. Къ довершенію путаницы, въ послѣднее время возникла партія, которая, стоя на діаметрально-противоположной почвѣ, нежели соціаль-демократы, работаетъ послѣднимъ на руку. Какъ вамъ извѣстно, существуетъ очень сильная партія, которая давно уже подумываетъ о томъ, какъ бы привлечь рабочіе классы на сторону реакціи. Даже князь Бисмаркъ не вполнѣ свободенъ отъ этой идеи. Его бывшій famulus, тайный совѣтникъ Вагенеръ, скверной памяти, кокетничалъ съ соціалистическими идеями, и думалъ употребить соціализмъ, какъ орудіе противъ либеральной буржуазіи. Этому, конечно, прошло уже лѣтъ десять. Но какъ разъ въ ту самую эпоху противъ ученія о свободной торговлѣ возникла другая экономическая теорія, оспаривавшая принципъ „lassez faire, laissez passer“, и присвоивала государству такія функціи, которыя если и не вполнѣ въ духѣ соціаль-демократовъ, за то весьма съ руки имъ во многихъ отношеніяхъ. Замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ, — если только это можно назвать совпаденіемъ обстоятельствъ — что уже при реакціонномъ министрѣ народнаго просвѣщенія Мюлерѣ всѣ каѳедры политической экономіи во всѣхъ университетахъ были заняты такъ-называемыми „Katheder-Socialisten“. Эти „Katheder-Socialisten“ возстають противъ теперешней экономической системы точно такъ, какъ и соціаль-демократы. Они имѣли весьма сильное вліяніе на юношество, среди котораго необыкновенно какъ распространились соціалистическія идеи. Но они во всякомъ случаѣ не выходили изъ сферы профессорской дѣятельности.

Совсѣмъ иначе пошло дѣло, въ новѣйшее время, когда нѣсколько строго-ортодоксальныхъ священниковъ, въ числѣ коихъ находится придворный проповѣдникъ Штоккеръ, задумали бороться съ соціаль-демократіей ея собственнымъ оружіемъ и на ея собственной аренѣ. Другой священникъ, по имени Тодтъ, издалъ уже въ прошломъ году сочиненіе о радикалахъ нѣмецкаго соціализма и христіанскаго общества, въ которомъ сильно нападалъ на современное понятіе о собственности. Эта книга признана была до нѣкоторой степени евангеліемъ партіи, о которой я поговорю, и которая называетъ себя христіанско-соціалистической. Эти господа, и во главѣ ихъ все тотъ

же Штоккеръ и одинъ миссіонеръ-проповѣдникъ по имени Вангеманнъ, созывали сходки, на которыя приглашались также и соціаль-демократы, и на этихъ собраніяхъ происходили настоящіе словесные турниры. У соціаль-демократовъ есть, какъ извѣстно, цѣлый рядъ превосходныхъ ораторовъ; они не преминули воспользоваться вызовомъ, и нельзя не признать, что повсемѣстно вышли побѣдителями. Страсти разгорались все сильнѣе и сильнѣе, и однимъ изъ результатовъ этой борьбы вышло то, что соціаль-демократы принялись проповѣдывать истребленіе поповъ, объявлять религію вредной нелѣпостью, и приглашать массы къ поголовному отдѣленію отъ церкви. Это отдѣленіе обставлено весьма незначительными формальностями, и онѣ были причиною того, что отдѣленіе произошло не въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ этого ожидали; но все же оно достигло весьма значительныхъ цифръ. Кромѣ того, у этихъ христіанскихъ соціалистовъ есть собственная газета, въ которой они впередъ заявили, что допускаютъ пренія по вопросу о собственности, и нѣкоторые сотрудники изъ числа такъ-называемыхъ „Katheder-Socialisten" нападали на собственность съ такимъ ожесточеніемъ, какое ничуть не уступаетъ ожесточенію самихъ соціаль-демократовъ.

Весьма справедливо, конечно, что понятіе о собственности, какъ это утверждаютъ „Katheder"-соціалисты, понятіе измѣнчивое. Въ прежнія времена, владѣніе людьми составляло экономическое учрежденіе, долгое время соотвѣтствовавшее вполнѣ господствующимъ юридическимъ понятіямъ. Въ настоящее время почти невозможно понять, какъ могло существовать такое ошибочное воззрѣніе на собственность. Точно такъ и теперешніе соціалисты говорятъ, что собственность въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, подвержена перемѣнѣ, какъ и всякое другое человѣческое учрежденіе, и идея, напримѣръ, о томъ, что для того, чтобы преобразовать квартирный вопросъ, который, какъ извѣстно, очень невыгодно обставленъ въ большихъ городахъ, слѣдуетъ произвести отчужденіе имуществъ въ громадныхъ размѣрахъ для того, чтобы доставить бѣднѣйшимъ классамъ дешевыя и хорошія жилища, очень сильно распространена. Но, соглашаясь съ основательностью этого воззрѣнія, нельзя, однако, не сказать, что отсутствіемъ всякой политической мудрости слѣдуетъ признать то, если въ такое время, какъ наше, когда соціаль-демократы, отлично вооруженные, стремятся ниспровергнуть весь общественный порядокъ и—главное—уничтожить собственность, люди изъ совершенно противоположнаго лагеря протягиваютъ имъ руку и изъ всѣхъ силъ поддерживаютъ ихъ. Я могу это сравнить съ тѣмъ, какъ если бы, напримѣръ, войско обложило крѣпость, а гарнизонъ вступилъ бы въ переговоры и началъ добровольно сдавать укрѣпленія одно за дру-

гимъ, тогда какъ каждый разумный комендантъ остерегся бы дѣлать такія уступки, а сталъ бы до послѣднихъ силъ оборонять свою позицію.

Итакъ, возбужденіе умовъ чрезвычайное. Къ довершенію смуты явились еще два обстоятельства: во-первыхъ, вступленіе на престолъ новаго папы, во-вторыхъ, ортодоксальное движеніе внутри евангелической церкви. Когда Левъ XIII вступилъ на престолъ, то явилось предположеніе, на основаніи первыхъ его заявленій, что онъ намѣренъ держаться въ противность своему предшественнику примирительной политики и уже поговаривали о томъ, что правительство примирится съ ультрамонтанами, что̀, разумѣется, сообщило бы совсѣмъ иной характеръ всѣмъ внутреннимъ дѣламъ. Я уже вкратцѣ упоминалъ объ этомъ, когда писалъ вамъ о томъ, что такое воззрѣніе существуетъ, и у меня были на то достаточныя причины. Вдругъ наступилъ совершенный переворотъ, и, какъ утверждаютъ здѣсь, въ хорошо извѣщенныхъ кружка̀хъ, дѣло происходило такъ, что отсюда, изъ очень высокихъ сферъ, гдѣ не благоволятъ къ князю Бисмарку, дано было знать въ Римъ, чтобы тамъ не спѣшили съ уступками, такъ какъ правительство готово сдѣлать, съ своей стороны, очень большія уступки. Какъ бы то ни было, а переговоры вдругъ замолкли, примирительное настроеніе папы исчезло, а центръ послѣ того, какъ долгое время держалъ себя очень сдержанно, вернулся къ старому аггрессивному отношенію къ правительству. Съ этимъ вмѣстѣ рухнули предположенія объ основаніи большой, консервативной и правительственной партіи.

Одновременно съ этимъ въ евангелической церкви происходило движеніе, о которомъ я уже упоминалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ Берлинѣ, гдѣ населеніе бо̀льшею частію очень либерально мыслитъ о религіозныхъ вещахъ, существуетъ какъ разъ весьма маленькая партія, принадлежащая къ крайней правой и состоитъ главнымъ образомъ изъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, вступившихъ въ должность еще въ эпоху Раумеръ-Мюлерской реакціи. Вы помните, быть можетъ, что одинъ изъ такихъ духовныхъ лицъ, проповѣдникъ Кнакъ не постыдился нѣсколько лѣтъ тому назадъ объявить, что онъ не вѣритъ въ то, что земля вертится, потому что Библія придерживается иного воззрѣнія на этотъ предметъ и потому что онъ ставитъ авторитетъ Библіи выше всякаго другого. Это обстоятельство произвело въ свое время большую сенсацію; этотъ проповѣдникъ еще живъ, и многіе изъ его собратьевъ, хотя и не заявляютъ о томъ во всеуслышаніе, но про себя весьма вѣроятно придерживаются того же воззрѣнія. Высокопоставленныя духовныя особы, часто бывающія при дворѣ и чьи проповѣди въ соборѣ и другихъ церквахъ слушаетъ самъ король, принадлежатъ къ той же отсталой

партіи. Ее называютъ поэтому также и партіей придворныхъ проповѣдниковъ, и она крайне враждебно относится къ министру Фальку. Изъ большихъ газетъ къ этому направленію принадлежитъ „Neue Preussische Zeitung". Министра Фалька упрекали въ особенности за то, что онъ далъ слишкомъ либеральное уложеніе евангелической церкви, и несчастное обстоятельство, что берлинскій городской синодъ высказался за отмѣну аугсбургскаго символа вѣры, подлило масла въ огонь. Съ тѣхъ поръ удвоились нападки на такъ-называемую систему Фалька, главнымъ творцомъ коей, кромѣ самого министра, надо считать президента евангелическаго высшаго церковнаго совѣта, Германа. Этотъ послѣдній вынужденъ былъ подать въ отставку. Король, повидимому, долго колебался, прежде нежели ее принялъ; въ концѣ-концовъ, однако, онъ уволилъ Германа отъ его поста, со всевозможными почестями.

Тѣмъ временемъ ортодоксальная партія набросилась на довольно второстепенное обстоятельство. Проповѣдникъ Госсбахъ, назначенный въ одну берлинскую общину, выступилъ кандидатомъ въ другую общину и былъ выбранъ этой послѣдней. Ортодоксальные священники раскритиковали его пробную проповѣдь, и постарались, чтобы его не утвердили на его мѣстѣ. Община выбрала другого проповѣдника, принадлежащаго къ одной церкви въ Бременѣ, гдѣ тотъ пользовался большой любовью и уваженіемъ. Во избѣжаніе демонстраціи этотъ проповѣдникъ не читалъ въ Берлинѣ проповѣди, но всѣмъ извѣстно было, что онъ принадлежитъ къ тому же направленію, какъ и неутвержденный Госсбахъ. Выборы совершились, и ортодоксальные священники употребили всѣ усилія для того, чтобы и эти выборы не были утверждены. Третій священникъ счелъ дѣломъ совѣсти заявить высшему церковному совѣту, что и онъ раздѣляетъ воззрѣнія Госсбаха, и этотъ священникъ изъ небольшого городка Бранденбургской провинціи, пользовавшійся любовью своихъ прихожанъ, былъ смѣщенъ съ должности, и противъ него возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе.

Я уже раньше неоднократно старался вполнѣ выяснить уложеніе евангелической церкви, но не знаю, помнятъ ли объ этомъ ваши читатели, а потому напомню теперь, что представительство общинъ въ церкви состоитъ изъ нѣсколькихъ звеньевъ, похожихъ на корпораціи, въ которыхъ выражается самоуправленіе. Теперь какъ разъ тотъ моментъ, когда собираются синоды различныхъ провинцій. Члены синодовъ состоятъ изъ духовныхъ лицъ, частію изъ міарянъ, частію выборныхъ, частію назначаемыхъ самимъ королемъ, которому каждый разъ предъявляется списокъ министромъ просвѣщенія и вѣроисповѣданій. При созваніи послѣдняго синода, члены его, назна-

ченные королемъ, принадлежали частію къ ортодоксальному духовенству, частію къ умѣренно-либеральному; то-есть эти послѣдніе принадлежали къ той партіи, которая поддерживала министра Фалька и тогдашняго президента высшаго церковнаго совѣта. Она называется церковной, умѣренной партіей. На этотъ разъ выборъ сдѣланъ въ строго-ортодоксальномъ духѣ, и вслѣдствіе того церковная умѣренная партія представлена во всѣхъ синодахъ въ меньшинствѣ, всеобщее настроеніе самое возбужденное, какъ вдругъ совершилось покушеніе на жизнь императора. Самъ императоръ въ первую минуту не нашелъ, повидимому, повода прибѣгать къ политическимъ мѣропріятіямъ. Онъ постоянно говорилъ всѣмъ депутаціямъ, являвшимся къ нему, что это дѣло отдѣльнаго лица, но только напиралъ на то, что не слѣдуетъ искоренять религію въ странѣ.

Тѣмъ временемъ рѣшено было, какъ я уже это выше сказалъ, изданіе репрессивнаго закона. Въ тотъ моментъ, какъ это стало извѣстно, настроеніе быстро перемѣнилось. Вся либеральная пресса почти безъ исключенія высказалась противъ такого репрессивнаго закона, и высказала опасенія, какъ бы правительство не стало злоупотреблять этимъ закономъ, чтобы притѣснять и всѣ остальныя партіи. Это настроеніе все усиливалось до тѣхъ самыхъ поръ, какъ насталъ день преній. Съ давнихъ поръ впервые случилось такъ, что князь Бисмаркъ не присутствовалъ при важныхъ преніяхъ. За то стеченіе публики было значительнѣе, чѣмъ когда-либо, а сами пренія имѣли крупное значеніе и весьма сильный интересъ. Защиту закона со стороны правительства приняли на себя государственный министръ Гофманнъ и новый министръ внутреннихъ дѣлъ Эйленбургъ. Каждая партія выставила наилучшихъ изъ своихъ борцовъ: націоналъ-либералы—Беннигсена, ультрамонтаны—Виндгорста; свободные консерваторы—графа Бетузи, наконецъ, консерваторы, ни болѣе, ни менѣе, какъ самого графа Мольтке. Соціаль-демократы не принимали участія въ преніяхъ, но представили письменное заявленіе о томъ, что они не станутъ обсуждать законопроекта, направленнаго противъ ихъ партіи, хотя они совершенно чужды покушенію и въ принципѣ ненавидятъ убійства, а будутъ лишь присутствовать при преніяхъ. Какъ оно и понятно, ничего новаго не могло быть выяснено этими преніями, такъ какъ пресса уже раньше обсудила вопросъ со всѣхъ сторонъ. Самъ Беннигсенъ, самый краснорѣчивый изъ ораторовъ своей партіи, ничего не сказалъ такого, чего бы уже не говорили органы его партіи. Замѣчательна была только рѣзкость, съ какой онъ высказался противъ правительства. Онъ порицалъ самымъ сильнымъ образомъ, что законопроектъ внесенъ такъ поздно, и что правительство не освѣдомилось раньше о настроеніи рейхстага. Даже онъ

зашелъ такъ далеко, что намекнулъ, будто правительство заранѣе предвидѣло участь своего проекта, и если, несмотря на то, внесло его, то только потому, что захотѣло набросить неблаговидную тѣнь на большинство парламента, за то что оно не желаетъ поддержать правительство въ его усиліяхъ къ возстановленію порядка. Онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о готовности національ-либеральной партіи выработать другой законопроектъ, какъ скоро палатѣ, быть можетъ въ осеннюю сессію, дано будетъ время на обсужденіе его, и далъ понять, что вовсе не строгій характеръ законопроекта заставляетъ его партію воздержаться отъ его вотированія. Всѣ эти заявленія были высказаны, конечно, не прямо, но ихъ приходилось читать между строкъ, и они совершенно подтверждаютъ то, что въ интимныхъ кружкахъ говорилось раньше объ отношеніи національ-либеральной партіи къ законопроекту, то-есть къ правительству. Сильное неудовольствіе и совсѣмъ прежде чуждая ей оппозиція происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ неудавшихся переговоровъ о вступленіи нѣсколькихъ національ-либераловъ въ члены министерства; ораторъ партіи свободно-консервативной, графъ Ветузи, высказалъ даже при этомъ случаѣ сожалѣніе о неудачѣ переговоровъ. Онъ признавалъ совершенно законнымъ право національ-либеральной партіи принять участіе въ правительствѣ, которое она такъ успѣшно поддерживала въ продолженіи слишкомъ десяти лѣтъ.

Вступительная рѣчь министра Гофманна была крайне умѣренна и сдержанна. Гофманнъ увѣрялъ, что правительство не питаетъ никакихъ реакціонныхъ замысловъ. Оно требуетъ лишь такого закона, который бы давалъ ему возможность дѣйствительнѣе обуздывать соціаль-демократію, чѣмъ это было до сихъ поръ. То, что она предприметъ въ силу этого полномочія, будетъ представлено позднѣе на обсужденіе рейхстага, и въ его власти будетъ принять это или отвергнуть. Всего больше мнѣ понравился слѣдующій аргументъ. Общественное мнѣніе потому такъ сильно возбуждено противъ закона, что это законъ исключительный и направленъ противъ одной извѣстной части населенія, и въ этихъ законахъ есть дѣйствительно нѣчто отвратительное. Но на это министръ замѣтилъ:—справедливо, что это законъ исключительный, но всѣми признано, что необходимо принять болѣе дѣйствительныя мѣры противъ соціаль-демократовъ, а потому, если избѣгать исключительныхъ законовъ, то остается только одинъ путь: издать общій законъ; и при этомъ возможны два случая: или этотъ законъ будетъ такъ строгъ, что соціаль-демократы дѣйствительно почувствуютъ его силу, но при этомъ необходимо пострадаютъ и общія вольности, или же онъ не будетъ такъ строгъ, и тогда окажется недѣйствительнымъ противъ соціаль-демократіи. Безполезно,

конечно, оспаривать то, что утверждают нѣкоторые, а именно, что правительство реакціонно и желаетъ только положить начало этимъ закономъ, чтобы сокрушить затѣмъ весь либерализмъ. Если этому вѣрить, то оппозиція необходима и даже обязательна. Но при этомъ слѣдуетъ указать, что самъ король не отступалъ отъ программы, начертанной имъ въ 1858 г., и что его такъ же мало можно упрекать въ реакціонерствѣ, какъ и его перваго министра, князя Бисмарка. Нѣмецкій народъ такъ либераленъ въ массѣ, что реакціонное правительство, какъ, напримѣръ, министерство Мантейфеля въ пятидесятыхъ годахъ въ Пруссіи, немыслимо во главѣ его. Какъ жадно хватается оппозиція за всякіе случаи, чтобы не выходить изъ своей роли, доказывается слѣдующимъ, повидимому, незначительнымъ обстоятельствомъ. Вы знаете, что германская имперская конституція постоянно подвергалась со стороны либераловъ самымъ ожесточеннымъ нападкамъ, и что въ этой конституціи не оставлено такъ сказать ни одного живого мѣста и что ее постоянно сравниваютъ съ прусской конституціей, чтобы показать, что она уничтожаетъ всѣ вольности. Теперь оказывается слѣдующее:—въ прусской конституціи есть одинъ параграфъ, въ силу котораго министерство въ крайнихъ случаяхъ уполномочивается принимать чрезвычайныя мѣры, для которыхъ требуется позднѣйшее одобреніе ландтага. Такой случай уже имѣлъ мѣсто въ 1863 г., когда министерство, тотчасъ послѣ отсрочки ландтага, издало извѣстный законъ о печати, которымъ газеты отдавались подъ административный надзоръ и проступки противъ печати были изъяты отъ обыкновеннаго суда. Германская конституція такого параграфа не содержитъ. Но если кто-нибудь и указывалъ когда на то, что уже на этомъ одномъ пунктѣ германская конституція либеральнѣе прусской, то это игнорировалось, между тѣмъ теперь несомнѣнно выяснилось, что имперская конституція гораздо либеральнѣе.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, впервые выступившій въ этой роли передъ собраніемъ, заслужилъ одобреніе своей честностью и откровенностью, несмотря на то, что дѣло, защищаемое имъ, было не популярно. Изъ его рѣчи, такъ же какъ и изъ рѣчи Гофманна, выходило, что правительство отнюдь не разсчитываетъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ томъ случаѣ, если бы рейхстагъ отказалъ ему въ требуемомъ полномочіи; но, насколько можно судить, оно намѣревается только засвидѣтельствовать передъ страной необходимость принять дѣйствительныя мѣры противъ соціаль-демократіи, и если ему не удастся ихъ принять, то сложитъ всю отвѣтственность на большинство рейхстага. Безъ сомнѣнія, осенью возобновятся попытки провести такое законодательство, но до тѣхъ поръ пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и хотя, быть можетъ, соціаль-демократы станутъ

вести себя осторожнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, но отнюдь не прекратятъ своей агитаціи и къ тому времени, такъ что правительство можетъ разсчитывать на то, что консервативное направленіе, то-есть направленіе, благопріятное правительству, усилится въ странѣ.

На второй день пренія были менѣе оживлены, чѣмъ въ первый, и нетерпѣніе, съ какимъ ожидали рѣчи графа Мольтке, не вполнѣ оправдалось. Графъ Мольтке говорилъ, конечно,—но тѣ, кто ждали, что онъ укажетъ на опасность, существующую для арміи въ развитіи соціализма, ошиблись. Графъ Мольтке безусловно не касался этого пункта о нравственномъ состояніи страны и говорилъ только о необходимости положить предѣлъ дѣйствіямъ соціаль-демократовъ. Палата слушала рѣчь съ напряженнымъ вниманіемъ, но то была рѣчь, какую могъ сказать всякій образованный политикъ. Пренія второго дня были еще умѣреннѣе по формѣ, чѣмъ первоначальныя, и вообще, за исключеніемъ развѣ рѣчи оратора прогрессивной партіи, не выходили изъ границъ вѣжливости. Голосованіе тоже не представляло ничего удивительнаго. Національ-либералъ крайняго праваго фланга, профессоръ Гнейстъ, предложилъ небольшую поправку, которую пустили сначала на голоса, но она была отвергнута большинствомъ 243 противъ 60 голосовъ. Послѣ того голосовался параграфъ 1 правительственнаго проекта, и былъ отвергнутъ большинствомъ 251 противъ 57 голосовъ. Партіи вотировали дружно: націоналъ-либеральная, ультрамонтаны, прогрессивная партія и соціаль-демократы—противъ закона, германская имперская партія и консерваторы—за законъ. Въ 8-мъ часовъ вечера засѣданіе было закрыто обычнымъ порядкомъ. Делегатъ правительства Гофманнъ прочиталъ императорскій указъ, которымъ сессія объявлялась оконченной и выразилъ собранію благодарность германскаго правительства за то, что оно такъ усердно трудилось во время такой продолжительной сессіи. Затѣмъ президентъ провозгласилъ обычное: Hoch! въ честь императора, и занавѣсъ упалъ на парламентской сценѣ съ тѣмъ, чтобы не подниматься раньше осени, если только не наступитъ какое-нибудь неожиданное событіе.

Слухи о томъ, будто бы правительство намѣревается распустить рейхстагъ теперь или позднѣе, совершенно замолкли, и сомнѣніе возникаетъ только на счетъ того, не разсчитываетъ ли правительство строже дѣйствовать относительно соціаль-демократіи посредствомъ полиціи и судовъ. Это дѣло обоюдоострое. Если правительство станетъ полицейскимъ и судебнымъ путемъ преслѣдовать соціаль-демократовъ, то либеральныя партіи съ возобновленіемъ парламентской сессіи съ торжествомъ скажутъ, что онѣ были вполнѣ правы, когда отказали правительству въ безполезномъ законѣ. Правительство можетъ также дѣйствовать по-іезуитски, т.-е. не мѣшать развитію со-

ціаль-демократіи. На практикѣ вѣдь выходитъ то, что какъ скоро правительство прибѣгаетъ къ строгимъ мѣрамъ, такъ вся либеральная оппозиція нападаетъ на него, и тогда оно, какъ и теперь, ничего или почти ничего не дѣлаетъ. Не слѣдуетъ забывать, что, по силѣ законодательства, запрещеніе газеты, напр., дѣло почти невозможное. Разъ это почти удалось относительно одной скандальной газетки „Eisenbahn Zeitung", въ которой, какъ извѣстно, орудовали всѣ соперники Бисмарка изъ высшаго круга. Ближайшимъ руководителемъ ея былъ одинъ членъ ультрамонтанской партіи и хорошій знакомый бывшаго парижскаго посланника графа Арнима, и онъ высказалъ въ одномъ письмѣ, напечатанномъ позднѣе, что цѣлью ихъ было—до смерти раздосадовать Бисмарка. Бисмаркъ въ самомъ дѣлѣ сердился, и возбуждалъ одно преслѣдованіе за другимъ противъ газетки. Но это нисколько не помогало; газетка пріобрѣтала одного „Sitz"-редактора за другимъ и, быть можетъ, долго бы еще просуществовала, если бы не сдѣлала глупости—лично задѣть одного судебнаго члена Рейха, обвинивъ его во взяткахъ. Это задѣло судей за живое, и они принялись такъ энергично за газетку, что она не могла больше найти отвѣтственнаго редактора и вынуждена была прекратить свое существованіе. Но это единственный случай этого рода. Соціаль-демократія гораздо умнѣе, дѣйствуетъ гораздо искуснѣе, и такъ какъ у ней нѣтъ недостатка въ людяхъ, то ей и не трудно сыскать редактора. Если суды будутъ слишкомъ придирчивы, то само собой разумѣется, общественное мнѣніе окажется на сторонѣ подсудимыхъ. Въ моемъ слѣдующемъ письмѣ я буду имѣть возможность, быть можетъ, произнести сужденіе о томъ, какія послѣдствія будутъ имѣть послѣднія событія. Въ настоящую же минуту ихъ нельзя предвидѣть. Нельзя также очень жаловаться на непріятныя усложненія, заставляющія націоналъ-либераловъ дѣйствовать за-одно съ прогрессивной партіей, ультрамонтанами и соціаль-демократами. Пренія достаточно показали, что это лишь чрезвычайный союзъ и порвется въ ту минуту, какъ цѣль будетъ достигнута.

Конечно, для непредвидѣнныхъ обстоятельствъ существуетъ полный просторъ. Дѣло Фалька отнюдь еще не выяснено. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ положеніе его колеблется. Князь Бисмаркъ, говорятъ одни, заявилъ о своей солидарности съ министромъ просвѣщенія. Другіе утверждаютъ, что какъ онъ ни дорожитъ Фалькомъ, но не задумается принести его въ жертву, если можетъ купить этой цѣной примиреніе съ ультрамонтанами, а я такого высокаго мнѣнія о Фалькѣ, что думаю,—онъ даже не разсердится на Бисмарка за это, но самъ принесетъ себя въ жертву, лишь бы ультрамонтаны подчинялись государственнымъ законамъ.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ мнѣніи, дошедшемъ до меня изъ очень вѣрнаго источника. Говорятъ, что князь Бисмаркъ совершенно серьёзно намѣревается совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ въ тотъ моментъ, какъ ему удастся довести восточный вопросъ до мирнаго исхода. Это утверждаютъ люди, близко знакомые съ княземъ Бисмаркомъ. Какъ далекъ или какъ близокъ моментъ, когда это осуществится—этого нельзя предвидѣть.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

12/24 мая, 1878.

XXXVII.

Открытіе всемірной выставки.

I.

1-го мая открылась въ Парижѣ всемірная выставка. Я разскажу объ этомъ днѣ; онъ будетъ хорошимъ днемъ въ нашей исторіи.

Надо припомнить всѣ наши бѣдствія 1871 года. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ эту эпоху Франція лежала въ предсмертныхъ судорогахъ, сраженная, казалось, на-смерть. Послѣ нашихъ кровавыхъ пораженій, послѣ стыда и разоренія, внесенныхъ непріятельскимъ вторженіемъ, междоусобная война окончательно заклеймила насъ позоромъ. Парижъ, дважды осажденный, обезумѣвшій отъ такихъ катастрофъ, готовился представить міру зрѣлище разнузданнаго города, погибающаго, какъ древніе Содомы и Вавилоны. Въ одну майскую ночь его зажгли со всѣхъ четырехъ угловъ, точно гигантскій костеръ, отъ котораго сыпались искры, и тонкая зола разносилась по вѣтру на много верстъ въ окружности. И въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ любопытные стекались со всей Европы, чтобы посмотрѣть на наши развалины. Туристы пріѣзжали изъ Россіи, изъ Англіи и Германіи, и ходили смотрѣть на развалины Ратуши и Тюльери, глядѣли на черныя и обожженныя стѣны, затѣмъ уходили въ задумчивости, смущенные припадкомъ безумія у цѣлаго народа. Тѣ, кто насъ любилъ, уѣзжали печальные, говоря себѣ, что послѣ

такого жестокаго кризиса потребуется, по крайней мѣрѣ, четверть столѣтія для націи, чтобы подняться на ноги. Тысячи гражданъ, убитыхъ непріятелемъ или павшихъ жертвой братоубійственной войны, пять милліардовъ контрибуціи, уплаченной нѣмцамъ, еще бóльшія потери отъ застоя въ промышленности и торговлѣ, истощеніе кровью и деньгами безпримѣрное, дезорганизація безусловная въ финансахъ, въ администраціи, въ умственномъ и нравственномъ состояніи народа—подобныхъ которымъ не встрѣтишь въ исторіи!

Тому прошло восемь лѣтъ. И вотъ мы высвободились изъ-подъ развалинъ. Въ восемь лѣтъ трудъ и бережливость все вознаградили. Тщетно стали-бы мы искать въ странѣ слѣдовъ ранъ, которыя одну минуту какъ-бы угрожали ей смертью. Даже рубцовъ больше не видно; точно будто родились новые люди, а деньги сами-собою притекли въ наши сундуки. Это — чудесное воскрешеніе, которому дивятся сосѣдніе народы. Плодоносная почва Франціи, необыкновенная дѣятельность націи, громадные рессурсы, которыми мы располагаемъ, совершили это чудо: побѣжденная страна наша въ настоящую минуту богаче и счастливѣе побѣдоносной Германіи. Она съ нашими пятью милліардами умираетъ съ голода и выбивается изъ силъ, чтобы уравновѣсить свой бюджетъ. Нужно было на фактахъ подтвердить чудесное воскрешеніе Франціи. Въ настоящее время фактъ на лицо: всемірная выставка открылась. Гдѣ то царство, гдѣ та имперія, которыя бы восемь лѣтъ спустя послѣ такого погрома, какъ тотъ, чтó мы пережили, могли бы мечтать о такомъ возмездіи? И возмездіе это уже больше не мечта: униженная Франція дѣйствительно воспрянула и побѣдила на мирной почвѣ труда и генія.

Поймите: въ этомъ заключается смыслъ нашей выставки. Приглашая къ себѣ другія націи, мы прежде всего хотѣли доказать имъ, что мы живы. Мы вознамѣрились прибѣгнуть къ возмездію, но не на бранномъ полѣ. Вынужденные довольствоваться выжидательной политикой, мы сказали себѣ, что отнынѣ наша роль будетъ главнымъ образомъ задающеюся въ европейскомъ мірѣ и въ человѣческомъ прогрессѣ. Роль прекрасная и почетная. Выставка не могла явиться болѣе кстати, какъ протестъ противъ войны, какъ доказательство благотворнаго всемогущества труда. Впрочемъ, не надо думать, что дѣло, нынѣ выполненное, что выставка на Марсовомъ полѣ и на Трокадеро, успѣхъ которой обезпеченъ въ настоящее время, возникли какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, не натыкаясь ни на какія препятствія. Я не буду говорить о восточной войнѣ, о непрерывной угрозѣ всеобщаго пожара, которая все еще можетъ внушать опасенія, какъ бы драма, разыгрывающаяся на берегахъ Дуная, не отвлекла вниманія отъ мирнаго турнира, даваемаго на берегахъ Сены. Но я подробнѣе

коснусь тѣхъ затрудненій, какія выставка встрѣчала въ самой Франціи. Среди нашихъ политическихъ распрей она не разъ чуть-было не распалась. Она была декретирована республикой, а потому на нее косо смотрѣли реакціонеры. Въ эпоху парламентскаго государственнаго переворота 16 мая, годъ тому назадъ, можно было подумать одну минуту, что начатыя работы будутъ прерваны. Но коалиція бонапартистовъ и роялистовъ, надѣявшихся въ ту эпоху эскамотировать республику на общихъ выборахъ, задалась мыслію, что почетно и выгодно будетъ завладѣть выставкой, съ тѣмъ, чтобы упрочить новый порядокъ дѣлъ послѣ побѣды. Представьте себѣ имперію или королевство возстановленными, и выставку, открытую на другой день послѣ этого возстановленія; какое выгодное обстоятельство, какое средство проповѣдывать умиротвореніе, какой легкій тріумфъ, вся слава котораго выпала бы на долю существующаго правительства. Вотъ почему при министерствѣ 16 мая газетамъ коалиціи внушено было не нападать на всемірную выставку. И только послѣ пораженія, когда выборы вернули въ собраніе значительное республиканское большинство и правленіе вернулось въ руки республиканцевъ, реакціонная пресса перемѣнила тактику и стала вызывать низкую враждебность къ великой демонстраціи на Марсовомъ полѣ. Достаточно было того, что выставка есть дѣло республики и что эта послѣдняя могла отъ нея выиграть и основаться прочнѣе и окончательнѣе! Это безусловно осуждало ее въ глазахъ бонапартистовъ и роялистовъ. Съ этого дня не было такихъ насмѣшекъ, нападокъ, болѣе или менѣе откровенныхъ, гоненій, клеветъ, которыхъ бы они на нее не воздвигали. Къ счастію, порывъ былъ такъ могучъ и такъ прекрасенъ, что ихъ анти-патріотическій походъ долженъ былъ потерпѣть фіаско. Я думаю даже, что національное чувство было подзадорено такимъ недоброжелательствомъ и что безусловному успѣху великаго предпріятія, громадному восторгу, возбужденному открытіемъ выставки 1 мая, очень содѣйствовала окончательная побѣда республики надъ консервативными партіями.

Республиканская Франція торжествуетъ — вотъ что́ ясно выступаетъ въ великомъ современномъ движеніи. Надо прочитать бонапартистскіе органы, чтобы видѣть, что́ всего болѣе озабочиваетъ побѣжденныя партіи. Бонапартисты желали бы доказать, что выставка, устроенная имперіей, въ 1867 г., болѣе удалась, чѣмъ выставка 1878 года, устроенная республикой. Къ несчастію для нихъ, доказать такой тезисъ невозможно. Настоящая выставка вдвое значительнѣе выставки 1867 года, и одинъ дворецъ на Трокадеро, съ его каскадомъ, уже могъ бы привлечь вниманіе всего міра. Съ другой стороны, цифра пошлинъ уже теперь обѣщаетъ далеко превзойти

цифру конлинъ 1867 года. Поэтому реакціонеры ограничиваются войной противъ мелочей, выдавая свою горечь всякій разъ, какъ имъ приходится сдѣлать самое ничтожное критическое замѣчаніе. Чего они никакъ не могутъ отрицать—это того, что наша выставка самая громадная, какая когда-либо существовала и по своему значенію, и по тѣмъ двумъ дворцамъ, которые выстроены на обоихъ берегахъ Сены. Все досалѣ существовавшее превзойдено и по величію, и по роскоши, и позволительно думать, что если кому-нибудь удастся со временемъ устроить такія же чудеса, то врядъ ли удастся ихъ затмить. Франція достигла совершенства.

Первое мая было національнымъ праздникомъ. Мы праздновали возмездіе, и иностранцы, присутствовавшіе при этомъ зрѣлищѣ, никогда его не забудутъ. Единодушіе манифестаціи, восторгъ, охватившій весь городъ, доказали, что надо видѣть въ этомъ порывѣ не простое веселіе, но пробужденіе цѣлаго народа, побѣду, одержанную надъ войной трудомъ и бережливостью. Всѣ сердца расцвѣли. Уже наканунѣ всѣ дома стали увѣшиваться флагами. Нѣсколько строкъ, напечатанныхъ въ газетахъ и внушавшихъ украсить дома флагами, вызвали патріотическій трепетъ съ одного конца города до другого. Не было лавочника, не было мѣщанина, не было мелкаго ремесленника, который бы не выкинулъ флага у своего окна. Улицы одѣлись въ національные цвѣта, переливавшіе на солнцѣ, и флаги были такъ многочисленны, что скрывали стѣны, тѣснились другъ къ дружкѣ, сливались какъ вѣтви аллеи, образующія бесѣдку. Никто не припоминалъ, чтобы видѣлъ Парижъ въ такомъ видѣ. Ни при какомъ торжествѣ монархія, ни при одномъ празднествѣ имперіи дома не облекались такою роскошью флаговъ и знаменъ. Чувствовалось, что въ праздникѣ нѣтъ ничего оффиціальнаго, что правительство тутъ не при чемъ, и что праздникъ этотъ—созданіе самого народа.

А вечеромъ зрѣлище стало еще эффектнѣе. Ночь стояла чудная. Парижъ внезапно иллюминовался. И тутъ опять правительство оставалось въ сторонѣ, общественные монументы съ бордюрами изъ газовыхъ рожковъ не представляли ничего особенно замѣчательнаго. Любопытно было поглядѣть на населенныя улицы, на узенькіе переулки. Во всѣхъ домахъ, во всѣхъ окнахъ виднѣлись венеціанскіе фонари, и трудно представить себѣ что-нибудь волшебнѣе, что-либо живописнѣе и оригинальнѣе нѣкоторыхъ перекрестковъ, съ которыхъ взоръ проникалъ въ нѣсколько улицъ разомъ: на необозримой дали, на всѣхъ высотахъ горѣли пестрые шары; черныхъ домовъ не было видно; видны были только эти огни, разбросанные, мелькающіе въ пустомъ пространствѣ на безконечномъ разстояніи, вплоть до самыхъ звѣздъ. Такою воображаешь себѣ Венецію, Венецію поэтовъ во

времена романическія и отдаленныя. И представьте при этомъ, что весь Парижъ высыпалъ на улицы, что тротуары покрыты сплошной толпой, экипажи двигаются шагомъ, а толпа болтаетъ, смѣется, въ опьяненіи восторга. Со всѣхъ сторонъ я слышалъ восклицаніе: „отъ роду не видано ничего подобнаго“.

И это была правда. Самые красивые праздники при Наполеонѣ III казались холодны, сравнительно съ этимъ воодушевленіемъ: одни только чиновники зажигали иллюминацію; народъ оставался въ сторонѣ. Что было всего трогательнѣе въ этомъ несравненномъ вечерѣ, это безыскусственный характеръ иллюминаціи; то самъ народъ задавалъ себѣ праздникъ, зажигая стеариновые огарки у оконъ, когда венеціанскихъ фонарей не хватало. Долго не повторится такой сердечный порывъ. То былъ первый истинно народный праздникъ, на которомъ мы присутствовали.

Мнѣ припомнился другой вечеръ, вечеръ проклятый! Война была объявлена Пруссіи. На бульварахъ толпа собралась несмѣтная. Шайки, размахивая знаменами, неся факели, проходили по улицамъ, крича:— „въ Берлинъ! въ Берлинъ“! И толпа, тѣснившаяся на тротуарахъ, порою рукоплескала. Но мрачное дыханіе пролетало надо всѣми этими головами, и во мнѣ сохранилось еще очень живое впечатлѣніе чего-то зловѣщаго отъ этихъ криковъ, этихъ кровожадныхъ манифестацій, въ которыхъ сердце націи не участвовало. Кàкъ бываетъ различна толпа и кàкъ мало походила толпа 1-го мая 1878 г. на толпу въ юнѣ мѣсяцѣ, 1870 г.! 1-го мая я снова увидѣлъ весь народъ на тротуарахъ, но онъ смѣялся, и было свѣтло, какъ днемъ,— такъ были ярки и многочисленны огни иллюминаціи. Радость проносилась надъ этими головами, радость чистая, безъ примѣси. Никто не кричалъ больше: „въ Берлинъ! въ Берлинъ!“—всѣ довольствовались побѣдой на Марсовомъ полѣ и на Трокадеро. Въ воздухѣ не носилось болѣе кровожаднаго духа войны, смутнаго предчувствія пораженія; въ немъ носилась увѣренность въ побѣдѣ, которая не стоила ни одной капли крови и которая долженствовала вернуть счастіе и честь родинѣ.

II.

1-го мая 1878 г., ровно въ два часа, выставка была открыта маршаломъ Макъ-Магономъ, который произнесъ слѣдующія слова: „именемъ республики объявляю, что всемірная выставка 1878 года открыта“.

Произнося эти торжественныя слова, президентъ республики

стоялъ на платформѣ дворца Трокадеро, господствующей надъ каскадомъ. Лицо его было обращено ко дворцу на Марсовомъ-полѣ, и у ногъ его разстилались террасы, обшитыя газономъ, Сена, постройки, наполнявшія горизонтъ до самой „Ecole militaire". По правую его руку стоялъ донъ Францискъ д'Ассизъ въ костюмѣ испанскаго генерала, а по лѣвую—принцъ Уэльскій, въ мундирѣ офицера конной гвардіи. Позади группировались иностранные принцы, герцогъ Аоста, принцъ нидерландскій Генрихъ, датскій королевскій принцъ, герцогъ Лейхтенбергскій, министры, посланники, сенаторы и депутаты съ своими президентами во главѣ. Ничего нельзя себѣ представить внушительнѣе этой группы, господствовавшей надъ Парижемъ и торжественнѣе словъ: „именемъ республики объявляю, что всемірная выставка 1878 г. открыта", сказанныхъ на весь міръ.

Надо знать, какая чудная панорама открывается изъ ротонды дворца Трокадеро. Внизу гигантскій каскадъ красовался съ своими бассейнами, въ которыхъ отражалось синее небо. Справа и слѣва аллеи перекрещиваются, лужайки смѣняютъ другъ друга, пересѣкаемыя павильонами всѣхъ націй, увѣнчанными знаменами, развѣвающимися по вѣтру. Далѣе, Сена перерѣзываетъ пейзажъ своею зеленой линіей, а по ту сторону моста тянется Марсово поле съ своимъ колоссальнымъ дворцомъ, съ такимъ страннымъ и внушительнымъ профилемъ; издали можно подумать, что это цѣлый городъ, диковинный, современный городъ изъ желѣза и чугуна, освѣщенный громадными стеклами, напоминающій древніе соборы и вмѣстѣ съ тѣмъ и новѣйшіе дебаркадеры. Тутъ выразилась наша архитектура; современное искусство ничего не создавало характеристичнѣе и оригинальнѣе. И на всѣхъ крышахъ водружены знамена; кажется, что видишь морской портъ съ его высокими мачтами, увѣшанными флагами въ праздничный день. Наконецъ, совсѣмъ въ глубинѣ раскидывается Парижъ, залитый солнцемъ; холмы Мёдона и Шатильона зеленѣютъ и уходятъ въ даль, а надъ этимъ горизонтомъ, единственнымъ въ мірѣ, раскидывается громадный, голубой шатеръ неба.

Не успѣлъ маршалъ договорить, какъ по данному сигналу каскадъ забилъ всѣми своими ключами. Фонтаны брызнули со всѣхъ сторонъ и разлетѣлись мелкой пылью, въ то время, какъ вдоль бассейновъ падала серебристая кайма. Пушки гремѣли, военная музыка играла, рукоплесканія раздавались въ воздухѣ. Не припомню болѣе грандіознаго зрѣлища.

Но я долженъ разсказать объ этомъ днѣ со всѣми подробностями, потому что онъ заслуживаетъ, чтобы его занесли въ исторію со всѣми его анекдотами. Съ восьми часовъ утра въ Парижѣ началось движеніе. На улицахъ встрѣчались толпы нарядныхъ людей, которые

всѣ направлялись къ Марсову полю. То былъ инстинктивный и непреодолимый потокъ; всѣхъ тянуло на выставку. Уже съ десяти часовъ утра нельзя было нанять извощика. Пользовались самыми необычайными способами передвиженія. Я видѣлъ изумительныя тележки. У пароходовъ, омнибусовъ, желѣзно-конныхъ дорогъ толпилось столько народа, что образовался нескончаемый хвостъ. Что касается желѣзной дороги, опоясывающей Парижъ, то поѣзды брались приступомъ. И я уже не говорю о пѣшеходахъ, число которыхъ было, должно быть, очень велико, потому что множество людей рѣшали идти пѣшкомъ, видя, что имъ придется безполезно прождать нѣсколько часовъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы оцѣнимъ число любопытныхъ въ пятьсотъ тысячъ человѣкъ.

И — что всего удивительнѣе — вся эта масса двигалась къ выставкѣ безъ всякой надежды на нее попасть. Всѣмъ извѣстно было, что двери откроются очень поздно, около четырехъ или пяти часовъ. Пока пропускали лишь привилегированныхъ лицъ, снабженныхъ пригласительными билетами, и хотя число этихъ билетовъ было велико, но приглашенные составляли ничтожное меньшинство въ сравненіи съ громадной толпой, катившейся къ Марсову полю. Я замѣчалъ, что нѣкоторые пугались, при видѣ такой толпы, и возвращались назадъ, подъ вліяніемъ паническаго страха отъ такого скопища народа. Одно это можетъ дать понятіе о человѣческихъ волнахъ, катившихся по улицамъ. И вся эта толпа медленно занимала оба берега Сены, улицы, перекрестки, окружая тройнымъ кольцомъ колоссальное зданіе выставки. Замѣтьте, что никто ничего не видѣлъ, но въ Парижѣ, чтобы веселиться, достаточно быть возлѣ того мѣста, гдѣ веселятся. Время отъ времени проѣзжала карета, въ которой виднѣлся мундиръ офицера высшаго ранга, судьи или сановника, изъ числа приглашенныхъ; и любопытные были довольны: имъ большаго и не требовалось. Толпа все росла вокругъ Марсова поля и Трокадеро, въ окнахъ всѣхъ домовъ торчали человѣческія головы; зрители размѣстились даже по крышамъ; можно было видѣть людей, сидѣвшихъ верхомъ на трубахъ. Мальчишки вскарабкались на деревья.

Хуже всего то, что небо хмурилось. Поутру шелъ проливной дождь. Около полудня всѣ головы тревожно поднимались къ небу. Большая черная туча показалась на западѣ и надвигалась съ поразительной скоростью. Въ одно мгновеніе она солнце спряталось, и разразилась страшная буря. Широкія молніи прорѣзывали тучи, громъ гремѣлъ оглушительно, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Въ эти-то критическія минуты, подъ такимъ ливнемъ, надо видѣть парижанъ. Они покоряются судьбѣ съ очаровательнымъ добродушіемъ. Раскры-

лись зонтики, сначала слышались кое-гдѣ ругательства, но затѣмъ всѣ принялись шутить, и ни одинъ любопытный не обратился въ бѣгство. Однѣ дамы горевали, потому что туалеты ихъ подвергались серьёзной опасности. Къ счастью, то была мимолетная гроза. Черезъ двадцать минутъ небо снова прояснилось, и видно было, какъ въ глубинѣ Парижа, по направленію къ холмамъ „Père-Lachaise", убѣгала гроза, оставляя въ небѣ слѣдъ изъ сѣраго тумана. И вотъ когда стоило поглядѣть, какъ всѣ развеселились. Всѣ принялись отряхиваться, обсушиваться на солнцѣ. Толпа точно вышла изъ воды.

Но болѣе серьёзное неудобство ожидало любопытныхъ. Многіе вышли изъ дома съ намѣреніемъ позавтракать гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ выставки, въ Пасси или въ Гренель. Но рестораны и винные погребки не могли вмѣстить всей этой толпы народа. Потому къ двумъ часамъ обнаружился голодъ. Невозможно было достать себѣ котлетку. Самымъ счастливымъ удавалось завоевать кусокъ хлѣба съ ветчиной. Что касается осторожныхъ зрителей, захватившихъ съ собой провизію — а такихъ оказалось не мало — то они очень потѣшались надъ кислыми минами остальныхъ. Къ счастью, никто не умеръ съ голода. Въ концѣ-концовъ, удалось поѣсть.

Теперь постараемся проникнуть на выставку вмѣстѣ съ приглашенными. Спеціальный поѣздъ, отошедшій отъ станціи Сенъ-Лазаръ, привезъ сенаторовъ и депутатовъ. Члены бюро обѣихъ палатъ прибыли въ парадныхъ каретахъ, конвоируемые эскадрономъ кавалеріи. Что касается простыхъ приглашенныхъ, то они съ-разу входили во всѣ двери и ихъ размѣщали, смотря по цвѣту ихъ пригласительныхъ билетовъ. Разсчитано, что слишкомъ двадцать-тысячъ каретъ пріѣхало на Марсово поле. Въ половинѣ перваго, когда разразилась гроза, приглашенные уже толпились въ садахъ. Нельзя представить себѣ, какой произошелъ переполохъ. Дамы въ особенности стремились найти кровъ отъ дождя. Павильоны не были еще отперты и онѣ бѣгали растерянныя, тщетно ища убѣжища. Разсказываютъ, что цѣлая драма произошла въ гротахъ акваріа. Господа, находившіеся по близости отъ этихъ гротовъ, бросились въ нихъ; но дождь лилъ, какъ изъ ведра, и цѣлые потоки низвергались съ ступенекъ и грозили залить подземелье. И несчастнымъ оставалось выбирать любое изъ двухъ: или принять ножную ванну, или выдти подъ дождь. Къ счастью, какъ я уже сказалъ, гроза была непродолжительна. Вскорѣ всѣ появились въ саду, промокшіе и улыбающіеся. Хуже всего то, что ноги вязли въ размытыхъ аллеяхъ; песокъ на нихъ сталъ зыбучимъ, какъ на морскомъ берегу. Дамы пожертвовали своими туалетами. Къ тому же, такъ какъ пушка возвѣстила о прибытіи мар-

шала, то все было забыто и любопытство взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ.

Впрочемъ, открытіе выставки совершилось съ великой простотой. Маршалъ, выслушавъ рѣчь министра общественныхъ работъ и отвѣчавъ на нее тѣми словами, которыя я уже привелъ, спустился съ лѣстницы дворца Трокадеро и направился къ Марсову-полю въ сопровожденіи иностранныхъ принцевъ и всѣхъ лицъ, за нимъ слѣдовавшихъ. Былъ выстроенъ двойной кордонъ пѣхоты; когда кортежъ вступилъ на мостъ, то этотъ кордонъ порвался, и приглашеннымъ можно было свободно расхаживать по саду; но мостъ продолжали оберегать, и чтобы попасть изъ Трокадеро на Марсово-поле, приходилось долго дожидаться очереди. Большое число приглашенныхъ столпилось на Марсовомъ полѣ, и прибытіе маршала привѣтствовалось громкими криками: да здравствуетъ республика! Въ парадныхъ сѣняхъ дворца выставки маршала терпѣливо ожидали различныя корпораціи, депутаціи отъ академій, отъ судовъ, присутственныхъ мѣстъ, муниципалитетовъ. Всѣ эти депутаціи должны были присоединиться къ кортежу. Послѣ этого начался торопливый осмотръ. Президентъ республики прошелъ по иностраннымъ отдѣленіямъ, поздравляя коммиссаровъ, привѣтствуемый отрядомъ солдатъ англійскихъ, испанскихъ, итальянскихъ, стоявшихъ у дверей своего отдѣленія. Въ павильонѣ Ратуши былъ приготовленъ полдникъ. Оттуда онъ скорыми шагами обошелъ остальную часть выставки и въ четыре часа уѣхалъ изъ дворца, пробывъ нѣсколько минутъ на французской выставкѣ.

Только послѣ его отъѣзда въ четыре часа выставка открылась по настоящему. Платящая публика была на нее допущена. Было уже поздно, и долгое ожиданіе отозвалось на числѣ посѣтителей. Цифра ихъ достигла всего двѣнадцати тысячъ. Медленно потекла по набережнымъ человѣческая рѣка, но уже обратно въ Парижъ.

Таково было оффиціальное открытіе выставки 1878 г. Въ то время, какъ толпа спускалась съ террасъ Трокадеро, вслѣдъ за маршаломъ, я оставался на возвышенной террасѣ дворца и смотрѣлъ на Парижъ. Съ высотъ Пасси видѣнъ весь громадный городъ. По странному совпаденію обстоятельствъ, я здѣсь помѣстилъ сцену моего послѣдняго романа: „Une page d'amour", и вотъ я снова глядѣлъ на безконечный горизонтъ, который такъ часто изучалъ передъ тѣмъ. Прошу позволенія выписать здѣсь страницу изъ моей книги. Вѣрными рамками выставки будетъ служить восхитительная панорама города, окружающая его со всѣхъ сторонъ. Дворецъ Трокадеро тѣмъ необыкновененъ и не имѣетъ себѣ подобнаго въ мірѣ, что господствуетъ надъ парижскимъ океаномъ.

„Безконечная долина съ нагроможденными строеніями. На далекой

линіи холмовъ выдѣлялись груды кровель, и чувствовалось, что волны домовъ катятся вдали, за углубленіями почвы, въ равнинахъ, которыхъ уже не было видно. То было открытое море съ его безконечностью и волнами, убѣгающими въ неизвѣстную даль. Парижъ раскидывался такой же обширный, какъ и небо. Въ этотъ лучезарный день городъ, позолоченный лучами солнца, казался полемъ съ зрѣлыми колосьями, и на громадной картинѣ господствовали только два тона: блѣдно-голубой тонъ неба и золотой отблескъ крышъ. Переливы весеннихъ лучей придавали предметамъ ребяческую грацію. Отчетливо видны были мельчайшія подробности,—такъ прозраченъ былъ воздухъ. Самъ Парижъ въ неуловимомъ хаосѣ своихъ каменныхъ стѣнъ сверкалъ, точно хрусталь. Время отъ времени среди этой неподвижной и сверкающей ясности проносилось дуновеніе, и тогда становились видны кварталы, линіи которыхъ блѣднѣли и трепетали, словно на нихъ смотрѣли сквозь какое-нибудь невидимое пламя.

„Прежде всего взоры привлекало обширное пространство, открывавшееся съ терассы Трокадеро, и линія набережныхъ. Надо было наклониться, чтобы увидѣть карé Марсова поля, замыкавшееся въ глубинѣ темной чертой „Ecole militaire". Внизу, на обширной площади и на тротуарахъ, по обѣимъ сторонамъ Сены, виднѣлись прохожіе, толпа двигающихся черныхъ точекъ, уносимыхъ движеніемъ муравейника; желтый кузовъ омнибуса вдругъ мелькалъ искрой; телѣги и фіакры проѣзжали по мосту и казались величиной съ дѣтскія игрушки, съ изящными лошадками, какъ игрушечныя. Вдоль береговъ, поросшихъ травой, въ числѣ другихъ гуляющихъ какая-нибудь нянька въ бѣломъ передникѣ выдѣлялась на травѣ бѣлымъ пятномъ. Затѣмъ, когда поднимешь глаза, толпа мельчала и пропадала, сами экипажи становились какъ песчинки; виднѣлся только гигантскій остовъ города, какъ-бы пустой и обезлюдѣвшій и выдававшій свою жизнь лишь трепетомъ, пробѣгавшимъ по немъ. Тамъ, на первомъ планѣ, слѣва блестѣли красныя крыши, высокія трубы медленно дымились; тогда какъ по другую сторону рѣки, между Эспланадой и Марсовымъ полемъ, красовался боскетъ изъ большихъ вязовъ, и отчетливо видны были его обнаженныя вѣтки, круглыя верхушки, уже кое-гдѣ окрашенныя зелеными точками. Посреди, Сена катилась и царила, окаймленная сѣрыми набережными, которымъ выгруженныя бочки, профили пароходныхъ журавлей придавали видъ морского порта. Глаза невольно притягивались этой сверкающей поверхностью, по которой скользили барки, походившія на птицъ чернильнаго цвѣта. Невольно долгимъ взглядомъ окидывалъ я эту величавую рѣку. Точно серебряный галунъ перерѣзывалъ Парижъ на-двое. Въ это утро вода катила расплавленное золото. И взглядъ прежде всего натыкался на

мостъ Инвалидовъ, затѣмъ на мостъ Согласія, затѣмъ на Королевскій мостъ, и мосты слѣдовали одинъ за другимъ, какъ будто сближались, пересѣкались, образуя віадуки въ нѣсколько этажей, пробитые арками всевозможныхъ формъ; а между этими легкими постройками мелькали полоски голубого платья,—рѣки, становившіяся все уже и незамѣтнѣе. Вдали, рѣка развѣтвлялась въ смутной путаницѣ домовъ; мосты, по обѣимъ сторонамъ Cité, превращались въ нити, натянутыя съ одного берега до другого; а башни Нотръ-Дамъ, позолоченныя, возвышались точно столбы на горизонтѣ, за которыми рѣка, строенія, купы деревъ превращались уже въ одну солнечную пыль. Тогда ослѣпленные глаза отрывались отъ этого тріумфальнаго сердца Парижа, въ которомъ, повидимому, пылала вся слава города. На правомъ берегу, среди боскетовъ Елисейскихъ полей, большія стеклянныя стѣны дворца Промышленности сверкали снѣжной бѣлизной; далѣе, позади раздавленной крыши Мадлены, похожей на могильную плиту, высилась громадная масса Оперы; а затѣмъ виднѣлись другія зданія, куполы и башни, Вандомская колонна, Сенъ-Венсеннъ-де-Поль, башня Сенъ-Жака, а ближе тяжелые кубы павильоновъ новаго Лувра и Тюльери, притаившихся въ рощѣ каштановыхъ деревьевъ. На лѣвомъ берегу куполъ Инвалидовъ сверкалъ золотомъ; далѣе двѣ неровныхъ башни Сенъ-Сюльписа блѣднѣли въ лучахъ солнца; а еще позади, справа, новые шпицы св. Клотильды; синеватый Пантеонъ, плотно усѣвшійся на холмѣ, господствовалъ надъ городомъ, раскидывалъ на ясномъ небѣ свою тонкую колоннаду, неподвижный въ воздухѣ и переливавшій тонами прикрѣпленнаго воздушнаго шелковаго шара.

„И вотъ, лѣниво поводя глазами, вы озирали весь Парижъ. Въ немъ углублялись долины, которыя угадывались по волнистымъ очертаніямъ крышъ; холмъ „des Moulins" возвышался съ кипучей волной старыхъ черепицъ, тогда какъ линія большихъ бульваровъ текла какъ ручей, въ которомъ терялась безпорядочная куча домовъ, черепицъ которыхъ уже не было видно. Въ этотъ ранній часъ косое солнце не озаряло фасадовъ, обращенныхъ къ Трокадеро. Ни одно окно не горѣло. Только стекла на крышахъ бросали яркіе отблески, сверкали бѣлыми искрами среди окружающей красноты черепицъ. Дома оставались сѣрыми, но лучи свѣта пронизывали кварталы, длинныя улицы. Слѣва les Buttes de Monmartre и холмы Père-Lachaise придавали волнистыя очертанія громадному плоскому горизонту. Отчетливость деталей на первомъ планѣ, безчисленные зигзаги трубъ, маленькія черныя точки тысячи оконъ сглаживались, переливали желтымъ и голубымъ, сливались въ общую безпорядочную кучу въ этомъ безконечномъ городѣ, предмѣстья котораго казались необозримыми мор-

скими берегами, покрытыми валунами и окутанными лиловатымъ туманомъ, подъ яркими солнечными лучами".

III.

Я не имѣю намѣренія изучить въ этомъ письмѣ выставку въ подробности; цѣлые томы оказались бы недостаточными для этого дѣла, и я долженъ ограничиться простой прогулкой туриста по дворамъ и по садамъ Трокадеро и Марсова поля. Все мое стремленіе заключается лишь въ томъ, чтобы дать вѣрное понятіе объ этой громадной выставкѣ чудесъ. Въ другой статьѣ я займусь изящными искусствами.

Самый большой успѣхъ будетъ имѣть, разумѣется, дворецъ Трокадеро. Построенный на холмѣ, онъ господствуетъ надъ выставкой. Вначалѣ тутъ предполагали выстроить только большой деревянный залъ, гдѣ бы давались концерты и праздники. Затѣмъ проектъ расширили, и рѣшено было выстроить каменный дворецъ, который переживетъ выставку; заключенъ былъ контрактъ между государствомъ и городомъ Парижемъ; послѣдній обязывался купить зданіе за нѣсколько милліоновъ. И тогда рѣчь зашла уже не объ одной ротондѣ; два круглыхъ флигеля предположено было провести отъ ротонды. Въ настоящее время этотъ дворецъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и оригинальныхъ монументовъ Парижа. Ему ошибочно приписываютъ мавританскую архитектуру; хотя онъ смѣшанной архитектуры и на немъ отразились всѣ стили, но въ цѣломъ онъ представляетъ любопытный образчикъ романской архитектуры на югѣ Франціи. Посрединѣ колоссальная ротонда съ двойнымъ рядомъ колоннъ; съ двухъ сторонъ его окружаютъ двѣ громадныя башни, вышиной въ восемьдесятъ метровъ. Въ этой ротондѣ, какъ я уже сказалъ, находится и концертная зала; она обширнѣе, чѣмъ всѣ доселѣ извѣстныя залы этого рода; въ ней шестьдесятъ два метра въ діаметрѣ, и ея куполъ на пять метровъ обширнѣе въ діаметрѣ, чѣмъ куполъ св. Петра въ Римѣ. Увѣряютъ, что восемь тысячъ зрителей свободно помѣстятся въ ней. Отдѣлана она очень просто: золотомъ по красному фону. Надъ сценой Ламеръ нарисовалъ фреску въ прекрасномъ стилѣ. Наконецъ, въ ней есть гигантскій органъ, который будетъ приводиться въ движеніе гидравлической машиной. Въ этой залѣ будутъ преимущественно даваться концерты, необычайные по числу исполнителей и хористовъ. Въ ней также будутъ читаться лекціи. Городъ Парижъ вотировалъ сумму въ три милліона на покрытіе издержекъ по этимъ

празднествамъ, которыя начнутся въ іюнѣ мѣсяцѣ и, разумѣется, будутъ имѣть блестящій успѣхъ.

Перехожу къ двумъ флигелямъ. Нельзя представить себѣ ничего внушительнѣе этихъ флигелей, бѣлыя колонны которыхъ выдѣляются на красномъ фонѣ крытыхъ галерей. Каждый флигель начинается и оканчивается павильономъ. Въ этомъ рядѣ большихъ залъ будетъ помѣщаться ретроспективная выставка. Тамъ будетъ представлена за витринами, вдоль стѣнъ, исторія искусствъ всѣхъ народовъ. Каждую націю пригласили выставить диковинки прошлыхъ вѣковъ, курьёзы всякаго рода, завѣщанные намъ древними временами. Разсказываютъ, напр., о прекрасной выставкѣ фаянсовой посуды Бернара де-Палисси и о не менѣе превосходной коллекціи произведеній ювелирнаго искусства временъ Бенвенуто Челлини. Французская ретроспективная выставка будетъ размѣщена по столѣтіямъ; будутъ открыты салоны пятнадцатаго вѣка, шестнадцатаго, семнадцатаго и восемнадцатаго. И постараются въ точности воспроизвести внутреннее убранство тѣхъ временъ, съ той мебелью, обоями, той же утварью; и это не въ ущербъ коллекціямъ, выставленнымъ за витриной. Всѣ аматёры поспѣшили отвѣтить на воззваніе общаго коммиссара, и никогда еще не видали такого полнаго собранія нашихъ артистическихъ богатствъ.

Надо подождать до будущаго мѣсяца; дворецъ хотя и оконченъ снаружи, но внутреннее устройство далеко еще не доведено до конца. Зала празднествъ и галереи еще не открыты для публики; рабочіе еще отдѣлываютъ. Затѣмъ надо будетъ размѣстить коллекціи. Выставку слѣдуетъ осматривать не раньше половины іюня.

Громадный, монументальный каскадъ низвергается у самой подошвы дворца. Онъ состоитъ изъ восьми бассейновъ, расположенныхъ одинъ на другомъ, окруженныхъ менѣе просторными бассейнами, изъ которыхъ бьютъ сильные фонтаны. Фонтанъ послѣдняго бассейна, самаго обширнаго, достигаетъ высоты двадцати-трехъ метровъ. Это самый сильный фонтанъ, изъ всѣхъ, до сихъ поръ существовавшихъ. Каскадъ устроенъ по образцу того, который находится въ паркѣ Сенъ-Клу; но только онъ гораздо бóльшихъ размѣровъ, потому что низвергаетъ тридцать-шесть тысячъ кубическихъ метровъ воды въ день. По четыремъ угламъ внутренняго бассейна шестидесяти метровъ въ діаметрѣ стоятъ четыре звѣря изъ позолоченнаго чугуна: быкъ, произведенія Каéна (Cain); носорогъ, произведенія Жакмара; слонъ—Фремье и конь—Рульяра. Другія фигуры украшаютъ террассу, которая господствуетъ надъ каскадомъ: шесть фигуръ, тоже изъ позолоченнаго чугуна, представляющія шесть частей свѣта;

а въ нишахъ, надъ самой поверхностью воды, видны двѣ статуи изъ мрамора: Воздухъ—произведенія Тома̀, и Вода—Кавелье.

Зрѣлище грандіозное, когда стоишь внизу террассы у входа на Іенскій мостъ, и каскадъ реветъ, а дворецъ съ его смѣлыми башнями, обширнымъ куполомъ, величественными флигелями вырѣзывается на голубомъ фонѣ неба. Онъ пересѣкаетъ весь горизонтъ; онъ раскинулся на холмѣ на протяженіи слишкомъ пятисотъ метровъ. Флаги развѣваются по угламъ его крышъ; листы изъ новаго цынка, камни, еще не утратившіе снѣжной бѣлизны, весело сверкаютъ на солнцѣ. Но безъ сомнѣнія, когда дождь смягчитъ тоны, когда камни и крыши почернѣютъ, дворецъ не будетъ такъярокъ и покажется величественнѣе. Но и блескъ этотъ мнѣ нравится. Онъ имѣетъ праздничный, молодой видъ, говорящій объ успѣшномъ окончаніи великаго проекта. Позднѣе имъ будутъ болѣе восхищаться. Въ настоящее время дивишься коллосальному труду, который потребовался на то, чтобы создать подобный монументъ. Мы не имѣли права послѣ нашихъ пораженій воздвигнуть тріумфальную арку; но мы почувствовали въ себѣ силу выстроить храмъ миру и труду, и этотъ храмъ, совсѣмъ еще новый, служитъ доказательствомъ нашего возрожденія.

Террассы Трокадеро превосходно поддавались плану разбить обширный и живописный садъ. Провели извилистыя дорожки, посѣяли лужайки и посадили купы деревъ. Прежде чѣмъ перейти къ иностраннымъ павильонамъ, размѣщеннымъ вдоль этого холма, я хочу поговорить о постоянной цвѣточной выставкѣ, превращающей этотъ садъ въ душистый рай. Со всѣхъ сторонъ видны корзинки съ дивными цвѣтами, распустившимися словно по мановенію волшебнаго жезла. Въ особенности хороша коллекція розъ, собранная на диво: всѣ извѣстныя розы, бѣлыя, желтыя, тѣ, нѣжныя окраски которыхъ напоминаютъ женское тѣло, и тѣ, которыя какъ-бы забрызганы кровью, красуются здѣсь. Въ этомъ уголку царствуетъ восхитительное благоуханіе. Мелкія розы падаютъ дождемъ, крупныя розы осыпаются медленно, по лепесткамъ, точно піоны. Взоры привлекаются также голландскими тюльпанами. Можно подумать, что это раскрашенный фаянсъ, до того краски отчетливы и ярки. Садовники размѣстили эти тюльпаны такъ, чтобы они изображали гербы, съ украшеніями вокругъ, и эффектъ вышелъ очень граціозный. Къ несчастію, цвѣты скоро увядаютъ, и ихъ надобно возобновлять каждые два дня, для того, чтобы сохранить картину во всей ея свѣжести. Есть также великолѣпные рододендроны, настоящія горы цвѣтовъ; листьевъ этихъ кустовъ не видно подъ грудой большихъ, цвѣтущихъ кистей самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ. Я не говорю уже про азалеи и цвѣты всѣхъ

климатовъ, украшающіе лужайки. Сами деревья всѣ интересны. Въ Трокадеро насадили только рѣдкія деревья, мало извѣстныя и составляющія курьёзъ. Мнѣ говорили, что самое небольшое изъ нихъ стóитъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ франковъ. До самаго октября мѣсяца цвѣточная выставка будетъ поддерживаться сообразно цвѣтамъ каждаго сезона.

Теперь я на досугѣ обойду иностранные павильоны, построенные въ саду. Эти павильоны, придѣлы дворца, очевидно будутъ наиболѣе привлекать публику. Надо сказать правду: во всемірныхъ выставкахъ есть строгая и поучительная сторона, недоступная толпѣ. Главная масса посѣтителей желаетъ веселья, любопытнаго зрѣлища, тропическихъ базаровъ и кофеенъ, ресторановъ, гдѣ бы угощали необыкновеннымъ питьемъ и дикой музыкой. Придѣлы должны удовлетворить этого рода публику, ищущую главнымъ образомъ веселья.

Упомяну прежде всего о китайскомъ дворцѣ, сильно привлекающемъ толпу. Это довольно обширный павильонъ, состоящій изъ главнаго зданія и двухъ флигелей, между которыми разбитъ небольшой садикъ. Онъ былъ построенъ въ Пекинѣ, затѣмъ разобранъ и привезенъ во Францію, гдѣ китайскіе рабочіе снова выстроили его съ величайшимъ тщаніемъ. Нельзя себѣ представить ничего любопытнѣе этой постройки. Она вся изъ дерева, съ лакированными панелями, перегородками изъ бамбука, съ балконами, курьёзно переплетающимися. Но всего интереснѣе украшеніе. Крыши, съ острыми и загнутыми углами, увѣнчиваются драконами и химерами совсѣмъ фантастическаго вида. Подъ широкими краями идетъ родъ рѣзного фриза: тутъ и листья, и фигуры, и странныя украшенія; всѣ они вызолоченныя, и необыкновенно какъ ярко и рельефно выдѣляются на черномъ фонѣ. Я не видывалъ ничего богаче и оригинальнѣе. Что касается внутренности дворца, то она также изумительна. Это цѣлый рядъ небольшихъ покоевъ, отдѣланныхъ съ утонченнымъ изяществомъ; все очень просто, полъ покрытъ рогожками; васъ поражаетъ только необыкновенный вкусъ, эффекты, зависящіе отъ самой архитектуры павильона. Тамъ есть рѣзныя окна, изумительныя по красотѣ и прихотливости рисунка. Въ китайскомъ дворцѣ будетъ устроенъ базаръ туземныхъ произведеній, и публикѣ можно будетъ покупать ихъ и немедленно уносить съ собой. Для публики всегда бываетъ очень досадно на выставкахъ то обстоятельство, что если кому понравится какой-нибудь предметъ и онъ захочетъ его купить, то долженъ ждать закрытія выставки, чтобы получить его, т.-е. мѣсяцевъ шесть или семь. Это отбиваетъ у многихъ охоту. Я увѣренъ, что вольные базары, на которыхъ покупки будутъ отдаваться немедленно, увѣнчаются большимъ успѣхомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ китайскаго дворца находится небольшая японская ферма, настоящая игрушка. Тутъ ужъ не видно ни золота, ни лаку, ни богатой фантазіи, ни роскошныхъ украшеній. Просто-на-просто деревянный домъ. Крыши сдѣланы изъ бамбука, связаннаго между собой; стѣны и перегородки изъ простыхъ деревянныхъ досокъ, и есть даже перегородки изъ тростника, плетенки изъ тростника, привязанныя къ столбамъ волосяными веревками. Нельзя представить себѣ ничего безыскусственнѣе и ничего изящнѣе. Вотъ этотъ-то отпечатокъ изящества и утонченнаго мастерства въ самыхъ простыхъ и вульгарныхъ вещахъ отличаетъ всѣ работы японцевъ. Когда сравнишь, напримѣръ, ферму нашихъ странъ, съ ея грубой соломенной крышей, ея плохо выбѣленными стѣнами съ этой японской фермочкой, хорошенькой какъ игрушка, то задумываешься надъ различіемъ двухъ цивилизацій. Долженъ прибавить, что не понимаю, какъ можно жить въ такихъ игрушкахъ; допуская даже, что модель, которую мы имѣемъ передъ глазами, упрощена и значительно, все же мнѣ трудно допустить, чтобы живность и рогатый скотъ могли помѣщаться въ этихъ разгородкахъ игрушечнаго ящика. Наши лошади, наши овцы и быки скорехонько разрушили бы все заведеніе. Безъ сомнѣнія, жизнь проста въ Японіи. Несомнѣнно также и то, что изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Японію, ни одинъ не далъ намъ точнаго понятія объ общественной жизни и нравахъ края. Тѣмъ бо́льшее удивленіе вызоветъ японская ферма. Въ ней тоже открытъ базаръ. Я видѣлъ на немъ туземныхъ куръ и пѣтуховъ необыкновенно странныхъ; одна пара совсѣмъ крошечная, почти безъ лапъ, такъ что самка и самецъ скорѣе катаются по землѣ, нежели бѣгаютъ, другая—громадная, съ мощными крыльями, мускулами à la Микель-Анжело,—съ крѣпкой шеей и страшной головой. Большая толпа постоянно окружаетъ клѣтки и гуляетъ по маленькому садику, разбитому вокругъ фермы, гдѣ выставлена въ бронзовыхъ вазахъ весьма интересная коллекція японскихъ растеній.

Перехожу къ персидскому дворцу, находящемуся рядомъ. Внѣшній видъ отнюдь не плѣняетъ взоры. Видны однѣ бѣлыя стѣны, четырехугольнаго и тяжелаго зданія, архитектуры, лишенной всякой граціи. Но, войдя въ него и проникнувъ въ первый этажъ, очутишься въ восхитительной залѣ, въ одной изъ тѣхъ волшебныхъ залъ, какія встрѣчаются только въ сказкахъ „Тысяча и одна ночь“, и о какихъ мечтаютъ поэты. Можно назвать эту залу бриліантовой залой. Въ самомъ дѣлѣ, весь покой, потолокъ, стѣны, двери сплошь покрыты маленькими осколками граненаго хрусталя. Такихъ осколковъ гово-

рятъ около двухъ милліоновъ. Мнѣ разсказывали, что этотъ колоссальный и поразительный по терпѣнію трудъ совѣршенъ всего лишь двумя рабочими. Чтобы заставить сверкать эту очарованную палату, спускаютъ шторы и зажигаютъ пять люстръ. Это такой блескъ, такая игра лучей, такіе переливы свѣта, что кажется, что спустился въ какую-то копь драгоцѣнныхъ камней.

Я не буду говорить ни о шведскомъ, ни о норвежскомъ павильонахъ, хотя архитектура ихъ очень любопытна,—съ украшеніями изъ сосны и изящной и стройной формы. Я пройду также мимо тунисскаго базара, гдѣ французскіе приказщики, переодѣтые въ восточный костюмъ, продаютъ всякую дрянь. Я предпочитаю пройти центральную аллею и отправиться въ аквapiумъ съ прѣсной водой, который очень хорошо устроенъ. Проведены подземныя аллеи, вокругъ обширныхъ резервуаровъ съ водою. Снаружи это родъ лабиринта съ бассейнами, отдѣланными раковинами и зелеными растеніями. На пригоркѣ стоитъ павильонъ, а въ немъ аппаратъ, предназначенный къ тому, чтобы впускать кислородъ въ стоячую воду бассейновъ. Но если вступишь въ подземныя аллеи, то картина мѣняется; по правую и по лѣвую сторону высятся громадныя стекла, за которыми видишь, какъ медленно плаваютъ рыбы; тамъ царствуетъ зеленоватый свѣтъ, капли падаютъ со сводовъ:—подумаешь, что находишься во дворцѣ какой-нибудь наяды, въ очарованныхъ гротахъ какой-нибудь рѣки. Я очень долго глядѣлъ на рыбъ; есть между ними громадныя, и онѣ тяжело двигаются, какъ сонныя; есть маленькія, мелькающія какъ серебряныя стрѣлы. Вдругъ проплыветъ цѣлое стадо, затѣмъ видишь только одну мутную воду, въ которой плаваютъ водоросли, напоминая собой волосы утопленника. Порою какая-нибудь рыба заупрямится и неотступно толчется у стекла, всплываетъ на поверхность воды, тычется носомъ въ стекло, опускается подъ воду, ища гдѣ бы пройти, и видишь то ея бѣлое брюшко съ плавниками, хлопающими, какъ крылья, то сѣрую спинку, извивающуюся какъ у змѣи. Отъ этой картины просто не оторваться. Къ несчастію, акварій до сихъ поръ еще не очень населенъ. Что касается акварія съ морской водой, который будетъ расположенъ на набережной со стороны Марсова поля, то онъ еще не открытъ для публики.

Я вскользь упомяну о многихъ другихъ павильонахъ, напримѣръ, о павильонѣ водъ и лѣсовъ, выстроенномъ изъ древесныхъ стволовъ; въ немъ выставлены полезныя и вредныя насѣкомыя. Я спѣшу добраться до алжирскаго дворца, который безъ сомнѣнія составляетъ самую значительную постройку въ саду. Это обширное четырехугольное зданіе, бѣлыя стѣны очень типичны въ солнечные дни; подумаешь, что

васъ перенесли въ жгучій климатъ Африки. Это четырехугольная масса, ослѣпительно блестящая, съ массивной башней и широкимъ куполомъ, навѣваетъ на васъ грезы о пустынѣ, пескахъ и пальмахъ. Входная дверь, обращенная къ Сенѣ, вся курьёзной архитектуры. Она съ точностью воспроизводитъ, какъ мнѣ говорили, знаменитую мечеть Сиди-Бонъ-Railway. Я обратилъ особенное вниманіе на фаянсовыя украшенія, среди арабесокъ, весьма тонкой работы. Внутри дворъ занимаетъ половину зданія. Арки, окружающія его, тоже скопированы съ одной мечети. Что касается покоевъ, то они отдѣланы очень роскошными матеріями и мебелью; ковры, драпировки чрезвычайно богатыя. Но всего болѣе понравится навѣрное ажурный куполъ, оригинальнаго рисунка. Возвращаюсь къ двору, который, впрочемъ, не конченъ; посрединѣ мраморный фонтанъ будетъ освѣжать воздухъ; въ углахъ будутъ посажены пальмы и апельсинныя деревья. На выставкѣ не встрѣтишь другого болѣе тѣнистаго и болѣе роскошнаго уголка. Туда будутъ ходить мечтать о караванахъ и баядеркахъ.

Вокругъ алжирскаго дворца будутъ разбиты арабскія палатки и выстроены дома поселенцевъ, такъ чтобы дать полное понятіе о внутренней и внѣшней жизни нашей колоніи. Будутъ также устроены базары и мавританскія кофейни. Черезъ мѣсяцъ этотъ уголокъ парка будетъ наиболѣе привлекать толпу.

Вотъ та часть выставки, которая помѣщается на Трокадеро. Перейдемъ теперь по мосту и отправимся на Марсово поле.

IV.

Тутъ я вступаю въ новый міръ и не надѣюсь дать полнаго понятія о такомъ обширномъ и сложномъ цѣломъ. Я могу только попытаться въ широкихъ чертахъ описать дворцы и сады Марсова поля à vol d'oiseau. Я постараюсь быть прежде всего точнымъ и правдивымъ.

Дворецъ, занимающій почти всю поверхность громаднаго пространства, имѣетъ форму параллелограмма. Четырехугольную форму предпочли эллиптической, принятой въ 1867 г. Главный фасадъ, обращенный къ Сенѣ, отличается самымъ величественнымъ и оригинальнымъ характеромъ. Тутъ снова мы наталкиваемся на ту современную архитектуру, о которой я говорилъ раньше, и въ которой выразится архитектура девятнадцатаго вѣка и ея смѣлыя постройки изъ желѣза и чугуна, такія легкія и вмѣстѣ съ тѣмъ такія солидныя.

Это парижскій рынокъ, это наши дебаркадеры, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, приспособленныхъ для пріюта промышленности и искусства всѣхъ народовъ. Ничего нельзя представить себѣ величественнѣе этихъ гигантскихъ павильоновъ, съ стройными колоннами, съ тонкими, но могучими арками, напоминающими дворцы волшебницъ, окаменѣвшія подъ мановеніемъ волшебнаго жезла науки. Я невольно погружаюсь въ грезы передъ этими моделями нашей архитектуры. Мнѣ кажется, что они простоятъ тысячелѣтія, удивляя грядущія поколѣнія. Они заслуживаютъ безсмертія какъ типы; они навѣки отмѣтятъ собою настоящій моментъ, моментъ оригинальный, тотъ пунктъ цивилизаціи, на которомъ сталкиваются и сливаются искусства и наука. Въ этомъ выражается все наше умственное и соціальное движеніе.

Если осмотрѣть дворецъ, то внутреннее распредѣленіе станетъ немедленно понятнымъ. Въ центрѣ въ цѣломъ рядѣ салоновъ, расположенныхъ въ галереѣ, идущей отъ Сены къ Военной школѣ, помѣщается выставка изящныхъ искусствъ. Эта галерея раздѣляется на двѣ половины равной величины садомъ, гдѣ выстроенъ центральный павильонъ, павильонъ города Парижа. Съ каждой стороны галереи изящныхъ искусствъ идетъ широкая, непокрытая галерея, такъ что обѣ части, обѣ серіи салоновъ, раздѣляемыя павильономъ города Парижа, стоятъ совсѣмъ особнякомъ отъ остальной выставки. По правую и по лѣвую руку выстроились два главныхъ корпуса, изъ которыхъ одинъ, лѣвый, весь занятъ Франціей, а другой, правый— иностранными отдѣленіями. Какъ мы видимъ, изящныя искусства раздѣляютъ выставку, перерѣзываютъ ее на двѣ равныхъ части. Въ каждомъ корпусѣ расположеніе одно и то же. Переходя отъ изящныхъ искусствъ находишь двѣ галереи: мебели и платья, потомъ еще галерею, болѣе обширную—машинъ. Наконецъ, въ послѣдней галереѣ, идущей вдоль наружнаго троттуара, съѣстные припасы и земледѣльческій и экипажный матеріалъ. Упомянувъ про парадныя сѣни, господствующія надъ фасадомъ, обращеннымъ къ Сенѣ, и о галереѣ труда, составляющей pendant къ этимъ сѣнямъ на другомъ фасадѣ зданія,—въ томъ, который обращенъ къ Военной школѣ, я завершу перечень всѣхъ крупныхъ отдѣленій дворца.

Вотъ въ какомъ порядкѣ идутъ иностранныя отдѣленія, начиная съ Сены: Англія одна, занимающая слишкомъ четверть галереи, затѣмъ Соединенные Штаты, Швеція и Норвегія, Италія, Японія, Китай, Испанія, Австро-Венгрія, Россія, Швейцарія, Бельгія, Греція, Данія, Америка, Персія, Марокко, Монако, Португалія и Нидерланды. Каждое изъ иностранныхъ отдѣленій, пересѣкая галереи въ на-

правленіи къ Сенѣ, естественно выходитъ на открытую улицу, идущую вдоль галереи изящныхъ искусствъ. Благодаря этому расположенію, можно было самымъ живописнымъ образомъ изукрасить различные внутренніе фасады. Придумали превратить каждый фасадъ въ образецъ архитектуры страны, занимающей соотвѣтствующее отдѣленіе. Ничего не можетъ быть любопытнѣе этой длинной улицы, пересѣкающей все Марсово поле и на которой представлена архитектура цѣлаго міра. Тутъ всегда встрѣтишь толпу, наслаждающуюся этимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ.

Его надо описать подробнѣе, такъ какъ улица Иностранныхъ Націй, какъ ее называютъ, останется памятной всѣмъ посѣтителямъ. Прежде всего, входя въ нее, натыкаешься на строгую англійскую архитектуру, большой однообразный и холодный фасадъ, пробитый правильными окнами и напоминающій отчасти фабрику, отчасти лавку; затѣмъ слѣдуютъ другіе типы: англійскій коттеджъ, чистенькій и нарядный, комфортабельный домъ, опять-таки безъ всякихъ лишнихъ украшеній, но солидный и хорошо расположенный; наконецъ, приходишь ко входу въ англійское отдѣленіе, которое запирается великолѣпной рѣшеткой изъ кованаго желѣза, украшенной двумя колоннами, а онѣ увѣнчаны національными львами. Соединенные Штаты еще строже Англіи: фасадъ напоминаетъ дебаркадеръ желѣзной дороги, или тюрьму, или больницу; ни одного карниза, ни одной розетки; чувствуешь, что столкнулся съ народомъ, презирающимъ всѣ безполезныя фіоритуры и ставящимъ выше всего пользу. Тѣмъ не менѣе этотъ фасадъ очень характеренъ. Какъ будто для контраста идутъ затѣмъ Швеція и Норвегія, съ ихъ деревяннымъ павильономъ, столбы и перекладины котораго такъ живописно перекрещиваются; естественный цвѣтъ сосны имѣетъ золотистую желтизну, напоминающую тѣхъ красивыхъ сѣверныхъ дѣвъ, какихъ описываютъ поэты. Все ждешь, что вотъ выглянетъ изъ окна бѣлокурая и розовая головка. Не менѣе силенъ контрастъ, когда мы перейдемъ къ фасаду итальянскому: здѣсь мы очутимся въ странѣ мишуры, золота и яркихъ красокъ; дома раскрашены, бѣлый мраморъ блеститъ на солнцѣ; невольно грезятся венеціанскіе и неаполитанскіе дворцы передъ этимъ фасадомъ, гдѣ изобилуютъ колонны, фризы, статуи, цвѣтной мраморъ, фестоны и астрагалы. Съ Японіей и Китаемъ искусство измѣняется; оно продолжаетъ быть тоже очень вычурнымъ, очень сложнымъ, но отличается особенной граціей, ему свойственной, очень странной и очень привлекательной. Японія еще довольно проста, большія деревянныя ворота, привѣшанныя къ четырехугольнымъ столбамъ, и все въ своемъ естественномъ видѣ, съ слоемъ нѣжнаго зеленаго цвѣта на столбахъ. Но

Китай вѣренъ своему оригинальному и прихотливому стилю; фасадъ похожъ на китайскій дворецъ въ Трокадеро, уже описанный мною; онъ тоже выстроенъ въ Китаѣ, затѣмъ разобранъ и снова поставленъ на Марсовомъ полѣ. Антитезы чередуются. Вотъ Испанія съ миніатюрной альгамброй, готическимъ мавританскимъ стилемъ, разными сводами, безконечными арабесками, цвѣтными разводами по золотому полю, невѣроятной роскошью, которой нужно солнце Гренады и Севильи, чтобы засверкать полнымъ блескомъ. Вотъ Австро-Венгрія съ ея черно-бѣлымъ монументомъ, печально-величественнымъ; точно траурная мозаика, выполненная на камнѣ терпѣливыми художниками; статуи, съ гордымъ видомъ увѣнчиваютъ девять арокъ. Вотъ Россія, пожелавшая, повидимому, дать точное понятіе о самыхъ обыкновенныхъ жилищахъ, жилищахъ крестьянъ и мелкихъ, провинціальныхъ дворянъ; фасадъ очень просто выстроенъ изъ бревенъ, столбы и перекладины не выкрашены; но эта простота не исключаетъ своего рода искусства, весьма оригинальнаго характера. И я еще не кончилъ, я долженъ упомянуть о швейцарскомъ *Chalêt*, гдѣ собраны старинные деревянные дома, античныя колокольни, готическія стекла, гербы двѣнадцати кантоновъ, удивительная смѣсь, производящая въ общемъ очень забавное впечатлѣніе. Бельгійскій монументъ скопированъ, сколько мнѣ кажется, съ фламандской ратуши или, во всякомъ случаѣ, со старыхъ зданій Брюсселя, Антверпена и Литтиха, съ ихъ арками, нишами, украшенными статуями, ихъ роскошью и строгостью. Маленькій греческій домикъ очарователенъ, весь бѣлый подъ голубымъ небомъ, съ прямыми линіями, простая терраса, двѣ колонны, кровать, на которой можно протянуться и мечтать, глядя какъ дремлютъ на горизонтѣ золотыя волны Средиземнаго моря. Перехожу къ Даніи, не отличающейся особой характерностью, мимоходомъ оглядываю американскій фасадъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ диковинную архитектуру индусовъ, и затѣмъ останавливаюсь передъ маленькой группой домовъ Персіи, Марокко, Монако; нельзя представить себѣ ничего красивѣе этой вереницы цвѣтныхъ фасадовъ, раскрашенныхъ краснымъ, голубымъ, желтымъ; это весело и вмѣстѣ съ тѣмъ изящно, точно тѣ восточныя ткани, гдѣ пурпуръ переплетается съ лазурью. Наконецъ, Португалія воспроизвела соборъ Коимбры, великолѣпный образецъ архитектуры, а Голландія щеголяетъ однимъ изъ тѣхъ обширныхъ и солидныхъ дворцовъ, какіе мы видимъ въ Роттердамѣ и въ Лейденѣ: ихъ главная прелесть заключается въ строгой трезвости и веселомъ спокойствіи.

Я кончилъ эту длинную прогулку. Но упомяну еще про павильонъ города Парижа, возвышающійся посрединѣ Марсова поля: онъ можетъ

тоже служить образцомъ архитектурнаго типа. Онъ выражаетъ намъ современный французскій стиль, съ его заимствованіями изъ всѣхъ великихъ эпохъ, въ особенности изъ эпохи возрожденія. Это обширный прямоугольникъ, занимающій три тысячи пятьсотъ квадратныхъ метровъ, гдѣ городское управленіе выставило очень интересную выставку. Тамъ мы видимъ рельефные планы всѣхъ важнѣйшихъ парижскихъ монументовъ, тюремъ, школъ, библіотекъ. Въ особенности любопытна съёмка и разрѣзъ цѣлаго бульвара съ его подземными ходами, трубами для стока нечистотъ, для проведенія воды и газа.

Я уже говорилъ, что, по всей вѣроятности, займусь выставкой изящныхъ искусствъ въ моей будущей корреспонденціи. Почти всѣ иностранныя націи тамъ представлены. Итакъ, прохожу теперь мимо этихъ залъ, не останавливаясь въ нихъ. Я уже сказалъ, что не намѣренъ разбирать различные разряды выставки. На ней есть спеціальности, ускользающія отъ меня, — и, кромѣ того, мѣста не хватило бы. Но все же упомяну вскользь о томъ, чтó меня поразило въ моихъ странствованіяхъ по этой вселенной въ миніатюрѣ. Само-собой разумѣется, что я простой туристъ, простой наблюдатель, а не ученый.

Въ парадныхъ сѣняхъ всегда давка передъ витринами, за которыми выставлены драгоцѣнности, повергнутыя остъ-индскими принцами къ ногамъ Уэльскаго принца, во время путешествія, совершённаго послѣднимъ въ Индію. Тутъ мы видимъ диковинныя и великолѣпныя вещи: подносы, кубки, вазы, сѣдла, осыпанныя драгоцѣнными каменьями, дивныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ.

Тамъ также выставлены бриллiанты англійской королевы, напротивъ нашихъ собственныхъ коронныхъ бриллiантовъ, запертыхъ въ желѣзныхъ витринахъ и порученныхъ надзору спеціальныхъ сторожей. Тройной рядъ дамъ непрерывно окружаетъ эти витрины. Какой изумительный перечень можно было бы затѣмъ сдѣлать, довольствуясь лишь медленной прогулкой по иностраннымъ отдѣленіямъ. Вся вселенная находится здѣсь съ ея произведеніями, ея промышленностью, ея чудесами науки и искусства. Возлѣ сырья — произведеній природы — находятся мануфактурныя издѣлія — дѣло рукъ человѣческихъ, и этотъ осмотръ возбуждаетъ глубокое восхищеніе умомъ и дѣятельностью человѣка.

Вотъ чтó мы создали, вотъ всѣ наши цивилизаціи. Англія принесла нескончаемые продукты своихъ фабрикъ, цѣлый рогъ изобилія, полный всевозможныхъ товаровъ, который она изливаетъ надъ міромъ; публика толпится передъ ея матеріями, ея мебелью, такой удобной, ея

инструментами, всякаго рода предметами домашняго обихода, которыми она щеголяетъ; и она не одна: съ нею предстали всѣ климаты: Цейлонъ, мысъ Доброй-Надежды, Новая-Зеландія, Нью-Фоундлендъ, Малыя Антильскія острова, Ямайка, англійская Гвіана. Послѣ нея идутъ Соединенные-Штаты, такіе же дѣятельные, такіе же богатые полезными произведеніями, съ ихъ бóльшимъ, быть можетъ, практическимъ смысломъ; тамъ мы видимъ фонографъ доктора Идейзона, этотъ изумительный инструментъ, собирающій человѣческое слово, и любопытные тѣснятся вокругъ него. Тамъ, также какъ и въ англійскомъ отдѣленіи, мы видимъ самыя разнообразныя произведенія, прибывшія изъ тѣхъ разнородныхъ странъ, какія идутъ отъ Атлантическаго океана до Тихаго. Швеція и Норвегія щеголяютъ своими удивительными деревянными работами, санками, прекрасными образцами минераловъ, курьёзными костюмами, всей своей оригинальной національностью. Съ Италіей мы вступаемъ въ болѣе знакомый міръ; Италія — наша мать; ея искусства берутъ верхъ надъ ея промышленностью; нельзя не восхищаться ея яркими мозаиками, ея фаянсами, такого горячаго колорита, ея стекломъ, обработаннымъ точно кружево, ея мебелью, съ такой инкрустаціей. Но не слѣдуетъ также пренебрегать ея научными инструментами. Итальянцы отличаются въ прикладныхъ наукахъ, и можно сказать, что у нихъ женскіе пальцы необычайно тонкіе для часовыхъ дѣлъ мастеровъ. Японія и Китай просто ослѣпительны; для толпы это настоящее откровеніе; ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ соперничать съ японцами и китайцами въ примѣненіи искусства къ промышленности: — это общій голосъ, и эти народы заслуживаютъ большую почетную медаль. У нихъ искусство и промышленность нераздѣльны; самый обыкновенный фаянсовый горшокъ — изящное и оригинальное произведеніе; ихъ рабочіе — неизбѣжно и художники, съ тѣмъ вмѣстѣ, по инстинкту и по воспитанію. Я приведу только изумительныя ширмы, гдѣ золото, серебро, перламутръ, слоновая кость являются въ видѣ гибкихъ листьевъ, пучковъ травъ и цвѣтовъ, въ видѣ насѣкомыхъ и птицъ: чудо роскоши, несравненная вещь, подобной какой нѣтъ ни у одного короля и которую купилъ одинъ финансистъ, кажется, за шестьдесятъ-пять тысячъ франковъ. И сколько разныхъ другихъ рѣдкостей, великолѣпнаго фарфора и фаянса, бронзы, лакированныхъ ящиковъ, чистѣйшихъ игрушекъ, слоновой кости, рѣзного дерева и въ особенности матерій безпримѣрной роскоши и фантазіи! Японія проще, Китай — богаче; оба удовлетворяютъ самому изящному вкусу. Перейдемъ въ Испанію, полную воспоминаній, но въ настоящее время отжившую; промышленность спитъ въ ней не-

пробуднымъ сномъ, искусство является копіей вѣковъ,—увы! на-вѣки отошедшихъ. Австро-Венгрія выставила замѣчательныя промышленныя произведенія: шерстяныя ткани, кожи, минералы; артистическая сторона въ ней всего слабѣе; но публика останавливается передъ мебелью и ювелирными произведеніями, весьма богатыми, передъ великолѣпными матеріями и обоями. Я бы желалъ подробнѣе поговорить о Россіи, но боюсь, какъ бы не напутать и не насмѣшить вашихъ читателей; я сознаюсь, что недостаточно хорошо знакомъ съ русской промышленностью и нравами. Вашъ делегатъ-коммиссаръ устроилъ русскую выставку съ большимъ искусствомъ и знаніемъ. Я замѣтилъ великолѣпные мѣха и превосходныя золотыя и серебряныя вещи, блюда и вазы въ византійскомъ вкусѣ. Теперь я быстро пробѣгу по Швейцаріи, гдѣ есть часы и рѣзное дерево; по Бельгіи, удивительно-сходной съ Франціей; по Греціи, отжившей еще больше, чѣмъ Испанія; по Даніи, гдѣ бы остановился подольше передъ любопытными произведеніями, если бы время позволяло; бѣгу мимо Южной-Америки, Персіи, Марокко, выставившихъ чудеса искусства и красокъ, которыя слѣдовало бы изучить на досугѣ, и, бросивъ мимолетный взглядъ на Португалію, вотъ я очутился, наконецъ, и въ Голландіи, въ послѣднемъ отдѣленіи, гдѣ снова мы видимъ мощную промышленность,— народъ немногочисленный, конечно, но которому его дѣятельность дала одну минуту господства надъ морями.

А теперь, раскланявшись съ иностранными націями, я даже и не загляну на французскую выставку. Я не хочу, чтобы моя корреспонденція превратилась въ каталогъ. Длинныя галереи тянутся безъ конца; въ галереѣ платья и въ галереѣ мебели подумаешь, что идешь по одной изъ парижскихъ улицъ, улицѣ Мира, улицѣ Вивьенвъ; выставки слѣдуютъ одна за другой: тамъ драгоцѣнности, здѣсь кружева и шелковыя ткани, далѣе — богатая мебель. Мы слишкомъ привыкли къ такому зрѣлищу, чтобы дивиться ему; надо быть спеціалистомъ, умѣть оцѣнить тонкости ремесла; въ противномъ случаѣ предпочитаешь диковинки, неожиданныя находки на иностранныхъ выставкахъ. Я отрекомендую только галерею машинъ на французской выставкѣ, — и это единственно потому, что машинъ на ней безъ числа, и потому, что поразительно видѣть за-разъ цѣлый міръ рычаговъ, колесъ всякихъ формъ и всякихъ величинъ. Начиная отъ печатныхъ, ткацкихъ, прядильныхъ станковъ и кончая машинами, употребляемыми въ рудникахъ и въ металлургіи; начиная отъ швейныхъ машинъ и кончая земледѣльческими, — это такая вереница стальныхъ и мѣдныхъ рукъ, цѣлый лѣсъ живыхъ деревьевъ;

непрерывный оглушительный гулъ наполняетъ галерею. Колеса вертятся, земля дрожитъ, чувствуешь себя въ вихрѣ человѣческаго труда. Я не знаю прогулки, болѣе волнующей, какъ прогулка по этой галереѣ. Мало-по-малу вами овладѣваетъ восторгъ, вызывающій просто слезы на глаза.

Прежде чѣмъ разстаться съ дворцомъ, упомяну о галереѣ труда, расположенной напротивъ Ecole militaire. Тамъ видишь работниковъ и работницъ за ихъ дѣломъ. Цвѣточницы дѣлаютъ цвѣты, листья. Ювелиры — браслеты и серьги. Фабриканты пуговицъ рѣжутъ кость, мѣдь, перламутръ. Но особенно толпится публика опять-таки въ иностранномъ отдѣленіи индусовъ, ткущихъ знаменитыя индійскія шали, и публику всего болѣе удивляетъ простота инструментовъ и первобытность пріемовъ у этихъ ремесленниковъ, которые словно разсчитываютъ на цѣлую вѣчность, чтобы сфабриковать одну какую-нибудь шаль.

Я вынужденъ лишь вскользь упомянуть о садѣ. Впрочемъ, этотъ садъ не важенъ. Самая обширная часть—та, что находится между Сеной и дворцомъ,—усѣяна обширными лужайками. Во французской секціи находятся отдѣленія Крёзо и другихъ большихъ кузницъ министерства общественныхъ работъ, табачной фабрики и главной газовой компаніи. Въ другой половинѣ, той, что расположена напротивъ иностранныхъ секцій, помѣщаются теплицы, англійскій коттеджъ, павильоны, принадлежащіе Испаніи, Соединеннымъ-Штатамъ, княжеству Монако. По правую и по лѣвую руку дворца вытягиваются двѣ узкихъ полосы сада, гдѣ, съ одной стороны, иностранныя націи, съ другой—Франція, устроили отдѣленія. Наконецъ, позади, между дворцомъ и Военной школой, есть еще нѣсколько павильоновъ: министерства внутреннихъ дѣлъ, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, гончарнаго и стекляннаго производствъ, не говоря уже объ очень звонкой колокольнѣ, устроенной однимъ литейщикомъ колоколовъ.

V.

И вотъ, моя прогулка окончена. Я выполнилъ свою програму, заключавшуюся въ томъ, чтобы дать самый полный и точный отчетъ о выставкѣ въ ея цѣломъ, не входя ни въ какія техническія подробности.

Быть можетъ, полюбопытствуютъ узнать кое-какія цифры. Въ 1867 г. выставка, устроенная на Марсовомъ полѣ, занимала стопять-

десять-три тысячи метровъ пространства. Въ 1878 г. она занимаетъ двѣсти-семьдесятъ тысячъ метровъ: двѣсти-двадцать тысячъ метровъ Марсоваго поля и пятьдесятъ тысячъ Трокадеро. Это, какъ видите, составитъ вдвое. Натурально, расходы выросли пропорціонально этому. Въ 1867 г. расходъ простирался до двадцати-трехъ милліоновъ. Въ 1878 г. сначала смѣта была опредѣлена въ тридцать-пять милліоновъ триста-тринадцать тысячъ франковъ. Но только эта цифра превышена—и очень. Полагаютъ, что выставка обойдется въ пятьдесятъ милліоновъ. Несмотря на эти громадные расходы, разсчитываютъ, что выставка окажется выгоднымъ предпріятіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо считать, что продажа матеріаловъ, послѣ сломки дворца на Марсовомъ полѣ, принесетъ около семи съ половиной милліоновъ. Надѣются съ другой стороны, что доходы, пошлины и пр. дадутъ болѣе тридцати милліоновъ. Въ результатѣ только одиннадцать или двѣнадцать милліоновъ израсходуются изъ кармана государства, и эти двѣнадцать милліоновъ вернутся въ сундуки казны въ видѣ пошлинъ съ съѣстныхъ припасовъ, а главное,—благодаря усиленію доходовъ желѣзныхъ дорогъ, съ которыхъ государство взимаетъ пошлину.

Во всякомъ случаѣ, все это были однѣ только надежды. Такое колоссальное предпріятіе было очень рискованнымъ дѣломъ при томъ кризисѣ, какой переживала Европа, и въ виду нашихъ внутреннихъ политическихъ раздоровъ. Если бы оно не удалось, то насъ это, конечно, не разорило бы, но намъ чувствовалось бы неловко и стыдно. Поэтому открытіе выставки совершилось не безъ тревоги. Въ настоящее время, двадцать дней спустя послѣ открытія, трудно произнести рѣшительное сужденіе. Однако, успѣхъ кажется намъ обезпеченнымъ—и успѣхъ, превышающій всѣ разсчеты. Публика толпой стремится на Марсово поле и на Трокадеро, увлекаемая національнымъ энтузіазмомъ. Провинціаловъ и иностранцевъ еще немного пока. Одинъ Парижъ увлекается, но за то такъ, какъ онъ одинъ умѣетъ увлекаться. Съ 1-го мая посѣтителей на выставкѣ ежедневно бываетъ среднимъ числомъ сорокъ тысячъ. По воскресеньямъ происходитъ давка. 19-го текущаго мѣсяца въ ясный воскресный день насчитали девяносто-семь тысячъ посѣтителей, и эта цифра все будетъ рости. Замѣтьте, что многіе павильоны еще не открыты, что нѣкоторыя части выставки еще не достроены, что предстоитъ еще сдѣлать тысячу усовершенствованій. Что же будетъ, когда все будетъ готово, и понадобится нѣсколько дней для одного только бѣглаго осмотра.

Однимъ изъ привлекающихъ публику средствъ, которыми организаторы пренебрегли — это иностранные рестораны и кофейни. Я

помню успѣхъ тѣхъ, которые были открыты на выставкѣ 1867 г. Кранцъ, генеральный коммиссаръ, выказалъ себя слишкомъ большимъ пуританиномъ, желая лишить выставку всякаго характера космополитнаго базара или трактира. Но ему пришлось послѣ измѣнить свое первое рѣшеніе. Если онъ не поощряетъ, то, по крайней мѣрѣ, и не запрещаетъ болѣе, и, благодаря этой снисходительности, повсюду открываются англійскія таверны, тунисскія и алжирскія кофейни, голландскіе и бельгійскіе кабачки, русскіе, испанскіе, итальянскіе, австрійскіе рестораны. Въ этихъ заведеніяхъ очень весело. Туда ходятъ пробовать чужеземную кухню. Уже съ настоящей минуты русскій ресторанъ и голландская кофейня могутъ разсчитывать на большой успѣхъ. Есть тутъ тоже родъ австрійскаго погребка, гдѣ пьютъ странныя вина и слушаютъ цыганскую музыку, и въ немъ вѣчно толпа посѣтителей. Это великій курьёзъ настоящей минуты, равно какъ и тунисская кофейня, гдѣ пьютъ кофе съ гущей и слушаютъ трехъ черномазыхъ музыкантовъ, играющихъ на барабанѣ и на гитарѣ.

Въ продолженіи шести мѣсяцевъ прогулка по выставкѣ будетъ настоящимъ праздникомъ. Никогда еще успѣхъ такого обширнаго предпріятія не сулилъ такихъ колоссальныхъ результатовъ. Всѣ прежнія выставки, настоящія карлицы рядомъ съ этимъ колоссомъ. Возможное превзойдено, и совершено чудо. Ничего болѣе великаго и болѣе изумительнаго нельзя будетъ предпринять. Если не произойдетъ никакой европейской катастрофы, если дѣло будетъ идти своимъ чередомъ, Франція покроется славой и займетъ свое прежнее мѣсто въ ряду народовъ.

Будемъ ждать и надѣяться.

Эмиль Зола.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Новость по народно-учебной литературѣ.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальною коммиссіею изъ членовъ: С. И. Миропольскаго; о. М. И. Соколова; В. П. Острогорскаго; З. Б. Вулиха; В. П. Шемюта; проф. А. П. Доброславина; В. Г. Ухова; С. Г. Лапченко; Я. Т. Михайловскаго; И. И. Блюдухо; В. М. Яковлева; Н. Ѳ. фанъ-деръ-Флита. — I. Педагогика. — II. Законъ Божій. — III. Родной языкъ. — IV. Математика. — V. Пѣніе. —VI. Рисованіе и черченіе.—VII. Гигіена.—VIII. Гимнастика.—IX. Географія.—X. Исторія.—XI. Естествовѣдѣніе.—XII. Сельское хозяйство.—XIII. Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. С.-Петербургъ. 1878.

„Систематическій Обзоръ“ — книга, въ большую восьмушку, въ XXXII и 743 страницы убористой печати въ два столбца; этотъ компактный томъ, который составилъ бы книги три обыкновенной величины, стóитъ два рубля. Дешевле было бы, кажется, невозможно— но такъ это и слѣдуетъ для изданія, которымъ Комитетъ Грамотности хотѣлъ послужить пользамъ народнаго образованія. Цѣль изданія состояла въ томъ, чтобы восполнить недостатокъ у насъ такой критико-библіографической книги, которая служила бы руководствомъ для выбора книгъ и народному учителю, и всякому, кто, такъ или иначе, занимается дѣломъ народнаго образованія. Какъ ни мало удовлетворительно стоитъ у насъ дѣло этого образованія, число народныхъ школъ, хотя медленно, но постоянно размножается; основываются народныя читальни; образуются школьныя библіотеки; вмѣстѣ съ тѣмъ сильно размножилась педагогическая, популярная и народно-учебная литература, и въ этой массѣ книгъ не легко оріентироваться и опытному педагогу, а большинству сельскихъ учителей и вообще читателей приходится выписывать книги на-угадъ, по объявленіямъ книжныхъ магазиновъ, и, конечно, нерѣдко ошибаться и попадать, вмѣсто книгъ хорошихъ, на очень плохія. Библіографическіе отдѣлы въ нашихъ журналахъ или не существуютъ вовсе, или слишкомъ случайны, и никогда не полны. Такимъ образомъ, библіографическое обозрѣніе этой литературы становится дѣломъ настоятельной потребности. Комитетъ чувствовалъ необходимость такого изданія и съ другой стороны—въ исполненіи своихъ собственныхъ дѣлъ, когда нужно было выбирать книги для безплатной разсылки бѣднѣйшимъ народнымъ

школамъ (чтó составляетъ его главную задачу) или отвѣчать на обращаемые къ нему запросы и т. п.

Все это побудило Комитетъ взяться за составленіе и изданіе подобной книги. Съ этой цѣлью составлена была въ его средѣ коммиссія изъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ педагогики и народно-учебной литературы, и плодомъ занятій коммиссіи явился вышедшій теперь „Обзоръ“.

Приступивши къ этому трудному дѣлу, коммиссія старалась, во-первыхъ, опредѣлить кругъ знаній, какой требуется для учителя и ученика народной школы; во-вторыхъ, критеріи для оцѣнки сочиненій; въ-третьихъ, періодъ времени, за который должны быть внесены книги въ рекомендуемый списокъ. Относительно круга знаній коммиссія приняла за мѣрку уже выработавшійся на Западѣ типъ высшей народной школы, съ общеобразовательнымъ характеромъ, къ которому всего ближе подходятъ, по объему и продолжительности курса, вводимыя у насъ теперь двухклассныя народныя школы. Такимъ образомъ, въ „Обзоръ“ вошли книги по тѣмъ предметамъ, какіе перечислены выше въ заглавіи этого изданія. По каждому предмету указаны, во-первыхъ, книги, которыя могутъ служить для *самообразованія* народнаго учителя; во-вторыхъ, книги собственно для *школъ;* въ-третьихъ, книги для дѣтскаго и народнаго *чтенія*. Рецензіи составлены очень внимательно и изложены коротко, чтó составляетъ не послѣднее достоинство (мы припоминаемъ московское изданіе подобнаго рода, съ рецензіями учебниковъ, почти равнявшимися самымъ учебникамъ); при выборѣ книгъ коммиссія не ограничивалась только новѣйшими изданіями, но вносила сочиненія, вышедшія въ послѣднія двадцать лѣтъ, когда на эту литературу было обращено больше вниманія, чѣмъ прежде, если только сочиненія не потеряли и теперь своихъ достоинствъ,—не ограничивалась также книгами, спеціально-назначенными для народнаго чтенія, но брала и другія изданія, сдѣланныя безъ этой цѣли, но отвѣчавшія программѣ „Обзора“. Наконецъ, при каждомъ отдѣлѣ помѣщены руководящія статьи, гдѣ объясняется воспитательное и образовательное значеніе учебнаго предмета и пріемы преподаванія. Кромѣ собственно учебныхъ предметовъ, введены также книги—по гигіенѣ, сельскому хозяйству, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ.

Изъ всей массы книгъ, разсмотрѣнныхъ коммиссіей, одобрены ею и внесены въ „Обзоръ“ до тысячи названій (965). По отдѣламъ, они распредѣляются такъ: по отдѣлу „родного языка“, считая здѣсь и обученіе грамотѣ—299; законъ Божій—115; географія—128; исторія—96; педагогика—59; ариѳметика—59; естествовѣдѣніе—56; гигіена—46; сельское хозяйство — 46; пѣніе — 38; гимнастика — 11; ссудо-

сберегательныя товарищества — 6; рисованіе и черченіе — 5; о земскихъ учрежденіяхъ—1.

Таково содержаніе этой замѣчательной книги, составленіе и изданіе которой дѣлаетъ большую честь Комитету Грамотности. Въ подробности ея вдаваться не будемъ; если бы кто и занялся погоней за тѣми или другими ошибками, которыя, разумѣется, возможны, это не уменьшитъ заслуги коммиссіи, работавшей надъ этимъ изданіемъ. Мы сдѣлали бы лишь одно замѣчаніе: не лучше ли было бы, если бы руководящія статьи, а иногда и рецензіи, написаны были нѣсколько проще и доступнѣе для народнаго учителя, чѣмъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ статьяхъ. Немного меньше педагогической формалистики и отвлеченности, мы думаемъ, не помѣшало бы объяснить достаточно сущность предмета и наставленій. Относительно „родного" языка коммиссія напрасно, кажется, не приняла къ свѣдѣнію то, чтó было писано объ этомъ предметѣ въ послѣдніе годы, между прочимъ барономъ Н. А. Корфомъ: нашъ книжный и разговорный языкъ не есть вполнѣ „родной", наприм., для населеній южно-русскихъ и бѣлорусскихъ; педагоги южно-русскіе не безъ основанія защищали употребленіе въ школахъ малорусскихъ, на ряду съ книжнымъ русскимъ, малорусскаго языка въ первоначальномъ обученіи, въ первомъ пріученіи ребенка къ книгѣ. Коммиссія руководилась, вѣроятно, тѣмъ, что въ настоящую минуту малорусскій языкъ не имѣетъ уже мѣста въ народной малорусской школѣ; но можно было бы, по-крайней-мѣрѣ, оговорить свою терминологію.

„Обзоръ", безъ сомнѣнія, станетъ необходимой справочной и руководящей книгой для народной школы, читальни, и вообще для всѣхъ, работающихъ для народнаго образованія. Остается только желать, чтобы сама народная школа вышла изъ того далеко не блестящаго состоянія, въ которомъ доселѣ находится, и пріобрѣла то значеніе и распространеніе, какое ей подобаетъ, и какое она уже имѣетъ на Западѣ не со вчерашняго дня.

А. Н.

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Департамента Земледѣлія и Сельской промышленности.

Въ видахъ бо́льшаго распространенія между сельскими хозяевами и другими лицами, особенно въ пограничныхъ и портовыхъ мѣстахъ, свѣдѣній о картофельномъ жукѣ, департаментъ земледѣлія и сельской промышленности опубликовалъ слѣдующее описаніе картофельнаго жука, съ объясненіемъ опасности, которою онъ угрожаетъ, и указаніемъ мѣръ для его истребленія.

Картофельный жукъ имѣетъ въ длину около 4-хъ линій, или $^1/_5$ вершка; тѣло у него овальной формы, сверху полукругло-выпуклое, безволосое, нѣсколько блестящее, оранжеваго (красно-желтаго) цвѣта. Пять утолщенныхъ конечныхъ члениковъ—усиковъ чернаго цвѣта. Того же цвѣта глаза и сердцевидное пятно на лбу. На грудномъ щиткѣ 11 черныхъ пятнышекъ, изъ коихъ среднее наибольшее и имѣетъ видъ: V. На брюшной поверхности имѣется много точекъ и пятнышекъ тоже чернаго цвѣта, расположенныхъ въ поперечные ряды. Колѣни и четырехъ-члениковая плюсна ноги черныя. На свѣтло-желтыхъ надкрыльяхъ находится одиннадцать черныхъ продольныхъ полосокъ, изъ коихъ средняя приходится на швѣ, а третья и четвертая, съ каждой стороны, соединяются между собою сзади; крылья, при спокойномъ состояніи насѣкомаго сложенныя подъ надкрыльями, яркаго розово-краснаго цвѣта.

Развитіе жука совершается слѣдующимъ образомъ. Весною жуки выходятъ изъ земли, гдѣ они зимовали, и нападаютъ на бо́тву картофеля. Черезъ 12—14 дней послѣ выхода, самки начинаютъ класть яйца оранжеваго цвѣта, по 10—12 штукъ вмѣстѣ, на нижней сторонѣ картофельнаго листа; кладка продолжается около 40 дней. Во время кладки яицъ и долгое время послѣ окончанія ея, самки, а также самцы пожираютъ ботву. Изъ положенныхъ яичекъ дней чрезъ 5—8 выходятъ личинки. Въ началѣ онѣ кровяно-краснаго цвѣта, а затѣмъ постепенно становятся свѣтлѣе и получаютъ оранжевый цвѣтъ. Взрослая личинка длиною около 5 линій, или $^1/_4$ вершка. Тѣло у ней грушевидное, мягкокожее, мясистое, оранжево-желтаго цвѣта; только голова, задній край перваго брюшнаго кольца, ноги и два продольныхъ ряда круглыхъ бородавчатыхъ возвышеній по обѣимъ сторонамъ брюшка—чернаго цвѣта.

Личинки чрезвычайно прожорливы. Дней черезъ 17 — 20 послѣ вылупленія, онѣ оставляютъ листья и уходятъ въ землю для окукленія. Изъ куколокъ выходятъ, черезъ 10 — 12 дней, слѣдовательно, около половины іюля, жучки. Они въ свою очередь переселяются на ботву и производятъ новое поколѣніе, которое мѣсяца черезъ полтора или два, въ началѣ августа, производитъ еще одно, третье въ лѣто поколѣніе. Это послѣднее, опустошающее плантаціи осенью,

подъ конецъ ея уходитъ въ землю, гдѣ и зимуетъ до весны. Примѣрный разсчетъ показываетъ, что отъ 100 самокъ, положившихъ яички въ началѣ мая, можетъ получиться въ томъ же мѣсяцѣ потомство въ 70 — 120 тысячъ штукъ, отъ котораго, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ народиться уже въ іюнѣ—іюлѣ 24—72 милліоновъ штукъ и т. д.

Такъ какъ жукъ можетъ быть совершенно истребленъ лишь тогда, когда онъ еще занимаетъ не очень большое пространство и не успѣлъ сильно размножиться, то хозяевамъ необходимо весною и лѣтомъ осматривать свои картофельныя поля, чтобы слѣдить, не появился ли этотъ жукъ, и чтобы немедленно принять, если бы онъ дѣйствительно оказался, надлежащія мѣры къ его истребленію.

Наиболѣе дѣйствительными средствами истребленія жука считаются: тщательное обсыпаніе пораженныхъ картофельныхъ кустовъ истолченными въ пыль разными ядовитыми веществами, или же обрызгиваніе водою, въ которой разболтаны тѣ же ядовитыя вещества. Всего чаще и даже почти исключительно отравляющимъ средствомъ служитъ швейнфуртская зелень—краска, содержащая мышьякъ (мышьяковисто и уксусно кислая окись мѣди).

Въ Мюльгеймѣ и Шильдау, для совершеннаго истребленія жука, употреблены были болѣе дорогія средства. На зараженныхъ и сосѣднихъ съ ними участкахъ скашивали ботву картофеля, складывали ее въ кучи или въ ямы, обливали нефтью, бензоломъ или другими горючими веществами и сожигали; кромѣ того, самые участки сожигались, причемъ ихъ предварительно осыпали древесными опилками, обкладывали хворостомъ и обливали нефтью. Но такъ какъ куколки жука обыкновенно залегаютъ на глубинѣ 2—3 вершковъ, то указанное средство оказывалось недостаточнымъ, а потому на зараженномъ участкѣ перекапывали почву, разыскивали куколки и затѣмъ вновь выжигали, или же напитывали почву поташнымъ щелокомъ, наливая его въ проведенныя борозды.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

МАЙ—ІЮНЬ, 1878.

Книга пятая. — Май.

Книга шестая.—Іюнь.

